ЕГО ПРЕДСКАЗАНИЯ СБЫВАЮТСЯ!

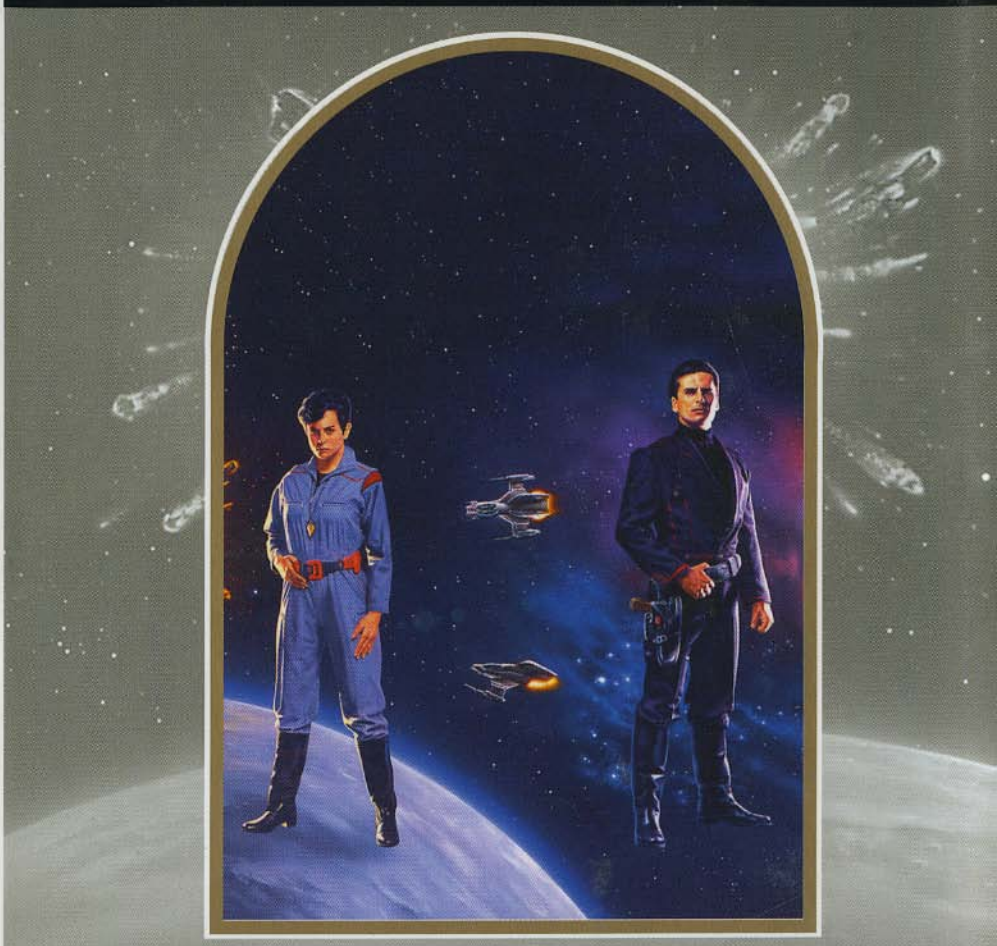
Гарри
ГАРРИСОН

К звездам!

ПЯТЬ РОМАНОВ О БУДУЩЕМ

Эксмо

Гарри
ГАРРИСОН



К звездам!

ТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТ

Гарри
ГАРРИСОН

К звездам!

Гарри
ГАРРИСОН

Звезды – последний шанс

•

Дома

•

На колесах

•

Возвращение

•

Подвиньтесь! Подвиньтесь!

МОСКВА
ЭКСМО
2007

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Гарри

ГАРРИСОН

К звездам!

МОСКВА
ЭКСМО
2007

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Г 20

HARRY HARRISON

HOMEWORLD
Copyright © 1980 by Harry Harrison

WHEELWORLD
Copyright © 1981 by Harry Harrison

STARWORLD
Copyright © 1981 by Harry Harrison

PLAGUE FROM SPACE
Copyright © 1965 by Harry Harrison

MAKE ROOM! MAKE ROOM!
Copyright © 1966 by Harry Harrison

Оформление серии художника *А. Саукова*

Гаррисон Г.
Г 20 К звездам!: Фантастические романы/Пер. с англ. — М.: Эксмо, 2007. — 800 с. — (Шедевры фантастики).

ISBN 5-699-12991-X

Будущее человечества по Гарри Гаррисону — вот то, что объединяет пять романов, составляющих этот том.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Перевод. Г. Швейник, В. Рыбаков, П. Жуков, С. Хренов, 2005
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2007

ISBN 5-699-12991-X

ДОМА

Глава 1

— Ну и производство у вас!.. Просто чудовищный ублюдок. Электроника по последнему слову — но ни одной целой трубы, ни одного вентиля нормального... Взорвать бы все это к чертям собачьим и построить заново.

— Ну не так уж плохо все, ваша честь. Право слово, не так уж все плохо... — Рэдклиф потер кулаком покрасневший нос и виновато глянул на инженера, стоявшего рядом; на руке остались мокрые полосы. Но тот вроде ничего не заметил, и Рэдклиф потихоньку вытер руку о штанину. — Ведь работает... Мы выпускаем прекрасный спирт...

— Работает — но на последнем издыхании. — Ян Кулозик устал, и в голосе его звучали резкие нотки. — Все сальники надо немедленно заменить, иначе все взорвется и без моей помощи. Гляньте, как течет, — лужи на полу!..

— Сейчас все будет убрано, ваша честь. Подотрем и...

— Да не о том речь. Прежде всего устраните утечки. Сделайте все, как положено. Это приказ.

— Как вы скажете, так и сделаем.

Рэдклиф покорно склонил голову; его трясло мелкой дрожью. Глядя на эту лысеющую голову с россыпью перхоти в жирных волосах, Ян не испытывал ничего, кроме отвращения. Эти люди никогда ничему не учатся. Мало того, что они сами думать не умеют; даже получив четкие распоряжения — все равно ухитряются все перепутать. Этот менеджер работает так же скверно, как вся здешняя коллекция допотопных перегонных кубов, ферментационных ванн и ржавых труб, вкупе составляющих завод по производству растительного горючего. Устанавливать здесь автоматику — пустая трата времени!

В холодном зимнем свете, проникавшем сквозь высокие окна, едва проглядывали темные контуры агрегатов; только

желтые лужи на полу выделялись яркими пятнами. На освещенное место вышел, шаркая, кто-то из рабочих; остановился, начал шарить в карманах... Это привлекло внимание Яна.

— Эй, ты там! Стой!

Неожиданный окрик испугал рабочего, не подозревавшего, что инженер в цехе. Он выронил спичку — даже не успев прикурить, — и та упала в лужу у его ног. Взметнулось голубое пламя.

Бросившись к огнетушителю, Ян резко отпихнул рабочего в сторону, сорвал баллон со стены и кинулся назад к горящему человеку, на бегу сбивая клапан. Рабочий ошалело топтался возле лужи пылающего спирта, еще больше раздувая пламя.

Огнетушитель закашлял пеной — Ян перевернул его и направил вниз. Пламя тотчас же погасло, но брюки на рабочем еще тлели. Ян хлестнул струей пены по его ногам, а потом — в приступе бешенства — и выше: по животу, по груди, по лицу, закутывая стоявшего перед ним человека в белое одеяло с ног до головы.

— Идиот! Какой же ты идиот! — Ян закрыл клапан и швырнул огнетушитель на пол. Рабочий тяжело дышал и протирал глаза. — Ты же знаешь, что курить здесь запрещено. Тебе наверняка не раз об этом говорили. И стоишь как раз под знаком «Не курить!»...

— Я... Я не так уж хорошо умею читать, ваша честь. — Рабочий закашлялся и сплюнул горькую жидкость.

— Да, не так уж хорошо. Скорее, вовсе не умеешь. Ты уволен, убирайся.

— Ой, нет, ваша честь, пожалуйста, не говорите так! — запричитал несчастный. В глазах его уже не было боли, только безысходное отчаяние. — Я же старался... а семья... а теперь опять пособие на годы вперед...

— На всю жизнь, — холодно ответил Ян. При виде жалкого создания, упавшего перед ним на колени в пенную жижу, злость его исчезла. — Радуйся, что еще не возбуждаю дела о саботаже.

Ситуация была невыносимая. Ян зашагал прочь, не замечая пристальных взглядов менеджера и молчаливых рабочих. Просто невозможно... Вот у него в диспетчерской получше. Гораздо лучше. Он почти успокоился, с улыбкой глядя на безупречный порядок, царивший кругом. Кабельные вводы змеились со всех сторон, соединяясь на пульте управления.

Он нажал несколько кнопок на комбинационном замке, и крышка пульта отошла назад. Бесшумно, плавно — безукоризненно. В сердце этой машины скрывался микрокомпьютер, управлявший всем здешним производством с идеальной точностью. Ян вытащил из чехла, висевшего на поясе, терминал, подсоединил его к компьютеру, набрал на клавиатуре команду... Экран мгновенно осветился. Да, здесь никаких проблем. Не то что на самом заводе. Ян запросил сводный отчет, и по экрану побежали строчки: «Вентиль 376-L-9 утечка; вентиль 389-P-6 необходима замена; вентиль 429-R-8 утечка».

Это нагоняло тоску, и он быстро отключил экран. За спиной раздался тихий вежливый голос Рэдклифа:

— Извините, пожалуйста, инженер Кулозик, но я по поводу Симмонса, того, что вы уволили. Он хороший рабочий.

— Я так не думаю. — Злость уже утихла, и Яну хотелось быть справедливым. Но твердым. — На его рабочее место претендует масса безработных. Любой из них справится ничуть не хуже его, а то и лучше.

— Он учился несколько лет, ваша честь. Годы. Чтобы избавиться от пособия. Это что-нибудь да значит.

— Та зажженная спичка значит гораздо больше. Мне очень жаль. Я не жестокий человек. Но я думаю о вас и обо всех остальных. Что бы вы стали делать, если бы он спалил ваши рабочие места? Вы управленец, Рэдклиф, и должны рассуждать именно так. Это трудно и со стороны может казаться неправильным, но иначе просто нельзя. Вы согласны со мной?

Рэдклиф помолчал в замешательстве, но в конце концов ответил:

— Конечно, ваша честь. Вы правы. Извините, что побеспокоил. Я сейчас же уволю его. Нам такие здесь не нужны.

— Правильно. Так и надо.

Внимание Яна привлекли тихое жужжание и мигание красной лампочки на пульте управления. Рэдклиф замешкался в дверях. Компьютер обнаружил какую-то неполадку и хотел сообщить о ней Яну. На экране засветилась надпись: «Вентиль 928-P-9 заклинило в открытом состоянии. Изолирован для замены».

— 928-P? Что-то знакомое... — Ян набрал код на персональном компьютере и кивнул. — Так я и думал. Эту штуковину должны были заменить на прошлой неделе. Это сделали, Рэдклиф?

— Надо проверить по списку. — Рэдклиф побледнел.

— Не стоит трудов, Рэдклиф. Вы же не хуже меня знаете, что не сделали. Так что убирайтесь отсюда и тащите новый вентиль. Будем менять сейчас.

Приводной мотор Ян отсоединил собственноручно. Даже рычажный гайковерт едва управлялся с неподатливыми болтами. Ржавчина. Очень типично. Конечно же, слишком трудно смазать рёзьбы вовремя, пока не прихватит. Он отошел в сторону и стал следить, как пролы в поте лица вытаскивают старый вентиль, шлепая по ручьям, бегущим из-под рассоединенных фланцев. Когда под неусыпным наблюдением Яна новый узел был установлен на место и закреплен — на сей раз халтуры не будет, — он сам подсоединил привод. Работу сделали быстро, без лишней болтовни; как только она была закончена, рабочие собрали инструменты и ушли. Ян вернулся в диспетчерскую, разблокировал отключенный участок, и завод снова заработал. Ян еще раз прогнал по экрану сводный отчет и запросил распечатку. Когда она выползла из принтера, он завалился в кресло и стал тщательно просматривать отчет, отмечая на полях пункты, требующие особого внимания. Ян был высок, долговяз, лет под тридцать. Женщины считали его симпатичным — некоторые говорили ему об этом, — но он полагал, что это не так уж важно. Они хороши, но у них свое место в его жизни. Сразу после микросхем. Читая, он всегда хмурил лоб, так что между бровями отпечаталась почти постоянная складка. Просматривая лист второй раз, он нахмурился еще больше — а закончив, широко улыбнулся:

— Готово! Почти готово!

Работа, в принципе совсем несложная, растянулась на Уолсокенском заводе до невозможности. Ян приехал сюда осенью монтировать автоматическое управление вместе с Бьючененом, инженером-гидравликом. Но Бьюченену не повезло — вернее, очень даже повезло: его свалил приступ аппендицита, и санитарный геликоптер увез его отсюда навек. На смену ему тоже никто не появился. Яну пришлось заниматься и механической частью, вдобавок к своей электронике, так что осень растянулась на целую зиму, а конца все не было видно.

Но теперь все. Монтаж и ремонт были в основном закончены; завод в порядке и работает. Можно уезжать. Хотя бы на несколько недель — пусть этот менеджер сам тут покрутится.

— Рэдклиф, зайдите ко мне. У меня для вас интересные новости.

Слова громыхнули из всех громкоговорителей и раскатились эхом по зданию. Через несколько секунд послышались торопливые шаги, и запыхавшийся менеджер вбежал в диспетчерскую:

— Да... ваша честь?

— Я уезжаю. Сегодня. Чего вы так испугались? Я думал, вас такая новость обрадует... Ваш антикварный водочный цех в порядке и будет работать, если вы позаботитесь произвести всю указанную в этом списке профилактику. Я подключил всю технологическую цепь к компьютеру, производство будет отслеживаться автоматически. Если возникнут какие-нибудь проблемы — у вас немедленно кто-нибудь появится. Но никаких проблем не будет — не так ли, Рэдклиф?

— Конечно, сэр. Мы уж постараемся. Спасибо, сэр.

— Я надеюсь. И постарайтесь стараться получше, чем до сих пор. Я вернусь как только смогу; проверю, как что работает, и посмотрю, что вы успели сделать. А теперь — если у вас ко мне больше вопросов нет — я уезжаю.

— Нет, сэр. Все ясно, сэр.

— Прекрасно. Смотрите, чтобы так оно и оставалось.

Отпустив менеджера взмахом руки, Ян отключил свой компьютер и терминал и уложил их в кейс. Потом с удовольствием — кажется, впервые за все это время — натянул пальто с меховой подкладкой и шоферские перчатки. Теперь заехать в гостиницу, собрать сумку — и все!

Насвистывая сквозь зубы, он захлопнул двери и вышел в сгущавшиеся сумерки. Замерзшая земля превратилась в камень. В воздухе пахло снегом. Его машина — красная, блестящая — выделялась единственным ярким пятном на сером ландшафте. Безрадостная картина: во все стороны, под тусклым бесцветным небом, разбегаются безмолвные, унылые поля... Едва он повернул ключ, заработал отопитель, нагнетая в салон горячий воздух. Ян медленно поехал по замерзшим колдобинам заводского двора, выбираясь на асфальтовую дорогу.

Когда-то здесь были болота, их осушили и распахали. Но несколько старых каналов еще сохранилось, и Уизбич до сих пор был речным портом. Чтоб он провалился! Сборы отняли у

Яна всего десять минут — он всегда путешествовал налегке, — и вот уже администратор гостиницы придерживает дверь и с поклоном желает ему удачного путешествия.

Сразу за городом начиналась автострада. Полицейские на въезде отдали честь, он ответил им легким взмахом руки. Оказавшись в зоне действия автоматической дорожной сети, Ян включил автопилот, набрав на бортовом компьютере пункт назначения: «ЛОНДОН, ВЫЕЗД 74». Через передатчик, расположенный в днище автомобиля, эта информация немедленно попала на кабель под дорожным покрытием и в компьютер транспортной сети, который повел машину по заданному маршруту, управляя ею через бортовой компьютер. Электрические мотор-колеса постепенно разогнали машину до стандартной скорости 240 километров в час; сумеречный ландшафт, размазанный скоростью, превратился в размытую пелену. Но Яну не хотелось смотреть по сторонам. Он развернул сиденье назад. В баре наготове было виски, стоило нажать кнопку — и туда добавлялась вода. На экране телевизора появилось прекрасное цветное изображение постановки «Питерс Граймс». Ян посмотрел с минуту, восхищаясь сопрано — не только из-за голоса — и пытаясь сообразить, кого она ему напоминает.

Конечно же, Эйлин Петит! Воспоминание согрело его. Интересно, свободна ли она сейчас? Вряд ли у нее так уж много дел после развода. Вот, должно быть, удивится, увидев его. Подумать — значит действовать. Ян потянулся за телефоном и быстро набрал ее номер.

Она взяла трубку сразу же, после двух звонков.

— Ян! Как славно, что ты позвонил!

— Как славно, что ты ответила. У тебя камера не в порядке? — Он показал на свой темный экран.

— Нет, я просто завесилась. Ты меня в сауне поймал. — При этих словах экран ожил, и она расхохоталась, глядя на его лицо: — Ты что, никогда не видел обнаженной женщины?

— Если и видел, то уже забыл. Здесь женщин не бывает. Во всяком случае, таких блестящих и мокрых. Честное слово, Эйлин, я готов заплакать от радости. Ты — самое прекрасное зрелище в мире.

— Ну да! С лестью ты повсюду пройдешь.

— А ты пойдешь со мной. Ты свободна сейчас?

— Я всегда свободна, любовь моя, но это зависит от того, что у тебя на уме.

— Солнце. Немножко горячего солнца и теплого моря, а еще хорошая еда, ящик шампанского — и ты. Что ты на это скажешь?

— Скажу, что звучит невероятно соблазнительно. Счет мой или твой?

— Мой. Я заслужил это после зимовки в глуши. И знаю один маленький отель прямо посреди пустыни на берегу Красного моря. Если мы выедем утром, то можем добраться...

— Пожалуйста, не надо подробностей, сердце мое. Я сейчас залезу обратно в сауну и буду тебя ждать. Не задерживайся.

Она отключилась, и Ян громко рассмеялся. Да, кажется, жизнь становится гораздо лучше... Он проглотил скотч и налил еще.

Замерзшая болотистая страна его больше не занимала.

Он не знал, что человек, которого он уволил, Симмонс, уже никогда не вернется на пособие. Он покончил с собой как раз в то время, когда Ян подъезжал к Лондону.

Глава 2

Круглая тень большого летающего корабля медленно скользила по синей поверхности Средиземного моря; потом переползла через прибрежную полосу на песок пустыни. Электромоторы работали бесшумно, слышно было только жужжание пропеллеров. Они совсем крошечные, их почти не видно под огромным диском «Прибрежного Вождя», единственная их задача — двигать его вперед. Подъем обеспечивали баллоны с гелием, расположенные под упругой внешней оболочкой. Дирижабль — превосходный транспорт: ему почти не нужно горючее.

Груз корабля состоял из огромных связок тяжелых черных труб, подвешенных под корпусом. Многие тонны. Но «Прибрежный Вождь» вез и пассажиров; каюты располагались в носовой части.

— Картина — просто сказочная! — восхитилась Эйлин.

Она сидела перед наклонным окном во всю переднюю стену их каюты, любуясь проплывавшей внизу пустыней. Ян, растянувшийся на кровати, молча кивнул, соглашаясь, — но смотрел на нее. Медно-красные волосы до плеч... Эйлин их

расчесывала; обнаженные груди потянулись вверх, когда она подняла руки, спина соблазнительно прогнулась...

— Сказочная! — повторил он.

Она рассмеялась, отложила расческу, села рядом и поцеловала его.

— Пойдешь за меня замуж?

— Спасибо, нет. Не прошло и месяца, как я развелась. Хочу еще немножко порадоваться свободе.

— Через месяц я спрошу снова.

— Спроси...

Ее прервал мелодичный звонок, и тишину каюты нарушил голос стюарда:

— Всем пассажирам! Через тридцать минут мы прибудем в Суэц. Просьба приготовить вещи для носильщиков. В вашем распоряжении полчаса. Мы были рады видеть вас на борту «Прибрежного Вождя». От имени капитана Уэтэрби и всей команды благодарю вас за то, что вы летаете с компанией «Бритиш Эйруэйз».

— Полчаса!.. Ты только взгляни на мою прическу... И я даже не начинала укладывать вещи...

— Не спеши. Из каюты никто тебя не выкинет. У нас с тобой отпуск — ты помнишь? Я оденусь и присмотрю за багажом. Встречу тебя на земле.

— Ты не можешь меня подождать?

— Обязательно подожду — но снаружи. Они там буровое оборудование выгружать будут. Хочу посмотреть, что привезли.

— Эти мерзкие трубы тебя интересуют больше, чем я.

— Совершенно верно. Как ты догадалась? Однако — если серьезно — тут действительно важный случай. Если с технологией термоэкстракции что-нибудь получится, то мы снова сможем качать нефть. Впервые за двести с лишним лет.

— Нефть? Что это такое? И откуда качать?

— Из-под земли. Когда-то она здесь была — и очень много. Вредители выкачали ее до капли, окислили и выкинули коту под хвост, как и все остальное. Отличный источник химического сырья — чистые углеводороды — они попросту сожгли.

— Совершенно не понимаю, о чем ты говоришь. По истории я всегда плавала.

— Ладно. Встретимся на земле.

Выйдя из лифта у подножия причальной вышки, Ян словно шагнул через открытые двери в печь. На севере и представить

себе нельзя, что здешнее солнце может так палить в середине зимы. Но после ссылки в замерзших болотах это было приятно.

Трубы опускались на лебедочных тросах. Медленно скользили вниз, слегка покачиваясь под висящим в воздухе кораблем, и с лязгом ложились на платформу ожидавшего грузовика. У Яна промелькнула мысль — не попросить ли разрешения съездить на скважины, — но он тут же передумал. Нет. Сначала отпуск. На обратном пути — может быть. А сейчас надо выкинуть из головы все достижения науки и техники — и думать только о том, какие достижения будут у них с Эйлин Петит — это гораздо заманчивее.

Эйлин вышла из лифта, и они зашагали к зданию таможни, взявшись за руки и с наслаждением ощущая, как солнце греет кожу. Возле таможенной стойки стоял суровый темнокожий полисмен и смотрел, как Ян вставляет карточку своего удостоверения в паз контрольного автомата.

— Добро пожаловать в Египет, — сказала машина приятным контральто. — Мы надеемся, что пребывание здесь доставит вам много радости... мистер Кулозик. Будьте любезны, прижмите большой палец к пластине. Благодарю вас. Можете забрать свою карточку. Вас ждет письмо. Пройдите, пожалуйста, к четвертому выходу, вас там встречают. Следующий, пожалуйста.

Так же быстро компьютер управился с Эйлин. Произнося ритуальные приветствия, он установил ее личность с помощью отпечатка пальца и сверил полученные данные с ее удостоверением. А потом убедился, что поездка разрешена.

У выхода их встретил вспотевший, загорелый человек в тесной голубой униформе.

— Мистер Кулозик? А вы с ним? Я из «Магна-Пэлис», ваша честь. Ваш багаж уже у меня на борту. Можем ехать, как только вы будете готовы.

По-английски он говорил хорошо, но с акцентом; и Ян не мог определить, что это за акцент.

— Едем.

Аэропорт находился на самом берегу; к воде вел бетонированный спуск, и у его верхней площадки стоял небольшой ховер — катер на воздушной подушке. Водитель открыл дверцу, и они вошли в салон с кондиционером. Сидений была целая дюжина, но они оказались единственными пассажирами. Че-

рез мгновение катер приподнялся на воздушной струе, потом соскользнул к воде и помчался, набирая скорость.

— Мы сейчас движемся к югу по Суэцкому заливу, — начал водитель. — Слева вы увидите Синайский полуостров. Впереди справа скоро покажется гора Хариб, высотой тысяча семьсот двадцать три метра...

— Я уже бывал здесь, — перебил его Ян. — Так что экскурсию можно не проводить.

— Благодарю вас, ваша честь.

— Ян, мне хочется послушать! Я даже не знаю, где мы...

— Ты и по географии плавала?

— Какой ты жестокий!

— Ну, прости. Мы скоро выйдем в Красное море и резко свернем налево, в залив Акаба, где всегда солнце и всегда жарко — кроме лета. Летом там еще жарче. И посреди этого солнца, на берегу моря стоит замечательный, великолепный, потрясающий «Магна-Пэлис», куда мы с тобой и направляемся. Вы не британец, водитель, верно?

— Нет, ваша честь. Южноафриканец.

— Далеко ж вы забрались!

— Целый материк, сэр.

— Пить хочется, — сказала Эйлин.

— Я достану чего-нибудь из бара, — ответил Ян.

— Позвольте мне, ваша честь. — Водитель включил автопилот и вскочил на ноги. — Чего вам угодно?

— А что вы можете предложить?.. Не знаю, как вас зовут.

— Пайт, сэр. Есть холодное пиво и...

— В самый раз! Тебе тоже, Эйлин?

— Да, спасибо.

Ян осушил половину пенящегося стакана и перевел дух. Теперь наконец-то он почувствовал, что он в отпуске.

— Налейте себе тоже, Пайт.

— Налью. Вы очень добры, сэр.

Эйлин пристально разглядывала водителя — светлые волосы, загорелая кожа — и чувствовала какую-то тайну. Хотя он разговаривал почтительно, в его манерах не было грубости, характерной для пролов.

— Мне очень не хочется признаваться, Пайт, — сказала она, — но я никогда не слышала о Южной Африке.

— Мало кто слышал, — согласился он. — Городок это небольшой, всего несколько тысяч белых среди моря черноко-

жих. Мы словно крепость над алмазными шахтами, ничего больше. В шахтах я работать не захотел, а больше там делать нечего — вот я и подался сюда. А здесь мне и работа нравится, и есть что посмотреть.

Раздался резкий сигнал — Пайт поставил стакан и заторопился на свое место.

Уже под вечер на горизонте появилась Магна — пятнышко, где пески пустыни сходились с морем. Скоро стали видны сверкающие стеклянные башни гостиничного комплекса. Море перед ним было усеяно яркими парусами яхт.

— Я чувствую, мне там понравится! — развеселилась Эйлин.

Ховер скользнул к пляжу — подальше от яхт и купальщиков — и опустился на песок у самой окраины туземного городка, состоявшего из убогих глинобитных хижин. На глаза попались несколько арабов в бурнусах, но, прежде чем открылась дверь машины, они исчезли.

Путешественников ждала повозка, запряженная осликом. Эйлин радостно захлопала в ладоши, во все глаза глядя на темнокожего возницу в тюрбане, — и не переставала восхищаться этой маленькой поездкой, пока она не кончилась у самого отеля. Администратор поспешил придержать для гостей дверь и поприветствовать, носильщики унесли сумки... Номер оказался просторным, с широким балконом, выходящим на море. На столе стояла корзина с фруктами; администратор сам открыл бутылку шампанского и наполнил фужеры.

— Добро пожаловать, рады видеть вас снова! — Он ухитрялся одновременно и кланяться, и подавать фужеры.

— Как чудесно! — воскликнула Эйлин, звонко чмокнув Яна, едва они остались одни. — И я просто умираю, как хочу туда, к морю.

— Кто же нас не пускает?

Море на самом деле было чудесно — не хуже, чем казалось издали. Несмотря на время года, вода была теплой, солнце припекало плечи... Англия и зима превратились в дурной сон, где-то там, далеко-далеко. Они плавали, пока не устали, потом выбрались под высокие пальмы, сидели там и выпивали, любуясь красным заревом заката.

Обед подавали на террасе, поэтому переодеваться они не стали... Поздним вечером над пустыней поднялась яркая, словно раскаленная, полная луна.

— Просто не верится, — сказала Эйлин. — Мне кажется, что ты все это подстроил.

— Конечно! Луна должна была взойти только через два часа, но я ее поторопил. Ради тебя.

— Очень мило с твоей стороны. Ян, посмотри, что это?!

От берега удалялись какие-то смутные тени, изменяя очертания и разрастаясь прямо на глазах.

— Яхты. На ночную прогулку пошли, паруса поднимают.

— А мы могли бы? Ты умеешь?

— Конечно! — уверенно ответил Ян, пытаясь вспомнить то немногое, чему успел научиться в прошлый свой приезд. — Пойдем. Я тебе покажу.

Конечно же, получилась кутерьма; они со смехом спотыкались о какие-то перепутанные веревки... В конце концов пришлось кричать, звать с берега на помощь. Какой-то лодочник-араб подошел к ним на ялике и быстро привел снасти в порядок. Поднялся легкий бриз, парус был поднят — и вскоре они плавно скользили по спокойному морю. В лунном свете вокруг все было видно, а звезды усыпали небо от горизонта до горизонта. Одной рукой Ян держал румпель, другой обнял Эйлин. Она прильнула к нему и поцеловала, он ощущал тепло ее кожи.

— Слишком хорошо, — прошептала она.

— Слишком хорошо не бывает.

Они не меняли галса, и ветер уносил их все дальше и дальше от берега, пока вокруг не осталось уже ни одной другой яхты, а земля исчезла за темной водой.

— Мы не слишком далеко? — спросила Эйлин.

— Нет. Я как раз подумал, как славно побыть совсем одним. Сориентироваться я могу и по луне. И мы в любой момент можем сбросить парус и добраться до берега на моторе, если надо будет.

— Совершенно не понимаю, о чем ты говоришь. Но я тебе верю, милый.

Через полчаса в воздухе похолодало, и Ян решил вернуться. Меняя галс, он ухитрился поставить яхту носом к ветру, но в конце концов парус наполнился, и они снова увидели на горизонте огни отеля. Было очень тихо, только вода журчала под форштевнем да тихо поскрипывал парус, поэтому рокот моторов они услышали издалека. Шум быстро усиливался.

— Кто-то здорово торопится, — сказал Ян, вглядываясь в

темноту навстречу нарастающему вою перегруженных двигателей.

— Что там такое?

— Понятия не имею. Но скоро узнаем. Похоже, что сюда идут два мотора. Странное время для гонок.

Все произошло почти мгновенно. Грохот стал еще громче, и появился первый катер — темный силуэт над белой пеной бурунов. Он устрашающе рос — и направлялся прямо на них. Эйлин закричала, когда он навис почти над головой, — но он проскочил мимо, совсем рядом. Кильватерный бурун захватил яхту и хлестанул через комингс, заставив их задрожать от страха.

— Господь свидетель, совсем впритир прошел, — выдохнул Ян, одной рукой хватаясь за комингс, а другой прижимая к себе Эйлин.

Они повернулись вслед катеру и потому заметили второй, когда было уже слишком поздно. Ян едва успел увидеть, как на них налетает высокий форштевень, как ломает им бушприт, давит их... Яхта уже опрокидывалась — у него хватило времени, только чтобы покрепче схватить Эйлин.

Вода сомкнулась над головой, что-то ударило по ноге, так что нога отнялась... Море старалось оторвать Эйлин, но он держал ее крепко, обеими руками, пока они не выбрались на поверхность. Она всхлипывала и кашляла, а он поддерживал ее на плаву, как мог.

Вокруг плавали обломки. Яхта исчезла. Исчезли и оба катера, только замирал вдали шум их моторов.

Темной ночью, среди черного моря, они были совсем одни.

Глава 3

Поначалу Ян не вполне осознал всю опасность положения. Эйлин плакала и кашляла, и ему нелегко было удерживать над водой не только свою голову, но и ее. Расталкивая обломки яхты, выдираясь из спутанной массы каких-то веревок, не видных в темноте, он неожиданно наткнулся рукой на подушку. Подушка высоко выступала из воды и была задумана явно как спасательное средство. Он подтянул подушку к Эйлин и подсунул ей под руки. Только убедившись, что Эйлин держится крепко и голова ее над водой, он отпустил ее и начал искать что-нибудь подобное и для себя.

— Вернись! — закричала она в панике.

— Не волнуйся, все в порядке. Надо и мне найти какую-нибудь подпорку.

Еще одну подушку он нашел без особого труда и, работая ногами, поплыл к Эйлин, ориентируясь на ее взволнованный голос.

— Ну вот и я. Все хорошо.

— Что хорошо? Мы здесь умрем, утонем, я знаю.

Отвечать было нелегко: мучило ужасное чувство, что она права. Наконец он нашел что сказать:

— Нас найдут. Катера вернутся или вызовут по радио спасателей. Вот увидишь. А пока давай двигаться к берегу, тут не так уж далеко.

— А в какую сторону плыть?

Очень хороший вопрос, но Ян совсем не был уверен, что знает ответ. Луна стояла прямо над ними, вдобавок ее закрыли облака. А огни отеля — заметные с яхты — отсюда, из воды, видны не были.

— Туда, — сказал он, стараясь не выдать своих сомнений, и толкнул ее вперед.

Катера не возвращались, до берега было несколько миль — даже если они плыли правильно, в чем он сильно сомневался, — к тому же он начал замерзать. И уставать. Эйлин была почти без сознания — Ян подозревал, что она ушибла голову, падая за борт, — и скоро ему пришлось оставить любые попытки плыть куда бы то ни было: все силы уходили на то, чтобы удержать ее на подушке.

Смогут ли они дотянуть до утра? Надо смотреть правде в глаза. Плыть к берегу он больше не собирался. Который теперь час? Наверно, еще даже не полночь. А зимние ночи длинные. И вода не такая уж теплая. Он снова заработал ногами, чтобы разогнать кровь и хоть чуточку согреться. Но Эйлин становилась все холоднее и дышала все слабее. Если она умрет — это его вина. Это он затащил ее сюда, он рисковал ее жизнью. Но если она умрет — он заплатит за свою ошибку, сполна заплатит. Ему тоже до рассвета не дожить. А если и доживет — придут ли спасатели?

Черные мысли неотвязно крутились в мозгу, он был в полном отчаянии. Быть может, лучше все бросить — сразу, тотчас, — утонуть, и дело с концом... Но даже с этой мыслью он продолжал яростно работать ногами, плывя неизвестно куда

сквозь влажную тьму. Смерть — пусть, ладно; но не самоубийство!.. Однако он скоро устал и бросил тщетные усилия; ноги начали погружаться. Обняв холодные плечи Эйлин, он прижался лицом к ее лицу. Неужели вот так все кончится?

Вдруг что-то толкнуло его снизу. Это было так неожиданно и страшно, что он инстинктивно поджал колени. Мысль о какой-нибудь твари, невидимой в темной воде под ними, пронзила Яна!.. Акула? Есть ли в здешних водах акулы? Этого он не знал.

Снизу снова коснулось что-то жесткое. Оно поднималось неудержимо, деваться было некуда. Оно было повсюду, как он ни метался, пытаясь спастись.

Потом позади него из моря поднялось что-то еще более черное, чем окружающая ночная тьма; поднялось стеной, с которой ручьями сбегала вода.

Ян ударил кулаком — просто от страха — и ушиб руку о металл.

И вот они оказались над водой, на какой-то странной платформе; ветер пронизывал мокрые тела... Когда он понял, что это такое, то настолько был потрясен, что закричал во весь голос:

— Субмарина!

Значит, их крушение увидели, иначе быть не могло. Просто так, случайно, подводные лодки не всплывают прямо у вас под ногами, да еще ночью. Инфракрасный перископ или, может быть, новый микроволновый радар?.. Он заботливо уложил Эйлин на мокрый настил, головой на подушку.

— Эй вы, там!

Он заколотил кулаком по конической башне. Быть может, люк с другой стороны?.. Он начал было обходить башню, но в этот момент перед ним открылась дверь, и из темноты, один за другим, выбрались несколько человек. Один из них метнулся к Эйлин и уколол ее в ногу чем-то блестящим.

— Какого черта?! — рявкнул Ян, бросаясь на них. Чувство облегчения вмиг сменилось яростью.

Ближайший к нему быстро обернулся и замахнулся на Яна чем-то, зажатым в руке.

Ян кинулся на него, схватил и резко завернул его руку за спину. Человек изумленно охнул, глаза его расширились от боли — он случайно уколол себя. Он резко, изо всех сил рванулся — и тут же обмяк. Ян оттолкнул его в сторону и быстро

повернулся к остальным, сжав кулаки, готовый к бою. Те рассыпались кольцом вокруг, пригнулись, тоже готовые напасть, переговариваясь друг с другом на каком-то гортанном языке.

— Ох, черт возьми! — сказал вдруг один из них. Он выпрямился и придержал остальных руками. — Хватит. Мы и так все основательно подпортили.

— Но нельзя же теперь...

— Можно. Давайте все вниз. — Он обернулся к Яну: — И вы тоже.

— Что вы с ней сделали?

— Ничего страшного. Укол снотворного. Мы хотели и вас усыпить, но бедняга Ота сам наткнулся на шприц.

— Вы меня не заставите идти.

— Да не будьте вы идиотом! — Незнакомец внезапно разъярился. — Мы могли бы бросить вас — тоните себе на здоровье, — но всплыли, чтобы спасти. Вас спасти! А каждый миг на поверхности может погубить нас!.. Впрочем, если хотите — оставайтесь.

Он отвернулся и пошел вслед за остальными внутрь, помогая нести Эйлин. Ян колебался недолго — и тоже двинулся следом: он пока не собирался кончать самоубийством.

Яркое багровое освещение рубки ударило в глаза — Ян заморгал. Фигуры вокруг были похожи на красноватых чертей. Какое-то время на него не обращали внимания: задраивался люк, отдавались какие-то команды, палуба вдруг резко накренилась... Когда лодка стала погружаться, человек, говоривший с ним на палубе, оторвался от перископа и указал Яну на дверь в конце рубки:

— Давайте пройдем ко мне в каюту. Переоденетесь в сухое и выпьете чего-нибудь горячего. О девушке позаботятся, не волнуйтесь.

... Ян сидел на краю аккуратно застеленной койки и дрожал крупной дрожью, несмотря на теплое одеяло, наброшенное на плечи. В руках у него была чашка сладкого чая — до чего ж хорошо!.. Его спаситель — или тюремщик? — сидел в кресле напротив и раскуривал трубку. Человек лет за пятьдесят — седые волосы, дубленая кожа, — одетый в поношенную форму цвета хаки, с какими-то знаками различия на плечах.

— Я капитан Тахауэр, — сказал он, выпустив густую струю дыма. — Разрешите узнать ваше имя?

— Кулозик. Ян Кулозик. Кто вы и что здесь делаете? И почему пытались усыпить нас?

— В тот момент это казалось наилучшим выходом. Никто не хотел оставлять вас на верную смерть. Впрочем, такое предложение тоже было, по крайней мере одно, но энтузиазма явно не вызвало. Мы не убийцы. Но если бы, спасая вас, мы обнаружили себя — это могло бы вызвать весьма серьезные осложнения. Поэтому в конце концов мы решили усыпить вас. А что нам еще оставалось? Но мы не профессионалы в таких делах, это очевидно. Ота наткнулся на собственную иглу и теперь храпит вместо вас.

— Кто вы? — снова спросил Ян, оглядывая незнакомую форму и книги в нише, напечатанные алфавитом, какого он никогда в жизни не видел.

Капитан Тахауэр тяжело вздохнул:

— Израильский флот. Добро пожаловать к нам на борт.

— Спасибо. И спасибо, что спасли нас. Но я не понимаю, почему вы боялись, что мы вас увидим. Если вы выполняете какое-то тайное задание для флота ООН, я буду держать язык за зубами. У меня есть допуск к секретным делам.

— Пожалуйста, мистер Кулозик, не надо. — Капитан поднял руку в останавливающем жесте. — Вы говорите так, потому что совершенно не знаете здешнюю политическую обстановку.

— Как это не знаю?! Я не прол. У меня ученая степень...

Брови капитана приподнялись, одобряя ученую степень, но, похоже, она его не очень впечатлила.

— Я не имею в виду вашу профессиональную компетентность: ничуть не сомневаюсь, что тут вы на высоте. Но в ваших знаниях по части всеобщей истории есть определенные пробелы. И возникли они в результате намеренного искажения фактов в учебниках, по которым вы учились.

— Я не знаю, о чем вы говорите, капитан Тахауэр. В нашем образовании, в Британии, цензуры не существует. В Советских Штатах — может быть, но не у нас. У нас свободный доступ к любой книге в библиотеке, к любой компьютерной информации... Совершенно свободный.

— Весьма впечатляет, — сказал капитан, хотя незаметно было, что Ян его убедил. — Однако я не собираюсь спорить с вами о политике в такое время и в такой ситуации, как сейчас. Я только хочу довести до вашего сведения тот непреложный

факт, что Израиль — не ооновский конклав заводов и ферм, как вас учили в школе. Это свободное и независимое государство — пожалуй, единственное, оставшееся на нашей планете. И мы можем сохранить свою независимость только в том случае, если не будем высовываться за пределы своей территории и не дадим узнать, что мы из себя представляем, кому бы то ни было, кроме руководящих сил вашего мира. Как раз в этом и состоит опасность, с которой мы столкнулись, спасая вас. То, что вы узнали о нашем существовании, — а тем более здесь, где нас быть не должно, — может вызвать ужасные последствия. Ваших правителей наше присутствие на Земле никогда особенно не радовало. И если бы они были уверены в своей безнаказанности, то уничтожили бы нас уже завтра.

Загудел телефон. Капитан снял трубку, послушал, пробормотал что-то невнятное...

— Меня зовут, — сказал он, вставая. — Располагайтесь поудобнее. В термосе есть еще чай.

Что же такое он говорил? Ян прихлебывал крепкий чай и машинально поглаживал черно-синий кровоподтек на ноге. Исторические книги лгать не могут. Но вот она, субмарина, — и действует очень осторожно, — и они явно чем-то встревожены. Он пожалел, что так устал и плохо соображает.

— Вам получше? — Из-за портьеры в дверях проскользнула девушка и опустилась в кресло капитана.

Зеленоглазая блондинка, очень привлекательная. На ней была блуза цвета хаки и такие же шорты; а загорелые стройные ноги настолько хороши, что Ян вздрогнул и смущенно отвел глаза. Она улыбнулась.

— Меня зовут Сара, а вы Ян Кулозик. Вам ничего больше не нужно?

— Нет, спасибо... Впрочем — да, нужно. Немного информации. Вы не знаете, что это за катера, которые нас потопили? Я хочу сообщить о них.

— Не знаю.

И не добавила больше ни слова. Просто сидела и спокойно смотрела на него. Яну показалось, что пауза затянулась, но тут он сообразил, что она больше ничего и не собиралась говорить.

— Вы больше ничего не хотите сказать мне? — спросил он.

— Нет. Для вашей же пользы. Если вы когда-нибудь обна-

ружите лишнее знание, то немедленно попадете в списки подозреваемых, под надзор Службы Безопасности. На всю оставшуюся жизнь. Ваше продвижение, карьера — все будет погублено до конца ваших дней.

— Боюсь, Сара, что вы очень мало знаете о моей стране. У нас есть Служба Безопасности, верно, и мой зять служит там в довольно высоком чине. Но ничего подобного у нас не бывает. Разве что для пролов; для тех из них, кто известен как бузотер. За ними следить необходимо. Но для людей с моим положением...

— А что это за положение?

— Я инженер, из хорошей семьи, у меня прекрасные связи...

— Понятно. Один из угнетателей. Рабовладелец.

— Меня оскорбляют ваши намеки...

— Нет здесь никаких намеков, Ян. Просто констатация факта. У вас своя модель общества, у нас своя. Демократия. Быть может, вы даже не знаете этого слова. Мы правим собой сами, и мы все равны. В отличие от вашего рабовладельческого строя, где все рождаются неравными и живут и умирают в неравенстве, потому что изменить ничего нельзя. С вашей точки зрения, я уверена, это не так уж плохо. Потому что вы один из тех, кто наверху. Но не раскачивайте лодку, Ян. Если вас начнут подозревать — ваше положение может очень быстро измениться. В вашей цивилизации вертикальное перемещение может быть направлено только в одну сторону. Вниз.

— Чепуха! — рассмеялся Ян.

— Вы на самом деле так думаете? Ну хорошо. Тогда я вам расскажу о катерах. Через Красное море идет оживленная торговля наркотиками. Традиционная контрабанда с востока — героин для масс. Торговый путь проходит через Египет или Турцию. Когда нужно — а вашим пролам часто бывает нужно забыться, — всегда находятся и деньги, и люди, которые его доставят. Через районы, находящиеся под нашим контролем, наркотики не просачиваются — это еще одна причина, почему нас терпят. Один из способов борьбы с контрабандистами — такие вот подводные патрули. Пока контрабандисты не лезут к нам, мы их игнорируем. Но силы вашей госбезопасности тоже имеют свою патрульную службу, и один из их катеров преследовал контрабандиста, который вас едва не потопил. А потопил вас сторожевой катер. Вероятно, они вас просто не заметили в темноте. Но, во всяком случае, о

контрабандисте они позаботились. Мы видели взрыв — и обнаружили, что в порт сторожевик вернулся один.

Ян замотал головой:

— Я никогда ничего об этом не слышал. Пролы получают все, что им надо; у них в сигаретах подмешан...

— Чтобы забыться, чтобы скрасить существование, которое они влачат, нужны гораздо более сильные средства. И, пожалуйста, не перебивайте меня каждую минуту, чтобы сообщить, что вы никогда ничего подобного не слышали. *Я знаю*, что не слышали; поэтому-то и стараюсь рассказать вам, что происходит на самом деле. На самом деле мир не таков, каким вам его рисовали до сих пор. Для вас это может ничего не значить. Вы входите в правящее меньшинство, богатое и жирное в нищем и тощем мире. Но вы сами захотели узнать. Потому я вам и рассказываю, что Израиль — свободное и независимое государство... Когда арабская нефть иссякла, мир повернулся к Ближнему Востоку спиной, радуясь возможности избавиться наконец от богатых шейхов. Но мы жили здесь всегда — и арабам тоже некуда деться... Они попробовали снова напасть на нас, но без помощи со стороны победить не смогли. Мы выжили, хоть и с превеликим трудом. Эту способность мы проявляли и раньше. И мы сделали все, что могли, чтобы помочь им, когда настали трудные времена. Когда арабское население стабилизировалось, мы научили их нашему традиционному земледелию, которое они успели забыть за долгие годы нефтяного изобилия. К тому времени, когда остальной мир снова нас заметил, наш регион был уже стабилизирован и жизнеспособен. Мы стали экспортировать фрукты и овощи. Такая ситуация мало кого устраивала — но все смирились. Особенно когда мы показали, что наши ядерные ракеты ничуть не хуже любых других и что если кому-нибудь захочется нас истребить, то им самим придется несладко. И такая ситуация сохраняется по сей день. Быть может, наша страна — гетто; но мы привыкли жить в гетто. И внутри своих стен мы свободны.

Ян чуть было не запротестовал опять, но вовремя одумался и снова принялся за чай. Сара одобрительно кивнула:

— Ну вот. Теперь вы кое-что знаете. Ради самого себя — не распространяйте это знание. А ради нас я прошу вас об одолжении. Капитан просить не станет, а у меня таких предрассудков нет. Не говорите никому о нашей подводной лодке.

Это и для вашей безопасности полезно. Через несколько минут мы вас высадим на берег, в том месте, куда вас принесло бы ветром. Там вас и найдут. Девушка ничего не знает. Вероятно, она была без сознания, контужена, когда ей сделали укол. С ней все будет в порядке; врач сказал, что ничего опасного нет. И с вами тоже все будет в порядке, если вы будете держать рот на замке. Будете?

— Да, конечно, я никому ничего не скажу. Ведь вы спасли нас. Но мне кажется, очень многое из того, что вы сказали, — ложь. Иначе просто быть не может.

— Вот это мило! — Она наклонилась к нему и похлопала его по руке. — Думайте что хотите, *инглилех*, но только держите на замке свой большой гойский рот.

Не успел он ответить, как девушка исчезла за дверью. Капитан не вернулся, и никто больше с Яном не заговаривал. Наконец его вызвали на палубу, куда вынесли и Эйлин. В великой спешке их повезли на надувной лодке на невидимый берег. Луну закрывали облака, но было достаточно светло, чтобы различить пляж и пустыню за ним. Эйлин бережно уложили на песок, с Яна грубо сдернули одеяло... Бросили рядом с ними подушку с яхты — и исчезли. Стараясь действовать как можно осторожнее, Ян перетащил Эйлин за линию прилива. Единственные следы на песке были его собственными. И лодка, и субмарина ушли, пропали — осталось только воспоминание. Воспоминание, с каждой минутой казавшееся все менее и менее реальным.

Вскоре после восхода солнца их заметил поисковый вертолет и начал снижаться к берегу, заходя на посадку.

Глава 4

— Абсолютно здоров. Никаких отклонений, — врач ткнул пальцем в экран. — Вы только посмотрите на это давление! Я бы хотел, чтоб у меня было такое! Кардиограмма, энцефалограмма — все в полнейшем порядке. Подождите, я вам дам распечатку для вашего врача.

Он нажал кнопку на компьютерном диагносте, и из принтера выполз длинный лист.

— Я не о себе беспокоюсь. Что с миссис Петит?

— Пожалуйста, не волнуйтесь, молодой человек. — Толстяк доктор похлопал Яна по колену. В этом жесте было не

только профессиональное сочувствие, так что Ян отодвинул ногу и холодно посмотрел на него. — У нее легонькое сотрясеньице, водички морской глотнула... Ничего больше. Вы можете навестить ее в любой момент. Но я хотел бы денек подержать ее в больнице. По существу, только ради отдыха: медицинская помощь ей не нужна. А вот и ваша распечатка.

— Зачем она мне? Передайте ее в компанию, там запишут в медицинские отчеты.

— Это может быть сложно.

— Почему? У вас же есть спутниковая связь. Я могу заплатить, если вы полагаете, что это не входит в расходы больницы.

— Ни в коем случае! Разумеется, я тотчас же распоряжусь, только давайте сначала вас, так сказать, отстегнем.

Руки врача замелькали, снимая с Яна датчики, вытаскивая из вены иглу и протирая кожу спиртом.

Ян натягивал брюки, когда дверь распахнулась и раздался знакомый голос:

— Так вот ты где! Жив и здоров. Ну и заставил же ты нас поволноваться...

— Смитти! Что ты тут делаешь?

Ян порывисто схватил зятя за руку. Крупный нос, словно клюв, худое жесткое лицо — точно привет из дома среди округлой мягкости здешних обитателей. Похоже, что и Тергуд-Смит рад встрече не меньше.

— Здорово ты меня напугал. Я был в Италии, на конференции, когда услышал. Ну, подергал кой-какие ниточки, схватил военный самолет — и как раз приземлялся здесь, когда стало известно, что вы нашлись. Но надо сказать, выглядишь ты отлично. На тебе это происшествие не отразилось.

— Ты бы посмотрел на меня ночью, когда я одной рукой хватался за подушку, другой за Эйлин — и брыкался одной ногой. Не хотелось бы испытать такое еще раз.

— Да, похоже, что тебе здорово досталось. Надевай рубаху и пошли выпьем, ты мне все расскажешь. Вы видели корабль, который вас потопил?

Ян отвернулся за рубашкой, и лица его зять не видел. Ему сразу вспомнились ночные предостережения. Действительно голос Смитти изменился, когда он задавал последний вопрос, или показалось? Вопрос-то не такой уж невинный!.. Ведь, в конце концов, он — Безопасность, да такого уровня, что может «хватать» армейские самолеты среди ночи... Надо было решаться. Говорить всю правду — или начинать лгать.

Натягивая рубашку через голову, он глухо сказал из-под нее:

— Ничего не видели. Ночь была темная, а на кораблях — никаких огней. Первый прошел так близко, что мы едва не опрокинулись. А второй врезался прямо в нас. — До сих пор все святая правда. — Хотел бы я знать, кто эти ублюдки. Конечно, я тоже виноват, что болтался без огней, но все-таки...

— Совершенно верно, старина. Пиши жалобу, я тебе помогу. Я уже начал расследование и кое-что выяснил. Два военных катера на учениях, очень далеко от того места, где должны были быть. Когда они вернутся на базу — то услышат пару ласковых слов, можешь не сомневаться.

— Да черт с ними, Смитти, это ж недоразумение!

— Ты очень добр к ним — но ты же джентльмен. Ладно. Давай заглянем к Эйлин, а потом все-таки пойдем выпьем.

Эйлин звонко расцеловала их обоих, потом всплакнула — сказала, от радости, — и потребовала, чтобы Тергуд-Смит выслушал во всех подробностях, что с ними приключилось. Ян напряженно ждал, стараясь не выдать себя. Вспомнит ли она субмарину? Кто-то ему солгал: две совершенно разные версии о катерах. Взорванные контрабандисты — или два военных катера? Кому верить?

— ... И — трррах! Вот так мы очутились в воде. Я совсем захлебнулась, ну и ревела, конечно, а вот этот старый морской волк сумел удержать меня над водой. По-моему, я еще и поцарапать его пыталась за его заботы. Паника! Пожалуй, прежде я и не знала, что означает это слово. А голова ушиблена, и все вокруг крутится и расплывается перед глазами... Потом появилась подушка — я ухватилась за нее, — и мы поплыли... И помню еще, как он меня старался подбодрить, а я ему не верила. А потом — ничего.

— Ничего? — переспросил Тергуд-Смит.

— Абсолютно. Следующее, что я увидела, — вот эта палата. И мне рассказали, что произошло. — Она взяла Яна за руку. — Я никогда в жизни не смогу отблагодарить тебя, ведь не каждый день женщине спасают жизнь... А теперь уходите, пока я не разревелась снова.

Из больницы они вышли молча. Тергуд-Смит показал на ближайшее кафе.

— Здесь годится?

— Конечно. Ты Лиз что-нибудь сообщал?

— Ночью нет. Не было никакого смысла ее будить, чтобы она там с ума сходила. Но утром, узнав, что с тобой все в порядке, я ей позвонил, и она шлет тебе всю свою сестринскую любовь. И велит впредь держаться подальше от маленьких парусных лодок.

— Ну, Лиз в своем репертуаре. Твое здоровье.

— Твое.

Они подняли стаканы и выпили. Бренди обожгло, согрев какую-то точку внутри, о которой Ян и не знал, что она замерзла. Но согрело не до конца. Ему пришлось подавить желание рассказать зятю о прошедшей ночи. О подводной лодке, о том, как их спасли, о катерах — обо всем. Не совершает ли он преступления, умалчивая о случившемся? Только одно ему помешало выболтать всю правду: израильтяне спасли им жизнь — а Сара сказала, что если он проговорится о субмарине, то подвергнет их опасности. Забыть. Он обязан забыть все это.

— Хочу еще стаканчик, — сказал он.

— Я составлю тебе компанию. Знаешь, забудь ты эту ночь и наслаждайся отпуском.

— Ты мои мысли читаешь.

Но память не уходила, гнездилась где-то в уголке сознания, готовая вырваться наружу, едва он расслабится. Прощаясь с Тергуд-Смитом у площадки вертикального взлета, Ян испытывал виноватое удовлетворение от того, что ему не всегда придется быть начеку и помнить о своей лжи.

Солнце, еда, вода — все было замечательно. Только на яхтах они больше не катались по молчаливому согласию. В постели Эйлин проявляла свою благодарность с таким пылом, что к утру оба бывали счастливы — и выжаты, как лимон. Но воспоминания его не покидали. Просыпаясь на заре — щекой на рыжих волосах Эйлин, — он вспоминал Сару в подводной лодке, вспоминал ее слова. Неужели он погряз во лжи? Это казалось невозможным.

Прошло две недели, и они, пожалуй, были уже не прочь покинуть теплое море. Воспоминания, конечно, останутся. Они отлично загорели — будет что показать друзьям в Англии, пусть позавидуют, — и уже хотелось домой. И хорошего мяса хотелось, с картошечкой, после всей непривычной гастрономической роскоши. Кормят здесь отлично, ничего не скажешь, но нельзя же всю жизнь прожить на такой пище, надоедает.

Они расстались на аэровокзале Виктории после долгого прощального поцелуя, и Ян поехал к себе домой. Заварил чайник крепкого чая и понес его в мастерскую, неосознанно расслабившись, когда входил в дверь и включились лампы. Стена над рабочим столом сплошь увешана инструментом, блестит полированный хром... На столе идеальный порядок, чистота, аккуратно разложены разные приспособления... В специальной рамке был зажат прибор, с которым Ян возился перед отъездом. Ян сел и покрутил его; потом взял ювелирную лупу, чтобы проверить, как пропаяны контакты. Прибор почти готов к работе — если только вообще заработает. Должен — компьютерная модель это подтвердила. А идея была простая.

Все крупные морские суда для навигации используют спутники. В любой точке Мирового океана всегда бывает не меньше двух таких спутников. Навигационные приборы корабля посылают сигналы, спутники их отражают, а отраженные сигналы сообщают азимуты спутников и их высоты над горизонтом корабельному компьютеру, который без труда вычисляет местонахождение судна с точностью до нескольких метров. Все это не сложно, и такие приборы замечательно эффективны — но довольно громоздки и дороги. Для большого корабля это мелочь. А если небольшая яхта? Надо сделать маленький, легкий прибор. И Ян уже довольно долго работал над упрощенной конструкцией, которая могла бы подойти любому судну, независимо от размеров. Прибор получался достаточно компактный и дешевый, его мог бы приобрести кто угодно. Если он будет работать, то можно и запатентовать его — лишние деньги никогда не помешают... Но это все в будущем. А пока надо сделать, чтобы он работал, — и миниатюризировать все его детали.

Но на этот раз он не увлекся работой, как это обычно бывало прежде. В мыслях было другое. Он допил чай и унес поднос на кухню. Потом зашел в библиотеку, взял с полки тринадцатый том Британской энциклопедии и быстро пролистал страницы до нужной статьи:

Израиль. Промышленно-сельскохозяйственный анклав на побережье Средиземного моря. Территория прежнего государства Израиль. Обезлюдевший в годы чумы, заселен добровольцами ООН в 2065 г. Управляет арабскими сельскохозяй-

ственными районами к северу и к югу и отвечает за торговые перевозки всего региона.

Вот оно! Черным по белому — и в книге, которой можно верить. Исторические факты, без каких-либо эмоций. Просто факты. Факты?..

Но ведь это неправда! Он же *был* на той подводной лодке, он *разговаривал* с израильтянами. Или с кем-то, кто выдавал себя за них. Они на самом деле израильтяне? А если нет — кто тогда? Во что он оказался втянут?

Как это сказал великий Хаксли? Ян вспомнил, что прочитал эти слова, едва поступив в университет, переписал их и повесил у себя над столом. Примерно так: «...Великая трагедия науки состоит в том, что даже самый уродливый факт способен погубить самую прекрасную гипотезу». Он твердо придерживался этого трезвого правила и изучал науки именно так, трезво. Факты. Дайте факты — а гипотезы сами вырастут.

Но что за факты здесь? Он был на борту субмарины, которая попросту не могла существовать в том мире, какой он знал. Но она существует. Значит — картина мира неверна?

Такая формулировка помогала объяснить случившееся, но и разозлила его. Если так — ему лгали. К чертям всех остальных — пусть заботятся о себе сами, — но его, Яна Кулозика, обманывали всю жизнь, беспрерывно и целенаправленно. Это ему совсем не нравилось. Но как узнать, где ложь, а где правда? Вместе с этой мыслью пришла и другая: Сара была права, сказав об опасности, с которой он столкнется. Ложь — это всегда тайна, а тайны всегда хранят. А здесь государственная тайна. Что бы он ни сделал, что бы ни узнал — сказать об этом нельзя никому.

С чего начать? Где-то должны быть полные данные обо всем, но он не знал, какие документы нужно искать, даже не знал, что он ищет. Тут надо подумать, выработать какой-то план... Но есть одна вещь, которую можно сделать сразу: повнимательнее присмотреться к окружающему миру. Как назвала его Сара? Рабовладелец. Он вовсе не чувствовал себя рабовладельцем. Просто его класс постоянно заботится обо всем, и в том числе о тех, кто не в состоянии сам о себе позаботиться. А пролам ни в коем случае нельзя ничего доверять, иначе все развалится. У них попросту не хватает чего-то: то ли ума, то ли чувства ответственности. Это естественный порядок вещей.

Они на дне, эти пролы, — многие миллионы немытых

тел, — большинство из них на пособии. Они там навсегда, с тех пор как Вредители довели мир до разорения и разрухи. Все это есть в учебниках истории.

И если все они до сих пор живы — это не их заслуга и не заслуга Вредителей, допустивших такое. Они живы благодаря упорной работе людей его класса, которые взяли на себя бремя правления. Это администраторы и инженеры создали большую часть истощающихся нынче ресурсов планеты. Наследственным членам парламента оставалось все меньше и меньше дел в управлении технологическим обществом. Королева превратилась в декоративную фигуру. Властвовало Знание. Знание сохранило миру жизнь. Был момент, когда казалось сомнительным, что это удастся. Но спутниковые станции смягчили энергетический кризис, когда полностью исчерпались запасы нефти, а потом термоядерная энергия принесла миру надежную безопасность.

Человечество усвоило этот урок: хрупкую экологию одной-единственной планеты очень легко вывести из равновесия. Ресурсы истощались, стало нужно сырье. Первый шаг был сделан к Луне, потом в астероидный пояс, где можно было добывать различные элементы. Потом настала очередь звезд. Это оказалось возможным благодаря Хуго Фосколо, который открыл явление, впоследствии ставшее известным как «Разрыв Фосколо». Он был чистый математик, теоретик, этот непризнанный гений, зарабатывавший на жизнь учительством в школе, в бразильском штате Сан-Паоло, в городке с непроизносимым названием «Пиндамонхангаба». Его «разрыв» вторгался в теорию относительности; публикуя свою статью в незаметном математическом журнале, Фосколо извинялся, что подвергает сомнению общепризнанные теории великого ученого, и смиренно просил маститых математиков и физиков указать, где он сделал ошибку в своих уравнениях.

Ошибку обнаружить не удалось — и родился космический транспорт, способный доставлять людей к звездам. На то, чтобы исследовать и обжить ближайшие звездные миры, ушло всего сто лет. История этого периода великолепна — и, должно быть, правдива... Ведь все это существует!

Так что нет никаких рабов. Ян был в этом уверен и сердился на Сару за те ее слова. На Земле царят мир и справедливость, и все сыты, и у каждого свое место под солнцем. Что за слово она сказала тогда? «Демократия». Очевидно, какая-то

форма государственного правления. Он никогда не слышал о такой. Снова к энциклопедии — на сей раз ему пришлось себя заставить. Очень не хотелось находить ошибки в этих толстых томах: словно обнаруживаешь, что драгоценная картина оказалась подделкой. Ян снял том с полки и подошел к высокому окну: там было светлее.

Демократия. Архаический термин в исторических и политических науках для обозначения формы правления, существовавшей в течение короткого периода в мелких городах-государствах Греции. Согласно Аристотелю, демократия является извращенной формой третьей формы правления...

Там было еще что-то в том же духе, и все почти столь же интересно. Какой-то древний способ правления, что-то сродни каннибализму: когда-то было да прошло. Но при чем тут израильтяне? Все это похоже на загадку... Ян посмотрел в окно на серое небо и на Темзу с пятнами льда на серой воде. Тело еще хранило память о тропическом солнце; его передернуло. Так с чего же начать?

Не с истории. Это не его область, он вообще понятия не имеет, где и что там искать. И надо ли искать на самом-то деле? По правде говоря, ему не хотелось; у него вдруг возникло мрачное предчувствие, что, однажды начав эти поиски, он потом не сможет вернуться назад. Если ящик Пандоры открыть — его никогда уже не закроешь. Хочет ли он знать все это?.. Да! Она назвала его рабовладельцем — но он знает, что это ложь. Любой прол рассмеялся бы, услышав такое.

Вот оно! Пролы. Он знал о них много, он с ними работал, вот тут и надо начинать. Утром он поедет на Уолсокенский завод: его там уже ждут — он должен проверить, как выполняются его распоряжения. Но на этот раз он поговорит с пролами побольше, чем обычно. Конечно, надо признать, раньше он с ними не так уж много разговаривал; но это только потому, что всегда бывал занят. Если он будет осторожен, то никаких неприятностей возникнуть не должно. Есть, конечно, определенные социальные традиции общения с пролами, и нарушать их он не собирается. Но кой-какие вопросы он им задаст — и внимательно выслушает ответы.

Однако очень скоро выяснилось, что сделать это не так-то просто. Когда Ян остановил машину возле завода, ему навстречу уже торопился менеджер.

— Добро пожаловать, ваша честь, с возвращением...

Он суетливо переминался с ноги на ногу; дыхание дымилось в морозном воздухе.

— Спасибо, Рэдклиф. Надеюсь, все шло нормально, пока меня не было?

В дежурной улыбке Рэдклифа промелькнуло беспокойство.

— Вообще-то неплохо, сэр. Не все закончили, правда, вы уж простите. Очень жаль, но запчастей не хватает. Быть может, вы нам поможете их получить. Но позвольте, я покажу вам отчет.

Похоже, здесь ничего не изменилось. Под ногами по-прежнему стояли лужи, несмотря на летаргическую активность человека со шваброй. Ян открыл было рот, чтобы высказаться по этому поводу, — но промолчал. По-видимому, Рэдклиф тоже ожидал такого разговора: он быстро оглянулся через плечо. Ян улыбнулся ему. Это же, можно сказать, родной коллектив. Наверно, прежде он был слишком скор на расправу, но впредь станет терпимее. Пряник лучше кнута — больше толку. Несколько приятных слов, разговор по душам... Так должно лучше получаться.

Однако пришлось все-таки напрячься, чтобы не выйти из себя, когда он стал просматривать распечатки. Сказать хоть что-нибудь он был просто обязан.

— Послушайте, Рэдклиф. Честное слово, мне не хочется повторяться — но так дело не пойдет. У вас было больше двух недель, а список короче не стал.

— У нас людей мало, ваша честь: болеют, зима суровая. Но вы увидите, работа сделана...

— Да у вас было столько поломок за это время, что сейчас положение хуже прежнего.

Ян услышал в своем голосе сердитые ноты и оборвал тираду. На этот раз он будет сдержан. Стараясь не топать, он прошел к двери кабинета и выглянул в цех. Там, в дальнем конце, катили тележку с чаем. Да, чашка чаю — то, что надо сейчас, чтобы успокоиться. Он вернулся к своему столу и открыл кейс.

— Черт побери!

— Что-нибудь случилось, сэр?

— Ничего серьезного. Я оставил термос с чаем в гостинице, забыл из сумки переложить.

— Я могу послать кого-нибудь на велосипеде, сэр. Это всего несколько минут.

— Не надо. Не стоит трудов. — И тут Яна осенила блестя-

щая, почти безрассудная идея: — Давайте сюда тележку. Попьем с вами чайку.

Глаза у Рэдклифа широко раскрылись, какой-то момент он потрясенно молчал.

— О нет, ваша честь. Вам не понравится, что́ мы здесь пьем. Чистые помои. Я пошлю...

— Не надо. Давайте ее сюда.

Ян снова взялся за распечатки, отмечая, что́ необходимо сделать в первую очередь, и не видел, какая началась суматоха. Разносчица вмиг очутилась в кабинете, беспрерывно кланяясь и без конца вытирая руки о передник. Рэдклиф убежал, вернулся с чистым полотенцем, и она стала протирать одну из кружек. Протирала, протирала... Когда наконец в кружку налили чай, оказалось, что на мятом подносе она красуется одна.

— Вы тоже, Рэдклиф. Я приказываю.

Чай был горячий, но это, пожалуй, все, что можно было сказать в его пользу. Грубая кружка царапала губы.

— Замечательно, — похвалил Ян.

— Да, ваша честь, чаек хороший. — Рэдклиф едва не плакал.

— Надо будет повторить.

Рэдклиф не ответил, и Ян представить себе не мог, каким образом продолжить разговор. Молчание длилось, пока он не прикончил свой чай — и не осталось ничего иного, как снова взяться за работу.

Работы оказалось сверх головы. Пока его не было, никто не заботился даже о самом насущном ремонте, а уж о градуировке приборов и говорить нечего. Ян трудился в поте лица. Было уже около семи, когда он зевнул, потянулся — и обнаружил, что дневная смена давным-давно ушла. Он вспомнил, что заглядывал Рэдклиф и что-то сказал, но что — уже не помнил. Ладно, на сегодня хватит. Он собрал бумаги, натянул меховое пальто и вышел.

Ночь была морозная, сухая; в небе льдинками дрожали звезды. Да, далеконько оно, Красное море... Замечательно забраться в машину и включить отопитель.

Сейчас он хорошо поработал. Система управления функционировала отлично; а если нажать — можно добиться, чтобы и ремонт, и профилактику делали вовремя и получше. *Надо* добиться.

Он резко рванул руль, чтобы не сбить велосипедиста, внезапно появившегося в свете фар. Темная одежда, черный ве-

лосипед — и ни одного отражателя. Они когда-нибудь чему-нибудь научатся?

Со всех сторон тянулись голые поля, не видно ни одного дома. Какого черта этот тип катается тут в темноте?

Ответ явился за ближайшим поворотом. Яркие окна и освещенный знак возле дороги. Пивная. Он проезжал здесь сотни раз, но до сих пор не знал о ее существовании. Зачем она ему? Ян сбавил скорость. На вывеске с надписью «Железный Герцог» был изображен и сам герцог с высоко поднятым аристократическим носом. Однако клиентура здесь была не столь аристократична: ни одной машины поблизости, а к фасадной стене прислонились велосипеды. Неудивительно, что раньше он ни разу не обратил внимания на это заведение.

Он нажал на тормоза. Конечно! Надо остановиться, выпить — и поговорить с людьми. А что плохого? Посетители наверняка обрадуются, увидев его в своей компании; он им скрасит холодный вечер... Прекрасная мысль!

Ян запер машину и зашагал к пивной по твердой замерзшей земле. Едва он прикоснулся к двери, та широко распахнулась, и он оказался в большом, ярко освещенном зале, где воздух был густ от дыма дешевого табака и марихуаны. Из настенных динамиков гремела какая-то сверлящая музыка, настолько оглушительная, что человеческих голосов не было слышно, хотя здесь было много народу: целая толпа возле бара, и почти все столики заняты — и все разговаривали. Ян с интересом отметил полное отсутствие женщин. Среди посетителей приличного кабака женщин по меньшей мере половина, а то и больше... Он нашел местечко возле стойки и постучал по крышке: бармен не сразу его заметил.

— О, простите, сэр! Рады вас видеть, сэр... — Бармен заторопился навстречу с радостной улыбкой на толстых губах. — Чего изволите?

— Двойное виски. И для вас что-нибудь.

— О, спасибо, сэр. Я возьму то же, что и вы.

Надписи на бутылке Ян не заметил. Виски было похуже, чем он пил обычно, но по честной цене. Двойная порция стоила меньше, чем простая в его квартале. Этим людям не на что жаловаться.

Возле стойки стало просторнее; никого, кроме Яна, здесь почти не осталось. Он обернулся — за одним из ближних сто-

ликов сидели Рэдклиф и несколько человек с Уолсокенского завода. Ян помахал им рукой и подошел.

— Ну как, Рэдклиф, отдыхаете?

— Можно и так сказать, ваша честь.

Рэдклиф произнес это холодно и официально: казалось, что он чем-то обеспокоен.

— Не будете возражать, если я присоединюсь к вам?

В ответ прозвучало что-то нечленораздельное, и Ян решил, что они не возражают. Он подтянул свободный стул от соседнего столика, сел и огляделся. На него никто не смотрел, каждый разглядывал что-то интересное в глубине своей кружки.

— Ночь холодная, верно?

Один из них шумно хлебнул пива — иного ответа Ян не дождался.

— И такие холодные зимы продержатся еще несколько лет. Это так называемые незначительные климатические изменения, небольшие колебания погоды внутри продолжительных циклов. Нового ледникового периода не будет — по крайней мере пока, — но можно рассчитывать, что такие же холодные зимы какое-то время продержатся.

Нельзя было сказать, что восторг его аудитории оказался слишком бурным. И Ян вдруг понял, что ведет себя по-дурацки. Прежде всего — зачем он сюда пришел? Что он может узнать у этих флегматичных болванов? Совершенно идиотская была идея, с самого начала. Он осушил свой стакан и поставил его на стол.

— Ладно, развлекайтесь, Рэдклиф. И вы все. Утром на работе встретимся. И наконец приведем в порядок всю перегонку. Дел очень много.

Они что-то забормотали в ответ, но он не стал слушать. К чертям все эти теории и всех этих блондинок в подводных лодках. Это ж совершенно надо свихнуться, чтобы творить то, что он творит, чтобы в таких мыслях увязнуть... К дьяволу!

После духоты пивной приятно было вдохнуть кусачего морозного воздуха. Машина его стояла на месте, но у открытой двери склонились двое.

— А ну-ка стойте! Что это вы там делаете?

Ян побежал к ним, спотыкаясь на замерзшем грунте. Они быстро оглянулись — белесые кляксы неразличимых лиц, — повернулись и бросились в темноту.

— Стой! Слышишь — стой!

В машину к нему залезли!.. Бандиты! Так просто они не уйдут... Он забежал вслед за ними за угол. Один остановился — хорошо!.. Оборачивается...

Кулака он даже не увидел. Только ощутил острую боль в скуле. И рухнул.

Удар был тяжелый, жестокий удар. Наверно, несколько секунд он был без сознания, а когда пришел в себя — поднялся на четвереньки и замотал головой. В голове плескалась боль. Потом вокруг послышались крики, топот, чьи-то руки подхватили его и поставили на ноги. Кто-то помог ему дойти назад в пивную, завел в какую-то небольшую комнату... Он тяжело упал в глубокое кресло. Откуда-то появилось мокрое полотенце; лоб оно холодило, а ушибленную скулу жгло — он взял его в руки и стал держать сам. Потом взглянул на Рэдклифа — они были вдвоем в этой комнате.

— Я знаю его. Того, кто меня ударил.

— Вряд ли, сэр. Не думаю, что это кто-нибудь с нашего завода. Я оставил у машины человека, сэр, он приглядит. Похоже, что из машины ничего не взяли — вы слишком быстро вернулись. Кажется, слегка повредили дверь, ломиком открывали.

— А я говорю, я его знаю. Хорошо его рассмотрел. Он работал на заводе. — От холодного компресса стало полегче. — Сэмпсон или что-то в этом роде. Вспомните-ка, он еще цех чуть не спалил... Симмонс — вот как его имя!

— Это не мог быть он, сэр. Он умер.

— Умер? Не понимаю. Две недели назад он был совершенно здоров.

— Самоубийство, сэр. Не смог смириться с возвращением на пособие. Он несколько лет проучился, чтобы работу получить. А работал всего пару месяцев.

— Ну, меня-то упрекать не в чем. Насколько я помню, вы согласились, что уволить его необходимо.

На этот раз Рэдклиф глаз не опустил, в его голосе послышалась непривычная твердость:

— А я помню, что просил вас его оставить. А вы отказались.

— Уж не считаете ли вы, что я каким-то образом виноват в его смерти?

Рэдклиф не ответил, лицо его оставалось бесстрастно. И он по-прежнему не отводил взгляда. Ян отвернулся первым.

— Иногда такие решения трудно принимать, — сказал он. —

Но они необходимы. Однако я поклясться готов, что этот человек Симмонс. Выглядит совершенно так же.

— Да, сэр. Это его брат. Выяснить это очень легко, если захотеть.

— Спасибо, что подсказали. Полиция быстро разберется.

— А надо ли, инженер Кулозик? — Рэдклиф сидел очень прямо, и в голосе его появился металл, какого Ян никогда прежде не слышал. — Надо ли ставить их в известность? Симмонс мертв — этого вам мало? А брат заботится о его жене и детишках. Все на пособии. Всю жизнь. Стоит ли удивляться, что он зол на вас? Я его не оправдываю, зря он это затеял. Но если вы забудете о случившемся — несколько человек будут вам благодарны. Он сильно изменился с тех пор, как нашел брата мертвым.

— Но я должен...

— Разве? Должен — что? Оставаться со своими, вот что. И оставить нас в покое!.. Если бы вы не явились нынче мозги нам полоскать, не стали бы лезть туда, где никому не нужны, ничего бы и не случилось. Оставьте нас в покое, говорю. Залезайте в свою машину и мотайте отсюда. И оставьте все как есть.

— Никому не нужен?.. — Ян пытался освоиться с мыслью, что эти люди могут относиться к нему таким вот образом.

— Здесь — нет. Я сказал достаточно, ваша честь. Делайте что хотите. Что случилось — того уже не изменишь. А за машиной вашей присмотрят, пока вы не соберетесь.

Он вышел, и Ян остался в одиночестве. В таком ужасающем одиночестве, какого не испытывал никогда в жизни.

Глава 5

Ян медленно ехал в гостиницу, в Уизбич, настроение у него было кошмарное. В баре «У Белого Льва» толпа...

Он быстро вошел и поднялся по скрипучей лестнице к себе в номер. Ссадина на щеке была не очень заметна, зато очень чувствительна. Он умылся холодной водой и снова прижал к лицу мокрую ткань, глядя в зеркало. И чувствовал себя — дурак дураком.

Потом налил большую порцию из бара в номере — и встал у окна, глядя на улицу отсутствующим взглядом и пытаясь понять, почему до сих пор не позвонил в полицию. С каждой минутой это становилось все невозможнее: ведь они захотят

узнать, почему он не позвонил раньше. И чего он тянет? На него жестоко напали, машину взломали, повредили. У него все основания сдать этого человека!..

Неужели смерть Симмонса на его совести?

Не может быть, это просто немыслимо. Раз человек не работает, как положено, — он не заслуживает права на работу. Когда занят лишь один из десяти желающих, надо соответствовать. Иначе выгонят. А Симмонс не соответствовал, и потому его выгнали. А он себя убил.

— Я не виноват, — сказал Ян вслух, твердо.

И начал укладывать сумку. К дьяволу этот Уолсокенский завод и всю здешнюю сволочь. Он свое дело сделал: контрольная автоматика установлена — а эксплуатация не его забота. Пусть этим занимается кто-нибудь другой. Утром он пошлет рапорт — пусть инженерный совет думает, что тут делать дальше, — а его ждет масса другой работы. Положение позволяло ему выбирать, чем заняться, и он не хотел больше торчать на этом убогом спиртзаводе среди заледеневших полей.

Скула болела, и он выпил больше, чем следовало перед поездкой. Добравшись до лондонского выезда с автострады, Ян попытался отключить автопилот — однако ничего не вышло. Компьютер определил уровень алкоголя в крови — а он оказался выше допустимого — и теперь отказывался отдать управление. Машина ехала медленно, тупо. Ян бесился от злости, потому что в компьютере было лишь несколько маршрутов по Лондону, и все в объезд. Нигде угла не срежет, размышляет на каждом перекрестке и уступает дорогу любому с ручным управлением, даже если тот ползет как черепаха... Компьютер отключился только у самых ворот гаража, и Ян доставил себе маленькое удовольствие — разогнался по уклону и влетел на свое место, ударившись бампером о стену, несмотря на визг тормозов.

Он выпил еще и, проснувшись в три часа ночи, обнаружил, что свет не выключен, а телевизор в углу разговаривает сам с собой. Он навел порядок, улегся снова и проспал до утра.

Ян допивал кофе, когда раздался звонок в дверь. Покосившись на экран, он нажал кнопку дистанционного звонка. Это оказался его зять.

— Вид у тебя сегодня не блестящий, — сказал Тергуд-Смит, аккуратно кладя на диван пальто и перчатки.

— Кофе?

— С удовольствием.

— У меня и состояние не блестящее. — Ян уже решил, что правды никому не скажет. — Поскользнулся на льду, думал, без зубов останусь. А придя домой, хватанул лишнего, все старался боль заглушить. Чертова машина даже не дала мне ехать самому.

— Это проклятие автоматики. Врачу показывался?

— Нет нужды. Простой ушиб. Чувствую себя дурак дураком.

— Такое со всеми случается, даже с наилучшими из нас. Элизабет приглашает тебя сегодня к обеду. Ты сможешь?

— Еще бы! Она же лучший кулинар во всем Лондоне... Если только это не очередные смотрины.

Он подозрительно посмотрел на Тергуд-Смита. Тот поднял вверх палец и улыбнулся:

— То же самое и я ей сказал. И хотя она клялась и божилась, что эта девушка одна на миллион, — все-таки пообещала, что не позовет ее. Обедаем втроем.

— Спасибо, Смитти. Лиз никак не смирится с тем, что я по натуре холостяк.

— Когда я сказал, что ты, наверно, и на смертном одре резвиться будешь, она заявила, что я вульгарен.

— Очень надеюсь, что ты не ошибся. Но ты же не для того тащился через весь город, ведь мог бы и позвонить?

— Разумеется. У меня для тебя еще одна забавка, глянь-ка.

Он достал из кармана плоский пакетик и протянул Яну.

— Не знаю, как у меня нынче с глазами, но давай попробуем.

Ян вынул из конверта металлическую коробочку и открыл. В ней было несколько крошечных табло и винтиков настройки. Изящно сделано. Тергуд-Смит уже подбрасывал ему дополнительную работенку: электронные приборы, испытания которых проводила Безопасность, или технические проблемы, где нужен был совет специалиста высокого класса. Это было своего рода семейным делом, и Ян всегда был рад помочь. А особенно если возникала еще и премия наличными, когда приходилось тратить на работу какое-то время.

— Выглядит очень славно, — сказал он, — но ума не приложу, для чего это.

— Телефонный детектор прослушивания.

— Это невозможно.

— Все так думают, но у нас в лаборатории есть несколько интересных чудаков. Эта машинка настолько чувствительна,

что по сопротивлению и потере тока может анализировать каждый элемент цепи. Очевидно, что если ты прослушиваешь сигнал, идущий по проводам, — само детектирование вызывает вполне измеримое изменение сигнала, и его тоже можно уловить. Это тебе что-нибудь говорит?

— Говорит-то много. Но при передаче сигнала возникает такая уйма случайных потерь — через включатели, контакты и прочее, — что я не представляю себе, как такая штука может работать.

— Предполагается, что она анализирует каждую потерю, устанавливает ее величину, определяет, какой она должна быть, и, если все совпало, переходит к следующей утечке.

— Я могу сказать только: «Ух ты-ы!» Если ваши ребята сумели засунуть столько электроники в такую коробочку — шляпу долой. Но чего ты хочешь от меня?

— Как проверить прибор вне лаборатории? Вдруг он не работает?

— Очень просто. Включи его на несколько телефонов — хотя бы на свой собственный и еще кого-нибудь из вашей конторы — и дай ему поработать. А потом подцепи на эти линии прослушивание — и увидишь, что он скажет.

— Звучит действительно просто. Они говорят, что достаточно как-то воткнуть его в микрофонный ввод. Это сложно?

— Вовсе нет. Вот так. — Ян подошел к своему аппарату и закрепил прибор поверх микрофона. Загорелась лампочка «ВКЛ». — А теперь просто говори, как обычно.

— Давай попробуем. Я скажу Лиз, что ты придешь.

Во время короткого разговора они оба следили за быстрыми вспышками сигналов. Похоже, прибор трудился вовсю. Тергуд-Смит нажал рычаг телефона, и мерцание прекратилось. Засветилась строчка табло: «ЛИНИЯ ПРОСЛУШИВАЕТСЯ НА КОММУТАТОРЕ».

— Похоже, что работает, — негромко сказал Тергуд-Смит, глядя на Яна.

— Работает... Так ты думаешь, он нашел «клопа» на моем телефоне? С какой стати... — Ян на момент задумался, потом погрозил зятю пальцем. — Кончай, Смитти. Ты отнюдь не случайно пришел ко мне и прицепил эту штуковину. Ты знал, что меня подслушивают. Но почему?

— Скажем так, Ян: я подозревал нечто подобное. Но уверен не был. — Он подошел к окну и выглянул наружу, сплетя

пальцы за спиной. — Работа моя полна неопределенностей и подозрений. Были намеки, что ты под наблюдением одного отдела, но мне не так уж удобно спрашивать; к тому же там стали бы все отрицать. — Он обернулся, лицо его стало очень жестким. — Но теперь я знаю — и пара голов покатится. Я не позволю этим болванам трогать мою семью. Все будет улажено, так что забудь об этом.

— Хотел бы, Смитти. Но боюсь, что это мне не удастся. Я должен знать, что происходит.

— Конечно, должен. — Тергуд-Смит смиренно поднял руки. — Просто ты оказался в ненужный момент в ненужном месте. Этого вполне достаточно, чтобы низовые бюрократы начали действовать.

— Я был в самых обычных местах. А единственный ненужный момент — когда меня чуть не утопили.

— Вот именно. Признаться, я не совсем поверил тебе, когда ты рассказывал, что видел. Даже больше скажу, но это *должно остаться между нами.*

— Мог бы и не предупреждать.

— Извини. Так вот. На первом катере были преступники — контрабандисты, везли наркотики. Второй катер был наш, сторожевик. Догнал беглецов и взорвал.

— Контрабандные наркотики? Я и не знал, что такое бывает. Но если бывает и если их поймали — это же отличный сюжет для вечерних новостей.

— Я-то с тобой согласен, но согласны не все. Им кажется, что такая информация будет только поощрять нарушение закона. Такова политика, и нам от нее никуда не деться, и ты случайно влип в эту кашу. Но не надолго. Так что забудь и о «клопе», и о том, что я тебе говорил, — и приходи к восьми.

Ян взял зятя за руку.

— Если я кажусь недостаточно благодарным — так это только из-за похмелья. Спасибо. Хорошо знать, что ты есть. Я, правда, половины не понял, но, может быть, и не хочу понимать.

— Это самое мудрое. До вечера.

Когда дверь закрылась, Ян вылил в раковину остывший кофе и подошел к бару. Клин клином вышибать — это не в его правилах, но сегодня случай особый. Можно ли верить Смитти? Он правду сказал или приврал по долгу службы? Он все рассказал или там есть еще что-нибудь? Единственное, что

оставалось, — вести себя так, будто это «еще что-нибудь» есть на самом деле. И следить за собой при телефонных разговорах.

Потом до него вдруг дошло, что Сара на субмарине говорила правду. Оказывается, мир далеко не так прост, как он думал всю жизнь.

На улице шел снег, и лондонский Сити исчез за мельтешащей белой пеленой. Что же делать? Он знал, что стоит на распутье, на развилке жизненных дорог. Быть может, это самый главный выбор, выбор важности неимоверной. За последние недели он получил немало ощутимых ударов; пожалуй, больше, чем за всю предыдущую жизнь. Школьные драки, университетские экзамены, дела любовные — все это на самом деле было совсем просто. Жизнь всегда текла ему навстречу, и он всегда принимал это как должное. Все решения были просты, потому что всегда шли по течению. Теперь — другое дело. Теперь надо *решать.*

Конечно, он мог бы забыть все, что услышал и узнал, — и жить, как прежде...

Но нет. Вряд ли. Все изменилось: мир, в котором он жил, оказался ненастоящим, а его взгляд на реальность — неверным. Израиль, контрабандисты, подлодки, демократия, рабовладение... Все это существовало, а он ничего не знал. Он заблуждался. Словно люди до Коперника, убежденные в том, что Солнце вращается вокруг Земли. Они верили — нет, они знали, — это правда. И они ошибались. Он тоже знал свой мир — и точно так же ошибался.

В тот момент он не имел понятия, куда заведут его эти мысли, но ощутил внезапный страх, что дело может кончиться катастрофой. Может — но попытаться все-таки надо... Возникла даже гордость какая-то, что он так свободно мыслит; что способен к рациональному, без эмоций, поиску истины, в чем бы она ни состояла.

Ну что ж. В мире много такой правды, о которой он и понятия не имеет, — он до нее докопается. И он знает, как это сделать. Это просто. Быть может, он и оставит какие-то следы — но если сделает все, как надо, его не поймают.

Улыбнувшись, он взял блокнот, карандаш, — и сел чертить схему компьютерной программы. С помощью этой программы он узнает все.

Глава 6

— У меня просто слов нет, как я рада, что вы решили работать с нами. Все наши микросхемы — древности, годные разве что для музеев. Я каждый день просто в отчаянии, просто не знаю, что с ними делать.

Седая, маленькая, толстенькая — Соня Амарильо была едва видна из-за большого письменного стола. Несмотря на годы, прожитые в Лондоне, она говорила с заметным французским акцентом, а похожа была на консьержку или замотанную домохозяйку, хотя по праву считалась одним из лучших специалистов по связи во всем мире.

— Я тоже рад, мадам Амарильо. Быть здесь для меня и большая честь, и большое удовольствие. Должен сознаться, что присоединяюсь к вашей работе из чисто эгоистических побуждений.

— Побольше бы такого эгоизма!

— Однако это чистая правда. Я работаю над малогабаритной системой морской навигации. У меня возникли кое-какие проблемы, и в конце концов до меня дошло, что главное — я просто очень мало знаю об устройстве сателлитов. Когда услышал, что вы ищете специалиста по микросхемам, то сразу ухватился за такой шанс.

— Вы просто замечательный! А раз так — я рада вам вдвойне. Пойдемте в вашу лабораторию.

— А вы не хотите сначала сообщить мне, в чем будет состоять моя работа?

— Во всем. — Она быстро взмахнула руками во всеохватном жесте. — Я хочу, чтобы прежде всего вы разобрались с нашими схемами. Спрашивайте, изучайте наши сателлиты. У нас очень много трудностей, но ими я пока не хотела бы вас обременять. Когда вы освоитесь, я свалю на вас ворох проблем. Во-от такой!.. Вы еще пожалеете, что пришли...

— Вряд ли. Мне на самом деле очень нужно разобраться во всем вашем хозяйстве.

Это была святая правда. Ему надо было поработать в какой-нибудь очень крупной лаборатории, и вакансия в спутниковой программе оказалась очень кстати. Здесь он сможет довести до ума свою систему навигации. И принесет немало пользы, если схемы действительно так устарели, как она сказала.

Оказалось, что на деле все еще хуже. Первый сателлит, который он изучил во всех деталях, был громадной двухтонной машиной, висевшей в небе над Атлантическим океаном на геосинхронной орбите на высоте 35924 километра. Уже многие годы он был в аварийном состоянии, работало меньше половины систем, и сейчас изготавливалось оборудование для замены. Ян начал просматривать чертежи этих замен. На одном экране появлялись общие схемы, а на другом — побольше размером и поближе к нему — цветные деталировки отдельных контуров. Некоторые из них показались знакомыми, слишком знакомыми. Он прикоснулся иглой-указкой к экрану и запросил информацию. На третьем дисплее засветились цифры расшифровки.

— Быть того не может! — воскликнул Ян вслух.

— Вы меня звали, ваша честь? — Ассистент, толкавший тележку с инструментом, остановился и повернулся в его сторону.

— Нет-нет, спасибо. Я сам с собой.

Тот заторопился дальше, а Ян в изумлении покачал головой. Эти схемы приводились в учебниках, когда он еще в школу ходил; им должно быть никак ни меньше пятидесяти лет. За это время предложены десятки новых решений. Если будут попадаться еще такие же проекты, он сможет без особого труда улучшить конструкции сателлитов за счет уже готовых современных схем. Скучно, зато просто. И будет достаточно свободного времени для собственных дел.

А собственные дела шли хорошо. Он уже пробрался через большую часть защит университетского компьютера в Оксфорде и теперь отыскивал закрытые области в исторических отделах. Годы работы с конструированием компьютерных схем приносили свои плоды.

Компьютер — вообще-то машина глупая. Это просто большой арифмометр, который считает на пальцах. Только пальцев у него невероятно много, и считает он с неимоверной скоростью. Но думать компьютеры не умеют и делают только то, на что запрограммированы. Если компьютер функционирует в качестве склада памяти, то он отвечает на любой заданный вопрос. Банк памяти в публичной библиотеке доступен каждому, кто подойдет к его терминалу. Библиотечный компьютер — очень полезная вещь. Он найдет вам книгу по названию, по имени автора, даже по теме. Он будет давать вам информацию о книге или о книгах, пока вы не убедитесь, что именно это вам и нужно... И по вашему сигналу передаст эту

книгу — за несколько секунд — в банк памяти вашего компьютера.

Но даже у библиотечного компьютера есть свои ограничения на выдаваемый материал. Одно из таких ограничений — возраст заказчика при доступе в порнографический отдел. В код каждого заказчика входит год его рождения — как и другая нужная информация, — и если десятилетний мальчик пошлет запрос на «Фанни Хилл», то получит вежливый отказ. А если будет настаивать — то очень скоро выяснит, что компьютер запрограммирован сообщить его врачу о неоднократных нездоровых действиях.

Но если тот же самый мальчик воспользуется кодовым номером своего отца — тот же самый компьютер пришлет ему «Фанни» с цветными иллюстрациями и не задаст никаких вопросов.

Ян все это знал. Знал, насколько бездумны компьютеры и каким образом обойти блокировку и защитную сигнализацию, введенную в их программы. Не прошло и недели, как он вышел на неиспользуемый терминал в Бальольском колледже, присвоил ему новый приоритетный код и начал использовать его для доступа к записям, которые хотел увидеть. Даже если его излишняя любознательность включит сигнал тревоги, запрос можно будет проследить только до Бальоля, где такие вещи наверняка случаются довольно часто. Дальше цепь проходила через лабораторию психопатологии в Эдинбурге и только оттуда на его терминал. А в свою собственную программу он ввел достаточное количество защит с сигнализацией, которые должны были предупредить его о самом начале слежки, чтобы он успел отключиться заранее и убрать все следы связи с закрытой базой данных.

Сегодня предстоял главный экзамен, сегодня он увидит, чего стоят все его труды. Программу запроса он приготовил дома, она была у него с собой. Начался утренний «чайный» перерыв, в лаборатории почти никого не было. На четырех дисплеях у Яна были развернуты схемы. И никто его не видел. Он достал небольшую сигару — чтобы осуществить свой план, ему пришлось снова закурить после восьмилетнего перерыва, — потом вытащил из кармана электрическую зажигалку. Спиралька в момент раскалилась добела, он выпустил изо рта облако дыма... И положил зажигалку на стол. Поверх

чернильного пятнышка, которое казалось случайным, но на самом деле было поставлено с превеликим тщанием.

Он очистил ближайший маленький экран и спросил, готов ли компьютер к вводу программы. Компьютер был готов — это значило, что зажигалка лежит над проводами в рабочем столе так, как надо. Он нажал клавишу «Ввод» — на экране появилось слово «Сделано». Его программа была уже в компьютере. Зажигалка отправилась обратно в карман, вместе с магнитной пузырьковой памятью на 64 килобайта, которую он сунул туда в свободное место, появившееся при замене обычной батарейки на меньшую.

Вот он, момент истины. Если программа написана как следует — она вытащит нужную ему информацию, не оставив никаких следов запроса. Даже если поднимется тревога — он был уверен, что его не так легко найти. Потому что, как только эдинбургский компьютер получит эту информацию, он тотчас передаст ее в Бальоль и тут же, не дожидаясь подтверждения приема, сотрет в своей памяти все: и саму программу, и запрос, и передачу, и адрес. Бальоль сделает то же самое, едва передаст информацию к нему в лабораторию. Если окажется, что информация передана некачественно, ему придется начинать все с самого начала. Но это стоит трудов. Если это избавит его от слежки — тут никаких трудов не жалко.

Ян стряхнул сигару над пепельницей и убедился, что никто даже не смотрит в его сторону. Никто и не мог бы увидеть, что он сейчас делает, все его действия были совершенно обычны. Он набрал кодовое слово «ИЗРАИЛЬ», оно появилось на экране. Потом ввел команду «Пуск».

Поползли секунды. Очень медленно. Пять, десять, пятнадцать... Он знал, что время понадобится: ведь нужно добраться до памяти, проникнуть в зашифрованные блоки, найти нужную статью, передать ее... Он уже проводил эксперименты с поиском несекретного материала из того же источника — и обнаружил, что больше восемнадцати секунд ждать не приходится. На этот раз он дал себе двадцать секунд, не больше. Теперь его палец лежал на клавише, которая отключит связь. Восемнадцать секунд, девятнадцать...

Он уже готов был нажать клавишу, когда экран очистился и появились слова: «ПРОГРАММА ВЫПОЛНЕНА».

Получилось что-нибудь или нет — этого он не знал. И не собирался рисковать, выясняя это здесь и теперь. Наполови-

ну выкуренная сигара была изжевана — он бросил ее в пепельницу и достал из пачки новую. Раскурил. И снова положил зажигалку на стол, на то же место.

Чтобы переписать содержание компьютерной памяти в память зажигалки, понадобилось лишь несколько секунд. Как только зажигалка снова оказалась в кармане, Ян стер все следы происшедшего из памяти терминала, вернул на экран прежнюю схему и пошел пить чай.

Вести себя в этот день хоть сколько-нибудь необычно Яну не хотелось, а потому он снова погрузился в изучение сателлита. Увлекшись запутанными лабиринтами электронных схем, он напрочь забыл о содержимом своей зажигалки. В конце дня он ушел с работы не последним, но и не первым.

Придя домой, он сбросил пальто и запер дверь. Проверил охранную сигнализацию, которую сам установил. Система сообщала, что в его отсутствие никто к нему не забирался.

Теперь память переселилась из зажигалки в его домашний компьютер. Что-то там наверняка было, и существовал только один способ проверить, увенчался ли успехом его план. Он набрал на клавиатуре «Пуск» и нажал клавишу ввода.

Получилось! Там оказались многие и многие страницы. История государства Израиль от библейских времен и до наших дней. Без пропусков и фиктивных сведений об анклаве ООН. И похоже — то, о чем говорила ему Сара, только более подробно. Точка зрения явственно отличалась, но по существу — все, что она ему говорила, — правда. А значит, и все остальное, что она говорила, — тоже правда?.. Значит, он рабовладелец?.. Придется еще рыть и рыть, чтобы докопаться, что она имела в виду и что там с демократией. А пока он с растущим интересом читал историю, которая была совершенно не похожа на ту, что он учил в школе.

Но история оказалась неполной: запись внезапно оборвалась на середине строки. Может быть, это случайность? Прокол в той сложной программе, которую он сочинил? Конечно, не исключено и такое — но ему не верилось. Лучше считать это преднамеренным вмешательством извне и пересмотреть весь план. Если он, добираясь до запретной информации, пропустил какой-нибудь контрольный код, то должен был прозвучать сигнал тревоги. Значит, они вмешались в работу программы на ходу. И проследили ее.

Хотя в комнате было тепло, его зазнобило. Но это же глупо:

не может Безопасность работать настолько эффективно!.. А впрочем — почему не может? Такую вероятность исключать нельзя... Он отряхнулся от мыслей, пошел на кухню, достал из морозилки обед и поставил в микроволновую печь.

После обеда снова перечитал весь материал, непроизвольно оглянувшись, когда добрался до обрубленного конца. Потом пролистал его еще раз, останавливаясь на самых интересных местах. Потом набрал соответствующую команду — и ликвидировал все это, одним нажатием клавиши превратил машинную память в хаотическую массу электронов. И память в зажигалке тоже ликвидировал: протянул ее через сильное магнитное поле стирателя. Сделав это, он задумался. Хорошо, но мало. Через минуту память перекочевала из зажигалки в коробку с запасными деталями, а в зажигалку вернулась оригинальная батарейка. Теперь все следы были уничтожены. Может быть, это и глупо, но, проделав все это, он испытал облегчение.

Утром, по дороге в лабораторию, он проходил мимо библиотеки, обычно безлюдной в это время, когда его окликнул знакомый голос:

— А ты ранняя пташка, Ян!

Зять небрежно махал ему от дверей.

— Смитти! А ты что тут делаешь? Я не знал, что тебя интересуют сателлиты...

— Меня интересует все. Удели мне минутку. Заходи и закрой дверь.

— Как мы таинственны сегодня... Могу поделиться моим открытием: мы до сих пор строим сателлиты по схемам прошлого века. Как тебе это нравится?

— Во всяком случае, ничуть не удивляет.

— Но ведь ты не ради этого пришел, верно?

Тергуд-Смит покачал головой; лицо у него было печально, как у сеттера.

— Нет. Тут дело посерьезней. Тут происходит что-то нехорошее, и я предпочел бы, чтобы тебя здесь не было, пока мы не выясним, что к чему.

— Что-то нехорошее? Больше ты мне ничего не скажешь?

— Пока нет. Элизабет нашла еще одну девчушку и желает повесить тебе на шею. На этот раз какая-то наследница — и может тебя завлечь. Так она полагает.

— Бедняжка Лиз! Она никак не успокоится. Скажи ей, что я на самом деле гомик и перестал наконец это скрывать.

— Так она начнет искать тебе мальчиков.

— А знаешь, ты прав. С тех пор как мать умерла, она начала заботиться обо мне. И теперь, наверно, никогда уже не перестанет.

— Извини... — У Тергуд-Смита загудела рация. Он достал ее из кармана, немного послушал, потом сказал: — Хорошо. Пленку и фотографии давайте сюда.

Через несколько секунд раздался осторожный стук в дверь. Тергуд-Смит открыл лишь настолько, чтобы просунуть в щель руку; Ян не видел, кто был по ту сторону. Тергуд-Смит сел и начал рыться в конверте, который ему подали из коридора.

— Знаешь этого человека? — Он протянул Яну цветное фото.

Ян кивнул:

— Я его видел, однако мы едва здороваемся. Он в лаборатории напротив меня сидит, на другом конце. Как зовут — не знаю.

— А мы знаем. И держим под колпаком.

— Почему?

— Он только что попался на том, что использовал компьютер лаборатории для выхода на коммерческие каналы. Записал полное представление «Тоски».

— Значит, он любит оперу. Это преступление?

— Нет, конечно. А вот незаконная запись — преступление.

— Не станешь же ты говорить, что тебя так уж волнуют эти несколько фунтов, которые лаборатория заплатит вместо него?

— Конечно, нет. Но тут гораздо более серьезное дело: самовольный доступ к секретным материалам. Мы проследили сигнал к какому-то из компьютеров вашей лаборатории, но точнее определить не смогли. А теперь знаем.

Яну стало вдруг ужасно холодно. Тергуд-Смит опустил голову, внимание его было занято портсигаром: сначала вынимал из кармана, потом доставал сигарету... А если бы смотрел — мог бы что-нибудь заметить.

— У нас, конечно, настоящих доказательств пока нет, — сказал он, закрывая портсигар. — Но этот человек теперь под подозрением, и мы не спустим с него глаз. Стоит ему раз оступиться — он наш. Спасибо...

Он глубоко затянулся, прикурив от зажигалки Яна.

Глава 7

Тротуар вдоль набережной был выметен дочиста, но остались белые холмики возле стен и сугробы вокруг деревьев. По черной поверхности Темзы быстро скользили льдины. Ян шел сквозь вечернюю тьму — с одного светлого пятна на другое, — опустив голову и глубоко засунув руки в карманы. Холода он не замечал. С самого утра он ждал — и дождаться не мог, — когда сможет остаться один, сможет разобраться с мыслями и сдержать поток захлестнувших его эмоций.

Время сегодня тянулось невыносимо. Работа не ладилась. Впервые в жизни он не смог в нее втянуться. Схемы казались лишенными всякого смысла; он просматривал их снова и снова — и с тем же результатом. Однако рабочее время кончилось, и он — насколько он мог судить — ничего подозрительного не совершил. И вообще ему нечего бояться: ведь подозрение уже пало — и не на него...

До сегодняшней встречи с Тергуд-Смитом он понятия не имел, насколько мощна Безопасность. Он любил своего зятя и помогал ему, когда мог, и всегда знал, что его работа каким-то образом связана с Безопасностью... Но что такое Безопасность, чем она занимается — все это было слишком далеко от нормальной, обычной жизни. Было. А теперь стало так близко!.. Первая молния уже ударила, возле самого дома. Несмотря на холодный северный ветер, Ян ощущал на лице испарину. Но черт побери — какие молодцы! Хорошо работают, даже слишком. Такой эффективности он никак не ожидал.

От него потребовалось немало знаний и собственной выдумки, чтобы проникнуть сквозь преграды, не пропускавшие к той компьютерной памяти, которая была ему нужна. Но теперь он понял, что эти преграды стоят там лишь для того, чтобы предотвратить случайный выход на секретную информацию. Человек решительный и изобретательный может их обойти; их единственная задача — сделать так, чтобы это было нелегко. Но тому, кто пройдет, грозит настоящая опасность. Государственные тайны должны оставаться тайнами. В тот момент, когда он проникает к запретной информации, ловушка захлопывается: его сигнал детектируют, записывают, отслеживают...

Все хитроумные защиты Яна оказались обезвреженными тотчас же. Эта мысль его напугала. Это значило, что все линии связи в стране, общественные и личные, беспрерывно

контролируются силами Безопасности. Их мощь казалась безграничной. Они могут услышать любой разговор, подключиться к памяти любого компьютера. Постоянное отслеживание всех телефонных разговоров, разумеется, нереально... Или реально? Ведь можно создать такую программу, которая будет слушать слова или фразы и записывать все, сказанное вокруг. Потенциальные масштабы слежки были устрашающими.

Но зачем все это? Они переписали историю — исказили настоящую историю мира — и теперь могут следить за всеми гражданами этого мира. А кто *они*? При такой формулировке ответ был вполне очевиден. На вершине общества людей мало, а внизу много. Те, кто наверху, хотят оставаться там. И он тоже один из тех, кто наверху; так что — без его ведома — все это делается для того, чтобы обеспечить неизменность его положения. Все, что ему нужно делать для сохранения своих привилегий, — абсолютно ничего не делать. Забыть все, что услышал, что узнал, — и мир останется прежним...

Для него. А как насчет остальных? До сих пор он никогда не задумывался о пролах. Они были везде и нигде. Их присутствие постоянно, но незаметно. Он всегда принимал их роль в жизни так же, как и свою собственную: нечто данное и неизменное. А каково быть пролом? Что, если бы *он* был пролом?

Ян содрогнулся. Холод донял его наконец. Просто холод. Впереди светилась вывеска круглосуточного магазина — лазерная голограмма, — он заторопился туда. Стоило ему подойти, двери распахнулись и впустили его в благодатное тепло. Ему нужно кое-что из продуктов — вот он и займется покупками и отвлечется от этих ужасных мыслей.

Следующий номер обслуживания был «17»; он поменялся на «18», когда Ян прикоснулся к сенсорной панели.

Молоко, это точно, молока надо. Он набрал «17» на цифровой клавиатуре под счетчиком литров молока, потом единицу. Масло, да, масла тоже почти не осталось.

И апельсины. Ядреные, спелые. На каждом яркая наклейка «Яффа»; они прилетели в северную зиму прямо из лета. Это все. Он быстро пошел к кассе.

— Семнадцать.

Девушка у кассы набрала номер.

— Четыре фунта десять, сэр. Вам доставить?

Ян подал ей кредитную карточку и кивнул. Она вставила

карточку в кассовый аппарат, потом вернула ему. Появилась корзина с его покупками, кассирша отправила ее на доставку.

— До чего же холодно сегодня, — сказал Ян. — Ветрище!..

Девушка чуть приоткрыла рот, потом — поймав его взгляд — отвернулась. Она слышала, как он говорит, видела, как он одет, — случайных разговоров между ними быть не может. Даже если Ян не знал этого, девушка знала. Он выскочил обратно в ночь, радуясь, что мороз кусает горящие щеки.

Дома он обнаружил, что совершенно не хочет есть. Посмотрел было на бутылку виски — но это тоже не подходило. В конце концов он удовлетворился бутылкой пива — неплохой компромисс — и включил струнный квартет Баха... И задумался. Что же делать?

Что он может? Когда он впервые попытался добраться до запретной информации, его едва не поймали. Спасло собственное невежество и дикое, невероятное везение. Снова пробовать нельзя; или, уж во всяком случае, не так. Если доставляешь хлопоты властям — тебя ждут трудовые лагеря в Шотландии. Всю жизнь он считал эти лагеря мерой суровой, но необходимой. Она избавляет организованное общество от смутьянов. От смутьянов *пролов,* разумеется, никаких других просто нельзя было себе представить. Но теперь, когда он может оказаться одним из них, — это представлялось очень явственно. Стоит ему сделать что-либо привлекающее внимание — его схватят. Точно так же, как любого прола. Конечно, его часть общества материально устроена лучше, чем они, — но он такой же пленник этого общества. Так что же это за мир, в котором он живет? Как узнать о нем что-нибудь еще — и не заработать при этом бесплатный проезд в один конец, к Нагорью?

Простого ответа на этот вопрос он не нашел ни в тот день, ни на следующий, ни на третий... Правда, втянуться в работу лаборатории удалось без труда: она была сложной и интересной. И его ценили.

— У меня просто слов нет, как я счастлива видеть, что вы тут у нас уже успели! — Соня Амарильо всплеснула руками. — И за такой короткий срок!..

— Пока все было просто, — ответил Ян, насыпая сахар себе в чай. Дело было после работы, и он всерьез подумал, что на сегодня хватит, пора домой. — До сих пор я в основном занимался только заменой старых конструкций. Но знаю, что ско-

ро предстоит самостоятельная работа — хотя бы на двадцать первом ретрансляторе — и нелегкая, это уж точно.

— Но вы управитесь. Я верю в вас бесконечно! Но теперь о другом, дела общественные. Вы свободны завтра вечером?

— Вероятно, свободен.

— Сделайте так, чтобы без «вероятно». В итальянском посольстве прием, и, я думаю, вам стоит пойти. Там ждут гостя, которого вы будете рады увидеть. Джованни Бруно.

— Бруно? Здесь?

— Да. По дороге в Америку на семинар.

— Я знаю все его работы. Это физик с мышлением инженера.

— Не сомневаюсь, что в ваших устах это наивысшая похвала.

— Спасибо за приглашение.

— Не за что. Ровно в девять.

Яну совершенно не хотелось идти на скучный прием в посольство, но он знал, что затворником быть не следует. К тому же разговор с Бруно может оказаться весьма полезным. Бруно гений, он разработал принципиально новые блоки памяти. Правда, может случиться, что к нему и близко не подойдешь в толпе светских бабочек. Однако вечерний костюм надо проверить, наверно, погладить придется.

Сборище оказалось именно таким, как он предполагал. Ян вышел из такси за квартал до посольства и остаток пути прогулялся пешком. В посольстве собрался весь цвет общества: люди с положением и деньгами — и без каких-либо других забот, кроме своего общественного статуса. Им хотелось, чтобы их увидели рядом с Бруно, чтобы их имена появились рядом с именем ученого в колонках светской хроники, чтобы потом было чем похвастаться перед своими знакомыми, обладавшими той же широтой интересов... Ян с этими людьми вырос, ходил с ними в школу — и любил их не больше, чем они его. Они частенько смотрели на него сверху вниз, потому что он происходил из семьи потомственных ученых. Не было смысла рассказывать им о далеком предке Анджее Кулозике, знаменитом оригинальными и успешными разработками в области термоядерного синтеза. Большинство из них вообще не знали, что такое ядерная энергия. И вот Ян снова оказался среди этой публики, что ему весьма не нравилось. В толпе в вестибюле оказалось много знакомых и полузнакомых лиц, и, когда он передавал пальто лакею, на его лице тоже застыло холодное и отстраненное выражение, которому он научился еще в приготовительной школе.

— Ян! Ты ли это?

Он обернулся — кому принадлежит этот густой бас, прозвучавший почти в самое ухо?

— Рикардо! Воистину, ты лекарство для моих воспаленных глаз!..

Они тепло пожали друг другу руки. Рикардо де Торрес, маркиз де ла Роса, считался довольно близкой родней с материнской стороны. Высокий, чернобородый, элегантный, обходительный, он был едва ли не единственным из родственников, с кем Ян вообще когда-либо встречался. Они вместе учились в школе, но их дружба выдержала даже это испытание.

— Ты пришел повидать великого? — спросил Рикардо.

— Собирался, пока не увидел, какая очередь выстроилась к нему. Меня ничуть не прельщает перспектива проторчать тут полчаса, чтобы пожать ему руку в перчатке и услышать какую-нибудь дежурную любезность.

— До чего же прямолинеен и дерзок твой островной народ! Вы всегда такими были... А я — как представитель более древней и утонченной культуры — присоединюсь к этой толпе.

— Общественный долг, что ли?

— Попал. С первого раза.

— Ну ладно. Пока ты тут будешь выполнять свой долг, я обойду вас всех на повороте и зарулю в буфет. Говорят, кухня здесь отменная.

— Это верно, и я тебе завидую. Мне ничего уже не останется, кроме холодных котлет и обглоданных костей.

— Будем надеяться, что ты ошибаешься. Если тебя не раздавят — встретимся там.

Буфет оказался даже лучше, чем он ожидал. На этой выставке гастрономических шедевров, кроме него, почти никого не было. Несколько фигур бродили вдоль длиннющего стола, накрытого скатертью, но прислуги по другую сторону стола было гораздо больше. Смуглый шеф-повар в белом колпаке с надеждой навострил нож, перехватив взгляд Яна, брошенный на ростбиф, — и помрачнел, когда Ян прошел мимо. Это он ест каждый день, неинтересно. А вот осьминог в гарли, улитки, паштет с трюфелями — другое дело. Наполнить тарелку деликатесами оказалось совсем нетрудно. Столики у стен свободны; он присел возле одного и с наслаждением принялся за

еду. Восхитительно! Однако очень даже не помешало бы к этому и немного вина. Мимо шла официантка в черном платье, со стаканами на подносе — он подозвал ее взмахом руки.

— Красного. Большую.

Сосредоточившись на еде, он даже не взглянул на официантку.

— Бардолино или корво, ваша честь?

— Пожалуй, корво... Да, корво.

Она подала стакан, он поднял глаза — и увидел ее лицо. Он едва не уронил стакан, она подхватила его и поставила на стол.

— Шалом, — сказала Сара почти шепотом. Быстро подмигнула ему и исчезла.

Глава 8

Ян привстал, намереваясь пойти за нею, — и снова сел. Ее присутствие здесь, конечно, не случайно, и она наверняка не итальянка. Или итальянка? Если итальянка, то вся история с Израилем — обман?.. Ян подумал и пришел к выводу, что подводная лодка вполне могла быть и итальянской. Что же происходит? Мысли вертелись в голове бешеным хороводом, а он сидел и медленно жевал свои деликатесы, совершенно не чувствуя вкуса. К тому времени, как он с ними покончил, помещение начало наполняться людьми, а ему стало ясно, что надо делать.

Прежде всего ничего, что могло бы броситься в глаза. Онто, в отличие от Сары, знает, насколько опасна слежка. Стакан его пуст, так что если он пойдет за другим, то не возбудит подозрений. Если она пришла специально, чтобы установить с ним контакт, — ей станет ясно, что он это понял. А там видно будет. Если она не станет с ним разговаривать или не передаст какую-нибудь записку, ее присутствие здесь — просто случайность; во всяком случае, в том, что касается его. Итальянка или израильтянка — все равно она какой-то вражеский агент, бесспорно. И в стране находится нелегально. Безопасность знает о ней? Быть может, они прямо сейчас за ней следят? Быть может, ее надо выдать, чтобы обезопасить себя?

Эту мысль он отбросил сразу: кем бы она ни была — она из тех людей, кто спас ему жизнь. Да и вообще, ему совсем не хотелось выдавать кого бы то ни было своему зятю или его службе, даже если бы он мог это сделать без опасности для себя. А тут пришлось бы рассказать, откуда он ее знает, и на поверхность вылезла бы вся история с подводной лодкой. Он начинал понимать, на каком тонком льду зиждется мир, который он считал нормальным. Когда его спасли — он провалился, и с тех пор погружается все глубже и глубже.

Ян отыскал официантку взглядом и протиснулся сквозь толпу. Поставил пустой стакан на поднос.

— Еще корво, пожалуйста.

Он смотрел ей в лицо, но она сделала вид, что не замечает. Молча глядя в другую сторону, подала стакан и в тот же миг отвернулась. Так что же это должно значить? Ян ничего не понимал и злился. Он тут мучается, голову ломает, а на него даже внимания не обращают!.. Может быть, это часть какого-то хитроумного плана?.. Все это перестало ему нравиться, а от света и шума разболелась голова... Вдобавок ко всему от непривычно острой пищи давило под ложечкой... Нечего здесь больше делать, пора домой.

Лакей с глубоким поклоном подал пальто, держа его так высоко, что Яну пришлось задирать руки, чтобы попасть в рукава. Застегиваясь на ходу, Ян вышел на улицу и глубоко вдохнул свежий морозный воздух. На улице ждала очередь такси, он махнул швейцару, чтобы тот подозвал машину. Руки начали замерзать, он натянул одну перчатку, начал натягивать вторую — и замер.

В перчатке лежало что-то похожее на клочок бумаги. Ян был уверен, что раньше там не было ничего. Мгновение он колебался, потом надел перчатку до конца. Не здесь и не сейчас. Таксист выскочил из машины, открыл дверь, поклонился...

— Монумент-Корт, — буркнул Ян, плюхаясь на сиденье.

Когда подъехали к дому, из-за навеса к машине устремился привратник, спеша открыть дверцу машины.

— Опять морозно, инженер Кулозик...

Ян кивнул — отвечать необязательно. Он прошел через вестибюль к лифту и даже не заметил лифтера, который повез его на нужный этаж. Естественно. Он должен вести себя естественно при всех обстоятельствах.

Сигнализация была в порядке; за весь день никто не входил к нему и ничего не трогал. А если и входил — сделано это было чисто, и никаких следов не осталось. Если так — дело плохо, деваться некуда. В такой ситуации необходимо относиться ко всему происходящему с некоторой долей фатализма...

Приняв такое решение, Ян вывернул перчатку наизнанку и вытряхнул на стол смятый листок бумаги.

Развернув его, Ян обнаружил, что это счет на 94 пенса. На счете значились время и дата: час ночи, три дня назад. Заведение, выдавшее счет, называлось «Смитфилд Джольон» — он никогда о таком не слышал.

Неужели бумажка попала к нему в перчатку случайно? Ну да!.. Именно в тот вечер и в том месте, где он встретил Сару, — не слишком ли много случайностей? Это наверняка послание, но ничего не значащее для любого, кто нашел бы его случайно. Такие счета болтаются в карманах у каждого. Для Яна бумажка тоже не имела бы ни малейшего смысла, если бы он не встретил в посольстве Сару. Итак, это послание. Но что оно означает?

В телефонном справочнике он обнаружил, что «Смитфилд Джольон» — не то кафе, не то ресторан-автомат. Он не знал, что такие бывают, потому что они располагались в местах, где ему бывать не приходилось. Этот был довольно близко, в грязном районе доков. Что дальше?

Как что? Конечно же — пойти туда в час ночи. Сегодня? Конечно, сегодня! Дураком надо быть, чтобы не понять такого простого намека. Но если пойти — тоже можно оказаться дураком, не иначе. А если не пойти — что тогда? Будет ли еще попытка встретиться с ним? Вероятно, нет. Ведь в таком деле подмигнуть — все равно что поклониться.

Ян сообразил, что уже решился идти, поймав себя на том, что думает, как ему одеться. Значит, решено. Так тому и быть. Надо узнать побольше. Он наденет костюм попроще и ботинки, которые носит на полевых работах в болотистой местности. Он не будет выглядеть пролом — да ему, собственно, и не хотелось, — это наилучший вариант.

Без четверти час он оставил машину на залитой светом обочине автострады и пошел пешком. Улицы здесь были освещены похуже, вдоль них тянулись глухие стены каких-то складов. Впереди ярко сияла вывеска кафе. Ровно час. Скрывая волнение, Ян медленно подошел к двери и толкнул ее.

Кафе оказалось не очень большим. В просторном светлом зале умещалось четыре ряда столиков. Посетителей совсем немного: несколько одиночек, да за двумя-тремя столиками небольшие компании. В душном воздухе висели запахи дезинфекции, дыма и несвежей пищи. У задней стены красовалась фигура повара, сделанная из кричаще яркого пластика, в два человеческих роста. Ян медленно пошел к ней, пластмассовая рука качнулась вверх и вниз в неуверенном приветствии, и компьютерный голос произнес:

— Добрый вечер... мадам. Чего вам будет угодно... на ужин?

Похоже, схема различителя полов работала не слишком хорошо, но хоть время суток машина знала. На толстом животе повара засветилось меню. Не слишком аппетитное место, подумал Ян. Он посмотрел предлагаемые блюда — тоже не слишком аппетитные — и в конце концов ткнул пальцем слово «чай». Надпись погасла.

— Это все... сэр?

Со второго раза компьютер разобрался, что перед ним мужчина. Надо заказать что-нибудь еще, даже если он не станет этого есть. Чтобы выглядеть как все. Он тронул освещенную надпись «колбасный рулет».

— Приятного аппетита. С вас... сорок пенсов. Джольон всегда рад услужить вам.

Ян опустил монеты в машину, и серебристый купол раздатчика, встроенного в стену, поднялся, открывая его заказ. Точнее, попытался подняться, пока не застрял на полпути, гудя и дрожа. Ян сам отодвинул крышку до упора и вытащил поднос с чашкой, тарелкой и счетом. И только после этого обернулся и стал разглядывать помещение.

Сары не было. Чтобы убедиться в этом, понадобилось некоторое время: оказалось, что, кроме маленьких компаний, все посетители — женщины. Молодые. И почти все они смотрели в его сторону. Быстро опустив глаза, он увидел свободный столик и скользнул на скамью, стоявшую рядом. В центре стола были расположены автоматические раздатчики, работавшие как попало. Из сахарницы, несмотря на свирепое рычание, выпало лишь несколько крупинок; зато горчичный кран с энтузиазмом выплеснул на его рулет гораздо большую порцию, чем надо. Так или иначе, блюдо было только маскировкой; он вовсе не собирался ничего есть. В дверь вошла Сара.

С первого взгляда он ее не узнал. Вульгарный броский макияж, нелепое пальто... Белый искусственный мех, торчавший во все стороны. Не стоило рассматривать ее слишком пристально, и он снова обратил внимание на свою тарелку, механически откусил кусок колбасного рулета — и тут же пожалел об этом. И быстро запил его чаем.

— Можно я здесь присяду?

Она стояла по другую сторону стола, держа поднос в руках. Он коротко кивнул, не зная, что сказать в этой непривычной обстановке. Она поставила свой поднос с чашкой кофе и села напротив. Губы, толстые от помады, глаза окружены зеленоватыми тенями, лицо под слоем краски безжизненно... Она выпила глоток кофе, потом вдруг на секунду распахнула пальто.

Под пальто не было ничего. Ян успел увидеть тугие загорелые груди, пока она не запахнулась снова.

— Не хотите развлечься, ваша честь?

Так вот почему здесь все эти девушки! Ян слышал, что существуют такие места; его школьные приятели нередко там бывали. Но сам он оказался в таком заведении впервые и теперь не мог найти подходящего ответа.

— Вам со мной понравится, — сказала Сара. — И недорого, честное слово.

— Хорошая мысль, — выдавил он наконец.

Мысль о решительной женщине с субмарины вот здесь, в такой отнюдь не обычной ситуации, едва не заставила его улыбнуться. Но он не улыбнулся. Лицо его осталось таким же бесстрастным, как у его визави. Хорошая уловка, и ничего смешного. Больше она не сказала ничего: очевидно, разговоры на публике не входили в перечень предлагаемых услуг. Сара взяла поднос и встала из-за стола, он тоже поднялся.

Лампа над столом замигала, и тревожно загудел зуммер. Несколько лиц повернулись в их сторону.

— Возьмите поднос! — резко прошептала Сара.

Ян подчинился — лампа и зуммер выключились. Надо было самому догадаться, что в автоматизированном заведении убирать за ним никто не станет. Следуя ее примеру, он задвинул свой поднос в окошко возле входной двери и вышел вслед за Сарой в холод ночи.

— Это недалеко, ваша честь, — сказала она и быстро зашагала по темной улице.

Ему пришлось поспешить, чтобы не отстать. И пока они не подошли к мрачному многоквартирному дому неподалеку от Темзы, больше не было произнесено ни единого слова. Сара отперла входную дверь и, поманив Яна за собой, направилась к своей квартире.

Когда включился свет, она приложила палец к губам и жестом велела войти. Только заперев дверь и проверив все окна, она позволила себе расслабиться.

— Рада видеть вас снова, Ян Кулозик.

— И я рад, Сара. С тех пор как мы встретились в последний раз, вы слегка изменились.

— Да. Мы всегда встречаемся в обстоятельствах необычных, но и времена нынче необычные. Простите, минутку. Я должна вылезти из этой отвратительной спецодежды. Это единственный безопасный способ, когда женщина предположительно моего класса может встретиться с кем-нибудь из вашего. Полиция смотрит на это сквозь пальцы. Но для женщины это мерзко, позорно, просто зла не хватает!

Вскоре она вернулась в теплом халате.

— Хотите чашку настоящего чая? Получше той мерзости во дворце свиданий.

— Лучше чего-нибудь покрепче, если есть.

— Есть итальянский коньяк. Целый склад. Очень мягкий, но все-таки с алкоголем. Хотите?

— Будьте добры.

Она налила коньяк в два стакана и села на мягкую кушетку.

— Так наша встреча на приеме не случайность? — спросил Ян.

— Нет, конечно. Все было очень тщательно оркестровано. Пришлось потратить массу времени и денег.

— Но ведь вы не итальянка, правда? Я-то различить не могу...

— Нет, я не итальянка. Но мы часто используем их, когда надо. Работники низового звена у них очень легко покупаются. Так что это у нас самый лучший канал за пределами нашей страны.

— А почему вы затеяли весь этот спектакль, чтобы меня увидеть?

— Потому что вы очень много думали о том, что вам сказали тогда, на подлодке. И действовали. Едва не нажили себе крупные неприятности. И когда вы это натворили — было решено, что пора с вами встретиться.

— Неприятности? Вы о чем?

— О вашей работе в лаборатории. Они поймали не того, верно? Это вы лазили по компьютерным файлам?

Яну стало неуютно.

— И что ж вы делаете? Следите за мной?

— По мере наших возможностей. Это очень не просто, честное слово. Что в истории с компьютерными файлами оказа-

лись замешаны именно вы — всего лишь наше предположение. И еще одна из причин, по которой было решено установить контакт с вами именно теперь, пока вас не поймали.

— Так вы обо мне заботитесь аж за тысячи миль, из самого Израиля. Очень трогательно.

Сара потянулась к нему и взяла его руку в ладони.

— Я понимаю, почему вы сердитесь, и не обвиняю вас. Но ведь причиной всему стал несчастный случай с вами!..

Она отпустила его руку и снова взяла стакан. Почему-то это короткое прикосновение успокоило его.

— Когда мы увидели, что ваша яхта тонет, а вы оба в воде, — то стали яростно спорить, что делать. А когда первый наш план сорвался — мы на скорую руку слепили второй: скомпрометировать вас. Сообщить вам столько информации, чтобы раскрыть ее для вас было не менее опасно, чем для нас.

— Значит, тогда вы не случайно говорили со мной именно так?

— Разумеется. Извините, вы можете думать, что мы вас обманули, — но ведь от этого зависело наше спасение. А я — офицер службы безопасности, так что беседовать с вами — была моя работа.

— Безопасность!.. Как Тергуд-Смит?

— Ну, не совсем как ваш зять. Скорее, наоборот. Но позвольте я расскажу вам все до конца. Мы спасли вас с девушкой, потому что вы попали в беду. Только поэтому. Но раз уж мы вас спасли — нам надо было проследить, что вы будете говорить, как будете себя вести. За то, как вы себя вели, — спасибо. Вы заслужили высочайшую оценку.

— Настолько высокую, что вы насажали мне «клопов» и до сих пор держите меня под колпаком?

— Это совершенно другое дело. Мы спасли вам жизнь, вы нас не выдали — вот мы и квиты, с тем делом покончено.

— С ним никогда не будет покончено. Вы посеяли семя сомнения, и оно все растет.

Сара развела руками и пожала плечами. Древний жест, который выражает покорность судьбе и в то же время означает: «сделанного не воротишь».

— Выпейте еще. Хорошо согревает... — Она потянулась к нему с бутылкой. — Ну так вот. Наблюдая за вами, мы узнали, кто вы, чем занимаетесь... В высших сферах вами восхитились. Если бы вы вернулись к своей обычной жизни, то никогда бы о нас не услышали. Но вы этого не сделали. Вот потому-то я здесь.

— Добро пожаловать в Лондон. А чего вы хотите от меня?

— Помощи. Технической помощи.

— А что предлагаете взамен?

— Да целый мир! Не меньше! — Она широко и весело улыбнулась, сверкнув жемчугом белых зубов. — Мы будем рады рассказать вам правдивую историю мира: что на самом деле происходило в прошлом и что происходит теперь. Какую ложь вам преподносят и какие волнения зреют... это увлекательнейшая повесть. Хотите ее услышать?

— Не уверен. А что со мной будет, если я втянусь в это дело?

— Вы станете играть важную роль в международном заговоре, с помощью которого мы надеемся свергнуть нынешние правительства мира и вернуть демократию всем тем, кто был лишен ее в течение веков.

— И это все?

От этого вопроса обоим стало смешно, и напряженность несколько ослабла.

— Но прежде чем ответить — подумайте хорошенько, — сказала Сара. — Дело это чрезвычайно опасное.

— Наверно, я уже сделал свой выбор в тот момент, когда солгал Безопасности. Я слишком глубоко увяз, а знаю так мало... Я должен узнать все.

— Узнаете. Сегодня же. — Она подошла к окну, отодвинула гардину и посмотрела на улицу. Потом задернула ее и снова села. — Джон будет здесь через несколько минут и ответит на все ваши вопросы. Организовать вашу встречу было сложно, поэтому мы договорились сделать ее как можно более насыщенной, если окажется, что вы с нами. Я дала им знать. Джон — конечно, ненастоящее имя. А вы будете Биллом, по той же самой причине. И наденете вот это. Просто натяните на голову.

Она протянула ему что-то мягкое, похожее на маску.

— Что это такое?

— Лицо изменяет. Неузнаваемо. Тут раздувы и прижимные пластинки, так что подбородок станет шире, нос прижмется, щеки ввалятся и так далее. И темные очки, чтобы глаз не было видно. Тогда — если случится самое худшее — вы не сможете узнать Джона, а Джон не сможет выдать вас.

— Но вы-то меня знаете. Что, если возьмут вас?

Ответить Сара не успела. Из выключенного радио раздалось четыре коротких сигнала. Четыре короткие ноты — и все.

Эффект был поразителен. Сара в тот же миг оказалась на ногах, выхватила маску у Яна из рук и умчалась в другую комнату.

— Снимите пиджак, рубашку расстегните! — крикнула она через плечо.

Через пару секунд она вернулась в очень прозрачном черном платье с розовыми кружевами. Раздался стук.

— Кто там? — спросила она сквозь тонкую обшивку двери.

Ответ был коротким и жестким:

— Полиция.

Глава 9

Дверь открылась, и офицер в форме, не обратив внимания на Сару и отодвинув ее плечом, шагнул в комнату и направился к Яну, сидевшему в кресле со стаканом в руке. Полицейский был в боевом шлеме с опущенным прозрачным щитком. Плотная форма из пуленепробиваемой ткани, пальцы на рукоятке пистолета, вызывающе торчавшего из расстегнутой кобуры на бедре. Он остановился перед Яном и медленно оглядел его с головы до ног.

Ян поднес стакан к губам. Он твердо решил не признавать за собой никакой вины, хотя ситуация складывалась — хуже не придумаешь.

— Что вам здесь нужно? — спросил он резко.

— Извините, ваша честь. Служба. — Слова из-под щитка прозвучали глухо, полицейский открыл лицо. Бесстрастное лицо профессионала. — Девочки со своими дружками обидели нескольких джентльменов, сэр. Не можем этого так оставить, в городе должны быть закон и порядок. Кое с кем мы разобрались, но эта новенькая. Иностранка к тому же. Итальянка, только что появилась, и ненадолго. Мы не имеем ничего против, пусть заработает маленько, опять же для джентльменов какое-то разнообразие, так сказать... Но и неприятностей нам тоже не надо. Все в порядке, сэр?

— Было в порядке, пока вы не ввалились.

— Я понимаю ваши чувства, сэр. Но это незаконно, не забывайте, ваша честь. — Полицейский говорил спокойно, но в его голосе чувствовалась стальная твердость; Ян понял, что

его лучше не дразнить. — Мы же о ваших интересах печемся. Вы уже были в других комнатах?

— Нет.

— Тогда я загляну. Никогда не знаешь, что там под кроватью спрятано. Или кто.

Ян и Сара молча смотрели друг на друга, пока полицейский тяжело топал по другим комнатам. Наконец он вернулся.

— Все в порядке, ваша честь. Отдыхайте. Доброй ночи.

Полицейский вышел. Яна трясло от ярости, лицо его горело. Он поднял кулак в сторону закрывшейся двери, Сара бросилась к нему, обхватила за плечи и закрыла ему рот рукой.

— Они всегда так, ваша честь. Врываются, кричат, ищут, к чему бы придраться... И врут всегда, все врут! Но больше нас не потревожат, забудьте про него. Мы так славно времечко проведем...

Говоря это, она крепко держала его, и сквозь убывающую злость он начал чувствовать тепло ее тела под тонким платьем.

— Выпейте еще, ваша честь. Итальянский коньяк, хороший...

Она отошла к столу и зазвенела о бутылку стаканом, держа ее в левой руке, а правой стала что-то быстро писать в блокноте. Вернувшись, подала ему не стакан, а записку. «Быть может, в соседней комнате микрофон. Ты сердишься. Уходишь».

— Вряд ли я стану еще пить. У тебя тут всегда полиция шляется, когда ей вздумается?

— Но это ж ничего не значит...

— Для меня значит. Подай-ка пальто. Я не хочу здесь оставаться.

— А деньги? Вы же обещали...

— Два фунта за коньяк. Больше я тебе ничего не должен.

Подавая пальто, она показала ему еще одну записку: «Вас найдут». Крепко сжала его руку в своих — и, прежде чем открыть дверь, быстро поцеловала в щеку.

До следующей встречи прошла почти целая неделя. Работа в лаборатории пошла гораздо лучше: теперь Ян отдавал ей все свое внимание. И хотя он по-прежнему чувствовал себя в опасности — быть может, даже в большей, чем прежде, поскольку вступил в связь с подпольем, — ему стало спокойнее. Не так одиноко. Это было очень важно. Пока он не встретился с Сарой — как ни коротка оказалась их встреча, — у него не

было никого, кому можно было довериться, с кем можно было поговорить о своих открытиях и сомнениях. Теперь отшельничество кончилось. Должно было кончиться; он не сомневался, что скоро контакт будет возобновлен.

С недавних пор у Яна появилось обыкновение после работы заглядывать в бар, расположенный неподалеку от лаборатории. Бармен, толстый и веселый, был большим докой по части коктейлей, дьявольские смеси мастерил. Казалось, его фантазия не знает границ, и Ян пристрастился к некоторым из его рецептов.

— Брайан, как называлась та горько-сладкая штуковина, что я тут пил пару дней назад?

— Негрони, ваша честь. Итальянский рецепт. Вам приготовить?

— Будь добр. Похоже, что негрони — отличное средство от любых стрессов.

Ян потягивал свой коктейль, все еще размышляя о схемах для системы ориентации солнечных батарей, когда кто-то сел на соседний табурет у стойки. Женщина. Это он понял, когда по руке скользнула пушистая норковая шуба. Голос показался очень знакомым, но выговор был совершенно чужой:

— Боже мой, это же Ян! Ведь ты Ян Кулозик, верно?

Это оказалась Сара, но совершенно незнакомая Сара. Косметика и платье были под стать шубе и манере говорить.

— О, хэлло!.. — Больше ничего он из себя не смог выдавить.

— А я уверена была, что это ты, хотя спорить могу — ты меня не помнишь, малышку Синтию Картон, мы встречались на той ужасной вечеринке пару месяцев назад. Ты пьешь что-то очень интересное, выглядит божественно, закажи мне тоже, будь паинькой!

— Рад тебя снова видеть.

— Я еще радее, как тогда... М-м-м!.. Это же просто чудесно, то, что доктор прописал... Но тебе не кажется, что здесь слишком шумно? Музыка эта, и людей столько... Давай допьем и поедем к тебе. Помнится, ты так настойчиво твердил про какую-то картину... Хотел, чтобы я посмотрела... Я тогда подумала: это просто предлог, чтобы ко мне под юбку залезть, — но теперь, право, не знаю. Ты такой серьезный парень, — быть может, у тебя на самом деле есть картина... Я готова рискнуть своей честью, чтобы убедиться...

Она продолжала в том же духе даже в такси, так что Яну не пришлось ответить ни разу; он только слушал этот нескончаемый поток болтовни. Только когда дверь его квартиры была заперта, она умолкла и выжидающе посмотрела на него.

— Все в порядке, — сказал он. — У меня тут установлено несколько мелочей. Датчики, контрольные реле, эта вот лампочка... Если бы кто-нибудь здесь побывал, она бы не загорелась. Могу я узнать, кто такая Синтия Картон?

Сара бросила шубу на кресло и огляделась.

— Девушка одна, на меня похожа. Не копия, конечно, но общий облик, рост, цвет волос... Когда ее нет — а эту неделю она в поместье в Йоркшире, — я изображаю ее, чтобы проникать в высшие сферы. Удостоверение личности у меня очень неплохое, при случайной проверке вполне достаточно.

— Это хорошо, что она в поместье. Я очень рад вас видеть.

— Взаимно... С тех пор как мы виделись в последний раз, ситуация резко изменилась.

— В чем?

— Сейчас расскажу. Но сначала хочу, чтобы вы яснее представляли себе общую картину. Человек, с которым вы должны были встретиться в прошлый раз, по имени Джон, сейчас направляется сюда. Я пришла первой, чтобы рассказать вам, что произошло... А у вас великолепная квартира! — добавила она, вдруг меняя тему разговора.

— Моей заслуги тут нет. Когда я ее купил, у меня была подруга, считавшая себя специалистом по интерьеру. Деньги были мои, но талант — ее. И вот что у нас получилось.

— А почему «считавшая себя»? Это же отлично!

— Ну знаете, не женское это дело все-таки.

— Так вы же самец! Мужской шовинист!

— А что это такое? Звучит как-то противно.

— Это и на самом деле противно. Архаичный термин, обозначающий презрение... Простите, это не ваша вина. Вы выросли в обществе с мужской ориентацией, где женщины — граждане уважаемые, но все-таки второсортные.

Раздался мелодичный звон, Сара вопросительно подняла брови.

— Входная дверь, — сказал Ян. — Это может быть Джон?

— Должно быть. Ему даны ключи от двери гаража и назван номер вашей квартиры. Он знает только, что это надежное место, где мы можем встретиться; что вы здесь живете, он знать не должен. Плохо, конечно, сама знаю, но ничего лучшего мы в спешке не придумали. Во всяком случае, он не из

активных членов организации, и с ним контактов очень немного. Он только источник информации. Но наденьте-ка. — Сара достала из сумочки маску. — И темные очки. Я его впущу.

В ванной комнате Ян натянул маску — эффект оказался потрясающим. Из зеркала на него смотрел совершенно чужой человек. Если он даже себя не узнает, то, конечно же, никогда не сможет выдать человека по имени Джон. Если тот тоже в такой маске.

Когда он вернулся в гостиную, Сара разговаривала с невысоким плотным человеком. Пальто он снял, но остался в перчатках и в шляпе. Рук и волос видно не было. Сара маску не надела; из чего следовало, что ее они знают оба.

— Джон, это Билл. Тот самый человек, который хочет задать вам несколько вопросов.

— Рад быть вам полезным, Билл. — Голос сочный, хорошо поставлен... — Что вы хотите узнать?

— Не знаю, право, с чего начать, о чем спросить. Ну, кое-какие мои сведения об Израиле не совпадают с обычными текстами в книгах — но это, пожалуй, и все, что я знаю. Кроме того, чему учили в школе.

— Ну что ж. Начало хорошее. У вас сомнения, вы обнаружили, что мир не таков, как вы до сих пор полагали. Значит, мне не придется тратить время, убеждая вас раскрыть глаза. Мы можем сесть?

Джон устроился в кресле, скрестив ноги. Разговаривал он, словно лекцию читал, загибая палец при ответе на каждый вопрос. Очевидно, это был ученый, скорее всего историк.

— Давайте вернемся к концу двадцатого века и присмотримся к событиям, происшедшим с тех пор. Но постарайтесь быть tabula rasa и не прерывать меня вопросами. Вопросы потом, времени у нас будет достаточно. Итак, мир двухтысячного года. В исторических текстах, которые вы изучали, он изображен вполне адекватно — в плане материальном, физическом. Но не в плане политическом. Формы правления в мире были не такими, как вам рассказывали. В то время существовали различные степени личной свободы. Были государства в высшей степени деспотические, но были и либеральные. В последующие годы все изменилось. Виноваты в этом Вредители, как вас и учили. По крайней мере здесь наша историография не лжет... — Он закашлялся. — Дорогая, вы мне не дадите стакан воды?

Сара принесла воды, и он продолжал:

— Никто из мировых лидеров или правительств — Вредителей — не обращал внимания на истощение естественных ресурсов, пока не стало слишком поздно. Народонаселение перерастало естественные ресурсы планеты, запасы горючих ископаемых быстро сокращались... В то время многие опасались, что мир будет уничтожен атомной войной, но, очевидно, мировые державы испытывали одинаковый страх друг перед другом, так что большого взрыва не произошло. Было, правда, несколько атомных инцидентов в Африке — использовались так называемые кустарные бомбы, — но их уладили достаточно быстро. Так что конец мира озвучен был не взрывом, как боялись, а рыданием. Я поэта цитирую. — Рассказчик изящно отпил воды и продолжал: — Энергии не стало. Заводы закрывались один за другим. Без горючего транспорт работать не мог. Мировая экономика покатилась в пропасть депрессии и массовой безработицы. Менее сильные и устойчивые нации пошли ко дну, раздираемые междоусобицами и мучимые голодом. У более сильных было столько собственных забот, что они даже не пытались помочь другим. В странах так называемого третьего мира уцелела лишь малая часть населения и в конце концов стабилизировалась на этом же уровне, при сугубо аграрной экономике.

Для экономики развитых промышленных стран необходимо было другое решение. Для иллюстрации я возьму пример Британии, поскольку вы знаете, какой стала жизнь здесь. Попробуйте представить себе прежние времена, когда форма правления была демократической, когда регулярно проводились выборы, когда Парламент не был наследственным и беспомощным, как теперь. Демократия, при которой все люди равны и каждый имеет голос при выборе правителей, — роскошь, доступная лишь очень богатым. Я имею в виду — очень богатым странам. Любое уменьшение национального продукта, любое снижение жизненного уровня может означать лишь упадок демократии. Простой пример. Работающий человек с постоянным устойчивым доходом может выбирать, где ему жить, что есть, как отдыхать и так далее; то, что можно назвать стилем жизни. Безработный, получающий пособие, вынужден жить там, где ему прикажут, есть то, что ему дадут, — и приспосабливаться к неизменному унылому существованию. У него нет никаких вариантов. Британия пережила годы

бедствий — не вымерла, — но заплатила за это страшную цену, утратив свободу личности. Денег на импорт продовольствия не было, так что стране пришлось перейти на продовольственное самообеспечение. Это означало микроскопическое количество мяса только для самых богатых и вегетарианскую диету для всех остальных. Нация, привыкшая к мясу, воспринимает такие перемены нелегко, пришлось заставлять силой. Правящая элита издавала указы, а полиция и армия следили, чтобы они выполнялись. Тогда это была единственная альтернатива хаосу, голоду и смерти — и казалась вполне разумной. При тех обстоятельствах это и *было* разумно. Но беда в том, что, когда необходимость в чрезвычайных мерах отпала, поскольку материальное состояние общества улучшилось, — правящая элита успела привыкнуть к своей власти и не захотела ее отдавать. Один великий мыслитель сказал однажды, что власть развращает, а власть абсолютная развращает абсолютно. Кто поставил кованый сапог на чью-то шею — добровольно его не уберет.

— Что такое кованый сапог? — удивленно спросил Ян.

— Прошу прощения. Это очень устаревшая метафора, извините мои излишества. Я хотел сказать, что восстановление экономики осуществлялось медленно, и власть имущие свою власть сохранили. Народонаселение постепенно уменьшилось и стабилизировалось на уровне простого воспроизводства. Были построены первые энергетические сателлиты, снабжавшие Землю дополнительным теплом. Потом появились термоядерные электростанции, и энергии стало достаточно для всех нужд человечества. Генная инженерия позволила вывести растения, ставшие источником химического сырья взамен прежней нефти. Сателлитные поселения стали поставлять на Землю сырье и продукцию с Луны. С созданием работоспособного космического транспорта началось исследование и освоение планет ближайших звездных систем. И вот к чему мы пришли, что имеем сегодня. Земной рай, даже небесный рай, где никому не надо бояться войны и голода. Где все предусмотрено, где все жизненные потребности обеспечены.

Однако в этой райской картине есть один изъян. Абсолютная олигархия подавила все страны Земли, распространилась на сателлитные колонии и дальше — на новые планеты. Правители каждой страны находятся в тайном сговоре с правителями всех остальных стран, чтобы не допустить даже намека

на свободу личности среди масс. Полная свобода наверху — судя по вашей речи, Билл, вы принадлежите к этому классу — и экономическое крепостное право, рабство, для всех, кто внизу. И немедленный арест или даже смерть для каждого, кто осмелится протестовать.

— Неужели все на самом деле так скверно? — спросил Ян.

— Гораздо хуже, чем вы можете себе представить, — сказала Сара. — И вам придется увидеть это своими глазами. Пока вы не убедитесь в абсолютной необходимости перемен, вы будете опасны и для себя, и для других.

— Эту ознакомительную программу предложил я, — провозгласил Джон, выдавая своим тоном гордость ученого-педанта. — Одно дело — прочитать печатные материалы или услышать кем-то сказанные слова. Совсем другое — воочию увидеть и пережить реалии мира, в котором мы живем. Мы встретимся с вами снова после того, как вы вернетесь из преисподней. А сейчас я, с вашего позволения, пойду.

— Забавный человечек, — сказал Ян, когда захлопнулась наружная дверь.

— Забавный, очаровательный и совершенно неоценимый для нас. Это обществовед, у которого ответов больше, чем вопросов.

Ян стащил с лица маску и вытер пот.

— Очевидно, ученый, скорее всего историк...

— Не надо! — резко перебила Сара. — Не надо теоретизировать на его счет. Иначе в один прекрасный день вы сможете выдать его тем, кому знать о нем совершенно ни к чему. Запомните, что он сказал, а его самого — забудьте. Вы сможете оставить работу на несколько дней?

— Конечно, в любой момент. У меня свободный режим. А зачем это?

— Скажите, что вам нужно отдохнуть и вы хотите уехать за город, друга навестить или что-нибудь в этом роде. И придумайте такое место, где вас будет не слишком легко найти.

— А как насчет лыж? Я обычно каждую зиму езжу в Шотландию, походить на лыжах.

— Что значит «походить на лыжах»?

— Специальные лыжи для равнины, не для катания с гор. Я беру рюкзак и иду куда глаза глядят. Иногда ночую в палатке, иногда останавливаюсь в отеле или в туристской гостинице...

— Это просто идеально. Так и скажите вашим: вы ушли на

лыжах, с будущего вторника, на несколько дней. Сколько вы будете отсутствовать — не уточняйте. Соберите свой рюкзак и закиньте в машину.

— Так я поеду в Шотландию?

— Нет, гораздо дальше. Вы спуститесь в ад. Здесь же, в Лондоне.

Глава 10

Ян прождал в назначенном месте больше получаса. Давно уже прошло время, когда его должны были встретить. Сквозь вихрящийся снег проглядывали только желтые пятна уличных фонарей. Тротуары были пустынны. Темный массив Примроуз-Хилл затерялся во мраке по ту сторону дороги. Единственная машина, проехавшая мимо, оказалась полицейской. Слегка притормозила возле него, потом набрала скорость и исчезла. Быть может, они почему-то следили за ним и это помешало связному подойти?

Стоило ему подумать об этом, как дверь открылась, и в машину ворвался морозный воздух. На пассажирское сиденье скользнул плотно закутанный человек и быстро захлопнул дверцу.

— Ты мне ничего не хочешь сказать, шеф?

— Прежде чем потеплеет, станет еще холоднее.

— Тут ты совершенно прав. — Этим паролем снабдила его Сара. — Ну а что ты еще знаешь?

— Ничего. Мне велели остановиться здесь, дождаться кого-то, назвать пароль и ждать инструкций.

— Все верно. То есть все будет верно, если ты примешь эти инструкции и будешь делать все в точности, как я скажу. Но ты — это ты, а я прол, и тебе придется получать эти инструкции от меня. Сможешь?

— А почему бы и нет?

Ян внутренне проклинал себя за неуверенность в голосе. Это будет нелегко.

— На самом деле? Слушаться прола, от которого еще и пахнет не так уж хорошо?

При этих словах Ян ощутил явственное зловоние тяжелой, давно не стиранной одежды и немытого тела, с примесью дыма и какой-то стряпни.

— Да, на самом деле! — Ян вдруг разозлился. — Не думаю, что это будет легко, но я постараюсь. И запах тоже переживу.

Наступила тишина. Хоть глаза гостя были едва видны под козырьком матерчатой кепки, Ян видел, что человек внимательно изучает его. Тот вдруг выбросил вперед узловатую руку.

— Держи, шеф. Похоже, что ты свой парень. — Ян ощутил грубое, сильное пожатие. — Мне приказано звать тебя Джоном, значит, Джон ты и есть. А меня зовут Пекарем, работа у меня такая, так мы это и оставим. Давай, езжай пока на восток, а я после скажу, где свернуть.

Машин на улицах почти не было, шины оставляли черные полосы на свежевыпавшем снегу. Они держались в стороне от главных улиц, и Ян плохо представлял себе, где находится; знал только, что где-то в северо-восточном районе Лондона.

— Почти приехали, — сказал Пекарь. — Тут еще с милю топать, но ехать дальше нельзя. Сбавь скорость, нам второй поворот налево.

— А почему ехать нельзя?

— Там ограждение Безопасности. Ничего, конечно, не видать, ты бы и не заметил, как проскочил мимо. Но электроника под дорогой запросит думалку твоей машины и возьмет ее код. Запишет. И там начнут удивляться, с чего это тебя сюда занесло. Так что пешком надежнее, хоть и холоднее.

— Я и не знал, что такое бывает.

— Так это ж у тебя образовательная экскурсия, Джон. Тормозни-ка... Стоп. Я отворю вот этот гаражик — давай загоняй свою карету. Место тут надежное.

В заиндевевшем гараже было холодно, как на улице. Ян ждал в темноте, пока Пекарь закрывал и запирал ворота на ключ, потом прошаркал мимо него, освещая себе дорогу маленьким фонариком. За гаражом было небольшое помещение, пристройка, освещенное лампочкой без абажура. Пекарь включил маленький электронагреватель, но теплее не стало.

— Здесь мы переоденемся, шеф. — Пекарь снял с гвоздя на стене грязные лохмотья. — Я гляжу, ты сегодня не брился, как велели, — молодец. А ботиночки твои годятся, мы их только маленько покарябаем да золы в них вотрем. А все остальное сымай, до трусов.

Ян старался подавить дрожь, но это оказалось невозможно. Плотные запачканные брюки казались ледяными, а ноги замерзли и без того... Грубая рубашка, жилет без пуговиц, драный свитер, еще более драное пальто... Однако, когда одежда прогрелась, оказалось, что в ней достаточно тепло.

— Я не знал, какая у тебя голова, так прихватил вот это, — сказал Пекарь, подавая ему шерстяной шлем ручной вязки. — Для такой погоды в самый раз. Очень жаль, но меховые перчаточки придется оставить, уж больно хороши. У тех, кто на пособии, перчатки редко бывают. Так что пихай руки в карманы, и все будет нормально. Вот так, отлично. В такой одежке тебя родная мама ни в жисть не узнает. Пошли.

Они двинулись по темным улицам. Оказалось, что одет Ян вполне сносно. Шлем закрывал рот и нос, руки в глубоких карманах, и ногам тепло в старых горных ботинках, которые он откопал в глубине кладовки... И настроение приподнятое, потому что во всем этом предприятии было что-то от приключения.

— Вот что, шеф. Пока я не скажу, что все о'кей, ты лучше помалкивай. Одно только твое слово — и сразу все поймут, кто ты есть такой. Нам сейчас пора засосать по кружке, а то от этой работы сильно жажда мучает. Так что ты просто пей, что дадут, и молчи. Понял?

— Ну а если ко мне обратятся?

— Вряд ли. Не такое это место.

Они налегли на тяжелую входную дверь — над головами рванулся навстречу поток горячего, спертого воздуха. В пивной были только мужчины; они сидели за столиками и толпились возле стойки бара. Некоторые что-то ели с тарелок, взятых из окошка в стене. Протискиваясь мимо стола, Ян увидел на тарелках нечто вроде жаркого с кусками серого хлеба. У поцарапанной мокрой стойки было свободное место, там они и остановились. Пекарь жестом подозвал одного из барменов.

— Две половинки крепкого, — заказал он. И доверительно шепнул Яну: — Легкое здесь чистая вода, лучше уж сидр пить.

Ян согласно кивнул и спрятал лицо в поданную кружку. Кислятина — спасу нет. Оказывается, пиво и такое бывает!..

Пекарь оказался прав: народ в этом заведении общительностью не отличался. Разговаривали друг с другом только те, что пришли вместе. Кто был один — тот один и оставался, общаясь лишь с собственной кружкой. В темном зале царила атмосфера уныния, которую не могли побороть заляпанные рекламные плакаты пивоварен. Других украшений на стенах не было. Здесь явно искали не отдыха, а забытья. Ян пытался пить свое пиво, а Пекарь скрылся в толпе. Через минуту он

вернулся с каким-то человеком; тот ничем не отличался от остальных, тоже в помятой темной одежде.

— Давай пошли, — сказал Пекарь, даже не подумав представить незнакомца.

Снаружи мело. Они побрели по снегу, который теперь струился под ногами, переползал через бордюр тротуара и мягко гасил звук шагов.

— Вот этот мой товарищ много народу знает. — Пекарь мотнул головой в сторону незнакомца. — Знает здесь каждого. Знает все, что происходит здесь, в Айлингтоне.

— Я и внутрях бывал, — сказал тот. Говорил он шепеляво и как-то жидко. Казалось, у него во рту почти нет зубов. — Поймали, што травку употреблял. А чижало тот лес валить в Шотландии... Однако отучили. Чижало... Вот эта старуха сичас, вот вы посмотрите, как она живет. Это ж вообще не жисть. Но скоро уж она отмучится.

Они свернули в проезд между нависшими громадами муниципальных многоэтажек и пошли по какому-то открытому пространству. Газон это или мощеная площадь, сейчас было не понять. Прожектора на крышах окружающих зданий делали площадку похожей на тюремный двор, в их ярком свете детишки лепили огромного снеговика. У них началась какая-то ссора, поднялся крик, одного мальчишку принялись бить... В конце концов он вырвался и побежал, громко плача и оставляя на снегу красный пунктирный след. Ни один из спутников Яна не обратил внимания на эту сцену, и он тоже выкинул ее из головы.

— Лифт не работает, как всегда, — прокомментировал Пекарь, когда они пошли по лестнице вслед за своим проводником.

Пять грязных пролетов вверх, стены сплошь измазаны разной писаниной... Однако тепло, как и должно быть при неограниченных ресурсах электроэнергии. Дверь оказалась запертой, но у шепелявого был ключ. Они прошли за ним в комнату. Там было тепло и очень светло, но пахло смертью.

— Неважно она выглядит, правда? — Шепелявый показал на женщину в кровати.

Она была белее пергамента; кожа светлее, чем грязные простыни ее постели. Ухватив простыни клешнеобразной рукой, она прижимала их к горлу и дышала тяжело, медленно и хрипло.

— Можешь говорить, если хочешь, — сказал Пекарь. — Здесь все свои.

— Она больна? — спросил Ян.

— Больна смертельно, ваша честь, — сказал беззубый. — Осенью доктор посмотрел, дал кой-какие лекарства, и все.

— Но ей же нужно в больницу.

— На пособии больница только для умирающих.

— Тогда врача.

— Нельзя. Не пойдет он сюда за бесплатно.

— Но должны же быть какие-то фонды... от наших.

— Фонды-то есть, — сказал Пекарь. — Чтобы по крайности нашим товарищам помочь, их бы за глаза хватило. Но мы не рискуем, шеф. Начнут копать. Безопасность захочет знать, где это она башлей прихватила, на пособии сидя, да еще хворая; следствие начнут, узнают, кто ее друзья... Так что этот фонд боком вылезет. Лучше уж с ним не связываться.

— Значит, она умрет?

— Все мы умрем, раньше или поздней. Ну кто на пособии, те чуток пораньше... Пойдем-ка, пожуем.

Они не стали прощаться с беззубым, а тот пододвинул стул и уселся возле женщины. Ян оглядел комнату-пенал, ветхую мебель, унитаз здесь же у стены, отгороженный потрепанной занавеской... Тюремная камера, наверно, лучше.

— Он чуть погодя нас догонит, — сказал Пекарь. — Хочет чуток с мамашей посидеть.

— Эта женщина — его мать?

— Ну да. А что такого? Матеря у всех бывают...

Они спустились в цокольный этаж в коммунальную столовую. Конечно же, пособие не предусматривало роскошь индивидуального хозяйства. Люди всех возрастов сидели у грубых столов за едой или стояли в очереди у раздаточного окна.

— Сунь его в щель, когда поднос возьмешь, — сказал Пекарь, подавая Яну красный пластмассовый жетон.

Поднос дался в руки только после того, как жетон провалился куда-то вниз. Ян прошаркал вслед за Пекарем к вспотевшему раздатчику, тот швырнул ему миску, полную до краев. Чуть дальше высился курган нарезанного серого хлеба, Ян взял себе ломоть. Это был обед. Они уселись за стол, на котором не было ни скатерти, ни каких-либо приправ.

— И как я должен это есть? — спросил Ян, с подозрением глядя на миску.

— Ложка завсегда должна быть с собой. Но я знал, что тебе это в новинку, так что лишнюю прихватил. Держи.

В чечевичной похлебке плавали кусочки какой-то зелени. На вкус неплохо, но запаха никакого. Изредка попадались какие-то комья, с виду похожие на мясо, но на вкус определенно не мясные.

— У меня в кармане соль, если хочешь, — предложил Пекарь.

— Спасибо, не надо. Вряд ли это что-нибудь изменит.

Он съел немного хлеба, который оказался зачерствевшим, но сохранил хлебный запах.

— Мясо бывает?

— Не-е. На пособии никогда. Тут вот шматки соевого заменителя; говорят, там все белки, какие тебе надо. А вода — вон фонтанчик, если захочешь запить.

— Потом. Кормят всегда одинаково?

— Более-менее. Кто чуток деньжат подзаработает — тот может взять какой кусочек в магазине... Ну а если в кармане пусто — лопай, что дают. Ништяк, прожить можно.

— Прожить, наверно, можно. Но не скажу, чтобы меня вдохновляла перспектива всю жизнь просидеть на такой диете.

Ян замолчал: к ним неуклюже подошел какой-то тип и сел за стол рядом с Пекарем.

— Слышь, Пекарь, дело есть, — сказал он, глядя на Яна.

Они встали и отошли к стене поговорить. Ян съел еще ложку похлебки и отодвинул миску. Всю жизнь есть такое? Девять из десяти рабочих на пособии. Не говоря о женах и детях. И все это происходит вокруг него всю жизнь — а он и понятия не имеет! Он живет на верхушке айсберга, не подозревая о девяти десятых, скрытых под водой.

Подошел Пекарь:

— Пойдем-ка назад к машине, шеф. Что-то там случилось.

— Из-за меня?

— Не знаю. Только передали, чтоб мы топали туда — и чем скорей, тем лучше. Что там — без понятия. Знаю только, что беда. Большая.

Они не бежали, чтобы не привлекать внимания, а шли торопливо, то и дело проваливаясь в снег. Ян обратил внимание на несколько освещенных витрин магазинов, но ничего не смог разглядеть сквозь замерзшие стекла. Он удивился — чем здесь можно торговать — и вдруг подумал, что эти магазины

так же чужды его жизненному опыту, как лавки на том далеком берегу Красного моря.

Добравшись до гаража, они обошли его сзади. Ян держал фонарик, пока Пекарь отыскивал нужный ключ. Они зашли в пристройку, а через нее в гараж.

— А чтоб меня!.. — воскликнул Пекарь, осветив фонариком пустой пол.

— А где моя машина?!

В глаза им ударил свет гораздо более мощного фонаря, и чей-то голос сказал:

— Спокойно, ребята. Стойте, где стоите. И не делайте лишних движений.

Глава 11

У Яна и в мыслях не было двигаться, но если бы и захотел — все равно не смог бы. Он был в шоке: сначала машина исчезла, потом этот фонарь и эта комната... Игра проиграна, его взяли, все пропало — и он оцепенел, пораженный этой ужасной мыслью.

— Пекарь, вернись в раздевалку, — снова раздался тот же голос. — Здесь есть человек, которого ты не знаешь.

Пекарь послушно вышел, мужчина с фонарем последовал за ним. Ян сумел разглядеть только его силуэт, когда он проходил мимо. Что происходит?

— Ян, мне нужно поговорить с вами, — раздался знакомый голос, едва закрылась дверь. Маленький фонарик по-прежнему был у него в руке, он поднял его, и луч выхватил из темноты лицо Сары. — Мы не хотели вас пугать, но возник непредвиденный случай.

— Пугать? Ничего подобного. У меня просто сердце остановилось, только и всего.

— Простите. — Она улыбнулась, но улыбка тотчас погасла. — Стряслась большая беда, нам может понадобиться ваша помощь. Захвачен один из наших людей, а мы не можем допустить, чтобы его опознали. Вы слышали о Слэтхиллском лагере?

— Нет.

— Это трудовой лагерь в Сандерленде. Самый север Шотландии, Нагорье. Мы почти уверены, что сможем вытащить его из зоны — это не так трудно, — но как ему выбраться из того района? Вот я и подумала о вас, о ваших лыжных походах в те края. Он мог бы выйти оттуда на лыжах?

— Мог бы, если знает местность и умеет на лыжах ходить. Умеет?

— Вряд ли. Но он молод, здоров и может научиться. Это трудно?

— Асом стать очень трудно, но азы освоить совсем легко. Если у вас есть кто-нибудь, кто мог бы показать ему, как это делается...

И тут он все понял. Снова посветил фонариком — Сара стояла опустив глаза, очень бледная.

— Да. Я хочу просить о помощи вас, — сказала она. — Хотя это мне очень не нравится. И не только потому, что вы рискуете. Мы даже упоминать не должны при вас о таких вещах. Но если вы решите быть с нами, то должны выполнять в Сопротивлении самую важную работу. Если его не освободить, то все дело может быть погублено. Всему конец.

— На самом деле так серьезно?

— Да, Ян.

— Тогда я, конечно, помогу. Но мне надо заехать домой за снаряжением...

— Невозможно. Все думают, что вы в Шотландии. Мы даже машину туда угнали, чтобы скрыть ваши следы здесь.

— Так вот куда она делась.

— Мы можем доставить ее в любое место в Шотландии, куда скажете. Это поможет?

— В высшей степени. Но как я туда попаду?

— Поездом. Через два часа поезд на Эдинбург, и мы можем вас на него посадить. Поедете как есть. Так на вас никто не обратит внимания. А одежду свою повезете в сумке. Пекарь поедет с вами.

Ян быстро думал, хмурясь в темноту.

— Хорошо. Давайте так и сделаем. И еще постарайтесь встретить меня утром в Эдинбурге в качестве Синтии Картон и привезти денег. Хотя бы пятьсот фунтов наличными, в старых банкнотах. Это возможно?

— Конечно. Я сейчас же этим займусь. Пекарь обо всем уже знает. Позовите его. Скажите — тот, кто сейчас с ним, должен уйти вместе со мной.

Казалось глупостью, что люди, вместе рискующие жизнью, не могут даже увидеть друг друга. Но это была мудрая предосторожность: если одного из них схватят — он не сможет выдать остальных. В гараж вернулись Пекарь с незнакомцем.

Быстро пошептавшись с Пекарем в темноте, незнакомец вышел вместе с Сарой. Пекарь подождал, пока они уйдут, и только тогда включил свет.

— Значит, отправляемся в тайную экспедицию, шеф? В это время года только и путешествовать. — Он порылся в каких-то ящиках в углу гаража и достал древний армейский вещмешок. — О! То, что надо. Давай кидай сюда свои шмотки и пошли. Чуток поднажмем — как раз вовремя успеем.

Пекарь еще раз продемонстрировал превосходное знание лондонских улочек. Ярко освещенные магистрали путешественникам пришлось пересечь только два раза. И каждый раз Пекарь сначала уходил вперед на разведку и лишь потом — убедившись, что никто за ними не следит, — переводил Яна в безопасную темень на другую сторону улицы. Они добрались до Кинг-Кросс даже раньше времени, оставалось еще сорок пять минут. Забавно, что Ян, бывавший здесь бессчетное число раз по дороге в Шотландию, не узнал вокзала.

С улицы они свернули в длинный подземный переход. Несмотря на яркое освещение, он постоянно использовался в качестве туалета, и в воздухе висел резкий запах мочи. Шаги отдавались громким эхом. Они прошли туннель, поднялись по ступенькам и попали в большой зал ожидания, уставленный обшарпанными скамьями. Большая часть обитателей зала сладко спала, растянувшись на этих скамьях, кое-кто сидел в ожидании поезда. Пекарь подошел к помятому сигаретному автомату, вытащил из кармана металлическую коробку и сунул ее под раздаточное устройство. Удовлетворившись мелочью, которую в нее закинули, машина заурчала и изрыгнула в коробку несколько сигарет. Пекарь протянул Яну коробку и зажигалку:

— На-ка, закури. Постарайся выглядеть обыкновенно. Ни с кем не заговаривай, кто бы что ни сказал. Я пошел за билетами.

О таком сорте сигарет Ян никогда раньше не слышал. Вдоль каждой синими буквами было напечатано: «Сучок»; они трещали, словно тлеющая солома, и обжигали рот.

В зале беспрерывно происходило неспешное движение. Одни люди входили, другие выходили, но никто из них, даже от нечего делать, не удосужился хотя бы взглянуть в сторону Яна. Каждые несколько минут громкоговорители оживали и

начинали бормотать что-то невразумительное. Ян достал уже третью сигарету и начал злиться — но тут появился Пекарь.

— Ну, порядок, шеф. Двигаем в страну скоттов, только сперва давай заглянем в сортир. У тебя платок есть?

— В кармане.

— Давай доставай. Он тебе понадобится. В поездах очень тесно, а народ любопытный — делать нечего, болтают, как старые бабы... А если тебе придется разговаривать — это нам ни к чему.

В умывалке Ян с ужасом отшатнулся: Пекарь раскрыл громадный складной нож.

— Небольшая операция, шеф, для твоей же пользы. Не бойсь, не умрешь. Давай-ка, оттяни губу книзу, а я тебе десну чуток покарябаю. Ты ничего и не почуешь.

— Болит чертовски! — пробормотал Ян, прижимая платок к губам. Потом отнял платок ото рта — на нем была кровь.

— Отлично получилось. Красное издали видать. Если начнет подживать, ты языком пошевели чуток, и кровь опять пойдет. А ты ее сплевывай иногда. Очень убедительно. Теперь пошли. Я сумку потащу, а ты платком рот закрывай.

На платформу «Летучего Шотландца» оказался отдельный вход, о существовании которого Ян и не подозревал. Они вышли к хвосту состава. Далеко впереди были видны фонари и суетня носильщиков возле вагонов первого класса, в которых он всегда ездил прежде. Отдельное купе; если захочешь, есть что выпить — в нише свой бар, — а потом спи себе до самого Глазго... Он знал, что в поезде есть и секция второго класса. Доводилось видеть, как пассажиры толпами штурмуют свои многоэтажные вагоны, как терпеливо ждут на шотландском вокзале, пока пассажиры первого класса выйдут из поезда. Но он даже не подозревал, что существует еще и секция третьего класса.

В вагонах было тепло, но и только. Не было там ни бара, ни буфета — вообще никакого сервиса. Сиденья сделаны из деревянных реек, в расчете исключительно на прочность, а не на красоту или удобство. Яну удалось найти место возле окна, где он мог упереться спиной в угол, сунув под голову сверток с одеждой. Пекарь уселся рядом, закурил сигарету и благодушно выпустил струю дыма прямо в знак «Курение запрещено». Народ еще набивался в вагон и рассаживался, когда поезд мягко тронулся с места.

Поездка оказалась очень неприятной. Носовой платок был сплошь в красных пятнах; следуя указаниям своего спутника, Ян ухитрился даже отхаркаться с кровью. Потом он попытался заснуть, но это оказалось трудно под яркими лампами, горевшими всю ночь. Вопреки опасениям Пекаря никто с ним не заговаривал. Никто и внимания на них не обращал; только поначалу все смотрели на окровавленный рот Яна. В конце концов он все-таки уснул под стук колес и проснулся от того, что его сильно тряхнули за плечо.

— Взойди и воссияй, сынок, — сказал Пекарь. — Полшестого, и утро чудесное — нельзя же спать весь день! Давай-ка поищем чего на завтрак.

Во рту Ян ощущал омерзительный привкус, а все тело одеревенело и болело после ночи, проведенной в сидячем положении на жесткой скамье. Но, пройдя по платформе, он окончательно проснулся, морозный воздух бодрил; а вид запотевших окон буфета напомнил ему, что он голоден, очень голоден. Завтрак был простой, но вкусный и сытный — полная миска каши. Ян проглотил свою порцию, едва Пекарь успел заплатить. А тем временем за их стол присел человек с чашкой чаю, одетый так же, как они.

— Доедайте по-быстрому, ребята, и пошли со мной. Времени у нас не много.

Они поднялись, выбрались из здания вокзала и молча последовали за ним. А он быстро шел сквозь холодный утренний туман в многоэтажное здание неподалеку от вокзала, потом вверх по нескончаемым маршам лестницы — у них всегда лифты поломаны? — и наконец привел их в грязную, запущенную квартиру, точную копию той, что они видели в Лондоне, только комнат больше. Ян устроился возле раковины и побрился допотопной бритвой, стараясь порезаться не слишком сильно, потом переоделся в свою одежду. Переоделся с чувством облегчения, признался он себе. Он старался не думать о том, как же должны чувствовать себя люди, живущие так всю жизнь, если эта одежда и вся окружающая обстановка настолько его измучили меньше чем за день. Он устал, и сейчас не стоило ни о чем размышлять. Те двое ждали его. Пекарь начистил ботинки черной ваксой и протянул их Яну.

— Не так уж плохо, шеф. На танцы ты в них все равно не пойдешь, а для улицы нормально. Мне передали, что тебя

кто-то будет ждать в гостинице «Каледония», в коридоре. Если пойдешь вот за этим другом, он тебя приведет прямо туда.

— А вы?

— Никогда не задавай вопросов, шеф. Я вернусь, как только смогу. Здесь, на севере, слишком холодно. — Он улыбнулся, обнажив почерневшие зубы, и взял Яна за руку. — Удачи тебе!

Ян вышел вслед за своим проводником на улицу, держась метрах в двадцати позади. Проходя мимо «Каледонии», незнакомец пожал плечом и прибавил шагу. Ян прошел через вращающиеся двери и увидел Сару. Она сидела в кресле под пальмой и читала газету. Скорее, делала вид, что читает, потому что не успел он подойти к ней, как она поднялась и, словно не замечая его, прошла через холл к боковому выходу. Ян последовал за ней — она ждала его за углом.

— Все готово. Все, кроме лыж. Ваш поезд в одиннадцать утра.

— Значит, мы успеем все купить. Деньги привезли? — Она кивнула. — Тогда мы вот что сделаем. Я об этом думал почти всю ночь; в нашем вагоне для этого были прекрасные условия. А вы тоже приехали этим поездом?

— Да, во втором классе. Ничего, сносно.

— Хорошо. Теперь надо зайти в магазин и купить лыжное снаряжение. В Эдинбурге таких магазинов всего три. Покупки будем делать вместе. Расплатимся наличными — и никаких кредитных карточек. Меня здесь знают. Я скажу, что оставил карточку в поезде и новую могу получить не раньше чем через час, а мне надо купить кое-что срочно. Это получится, я знаю — несколько лет назад со мной был подобный случай. Они возьмут наличные.

— Но нас же двое. У меня тоже есть карточка. Денег на счету много, фамилия хозяина карточки вымышленная.

— Прекрасно. Тогда вы купите дорогие вещи: малогабаритные аккумуляторы и два компаса, это будет нужно. Хотите, запишу, что нужно приобрести?

— Нет. Меня учили все запоминать.

— Отлично. Про поезд вы мне сказали. Что дальше?

— Мы с вами переночуем в Инвернессе. Ведь вас хорошо знают в гостинице «Кингсмиллс»?

— Господи, да вы обо мне знаете больше, чем я сам! Ну, знают меня там...

— Так мы и думали. Для вас заказан номер. А к утру будет устроено и все остальное.

— Вы мне не можете рассказать о ваших планах?

— Я пока сама не знаю. Все делается в дикой спешке, экспромтом, и стыкуется в последнюю минуту. Но у нас на Нагорье есть сильная поддержка. В основном бывшие зеки, которые всегда рады помочь любому беглецу. Они на своей шкуре испытали, каково там, в зоне.

Здесь же, у дверей, Сара передала Яну деньги. Он перечислил, что нужно купить, — она кивнула и повторила все слово в слово.

Когда они снова встретились, рюкзак Яна был набит покупками, а лыжи и все остальное, что купила Сара, было отослано на вокзал.

Они приехали на вокзал за полчаса до отхода поезда, и Ян детально обследовал купе на предмет спрятанных «клопов» — насколько это было возможно без специальных приборов.

— Ничего не нашел, — сообщил он наконец.

— По нашим данным, эти вагоны прослушивают редко, в исключительных случаях. В отличие от второго класса, где «клопы» на каждом шагу.

Поезд тронулся. Сара сняла пальто и села у окна, глядя, как городские здания уступают место сельскому пейзажу. Ее зеленый костюм был оторочен тем же мехом, из которого была сделана шапочка. Она обернулась и встретила взгляд своего попутчика.

— Любуюсь вами, — сказал Ян. — Вы очень привлекательны в этом наряде.

— Это же маскировка. Богатая и красивая женщина... Но все равно, спасибо за комплимент. Хоть я и сторонница полного равенства полов, меня не оскорбляет, как некоторых, когда восхищаются не только моим умом.

— Да что в этом может быть оскорбительного? — Некоторые ее слова до сих пор озадачивали Яна. — Впрочем, не надо. Сейчас ничего не говорите. Лучше открою-ка я бар и налью вам чего-нибудь крепенького, и себе тоже, и велю принести сандвичей с мясом. — Его укололо чувство вины, но Ян решил не обращать на него внимания. — Вэнисон, их отлично готовят в этом поезде. И, конечно, копченой семги. И к ней — точно, вот он, — «Глен Моранжи», самый лучший сорт солодового виски. Вы его знаете?

— Даже не слышала никогда.

— Счастливая девушка! Путешествовать в тепле и роскоши по морозной, суровой Шотландии, да еще впервые в жизни потягивать солодовое!.. Я вам составлю компанию.

Не наслаждаться путешествием было попросту невозможно, несмотря на все опасности, которые оно в себе таило. Опасности позади, впереди... Но сейчас, пока они ехали в поезде, мир словно отошел от них куда-то вдаль. За окном ярко сиял под солнцем белый пейзаж: горы, леса, редкие прогалины замерзших озер. Из труб фермерских коттеджей не поднималось ни единого дымка — даже самые удаленные из них обогревались электричеством, — но в остальном картина была неизменной уже тысячи лет. На огороженных полях бродили овцы, вприпрыжку уносилось стадо оленей, испуганных электропоездом...

— Не представляла себе, что это может быть так красиво, — сказала Сара. — Я никогда не забиралась так далеко на север. Но эта прекрасная земля кажется совершенно безжизненной и бесплодной.

— Совсем наоборот. Приезжайте летом — увидите, сколько здесь жизни.

— Наверно. А можно мне еще немного этого чудесного виски? У меня от него голова кружится!..

— Пусть покружится. В Интернессе вы сразу отрезвеете.

— Не сомневаюсь. А вы пойдете прямо в гостиницу и будете ждать дальнейших инструкций. Что будем делать с лыжами и со всем прочим?

— Кое-что я возьму с собой, а остальное оставим в камере хранения.

— Наверно, вы правы. — Сара отпила глоточек виски и сморщила нос. — До чего же крепко! Я до сих пор не уверена, что оно мне нравится. Интернесс расположен в зоне Безопасности, вы знаете? Все данные из гостиниц автоматически передаются в полицейские файлы.

— Я не знал. Но я довольно часто останавливался в «Кингсмиллс», так что в этом не будет ничего необычного.

— Верно. Вы у нас просто замечательное прикрытие, лучше не придумаешь. Но мне не хочется фигурировать в книге регистрации приезжих. А на обратный поезд вечером мне, наверно, не успеть. Придется ночевать в вашем номере — не возражаете?

— Я просто в восторге!

И в самом деле, когда она это сказала, Ян ощутил где-то внутри восхитительное, волнующее тепло. Вспомнилась ее грудь, мимолетно мелькнувшая перед ним в лондонском кафе. Он невольно улыбнулся — и увидел, что она улыбается тоже.

— Ты просто ужасный человек! Такой же, как все мужчины. — В ее голосе было больше юмора, чем гнева. — Вместо того чтобы думать об опасном деле, которое нам предстоит, твои набитые гормонами мозги заняты, наверно, только тем, как бы меня соблазнить?

— Ну, не только...

Они рассмеялись, Сара взяла его за руку.

— Чего вы, мужики, пожалуй, никогда не поймете — так это то, что женщины могут наслаждаться любовью и сексом точно так же, как и вы. Очень неприлично сознаться, что я все время думала о тебе, с той самой злополучной ночи на подлодке?

— Неприлично или нет — но замечательно.

— Ладно, — сказала она, снова посерьезнев. — Когда устроишься в гостинице, пойди погуляй, подыши свежим воздухом или зайди в кафе. Встретишь меня на улице и скажешь свой номер, не останавливаясь. А сразу после обеда возвращайся к себе. Я не хочу слишком долго болтаться по городу в темноте, так что приду сразу, как только узнаю, каковы планы на завтра. Договорились?

— Договорились.

Сара вышла из поезда первой и сразу затерялась в толпе. Ян подозвал носильщика и сдал в камеру хранения лыжи и остальную кладь. Дойти до гостиницы с почти пустым рюкзаком не составило никакого труда. В это время года на Нагорье рюкзаки попадаются чаще, чем чемоданы, поэтому Ян не возбудил ни малейшего любопытства в гостинице.

— Добро пожаловать, инженер Кулозик, всегда рады вас видеть! Но у нас свободных номеров мало, и ваш обычный мы вам предоставить не можем. Вас устроит четвертый этаж? Комнаты там прекрасные. Не возражаете?

— Конечно, не возражаю! — Ян взял ключ. — Вы не забросите мой мешок наверх? Хочу побродить, пока магазины открыты.

— С удовольствием.

Все шло, как было задумано. Сара кивнула, услышав номер, и прошла мимо, не останавливаясь. Он пообедал рано в гриль-баре и к семи был у себя в номере. Нашел в книжном шкафу роман Джона Бьюкена — как раз такое здесь и читать — и поудобнее устроился с книгой и со стаканом разбавленного виски. Но почти бессонная прошедшая ночь сказалась: он и не заметил, как его сморило.

Проснулся Ян от света, включенного у входной двери. В номер быстро проскользнула Сара.

— Все устроено. Завтра ты сядешь на местный поезд до станции Форсинар. — Она посмотрела на листок бумаги. — Это в Агентулском лесу. Знаешь?

— Слышал. Все карты у меня есть.

— Отлично. Выйдешь из поезда с другими лыжниками и увидишь местного человека, очень высокого, с черной повязкой на глазу. Это твой связной. Пойдешь за ним, а дальше он знает.

— А ты что будешь делать?

— А я вернусь назад. Поезд в семь утра. Здесь я больше не нужна.

— Да ты что!

Она улыбнулась, тепло, как никогда прежде.

— Выключи свет и раздвинь шторы. Сегодня полнолуние, красотища невообразимая.

Он послушался. В бледном свете луны белый ландшафт казался еще белее. Тени, темнота, снег... Ян обернулся, услышав шорох, и увидел Сару — лунный свет заливал ее всю. Упругие круглые груди, которые он видел тогда лишь мельком, тугой живот, пышные бедра, длинные ноги... Сара протянула руки, и он привлек ее к себе.

Глава 12

— Так мы с тобой не выспимся. — Он легонько провел пальцем по контуру прекрасной груди, любуясь ее телом в лунном свете, струившемся из окна.

— Мне много и не нужно. А ты еще успеешь поспать, когда я уйду, у тебя поезд только в полдень. Я тебя поблагодарила за то, что ты помогаешь нам спасти Ури?

— К чему слова, когда есть другие способы... А кто такой Ури и почему он так важен?

— Сам по себе он не так уж важен. Важно, что произойдет,

если Безопасность узнает, кого они взяли. У него легенда — итальянский моряк. Легенда хорошая, но рано или поздно они узнают, что это фальшивка. Тогда допросы пойдут всерьез, и уже ничем нельзя будет помочь. Они обязательно дознаются, что он израильтянин.

— И что тогда?

— Тогда катастрофа. Внешняя политика нашей страны требует строгого невмешательства. Никаких контактов, кроме официальных каналов. Но некоторые из нас, во внешней разведке, смотрят на это по-другому. По долгу службы мы обязаны знать, что творится вокруг, чтобы защищать свой народ. И когда мы увидели, на что похожа ваша жизнь, — трудно стало хранить нейтралитет. Нам было приказано не вмешиваться, да мы и сами понимаем, что любое вмешательство — это угроза нашей родине. Но все-таки вмешались. Просто невозможно стоять рядом и ничего не делать.

— Я стоял рядом и ничего не делал всю жизнь.

— Но ты же не знал. — Сара приложила палец к его губам и прильнула к нему всем телом. — А теперь ты кое-что делаешь...

— О да, теперь конечно! — прошептал он, обнимая ее. И заглушил поцелуем ее смех.

Когда Сара одевалась, собираясь уходить, Ян лежал и молча смотрел на нее. Ему казалось, что теперь он уже не сможет заснуть — однако заснул. А когда проснулся — сиял яркий день, и свирепо хотелось есть. Завтрак не посрамил шотландской кухни, копченая рыба была превосходна; Ян чувствовал себя в прекрасной форме и, одеваясь, насвистывал. С момента приезда в Шотландию его жизнь больше похожа на отпуск, чем на отчаянную попытку спасти чью-то жизнь. А может быть, и целую страну. Но пока были только слова, действительность еще не обрушилась на него...

Поездка в дребезжащем и лязгающем поезде ничуть не изменила его настроения. Среди пассажиров было несколько местных жителей, но явное большинство составляли отдыхающие лыжники, заполнившие вагоны многоцветием одежды и весельем. Из рук в руки передавали бутылки. Люди входили и выходили на каждой станции, и вряд ли кто-нибудь обращал внимание на Яна в этой дорожной суете.

Ближе к вечеру небо потемнело, посыпался мелкий снег.

Это слегка подпортило Яну настроение, а когда он забрал в Форсинаре из багажного вагона свои мешки и лыжи — жгучий ветер выдул из него последние остатки веселья. Вот-вот начнется их отчаянное предприятие.

Связного он заметил сразу: темное пятно среди пестрых, ярких спортивных костюмов и курток. Ян бросил поклажу на снег и опустился на колено, якобы застегивая крепление. Поднявшись, пошел мимо станции, следуя за могучей фигурой связного. Сначала вдоль дороги, потом в лес, по протоптанной среди деревьев тропе, и вышел на поляну, которую не было видно со стороны дороги. Связной его ждал.

— Как мне тебя называть? — спросил он, когда Ян подошел ближе.

— Билл.

— Ага. А я Брэкли, и это не подпольная кличка, и мне плевать, если кто об этом знает. Я свой срок оттянул и глаз там оставил, чтоб никто не сомневался. — Он ткнул пальцем в черную повязку. Ян рассмотрел сморщенный шрам, пересекавший щеку и лоб и уходивший под вязаную шерстяную шапку, натянутую почти до бровей. — Они уже много лет хотят прикончить старого Брэкли, но не получается пока. Мерзнешь?

— Не очень.

— Это хорошо. А если бы и мерз — все равно. Пока не стемнеет, машина не придет. Ты про трудовые лагеря что-нибудь знаешь?

— Мало. Почти ничего. Знаю только, что они существуют.

Услышав этот ответ, Брэкли хмыкнул и кивнул головой. Потом вытащил из кармана плитку прессованного табака и откусил.

— Как раз этого им и надо. — Жуя табак, он говорил не очень внятно. — Если ты не такой, как все, — тебя, значит, сюда. Может, и на десять лет, лес валить. Для здоровья полезно, если только караульщикам поперек не встанешь. А то вот, — он снова ткнул пальцем в повязку, — или еще похуже. Можешь и вовсе жизни лишиться, им плевать. А когда срок оттянешь — оказывается, что тебе еще такой же срок надо отработать здесь же, на поселении, чтобы дымком не баловался, значит. А работы-то и нету, кроме как овец пасти. Вы там — ты уж меня прости, ваша честь, — небось любите кусочек мясца зажевать, верно? А здеся у несчастных пидарасов все

задницы напрочь отморожены, чтобы вам того мясца досталось. Так что десятка в зоне да после еще столько же при овцах — большинство и не возвращается обратно на юг. А тем и хорошо, у них, вишь, рыла не замараны — могут, значит, и на юге оставаться. Хорошую систему придумали, отлично работает.

Он сплюнул — на снегу расплылось большущее коричневое пятно.

— А бежать нельзя? — спросил Ян.

Становилось холодно, и он начал притопывать, чтобы хоть как-то согреться.

— Из зоны-то выбраться можно. Там пара ниток колючки, всего и делов. А дальше-то что? Вокруг ни души, на дорогах патрули, в поездах тоже. Выбраться на волю не штука, а вот остаться на воле... Вот тут и входит в дело старый Брэкли, с ребятами своими. Мы уже свое отсидели, теперь на свободе, но с Нагорья, значит, нам дороги нету. Они думают, пока мы здеся — так от нас никаких хлопот. Но если кто через забор пролазит — то сразу к нам, так что хлопот от нас порядком. Потом мы беглых отсюдова переправляем на юг. Как по подземке. Передаем их вашим. Нынче вам какой-то особенный понадобился, из камеры аж самой Безопасности. Не просто это будет.

— Я подробностей не знаю.

— Я знаю. В первый раз нам пушки дали, прежде не случалось. После такого дела тут все надолго заглохнет. Как только достанем того мужика, разбежимся по своим фермам и заляжем надолго. Чуть башку высунешь — сразу снесут. Небось важная птица.

— Важная.

— Вот и я так слыхал. Давай-ка карту глянем, пока совсем не стемнело. Мы теперь вот здеся. — Он ткнул большим пальцем, на пальце шрам. — Как стемнеет, поедем примерно вот сюда. На карте не видать, но тут у них охранная полоса. Дальше пешком, чтоб не разобрать в темноте, лось или олень. Да они и не смотрят. Им важно, чтоб оттудова никто, а туда — пожалте. До сих пор еще не находилось дураков, чтоб в зону прорываться. Мы на снегоступах пойдем. А ты на своих модных лыжах?

— Да, мне на них удобнее.

— Ну как знаешь. Кореша вашего вытащим на нартах, так

быстрее будет. Потом обратно на вездеход, назад на дорогу, вездеход в озеро, а сами по домам. И шито-крыто.

— Вы ничего не забыли?

— Никогда! — Он так дружески хлопнул Яна по спине, что тот едва устоял на ногах. — Здеся, где лыжники дорогу переходят, как раз много следов. Даже если нового снега не будет, они все равно не смогут твой след взять, следов тут навалом и во все стороны. Так что ты с другом вали на запад. У вас будет, по крайней мере, восемь часов темноты, а то и все десять, пока вас начнут искать. На это время вы их обгоните. А может, они за вами и не пойдут. Не догадаются. Будут думать, что он где-то тут схоронился, или двинулся на юг, или, наоборот, на север, по железке или по шоссе. Этот маршрут новый. Умный маршрут, по правде сказать, так что должны вы уйти. Хотя как доберетесь до озера Нэйвер-Лох, вот там патрули будут.

— Ладно, мы поостережемся.

— Молодец, не дрейфишь, — похвалил Брэкли. Потом глянул на темнеющее небо, подхватил второй рюкзак и лыжи. — Пошли. Пора двигать.

Вечерние сумерки сгустились в ночной мрак. Стоя среди сосен возле дороги, Ян промерз насквозь. Невидимые снежинки таяли на лице; и он едва смог сдвинуться с места, когда Брэкли потянул его навстречу фарам, медленно приближающимся по дороге. Темная машина остановилась, дверь распахнулась, и чьи-то руки втащили их внутрь.

— Ребята, это Билл, — сказал Брэкли. Раздалось приветственное бурчание, людей видно не было. Брэкли больно ткнул Яна под ребра локтем. — А это вездеход. У лесников угнали. Слишком часто нельзя: они звереют и переворачивают всю округу. Они еще не так озвереют, когда найдут его в озере по весне. Но на этот раз надо было, для скорости.

В машине работал отопитель, так что Ян слегка оттаял. Брэкли вытащил и включил фонарик. Ян разулся, растер омертвевшие ступни и натянул шерстяные носки и лыжные ботинки. Не успел он их зашнуровать, как машина остановилась.

Похоже, здесь каждый знал, что делать: никаких распоряжений Ян не слышал. Люди быстро попрыгали в сугроб, проваливаясь по пояс, и стали подвязывать к ногам круглые медвежьи лапы снегоступов. Первые двое сразу же ушли, таща за собой нарты из арсенала горных спасателей с какой-то казенной белой надписью. Наверняка тоже краденые. Ян надел лы-

жи и быстро пошел за своими спутниками, удивляясь, как они находят дорогу в заснеженной тьме.

— Держи, — сказал Брэкли, остановившись так резко, что Ян едва не налетел на него. — Дальше ты не пойдешь. Возьми и жди здесь. — Он сунул в руки Яну портативную микроволновую рацию. — Если кто-нибудь пройдет мимо и увидит, что проволока порезана, — ты на глаза не лезь. Спрячься в соснах. Нажмешь вот эту кнопку и предупредишь нас — будем другой дорогой выходить. А теперь забирайся подальше в лес, мы тебя по радио найдем.

Раздалось несколько металлических щелчков — резали колючую проволоку, — и Ян остался один.

Совсем один. Снегопад прекратился, но луна была закрыта облаками, и ночь оставалась темной. Столбы колючего заграждения терялись во мраке справа и слева, вдоль ограждения тянулась расчищенная полоса. Ян укрылся под ветвями деревьев и стал шагать взад-вперед, чтобы не замерзнуть, время от времени поглядывая на светящийся циферблат.

Интересно, далеко ли им идти и сколько времени может занять этот поход? Прошло полчаса...

Бесконечно медленно тянулся бесконечно долгий час. Нервы Яна были натянуты так, что казалось, вот-вот порвутся. Внезапно он подпрыгнул от страха и едва не упал: какие-то темные тени двинулись между деревьями в его сторону. Оказалось, олени. Учуяв запах человека, они испугались еще больше, чем он. Прошло почти девяносто минут — снова показались какие-то тени. Ян едва не включил рацию, но тут разглядел, что они тянут за собой нарты.

— Отлично все получилось, — прохрипел Брэкли, тяжело дыша. Им пришлось всю дорогу бежать. — Без пушек обошлось, ножами. Порешили с полдюжины этих ублюдков. Кореш твой здесь, в порядке, хоть его и побуцкали маленько. Давай, бери веревку и тащи, а то мои ребята уже умучились.

Ян схватил веревку, перекинул через плечо, привязал конец к поясу и потянул. Нарты легко скользили, и Ян пошел вперед широким шагом, быстро догнав и перегнав остальных, на снегоступах. Скоро он поравнялся с Брэкли, шедшим впереди всех, и притормозил. Через несколько минут они уже были у вездехода и загрузили нарты через заднюю дверь. Приглушенно рявкнул двигатель, и, едва последние из команды забрались в машину, вездеход рванулся с места.

— У нас, по крайней мере, полчаса, а то и час, — сказал Брэкли, отняв флягу с водой от губ и передавая ее остальным. — Всю охрану возле изолятора перебили. Ну и потеха будет, когда их найдут!

— У них сейчас другие заботы, есть чем заняться, — сказал кто-то.

Раздался одобрительный ропот.

— Мы там несколько складов подпалили, — объяснил Брэкли. — Чтобы маленько отвлечь тех ублюдков.

— Не соблаговолит ли кто-нибудь меня развязать? — спросил человек на носилках.

Вспыхнул свет. Ян развязал лямки, державшие Ури, и стал разглядывать своего подопечного. Тот выглядел молодо, — пожалуй, ему и тридцати нет, — черноволосый, глаза глубоко ввалились.

— Что будет следующим номером нашей программы? — спросил он.

— Вы пойдете со мной, — ответил Ян. — На лыжах ходить умеете?

— На снегу не пробовал. На водных лыжах катался.

— Это прекрасно. Мы с гор спускаться не будем, пойдем по равнине. У меня здесь одежда для вас.

— Звучит заманчиво. — Ури сел, его била дрожь. Одет он был только в тонкую серую арестантскую робу. — Я бы сел на скамью, если кто-нибудь руку подаст.

— Почему? — Яна вдруг ударила волна холодного страха.

— Эти сволочи... — Ури упал на скамью. — Решили, что я говорю недостаточно быстро даже с помощью итальянского переводчика. Ну и приняли кой-какие меры, чтобы меня поторопить.

Он поднял со смятого одеяла ногу, черную от засохшей крови. Ян наклонился поближе и увидел, что все ногти на пальцах сорваны напрочь. Как можно ходить с такими ногами, не говоря уж о лыжах?!

— Я не знаю, будет ли вам легче, — сказал Брэкли, — но те, кто это сделал, уже трупы.

— Ну, ноги все равно болят, но на душе гораздо легче. Спасибо.

— Мы и о ногах позаботимся, — сказал Брэкли. — Тут у меня для такого случая... — Он вытащил из-за пазухи плоскую металлическую коробку и открыл. Вынул оттуда одноразовый

шприц и сорвал предохранительный колпачок. — Люди, которые мне это дали, сказали, что один укол снимает боль на шесть часов. Никаких, значит, побочных эффектов, а упаковка очень сподручная. — Он прижал шприц к бедру Ури, игла проткнула тонкую ткань, и капсула с лекарством медлéнно опустела под давлением сжатого газа. — Тут еще девять таких осталось.

Он передал коробку Ури.

— Спасибо тому, кто об этом подумал. Пальцы уже занемели, не болят больше.

Вездеход трясло, и Яну пришлось помогать Ури одеваться. Потом тряска кончилась: машина выбралась на дорогу и поехала быстрее. Но через несколько минут снова свернула в лес.

— Впереди контрольный пост, — объяснил Брэкли. — Надо объехать.

— Я понятия не имел, какой у вас размер ноги, — сказал Ян. — Поэтому купил три пары ботинок, разные.

— Дайте примерить. Мне ведь надо еще забинтовать ноги. Наверно, вот эти будут в самый раз.

— В пятке нормально? Не болтается?

— Отлично. — Одевшись и согревшись, Ури оглядел людей вокруг, едва различимых при свете фонарика. — Не знаю, как мне благодарить вас, друзья...

— А ты и не благодари, — перебил его Брэкли. — Это нам в охотку. — Машина замедлила ход и остановилась. Двое молча выпрыгнули, и вездеход двинулся дальше. — Вот что, ребята. Вы останетесь вдвоем. Я уже сам поеду и об этой машине, значит, позабочусь. Билл, я выкину вас в том месте, что тебе на карте показывал. А дальше вы уж сами соображайте.

— Постараемся, — ответил Ян.

Он перепаковал рюкзаки, засунув в свой три четверти общей поклажи, и начал надевать легкий на плечи Ури.

— Я могу нести больше, — запротестовал тот.

— Пешком — может быть. Но если вы хоть себя самого на лыжах понесете, то я буду счастлив. А для меня тяжести — дело привычное.

Когда вездеход остановился в последний раз, в нем оставались только Ян и Ури. Брэкли вышел из кабины, открыл заднюю дверь, и они вылезли на обледеневшую дорогу.

— Вон лыжня, — показал Брэкли. — Мотайте побыстрому

с дороги и не останавливайтесь, пока не зайдете в лес. Счастливо.

Он исчез, прежде чем Ян успел сказать хоть слово. Вездеход с ревом рванулся с места, обдав их дождем ледяной крошки, и они остались одни. К лесу вела засыпанная снегом лыжня. Ян опустился на колено и застегнул крепления на лыжах Ури, потом на своих.

— Смотри. Петлю лыжной палки надеваешь на руку вот так. Палка висит на руке. Теперь опускаешь руку и хватаешь палку вместе с петлей. Так ты ее никогда не потеряешь. Теперь смотри движение, скользящее, вот так. Пошло скольжение правой ногой — отталкиваешься левой рукой. Переносишь вес на другую ногу, скользишь на левой, отталкиваешься правой. Вот так. Пошел.

— Это... не так просто...

— Сумеешь, надо только в ритм войти. Смотри на меня. Толчок... толчок... хорошо... Так и иди, а я за тобой.

Ури с трудом двинулся вперед. Вскоре у него начало получаться. Тут лыжня свернула, и путешественники очутились перед пушистой снежной стеной дремучего леса. Теперь первым пошел Ян, чтобы прокладывать след по нетронутым сугробам. Над черными силуэтами деревьев небо стало светлеть. Когда они вышли на опушку, Ян остановился и взглянул на луну, скользящую поверх несущихся облаков. Впереди виднелась мрачная громада горы.

— Это Бэн-Грайэм-Бэг, — сказал Ян. — Мы ее обойдем...

— Слава богу! Я думал, ты меня потащишь через нее.

Ури тяжело дышал и обливался потом.

— Это ни к чему. А с той стороны пойдут замерзшие ручьи и озера, так что идти станет легче, быстрее пойдем.

— А сколько всего надо пройти?

— Киль̀метров восемьдесят, если напрямую, но у нас по прямой не получится.

— Вряд ли я одолею это расстояние. — Ури мрачно смотрел на морозную пустыню, лежавшую перед ними. — Ты знаешь обо мне? Я имею в виду — тебе сказали?..

— Сара все мне рассказала, Ури.

— Хорошо. У меня есть пистолет. Если я сам не сумею, ты меня застрелишь и пойдешь дальше. Понял?

Ян нерешительно помолчал — и медленно кивнул.

Глава 13

Они шли и шли. Останавливались гораздо чаще, чем хотелось Яну: Ури не выдерживал темпа. Но он оказался прилежным учеником и уже двигался быстрее с меньшими усилиями. До рассвета оставалось часа четыре, не больше. При очередной остановке, уже за отрогом горы, Ян проверил направление гирокомпасом и попытался разглядеть какой-нибудь ориентир на местности впереди.

— Похоже... мне нужен еще укол, — выдохнул Ури.

— Давай заодно отдохнем минут десять. Поедим и попьем.

— Черт возьми... хорошая идея.

Ян вытащил из рюкзака две палочки сушеных фруктов, и они сжевали их, запив водой из фляжки.

— Это получше, чем лагерная кормежка, — заметил Ури, проглотив свою порцию. — Я там пробыл три дня. Есть давали немного, а пить и того меньше. Да, далеко отсюда до *эрец Исраэль*. Я и не знал, что в мире может быть так много снега. А что будет, когда мы закончим нашу прогулку?

— Мы идем в «Отель Альтнасалгах». Это охотничий домик на краю леса. Я думаю, что там тебя подберут. Либо мне придется куда-то тебя отвезти. Моя машина должна быть там. Но в любом случае ты останешься в лесу, спрячешься и станешь ждать, пока я схожу на разведку.

— Скорей бы добраться до этого твоего отеля. Давай-ка пойдем, а то еще немного — и я с места не сдвинусь.

Ян и сам устал задолго до рассвета — и не хотел думать о том, как чувствует себя Ури. Но останавливаться нельзя, надо было уйти от лагеря как можно дальше. Ночью несколько раз начинался снегопад. Правда, снегу нападало немного, но Ян надеялся, что он скроет их следы, если Безопасность станет искать лыжный след. Ян рассчитывал, что не станет, во всяком случае пока. Но с восходом солнца идти будет опасно; значит, надо успеть спрятаться.

— Пора остановиться! — крикнул Ян через плечо. — Мы заляжем вон там, под деревьями.

— Это самые прекрасные слова, которые я в жизни слышал.

Ян вытоптал углубления в снегу и развернул спальные мешки.

— Залезай, — скомандовал он. — Только сначала сними ботинки, я о них позабочусь. И приготовлю чего-нибудь горячего.

Яну пришлось помочь Ури разуться: носки и бинты были пропитаны кровью.

— Хорошо, что я ничего не чувствую, — сказал Ури, ныряя в спальный мешок.

Ян закидал его снегом так, что его стало совсем не видно.

— Эти мешки сшиты из инсулькота, ткань разработана для космических скафандров. Внутри слой газа — изоляция почти такая же, как вакуум. Так что верх не закрывай, а то сваришься в собственном соку.

— Я только об этом и мечтаю.

Светало, и Ян заторопился с едой. Аккумуляторный нагреватель быстро натопил из снега котелок воды, Ян бросил туда пакет обезвоженной тушенки. Пока спутники поглощали первый котелок, нагрелся второй. Потом Ян вычистил посуду, наполнил талой водой фляжки доверху и снова все запаковал. Было уже совсем светло. Где-то за горизонтом прогудел самолет. Наверно, начались поиски. Он заполз в свой мешок и нагреб на себя снега. Из мешка Ури донесся протяжный храп. Хорошая идея. Ян поставил будильник на своих часах и прикрыл лицо клапаном спальника. Он боялся, что не сможет заснуть, думая о начавшихся поисках, но сон его одолел. Он проснулся, когда в самое ухо пронзительно заверещал будильник.

За вторую ночь они прошли меньше, чем за первую, хотя дорога была лучше. Ури терял много крови, слишком много; несмотря на инъекции, идти ему становилось все труднее и труднее. Примерно за час до рассвета они пересекли замерзшее озеро и подошли к расщелине под скальным выступом. Ян решил остановиться здесь. Место идеальное, не стоило мучить Ури ради нескольких лишних километров.

— У меня не слишком хорошо получается, верно?

Ури потягивал чай из дымящейся кружки.

— Ты становишься отличным лыжником, скоро призы брать будешь.

— Ты знаешь, что я имею в виду. По-моему, мне не дойти.

— Выспишься хорошенько, полегче станет.

... Уже после полудня Яна вырвал из глубокого сна голос Ури:

— Слышишь? Звук какой-то. Что это такое?

Ян высунул голову из мешка и прислушался. Далеко за озером ныл мотор.

— Снегоход, вроде мотоцикла. Звучит так, будто он движется сюда, вдоль озера. Опусти голову, нас не заметят. Лыжню замело, так что по следу нас не найдут.

— Это полиция?

— Скорей всего. Не могу себе представить, чтобы кто-нибудь, кроме властей, гонял здесь технику зимой. Лежи себе, и все будет в порядке.

— Нет. Когда он подъедет, ты помаши ему. Чтобы заметил.

— Что? Не можешь же ты...

— Могу. Я из этих лесов не выберусь. На ногах не выберусь, и ты это знаешь не хуже меня. А если будет какой-то транспорт — другое дело. Пусть подъедет поближе, и дай ему знак.

— Но это же безумие!

— Конечно. Вся наша затея безумие. Вот он.

Шум мотора стал громче, и из-за мыса, уходившего в озеро, показался ярко-красный снегоход. За гусеничной лентой клубилось пенное облако снега, водитель в защитных очках смотрел прямо перед собой. Он двигался параллельно берегу и должен был проехать в каких-нибудь десяти метрах от их убежища, но они прятались в снегу под скалой, так что заметить их случайно он не мог.

— Давай! — скомандовал Ури.

Ян вскочил, крича и размахивая руками. Увидев его, водитель тотчас сбросил скорость и направил машину прямиком к кричавшему. Он отстегнул микрофон и поднес к губам — и в этот момент его сразил выстрел Ури. Выстрел из ракетного пистолета. Бесшумная пуля попала в грудь и прошила ее насквозь. Он рухнул на спину, раскинув руки. Снегоход упал на бок и заскользил юзом, молотя гусеницей, пока выключатель на рукоятке не вырубил ток.

Ури оказался проворнее Яна. Он выскочил из мешка и, оставляя красные следы на снегу, бросился к лежащему. Но тому уже нельзя было помочь.

— Наповал, — сказал Ури, стаскивая с офицера форменную куртку. — Ты только глянь, какую дырищу эта штуковина проткнула.

Не теряя времени, он натянул на себя одежду убитого, предварительно стерев с нее кровь. Ян медленно подошел к снегоходу и поднял его.

— Рация выключена. Он не успел подать сигнал.

— Это самая лучшая новость, какую я слышал со времени своего *бар мицвах*. Эту штуку трудно заставить двигаться?

Ян покачал головой:

— Нет. Батарея почти полностью заряжена, это по меньшей мере двести километров. Правая рукоятка — включатель и дроссель. Ездить на нем — одно удовольствие. Передняя рулевая лыжа всегда идет прямо, если наклонишься вбок — в ту сторону и повернет. На мотоцикле когда-нибудь ездил?

— Очень много.

— Тогда никаких проблем. Кроме одной — куда ты поедешь?

— Я об этом думал. — Ури, одетый в форму и сапоги, подошел к рюкзакам и достал подробную карту. — Где мы сейчас находимся?

— Вот здесь, — показал Ян. — Возле этого залива на озере Лох-Шин.

— Вот городок Дурнесс на северном побережье. Есть в Шотландии еще какое-нибудь место с таким же названием?

— Насколько я знаю, нет.

— Вот и прекрасно. Мне пришлось вызубрить список городов, где есть надежные связи на крайний случай. Там тоже есть. Я до него доберусь?

— Если не влипнешь, то доберешься. Езжай вон туда, по речкам. Держись подальше от дорог с севера на юг. Бери компас и держи направление. И не сворачивай, пока не выскочишь на побережье. Там запутай след и спрячься где-нибудь до темноты. Потом переоденешься в спортивную куртку — и постарайся скинуть машину в океан вместе с формой. Ну а там уж — как знаешь.

— Ясно. А как ты?

— А я пойду дальше. Отличный лыжный переход, я это дело люблю. За меня не бойся.

— Бояться у меня и в мыслях не было. А что с этим другом делать?

Ян посмотрел на окровавленное розовое тело, непристойно распятое на снегу.

— Я о нем позабочусь. Спрячу его в лесу. Сначала лисы найдут, потом вороны — к весне останутся голые кости. Это, конечно, не слишком изысканно...

— У него и работа была не слишком изысканная. Я буду тебе очень признателен, если ты это сделаешь. Тогда я могу тро-

гаться. — Он протянул руку в краге, Ян пожал ее. — Слушай. Ведь я на свободе только благодаря тебе и твоим людям. Мы победим, вот увидишь.

— Я тоже надеюсь. Шалом.

— Спасибо. Но «шалом» после. Сначала надо избавиться от этих ублюдков.

Ури повернул рукоятку и поехал, быстрее и быстрее. Махнул рукой через плечо — и скрылся за изгибом берега. Только еще звучал какое-то время постепенно замирающий шум мотора.

— Счастливо! — тихо сказал Ян ему вслед.

И повернулся к стоянке.

Прежде всего труп. Ян поволок его за ноги, руки мертвеца тащились позади головы, на снегу оставался кровавый след. Стервятники появятся тотчас, как он отсюда уйдет. Он забросал кровь снегом и пошел собирать вещи. Второй спальный мешок и все лишнее снаряжение пошло в один рюкзак, а то, что нужно было ему, — в другой. Надо убираться отсюда поскорее. Если место происшествия обнаружат, то болтаться поблизости еще и чертовски опасно. А если он в темпе пойдет через лес, то успеет дотемна уйти достаточно далеко.

Надев свой рюкзак, он подхватил второй и лишние лыжи — и быстро пошел прочь. Приятно было двигаться ходко и уверенно, оставляя позади километр за километром. Похоронив рюкзак и лыжи в глухой чащобе, он заторопился дальше. Один раз он услышал где-то вдали звук приближающегося снегохода и затаился, ожидая, пока тот пронесется мимо. Перед закатом в небе прошумел самолет, но Ян его не видел сквозь кроны деревьев, как и он не видел Яна. И еще два часа после этого Ян шел не останавливаясь и только потом остановился на ночлег.

Всю ночь сильно пуржило; Ян не раз просыпался и стряхивал с себя наметенный сугроб. Утром свежевыпавший снег позолотило солнце, и, кипятя воду для чая, Ян обнаружил, что насвистывает. Все кончилось, кончилось совершенно и больше не грозит. Он надеялся, что и Ури тоже ничего не грозит. Или он уже мертв. Ян был уверен, что второй раз израильтянина живым не возьмут.

Когда он перешел Бэнмор-Лох, уже вечерело. Услышав шум машины, проехавшей по 837-й магистрали, Ян остановился и спрятался за деревом. До гостиницы уже рукой подать. Но что делать? Совсем не трудно еще одну ночь провести в снегу и

утром пойти дальше. Благоразумно ли это? Чем раньше он придет — тем меньше подозрений, что он успел побывать возле Слэтхиллского лагеря. Так что лучше всего прийти как можно раньше. И настоящий обед — кусок мяса с бутылкой вина, у камина — тоже вещь неплохая, ради этого стоит поторопиться...

Ян рванулся вперед, взбежал на склон перед большой гостиницей и лихо съехал прямо к парадному входу. Отстегнул лыжи, воткнул их в сугроб перед дверями, отряхнул снег с ботинок, толкнул одну дверь, вторую — и очутился в холле. После нескольких дней, проведенных в лесу, Яну там показалось жарко и тесно.

Когда он шагал через холл к столу регистрации, из кабинета управляющего вышел какой-то мужчина и повернулся в его сторону.

— Ну как, Ян? — спросил Тергуд-Смит. — Хорошо покатался?

Глава 14

Изумленный появлением зятя, Ян остановился, вытаращив глаза:

— Смитти! Какими судьбами?

Только потом он сообразил, что его естественная реакция была самой правильной: Тергуд-Смит пристально следил за выражением его лица.

— Причин несколько, — сказал сотрудник Безопасности. — А ты отлично выглядишь. Глаза блестят, румянец... Как насчет того, чтобы выпить? А то у тебя в организме совсем токсинов не осталось.

— Отличная идея. Только давай не в баре. Здесь, внизу, воздух липкий, как патока. Выпить мы можем и у меня в номере. Я приоткрою окно, а ты посидишь на радиаторе.

— Хорошо. Я избавил тебя от лишнего беспокойства: твой ключ уже у меня. Пошли наверх.

В лифте кроме них оказалось еще несколько человек, поэтому разговаривать приятели не стали. Ян смотрел прямо перед собой и изо всех сил старался собраться с мыслями. Что подозревает Тергуд-Смит? Он здесь не случайно. Да он этого и не скрывает — ведь у него в кармане ключ от номера Яна. Обыск ничего бы не дал: у него в багаже нет ничего криминального. Ну что ж, наилучший способ защиты — нападение.

Ян знал, что перед зятем бессмысленно разыгрывать простачка. Едва за ними закрылась дверь, он заговорил:

— В чем дело, Смитти? Только сделай одолжение — не прикидывайся. С моим ключом в кармане. Почему Безопасность интересуется мной?

Тергуд-Смит стоял у окна, устремив на белый пейзаж невидящий взор.

— Будь добр, налей мне виски. Неразбавленного, большой. Проблема, дорогой мой Ян, состоит в том, что я не верю в совпадения. Доверие мое не безгранично. А ты слишком часто оказываешься замешанным в разных интересных событиях.

— Быть может, ты мне объяснишь, о чем речь?

— Ты и сам знаешь не хуже меня. Инцидент в Красном море, компьютерный «клопик» в вашей лаборатории...

— Это абсолютно ничего не значит. Если ты думаешь, что я по каким-то причинам пытался утопиться, — значит, тебя надо проверять, а не меня. Таким образом, остается лаборатория. Сколько в ней сотрудников, знаешь?

— Намек понял. Спасибо.

Тергуд-Смит глотнул виски. Ян приоткрыл окно и глубоко вдохнул морозный воздух.

— Сами по себе два эти инцидента ничего не значат. Я задумался о них только тогда, когда вдруг обнаружил тебя на Нагорье как раз теперь. Только что произошел еще один инцидент, очень серьезный, в одном из ближних лагерей. А это значит, что твое присутствие здесь может быть весьма подозрительным.

— Не вижу связи. — Голос Яна был холоден, лицо бесстрастно. — *Я здесь бываю каждую зиму, по меньшей мере два-три раза.*

— Знаю. Только поэтому я и разговариваю с тобой вот так. Но если бы я не был женат на твоей сестре, наша беседа происходила бы совершенно иначе. У меня в кармане был бы детектор, который сообщал бы мне данные о твоем пульсе, дыхании, мышечном тонусе, мозговых волнах... И я бы точно знал, лжешь ты или нет.

— С какой стати мне лгать? Если у тебя есть такой приборчик — вынимай и смотри, сам увидишь.

Ян разозлился по-настоящему: ему не нравилось, что разговор принимает такой оборот.

— Нет у меня никакого приборчика. Я уже взял было перед выходом из дому, но сунул обратно в сейф. Не потому, что

люблю тебя, хоть я на самом деле тебя люблю. Это тут совершенно ни при чем. Если бы на твоем месте был кто-нибудь другой — я бы не беседовал, а допрашивал. Но если я стану допрашивать тебя, то Элизабет рано или поздно об этом узнает — тогда конец моей семейной жизни. Ее инстинкт защиты младшего братика выходит далеко за пределы здравого смысла, и мне совсем не хочется подвергать ее испытанию, заставляя выбирать между мной и тобой. У меня бывает тревожное предчувствие, что она может выбрать тебя.

— Смитти, бога ради, к чему ты все это говоришь?

— Позволь мне закончить. Прежде чем я расскажу тебе, что происходит, я хочу совершенно четко объяснить, что будет потом. Я приеду домой к Элизабет и скажу ей, что ты попал под надзор другого, не моего, отдела Безопасности. Это правда. Кроме того, я скажу ей, что не могу сделать ничего, чтобы это предотвратить. И это тоже правда. Что произойдет потом — зависит от того, как ты себя поведешь. До сих пор, вот до этого момента, ты еще чист. Понимаешь?

Ян медленно кивнул:

— Спасибо, Смитти. Ради меня ты рискуешь, верно? Ведь то, что ты рассказал мне о слежке, — для тебя опасно, насколько я понимаю.

— Правильно понимаешь. И я буду тебе очень признателен, если в порядке ответной любезности ты каким-то образом обнаружишь эту слежку и пожалуешься мне по телефону.

— Будет сделано. Как только вернусь домой. Но теперь, если ты мне расскажешь, в чем меня подозревают, что я такого сделал...

— Не сделал, а *мог* сделать. — В голосе Тергуд-Смита не осталось ни капли тепла, лицо стало жестким. Это был профессионал Безопасности, которого Ян никогда прежде не видел. — Из трудового лагеря бежал итальянский моряк. Событие само по себе малоинтересное. А важность придают ему два обстоятельства. Во-первых, он бежал не сам, а с чьей-то помощью извне, — и были убиты несколько охранников. А во-вторых, после этого побега мы получили сообщение от итальянских властей. Такого человека не существует.

— Не понимаю...

— Не существует в *их* документах. Значит, все его бумаги — липа, и сделанная очень профессионально. А это значит, что он гражданин какой-то другой страны. Иностранный агент.

— Может быть, он все-таки итальянец?

— Может быть. Но у меня есть основания в этом сомневаться.

— А если не итальянец, то кто?

— Я думал, быть может, ты мне расскажешь?

— Откуда мне знать?

— Оттуда, что ты мог помочь ему бежать, мог провести его через лес — и вот прямо сейчас мог бы прятать где-нибудь поблизости.

Это было так похоже на правду, что у Яна по спине поползли мерзкие мурашки.

— Мог бы, раз ты так говоришь... Но я ничего этого не делал. Сейчас достану карту и покажу, где я был. А ты мне скажешь, был ли я около вашего таинственного беглеца.

Тергуд-Смит отмел это предложение взмахом руки:

— Не надо никакой карты. Лжешь ты мне или правду говоришь — на карте доказательств нет.

— А с какой стати другой стране шпионить за нами? Я думал, что в мире мир...

— Мир — вообще категория несуществующая. Существуют лишь разные формы ведения войны.

— Довольно циничное утверждение.

— У меня довольно циничная профессия.

Ян снова наполнил стаканы и сел на подоконник. Тергуд-Смит отодвинулся как можно дальше от струи холодного воздуха.

— Мне как-то не нравится все, что ты говоришь, — сказал Ян. — Все эти убийства, заключенные, слежки... И часто такое происходит? Почему мы ничего об этом не знаем?

— Вы не знаете, драгоценный мой братец, потому что вам незачем это знать. Наш мир — крайне омерзительное место, и не стоит беспокоить людей грязными подробностями.

— То есть ты хочешь сказать, что важные события, происходящие в мире, держатся в тайне от народа?

— Да, дорогой, именно это я и хочу сказать. И если ты никогда об этом не подозревал — ты гораздо глупее, чем я думал. Люди вашего класса *предпочитают* не знать. Чтобы всю грязную работу делали за вас такие, как я. И за это вы смотрите на нас сверху вниз.

— Это неправда, Смитти...

— Разве? — В голосе его зазвучала режущая злость. — Как

ты меня только что назвал? Смитти? Ты когда-нибудь звал Рикардо де Торреса — Рикки?

Ян собрался ответить, но не смог. Тергуд-Смит был прав. Он вышел из рода потомственных мелких чиновников, Рикардо — из титулованных дворян, имевших собственные земли. Несколько долгих секунд Яна сверлил холодный, ненавидящий взгляд; потом его зять отвернулся.

— Как ты меня нашел здесь? — спросил Ян, чтобы переменить тему.

— Не прикидывайся дурачком. Местонахождение каждой машины в памяти дорожных магистралей. Ты представляешь себе объем компьютерных файлов и программ?

— Никогда об этом не задумывался. Но представить могу.

— Нет, не можешь. Неизмеримо больше, чем ты думаешь, и все гораздо лучше организовано. И это не просто большая память. Если Безопасность захочет — а мы можем это сделать, — мы проследим твою жизнь по секундам, вся она записана.

— Но это же глупо, невозможно. Уж в этом-то я разбираюсь получше тебя. Сколько бы ни было у вас электроники, сколько бы ни было памяти — невозможно, чтобы вы постоянно следили за всем населением в стране. Вы бы утонули в информации.

— Разумеется. Но я и не говорил обо всей стране. Я упомянул лишь одного конкретного человека. Тебя. Девяносто девять процентов населения страны — серая масса, импотенты, кастраты. Просто имена в банке памяти, которые нас совершенно не интересуют. Пролы — одинаковые, как спички. Светские бабочки — те богаче и экзотичнее, но тоже неинтересны. По сути, нам почти нечего делать. Самые тяжкие преступления — растраты или мелкое воровство, ничего серьезного. Поэтому, когда нас просят обратить внимание на кого-нибудь, мы это делаем от души. Экран твой может стать двусторонним, и телефон тоже. Мы подберемся к твоему компьютеру, как бы ты ни был уверен, что это невозможно. Твой автомобиль, лаборатория, зеркало в туалете, лампа над кроватью — все будет служить нам...

— Ты преувеличиваешь!

— Возможно. Но не так сильно, как тебе хотелось бы. Если мы захотим — мы сможем узнать о тебе все. Не сомневайся! А теперь мы хотим о тебе знать. Я тебе вот что скажу. На ближайшие несколько лет — пока вина твоя или невиновность не

будет установлена — вот этот наш разговор — самая последняя частная беседа, которую ты ведешь.

— Ты хочешь меня напугать?

— Надеюсь. Если ты в чем-нибудь замешан — вылезай оттуда. Тогда мы ничего об этом не узнаем, и я предпочел бы, чтобы так оно и было. Но как только ты замараешь руки — мы тебя возьмем. Без вариантов. Это так же верно, как солнце встает на востоке.

Тергуд-Смит прошел к двери и отворил ее. Обернулся, будто хотел что-то добавить, — но передумал. Отвернулся и вышел, и дверь тяжело захлопнулась за ним.

Ян закрыл окно. Ему стало холодно.

Глава 15

Единственное, что теперь оставалось делать, — вести себя естественно, во всех отношениях, и стараться делать вид, что ничего не произошло. Ян распаковал сумку, опасаясь, что туда ненароком, по ошибке, попало что-нибудь лишнее. Что Тергуд-Смит там уже порылся, он был уверен. Конечно же, ничего лишнего там не оказалось, но ему все равно никак не удавалось выдернуть занозу страха. Она так и торчала — и когда он пошел обедать, и когда болтал со старыми знакомыми в баре... Это чувство не оставляло его всю ночь, спал он плохо. А на другое утро расплатился и поехал на машине в Лондон.

Снова валил снег, и ему некогда было думать ни о чем, пока он осторожно вел машину по извилистым дорогам Нагорья. Перекусил в придорожном кафе — кусок пирога с мясом и кружка пива — и тотчас двинулся дальше, без остановок до самой автострады. Когда включился автопилот, он мог бы и расслабиться, — но не получалось. Стало еще беспокойнее.

В снежной круговерти за стеклом не было видно ни зги, но машину надежно вело электронное управление; и теперь, откинувшись на спинку, Ян оказался наедине с источником тревоги. Вот оно, доказательство, прямо перед ним. Кольцо крошечных дырочек в центре рулевого колеса. Ловит каждый вздох. В машине ему от них никуда не деться. А за ними анализатор, который улавливает миллионные доли алкоголя в воздухе и позволяет вести машину только в том случае, если ты достаточно трезв. Идея вполне разумная — аварии предотвращает, — но подозрительная и унизительная, если рассматривать ее в общем контексте тотальной слежки. И это содержание алкоголя, и другие данные о нем накапливаются в памяти бортового компьютера и могут быть переданы в компьютер дорожной сети — а оттуда и в банк памяти Безопасности. Как он дышал, что он пил, как быстро реагировал, где ехал, когда ехал, с кем ехал — все записано. А когда он приезжает домой, телекамеры Безопасности в гараже и в холле заботливо провожают его до дверей — и дальше. Когда он смотрит телевизор, невидимый полицейский может следить за ним сквозь экран. Телефон его прослушивается невидимыми «клопами», вмонтированными в проводку. Попробуй их найти и убрать — если получится, — и голоса в комнатах будут записываться лазерным лучом с оконных стекол. Данные, данные, данные... Они будут беспрерывно накапливаться в каком-то секретном файле — в котором уже записана вся его жизнь.

Никогда прежде он всерьез об этом не задумывался. А сейчас впервые понял, что существует как бы в двух ипостасях: человек из плоти и крови — и электронный двойник. Есть запись его рождения, есть записи всех болезней и медицинских обследований. Когда, где и у кого учился или лечил зубы, сколько зарабатывал и тратил, что покупал... Какие книги читал, какие делал подарки... Неужели все это есть в каком-то файле? С чувством, близким к отчаянию, он понял, что это вполне возможно. С точки зрения физики в новых молекулярных ячейках памяти можно уместить объем информации практически безграничный. Молекулы, сдвинутые в ту или другую сторону, регистрируют биты, биты образуют байты, байты — слова и числа... В количествах невероятных, невообразимых. Энциклопедия занимает объем булавочной головки, а вся жизнь человека может уместиться в крошечном камушке.

И сделать нельзя ничего. Он попытался, внес свой крошечный вклад в дело Сопротивления, как-то помог... Но теперь это уже в прошлом. Стоит поднять голову — оттяпают. Жизнь, конечно, не так уж плоха. Радуйся, что ты не прол, обреченный влачить жалкое существование изо дня в день...

Значит, остановиться? Неужели ничего нельзя изменить? Но в тот же момент, когда у него возникла эта бунтарская мысль, он заметил, что пульс участился, а мышцы рук напряглись, непроизвольно сжались кулаки. Физиологические изменения, которые можно пронаблюдать, измерить и взять на заметку.

Он — узник в невидимой камере. Попробуй из нее выйти — конец. Впервые в жизни он понял, что такое свобода и что означает ее отсутствие. Чего он лишен.

...Дорога была отупляюще монотонной. Погода стала чуть получше; когда Ян миновал Кэрлайл, пурга кончилась, только свинцовые тучи висели над головой. Он включил телевизор. По пятому каналу шла какая-то пьеса, но он не смотрел: слишком был занят круговертью собственных мыслей. Теперь, лишившись возможности принимать участие в Сопротивлении, он понял, насколько это стало для него важным. Это была работа ради чего-то такого, во что он поверил. Это был способ как-то искупить свою вину, которую он научился осознавать.

К дому он подъехал в настроении кошмарном. Сердито посмотрел на ни в чем не повинного лифтера и с грохотом захлопнул свою дверь. Потом запер ее на ключ, включил свет — контрольная лампа не загорелась.

Уже?! Пока его не было, в квартире кто-то побывал.

Он ни в чем не виноват. Ян старательно держался за эту мысль: не виноват. А они, быть может, вот прямо сейчас следят за ним. Ян медленно осмотрелся. Конечно же, никаких следов. Он проверил все окна, одно за другим, но все было закрыто и заперто. Потом прошел к сейфу в стене, набрал код, просмотрел бумаги и деньги. Все оказалось на месте. Если здесь были сотрудники Безопасности — а это могли быть только они, — то, конечно же, без особого труда обнаружили его незамысловатую охранную систему. Иметь ее ни один закон не запрещал; большинство его друзей прибегало к таким же мерам предосторожности. Так, теперь нужна естественная реакция. Он подошел к телефону — с сердитым видом, который вполне соответствовал его настроению, — и позвонил в управление домами.

— Входили, пока вас не было, сэр? У нас нет никаких сведений, что во время вашей отлучки к вам заходил кто-нибудь из ремонтной или аварийной службы.

— Значит, взломщики, воры. Я полагал, в ваших домах есть служба безопасности. Ошибался я, что ли?

— Разумеется, есть, сэр, и очень надежная. Я немедленно проверю все записи. У вас что-нибудь пропало?

— Пока не знаю, я только что вошел и едва огляделся. Ничего существенного не пропало. — В этот момент он посмотрел на телевизор и заметил следы на ковре. — Но вот я только что увидел: телевизор сдвинули с места. Быть может, его хотели украсть.

— Да, не исключено. Я сообщу в полицию и пошлю к вам механика, чтобы поменял комбинацию на замке входной двери.

— Пришлите немедленно. Я совсем не в восторге от этого дела.

— Вполне естественно, сэр. Мы проведем полное расследование.

«Почему следы на ковре?» — подумал Ян. Телевизор сдвинули по неосторожности или умышленно? Быть может, это предупреждение, легкий толчок под ребра? Ответа он не знал. Но теперь, обнаружив, что телевизор не на месте, и сообщив об этом, он должен искать дальше. Именно так бы он себя повел, если бы не знал за собой никакой вины.

Он обошел телевизор со всех сторон, потирая подбородок. Потом присел и оглядел болты, держащие заднюю стенку. На одном оказалась свежая блестящая царапина от отвертки. Так вот куда они лазили!

Не прошло и десяти минут, как он снял стенку, выволок все потроха наружу, раскидал печатные платы — и на одной увидел небольшое устройство, вмонтированное поперек питающих вводов. Оно было размером с желудь и почти такой же формы, на закругленном конце поблескивал хрусталик. И расположен был этот хрусталик точно напротив крошечного отверстия, просверленного в передней панели. Вот оно! Резким движением Ян сорвал его с платы и сердито подкинул на ладони, соображая, что делать дальше. Что бы он сделал, если бы ни в чем не был виноват, как хочет это изобразить? Он подошел к телефону и набрал номер Тергуд-Смита. Ответила сестра:

— Ян, дорогой, сто лет тебя не видела! Если ты завтра свободен...

— Извини, Лиз, занят по горло. И поговорить я хотел не с тобой. Смитти дома?

— А мне ты так ничего и не скажешь? — Она откинула волосы рукой и постаралась изобразить мученицу, но получилось не слишком убедительно.

— Я скотина, Лиз, и ты всю жизнь это знала. Но мне на самом деле очень некогда. На той неделе увидимся, обещаю.

— Ладно, как скажешь. Я хочу тебя познакомить с изумительнейшей девушкой.

— Замечательно. — Он тяжело вздохнул. — А теперь, будь ласкова, передай меня твоему супругу.

— Конечно. Не забудь, в среду в восемь.

Она послала ему воздушный поцелуй и нажала клавишу переключателя. На экране появился Тергуд-Смит.

— Кто-то наведывался ко мне в квартиру, пока меня не было, — сообщил Ян.

— Нынешней зимой очень много квартирных краж. Но ты должен знать, что это не по моей части. Я передам в полицию.

— Не исключено, что это как раз по твоей части. Не украли ничего. Зато погляди, что я нашел в телевизоре. — Он показал «желудь». — Очень компактная штучка, очень дорогая. Внутрь я не заглядывал, но, вероятно, тут озвученное видео, и радиус передачи не меньше километра. Если ее не ваши ребята мне подсунули, то тебе должно быть интересно с ней познакомиться. Верно?

— Само собой. Я постараюсь это выяснить, сразу же. Ты не занимаешься ничем таким, что может интересовать отдел промышленного шпионажа?

— Нет. Спутники связи.

— Тогда странно. Я пришлю к тебе человека за этой игрушкой, а после дам знать, что и как.

Ян едва успел поставить на место заднюю стенку, как в дверь позвонили. За дверью стоял грузный субъект с мрачной физиономией. Ян спросил, что ему угодно, — он поднес к камере удостоверение сотрудника Безопасности.

— Как вы быстро, — удивился Ян, открывая дверь.

— У вас что-то есть для меня? — спросил тот бесцветным голосом.

— Да. Вот оно.

Сотрудник сунул «желудь» в карман, даже не взглянув на него. Он холодно смотрел на Яна.

— С мистером Тергуд-Смитом больше об этом не говорите.

— Что вы имеете в виду? О чем вы?

— Имею в виду то, что сказал. Ваш зять этим делом не занимается: родственные связи.

Он повернулся, но Ян сердито окликнул его:

— Стойте! Вы что думаете — вот так сказанули и пошли? Кто вы такой, чтобы мне приказывать? Что значит эта слежка?

— Лучше вы мне скажите. — Человек резко обернулся. — Вы за собой никакой вины не знаете? Вы можете заявить...

Ян почувствовал, как кровь бросилась в лицо.

— Убирайтесь, — сказал он наконец. — Убирайтесь отсюда и больше ко мне не суйтесь. Я не знаю, о чем вы, и знать не хочу. Уходите и не возвращайтесь.

Дверь закрылась. Дверь клетки. Ян был заперт внутри, а они наблюдали за ним снаружи.

Днем голова была занята системами. Он закопался в свои спутники связи — к великой радости Сони Амарильо — и работал без устали, чтобы отвлечься от мрачных мыслей. По вечерам уходил обычно последним. Пара коктейлей в баре, иногда и ужин там же — чтобы прийти домой и сразу в постель. Это было глупо — он прекрасно знал, что следить с одинаковым успехом могут где угодно, — но ему претила мысль, что подсматривают и подслушивают в его собственном доме. Никаких устройств он больше не искал. Это была бы дурацкая игра. Лучше считать, что он под наблюдением постоянно, — и вести себя соответствующим образом.

А в следующую среду зять позвонил с утра ему в лабораторию:

— С добрым утром, Ян. Элизабет просила тебе звякнуть.

Ян ответил не сразу, молчание затягивалось. Тергуд-Смит тоже молчал, только смотрел на него. Было ясно, что о Безопасности никакого разговора не получится.

— Как Лиз? — спросил он наконец. — Что случилось?

— Обед сегодня. Она боялась, что ты забудешь.

— Помнить-то я помню, но просто не в состоянии прийти. Как раз собирался звонить вам с извинениями.

— Слишком поздно. Приглашен кто-то еще, и теперь уже отменить мероприятие невозможно. Лиз совсем захлопоталась.

— Ох ты, господи! Она что-то говорила об очередной своей подруге. Ты не мог бы...

— Вряд ли. Придется тебе проглотить эту пилюлю. Впрочем, судя по тому, как она ее описывает, на сей раз это действительно что-то особенное. Из Ирландии, из Дублина. Море кельтского обаяния, красавица и все такое.

— Остановись, я все это уже слышал много раз. Увидимся в восемь.

Ян отключил связь первым и от этого легкого движения почувствовал себя лучше. Он забыл-таки об этом проклятом

обеде. Если бы позвонил пораньше — мог бы отвертеться; но сегодня, в последний день, уже поздно: Лиз станет совершенно несносной. А вообще-то, может, и стоит пойти. Хотя бы хорошо поесть для разнообразия, а то от пищи в баре у него уже изжога началась. Да и Безопасности не мешает напомнить, с кем он связан. К тому же девушка может оказаться приятной, хотя Лиз обычно выбирает не из таких. Для нее положение в обществе всегда важнее красоты или грации, так что подчас она приводила в дом сущих страшил.

С работы он ушел пораньше, смешал себе коктейль, расслабился в горячей ванне, переоделся в хороший костюм... Лиз будет весь вечер казнить его взглядом, если надеть поношенный пиджак, в котором он ходит на работу. У нее из-за этого даже обед подгореть может. Портить отношения с Лиз не стоит, ради собственного спокойствия.

Дом Тергуд-Смитов, в стиле времен короля Георга, был расположен в Барнете, и, пока Ян ехал, настроение у него стало получше. В лунном свете сельский пейзаж был очень красив: серебро и четкие черные тени. Хотя стоял уже март, зима, похоже, не собиралась отступать. Весь фасад дома был освещен, но на подъездной дорожке стояла только одна машина. Ну ладно, он будет улыбчив и учтив. А уж накормят его вкусно, это во всяком случае. Хотя хочешь не хочешь придется сыграть с зятем несколько партий в бильярд. Что было — то прошло. Отныне и впредь он невинный обыватель.

Из гостиной донесся женский смех, и Тергуд-Смит, забирая у Яна пальто, сделал большие глаза:

— Сегодня Лиз допустила ошибку. На эту и в самом деле смотреть не противно.

— Благодарение Господу за благословение его. Вряд ли я заслужил.

— Виски хочешь?

— Будь добр. Солодового.

Он сунул перчатки в меховую шапку и бросил их на стол, потом подошел к зеркалу, чтобы поправить прическу. Снова раздался смех и звон стаканов — Ян повернулся. Тергуд-Смит склонился над столиком с напитками. Элизабет помахала Яну рукой; женщина, сидевшая рядом с ней на диване, повернулась к нему и улыбнулась.

Это была Сара.

Глава 16

Ян собрал в кулак всю свою волю, вспомнил, как еще в школе учился не проявлять своих эмоций, — чтобы не выпучить глаза и не разинуть рот.

— Хэлло, Лиз, — сказал он явно не своим голосом и обошел вокруг дивана, чтобы поцеловать ее в щечку.

Она прижала его к себе.

— Дорогой мой, я так рада тебя видеть! Даже приготовила для тебя специальное блюдо, вот увидишь.

Тергуд-Смит как ни в чем не бывало передал ему стакан и снова подлил себе. Неужели они не знают? Это комедия или ловушка? Ян позволил себе взглянуть на Сару. Та скромно сидела, сжав колени и потягивая вишневку из маленькой рюмки. На ней было длинное темно-зеленое платье, чуть старомодное, пожалуй, и единственное украшение — золотая брошь под горлом.

— Ян, я хочу тебя познакомить. Это Орла Маунтчарлз, из Дублина. Мы учились в одной школе, в разное время, конечно. А теперь мы состоим в одном и том же клубе бриджа, и я не устояла — притащила ее к себе, чтобы немного поболтать. Я была уверена, что ты не против. Я не ошиблась?

— Конечно, нет, я очень рад... Если вы, мисс Маунтчарлз, еще не пробовали, как готовит моя сестра, — вас ждет настоящее потрясение.

— Пожалуйста, зовите меня Орла. Дома лишняя официальность ни к чему.

В ее речи был едва заметный ирландский акцент. Она тепло улыбнулась и изящно пригубила свою вишневку. Ян лихо, одним глотком, хватанул половину стакана виски и закашлялся.

— Прости, я, наверно, мало разбавил? — Тергуд-Смит заторопился к нему с кувшином.

— Будь добр, добавь, — выдохнул Ян. — Извини, пожалуйста.

— Ты просто форму потерял. Выпей еще одну и пойдем смотреть новое сукно на бильярде.

— Заменил все-таки? Еще несколько лет — ему бы цены не было в антиквариате.

— Конечно. Зато теперь можно загнать шар в самую дальнюю лузу. Не приходится лупить изо всех сил, чтобы прокатить шар по волнам.

Поболтать, повернуться и пойти за зятем в бильярдную

Яну удалось без особого труда. Что она здесь делает? Что это за безумие?

Однако обед не превратился в тяжкое испытание, как он предполагал. Еда, как обычно, была замечательная: мясо по-веллингтонски и к нему четыре сорта овощей. Сара вела себя скромно и спокойно; разговаривая с ней, он словно играл роль. Только теперь он осознал, как ее ему не хватало, какую пустоту испытывал он при мысли, что никогда больше ее не увидит. Однако вот она — в самом сердце Безопасности... Этому существовало, конечно, какое-то объяснение, но спрашивать он не решался. Беседа была непринужденная, еда превосходная, коньяк после обеда отменный... Он даже ухитрился обыграть Тергуд-Смита в двух партиях из трех.

— Силен ты сегодня, — сказал зять.

— Ты оставь свои дифирамбы, а гони-ка десять фунтов, раз проиграл.

— А мы договорились по пятерке за партию? Ну ладно, ты прав, конечно... А наша маленькая ирландка лучше обычного, скажи?

— Лучше? Не то слово. Потрясающая! Где ухитрилась Лиз откопать такую?

— Говорит, в клубе бриджа. Если там такие игроки, то я и сам снова играть начну.

— Ты не скажи этого Лиз, а то она разойдется и начнет вешать мне на шею по игроку каждый вечер.

— Хватайся за эту, не то получишь гораздо хуже.

— Пожалуй, ты прав.

В голосе Тергуд-Смита не было заметно намека или подвоха. Казалось, он никогда и не был офицером Безопасности. «Неужели это правда? — без конца спрашивал себя Ян. — Неужели они принимают ее за ирландку? А может, она и на самом деле ирландка?» Он должен узнать.

— Опять снег пошел, — сказала Сара, когда они одевались, собираясь уходить. — Ненавижу ездить в снегопад.

Лиз пронзила Яна самым суровым из всех своих взглядов, а супруг у нее за спиной поднял глаза к небу и ухмыльнулся.

— Дороги еще вполне приличные, — неуверенно предположил Ян.

— Но они станут *хуже,* — настойчиво возразила сестра и ткнула его локтем в бок, когда Сара отвернулась. — В такую ночь девушке нельзя ехать одной.

На Яна она смотрела так, что ее взглядом можно было заморозить ведро воды.

— Конечно, ты права, — поспешно согласился он. — Орла, быть может, я вас подвезу?

— Но ведь вам не по дороге, мне неудобно...

— Тут и говорить не о чем, — вмешался Тергуд-Смит. — От Уэст-Энда ему всего пять минут, не больше. А кто-нибудь из моих шоферов подгонит вашу машину к клубу. Завтра утром.

— Вот и прекрасно! — Лиз лучезарно улыбнулась. — Значит, вам вообще не придется машину вести, и не о чем беспокоиться.

Ян попрощался, нежно поцеловал сестру и пошел к своей машине. Когда отопитель прогрел салон, он быстро нацарапал записку и зажал в кулаке. Сара ждала у дома. Он открыл дверцу машины и, пока она садилась, передал записку. Прежде чем в салоне погас свет, Сара успела прочитать три слова: «В машине «клопы». Едва они отъехали от дома, она кивнула.

— Куда мне вас отвезти, Орла?

— Мне на самом деле очень неловко, что вам придется сделать крюк. Это Ирландский клуб в Белгрэвии. Как говорят, кусок родной землицы за границей. Я всегда там останавливаюсь, когда бываю в Лондоне. Он небольшой, но очень уютный. И в баре симпатично. Там готовят отличное горячее виски, ирландское, разумеется.

— Это само собой. А я его никогда не пробовал.

— Значит, должны попробовать. Вы зайдете, правда же? Ведь еще не поздно.

Она подкрепила это невинное приглашение энергичным кивком и долгим томным взглядом.

— Ну, разве что на несколько минут. Спасибо за приглашение, вы очень любезны.

Разговор продолжался в том же духе, а Ян тем временем проехал по совершенно пустынной Финчли-Роуд под Мраморную арку. Сара показывала дорогу, и потому найти клуб оказалось совсем не сложно.

Ян оставил машину напротив парадного входа; они вошли, стряхивая тающий снег с пальто. В баре никого не оказалось, кроме еще одной пары. Пока официантка принимала заказ, Сара писала что-то на обороте его записки. Едва девушка отошла, он прочитал: «Тебя прослушивают. Прими приглашение подняться ко мне. Оставь *всю* одежду в ванной».

Он изумленно поднял брови; Сара улыбнулась и озорно показала ему язык. Записку он изорвал в кармане на мелкие клочки.

Горячее виски оказалось замечательным, а сцена соблазнения еще лучше. Нет, он не считает ее нескромной; да, люди неправильно поймут, если они поднимутся вместе; пусть он возьмет ключ, пойдет первым и оставит дверь открытой.

Гардины в номере были задернуты, разобранная постель манила. Он разделся в ванной, как было велено, и влез в махровый халат, висевший за дверью. Сара появилась в спальне, прижимая палец к губам, и не произнесла ни слова, пока не закрыла дверь в ванную комнату и не включила радио.

— Сядь сюда и говори шепотом. Ты знаешь, что Безопасность следит за тобой?

— Да, конечно.

— Тогда в твоей одежде наверняка «клопы». Но здесь мы от них избавлены. Ирландцы очень гордятся своей независимостью, так что клуб проверяют и чистят ежедневно. Безопасность сдалась уже много лет назад. Они здесь потеряли столько аппаратуры, что обеспечили всем необходимым все ирландские спецслужбы.

— Прежде всего — что с Ури?

— Он в порядке, выбрался из страны. Спасибо тебе.

Она обняла его и нежно поцеловала. Но когда и он ее обнял — высвободилась и села на край постели.

— Пересядь в кресло. Сначала нам надо поговорить.

— Ну ладно, раз сначала — я согласен. Расскажи, кто ты и каким образом Орла попала в дом к моей сестре.

— Это самое лучшее прикрытие, какое у нас есть, и я использую его как можно реже. Мы много чем помогли ирландскому правительству, и иногда оно идет нам навстречу. Абсолютно надежное удостоверение, метрики, школьные табели — все, что надо. С моими приметами и отпечатками пальцев... Мы стали просматривать на компьютере твое досье, чтобы найти какой-то выход на тебя, — и тут такая удача! Орла на самом деле училась в той же школе, только на несколько лет позже твоей сестры. А остальное было просто. Я вызубрила все, что можно, о школе, повидала нескольких подруг, подруг подруг, получила приглашение в клуб бриджа... Ну а потом все естественно, как закон тяготения.

— Это я знаю! Покажи Лиз новую девушку в городе — же-

лательно с хорошей внешностью, но предпочтительно с приличными связями, — и капкан тут же сработает. Она тотчас потащит ее к себе, обедать с младшим братцем. Но не слишком ли это рискованно под носом у Тергуд-Смита?

— Я думаю, в собственном доме у этого носа обоняние притупляется. Это как раз наименее опасно.

— Ну, если ты уверена — пусть так. Но с чего ты взяла, что у меня в одежде «клопы»?

— Опыт подсказывает. У ирландцев отличная коллекция следящих устройств. Безопасность втыкает их в пряжки, авторучки, корешки записных книжек — повсюду. Они ничего не передают, только пишут. Цифровая запись на молекулярном уровне, прослушивается потом. Обнаружить их практически невозможно, если не разобрать на части все, что только у тебя есть. Лучше думать, что тебя слышат всегда. Но тело твое, я надеюсь, пока в порядке.

— Хочешь проверить?

— Я не об этом. Тебе никаких операций не делали, зубы не лечили после Шотландии?

— Нет.

— Тогда ты должен быть чист. Ведь они вставляют «клопов» в зубные мостики, даже в кости. Мастера!..

— Мой боевой дух от этого не страдает. — Он показал на бутылку малвернской воды, стоявшую на ночном столике. — Ты не хочешь глоток виски?

— Хочу. Ирландского, конечно. Пэдди.

— Мне оно тоже начинает нравиться.

Он налил два стакана и снова упал в глубокое кресло.

— Худо мне. Как я ни рад тебя видеть, но для Сопротивления ничего больше сделать не смогу.

— Сможешь. Это трудно, но преодолимо. Помнишь, я говорила, что ты должен стать самым важным из наших людей?

— Помню. Но ты не сказала почему.

— Ты работаешь с сателлитами. Значит, имеешь выход на орбитальные станции.

— В принципе имею. Все никак не соберусь слетать туда. Должен обследовать один старый спутник связи на орбите, в условиях невесомости. Когда мы его стащим на Землю, в лабораторию, — все поменяется. А почему это так важно?

— Потому что ты свяжешь нас с людьми из дальнего космоса. Через них мы наладили контакты с некоторыми плане-

тами. Пока не очень надежные, но они развивались. И горняки на Альфа-Два в созвездии Возничего уже готовили восстание. У них есть шанс на успех, если мы сможем связаться с ними еще раз. Но правительство знает, что там что-то не так, и Безопасность заперла все заслонки. С Земли нашим людям на кораблях передать ничего нельзя, никак. Ты должен сделать это на станции. Мы разработали...

— Ты опять хмуришься, — мягко перебил Ян. — Когда ты вот так влезаешь в свои дела — ты всегда хмуришься. Нельзя, милая, морщины будут...

— Но я хочу объяснить...

— Неужели это не может подождать?

Он взял ее за руки и наклонился, чтобы поцеловать в лоб.

— Конечно, может, — прошептала она. — Ты прав, иди ко мне, разгладь мои морщины.

И обняла его.

Глава 17

Когда на следующий день Ян сказал Соне Амарильо, что пора, наверно, осмотреть сателлит в космосе, — та пришла в восторг.

— Замечательно! — Она всплеснула руками. — Он там болтается без толку, и ни у кого не хватает ума сунуть нос в его схемы и разобраться, что не в порядке. Я уж так разозлилась, что готова была лететь сама.

— И надо было! Полет в космос — это, наверно, интересно. Разве нет? Запомнилось бы...

— Я очень люблю интересные воспоминания, но эта старая машина начинает барахлить. — Она похлопала себя по могучей груди где-то в области сердца. — Доктора говорят, что ускорения моим часикам не полезны.

— Простите великодушно, не знал.

— Не извиняйтесь, Ян, не надо. По их словам, я буду жить вечно, если только не стану соваться в космос. Достаточно, что вы полетите. Вы управитесь гораздо лучше. Когда вы смогли бы отбыть?

— Надо закончить схему многочастотного ретранслятора, я примерно половину сделал. Еще неделя, максимум десять дней.

Соня порылась в бумагах на столе, нашла серую книжечку-расписание Космического агентства ООН и быстро пролистала.

— Ага, вот! Челнок на Орбитальную станцию отправляется двадцатого марта. Я сейчас же закажу место для вас.

— Прекрасно!

На самом деле прекрасно: как раз об этом челноке говорила Сара. Ян должен был попасть именно на него, чтобы все состыковалось.

Снова взявшись за работу, Ян стал насвистывать «Паситесь мирно, милые овечки». До чего же славная песенка!.. До него не сразу дошла ирония совпадения: название песенки и его нынешние обстоятельства. Мирно пастись он больше не собирался — и был счастлив. С самого начала слежки он вел себя слишком осторожно, словно по стеклу ходил. Больше этого не будет. Появление Сары положило конец периоду беспредметного страха. Он не откажется от своего дела лишь потому, что за ним следят. Он будет не только сотрудничать с Сопротивлением, но еще и собственное сопротивление организует. Ведь он специалист по микросхемам — интересно, чем могут похвастаться его коллеги из Безопасности.

До сих пор все его попытки были безуспешны. Он купил новую записную книжку взамен «расклеившейся», потом получил новое удостоверение личности взамен «испорченного по неосторожности»... Сегодня подошла очередь авторучки, которую Лиз подарила ему на Рождество. С этой золотой авторучкой он почти не расставался — прекрасное место для «клопа». Сейчас она была у него в рукаве; он засунул ее туда, когда был совершенно уверен, что ни одно оптическое устройство за ним не следит. Вот сейчас он попробует ее разобрать.

Быстрая инструментальная проверка рабочего места показала, что здесь пока «клопов» нет. Как только Ян начал свою нелегальную программу исследований, то сразу выяснилось, что электронный микроскоп и все электронные приборы оборудованы дополнительными выводами, связанными с небольшим передатчиком. После этого он стал пользоваться только оптическим микроскопом и позаботился, чтобы на передатчик нечаянно попало 4000 вольт. Передатчик исчез, и его до сих пор не заменили.

Раскидать ручку было делом несложным, и Ян внимательно рассмотрел под микроскопом все детали. Ничего. А обнаженный металлический корпус казался слишком тонким, чтобы можно было спрятать хоть что-нибудь внутри его стенки. На всякий случай Ян дал на корпус несколько вольт и об-

лучил его, чтобы обнаружить печатную схему, если таковая присутствует, — ничего не оказалось. Он уже начал было собирать ручку, когда сообразил, что не заглянул в чернильный резервуар.

Пришлось повозиться, но старание окупилось. Пальцы были замараны чернилами, зато Ян катал по столу крошечный цилиндрик. Толщиной с рисовое зернышко, а длиной вдвое больше. Он расчленил цилиндрик с помощью микроманипуляторов и восхитился тонкостью работы. Половину объема занимал источник питания. Учитывая мизерность потребляемого тока, его должно было хватить и на полгода. В качестве мембраны микрофона использовалась вся поверхность чернильной капсулы, очень остроумно. Различающие контуры не обращали внимания на случайные шумы и включали прибор на запись только при звуке человеческого голоса. Запись на молекулярном уровне. Цепь передачи включается определенной командой на определенной частоте и передает весь записанный материал с огромной скоростью. На это была затрачена масса работы — единственно затем, чтобы его подслушивать. Обычная история: эта прекрасная техника тоже применялась во зло, как и многое другое. Ян подумал, что ручка могла быть заряжена еще до того, как Лиз ее отдала ему. Тергуд-Смиту было бы очень легко это организовать. Она и ему подарила такую же, он мог просто подменить одну на другую.

И тут у Яна мелькнула замечательная мысль. В этом, конечно, есть что-то от бравады — но он все равно это сделает, как бы оно ни обернулось после. Он склонился над «клопиком» и аккуратно отрезал от передатчика считывающий элемент. Приятная работа. Сделав все, что хотел, он распрямился и потянулся. А потом позвонил сестре.

— Лиз, у меня великолепная новость. Я лечу на Луну!

— А я думала, ты меня поблагодарить хочешь за то, что позвала в гости прелестную маленькую ирландку.

— Конечно, это тоже! Я тебе все про нее расскажу, когда увидимся. Но ты меня слышала? Я лечу на Луну!

— Слышала, Ян, слышала. Но разве туда не летают постоянно?

— Конечно, летают. Но разве тебе самой никогда не хотелось?

— Не особенно. Как я себе представляю, там должно быть холодновато.

— Это верно, особенно без скафандра. Но я вообще-то не на саму Луну, а на сателлит. По-моему, это важно, и Смитти тоже наверняка так думает, поэтому я и хочу вам все рассказать. Я вас вытащу сегодня на обед, на торжественный.

— Очень трогательно! Но невозможно. Мы приглашены на прием.

— Ну тогда выпьем у вас. Я на этом сэкономлю. Шесть часов устраивает?

— Как скажешь. Но почему такая спешка?

— Просто детский восторг. В шесть увидимся, да?

Тергуд-Смит возвращался домой не раньше семи, а Элизабет не проявила особого интереса к сателлитам и к его космическому рейсу, а потому — когда тема Орлы была исчерпана — Ян занялся приготовлением коктейлей. Новый рецепт назывался «Долина смерти». Как объяснил бармен, это напиток горячий, сухой и убийственный — и почти все табаско остается для леди. Тэргуд-Смит быстро вошел, скривил губы над коктейлем и вполуха выслушал новость о сателлитах. Для него, конечно, это была не новость, раз он получал протоколы надзора. Ян увязался за ним, и ему не стоило ни малейшего труда подменить золотую авторучку, когда зять переодевал пиджак.

Быть может, это ничего и не даст, но Яну было приятно сознавать, что он подловил ловцов.

По дороге домой он зашел в круглосуточный магазин и накупил всякой всячины, как было приказано. Сегодня вечером он должен снова встретиться с Сарой и получить четкие и подробные инструкции.

Войдя в свою квартиру, Ян первым делом направился в ванную комнату и достал тестер из чехла на ремне. Он проделывал это ежедневно, заведя такой порядок в тот день, когда нашел оптического «клопа», вделанного в светильник над раковиной. Во-первых, это было вторжением в его интимное уединение; во-вторых — грубейшей безвкусицей. Именно это он и прокричал им, выдирая устройство. С тех пор, похоже, было установлено своего рода молчаливое соглашение: он больше не делал никаких попыток обнаружить «клопов» в квартире, а Безопасность — насколько он мог судить — не совалась со своими камерами в туалет. Тут до сих пор было чисто.

Звуковые устройства можно было заглушить, пустив воду в ванну. Способов принимать звук такое множество, что Ян даже не пытался искать устройства, а просто забивал шумом, когда было нужно. Так и теперь. Он наскоро помылся, а потом — не выключая воду — вытерся и оделся во все новое. Белье, носки, туфли, темные брюки — примерно того же цвета, что и раньше, — рубаха и свитер. Снятую одежду он сунул в ту же сумку, в которой только что были его сегодняшние приобретения. Потом надел пальто, аккуратно застегнулся до самого подбородка, взял перчатки и шляпу — и вышел с сумкой. Там была теперь целая куча «клопов», и все они, наверно, работали по-сумасшедшему.

...Взглянув на часы на приборном щитке, Ян сбросил скорость. Явиться на рандеву он должен был ровно в девять. Не раньше и не позже. Вечер был ясный, на улицах еще попадались прохожие. Он свернул на Эджуэйр-Роуд и потихоньку двинул в сторону Маленькой Венеции. В машине играло радио, чуть громче, чем он любил, но музыка тоже была частью плана.

Точно в девять ноль-ноль он остановился у моста через канал Регента и открыл машину. Из темноты появился какой-то человек и придержал дверцу, пока Ян вылезал. Лицо его было замотано шарфом, разглядеть невозможно. Он сел в машину, осторожно захлопнул дверцу и уехал. С ним уехали и удостоверение Яна и все его «клопы», вместе с пальто, туфлями и одеждой в сумке. Пока Ян не вернется в машину, Безопасность не увидит и не услышит его и ничего не будет о нем знать. Со стороны канала кто-то помахал ему рукой.

Ян пошел за незнакомцем примерно в десяти шагах, не пытаясь догнать его. Холодный резкий ветер пронизывал до костей, Ян съежился и сунул руки в карманы. Вокруг было тихо, даже снег под ногами не хрустел, только где-то вдали работал телевизор. Замерзший канал лежал полосой нетронутой белизны. Они подошли к нескольким катерам, вмерзшим в лед. Провожатый огляделся по сторонам, спрыгнул на катер и исчез. Ян последовал за ним, нашел в темноте дверь, толчком распахнул ее и вошел. Кто-то закрыл дверь у него за спиной, включился свет.

— Прохладно, — сказал Ян, глядя на девушку, сидевшую у стола.

Лицо в маске было незнакомым, но фигура и волосы явно

принадлежали Саре. А у человека, приведшего его сюда, оказалась знакомая улыбка и не хватало зуба.

— Пекарь! — Ян крепко пожал ему руку. — Рад тебя видеть, дружище!

— Я тебя тоже. Смотрю, ты жив и здоров, да и выглядишь молодцом.

— У нас очень мало времени, — строго сказала Сара, — и очень много дел.

— Да, мадам, — согласился Ян. — У вас есть имя, или я должен называть вас мадам, как королеву?

— Можете называть меня Королевой, друг мой.

В голосе Сары звучали озорные нотки, и Пекарь это заметил.

— Похоже, вы уже встречались. Так что тебя, сынок, мы будем звать Королем, а то, убей меня, если помню, как тебя звали в прошлый раз. Вот что. У меня тут в трюме есть хорошее пиво. Я его вытащу, а уж потом займемся всеми важными делами.

Ян и Сара едва успели обняться, как Пекарь уже вернулся, грохоча сапогами по трапу.

— Ну вот, — сказал он, ставя на пол две большие бутылки.

Рядом с бутылками он бросил на пол металлический ящик, а сам пошел на камбуз за полотенцем, чтобы вытереть бутылки. Ян отвинтил пробку и наполнил доверху стаканы, стоявшие на столе.

— Пиво домашнее, — похвалил Пекарь. — Не та бурда, что в пивных подают.

Он залпом осушил стакан и стал открывать железный ящик, пока Ян наполнял стакан снова. Открыв ящик, Пекарь достал оттуда два небольших конверта из алюминиевой фольги и положил их на стол.

— Внешне это обычные телевизионные записи, — сказала Сара. — Их можно включить в бытовой телевизор. Одна — органный концерт, другая — юмористическая программа. Положите их в сумку вместе со своими. Не пытайтесь прятать. Такие же записи продаются в огромных количествах прямо на космодроме.

— А эти какие-то особенные? — спросил Ян.

— Пекарь, будь добр, поднимись наверх, покарауль, — попросила Сара.

— Ты права, Королева. Если кто чего не знает, то и разболтать не сможет, — согласился Пекарь.

Он подхватил полную бутылку и вышел. Едва дверь за ним закрылась, Сара сняла маску. Ян обнял ее и начал целовать со страстью, удивившей их обоих.

— Не сейчас, пожалуйста, у нас совсем нет времени. — Сара попыталась его оттолкнуть.

— Но когда же будет это время? Скажи сразу, а то я тебя не отпущу.

— Ян... Ну ладно — завтра. Подскочи к клубу, и поедем вместе обедать.

— А потом?

— А потом сам знаешь. — Она рассмеялась, вырвалась и села по другую сторону стола.

— Быть может, сестра моя права, — сказал Ян. — Наверно, я на самом деле влюбчивый...

— Я тебя прошу, не надо об этом. Ни сейчас, ни когда бы то ни было. Твоя машина вернется через десять минут, к тому времени мы должны закончить все дела.

Он хотел ответить — но промолчал. Только кивнул головой. Сара расслабилась, но Ян заметил, что она машинально ломает пальцы. Ладно, поговорить можно будет завтра. Она подвинула к нему конверт.

— Главная — органный концерт. Я не знаю, как это сделано, но компьютерная память как-то введена в фоновый шум, в помехи.

— Конечно! Это же блестящая идея! Память любого компьютера основана на двух сигналах — да или нет — это все, что есть в бинарной системе. Так что память можно растянуть, смодулировать, изменить по частоте — превратить в как бы случайные внешние шумы. И без ключа никто не сможет их прочитать.

— Ты прав. Такой была наша связь раньше. Но это очень неуклюже, медленно, и много записей пропадает. Сейчас разработана новая система — и все подробности на этой дискете. Она должна быть доставлена по назначению. Ситуация уже взрывная, и взрыв произойдет, как только мы установим надежную связь. Это будет только начало, потом к нам присоединятся и другие планеты.

— Хорошо, — сказал Ян, засовывая конверты в карман рубахи и застегивая клапан. — А почему две?

— Наш связной на космическом корабле уверен, что его засекли и запись будет перехвачена. Поэтому первому человеку, который войдет с тобой в контакт, ты отдашь «куклу». А вторую запись сохранишь для настоящего агента.

— А как мне его узнать?

— За тобой будут наблюдать. Как только тебя научат работать в открытом пространстве, ты останешься один. Тогда-то и будет установлен контакт. Кто бы ни подошел — он скажет пароль: «Ты давно проверял страховочный трос?» Отдай ему запись.

— «Куклу»?

— Именно. А настоящий агент придет к тебе за концертом.

— Все это как-то слишком сложно.

— Так и должно быть. Ты просто выполняй.

Дверь каюты тихонько скрипнула, и через щель прозвучал голос Пекаря:

— Машина будет через две минуты. Пойдем-ка, пора.

Глава 18

Космическое путешествие началось с обычного полета на обычном реактивном самолете. Ян летал достаточно много, новизна ощущений давно стерлась. Большую часть пути через Атлантику он читал, а когда посмотрел вниз — над мысом Канаверал увидел только бугристую пелену тропических облаков.

По горизонтальному трапу Ян вышел из самолета прямо на перрон аэровокзала, а через другой такой же трап прошел в космический челнок. Внутри челнок отличался от самолета только отсутствием окон. Перед каждым пассажиром на экране светился умиротворяющий луговой пейзаж — качались лилии, плыли белые облака, — и звучала столь же умиротворяющая музыка бетховенской «Пасторали». Взлет с максимальным ускорением в полтора g оказался более чувствительным, чем на обычном самолете, но не поражал. Даже когда щиток открыл носовую телекамеру и вместо луговых лилий на экранах появилась картина открытого космоса — большой разницы не ощущалось: словно это была просто-напросто другая телепрограмма. Только когда ускорение полностью прекратилось — разница стала заметна. Несмотря на то что всем пассажирам заранее раздали специальные таблетки, у некоторых желудки не выдержали физиологического воздействия невесомости. Бортпроводник поплыл по салону с гигиенически-

ми пакетами, подбирая ручным вакуум-насосом все, что пролетело мимо них.

Но по-настоящему реальность стала проникать в сознание лишь тогда, когда звезда впереди стала ярче, еще ярче — а потом приобрела форму. Орбитальная станция. Специальный сателлит для приема космических кораблей. Сюда приходят корабли из дальнего космоса, построенные в вакууме и не предназначенные для входа в атмосферу планет. Их обслуживают коренастые крылатые челноки, вроде этого, способные садиться и взлетать. Кроме них, там были и паукообразные космические буксиры, похожие на причудливые скелеты, которые обслуживают земные сателлиты, производя необходимые ремонты и замены. Именно ради этого Ян и прилетел сюда, хотя его пребывание здесь должно было послужить и другой цели.

С короткими толчками маневровых двигателей челнок приближался к громаде орбитальной станции, откуда стыковкой управлял компьютер. И вот стыковка. Через несколько секунд колебания амортизаторов прекратились, мощное поле магнитных захватов намертво прижало челнок к станции. Над дверью загорелся зеленый свет; бортпроводник начал вращать штурвал, отдраивая люк.

В челноке появились пять человек в форме. Легко оттолкнувшись ногами, они проплыли через пассажирский салон и грациозно остановились, придерживаясь руками за поручни.

— Вы видели, как это делается, — сказал бортпроводник. — Но у кого нет опыта, пожалуйста, не пытайтесь сделать сами. Большинство из вас, джентльмены, имеет техническое образование, поэтому вы поймете, когда я скажу, что в невесомости вес исчезнет, но масса останется. Если вы оттолкнетесь и ударитесь головой о стену, то чувствовать себя будете так, словно ударились головой о стену. Так что оставайтесь, пожалуйста, на своих местах и не отстегивайте поясов. Всех вас по очереди выведут. Заботливо, словно мать ребенка.

Пока он говорил, четыре человека на передних сиденьях отстегнулись и поплыли в невесомости. Судя по движениям, опытные космонавты. Ян даже не собирался подражать. Получив команду, он отстегнул свой пояс и тотчас почувствовал, что взлетает. Его проводили до выхода через весь пассажирский салон.

— Хватайтесь за ленту и не отпускайте, пока не окажетесь на том конце.

Из отверстия в стене туннеля причального шлюза выползала бесконечная прорезиненная лента и безостановочно двигалась в сторону станции. Серебристая панель вдоль туннеля была, по-видимому, намагничена, а внутри ленты явно присутствовало какое-то железо: лента прилипала к стене и скользила по ней с противным скрипом. Но отлипала достаточно легко. Ян ухватился за нее, и его протащило через трубу туннеля к круглому помещению на противоположном конце.

— Теперь отпускайте! — крикнул человек, ожидавший там. — Я вас остановлю. — Он легко проделал это и подтолкнул Яна к поручню. — Перебирайте руками и двигайтесь к тому люку, в пересадочную камеру. Сможете?

— Попробую.

Это оказалось не слишком просто, но худо-бедно получилось, хотя ноги все время норовили вознестись выше головы, если только здесь годилось слово «выше». Поручень подводил к открытой двери в камеру. В маленьком помещении уже были четыре человека, Ян оказался пятым. Как только он вплыл туда — сопровождающий сотрудник станции запер дверь. Камера поехала куда-то вбок.

— Когда мы раскрутимся до скорости вращения станции, ваш вес постепенно восстановится. Красная стена станет полом. Пожалуйста, сориентируйтесь в пространстве, чтобы на нее встать.

Вместе со скоростью вращения нарастала и кажущаяся тяжесть. Когда скорости вращения пересадочной камеры и орбитальной станции уравновесились, все уже прочно стояли на ногах и ждали, когда сопровождающий откроет люк. Вниз, на станцию, вели уже совершенно обычные ступени. Ян пошел первым. Лестница привела в более просторное помещение с несколькими выходами. Там вновь прибывших ждал высокий белокурый человек. Он шагнул навстречу Яну:

— Инженер Кулозик?

— Он самый.

— Я Кьелл Норрвам. — Он протянул руку. — Ответственный за обслуживание сателлитов. Рад видеть вас.

— И я рад. Я впервые в космосе.

— Ну мы здесь не совсем среди звезд, но от Земли все-таки достаточно далеко. Послушайте, не знаю, как вы насчет того, чтобы поесть, но я только что со смены — просто умираю от голода.

— Дайте мне несколько минут, чтобы в себя прийти, и я со-

ставлю вам компанию. В невесомость и обратно — это не слишком легко для желудка.

— Ничего не лезет в этом экспрессе, среди белых мешков с блевотиной, верно?

— Кьелл, не надо...

— Извините. Давайте сменим тему. Хорошо, что вы приехали. У нас тут уже больше пяти лет не было ни одного инженера из Лондона.

— Быть того не может!

— Однако это факт. Они там сидят на своих толстых задницах — вас я, конечно, не имею в виду — и приказывают нам, что делать, не имея ни малейшего понятия о наших проблемах. Так что я на самом деле очень рад, что вы появились. И вы простите мне неуклюжие норвежские шутки, ладно?

— Да, конечно. Надеюсь, что скоро приду в себя и тоже смогу шутить.

— Нам сюда.

В столовой звучала тихая музыка, а цветы вдоль стен были совсем как живые. У раздаточной стойки топтались несколько человек, но Яну пока не хотелось подходить слишком близко к еде.

— Я займу столик, — сказал он.

— Взять для вас что-нибудь?

— Только чашку чаю.

— Хорошо.

Ян старался не смотреть на еду, которую с энтузиазмом поглощал Кьелл. Радовался, что сумел без проблем проглотить свой чай.

— Скоро я увижу сателлит? — спросил он.

— Сразу же, как только поедим, если хотите. Сумка ваша будет вас ждать в каюте. Да, пока не забыл, вот ключ от нее. Каюта заперта. Я покажу вам, как пользоваться скафандром, и можем выйти наружу.

— Это так просто — выходить в пространство?

— И да и нет. Скафандры надежны и просты в обращении, насколько это вообще возможно, так что здесь беспокоиться не о чем. А научиться работать в невесомости можно только одним способом: иди и делай. Летать так сразу не научишься, но это вам и не нужно. Я вас выведу в монтажном скафандре и пристегну. И обратно приведу. Можете работать, сколько хотите, с инструментом освоитесь, а когда захотите вернуться —

позовете по радио. Рядом с вами всегда кто-нибудь будет. Один из нас появится в течение шестидесяти секунд. Тревожиться совершенно не о чем.

Кьелл отодвинул тарелку и принялся за громадную порцию чего-то сладкого ядовито-красного цвета. Ян отвел глаза и увидел стены, обтянутые очень симпатичной тканью.

— Тоже без окон, — сказал он. — Ни одного окна не видел здесь.

— И не увидите. Единственное окно на диспетчерской вышке. Мы тут на геосинхронной орбите, вместе с большинством сателлитов. И как раз в середине пояса Ван-Аллена. Снаружи очень сильная радиация — но и в стенах мощная защита. Скафандры у нас тоже с тяжелой защитой, но во время солнечных бурь мы даже в них наружу не суемся.

— А как сейчас?

— Сейчас спокойно. И еще долго так будет. Готовы?

— Показывайте дорогу.

В скафандрах было автоматизировано все, что только можно, с многократным дублированием схем. Компьютер контролировал не только внутреннюю температуру, потребление кислорода, влажность, но и вводимые команды.

— Вы просто разговаривайте со скафандром, — сказал Кьелл. — Вызывайте блок управления, говорите ему то, что нужно, а потом, когда закончите, дадите отбой. Вот так. — Он поднял купол шлема и сказал в него: — Блок управления, сообщи состояние скафандра.

— Не занят, все внутренние датчики выключены, кислородный баллон полон, батареи заряжены.

Механический голос был четкий.

— Есть какие-то специальные фразы, слова?

— Нет. Просто говорите отчетливо, а схемы различения сами выберут командные слова. Если возникнут затруднения, он переспросит, а прежде чем выполнить команду — повторит.

— Звучит достаточно просто, надеюсь, что так оно и окажется. Начнем?

— Можем начинать. Садитесь и поставьте ноги вот сюда.

Оделся Ян без труда; и сразу поверил в электронику скафандра, когда тот предупредил его, что правая перчатка закрыта не полностью. Надев шлем, он побрел следом за Кьеллом в камеру декомпрессии. Скафандр постепенно раздулся, а когда давление упало до нуля — автоматически раскрылась дверь.

— Ну вот и пошли, — раздался в наушниках голос Кьелла.

Он подхватил Яна, оттолкнулся и полетел. Они покинули станцию с теневой стороны. И оказалось, что никакие слова и никакие картинки на экране не смогли подготовить Яна к зрелищу не затуманенных атмосферой звезд. Их было невероятно много, слишком много, они заполняли все пространство вокруг. Разной яркости, разных цветов... Ему доводилось видеть арктическое небо полярной ночью; но то было лишь жалкое подобие величественной картины, которая развернулась перед его глазами теперь. Он не заметил, как пролетело несколько минут, пока Кьелл не заговорил:

— Это всегда поражает. Но в первый раз, конечно, особенно.

— Невероятно!

— Но это никуда не денется, так что мы можем чего-нибудь поделать.

— Извините...

— Ничего. Я и сам все это испытал.

Кьелл включил двигатель и подлетел вместе с Яном к спутнику связи, закрепленному на мачте орбитальной станции. За ней, неподалеку, виднелась громада космического корабля. Несколько человек работали с его обшивкой, иногда вдруг вспыхивало красное пламя лазерной сварки. Здесь, в космосе, в естественном окружении, спутник связи выглядел гораздо внушительнее, чем в пустом ангаре на Земле. Годы бомбардировки микрочастицами изъязвили его поверхность. Пристегнувшись, Ян показал, какие плиты обшивки надо снять, и стал смотреть, как Кьелл орудует двусторонней электрической отверткой. Потом попробовал сам, сначала неуклюже, но вскоре наловчился. Через час он почувствовал, что начинает уставать; позвал Кьелла, и они вернулись. Ян сразу завалился в постель и уснул как убитый.

Выходя в космос на следующий день, он взял с собой металлические конверты с записями. Их легко было сунуть в наружный карман на ноге скафандра.

На третий день он уже управлялся так, что Кьелл был вполне удовлетворен его успехами.

— Я собираюсь оставить вас в одиночестве. Если понадобится помощь — зовите. Я буду вон там, внутри навигационного спутника.

— Надеюсь, что не понадобится. К этим доскам я подобраться могу, так что на ближайшее время работой обеспечен. Спасибо за помощь.

— Это вам спасибо. Машина уж сколько лет ждала, чтобы ею занялся настоящий мастер.

Наверно, за Яном все время наблюдали или прослушивали его радио — а может, и то и другое. Он еще не успел приготовиться к работе, как из-за корабля показалась фигура в скафандре и двинулась в его сторону, искусно управляя толчками газа из ранца за спиной. Человек подлетел, остановился и прижал свой шлем к шлему Яна. Радио было выключено, но через соприкасающиеся поверхности шлемов явственно донесся голос:

— Ты давно проверял страховочный трос?

За зеркальной поверхностью шлема лица видно не было. Ян нащупал в кармане конверт и поднес его к рабочему фонарю. Тот, что надо. Человек взял конверт, оттолкнулся и полетел прочь, поворачиваясь спиной.

Внезапно из темноты появился еще кто-то. Он двигался очень быстро — Ян еще не видел, чтобы в скафандрах летали так быстро — и шел наперерез первому. Столкнулись они без звука — и в тот же момент второй нажал спуск лазерного сварочного аппарата.

Мгновенная вспышка — и струя ярчайшего красного света насквозь прожгла скафандр и человека в нем. Наружу вырвался кислород, замерзая облаком крошечных сверкающих кристаллов. Однако радиосигнал тревоги не прозвучал; очевидно, нападавший целился в компьютер скафандра.

Ян не успел оправиться от шока — второй бросил свой лазер, оставив его болтаться на шнуре, и схватил убитого, одновременно включив двигатель. По-видимому, это были какие-то особые дюзы, потому что разгонялись они очень быстро. Затем фигуры разъединились: нападавший включил встречную тягу, но мертвого уже не держал. И труп улетал все дальше и дальше, оставляя за собой кометный хвост замороженного кислорода, становясь все меньше и меньше, пока не исчез из виду.

Второй затормозил возле Яна и протянул руку. Ян, потрясенный ужасным происшествием, не сразу сообразил, чего от него хотят. Потом достал из кармана второй конверт и отдал. Он не смог удержаться — и отшатнулся в ужасе, когда к его шлему прикоснулся шлем убийцы.

— Молодец, — произнес далекий голос.

И человек исчез.

Глава 19

Прошло два дня. Ян спал, когда раздался резкий сигнал телефона. Ян с трудом открыл глаза и посмотрел, мигая, на освещенный циферблат таймера; оказалось, что спал он меньше трех часов. Сердито ворча, он включил телефон; на экране появилось лицо Сони Амарильо.

— Ян, вы меня слышите? У меня на экране вас нет.

— Минутку...

Еще надеясь, что ему удастся поспать, Ян включил не свет, а инфракрасную трубку. Изображение будет черно-белым, но вполне отчетливым, для телефона достаточно.

— Я боялась, что вы спите. Извините, если разбудила.

— Все в порядке. Мне так или иначе надо было вставать, чтобы подойти к телефону.

Соня сосредоточенно нахмурилась — потом улыбнулась.

— О, это шутка! Замечательно... — Улыбка исчезла. — Я вам звоню, чтобы сказать: вы должны немедленно вернуться в Лондон. Это совершенно необходимо.

— Я здесь еще не закончил.

— Мне очень жаль, но работу придется прекратить. Это трудно объяснить по телефону.

Яна вдруг пронзила леденящая догадка: что, если она его отзывает не по своей воле, ей приказали. Если так — не стоит на нее давить.

— Хорошо, — сказал он. — Я сейчас свяжусь с диспетчерской челночных рейсов и перезвоню вам.

— Не нужно. Рейс через два часа, и вы на него уже записаны. Успеете?

— Постараюсь. Я позвоню вам, как только вернусь.

Ян отключил связь и зажег свет, зевая и потирая небритое лицо. Кому-то нужно, чтобы он срочно вернулся в Лондон. Скорее всего Безопасности. Но почему? Ответ напрашивался сам собой. Люди просто так в космосе не исчезают. Но один исчез. Может быть, причина именно в этом? У него было тяжелое чувство, что так оно и есть.

Обратный полет прошел легко. Он уже освоился с невесомостью и, спускаясь по трапу на Земле, ощущал непривычную тяжесть: за несколько дней на станции успел привыкнуть к пониженной гравитации. Перелет через Атлантику был таким же неинтересным, как и в прошлый раз; большую часть пути Ян проспал. Из самолета в Хитроу он вышел отдохнувшим, хотя глаза слегка резало, словно в них насыпали песка. На Земле снова была погода, и он, дрожа, заторопился на автостоянку к своей машине. Хоть и потеплело наконец, и снег превратился в слякоть, после кондиционированной среды казалось, что очень холодно. Отыскав в багажнике пальто, Ян быстро его надел.

Первое, что он заметил, войдя в квартиру, — лампочка на телефоне: «Вас ждет сообщение». Он нажал кнопку и прочитал на экране: «Я ЖДУ ТЕБЯ В КАБИНЕТЕ. ПРИХОДИ, КАК ТОЛЬКО ПОЯВИШЬСЯ. ТЕРГУД-СМИТ».

Как раз этого он и ждал. Но Безопасность и его зять могут подождать, пока он выкупается, переоденется и заправится приличной едой. На станции кормили питательно, но однообразно.

Во время еды ему в голову пришла интересная идея. Ведь разговаривая со Смитти, он может сделать и еще кое-что. В самом сердце Безопасности! Рискованно — но устоять трудно. Переодеваясь, он порылся в карманах и нашел маленький приборчик, когда-то стоивший ему немалых трудов. Теперь можно проверить, насколько хорошо он работает.

Управление Службы Безопасности размещалось в громадном сером комплексе бетонных зданий без окон, растянувшемся по северной стороне Мэрилбоун. Ян уже бывал здесь, и центральный компьютер хранил в памяти это событие. Едва он вставил идентификационную карточку в прорезь перед въездом в гараж, контрольный автомат тотчас выбросил ее назад, прямо ему в руки, и откатил створку ворот. Ян оставил машину на стоянке посетителей, вошел в лифт и нажал кнопку приемной.

— Добрый день, инженер Кулозик, — сказала девушка за массивным столом, глянув на свой экран. — Будьте добры, пройдите к лифту номер три.

Он кивнул и пошел через магнитную арку. Раздалось гудение, охранник оторвал глаза от экрана.

— Будьте любезны, шагните сюда, ваша честь.

Такого никогда не бывало. Ян ощутил внезапный холод, но показывать это охраннику было нельзя.

— Что случилось с вашей машиной? Пистолета я не ношу.

— Извините, сэр. Что-то металлическое в этом кармане. Будьте любезны.

Зачем он ее сюда принес? Что за преступное легкомыслие

толкнуло его на эту глупость? Ян медленно опустил руку в карман и вытащил свой прибор, показав его на ладони.

— Вы это имели в виду?

Охранник посмотрел на электрозажигалку и кивнул:

— Да, сэр. Именно это. Обычно они тревогу не вызывают.

Он наклонился к зажигалке, чтобы рассмотреть поближе, потянулся за ней... У Яна перехватило дыхание, но охранник опустил руку.

— Наверно, золотой корпус, сэр. Извините, что потревожил.

Ян сунул руку с зажигалкой в карман, кивнул — он не мог рисковать, пытаясь сказать что-нибудь, — и пошел к открытой двери лифта. Дверь закрылась — только тогда он расслабился и разжал кулак. Пронесло. Чуть не погорел. Но теперь уже нельзя включать схему, которую он туда вставил. Слишком опасно: если засекут детектором — тогда конец.

Тергуд-Смит сидел за столом, суровый, неулыбчивый, и только кивнул холодно, когда Ян вошел. Не дожидаясь приглашения, Ян уселся в кресло и скрестил ноги как можно беззаботнее.

— В чем дело?

— Мне кажется, ты серьезно влип.

— А мне кажется, я понятия не имею, о чем ты толкуешь.

Тергуд-Смит направил палец, как пистолет, на Яна и мрачно взглянул на приятеля.

— Не пытайся играть со мной, Ян. Произошла еще одна из тех самых случайностей. Вскоре после твоего появления на Двенадцатой станции с одного из космических кораблей пропал человек.

— Вот как? И ты думаешь, что я имею к этому какое-то отношение?

— Я бы об этом вообще не узнал или не придал бы значения, если бы это не был наш человек.

— Из Безопасности? Тогда понимаю, почему он тебя так заботит.

— Понимаешь!.. Не он меня заботит, а ты! — Тергуд-Смит начал медленно загибать пальцы. — Ты имеешь доступ к терминалу, с которого производилось незаконное подключение. Потом ты оказался в Шотландии во время происшествия в лагере. А теперь ты оказываешься там и тогда, где и когда исчезает человек. Мне это не нравится.

— Совпадение. Ты сам сказал.

— Ну нет. Я не верю в совпадения. Ты замешан в преступлениях против Безопасности...

— Послушай, Смитти. Не можешь же ты обвинять вот так, без каких-либо доказательств...

— Доказательства мне не нужны. — В голосе Тергуд-Смита звучал могильный холод. — Если бы ты не был братом моей жены, я бы арестовал тебя тотчас же. Отсюда ты пошел бы под следствие, а потом — если бы остался жив — в лагерь. Пожизненно. Ты попросту исчез бы из этого мира. Имя твое пропало бы из всех списков, твой счет в банке перестал бы существовать, квартира твоя стояла бы пустой.

— И ты мог бы... это сделать?

— Я уже это сделал, — монотонно, но категорично ответил Тергуд-Смит.

Ян был ошеломлен:

— Не верю. Это ужасно. По одному твоему слову... Где же правосудие?

— Ян, ты дурак. Правосудие существует в мире лишь постольку, поскольку его дозволяют сильные мира сего, чтобы легче было управлять. В этом здании никакого правосудия нет. Вообще нет. Ты понимаешь, о чем я тебе говорю?

— Понимаю. Но не могу поверить, что это правда. Ты говоришь, что жизнь — как я ее знаю — не настоящая...

— Не настоящая. Но я не жду, что ты мне поверишь на слово. Слова — это только слова. Потому я организовал для тебя наглядную демонстрацию. Нечто такое, с чем ты спорить не станешь.

Тергуд-Смит нажал кнопку на столе, и дверь открылась. Полисмен в форме ввел человека в серой тюремной робе, остановил его у стола и вышел. Человек так и остался стоять, глядя в пространство неподвижным взглядом. Лицо обвисло вялыми складками, глаза пустые.

— Приговорен к смерти за наркотики, — сказал Тергуд-Смит. — Такая тварь для общества бесполезна.

— Он человек, а не тварь.

— Теперь это тварь. Перед казнью ему стерли кору головного мозга. У него нет ни сознания, ни памяти — ничего. Личности нет, только плоть. Сейчас мы ликвидируем и ее.

Ян ухватился за подлокотники, не в силах вымолвить ни слова, когда его зять вытащил из стола металлическую короб-

ку. С одной стороны из нее выступала изолированная ручка, с другой — два стержня. Тергуд-Смит подошел к заключенному, прижал стержни к его голове и нажал триггер на ручке.

Человек резко дернулся в болезненной конвульсии — и рухнул на пол.

— Тридцать тысяч вольт, — сказал Тергуд-Смит, поворачиваясь к Яну. Голос его был бесцветен. Он подошел к Яну и поднес убийственный электроприбор к его лицу. — С тем же успехом это мог быть и ты. Вот прямо сейчас. Ты все еще не понимаешь, о чем я тебе говорю?

Ян с ужасом, как зачарованный, смотрел на стержни с почерневшими ямочками у концов. Они еще приблизились — он невольно отшатнулся. В этот момент — впервые — ему стало страшно за себя, очень страшно. И за этот мир, в котором он прожил всю жизнь. До сих пор он словно играл в какую-то сложную игру. Другие могли пострадать, но он — нет... Теперь его ошеломило открытие, что правил, по которым он играл, не существует. Это уже не игра. Теперь все по-настоящему. Игры кончились.

— Да, — сказал он хрипло. — Да, мистер Тергуд-Смит, я понял все, что вы сказали. — Он говорил очень тихо, почти шепотом. — Это не беседа, не спор... — Он глянул на тело, распростертое на полу. — Вы хотите мне что-то сказать, не так ли? Я должен буду сделать что-то такое, чего вы от меня хотите?

— Ты совершенно прав.

Тергуд-Смит вернулся на свое место и отложил прибор. Дверь снова отворилась, вошел все тот же полицейский и вытащил тело. Ужасно, за ноги, голова каталась по полу из стороны в сторону. Ян отвел глаза.

Зять снова заговорил:

— Ради Элизабет, и только ради нее, я не буду тебя спрашивать, как глубоко ты увяз в Сопротивлении. Что ты состоишь в нем, я знаю. Советом моим ты пренебрег — теперь будешь выполнять мои приказы. Ты бросишь все немедленно, оборвешь все связи, прекратишь любую деятельность. Навсегда. Если ты снова попадешь под подозрение, если ты снова хоть как-то окажешься замешан в чем-нибудь противозаконном — с этого момента и впредь я пальцем не шевельну, чтобы тебя выгородить. Тебя тотчас же арестуют, доставят сюда, допросят по всем правилам и посадят на всю жизнь. Ясно?

— Ясно.

— Громче, не слышу.

— Ясно! Да, ясно, я все понял.

Но, произнося эти слова, Ян почувствовал, как из страха прорастает бешеная ярость. В этот момент абсолютного унижения он понял, насколько отвратительны люди у власти — и насколько невозможно жить в мире с ними, сделав такое открытие. Умереть он не хотел, но знал, что никогда уже не сможет жить в таком мире, где у власти стоят тергуд-смиты. Он ссутулился и опустил голову. Не потому, что сдался, а чтобы зять не смог увидеть его ярость.

Руки его были в карманах пиджака.

И он нажал кнопку зажигалки.

Сигнал команды ушел с крошечного, но мощного передатчика зажигалки. Команда включила устройство, скрытое в авторучке, торчавшей из кармана сотрудника Безопасности. Весь банк памяти авторучки был передан в память зажигалки за миллионные доли секунды. Ян отпустил кнопку и поднялся.

— Еще что-нибудь — или я могу идти?

— Это только ради тебя, Ян. Я от этого ничего не выигрываю.

— Смитти, прошу тебя. Будь кем угодно — но только не лицемером. — Ян не смог сдержаться, ярость прорвалась наружу. Тергуд-Смит, наверно, ждал этого, потому что только кивнул, не проявив никаких эмоций. И тут Яна осенило: — А ведь ты меня ненавидишь, верно? И всегда ненавидел.

— Совершенно верно.

— Ну что ж, тем лучше. Это чувство взаимно.

С этими словами Ян вышел, боясь, что и так позволил себе слишком много. На обратном пути никто не пытался его остановить, и, только уже выезжая из гаража, он понял, что это значит.

Он вырвался со своим прибором. У него в кармане запись всех разговоров зятя в высшем руководстве Безопасности за последние несколько недель.

Но ведь это же бомба, которая может его уничтожить. Что делать с ней? Стереть память, закинуть зажигалку в Темзу и забыть, навсегда забыть... Он автоматически свернул в сторону реки. Сделать что-нибудь другое — все равно что самому себе вынести смертный приговор.

Мысли мешались, голова шла кругом — соображал он плохо. Едва не вылетел на перекресток под красный свет — не за-

метил, — и только бортовой компьютер спас его, вовремя включив тормоза.

Он понимал, что это решающий момент: вот сейчас он определит, какой будет вся его дальнейшая жизнь.

Он заехал на Савой-стрит и остановил машину. В таком состоянии двигаться нельзя. Но и сидеть спокойно он тоже не мог. Вышел, запер машину и зашагал к реке. Потом остановился. Нет, решения еще нет, и это хуже всего. Он все еще не знал, что предпринять. Вернулся, открыл багажник, порылся в ящике с инструментом, нашел пару микронаушников, сунул в карман и снова пошел к реке.

Дул холодный ветер, слякоть снова замерзла бугристой ледяной коркой. На набережной Виктории Ян был совсем один, если не считать нескольких фигур вдали. Он стоял возле каменного парапета и смотрел на Темзу, но не видел ни серой воды, ни льдин, спешивших к морю. Зажигалка зажата в руке. Сейчас вытащить ее из кармана, швырнуть — и все колебания позади... Он достал ее и посмотрел. Такая маленькая, такая крошечная — как человеческая жизнь...

И вставил штекер наушников в отверстие на донышке.

Выбросить он всегда успеет. Но сначала надо услышать, что говорит Тергуд-Смит в безопасности своего кабинета, как разговаривает с такими же, как он сам. Хотя бы это можно себе позволить?

Неслышные снаружи, в ушах зазвучали крошечные голоса. Он почти ничего не понимал: разговоры о неизвестных ему делах, незнакомые имена... Для специалистов это был бы праздник, они смогли бы распутать все эти упоминания и распоряжения, смогли бы извлечь из них смысл. Но для Яна там никакого смысла не было. Он прогнал запись к концу и поймал что-то из сегодняшнего разговора, потом вернулся к началу дня... Ничего интересного... И тут он похолодел, услышав четкие слова:

— Да, верно, эта израильская девчонка. Она нам достаточно напакостила, сегодня вечером будем с ней кончать. Подождем, когда начнется их встреча на канале, а потом...

Сара! Сара в опасности!

Ян принял решение, в тот момент даже не подозревая об этом. Он вообще ничего не решал. Он просто спешил назад к машине — бегом нельзя, это будет бросаться в глаза, — быстро шел сквозь сгущавшийся мрак. Сегодня вечером. Сейчас! Он успеет добраться раньше, чем они?

Он гнал машину внимательно и хладнокровно, выгадывая каждую секунду. На канале. Наверно, тот самый катер на канале Регента, где они встречались в прошлый раз. Как много знает Безопасность? Как они об этом узнали? Как долго они следили за каждым их движением, играли с ними, словно кошка с мышью? Впрочем, это неважно. Он должен спасти Сару. Главное — она... Стало темнеть, включились фары.

Ему нужен план. Сначала обдумать, действовать потом. Машина почти наверняка прослушивается; надо вести себя как ни в чем не бывало. Если поехать прямо к Маленькой Венеции, то тревога поднимется тут же.

Часть дороги придется пройти пешком. На Майда-Вэйл торговый центр — это годится. Ян заехал туда, припарковал машину и зашел в самый большой магазин. Быстро пересек его и выбрался на улицу через другую дверь.

Когда он добрался до канала, уже совсем стемнело. Вдоль набережной горели фонари, навстречу шла какая-то пара. Он отпрянул назад, в тень деревьев, и пропустил их мимо. Только когда они исчезли из виду, он побежал к катеру. Тот был на прежнем месте, ни огонька, ни звука... Когда он прыгнул на борт, из тени шагнул какой-то человек.

— На твоем месте я бы туда не входил.

— Пекарь! Мне надо, это очень срочно!

— Стой, сынок, там очень секретная встреча...

Ян стряхнул руку Пекаря со своего плеча и оттолкнул его так, что тот споткнулся и упал. Ян распахнул дверь и ворвался в каюту.

Сара изумленно раскрыла глаза от неожиданности.

И так же изумленно посмотрела на него Соня Амарильо, начальник сателлитной лаборатории, сидевшая за столом напротив нее.

Глава 20

Ян не успел ничего сказать — его схватили сзади, так что дышать стало невозможно, и потащили.

— Отпусти его, Пекарь, — распорядилась Сара. Тот выпустил его и толкнул вперед. — Закрой дверь, быстро!

— Вам нельзя было приходить, — сказала Соня. — Это опасная ошибка...

— Слушайте, времени нет, — перебил ее Ян. — Тергуд-

Смит знает о тебе, Сара, и знает об этой встрече. Полиция уже направляется сюда. Вам надо немедленно убираться.

Женщины окаменели. Молчание нарушил Пекарь:

— Раньше чем через час транспорта не будет. Но ее я могу увести, — он показал на Соню. — Лед на канале еще держится, я знаю, как пройти. Но это только для меня.

— Так двигайтесь, — скомандовал Ян. И повернулся к Саре: — Идем со мной. Если доберемся до машины, мы сумеем от них уйти.

Погасили свет, открыли дверь... Проходя мимо, Соня быстро погладила Яна по щеке.

— Теперь я могу сказать, как замечательно было работать с тобой и как много ты сделал для всех нас. Спасибо, Ян.

Она исчезла во тьме, Ян и Сара стали подниматься по трапу следом. На причальной полосе как будто никого не было.

— Я никого не вижу, — сказала Сара.

— Хорошо, если ты не ошибаешься.

Они изо всех сил побежали к мосту через канал, так быстро, как только можно было бежать по обледеневшему грунту. И уже собирались свернуть на мост, когда из-за поворота вылетела машина и с ревом помчалась в их сторону.

— В кусты! — крикнул Ян, увлекая Сару за собой. — Быть может, они нас не заметили...

Они продирались сквозь ветви, невидимые в темноте, а шум мотора за спиной становился все громче и громче. Взвизгнув рессорами, машина взлетела на горбатый мост, скатилась с него и устремилась прямо к ним, разметая мрак ярким светом фар. Ян бросился на землю, прижав Сару к себе.

Фары пронеслись мимо. Позади раздался лязг металла — это машина сбила знак, закрывавший въезд на причальную полосу, и понеслась вдоль берега.

— Бежим! — Ян поднял Сару на ноги. — Как только они обнаружат, что на катере никого нет, — начнут облаву.

До ближайшего перекрестка они мчались во весь дух. На улице были люди, пришлось перейти на быстрый шаг. Потом людей вокруг стало больше — и никаких признаков преследования — они пошли помедленнее, переводя дыхание.

— Ты можешь сказать, что случилось? — спросила Сара.

— Я, наверно, весь в «клопах». Все, что мы говорили, записано.

— Одежду твою мы уничтожим. Но я должна знать, что случилось. Немедленно.

— Я подслушал своего зятя. «Клопа» ему подсадил, очень кусачего. У меня в кармане запись всех его последних разговоров. Я там мало что понял, но последний кусочек оказался вполне ясен. Сегодня записано. Они собирались захватить людей, которые встречаются вечером на канале. Это его слова. И он упомянул «израильскую девчонку».

Сара тихо охнула и впилась пальцами в его руку.

— Как много они могут знать?

— Ужасно много.

— Тогда мне надо тотчас же убираться из Лондона и вообще из страны. А твою запись надо обязательно передать нашим людям. Их надо предупредить.

— Ты сможешь это сделать?

— Надеюсь. А что будет с тобой?

— Пока они не знают, что я был сегодня здесь, мне ничего не грозит. — Он не хотел говорить ей о смертельном предупреждении Тергуд-Смита. Главное — спасти ее; о себе он позаботится потом. — Я проверил машину, оптических «клопов» там быть не должно. Скажи сейчас, куда тебе надо, а в машине молчи.

— На Ливерпуль-Роуд барьер Безопасности. Найди тихую улочку по эту сторону и выпусти меня. Я пойду в Айлингтон.

— Хорошо.

Какое-то время, кружа по переулкам на Майда-Вэйл, они молчали.

— Та женщина на катере. Что будет с ней? — спросил Ян.

— Ты можешь забыть, что видел Соню?

— Трудновато будет. Она очень важный человек?

— Очень. В высшем руководстве лондонской организации. Из самых лучших наших людей.

— Не сомневаюсь. Мы пришли. Теперь молчок.

Ян отпер машину и сел за руль. Завел мотор, включил радио — потом забормотал себе под нос, словно о чем-то вспомнив. Выбравшись из машины, подошел к багажнику, открыл его и начал греметь инструментами в ящике, знаком показав Саре, чтобы она садилась в машину через его дверь. Когда она села, он забрался следом и медленно тронулся с места.

Кратчайший путь пролегал через Мэрилбоун, но Яну не хотелось ехать мимо Управления Безопасности. Вместо того он

повернул к Сэйнт-Джон-Вуд и поехал по тихим жилым кварталам, а потом мимо Регент-Парка. Внезапно музыка смолкла, и из радиоприемника раздался громкий мужской голос:

— Ян Кулозик, вы арестованы. Не пытайтесь выйти из машины. Ждите полицию.

Слова еще звучали из динамика, а мотор уже выключился. Машина прокатилась по инерции и встала.

Ян увидел в испуганных глазах Сары тот же ужас, который охватил его самого. Безопасность знает, где он, идет по его следу, вот-вот будет здесь... И ее тоже схватят, вместе с ним.

Ян рванул ручку двери, но она не поддалась. Заперты. Они были в ловушке.

— Ну нет, сволочи, так просто у вас не выйдет! — крикнул Ян.

Он вытащил из бардачка дорожную карту, оторвал от угла большой кусок и прижал к нему спираль зажигалки, раздувая пламя. Бумага загорелась — он скомкал остаток карты, поджег ее и сунул под приборный щиток в сплетение проводов.

В тот же момент завыла сирена пожарной тревоги и все двери распахнулись.

— Бежим!

Они выскочили из машины и снова помчались что было сил, не зная, как скоро появится полиция, сколько времени у них в запасе. Бежали по темным боковым улицам, стараясь уйти от машины как можно дальше; бежали — пока Сара не выдохлась окончательно. Тогда они пошли — так быстро, как только она могла выдержать... Никаких признаков погони пока не было. Они вышли на многолюдные улицы Кэмден-Тауна, где было уже безопасно.

— Я пойду с тобой, — сказал Ян. — Они знают обо мне все. О моей связи с Сопротивлением. Меня предупредили. Ты сможешь меня вытащить?

— Мне очень жаль, что я втянула тебя во все это.

— А я тебе благодарен.

— Одной уходить или вдвоем — разницы никакой. Попытаемся добраться до Ирландии. Но ты должен понять, что, если уйдешь со мной, — станешь человеком без родины. Ты уже никогда не сможешь вернуться домой.

— Я и так не смог бы. Если они меня возьмут — я мертвец. А так я мог бы быть с тобой. Мне бы хотелось. Я люблю тебя.

— Ян, прошу тебя...

— А что? Я и сам этого не знал, пока не ляпнул только что.

Извини, что ничего романтичнее у меня не получается. Наверно, это моя инженерская любовная песнь. А ты?

— Сейчас не надо об этом, не время...

Ян остановился возле какой-то витрины и взял Сару за плечи. Он смотрел ей в лицо, а когда она попыталась отвернуться — легонько придержал пальцами за подбородок.

— Лучшего времени не будет. Я только что объяснился тебе в любви, пылкой и бессмертной. И что же ты мне ответишь?

Сара улыбнулась. Чуть-чуть — но все-таки улыбнулась и поцеловала его пальцы.

— Ты и сам знаешь, что ты мне очень дорог. Но ничего больше я сейчас не скажу. Надо идти.

Они пошли дальше. Ян понимал, что ему придется удовлетвориться этим ответом. Во всяком случае, пока. И удивлялся, какая непонятная сила заставила его заговорить о своей любви вот здесь и сейчас, да еще и высказаться так неуклюже. Но это была правда, хотя и совершенно неожиданная для него самого. Правда — и он был счастлив этим.

Беглецы устали, однако идти было еще далеко, и они не решались задерживаться. Ян шел, обняв Сару за талию и поддерживая, как мог.

— Уже немного... осталось, — сказала она.

Когда-то фешенебельные, дома на Оукли-Роуд стояли заброшенными, окна были заколочены досками. Сара прошла вперед и спустилась по выщербленным ступеням ко входу в цокольный этаж одного из зданий, отперла дверь ключом, вошла, впустила Яна, потом аккуратно закрыла ее и снова заперла. В коридоре была темень непроглядная, и они на ощупь, по стенке, добрались до самой дальней комнаты.

Закрыв дверь, Сара включила свет. В комнате было тепло от электронагревателей, вдоль стен стояли шкафчики для одежды, в дальнем углу — старинная печка. Сара вытащила пару одеял и протянула одно Яну:

— Всю твою одежду, обувь — в печку. Надо немедленно сжечь. А я найду, во что тебе одеться.

— Сначала возьми вот это. — Ян подал ей свою зажигалку. — Передашь вашим электронщикам. Там, в памяти, Тергуд-Смит.

— Это очень важно. Спасибо, Ян.

Отдохнуть они не успели. Через несколько минут раздался стук в дверь, Сара вышла в прихожую и зашепталась с кем-то. Вернувшись, она заторопилась:

— Мы должны попасть в Хэммерсмит, пока автобусы ходят. Оденемся в старье. Удостоверение у меня никудышное, серьезной проверки не выдержит, но хоть что-то нам иметь надо... Все сгорело?

— Да. Ничего не осталось.

Ян поворошил кочергой красную от жара золу, раскидывая тлеющие клочки своего бумажника. Все бумаги, документы, удостоверение личности... Его личность сгорела. Свершилось немыслимое: его больше нет. Жизнь, которую он вел, закончилась; мир, который он знал, исчез. Впереди — полнейшая неизвестность.

— Пора идти.

— Конечно. Я готов.

Стараясь не поддаваться отчаянию, он застегнул ветхое, тяжелое пальто. Когда они ощупью шли через темный коридор, он взял ее за руку. И не отпускал, пока не вышли на улицу.

Глава 21

На лондонском автобусе Ян ехал впервые в жизни. Прежде он часто проезжал мимо, не обращая на них никакого внимания. Высокие, двухэтажные, бесшумные... Их двигала энергия маховика, расположенного под полом. Ночью толстые кабели подцепляли автобус к электрической магистрали, и мощный электромотор раскручивал маховик, заряжая его энергией. Днем тот же самый мотор работал в режиме генератора с приводом от маховика и питал электродвигатели колес. Надежно, удобно, дешево, чисто... Все это Ян знал, в теории. Но не подозревал, что в неотапливаемой машине может быть так холодно и грязно, каким спертым может быть воздух от запаха немытых тел. Он держал в руке клочок бумаги — свой билет — и смотрел вниз, на проносившиеся машины. Автобус остановился перед светофором, в него вошли двое полицейских Службы Безопасности.

Ян смотрел прямо перед собой — как и все пассажиры автобуса — и видел застывшее лицо Сары, сидевшей напротив. Один из полицейских остался у заднего входа, другой затопал по проходу, разглядывая пассажиров. Никто даже не посмотрел в его сторону, казалось, его попросту не замечают.

На ближайшей остановке оба сошли. На какой-то момент

Ян испытал облегчение, потом страх вернулся. Неужели пронесло? А что будет в следующий раз?

Они доехали до конечной остановки у Хэммерсмитского автовокзала. Сара пошла вперед, Ян — следом, на некотором расстоянии, как было велено. Несколько пассажиров, вышедших вместе с ними, разошлись в разные стороны, беглецы остались одни. По виадуку автострады М-4 над головой проехала машина. Сара направилась в темноту под арку виадука. Навстречу ей шагнул невысокий, узкоплечий человечек — она махнула рукой Яну.

— Здравствуйте. Здравствуйте, миленькие. Вы со мной пойдете. Старый Джемми вам дорожку показывать будет.

Громадная голова человечка, казалось, едва держалась на немощной тощей шее. Круглые глаза смотрели не мигая; в застывшей улыбке обнажились абсолютно голые, без единого зуба, десны. Старый Джемми был явный дурачок — или великолепный актер. Они пошли по темной улице мимо разрушенных домов. Сара взяла Яна за руку.

— Куда мы идем? — спросил он.

— Небольшая прогулка. Говорят, всего несколько миль. Надо пройти через лондонский пояс Безопасности, прежде чем можно будет поехать на чем-нибудь.

— Это те приветливые ребята из полиции, что отдавали мне честь, когда я мимо проезжал?

— Те самые.

— А что случилось с этими домами? Сплошные развалины.

— Лондон был когда-то гораздо больше. Несколько сот лет назад. И народу в нем было больше. Точных цифр я не знаю. Население уменьшилось по всей стране. Частью за счет голода и болезней, а частью из-за политики правительства.

— Не рассказывай мне, как они это сделали. Не сейчас.

Они слишком устали, чтобы разговаривать на ходу, и медленно брели вслед за Старым Джемми, безошибочно находившим дорогу в темноте. Впереди показались огни — он пошел еще медленнее.

— Теперь никаких разговорчиков, — прошептал он. — Кругом микрофоны. Держитесь в тенечке, сразу за мной. Никакого шума, иначе мы покойнички.

В просвете между двумя разрушенными зданиями они увидели ярко освещенное пространство с высокой проволочной изгородью посередине. Они подошли совсем близко, когда проводник завел их в одно из зданий, похожее на склад. Там

он включил маленький фонарик, и они пошли, спотыкаясь, за кружочком слабого света, в глубину развалин, потом спустились в подвал. Старый Джемми раскидал какую-то кучу камней и ржавого листового железа — под ней оказалась дверь.

— Нам туда, — сказал он. — Я последний пойду, чтобы закрыть.

За дверью был сырой туннель, где пахло мокрой землей. Свод туннеля оказался таким низким, что Яну пришлось идти, согнувшись в три погибели. Этот длинный прямой коридор пересекал под землей барьер Безопасности. Вода на дне туннеля замерзла, люди то и дело поскальзывались. Старый Джемми обогнал Сару и Яна и снова пошел впереди, посвечивая фонариком. Когда они наконец добрались до выхода, больше всего на свете Яну хотелось выпрямиться.

— Теперь тихо, — велел Старый Джемми, когда они снова вынырнули в морозную ночь. — Еще маленько — и придем.

«Еще маленько» тянулось больше часа. Сара уже думала, что не дойдет. Но Старый Джемми оказался гораздо сильнее, чем с виду: подхватив Сару под руки вместе с Яном, он зашагал вперед как ни в чем не бывало. Они шли вдоль шоссе, по которому то и дело проносились автомобили с зажженными фарами. Заметив впереди островок света, они направились к нему и вскоре добрались до заправочной станции.

— Хэстонская станция обслуживания, — сказал Старый Джемми. — Конец маршрута. Вот в этом домишке вы можете маленько посидеть, а из окошка вам все будет видно...

Он исчез так быстро, что путешественники даже не успели его поблагодарить. Сара села, прислонившись спиной к стене и уронив руки на колени, а Ян подошел к окну. Не более чем в ста метрах находилась заправочная площадка, залитая ярким желтым светом, где стояли большие грузовики дальних перевозок и несколько легковушек.

— Нам нужен автопоезд с рекламой «Лондонского Кирпича», — сказала Сара. — Не видно?

— Пока не вижу.

— Значит, скоро подъедет. Он остановится у последней водородной колонки. Как только подъедет — мы выйдем отсюда и пойдем к выездной рампе, стараясь никому не попасться на глаза. Там водитель остановится и откроет дверь. Это наш единственный шанс.

— Я посмотрю. А ты отдохни пока.

— Это все, на что я способна.

... Холод уже начал кусаться сквозь тяжелую одежду, когда под фонарями появилась длинная сочлененная громада тягача и прицепов.

— Приехал, — сказал Ян.

Чтобы увидеть тропу меж камней, отблеска огней заправочной площадки оказалось более чем достаточно. Беглецы обошли станцию, перелезли через низкую изгородь — и спрятались в тени какой-то темной будки. И успели снова закоченеть, когда автопоезд наконец подъехал. Дверь тягача распахнулась.

— Бежим, — шепнула Сара, бросаясь к машине.

Едва они очутились в кабине, дверь захлопнулась, и громадная машина ожила, взревев мотором. Внутри было замечательно тепло. Крупная фигура водителя едва виднелась во тьме.

— Вот термос с чаем, — сказал он. — И сандвичи. Можете соснуть, если желание есть. Часов в пять будем в Суонси, а до тех пор — ни одной остановки. Я высажу вас перед контрольным постом. Оттуда дорогу найдете?

— Да, — сказала Сара. — И спасибо вам.

— Не за что.

Ян не думал, что сможет уснуть, но тепло и мерное покачивание убаюкали его. Проснулся он, когда водитель остановил машину. Снаружи было еще темно, только ярко светили звезды. Сара спала, свернувшись калачиком и прижавшись к его плечу. Ему не хотелось ее будить, и он погладил ее волосы.

— Приехали, — сказал водитель.

Сара тотчас проснулась и открыла дверь кабины.

— Удачи вам, — пожелал водитель.

Хлопнула дверь — они остались одни, дрожа от предрассветного холода.

— Пойдем — разогреемся, — сказала Сара, направляясь вперед.

— Где мы?

— Почти на окраине Суонси. Идем в порт. Если все сработало, то уйдем на рыбачьем катере, а в море нам помогут перебраться на ирландский. Этим путем уже пользовались, получалось.

— А потом?

— Ирландия...

— Это ясно. Но я о будущем. Что будет со мной?

В ночной тишине звук шагов казался очень громким. Сара долго шла молча, потом сказала:

— Знаешь, в этой спешке так много нужно было сделать, чтобы выбраться, — я даже не успела подумать, что будет с тобой. Можно устроить, чтобы ты остался в Ирландии, под другим именем, но тебе придется жить очень незаметно. Там масса английских шпионов.

— А как насчет Израиля? Ведь ты там будешь?

— Конечно. Тебя бы там оценили. Людей с твоей квалификацией у нас очень уважают.

Ян улыбнулся в темноте.

— Слушай, этим уважением я сыт по горло. А как насчет любви? Я о тебе говорю. Я уже спрашивал.

— Пока не время об этом. Когда мы выберемся отсюда...

— Ты имеешь в виду — когда нам ничего не будет грозить? А настанет ли когда-нибудь такое время? Тебе вообще можно влюбляться, при твоей-то работе? Или нужно только притворяться, чтобы к сотрудничеству склонить?..

— Ян, прошу тебя, не надо. Ты делаешь больно и мне, и себе, когда говоришь вот так. Я никогда не лгала тебе. Чтобы привлечь тебя к нашей работе, мне совсем не обязательно было ложиться с тобой в постель. Я это сделала по той же причине, что и ты. Я этого хотела. Но теперь — пожалуйста, давай отложим этот разговор. Самое опасное только начинается.

Когда они вошли в город, уже совсем рассвело. Утро было ясным и морозным. Навстречу попадались ранние пешеходы, выдыхавшие клубы пара. Полиции видно не было — наверно, здесь порядки помягче, чем в Лондоне. Они завернули за угол и вышли на обледеневшую улицу, спускавшуюся к гавани. У причала стоял рыболовецкий траулер.

— Куда мы идем? — спросил Ян.

— Вон дверь, видишь? Это контора. Там все знают.

Когда они подошли поближе, дверь отворилась, и навстречу им вышел мужчина.

Это был Тергуд-Смит.

Мгновение они смотрели друг на друга в оцепенении. Потом губы Тергуд-Смита скривились в слабой невеселой улыбке.

— Ну вот и пришли, — сказал он.

Сара резко толкнула Яна, он поскользнулся и упал на колени. В тот же миг она выхватила из кармана пистолет и дважды выстрелила в Тергуд-Смита. Тот крутанулся на месте и упал. Не успел Ян встать, как она бросилась бежать назад, вверх по улице.

Но ей преградили путь вооруженные полицейские Службы Безопасности.

Сара несколько раз выстрелила на бегу — раздались ответные выстрелы. Она скрючилась и упала.

Ян подбежал к ней, не обращая внимания на полицейских, на пистолеты, направленные на него, и поднял на руки. Вытер ей щеку, запачканную кровью и грязью...

Глаза Сары были закрыты, она не дышала.

— Так я никогда и не узнаю, — прошептал Ян. — Никогда.

Он прижимал к себе неподвижное тело, не замечая, что плачет. Не замечая полицейских вокруг. Не замечая даже Тергуд-Смита, который стоял рядом. Стоял рядом, зажав рукой простреленное плечо, и сквозь его пальцы проступала кровь.

Глава 22

Белые стены, белый потолок, белый пол — все вокруг безрадостно, мертво. Стул тоже белый, и простой стол перед ним — тоже; и эта холодная стерильность чем-то напоминает больницу. Но все вместе очень не похоже на больницу, совсем не похоже.

Ян сидел на стуле, положив руки на стол. Одет он был в белое, на ногах белые сандалии. Бледная-бледная кожа словно старалась сравняться с окружающей белизной. Только покрасневшие круги у глаз резко выделялись на общем белом фоне.

Кто-то дал ему чашку кофе; чашка так и стояла на столе, он чуть касался ее пальцами. Он не выпил ни глотка, кофе давно остыл. Покрасневшие глаза невидяще смотрели вдаль. Но никакой дали не было, потому что не было окон. Дверь открылась, и вошел надзиратель, тоже весь в белом. В одной руке он держал пневматический шприц. Ян не запротестовал, он даже не заметил, как ему сделали инъекцию в руку.

Надзиратель вышел, но дверь оставил открытой. Через секунду он появился снова, с таким же белым стулом, и поставил его по другую сторону стола. Выходя, на этот раз он запер дверь.

Прошло несколько минут. Ян пошевелился и огляделся вокруг; потом глянул на свои руки и впервые заметил, что держит чашку. Поднес ее к губам, сделал глоток и сморщился — холодный. Отодвинул чашку — и в этот момент вошел Тергуд-Смит и сел за стол напротив Яна.

— Ты в состоянии разговаривать? — спросил он.

Ян нахмурился на секунду, потом кивнул.

— Хорошо. Тебе сделали впрыскивание, оно должно взбодрить. Боюсь, какое-то время ты ничего не соображал.

Ян попытался заговорить, но вдруг зашелся в приступе кашля. Зять терпеливо ждал. Ян попытался снова — на этот раз получилось, только голос был хриплый и неуверенный:

— Какой сегодня день? Ты можешь мне сказать, какой сегодня день?

— Это неважно. — Тергуд-Смит сделал жест, словно отмахнулся от вопроса. — Какой сегодня день, где ты находишься — все это совершенно не существенно. Нам надо обсудить другие темы.

— Я ничего тебе не скажу. Вообще ничего.

Тергуд-Смит громко расхохотался, крепко шлепнув себя по колену.

— Это просто замечательно! Ты здесь пробыл много дней, недель, месяцев — сколько времени, это неважно, я уже сказал... А важно то, что ты рассказал нам все. Все, что знал, — понимаешь? Каждую подробность, каждую мелочь, которую мы хотели узнать. Это очень сложная процедура, но мы ее проводим уже десятки лет, у нас колоссальный опыт. Ты, наверно, слышал разговоры о камерах пыток — так эти слухи мы сами распускаем. А на самом деле все по-другому и гораздо эффективнее. С помощью специальных препаратов, электронного воздействия на мозг и соответствующих занятий мы попросту завербовали тебя. Ты не только готов был все рассказать — ты рвался это сделать. И сделал.

Яна обуяла такая злость, что даже вывела его из оцепенения.

— Я тебе не верю, Смитти. Ты лжешь. Это просто уловка, чтобы меня разговорить.

— Ты так думаешь? Ну а если я скажу, что все уже позади? Тебе уже нечего сказать такого, что я хотел бы услышать. Ты уже рассказал нам о Саре, о вашей встрече на подводной лодке, о твоих приключениях на Нагорье и на орбитальной станции... Я сказал, что знаю все, и это на самом деле именно так. Людей, которых мы хотели арестовать — включая Соню Амарильо, мерзкого типа по кличке Пекарь и всех остальных, — уже подобрали и сейчас ими занимаются. А нескольких мы оставили на свободе. Так им кажется. Так же и тебе казалось. Знаешь, я был очень рад, когда они тебя завербовали, и не только по личным причинам. У нас под надзором было много

мелкой рыбешки, но они мало что значили. А ты ввел нас в более утонченные круги, куда нам очень хотелось проникнуть. И это удалось благодаря тебе. Политика наша проста. Мы позволяем составлять заговоры и создавать организации, позволяем даже бежать от нас... Некоторым, иногда. Тем богаче становится наш улов в будущем. Мы всегда знаем, что происходит, и никогда не проигрываем.

— Ты тошнотворен, Смитти. Я только что это понял. Ты просто омерзителен, и все остальные вместе с тобой. И лжете вы слишком много, я тебе не верю.

— Веришь ты или нет — это неважно. Ты просто слушай. Ваше патетическое Сопротивление не победит никогда. Израильские власти информируют нас о своих молодых бунтарях, мечтающих изменить мир...

— Я тебе не верю!

— Пожалуйста, не верь. Но мы отслеживаем каждый заговор, даем ему расцвести, поощряем недовольных к объединению — а потом сокрушаем их. Здесь, на сателлитах, на планетах... Попытки продолжаются, но успехом они увенчаться не могут. Никогда. Эти люди настолько глупы — не понимают даже того, что не могут самостоятельно существовать. Сателлиты вымрут немедленно, как только мы прекратим их снабжение. Планеты тоже. Когда одна планета поставляет минеральное сырье, другая продовольствие, а третья промышленную продукцию — это не только экономика. Каждая нуждается в остальных, чтобы выжить. А управляем всеми связями — мы. Ты наконец начинаешь понимать?

Ян провел ладонью по лицу и почувствовал, что руки дрожат. Посмотрел на них, увидел исхудавшие кисти, побледневшую кожу — и поверил, поверил наконец, что на этот раз Тергуд-Смит говорит ему правду.

— Ну ладно, Смитти, твоя взяла, — смирился он. — Ты отобрал у меня воспоминания, верность, мой мир, любимую женщину... А ей и не стоило умирать, чтобы сохранить свою тайну, ее свои успели предать... Словом, все ты у меня отобрал, кроме жизни. Забирай и ее. Кончай.

— Нет. Этого я делать не стану, тут я тебя обманул.

— Ты же не будешь меня убеждать, что сохраняешь мне жизнь ради моей сестры?

— Нет. То, что она думает, никогда не влияло на мои решения. Просто раньше мне было полезно, чтобы ты в это верил. А теперь я скажу тебе правду. Ты останешься жить, потому

что много умеешь. Редкостные таланты мы в шотландских лагерях не растрачиваем. Ты покинешь Землю и отправишься на дальнюю планету. И там будешь работать до того дня, в далеком будущем, когда умрешь естественной смертью. Пойми наконец: для нас ты — просто деталь механизма, мы тебя воткнем туда, где ты нам нужен. Здесь ты свое отслужил, теперь будешь служить в другом месте.

— Я могу и отказаться, — сердито ответил Ян.

— Едва ли. Не такая уж ты важная деталь. Если не будешь работать — мы тебя уничтожим. Прими мой совет и послушно делай свое дело. Проживи счастливую и творческую жизнь.

Тергуд-Смит поднялся. Ян посмотрел на него снизу:

— Могу я увидеться с Лиз или с кем-нибудь?..

— Официально ты мертв. Несчастный случай. Она горько плакала на твоих похоронах, как и множество твоих друзей. Гроб, разумеется, был заколочен. Прощай, Ян. Больше мы с тобой не увидимся.

Он двинулся к двери.

— Ты ублюдок, подонок, сволочь! — закричал Ян ему вслед.

Тергуд-Смит обернулся и презрительно посмотрел на него:

— Такие мелкие оскорбления... Это все, на что ты способен? Неужели не нашлось других слов для финала?

— Слова есть, мистер Тергуд-Смит, — тихо сказал Ян. — Только стоит ли говорить их вам? Стоит ли доводить до вашего сведения, насколько подлой жизнью вы живете? Вы уверены, что так будет всегда, — не будет, не мечтайте. Вас низвергнут. Я надеюсь, что увижу это, — и буду работать ради того, чтобы это свершилось. Так что убить меня было бы лучше для вас, потому что мое отношение к вам и вам подобным не изменится никогда. Но прежде чем вы уйдете — я хочу вас поблагодарить. За то, что показали мне, каков на самом деле этот мир. И тем самым дали мне возможность восстать против него. А теперь можете идти, я вас больше не задерживаю.

Ян отвернулся. Узник отпускал тюремщика.

Это подействовало так, как не подействовало ни одно из его слов. Тергуд-Смит начал медленно багроветь, попытался что-то сказать... Но не сказал. Озлобленно плюнул, громыхнул дверью и исчез.

«Хорошо смеется тот, кто смеется последним». Последним улыбался Ян.

НА КОЛЕСАХ

Глава 1

Солнце зашло четыре года назад и с тех пор больше не появлялось. Но скоро наступит время, когда оно снова поднимется над горизонтом. Через несколько месяцев его голубые лучи снова выжгут поверхность планеты. А пока здесь царили беспрерывные сумерки. В полумраке наливались и зрели громадные початки кукурузы-мутанта. Желто-зеленое кукурузное море расстилалось во все стороны до горизонта — кроме одной, где поля кончались, огороженные высоким металлическим забором. За забором лежала пустыня. Песок и гравий, бесконечная гладкая равнина, где нечему отбросить тень, терялась вдали под сумеречным небом. Здесь не бывало дождей и ничто не росло. Но и в этой пустынной равнине существовала своя жизнь, обитали создания, находившие все необходимое в стерильно чистых полях.

Плоский бугор шишковатой серой плоти весил, наверно, не меньше шести тонн. На его поверхности не было заметно никаких отверстий, никаких органов, хотя, внимательно присмотревшись, можно было обнаружить, что в каждом желваке толстой шкуры прячется кремневое оконце, прекрасно приспособленное для поглощения небесной радиации. Растительные клетки, расположенные под прозрачной пленкой, превращали энергию радиации в сахар. Медленно, вяло, за счет осмотического перемещения из клетки в клетку, сахар проникал в нижнюю часть тела, где превращался в спирт и накапливался в вакуолях. В то же время в нижней части странного создания происходили другие химические процессы.

Бугор распростерся на участке, богатом солями меди. Специальные клетки выделяли кислоту, соли растворялись и усваивались. Трудно сказать, сколько времени протекал этот процесс — у животного не было ничего похожего на мозг,

времени для него не существовало. Оно попросту жило. Оно паслось, поглощая минералы, как корова пасется на лугу, пока не иссякла его пища. Теперь пришло время двигаться дальше. Есть стало нечего, хеморецепторы послали свои импульсы — и тысячи ножных мышц на нижней поверхности организма, которые питала энергия спирта, заботливо запасенного впрок, пришли в движение. Они в едином слаженном броске подняли неуклюжую плоскую махину, похожую на смятый ковер, и перекинули ее метров на тридцать.

Тяжелый ковер перелетел через изгородь, окаймлявшую поле, и с глухим звуком шлепнулся в двухметровую гамма-кукурузу, переломав и подмяв под себя стебли, и скрылся из виду среди зеленой листвы и золотистых, длиной в руку, початков. И оказался полностью скрытым от другого чудовища, которое с грохотом надвигалось на него.

Ни у одного из них не было мозга. Шеститонное органическое создание управлялось рефлекторными дугами, с которыми родилось несколько веков назад. Чудовище металлическое весило двадцать семь тонн и управлялось запрограммированным процессором. Оба имели органы чувств — но чувствовать не могли. Они не подозревали о присутствии друг друга, пока не встретились.

Встреча оказалась весьма драматичной. Лязгая и урча, махина приближалась, оставляя за собой полосу тридцатиметровой ширины в ровных рядах кукурузы, уходивших за горизонт. За один проход кукуруза срезалась, початки отделялись от стеблей, стебли измельчались и сжигались в ревущей топке. Над высокой трубой клубился белый пар, а из-под лязгающих гусениц сыпался пепел и оседал на землю. Свою работу машина выполняла превосходно, но понятия не имела, что делать при обнаружении спрятавшихся в поле зверей. Она наехала на серый бугор и успела отхватить от него добрых два центнера, прежде чем ее остановила аварийная система.

При всей примитивности нервной организации, такого радикального воздействия организм не заметить не мог. Химические раздражения включили механизмы ног, и через несколько минут — невероятно быстро для этого создания — мышцы сократились, и оно прыгнуло снова. Однако большая часть спирта была уже израсходована, поэтому на сей раз прыжок не получился. Усилия хватило лишь на то, чтобы подняться на несколько метров кверху — и обрушиться на комбайн. Металл сплющился, местами сломался; к сигналам тревоги, включившимся при обнаружении зверя, добавились новые — и машина загудела на все лады.

Там, где золоченое покрытие оказалось поврежденным, бугор обнаружил съедобную сталь. Он устроился поудобнее, прочно присосался к машине и безмятежно принялся поглощать ее.

— Да не будьте вы дураками! — Ли Сю старался перекричать гомон толпы. — Прежде чем толковать о радиосигналах, вы о расстоянии подумайте! Конечно, я могу собрать большой передатчик, тут проблем нет. Я могу выдать такой позывной, что его даже на Земле примут. Когда-нибудь. Но до ближайшей населенной планеты этот сигнал будет лететь двадцать семь лет. А они, быть может, и слушать не станут...

— Порядок! Призываю всех к порядку! — Иван Семенов отчаянно колотил председательским молотком. — Прошу соблюдать хоть какой-то порядок! Давайте говорить по очереди и слушать друг друга, иначе мы ничего не решим!

— А мы и так ничего не решим! — крикнул кто-то. — Зря только время тратим!

Раздался громкий свист и топот; снова застучал председательский молоток. На столе председательствующего быстро замигала лампочка телефонного вызова. Семенов поднял трубку, держа молоток в другой руке. Послушал, коротко сказал что-то и повесил трубку. Теперь он не стал стучать, а громко закричал:

— Авария!

Мгновенно наступила тишина. Семенов удовлетворенно кивнул:

— Ян Кулозик! Ты здесь?

Ян сидел в задних рядах и не принимал участия в перепалке. Погрузившись в свои мысли, он не обращал внимания на кричавших людей — и не заметил наступившей тишины. Услышав свое имя, он очнулся и вскочил.

Сухощавый, жилистый, он казался бы тощим, если бы не крепкие мышцы, результат многих лет физического труда. Рабочий комбинезон был запачкан машинным маслом, на руках тоже пятна, но было видно, что он не простой слесарь. Как он держал себя — легко, но чуть отстраненно; как он смотрел на председателя, — все это говорило не меньше, чем золотая эмблема на воротнике в виде шестеренки.

— На полях Тэкенга-четыре происшествие, — сказал Семенов. — Кажется, буграч сцепился с комбайном и вывел его из строя. Они хотят, чтобы ты срочно летел к ним.

— Подожди! Подожди меня!

Кричавший, человечек небольшого роста, пробился сквозь толпу и заторопился вслед за Яном. Чан Тэкенг, глава семьи Тэкенгов, был не только стар, морщинист и лыс, но и чрезвычайно злобен. Одного человека, недостаточно быстро уступившего ему дорогу, он ударил кулаком, других пинал по лодыжкам... Ян быстро удалялся, и Чан припустился бегом, чтобы догнать его.

Вертолет службы технадзора стоял перед ангаром машинного депо. Пока ревматик Чан с трудом забирался в кабину, Ян успел запустить турбины и включить винт.

— Надо перебить всех бугрячей, чтобы этой дряни вовсе не осталось, — выдохнул Чан, падая на сиденье рядом с Яном.

Ян не ответил. Даже если бы в этом была необходимость — а ее не было, — ликвидировать вид местной фауны практически невозможно. Чан что-то сердито забормотал себе под нос, но Ян не обратил на него внимания. Едва набрав высоту, вертолет на максимальных оборотах устремился к месту происшествия. Надо долететь как можно скорее. Большинство фермеров мало что знают о бугрячах, да и не хотят знать.

Внизу волнистым зеленым ковром в желтую крапинку проплывали поля. Жатва близилась к концу. Кукурузное море уже не простиралось бесконечно во всех направлениях, а было изрезано широкими прогалинами. Места, где работали комбайны, можно было заметить издали по клубившимся султанам пара. Только небо осталось неизменным: глубокий котел, монотонно-серый, от горизонта до горизонта. Четыре года без солнца, подумал Ян. Четыре бесконечных, однообразных года. Местные, похоже, этого и не замечали; но для него неизменный полумрак иногда становился невыносимым — и Ян хватался за зеленый пузырек с таблетками.

— Туда, туда давай! — заорал Чан Тэкенг, вытянув скрюченный палец. — Садись вон там!

Ян не обратил внимания на вопль. Внизу блестел золотистый корпус комбайна, наполовину скрытый обвисшим телом буграча. Крупный, тонн шесть, а то и семь. Обычно до ферм добирались помельче. Вокруг стояло несколько грузовиков, колесных и гусеничных; окруженный облаком пыли, к месту происшествия приближался еще один... Ян не послушался Чана и не стал садиться сразу, а медленно облетел комбайн, вызывая по радио Летающий Кран. Когда он наконец посадил вертолет метрах в ста от комбайна, Чан уже кипел от ярости. На Яна это не произвело впечатления, а вот членам семьи Тэкенг теперь придется несладко.

Вокруг расплющенного комбайна собралась небольшая толпа. Люди взволнованно переговаривались и показывали пальцами. Некоторые женщины доставали из корзин охлажденное пиво и разливали по стаканам... Атмосфера царила праздничная: в монотонной жизни, полной однообразного тяжелого труда, произошло хоть что-то необычное — и это радовало собравшихся. Восхищенная публика смотрела, как молодой человек поднес сварочную горелку к складке серой плоти, ниспадавшей с комбайна. Пламя коснулось шкуры буграча; по шкуре пробежала дрожь, над обожженной плотью поднялись жирные клубы вонючего дыма.

— Убери горелку и мотай отсюда! — приказал Ян.

Тот с вялым удивлением посмотрел на Яна, разинув рот, но не двинулся с места и горелку не убрал. Волосы у него росли почти от бровей, лба не было, выглядел он совершеннейшим дебилом. Небольшая семья Тэкенгов вырождалась из-за родственных браков.

— Чан, — позвал Ян главу семьи. Тот подковылял, тяжело дыша. — Убери горелку, пока беды не вышло.

Чан сердито закричал и подкрепил свои распоряжения сильным пинком. Парень кинулся бежать. Ян вытащил из-за пояса пару толстых рукавиц и натянул на руки.

— Мне нужна будет помощь, — сказал он. — Возьмите лопаты и приподнимите край этой твари, только не касайтесь его снизу, а то его кислота может продырявить насквозь.

Свисавший край с усилием приподняли, Ян нагнулся и заглянул под него. Снизу тело буграча было белым и твердым и влажно блестело от кислоты. Ян ухватился за одну из прыжковых ног и потянул. Нога, формой и размером похожая на человеческую, росла из специальной складки — и когда Ян потянул ее, она попыталась спрятаться поглубже. Но долго сопротивляться она была не способна, и в конце концов Ян вытащил ее настолько, чтобы увидеть, в какую сторону сгибается толстое колено. Когда он отпустил ногу, она медленно ушла в складку.

— Все в порядке. Отпускайте. — Он сделал шаг назад, провел на земле черту и повернулся. — Уберите машины. Отгони-

те подальше. Чтобы они стояли не ближе геликоптера. Если эта штуковина опять прыгнет, то брякнется прямо на них, а после прижигания может и прыгнуть.

Его не сразу поняли; но, когда Чан повторил распоряжения во всю силу своих легких, никаких вопросов ни у кого не осталось. Люди засуетились. Ян вытер рукавицы о траву и полез на комбайн. Рокот пропеллера возвестил о приближении Летающего Крана. Самый большой вертолет планеты завис над головой. Ян снял с пояса рацию и отдал команду. В днище фюзеляжа открылось квадратное отверстие, откуда на тросе медленно спустилась грузовая траверса с крючьями. Поток воздуха от винтов мешал Яну, но он аккуратно выровнял траверсу и один за другим загнал крючья в тело буграча вдоль края с одной стороны. Может быть, животное и почувствовало острую сталь — но никак не отреагировало. Приладив крючья, Ян махнул рукой — «вира», — и Летающий Кран начал медленно подниматься.

Следуя указаниям Яна, пилот выбрал слабину троса и включил лебедку. Крючья вонзились глубже, по телу буграча волнами прокатилась дрожь. Это был опасный момент: если бы буграч сейчас прыгнул — он мог бы повредить вертолет. Но край приподнялся, потом еще и еще, и наконец белое влажное брюхо повисло в двух метрах над землей. Ян хлопнул в ладоши, и Летающий Кран медленно двинулся в сторону, немного протащил за собой животное и снова опустил на землю, словно перевернул одеяло с одной стороны на другую. Буграч оказался на спине, вверх огромным, белым, влажно блестевшим брюхом.

Внезапно тысячи ног выстрелили в воздух и несколько долгих секунд торчали, словно внезапно выросший бледный лес. Потом они медленно опустились и спрятались.

— Теперь он безвреден, — сказал Ян. — Со спины ему не перевернуться.

— Теперь ты его убьешь, — обрадовался Чан Тэкенг.

Ян постарался не выдать отвращения, которое внушал ему этот человек, и ответил как мог дружелюбнее:

— Нет, этого нам не надо. Вряд ли тебе захочется, чтобы на твоем поле валялось семь тонн гниющего мяса. Пусть пока полежит. Гораздо важнее заняться комбайном.

Он приказал Летающему Крану приземлиться и отцепил буграча от траверсы.

Специально для таких случаев в геликоптере был мешок соды; какие-нибудь происшествия с бугрячами происходили постоянно. Ян забрался на комбайн и стал горстями сыпать соду в лужицы кислоты. Снаружи коррозии почти не было, но если кислота попала внутрь, в механизмы, — тогда дело обстоит хуже, надо срочно снимать облицовку. Несколько защитных кожухов было помято; а главное — оказались сорванными катки на каретке, и одна гусеница слетела. Работа предстояла большая.

Четыре грузовика прицепили к комбайну с той стороны, где слетела гусеница, а Ян включил работающую, — так удалось оттащить комбайн от буграча на добрых двести метров. Потом — под критическим взглядом Чана Тэкенга и под аккомпанемент еще более критических его замечаний — Ян поднял большой вертолет, оттащил буграча подальше и перевернул его на брюхо.

— Оставь здесь эту пакостную тварь! Убей ее, зарой! — завопил Чан. — Она теперь опять может прыгать, сейчас прыгнет и всех нас подавит!..

— Не подавит. Он может двигаться только в одном направлении, а ты же видел, в какую сторону ноги. Когда прыгнет снова — выскочит назад, в пустыню.

— Но ты же не знаешь точно...

— Достаточно точно. Тебе надо, чтобы я прицелился, как из ружья? Это ни к чему. Как только он придет в себя, он отсюда уберется...

Не успел Ян договорить, как буграч прыгнул. У зверя не было ни разума, ни эмоций, но были рефлексы, основанные на сложных химических механизмах. И все эти механизмы были задействованы только что пережитым: сначала кусок тела оторвали, потом ожог, крючья, переворот, когда вся тяжесть тела пришлась на спину... Раздался какой-то глухой звук, все ноги разом оттолкнулись... Женщины завизжали, а Чан Тэкенг охнул и упал навзничь.

Громадная туша взвилась высоко в воздух. Перелетела назад через изгородь и тяжело рухнула, взметнув облако песка.

Ян достал из вертолета ящик с инструментами и принялся чинить комбайн, радуясь возможности отвлечься от неотвязных мыслей. Но едва он остался один — мысли тотчас вернулись. Он устал думать о кораблях и говорить о них, но забыть не мог.

Не мог он забыть о кораблях.

Глава 2

— Я не хочу говорить о кораблях, — сказала Эльжбета Махрова. — Сейчас все говорят только о них.

Они сидели рядышком на скамье у дороги, и через тонкую ткань платья и свой комбинезон Ян ощущал тепло ее тела. Он сжал пальцы так, что костяшки побелели. Здесь, на этой планете, ему всегда хотелось быть с ней рядом, вот как сейчас. Не поворачиваясь, он искоса посмотрел на нее. Смуглые гладкие руки, большие темные глаза, грудь...

— Конечно, говорят. — Ян с усилием отвел взгляд и безо всякого интереса уставился на толстостенные складские здания по ту сторону широкой лавовой дороги. — Корабли должны были прийти шесть недель назад, мы уже задержались на четыре недели. Сегодня вечером что-то должны решить. Ты не пробовала еще раз спросить Градиль о нашей женитьбе?

— Пробовала. — Эльжбета повернулась и взяла его за руку, не обращая внимания на прохожих. Глаза ее были печальны. — Она меня и слушать не стала. Я должна выйти замуж за кого-нибудь из семьи Семеновых — или вовсе не выходить. Таков закон.

— Закон! — Ян произнес это слово с яростью, будто проклятие. Выдернул руку из ее ладоней и отодвинулся. Она не знала, какая пытка для него каждое ее прикосновение. — Это не закон, а обычай. Дурацкий обычай, крестьянский предрассудок. Проклятая крестьянская планета под голубой звездой, которую с Земли даже не видно... А на Земле я мог бы иметь семью...

— Ты не на Земле.

Она сказала это так тихо, что он едва расслышал. И от этого злость его погасла, уступив место внезапной усталости. Да, он не на Земле и никогда не вернется на Землю. Надо научиться жить здесь и подчиняться здешним законам. Изменить их ему не под силу.

На часах было ровно двадцать ноль-ноль. Хотя беспрерывные сумерки тянулись здесь четыре года подряд, люди все-таки следили за временем. Не только по часам, но и по биологическим ритмам, заложенным в них на далекой планете, до которой множество световых лет.

— Они сидят на собрании уже больше двух часов — и наверняка все толкут и толкут воду в ступе. Устали, наверно.

Он поднялся.

— Что ты собираешься делать? — спросила Эльжбета.

— То, что надо. Откладывать решение больше нельзя.

Она снова взяла его за руку, но тут же отпустила; словно поняла, что с ним происходит от ее близости.

— Удачи тебе.

— Это не мне нужна удача. Моя удача кончилась, когда меня выслали с Земли с пожизненным контрактом.

Пойти с ним она не могла: на собрании имели право присутствовать только главы семей и технические руководители. Ян был туда вхож как начальник технической службы.

Внутренняя дверь в герметизированный купол оказалась запертой; Ян громко постучал. Щелкнул замок, дверь приоткрылась... Начальник службы охраны порядка проктор-капитан Риттершпах подозрительно посмотрел на Яна крошечными заплывшими глазками.

— Ты опоздал.

— Заткнись, Хайн. Открывай.

Ян не слишком уважал начальника службы охраны порядка; тот изгалялся над всеми, кто был ниже рангом, и раболепствовал перед вышестоящими.

Собрание шло, как Ян и предполагал. Председательствовал Чан Тэкенг, на правах старейшего из старейшин. Он без конца колотил молотком и орал, но на него никто не обращал внимания. Как всегда, ругались, вспоминали старые обиды... Но по делу никто ничего не сказал и не внес ни одного толкового предложения. Уже больше месяца говорили они одно и то же, одними и теми же словами — но ничего не могли решить. Настала пора вмешаться.

Ян прошел вперед и поднял руку, прося внимания, но Чан его словно не заметил. Ян подошел ближе, еще ближе... И в конце концов остановился прямо перед человечком. Чан сердито махнул ему — «уйди» — и попытался смотреть мимо Яна, но это ему не удалось — Ян не шелохнулся.

— Убирайся! Сядь на свое место — надо соблюдать порядок!..

— Я буду говорить. Угомони их.

Этого не понадобилось. Люди увидели его, и голоса стали стихать. Когда Чан грохнул молотком, стояла уже полная тишина.

— Слово начальнику технической службы! — выкрикнул Чан и с омерзением отбросил молоток.

Ян повернулся к собравшимся:

— Я хочу напомнить вам некоторые факты, факты, с кото-

рыми вы спорить не станете. Первое. Корабли опаздывают. Крайний срок был четыре недели назад. За все годы, что приходят корабли, они никогда еще так не опаздывали. Больше четырех дней — такое случилось только однажды. Корабли опаздывают, и ждать их мы больше не можем. Если останемся здесь — сгорим. Утром необходимо прекратить все работы и начать подготовку к переезду.

— На полях осталось зерно! — крикнул кто-то.

— Оно сгорит, — перебил Ян. — Его придется бросить. Мы и так опаздываем. Пусть Иван Семенов скажет, если я ошибаюсь. Ведь он у нас начальник поездов.

— А как же зерно в хранилищах? — раздался чей-то голос.

Ян не ответил. Об этом попозже, всему свое время.

— Ну так что скажешь, Семенов?

Семенов неохотно кивнул седой головой.

— Да, — сказал он мрачно. — Нам пора двигаться. Иначе совсем из графика выбьемся.

— Именно об этом я и толкую. Корабли опаздывают. Если мы будем продолжать ждать — это нас погубит. Мы должны немедленно двигаться на юг. Остается надеяться, что они будут ждать нас на Южном материке. А зерно придется взять с собой.

Все ошеломленно притихли. Потом кто-то засмеялся, но тут же умолк. Это была новая мысль, а новые мысли лишь сбивали с толку.

— Это невозможно, — сказала наконец Градиль.

Собравшиеся согласно закивали. Ян посмотрел на угловатое лицо и тонкие губы старейшины рода Эльжбеты — и заговорил как можно ровнее, стараясь не выдать ненависть, которую вызывала у него эта старуха:

— Возможно. Ты женщина пожилая, но ничего не смыслишь в этих вещах. А я руковожу научной службой. И я говорю, что это сделать можно. Я все просчитал. Если ограничить наше жизненное пространство на время пути, то пятую часть зерна можно забрать с собой сразу же. А там мы разгрузим поезда и пошлем их назад. Если двигаться быстро — можно успеть. Они пойдут порожняком и смогут забрать еще две пятых. Остальное сгорит — но мы спасем почти две трети урожая. Когда корабли придут, продовольствие должно их ждать. Люди будут голодными. А мы сможем их накормить.

Присутствующие пришли в себя и подняли крик. Со всех сторон посыпались вопросы: насмешливые, издевательские,

злобные. Председательский молоток стучал не переставая, но никто не обращал внимания. Ян повернулся к собранию спиной и стоял молча. Пусть покричат, пусть обмозгуют новую идею... Быть может, до них дойдет, и они начнут понимать. Эти упрямые крестьяне консервативны, ненавидят все новое. Когда угомонятся — он станет разговаривать с ними; а пока он стоял к ним спиной, словно их и вовсе не было, и смотрел на свисавшую с купола громадную карту планеты, единственное украшение большого зала.

«Халвмерк» — так назвала планету команда первооткрывателей. Полумрак, сумеречный мир. Официально, в каталогах, она называлась бета Возничего III, третья планета, единственная пригодная для жизни из шести, вращающихся вокруг неистово-жаркой голубоватой звезды. «Пригодная» — не совсем то слово. У этой планеты была аномалия, чрезвычайно интересная для астрономов, которые изучили ее, занесли все данные в отчеты и полетели дальше. Столь интересной для ученых и почти обитаемой для людей ее сделал большой осевой наклон. Осевой наклон в сорок один градус и удлиненный эллипс орбиты создали ситуацию совершенно уникальную. Осевой наклон Земли составляет всего несколько градусов, но этого достаточно, чтобы вызвать значительные сезонные изменения. Ось — линия, вокруг которой вращается планета; осевой наклон — угол, на который ось отклоняется от вертикали. Сорок один — очень сильное отклонение; и это, в комбинации с длинным эллипсом орбиты, привело к весьма необычным результатам.

Зима и лето здесь длятся четыре земных года. Четыре долгих года на зимнем полюсе темно; он скрыт от солнца. Но когда планета проходит короткую кривую у конца эллиптической орбиты и на зимний полюс приходит лето — все меняется быстро и радикально. Зимний полюс становится летним и в следующие четыре года подвергается непрерывному облучению, что приводит к жесточайшим климатическим изменениям.

А между полюсами, от сорока градусов северной до сорока градусов южной широты, царит бесконечное пылающее лето. Температура на экваторе почти постоянна — около ста градусов по Цельсию. На зимнем полюсе температура колеблется около нуля, временами даже бывают морозы. И на этой планете температурных крайностей есть только одно место, где люди могут жить. Зона сумерек, полоса вокруг зимнего полю-

са. Здесь температура меняется слегка, от двадцати двух до двадцати восьми градусов. Здесь могут жить люди и расти злаки. Замечательные мутировавшие злаки, способные прокормить полдюжины перенаселенных планет. Атомные опреснительные станции снабжают поля водой, превращая морские соли в химические удобрения. Земные растения здесь не имеют врагов, потому что вся местная жизнь основана на соединениях меди, а не углерода. Земные организмы — отрава для местных. Местные растения планеты не могли конкурировать с земными, углеродными, которые и росли быстрее, и приспосабливались лучше. Местная растительность оказалась вытесненной, уничтоженной, — а злаки росли. Злаки, приспособившиеся к постоянному приглушенному свету и неизменной температуре. Они росли и росли.

Росли четыре года подряд, пока не наступало лето и не поднималось над горизонтом палящее солнце, снова делая жизнь невозможной. Но когда в одном полушарии начиналось лето, в другое приходила зима, и вокруг противоположного полюса появлялась зона, в которой снова можно было жить. И выращивать зерно в другом полушарии четыре года, пока сезоны не менялись снова.

При наличии воды и удобрений планета, в принципе, была очень продуктивной. С местной растительностью никаких проблем не возникало. Экономика Земли была такова, что найти переселенцев тоже не составляло труда. С двигателями Фосколо транспортные издержки оказались вполне приемлемыми. Когда все тщательно просчитали и проверили, стало ясно, что на этой планете чрезвычайно выгодно выращивать продовольственное зерно и дешево доставлять его на ближайшие населенные планеты. Такое предприятие обещало и солидные прибыли. Даже сила тяжести на Халвмерке была очень близка к земной. Халвмерк гораздо больше Земли, но его средняя плотность значительно меньше. Материковые массивы располагались на планете как раз вблизи полюсов, в зонах сумерек. Их можно было возделывать по очереди, четыре года через четыре. Это можно было сделать.

Оставалась одна проблема. Как перебрасывать людей и технику из одной зоны в другую каждые четыре года на расстояние в двадцать семь тысяч километров?

Какие проводились дискуссии, какие предлагались планы — все давно похоронено в забытых архивах. Но несколько

вариантов вполне очевидны. Самый простой, но и самый дорогой способ состоял бы в том, чтобы заселить оба сумеречных пояса. Забросить на Халвмерк вдвое больше техники, построить вдвое больше зданий — это было бы не слишком дорого. Но мысль о том, что рабочая сила будет бездельничать, прохлаждаясь в кондиционированных зданиях по пять лет из каждых девяти, — была совершенно неприемлема. Это было просто немыслимо для работодателей, которые хотели выжать из своих наемников, подписавших пожизненный контракт, каждый эрг энергии.

Рассматривалась и возможность использования морского транспорта. Халвмерк почти весь покрыт океаном, не считая двух полярных материков и нескольких островных гряд. Но это означало бы транспортировку по суше к океану и постройку крупных, дорогих морских судов, способных выдержать свирепые тропические штормы. Суда необходимо содержать, нужны экипажи — и все ради одного рейса за четыре с половиной года. Тоже неприемлемо. Так было ли возможное решение?

Да, было. Инженеры-землеустроители уже научились приспосабливать планеты к нуждам людей и имели огромный опыт. Они могли очистить ядовитую атмосферу, растопить полярные льды, охладить тропики, возделать пустыню и уничтожить джунгли. Они могли даже поднять материки там, где нужно, и утопить их в океане, где не нужно. Это делалось с помощью гравитронных бомб, которые взрывали в тщательно выбранных местах. Каждая такая бомба имела размеры небольшого дома, и собирали ее в специальной камере, глубоко под поверхностью планеты. Как они действовали — никто не знал, кроме фирмы, которая их выпускала; это держалось в секрете. Но что из этого получалось — знали все. Гравитронная бомба вызывала вспышку сейсмической активности. Кора планеты раскалывалась, высвобождалась магма, залегающая под корой, что активизировало тектонику самой планеты. Конечно, получалось такое не везде, а только там, где перекрывались тектонические плиты; но обычно у землеустроителей был достаточно широкий выбор.

Гравитронные бомбы подняли из глубин халвмеркского океана цепь огнедышащих вулканов. Лава вулканов остыла, обратившись в камень и сформировав цепь островов. И прежде чем вулканическая активность угасла, острова срослись,

превратившись в сплошную дамбу между двумя континентами. Потом было уже сравнительно просто снести водородными бомбами слишком высокие горы. И уж совсем простым оказался последний шаг — выровнять пересеченную местность с помощью плазменных пушек. Те же самые пушки выгладили поверхность бывших островов, превратив ее в неимоверно прочную каменную дорогу от континента до континента, почти от полюса до полюса, единственную на планете дорогу длиной в двадцать семь тысяч километров.

Конечно, затраты требовались громадные. Но корпорации, которым принадлежало на Земле все, были всемогущи. Предполагалось, что создать консорциум окажется нетрудно — так оно и вышло, ибо хорошие прибыли здесь были обеспечены навечно.

Вынужденные переселенцы на Халвмерк стали кочевниками в подлинном смысле слова. В течение четырех лет они работали, выращивая и храня зерно до того дня, когда прилетали корабли. Это событие было долгожданным, самым важным и самым волнующим в цикле их существования. Когда корабли предупреждали о своем приближении, все работы прекращались. Зерно оставляли в поле на корню, и начинался праздник, потому что корабли привозили все, что позволяло жить на этой не слишком гостеприимной планете. Иногда это были свежие семена, потому что мутировавшие культуры неустойчивы, а среди фермеров не было ученых, способных сохранять сорта. Одежда и запасные части к машинам, новые радиоактивные стержни для атомных реакторов... Тысячи наименований товаров, которые поддерживали механизированную цивилизацию на планете, не имевшей своей промышленности. Корабли оставались здесь столько, сколько было необходимо, чтобы разгрузиться и заполнить трюмы зерном. Потом корабли улетали, и праздник шел к концу. Теперь играли все свадьбы — в другое время это было запрещено законом, — заканчивались все пиры, выпивалось все спиртное...

А потом начинался переход.

Они двигались, как цыгане. Капитально здесь были построены только толстостенные зернохранилища и ангары машинных станций. В них снимали все перегородки, раскрывали высокие ворота и закатывали под крышу грузовики и вертолеты, комбайны, сеялки и другую сельскохозяйственную технику. Жизненно важные узлы машин оборачивали тканью, все механизмы покрывали силиконовой смазкой — в таком виде техника пережидала летнюю жару, пока следующей осенью фермеры не возвращались.

А все остальное уезжало. Из зала собраний и других куполов выпускали воздух, их сворачивали и паковали. Все остальные строения — узкие и длинные — снимали с подпорок и ставили на подрессоренные тележки. Резали овец и коров и заполняли морозильные камеры мясом. С собой брали лишь несколько кур, овец и телят — на новом месте предстояло разводить новые стада, законсервированную сперму везли с собой. Женщины заготавливали и консервировали еду на месяцы вперед.

Когда все было собрано, фермерские трактора и грузовики сначала стаскивали жилые модули в колонну, составляя из них длинные поезда, а только потом отправлялись на консервацию в капитальные здания. Теперь наступала очередь тягачей. Четыре года они стояли на фундаментах, работая генераторами электроэнергии. Теперь они опускались на грунт и подкатывали, урча, на свои места во главе каждого поезда. Соединялась сцепка, кабели — и поезд оживал. Герметизировались окна, включались кондиционеры... Их не выключат, пока не доберутся до зоны сумерек в южном полушарии. Когда пойдут через экватор, термометр может показать и все сто. Хотя по ночам температура падает, особенно на это рассчитывать нельзя: Халвмерк оборачивается вокруг своей оси за восемнадцать часов, ночи слишком коротки, жара не успевает спадать. Правда, иной раз доходит и до пятидесяти пяти, но и при такой температуре без кондиционера не проживешь...

— Ян Кулозик, здесь вопрос к тебе. Слушай сюда, Кулозик, я приказываю!.. — После целого вечера беспрерывного крика Чан Тэкенг слегка охрип.

Ян отвернулся от карты и встал к собранию лицом. Вопросов было великое множество, но он и рта не раскрыл, пока все не затихли. Потом заговорил:

— Слушайте внимательно. Я все детально продумал и рассчитал. Все, что нужно сделать. Цифры я вам скажу, но прежде всего вы должны решить. Берем мы зерно или нет? Это самый главный вопрос. Что надо уезжать — с этим никто из вас спорить не станет. Но прежде чем решать насчет зерна, подумайте о двух вещах. Если корабли придут, им нужно будет зерно, потому что люди будут голодать. Без нашего зерна умрут ты-

сячи, может быть, миллионы людей, и их смерть будет на нашей совести. А если корабли не придут, что ж, тогда умрем мы. Резервов у нас почти нет, изношенные детали заменить нечем. Два тягача уже снизили выходную мощность, и после перехода им нужна будет новая зарядка. Несколько лет мы еще протянем, но в конце концов нам крышка. Подумайте об этом, потом решайте.

— Господин председатель, я прошу слова.

Когда Градиль поднялась и потребовала внимания, Ян решил, что ему предстоит долгая и утомительная борьба. Эта старуха, глава семьи Махровых, олицетворяла здесь консервативные силы, боровшиеся против любой новизны. Она умна, но у нее мышление крестьянки: хорошо только старое, все новое плохо, любые перемены не к добру, и жизнь должна быть неизменной. Остальные старейшины всегда слушали ее с почтительным вниманием, потому что она, как никто другой, умела облечь в слова их однообразные, абсурдные умозаключения. Когда она поднялась, все притихли, ожидая, что сейчас она утешит их — их же собственной глупостью, ссылаясь как на закон на древние, узколобые предрассудки.

— Вот я послушала, что говорит этот молодой человек. И я его мнение уважаю, хотя он не старейшина и даже не член одной из наших семей.

Умница, подумал Ян, прежде чем браться за аргументы, она меня с дерьмом мешает.

— Но хоть это и так, — продолжала Градиль, — надо прислушаться к его мыслям и судить о них, невзирая на то, кто их высказал. Он правильно сказал. Иначе нельзя. Зерно забрать надо. Хлеб — издревле наш долг, это смысл жизни нашей. Я предлагаю голосовать, чтобы никто потом не мог пожаловаться, если что-то будет не так. И призываю всех вас согласиться с тем, что надо двигаться немедленно и взять с собой зерно. Кто не согласен, пусть встанет.

Чтобы встать под этим холодным взглядом, надо было иметь характер посильнее, чем у кого бы то ни было здесь. Вдобавок все были смущены. Сначала эта новая идея, какой у них и в мыслях никогда не было, а уж тем более сейчас, когда от решения могла зависеть жизнь. Потом эту идею вдруг поддержала Градиль, а ее воля почти всегда и во всем совпадала с их собственной. Очень это смущало. Тут надо было подумать, а пока подумали — уже поздно было встать, да еще эта ее физиономия... И вот так, несмотря на раздраженный ропот и несколько мрачных взглядов, предложение было принято.

Яну это не понравилось, но протестовать он не стал. Однако подозрения у него остались. Он был уверен, что Градиль ненавидит его не меньше, чем он ее. И тем не менее она поддержала его идею и остальных заставила. Когда-нибудь ему придется платить за это; как — он сейчас не мог себе представить. Ну и черт с ним. Главное — согласились.

— Так что надо делать? — спросила Градиль, повернувшись к Яну, но не глядя на него. Использовать его она была готова, но замечать не хотела.

— Мы соберем поезда, как обычно. Но, прежде чем приниматься за это, присутствующие здесь старейшины должны составить списки всего, без чего можно обойтись, что можно оставить. Мы проверим списки все вместе. И все, что можно оставить, спрячем вместе с техникой. Кое-что, конечно, испортится от жары, но другого выхода у нас просто нет. В каждом поезде под жилье будут заняты только два вагона. Тесно — но необходимо. А остальные вагоны загрузим зерном. Я подсчитал — вагоны выдержат. Тягачи пойдут помедленнее, но потянут.

— Людям это не понравится, — сказала Градиль.

Почти все одобрительно закивали.

— Я знаю, — ответил Ян. — Но вы, старейшины, должны заставить их подчиниться. Ведь во всем другом вы используете свою власть, хотя бы в вопросах брака... — Он пристально посмотрел на Градиль, но она так же пристально смотрела в сторону. — Так будьте тверды и в этом. Ведь вы не выборные руководители, которых могут сместить. Ваша власть абсолютна. Так используйте свою власть. Нынешний поход будет не таким легким и приятным, каким бывал всегда. Двигаться будем быстро. Будет трудно. И жить в Южгороде придется в зернохранилищах, пока поезда не вернутся из второго рейса. Комфорта не будет. Скажите это своим людям. Скажите сразу, чтобы потом никто не жаловался. Скажите, что будем ехать не по пять часов в день, как бывало, а по восемнадцать — даже больше... У нас скорость будет меньше, кроме того, мы и так уже задержались, а главное — поезда должны сделать еще один рейс в оба конца. Времени у нас в обрез. И есть еще одно дело.

Им надлежало принять еще одно решение, чрезвычайно важное лично для него. Ян очень надеялся, что Ли Сю сделает

так, как обещал. Ли не любил людей, не любил ввязываться в махинации — его трудно было уговорить принять участие в том, что сейчас предстояло.

— Все это ново, — продолжал Ян. — Кто-то должен согласовать все изменения и организовать первый поход. Кто-то должен руководить вторым рейсом. Необходимо назначить ответственного. Кого вы предлагаете?

Снова надо решать. До чего же они этого не любили! Все поглядывали друг на друга и бормотали что-то непонятное. Ли Сю встал, постоял молча, потом выдавил из себя:

— Ян Кулозик должен этим заняться. Он единственный, кто знает, что надо делать. — И тотчас сел.

Молчание длилось долго. Присутствующие крутили предложение так и эдак, потрясенные новизной, нарушением традиций и вообще неожиданностью.

— Нет! — завопил Чан Тэкенг, покраснев от ярости больше обычного и машинально стуча молотком. — Поход организует Иван Семенов. Он всегда это делал, он начальник поездов. Так всегда было — и всегда так будет.

Крича, он так брызгал слюной, что сидевшие в первом ряду отшатнулись, брезгливо вытирая лица, хоть и кивали одобрительно. Это было знакомо: не назад, но и не вперед, стоим на проверенном и надежном.

— Не стучи, Тэкенг, а то молоток сломаешь, — прошипела Градиль.

Председатель опешил. Здесь он распоряжается, и, чтобы ему кто-то что-то приказывал, такого никогда не было. Пока он колебался — молоток повис в воздухе, — Градиль заговорила снова, не дав ему прийти в себя:

— Вот так-то лучше, гораздо лучше. Думать надо не о том, что так делалось всегда, а о том, что нужно сделать сегодня. Мы сейчас принимаемся за новое дело, и, быть может, нам нужен новый организатор. Я не говорю — нужен. Я говорю — может быть. Давайте спросим Ивана Семенова, что думает он. Что скажешь, Иван?

Рослый мужчина медленно поднялся, теребя бороду и оглядываясь на технических руководителей и на старейшин, пытаясь угадать их реакцию по выражению лиц. Из этого ничего не вышло. Сердитые лица — да, были; озадаченных — еще больше... Но решения он не увидел.

— Ну, наверно, о Яне стоит подумать... Пусть спланирует — если вы понимаете, о чем я... Перемены — это же планировать надо, опять же два рейса... Я, право слово, не знаю...

— Не знаешь, так заткнись!

Чан Тэкенг снова грохнул молотком, подкрепляя свой приказ. Но поскольку он стучал молотком и кричал весь вечер, то это ни на кого уже не произвело впечатления. Иван продолжал:

— Раз я не знаю про эти перемены, то мне нужна помощь. Ян Кулозик знает, это его план. Он знает, что делать. Я буду все организовывать, как обычно, а он пусть распоряжается тем, что касается перемен. Я должен это утвердить, да. Тут я настаиваю, чтобы утверждение было с моей стороны, но он все пусть устраивает по-новому.

Ян отвернулся, чтобы присутствующие не увидели его лица и не догадались о его чувствах. Чтобы не увидели, как он их ненавидит, несмотря на все старания примириться с ними. Он провел рукой по губам, словно хотел стереть омерзение... Но никто этого не заметил, все смотрели на Градиль.

— Прекрасно, — сказала она. — Это отличный план. Командовать походом должен глава семьи. Так и надо. А техрук будет советником. По-моему, это правильная мысль. Я — за. Кто против — поднимайте руки, поживей! Вот так, единогласно.

Итак, он командовал — и не командовал. У Яна возникло поползновение упереться и потребовать неограниченной власти, но он понял, что это ни к чему хорошему не приведет. Они уступили — ему тоже придется уступить кое в чем. Главное — перевезти зерно, это на самом деле необходимо.

— Хорошо, — согласился он. — Так мы и сделаем. Но давайте договоримся, что никаких споров не будет. Уборку прекращаем немедленно. Из вагонов убрать все, кроме самого необходимого. Все урезать вдвое, так как места у нас будет гораздо меньше половины. Вы должны сказать своим людям, что на все сборы у них всего один день. Если скажете так — быть может, они управятся за два. Через два дня мне нужны первые пустые вагоны под зерно, будем начинать погрузку. Есть какие-нибудь вопросы?

Вопросы? Все молчали. Если ураган поднимет вас в воздух и начнет кувыркать — вы станете спрашивать его, с какой скоростью он вас несет?

Глава 3

— По-моему, мы трогаемся в путь слишком рано. Это ошибка.

Хайн Риттершпах не решался посмотреть Яну в глаза и делал вид, что занят плазменной пушкой. Ян захлопнул смотровой лючок редуктора и прикрутил крышку. В водительском отсеке танка было тесно, резко пахло потом.

— Не рано, а поздно, Хайн, — устало произнес Ян: ему надоело раз за разом повторять одно и то же. — Поезда пойдут за тобой по пятам. Ведь мы будем двигаться быстрее и догоним тебя гораздо раньше, чем ты думаешь. Для того тебе и дали вторые экипажи, чтобы вы могли работать по шестнадцать часов в день. Я надеюсь, этого будет достаточно. Ведь у тебя важная задача, Хайн. Твои ремонтники на этих танках должны пройти по Дороге впереди всех и убедиться, что она в порядке. Ты же знаешь, что́ тебе предстоит. Ты все это уже делал. Просто на сей раз придется чуточку труднее, только и всего.

— Так быстро мы двигаться не сможем. Люди не захотят.

— Значит, ты их заставишь.

— Я не могу просить...

— Ты не просишь, а приказываешь, Хайн.

Многодневная, беспрерывная изматывающая работа сказывалась. Глаза у Яна покраснели, устал он до предела. Устал обхаживать, подгонять, толкать, заставлять этих людей сделать хоть раз в жизни что-то непривычное. Нервы были на пределе, и теперь этот хнычущий жирный идиот окончательно вывел его из терпения. Ян повернулся и сильно ткнул пальцем в торчащее пузо.

— А ведь ты нытик, Хайн. Надсмотрщики тут никому не нужны; люди слишком заняты работой, чтобы нарушать порядок. Поэтому ты сидишь без дела, и только во время переходов у тебя появляется настоящая работа. Ты должен двигаться впереди и разведывать Дорогу, ничего больше. Так что кончай искать отговорки и принимайся за дело.

— Ты не смеешь так со мной разговаривать!

— Почему же? Танки в порядке, люди готовы. Я сам проверил — все нормально. Я уже третий раз проверяю твою машину — ничего в ней нет подозрительного. Так что давай двигай.

— Ты, ты...

От ярости великан потерял дар речи и молча занес над головой огромный кулак. Ян шагнул ему навстречу и тоже сжал кулак, твердый, покрытый шрамами кулак механика.

— Ну давай ударь. Что задумался? — насмешливо процедил он сквозь зубы.

Ян был так напряжен, что челюсти не разжимались, а руки дрожали. Хайн спасовал. Опустил кулак и неуклюже полез из танка, стуча сапогами по наружной лесенке. Потом его красная физиономия показалась в проеме люка.

— Конец тебе, Кулозик! Я пойду к Семенову и к Чану Тэкенгу — тебя вышвырнут! Слишком ты далеко...

Ян устало шагнул к люку и снова сжал кулак — лицо Риттершпаха исчезло. Да, он слишком далеко зашел: он заставил этого хвастуна проявить трусость. Такого Хайн ему не простит никогда. Тем более что был свидетель: Лайош Надь, сидевший в кресле второго водителя, не проронил ни звука, но, конечно, видел их стычку.

— Заводи, — скомандовал Ян. — Ты думаешь, я был с ним слишком резок?

— Он вообще-то ничего мужик, когда с ним поработаешь.

— А по-моему, чем дольше с ним общаешься, тем хуже.

Закрутились шестерни коробки передач — пол задрожал, — Ян склонил голову набок, прислушиваясь. Похоже, что все нормально.

— Передай всем, пусть заводят моторы.

Заработал кондиционер, Ян захлопнул люк и сел в водительское кресло. Ноги на тормозных педалях, руки на штурвале...

Двадцать тонн трансмиссии мягко вибрировали, дожидаясь его команды.

— Передай — движемся колонной, дистанция сто метров. Поехали.

Лайош, почти не колеблясь, включил микрофон и передал его приказ. Он был хороший парень, этот Лайош, один из его механиков, с которым и прежде доводилось работать.

Ян отпустил штурвал вперед. Включилась муфта сцепления, запели шестерни передач, и танк рванулся вперед, громыхая тяжелыми траками по сплошному камню Дороги. Включив заднюю телекамеру, Ян смотрел, как остальные машины оживают на экране и трогаются следом за ним. Пошли. Скользнула назад центральная улица города, потом темные стены складов, потом загородные фермы... Пока не проехали

мимо самых последних зданий, где Дорога сужалась, Ян управлял вручную. Там переключил управление на автоматику и откинулся в кресле. Танк набрал скорость. Направляющей служил кабель под поверхностью Дороги. Танковая колонна с ревом неслась мимо ферм к пустыне.

Они уже добрались до песков, где бесконечная лента Дороги была единственным свидетельством присутствия людей на планете, когда Яна вызвали на связь. Он ждал этого.

— У меня рация не в порядке, я вас не слышу. Как только налажу — вызову вас сам.

С этими словами Ян отключил микрофон. Остальные машины были настроены на командную частоту, поэтому никто, кроме него, вызова не слышал. Теперь, уже начав свое предприятие, Ян был твердо намерен и закончить его по-своему.

Они прошли уже больше трехсот километров, когда натолкнулись на первое препятствие. На Дороге высился песчаный занос высотой около двух метров. Ян остановил колонну, а сам приблизился к склону гряды. Не так уж страшно.

— У кого самые большие бульдозерные отвалы?

— У семнадцатого и девятого, — ответил Лайош.

— Давай их сюда, пусть расчистят. Вызови из жилого вагона второго водителя, и пусть он остается с тобой, пока Риттершпах не появится. Хайн пару дней будет невыносим, так ты постарайся не обращать на него внимания. Я скажу по радио, чтобы он летел сюда на геликоптере. А я вернусь в город.

— Надеюсь, неприятностей не будет... — предположил Лайош.

Ян улыбнулся. Несмотря на всю усталость, он был счастлив, что хоть чего-то добился.

— Неприятности обязательно будут, без них здесь не обходится. Но колонна идет отлично, Риттершпах уже не посмеет ее вернуть. Ему ничего другого не осталось, как двигаться дальше.

Ян передал радиограмму, отворил ногой дверь люка и спустился на песок. Здесь на самом деле теплее — или ему только кажется? И действительно посветлело на юге? Вполне возможно, ведь до рассвета уже совсем недалеко... Он отошел в сторону. Танки тяжело взбирались по склону и катились по гряде, взбивая гусеницами шлейфы песка. Последний, тащивший жилой вагон, остановился на мгновение, чтобы дать выйти подменному водителю. Бульдозеры едва успели приняться за работу, как послышался шум вертолета. Он наверняка вылетел задолго до того, как Ян вызвал его по радио.

Вертолет сделал круг и медленно опустился на Дорогу. Ян пошел встречать.

Из вертолета вышли трое, и Ян понял, что неприятности отнюдь не кончились; скорее, только начинаются. Он заговорил первым, надеясь взять в свои руки инициативу:

— Иван! Какого черта ты тут делаешь? Кто будет заниматься подготовкой, если мы с тобой оба на Дороге?

Семенов с несчастным видом запустил пальцы в бороду, пытаясь найти какие-то слова. Риттершпах — его помощник стоял рядом с ним — заговорил раньше:

— Я забираю тебя назад, Кулозик. Ты арестован. Ты будешь обвинен в том, что...

— Семенов, примени свою власть! — Ян повернулся спиной к стражам порядка, прекрасно зная, что оба они вооружены и держат руки на рукоятках пистолетов. Между лопатками возникла противная тяжесть, но Ян старался ее не замечать. — Ты же начальник поездов. Здесь аварийная ситуация, танки расчищают Дорогу. Хайн должен быть с ними и руководить работой. А о его мелких проблемах мы сможем поговорить, когда будем в Южгороде.

— Танки могут подождать, это дело важнее! Ты на меня напал! — Хайн трясся от ярости и уже почти вытащил пистолет.

Ян повернулся и встал боком, чтобы видеть обоих прокторов. Семенов наконец заговорил:

— Это, знаешь, на самом деле... дело-то серьезное... Тут дело такое, знаешь, что лучше нам всем вернуться в город... И спокойненько все обговорить...

— Да некогда нам разговаривать! — сердито выкрикнул Ян, стараясь еще больше разозлить прокторов. — Этот кретин обязан мне подчиняться. Я его пальцем не тронул. Он лжет! Если он немедленно не присоединится к своим людям, я его разоружу и посажу под замок!

Таких слов Хайн, конечно, не выдержал. Схватился за кобуру и вытащил пистолет. Но Ян ждал этого и среагировал раньше, чем тот успел поднять оружие.

Он резко повернулся, правой рукой схватил Хайна за кисть, а левой жестко захватил выше локтя. И мгновенно заломил Хайну руку за спину так, что тот взвыл от боли. Пальцы великана непроизвольно разжались, пистолет выпал, но Ян не отпустил его, а продолжал давить. Это было жестоко, но необходимо. Раздался треск сломанной кости, Хайн содрогнул-

ся — только теперь Ян его отпустил. Хайн медленно осел на каменную поверхность Дороги... Ян повернулся ко второму вооруженному.

— Здесь командую я, проктор. Приказываю тебе помочь раненому и забрать его в геликоптер. Начальник поездов Семенов подтверждает этот приказ.

Молодой проктор в мучительной неуверенности смотрел то на Семенова, то на Яна. Семенов молчал; что он думает, было неясно. Тем временем Хайн застонал от боли и скорчился на твердом камне, — и проктор решился. Он засунул пистолет в кобуру и опустился на колени возле раненого командира.

— Зря ты это сделал, Ян. — Семенов горестно покачал головой. — Теперь совсем тяжко будет.

Ян взял его за локоть и отвел в сторону.

— И так уже совсем тяжко было. Можешь мне поверить, я на Хайна не нападал. Если у тебя есть сомнения — я тебе свидетеля представлю. Но он раздул это дело настолько, что одному из нас надо было уйти. Его заменить можно. Заместитель его, Лайош, управится ничуть не хуже. Хайн поедет поездом, рука у него заживет. В Южгороде он мне, конечно, еще бед наделает, это я знаю. Но не сейчас. Мы должны двигаться, как запланировано.

Семенову нечего было сказать. Решение оказалось принято за него, но он не жалел об этом. Он взял из вертолета санитарную сумку и попытался наложить Риттершпаху пневматическую шину. Это удалось лишь после того, как Хайну вогнали болеутоляющий укол. Весь обратный путь прошел в молчании.

Глава 4

От усталости все мышцы болели так, что расслабиться Ян не мог, даже растянувшись на койке. Он в последний раз просматривал свои списки. До отправления оставались считанные часы. Сейчас загружали последнее зерно, а в опустевших хранилищах убирали перегородки, чтобы можно было закатить тяжелую технику. Покрытые силиконовой смазкой и завернутые в синтетическую ткань, машины переживут летнюю стоградусную жару, которая продлится четыре года. А в Южгороде все это есть; там точно так же стоят на консервации грузовики, вертолеты и сельскохозяйственные машины — их возить не надо. С собой брали запасы замороженного продо-

вольствия; цыплят, овец и телят, чтобы снова развести стада; домашнюю утварь — гораздо меньше, чем обычно, — и зерно, заполнявшее на сей раз большую часть вагонов. Цистерны уже наполнены водой... Ян записал и подчеркнул: вода. Первое, что надо сделать утром, — заскочить на компьютерную станцию управления и остановить опреснитель Севгорода. Все второстепенные линии завода по переработке морской воды уже были отключены. Минералы не извлекались, удобрения не производились. Завод выполнял только минимальную работу, заполняя водой систему каналов и туннелей общей длиной в 1300 километров. Теперь можно отключить все, вода здесь больше не понадобится.

Раздался стук в дверь; сначала настолько тихий, что Ян решил — показалось. Но стук повторился.

— Минутку!..

Он сгреб бумаги в кучу и бросил на стол. Потом прошаркал босиком по пластиковому полу на негнущихся ногах к двери и открыл. На пороге стоял Ли Сю, радиотехник.

— Я тебе помешал, Ян?

Ли казался встревоженным.

— Не так чтобы очень. Я тут с бумагами вожусь, вместо того чтобы спать.

— Быть может, я зайду попозже...

— Заходи уж, раз пришел. Выпьем чайку, а потом, может, нам удастся поспать.

Ли нагнулся, поднял стоявший за дверью ящик, который Ян поначалу не заметил, и внес его в комнату. Ян набрал кипятка из кухонного крана, разогрел чайник, заварил... Он ждал, что Ли заговорит первым. Ли был молчалив; голова у него работала, как привычные Яну печатные схемы. Мысль обрабатывалась, что внешне было незаметно, и появлялась только через какое-то время — в виде завершенном и совершенном.

— Ты с Земли, — наконец сказал он.

— По-моему, это факт достаточно известный. Молока?

— Спасибо. На Земле, как я понял, существуют разные слои общества, а не просто однородное население, как у нас здесь. Это верно?

— Пожалуй. Общество там разнообразно, ты же много видел телепрограмм с Земли. У людей разная работа, они живут в разных странах... Много различий.

Ли покрылся испариной; он был явно чем-то озабочен и

чувствовал себя неловко. Ян устало покачивал головой и гадал, к чему бы все это.

— А преступники там тоже есть? — спросил Ли.

Ян мгновенно насторожился, сонливость как рукой сняло.

Осторожно, подумал он. Надо быть очень осторожным, не сказать лишнего, не выдать себя.

— Наверно, должны быть и преступники, ведь полиция для чего-то существует... А почему это тебя заинтересовало?

— А ты когда-нибудь встречал преступников? Или вообще людей, нарушивших закон?

Сохранить спокойствие Ян не сумел. Слишком он устал, слишком обнажены были нервы.

— Ты что, легавый? Служишь здесь, что ли?

Ли поднял брови, но выражение его лица не изменилось.

— Я? Конечно, нет. С какой стати я стал бы сообщать чужой полиции о делах на Халвмерке?

«Ты выдал себя, мой мальчик!» — подумал Ян. Когда он заговорил снова, он был так же спокоен, как Ли:

— Ну а если ты не легавый — откуда же ты знаешь это слово? Это земной сленг, ругательство, его не любят. Оно оскорбляет власти. Я никогда не встречал его ни в одной телепередаче, ни в одной книге, какие разрешены на вашей планете.

Ли стало совсем неуютно; он медленно ломал руки, забыв о своем чае. Заговорить ему было трудно, но, когда он все-таки начал, — слова полились потоком:

— Конечно, ты можешь так сказать, ты все это знаешь. Ты знаешь, как выглядит Земля и другие места... А я давно уже хотел поговорить с тобой, но боялся тебя обидеть. Ты сам ничего не говорил, у тебя, наверно, есть причины, потому я и пришел сейчас. Пожалуйста, выслушай меня, не прогоняй, я не хочу тебя оскорбить, поверь. Но вот ты здесь — ты здесь все эти годы, — быть может, это значит, что тебе нельзя улететь. Но я знаю, что ты честный и вообще хороший человек, а улететь не можешь. Почему? Я не думаю, что ты легавый, ты бы не стал этого делать. Но раз ты не легавый — значит, ты преступник... Нет, наоборот, ты... Ну, быть может...

Он сбился и умолк; разговаривать о таких вещах здесь было не легче, чем на Земле.

— Так ты полагаешь, что если даже я не преступник, то все равно попал на эту планету по каким-то причинам, так? — Ли

быстро кивнул. — А почему я должен с тобой об этом разговаривать? Это тебя совершенно не касается.

— Я знаю, — с отчаянием сказал Ли. — Извини, мне не надо было спрашивать. Но это для меня очень важно!

— Для меня тоже. Заговорив с тобой, я могу здорово себе навредить. И тебе тоже, кстати. То, что я тебе скажу, должно остаться между нами...

— Обещаю!

— Тогда слушай. Да, я на самом деле поссорился с властями. И то, что я здесь, — своего рода наказание. Меня сослали. И жить, как сейчас, я буду только до тех пор, пока снова чего-нибудь не натворю. Например — пока не скажу тебе того, что сказал.

— Я не хотел спрашивать — но мне надо знать. Я должен тебе рассказать кое-что. Это риск, но чувствую, что попытаться стоит. Я должен сказать тебе — или все бросить, а этого мне не пережить. — Ли выпрямился и поднял голову, словно ожидая удара. — Я нарушил закон.

— Ну что ж, молодец. Ты, наверно, единственный на этой планете, у кого хватило характера на такое признание.

Ли приоткрыл рот.

— И это тебя нисколечко не волнует?

— Ни в малейшей степени. Я даже восхищаюсь тобой. Но что же ты натворил?

Ли расстегнул карман куртки и достал что-то маленькое и черное. Потом протянул Яну плоский и прямоугольный предмет с рядом крошечных кнопочек сбоку.

— Нажми вторую. — Ян нажал, и из коробочки полилась тихая музыка. — Я это сам сделал, но из казенных деталей. Их совсем немного, никто и не заметил бы. Вместо пленки цифровая память на молекулярном уровне, поэтому такая маленькая и получилась. Может записывать музыку, книги — что угодно. И ее должно хватить на тысячу часов.

— Это замечательно, и я тут никакого преступления не вижу. Наверно, все механики частенько использовали детали для собственных нужд, со времен создания самой первой машины. Материалов ты потратил так мало, что на это никто и внимания не обратит, а конструкция твоя меня просто восхищает. Вряд ли это можно назвать нарушением закона.

— Это еще не все.

Ли поднял с пола ящик и поставил на стол. Он был сделан

из листов светлого сплава, согнутых на станке и скрепленных крошечными заклепками. Видно было, что мастер работал с любовью. Ли набрал комбинацию цифр и, открыв ящик, повернул его к Яну. В ящике ровными рядами лежали магнитные кассеты.

— Это все от людей, прилетавших на кораблях, — сказал Ли. — Я их выменял на свои рекордеры. Они всем очень нравятся, и я их делаю все больше и больше. Есть один человек, который снабжает меня всем необходимым. Наверно, это незаконно?

Ян откинулся назад и кивнул:

— Это на самом деле незаконно. Ты даже не знаешь, сколько законов нарушил. Никому об этом не говори, а если спросят меня — я ничего не слышал. Мгновенная смерть — самое легкое, что с тобой случится, если тебя разоблачат.

— Неужели? — Ли напрягся и побледнел еще сильнее.

— Да, дорогой. Зачем ты все это мне рассказал?

— У меня была идея — но теперь это неважно. — Он встал и взял свой ящик. — Я, наверно, лучше пойду.

— Подожди. — Ян уже понял, зачем пришел радиотехник. — Ты боишься потерять кассеты, верно? Если их оставить, то жара их погубит. А старейшины проверяют весь личный багаж, как никогда прежде, и им захочется узнать, что у тебя в ящике. И ты хочешь, чтобы я тебе помог. Верно?

Ли не ответил. Все и так было яснее ясного.

— Ты собирался просить меня, чтобы я спрятал их в моем оборудовании? Чтобы жизнью рисковал ради твоих паршивых кассет?

— Я же не знал!

— Догадываюсь, что не знал. Вот что, сядь-ка, а то ты мне на нервы действуешь. Выплесни чай в раковину, я тебе налью кое-чего получше. Такого же незаконного, как твои кассеты, разве что наказания разные получаются.

Ян отпер ключом дверцу шкафа и вытащил пластмассовую бутыль, полную мертвенно-прозрачной жидкости. Налил два высоких стакана и один из них пододвинул Ли.

— Выпей. Тебе понравится.

Он поднял свой стакан и выпил половину. Ли подозрительно понюхал, пожал плечами и отхлебнул большой глоток. Глаза у него полезли на лоб, но он сумел проглотить, не закашлявшись.

— Это... Я такого никогда не пробовал. Ты уверен, что это можно пить?

— Более чем. Ты видал яблочки, что у меня за цехом растут? Маленькие такие, с твой палец. Они очень сладкие, и сок отлично сбраживается, если правильно дрожжи положить. Я делаю яблочное винцо, где-то процентов на двенадцать алкоголя. А потом сую его в морозильник и выкидываю лед.

— Здорово придумал.

— Должен сознаться, что идея не оригинальна.

— Но это же такой простой способ концентрировать спирт! А знаешь — я попробовал, и мне нравится.

— Это тоже не оригинально. Давай-ка я тебе долью. А потом ты мне покажешь что-нибудь из твоих записей.

Ли нахмурился:

— А как же смертная казнь?

— Ну, будем считать, что мои первые страхи рассеялись. Это был своего рода рефлекс. А корабли опаздывают, может, и вовсе не придут — так с какой стати меня должны пугать земные кары, когда Земля так далеко отсюда? — Он порылся в кассетах, выборочно читая названия. — Совершенно безобидные вещи. Конечно, по меркам этой планеты есть кое-что жареное, но никакой политики.

— Что такое политика?

Ян снова наполнил стаканы и заглянул в свой.

— Эх ты, провинциал. Деревенщина. Ты даже не знаешь, что значит это слово. Ты когда-нибудь слышал, чтобы я рассказывал о Земле?

— Нет. Но я никогда об этом не задумывался. А о Земле мы знаем. Из фильмов и...

— Здесь, на Халвмерке, вы ничего не знаете. Эта планета — тупик на самом краю цивилизации, концлагерь, где ничего не происходит и некуда идти. Заселили ее, наверно, принудительно, скорее всего политзаключенными. Где-нибудь должны храниться документы на этот счет, но теперь это уже неважно. Сельскохозяйственная машина, оборудованная бессловесными фермерами и задуманная для продовольственного снабжения других миров, при минимальных издержках и максимальных прибылях, — вот что такое ваш Халвмерк. А Земля... Там все по-другому. Наверху элита, внизу пролы, а между ними каждый сидит на своем месте, словно гвоздь, забитый в доску, — не шевельнешься... Никому это не нравится, кроме

тех, кто на самом верху, — но у тех власть и сила, и так оно и идет, без конца. Это капкан. Трясина. И выхода нет, никакого. Я попал сюда, потому что выбора не было: эта планета — или смерть. А больше я тебе ничего не скажу. Так что оставляй свои записи. Я их тебе сохраню. И на кой черт нам беспокоиться из-за каких-то дурацких кассет? — Он с неожиданной яростью грохнул стаканом по столу. — Слушай, что-то там происходит, а я не знаю что. Корабли всегда приходили вовремя, а на этот раз не пришли. И могут вообще не прийти. Но если придут — у нас есть зерно, оно им будет нужно...

Усталость и алкоголь сморили его. Он проглотил то, что оставалось на донышке, и махнул рукой в сторону двери. Прежде чем открыть ее, Ли обернулся:

— Ты ничего мне не говорил, верно?

— Верно. И никогда не видел этих проклятых кассет. Доброй ночи.

Ян знал, что миновало целых три часа; но казалось — и секунды не прошло с тех пор, как голова коснулась подушки, — и вот уже свет и звонок выдирают его из сна. Он с трудом протер слипшиеся веки, ощущая мерзкий вкус во рту. А день будет очень длинный. Пока заваривался чай, он вытряхнул из пузырька две тонизирующие таблетки, посмотрел на них — и добавил еще одну. Очень длинный будет день.

Ян допивал чай, когда в дверь громко постучали. Не успел он встать, как дверь распахнулась. Один из Тэкенгов — Ян забыл, как его зовут, — просунул голову внутрь:

— Все зерно загрузили. Кроме этого вагона. Как ты велел.

Лицо его было грязным, потным, и выглядел он уставшим не меньше Яна.

— Хорошо. Дайте мне десять минут. Можете начинать резать крышу.

Нелегальные записи Ли заперты и опечатаны вместе с инструментом; одежда и личные вещи, которые могут понадобиться в дороге, лежат в сумке... Ян помыл посуду и стал убирать ее в шкаф — на потолке появилась красная светящаяся точка. Точка превратилась в линию и начала описывать окружность по металлу потолка. Ян вытолкнул в дверь кровать, стол и стулья; а круг тем временем замкнулся, и металлический диск со звоном упал вниз, пробив пластиковый пол. Ян перекинул сумку через плечо и вышел, заперев за собой дверь.

Его вагон-мастерская был последним. Казалось, что все работают разом. От ближайшего хранилища вверх по стенке вагона змеился толстый шланг. Человек на крыше крикнул, махнул рукой — шланг зашевелился, наполнившись потоком зерна... В первый момент приемщик не смог его удержать, и Яна осыпало золотым дождем; потом тот налег на шланг всем телом, и зерно полилось в вагон через прорезанное отверстие. Ян снял с плеча огромное зерно, длиной со средний палец, сморщенное от обезвоживания в вакууме. Чудо-продовольствие, выведенное в лаборатории, насыщенное белками, углеводами и витаминами. Из него можно сделать питание для новорожденных, испечь хлеб для взрослых и сварить кашу для стариков, — и каждый получит все, что необходимо ему в его возрасте. Совершенное продовольствие. Для рабов. Ян сунул зерно в рот и стал медленно жевать. Что твердое — так и должно быть; но ведь никакого вкуса у этого зерна, мерзко.

Заскрипел металл — это угловые домкраты подняли вагон над бетонным фундаментом. Люди уже суетились в черной яме под ним и громко чертыхались, спотыкаясь в темноте, когда опускали и устанавливали колеса. Все происходило одновременно. Рабочие еще выбирались из ямы, когда подъехал задним ходом танк-буксировщик. Пока вагон прицепляли к танку, грузчики закончили свои дела на крыше, и подача зерна прекратилась. Все действия были настолько скоординированы, что люди наверху еще закрывали пластиком только что прорезанные люки — а вагон уже тронулся с места. Те прокатились немного с протестующим криком — и спрыгнули вниз. Вагон медленно затащили на рампу и остановили, включив тормоза. *Слесари-механики полезли под вагон проверять шины*, которые четыре года никто не осматривал.

Поезда составили, пока Ян спал. Это был его третий переезд, но впечатление оставалось таким же сильным, как в первый раз. Для коренных жителей Халвмерка это было делом обычным, но и они радовались перемене в своей монотонной жизни. Ян радовался еще больше; наверно, потому, что привык к новизне и разнообразию во время путешествий на Земле. Здесь великим облегчением была любая возможность избавиться от каждодневной рутины, любая перемена. Теперь же — когда так резко изменилась вся окружающая обстановка, к которой он успел привыкнуть, с тех пор как они прибыли сюда, — перемены были разительны. Несколько дней назад здесь был оживленный город, окруженный полями, ухо-

дившими за горизонт. Сейчас все поменялось. На улицах не осталось ни одной машины: все они были заперты в массивных зернохранилищах. Да и самих улиц не осталось. Надувные купола общественных зданий сняты и убраны. А остальные дома — передвижные — совершенно изменили свой облик! Они стояли теперь не на земле, а на мощных колесах, выстроившись в длинные ряды вместе с фермерскими домами, которые подкатили сюда же. Там, где раньше был город, остались только фундаменты, словно город снесло каким-то немыслимым шквалом.

На широкой центральной улице стояли две колонны поездов. Все дома, такие разные в бытность жилыми постройками или магазинами — с навесами и лестницами, с клумбами и палисадниками, — теперь оказались одной формы и одного размера. Теперь это были вагоны громадного поезда, сцепленные друг с другом и совершенно одинаковые. В каждом поезде двенадцать вагонов, перед каждым поездом локомотив-тягач.

Тягачи были совершенно потрясающие. Громадные. Яну до сих пор трудно было поверить, что электростанция таких размеров способна двигаться. За исключением того времени, когда их использовали на Дороге, машины на самом деле работали в качестве электростанций. Поднятые домкратами в стационарное положение, они вырабатывали с помощью атомных реакторов всю электроэнергию, необходимую городу и фермам, — и терпеливо ждали обратного превращения в локомотивы.

Громадные. Вдесятеро больше любого грузовика, виданного Яном на Земле. Проходя мимо, он хлопнул ладонью по шине тягача. Жесткая, твердая шина; колесо такое высокое, что он не смог бы дотянуться до верха. Крепежные гайки размером с большую тарелку. Два рулевых колеса спереди, четыре ведущих сзади. Позади передних колес лесенка в водительский отсек. Пятнадцать ступенек вверх, вдоль сверкающей позолоченной поверхности прочно проклепанного металла. Спереди батарея прожекторов, ярких настолько, что могли мгновенно ослепить человека, будь он настолько глуп, чтобы на них смотреть. В вышине поблескивало стекло водительского отсека. А на самом верху — снизу не видно — рядами расположены ребристые трубы охлаждения атомного реактора, мощности которого достаточно, чтобы осветить небольшой город. Ян не смог удержаться и, проходя мимо, погладил

отшлифованный металл. Вести такую машину — это непросто.

Его ждал Иван Семенов.

— Поведешь головной тягач?

— Это твоя работа, Иван. Самое ответственное дело. В этом кресле должен сидеть начальник поездов.

Улыбка у Ивана вышла слегка кисловатой.

— Как бы мы друг друга ни называли, Ян, по-моему, оба мы знаем, кто начальник поездов в нынешнем переходе. Об этом все говорят. Теперь, когда дело сделано, люди считают, что ты был прав. И все знают, кто здесь руководит на самом деле. У Хайна друзей немного. Он лежит в постели, почесывает свой гипс и ни с кем не хочет разговаривать. Народ ходит мимо его вагона и смеется.

— Мне очень жаль, что пришлось его покалечить. Но я и сейчас уверен, что другого выхода не было.

— Может, ты и прав. Но, во всяком случае, все знают, кто теперь руководит. Так что бери головной тягач.

Он развернулся и пошел прочь; Ян ничего не успел ответить.

Головной тягач!.. Взять на себя такую ответственность Ян был готов. Но, кроме ответственности, он чувствовал и радостное возбуждение. Ему предстояло не только самому повести одно из этих чудовищ — но и пойти впереди всех!.. Ян невольно улыбался, все быстрее и быстрее шагая к голове состава. К головному тягачу.

Толстая дверь моторного отсека была открыта, и Ян увидел инженера-бортмеханика, колдовавшего над системой смазки. Ян бросил ему свою сумку — «Возьми-ка прибери куда-нибудь» — и, не дожидаясь ответа, начал подниматься по лесенке. Слева лежала пустынная Дорога в окружении убранных полей, и чем выше он поднимался — тем дальше и дальше уходила она к отступавшему горизонту. Позади растянулись две колонны поездов, готовые к походу. Он подтянулся на поручнях и прыгнул через проем люка в водительский отсек. Второй водитель — штурман — сидел в своем кресле, перелистывая контрольные листы. В соседнем отсеке, среди многоярусных шкафов с радиоаппаратурой, располагался инженер-связист.

Спереди — широченное окно из армированного стекла, а над ним ряд телеэкранов. Под лобовым стеклом длинные ря-

ды приборов, сообщавших информацию о самом тягаче, о поезде, который он ведет, и обо всех остальных поездах, идущих следом.

Напротив приборной панели — единственное пустое кресло, стальное, с подушками на сиденье, спинке и подголовнике. Перед ним — руль и рычаги управления. Ян медленно опустился в это кресло, ощутив всем телом его упругую прочность; поставил ноги на педали, потянулся вперед и положил руки на прохладное рулевое колесо.

— Начинаем проверку, — сказал он. — Готовимся к старту.

Глава 5

Бесконечно тянулись долгие, изнурительные часы. Хотя поезда были составлены и казались готовыми к отправлению, остались еще сотни мелочей, которые надо было доделать, прежде чем можно будет подать стартовый сигнал. Ян охрип и замучился, крича по радио, потом наконец затолкал шлемофон обратно в гнездо и сам пошел смотреть на недоделки. В специальной нише на задней стенке тягача был закреплен мотоцикл с арочными шинами. Ян отстегнул его, отсоединил кабель зарядки — и обнаружил, что шины пустые. Кто-то должен был это проверить, но не проверил. Пока бортмеханик Эйно завел компрессор, прошло еще какое-то время, опять задержка. Усевшись в конце концов на мотоцикл, Ян рванул рукоятку реостата и улыбнулся, услышав, как взвизгнули шины, бросая его вперед.

Как начальник технической службы Ян отвечал за ремонт всей техники и за ее готовность к этому дню, но он был физически не в состоянии сделать все сам. Приходилось полагаться на то, что другие будут выполнять его распоряжения; однако эти распоряжения выполнялись далеко не всегда. Например, контактные муфты, соединяющие толстые кабели между вагонами, все четыре года должны были сохраняться под водонепроницаемыми заглушками. Теперь оказалось, что во многих местах заглушек просто не было и контакты окислились настолько, что потеряли проводимость и половина электрических цепей не работала. Полазив под вагонами, Ян приказал рассоединить все контактные муфты поездов и зачистить контакты пескоструйными аппаратами вручную. Это задержало отправление еще на целый час.

Возникли проблемы и с управлением вагонами. Передние колеса каждого вагона поворачивались электромоторами через понижающий редуктор. Эти моторы управлялись компьютером тягача таким образом, что все вагоны шли в точности по следу тягача, словно по рельсам. В теории это было прекрасно, но на практике — при изношенных щетках электромоторов и заклинивающихся редукторах — получалось плохо. Время уходило.

Кроме того, обнаружилась и масса личных трудностей, потому что всем было тесно в ограниченном жизненном пространстве. Ян вполуха выслушивал жалобы, кивал — и отсылал всех к главам семей. Пусть они хоть раз в жизни отработают свое жалованье. Он вникал в каждую проблему, следил, чтобы за дело взялись, и проверял, все ли доделано. Самое последнее — пропал ребенок. Его он нашел сам, заметив, как колышется кукуруза на соседнем неубранном поле. Ян заехал туда на мотоцикле, посадил малыша перед собой и отдал его — счастливого — плачущей матери.

Усталый, но удовлетворенный, он ехал обратно между колоннами поездов. Ехал медленно. Все двери были уже закрыты, и людей не было видно — только несколько любопытных выглядывали из окон. Отдав бортмеханику Эйно мотоцикл, Ян поднялся в водительский отсек.

— Предстартовый контроль закончен, — доложил штурман. Отакар был надежен, как сам тягач. — Ходовая мощность полная, все системы в порядке.

— Отлично. Запроси готовность остальных.

Ян щелкал тумблерами, просматривая контрольный лист водителя, и слушал в шлемофоне рапорта поездов. С тринадцатым вышла задержка — красный свет в цепи аварийной остановки, — но оказалось, что причина в самом приборе, и неполадку быстро устранили, без особого труда. Один за другим поезда докладывали о готовности.

— Поезда готовы, водители тоже, — сказал Отакар.

— Отлично. Связь, включи меня на всех водителей.

— Есть связь, — доложил Гизо, инженер-связист.

— Всем водителям...

Произнося эти слова, Ян ощутил чувство, ни с чем не сравнимое. Никогда раньше он не испытывал ничего подобного. Восхождение в горы, гонка под парусами или близость с женщиной — все это давало минуты величайшего наслаждения,

минуты эмоций столь же прекрасных, сколь и невыразимых словами. Но только наркотики приносили прежде нечто похожее на нынешнее ощущение всемогущества. Он давно уже перестал баловаться наркотиками: это было слишком мелко, каждый мог купить их и испытать то же самое. Но нынешнее могущество принадлежало только ему, он был один. Он один управлял всем. На самой вершине. Такой власти у него никогда не было ни здесь, ни на Земле. Ему и прежде приходилось отвечать за многое, но никогда еще не было такой ответственности, как сейчас. Он впереди всех, самый первый, и все население целой планеты ждет его решений.

Он отвечает за все и за всех.

Могучая машина под ним чуть слышно гудела: двигатель пока не работал. Мощная сцепка и жгуты кабелей соединяли тягач с вагонами позади... А дальше еще тягачи, еще поезда; а в них обитатели планеты со всем своим скарбом... Теперь не только его механики, но и все здесь ждали его приказа... У него вдруг вспотели ладони, и он вытер их о жесткую баранку руля — а через секунду овладел собой.

— Всем водителям. — Голос Яна был спокоен и деловит, как всегда. Все чувства он загнал внутрь. — Начинаем движение. На дистанционных радарах — один километр. Отклонение свыше ста метров запрещается. Максимум тысяча сто, минимум девятьсот метров. Если тягач подойдет к идущему впереди поезду ближе чем на девятьсот метров, хотя бы восемьсот девяносто девять — по какой бы причине это ни произошло, — водитель будет снят. Никаких исключений. При начале движения ускорение минимальное. Следить за датчиками нагрузки на сцепке. Мы везем вес, вдвое больший обычного, — можем повыдергивать сцепку, как гнилые зубы. Сейчас мы применим новый маневр и будем использовать его при каждом отправлении. Штурманам записать это в контрольные листы. Первое — растормозить все вагоны. Второе — затормозить последний вагон. Третье — включить задний ход. Четвертое — пять секунд заднего хода на минимальной скорости.

Этому трюку Ян научился еще на студенческой практике, когда обслуживал подземные грузовые монорельсы. Движение назад выбирает все люфты в соединениях сцепки. Когда поезд трогается вперед — он приходит в движение не целиком, а по частям, вагон за вагоном, по мере того как сцепка

снова вытягивается. При этом инерция не затрудняет, а облегчает начало движения, поскольку уже движущиеся вагоны помогают локомотиву разгонять те, которые еще стоят.

Ян включил реверс на задний ход, а рычаг коробки передач поставил на малую скорость. Все тормоза в поезде были выключены; только на приборах двенадцатого вагона горела красная лампочка. Ян нажал педаль дросселя и почувствовал, как закрутились шестерни трансмиссии: тяжелая дрожь проникла сквозь металлический пол. В указателях натяжения сцепки все стрелки упали на ноль, потом метнулись в другую сторону. На двенадцатой панели мигнуло «Юз», и Ян убрал ток, как раз на пятой секунде по таймеру.

— Приготовиться к движению. — Ян потянул рычаг коробки передач на «нижний диапазон». — Второй колонне оставаться на месте, пока не пройдет последний поезд первой колонны. Потом двигаться следом. Управление вручную, до особой команды. Первая остановка в девятнадцать часов. Последняя в Южгороде. Там встретимся. Поехали!

Ян медленно нажал педаль акселератора, двигатель начал набирать обороты. Включилась гидравлическая муфта, передавая вращающий момент на ведущие колеса. Колеса тронулись с места, тягач двинулся вперед, увлекая за собой вагоны, — и вот уже весь гигантский поезд медленно покатился за ним. Слева от Яна скользнул назад и исчез из виду головной тягач второй колонны; теперь перед ним осталась только пустынная, бесконечная лента Дороги. Через телекамеру заднего обзора, установленную на крыше, был виден поезд, плавно катившийся следом. Соседний экран, соединенный с такой же камерой на последнем вагоне, показывал второй тягач, оставшийся позади. Все стрелки указателей натяжения были на зеленом. Обороты мотора и скорость движения вышли на максимум нижнего диапазона, Ян переключился на средний.

— Всюду зелень, — сказал Отакар.

Он следил со своего места за всеми остальными приборами. Ян кивнул и повернул руль влево, потом снова выровнял, чтобы удержать поворот. Управление на тягачах не такое, как на меньших машинах. Здесь смещение рулевого колеса включает сервомоторы поворота, а возврат его на место удерживает их в заданном положении. Довернув чуть вправо, Ян выровнял машину и повел ее точно посередине Дороги, над направляющим кабелем, заложенным под каменную поверхность.

Все вагоны поезда в свою очередь сделали точно такие же повороты, на тех же самых точках, что и тягач, словно прошли по стрелкам монорельса.

Ян держал скорость около предела среднего диапазона, пока все поезда не двинулись следом, растянувшись через километровые интервалы. К тому времени как тронулся последний поезд, не только город, но и все поля исчезли из виду позади. Только тогда он переключился на верхний, крейсерский диапазон скоростей. Внизу гудели шины, навстречу неслась Дорога, а по обе стороны уплывала назад монотонная песчаная пустыня. Автопилот Ян пока не включал. Сам держал руль, сам направлял свой поезд — и все остальные — на юг, на другой материк, в Южгород. А до него еще двадцать семь тысяч километров.

На этом участке пустыни было очень мало приметных ориентиров. Один из них пятнышком появился на горизонте и начал медленно расти по мере их приближения. Черный каменный шпиль: палец, торчавший в небо. Он вздымался над скальным массивом, который огибала Дорога. Миновав его, Ян велел, чтобы ему включили общую связь на всех водителей.

— Скоро слева будет Каменная Игла. Заметьте. Как только проедете мимо — можно включать автоматику.

Он включил автопилот, задав ему максимальную и минимальную скорость, максимальное и минимальное ускорение и торможение. Сетка на экране автопилота показывала, что тягач идет точно по направляющему кабелю. Ян нажал клавишу «ВКЛ» и откинулся в кресле, только теперь почувствовав, что одеревенел от напряжения. Он стал растирать пальцы.

— Хорошо пошли, — сказал Отакар, по-прежнему следя за приборами. — Значит, и вся дорога должна быть удачной.

— Будем надеяться, что ты не ошибся... Возьми управление, я разомнусь маленько.

Ян поднялся. Отакар кивнул и скользнул в водительское кресло. Ян потянулся — казалось, что мышцы трещат. Он прошел к заднему отсеку и заглянул через плечо радиста.

— Гизо, мне нужно...

— Красный! — крикнул Отакар.

Ян бросился к приборной панели и нагнулся над Отакаром. Среди рядов зеленых лампочек светилась красная. Потом появилась еще одна, еще...

— Тормозные барабаны греются на седьмом и восьмом. С чего бы это, черт побери? Ведь тормоза все выключены, — сердито бормотал про себя Ян. До сих пор все шло слишком хорошо. Он протянул руку и нажал клавишу цифровой информации. На экране появились данные. — Больше двадцати градусов лишку на обоих вагонах, и еще поднимается!..

Он быстро думал. Остановиться и искать причину? Нет. Придется останавливать всю колонну, а потом разгонять поезда снова — это не годится. До предгорья еще не меньше трехсот километров по пустыне, а здесь тормоза вообще не нужны.

— Отключи тормозные цепи на этих вагонах. Посмотрим, что получится.

Отакар нажал выключатели, не дожидаясь, пока Ян договорит. Теперь тормоза на этих вагонах вообще работать не будут, колодки должны разойтись в крайнее выключенное положение. Так и вышло. Температура тормозных барабанов поползла вниз, красные лампочки одна за другой погасли.

— Держи управление, — сказал Ян. — Я попробую разобраться, что там за чертовщина. — Он прошел назад и откинул крышку люка, ведущего вниз, в машинное отделение. — Эйно, — крикнул он в отверстие, — дай мне наверх чертежи и описания вагонных тормозных систем! У нас тут проблемы возникли.

С тормозными системами Ян работал, как и со всеми механизмами, но ему ни разу не доводилось разбирать их и ремонтировать. Как и все остальное на Халвмерке, они были сконструированы с расчетом на то, что будут работать вечно. Или почти вечно. Прочность конструкций насущно необходима на планете, удаленной от базы снабжения на световые годы. Все детали отличались простотой и надежностью. Смазка автоматическая. Сконструировано все было так, чтобы при нормальной эксплуатации могло работать безотказно; и действительно, отказов почти не бывало.

— Тебе это нужно?

Эйно высунул голову из люка, словно зверек из норки. В руках он держал чертежи и технические описания.

— Раскатай на столе, посмотрим, — попросил Ян.

Чертежи были подробны и точны. На вагонах установлены две тормозные системы, раздельные и принципиально разные. Нормальное торможение включается и выключается электроникой компьютера. Когда водитель нажимает тормозную педаль, одновременно включаются все тормоза на всех

вагонах с тем же усилием, что и на тягаче. Сами тормоза гидравлические; давление идет от резервуара, наполняемого насосом с приводом от оси вагона. В нормальном, расторможенном состоянии колодки удерживаются сильными пружинами. При необходимости электроника открывает клапаны, и жидкость под давлением поступает в тормозные цилиндры. Это система «альфа», нормального торможения. «Бета» — система аварийного торможения — существует только для случаев чрезвычайных. Здесь совершенно отдельные тормоза зажимаются пружинами, пока не окажутся включены особые электрические цепи. Едва это произойдет — мощные электромагниты растягивают тормозные колодки. Но любой разрыв в электрических цепях — такой, как случайное расцепление вагонов, — отключает электромагниты, освобождает пружины и автоматически включает аварийное торможение.

— Ян, два других поезда просят совета, — сказал Гизо. — Похоже, у них то же самое. Тормоза греются.

— Скажи им, пусть сделают то же, что и мы. Пусть обесточат альфа-системы. Я с ними свяжусь, как только разберусь в чем дело. — Он водил по чертежу пальцем. — Это должна быть альфа-система. Аварийные или полностью выключены, или полностью включены, а это мы бы сразу заметили.

— Электроника или гидравлика?

— Я как-то чувствую, что электроника здесь ни при чем. Все эти цепи отслеживает компьютер. Если бы откуда-то появился случайный сигнал торможения, компьютер его не пропустил бы. А уж если бы не смог этот сигнал отрезать — во всяком случае, дал бы знать о нем. Давай проверим сначала гидравлику. Значит, так. Давление в тормозные цилиндры поступает отсюда. А сюда оно может попасть только тогда, когда клапан чуть-чуть приоткрыт...

— Или что-нибудь не дает ему закрыться полностью.

— Эйно, ты мои мысли читаешь. А не дает ему закрыться самая обыкновенная грязь. Вот этот фильтр надо промывать после каждого перехода. Работа противная, грязная, под вагонами лазить надо. В последний раз я это поручал некоему Децио. А работничек он был такой, что в конце концов я его прогнал обратно на ферму. Когда остановимся — вытащим один такой фильтр и глянем на него.

Эйно потер подбородок.

— Если дело в этом, то придется сливать все неисправные системы, чтобы снять и промыть клапаны.

— Не придется. Смотри, вот аварийные клапаны, они запирают гидросистему — здесь и здесь, — если труба порвется. А в запасе есть лишние контрольные клапаны. Вот мы что сделаем. Первые снимаем — меняем на новые. Пока работаем с ними, старые промываем. Потом следующие снимаем, промытые старые ставим — ну и так далее, по всем неисправным системам. Но это не к спеху. Сегодня у нас крутых спусков не будет; мы просто оставим эти несколько вагонов без тормозов, вот и все.

— Ян, — позвал второй водитель. — Горы показались, скоро туннель. Ты не хочешь взять управление?

— Верно, Эйно, очки оставь здесь, а сам иди к себе в машинное. Скоро полезем на подъем.

Ян снова сел в водительское кресло. Впереди виднелись острые вершины гор, простиравшихся влево и вправо, насколько хватал глаз. Этот хребет превращал континент в пустыню, задерживая все дожди на дальних склонах, обращенных к океану. На той стороне они снова встретятся с погодой.

Начались предгорья. Дорога пошла вверх. Ян оставил автопилоту только рулевое управление, все остальное отключил. Когда склон стал круче, он переключился на средний диапазон скоростей. Дорога поднималась все выше и выше, туда, где наверху чернела пасть туннеля. Ян включил микрофон:

— Всем водителям! Через несколько минут — туннель. Фары заранее, на подъезде.

Сказав это, он включил прожектора. Дорога впереди словно подпрыгнула, залитая резким светом.

Инженеры, строившие Дорогу сотни лет назад, имели в своем распоряжении энергию, практически не ограниченную. Они могли поднимать острова из океана — или опускать их под воду, — стесывать горы и плавить камень. Для них простейший способ преодолеть горный хребет состоял в том, чтобы просверлить его насквозь. И они явно гордились этим, потому что единственное украшение Дороги, единственный нефункциональный элемент был расположен именно здесь, над въездом в туннель. Теперь, когда темное устье туннеля становилось все ближе, Ян увидел это украшение. Щит стометровой высоты. Перед самым въездом в туннель Дорога выпрямлялась — и в свете прожекторов ярко сиял этот щит; с эмблемой, древней, наверно, как само человечество: рука с коротким тяжелым молотком. Она была видна очень четко и становилась

все больше и больше — пока не исчезла над головой. А они оказались в туннеле.

Быстро проносились назад голые серые стены из грубого камня. В туннеле не за что было зацепиться взглядом, кроме редких ручьев, пересекавших Дорогу. Ян только следил за тахометром и спидометром, а вел машину автопилот. Прошло почти полчаса, прежде чем впереди показалось крошечное светлое пятнышко. Пятнышко выросло в диск, потом стало огромным пылающим выходом из туннеля.

Они продвинулись на юг так далеко и поднялись в горы так высоко, что въехали прямо в зарю.

Могучая машина вырвалась из туннеля в палящий солнечный свет. Под воздействием жесткого ультрафиолета лобовое стекло автоматически потемнело, а при взгляде на солнце было совершенно непрозрачным. Бета Возничего была голубой и нестерпимо жаркой даже на этой северной широте. Вдруг небо заволокло тучами, и почти в ту же секунду обрушился страшный ливень. Ян включил щетки стеклоочистителя и носовой радар. Дорога впереди была свободна. А ливень кончился так же внезапно, как и начался. Дорога, изгибаясь, начала спускаться к равнине, и Ян увидел сочную зелень джунглей и синеву океана.

— Красотища-то какая! — воскликнул он, не замечая, что говорит вслух.

— От этой красотищи одни неприятности, — возразил Отакар. — Я бы предпочел без нее, как по ту сторону гор.

— Послушай, ты же просто машина бездушная! Неужели эти монотонные сумерки никогда тебя не угнетают?

— Нет.

— На связи передовой отряд! — крикнул Гизо. — Они там застряли.

Отакар мрачно кивнул:

— Я ж тебе говорил — одни неприятности.

Глава 6

— Что случилось? — спросил Ян в микрофон.

— Это Лайош. До сих пор все шло нормально. Но года два назад тут произошло землетрясение. Метров сто Дороги исчезло.

— Засыпать сможете?

— Ни в коем случае. Даже дна не видать.

— А обойти?

— Как раз это мы и пытаемся сделать. Но надо новую дорогу резать по скалам. Самое малое — полдня уйдет.

Ян тихонько чертыхнулся про себя. Если так и дальше пойдет, переход окажется вовсе даже не легким.

— Где вы? — спросил он.

— Примерно в шести часах хода от туннеля.

— Мы подъедем. Продолжайте работать. Отбой.

Шесть часов. Значит, день будет покороче, чем планировали. Впрочем, так или иначе тормозами заняться надо. А стоит взяться за какой-нибудь ремонт — любой, — всегда натыкаешься на что-нибудь еще... Значит, приводим в порядок тормоза, строим объезд у разрушенного участка Дороги, а дальше гоним с утра. Пусть все хорошенько выспятся за ночь.

Дорога спустилась с горных склонов на прибрежную равнину, и окружающий ландшафт полностью изменился. Исчезли каменистые склоны, исчезли редкие кусты, чудом цеплявшиеся за скалы, — теперь вокруг были джунгли. Высокие, густые джунгли, полностью скрывшие океан и позволявшие увидеть лишь узкую полосу неба над головой. Джунгли явно пытались захватить Дорогу. По обе ее стороны лежали свидетельства тому — обгоревшие деревья. Их свалили танки-бульдозеры, ушедшие вперед. Здесь были и животные: в тени леса иногда мелькали темные тени. Как-то раз из джунглей появилась стая каких-то зеленых летучих тварей и медленно поплыла через Дорогу. Две из них разбились о лобовое стекло и медленно соскользнули вниз, оставляя за собой синие полосы крови. Ян обмыл стекло, нажав кнопку. Тягачом снова управлял автопилот, и делать было практически нечего; оставалось только смотреть на зеленый туннель Дороги, уходивший вдаль.

— Устал, Отакар?

— Не очень. За ночь отдохну.

— Но завтра будет длинный день, и таких дней нам предстоит пережить еще много. Даже если мы меняем друг друга за рулем, все равно трудно будет. Ведь просто поменяться местами — это не отдых. — У Яна появилась смутная мысль, и теперь он ее прорабатывал. — Знаешь, что нам нужно? Вторые водители. Подменные штурманы. На наш тягач и на все остальные. Так, чтобы один опытный все время был за рулем, — а другой мог бы хоть вздремнуть.

— Других-то водителей нет...

— Это я знаю. Но их можно подготовить, на ходу.

Отакар хмыкнул и покачал головой:

— Ничего не выйдет. Каждый, кто хоть немного знаком с техникой, уже при деле. Или — как твой бывший слесарь Децио — сидит на ферме. Там ему и место, крестьяне в водительском отсеке мне не нужны.

— Ты прав — но только наполовину. А что, если обучить нескольких женщин?

У Отакара так отвисла челюсть, что Ян улыбнулся.

— Но... Женщина не может быть водителем. Женщина есть женщина.

— Это только здесь, в вашем преддверии ада, дорогой мой. Даже на Земле на работу берут исключительно по конкурсу. И работник поднимается так высоко, как позволяют ему способности, независимо от пола. Это оправдано экономически, это разумно. Не вижу причин, почему то же самое нельзя проделать здесь. Надо найти способных девушек и обучить их.

— Градиль это не понравится. И остальным главам семей.

— Конечно, не понравится. Ну и что с того? Случай чрезвычайный, и меры тоже нужны чрезвычайные. — Когда Отакар упомянул Градиль, Ян подумал о более приятном имени из той же семьи. — Ты когда-нибудь видел, какие вышивки делает Эльжбета Махрова?

— У меня есть одна. Купил у семьи.

— Ты только подумай, какое нужно терпение, какая точность, внимание...

— Все качества хорошего водителя! — Теперь Отокар тоже улыбался. — Слушай, эта безумная идея может сработать. И уж, во всяком случае, нам повеселее станет.

— Я тоже «за», — раздался из динамика голос Гизо. Он слушал их разговор по внутренней связи. — Хочешь, я подготовлю несколько радистов?

— Конечно. Чуть попозже. А сейчас нам надо составить список знакомых женщин, которые могут оказаться способными к этому делу. Но никому ни слова. Я хочу застать старейшин врасплох, когда они подустанут и начнут нервничать.

Не успели они доехать до провала, как стемнело. Теперь снова двигались в гору. Справа вздымалась скальная стена, слева не было видно ничего, кроме черной пустоты. На экране носового радара появилось изображение — Ян убавил скорость. А заметив впереди отблеск металла, выключил дальний свет и скомандовал:

— Начинаем торможение.

Останавливая свой поезд, Ян знал, что позади вся длинная колонна, далеко растянувшаяся в ночи, тоже сбрасывает скорость. Когда все остановились, Отакар записал время в журнал и стал переводить машину в режим стоянки. Ян встал и потянулся. Он устал — но знал, что ночная работа только начинается.

— Девятьсот восемьдесят километров сегодня, — сказал Отакар, занося цифру в журнал.

— Прекрасно. — Ян помассировал затекшие ноги. — Значит, осталось всего двадцать шесть тысяч.

— Даже самый длинный рейс начинается с одного поворота колес, — провозгласил Эйно, вынырнув из люка машинного отделения.

— Слушай, оставь при себе свою народную мудрость. Отключи мотор, все системы переведи на стоянку — и топай снимать тормозной клапан с седьмого вагона. Пока ты там управишься, я принесу замену. Не забудь фильтр проверить.

Ян распахнул наружную дверь, и его обдало волной горячего влажного воздуха. Тягачи и вагоны охлаждались кондиционерами; он забыл, что они далеко продвинулись на юг. Не успел он спуститься по ступенькам, как почувствовал, что взмок. Скоро, выходя из поезда, придется надевать костюмы с охлаждением. Он прошел метров сто вперед, поближе к изрытому утесу, отмечавшему конец Дороги. Место работ было залито ярким светом, от скальной стены отражался рев и скрежет танков, которые то и дело заглушали выстрелы плазменных пушек. Огнедышащие жерла танковых орудий уже выгрызали нишу в отвесной каменной стене, в обход провала, поглотившего Дорогу. Теперь нишу углубляли и расширяли, чтобы обеспечить проход поездов. Ян не стал вмешиваться: они прекрасно управлялись и без него. А ему предстояло иметь дело со старейшинами.

Встречу назначили в головном вагоне семьи Тэкенгов, в самом большом помещении, какое можно было найти. Эта семья, самая консервативная и замкнутая, до сих пор хранила множество обычаев, привезенных с далекой Земли. По стенам висели шелковые полотнища с изображениями водоемов, птиц и других диковинных зверей или с какими-то фра-

зами, написанными алфавитом, которого никто из них не мог прочитать. Семейной традицией была и групповая общность: жилые вагоны у них не делились на множество клетушек, как у всех остальных. Всех обитателей вагона на время выставили оттуда, но они, похоже, ничего не имели против. Собрались на Дороге — и оживленно обсуждали, как работают впереди, как светят звезды над головой, как странно пахнет из джунглей снизу... Ребятишки носились вокруг; их взволнованно окликали, если те подходили слишком близко к краю пропасти... В темноте запищал младенец, потом зачмокал удовлетворенно, когда ему дали грудь... Ян протолкался через толпу и вошел в вагон.

Хотя собрание созвал он, начали без него. Это было очевидно. Хайн Риттершпах что-то говорил главам семей, но умолк, едва Ян вошел. Прежде чем отвернуться, он посмотрел на Яна с лютой ненавистью, держа гипсовую повязку, словно щит, перед собой. Яну достаточно было одного взгляда на каменные лица вокруг, чтобы понять, что затеял Хайн. Ну уж нет, этот номер у него не пройдет. Ян медленно пошел к свободному стулу и сел.

— Как только Риттершпах выйдет, можем начинать.

— Нет, — вмешался Чан Тэкенг. — У него серьезные обвинения, их надо выслушать. Он сказал...

— Меня не интересует, что он сказал. Если вы хотите собрать совет старейшин, чтобы выслушать его, — пожалуйста, когда вам угодно, хоть сегодня же. Но только после того, как покончим с делами. Я созвал это собрание как начальник поездов, нам надо обсудить очень важные темы.

— Ты не можешь меня выгнать! — закричал Хайн. — Как проктор-капитан я имею право присутствовать!

Ян вскочил и подошел к нему вплотную, глядя прямо в глаза.

— Сейчас ты имеешь только одно право — выйти отсюда. Это приказ.

— Мне ты приказывать не можешь! Ты на меня напал, я тебя обвиняю...

— Ты вытащил пистолет, Хайн, и я защищался. Тому есть свидетели. Обвинять меня будешь, когда мы придем в Южгород. А сейчас, если не угомонишься и будешь мне мешать, — я тебя немедленно арестую за угрозу безопасности поездов и посажу под замок. Иди!

Хайн шарил взглядом по вагону в надежде увидеть хоть ка-

кой-то признак поддержки. Чан открыл было рот — но ничего не сказал. Градиль сидела неподвижная и бесстрастная, как змея. В наступившей тишине никто не произнес ни слова. Хайн чертыхнулся невнятно и потопал к двери; потом ухватился левой рукой за поручень — и исчез в ночи.

— Правосудие свершится в Южгороде, — промолвила Градиль.

— Свершится, — ответил Ян таким же бесстрастным голосом. — После перехода. А теперь — есть ли какие-нибудь проблемы, о которых я должен знать?

— Есть жалобы, — сказал Иван Семенов.

— Их я выслушивать не намерен. Моральное состояние, питание, личные проблемы — это все ваше дело, вы старейшины. Меня касаются проблемы технические: воздух, электроэнергия, что-нибудь еще?

Он посмотрел в лицо каждому — никто не ответил. Надо было продолжать в том же духе: держать их в напряжении и не давать приспособиться к новому укладу.

— Хорошо. Я знал, что могу рассчитывать на вас. Что вы постараетесь облегчить жизнь технической бригаде. Но вы можете помочь и по-другому. Как вам известно, мы должны каждый день проезжать вдвое больше обычного. У водителей работы вдвое больше. Сегодня был первый день, усталость еще не проявилась. Но проявится. Если работы в два раза больше, то и усталости скоро будет в два раза больше. А это может привести к авариям, которые допустить нельзя. Единственный выход — немедленно, на ходу, подготовить новых штурманов, которые могли бы подменять водителей.

— А с какой стати ты нам все это рассказываешь? — ехидно спросил Чан. — Это же вопрос технический, а ты хвалишься, что в этих вопросах вон какой опытный!.. Полевых работ нет, свободных людей навалом — выбирай кого хочешь.

— Вы уж меня простите, но никому из ваших криворуких мужиков я свою технику не доверю. Даже близко не подпущу. Каждый мужчина, у кого есть хоть какие-нибудь технические навыки или способности, уже работает или учится.

— Если все они уже у тебя, зачем ты к нам пришел? — спросила Градиль.

— Я сказал «мужчины». Мои водители говорят, что знают многих женщин, обладающих как раз такими навыками и

рефлексами, которые нужны для этой работы. Их можно обучить...

— Ни за что! — взорвалась Градиль.

Глаза ее превратились в щелочки, спрятавшись среди паутины старческих морщин. Ян повернулся к ней — никогда еще он не видел ее так близко и вдруг впервые заметил, что ее шапка снежно-белых волос — на самом деле парик. Значит, она тщеславна!.. Быть может, когда-нибудь на этом можно будет сыграть...

— А почему? — спокойно спросил он.

— Почему? Ты еще спрашиваешь? Да потому, что место женщины дома! С детьми, с семьей! Только так всегда было, и так должно быть.

— Нет. Так всегда было, но быть не должно. И не будет. Корабли приходили всегда — но на сей раз не пришли. Они забирали зерно — теперь мы везем его на юг. Корабли привозили семена и снабжали нас всем необходимым. Теперь нет ни семян, ни снабжения. Все не так, как было раньше. Раньше женщины не работали с техникой, а теперь будут. Мой штурман сказал, что Эльжбета Махрова из твоей семьи делает замечательные вышивки. А для этого нужна точность координации, глазомер, внимательность... Он уверен, что женщину с такими задатками можно выучить на штурмана. Тогда он сможет подменять меня как водитель. Ты можешь прислать ее сюда сейчас же.

— Нет!

Опять стало тихо. Не слишком ли сильно он давит? Может быть. Но надо давить и давить, чтобы не дать им очухаться, — а самому оставаться спокойным, с ясной головой. Нельзя выпускать их из рук.

Молчание все тянулось, тянулось — и вдруг его нарушил Бруно Беккер:

— Ты назвал только одну... — Говорил он медленно и торжественно, в обычной своей манере. — А девушки в семье Беккер вышивают не хуже, чем Махровы. Некоторые, говорят, даже лучше. Как тонко работает Арма, невестка моя, — это все знают...

— Я тоже знаю. — Ян нарочно повернулся спиной к Градиль и, радостно улыбаясь, закивал Беккеру. — Она еще и умница к тому же. Минутку... А не ее ли брат водителем на девятом поезде? Вроде так. Я свяжусь с ним. Уж кто-кто — а родной брат сможет сказать, чего она стоит и получится ли из нее штурман.

— Арма?.. Да ее вышивка — это ж куриный помет на песке, — брезгливо процедила Градиль.

— Я уверен, что обе девушки вышивают прекрасно, — спокойно перебил ее Ян. — Но разговор не об этом. Разговор о том, можно ли выучить их на штурманов. Мне кажется, Отакар научит Эльжбету так же легко, как Арму научит ее брат.

— Это невозможно! Одна среди мужчин!..

— Как раз тут никаких проблем, хорошо что ты мне напомнила. Когда утром Эльжбета пойдет на тягач — позаботься, чтобы с нею была замужняя женщина. Ты заранее разрешила все возможные недоразумения, Градиль, спасибо тебе. А теперь давайте подготовим список женщин, которые могли бы подойти для такой работы.

Казалось, все пошло гладко. Главы семей предлагали имена, составляли свои списки, а Ян соглашался и записывал тех, кого они считали самыми подходящими. Только Градиль молчала. Ян рискнул посмотреть на нее. Лицо ее было бесстрастно, но все чувства выдавали глаза: бездна жгучей, пылающей злобы. Она прекрасно понимала, что он сейчас сделал, и оцепенела в своей ненависти. Если раньше она его не любила — то теперь ненавидела так, что и представить было трудно. Ян отвернулся и постарался не думать о ней. Он знал, что тут ничего не поделаешь. Абсолютно ничего.

Глава 7

— Работы еще на час, не меньше, — сказал Лайош Надь. — Надо еще чуть расширить, иначе тягачи не пролезут. И хочу проверить наружную кромку, дать статическую нагрузку, а то мне что-то не нравятся некоторые места.

Он не спал уже сутки и всю ночь проработал — и теперь был бледен, под глазами круги, черные как сажа.

— Сколько танков для этого нужно? — спросил Ян.

— Два. С самыми мощными пушками.

— Оставь их здесь, а остальные пошли дальше. Вы должны быть впереди.

— Понятное дело. Я их потом догоню, с этими.

— Ну уж нет! Посмотри, на кого ты похож. Танки пусть уходят, а ты ложись спать. Вся Дорога впереди, и мы еще

хлебнем горюшка, не сомневайся. Так что не спорь, а то опять назначу Хайна.

— Ладно, уговорил. До сих пор не замечал, а теперь чувствую — с ног валюсь.

Ян медленно пошел по новой Дороге к стоящим поездам. Посмотрел на резкую синеву неба и невольно зажмурился. Солнце еще за горами, но совсем скоро взойдет. Внизу, за обрезанной кромкой скалы, клубились облака, скрывая под собой джунгли. День обещал быть жарким... Ян вернулся к своему тягачу и увидел Эйно. Тот стоял, опершись на позолоченный металл, и посасывал погасшую трубку. Руки и даже лицо в грязи.

— Все готово, — встретил он Яна. — Почти всю ночь провозились, но дело того стоило. Я подремлю в машинном, ладно? Новые клапаны не ставили, нет нужды. Старые были забиты грязью. Промыли и воткнули обратно. Работают отлично. И фильтры поменяли, их там в камень зацементировало. Хотел бы я выпороть этого Децио. Он к ним ни разу не прикасался.

— Быть может, так мы и сделаем. После перехода.

Ян успел поспать несколько часов и теперь чувствовал себя отлично. И с удовольствием поднимался по лесенке в машинный отсек. Когда он добрался до верха, из-за гор вырвалось солнце — и так засверкало на металле, что даже с закрытыми глазами Ян видел вокруг себя золотое сияние. Почти ослепший, он пролез в люк и захлопнул его за собой. Внутри было сухо и прохладно.

— Температура коробки передач, температура покрышек, температура тормозных барабанов, температура подшипников...

Говорил не Отакар. Голос нежный — и знакомый... Подумать только, забыл!.. Эльжбета сидела в штурманском кресле, а Отакар стоял у нее за спиной и кивал, счастливо улыбаясь. Совсем рядом с ними сидела грузная седая женщина и что-то вязала со зловеще свирепым лицом. Дочь самой Градиль, цепная собака на страже девственности... Садясь в свое кресло, Ян улыбнулся про себя. Эльжбета подняла глаза и умолкла.

— Это просто фантастика! — воскликнул Отакар. — Она в десять раз умнее и сообразительнее того тупицы-землероя, которого я пытался учить в прошлый раз. Если другие девчонки хоть чуть-чуть похожи на нее — наша проблема с водителями решена.

— Я в этом не сомневался...

Ян отвечал Отакару, но смотрел на Эльжбету. Она была так близко — рукой дотянуться можно. И не отрываясь смотрела ему в глаза.

— А мне нравится эта работа, — очень серьезно произнесла она. Девушка сидела к остальным спиной, и только Ян видел, как она окинула его взглядом с головы до ног — и подмигнула ему.

— Вот и замечательно, — ответил он так же серьезно. — Хорошо, что наш план приняли. Всем польза, а вам еще и удовольствие — верно я говорю, тетя?

Дочь Градиль ответила только яростным взглядом — и снова склонилась над своим вязанием. Ее присутствие можно было вынести. Совсем невысокая плата за то, что Эльжбета будет рядом.

Ян снова обратился к Отакару, не сводя глаз с Эльжбеты:

— Как ты думаешь, скоро она сможет подменять тебя в штурманском кресле?

— Если сравнить с иными тупицами, которые сейчас сидят штурманами на некоторых поездах, — хоть сейчас. Но пусть лучше хотя бы денек присмотрится. А завтра попробуем: она начнет работать, а я рядом постою.

— Ну что ж, прекрасно. А как ты, Эльжбета?

— Я... не уверена. Такая ответственность...

— Ответственность на водителе, а не на тебе. В этом кресле буду я или Отакар. Мы ведем поезд, мы принимаем решения. Твое дело — помогать. Смотреть, что происходит, следить за приборами, выполнять приказы. Если не будешь волноваться — у тебя все получится. Как ты думаешь, сможешь?

Она стиснула зубы, а когда заговорила, вдруг стала неуловимо похожа на Градиль:

— Да, смогу. *Знаю,* что смогу.

— Отлично. Значит, все в порядке.

Когда плазменные пушки закончили новую Дорогу, Ян прошел весь объездной путь, внимательно исследуя каждый фут. Измученный водитель танка ковылял рядом. Они шли по обочине, всего в метре от обрыва, почти отвесно уходившего вниз, к джунглям. Несмотря на ветер, в дорожной выемке было жарко как в печи, камень под ногами еще не остыл. Кое-где Ян опускался на колени и простукивал край скалы тяже-

лым молотом с круглым набалдашником. В одном месте кусок скалы откололся и, загрохотав по склону, исчез в пропасти.

— Не нравится мне эта скала. Совсем не нравится.

Танкист кивнул:

— Мне тоже не нравится. Если бы времени было побольше, я бы расширил выемку. Что можно было сделать уплотняющей плавкой — я сделал. Надеюсь, что лава затекла с поверхности во все трещины и закрепила...

— Я тоже надеюсь. Ну ладно. Все, что можно было сделать сейчас, ты сделал. Убирай свои танки — я поведу первый поезд. — Он направился к поезду, вдруг снова повернулся к танкисту: — Вы заложили направляющий кабель, как собирались?

— Просвет минимальный, только-только. Если заложить его хоть на сантиметр правее, ты снес бы о скалу верхушку тягача.

— Хорошо.

Ян уже знал, как он поедет здесь. Люди, конечно, станут протестовать, но приказу подчинятся. А начинать надо с экипажа.

— Но тебе же нужен инженер в машинном отсеке! — возразил Эйно. — Я спать не буду, честное слово.

— Мне сейчас никто не нужен. Сам понимаешь, быстро я не поеду, а несколько минут на минимальных оборотах моторы выдержат и без тебя. И ни штурман, ни радист мне тоже не нужны. Выметайтесь, ребята. А когда выберемся на обычную Дорогу, ты будешь учиться дальше, Эльжбета. — Он взял ее за руку и проводил к двери, не обращая внимания на ее дуэнью, которая запыхтела и подняла спицы. — Не волнуйся.

Пассажиры тоже возмущались, когда их высаживали из вагонов, но через несколько минут Ян остался в поезде один. Если что-нибудь случится — пострадает только он. А дольше задерживаться нельзя, надо спешить.

— Никого. — Отакар заглянул в люк. — Но я бы все-таки поехал с тобой.

— Увидимся на той стороне. Слезай. Я трогаюсь.

Ян чуть тронул акселератор — тягач на самой минимальной скорости пополз вперед. Едва двинувшись с места, Ян включил автопилот и снял руки с баранки. Так надежнее. Сам тягач пройдет гораздо точнее, чем мог бы провести водитель. Поезд медленно полз вперед, а Ян подошел к открытому люку и стал смотреть на край Дороги. Если что-нибудь произойдет — то только там. Сантиметр за сантиметром проползал поезд только что выжженный участок Дороги, до конца оставалось уже совсем немного. Вдруг раздался треск, заглушивший гуденье моторов. И на монолитной каменной поверхности появились трещины. Ян чуть не бросился к пульту управления, но сообразил, что сделать ничего не сможет. Ухватившись за края люка, он стоял и смотрел, как большой участок обочины впереди откололся и с грохотом полетел на дно ущелья, далеко вниз, — а трещины на поверхности смертоносными пальцами потянулись в сторону поезда.

Потом остановились.

Теперь края Дороги выглядели так, словно гигантская пасть отгрызла кусок скалы. Но тягач двигался. Могучая машина медленно прокатилась мимо громадной рытвины; Ян бросился на свое место и начал бешено включать одну телекамеру за другой, чтобы увидеть, что с головным вагоном.

Тягач прошел — но вагоны-то в три раза шире!..

Ногу Ян держал на тормозной педали, пальцы на выключателе автопилота — и не отрывал глаз от экрана.

Колеса первого вагона приближались к рытвине; казалось, что внешнее колесо, двойное, угодит прямо в нее. Не пройдет, ни за что не пройдет!.. Он уже готов был нажать тормоза, но присмотрелся получше и решил, что не надо. Может пройти.

Колесо подкатилось к краю рытвины и повисло над бездной.

Второе, наружное колесо медленно вращалось в воздухе. Вся тяжесть перегруженного вагона пришлась на внутреннее колесо.

Проходя по самому краю провала, шина сплющилась под нагрузкой, просела почти до колесного диска. Потом внешняя шина снова встала на Дорогу — вагон прошел тоже. Возле уха запищал сигнал вызова. Ян включил рацию.

— Ты видел? — спросил Отакар. Голос у него дрожал.

— Видел. Держись поближе и смотри, что делается с провалом. Я потащу поезд дальше. Если пойдет, как до сих пор, то все прекрасно. Но если отвалится еще что-нибудь — кричи тотчас же.

— Обязательно. Не сомневайся.

Вагоны медленно ползли один за другим, и наконец весь поезд оказался по другую сторону провала в целости и сохранности. Как только прошел последний вагон, Ян отклю-

чил моторы, поставил поезд на тормоза — и глубоко вздохнул. Ощущение у него было такое, словно каждый мускул обработали тяжелым молотком. Чтобы сбросить напряжение, он побежал по объезду назад, навстречу Отакару.

— Больше ничего не падало. Ни единого камушка, — сообщил штурман.

— Значит, должны пройти и остальные поезда.

Пассажиры тем временем шли пешком, держась как можно ближе к стене и испуганно глядя на край скалы, за которым разверзлась бездна.

— Бери первый тягач, Отакар, и поезжай дальше. Пока все поезда не пройдут, не спеши. Скорость в половину нормальной. А здесь теперь все должно быть в порядке. Когда все пройдут, я тебя догоню на мотоцикле. Вопросы есть?

— Да какие тут могут быть вопросы? Твое дело командовать, Ян, мое — выполнять. Счастливо.

Объезд отнял много времени, но все прошло удачно, и через несколько часов на другой стороне оказался последний поезд. Камнепадов больше не было. Обгоняя медленно идущую колонну, Ян гадал, какие еще неприятности ждут их впереди.

К счастью, начались они не сразу. Дорога прорéзала прибрежные горы и тянулась теперь по равнине, окаймлявшей материк. Когда-то здесь было морское дно. Инженеры-землеустроители подняли его из воды, и теперь меж прежних морских отмелей простирались плоские, однообразные болота. Дорога, прямая как стрела, большей частью шла по насыпной дамбе, среди зарослей тростника с редкими островками, поросшими деревьями. Танкам тут почти нечего было делать. Приходилось лишь изредка выжигать растительность, посягнувшую на Дорогу, да заделывать трещины, возникшие из-за просадки дамбы. Они двигались быстрее тяжело нагруженных поездов и уходили все дальше и дальше; уже почти наверстали двухдневное опережение, потерянное в горах. Ночи становились все короче — и в один прекрасный день солнце вообще не зашло. Пылающим шаром голубого огня опустилось оно к южному горизонту — и тотчас покатилось обратно в небо. А потом уже постоянно висело над головой, становясь все ярче и жарче, по мере того как они продвигались к югу. Наружная температура постоянно повышалась и теперь перевалила далеко за семьдесят. Пока еще были ночи, многие выходили на стоянках из опостылевших переполненных вагонов, чтобы хоть немного размяться, несмотря на удушающую жару. Теперь это стало невозможно — солнце не выпускало, — и люди уже были на грани срыва. А впереди оставалось еще восемнадцать тысяч километров.

Теперь они ежедневно двигались по девятнадцать часов, и стало ясно, как выручают новые штурманы. В первые дни в некоторых экипажах ворчали, что женщинам надо знать свое место; но, когда усталость взяла свое, разговоры смолкли. Уж очень кстати оказалась такая помощь. Не все женщины смогли освоить эту работу — одним не хватило способностей, другим выносливости, — но добровольцев на их места было более чем достаточно.

А Ян был счастлив, как не бывал уже много лет. Сначала грузная дуэнья жаловалась, что ей слишком трудно карабкаться по лесенке в водительский отсек; потом, когда началась жара, оказалось невозможно подобрать охлаждающий костюм ее размера. На один день роль цербера взяла на себя замужняя кузина Эльжбеты; но сказала, что это слишком скучно, что у нее дети — за ними присматривать надо, — и на следующий день отказалась. Градиль об этом сообщили не сразу, а когда она узнала — было уже поздно. Эльжбета провела целый день в обществе троих мужчин и — насколько можно было судить — хуже от этого не стала. По молчаливому соглашению, ни одна из надзирательниц больше не появилась.

Эльжбета сидела в штурманском кресле, Ян вел машину, Отакар спал на койке в машинном отсеке или играл в карты с Эйно. Гизо без труда получил разрешение присоединиться к игре — Ян с удовольствием отпустил его, сам подключившись к связи, — и теперь, хотя люк был открыт, они впервые за все это время оказались наедине.

Сначала это очень смущало. Не столько Яна, сколько Эльжбету. Стоило ему заговорить — она краснела и опускала голову, забывая о своих штурманских обязанностях. Всю жизнь ее муштровали, и сейчас вколоченное воспитание оказалось сильнее разума. В первый день Ян старался этого не замечать, говорил с ней только о деле и надеялся, что скоро она себя преодолеет. Но когда и на второй день она повела себя так же, он потерял терпение:

— Послушай, эти данные я у тебя уже два раза спрашивал.

Это уж слишком. Ты здесь для того, чтобы облегчать работу, а не усложнять.

— Я... Извини. Я постараюсь, чтобы этого больше не было.

Она опустила голову и покраснела еще сильнее. А Ян ощутил себя скотиной. Он и на самом деле вел себя по-свински: нельзя требовать от человека, чтобы он в один момент избавился от того, к чему приучался целую жизнь. Дорога уходила вперед безупречно ровной полосой и была совершенно свободна, на носовом радаре — ничего. Поезда катились со скоростью сто десять километров в час, на автопилотах, — управление можно было попросту бросить, хотя бы ненадолго. Он поднялся, подошел к Эльжбете и встал у нее за спиной, легонько положив руки ей на плечи. Она вздрогнула, словно испуганный зверек.

— Это мне надо извиняться, — сказал он. — Я оторву Гизо от покера. Так или иначе надо перекличку проводить.

— Подожди. Ты пойми, дело совсем не в том, что мне не нравится быть с тобой вот так. Наоборот. Я давно уже знала, что люблю тебя, очень давно, но только теперь начинаю понимать, что это значит.

Она накрыла ладонями его руки у себя на плечах и запрокинула голову, глядя ему в лицо. Он наклонился — ее губы потянулись навстречу... Его руки скользнули вниз, и ладони обхватили ее полные груди — она прижала его руки к своему телу... Он опомнился первым, сообразив, что сейчас не время и не место.

— Вот видишь, Градиль была права, — сказал он, пытаясь превратить все в шутку.

— Нет! Совсем не права, никак не права! Она нас не разлучит, я выйду за тебя замуж! Она не сможет...

На корпусе рации замигал красный свет, раздался прерывистый гудок — Ян бросился в свое кресло и включил связь. В тот же момент из машинного отделения вылетел Гизо, словно из пушки.

— Начальник поездов на связи.

— Ян, это Лайош, головной отряд. У нас тут такое дело, что нам не управиться... Похоже, один танк мы потеряли, хотя все люди целы.

— Что случилось?

— Вода. Просто вода. Дороги нет, исчезла. Объяснить я не могу, скоро сам увидишь.

Не обращая внимания на жалобы, Ян гнал поезда без остановки, пока не доехали до передового отряда. Когда на носовом радаре появилась первая вспышка, Ян спал. Отакар разбудил его и уступил водительское кресло.

Как и все последние дни, Дорога шла по прибрежным болотам. Но монотонная картина затянутых туманом тростниковых зарослей и воды постепенно менялась. Открытой воды становилось все больше, тростника все меньше, — и наконец вдруг болота исчезли, и по обе стороны дамбы осталась одна вода. Ян притормозил, остальные тягачи автоматически повторили этот маневр. Сначала разделилось изображение на экране — стали видны все танки по отдельности, — а вскоре Ян увидел подробности своими глазами.

Зрелище было ужасное. Дорога опускалась все ниже и ниже, а сразу за танками вообще исчезла в воде. Там была одна вода и никаких следов Дороги. Куда ни глянь — везде простиралась спокойная поверхность океана.

Заканчивать остановку Ян поручил Отакару. Сам же — едва поезд остановился — бросился к люку и начал натягивать охлаждающий скафандр. Когда он спустился на Дорогу, Лайош уже ждал внизу.

— Понятия не имею, как далеко это тянется, — сказал он. — Я пытался пройти на танке. Вон башня торчит, километра два отсюда. Меня вдруг начало заливать, едва выскочил. Хорошо, ребята на следующем танке были рядом. Бросили конец, вытащили.

— Что тут случилось?

— Можно только гадать. Похоже, поверхность Дороги просела. Здесь же когда-то было море — так, вероятно, дну морскому обратно захотелось.

— И какой величины может быть эта просадка?

— Да какой угодно. Радар не достает, а в трубу ничего не видно, кроме тумана. Может быть, через несколько километров Дорога снова вылезет из воды, а может, так и пойдет вниз да вниз, на самое дно.

— Ты оптимист, как я погляжу!

— Знаешь, я искупался в этой воде. Горячая, сволочь. А я еще и плавать не умею.

— Извини. Я сам пойду гляну.

— Направляющий кабель на месте. Сам ты ничего не увидишь, но приборы его ухватят.

Ян потопал назад, к сцепке. Охлаждающий костюм мешал двигаться. Под его поверхностью располагалась система трубок, заполненных холодной водой, а компактный холодильник деловито жужжал на поясе, выталкивая за спину отработанный горячий воздух. Лицо под прозрачным шлемом тоже обдувалось прохладной струей. Носить такой скафандр несколько часов подряд было утомительно, но терпимо. А температура здесь была около девяноста градусов. Ян нажал кнопку внутренней связи на задней стенке тягача.

— Отакар, ты меня слышишь?

— Отлично.

— Дай блокировку на вагоны и отцепляй тягач. Я здесь кабели отключу.

— Поедем кататься?

— Да вроде этого.

Раздалось урчание, потом лязг металла — челюсти захватов на сцепке раскрылись. Ян рассоединил кабельные муфты — позади, под вагоном, раздался глухой стук: это сработали тормозные колодки аварийной бета-системы. Кабели змеями заползли в свои норы, а Ян полез наверх, в водительский отсек.

— Мне нужны три добровольца, — сказал он своему экипажу, стаскивая с себя скафандр. — Ты, ты и ты. Эльжбета, надевай костюм и иди к себе в вагон. Мы можем долго провозиться.

Она не протестовала. Только неотрывно смотрела на него, одеваясь и уходя. Отакар запер за ней люк. Весь экипаж был в водительском отсеке; все смотрели на Яна, а он — на мерцающую водную поверхность вокруг.

— Эйно, как насчет водонепроницаемости?

Инженер ответил не сразу. Задумчиво почесал за ухом и медленно огляделся вокруг, проникая профессиональным взглядом механика сквозь стальные стены и пол, вспоминая, где какие соединения, люки и перемычки.

— Не так плохо, — сказал он наконец. — Трансмиссии, подшипники, смотровые люки, двери — все с прокладками. Наверху тоже все в порядке. По крайней мере какое-то время подержится. Так что, по-моему, можно влезать по самую крышу. Если еще глубже — батареи охлаждения наверху полететь могут, но до крыши — можно.

— Ну тогда давай поедем, пока не передумали. — Ян упал в кресло водителя. — Иди в машинное: не исключено, что по-

требуется максимальная мощность. Гизо, включи связь, чтобы нас все слышали. Если с нами что-нибудь стрясется — надо, чтобы все знали, что произошло. Отакар, не отходи, можешь понадобиться.

— Будем купаться? — спокойно спросил штурман, щелкая тумблерами.

— Надеюсь, что нет. Но надо узнать, что с Дорогой. Нам и здесь оставаться нельзя, и возвращаться некуда. А другого пути нет, только этот. Тягач в два с лишним раза выше танка, все зависит от глубины. Мощность?

— Полная.

Танки расступились, пропуская исполинскую машину. Тягач пошел прямо в воду — от передних колес побежали волны — и дальше вперед.

— Как на корабле... — сказал Отакар почти шепотом.

Разница только в том, что тягач не поплывет, подумал Ян. Но вслух этого не сказал.

Повсюду была вода, глубины они не знали. Знали только, что пока еще двигаются по Дороге: вода еще не закрыла ступицы громадных колес, а направляющий кабель был четко виден в самом центре экрана — автоматика вела машину без сбоев. Однако машина гнала перед собой волну, и, несмотря на явную связь с землей, несмотря на то, что позади оставалась Дорога, впечатление было такое, словно они и в самом деле на корабле.

Единственным ориентиром была танковая башня впереди; они осторожно двигались к ней. По мере приближения глубина постепенно увеличивалась. Ян остановился метрах в двадцати от затопленного танка.

— Вода еще даже колес не закрыла, — сказал Отакар, выглянув в боковое окно. — Можем ехать и ехать.

Он старался говорить спокойно, но голос был напряжен.

— Как, по-твоему, какова здесь ширина Дороги? — спросил Ян.

— Сто метров, как везде...

— Так ли? А вода не могла ее подмыть?

— Я об этом не подумал.

— А я подумал. Мы пройдем как можно ближе к танку. Будем надеяться, что не провалимся.

Он отключил автопилот и медленно повернул руль. Высокий, яркий всплеск — сигнал направляющего кабеля — про-

полз к краю экрана и исчез. Проводника не стало. А вода поднималась все выше и выше.

— Слушай, ведь ты слишком далеко от танка не уедешь, правда? — спросил Гизо.

Наверно, он хотел пошутить, но было не до смеха. Ян пытался представить себе габариты танка и сообразить, где он кончается под водой. Надо было проехать как можно ближе, но не столкнуться при этом. Как можно ближе. А вокруг вода; со всех сторон ничегошеньки, кроме воды. И только слышно, как урчат моторы, как тяжело дышат люди вокруг...

— Я его больше не вижу! — вдруг крикнул Ян. — Отакар, камеры не работают!

Штурман уже стоял у заднего окна.

— Давай помалу... почти прошли... вот уже сзади, можешь выруливать... Пошел!

Ян слепо повиновался. Ничего другого ему не оставалось: он держал в руках руль, но среди бескрайнего океана не за что было зацепиться взглядом. Не слишком круто, поровнее... Теперь уже, наверно, пора выворачивать... А вдруг он едет не туда? Что, если с Дороги свалится?.. Он не заметил, как лицо покрылось испариной и вспотели ладони.

Но вот на экране автопилота появился крошечный сигнал.

— Есть! Кабель показался!

Ян выровнял рулевое колесо, и сигнал пополз к центру экрана. Едва он оказался на середине, Ян снова включил автопилот и с облегчением откинулся на спинку кресла.

— Ну вот и все. Теперь давайте посмотрим, как далеко это идет.

Автопилот только удерживал машину на Дороге, скоростью Ян управлял сам. Дорога под ними еще была, хотя это казалось совершенно невероятным. Вдруг на них обрушился внезапно налетевший ливень — вокруг не стало видно вообще ничего. Ян включил стеклоочиститель и фары — из машинного отделения донесся бешеный треск реле.

— Ты почти половину фар потерял, — доложил Эйно. — Короткое замыкание, предохранители повылетали.

— Ну и что теперь? Что с остальными?

— Остальные вроде в порядке. У них же все цепи раздельные.

Со всех сторон хлестали струи дождя, впереди взморщенная поверхность воды — больше ничего не видно. И становится все глубже и глубже, медленно, но неуклонно. Вдруг в машинном отсеке взвыла трансмиссия, и тягач резко мотануло вбок.

— Что это? — В голосе Гизо слышалась паника.

— Обороты подскочили, — ответил Ян, вцепившись в руль. Он успел отключить автопилот и теперь старался не потерять сигнал кабеля, ускользавший с экрана. — Но скорость у нас уменьшилась, нас в сторону тащит.

— Дорогу илом занесло! — крикнул Отакар. — Мы скользим!

— И кабель теряем, — добавил Ян, еще круче поворачивая руль. — Машина-то почти на плаву, колеса за Дорогу не цепляются как надо. Но ничего, зацепятся.

Он сильно нажал на акселератор. Снизу раздался рев трансмиссии; ведущие колеса завертелись в грязи, взмучивая ее, врезаясь в нее, разгоняя волны по воде во все стороны, — но скольжение не прекращалось, и сигнал кабеля пропал с экрана.

— Мы же с дамбы свалимся!.. — закричал Гизо.

— Не спеши. Пока еще не свалились... — Ян едва не прокусил себе губу, но даже не заметил этого.

Машина дернулась, потом еще раз — это колеса снова коснулись Дороги. Когда тягач прочно встал на поверхность Дороги, Ян убрал обороты и потихоньку пополз вперед. Все молчали, почти не дыша. Пока снова не появился сигнал кабеля. Ян отцентрировал его и посмотрел на компас, чтобы убедиться, что его не развернуло задом наперед. Машина снова пошла, дождь кончился, Ян выключил фары.

— Я не уверен... но мне кажется, что воды стало меньше, — прохрипел Отакар. — Да, точно... Минуту назад эту ступеньку не было видно...

— Я тебе могу сказать даже кое-что получше. — Ян включил автопилот и тяжело обмяк в кресле. — Если посмотришь прямо вперед — увидишь, что Дорога выходит из воды.

Так оно и было. Вот уже открылись колеса, разметая брызги во все стороны; вот они снова оказались на сухом полотне... Ян отключил моторы и нажал на тормоза.

— Прошли. Есть Дорога.

— Но... А поезда смогут? — спросил Отакар.

— Могут не могут — все равно придется. Верно я говорю?

Никто не ответил.

Глава 8

Нечего было и думать о том, чтобы тащить поезда через затопленный участок, пока там торчал брошенный танк. Ян проехал на тягаче назад — теперь, на обратном пути, это оказалось уже нетрудно — и остановился в нескольких метрах от танка.

— У кого какие идеи? — спросил он.

— Завести его никак нельзя? — предложил Отакар.

— Никак. Батареи были залиты сразу, а сейчас вообще ни одного сухого провода не осталось. Но подожди. Прежде чем искать способ, как с этим управиться, нам надо кое-что выяснить.

Он вызвал по радио Лайоша, который вел этот танк и едва не утонул вместе с ним, — ответ был неутешительный.

— Лайош говорит, трансмиссия включена. Единственное, что можно сделать с танком — оттолкнуть его в сторону. Но если он не покатится, сдвинуть такую махину юзом мы не сможем.

— Ты начальник технадзора, — сказал Отакар. — Это ты должен знать, что можно сделать.

— Знать-то я знаю. Раз нет энергии, надо рукояткой ручного выключения поработать. Беда в том, что эта рукоятка закреплена изнутри на задней стенке. Ее надо отцепить, воткнуть на место, а потом еще и крутануть двенадцать раз. И все это где? Под водой, на трехметровой глубине. Отакар, ты плавать умеешь?

— Где бы я мог научиться?

— Хороший вопрос. В канале слишком много удобрений, там не поплаваешь, а другой воды нет. Зря не подумали о плавательных бассейнах, когда проектировали ваши города; это почти ничего не стоило бы. Значит, единственный пловец на Халвмерке — это я. Невольный доброволец. Но мне нужна будет помощь.

Сделать маску было не из чего, но приспособить баллон со сжатым воздухом оказалось достаточно просто. Ян повозился с вентилем, пока не получил устойчивую струю воздуха, пахнувшего машинным маслом, которая была вполне достаточна, чтобы дышать, — но и голову не отрывала. Эйно соорудил пояс, чтобы баллон можно было закрепить на спине, и пластмассовую трубку от вентиля в рот. Теперь еще герметичный фонарь — и больше ничего не нужно.

— Подъезжай как можно ближе, — сказал Ян Отокару.

А сам тем временем разделся. Оставил только ботинки. Надо еще и рукавицы прихватить, ведь металл горячий. Тягач подошел к танку вплотную. Ян приоткрыл верхний люк — в кабину ворвалась волна горячего воздуха. Ни слова не говоря, он поднялся по лесенке к люку и выбрался на крышу.

Ощущение было такое, словно попал в раскаленную печь. Прохладный воздух кабины остался позади — Ян очутился в слепящем и обжигающем солнечном пламени. Он прикрыл глаза рукой и, шаркая ногами, на ощупь, медленно двинулся по крыше тягача, выбирая дорогу между ребрами охлаждения. И старался не вдыхать горячий воздух, заставляя себя сосать противный, но прохладный воздух из шланга. Подошвы ботинок были толстые, но металл начал обжигать ноги почти сразу же. Подойдя к краю крыши, Ян осторожно спустился в воду.

Этот парящий котел высасывал энергию из тела. Но один, два, три гребка — и вот он уже у открытого танкового люка... Он не позволил себе замешкаться и тотчас ушел под воду. Внутри было темно — слишком темно, — он вспомнил о фонаре. Горячая вода высасывала из него все, парализовывала и мышцы, и волю... Где же эта проклятая рукоятка?

Все вокруг двигалось медленно, как во сне: он подумал, что, если бы не боль в груди, мог бы заснуть. Оказывается, воздуха из баллона не хватает... Так, рукоятка, вот она. Отцепилась она легко, но воткнуть ее на место оказалось невероятно трудно. Когда она наконец щелкнула, войдя в гнездо, он потерял еще несколько драгоценных секунд, пытаясь вспомнить, в какую сторону она вращается. А потом крутил, крутил... Пока не докрутил до упора.

Пора. Пора возвращаться. Рукоятка и фонарь выпали из рук; он пытался двинуться, но не смог. Светлое пятно открытого люка ясно виднелось над головой — но не было, не было у него сил оттолкнуться и всплыть. Отчаянным, последним усилием он сорвал с себя тяжелый баллон, выплюнул трубку и согнул колени. Оттолкнуться. Ну, еще раз, последний... Как это трудно!

Но вот руки его оказались над водой и ухватились за края люка. Потом и голова поднялась из воды, и он стал жадно, глубоко вдыхать обжигающий воздух. Это было больно, но в голове прояснилось. Чуть придя в себя, он подтянулся, выбрался на крышу танка и шлепнулся в воду.

И тут же понял, что не сможет добраться. Ему не доплыть, ни одного гребка не сделать.

Вдруг в воду возле головы упала веревка — он машинально ухватился за нее. Его подтащили к тягачу сбоку; Отакар нагнулся, схватил его за руки и вытащил из воды, словно издыхающую рыбину. Ян этого почти не заметил. Сознание его плавало в красном тумане, пока нога не коснулась раскаленного металла крыши. От неожиданной боли он вскрикнул — глаза распахнулись — и увидел, что Отакар помогает ему. Помогает, не надев скафандра, задыхаясь от напряжения.

По дороге к люку, осторожно выбирая путь, они опирались друг на друга. Ян спустился в кабину первым. Отакар сначала помог ему, только потом пошел сам. Они долго сидели на полу, там, где упали, не в силах пошевелиться, стараясь прийти в себя.

— Давай больше так не будем, если получится, — сказал наконец Ян.

Отакар только слабо кивнул в ответ.

Гизо наложил на ногу Яна противоожоговую мазь, потом забинтовал. Было очень больно, но помогла таблетка. И заодно сняла усталость. Одевшись, Ян сел в водительское кресло и проверил рычаги и приборы.

— В машине протечек нет? — спросил он Эйно.

— Нет. Крепкая зверюга.

— Отлично. Дай-ка мне мощности побольше, я собираюсь спихнуть танк с Дороги. Что я поломаю, если попру его лоб в лоб?

— Ничего серьезного. Разве что пару прожекторов еще раздавишь. У нас там сталь могучая, сорок миллиметров толщиной. Это же тягач — ему вес нужен... Так что давай толкай.

Ян двинулся вперед на самых минимальных оборотах, пока не уперся в танк. Послышался скрежет металла о металл, тягач вздрогнул. Не меняя передачи, Ян прижал акселератор. Глухо зарычали муфты сцепления, вся машина задрожала, сражаясь с мертвым грузом. Кто кого пересилит?

Танк сдвинулся с места. Как только он покатился назад, Ян слегка повернул руль и начал медленно двигаться по плавной кривой. Понемногу, понемногу они отворачивали к обочине. Вот уже направляющий кабель остался позади, а танк встал поперек Дороги под прямым углом... Ян выровнял направляющие колеса и двинулся дальше. Все дальше и дальше от середины Дороги. Все ближе и ближе к краю.

И вдруг танк встал на дыбы. Ян ударил по тормозам. В тот же миг танк опрокинулся с откоса и ушел под воду. Тягач остановился у самой кромки. Ян медленно, осторожно включил задний ход и двинулся прочь от опасного места. Только добравшись до центра Дороги, он с облегчением перевел дух.

— Я с тобой согласен, — сказал Отакар. — Хорошо бы, чтобы эта беда оказалась последней.

Перетащить поезда через затопленный участок оказалось нелегко, но особенно серьезных проблем не возникло. Только время уходило. Драгоценное время. Вагоны были гораздо легче тягачей — поэтому всплывали, — приходилось перевозить их за один раз лишь по два, не больше; да и это получалось, только если сзади шел второй тягач. Челночные рейсы продолжались без перерыва до тех пор, пока не переправили все вагоны. Только когда поезда были вновь составлены на другой стороне затопленного участка, Ян позволил себе расслабиться: проспал не два-три часа, как все последние дни, а чуть побольше. Перед следующим стартом он велел отдыхать восемь часов. Это было необходимо всем; экипажи на тягачах вымотались до предела, и он прекрасно понимал, что, когда водители в таком состоянии, — двигаться нельзя.

Все отдыхали, а Ян не мог себе этого позволить. Пока поезда переправляли через затопленный участок, он ломал голову над проблемой, решить которую было совершенно необходимо. Эта очевидная проблема стояла у него прямо перед глазами, когда он ехал по затопленной Дороге к покинутому танковому отряду. Он остановился возле них — с машины ручьями сбегала вода, — натянул охлаждающий костюм и пошел к головному танку.

— Я думал, ты про нас забыл, — сказал Лайош Надь.

— Наоборот. Я уже несколько дней только о вас и думаю.

— Хочешь оставить танки здесь?

— Нет. Они нам слишком нужны.

— Но мы сами не пройдем.

— Это и не нужно. Глянь-ка сюда.

Ян развернул светокопию — боковую проекцию танка, — исчерченную толстым красным карандашом, и постучал пальцем по красным линиям.

— Смотри. Вот наши слабые места. Мы все это заливаем герметиком, и танки становятся водоупорны на какое-то вре-

мя. Не на века — но чтобы пройти под водой на ту сторону, хватит.

— Погоди-ка. — Лайош показал на чертеже. — Ты же все люки замазать хочешь. А как водитель оттуда выберется, если что?

— Никаких водителей. Отсоединяем гусеницы от трансмиссии, герметизируем танки — и тащим на ту сторону буксиром. Танку одного троса достаточно. Я уже пробовал, получается.

— Надеюсь... — с сомнением протянул Лайош. — Но мне бы не хотелось сидеть в тягаче, буксирующем такую штуковину, если она слетит с Дороги. Ведь и тягач за собой потащит, это как дважды два.

— Конечно, утащить может. Значит, надо сообразить какое-то устройство, чтобы буксир можно было отсоединять. Изнутри, из тягача. Если танк пошел с Дороги — мы его обрубаем, и все дела.

Лайош покачал головой:

— Пожалуй, ничего другого тут не придумаешь. Давай попробуем для начала шестой. У него сцепление так измочалено, что, может, все равно бросать придется.

Когда оказалось, что идея работает, все облегченно вздохнули. Шестой танк на буксире исчез под водой и вновь показался лишь по ту сторону затопленного участка. Герметик быстро соскоблили, раскрыли люки — в танке оказались только крошечные лужицы на полу, все цело. Началась переправа остальных машин.

Колонна была готова к походу, и новых штурманов, отдыхавших эти дни, вызвали на тягачи. Эльжбета принесла с собой какой-то сверток и положила на пол, пока снимала скафандр.

— Это нечто особенное, — объяснила она. — Я сама готовила. Наш семейный рецепт для торжественных случаев, а мне кажется — сегодня как раз такой случай. Беф-строганов.

Это было восхитительно. Экипаж устроился вокруг столика, наслаждаясь первой настоящей едой, какая появилась у них с самого начала перехода. А кроме этого блюда, был еще свежий хлеб, несколько литров пива и молодой зеленый лук — и даже сыр на закуску, хоть и немного. Впрочем, его почти некуда было заталкивать: места не осталось. Все стонали от изнеможения, однако героически управились и с сыром.

— Спасибо, — сказал Ян, взяв ее за руку.

Да, взял за руку при всех — но на это никто не отреагировал; скорее всего, никто и внимания не обратил. Они уже считали Эльжбету членом экипажа; причем не простым, а выдающимся — ведь любой из них умел разве что разогреть замороженный концентрат...

Внезапно Яна осенило:

— Примерно через полчаса мы покатимся. Самое время проверить тебя в водительском кресле, Эльжбета. Ты же не хочешь всю жизнь просидеть в штурманах!

— Отличная идея, — поддержал Отакар.

— Ой, нет! Я не смогу, это просто невозможно...

— Это приказ, будь добра — выполняй.

Слова были смягчены улыбкой, и все дружно рассмеялись. Гизо сходил за ветошью и вытер для Эльжбеты сиденье, Отакар подвел ее к креслу и отрегулировал его, чтобы удобно было доставать педали... При отключенных моторах она попробовала ногами тормоза, акселератор, покрутила руль... Что здесь к чему — она уже знала.

— Смотри, как все просто, — сказал Ян. — А теперь включай реверс и подай пару футов назад.

Она побледнела:

— Это уже другое дело. Это я не смогу.

— Почему?

— Но понимаешь... это же ваша работа.

— Ты хочешь сказать, только для мужчин?

— Да, пожалуй.

— Ну так попробуй. Всю прошлую неделю вы уже выполняли работу-только-для-мужчин — и ты и другие девушки, — и ничего страшного не произошло, верно? Попробуй!

— Ладно, попробую!

Она выкрикнула это дерзко, вызывающе — именно так она и была настроена. Все вокруг менялось, и ей нравились перемены. Без единой подсказки она завела моторы, отключила автопилот и проделала все остальное, что необходимо для подготовки машины. Потом, все так же пробуя, осторожненько включила реверс и чуть-чуть сдвинула тягач назад. А потом снова вывела машину в режим стоянки. Весь экипаж бурно приветствовал ее первый успех.

И вот колонна двинулась снова. В головном тягаче настроение у всех было просто замечательное. После отдыха все

были свежи и радостны. И очень кстати, потому что самая скверная часть пути была еще впереди. Инженеры, построившие Дорогу, сделали все от них зависевшее, чтобы уберечься от любого риска, связанного с природой планеты. Насколько это было возможно. Дорога была укрыта за прибрежными горными хребтами обоих континентов. Через горы были пробиты туннели. Чтобы Дорога как можно меньше шла по берегам, ее значительную часть проложили по дамбам, построенным в море. На поднятой островной цепи, которая перешейком соединяла оба материка, Дорога шла очень высоко, вдоль гребня горных хребтов, переходивших с острова на остров.

Но существовала одна опасность, от которой некуда было деться. Рано или поздно Дорога должна была пересечь пояс тропических джунглей. В южной части материка царило вечное пылающее лето. Температура воздуха лишь немного не доходила до точки кипения воды — это был ад.

Дорога вскоре свернула в сторону от моря, снова нырнув сквозь горный хребет. Танки ушли вперед на тридцать часов, продолжая расчистку; Ян регулярно получал донесения от них и знал, что его ждет. Но, как всегда, действительность все равно оказалась неожиданной; описать это было невозможно. Туннель довольно круто шел книзу; прожекторы ярко освещали Дорогу и каменные стены вокруг. Здесь на поверхности самой Дороги были оттиснуты слова: «Не гони!» Это повторялось снова и снова, шины со стуком подпрыгивали на каменных буквах. Когда впереди показалось сияющее, яркое устье туннеля, поезда плелись, делая пятьдесят километров в час.

Деревья, лианы, кусты, листва — это было буйное пиршество жизни. Джунгли были повсюду: со всех сторон, сверху и даже на самой Дороге. Дорога здесь имела ширину двести метров, вдвое больше обычного, но джунгли все-таки захватили ее: молодая растительность боролась за солнечный свет. За четыре года, с тех пор как здесь проехали в последний раз, деревья с обеих сторон, стремясь к свету, раскинули над Дорогой громадные новые сучья. Нередко эти сучья разрастались настолько, что своим весом выворачивали само дерево и роняли его на Дорогу. Некоторые из таких деревьев погибли и стали почвой для новых деревьев и лиан; другие пышно разрослись на новом месте и стали еще выше прежнего. А где Дорогу не загромождали деревья, там по ней извивались лианы, некоторые толщиной до метра, а то и больше.

Танки вели битву с джунглями; черные свидетельства их побед тянулись вдоль Дороги сплошь, с обеих сторон. Сначала здесь поработали плазменные пушки, выжигая любое препятствие впереди. Потом первый бульдозер расчищал полосу, достаточную только для собственных гусениц, а остальные шли следом и расширяли полосу, выталкивая обугленные коряги за обочины. Теперь поезда медленно двигались между стенами черных обломков, которые местами еще дымились. Зрелище было кошмарное.

— Ужас, — сказала Эльжбета. — Просто страшно смотреть.

— Я с тобой совершенно согласен, — ответил Ян. — Но ты имей в виду, что это только начало. Худшее впереди. Конечно, здесь всегда опасно, даже если ехать в обычное время. А мы опаздываем, очень сильно опаздываем.

— А что от этого меняется?

— Не знаю. Но если что-нибудь изменится — то только в худшую сторону. Эх, если бы сохранились хоть какие-нибудь отчеты исследователей!.. Пусть не все, только самые лучшие. А то ведь ничегошеньки нет. Я искал, искал — так ничего и не нашел: все записи стерты. Есть, конечно, журналы всех переходов, но от них толку мало: там по большей части технические записи да пройденный километраж. А личных записей — никаких. Понятное дело, когда каждые пару лет все приходится паковать, чтобы тащить на новое место, — лишнее постепенно выкидывается. Так что никаких конкретных фактов у меня нет. Есть только предчувствие. Весна, вот что меня тревожит.

— Весна? Я этого слова не знаю.

— А его и нет у вас в языке. Нет такого понятия. На более приличных планетах в умеренных поясах бывают четыре времени года. Зима холодная, лето жаркое; а время между ними, когда все согревается, — это и есть весна.

Эльжбета покачала головой и улыбнулась:

— Это не так легко понять.

— На Халвмерке тоже бывает нечто похожее. На краю зоны сумерек есть формы жизни, которые приспособились к более прохладной среде. У них там своя экологическая ниша, и они прекрасно обходятся, пока не возвращается лето. А когда лето приходит — вся эта молодая жизнь из жаркого пояса, наверно, врывается туда и пожирает тамошнюю. Там все должны пожирать друг друга, конкуренция за новые источники пищи должна быть кошмарной.

— Но ты не можешь быть уверен...

— Я и не уверен. Даже надеюсь, что не прав. Давай-ка скрестим пальчики, чтобы удача нас не покинула. Давай?..

Но это не помогло. Сначала почти ничего не изменилось, все выглядело вполне безобидно, и первые жертвы дорожных происшествий никого не взволновали, кроме Эльжбеты.

— Эти зверюшки, они же не знают, что такое машина!.. Вылезают на Дорогу, а мы их давим!..

— Мы тут ничего не можем поделать. Если это так тебя расстраивает — не смотри.

— Я должна смотреть. Это моя работа. Но взгляни, сколько их! Этих зелененьких, с оранжевыми полосками. Прямо кишмя кишат!

Теперь и Ян рассмотрел их. Зверьков становилось все больше и больше. Они выглядели непристойными пародиями на земных лягушек, размером с кошку; и двигались, как лягушки, — прыжками, — и от этого по поверхности их приближавшейся массы пробегала рябь, словно по воде от ветра.

— Наверно, миграция, — сказал он. — Или удирают от кого-нибудь. Мерзко, конечно, но нам они не опасны...

Так ли? Не успев договорить, Ян вдруг почувствовал смутное беспокойство. Где-то на краю памяти что-то тревожило. Что именно — этого он не знал, а любое сомнение взывает к осторожности. Он отключил автопилот от скорости, отпустил акселератор и взялся за микрофон.

— Головной — всем поездам. Убавить скорость до двадцати километров в час. Немедленно!!!

— В чем дело? — спросила Эльжбета.

Дороги уже почти не было видно. Она была сплошь покрыта этим зверьем, не обращавшим внимания на смертоносные колеса.

— Повторяю! — закричал Ян. — Всем водителям немедленно остановиться! Остановиться!!! Тормоза не включать. Убрать ток и двигаться накатом, до полной остановки, но моторы не отключать и следить за датчиками сцепки, иначе поезда в гармошку сложит. Повторяю. Остановиться без тормозов, следить за датчиками сцепки, следить за идущим впереди поездом.

— Что происходит? В чем дело? — крикнул Эйно из машинного отсека.

— Какое-то зверье на Дороге. Тысячи. Мы их давим... —

Договорить он не успел. Машину повело в сторону, он резким ударом вырубил автоматическое управление и схватился за баранку. — Это как на льду... трение нулевое... колеса по раздавленным тушкам скользят!

Вагоны тоже повело. На экранах мониторов Ян видел, как весь поезд начал извиваться змеей: вагоны катились юзом, а рулевой компьютер старался удержать их на прямой линии.

— Отключить рулевые компьютеры! — приказал Ян остальным водителям.

Свой он уже отключил. Чуть тронув акселератор, он добавил скорости тягачу и растянул поезд; вихляние на время прекратилось. Он снова начал сбрасывать скорость, помалу, совсем помалу, в этой каше раздавленных тел.

— Ян, посмотри вперед!

Услышав крик Эльжбеты, Ян взглянул вдаль и увидел, что Дорога — до сих пор прямая — начинает поворачивать. Пологий поворот, совсем простой, — но при нормальных условиях. А что будет теперь, когда поверхность Дороги словно маслом залита?

Скорость снижалась, но недостаточно быстро. Осталось всего пятьдесят километров в час, и становилось все меньше, — но они уже вошли в поворот.

Ян управлял вручную, но пришлось снова включить рулевой компьютер, чтобы вагоны шли точно за тягачом. Чуть тронуть руль, теперь на место... Самый плавный поворот получится, если пройти по внутренней кромке, а потом постепенно выйти на внешнюю... Уже половину прошли... Скорость сорок... Уже тридцать пять... Еще чуть руля... Хорошо... Только бы удержаться и дальше...

Он быстро глянул на экраны и увидел, что вагоны чуть-чуть рыскают, но все-таки идут следом. Почти прошли поворот... Вдруг машину подбросило: под колеса попали обгоревшие сучья, оставленные танками. Это хорошо, что оставили: хоть немного трение усилится... А сразу за обочиной джунгли: крутой откос — и то ли болото, то ли вода внизу.

— Этих зверюшек на Дороге вроде меньше стало, — сказала Эльжбета. — Они теперь группами идут, не сплошняком. Правда, меньше.

— Надеюсь, ты права. — Ян только теперь заметил, как болят руки, сжимающие руль. — У нас скорость десять, вагоны идут нормально...

— Меня тащит! Не удержать!.. — раздался из динамика вопль отчаяния.

— Кто ты? Назовись! — крикнул Ян в микрофон.

— Второй поезд... сложило пополам... торможение полное, но скользим... КОНЕЦ!

Ян автоматически, не замечая, что делает, остановил свой поезд и прислушался. Крики боли, треск, что-то ломается... Потом тишина.

— Всем поездам остановиться! — приказал он. — Докладывайте только в случае аварии. Слушаю.

Слышалось только шипенье помех, ничего больше.

— Второй поезд! Ты меня слышишь? Второй, отзовись, что у тебя? — В ответ молчание. — Третий поезд, ты остановился?

На этот раз ответ был:

— Здесь третий. Остановился нормально, никаких проблем. Эти твари еще идут через Дорогу. Впереди широкий след раздавленного зверья и крови...

— Достаточно, третий. Трогайся вперед, скорость минимальная. Как только увидишь второй поезд — докладывай. — Ян переключился на внутреннюю связь: — Гизо, ты можешь как-нибудь связаться со вторым?

— Пытаюсь, — ответил шеф-связист. — С тягача никаких сигналов. У Чана Тэкенга есть своя рация в поезде, но он не отвечает.

— Постарайся...

— Есть! Сигнал есть, даю на усилитель.

Испуганный голос прерывался тяжелым дыханием:

— ... что случилось. При остановке ранены люди. Пришлите врача...

— Здесь начальник поездов. Кто говорит?

— Ян, это Ли Сю. Мы стоим, у нас паника, и есть раненые...

— Это все не так важно, Ли. Герметизация в порядке? Кондиционеры работают?

— Насколько я знаю, работают. И очень надеюсь, что нас нигде не продырявило, а то тут вокруг какие-то твари лазят. По земле, по вагонам, по окнам...

— Они вам ничего не сделают, если не пролезут внутрь. Узнай, что в соседних вагонах, и свяжись со мной, как только сможешь. Отбой.

Ян сидел напряженно, сосредоточенно замкнувшись, невидяще глядя в переднее окно, а кулак его сам собой тяжело стучал

по рулевому колесу. Поезд сложило — но энергия еще есть. Значит, генератор тягача еще работает. Если так — почему нет связи с экипажем? Что могло отключить радио? Он не мог представить себе, что там произошло, но одно было ясно: без посторонней помощи ему не обойтись, надо вызывать танки — он и так уже потратил несколько драгоценных минут, промедлив с этим.

— Гизо! — крикнул он по внутренней связи. — Немедленно свяжись с Лайошем. Скажи, что у нас беда и, наверно, понадобится их помощь. Мне нужны две самые тяжелые машины и как можно больше троса. Пусть немедленно разворачиваются и жмут к нам.

— Понял. У меня третий на связи.

— Давай его сюда.

— Вижу впереди второй поезд. Вагоны разбросаны по всей Дороге, некоторые даже в джунглях. Я остановился сразу за последним вагоном.

— Тягач видишь?

— Нет.

— Не сможешь как-нибудь провести свой поезд мимо них?

— Исключено. Тут такая каша. Я в жизни не видел...

— Отбой.

Не успел Ян отключить микрофон, как в наушниках раздался голос Гизо:

— У меня на связи Ли Сю, из второго. Вот он.

— Ян, ты меня слышишь? Ян...

— Что ты выяснил, Ли?

— Я говорил с другим вагоном. Они там кричат, а толком ничего не понять, но мне кажется, что все живы. Пока. В вагоне разбито несколько окон, но Чан Тэкенг забирает людей в свой вагон. Есть новости важнее. Я связался по внутреннему телефону с бортинженером.

— Он тебе сказал, что с ними?

— Там совсем плохо. Я тебя с ним соединяю.

— Молодец. Вильо, ты меня слышишь? Вильо Хейкки, говори!

Радио шипело и трещало, но сквозь помехи послышался удаленный голос:

— Ян... У нас тут авария. Я был в машинном, когда скольжение началось. Нас стало таскать по всей Дороге. Я слышал, Турту что-то кричал, — а потом мы во что-то воткнулись. Что-то очень тяжелое. А потом вода, и Арма...

— Вильо, я тебя теряю! Громче не можешь?

— Авария тяжкая. Я полез было наверх к водителям, но оттуда через люк пошла вода. Может, надо было их оттуда забрать... Но они не отзывались... а вода заливала... Так что я задраил люк.

— Правильно сделал. Ты обязан был думать обо всех остальных в поезде.

— Да, это я знаю... Но Арма Неваляйнен... Она штурманом у нас была...

Теперь не время было думать об этом. Его план привлечь женщин на помощь только что одну из них убил. Но он должен думать только о живых; только о тех, кому еще грозит опасность, кого еще можно спасти.

— Как у тебя с энергией, Вильо?

— Пока все на зеленом. Тягач сильно наклонился вперед, наверно, в болото нырнули. Все управление и радио вырубилось. Но генератор еще крутится, трубы охлаждения, наверно, в порядке, и поезд я пока снабжаю. И еще какое-то время смогу.

— Что ты имеешь в виду?

— Кондиционер тоже вырубило. Температура растет, быстро.

— Держись. Я тебя скоро вытащу.

— Что ты собираешься делать? — спросила Эльжбета.

— Единственно возможную вещь. Пока я не вернусь, ты здесь главная. Гизо тебе поможет, если что. Как только появятся танки — пошлете их ко второму поезду. Я их там встречу.

Пока Ян забирался в скафандр, Эйно упаковал второй в тугой сверток.

— Надо бы и мне с тобой, — сказал он.

— Нет. Оставайся на своем посту. А мне надо посмотреть, что там можно сделать.

Быстро, как только мог, он вышел через заднюю дверь машинного отсека и услышал, как она тяжело захлопнулась у него за спиной: это Эйно отгораживался от палящего воздуха. Без спешки — но и без лишних движений — Ян достал из гнезда мотоцикл, опустил его на Дорогу, приторочил к сиденью скафандр... И только теперь, оглядевшись, увидел, что творилось вокруг.

Это было неописуемо. Кладбище, бойня, фарш, паштет?.. Ни одно из этих слов не годилось — но все они были там, в кошмарном месиве раздавленных, размазанных тел. Несколько живых, случайно уцелевших зверьков, влекомых каким-то

неизвестным инстинктом, по-прежнему отчаянно рвались в джунгли. А голубая плоть и кровь остальных покрывала Дорогу толстым слоем. Непосредственно за тягачом это было еще не так страшно, но, когда Ян проехал чуть дальше назад вдоль стоящих вагонов — стало гораздо хуже. Следы широких колес выглядели ужасающе. Там, где вагоны скользили юзом, Дорога была покрыта жирным синим месивом, в котором мотоцикл увязал. В конце концов Яну пришлось прижаться к внутренней бровке Дороги и ехать по самой кромочке, почти по обгоревшим сучьям, где была полоса свободной поверхности и где можно было двигаться. Это было опасно, но пробраться иначе было попросту невозможно. Ян медленно, очень медленно проехал мимо своего поезда и оказался на участке поворота.

Из джунглей к нему бросилось что-то громадное, когтистое, страшное...

Ян успел заметить, как зверь поднимается на дыбы, — крутанул реостаты, и мотоцикл с воем рванулся вперед, унося его подальше от ужасной твари. Когда мотоцикл натыкался на свежие трупы, его бросало то в одну, то в другую сторону. Ян едва не потерял управление, хоть и спустил ноги на Дорогу, скользя сапогами по тошнотворной грязи. Он рискнул оглянуться — и сбросил скорость: зверь пировал на раздавленных тушках и, похоже, забыл о нем.

Впереди показался поезд номер два. Зрелище ужасное. Вагоны стояли поперек всей Дороги и даже в джунглях, по обе стороны. Тягач скатился с насыпи и уткнулся в болото.

Забыв о раздавленных зверюшках и не обращая на них внимания, Ян двинулся прямо к тягачу. И очень скоро увидел причину трагедии. Исполинское дерево, срезанное плазменной пушкой, бульдозер оттолкнул в сторону, в болото. Оно задержало тягач, не дав ему уйти в воду целиком; но громадный обломанный сук пробил армированное лобовое стекло. Водители погибли.

Вытащить такую махину из болота будет не просто, очень не просто. Но это потом. А прежде всего надо выручать Вильо. Ян остановился за тягачом, потом осторожно вскарабкался по кабелям, держа под мышкой свернутый скафандр. Раскаленный металл обжигал руки даже сквозь толстые перчатки, и казалось, что бортинженер внутри вряд ли еще жив.

Ян откинул крышку телефона внутренней связи возле задней двери и закричал:

— Вильо! Ты меня слышишь? Вильо, отзовись!

Ему пришлось повторить дважды, прежде чем в ответ донесся слабый голос:

— Жарко... горячо... дышать нечем...

— Станет еще хуже, если сейчас не сделаешь, что я скажу. Я не могу открыть дверь, ты ее изнутри задраил. Вильо, слышишь? Надо снять дверь с запора! Воды здесь нет, она ниже. Как только откроешь — дай мне знать.

Было слышно, как Вильо медленно, с трудом, возится с запором. Казалось, целая вечность прошла, прежде чем запертый бортинженер снова заговорил:

— Открыто... Ян.

— Тогда считай, ты уже в порядке. Отойди от двери как можно дальше, чтоб наружным воздухом не ошпарило. Я проскочу и тотчас закрою. У меня скафандр. Как только влезешь в него — все будет нормально. Я считаю до пяти, а потом иду к тебе.

При счете «пять» Ян ударом распахнул тяжелую металлическую дверь и ввалился внутрь, бросив скафандр впереди себя. Закрыть дверь было гораздо труднее — она оказалась перекошенной, — но Ян ухитрился упереться ногами в опору генератора и поднять дверь плечом. Она захлопнулась. Вильо неподвижно скрючился у дальней стены. Когда Ян потормошил его, он открыл глаза и даже постарался пошевелиться, чтобы помочь Яну натянуть на него скафандр, но движения были вялые, совсем слабые. Но вот ноги в штанинах, руки в рукавах... Теперь застегнуть спереди, шлем на голову, максимальное охлаждение... При первом дуновении прохладного воздуха Вильо слабо улыбнулся сквозь забрало шлема и показал большой палец.

— А я думал, что уже спекся. Спасибо...

— Это тебе спасибо, все в поезде живы. Генератор работать будет?

— Никаких проблем. Я его целиком проверил и поставил на автоматику, пока меня жара не достала. Это зверюга выносливая.

— Тогда мы можем вылезать отсюда вместе. Танки уже идут на помощь. Давай найдем вагон Ли Сю и посмотрим, что там происходит. Он на связи с моим тягачом.

— Его вагон шестой в колонне.

Они пошли вдоль поезда, по быстро разлагавшимся трупам животных, послуживших причиной аварии. Хотя вагоны раскидало на Дороге как попало, все сцепки и кабельные соединения остались целы; хвала давно умершим инженерам, которые все это сконструировали когда-то. Люди в вагонах, увидев идущих, взволнованно махали руками; они улыбались и махали в ответ. В одном из окон появилось сердитое лицо Чана Тэкенга; рот его кривился и корчился, изрыгая неслышные проклятия. Он погрозил им кулаком — и разъярился еще больше, когда Ян улыбнулся в ответ и помахал рукой. Подойдя к двери вагона, Вильо включил наружный телефон. Изнутри несколько минут кричали наперебой, но в конце концов кто-то пошел и привел Ли.

— Здесь Ян. Ты меня слышишь, Ли?

— С тобой Вильо? Значит, водители...

— Погибли. Вероятно, сразу же. Как люди в поезде?

— Лучше, чем мы думали сначала. Пара переломов — это самое худшее, что случилось. Людей из поврежденного вагона эвакуировали, вагон заперли. У Чана Тэкенга серьезные жалобы...

— Могу себе представить — он нам только что кулаком махал. О танках не узнал?

— Должны быть с минуты на минуту.

Значит, мы все-таки сумеем выкарабкаться, подумал Ян. Сумеем вытащить всех этих людей. Хотя, конечно, нелегко будет. Двое убиты. Водителей надо подбирать, значит, на других тягачах менять придется... Как бы заделать водительский отсек? Что поставить вместо стекла?.. Дел впереди прорва. А усталость подкралась снова, стараясь свалить с ног.

Глава 9

К тому времени, когда с грохотом подкатили танки, Ян уже успел составить план спасательной операции и даже начал подготовку к ней. Он махнул танкам рукой, приказывая остановиться, прислонил почти разряженный мотоцикл к гусенице первого танка, а сам медленно, устало поднялся в кабину. Там открыл забрало шлема и впервые за несколько часов вдохнул по-настоящему прохладного воздуха.

— Ну и дела! — воскликнул Лайош, глядя на искореженный поезд.

— Дайте воды холодной, ведерко, — попросил Ян. И за один присест выпил почти два литра живительной влаги. — Могло быть гораздо хуже. Сейчас погибли всего двое — надо постараться, чтобы это были единственные жертвы. Дай-ка мне блокнот, я покажу, что будем делать.

Он быстро набросал приземистый танк и несколько вагонов поезда, потом ткнул ручкой в изображение первого вагона:

— Здесь надо отключить энергию и все остальное. Этим уже занимаются. Тягач третьего поезда стоит вплотную к последнему вагону второго. Я там уже был и наладил временное, аварийное подключение. Энергии хватит на оба поезда и еще останется. Сейчас Вильо у себя внизу отцепляет силовые кабели и связь, но сцепку не трогает. Судя по тому, как стоит тягач, сдается мне, что его только поезд и держит, а то бы он уже в болото нырнул. Мне надо, чтобы ты зацепил тягач двумя тросами, на пятьсот тонн каждый, вот здесь и здесь. Потом подашься назад, чтобы натянуть тросы, и заблокируешь гусеницы. Тягач повиснет на твоем танке. Тогда мы отцепляем поезд, второй танк оттаскивает вагоны — чтобы было где повернуться, — тягач цепляем еще двумя тросами ко второму танку... И по сигналу, вместе — р-раз! — и вытащим.

Лайош сосредоточенно думал, качая головой.

— Я очень надеюсь, что ты прав, — но уж больно он тяжел, этот тягач. Он сам помочь не может? Хоть чуть-чуть бы заднего хода...

— Не выйдет. Из машинного отсека ни реверс, ни коробку не включить. Единственное, что Вильо сумел, — приспособил временное управление тормозами, так что можно зажимать их и отпускать когда надо. Это все, на что мы можем рассчитывать.

— Ну тогда и ждать нечего, — сказал Лайош. — Как только у вас все будет готово, мы тоже будем готовы.

— Дай-ка еще попить. И начнем.

Это была тяжелая, изнуряющая работа; к тому же ее приходилось делать в убийственной жаре. Толстые перчатки скафандров мешали управляться с тросами; но наконец, малопомалу, их закрепили в нужных местах. Когда первые тросы натянулись, поезд расцепили. Тросы зазвенели от напряжения, но выдержали. Тем временем второй танк зацепил головной вагон за переднюю ось и потащил его в сторону. Тащить приходилось поперек. В нормальных условиях это было бы

невозможно; теперь помогало то самое скольжение по трупам, которое только что привело к аварии. Вагон скрипел, стонал, раскачивался — но двигался. Едва он оказался достаточно далеко от тягача, танк бросил его и выкатился на исходную позицию возле самого края Дороги. Теперь надо было подцепить тягач и к нему. Ян находился в кабине второго танка, руководя этой сложной, ювелирно тонкой операцией. С тросами возились долго, но наконец послышалось:

— Все тросы на месте.

— Отлично. Я подаюсь назад, натягиваю свои. Готово. Первый, у тебя натяжение в норме?

— В норме.

— Хорошо. По команде «пошел» — тащи. Вильо, как у нас со связью?

— Я тебя слышу, Ян.

— Ну так держи руку на включателе. Мы сейчас потянем. Как только на сцепке будет по триста тонн, я тебе крикну «тормоз» — и ты тотчас вырубишь тормоза. Понял?

— Чего ж тут неясного! Только вытащите меня отсюда, мне совсем не хочется плавать.

Плавать. Если лопнут тросы или танки забуксуют и не удержат этого веса, то тягач уйдет под воду. Тогда выбраться из него у Вильо не будет ни малейшего шанса. Но думать об этом нельзя... Ян рукавом вытер пот с лица. Ведь в танке кондиционер — как же получается, что жара такая?..

— Первый! Приготовься, начинаем. Считаю до трех... Раз, два, три — пошел!

Взревел мотор, загудела трансмиссия, гусеницы медленно-медленно двинулись назад. Вот уже отошли на один трак — клацнули соединительные пальцы, — а тягач стоит как вкопанный, только тросы вытягиваются под нагрузкой... Ян следил за датчиками натяжения, в которых быстро мелькали цифры. Как только проскочило 299, он крикнул в микрофон:

— Тормоз! Давай-давай, пошел!

Тягач вздрогнул, чуть сдвинулся в сторону — и снова замер. Натяжение все росло и росло, приближаясь к пределу прочности тросов. Но там же должен быть запас, можно потянуть еще... На приборы Ян больше не смотрел, а смотрел на тросы. А они вибрировали, вытягивались... И тут тягач сдвинулся с места и начал медленно выползать на Дорогу.

— Вот оно! Так держать! Первый, следи за передними коле-

сами! Как только выйдут на Дорогу — глуши! Идет, идет-идет... Есть!

Ну, с этим управились. Ян позволил себе лишь один глубокий вдох — и занялся следующей проблемой. Затопленная кабина и водители в ней. Он снова начал натягивать скафандр, не признаваясь себе, что делает это с трудом...

Состоялись похороны. Короткие, но все-таки похороны в присутствии лишь нескольких людей в скафандрах. И снова они вернулись к работе. Из кабины выкачали воду, Ян осмотрел повреждения. Можно было поставить времянки и двигаться дальше, а уж потом постепенно доводить все до ума. Он следил за работой сам, хотя уже качался от усталости. Вместо разбитого лобового стекла в кабину вварили стальной лист — некрасиво, но без огрехов, — а в листе прорезали небольшое окошко и закрыли стеклом. Так водитель не слишком много увидит — но по крайней мере хоть что-то увидит, ехать можно. Снова включился кондиционер, водительский отсек начал подсыхать и охлаждаться. Разбитые приборы заменили, подсоединили... Тем временем танки аккуратно выровняли поезд, все сцепки и соединения были проверены... Вроде все цело, никаких повреждений, все в порядке. *Должно быть* в порядке.

Через несколько часов поезда двинулись дальше. Гораздо медленнее, чем надо, — пока все не будет отремонтировано по-настоящему, иначе нельзя, — но все-таки двинулись. Однако это произошло уже без Яна: он рухнул на койку в машинном отсеке и уснул раньше, чем голова коснулась подушки...

Когда он проснулся, было уже темно. Он с трудом поднялся в водительский отсек — за рулем сидел Отакар, посеревший от усталости.

— Отакар, топай вниз, тебе поспать надо.

— Я в полном порядке...

— Врет он все! — горячо перебила его Эльжбета. — Он и меня заставил отдыхать, и всех остальных, а сам ни капельки не отдыхал!

— Ты слышал, что леди сказала? Давай двигай.

Отакар был слишком утомлен, чтобы спорить. Он кивнул, выбрался из кресла и пошел вниз. Ян уселся на свое место, проверил приборы и запросил информацию об автоматике.

— Скверные места начинаются, — сказал он мрачно.

— Начинаются? — изумилась Эльжбета. — А какие же места только что кончились?

— Ну, если бы все шло нормально, тот участок был совсем не сложным. Тамошнее зверье никогда таких проблем не создавало. А вот теперь мы поедем среди таких тварей, с которыми лучше не встречаться. Обитатели вечного лета. Сверху их солнце энергией насыщает, а вокруг в изобилии кишат другие звери, которыми они кормятся. Кого-то убивают, кто-то убивает — и так без конца.

Эльжбета посмотрела на джунгли за обожженным краем Дороги и поежилась.

— Я никогда этого не видела вот так, — сказала она почти шепотом. — Отсюда, из кабины, так страшно смотреть, когда навстречу все время летит что-то неведомое. Когда смотришь из окна вагона — все совсем иначе.

Ян кивнул:

— Мне не хотелось бы тебя расстраивать, но то, чего мы и из кабины не видим, должно выглядеть еще страшнее. Ведь здешний животный мир совершенно не изучен; никто этим не занимался. Однажды, когда мы здесь проезжали, я выставил наружу сетку — всего на несколько часов — и поймал не меньше тысячи разных видов насекомых. А должны быть еще тысячи, может быть, сотни тысяч... Других животных увидеть сложнее, но должны быть и они... Должны быть и ненасытные хищники, нападающие на всех подряд... Поэтому мы никогда не останавливаемся здесь, пока не выходим на острова.

— Насекомые? А зачем ты их ловил? От них польза какая-нибудь, что ли?

Ян не рассмеялся, даже не улыбнулся такому простодушному вопросу. Как еще может мыслить человек, выросший в этом мертвенном мире? У кого ей было научиться думать иначе?

— Знаешь, милая, так сразу не ответить, — сказал он. — И да и нет — и нет и да. В том смысле, в каком мы обычно обо всем думаем, конечно же, никакой пользы нет. Их не съесть, ни еще как-нибудь в дело употребить... Но знание, поиск знания — уже цель сама по себе. И в этом смысле — да. Мы смогли освоить эту планету только потому, что когда-то кто-то искал бесполезное, чистое знание, и при этом — как бы между прочим — появились открытия, которые сделали это возможным. Хотя, наверно, можно было бы найти пример получше, но если рассуждать вот так...

— Неполадки на восьмом поезде! — крикнул Гизо от пульта связи. — Я тебя подключаю.

— Докладывай, — сказал Ян.

— Похоже, что у нас фильтры засорились на воздухозаборах.

— Но ты же инструкцию знаешь? Закрой их и включай очистку воздуха.

— Мы на одном вагоне так и сделали, но люди жалуются, что дышать трудно.

— Люди всегда жалуются. Вагоны не герметичны, какой-то кислород внутрь поступает. А что запах неприятный — это не так страшно, можно пережить. Не позволяй — повторяю! — не позволяй открывать окна. Ни в коем случае! — Ян отключил радио и окликнул Гизо: — Можешь связать меня с Лайошем?

Связь наладилась быстро; было слышно, что Лайош устал до предела.

— Тут деревья по десять метров толщиной; много времени уходит.

— Значит, надо расчищать не всю Дорогу, а узкую полосу. Между нами должно быть не меньше пяти часов.

— В инструкции сказано...

— К чертям инструкцию! Мы торопимся. Скоро поедем обратно, тогда и расширим.

Ян переключил автопилот, добавив еще десять километров в час. Отакар посмотрел на спидометр, но промолчал.

— Знаю, — сказал Ян. — Едем быстрее, чем надо бы. Но у нас там люди заперты, в такой тесноте они никогда в жизни не сидели. Скоро вонь будет, как в зверинце...

На носовом радаре появился сигнал — Ян выключил автопилот. На Дорогу выскочило что-то большое, но не настолько, чтобы задержать тягач. Зверь поднялся на дыбы, приготовился к бою... Эльжбета охнула... Кошмарным видением мелькнуло громадное темно-зеленое тело с великим множеством лап, когтей и длинных зубов — и тут же тягач сбил его.

Раздался глухой, тяжелый удар, потом хруст под колесами — и снова только шум машины. Ян опять включил автопилот.

— У нас таких прелестей еще часов на восемнадцать, не меньше, — сказал он. — Останавливаться нельзя. Ни в коем случае.

Но не прошло и трех часов, как раздался аварийный вызов. Это снова был поезд номер восемь, и кто-то там кричал так, что разобрать слова было совершенно невозможно.

— Повтори! — Своей командой Ян перекрыл хриплый голос в эфире. — Повтори, только медленнее, а то ничего не понять!

— ...Их покусали... теперь без сознания, опухли, мы останавливаемся и вызываем доктора из четырнадцатого поезда.

— Вы *не* останавливаетесь! Это приказ. Остановка только на островах!

— Но мы должны, дети...

— Я своими руками вышвырну из поезда водителя, который остановится на этом участке! Что случилось с детьми?

— Какие-то клопы покусали, большие. Мы их убили.

— Как они попали в вагон?

— Окно...

— Я же приказывал!.. — Ян так сжал баранку, что костяшки пальцев побелели. Говорить он не мог, сначала надо было дух перевести. — Общая связь, вызываю всех! Всем начальникам вагонов. Немедленно проверить окна, чтобы все было закрыто. Все окна должны быть закрыты! Восьмой поезд! В каждом вагоне есть сыворотка, немедленно колите.

— Мы уже, только это не помогает. Доктора надо.

— Доктора не будет. Останавливаться нельзя. Да он и не сможет ничего предложить, кроме той же самой сыворотки. Свяжитесь с ним, опишите симптомы. Быть может, он вам что-нибудь посоветует. Но останавливаться мы не будем.

Ян выключил связь.

— Не можем мы тут останавливаться, — сказал он сам себе вслух. — Неужели они не понимают? Ну нельзя нам тут останавливаться!..

С наступлением темноты жизни на Дороге прибавилось. Одни создания стояли, ошеломленные светом, пока не исчезали под колесами; другие вдруг появлялись из темноты и разбивались о лобовое стекло. Поезда двигались безостановочно. Только на рассвете добрались они до гор, до туннеля — в черную пасть которого и нырнули, как в спасительное убежище. Пройдя сквозь горы, дорога пошла на подъем; и, выбравшись из туннеля, поезда оказались на высоком голом плато. Эта каменная плоскость была сделана из горы, которой снесли вершину. По обе стороны Дороги стояли танки; измученные водители спали. Пока последний поезд не появился из туннеля, Ян продолжал движение. А потом приказал остановиться. Когда все поезда встали на тормоза и отключили моторы, ожило, зашуршало радио.

— Это поезд номер восемь. Ну теперь-то можно доктора? — В голосе слышалась холодная горечь. — У нас семеро больных. И трое детей умерли.

Ян смотрел на зарю, поэтому ему не пришлось встретиться взглядом с Эльжбетой.

Глава 10

Они ели вдвоем, сидя у откидного стола в задней части кабины. Дорога шла ровно, и Отакар сидел за рулем один. Если разговаривать тихо, он их не слышал. Гизо ушел вниз к Эйно; время от времени оттуда доносились возгласы, слышно было, как шлепают карты, — там все ясно. Есть Яну совершенно не хотелось, но он все-таки ел: знал, что это необходимо. А Эльжбета жевала медленно, словно во сне; словно не осознавала, что делает.

— Нельзя было иначе, — сказал, почти прошептал Ян. Она не ответила. — Неужели ты не понимаешь? Ты мне с тех пор ни единого слова не сказала, вот уже два дня. — Она по-прежнему смотрела в тарелку. — Либо ты мне сейчас ответишь, либо пойдешь к себе в семейный вагон!..

— Я не хочу с тобой разговаривать. Ты убил их.

— Так я и знал!.. Да не убивал я их! Они сами себя убили!

— Они же дети...

— Глупые дети... А теперь — мертвые дети. Почему родители за ними не смотрели? Где они были? Эти ваши семьи просто культивируют идиотизм. Ведь все знают, что за звери здесь, в джунглях. Мы никогда здесь не останавливаемся. И что бы мог сделать наш несчастный доктор?

— Этого мы не знаем.

— Знаем. Дети погибли бы в любом случае, а вместе с ними и кто-нибудь еще. Неужели ты не понимаешь, что у меня не было выбора? Я обязан был думать об остальных.

Эльжбета смотрела вниз, на свои сплетенные пальцы.

— Все равно. Это ужасно!..

— Я знаю, что ужасно. И мне это нелегко далось, поверь. Ты думаешь, я спал хоть минуту с тех пор?.. Пусть их смерть будет на моей совести, если тебе от этого легче. Но как бы я себя чувствовал, если бы остановился — и это привело бы к новым жертвам?.. Подумай!.. Детишки все равно бы умерли,

доктор даже не успел бы до них дойти. Остановись мы — все было бы еще хуже, гораздо хуже.

— Может, ты и прав. Я теперь уже не знаю.

— А может, и не прав. Но прав или нет — я обязан был сделать именно то, что сделал. Выбора не было.

Оба замолчали. Простого ответа тут не найти.

Поезда двигались теперь вдоль цепи островов, по срезанным горным вершинам. Время от времени по обе стороны виднелся океан. С этой высоты он казался почти привлекательным: кишащей в нем жизни видно не было, только катились и катились волны, белели пенные гребни.

Вскоре неясная дымка на горизонте разрослась в длинный горный хребет. Перед въездом на Южный материк Ян приказал остановиться на целых восемь часов. Были проверены все трансмиссии, колеса, шины, тормоза; были прочищены все воздушные фильтры, хотя пока никто в них не нуждался. Впереди их ждал еще один пояс джунглей, и там тоже нельзя было останавливаться. Хоть он и не так широк, как на севере, но опасен не меньше.

Это был последний барьер, последнее испытание. Они прошли его за три дня, без единой задержки. Только когда все поезда, включая самый последний, ушли глубоко в туннель, они остановились отдохнуть, а через несколько часов двинулись дальше. Этот туннель был самым длинным из всех, он пересекал весь горный хребет от подножия до подножия. Когда поезда снова вынырнули в солнечный свет, вокруг была пустыня; в свете прожекторов искрились песок и камни. Ян проверил температуру снаружи.

— Тридцать пять градусов! Прошли!.. Гизо, вызывай всех водителей. Остановимся на час. Можно открыть двери. Кто захочет выйти — можно. Только предупреди, чтобы к металлу не прикасались; он еще, наверно, не остыл.

Это был праздник, восторг, освобождение... Во всех вагонах с треском распахнулись двери, и начался исход. Застучали по камню Дороги трапы; спускаясь, люди окликали друг друга... Тут, в пустыне, было жарко и мерзко, — но после скученности в запертых вагонах это была свобода. И мужчины, и женщины — не говоря уж о детях — высыпали наружу и прогуливались взад-вперед при свете окон и фар. Несколько ребятишек помчались к краю Дороги, чтобы порыться в песке, — Яну пришлось распорядиться, чтобы их оттуда забрали.

В голой пустыне не было опасностей, кроме бугрячей, но он больше не мог допустить никакого риска. Он дал людям целый час. К концу этого срока большинство, устав и обливаясь потом, уже вернулось в прохладные вагоны. После ночного отдыха караван двинулся дальше.

Короткая осень халвмеркского лета была почти на исходе; и чем дальше продвигались они на юг, тем короче становились дни. Скоро солнце вообще перестанет появляться, и в южном полушарии начнется зима. Четыре земных года сумерек. Сельскохозяйственный сезон.

Когда вагоны понеслись по пустыне, пассажиры забыли о всех неудобствах и даже стали просить, чтобы остановки делали покороче. Скоро они будут дома, а значит, кончатся все их беды.

Из окна головного тягача Ян увидел столбы первым. Солнце садилось за горизонт, тени были длинные... Вот уже несколько дней вокруг расстилались все те же пески — и вдруг резкая перемена. Длинная шеренга заборных столбов промелькнула назад, отмечая границу растрескавшихся, иссохших полей. Потом появились окраинные фермы. Одна, другая... По всем поездам прокатилась волна ликования.

— Ну наконец-то, — сказал Отакар. — Доехали все-таки. А то я уже уставать начал.

Ян не поддержал его радости, даже не улыбнулся.

— Подожди, ты еще не так устанешь, пока все это кончится. Надо разгружать зерно и разбирать поезда.

— Мне-то ты можешь не напоминать. Но воркотни будет выше крыши, наслушаешься, вот увидишь.

— Пусть ворчат. Если у вашей планеты вообще есть хоть какое-нибудь будущее — оно зависит от того, будет ли у нас зерно, когда придут корабли.

— Если, — поправила его Эльжбета.

— Да, конечно. Это «если» всегда присутствует. Но мы должны действовать так, будто это произойдет. Потому что, если они вообще не придут — конец всему. Но об этом мы сможем погоревать потом; времени будет достаточно. А пока давайте не будем портить праздник. Остановим поезда на центральной улице, встанем на тормоза и посмотрим, нельзя ли устроить пир веселый. Я думаю, сегодня у всех настроение подходящее. А зерно разгружать можно начать и завтра, когда выспимся вволю.

Праздник так праздник, возражать никто не стал. При температуре воздуха около тридцати градусов вполне можно было устроиться на свежем воздухе, просторно и удобно. Когда поезда остановились в последний раз — уже посреди пустых фундаментов Южгорода, — все двери распахнулись настежь. Ян посмотрел, как люди толпами вываливаются в сумерки, и стал медленно спускаться по лестнице из кабины.

Его работа еще не кончилась. Уже вытаскивали первые стулья, уже расставляли столы на козлах, — а он направился к зданию главного зернохранилища. Стены, прогревшиеся за четыре года беспрерывной жары, до сих пор излучали тепло. Перед тяжелой металлической дверью скопился толстый слой пыли. Ян разгреб ее сапогом. На двери два механических замка и один электронный. Ян открыл их своим набором ключей, потом навалился на дверь. Открылась она легко, и его обдало прохладой. Войдя, он запер за собой дверь и оглядел знакомую картину: центральный пульт водоснабжения был точно таким же, как тот, что он запер в Севгороде перед отъездом. Два эти помещения — единственные на планете, в которых всегда работают кондиционеры и поддерживается постоянная температура. Без этого люди не смогли бы здесь жить.

Прежде чем запустить программу, Ян сел в кресло перед экраном и включил одну за другой телекамеры на опреснительной станции, за полторы тысячи километров отсюда, в горах над морем. Первая была установлена на мощном куполе из стали и бетона и давала при вращении панорамный обзор. Там все было в порядке, как и должно было быть. Ян и так это знал: в случае каких-нибудь неполадок аварийный сигнал предупредил бы его заранее. Но ему всегда казалось, что надо посмотреть самому, иначе не надежно. Конечно же, это было иррационально, но у всех хороших механиков есть такой пунктик иррациональности. Чтобы по-настоящему работать с машинами, надо их любить.

Мощь и надежность, цитадель совершеннейшей технологии. Снаружи — невзрачная, выщербленная ветром поверхность бетона, а его толщина более трех метров. На верхней плите купола сидели какие-то летающие ящероиды... Когда глаз телекамеры повернулся в их сторону, они снялись и, лениво хлопая крыльями, удалились. Далеко внизу расстилалось море; было видно, как разбиваются волны о скалу. Потом в поле зрения попали бункеры, наполовину заполненные

сокровищами, извлеченными из морской воды; это побочные продукты опреснения. В одном из бункеров хранилась по меньшей мере тонна золота. На Земле это составило бы несметное богатство; но на Халвмерке оно ценилось только за химическую стойкость и использовалось для антикоррозийного покрытия тягачей и сельскохозяйственных машин. Последнее, что увидел Ян, медленно поворачивая камеру, — глубокий канал, уходивший по склону горы к черному устью туннеля, в двух километрах ниже станции.

А внутренние камеры показывали совершенство и мощь гигантского комплекса машин, созданных для надежной, безотказной работы. Он был сконструирован настолько хорошо, что Яну за все годы, проведенные здесь, лишь однажды пришлось заходить туда самому. Весь контроль и техническое обслуживание осуществлялись автоматически, постоянно. Это был громадный, гулкий храм науки, функционировавший беспрерывно, хоть туда редко кто заходил; Яну вспомнилось, как отдавались эхом его шаги. Четыре года комплекс бездействовал; плазменный генератор бесшумно выдавал лишь столько энергии, сколько было нужно для поддержания температурного режима. Теперь он должен был ожить снова. Стартовая программа была большой и сложной, с саморегуляцией на каждом этапе; такой ее создали конструкторы, умершие много столетий назад. Они хорошо потрудились. Ян включил компьютерный терминал, получил обратную связь и набрал команду запуска.

Какое-то время ничего не происходило, потому что первым этапом пусковой серии была внутренняя проверка всех агрегатов и узлов. Когда машина убедится, что все в порядке, она начнет постепенно увеличивать выход энергии. Потом заработают насосы, скрытые в скале под уровнем моря. У насосов не было движущихся деталей; они бесшумно поднимали воду по громадным трубам к опреснительной станции на гребне горы, используя вариант той же магнитной бутылки, в которой происходит термоядерный синтез. Такие «бутылки» захватывали воду и выбрасывали ее все выше и выше, пока она не попадала в камеру мгновенной дистилляции. Здесь она моментально испарялась, и почти весь пар засасывался в конденсатор. А дальше работала уже естественная сила гравитации.

Ян достаточно насмотрелся на людей, достаточно наговорился с ними — и теперь наслаждался одиночеством. Несколько часов просидел он, глядя на экраны и читая распечатки, пока в канале не появились первые ручейки, через несколько секунд превратившиеся в ревущий поток, который ринулся вниз, смывая песок и накопившийся мусор, и вскоре ворвался в туннель. Пройдет еще несколько дней — и первая грязная струйка, пройдя все туннели и каналы, достигнет города.

Отдельный поток насыщенного рассола вытекал по туннелю, пробитому в склоне горы, обратно в море. Экстракторы, извлекающие из морской воды химические элементы и соединения, Ян собирался включить не раньше чем через неделю. Поначалу нужен только мощный поток, который наполнит и промоет каналы. Все шло нормально, как и должно было быть, а Ян устал. И совсем забыл о празднике. Сейчас там, наверно, веселье в самом разгаре... Хорошо бы, если бы удалось избежать его. Устал страшно, надо выспаться... Ян снял с полки трансляционный усилитель и прицепил к поясу, с этим прибором можно следить за опреснительной станцией откуда угодно.

Ночь была жаркая, но свежий ветерок делал ее вполне терпимой. Судя по доносившимся звукам, праздник действительно был в разгаре: похоже, что все уже съели, а теперь напиваются. Ладно, пусть повеселятся. Даже без тягот, связанных с переездом, у них не так уж много радостей в жизни. Когда снова начнутся полевые работы, праздников не будет несколько лет.

— Ян! А я как раз за тобой иду!.. — Из-за угла появился Отакар. — Главы семей собрались, ты им нужен.

— Неужто они не могли подождать, пока мы не выспимся толком?

— Наверно, что-нибудь срочное. Меня оторвали от холодноющего кувшина с пивом — я возвращаюсь к нему. Они поставили купол и заседают там. Утром увидимся, да?

— Доброй ночи.

Идти медленно у Яна не получалось, а до купола было рукой подать. Теперь, когда первый рейс закончен, они наверняка снова примутся за прежнее нытье. Обидно, но, хочешь не хочешь, придется с ними поговорить. Пусть сольют излишки желчи, чтобы с утра могли приняться за разгрузку зерна... У входа в купол стоял проктор, при полном параде и с оружием. Когда Ян подошел, проктор постучал в дверь и отворил ее.

Все были в сборе. Главы семей и технические руководители молча ждали, пока он сядет. Первой заговорила Градиль. Так было заведено, что первой начинала говорить именно она.

— Серьезные обвинения, Ян Кулозик.

— Кого я на этот раз обидел? И не может ли это подождать до утра?

— Нет. Дело не терпит отлагательства, правосудие должно свершиться. Ты обвиняешься в том, что напал на проктора-капитана Хайна Риттершпаха, и в том, что твои действия повлекли за собой смерть троих детей. Это очень серьезные обвинения, поэтому до суда ты будешь взят под стражу.

Он вскочил, усталость как рукой сняло.

— Но вы не...

Договорить он не успел. Два дюжих проктора бесцеремонно схватили его за плечи, а напротив возник ухмыляющийся Хайн Риттершпах с пистолетом в руке.

— Без фокусов, Кулозик, иначе стреляю. Ты опасный преступник и должен сидеть под замком.

— Слушайте вы, идиоты! Что вы затеяли? У нас нет времени на дурацкие забавы! Нам надо ехать — разворачивать поезда и мчаться! — за оставшимся зерном... После этого я готов играть в ваши игры, если вы так уж настаиваете.

— Нет! — Градиль победно улыбалась; в ее улыбке не было и следа человеческой теплоты. — Мы решили, что зерна вполне достаточно. Еще один рейс может быть слишком опасен. — Улыбка ее погасла, осталась только холодная злость. — И жить мы здесь будем, как жили всегда, пока тебя не было... А тебя и не будет. Некому станет воду мутить.

Глава 11

Ведь Градиль задумала все это с самого начала!.. При этой мысли, горькой, словно желчь, Ян буквально ощущал вкус плескавшейся в нем ненависти. Задумала, спланировала — и осуществила. Есть, есть-таки мозги за этими змеиными глазами!.. Была бы она мужчиной — он бы ее убил на месте, на глазах у всех, пусть бы и его убили за это.

Каменный пол был горяч, еще хранил тепло отпылавшего лета. Ян снял с себя рубашку и смастерил из нее подобие подушки. Голове стало чуть полегче, но пот льется — хоть купайся. В этой маленькой кладовке градусов сорок, а то и по-

больше... Они, наверно, подготовили ее еще до того, как собрались его судить: вон видно, где лежали запчасти — следы остались. Окон нет. Высоко, под самым потолком, беспрерывно горит лампа. Стальная дверь заперта снаружи... Под дверью была щель, через которую проникало немного прохладного воздуха. Ян лежал, прижавшись к ней лицом, и гадал, сколько времени он уже провел здесь и принесут ли ему воды.

Кто-то должен был за ним присматривать — но никого не было. И казалось совершенно невероятным, немыслимым, что еще вчера он был начальником поездов и отвечал за всех людей и все ресурсы целой планеты, а сегодня стал забытым узником.

Градиль. Конечно же, они сделали то, что она захотела. Когда старуха поддержала его — это была лишь уловка. Она знала, что только он сможет управиться, больше некому. Но она знала и то, что сразу после перехода с ним нужно покончить. Слишком крутых перемен добивался он, слишком большой свободы, — а ей это не нужно... И остальным тоже. Их наверняка не пришлось уговаривать, чтобы приняли участие в его свержении.

Но нет!

Слишком многое уже изменилось, и слишком многое меняется, чтобы она могла победить. Если она все сделает по-своему — они засеют семенное зерно, привезенное с собой, а остальное оставят до прихода кораблей. И, отдавая его, конечно же, станут униженно кланяться, как всегда, и будут счастливы вернуться к прежней, привычной жизни...

Нет, черт возьми! Ян заставил себя подняться на ноги. Все будет совсем не так. Если корабли не придут — здесь все вымрут, так что все остальное не имеет никакого значения. Но если придут — они уже не вернутся «на круги своя»... Ян стал колотить ногой в дверь и колотил до тех пор, пока она не стала болтаться.

— Эй, ты там! Утихни! — крикнул кто-то наконец.

— Черта с два! Вы мне воды дадите когда-нибудь? А ну-ка открой!

Он начал колотить снова. Снова и снова, пока голова не закружилась от напряжения; снаружи раздался наконец лязг засова. Когда дверь отворилась, за ней стоял Хайн, с пистолетом на изготовку, а рядом с ним еще один проктор. Рука у Хайна до сих пор была в гипсе, он помахал этой рукой перед Яном.

— Вот видишь, что ты наделал? И думал, это тебе просто так сойдет, да? Ничего подобного! Тебя приговорили...

— Без суда?

— Почему ж без суда! Суд был. Очень честный и справедливый, можешь мне поверить, я на нем присутствовал... — Он хохотнул. — Доказательства вполне убедительные... И за твои преступления тебя приговорили к смерти. Так с какой стати тратить на тебя хорошую воду?!

— Не может этого быть!

Ян покачнулся, внезапно ослабев, и привалился к дверному косяку.

— Тебя больше нет, Кулозик! Понимаешь ты это? Ну, что же ты на колени не падаешь, не молишь, чтобы я тебя простил и спас?.. Я ведь мог бы и подумать!..

Он сунул пистолет прямо в лицо Яну. Ян отшатнулся и скользнул вниз, не в силах устоять на ногах...

Схватить Хайна за лодыжки, дернуть и свалить его, уронить спиной на второго проктора... Ян научился разным коварным приемам у своего учителя карате — тот был любитель, но мастер, — а эти тюфяки и понятия не имеют о тонкостях рукопашного боя.

Хайн держал пистолет в левой руке, неуклюже, и, когда попытался нажать на курок, — Ян ударил его по предплечью и оттолкнул. Раздался один-единственный выстрел, а в следующий миг Хайн взвыл от боли: Ян точно попал коленом ему в пах. Второму проктору досталось не меньше. Кулаком по ребрам — дух вон, — потом ребром ладони по затылку... Он потерял сознание, даже не успев схватиться за оружие.

Хайн сознания не потерял, а катался от боли, скрючившись, с остекленевшими глазами, широко раскрыв рот. Ян подобрал и его пистолет, а потом от души врезал ему сапогом по скуле, «на закуску». Хайн утих.

— Мне надо, чтобы вы оба пока посидели тихонько, — сказал им Ян, затаскивая безжизненные тела в кладовку и запирая дверь.

Что дальше? Сейчас он на какое-то время свободен. Но куда бежать? И кроме того — ему нужно нечто большее, чем собственная свобода. Необходимо привезти зерно, необходимо гнать поезда во второй рейс, но главы семей решили этого не делать. Он мог бы сейчас явиться к ним, но чего он добьется? Они приговорили его к смерти — приговорили в его отсутствие — не для того, чтобы теперь выслушивать. Если бы там не было Градиль, он, наверно, смог бы их убедить... Хотя нет. Он знал, что это ничего не изменило бы. Даже если ее убить — все равно ничего не добьешься.

Единственное, что могло бы хоть что-нибудь изменить — и спасти его самого, а может быть, и жизнь и будущность каждого на этой планете, — это очень серьезные, крутые перемены. Но в чем они должны состоять? И как их осуществить? Так сразу не придумаешь, простого ответа нет. Но прежде всего — хотя бы глоток воды. В углу стояло ведро, в котором прокторы охлаждали пиво. Ян вытащил из него бутылки, поднял ведро к губам и пил, пил... Пил бы еще, но больше не мог. Остаток он вылил себе на голову; от холода дух перехватило — это было чудесно. Только после того он открыл керамическую пробку бутылки и начал с наслаждением смаковать пиво. В мозгу начали возникать какие-то зачатки будущего плана действий. Один он не сможет ничего. Но кто в состоянии ему помочь? Ведь сделать теперь хоть что-нибудь — значит пойти против воли глав семей. А может быть, на этот раз они сами себя обманули? Ведь если суд и приговор держатся в тайне, то Ян может найти себе помощников. Но прежде, чем за что-либо приниматься, нужно выяснить, что происходит.

Пистолеты, отобранные у прокторов, он засунул в пустой мешок из-под зерна, так чтобы одну рукоятку можно было ухватить в любой момент. Из кладовой не доносилось ни звука, с этой стороны ему пока ничего не грозит. Но что происходит снаружи?

Ян слегка приоткрыл наружную дверь и выглянул в щель. Ничего. Пустынная улица; бесцветная пыль под тусклым, сумеречным небом. Он распахнул дверь, вышел и быстро зашагал к безмолвным поездам...

И остановился. Неужели всех перебили? Кто? Повсюду раскиданы неподвижные тела... Но он тут же улыбнулся своим опасениям. Они же спят! Добрались наконец, выбрались из осточертевших поездов — и наступил штиль после шторма: все объелись и перепились до изнеможения, а потом, вместо того чтобы забираться в тесноту вагонов, повалились и уснули где кто упал. Это было просто замечательно, ничего лучше и не придумать. Главы семей наверняка тоже спят, а в данный момент ему некого опасаться, кроме них. Он быстро и бесшумно пошел вдоль поездов к вагону семьи Сю. Здесь, как

всегда, царил порядок: циновки разложены аккуратными рядами, женщины и дети спят отдельно... Он прошел мимо них к спящим мужчинам и нашел Ли Сю. Лицо его было спокойно, тревожная морщинка между бровями разгладилась во сне — такого Ян никогда прежде не видел. Он опустился на колени и легонько тронул Ли за плечо. Темные глаза медленно раскрылись, и между ними тотчас возникла та самая морщинка — Ян предостерегающе поднес палец к губам. Ли, повинуясь знаку Яна, молча поднялся и пошел за ним следом. Так же молча он последовал вверх по лестнице в кабину тягача; так же молча смотрел, как Ян закрывает дверь. Потом спросил:

— Что случилось? Чего ты хочешь?

— У меня твои пленки, Ли. Незаконные.

— Лучше бы я их уничтожил!.. Так я и знал!.. — Это был крик боли.

— Да наплюй ты на них, Ли. Я пришел к тебе потому, что ты единственный человек, кого я здесь знаю, у кого хватило мужества нарушить эти сволочные законы. Мне нужна твоя помощь.

— Я не хочу ни во что ввязываться. Лучше бы я...

— Послушай-ка меня. Ведь ты даже не спросил, что мне нужно. Ты что-нибудь знаешь о суде?

— Какой такой суд?

— Ты не знаешь, что меня приговорили к смерти?

— О чем ты, Ян? Переутомился, что ли? С тех пор как мы приехали, произошли только три события: наелись, напились и завалились спать. Это все. И это было замечательно!

— Ты не знаешь о собрании глав семей?

— Слышал. У них вечно собрания. Я знаю, что они сначала поставили купол, а потом только выдали пиво. Наверно, так и сидят в своем куполе. Это хорошо, без них праздник был гораздо приятнее. Здесь можно попить?

— Автомат сразу за той дверью.

Так, значит, суд действительно был тайным! При этой мысли Ян улыбнулся. Они сами дали ему в руки оружие против себя. Ошиблись, ребята. Если бы вы сразу меня прикончили — ну поворчал бы народ маленько, и все. А теперь вы уже этого не сможете сделать, поздно... Ли вернулся; вид у него был уже не такой заспанный.

— Вот тебе список. — Ян быстро писал на бланке заказа. —

Люди из моего экипажа, все хорошие парни, и Лайош. Он научился думать самостоятельно, когда принял командование от Хайна. Вас мне будет достаточно. — Он отдал листок Ли. — Я не хочу рисковать. Лучше, чтобы меня никто не видел. Возьми этот листочек, найди этих людей и скажи им, что я их здесь жду. Хорошо? Они должны прийти без шума и как можно быстрее. Дело чрезвычайной важности.

— Что за дело?

— Ли, ну поверь мне еще чуть-чуть, ладно? Очень тебя прошу. Когда все соберутся — я расскажу, что произошло. Это на самом деле очень важно. И очень нужно, чтобы все были здесь как можно скорее.

Ли набрал воздуха, как будто собирался возразить, — но только медленно выдохнул.

— Только ради тебя, Ян. Только ради тебя.

Он повернулся и исчез...

Люди приходили по одному, и Яну трудно было сдержать их любопытство и собственное нетерпение. Но он все-таки дождался, когда вернулся Ли и закрыл за собой дверь.

— Еще кто-нибудь не спит? — спросил он.

— Да нет, — ответил Отакар. — Может, кто-нибудь и поднимается, если отлить приспичило, но тотчас падает и засыпает. Это же была форменная пьянка. Но что ты затеял?

— Сейчас расскажу. Но сначала хочу уточнить некоторые факты. Перед началом перехода мы повздорили с Хайном Риттершпахом. Он утверждает, что я его ударил. Он лжет. Там был свидетель — Лайош Надь.

Все повернулись к Лайошу. Он попытался укрыться от их взглядов, но деться было некуда.

— Ну, Лайош? — подтолкнул его Ян.

— Да... Я там был... Я не все слышал, что вы говорили...

— А я об этом и не спрашиваю. Ты только скажи, ударил я Хайна или нет.

Лайошу очень не хотелось говорить — но он уже был втянут в это дело. В конце концов он помотал головой:

— Нет. Ты его не бил. Был момент, я подумал, что вот сейчас кто-то кого-то треснет, уж очень вы оба сердитые были. Но ты его не ударил.

— Спасибо. Есть еще одно дело, не такое простое. Умерли несколько детей. Умерли от укусов каких-то насекомых, когда мы двигались через джунгли. Вы все об этом знаете. Мне

пришлось принимать трудное решение. Я не остановил поезда, чтобы дать доктору возможность добраться до них. Быть может, я был не прав. Быть может, остановка могла бы их спасти. Но безопасность всех я поставил выше безопасности нескольких человек, хоть это и были дети. Это на моей совести. Если бы мы остановились, — быть может, доктор смог бы что-нибудь...

— Нет! — громко перебил его Отакар. — Ничего он не смог бы! Я все слышал. Слышал, как старый Беккер связался с ним и кричал. Но тот же Росбах — а они звереют, когда на них кричат, — так он кричал еще громче. Кричал, что ничего не может сделать, кроме укола сыворотки, а это и так уже сделано... И костерил на чем свет стоит идиотов, что позволили открыть окна, включая самого Беккера.

— Хотел бы я это услышать! — восхитился Эйно.

— Я тоже, — с улыбкой поддержал его Гизо.

— Спасибо, Отакар, — сказал Ян. — Я рад был узнать эти подробности по нескольким причинам. Только что вы узнали все детали обвинений против меня. Я считаю, что это лживые обвинения. Но если главы семей хотят, чтобы я предстал перед судом, — я готов.

— Какой суд? — удивился Отакар. — Следствие — еще куда ни шло. Но суд может состояться только после того, как обвинения будут доказаны. Как же иначе!

Все закивали, соглашаясь; Ян подождал, пока затихнут комментарии, а когда все умолкли — продолжил:

— Я рад, что все мы едины в этом. А теперь могу рассказать, что произошло. Пока вы праздновали, главы семей собрали тайное совещание. Они схватили меня и упрятали под замок. Потом состоялся суд по тем обвинениям, что я вам изложил, — заочный суд, — и меня признали виновным. Если бы я не бежал, то сейчас мог бы уже умереть. Таким был их приговор.

Сначала ему просто не поверили. Потом, когда правда дошла до сознания присутствующих, шок сменился ожесточенной яростью.

— Вы не верьте мне на слово, — предложил Ян, — это слишком важное дело. Хайн с одним проктором заперты в кладовой, они подтвердят...

— Да не хочу я слушать, что скажет Хайн! — воскликнул Отакар. — Слишком много он врет всегда. Я тебе верю, Ян. Мы все

тебе верим. — Остальные снова закивали. — Ты просто говори, что надо делать. И людям надо рассказать. Нельзя, чтобы эти мерзавцы вышли сухими...

— Выйдут, — возразил Ян. — Еще как выйдут, если только мы им не помешаем. Просто рассказать людям — этого мало. Ты можешь себе представить, чтобы кто-нибудь из семьи Тэкенгов восстал против старика? Нет, вряд ли — я не могу. Я хочу предстать перед судом, действительно хочу. Но — как положено по Книге законов. Публично, чтобы все слышали каждое свидетельство. Я хочу, чтобы все было открыто. Но главы семей постараются этого не допустить. Значит, мы должны их заставить.

— Как?

Наступило молчание. Все ждали, что скажет Ян, и горели желанием ему помочь. Но как далеко они могут пойти? Ян интуитивно понимал, что если они задумаются над тем, что собираются делать, — то остановятся. Но если сейчас возьмутся все разом, пока злость не прошла, то могут и сделать. А обратного пути уже не будет, важно начать. Сейчас у них возникли революционные мысли, а предстоят — революционные действия... Он заговорил осторожно, взвешивая каждое слово:

— Без электроэнергии ничего работать не будет. Эйно, как проще всего на время вывести из строя тягачи? Снять компьютерные программные блоки?

— Слишком сложно. — Инженер решал сугубо техническую задачу и не задумывался о том, какое чудовищное преступление они обсуждают. — По-моему, лучше всего вытащить многоканальный штекер в системе управления. Просто выдернуть пробки с обеих сторон и забрать кабель. Тут дел-то на пару секунд.

— Отлично. Так мы и сделаем. И на танках тоже. И соберем все кабели в шестом танке, самом большом. А потом разбудим всех — и расскажем, что произошло. И заставим старейшин немедленно устроить судебное разбирательство по всем правилам. А когда оно состоится — поставим кабели на место и вернемся к работе. Что скажете?

Он задал вопрос как ни в чем не бывало, хотя его решение было наиважнейшим. Это поворот настолько крутой, что пути назад уже не будет. Если они сообразят, что сейчас берут в собственные руки власть принимать решения — единствен-

ную реальную власть, какая вообще существует, — могут и призадуматься. Еще минутное колебание — и он пропал.

Но собравшиеся были технари, механики, — и никогда не мыслили подобным образом. Они просто хотели исправить явную несправедливость.

Все шумно обрадовались и начали распределять обязанности, готовясь к операции. Только Гизо Сантос не принимал участия в общем ликовании, а сидел, пристально глядя на Яна большими умными глазами. Ян не дал ему никакого поручения и вскоре остался наедине с молчаливым начальником связи. Когда все разошлись, Гизо заговорил:

— Ты понимаешь, что ты затеял, Ян?

— Да. И ты тоже. Я нарушаю все правила и ввожу новые.

— Это что-то гораздо большее. Правила, однажды нарушенные, никогда уже не вернутся. Главы семей не захотят...

— Мы их заставим.

— Я знаю. И могу назвать это подходящим словом, даже если ты не назовешь. Это революция. Верно?

Ян несколько долгих секунд смотрел в угрюмое лицо Гизо.

— Да, это революция, — согласился он наконец. — Тебе эта мысль отвратительна?

Гизо медленно расплылся в широкой улыбке.

— Отвратительна? По-моему, это прекрасно! Рано или поздно это должно было произойти. Как раз об этом написано в книге «Класс и труд: извечная борьба».

— Я никогда не слышал о такой.

— О ней мало кто слышал. Мне ее дал один человек из команды корабля. И сказал, что это невидимая книга, ее нет ни в одном списке, но где-то существуют несколько эталонных оригиналов, и с них делают дубликаты.

— Ты связался с опасным делом...

— Знаю. Он пообещал привезти еще — но больше я его не видел.

— Нетрудно догадаться, что с ним стряслось. Так, значит, ты со мной? Быть может, эта заваруха окажется еще серьезнее, чем ты думаешь.

Гизо обеими руками схватил Яна за руку:

— С тобой! До конца! Во всем!

— Прекрасно. Тогда ты можешь помочь мне прямо сейчас. Я хочу, чтобы ты пошел со мной на склад, где заперты Хайн со вторым проктором. Они были готовы привести приговор в

исполнение, значит, оба знают о тайном суде. Это наши свидетели.

Когда они шли к складу, кто-то уже поднялся и бродил по улице. Дверь склада была распахнута настежь, так, как Ян ее оставил...

Но и дверь кладовки оказалась открытой, а оба проктора исчезли.

Глава 12

Ян быстро осмотрел все вокруг — в здании склада никого не было.

— Куда они подевались? — спросил Гизо.

— Это неважно. Важно, что времени у нас в обрез: нам надо начать раньше, чем начнут они. Быть может, еще успеем. Пошли.

Они побежали к неподвижной, безмолвной колонне танков, глубоко увязая в пыли и не обращая внимания на изумленные взгляды людей, встречавшихся им по пути. Задержать их никто не пытался. Вскоре Ян запыхался и перешел на шаг.

— Инициатива пока у нас, — сказал он. — Будем действовать по плану.

Они забрались в шестой танк и завели моторы. Это будет единственная машина, способная двигаться. Ян медленно покатился по центральной улице и подъехал к надувному куполу.

К этому времени люди вокруг уже зашевелились, но операция по обездвиживанию танков и тягачей продолжалась без каких-либо помех. Сначала заговорщики действовали очень осторожно, стараясь не попадаться на глаза, — пока не поняли, что никто не обращает на них ни малейшего внимания. Они были просто-напросто техники-механики, которые всегда делают что-то непонятное. Освоившись с этой мыслью, они стали работать совершенно открыто, окликая друг друга с тайным ликованием. Настроение у всех было приподнятое.

Но не у Яна. Он сидел в танке, глядя на экраны, наблюдая, как первый из его людей шагает к танку со связкой кабелей на плече, и не замечая, что механически стучит кулаком по боковой панели. Потом пришел второй механик, третий... Гизо сидел наверху у открытого люка и передавал кабели Яну вниз.

— Ну вот и все, — сказал он наконец. — Что нам дальше делать?

— Лучше всего, чтобы ты и все остальные просто затеря-

лись в толпе. Нам незачем противопоставлять себя всем и нарываться на обвинение в заговоре. Пока не время.

— Ладно, остальные пусть. Но нужно, чтобы кто-нибудь был с тобой здесь.

— Гизо, но ты же не обязан...

— А я добровольно. Что дальше делать?

— Совсем просто. Собирать людей.

Сказав это, он нажал кнопку сирены. Раздался такой пронзительный вой — от рычащего рева до сверлящего визга, — что не заметить его было невозможно. Спавшие мигом проснулись; те, кто уже успел приняться за какую-нибудь работу, тотчас все побросали и бегом кинулись на звук. Когда центральная улица стала заполняться народом, Ян выключил сирену и снял с переборки рупор-динамик. Гизо ждал его наверху, небрежно облокотившись на ствол плазменной пушки.

— Вот тебе толпа, — сказал он. — Все твои.

— Сюда! — Ян говорил в мегафон, и многократно усиленный голос отражался эхом. — Все сюда! У меня важное объявление! — Он увидел, как Тэкенг высунулся из двери своего вагона, грозя кулаком. — Главы семей тоже! Все! Сюда!

Тэкенг снова замахнулся кулаком, потом отвернулся и стал слушать человека, только что подбежавшего к нему. Потом снова поднял голову, ошеломленно посмотрел на Яна — и пошел следом за гонцом к надувному куполу.

— Сюда все, поближе! — Ян выключил микрофон. — Смотри, — сказал он Гизо, — ни одного старейшины. Они что-то замышляют. Что будем делать?

— Ничего. Пока не из-за чего шум поднимать. Просто распорядись о разгрузке зерна. Ты готовишь поезда к повторному рейсу.

— Но они же отменили этот рейс и не хотят нас пускать.

— Тем лучше. Ведь об этом никто не знает — так пусть *они сами* поднимут шум. Здесь, перед всеми.

— Ты прав! — Ян снова включил микрофон и заговорил: — Мне очень жаль прерывать ваш отдых, но праздник закончен, пора снова браться за работу. На севере осталось зерно, и ехать за ним надо срочно.

В толпе горестно заохали; из задних рядов начали расходиться, впрочем не все. Тем временем из надувного купола вышел Хайн Риттершпах и стал проталкиваться через толпу.

Он что-то кричал, покраснев от натуги, в кобуре у него был новый пистолет... Игнорировать его было невозможно.

— Что тебе нужно, Хайн? — спросил Ян.

— Ты... давай сюда... срочно... купол... собрание!

Большая часть его слов потерялась в шуме толпы; но он проталкивался все ближе, теперь уже размахивая пистолетом, чтобы внушить людям максимум почтения. Яна вдруг осенило — он наклонился к Гизо.

— Слушай! Надо, чтобы этот боров поднялся сюда и заговорил. Пусть все услышат, что он скажет. Иди к ребятам, закиньте его наверх.

— Это опасно...

Ян рассмеялся:

— Вся эта затея чистейшее безумие. Давай помоги-ка ему.

Гизо кивнул и соскользнул вниз, в толпу. Ян снова заговорил в рупор:

— Здесь проктор-капитан. Пропустите его, пожалуйста, он хочет что-то сказать.

Хайну помогли — пожалуй, даже больше, чем ему хотелось. Он попытался остаться внизу и говорить оттуда; но не успел и глазом моргнуть, как оказался на танке, рядом с Яном, по-прежнему держа в руке пистолет. Он попытался заговорить тихо, но Ян подставил ему мегафон.

— Ты должен идти со мной. Убери эту штуку.

Он толкнул мегафон ладонью, но Ян держал крепко, и их голоса разносились над толпой.

— А почему это я должен идти с тобой? Что случилось?

— Ты сам знаешь!

Хайн брызгал слюной от злости. Ян тепло улыбнулся ему и подмигнул.

— Нет, Хайн! Ничего я не знаю, — сказал он невинным тоном.

— Прекрасно знаешь! Тебя судили и признали виновным! Немедленно иди со мной!

Он поднял пистолет. Ян постарался не замечать побелевших пальцев на рукоятке.

— О каком суде ты говоришь? — Он повернулся к Хайну спиной и обратился к толпе: — Здесь кто-нибудь знает о суде?

Некоторые замотали головами — нет, мол, — и все теперь слушали очень внимательно. Ян повернулся и снова поднес мегафон к губам Хайна, следя за пистолетом — готовый уда-

рить, как только тот попытается нажать на спуск, — и надеясь, что Хайн успеет разоблачить и себя, и старейшин, прежде чем вздумает стрелять. Хайн начал было что-то кричать, но его заглушил другой голос:

— Хватит, Хайн! Убери пистолет и слезай с машины!

Это была Градиль. Она стояла в дверях купола с микрофоном в руке, а динамики там были гораздо мощнее танкового мегафона. Иначе и быть не могло: ни у кого больше из глав семей не хватило бы ни ума, чтобы понять, что Хайн разоблачает их игру, ни находчивости, чтобы отреагировать так быстро.

Хайн сник, словно проткнутый воздушный шар; даже краска с лица сошла. Он неуклюже затолкал пистолет в кобуру, и Ян не стал его задерживать, прекрасно понимая, что нечаянной помощи со стороны Хайна больше не будет. Теперь придется иметь дело с Градиль, а это всегда было трудно.

— Градиль, о каком суде он говорил? Что значит — меня судили и признали виновным? Что он имел в виду?

Голос его, усиленный мегафоном, летел к ней через головы безмолвной, затаившей дыхание толпы. Так же вернулся и ее ответ:

— Он ничего не имел в виду. Он болен. У него жар, рука воспалилась. Доктор уже идет сюда.

— Это хорошо. Бедный Хайн. Так, значит, никакого суда не было — и я ни в чем не виновен?

Она ответила не сразу, Ян даже отсюда видел, что она хочет его смерти — как никогда еще ничего не хотела за всю свою долгую жизнь. Он стоял, не шевелясь, как каменный, дожидаясь ее ответа. И ответ наконец прозвучал:

— Нет... никакого суда не было. — Видно было, как трудно дались ей эти слова.

— Вот и прекрасно. Ты права: раз никакого суда не было и ни в каких преступлениях меня не обвиняют — Хайн на самом деле болен.

Теперь, когда он сказал это при всех, Градиль была у него в руках. Надо действовать дальше.

— Ну ладно. Вы все слышали, что сказала Градиль. Давайте приниматься за работу. Второй рейс должен начаться как можно скорее...

— Нет! — зазвенел ее голос, усиленный динамиками. — Предупреждаю тебя, Ян Кулозик, ты слишком далеко зашел.

Ты будешь молчать и подчиняться. Никакого рейса за зерном не будет, это решено. Ты будешь...

— Нет, старуха! Я не буду! Во имя всех нас было решено, что мы должны вернуться за зерном. И мы вернемся!

— Я тебе приказала!

Градиль разъярилась не меньше, чем Ян. Их голоса гремели над толпой, словно перебранка богов. Теперь уже не было смысла апеллировать к закону и логике, бесполезно было пытаться привлечь зрителей на свою сторону. Убеждать не время, сейчас можно только приказывать. Ян нагнулся, достал из башни снятый кабель и взмахнул им, чтобы она видела.

— Я твоих приказов не признаю! Ни один тягач, ни один танк, кроме этого, не будет работать до тех пор, пока я этого не позволю. Ясно? Мы едем за зерном, и ты нас не остановишь!

— Хватайте его, он сумасшедший! Убейте его, я приказываю!..

Несколько человек неохотно двинулись вперед — но тотчас отшатнулись, когда Ян нырнул в люк и плазменная пушка шевельнулась. Раструб орудийного ствола поднялся кверху — и ожил, с грохотом выбросив в небо ревущий столб пламени. В толпе закричали, завизжали...

Горячая вспышка плазмы оказалась громче и убедительнее любых слов, какие мог бы сказать Ян. Градиль, скрючив пальцы, словно хотела схватить, подалась было вперед — но отвернулась и бросилась в купол. На пути у нее оказался Хайн — она оттолкнула его в сторону и исчезла за дверью. Ян отключил пушку; яростный рев затих.

— Этот бой ты выиграл. — В голосе Гизо не было победного торжества. — Однако теперь берегись. Ни на секунду глаз с нее не спускай. Вдвоем вам на этой планете не поместиться!

— Я хочу не воевать с ней, а заставить измениться...

— Любая такая перемена — поражение для нее. Не забывай об этом никогда. Но отступать тебе уже поздно, только вперед.

Ян ощутил вдруг неимоверную усталость.

— Ладно, — сказал он. — Давай пока разгружать зерно. Надо занять людей, чтобы им некогда было думать.

— Гизо! — раздался голос рядом. — Гизо, это я! — Тоненький мальчик лет двенадцати забрался по лесенке танка до половины. — Старый Ледон зовет. Велел, чтобы ты шел сразу, без задержки. Говорит, это очень важно...

— Глава моей семьи, — объяснил Гизо.

— Начинается! — Ян понял, что будет дальше. — Узнай, что ему нужно. Но чего бы он от тебя ни потребовал — сразу вернись и дай мне знать, ладно? Он наверно знает, что ты со мной, потому и зовет.

Гизо спрыгнул вниз и пошел за мальчиком — а на его месте тут же появился Эйно.

— Я за кабелем пришел. Сначала придется отцепить семейные вагоны...

— Нет. — Ян сказал это, не задумавшись, рефлекторно. Эти кабели, эти неподвижные машины — единственное его оружие. Он чувствовал, что против него уже работают, и сдавать это оружие ни за что не собирался. — Давай подождем. Передай всем, что мы встречаемся здесь... ну, скажем, через три часа. Чтобы обсудить план разгрузки.

— Ну, как скажешь.

Ожидание тянулось очень медленно, и Яну было очень одиноко. Через передний смотровой люк он видел, как двигаются вокруг люди — как обычно. Но для него этот день был совсем не обычным. Он застал старейшин врасплох и одержал победу. Но надолго ли? Сумеет ли он удержать ее? Гадать было бессмысленно. Можно было лишь постараться справиться со своим нетерпением — сидеть и ждать, каков будет их следующий ход.

— Плохо дело, — пробурчал Гизо, соскальзывая в люк.

— Ты о чем?

— Старый Ледон запретил мне ехать во второй рейс. Вот так-то.

— Но он же тебя не остановит, верно?

— Меня-то, конечно, не остановит, не обо мне речь. Я знаю, почему пошел с тобой и что все это значит. Я даже отвечать ему не стал; просто повернулся и пошел. Но много ли таких, кто сделает то же самое? Как раз сейчас главы семей вызывают всех техников и механиков. По одному. Им прикажут, они подчинятся, — и будет у нас с тобой революция на двоих. И никуда не денешься.

— Подожди, еще не вечер. Оставайся здесь и сиди на этих кабелях. Запри люк и не открывай, пока я не вернусь. Без них мы пропали.

— А если кто-нибудь попробует их забрать? Кто-нибудь из наших же?

— Не отдавай. Даже если...

— Если придется драться? Убивать их?

— Ну нет, так далеко заходить нельзя.

— Почему же? — Гизо был необыкновенно серьезен. — Цель оправдывает средства.

— Нет. Не оправдывает. Сделай все, что сможешь, — но без вреда для других.

Люк с лязгом захлопнулся; Ян услышал, как Гизо задраивает его изнутри. Спрыгнув с лесенки танка, он спокойно и уверенно пошел в сторону купола. Толпа большей частью разбрелась, но людей вокруг было еще довольно много. Они смотрели на него с любопытством — и отворачивались, когда он пытался заглянуть им в глаза. Это народ пассивный, привыкший выполнять приказы, — с ними никаких проблем возникнуть не должно. Разбираться надо со старейшинами.

На этот раз ни одного проктора у входа не было. Это хорошо, лишние хлопоты ни к чему... Ян тихонько толкнул дверь и вошел. Они были здесь, все главы семей, и настолько увлеклись своей перебранкой, что даже не заметили появления Яна. Он стал слушать.

— Убить их всех — вот тебе и весь сказ! — Голос Тэкенга дребезжал — старик, наверно, охрип от крика.

— Ты просто дурак, — возразила Градиль. — Чтобы управляться с техникой, нам нужны обученные люди. Мы должны просто приказать им — и они подчинятся. Сейчас ничего другого не нужно. Потом, когда он будет мертв, — мы их накажем, по одному. Мы им все припомним.

— Никого вы не накажете, — сказал Ян, шагнув вперед. Он был настолько же спокоен, насколько присутствующие разъярены. — Вы по бестолковости своей просто не хотите понять, в каком положении мы оказались. Если корабли не придут, то мы не получим ни запасных частей, ни горючего. Все наши танки, все тягачи-электростанции один за другим выйдут из строя — и тогда все мы покойники. Но если корабли придут — им будет нужно все зерно, какое только мы сможем собрать. Им оно будет нужно для голодающих людей, а нам — потому что это наше единственное средство...

Градиль плюнула ему в лицо. Плевок попал в щеку и потек наискось через рот. Ян утерся кулаком и постарался сдержаться, а она закричала:

— Ты будешь делать то, что мы велим! И чтобы не было больше этих твоих «делайте-это-делайте-то»! Мы — главы се-

мей! И мы заставим подчиняться нам!.. Второго рейса не будет! Ты станешь...

— Слушай ты, дура старая! Ты не поняла, что я сказал? Неужели ты настолько глупа, что не можешь сообразить — ничто здесь не шевельнется, пока я не позволю! У меня важнейшие детали всех ваших машин, и ни одна из этих машин не заработает, пока их не поставить на место. А я попросту уничтожу детали, вот и все!.. И все мы умрем еще раньше!.. Ты этого добиваешься?.. Можешь мне поверить, я это сделаю немедленно, если только вы не разрешите рейс за зерном. Разрешите — и я обещаю, что ничего больше не попрошу. Когда мы вернемся, вы снова будете руководить. Будете приказывать, и все будут вас слушаться. Это вас устраивает?

— Нет! — Градиль была непреклонна. — Ты не смеешь указывать нам, не смеешь распоряжаться!..

— Я ничего не указываю. Пока я только спрашиваю.

— Это не такой уж плохой план, — сказал вдруг Иван Семенов. — Мы ничего не потеряем, если они съездят за зерном. И мы обещали...

— Требуй голосования, Иван, — подсказал Ян. — Или эта корова настолько всех вас запугала?..

А Градиль вдруг успокоилась, внезапно. В глазах ее светилась все та же ненависть — но голос стал ровным, спокойным:

— Хорошо. Споры прекращаем. Поезда отправятся при первой же возможности. Я уверена, что все вы согласны.

Собравшиеся смутились, не понимая внезапной перемены. Но Ян понял все. Она еще не готова раскрыть свои карты. И ей, по сути, наплевать, пойдут поезда за зерном или нет. Единственное, что ей нужно, — его смерть, и чем дольше и мучительнее — тем лучше. Отныне и впредь ему предстояло жить с этой опасностью, и он был готов.

— Я знал, что вы согласитесь с Иваном и Градиль, — сказал он. — Мы выезжаем, как только опорожнят вагоны. Нужны будут новые водители...

— Нет, — перебила Градиль. — Поедут только мужчины. Девушкам нельзя быть в такой компании. Так что никто из них не поедет. Эльжбета тоже.

Последние слова она произнесла, словно вызов, и Ян чуть было этот вызов не принял. Потом сообразил, что, если начнет настаивать, может потерять все. Он ответил с таким же холодным спокойствием:

— Хорошо. Только мужчины. А сейчас идите и прикажите всем помогать мне. Разъясните своим людям, что происходит. И чтобы никакого вранья больше не было!

— Ну зачем ты так говоришь? — обиделся Иван.

— А что? Разве это не правда? Тайные собрания, тайные суды, тайные смертные приговоры... А потом бедный дурак Риттершпах оказывается виноватым... Я не верю ни одному из вас и никого не хотел бы выпускать из-под надзора. Но все-таки идите к своим семьям и скажите им, что надо делать. Только когда каждый будет знать, что происходит, — только тогда машины заработают снова.

— Хватайте его и убейте! Сейчас же! — выкрикнул Тэкенг.

— Можете. Тогда кабели уничтожит кто-нибудь другой.

— Наверно, Гизо, — подсказал Ледон. — Он со мной разговаривал так же, как этот.

— Мы распорядимся, — сказала Градиль. — Сейчас же пойдем и все сделаем.

Глава 13

Поезда были готовы к отправлению — готовы уже два часа назад, — но неподвижно стояли в темноте. Водители сидели на местах, дожидаясь приказа. Запасы продовольствия и снаряжение загрузили в жилой вагон; там же находился и несчастный врач-практикант Савас Цитуридис. Доктор Росбах сказал, что его ассистент еще не доучился и к самостоятельной работе не готов. Цитуридис горячо согласился — но все-таки поехал. Ян не мог рисковать людьми, не имея в дороге вообще никакой медицинской помощи. Уже проверили все последние мелочи, уже успели уснуть свободные водители... У Яна не оставалось никаких оправданий задержки.

— Через пять минут вернусь, — сказал он, не обращая внимания на вопросительные взгляды экипажа.

Он выбрался из танка номер шесть — на обратном пути он сам его поведет — и пошел вдоль состава назад. Вот оно, назначенное место. Но там никого. Рискованно было посылать даже первую записку, а уж вторую — и вовсе безумие... Но иначе он просто не мог... Центральная улица была пустынна, все спали.

— Ян! Это ты?

Он быстро обернулся и увидел ее. Возле склада. Увидел — и бросился навстречу.

— Я боялся, что ты не придешь.

— Записку я получила, но не могла уйти, пока все не уснули. Она велела следить за мной.

— Слушай, поехали со мной!

Он собирался убеждать ее рационально и логично. Собирался объяснить, как важно для нее уберечь независимость, которой она успела добиться, как прекрасно было бы повысить профессиональный уровень штурмана... Это были хорошие доводы. Как он ее любит, как она ему нужна, — об этом он говорить не собирался. Но стоило ему ее увидеть — и все заготовленные слова куда-то улетучились, и он просто выпалил эту фразу.

Эльжбета испуганно отпрянула:

— Нельзя мне! Там же одни мужчины!

— Но мы же не скоты. К тебе никто не прикоснется, поверь. А для нас с тобой это очень важно, для обоих.

— Градиль ни за что не позволит.

— Конечно. Поэтому тебе нужно уехать без позволения. Все меняется, и мы должны ускорить эти перемены. Если корабли не придут — мы тут проживем всего несколько лет. Когда начнется жара — а мы не сможем переехать, — сгорим. Так я хочу быть это время с тобой. Слишком мало дней остается, просто невыносимо терять хоть один из них.

— Конечно, я понимаю...

Она была в его объятиях и не сопротивлялась, не пыталась вырваться... И вдруг через ее плечо он увидел бегущих Риттершпаха и еще двух прокторов. Все трое с дубинками.

Ловушка! Так вот почему Эльжбета опоздала. Записку перехватили и все подстроили так, чтобы поймать их вдвоем. Конечно же, это организовала Градиль — и теперь торжествует победу.

— Нет! — крикнул он, отталкивая Эльжбету и принимая боевую стойку. Раз у них дубинки, значит, убивать его они не собираются. Собираются только изувечить и привести к Градиль на суд...

— Нет! — крикнул он еще громче, ныряя под удар первого проктора.

Дубинка просвистела над головой, а он ударил проктора кулаком в грудь с такой силой, что услышал, как с хрипом вырвался воздух из легких. А поворачиваясь, еще добавил локтем в горло. Первый скрючился.

Дубинка чиркнула по виску и обрушилась на плечо. Ян вскрикнул от боли. Но схватил нападавшего сзади за шею локтевым сгибом и развернул, поставив его, словно щит, между собой и Риттершпахом. По счастью, толстяк был достаточно труслив и до сих пор держался позади, прячась за своих подчиненных. Но дальше ждать было нельзя, и пришлось вступать в драку самому. Он сильно замахнулся — но близко подойти постеснялся, — и попал в проктора, которого держал Ян. Тот взвыл от боли. Хайн замахнулся снова...

— Не надо! Пожалуйста, перестаньте!..

Эльжбета попыталась разнять дерущихся. Первый проктор грубо оттолкнул ее в сторону и попытался зайти к Яну сзади. Эльжбета с криком снова бросилась к ним — и угодила под дубинку Риттершпаха.

Ян услышал резкий стук удара, попавшего в голову, — Эльжбета упала и затихла.

Он хотел помочь ей, но сначала надо было разделаться с этими. В неукротимой ярости он сжал своего пленника так, что тот сначала забился от боли, а потом обмяк, потеряв сознание. Тем временем первый ударил раз, другой... Боли Ян не почувствовал. Подхватив дубинку, он швырнул безжизненное тело навстречу первому, а сам пошел следом, ударил его дубинкой — и молотил до тех пор, пока тот не замер. Потом развернулся и пошел навстречу Риттершпаху.

— Не надо!.. — завопил Хайн, отчаянно отмахиваясь. — Не надо!..

Ян не ответил. За него говорила дубинка. Сначала по руке — пальцы Хайна разжались и выронили оружие, — потом по шее, по затылку, когда проктор-капитан кинулся было бежать...

— Что здесь происходит? — закричал кто-то. Это один из механиков бежал вдоль поезда.

— На меня напали. Ее ранили. Зови доктора Цитуридиса, быстро!

Ян нагнулся и бережно поднял Эльжбету, боясь того, что может сейчас узнать. Но не знать было еще страшнее. На бледной коже расплывалось темное пятно крови, но Эльжбета дышала. Дышала слабо, но ровно.

Он осторожно отнес ее в ближайший вагон и бережно уложил на какой-то грязный коврик.

— Где вы? — раздался голос снаружи. — Что случилось?

Это был Цитуридис, склонившийся над лежавшими на зем-

ле. Осмотрев Риттершпаха, он поднялся. Его лицо было испуганным.

— Тот без сознания, а этот — мертв.

— Ну и ладно, ему ты ничем не поможешь. А вот Эльжбета, этот боров ее ударил. Позаботься о ней.

Доктор залез в вагон; Ян подождал, пока он раскроет сумку, и выбрался из вагона. Послышался топот, кто-то подбежал. Ян закрыл дверь, посмотрел на нее — потом снял с пояса ключ и запер.

— Представление окончено, — сказал он, повернувшись к подошедшим. — Они на меня набросились — я с ними разобрался. А теперь давайте убираться отсюда, да поскорее, пока нам еще какую-нибудь пакость не устроили.

То, что он сделал, не задумываясь, было, вероятно, глупостью. Но что сделано, то сделано. Он же пытался действовать по правилам, унижался перед Градиль, стерпел ее отказ... А теперь он все устроит по-своему. Пути назад нет.

Лязгнула сцепка, вагоны покатились, все быстрее и быстрее... Пропустив один поезд и едва не попав под колеса следующего, Ян побежал к своему танку.

— Поехали, — скомандовал он, захлопывая люк. — Обгоняй поезда.

— Давно пора, — ответил Отакар и включил моторы.

Уже сменилась Дорогой центральная улица, уже исчезли за последним вагоном крошечные издали здания складов, — а Ян все никак не мог успокоиться. Вот уже и заборные столбы остались позади, и фундаменты последних ферм, — а он все смотрел на экран монитора. За ними не могло быть погони: единственный оставшийся тягач стоял на фундаменте, снова превратившись в электростанцию. Так что же он высматривал? От кого убегал?

Глава 14

Ян прикинул, что до первой остановки — не меньше четырех часов. Но не мог заставить себя ждать так долго. Даже трех часов было бы слишком много: необходимо было узнать, что с Эльжбетой. Удар показался не очень сильным; но, когда он уходил, Эльжбета еще не пришла в себя. Быть может, она и сейчас без сознания? Или умерла? Эта мысль была невыносима. И к концу второго часа он сдался.

— Всем машинам, — приказал он. — Останавливаемся на короткий отдых. Если есть желание — водителям поменяться. Начинаем торможение.

Еще отдавая команду, он съехал на обочину, развернул свой танк и помчался назад, мимо движущейся колонны. У вагона, в котором остались Эльжбета и доктор, он снова развернулся и поехал рядом, замедляя ход вместе с поездом. Как только поезд остановился, Ян выскочил наружу. Ключ был уже зажат в кулаке. Он отпер дверь, распахнул ее — и оказался лицом к лицу с разъяренным доктором.

— Это оскорбление! — вопил Цитуридис. — Вот так запереть меня!..

— Как она?

— Вагон грязный, пыль, никаких условий!

— Я спрашиваю, как она?

Его холодная злость проняла доктора, тот отступил на шаг.

— С ней все в порядке, насколько это возможно в таких условиях. Сейчас она спит. Легкое сотрясение, не более, в этом я уверен. Вполне можно ее оставить, что я и делаю.

Он подхватил свою сумку и заторопился к выходу. Яну хотелось зайти в вагон, но он боялся разбудить Эльжбету. И тут услышал ее голос:

— Ян? Это ты?

— Да. Я пришел.

Она лежала, опершись на локоть, на куче одеял, которые собрал по вагону доктор. На голове белела повязка. В полутьме было видно ее лицо, такое же белое, как бинты.

— Ян, что случилось? Я помню, как мы с тобой разговаривали. А потом?

— Градиль устроила мне ловушку, а ты была приманкой. Риттершпах и его люди. Чего они хотели — схватить меня или убить — не знаю. Но что бы там ни было — вышла осечка, когда ты ввязалась. Боюсь, что я... я из себя вышел.

— А это плохо?

— Да, для меня плохо. Не думал, что так получится, но Риттершпах мертв.

Она тихо охнула и отняла у него свою руку. Ей претило любое насилие.

— Мне очень жаль, — сказал он. — Я не хотел никого убивать.

— Но ведь ты же нечаянно, правда? — спросила она не очень уверенно.

— Да, нечаянно. Но я снова сделал бы то же самое, если бы пришлось. В точности то же самое. Я не пытаюсь оправдываться, только объясняю. Он ударил тебя, и ты упала. Я подумал, он тебя убил. У них были дубинки, и трое против одного — я должен был защищаться... И вот так это кончилось.

— Я понимаю. Но смерть — насильственная смерть — это ужасно.

— Оставим это. Я не могу заставить тебя мыслить и чувствовать так же, как я. Хочешь, чтобы я ушел?

— Нет! — невольно вскрикнула Эльжбета. — Я только сказала, что мне это трудно понять. Но это вовсе не значит, что я стала относиться к тебе иначе. Я люблю тебя, Ян, и всегда буду любить.

— Надеюсь. Я поступил неразумно, может быть, и вовсе глупо... И то, что я сделал это из любви к тебе — вряд ли меня оправдывает... — Он снова взял ее за руку, рука была холодная. — И я пойму, если ты проклянешь меня за то, что я сделал потом. Забрал тебя в поезд и увез. Когда на нас напали, мы как раз говорили об этом. Но ответа твоего я так и не услышал.

— Разве? — Она улыбнулась в первый раз. — Так ведь здесь только один ответ, другого и быть не может. Градиль я буду слушаться всегда. Но здесь ее нет и приказывать некому — кого же мне слушаться? Значит, я могу любить тебя, как мне всегда хотелось, могу все время быть с тобой.

— Ян!.. Ян!..

Голос снаружи он расслышал только с третьего раза. Чувствовал, что улыбается блаженной, глупой улыбкой... Не в силах вымолвить ни слова, он нежно прижал ее к себе, потом отодвинулся и встал.

— Мне надо идти. У меня просто нет слов...

— Я знаю. Не надо слов. Я сейчас посплю, ладно? Мне уже гораздо лучше.

— Поесть чего-нибудь, попить — не хочешь?

— Ничего. Только тебя. Приходи поскорее.

Второй водитель танка свесился из люка.

— Ян, у меня связь. Семенов спрашивает, почему остановились и когда сможем двигаться дальше.

— Как раз его мне и надо. Скажи — двинемся сразу, как только я поднимусь к нему на тягач. Поехали.

Семенов снова был начальником поездов. Теперь семьи, со всеми их проблемами, остались позади, и Ян отдал ему первый тягач. Сейчас проблемы могли возникнуть только с Дорогой, их проще было решать, сидя в головном танке. Ян забрался по лесенке в водительский отсек тягача, и Семенов двинул поезда вперед, едва захлопнулась дверь.

— Из-за чего задержка? — спросил Семенов. — Ты же сам все время твердил, что каждый час дорог.

— Пойдем в машинный отсек, там расскажу.

Пока инженер не поднялся наверх и не закрыл за собой люк, Ян молчал. Потом сказал:

— Я хочу жениться.

— Знаю. Но об этом тебе надо говорить с Градиль. Я могу замолвить за тебя словечко, если хочешь. В законе точно не указано, за члена какой именно семьи девушке нельзя выходить замуж. Но это решает Градиль.

— Ты меня неправильно понял. Ты — глава семьи, следовательно, можешь оформить брак. Я прошу тебя сделать это сейчас же. Эльжбета здесь, в поезде.

— Не может быть!

— Но она здесь, поверь. Ну, что скажешь?

— Градиль никогда бы не позволила.

— Но ее нет здесь и запретить некому. Так что думай сам. Хоть раз в жизни имей собственное мнение и решай без подсказки. Если это сделать — то отменить будет уже невозможно, а эта злобная карга ничем не может тебе навредить.

— Дело не в ней. Закон...

Ян с омерзением сплюнул и растер плевок подошвой сапога по стальному полу.

— Вот он, закон твой! Его же изобрели специально для вас, ты не знаешь? На Земле нет ни семей, ни глав, ни запретов на браки между специально выбранными группами людей. Ваши так называемые законы — фикция, сочиненная наемными антропологами. Общество на заказ, которым легко и просто управлять. Они поковырялись в учебниках, собрали по кусочку из разных общественных формаций — и состряпали общество, в котором население должно быть покорным, исполнительным, трудолюбивым... И тупым! Это самое главное — тупость!

Семенов не знал, удивляться или возмущаться. Он покачал головой — словно физик, которому сообщили, что все его основные законы никуда не годятся.

— Почему ты так говоришь? Не можешь же ты на самом деле так думать. Раньше я от тебя ничего подобного не слышал.

— Конечно, не слышал. Это было бы самоубийством для

меня. Риттершпах, вдобавок к остальным своим прелестям, был еще и полицейским осведомителем. При появлении кораблей он доложил бы обо всем, что я сказал, — после чего я бы и дня не прожил. Но раз корабли не пришли, это теперь уже неважно. Все изменилось. Я могу рассказать тебе о старушке Земле, хочешь?

— Я не стану слушать твои выдумки.

— Правду, Семенов... Правду!.. Впервые за всю жизнь ты можешь услышать правду. Давай я расскажу тебе о цивилизациях. Их создало человечество. Эти образования искусственные, придуманные — так же как, скажем, колесо. Их было много, разных, и каждая действовала по-своему, стараясь выжить и сохраниться... Но теперь это все давняя история, а на Земле остались только два класса: те, кто правит, и те, кем правят. А еще осталась мгновенная смерть — для каждого, кто пытается что-то изменить. И вот это последнее, монолитное общество распространилось даже на звезды. На все сытые, благополучные миры, которые открыло и освоило человечество. Но не на все звезды, а только на удобные для жизни. А когда нужно освоить планету неудобную — такую, как ваша, — тогда зовут прирученных профессоров и дают им заказ. Будьте любезны — обеспечьте нам цивилизацию устойчивую и послушную, потому что любые проблемы могут отразиться на производстве продовольствия, а его нужно много и подешевле. Этакую прелестную безграмотную цивилизацию, потому что для фермерской работы много ума не надо. Но технические навыки необходимы, так что это придется позволить. Так что кусочек оттуда, кусочек отсюда — выбрать, сбалансировать, перемешать, — и вот вам бета Возничего III. Ваша планета. Терпеливые фермеры, всю жизнь проводящие в рабстве и тупости...

— Прекрати! Я не хочу больше слушать, это ложь! — Семенов был шокирован едва ли не до потери речи.

— Чего ради я стал бы лгать? Тем более теперь? Если корабли не придут, то мы все очень скоро погибнем. Но оставшееся время я намерен прожить человеком снова, а не молчаливым рабом вроде вас. У вас, по крайней мере, есть хорошее оправдание: вы порабощены глупостью, недостатком знаний. А я был порабощен страхом. За мной постоянно следят, в этом я не сомневаюсь. Пока я не высовываюсь — не причиняю никаких хлопот, — со мной все в порядке. И было все в порядке, вот уже несколько лет... Надзиратели рады, что я здесь. На

этой планете я не более опасен, чем в тюрьме, — а они могут использовать мои знания, опыт... Но они могут обойтись и без меня. Пока что им жалко выбрасывать годы и деньги, потраченные на мое образование. Но если я начну им мешать — я труп. Они послали меня сюда, чтобы как-то использовать мои способности. Послали, твердо пообещав, что я смогу спокойно прожить здесь весь срок заключения и никто меня не потревожит. Но если я скажу хоть слово о том, какова на самом деле жизнь в других мирах, — я умру. Так что я уже мертвец. Понимаешь ты это, Семенов? Если корабли не придут, то я мертвец вместе с вами. Если они придут с теми же экипажами на борту, что и раньше, и ты скажешь им одно лишь слово — я опять мертвец. Так что я отдаю себя в твои руки. И делаю это по самой древней из всех мыслимых причин, Семенов. Любовь. Пожени нас, Иван, ничего больше от тебя не требуется.

Семенов в смятении ломал пальцы, не зная, что и думать.

— Ты просто ужасные вещи говоришь, Ян. Когда я один, у меня тоже разные вопросы появляются, но спросить некого. Однако в исторических книгах написано...

— Исторические книги — дурацкий вымысел.

— Ян, — раздался голос в динамике внутренней связи, — тебя вызывают.

— Соедини.

Сквозь помехи прорвался голос Ли Сю:

— Ян. У нас тут неприятность, на одном танке гусеница лопнула. Стоит на обочине, ребята работают. Ты к ним подъедешь через несколько минут.

— Спасибо. Я им помогу.

Семенов погрузился в свои мысли и даже не заметил, как Ян ушел. Впереди показались два танка; увидев их, водитель убавил ход. Ян прикинул расстояние...

— Не останавливайся. Сбросишь скорость до десяти километров — я спрыгну.

Ян окунулся в палящий зной. В следующий раз, пожалуй, придется скафандр надевать, иначе не вылезешь. Ян опустился на нижнюю ступеньку, подождал немного, спрыгнул, пробежал несколько шагов и помахал рукой водителю. Тягач снова набрал скорость. Ли Сю с двумя механиками возились у растянутой гусеницы: выколачивали соединительный палец из лопнувшего трака.

— Вот видишь, — показал Ли Сю. — Ремонту не подлежит. Металл раскристаллизовался, видно, на изломе.

— Замеча-ательно, — протянул Ян, пробуя ногтем хрупкий излом. — Ну что ж, ставьте запасной.

— Так у нас больше нету, все израсходованы. Можно взять с другого танка...

— Нет. Этого мы делать не станем. — Ян посмотрел на небо. Ну вот, начинается. Корабли не приходят, все изнашивается, а заменить нечем. Так оно и кончится скоро. — Оставляем танк здесь и поехали догонять остальных.

— Не можем же мы его бросить!

— А почему, собственно? Если мы сейчас разорим запас на других машинах — что станем делать при следующей поломке? Оставим его и едем дальше, только запереть надо. А когда придут корабли — приведем в порядок.

На то, чтобы забрать из танка личные вещи и запереть люк, понадобилось несколько минут. В молчании они забрались во второй танк и устремились вслед за ушедшими поездами. И тут их вызвал по радио Семенов:

— Я много думал после нашего разговора.

— Я на это надеялся, Иван.

— Я хочу поговорить — ну, ты знаешь с кем, — прежде чем принимать решение. Ты меня понял?

— Иначе и быть не может!

— А потом мне надо еще и с тобой поговорить. У меня к тебе есть вопросы. Не скажу, что я с тобой согласен. Не во всем. Но я думаю, то, что ты просишь, — я, наверно, сделаю, даже с удовольствием.

Танк мотануло в сторону — это водитель подпрыгнул от неожиданности, оглушенный торжествующим кличем Яна.

Глава 15

Инженеры, строившие Дорогу, покоряли природу — и, наверно, испытывали огромное удовольствие от этого. Иначе трудно объяснить, почему они работали так, чтобы результат их трудов был не только функционален, но и производил наилучшее впечатление.

Было несколько способов преодолеть огромный горный кряж, обозначенный на дорожной карте просто как «Хребет 32-БЛ». Можно было просто пробить длинный туннель, который пронизал бы его насквозь и вывел Дорогу к прибрежным горам, пониже, где дальнейшее строительство не составило бы никаких проблем. Проектировщиков столь простое решение не устраивало. Вместо этого Дорога поднималась широкими, пологими петлями почти к самому верху хребта — она, по сути, проходила по срезанным вершинам прилегающих меньших гор, — а дальше шла по верху, прорезая пик за пиком короткими горизонтальными туннелями. Породу из туннелей использовали для засыпки долин между ними, превратив щебень в монолитную массу с помощью расплавленной лавы. Энергии на это потратили очень много, но потратили не зря. Осталась Дорога, памятник искусству и могуществу человека.

Перед въездом в туннель через самую большую гору находилась громадная ровная площадка. Строители наверняка использовали ее для стоянки своих гигантских машин. Об их размерах можно было догадаться хотя бы по тому, что здесь, на площадке, умещались одновременно все поезда, все тягачи с вагонами. Это было любимое место: пока механики ремонтировали и осматривали технику, семьи могли пообщаться друг с другом, отдохнуть от бесконечных дней в опостылевших вагонах.

У Высокой площадки два великих достоинства: высота и постоянная тень от горы. Поэтому здесь хоть и жарко, но можно обходиться без скафандров. Мужчины прогуливались, потягиваясь и смеясь, радуясь неожиданной остановке — хотя и не знали ее причины. В 21.30 собрание у головной машины. Ну что ж, собрание тоже хорошо; любое разнообразие всегда приятно.

...Иван Семенов подождал, пока все соберутся, — потом поднялся на импровизированный помост — толстый лист пластика на бочках из-под смазки. И заговорил в микрофон. Голос, усиленный динамиком, разнесся над собравшимися, призывая их к тишине:

— Я хочу посоветоваться с вами...

Люди начали потихоньку переговариваться. Главы семей никогда не советовались, только приказывали.

— Это может прозвучать странно. Но мы сейчас живем в странные времена, все наши старые правила порушены и, может быть, никогда уже не вернутся. Корабли не пришли вовремя — и, может, вовсе не придут. Если не придут — мы все

помрем, так что тут и говорить не о чем. Из-за того что они не пришли, мы привезли зерно на Южную землю, сколько смогли, а теперь вот снова едем на север, чтобы привезти сколько сможем еще. Чтобы это сделать, вы пошли против воли глав семей, отказались признать их власть. Не надо это отрицать — надо смотреть правде в глаза. Вы нам не подчинились — и победили. Если хотите знать, я был единственным из старейшин, кто встал на вашу сторону. Быть может, потому, что тоже работаю с техникой, как вы, и потому не похож на них, на остальных. Не знаю. Но знаю, что у нас начались перемены и остановить их нельзя. Потому хочу вам сообщить еще об одной перемене. Это не чисто мужская экспедиция. Среди нас есть женщина...

На этот раз шум поднялся такой, что заглушил даже динамики. Люди задвигались, стараясь получше рассмотреть помост и увидеть, кто на нем стоит. Семенов поднял руку — тишина постепенно восстановилась.

— С нами Эльжбета Махрова, вы все ее знаете. Она здесь по собственной воле, по своему желанию. А второе ее желание состоит в том, чтобы выйти замуж за Яна Кулозика, и он тоже хочет взять ее в жены.

После этих слов ему пришлось кричать, но все равно его не было слышно. Тогда он подкрутил регулятор на максимальное усиление — и голос его загрохотал, отражаясь эхом от скалы:

— Тихо!.. Вы ж меня хоть дослушайте!..

Люди утихомирились. Иван продолжал:

— Я сказал, что хочу посоветоваться, — так оно и есть. Как глава семьи я имею право поженить эту пару, есть у меня такие полномочия. Но глава семьи Эльжбеты этот союз запретила. Мне кажется, что я знаю, как надо поступить. Но вот вы все что думаете?

Никаких сомнений ни у кого не было. Раздался такой оглушительный рев восторженного одобрения, что, казалось, гора задрожала, — куда уж там усилителям! Если и были несогласные голоса, то они утонули в море ликующей поддержки большинства. Когда Ян с Эльжбетой вышли из поезда, все закричали еще громче, подхватили Яна на плечи и со смехом занесли на помост. Но законы, которые они сейчас нарушали, оказались слишком сильны, чтобы люди позволили себе прикоснуться к Эльжбете.

Церемония была короткой, но волнующей, не похожей на прежние, потому что присутствовали при ней только мужчины. Новобрачным задали положенные вопросы, они ответили... Потом соединили их руки — и жизни, — надев новобрачным кольца... Потом все присутствующие выпили за здоровье и счастье молодых — и все. Это был единственный тост, время поджимало. Медовый месяц им предстояло провести на колесах, в поезде.

Через горный хребет — в вечную пылающую жару тропического солнца. Теперь они двигались быстрее, потому что Дорога была расчищена, а ехали налегке. Танки все время шли далеко впереди; единственная трудность состояла в том, чтобы пройти затопленный участок. Пустые вагоны всплывали; теперь их приходилось проводить по одному, двумя тягачами, с обеих сторон. Из всех участников похода только Ян и Эльжбета не жалели о задержке: им запретили участвовать в переправе, приказав оставаться в своем вагоне. Это был единственный свадебный подарок, какой могли преподнести им друзья, и молодожены оценили этот подарок.

За затопленным участком Дорога снова была чистой. Но отнюдь не безопасной. Незаходящее солнце приобрело странный медный оттенок, а в воздухе висела какая-то зловещая мгла.

— Что это такое? — спросила Эльжбета. — Что-то не так?

— Не знаю. Никогда не видел ничего похожего.

Они вновь сидели в кабине: водитель и штурман на одном из тягачей. Они все время были вместе: и на работе, и на отдыхе — но ничего не имели против, наоборот, упивались радостью непрерывного общения. Для Эльжбеты это было наивысшее удовлетворение ее женского естества, для Яна — конец одиночества... Но в этом мире нет места бесконечному миру и счастью.

— Пыль, — сказал Ян, поглядев на небо. — Похоже, я догадываюсь, откуда она взялась. Впрочем, не уверен.

— Откуда же?

— Вулкан. Во время извержения они высоко выбрасывают громадные массы пыли и ветер разносит ее по всей планете. Хорошо бы, чтоб это извержение происходило подальше от Дороги.

Оно происходило гораздо ближе, чем им хотелось. Через двадцать часов от танков пришло сообщение, что на горизон-

те появился действующий вулкан. Джунгли стояли там мертвые, обгоревшие, а Дорога оказалась заваленной глыбами вулканических обломков и покрытой толстым слоем пыли. Передовой отряд застрял, занявшись расчисткой, и поезда скоро нагнали его.

— Это... ужасно! — воскликнула Эльжбета, глядя на почерневший ландшафт и тяжелые тучи пыли и дыма.

— Если это самое страшное — мы еще в порядке, — ответил Ян.

Мимо вулкана они ползли на минимальной скорости, потому что Дорогу невозможно было расчистить до конца: сверху все время что-то сыпалось, падали крупные глыбы. Вулкан извергался не дальше чем в десяти километрах от Дороги; над ним висели тучи пепла, дыма и пара, освещенные сполохами пламени и багровым светом лавовых потоков.

— Я, пожалуй, даже удивляюсь, что никогда раньше нам не приходилось иметь дело с этим безобразием, — сказал Ян. — Чтобы построить Дорогу, понадобилось, наверно, много искусственных землетрясений. Где-нибудь в отчетах это должно быть... Чтобы началось извержение, нужно совсем немного энергии, по сравнению с той, что вырвется потом. Строители свое дело знали — и ушли отсюда не раньше, чем сейсмическая активность угасла... Но не могло быть никаких гарантий, что она прекратилась навсегда. И вот мы тому свидетели. К сожалению.

Он мрачно посмотрел на вулкан, медленно исчезавший позади.

— Но ведь уже все прошло, — возразила Эльжбета. — Мы проехали.

Яну не хотелось портить ее счастливую улыбку напоминанием об обратном пути. Пусть порадуется, пока есть такая возможность.

Но вот наконец и растрескавшиеся поля, и громадные хранилища, раскалившиеся под незаходящим солнцем... Началась загрузка зерна. Дело шло медленно, поскольку не хватало скафандров, поэтому работали без передышки. Как только заканчивал кто-то один — его тотчас сменял другой. Влезал в скафандр, прицеплял к поясу свежезаряженный аккумулятор — и наружу, стараясь не прикасаться к раскаленному металлу. А там — загрузочный рукав в отверстие на крыше — и доверху, пока наружу не посыплется... Вагон оттаскивают, закрывают верхний проем, под загрузочным помостом следующий... На Дороге лежал слой зерна по колено: время было дороже аккуратности, а сгорит все равно больше, чем удастся забрать с собой. Когда начали грузить последний поезд, Ян подошел к Семенову:

— Я сейчас выхожу с танками. Очень мне не нравится участок возле вулкана.

— Ты его расчистишь без труда!..

— Меня не это беспокоит. Вулкан вроде затихает, — но несколько дней назад тряхнуло, помнишь? Если мы даже здесь это почувствовали, то что же там, поближе?.. Дорога могла пострадать. Нужно, чтобы запас времени был побольше.

Семенов нехотя кивнул:

— Я очень надеюсь, что ты ошибся.

— Я тоже. Как только доберусь — дам знать.

Они гнали без остановки, на предельной скорости. На подъезде к вулкану Ян спал, за штурвалом сидел Отакар. Теперь он спустился вниз и разбудил друга.

— На Дороге большие завалы, а так ничего страшного...

— Сейчас поднимусь.

Они поставили бульдозеры на расчистку, а сами начали карабкаться дальше, на гору наносов. Воздух был чист, и скоро они увидели вулкан, совсем спокойный, только тонкая струйка дыма вилась над конусом вершины.

— Слушай, вроде пронесло, — сказал Отакар.

— Похоже на то.

Они двинулись дальше, но вскоре остановились перед такой горой камней, что без бульдозерного отвала здесь нечего было делать, единственное, что оставалось, — отъехать в сторону и дожидаться бульдозеров.

Те подошли довольно скоро, потому что пока расчищали проход только для себя. Потом они должны были вернуться и разгрести дорогу для поездов.

Водитель бульдозера помахал им рукой, принимаясь за работу, и вскоре скрылся на той стороне завала.

— Тут опять поменьше навалено, — сообщил он по радио. — На этой стороне совсем не глубоко... — Вдруг он охнул и умолк.

— В чем дело? — спросил Ян. — Говори! Ты меня слышишь?

— Ты лучше сам посмотри, — отозвался водитель. — Только подъезжай потихоньку.

Ян двинул свой танк по проходу, проложенному бульдозе-

ром, по следам его гусениц. Сначала он увидел бульдозер, подавшийся в сторону, чтобы не загораживать Дорогу, потом саму Дорогу...

Теперь стало ясно, отчего охнул водитель. Дороги не было: она кончалась у края обрыва. И не такая уж широкая долина лежала впереди, с километр...

Но Дороги не было. Земля разверзлась и поглотила ее, оставив на этом месте бездонную пропасть.

Глава 16

— Ис-ис-исчезла... Д-д-дорога ис-счезла... — Отакар никогда раньше не заикался.

— Чепуха! — Ян был зол и сдаваться не собирался. — Не может же этот провал тянуться бесконечно. Поедем вдоль него в сторону от вулкана, от эпицентра, — должен же он кончиться где-нибудь!

— Я-я... Я очень надеюсь, что ты прав.

— А что нам еще остается? Выбор у нас небогатый, верно? — Улыбка у Яна вышла совсем не веселой.

Стоило лишь съехать с твердой поверхности Дороги, как началась медленная и опасная работа. Непроходимые завалы из обгоревших деревьев чередовались с болотными топями, присыпанными пылью и вулканическим пеплом, каждая из которых могла стать ловушкой для танка. Машины проваливались, утомленные водители натягивали скафандры и вылезали наружу, чтобы прицеплять тросы... Провалившийся танк вытаскивали и вновь искали объезд... Возвращаясь в танки, люди приносили на скафандрах такое количество пыли, что скоро в кабинах стало так же грязно, как в джунглях. Через несколько часов работы все измучились настолько, что были близки к полному истощению. Ян понял это и приказал остановиться.

— Давайте отдохнем. Почистимся слегка и пожуем чего-нибудь.

— У меня такое чувство, что уже никогда в жизни не отмоюсь. — Отакар поморщился: на зубах скрипел песок.

Засветилась лампочка связи. Ян включил рацию.

— Здесь Семенов. Как у вас дела?

— Потихоньку. Ищу объезд. Надеюсь, что сможем обо-

гнуть провал. Не хочется резать спуск, а потом еще подъем на ту сторону... Погрузку закончили?

— Последний поезд загрузили. Я отвел поезда на пару километров. Рассыпанное зерно начинает гореть, я решил не рисковать.

— Правильно, держись подальше. А то и хранилища могут взорваться от давления изнутри. Я буду держать тебя в курсе наших дел.

Они двигались еще двое суток, запертые в перепачканных танках, прежде чем снова вышли к обрыву. Ян увидел его внезапно, когда обгоревшее дерево, которое он отталкивал в сторону, вдруг куда-то провалилось. Он ударил по тормозам и стал протирать изнутри смотровое стекло, а тем временем снаружи рассеивалось и оседало облако пепла.

— И здесь эта яма! — воскликнул Отакар, не в силах скрыть отчаяния.

— Ну да... Но здесь ее ширина не больше ста метров. Если глубина такая же, то мы ее засыплем. Дальше ехать не придется.

Оказалось, что это возможно. Расширяя и выравнивая новую Дорогу, бульдозеры сталкивали в обрыв все подряд: и грунт, и деревья. Плазма из пушек обжигала и уплотняла растущую насыпь, пока она не поднялась до уровня обрыва. На нее осторожно въехал первый танк. Держит.

— Давайте дальше, — распорядился Ян. — Насыпь расширить, и прижигайте почаще. Тягачи с поездами гораздо тяжелее танков. Когда перейдем на ту сторону, разделимся на две группы. Первая останется уплотнять насыпь, вторая выйдет через джунгли обратно на Дорогу. Как только у нас будет все готово, я пригоню поезда.

Работали, конечно, тяп-ляп, — но ничего лучшего сделать не было возможности. Еще больше ста часов трудились они, прежде чем Ян удовлетворился результатом.

— Я поехал за первым поездом. Всем оставаться здесь.

С самого начала работы Ян ни разу не раздевался. Теперь он был весь черен от грязи, около воспаленных глаз красные круги. Увидев его, Эльжбета охнула... Ян посмотрел в зеркало и улыбнулся.

— Если сваришь мне кофе, то я умоюсь и переоденусь. Такая работенка была, что не дай бог снова.

— Так, значит, все уже закончили?

— Все. Осталось только поезда перетащить. Из первого я всех выгнал. Как только кофе попьем — сажусь и еду.

— А никто другой не может его повести? Почему всегда ты?

Ян молча выпил свой кофе, поставил на стол пустую чашку и поднялся.

— Ты же сама знаешь, почему. Поедешь во втором. Увидимся на той стороне.

По тому, как она стиснула руки, было видно, как ей страшно, но она ничего не сказала. Молча поцеловала мужа, молча смотрела, как он уходит... Ей очень хотелось поехать с ним, но она знала, что он ответит, так что и спрашивать не было смысла. Он поедет один.

Поезд свернул с Дороги на новую просеку в обгоревших джунглях. Тягач враскачку пополз по буграм и рытвинам; вагоны послушно, один за другим, пошли следом, по глубоким колеям его громадных колес.

— Пока все нормально, — сказал Ян в микрофон. — Ухабы, конечно, но ничего страшного. Держу постоянную скорость пять километров в час. Всем водителям ехать так же.

Он не стал останавливаться перед насыпью, а въехал на нее с той же скоростью. Под весом тягача поверхность слегка просела; с откосов со стуком посыпались отдельные камни, заструился песок... По обе стороны провала стояли танки, водители напряженно наблюдали. С высоты тягача Ян видел, как медленно приближается дальний край провала; а справа и слева — пустота. Смотрел только вперед, удерживая тягач на самой середине насыпи.

— Он прошел! Прошел! — закричал по радио Отакар. — Вагоны идут нормально! Просадки не видать!

Когда переправа осталась позади, выбраться на Дорогу уже не составило труда. Ян вывел тягач на противоположную обочину, а потом вырулил вдоль Дороги и не останавливался до тех пор, пока все вагоны не стали на твердую поверхность. Только тогда он надел скафандр и пересел на танк, сопровождавший поезд.

— Назад, к провалу! — скомандовал он. И включил рацию. — Поездам переправляться по одному, потихоньку. На насыпи не должно находиться больше одного поезда, чтобы к нему можно было подъехать в случае чего с обеих сторон. Второй, слышишь меня? Пошел!

Он ждал у края ущелья, когда появился второй поезд, окру-

женный облаком пепла и дыма из-под колес. Водитель вел свой тягач точно по колее, проложенной Яном; поезд одолел насыпь и покатился дальше. Потом прошел следующий, еще один — и дальше они покатились сплошным потоком...

А тринадцатый не прошел.

— Везучий тринадцатый, — сказал себе Ян, когда поезд появился на краю обрыва. Хотелось спать. Ян потер глаза и зевнул. Тягач покатился вперед и был уже на середине насыпи — и тут начал крениться. Ян схватился за микрофон, но сказать ничего не успел. Насыпь стала проседать на глазах, тягач медленно накренился еще больше — и полетел под откос.

Под откос — и вниз, на дно ущелья, а за ним вагоны — бусины на нити, увлекающей их в смерть, — в огромное грохочущее облако пыли и летящих обломков, в месиво обвалившегося грунта и искореженного металла.

В живых не осталось никого. Ян взял с собой несколько человек и спустился вниз по канату, чтобы попытаться найти людей, — ничего не вышло. Не обращая внимания на палящее солнце, они долго рылись в обломках, среди изуродованного металла, но никого не нашли. В конце концов поиски прекратили. И оставили погибших погребенными под этим курганом. Насыпь отремонтировали, расширили, уплотнили... Когда остальные поезда перебрались через провал и снова собрались на Дороге — двинулись дальше.

Никто не говорил об этом вслух, но все думали об одном: то, что они везут зерно с одного полюса на другой, — не должно быть даром. Смерть людей не должна быть напрасной. Корабли должны прийти. Опаздывают — но *должны* прийти.

Теперь путешественники уже знали Дорогу, уже устали от нее. Переправились через затопленный участок, монотонно откатывались назад бесконечные километры, беспрерывно палило жестокое солнце — рейс продолжался. Были задержки, были поломки; два вагона пришлось бросить, поснимав с них колеса и много чего еще на запчасти для остальных... Пришлось бросить еще один танк... А выход мощности на тягачах постепенно снижался, и вместе с ней падала скорость поездов.

Когда караван выбрался из-под палящего солнца в сумерки — не радость охватила людей, а ощущение невероятной, предельной усталости, желание отдохнуть наконец. До конца рейса оставалось не больше десяти часов, когда Ян объявил остановку.

— Давайте поедим и выпьем, — предложил он. — Должны же мы хоть как-то отпраздновать!..

Все согласились, но праздник получился невеселый, если не сказать — грустный. Эльжбета сидела рядом с Яном. Теперь им никто не завидовал: мужчины знали, что завтра их встретят собственные жены, ждущие вот сейчас... По радио в Южгород сообщили о крушении тринадцатого, чтобы семерых путешественников не ждали и знали, что они не вернутся.

— Слушай, это свадьба, а не поминки, — сказал Отакар. — Допивай свое пиво, я тебе еще налью.

Ян послушно выпил и подставил стакан.

— Знаешь, я все думаю о возвращении, — признался он.

— Все думают, но мы с тобой особенно. — Эльжбета прижалась к нему, в страхе перед возможной разлукой. — Она не может меня забрать, правда же?

Кто такая «она» — было ясно и без имени. До сих пор Градиль была далеко, но скоро снова могла вмешаться в их жизнь.

— Мы все вместе с вами, — сказал Отакар. — Мы все были свидетелями и гостями на вашей свадьбе. Главы семей могут протестовать, но сделать ничего не могут. Однажды нам удалось их убедить — сделаем это еще раз. И Семенов нас поддержит...

— Это моя проблема, — перебил его Ян.

— Нет, наша, — возразил Отакар. — С тех пор как мы захватили машины и заставили старейшин отпустить нас во второй рейс — с тех пор это наше общее дело. Мы можем повторить, если надо.

— Нет, Отакар, не надо. — Ян смотрел на гладкую ленту Дороги, уходившую за горизонт. — В тот раз нам было за что драться. Это было необходимо всем. Градиль обязательно устроит какую-нибудь пакость, но теперь это будет касаться только нас с Эльжбетой. Нам и разбираться с ней.

— А мне, — сказал Семенов, — придется объяснять, почему я так поступил. Отчитываться придется. Это против закона...

— Закон, написанный для вас, — фикция. Фантастическая повестушка, рассчитанная на то, чтобы держать аборигенов в страхе и покорности.

— Ты скажешь это им тоже? То, что мне сказал.

— Обязательно скажу. И старейшинам скажу, и всем остальным. Должна же когда-нибудь правда выйти на свет. Быть может, они не поверят, но сказать надо.

После отдыха двинулись дальше. На этот раз Ян с Эльжбетой спали мало, да им и не хотелось. Обоих тянуло друг к другу как никогда прежде; они ласкали друг друга неистово, исступленно... Они не сказали вслух ни слова — но оба страшились будущего.

И не зря страшились. Их никто не встречал, никто не приветствовал, не было ликующей толпы... Приехавшие все поняли. Они поговорили немного, попрощались друг с другом и разошлись искать свои семьи. Ян и Эльжбета остались в поезде; сидели, глядя на дверь. И ждали, когда постучат, — ждать пришлось недолго. Снаружи стояли четыре проктора.

— Ян Кулозик, ты арестован.

— Кем арестован? За что?

— Ты обвиняешься в убийстве проктора-капитана Риттершпаха.

— Это можно объяснить, есть свидетели...

— Ты пойдешь с нами, под стражу. Так нам приказано. А эту женщину мы немедленно вернем в ее семью.

— Нет!

Крик ужаса, вырвавшийся у Эльжбеты, заставил Яна вскочить. Он попытался защитить ее, но в него выстрелили в тот же миг. Это была самая малая доза: энергетический пистолет был отрегулирован на минимальный заряд, который не убивает, а только контузит.

Ян лежал на полу, в сознании, но не в силах пошевелиться, и только смотрел, как ее выволакивают из вагона.

Глава 17

Ян прекрасно понимал, что встреча была подготовлена. Подготовлена очень тщательно, с садистской расчетливостью. Градиль, конечно, кому же еще. Однажды она уже держала его под арестом, но в тот раз ничего не вышло. Теперь все иначе. Сама она не появлялась, но ее тонкая режиссура была заметна во всем. Хотя бы в том, что их никто не встречал, не было ликующей толпы... И значит, не было возможности объединить прибывших с остальными и повести их за собой. Да, «разделяй и властвуй», отлично это у нее получилось. Обвинение в убийстве — тоже очень удачно... Человек на самом деле убит, так что обвинение законно... А он еще сопротивлялся при аресте — и тем облегчил ей задачу, — на это она

и рассчитывала наверняка... Она его перехитрила — и выиграла. Она где-то там, снаружи, плетет вокруг него свою паутину; а он сидит в подготовленной для него камере. Теперь это уже не чулан безо всяких удобств — чтобы не возбуждать сочувствия, — а вполне приличное помещение в одном из толстостенных постоянных зданий. Узкая, зарешеченная щель окна в наружной стене, раковина, унитаз, удобная койка, книги, телевизор — и прочная стальная дверь с замком снаружи. Ян лежал на койке, невидяще уставившись в потолок и пытаясь сообразить, как ему выпутаться. Потом почувствовал взгляд проктора, наблюдавшего за ним через пластстальное окошко в стене, и отвернулся, перекатился на бок.

Должен состояться суд. Если суд будет честным — должны принять во внимание то, что Ян защищался. Судьями будут пять глав семей, и по закону обвинительный приговор должен быть единогласным. Семенов — один из старейших глав и тоже будет в составе суда.

Значит, какой-то шанс еще есть.

— К тебе пришли, — сказал надзиратель.

Голос его раздался из динамика под окном. Он отодвинулся в сторону, и на его месте появилась Эльжбета.

Как он ни был счастлив ее увидеть — мучительно было прижимать руки к холодной пластстали, видеть ее пальцы в сантиметре от своих и не иметь возможности к ним прикоснуться.

— Я попросилась к тебе, — сказала она, — думала, что не пустят, но ничего, пустили...

— Конечно. На этот раз линчевать не будут. Она учится на своих ошибках, молодец. На этот раз все будет по Книге, по всем правилам закона и порядка. И посетителей пускают — как же иначе?.. А потом приговор. Обвинительный, разумеется.

— Но ведь должен же быть какой-то шанс! Ты ведь не сдашься, будешь бороться?

— А когда я сдавался? — Он заставил себя улыбнуться ради нее, и она тоже слабо улыбнулась в ответ. — Послушай, ведь здесь по сути нет состава преступления. Ты засвидетельствовала, что на нас напали, что ты сама пострадала при этом. Другим прокторам придется это подтвердить под присягой. У них были дубинки, я начал драться только тогда, когда тебя сбили с ног. Смерть Риттершпаха была нечаянной, неумышленной, — им придется это признать. Защищаться я буду... Но в одном ты мне можешь помочь.

— Все, что угодно!

— Раздобудь мне, пожалуйста, ленту с записью Книги законов, чтобы я мог посмотреть по своему телевизору. Хочу получше подготовиться к процессу.

— Принесу. Обязательно принесу, сразу, как только смогу. Мне сказали, что и еду можно принести. Я приготовлю что-нибудь особенное, хочешь? И еще... — Она покосилась в сторону и понизила голос: — У тебя есть друзья, и они хотят тебе помочь. Если бы ты отсюда выбрался...

— Нет! Постарайся их убедить. Бежать я не хочу. Мне и здесь хорошо, отдыхом наслаждаюсь. А если серьезно — дело не только в том, что бежать на этой планете попросту некуда. Я хочу выйти отсюда по закону. Победить ее силой закона. Другого пути у меня нет.

Он не сказал Эльжбете, что каждое слово, сказанное по переговорному устройству, наверняка записывается. Он не хотел, чтобы кто-нибудь попал из-за него в беду. И кроме того — он действительно сказал правду, он был уверен, что теперь все надо делать строго по закону. А если надо будет что-нибудь сообщить тайно, то для этого способ найдется. Он проверил свою темницу — чисто, скрытых телекамер в ней нет. Если поднести записку к окошку, она сможет прочесть. Это он оставит на крайний случай.

Они поговорили еще, но сказать было почти нечего. Быть рядом с ней и даже не иметь возможности прикоснуться — эта пытка стала совершенно невыносимой; и Ян почти обрадовался, когда стражник сообщил, что время свидания кончилось.

Вторым посетителем оказался Гизо Сантос. Разумеется, офицер-связист прекрасно знал, что их будут прослушивать, и потому разговаривал на отвлеченные темы.

— Эльжбета мне сказала, что ты отдыхом наслаждаешься?

— А что мне еще остается?

— Постарайся воспользоваться случаем и отдохнуть получше. Скоро дел будет выше крыши. Я принес пленку с Книгой законов, как ты просил. Думаю, стража тебе передаст.

— Спасибо, мне надо будет изучить ее.

— И очень-очень внимательно. Я бы на твоем месте трудов на это не пожалел. — Взгляд Гизо стал еще мрачнее. — Главы семей собирались несколько раз. Ну, конечно, все слухи, слу-

хи... Но сегодня утром было сделано объявление, и оказалось, что слухи верны. Иван Семенов больше не глава семьи.

— Не могут они этого сделать!

— Еще как могут. И сделали. Эта процедура описана в Книге — почитаешь. Он нарушил закон, когда оформил брак Эльжбеты без позволения Градиль. Бедняга Семенов лишен всех званий и регалий — и работает теперь помощником повара.

— Но брак остался действителен? — с тревогой спросил Ян.

— Абсолютно. Брачные узы есть брачные узы — а они нерушимы, как ты знаешь. Но вот выбрали судей на процесс...

Яна потрясла неожиданная догадка.

— Ну конечно! Он больше не глава семьи, значит, его не будет на суде. Будет Градиль и еще четверо таких же, да?

— Боюсь, что так. Но правосудие есть правосудие. Как бы они ни ненавидели тебя — на открытом процессе против закона они пойти не смогут. На твоей стороне очень многие.

— Но еще больше тех, кто ждет не дождется, когда мне голову свернут.

— А чего ты хотел? Сам же говорил, что за одну ночь людей не переделать. Жизнь меняется, но перемены многим не по нутру. Это консервативный мир, перемены тревожат людей... Большинство. Но сейчас перемены работают на тебя. Процесс будет законным, и ты должен его выиграть.

— Хотел бы я разделять твою уверенность.

— Разделишь. Как только отведаешь курятины с клецками, которую прислала Эльжбета, — сразу разделишь. Если, конечно, тебе что-нибудь останется после того, как тюремщики проверят посуду на предмет оружия.

Да, теперь все по закону. На этот счет никаких сомнений. Так отчего же так тревожно ему? До суда осталось меньше семи суток, и Ян занялся изучением Книги законов, которая, надо признать, раньше не слишком его интересовала. Оказалось, что это упрощенный вариант Закона Содружества Наций Земли. Очень многое было выброшено, на самом деле — зачем вдаваться в детали подлогов, раз на этой планете вообще нет денег, или определять права в космосе, раз здесь никто на них не претендует? Но были и дополнения: в закон были вписаны железные поправки, наделявшие глав семей абсолютной властью. А от тех жалких крох личной свободы, какие были в оригинале, здесь не осталось и следа.

... В день суда Ян старательно побрился, надел чистую одежду, которую ему принесли... И аккуратно приколол эмблему своего ранга. Он был начальником технической службы — и хотел, чтобы все об этом помнили.

Когда за ним пришли, он был готов. Пожалуй, даже ждал, почти с нетерпением. Но отшатнулся, когда они достали наручники.

— Не надо этого, — сказал он. — Я бежать не собираюсь.

— Приказ, — ответил проктор.

Это был Шеер, тот самый, кого Ян тогда свалил дубинкой с ног. Он стоял в сторонке с поднятым пистолетом. Сопротивляться было бессмысленно — Ян пожал плечами и протянул руки.

Казалось, в городе праздник, а не день суда. Закон гласил, что на процессе может присутствовать каждый желающий, — и, похоже, все население планеты решило воспользоваться этим правом. Зерно еще не засеяли, так что работы было немного — и центральная улица оказалась заполненной людьми из конца в конец. Пришли семьями, с едой и питьем, готовые сидеть здесь сколько надо. Но детей не было. Детям до шестнадцати лет присутствовать на процессах было запрещено, дабы не услышали чего-нибудь запретного. Поэтому старших оставили присматривать за младшими, чем они были весьма недовольны.

Ни одно здание не вместило бы такую толпу, и суд должен был состояться под открытым, неизменно сумеречным небом. Для судей и подсудимого построили помост — им поставили кресла, ему скамью, — развесили громкоговорители... Атмосфера была карнавальная, словно это не судебный процесс, а легкое развлечение, чтобы все могли забыть о своих тревогах. И о кораблях, которые так и не пришли.

Ян поднялся на помост, сел на предназначенную ему скамью и стал разглядывать судей. Ну, разумеется, Градиль. Ее присутствие так же естественно, как закон тяготения. И Чан Тэкенг, старейший старейшина, этот тоже здесь. Неожиданное лицо — старый Крельшев. Ну конечно, он занял место старейшины, когда сместили Семенова. Человек без капли ума, а характера и того меньше. Такой же инструмент, как и другие двое, что сидели рядом. Сегодня все будет решать Градиль, только она. Она наклонилась к ним, явно давая какие-то инструкции... Потом выпрямилась и повернулась к Яну.

Морщинистое лицо холодно, как всегда, глаза — бесстрастные ледышки... Но, поглядев на него, она улыбнулась. Слабо, почти неприметно, мимолетно, — но улыбнулась, наверняка, этакой победной улыбкой. Как она уверена в себе!.. Ян заставил себя не реагировать и застыл в каменном молчании. Любое проявление эмоций могло только навредить... Но удивлялся, чему же она улыбается, — и очень скоро это узнал.

— Тишина! Тишина в суде!..

Градиль говорила в микрофон, и ее усиленный голос пронесся над центральной улицей, отражаясь эхом от домов. Достаточно было сказать раз — все моментально притихли. Настал самый важный момент.

— Мы собрались здесь, чтобы судить одного из нас. Яна Кулозика, начальника технической службы. Против него выдвинуты серьезные обвинения, и вот собрался наш суд. Мой вопрос техникам-операторам: запись ведется?

— Ведется.

— Значит, будет надлежащий отчет о суде. Так пусть же в этом отчете будет записано, что Кулозик был обвинен проктором Шеером в убийстве проктора-капитана Риттершпаха. Обвинение серьезное, и старейшины рассмотрели его на своем совещании. Выяснилось, что свидетели не подтверждают версию Шеера. Оказалось, что Риттершпах умер, когда Кулозик вынужден был защищаться от неспровоцированного нападения. Самозащита не есть преступление. Из этого мы сделали вывод, что смерть Риттершпаха последовала в результате несчастного случая, и обвинение в убийстве отпадает. За чрезмерное рвение проктору Шееру объявляется выговор.

Что это значит? Все присутствующие были озадачены не меньше Яна, по толпе пронесся ропот. Но Градиль подняла руку, и снова воцарилась тишина. Яну все это не нравилось. Обвинение отклонено, а он по-прежнему в наручниках. Почему? А придурок Шеер еще и улыбается!.. Выговор получил и улыбается? Нет, здесь что-то не так. Происходит что-то непонятное, на поверхности далеко не все... Ян решил ударить первым. Он поднялся и наклонился к микрофону.

— Я очень рад, что правда восторжествовала. И поэтому прошу снять с меня наручники.

— Усадить подсудимого! — крикнула Градиль.

Два проктора швырнули Яна на скамью. Значит, это еще не все?

— Против подсудимого выдвинуты гораздо более серьезные обвинения. Он обвиняется в противозаконных действиях и противозаконной пропаганде, в подстрекательстве к мятежу и самом серьезном из всех преступлений — предательстве и государственной измене. Все эти преступления являются особо опасными, а последнее — наиболее опасным из всех. Оно влечет за собой смертную казнь. Ян Кулозик виновен во всех этих преступлениях, что и будет сегодня доказано. Казнь состоится в день суда. Таков закон.

Глава 18

Из огромной толпы понеслись крики, вопросы... Несколько разгневанных мужчин — друзья Яна — начали пробиваться вперед... Но остановились, когда двенадцать прокторов выстроились перед помостом с оружием наготове.

— Не подходить! — закричал Шеер. — Всем оставаться на местах! Пистолеты установлены на максимальный заряд!..

Люди кричали, но издали и на рожон не лезли, ведь максимальный заряд смертелен. А над ними плескался усиленный динамиками голос Градиль:

— Беспорядков не будет. Проктору-капитану Шееру дан приказ — в случае необходимости стрелять. В толпе могут быть чуждые элементы, которые попытаются помочь подсудимому. Мы этого не допустим.

Ян сидел на своей скамье неподвижно. Теперь ему стало понятно все. Только что с выговором — и вот уже проктор-капитан... Молодец Шеер, везунчик... Градиль купила его на всю жизнь, теперь он у нее с рук есть будет. Крепко она его держит. Впрочем, и самого Яна тоже. Он расслабился, думал только про обвинение в убийстве — и не догадался, что это только присказка, а главное — вот оно. Вот оно, настоящее обвинение. И никуда от него не деться, и никакой надежды уже нет... Стоп! Так нельзя, ведь суд еще не закончен... Едва Градиль умолкла, он громко заговорил в микрофон:

— Я требую, чтобы закончили этот фарс и освободили меня. Если здесь есть измена, то в ней виновна вот эта старуха, мечтающая увидеть всех нас мертвыми...

Микрофон его отключили, он замолчал. Выхода не было. Он надеялся только на то, что заставит ее потерять голову.

Она и впрямь рассвирепела — это было слышно по ее голосу, — но держала себя в руках.

— Да, мы поступим так, как предлагает обвиняемый. Мы закончим этот «фарс», как он изволил выразиться. Я посоветовалась с коллегами-судьями, и они со мной согласны. Мы отметаем все обвинения — кроме главного. Государственная измена. Мы достаточно долго терпели, как этот человек глумился над законной властью. Мы были снисходительны, потому что времена настали тревожные и, чтобы сделать неотложные дела, некоторая терпимость была необходима. Вероятно, мы допустили ошибку, дав подсудимому слишком много свободы и позволив ему действовать вопреки нашим обычаям. Эту ошибку необходимо исправить. Я прошу зачитать запись в Книге законов. Статья третья, «Государственная измена», после законов о правлении.

Оператор-компьютерщик побежал пальцами по клавиатуре, выводя на экран перед собой соответствующий раздел. Найдя нужную статью, он включил звуковое воспроизведение. Сурово и торжественно загрохотал над толпой голос закона:

— Государственная измена. Каждый, кто раскрывает тайны государства другим, виновен в государственной измене. Каждый, кто раскрывает подробности деятельности властей, виновен в государственной измене. Каждый, кто глумится над величием властей, виновен в государственной измене. Каждый, кто побуждает других выступать против государственной власти, виновен в государственной измене. Наказание за государственную измену — смерть. Приговор приводится в исполнение в течение двадцати четырех часов с момента его вынесения.

Эхо разносило затухающие отголоски над потрясенно притихшей толпой. Потом снова заговорила Градиль:

— Вы только что слышали, в чем состоит преступление и каково наказание за него. Теперь вы услышите свидетельские показания. В качестве свидетеля выступаю я сама. Перед семьями и перед главами семей подсудимый насмехался над властью глав семей, единственной законной властью на нашей планете. Когда ему было приказано прекратить противоправные действия и подчиниться нашим распоряжениям, он этими распоряжениями пренебрег. Он приказал, чтобы все машины были выведены из строя — каким-то известным ему

способом, — до тех пор пока ему не позволят осуществить второй рейс за зерном. Этот рейс состоялся — и много людей погибло. По его вине. Действуя таким образом и побуждая других не подчиняться властям, он стал виновен в государственной измене. Это мои показания. Сейчас судьи вынесут приговор.

— Я требую, чтобы меня выслушали! — крикнул Ян. — Как вы смеете судить меня, не дав мне слова сказать?

Хотя микрофон перед ним был отключен, люди, стоявшие близко к помосту, его услышали. Друзья его, а потом и многие другие стали требовать, чтобы ему дали слово. Неудивительно, что много было и других криков: чтобы ему вообще заткнули рот. Градиль молча послушала этот шум, потом стала совещаться с остальными судьями... В конце концов Чан Тэкенг, на правах старейшего старейшины, объявил:

— Мы милосердны, и все должно делаться в соответствии с законом. Прежде чем выносить приговор, мы дадим подсудимому слово. Но я его предупреждаю, что если он снова начнет вести противозаконные речи, то мы его сразу заглушим.

Ян оглядел своих судей, потом поднялся и повернулся лицом к толпе. Что же сказать такого, к чему нельзя будет придраться и назвать противозаконной речью? Если произнести хоть слово о других планетах или о Земле — его немедленно отключат. Придется играть по их правилам... Ну что ж, надежды мало — но попытаться все-таки надо.

— Народ Халвмерка! Меня сегодня судят за то, что я сделал все от меня зависевшее, чтобы спасти вашу жизнь. Чтобы спасти зерно, которое будет позарез нужно кораблям, когда они придут. Кроме этого, я ничего не сделал. Некоторые со мной спорили — но они ошибались. И я докажу, что они ошибались. Единственное мое преступление — а это не преступление — состояло в том, что я указал на новую и опасную ситуацию. И наметил способ, как справиться с этой ситуацией. Того, что мы сделали, — никогда раньше не бывало. Но это вовсе не значит, что сделали неправильно. Просто сделали нечто новое, вот и все. Старые правила не подходили к новым условиям. Мне пришлось действовать так жестко, как только я мог, потому что без этого ничего нового мы бы не сделали. В моих поступках не было никакой измены, — а только здравый смысл. Нельзя судить меня за то, что...

— Достаточно, — перебила Градиль. Его микрофон снова

отключили. — Доводы подсудимого будут учтены. Судьи начинают совещание.

Видно было, как она упивается своей властью. Какое там совещание? Ничего подобного и в помине не было. Она просто написала что-то на листке бумаги и подвинула листок соседнему судье. Тот тоже что-то написал, передал следующему... Все писали очень коротко, и было ясно, что это за слово. В конце концов листок попал к Чану Тэкенгу. Тот едва глянул на него — и провозгласил:

— Виновен. Подсудимый признан виновным. Он будет задушен гарротой в ближайшие двадцать четыре часа. За измену полагается гаррота.

На планете никогда еще не было казней — во всяком случае, при жизни кого бы то ни было из присутствующих. Люди никогда даже не слышали о таком способе наказания. Поднялся шум. Одни перекликались друг с другом, другие громко задавали вопросы судьям... Гизо Сантос пробился сквозь толпу к самому краю помоста, и его голос заглушил все остальные:

— То, что сделал Ян, — не измена! Он здесь единственный здравомыслящий человек! Если то, что он сделал, измена, то мы все здесь повинны в измене...

Проктор-капитан Шеер выстрелил в упор. Гизо вспыхнул, пламя охватило его и мгновенно обуглило, превратив искаженное ужасом лицо в черную маску. Он умер, не успев упасть.

Стоявшие рядом с ним шарахнулись назад, раздались вопли ужаса, стоны людей, обожженных этим живым факелом... А Градиль заговорила:

— Этот человек казнен. Он кричал, что повинен в измене. Есть еще кто-нибудь, кто хочет признаться, что и он повинен?.. Выходите, говорите смело, вас услышат.

Она мурлыкала эти слова, надеясь на соответствующую реакцию. Люди из первых рядов в панике подались назад, вперед никто не вышел. Ян смотрел на тело своего друга в странном оцепенении. Мертв. Погиб, из-за него погиб. Быть может, обвинение справедливо и он на самом деле принес сюда хаос и смерть?.. Ян пришел в себя, когда Шеер подошел сзади и схватил его за плечи, чтобы не дать пошевелиться. Зачем это понадобилось, Ян понял, когда увидел перед собой Градиль. Она медленно подошла и остановилась, глядя ему в глаза.

— Ну что, Кулозик? Видишь, куда завело твое упрямство? Я тебя предупреждала: не становись поперек. Ты не послушался. Ты проповедовал измену. Из-за тебя люди погибли, последний вот только что. Но теперь всему этому конец — потому что тебе конец, Кулозик. Скоро мы с тобой попрощаемся. И Эльжбета с тобой попрощается...

— Да не пачкай ты ее имя своей пастью, мразь!

Ян не собирался ей отвечать. Вынудила.

— Эльжбета ведь не будет твоей женой, когда ты умрешь. Верно? Это единственный способ прикончить ваш брак, — но надежный, так мы и сделаем. И твоего ребенка вырастит другой, другого он будет звать отцом.

— Ты о чем, ведьма?

— О, так она тебе не сказала? Забыла, наверно. А может, подумала, что тебе слишком не понравится, что она станет женой другого... Но у нее будет ребенок, твой ребенок...

Она умолкла, изумленно раскрыв рот, — Ян смеялся. Смеялся взахлеб, весело, радостно... Трясся от смеха, несмотря на то что Шеер прижал его к скамье.

— Не смейся, это правда!

— Избавьте меня от нее, — попросил Ян, отвернувшись и по-прежнему смеясь. — Уведите меня в камеру.

Новость подействовала на него совсем не так, как ей хотелось. Это была прекрасная новость! Так он и сказал Эльжбете, когда та пришла навестить его в камере.

— Что ж ты мне сама не сказала? Та шелудивая сука могла не знать, как я к этому отнесусь, — но ты-то!.. Ты-то должна была знать!

— Я не была уверена. Это такая замечательная новость — я сама узнала совсем недавно... А ей, наверно, врач проболтался; я не знала, что она в курсе. А тебя не хотела расстраивать...

— Расстраивать? Долго же приходится добираться хорошим вестям в наше мерзкое время!.. Ребенок — это самое главное. Меня могут убить в любой момент, но у тебя останется наш ребенок. Это же важнее всего. Ой, ты бы видела ее рожу, когда я стал смеяться. Вот уж чудовище... Я только потом сообразил, что эта реакция была самой удачной, нарочно не придумаешь, право слово... А она настолько злобна, что ей и в голову не приходит, что у людей могут быть какие-то человеческие чувства.

Эльжбета кивнула:

— Мне всегда бывало неприятно, когда ты так говорил о

ней. Ведь она — Градиль... Но ты прав. Она на самом деле такая, даже хуже.

— Не говори так. Здесь нельзя.

— Потому что записывают? Теперь я это знаю, мне один твой друг сказал. Но я хочу, чтобы она услышала. Хочу сама ей все сказать. Она так старалась нас разлучить!..

И похоже, что это ей удалось, мрачно подумал Ян, она победила. Видеть Эльжбету — такой близкой и такой недосягаемой — было невыносимо.

— Теперь иди, — попросил он. — Только потом приходи еще, обещаешь?

— Конечно!

Он упал на койку, спиной к окошку, чтобы не видеть, как она уходит. Все кончено. Единственным человеком, кто мог бы что-нибудь сделать, чтобы его спасти, был Гизо. Но Гизо мертв. Градиль специально спровоцировала его; знала, что так получится. И убила тоже специально, знала, что за такое короткое время никто другой ничего не сможет сделать. Друзья у него есть, и немало, но они беспомощны. И враги тоже есть. Все, кто ненавидит перемены и во всех бедах винит его, — таких, наверно, большинство на этой планете. Ну что ж, он сделал для них все, что мог. Не слишком много... Хотя, если корабли все же придут — будет чем встретить их, зерно здесь... Однако местным жителям и в голову не придет воспользоваться этим преимуществом. Они снова будут униженно кланяться — чего еще ждать от этих крестьян? — и вернутся на поля, в свое вечное рабство, будут и дальше влачить свое жалкое существование, без награды, без будущего...

А он вот успел хоть чуть-чуть пожить с Эльжбетой. Это было прекрасно. Лучше хоть немного, чем вовсе ничего. И у нее теперь будет сын. Хорошо, чтобы сын... Нет, лучше дочка. Слабый пол здесь не наследует землю, но живут они вроде подольше и чуть счастливее... Впрочем, это все чистейшие теории, если корабли не придут. На изношенной технике можно переправить на север большую часть людей — но только один раз, не больше. Скорее всего, они даже этого не сумеют сделать. Без него не сумеют, некому будет это организовать.

А его не будет, потому что через несколько часов ему предстоит умереть. Он подтянулся на решетке крошечного оконца и выглянул наружу, на безотрадное серое небо. Гаррота. Здесь никто и слова такого не знает... Земные правители возродили

ее для самых опасных преступников. Яна однажды заставили присутствовать при такой казни. Арестант сидел на специальном стуле с высокой спинкой. Сзади, по обе стороны шеи, два отверстия. Петля из толстого шнура была обвита вокруг шеи и продета в эти дырки, — а за спинкой ручка. Палач начал крутить ручку, шнур стал натягиваться, петля затянулась, — и пленник задохнулся, умер в мучениях. Чтобы крутить ручку, надо быть садистом, но их всегда хватает. Хотя бы тот же Шеер. Он бы наверняка вызвался добровольцем.

— К тебе посетитель! — крикнул стражник из-за двери.

— Никаких посетителей. Не хочу никого видеть, кроме Эльжбеты, — так что вы уж уважьте последнюю волю. Принеси мне лучше чего-нибудь поесть. И пива. Много пива.

Пил он с удовольствием, но есть не хотелось. Снова пришла Эльжбета, они стали разговаривать... Тихо и стараясь быть как можно ближе друг к другу. Она еще была за стеклом, когда за ним пришли прокторы, — ей приказали уйти.

— Я не сомневался, что увижу тебя, Шеер, — сказал Ян. — Они настолько добры, что дадут тебе покрутить машинку?

Тот ничего не ответил, но по его внезапной бледности Ян понял, что догадался.

— А вдруг я тебя убью сейчас? — Ян поднял кулак.

Шеер шарахнулся назад, трусливо хватаясь за кобуру. Ян даже не улыбнулся. Он устал от них, устал от всех, устал от этого идиотского холопского мира... Он почти радовался грядущему небытию.

Глава 19

Помост был тот же, что и во время суда, — и та же система вещания с микрофонами и динамиками была на месте, — все в целости и сохранности, все продумано до последних деталей. Только кресла и столы, где сидели судьи, — да и его скамья, — были убраны. На их месте стоял теперь один-единственный предмет. Стул с высокой спинкой. Аккуратно сделан, отметил про себя Ян, спокойно и отстраненно, словно это его не касалось. Такой стул за один день не смастерить, заранее приготовили. Он непроизвольно остановился, остановился и его конвой.

Возник момент неопределенности, какой-то подвешенности, когда никто не знал, что делать дальше. Живым подтверждением приговора стояли на помосте пятеро судей... Толпа

молча смотрела. Мужчины, женщины, дети — наверно, все население планеты, кто был в состоянии двигаться, собралось здесь, столпившись на центральной улице. Безмолвные, как сама смерть, стояли они в ожидании смерти. А вечно хмурое небо придавило это безмолвие траурным покрывалом.

Тишину нарушил Чан Тэкенг. Он всегда был беспокоен и зол — и не доступен чувствам, которые испытывали все остальные.

— Чего вы там встали? Давайте его сюда, надо дело делать!

Всеобщая зачарованность прошла. Прокторы неожиданно толкнули Яна, так что он споткнулся о нижнюю ступеньку и едва не упал. Это его разозлило: он вовсе не хотел, чтобы кто-нибудь мог посчитать его трусом. Он рванулся, вырвался из рук прокторов — и взбежал наверх сам, так что им пришлось догонять. Люди увидели это, и по толпе прошелестел тихий ропот, словно вздох.

— Подойди. Сядь туда, — приказал Чан Тэкенг.

— Мне не дадут сказать последнее слово?

— Еще чего! Конечно, нет, это не полагается. Садись!

Ян пошел к гарроте, прокторы снова ухватили его за руки. Он видел теперь только Чана Тэкенга, Градиль и остальных судей — и в нем закипела такая ненависть, такая ярость, что выплеснулась в словах:

— До чего ж я ненавижу вас! Вы, безмозглые, преступные кретины! Как вы порабощаете людей, транжирите, калечите их жизнь!.. Это вас надо казнить, а не меня...

— Убейте его! — приказала Градиль. Теперь на ее лице была уже неприкрытая ненависть. — Убейте его сейчас же, я хочу видеть, как он умрет!

Прокторы тащили Яна к гарроте, а он сопротивлялся, стараясь приблизиться к судьям, чтобы как-нибудь вырваться и отомстить им. Все смотрели только на помост, на эту безмолвную борьбу.

Никто не заметил человека в черной форме, который проталкивался сквозь толпу. Его пропускали и снова сдвигались, глядя наверх. Он пробился через плотные передние ряды, поднялся по лестнице — и очутился на помосте.

— Отпустите этого человека, — приказал он. — Дело закончено.

Он не спеша прошел по помосту, взял микрофон из скрюченных пальцев Чана Тэкенга и повторил свои слова, чтобы

всем было слышно. Никто не шевельнулся. Стояла абсолютная тишина. Этот человек был чужой. Никогда прежде никто его не видел.

Это было невозможно, невероятно. На планете, куда никто не прилетал, откуда никто не улетал, все знали друг друга по меньшей мере в лицо, если не по имени. Здесь не могло быть незнакомых людей. Но этого человека никто не знал.

Неизвестно, собирался ли он стрелять, — но проктор-капитан Шеер начал поднимать пистолет. Незнакомец заметил это движение и быстро повернулся, в руке у него что-то зловеще блеснуло.

— Если не бросишь пистолет, я тебя убью на месте. — В голосе была холодная, жестокая решимость. Пальцы Шеера разжались, пистолет выпал. — Все остальные тоже! Сложить оружие!

Прокторы подчинились. Когда пистолеты оказались на помосте, незнакомец поднял микрофон и заговорил снова:

— Всех прокторов, находящихся внизу, прошу учесть, что каждый из них на прицеле. Вы окружены. При попытке сопротивления будете убиты на месте. Оглянитесь и убедитесь сами.

Оглянулись все, не только прокторы. И только теперь заметили вооруженных людей, которые бесшумно появились на крышах зданий вдоль центральной улицы. Длинноствольные карабины с оптическими прицелами были направлены вниз. Не было никаких сомнений, что снайперы будут работать быстро и точно.

— Прокторы, несите все оружие сюда, — раздался приказ из динамиков.

Ян шагнул вперед и посмотрел на незнакомца и двух вооруженных людей, которые появились рядом. Его затопила волна громадного облегчения — но только на миг. Ведь не исключено, что казнь только откладывается...

— Вы с кораблей, — сказал он.

Незнакомец опустил микрофон и повернулся к Яну. Седой, очень темная кожа, горящие синие глаза...

— Да, мы с кораблей. Меня зовут Дебху. Немедленно снимите с него наручники! — велел он прокторам. Те поторопились выполнить приказ. — Мы сели на Дороге примерно двадцать часов назад. Извините, что нам пришлось ждать до сих пор, — обнаружить себя раньше мы не могли. Нужно было,

чтобы все собрались в одном месте одновременно. Если бы они узнали о нашем прибытии — вас бы убили. И могло бы начаться кровопролитие, что привело бы к неоправданным жертвам. Очень жаль, что вам пришлось пройти через все это. Простите.

— Вы с кораблей — но не из Земного Содружества! — с отчаянной надеждой выпалил Ян. — На Земле случилось что-то невероятное, потрясающее...

Дебху медленно кивнул:

— Вы правы. Там произошли... перемены...

— Что вы тут делаете? Убирайтесь с помоста! — Всегдашняя злость Чана Тэкенга первым вывела его из оцепенения, владевшего всеми остальными. — Давайте сюда микрофон и проваливайте! Неужто мы станем терпеть?..

— Стража! Уберите судей. И не спускайте с них глаз.

Крупные крепкие парни с пистолетами на изготовку быстро выполнили приказ Дебху: загнали ошарашенных старейшин в угол помоста и встали напротив, держа их на прицеле. Дебху одобрительно кивнул и снова заговорил в микрофон:

— Народ Халвмерка, прошу внимания! Корабли запоздали из-за того, что на ряде планет произошел государственный переворот. О подробностях мы расскажем чуть погодя. Пока вам достаточно знать, что абсолютная власть земных правителей, так называемого Земного Содружества — свергнута. Вы — свободный народ. Что это значит — вам объяснят. Пока могу сказать, что война еще не закончена и очень много людей голодают. Каждое зернышко, выращенное вами, необходимо — и мы вам за это благодарны. А сейчас расходитесь по домам и ждите дальнейшей информации. Спасибо за внимание.

Толпа зашумела, забурлила и начала расходиться. Некоторые, в том числе друзья Яна, хотели остаться, но их спровадили вооруженные люди, которых становилось все больше и больше. Ян молча ждал — ему хотелось побольше узнать, прежде чем начинать разговор.

— Вы знали о суде и приговоре? — спросил он наконец.

Дебху кивнул.

— Откуда?

— На этой планете есть агент.

— Знаю, был. Риттершпах, но он уже мертв.

— Риттершпах всего лишь орудие. Просто выполнял приказы. Нет, настоящий агент был хорошо подготовлен и проработал здесь очень долго. А для донесений он использовал специальную сеть Безопасности с переменной частотой. Мы захватили часть их оборудования — и услышали донесения, когда вышли из прыжкового пространства. Потому и не стали предупреждать о нашем прибытии.

Ян был оглушен обвалом событий; трудно было так быстро усвоить всю новую информацию.

— Активный агент? Здесь? Но кто же?.. — Не успев закончить, он понял, что ответ очевиден. Он повернулся и ткнул пальцем в судей. — Вот он, ваш тайный агент! Здесь!

— Верно, — подтвердил Дебху.

Градиль пронзительно завопила и бросилась к Яну. Руки подняты, пальцы скрючены, словно когти дикого зверя, готовые рвать и терзать... Ян шагнул ей навстречу, схватил за запястья и взглянул в искаженное ненавистью лицо всего в нескольких дюймах от его лица.

— Ну конечно. Враг мой. Самая умная и самая злобная тварь на этой планете. Слишком умна, чтобы быть из здешних, — она с Земли... Согласилась прожить всю жизнь на этой жалкой планетенке, — но взамен иметь власть, безраздельно править как захочет, уничтожать кого захочет... Это она доносила кораблям, когда те прилетали, чтобы ее хозяева на Земле знали, как хорошо она им тут служит. Это она убирала любого, кто вставал у нее на пути...

— В этом не было нужды, пока ты не появился!.. — Вместе с яростным криком летели брызги слюны. — Меня предупредили, что ты под подозрением, что, может быть, ты Разрушитель... Мне поручили следить за тобой, собрать доказательства...

Ян осторожно встряхнул ее, чтобы не переломать ветхие, древние кости, и тихо, но с победным торжеством сказал:

— Так они обманули тебя, понимаешь ты это? Они знали обо мне все. Они приговорили меня и сослали сюда. У меня был выбор: смерть или вот эта планета-тюрьма. А ты была просто-напросто надзирательницей... Но теперь все кончилось. Слышишь ты, агент? Мы победили. Тебя это не радует, а?

Чувствовал он себя прескверно. От прикосновения к ней его мутило. Он оттолкнул старуху к страже — те подхватили ее, не дав упасть. Ян отвернулся, борясь с тошнотой, словно прикоснулся к трупу.

— Победили еще не везде, — сказал Дебху. — Но по крайней мере здесь победить можем. Когда будем улетать, я заберу

эту женщину с собой. И проктора. Того, кто убил вашего друга. С насильственным правлением надо покончить. Мы организуем открытые судебные процессы, которые будут транслироваться на все обитаемые планеты. Будет вершиться настоящее правосудие, а не балаган, который устроила здесь она. Мы надеемся, что суды — и наказания для виновных — в конце концов принесут мир. Хватит с нас ненависти и вражды. Когда все будет позади — конечно, много осколков склеивать придется, но конец уже виден. Мы побеждаем на всех фронтах, кроме одного. Планеты в наших руках, но это было проще всего: земное правление никому не нравилось. Космический флот был рассредоточен, и его оказалось нетрудно обезвредить по частям, на каждой планете, тем более что мы застали их врасплох. Лишенный своих баз, земной флот мог только отступать, — однако ушел почти невредимым. Корабли только повреждены в боях, но не уничтожены. И теперь они вернулись к Земле, чтобы защищать свой мир. Это крепкий орешек, нам он не по зубам.

— Но и они не могут напасть на планеты. Ни один корабль не в состоянии справиться с хорошо защищенной планетной базой.

— Согласен. Но и у нас та же проблема, что у Земли. Так что сейчас мы в мертвой точке. На Земле есть запасы продовольствия и сырья, но рано или поздно ее экономика без планет задохнется...

— Мы без них тоже долго не протянем.

— В том-то и дело. Материальных ресурсов у них должно быть достаточно, а с продовольствием — плохо. Я сомневаюсь, что они смогут прокормить свое население даже с помощью синтетических продуктов. Но будущее пока очень туманно. Мы выиграли только первые сражения, а не всю войну. И нам продовольствие нужнее, чем Земле. Позарез необходимо. У нас вообще никаких резервов нет, такова была политика Земли. Нам грозит голод, поэтому зерно нужно сейчас же, немедленно. Грузовые корабли на посадочной орбите; они пойдут на посадку сразу же, как только я дам им знать, что здесь все в порядке. Мы очень благодарны вам, что вы перевезли зерно, вопреки всем трудностям. И погрузку начнем немедленно.

— Нет, — хмуро сказал Ян. — Все будет совсем не так. Погрузку вы не начнете, пока я этого не позволю.

Пораженный Дебху отступил назад, по привычке вскинул пистолет.

— Убей меня, если хочешь. Всех нас убей. Но зерно все равно наше.

Глава 20

Глаза Дебху превратились в гневные щелочки.

— Ты на что нарываешься, Кулозик? Мы ведем войну. Нам нужно продовольствие, мы должны его получить. И мы никому не позволим помешать нам. Я тебя спас — но я же тебя и уничтожу. Ясно тебе?

— Ты меня не пугай. И нашел чем хвастаться — войну он ведет... Да мы тут каждый день войну ведем с этим враждебным миром. И зерно мы привезли для вас, оно здесь не случайно оказалось. Если бы мы его оставили, оно бы уже в золу превратилось. Эти люди и так бедны — но ради вас они лишились последнего. Одежду, утварь — все, что у них было, они бросили на севере, чтобы освободить место для зерна... А ты хочешь просто его отобрать, как будто имеешь на это какое-то право! Оно *наше*, понимаешь? На обратном пути во втором рейсе погибли хорошие люди... Я не хочу узнать, что они погибли зря. Зерно вы получите — но у нас есть несколько условий. Так что ты либо выслушаешь наши условия, либо тебе придется всех нас перестрелять. Тогда ты заберешь зерно, но оно будет последним. Решай.

Дебху пристально посмотрел на Яна — напряженные мускулы, сжатые кулаки... Несколько долгих секунд простояли они вот так, молча глядя друг другу в глаза. Потом гнев на лице Дебху сменился полуулыбкой.

Он хмыкнул и опустил пистолет.

— А ты, я вижу, крепкий мужик, Кулозик... Придется с тобой поговорить, убедил. Знаешь, утро было такое сумасшедшее, все некогда... Конечно. Вы имеете такое же право на плоды революции, как и все. Только плодов-то маловато, надо прямо сказать. Вот что, давай найдем твою жену, она, наверно, будет рада тебя увидеть. А там чего-нибудь выпьем и поговорим. Согласен?

— Конечно!

У Эльжбеты не было слов; она все никак не могла поверить тому, что случилось. Она прятала лицо на груди у мужа и плакала, сама не зная почему.

— Но ведь все хорошо, — утешал ее Ян. — Все уже позади. И теперь дела пойдут не так, как прежде, а гораздо лучше... Приготовь-ка чаю нашему гостю, а потом я расскажу тебе обо всем.

Он достал бутылку спирта и плеснул в чашки, надеясь улучшить вкус чая. Дебху хлебнул — и глаза у него полезли на лоб.

— К этому привычка нужна, — успокоил его Ян. — Ну так что, выпьем? За здравый разум и светлое будущее.

— Конечно. За это я с удовольствием. Но мне хотелось бы знать, что означает твой бунт.

— Да никакой это не бунт!.. — Ян осушил чашку и поставил ее на стол. — Это просто — я тебе, ты мне. Равенство. Народ здесь больше не будет в экономическом рабстве, с этим пора кончать. Но им придется заработать свою свободу, и они уже начали... Они и впредь будут поставлять столько продовольствия, сколько вам нужно, — но хотелось бы кое-чего взамен.

— Много дать мы не можем. Разрушения повсюду ужасные, я не хотел говорить об этом при всех. Хаос. На восстановление уйдут века.

— Все, что нам нужно, — простое равенство. И то, что из него вытекает. С правлением старейшин должно быть покончено. Не сразу, конечно, ведь другой системы здесь просто не знают, и без нее все развалилось бы, пока. Но со временем она сама отомрет. Нам нужен полный контакт с Содружеством, со всеми планетами. Я хочу, чтобы эти люди могли увидеть демократию в действии и сравнить ее со своим экономическим рабством. Я хочу, чтобы дети обучались на других планетах. Не все, конечно, а лучшие. Когда они вернутся, образованные, с новыми идеями, — все здесь изменится к лучшему. Старейшины не смогут сопротивляться бесконечно.

— Много ж ты хочешь!..

— Нет. Я очень мало прошу. Но это должно начаться сразу же. Хотя бы несколько ребят для начала, этим же рейсом. Быть может, нам придется их отрывать от родителей. Но они выучатся — хотят они того или нет — и в конце концов поймут, почему это было необходимо. Им будет трудно, нам всем будет трудно. Ведь образование и информация на внешних планетах наверняка такие же куцые, как и на Земле. Но там есть факты. Их только надо рассекретить и разобраться, что к чему. Все мы должны иметь свободный доступ к земному наследию, которого нас лишили. Для здешнего народа это будет

означать конец той унизительной, балаганной цивилизации, которую ему навязали. Продовольствие, которое мы поставляем, — это же экономическая сила!.. Мы должны получать какое-то вознаграждение за труды свои, верно? Будущее должно быть иным. Люди здесь всю жизнь жили, словно куклы-марионетки. Быть может, им такая жизнь казалась настоящей, но на самом-то деле они просто дергались на ниточках кукловодов... Кукловодов с Земли... А Градиль была инструментом, который они использовали для гарантии, что никто здесь не отклонится от той роли, какая ему предписана... Мы для них — ничто. Даже не машины — просто винтики в отлаженном механизме, поставляющем дешевую и безвкусную пищу для бедняков. Но с этим покончено! Продовольствие мы поставлять будем — но хотим быть людьми.

Дебху прихлебнул свой крепкий чай и кивнул:

— Ну что ж. Материальных претензий ты не предъявляешь, а это сейчас самое главное. Дать мы почти ничего не смогли бы. Но детей забрать можно. Мы найдем для них школы...

— Нет. Я займусь этим сам, я лечу с вами.

— Не надо! — с болью воскликнула Эльжбета.

Он взял ее за руки.

— Это ненадолго. Я вернусь, обещаю тебе. Сейчас в этой суматохе никому нет дела до нас. Мне придется драться за каждую мелочь, необходимую здесь. Я знаю, что нужно нашей планете, — и я это добуду. Хотя не сомневаюсь, что здесь и один из сотни не скажет мне спасибо. Я забираю детей на учебу, я ввожу перемены, подкидываю предательские идеи — едва ли меня за это полюбят...

— Улетишь и никогда не вернешься, — прошептала она едва слышно.

— Не верь этому ни секунды, — возразил Ян. — Моя жизнь здесь, с тобой. На этой сумеречно-огненной планете. Земля — это прошлое. Я люблю тебя, и у меня здесь друзья... А если еще кое-что изменить — жизнь здесь будет такая, что лучше и не бывает. Я улетаю только потому, что никто другой не справится с этой работой. Я постараюсь вернуться еще до того, как родится наш сын. Обещать не могу, но постараюсь. Но прежде чем поезда пойдут на север — я обязательно вернусь. Потому что должен привезти снаряжение и запасные части, ведь без них ничего не получится... — Он оглянулся на Деб-

ху. — Ведь вы не привезли ни стержней для реакторов, ни чего-нибудь из того, что нам нужно, верно?

— Нет, конечно. Там, знаешь ли, разруха... А продовольствие нужно было срочно... И вообще, большая часть того, что нужно этой планете, производится на Земле.

— Теперь видишь, о чем я? Понимаешь, Эльжбета? Впредь нам придется самим о себе заботиться, и начинать придется мне. Но у нас должно получиться. Ведь людям всегда надо будет есть.

Высоко в небе раздался нарастающий рев тормозных двигателей. Приближались корабли. Эльжбета поднялась и поставила чайник на поднос.

— Я заварю еще чаю, да? Прости, что я засомневалась, глупо, конечно... Сама знаю, что ты вернешься. Ты же всегда хотел, чтобы здесь все изменилось. Может, и в самом деле изменится... Нет, обязательно изменится. Но потом — мы будем счастливы?

— Очень, — пообещал он.

Она улыбнулась в ответ.

Чашки запрыгали на блюдцах, грохот все нарастал — и разговаривать стало уже невозможно...

Корабли пришли наконец.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Глава 1

Пройдя орбиту Марса, потрепанный грузовоз двигался на плазменной тяге. Он был нацелен на Землю; точнее, на то место, где Земля окажется через несколько часов. Вся электронная аппаратура была либо выключена, либо работала на абсолютном минимуме и за плотными экранами. Чем ближе подлетали они к Земле, тем больше становилось шансов, что их обнаружат. И тотчас же уничтожат.

— Теперь мы несем войну им, — сказал комиссар.

До революции он был профессором экономики в небольшом университете на одной из дальних планет, но чрезвычайные обстоятельства поменяли все.

— Меня уговаривать не надо, — ответил Блэйкни. — Я участвовал в заседании комитета, когда принималось решение нанести удар. И выступал против программы выборочных целей.

— А я и не собираюсь уговаривать. Просто радуюсь этой мысли. У меня на Теоранте семья была...

— Их больше нет, — перебил Блэйкни. — И планеты нет. Ты должен забыть их.

— Ни за что! Забыть я ничего не хочу. Для меня этот удар — салют в их память. И в память всех остальных, кого Земля замучила и уничтожила за эти сотни лет. Наконец-то мы наносим ответный удар. Несем войну им самим.

— Нести-то несем, но меня беспокоит компьютерная программа.

— Зря ты так волнуешься. Нам надо скинуть одну-единственную бомбу. Австралия — это же не островок, целый материк... Неужели можно в нее не попасть?

— Очень даже можно, сейчас объясню. Когда мы отцепим корабль-разведчик, у него будет наша скорость, и разгоняться

он начнет от этой базовой скорости. Компьютеру нельзя допустить ошибку, мы должны попасть с первого захода, второго не будет. А ты можешь себе представить, какой станет скорость разведчика у Земли!..

Он вытащил калькулятор и начал стучать по клавишам. Командир корабля поднял руку.

— Мне сейчас не до математики. Я знаю только, что лучшие наши люди готовили разведкорабль к этой атаке. Вирус сожрет, уничтожит любые продовольственные посевы... Ты же сам готовил программу наведения корабля, обнаружения цели и бомбометания. Теперь они поймут, что такое война.

— Потому и сомневаюсь, что сам с этой программой работал. Тут слишком много переменных. Пойду вниз, еще раз все проверю.

— Давай. Я-то совершенно уверен, что все в порядке, но доставь себе такое удовольствие. Только за временем следи. Осталось всего несколько часов. Как только пролезем через сеть обнаружения — надо будет бить и тотчас же отваливать. Болтаться вокруг в ожидании результата нельзя.

— Это много времени не займет, — сказал Блэйкни, выходя из рубки.

«Все собрано с бору по сосенке, — думал он, направляясь вниз по пустынным коридорам космолета. — Даже команда. Чтобы безоружный грузовоз дерзнул ударить в самое сердце Земного Содружества!..» План был настолько безумен, что мог сработать. Задолго до орбиты Марса они включили плазменную тягу, и с тех пор беспрерывно наращивали скорость. Корабль должен был промчаться мимо Земли и унестись в пространство так быстро, чтобы ее защитники не успели направить встречный удар. А пролетая мимо планеты, они сбросят крошечный корабль-разведчик с компьютерным управлением, закрепленный снаружи на корпусе космолета. Как раз этот малыш его и волновал. Электроники на него не пожалели: он был напичкан сложнейшим и совершеннейшим оборудованием. Но если хоть что-нибудь не сработает, то весь рейс пойдет насмарку. Надо еще раз все проверить, последний раз.

Миниатюрный разведчик, размером меньше спасательной шлюпки, был закреплен на внешней оболочке с помощью стальных хомутов со взрывными болтами. С большим кораб-

лем он соединялся специальным лазом — короткой трубой, — и атмосфера внутри была общей, что значительно упрощало оборудование и наладку всех систем разведчика.

Блэйкни скользнул в лаз и очутился в крошечной кабине, забитой электронными схемами и приборами. Он нахмурился, повернулся к экрану, включил программу контроля и начал просматривать тесты.

В рубке раздался хриплый сигнал тревоги, и по экрану вахтенного оператора поползли серии цифр. Комиссар подошел к оператору и глянул через плечо.

— Что это такое?

— Проходим сеть обнаружения. Эта, наверное, самая дальняя от Земли.

— Значит, они нас засекут?

— Не обязательно. Мы в плоскости эклиптики...

— Что это значит?

— Воображаемая плоскость, на которой расположены все планеты Солнечной системы. И все метеоритные обломки тоже. Мы сейчас так далеко, что излучения от корабля они уловить не могут. Пока мы для них просто очередной кусок космического хлама, железный метеорит. Но система нас уже заметила, и теперь нас начнут отслеживать другие приборы. Лазеры, радары — что там у них... По крайней мере, так оно должно быть; скоро узнаем. Мы регистрируем все их сигналы, так что, когда вернемся, у нас будет подробная запись. Проанализировав ее, мы узнаем гораздо больше о том, как работает вся эта кухня.

«Когда», — отметил комиссар. «Когда», а не «если», — значит, с настроением у людей все в порядке. Но у комиссара была еще одна задача: вирусный удар. Он посмотрел на часы и вызвал корабль-разведчик.

— Мы входим в красную зону. До отделения осталось меньше получаса. Как ты там?

— Уже скоро. Как только закончу с программой, вернусь к вам.

— Хорошо. Нужно, чтобы...

— Нас взял пульсирующий радар! — крикнул вахтенный оператор. — Они знают, что мы здесь! — У его локтя засветился дополнительный экран, он ткнул в него пальцем. — У нас отражатели отстегнулись. Там, где раньше у них на экранах

одно изображение было, теперь дюжина таких же, и все расходятся разными курсами и с разными скоростями.

— И они не будут знать, где настоящий корабль?

— Пока нет. Но они знают, что мы сделали, и теперь начнут рассчитывать вероятные курсы, вперед по времени и назад... Так что корабль скоро вычислят. Но к тому времени, когда их компьютеры с этим управятся, наши выдадут новую защиту. Это хорошая программа. Ее самые сильные физики и комптехи сочиняли.

Комиссара рассуждения вахтенного не убедили. Ему не нравилось, что его жизнь зависит от какого-то упорядоченного потока электронов и магнитных зарядов, из которых состоят программы. Этакая интеллектуальная игра с компьютерами противника. Он посмотрел на крошечные искры звезд, на растущий диск Земли — и попытался представить себе окутавшую их паутину световых лучей и радиоволн. Не смог. Приходилось принимать на веру, что эти лучи и волны действительно здесь — и действуют со скоростью, бесконечно превосходящей скорость его собственных реакций. Человек не может вести бой в космосе. Это делают машины. А экипажи кораблей — всего лишь пленники; зрители, которым некуда деться... Комиссар машинально стиснул сплетенные за спиной пальцы.

Послышались негромкие глухие удары. Скорее это были не звуки, а толчки: почти неслышные, больше ощутимые. А потом раздался взрыв, от которого пол под ногами задрожал.

— В нас попали! — выкрикнул комиссар первое, что пришло в голову.

— Нет еще. — Вахтенный взглянул на экран. — Отстегнулись оставшиеся маскировочные отражатели, и разведчик ушел. Мы свое задание выполнили — но теперь пора смываться. Плазменную тягу отключаем... заводим космические двигатели... Как только позволят гравитационные поля, ложимся на обратный курс.

Вдруг глаза комиссара широко раскрылись; он резко обернулся.

— Где Блэйкни? — крикнул он.

Но никто в рубке его не услышал. Все отсчитывали секунды. В ожидании ракет, которые наверняка посланы им навстречу.

Внезапно комиссар ощутил приступ отчаяния. Он знал, где Блэйкни.

И он был прав, абсолютно прав! Они не зря называли себя комптехами; именно техниками, а не программистами. Они не могли бы написать программу, даже чтобы выиграть в крестики-нолики. Небесная механика, простая и ясная тригонометрия и геометрия, производные, интегралы — это они могли, но это же детские игрушки... А сравнительное плоскостное ориентирование им было не по силам.

Примерно секунду Блэйкни с удовлетворением следил, как указатель компьютера ползет по экрану, по сильно увеличенному изображению Земли, — но яркое пятнышко остановилось, замерев на громадном вихре циклона над Европой. Блэйкни включил переброс и поставил палец на экран, на тот кусочек Австралии, который виднелся из-под облачного покрова тропического шторма. Когда светящаяся капля указателя перепрыгнула на эту точку, он включил команду «Принудительная фиксация» и убрал палец. Можно надеяться, что по крайней мере эта дурацкая штуковина никуда не денется, раз уж сориентирована.

И очень вовремя он это сделал. В следующий миг, с переменой курса, изменился звук двигателей. Отлично... Когда его корабль приблизился к верхним слоям атмосферы, Блэйкни, не отрываясь от дисплея, разблокировал ручное отсоединение, готовый сбросить бомбу вручную, если возникнет какая-нибудь неполадка.

Неполадок не было. В тот же миг, когда на экране появился ноль, тяжело охнула наружная катапульта. Корабль стал удаляться по дуге от верхних слоев атмосферы, а тяжелый керамический контейнер помчался к Земле. Блэйкни знал, что будет дальше; по крайней мере продумано это было досконально. Воздух будет становиться все плотнее, материал контейнера будет сгорать в нем, слой за слоем... Контейнер раскалится — а замороженный вирус будет по-прежнему заперт внутри в криогенной колбе... Потом слой керамики свалится, и воздух коснется калиброванной диафрагмы барометрического взрывателя.

На высоте точно 10 769 метров взрывной заряд расколет колбу и освободит содержимое.

Ветер развеет вирус по всей Австралии; быть может, занесет и на Новую Зеландию... Старательно выведенный вирус, который мог бы уничтожить все продовольственные посевы на Земле...

Блэйкни улыбался, размышляя, когда в него попала ракета. У нее была атомная боеголовка, поэтому наблюдатели внизу вдруг увидели, как за облаками вспыхнуло новое солнце.

Глава 2

Самолет компании ТВА вылетел из Нью-Йорка ночью. Набрав высоту крейсерского полета, он перешел звуковой барьер и с грохотом помчался над Соединенными Штатами. Над Канзасом западный горизонт посветлел: двигаясь со скоростью 2,5 Маха, самолет догонял заходящее солнце. Когда над Аризоной пошли на посадку, солнце было уже довольно высоко, и пассажиры, уже видевшие закат в Нью-Йорке, теперь могли полюбоваться гораздо более красочным — в Мохавской пустыне.

Тергуд-Смит, прищурившись, покосился на сияние и затемнил иллюминатор. Он просматривал заметки о чрезвычайной конференции, которую только что в срочном порядке созвала ООН, и ему некогда было любоваться ни роскошью заката, ни парадом техники в Центре космических связей, представшем перед глазами. На коленях у него лежал атташе-кейс с плоским экраном дисплея. По экрану беспрерывно двигались числа, названия, имена, данные, — останавливаясь только тогда, когда он касался клавиатуры, чтобы исправить ошибки, возникшие при автоматической переписке с аудиозаписи. Процессор был запрограммирован на его голос, но тем не менее часто писал «обеды» вместо «победы». Исправления Тергуд-Смит делал совершенно механически, до сих пор ошеломленный чудовищными изменениями и чрезвычайной серьезностью обстановки. То, что произошло, немыслимо, невозможно... Но все-таки это произошло.

В момент касания с землей самолет затрясло, потом началось торможение, Тергуд-Смита бросило вперед на ремни... Он нажал кнопку на кейсе — экран и клавиатура исчезли. Темный иллюминатор посветлел, и он взглянул на белые башни космоцентра, залитые пылающей охрой заходящего солнца. Из самолета он вышел первым.

Его ждали двое стражников в форме. В ответ на их четкое уставное приветствие он только кивнул. Ни слова не было сказано, никто не пытался проверить его документы... Они знали, кто он такой. Знали и то, что этот рейс — внеплановый — был организован специально для него. Нос Тергуд-Смита, так похожий на клюв, и его худое жесткое лицо были известны всему миру по выпускам новостей. Коротко стриженные белые волосы выглядели строго по-военному по

сравнению с длинноволосыми модными прическами. Он выглядел именно таким, каким и был, — облеченным властью.

Директор космоцентра Огюст Бланк стоял у окна высотой во всю стену спиной к двери. Кабинет его, естественно, располагался на самом верхнем этаже самого высокого административного здания. Вид отсюда всегда был впечатляющим; но сегодняшний закат — это нечто невообразимое: пурпурно-черные горы на горизонте врезаны в багрово-алое небо, все здания вокруг и громады космических кораблей залиты тем же огненно-красным цветом... Цветом крови, быть может, пророческим... Чепуха! Размышления Огюста прервал кашель, раздавшийся за спиной. Бланк обернулся и увидел Тергуд-Смита.

— Надеюсь, полет был удачным, — сказал Огюст, протягивая руку, тонкую, изящную, как и черты его лица.

У Огюста был титул, очень древний французский титул, но он редко им пользовался. Те люди, на кого ему надо было произвести впечатление, — такие, как Тергуд-Смит, — на подобные вещи внимания не обращали. Тергуд-Смит резко кивнул, желая поскорее покончить с формальностями.

— ...Но все-таки утомительным, не так ли? Так чего-нибудь освежающего? Не хотите выпить, расслабиться?

— Нет, Огюст, спасибо. Впрочем, подождите. Перье, если можно.

— Да, в самолете воздух слишком сухой, не то что у нас, на космических кораблях. Мы-то его в обязательном порядке увлажняем. Прошу вас... — Он подал Тергуд-Смиту высокий стакан и снова отвернулся к бару, наливая себе арманьяк. И, не оборачиваясь, словно стыдясь своих слов, спросил: — Это на самом деле так скверно? Так скверно, как я слышал?

— Я не знаю, что вы слышали. — Тергуд-Смит сделал большой глоток. — Но могу вам сказать... Это строгая тайна, разумеется...

— Это помещение надежно.

— Что дела гораздо хуже, чем мы могли себе представить. Разгром. — Он упал в кресло и невидяще уставился в свой стакан. — Мы разбиты. Повсюду. У нас не осталось ни единой планеты...

— Не может быть! — Утонченность Огюста Бланка исчезла, в его голосе прорезался животный страх. — Космические базы! Как можно было их захватить?

— О них я не говорю. Сами по себе они ничего не стоят. Это же безвоздушные спутники с малой гравитацией, самообеспечения у них нет, им необходимо постоянное снабжение... Сейчас они были бы только обузой. Захватить их нельзя, но можно попросту уморить голодом. Мы их эвакуируем.

— Нельзя этого делать! Ведь они — наша опора, наш клинок мщения...

— Они наша ахиллесова пята, если вам угодно продолжать эти дурацкие сравнения. — В голосе Тергуд-Смита не осталось не только теплоты, но даже обыкновенной вежливости. — Нам нужен транспорт и люди нужны. Вот приказ. Позаботьтесь, чтобы он немедленно был передан по сети Фосколо. — Он вынул из кейса один-единственный листок и протянул дрожащему директору. — Дебаты закончены. Два дня длились. Это общее решение.

Руки Огюста Бланка тряслись самым постыдным образом, и ему было трудно читать бумагу. Но директор нужен. Свою работу он делает отлично. Поэтому — и только поэтому — Тергуд-Смит заговорил спокойно и деликатно:

— Эти решения иногда труднее принять, чем осуществить. Мне очень жаль, Огюст. Они просто не оставили нам выбора. Планеты в их руках, все. Они хорошо все спланировали. Наши люди либо перебиты, либо в плену. Но космический флот почти не пострадал, до него добраться они не смогли, хотя несколько кораблей повреждено диверсантами, а с нескольких разбежались команды. Мы отступаем. Стратегический отход. Перегруппировка.

— Отступление, — горько сказал Бланк. — Значит, мы уже проиграли...

— Нет. Ни в коем случае. У нас есть космолеты и среди них специальные боевые корабли. У противника только грузовозы и горстка дезертиров. На многих планетах уже начинается голод. Они будут ломать головы, как бы выжить, — а мы тем временем укрепим свою оборону. И при попытке на нас напасть они будут разбиты, непременно. А потом мы начнем брать одну планету за другой. Мы с вами, наверное, завершения не увидим, но в итоге мятеж будет сокрушен и подавлен. Только так это может кончиться.

— Что я сейчас должен сделать? — спросил Огюст Бланк, все еще пребывая в нерешительности.

— Разослать этот приказ. Это распоряжение всем командирам поменять коды. Я уверен, что старые уже ненадежны.

Огюст Бланк посмотрел на непонятные серии букв и цифр — и кивнул. Шифровкой и расшифровкой занимались компьютеры; как они работают, он не знал и не интересовался. Он сунул лист в прорезь считывающего устройства на своем столе и набрал на клавиатуре несколько команд. Через несколько секунд из динамиков компьютера раздалось:

— Приказ передан всем адресатам, упомянутым в списке. Ответ получен от всех адресатов, упомянутых в списке. Код связи изменен.

Услышав это, Тергуд-Смит кивнул и положил на стол перед Огюстом Бланком еще один лист.

— Вы увидите, что приказы отданы в самых общих выражениях. Флот должен как можно скорее отойти к земной орбите, дальние базы эвакуируются, базы на Луне укрепляются. Как только появится достаточно транспортных кораблей, войска с этих баз будут переброшены в колонии на искусственных планетах земной орбиты. Мы эти колонии захватим. У меня есть надежные сведения, что там симпатизируют мятежникам, а не нам. И то же самое мы сделаем с орбитальными станциями. Есть какие-нибудь вопросы?

— Как будет с продовольствием? Я слышал, что нам грозит голод. Жена моя сделала большой продуктовый заказ, и его не отоварили. Что это значит?

«Он не только трус, но еще и дурак, — подумал Тергуд-Смит. — Расстраивается из-за того, что ему не удалось попасть в число укрывателей!.. Впрочем, он, наверное, еще не знает этого слова. Его мало кто знает. Однако все узнают, когда мы нескольких таких расстреляем за укрывательство продовольствия и распространение пораженческих слухов».

— Я скажу вам всю правду, — сказал он вслух, — но сначала хочу предупредить. Мы ведем войну, а в военное время чрезвычайно важен моральный дух народа. Поэтому люди, которые распространяют ложные слухи, которые пытаются прятать продовольствие, лишая других их доли, — эти люди помогают врагу, и их будут карать. Сажать в тюрьму или даже казнить. Я достаточно ясно выразился, вы меня поняли?

— Да, конечно... Я не представлял... Я действительно очень сожалею, у меня и в мыслях не было...

Он снова задрожал, а Тергуд-Смит едва сдержался, чтобы не проявить отвращения.

— Очень хорошо, — сказал он. — Не волнуйтесь, голода на Земле не будет. Нехватки будут, какое-то рационирование будет... Мы всегда ввозили продовольствие для пролов — во всяком случае, часть его, — но я не думаю, что кого-нибудь так уж расстроит, если паек окажется несколько урезанным. Хуже то, что в Австралии какая-то болячка уничтожила все зерновые этого урожая.

— Болячка? Весь урожай??? Я не понимаю.

— Мутированный вирус. Рассеян бомбой из космоса. Через несколько месяцев он самоуничтожится, но это означает полный пересев всех зерновых импортным зерновым материалом.

— Надо их всех уничтожить!.. Эти преступники хотят уморить нас голодом!..

— Не совсем. Они только предупредили. Похоже, что, преисполнившись чувством мести, некоторые из наших космических командиров проявили излишнее рвение. По меньшей мере две восставшие планеты полностью уничтожены. Мятежники ответили только тем, что послали этот корабль сбросить бомбу на Австралию. А ведь могли бы истребить все продовольственное зерно на всей Земле. Так что это было всего лишь послание. Атаковавший корабль мы, конечно же, уничтожили. Но в ответном послании согласились на их условия: на планетах бомбить только военные объекты.

— Мы должны уничтожить их! Всех, каждого!.. — прохрипел Огюст Бланк.

— Так мы и сделаем. План наш совсем прост. Собрать все силы на земной орбите, чтобы не допустить вторжения или захвата каких-либо космических колоний около Земли. А потом вернуть планеты, захватывая их поочередно, одну за другой. Сейчас на всех наших космолетах устанавливают оружие. У противника всего несколько кораблей, с экипажами из предателей. Первые бои они сумели выиграть, но войну выиграем мы.

— Срочное сообщение, — сказал компьютер.

Из-под крышки выполз лист бумаги. Огюст Бланк глянул на него и передал Тергуд-Смиту:

— Это вам.

Тергуд-Смит быстро прочитал и улыбнулся:

— Я приказал отслеживать и анализировать все передвижения неприятельских кораблей. Им продовольствие нужнее, чем нам. Теперь они послали несколько кораблей на Халвмерк. Это одна из крупнейших сельскохозяйственных планет. Я хочу, чтобы их корабли сели там и загрузились. Потом они взлетят...

— И мы их перехватим! — бурно обрадовался Огюст Бланк, на миг забыв прежние страхи. — Это гениальный план, Тергуд-Смит, примите мои поздравления! Они сами затеяли войну и теперь заплатят. Мы отберем у них продовольствие, а им оставим голод...

— Именно это я и имею в виду. Именно это.

Они улыбнулись друг другу с садистским удовольствием.

— Им некого винить, кроме самих себя, — добавил Тергуд-Смит. — Мы дали им мир, а они нам отплатили войной. Теперь мы им покажем, какова цена такого решения. Когда мы с ними покончим, в Галактике восстановится вечный мир. Они забыли, что они дети Земли. Они забыли, что ради них мы создали Содружество на планетах. Они забыли, сколько стоит обустройство всех их планет, чтобы сделать их пригодными для жизни людей. Сколько было потрачено денег — и жизней. Они восстали против мягкой, направляющей руки — теперь мы сожмем эту руку в кулак и покараем их. Они начали этот мятеж, эту войну — но заканчивать ее будем мы.

Глава 3

— Вот ты и улетаешь, — сказала Эльжбета.

Говорила она спокойно, почти бесстрастно, но пальцы ее буквально впивались в руку Яна. Они стояли в тени огромного зерновоза — блестящего металлического цилиндра, который возвышался позади. Ян смотрел на милое лицо и, не зная, что ответить, только кивнул. В ее глазах было столько любви и тоски, что он не выдержал и отвернулся.

Такова ирония судьбы. Теперь, после стольких лет одиночества на этой сумрачной планете, когда у него есть жена и скоро будет ребенок, когда появилась наконец возможность обрести покой и счастье, приходится от всего отказываться и улетать. Но иного выхода нет. Он единственный, кто может бороться за права людей этой сельскохозяйственной планеты; кто надеется, что когда-нибудь здесь появится нормальное,

порядочное общество. Потому что на Халвмерке он единственный, кто родился на Земле и знает жизненные реалии там и в других мирах Земного Содружества. Сейчас Халвмерк — мир без будущего, его обитатели — сельскохозяйственные рабы, которые всю жизнь трудятся, чтобы накормить других, а взамен получают лишь столько, сколько необходимо для поддержания жизни. В нынешней чрезвычайной ситуации восставшие планеты ждут, что они и впредь будут работать, как работали всегда. Хорошо, они будут растить урожай, — но только если их выпустят из этой планетарной тюрьмы. Пусть им дадут право и возможность стать частью Содружества, приобщиться к его культуре, давать образование детям — и в конце концов изменить уродливое и искусственное общество, навязанное им Землей. Ян знал, что благодарить его не станут, что никому его затеи не понравятся... И все-таки отступать не собирался. Он чувствовал себя в долгу перед теми поколениями, что придут позже. И перед своими детьми тоже.

— Ну, нам пора, — сказал он наконец.

— Ты очень нужен здесь... — Она не хотела просить его, но ее слова прозвучали как просьба.

— Ну постарайся, пойми. Эта планета — как бы велика она ни была для нас — только крошечная частица Галактики. Когда-то давно я жил на Земле, успешно работал и был вполне счастлив, пока не узнал, как живут остальные, большинство людей. Я попытался помочь им — но на Земле это считалось преступлением. Меня арестовали, отняли все, что у меня было, и послали сюда простым инженером. В случае отказа меня ждала смерть, так что выбирать не пришлось. Но за те годы, что я провел здесь, восстание, в котором я участвовал, победило. Победило повсюду, кроме Земли. Вот сейчас, в данный момент, моя задача здесь выполнена. Зерно мы спасли, его увезут на голодающие планеты. Но теперь, когда мы накормим восставших, я хочу, чтобы какие-то плоды победы достались и нам. Понимаешь? Я должен улететь. И мне уже пора. Орбиты рассчитаны, корабли должны стартовать совсем скоро.

Пока Ян говорил, Эльжбета неотрывно смотрела ему в лицо, стараясь запомнить тонкие, резкие черты. Потом обняла его жилистое, мускулистое тело, прижалась к нему — так что их ребенок оказался между ними, согретый общим теплом, — ухватилась за него изо всех сил, словно чувствовала, что никогда уже не увидит его, если отпустит сейчас... Она никогда

не думала об этом, но такая возможность постоянно тревожила ее. Где-то там, далеко, чуждые ей планеты воевали друг с другом, и он уходил на эту войну. Но он вернется, он обязательно вернется!.. Думать иначе она себе не позволяла.

— Я буду ждать тебя, — прошептала она.

Потом оторвалась от него и побежала к дому. Боясь обернуться, чтобы не сломаться и не заставить его устыдиться.

— Десять минут! — крикнул Дебху, стоявший у подножия трапа. — Пора подниматься и пристегиваться.

Ян повернулся и стал подниматься по трапу. Один из членов экипажа ждал их возле воздушного шлюза и задраил люк, как только они прошли внутрь.

— Я иду в рубку, — сказал Дебху. — А ты залезай на жилую палубу и пристегнись, раз никогда в космосе не бывал.

— Я работал в невесомости, — возразил Ян.

Дебху хотел что-то спросить — но промолчал. Халвмерк была планетой-тюрьмой. Теперь уже не имело значения, как человек сюда попал.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Значит, я могу на тебя рассчитывать. Мы потеряли очень много обученных людей: большая часть экипажа в космосе впервые. Пойдем со мной в рубку.

Корабль восхитил Яна. Вероятно, его привезли сюда на чем-то очень похожем, но он не помнил ничего, кроме камеры без окон. Да еще он помнил кормежку, напичканную каким-то снадобьем, от которого был все время слаб, безволен и легкоуправляем. А потом провал в памяти — спал или без сознания был? — и, когда он пришел в себя, корабля уже не было, а его высадили. И все это произошло давным-давно, много лет назад.

Теперь все было совсем по-другому. Корабль, на котором они находились, имел только номер, как и все остальные буксиры. Этот зверь был построен для того, чтобы поднимать вес в тысячу раз больше собственного. Как и остальные буксиры, обычно он находился на орбите. Использовали его только один раз в четыре земных года, когда на этой сумеречной планете происходила смена времен года. И прежде чем поля летом выгорали, а обитатели перебирались в зимнее полушарие, приходили корабли за зерном. Корабли дальнего космоса, космолеты, похожие на гигантских пауков, построенные в космосе и для космоса, которые не могли входить в атмосфе-

ру планет. Совершив пространственный перелет на космической тяге, они выходили на околопланетную орбиту и здесь отцепляли огромные трубы зерновых контейнеров, привезенные с собой. Вот тогда наступала очередь буксиров.

Экипажи переходили с космолетов на буксиры, и те — до сих пор спавшие на орбите — оживали. Включались энергетические установки, буксиры наполнялись светом, теплом и воздухом, запасенным в баллонах. Потом они стыковались с пустыми контейнерами и, гася их скорость, аккуратно опускали их с орбиты на поверхность планеты.

Теперь эти контейнеры были загружены продовольствием для голодающих восставших планет. Взлет на фиксированной тяге оказался мягким, компьютерное управление — безупречным. Подъем, все быстрее и быстрее, через атмосферу и за ее пределы, в непрерывное и ослепительное сияние ближнего космоса... Компьютерная программа, управлявшая этой операцией, была написана комптехниками, умершими столетия назад. Их работа продолжала жить. Радары определяли дистанцию, процессоры сопрягали траектории, полыхали дюзы реактивных двигателей... Громадные массы металла, весом в тысячи тонн, медленно подплывали друг к другу — с точностью до микрона, — сближались, соприкасались, сцеплялись и сливались в единое целое.

— Все стыковки закончены, — сообщил компьютер. Одновременно эти же слова появились на экране. — Можно раскрываться и переводить команду.

Дебху включил следующую фазу программы. Гигантские захваты по очереди разошлись; по корпусу буксира пробежала гулкая дрожь. Оторвавшись от тяжелой ноши, буксир поплыл в сторону, затем включил дюзы и двинулся к космолету, на котором уже были укреплены контейнеры с зерном. Корабли мягко состыковались, и их воздушные шлюзы оказались герметично прижатыми один к другому. Как только произошло полное соединение, автоматически открылась внутренняя дверь.

— Давайте переходить, — сказал Дебху и первым двинулся вперед. — Обычно мы остаемся здесь до тех пор, пока буксиры не окажутся на нужной орбите и не уберут выходную мощность до уровня консервации. Но в этот раз не станем. Каждый корабль будет уходить по мере готовности. Мы расходимся по разным маршрутам, продовольствие нужно во многих местах.

В рубке низко загудел зуммер, и один из экранов замигал красным светом.

— Ничего серьезного, — сказал Дебху. — Это замок захвата не закрылся. Может быть, ошибка следящей системы, а может, в захват грязь попала. Иногда налипает, когда контейнер опускается на планету. Может, глянешь, что там?

— Конечно, — согласился Ян. — С тех пор как я попал сюда, я только такой работой и занимаюсь. Где скафандры?

Сумка с инструментами была неотъемлемой частью скафандра, как и компьютерный радиопеленгатор, который должен был направить его к разладившемуся агрегату и помочь отыскать причину неполадки. Из шлюзовой камеры начал откачиваться воздух, скафандр захрустел и раздулся... После чего распахнулся наружный люк.

Яну некогда было любоваться великолепием звезд, уже не затуманенных атмосферой планеты: их полет не начнется, пока он не сделает свою работу. Он включил пеленгатор и двинулся вдоль поручня туда, куда показывала голографическая зеленая стрела, плывшая в пространстве перед ним. Вдруг из отверстия в оболочке корабля, совсем рядом, вылетела струя ледяной пыли. Ян остановился как вкопанный. Однако за ней вылетело еще несколько струй — он улыбнулся про себя и двинулся дальше. Это корабль выбрасывал из грузовых контейнеров влажный воздух, который мгновенно превращался в микроскопические частицы льда. Космический вакуум обезводит и сохранит зерно, облегчит груз и предотвратит межпланетное расселение микроорганизмов.

К тому моменту, когда он добрался до нужного захвата, морозные султаны уже рассеялись. Ян открыл ключом кожух реле управления и нажал кнопку ручного пуска. Завертелись моторы — он ощущал ладонью их вибрацию, — и массивные челюсти медленно разошлись. Он присмотрелся повнимательнее к гладким поверхностям — и на одной из них увидел замерзшую, плоскую лепешечку грязи. Он сбил эту лепешечку и нажал кнопку на реле. На этот раз захваты прижались по всей длине, и засветилась зеленая лампочка.

Не самый трудный ремонт, подумал Ян, снова запирая кожух.

— Назад, немедленно!..

Радио громко каркнуло ему в уши и умолкло. Никаких объяснений. Ян отстегнул страховочный трос и стал подтягиваться к шлюзовой камере. Она была закрыта. Заперта. Задраена.

Он еще пытался усвоить этот невероятный факт, пытался что-то сделать со своей рацией — и тут увидел, в чем дело.

Полыхая реактивными дюзами и вытянув магнитные захваты, к ним приближался еще один космолет. В ярком солнечном свете на борту была хорошо видна знакомая эмблема: голубой шар на белом фоне. Знамя Земли.

Долгие секунды Ян не двигался, слушая, как колотится в ушах сердце, и пытаясь понять, что происходит. И увидел, как на чужом корабле начал открываться шлюз.

Конечно! Земные силы не хотят так легко сдаваться. Они были настороже, следили... Они наблюдали, как готовился продовольственный конвой, и без труда сообразили, кому он предназначен... Зерно в этих контейнерах нужно Земле не меньше, чем мятежным планетам. Чтобы есть самим и использовать его как оружие, чтобы заставить голодного противника сдаться. Нельзя этого допустить!

Не успел он так подумать, как из шлюза земного космолета вынырнула фигура в скафандре и полетела в сторону их корабля. Их надо остановить!.. Ян порылся в сумке с инструментами, вытащил самую мощную электродрель и включил на максимальные обороты.

Завертелся патрон с рабочим инструментом, встроенный противовес стал вращаться в обратную сторону, гася вращающий момент. Держа импровизированное оружие перед собой, Ян бросился к приближающемуся космонавту.

На его стороне была внезапность: в тени корабля его не было видно. Когда Ян приблизился вплотную, человек стал поворачиваться, но было уже поздно. Ян ухватился за него и прижал вращающуюся дрель к его боку. И увидел, как металл вгрызается в плотную ткань и воздух вылетает из скафандра султаном ледяной пыли. Человек изогнулся, дернулся и обмяк. Ян оттолкнул труп, повернулся и отпихнул ногой другого нападавшего — тот проплыл мимо... И приготовился вонзить свое оружие в третьего, подлетевшего следом.

Во второй раз это было уже не так просто. Когда Ян схватил его за руку, он стал сопротивляться. Они кувыркались в невесомости, наконец кто-то схватил Яна за ногу, потом еще один...

Борьба оказалась неравной, победить он не мог. Враги были вооружены — Ян увидел ракетные пистолеты, — но, захватив его, оружие спрятали. Ян прекратил сопротивляться. Убивать его они не собирались — во всяком случае, пока, — им явно нужны были пленные. Ян пришел в состояние полного отчаяния, когда его подтащили к входу в шлюз, откуда вылетали все новые и новые десантники. Как только они высыпались наружу, его затянули в корабль. Едва шлюзовая камера закрылась, с него сорвали скафандр и сбили с ног. Один из хозяев шагнул вперед и сильно ударил Яна ногой по голове, потом несколько раз по ребрам — от боли потемнело в глазах. Пленные нужны живыми, но и только; а синяки никому не мешают... Это была его последняя мысль. Тяжелый сапог снова попал по голове, и он со стоном провалился в наполненный болью мрак.

Глава 4

— Нескольких они убили, — сказал Дебху, прижимая к виску Яна мокрую тряпку. — Но только тех, кто очень уж сопротивлялся. Им пленные нужны. Они на нас навалились, чуть не задавили, побили дубинками. Тебе получше?

— Кажется, будто череп изнутри раскалывается.

— Нет, это только ушибы. Рваные раны они зашили, а ребра у тебя все целы; так доктор сказал. Мы им нужны в приличном виде, чтобы на Земле показать. До того как они нас захватили, у них было не много пленных. Не такая это война. — Он секунду поколебался и заговорил еще тише: — Ты у них значишься где-нибудь? Я хочу сказать, могут ли они узнать, кем ты был? Установить личность?

— Почему тебя это интересует?

— Я никогда не бывал на Земле и ни разу в жизни не сталкивался с землянами. Быть может, у них есть досье и на меня, не знаю. Они сделали снимки сетчатки наших глаз. Твоих тоже, пока ты был без сознания.

Ян кивнул и тотчас же зажмурился от боли, плеснувшей в голове.

— Они, наверное, очень обрадуются, узнав, кто я. А вот я вряд ли обрадуюсь.

Рисунок кровеносных капилляров внутри глаза надежнее любой дактилоскопии: его нельзя ни подделать, ни уничтожить. На Земле этот рисунок регистрируется при рождении — и потом регулярно проверяется. Если компьютеру дать такой

снимок, то он отсортирует миллиарды фотографий за долю секунды. И найдет Яна Кулозика. Вместе с его учетной карточкой преступника. Они очень обрадуются, обнаружив, что он опять попался.

— Вообще-то вряд ли стоит беспокоиться, — сказал Дебху, откинувшись на металлическую стенку их тюрьмы. — Все мы попадем на живодерню, так или иначе. Быть может, для начала устроят какой-нибудь маленький процесс, пролам на забаву. А потом — кто знает, что потом? Но уж во всяком случае ничего хорошего, я уверен. Легкая смерть — это самое лучшее, на что мы можем рассчитывать.

— Ты не прав, это не самое лучшее, — возразил Ян. Он заставил себя сесть, превозмогая боль. — Нам надо бежать.

Дебху сочувственно улыбнулся:

— Да, конечно, я тоже так думаю.

— Ты меня не жалей, — рассердился Ян. — Я знаю, что говорю. Я с Земли, а этим здесь больше никто похвастаться не может. Я знаю, как мыслят эти люди и как себя ведут. Мы все равно мертвецы, так что хуже не будет. В любом случае попробовать стоит.

— Если даже мы вырвемся отсюда, то корабль захватить не сможем. Они вооружены.

— Значит, сейчас этого делать не нужно. Подождем до приземления. Конечно, нас и тогда не перестанут охранять, но вся команда будет на постах. И нам не придется захватывать корабль. Только бы вырваться из него.

— Совсем просто, — улыбнулся Дебху. — Я совершенно с тобой согласен. Но у тебя есть хоть какая-нибудь идея, как выбраться из этой запертой камеры?

— Идей много. Ты обойди всех потихоньку и собери, что у кого есть. Мне нужно все: часы, ключи, инструменты, монеты — все. Все, что не отобрали. Когда выяснится, чем мы располагаем, я тебе скажу, как мы будем выбираться отсюда.

Ян решил ничего не объяснять, чтобы не вселять в товарищей ложные надежды. Он попил воды и снова лег, оглядывая голое помещение, в котором они находились. По жесткому пластиковому полу было раскидано несколько тощих матрацев, у одной из стен раковина и унитаз. В противоположной стене располагалась простая металлическая дверь. Следящих устройств видно не было, но это вовсе не значило, что их на самом деле нет. Надо будет принимать всевозможные меры

предосторожности — и только надеяться, что наблюдение ведется не постоянно, а время от времени.

— Как нас кормят? — спросил Ян, когда Дебху снова сел рядом.

— Передают еду вон через тот лючок в двери. Одноразовые тарелки, вроде вот этой чашки, что у тебя в руках. Ничего такого, что можно использовать в качестве оружия.

— Я не об этом. Что там за дверью?

— Короткий коридор. Потом еще одна дверь. Одновременно двери не открываются никогда: если одна открыта — другая заперта.

— Отлично. А в коридоре стража есть?

— Я не замечал ни разу. Да там никто и не нужен. Мы кое-что для тебя собрали...

— Ты мне ничего пока не показывай, только расскажи.

— В основном мура всякая. Монеты, ключи, ножнички маникюрные, маленький компьютер...

— Вот это замечательно! Часы есть?

— Нет, все часы отобрали. Компьютер сохранился случайно. Встроен в медальон, на шее висел. Но ты мне можешь сказать, зачем это все?

— Затем, чтобы выбраться отсюда. Я думаю, у нас наберется достаточно всякой всячины, чтобы слепить то, что мне нужно. Микроэлектронную схему. Это моя область; во всяком случае, была до ареста. Здесь свет когда-нибудь выключается?

— До сих пор такого не было.

— Ну что ж, тогда потрудимся. Мне пока понадобится все, что ты насобирал; а что не пойдет в дело — потом отдам. Если они везут нас на Землю — как долго продлится перелет?

— Около двух недель субъективного времени. Космического в полтора раза больше.

— Хорошо. Значит, я могу не торопиться и сделать все как следует.

Свет никогда не выключали и даже не убавляли. Ян почти не сомневался, что за ним не следят; а если и наблюдают — то лишь изредка. Ему необходимо было в это верить, иначе любая попытка побега была бессмысленной с самого начала. Собранные вещи он ощупью отсортировал в карманах и прежде всего отобрал ключи. Потом, улегшись, он разложил их на полу, прикрыв собой. На всякий случай рядом лег еще один из заключенных. Это были маленькие пластмассовые стер-

женьки, разных цветов, с колечком на конце. Чтобы отпереть дверь, их просто вставляют в замочную скважину. Они столь обыденны и привычны, люди к ним так привыкли, что никто никогда и не задумывался о заключенных в них механизмах. Многие наверняка и не подозревают, что внутри этих стерженьков есть что-то еще, кроме пластмассы.

Ян знал, что в каждом из этих стерженьков спрятан сложный механизм. Микроволновый приемник, микропроцессор и крошечная батарейка. Когда ключ вставляется в замок, электронная схема замка посылает сигнал, включающий механизм ключа. В ответ ключ посылает свой кодированный сигнал. Если сигналы совпадают — замок отпирается и в тот же момент короткий, но мощный импульс магнитного поля подзаряжает батарейку. Но если вставлен не тот ключ, то в замок подается чужой код — и дверь не только не отпирается, но специальный механизм полностью разряжает батарейку, и впредь этим ключом уже пользоваться нельзя.

Ян осторожно, аккуратно счистил пластмассу с ключей лезвием маленьких ножниц. Теперь он уже был уверен, что эту работу сделать можно. У него были инструменты, электроника и источники энергии. С терпением и умением он сделает то, что нужно. Микроэлектронная техника настолько обычна — люди попросту забыли, что мельчайшие микропроцессоры встроены в каждое механическое устройство. Но Ян прекрасно это помнил, поскольку сам сконструировал достаточное количество подобных схем. И знал, каким образом можно использовать их для других целей.

Он расковырял один ключ и достал батарейку. Два проводочка от нее — толщиной с паутинку — были нужны, чтобы прозвонить схему второго ключа: закоротить и перекинуть некоторые контакты. Передатчик ключа превратился в приемник; в зонд, который поможет разгадать секрет замка в двери камеры. Когда это было сделано — а уж он постарался, как мог, — Ян позвал Дебху.

— К первому шагу мы готовы. Я хочу проверить, можно ли расшифровать код замка на этой двери. Если механизм замка сложный, это невозможно, но надеюсь, что здесь обычная внутренняя дверь с обычным уровнем секретности.

— Думаешь, получится?

Ян улыбнулся:

— Скажем так: надеюсь, что получится. Единственный

способ проверить — попробовать. Но мне нужна твоя помощь.

— Все, что скажешь. Что я должен делать?

— Немного отвлечь стражу. Не знаю, хорошо ли за нами следят, но не хочу привлекать к себе ни малейшего внимания. Я встану возле двери. Надо, чтобы кто-нибудь из твоих людей затеял драку или что-нибудь в этом роде у дальней стены. Отвлеките их внимание на несколько секунд.

Дебху покачал головой:

— Обязательно должна быть драка? Мои люди не умеют драться и понятия не имеют об убийстве... В нашем обществе такого просто нет.

Ян изумился:

— А оружие, которым вы размахивали? Мне оно показалось очень даже настоящим!

— Оно настоящее. Но не заряженное. Это все было разыграно, как в театре. Другого ничего нельзя придумать? У нас есть гимнаст Эно. Он мог бы устроить представление.

— Отлично. Все, что угодно, лишь бы смотрелось.

— Я поговорю с ним. Когда он должен начать?

— Сейчас. Как только я подойду к двери. Когда буду готов, я потру подбородок. Вот так.

— Дай мне несколько минут, — сказал Дебху и неспешно пошел по камере.

Эно оказался отличным акробатом. Он начал с нескольких разминочных упражнений, потом сделал мостик, стойку на руках и закончил мощным прыжком с переворотом через голову.

Прежде чем ноги акробата коснулись пола, Ян сунул переделанный ключ в отверстие замка и так же быстро выдернул. И отошел от двери, крепко зажав ключ во вспотевшей ладони и машинально сгорбившись в ожидании сигнала тревоги.

Но сигнала не последовало. Когда прошло добрых пять минут, Ян убедился, что первый шаг увенчался успехом.

Самой замечательной находкой среди всего, что удалось найти, оказался микрокомпьютер. Это была игрушка, безделушка, наверняка чей-то подарок. Но все-таки это был компьютер, настоящий. Стража не заметила его, потому что внешне он выглядел как украшение. На золотой цепочке сердечко из красного камня, на одной стороне которого золотой инициал «У». Но стоило положить это сердечко на горизонтальную поверхность и нажать на золотую букву, как рядом появлялась

голограмма компьютерной клавиатуры. И хотя изображение было не материально — клавиатура оказалась функциональной. Прикосновение к несуществующей клавише изменяло связанное с ней магнитное поле, и перед оператором появлялась соответствующая цифра или буква, так же висящая в воздухе, как и клавиатура. Несмотря на свой размер, компьютер имел мощность нормального персонального компьютера, потому что память его была организована на молекулярном уровне, а не на грубых электронных схемах.

Теперь Ян знал код замка на двери их камеры. Следующий шаг состоял в том, чтобы переделать другой ключ для передачи кода. Без компьютера он никогда не смог бы этого сделать. С помощью компьютера нужно стереть память на схеме ключа и внести туда новую информацию. Действуя в основном методом проб и ошибок, Ян сумел ускорить процесс, написав для компьютера самоисправляющуюся учебную программу, что отняло достаточно времени, но окупилось — она работала. И в конце концов у Яна в руках оказался ключ, который мог открыть дверь камеры, не подняв тревоги. Ян был уверен в этом. Дебху посмотрел на крошечный пластмассовый цилиндрик с сомнением.

— Ты уверен, что он откроет?

— Почти уверен. Скажем, на девяносто девять процентов.

— Неплохие шансы. Но вот откроем внутреннюю дверь — что дальше?

— Дальше попробуем тем же ключом открыть другую дверь, в конце коридора. Там шансы будут похуже — но пятьдесят на пятьдесят, что обе двери открываются одним и тем же ключом, с одной и той же комбинацией. Если ключ тот же самый — значит, мы выберемся отсюда. Если нет — у нас по крайней мере будет преимущество внезапности, когда откроют наружную дверь.

— Значит, на том и порешили, — сказал Дебху. — Если получится, мы будем тебе так благодарны...

— Не надо меня благодарить, — перебил его Ян. — Этого не надо. Если бы все мы не были обречены, я бы и думать не стал о таком плане. Ты представляешь себе, что будет, если нам повезет? Если мы сумеем выбраться не только из камеры, но и из корабля?

— Как же! Мы окажемся на свободе!

Ян вздохнул.

— Быть может, ты был бы прав в каком-нибудь другом мире. Но здесь — здесь Земля. Ты выберешься из космолета в самой середине космического центра. А это сложнейший комплекс, охраняемый, закрытый со всех сторон. Каждый встречный будет тебе врагом. Пролы — потому что пальцем не шевельнут, чтобы тебе помочь, и наверняка сдадут тебя, если за это будет обещана награда. А все остальные — не просто враги, а враги вооруженные. В отличие от твоих людей, они умеют драться и делают это с удовольствием. А некоторые и убивают с удовольствием. Ты меняешь свою участь на другую такую же.

— Пусть это тебя не заботит. — Дебху накрыл ладонью руку Яна. — Мы все добровольцы. Начиная восстание, мы знали, чем оно может кончиться. Теперь они нас захватили и везут на смерть, как баранов на бойню. Спаси нас, Ян Кулозик, — и мы все в долгу перед тобой, что бы ни случилось.

Ян не нашел, что ответить. Оказавшись в тюрьме, он сначала думал только о побеге. Теперь, когда возможность побега появилась, он начал задумываться о том, что будет дальше. Ничего хорошего не предвиделось. Но надо было составить хоть какой-то план действий, как бы мизерны ни были шансы на то, что из него что-то получится. Несколько дней, оставшихся до прибытия, он непрерывно думал об этом и разработал ряд вероятных сценариев. Лежа рядом с Дебху, он шепотом объяснял ему, что надо будет делать:

— Когда выберемся из камеры, надо держаться кучей и двигаться очень быстро. Единственное наше оружие — это внезапность. Прежде всего надо будет найти выход из космолета. Быть может, придется захватить кого-нибудь из команды и заставить его показать дорогу...

— Незачем, — перебил Дебху. — Дорогу я знаю. Потому я и командовал продовольственной эскадрой, что знаю корабли. Я инженер-конструктор и строил эти штуковины. Наш корабль — один из вариантов стандартного «Браво».

— И ты можешь выйти из него?

— Даже в темноте, с завязанными глазами.

— Тогда самый главный вопрос. Как можно обойти главный шлюз? Есть ли еще какой-нибудь выход из корабля?

— И не один. Кроме воздушных шлюзов, есть обыкновенные люки: ведь корабль открывается не только в космосе. Есть большой люк в энергетическом отсеке, для тяжелых агрегатов... Нет, это не годится, это слишком долго откры-

вать. — Дебху нахмурился, задумавшись. — Но вот что. Там рядом погрузочный люк для всякой мелочи. Как раз он нам и нужен, через него можно выбраться. Но что дальше?

Ян улыбнулся:

— А дальше разберемся, где мы, — и тогда будем думать, что делать дальше. Я даже не знаю, в какой стране мы очутимся. Скорее всего, в Соединенных Штатах, в космическом центре, что в Мохавской пустыне. Если так, то там возникнут особые проблемы. Дай-ка подумать. Это безлюдная местность, там всего несколько дорог. Их ничего не стоит перекрыть.

После обеда в камеру толпой ввалились охранники, вооруженные до зубов.

— Становись! — скомандовал офицер. — Морды к стенке! Вот так! Руки вверх на стену, пальцы пошире, чтобы видно было, что у вас там... Первый, давай сюда, башку подставляй... На колени... Начинайте с ним.

Оказалось, что принесли акустическую бритву. Пленников одного за другим выдергивали на середину камеры и ставили на колени перед «парикмахером». Ультразвуковые волны очень чисто уничтожали растительность и не затрагивали кожу. И с головой бритва управлялась так же безукоризненно, не оставляя на черепе следа волос. Пленники стояли оболваненные, униженные — а охрана веселилась, им это казалось очень забавным. Когда процедура закончилась, пол покрывал толстый слой волос. Уходя, офицер обернулся.

— Когда услышите предупреждающий сигнал — ложитесь на пол. Во время приземления перегрузки доходят до пяти g, и мне не нужно, чтобы вы тут валялись с переломанными костями. Лишние хлопоты мне ни к чему. Если найдутся болваны, которые меня не поняли, имейте в виду, чинить вас никто не станет, прикончим на месте. Это я вам обещаю.

Металлическая дверь захлопнулась. Пленники молча переглянулись.

— Подождем, когда опустимся и они отключат корабельную гравитацию, — сказал Дебху. — В это время все будут заняты переводом корабля на режим стоянки, так что лазать вокруг никто не станет, все люки будут еще закрыты.

Ян кивнул, и как раз в этот момент загудела предупреждающая сирена.

Сначала возникла вибрация — корабль вошел в атмосферу, — потом началась перегрузка торможения... Металлические стены вдруг загудели от грохота далеких двигателей... Потом неожиданно тряхнуло — они приземлились. Узники лежали неподвижно, глядя на Яна и Дебху.

Всех охватило внезапное головокружение, которое сменилось чувством тяжести, когда навалилось более сильное гравитационное поле Земли.

— Пора! — сказал Дебху.

Ян лежал возле самой двери. Он тотчас вскочил и ткнул ключом в замок. Дверь распахнулась; в коротком коридоре за нею не было никого. Ян промчался по коридору, чувствуя, что за ним следуют остальные, с разбегу ударил всем телом в дверь в конце коридора — потом аккуратно, затаив дыхание, вставил ключ в отверстие замка.

Дверь открылась. И не раздалось никакого сигнала. Ян кивнул Дебху, и тот распахнул дверь настежь.

— Сюда! — позвал он, бросаясь бегом по пустынному коридору.

Из-за угла появился кто-то из команды, увидел их и попытался убежать. Его тотчас догнали, свалили на пол, а Ян несколько раз ударил кулаком — тот потерял сознание.

— Теперь мы вооружены, — сказал Дебху, вытаскивая пистолет из кобуры космолетчика. — Держи, Ян. Ты лучше нас знаешь, как с ним обращаться.

И Дебху побежал дальше, остальные бросились за ним. Он пробежал мимо лифтовой шахты — это слишком медленно — и сломя голову бросился вниз по аварийной лестнице. Добравшись до двери внизу, он остановился, дожидаясь остальных.

— Это вход в главный энергоблок. Там по крайней мере четыре человека обслуги и офицер с ними. Мы постараемся захватить их врасплох.

— Нет, — сказал Ян. — Слишком рискованно. Они, возможно, вооружены, да и тревогу могут поднять. Где должен быть офицер?

— У вспомогательного пульта управления. Слева, примерно в четырех метрах от двери.

— Отлично. Я иду первым. Врывайтесь следом и разбегайтесь в разные стороны, только постарайтесь не оказаться между мной и членами экипажа.

— Ты имеешь в виду... — начал Дебху.

— Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду, — оборвал его Ян, поднимая пистолет. — Открывай.

Офицер был почти мальчик, и его испуганный возглас, а потом и крик боли — пока второй выстрел не заставил его умолкнуть — повергли беглецов в такой ужас, что они окаменели. И только Ян побежал дальше. Людей в энергоблоке оказалось немного, ему пришлось убить еще двоих. Второго выстрелом в спину.

— Вперед! — крикнул Ян. — Путь свободен!

Следуя за Дебху, беглецы старались не смотреть на Яна. Подбежав к люку, Дебху не стал тратить время на поиски электрического управления, а схватился за ручной аварийный штурвал и начал его крутить. Но не успел он сделать и нескольких оборотов, как Эно оттолкнул его. Повинуясь могучим рукам атлета, штурвал завертелся как бешеный, и через несколько секунд послышались щелчки затворов.

— До сих пор нет тревоги! — удивился Ян. — Ну, давайте глянем, не встречает ли нас кто-нибудь снаружи.

Глава 5

В приемной шахте было темно и тихо. Тишину нарушало лишь потрескивание охлаждающегося металла, да где-то капала вода. Воздух был теплый, но не горячий: оболочку космолета и саму шахту уже охладили после приземления дождевальные установки. Ян шел впереди через открытый люк на широкий мостик, который автоматически выдвинулся из стены шахты. Они находились по меньшей мере в пятидесяти метрах над дном шахты, откуда до сих пор клубился пар. Высоко над ними горели яркие фонари и слышался шум машин.

— Возле водяных распылителей должен быть выход, — прошептал Дебху. — Если только эти шахты устроены так же, как те, где я работал.

— Будем надеяться, — ответил Ян. — Давай показывай дорогу.

Он шагнул в сторону, пропуская Дебху и остальных, и оглянулся, нет ли погони. Их побег уже должны бы заметить.

И тут наверху, по окружности шахты, вспыхнули прожектора, яркие, как солнце в безоблачном небе Халвмерка. А через секунду началась стрельба. Реактивные пули с визгом рикошетили от стали и бетона, поднимали фонтанчики в лужах... И рвали податливую плоть человеческих тел.

Ян прикрыл глаза рукой и стал вслепую стрелять вверх. Он

стрелял, пока не кончились патроны. Потом выкинул бесполезный пистолет и шагнул назад. Каким-то чудом он до сих пор был невредим. Судя по хриплым крикам и стонам вокруг, остальным повезло меньше. Он больно ударился плечом о металлическую стойку — и укрылся за ней. Перед глазами плыли какие-то светлые пятна — Ян поморгал и обнаружил, что стоит всего лишь в каких-то трех метрах от люка, через который они вышли из корабля в эту насквозь простреливаемую западню. Побег не остался незамеченным; теперь охрана брала реванш. В этой шахте только смерть. Стараясь не замечать града пуль, Ян подбежал к открытому люку и рухнул в него.

Он сделал это совершенно инстинктивно, пытаясь уйти от неминуемой гибели. Какое-то мгновение он лежал на твердом стальном полу, прекрасно понимая, что не ушел от смерти, а только отсрочил свой конец. Но нельзя же лежать и ждать, когда его найдут и схватят или убьют... Он с трудом поднялся и побрел в энергоблок. Там были только мертвые. Неожиданно дверь лифта начала открываться...

Пригнувшись, Ян метнулся к приборной панели и залез в тесное пространство между панелью и переборкой. Он забирался все дальше и дальше, а топот множества ног все приближался.

— Стой! — скомандовал чей-то голос. — Вас свои перестреляют, если вы сунетесь.

Люди забормотали было, но их прервал тот же голос:

— Отставить разговоры! — И чуть потише: — Здесь Лаука, на исходной... Вы мне зачитаете приказ?.. Да, сэр. Готовы. В энергоблоке. Да, стрельба прекращается. Так точно, приканчивать. Живыми не брать, ясно.

Стрельба в шахте прекратилась, и он снова закричал:

— Постарайтесь на радостях не перестрелять друг друга! Эти мятежники мне живыми не нужны. Поняли? Чтобы ни одного не осталось! Оставляйте их там, где свалятся. С телевидения приедут снимать. Майор сказал: надо, чтобы мир увидел, что бывает с мятежниками и убийцами. Вперед!

Они яростно закричали и бросились бежать с оружием на изготовку. Яну ничего не оставалось, как только ждать, когда кто-нибудь случайно глянет в сторону и увидит, кто прячется за приборной доской. Но никто не глянул. С оружием в руках, они торопились мстить. Офицер шел последним.

Он остановился так близко, что Ян мог бы коснуться его

рукой. Посмотрел вслед своим солдатам и заговорил в микрофон на воротнике:

— Сверху не стрелять. Повторяю, сверху не стрелять. В шахте чистильщики.

Ян стал бочком выбираться из своей щели — и зацепился рубашкой за головку болта. Рубашка задержала его на миг, потом порвалась... Офицер услышал негромкий звук и повернул голову — Ян прыгнул и обеими руками схватил его за горло.

Это было непродуманно, это было неправильно — но сработало. Офицер извивался, стараясь ударить Яна ногой и разжать его пальцы. Они упали, шлем покатился в сторону... Задыхаясь, офицер до крови царапал Яну руки. Но мышцы Яна были закалены тяжелой работой, а отчаянный страх сделал его хватку железной. В живых останется только один из них, второму не уцелеть... Он вдавил большие пальцы в шею офицера и без сострадания посмотрел в выпученные глаза.

Он сжимал шею человека, пока не убедился, что тот мертв, пока под пальцами не исчез пульс.

Теперь к нему вернулась способность думать — и вместе с ней страх. Ян растерянно огляделся. Вокруг не было ни души. Снаружи сплошная стрельба сменилась отдельными беспорядочными выстрелами: солдатам уже не хватало мишеней. Они скоро вернутся... Или войдет кто-нибудь еще... Ян стал срывать с офицера одежду, отдирая магнитные застежки, стаскивая с ног сапоги. Меньше минуты ушло, чтобы раздеть мертвеца, сбросить с себя одежду и облачиться в униформу. Все оказалось впору, только сапоги тесноваты — черт с ними, сойдет... Он нахлобучил шлем, потом затолкал труп и свою одежду за приборную панель, где только что прятался сам, стараясь запихать его как можно дальше. Время, время... Времени было очень мало. Ян бросился к лифту и на бегу с трудом застегнул шлем. Он хотел нажать кнопку — но взглянул на индикатор.

Лифт шел вниз.

Аварийная лестница, по которой они сюда пришли!.. Он выскочил на лестницу, захлопнул дверь и изо всех сил нажал на механизм замка, чтобы тот закрылся побыстрее. Ну все. Теперь вверх по лестнице. Только не слишком быстро, нельзя дыхание сбивать. Куда? На какой этаж? Где может быть выход из корабля? Дебху знал... Но Дебху больше нет. И никого больше нет, все мертвы. Шагая по ступенькам, Ян попробовал по-

чувствовать себя виноватым в их смерти, но не смог. Их убили здесь или убили бы потом — какая разница? Но он пока свободен; и с ним справиться будет не так легко, как с теми безоружными бедолагами в шахте, которые даже драться-то не умели... Ян расстегнул кобуру. Уж это он умеет. Одолеть его будет не так-то просто.

Сколько этажей он прошел? Какая это палуба — четвертая, пятая?.. Впрочем, какая разница? Он на корабле совсем ничего не знает. Он взялся за ручку ближайшей двери и сделал глубокий вдох... Потом одернул мундир, грудь вперед — еще один вдох — и в дверь.

В коридоре было пусто. Ян прошел вперед, шагая, как ему казалось, четким военным шагом. Впереди из-за угла показался какой-то космолетчик и пошел навстречу. Кивнув Яну, он хотел пройти мимо, но Ян задержал его рукой.

— Погоди-ка, дорогой. — Ян сам изумился, обнаружив, что говорит с акцентом подготовительной школы, давным-давно позабытым. — Где тут ближайший выход?

Космолетчик начал вырываться, глаза у него полезли на лоб. Ян заговорил снова, более решительно:

— Говори! Я вошел в корабль из шахты. Как мне выбраться отсюда? Меня командир ждет.

— О, простите, ваша честь. Я не знал. Следующая палуба, вон лестница. Поднимитесь, а там сразу направо и еще раз направо.

Ян кивнул и, чеканя шаг, пошел дальше. Пока все в порядке, одного космонавта он одурачил. Но удастся ли ему сблефовать еще раз? Ладно, скоро узнаем, никуда не денешься. Как называл себя убитый офицер? Ян попытался припомнить. Лока? Нет, Луока — или как-то очень похоже. Он глянул на кольцо на обшлаге мундира. Младший лейтенант Лаука. Ян толкнул дверь на лестницу и поднялся на один пролет.

Повернув за угол, он увидел двух часовых, стоявших у выхода из корабля. Автоматика была отключена, и оба люка воздушного шлюза — внутренний и наружный — открыты. А за внешним люком был виден металлический мостик через шахту, ведущий к свободе.

Часовые вытянулись по стойке «смирно», щелкнув каблуками и взяв «на караул». Ему ничего не оставалось, как пойти к ним. Ян спокойно подошел вплотную и остановился. И тут заметил нечто чрезвычайно важное. Их номер войсковой части отличался от номера на его мундире!

— Я лейтенант Лаука, спецкоманда. У меня радио вышло из строя. Где ваш командир?

— Майор там, внизу, сэр. Командный пункт в офисе компании.

— Спасибо.

Ян щеголевато козырнул часовым — вспомнив, чему учили, — четко повернулся и зашагал прочь.

Едва очутившись вне пределов видимости часовых, Ян повернул в другую сторону, подальше от командного пункта, и пошел, не зная куда, — между какими-то машинами и яркими прожекторами — в ночную тьму.

Он понимал, что это не свобода. Он не заблуждался ни на секунду. Слишком хорошо он знал Землю и был уверен, что здесь по-настоящему не свободен никто. Вездесущие сети слежки опутали всю планету. Тело лейтенанта наверняка скоро найдут. До тех пор его мундир — спасение, но после — страшная помеха, приманка для ловцов... А он даже не знает, где находится, в какой стране. Возможно, в космоцентре в Мохавской пустыне, хотя наверняка сказать нельзя. Военные вполне могут иметь секретные базы, о которых никто ничего не знает. Впрочем, это неважно; сейчас неважно. Так или иначе, первое, что нужно сделать, — убраться с базы. Слева была какая-то дорога, которую хорошо освещали проезжавшие время от времени машины. Он направился туда.

Укрывшись за какими-то громадными ящиками, Ян стал разглядывать ярко освещенные ворота. Чтобы пройти через них, блефа будет маловато. Быть может, попробовать перелезть через забор? Впрочем, он знал, что обязательно сработает система оповещения, скорее всего, даже не одна, а несколько. Быстро надо, быстро... Что бы он ни решил, это надо делать быстро!

— Лейтенант Лаука, отвечайте!

Ян вздрогнул от неожиданности, когда прямо в голове загрохотал этот голос; через поле костной звукопроводности внутри шлема. Радио, конечно. Где же оно включается, черт побери? Он стал шарить пальцами по поясу, отыскивая в темноте на ощупь кнопку включения рации.

— Лаука, где вы?!

Эта, что ли?.. Похоже на то... единственный способ проверить...

Он сжал кнопку и заговорил:

— Слушаю, сэр.

— Достаточно. Надо, чтобы кто-нибудь остался для прессы. Отзовите своих людей.

Голос командира смолк, шорох несущей волны тоже исчез. Значит, там отключились. Его уловка удалась, но выиграл он еще лишь несколько минут, не больше. Он включил рацию на ширококанальный прием и стал вполуха слушать обмен командами и донесениями. Надо что-то предпринимать. Пусть даже самое отчаянное — но надо. И срочно!..

Ян пробежал к освещенной дорожной полосе и стал ждать. Часовые у выезда его увидеть не могли. В его сторону ехала легковая машина, но возле водителя кто-то сидел — Ян отпрянул в тень. Сразу за машиной проехал мотоциклист — и больше никого. Секунды, минуты... Казалось, на базу машины идут сплошным потоком, а с нее ни одной. В шлеме тихо бормотало радио. Обычные разговоры. Пока никакой тревоги, его еще не хватились... Ну поезжайте же! Ну хоть кто-нибудь!..

Вот оно! Тягач с трейлером, с каким-то тяжелым грузом на платформе. Заглянуть в высокую кабину Ян не мог. Надо рисковать, хвататься за этот шанс.

Ян шагнул на дорогу перед медленно едущим тягачом и поднял руку. И стоял, не двигаясь, пока тот не затормозил. Из окна выглянул водитель.

— Могу чем-нибудь помочь, ваша честь?

— Да. Эту машину уже проверяли?

— Нет, сэр.

— Тогда откройте другую дверь. Я с вами.

Ян забрался по лесенке и ввалился в кабину. Водитель — грузный, довольно пожилой, в грубой одежде и в матерчатой кепке — был в кабине один. Ян захлопнул дверь, повернулся к водителю и вытащил пистолет.

— Ты знаешь, что это такое?

— Да, ваша честь, знаю... Конечно...

От страха бедняга начал заикаться и уставился на дуло пистолета, выпучив глаза. Ян не мог себе позволить пожалеть его.

— Прекрасно. Тогда делай то, что я скажу. В точности. Езжай через ворота, как обычно. Ничего не говори. Я буду на полу и убью тебя тут же, как только откроешь рот. Ты мне веришь?

— Да, ваша честь! Я, конечно...

— Поехали.

Под капотом взвыла турбина, и машина двинулась вперед.

Но ехала недолго, и вскоре водитель тронул тормоза. Ян сунул пистолет ему между ног, надеясь, что часовые не разглядят снизу, насколько он перепуган. Голос снаружи бормотал что-то невнятное: водитель достал из кармана на дверце пачку каких-то бумаг и подал ее вниз. Ян видел, как по его лицу течет пот, капая с двойного подбородка. Пистолет был все там же.

Бумаги вернули в кабину. Не удержав, водитель выронил их на пол, но поднимать не стал, а тотчас включил скорость и покатил. Они успели проехать совсем немного, не больше минуты, когда в ушах у Яна раздался громкий голос, заглушивший бормотание всех остальных:

— Тревога! Убит офицер, младший лейтенант. Исчез его мундир. Всем патрулям, всем подразделениям произвести проверку личного состава. Все выезды немедленно перекрыть.

Они опоздали совсем чуть-чуть.

Глава 6

Из ворот грузовик был уже не виден. Он ехал по главной дороге среди каких-то темных складских зданий, освещенных редкими уличными фонарями.

— На следующем перекрестке сворачивай, — приказал Ян. Вполне вероятно, что погоня уже близко. — Еще раз давай за угол. Стоп.

Зашипели пневматические тормоза, грузовик резко остановился. Они оказались в темном переулке, в сотне метров от ближайшего фонаря. Прекрасно...

— Который час? — спросил Ян.

Водитель поколебался, потом глянул на свои часы.

— Три... три часа ночи, — сказал он, запинаясь.

— Я тебе ничего плохого не сделаю, не бойся. — Ян пытался успокоить перепуганного шофера, но пистолет не опускал. — В котором часу светает?

— Около шести.

Значит, до рассвета еще три часа. Времени не слишком много. Но больше не будет... Следующий вопрос был важнее первого:

— Где мы?

— Динкстаун. Тут одни склады, никто не живет.

— Я не о том. База. Как называется база?

Водитель посмотрел на Яна, как на сумасшедшего, но все-таки ответил:

— Мохава, ваша честь. Космический центр в Мохавской пустыне.

— Ясно.

Ян уже решил, что будет делать дальше. Опасно, конечно, но без транспорта ему не обойтись. Впрочем, сейчас все опасно.

— Раздевайся, — скомандовал он.

— О, пожалуйста, не надо! Не надо меня убивать, я не хочу...

— Тихо! Я ж тебе сказал, что ничего плохого тебе не сделаю. Как тебя зовут?

— Эдди, ваша честь. Эдди Миллард.

— Мы вот что сделаем, Эдди. Я заберу твою одежду и грузовик, а тебя свяжу. Не трону, не ударю — только свяжу. Когда тебя найдут — или когда сам распутаешься — расскажешь им все, как было. Так что никто тебя не обвинит, и ничего плохого с тобой не случится.

— Разве? Уже случилось. — В голосе водителя слышались ярость и отчаяние. — Это ж все равно что смерть! Самое малое — с работы выгонят. На пособие. В полицию затаскают... Уж лучше сдохнуть!

Последние слова он выкрикнул уже в истерике. И схватил Яна за руки. Он был очень силен. Яну ничего не оставалось делать, как ударить водителя пистолетом по голове. Тот продолжал сопротивляться — пришлось ударить еще раз. Эдди Миллард тяжко охнул и обмяк, потеряв сознание.

Он сказал правду, подумал Ян, стаскивая с него одежду. Еще одна жертва. Или все мы жертвы? Но сейчас не время размышлять об этом.

Вытащив тяжелое тело шофера из кабины и уложив его на дорогу — по возможности аккуратно, — Ян почувствовал, что дрожит. Слишком много всего случилось, слишком быстро. Слишком многих людей пришлось ему убить. В этой звериной галактике он тоже становится зверем?.. Нет! С этим он не согласен... Цель никогда не оправдывала средства, но он только защищался, исключительно. С того момента, как он пожертвовал своим привилегированным положением здесь, на Земле, пути назад уже не было. Когда он обнаружил, что сам был одним из угнетателей в полицейском государстве, — он принял решение. Он сам, лично, потерял очень много. Но были и другие, настроенные так же, как он, — и в результате произошло вселенское восстание. А теперь идет война, и он солдат. Сейчас все обстоит именно так, так просто, и иначе быть

не может. С обвинениями можно будет разбираться после победы. А революция победит, должна победить. Он не позволял себе думать, что все может кончиться иначе.

Одежда Эдди Милларда пахла застарелым потом и была ему так велика, словно он завернулся в палатку. Ничего, должно сойти, в самый раз. А кепочка спрячет побритую голову. У Яна и мысли не было запихивать Эдди в украденный мундир. Хватит ему и того грязного белья, что на нем осталось. Ян нашел за сиденьем кусок изолированного провода и связал руки Милларду, который все еще не приходил в себя. Этого было достаточно. Все равно машину скоро придется бросить. Бежать?.. Все, что он мог сейчас, — только бежать.

Ян повернул ключ; двигатель ожил, взревел — и грузовик медленно двинулся по узкой улице. Шлем убитого офицера Ян не снимал, чтобы слышать переговоры военных; но через несколько минут понял, что смысла в этом нет. Рация молчала. Он сообразил — его засекли и узнали, что у него есть украденная рация, и компьютер радиосвязи поменял все частоты, чтобы его отключить. Он скинул шлем на пол кабины, прижал акселератор до упора и сбавил скорость лишь тогда, когда увидел, что переулок выходит на главную дорогу. При его приближении светофор с автоматическим управлением переключился на зеленый свет, чтобы дать ему выбраться на шоссе, где в основном были большегрузные машины, такие же, как у него. Впереди показался автодорожный знак — 395 км до Лос-Анджелеса, — но у въезда на автостраду он свернул направо. У него не было ни малейшего шанса проехать пост дорожной полиции, которая всегда стоит на окраинах любого большого города.

Тут впереди блеснул яркий свет фары, и тяжелый тягач с полуприцепом, ехавший навстречу, свернул перед ним налево, перекрыв дорогу. Яну пришлось затормозить. Заправочная станция — замечательно!.. А за ней стоянка и что-то вроде круглосуточного ресторана. Он свернул и медленно поехал мимо группы машин к какому-то затемненному зданию. Это оказался гараж. В такую пору он был, конечно, заперт, и Яну пришлось загнать машину за него, в черную тень. Что ж, ничего лучше, пожалуй, не придумать. По крайней мере какое-то время машина здесь постоит. Если хоть чуточку повезет, ее найдут не раньше чем через несколько часов. Что дальше?

Двигаться, двигаться надо. У него есть удостоверение Эдди

Милларда, но оно может сгодиться только для самой небрежной проверки. И кошелек с какими-то деньгами. Бумажки и горсть мелочи. Он засунул кошелек в карман и одернул на себе одежду, чтобы не так было заметно, насколько она велика. Если здешние пролы хоть немного похожи на тех, что он знал в Британии, то вряд ли на него станут обращать внимание. Отлично. А что с офицерской формой? Она теперь бесполезна. И будет только привлекать внимание: ведь ее ищут. А пистолет и запасные обоймы? Нет, с ними расставаться нельзя. Ян порылся под сиденьем и за спинкой — и нашел какой-то запачканный мешок. Ладно, сойдет. Пистолет и боеприпасы засунул в мешок, а форму и шлем запихал подальше, под сиденье. Зажав пистолет под мышкой, он вылез из кабины, запер ее, спустился и бросил ключи через забор: больше они не пригодятся. Переведя дух, он медленно пошел сквозь теплую ночь к освещенным окнам ресторана.

Не выходя из спасительной темноты, Ян в нерешительности остановился. Что делать? Очень хотелось пить; да и устал он так — даже не устал, а вымотался до предела, — что едва стоял на ногах. С того момента, как дверь камеры отворилась, он все время бежал и почти беспрерывно подвергался смертельной опасности. До сих пор адреналин маскировал нараставшую усталость, но теперь, когда напряжение спало, Ян ее почувствовал. Почувствовал так, что с трудом доплелся до ресторана и прислонился к стене, чтобы не упасть. Окна оказались не слишком высокими, и он заглянул внутрь. Большой зал, кабинки и столики, возле стойки сидят двое — и больше никого. Попробовать зайти? Это, конечно, риск, но для него сейчас во всем риск. А там можно поесть хоть чего-нибудь. И посидеть, отдохнуть и с мыслями собраться. Это просто необходимо... Усталость сделала его фаталистом. В конце концов его все равно схватят — так, по крайней мере, пусть не натощак. Оттолкнувшись от стены, он подошел к двери, поднялся по ступеням и вошел в ресторан.

Во время своих прежних поездок в Соединенные Штаты — сколько лет с тех пор прошло? — он не видел ничего похожего на это заведение. Он бывал в самых лучших ресторанах Нью-Йорка и Детройта, сравнивать было просто. Старый, затоптанный бетонный пол... Двое возле стойки не потрудились даже взглянуть в его сторону, когда он скользнул в ближайшую к двери кабинку. Стол и скамья, похоже, из алюминия,

обшарпанные, разболтанные... Как здесь заказывают? К стойке надо подходить, что ли? Или есть какая-нибудь связь и механизм у стола?.. Под пластмассовой скатертью, почти непрозрачной от массы царапин, на столе лежало меню. Под заголовком «Напитки» значился только кофе, чая не было, а под словом «Блюда» выстроилась колонка каких-то непонятных названий. Смысл слова был очевиден, но конструкция странная. Ян попробовал надавить на слово «кофе», но это оказалось безрезультатно. Оглядевшись вокруг, он увидел кнопку на стене, под ней — экран. Возле кнопки надпись: «Позвоните, вас обслужат». Ян осторожно нажал на кнопку.

В тишине зала было слышно, как где-то позади стойки загудел зуммер. Ни один из обедавших не пошевелился. Чуть погодя из-за стойки появилась официантка и направилась к столику Яна. В руке у нее был блокнот. Персональное обслуживание в таком месте — невероятно!.. Форма на ней была застирана и вся в пятнах, как пол, да и женщина была не так молода, как показалось издали. Тронутые сединой грязные волосы и явное отсутствие зубов у официантки не позволяли надеяться, что здесь можно прилично поесть.

— Что будем заказывать? — Она смотрела на Яна без малейшего интереса.

— Кофе.

— Что-нибудь из еды?

Он посмотрел в меню и ткнул пальцем.

— Гамбургер.

— С приправой?

Он кивнул, не имея ни малейшего понятия, что она имеет в виду.

По-видимому, ее этот ответ вполне удовлетворил: она чиркнула в блокноте и ушла. Он никогда не ел гамбургеров и даже не знал, что это такое. Зато он знал, что выговор у него типично английский, да еще с характерным произношением, усвоенным в элитарной частной школе. Поэтому он так обрадовался, увидев в меню знакомое слово. Гамбургер. Старинная школьная шутка, когда он был еще маленьким, фраза из давным-давно забытого американского фильма — вместо «дай мне гамбургер» — «дайне гамбуйга». Мальчишки в школе часто повторяли эту фразу. Оставалось надеяться, что местный акцент за это время не изменился и, произнеся эту фразу, он себя не выдаст.

Один из людей возле стойки поел и собрался уходить. Он бросил на стойку несколько монет — Ян поднял голову. Человек встал и пошел к двери, а проходя мимо Яна, посмотрел на него. У него на самом деле глаза расширились или показалось? Наверняка сказать было нельзя: тот уже вышел в ночную тьму. Он его узнал? Как, откуда? Или это мания преследования начинается? Ян подвинул мешок поближе к себе, чтобы пистолет был под рукой. Он знал, что надо думать о спасении, а не о каждом встречном.

Через несколько минут принесли еду, а у него еще не было никаких соображений относительно плана действий. Официантка поставила заказ на стол и с подозрением стала рассматривать его одежду.

— Ровно шесть баксов.

Правильно, подумал Ян, гони монету. Раз так одет — деньги сразу. Он вытащил из кармана горсть зеленых бумажек, положил их на стол, отобрал пятерку и доллар — и подал ей. Она сунула деньги в карман передника и ушла.

Кофе, горячий и замечательный, приятно обжигал. А гамбургер оказался совершенно неожиданным. Какая-то булочка с начинкой. Не подали ни вилки, ни ножа — Ян не имел понятия, как его есть. В конце концов, уверенный, что на него никто не смотрит, Ян просто взял его руками и откусил. Ничего похожего он никогда в жизни не пробовал, и ему было интересно. В самой середине оказался слой едва поджаренного фарша, покрытый смесью какого-то соуса и зелени. Непривычно, но очень вкусно. Ян проглотил гамбургер почти не жуя; на это ушла всего пара минут. Когда он допивал кофе, в зал вошли двое.

Не оглядываясь по сторонам, они решительно направились к столику Яна и сели напротив. Ян медленно поставил чашку, а другой рукой взялся за рукоятку пистолета.

Они на него не смотрели и, казалось, не обращали никакого внимания. Один достал из кармана монетку и вставил ее в щель под экраном телевизора. Машина ожила, плеснув ревом грохочущей музыки. Не глядя на телевизор, Ян вытаскивал под столом пистолет из мешка. Худой, который бросил монетку, стал тыкать кнопки на телевизоре, меняя программы. Наконец он удовлетворился и сел на место. Шла спортивная передача о каких-то гонках.

«Что все это значит?» — подумал Ян. Оба мужика средних

лет, одеты очень похоже на него. Казалось, они очень внимательно изучают меню, но кнопку вызова не нажимали. И не смотрели на него... Его размышления прервал голос телевизионного диктора:

— ...Последние новости о мятежниках, пытавшихся захватить «Альфарон». Бой закончен. Убийц постигла та судьба, которую они готовили другим. Они понесли заслуженное наказание от руки товарищей тех героев, что отдали жизни за свою родную планету...

Одного быстрого взгляда на изувеченные, скорченные, обескровленные тела друзей оказалось для Яна более чем достаточно. Он снова повернулся к соседям напротив. И от следующих слов диктора буквально остолбенел:

— Один преступник бежал. Его имя Ян Кулозик. Предупреждаем: он опасен. Его нужно взять живым, чтобы допросить о подробностях преступного заговора. За любую информацию, которая поможет его задержать, назначена награда в двадцать пять тысяч долларов. Всех граждан Калифорнии и Аризоны призываем к бдительности и содействию...

Ян позволил себе мельком взглянуть на экран, где показывали его лицо, в фас и профиль. Снимки сделали много лет назад, перед отправкой на Халвмерк, но узнать его можно было тотчас. Отведя взгляд от экрана, Ян увидел, что двое напротив смотрят прямо на него. И оба держат руки на столе. Или они очень уверены в себе — или полные идиоты.

— Это все правда, что он сказал? — спросил худой, обращаясь к Яну.

Ян не ответил.

Тот подождал пару секунд и спросил снова:

— Зачем ты им нужен, Кулозик?

В ответ Ян приподнял ствол пистолета над краем стола.

— Вот это — стандартная штука шестьдесят пятого калибра, ракетный пистолет. Из него вылетают такие дуры, что могут продырявить быка насквозь. Ясно? Вы сейчас спокойно встанете и выйдете отсюда, а я пойду следом. Ясно? Пошли.

Они тотчас подчинились, выскользнули из кабинки и даже подождали его, стоя к нему спиной. Потом двинулись к двери. Ян пошел следом. Выходя на улицу, Ян едва успел заметить какую-то фигуру сбоку, в темноте. Человек чем-то замахнулся... Ян хотел повернуться и поднять пистолет — но на него обрушился удар.

Глава 7

— Я могу только повторить то, что уже сказал раньше.

— Ну так повторите.

Голос был другой — но вопросы все те же. Яна так крепко прикрутили к стулу, что руки и ноги онемели. Глаза его были завязаны. Казалось, он сидит здесь уже целую вечность.

— Меня зовут Ян Кулозик. Я прибыл на «Альфароне». Названия корабля я не знал, пока не услышал в последних известиях. Я был среди пленных, которые попытались бежать. И оказался единственным, кто выбрался. Я убил офицера...

— Его имя?

— Лаука. Младший лейтенант Лаука. И это было не убийство, а самозащита. Все это я вам уже говорил. Я забрал его форму и пистолет. Я захватил грузовик, на котором ехал Эдди Миллард. Машину я бросил за гаражом. А потом зашел в ресторан, и там вы меня взяли. А теперь вы мне скажите. Вы кто? Безопасность?

— Заткнись. Здесь мы спрашиваем...

Фраза осталась недосказанной: кто-то вошел. Послышались шаги, приглушенные голоса... К Яну подошли — и лицо ему обожгло болью: это сорвали липкую ленту, закрывавшую глаза. Он охнул от неожиданности и зажмурился от яркого света.

— Регистрационный номер последней твоей машины в Англии не вспомнишь?

— Еще чего! Это было слишком давно. — Он приоткрыл глаза и, сощурившись, увидел троих мужчин. Двое из них были те самые, из ресторана. — Если вы из Безопасности, то все про меня знаете. Так зачем эти игры?

Третьего Ян раньше не видел. Сухопарый мужик, такой же лысый, как Ян, — но от природы.

— Мы не из Безопасности, — ответил он. — А вот ты, возможно, оттуда. Провокатор. Так что придется тебе отвечать на наши вопросы. Если ты тот, за кого себя выдаешь, — мы тебе поможем. А если нет — убьем, ты уж не обижайся.

Ян посмотрел ему в лицо и медленно кивнул.

— Знаешь, что бы ты ни говорил, я ведь тоже сомневаюсь. По-моему, вы все-таки из Безопасности. Так что я вам не скажу ничего, кроме того, что есть в моем деле. Никого закладывать я не стану.

— Ладно. — Лысый посмотрел на пачку распечаток. — Номер своего телефона в Лондоне не вспомнишь?

Ян закрыл глаза и постарался сосредоточиться. Это было словно в прошлом веке, по сути, в прошлой жизни... Он представил свою квартиру, портье у входа, лифт... Вот он входит в дом, подходит к телефону...

— Один... два, три, шесть... одиннадцать, двенадцать.

Вопросы посыпались градом. Память возвращалась, и Ян отвечал все быстрее и увереннее. Эти распечатки у лысого — наверняка его досье из Безопасности! Как оно попало к ним? Нигде, кроме Безопасности, его быть не должно. Или они на самом деле играют с ним?

— Ну, хватит, — сказал лысый, отшвырнув сложенную гармошкой бумагу. — Отпустите его. Придется поверить, что он говорит правду. Рискнем.

Когда веревки развязали, Яна пришлось поддерживать, пока чувствительность — вместе с болью — не вернулась в онемевшее тело. Он стал растирать себе ноги.

— Спасибо, что развязали. Значит, вы удовлетворены. Но для меня вы по-прежнему Безопасность.

— Знаешь, когда мы на такой работе, как сейчас, — то удостоверения с собой не носим. — Лысый впервые улыбнулся. — Изволь, можешь вести себя так, будто мы на самом деле Безопасность. Но если ты провокатор, — я тебе сразу скажу, честно, что никого из подполья мы не знаем. Потому нас и послали на это дело. Наверное, кто-то из нашего братства служит в полиции — иначе откуда бы этой распечатке взяться?.. Ну а моя подпольная кличка — Светоч.

Он погладил себя ладонью по блестящей лысине и снова улыбнулся. На этот раз и Ян улыбнулся в ответ.

— Надеюсь, что ты правду говоришь, Светоч. Ведь если вы из Безопасности, все эти разговоры вам ни к чему. Безопасность и так может все вытащить, я через это прошел.

— И ты был на других планетах? — выпалил один из них, не в силах больше сдерживаться. — Восстание. Расскажи про восстание. Официальная пропаганда нас не просвещает.

— А что они говорят?

— Да ничего. Муру всякую. Демагоги... Горстка сбитых с толку... Мятеж идет на спад... Все мятежники захвачены или уничтожены...

— Верно, мура. Они не хотят признаться, что мы победили! Их вышибли отовсюду, со всех планет. И им пришлось удрать сюда, на Землю.

При этих словах их суровые лица смягчились, заулыбались... Раздались восторженные восклицания:

— Это правда? На самом деле?

— А с чего мне лгать? Они правят здесь, в Солнечной системе, — но больше нигде.

Это было Рождество, праздник, ощущение всех радостей мира. Если они играют, подумал Ян, то они лучшие в мире актеры. Он был уже уверен, что попал в руки Сопротивления, а не полиции. Он рассказал им все, что знал. Наконец Ян прервал поток их вопросов:

— Теперь моя очередь. Как получилось, что вы на меня вышли раньше, чем Безопасность?

— Просто повезло, — ответил Светоч. — А может, наших людей здесь больше. Как только начали передавать экстренный выпуск про тебя, нам велели тебя найти. У нас сочувствующих больше, чем активных членов. Один из них тебя увидел и подсказал нам. А дальше ты знаешь.

— Ну и что теперь?

— Ты можешь быть очень полезен нашему делу, Ян. Если, конечно, согласишься работать с нами.

Ян невесело улыбнулся в ответ:

— Точно так же я влип в это дело в первый раз. Но теперь и вовсе нет причин отказываться. Мое будущее может оказаться совсем коротеньким, может быть совсем несчастливым, если мне сейчас не помогут.

— Ну и хорошо. Первым делом заберем тебя отсюда. Пока они не разнюхали, что тебе помогают. Как это будет — я не знаю и знать не хочу. У нас тут одежонка для тебя есть. Переоденься, а я пока свяжусь со своими.

Ян натянул ветхие хлопчатобумажные штаны и рубашку. И с наслаждением стащил с ног армейские сапоги, которые жали все сильнее. Надев открытые сандалии, он почувствовал себя великолепно. Один из мужчин вышел и вскоре вернулся, держа в руках спортивную шапочку с длинным козырьком и с надписью «Доджерс» золотыми буквами.

— Возьми вот, — сказал он. — Спрячь свою бритую голову, пока волосы снова не отрастут. У нас тут виски есть, бурбон. Мы будем рады, если выпьешь с нами.

— С удовольствием, — согласился Ян, принимая пластмассовый стаканчик с бледной опаловой жидкостью. Напиток

оказался очень крепким. — Давайте за свободу. Чтобы и Земля стала такой, как все планеты.

— Да, за это выпить стоит.

Ян приканчивал третий стаканчик бурбона — он казался все вкуснее, а Ян чувствовал себя все лучше, — когда вернулся Светоч.

— Давай скорее, — сказал он. — Тебя ждут. Придется топать ножками. Все, что на колесах, проверяют.

Идти пришлось недалеко; от свежего ночного воздуха в голове просветлело. Шли они все время по темным улочкам. Светоч то и дело поглядывал на часы и последние несколько кварталов заставил бежать.

— Надо прийти в назначенное время, — объяснил он. — Я оставлю тебя перед дверью. Как только скроюсь из виду — стучи. Тебя впустят. Счастливо, Ян. Это здесь.

Перед ними была маленькая дверь, боковой вход в какое-то громадное здание. Светоч быстро пожал Яну руку и исчез. Ян легонько стукнул в дверь — она открылась. Внутри было темно.

— Проходи, быстро, — прошептал кто-то.

Дверь закрылась, темнота стала еще непроглядней.

— Слушай внимательно, — сказал невидимый человек. — Сейчас пройдешь через дверь и очутишься в гараже. Там полно трейлеров. Ночью они уедут. И они уже опломбированы, потому что прошли таможню. Их обыскивать не будут. Третий от двери — открыт сзади. Иди и залезай туда. Мы повесим пломбу, и никто не узнает, что контейнер открывали. Как только залезешь, я подойду и закрою. Важно, чтобы ты меня не видел. В Лос-Анджелесе тебя выпустят. Теперь вот что. Когда войдешь — не тушуйся, старайся выглядеть натурально. Там могут быть люди, но, если будешь натурально выглядеть, никто к тебе цепляться не станет. Но самое главное, чтобы никто не видел, как ты залезаешь в трейлер, иначе тебе крышка. Постой-ка здесь, я пойду гляну.

Дверь чуть-чуть приоткрылась, и Ян увидел очертание мужской головы. Тот несколько секунд смотрел в щель, потом отодвинулся.

— Ну, давай, быстро. Удачи тебе.

Ангар был громадный, гигантский. Откуда-то издали донесся звук выхлопа. Вдоль стены тянулись бесконечные ряды трейлеров с корабельными контейнерами. Ян направился к

ближайшему трейлеру. Он шел медленно, спокойно, словно был одним из здешних. Звук выхлопа замер, раздался какой-то лязг... Подойдя к третьему трейлеру, Ян оглянулся, словно случайно, — вокруг никого не было. Он открыл тяжелую дверь и забрался в контейнер. Закрывая за собой дверь, он успел разглядеть какие-то коробки, которые заполняли почти весь контейнер. Через несколько минут дверь простучали по всей высоте и заперли на замок.

Было темно, тепло и пахло чем-то кислым. Ян сначала сел, опершись спиной о стенку, но вскоре сообразил, что сидеть жестко и неудобно и лучше лечь. Он подложил под голову руку и незаметно для себя заснул. И не проснулся даже тогда, когда трейлер прицепили к тягачу.

Громадный грузовик тронулся с места и выкатился на дорогу — Ян спал. И проснулся только тогда, когда трейлер дернулся и встал, шипя тормозами. Ян проснулся, мигая в кромешной тьме, и почувствовал холодный укол страха, вспомнив все, что случилось с ним. Снаружи кто-то подошел и стал громыхать засовами. Ян затаил дыхание. Сейчас дверь откроется — его схватят, и всему конец. Он съежился в ожидании — и расслабился только тогда, когда машина снова тронулась с места. Если это был контрольный пункт, то его миновали благополучно.

Трейлер все катился и катился без остановок, напряжение спадало — и Яна снова потянуло в сон. Он не стал сопротивляться — ему хотелось отдохнуть.

Ян ворочался на жестком полу, но ни разу не проснулся до тех пор, пока грузовик не остановился снова. Он постоял немного и поехал дальше. Полицейский контроль перед въездом в город? В Англии это было в порядке вещей. Надо полагать, что процедуры Безопасности и здесь такие же.

Когда остановились в следующий раз, Ян услышал, что кто-то снова загремел засовами. Когда дверь открылась, он уже был наготове. И прикрыл глаза рукой, защищаясь от лучей тропического солнца.

— Давай-ка вылазь, чудо, здесь твой маршрут закончен, — произнес чей-то грубый голос.

Ян соскользнул на землю, прищурился — и увидел перед собой полицейского в форме. Попался!.. Он повернулся и хотел бежать, но громадная рука схватила его за плечо и развернула обратно.

— Не балуй! Быстро в ту черно-белую и падай на пол. Ради тебя мне пришлось раскрыться, чудо, — хорошо бы, чтобы ты этого стоил.

С этими словами он подтолкнул Яна вперед и показал ему на черно-белую машину, сплошь увешанную фарами и сиренами, которая стояла в узком переулочке за трейлером. Задняя дверца была открыта — Ян быстро забрался внутрь и бросился на пол. Дверца закрылась. Через секунду полицейский сел на переднее сиденье, и машина с огромной скоростью вылетела из переулка задним ходом: потом резко, с визгом, затормозила, развернулась — и рванула по шоссе. Теперь водитель расслабился и оглянулся через плечо.

— Это правда, что ты им сказал? Что все планеты... это — как ты сказал-то?

— Свободны. Да, свободны, правда. Восстание не удалось подавить.

— Ну что ж, приятно слышать. Быть может, оно заразное окажется, и мы тут на Земле-матушке тоже слегка приболеем, а? Там, куда ты едешь, ребята рады будут заразиться. Я тебя к привидениям везу, им передам. Уж не знаю, как тебе там понравится, но какое-то время ты будешь там в безопасности.

Привидения? О чем это он?

— Боюсь, я тебя не понял, — сказал Ян. — Ты о чем?

— А ты что говоришь так странно? Британец, что ли?

— Да, я в Англии родился. Правда, уехал оттуда довольно давно.

— Вот я и говорю. Разговор у тебя точь-в-точь как у англичан, что в кино показывают. В общем, мистер Британец, я не знаю, как идут дела в тех краях, откуда ты явился, но у нас тут, наверное, все по-другому. Так мне сдается. Мы едем в Нью-Уотс. Когда ты его увидишь — сам поймешь, о чем я. Ты глянь, интересно. Я приторможу, а ты только нос приподыми и глянь. Сам увидишь.

Какое-то время они еще медленно ехали, потом остановились.

— Давай глянь-ка, — сказал полицейский.

Ян осторожно приподнялся и увидел, что машина стоит возле ряда небольших домов. Когда-то они были хороши, но теперь обветшали и покосились. Выбитые окна, провалившиеся крыши... С другой стороны улицы тянулась высокая проволочная изгородь, а за ней пустырь; курганы обожженной земли с редкими кустиками бурьяна. Метров через сто за пустырем стояла еще одна такая же изгородь. А за ней снова какие-то здания, жилые дома, деловые кварталы... Рассмотреть детали на таком расстоянии Ян не мог, но, судя по всему, это тоже были явные развалины.

— Ложись, — скомандовал полицейский. — Как раз туда я тебя и везу. Отсюда выглядит не так уж плохо... — Он рассмеялся, но не весело, скорее иронично. — Сейчас поедем через контроль, но там все парни меня знают, только рукой махнут. Я им посигналю, пусть думают, что по вызову еду.

Машина рванула вперед, завыла сирена... Они повернули, набирая скорость, подпрыгнули на какой-то кочке, помчались дальше... Потом сирена умолкла, и автомобиль сбавил скорость.

— Приготовься, — сказал полицейский. — Останавливаться я не буду, но поеду потихоньку. Как только скажу — прыгай. Окажешься возле узкого прохода между дворами, вроде улочки. Пойдешь по этой улочке, там тебя встретят.

— Спасибо.

— Ты не благодари, пока не увидел, куда попал. Пошел!

Ян потянул ручку и открыл дверцу. Едва он выпрыгнул из машины, как ручку вырвало из пальцев, и дверца захлопнулась — так резко рванулась с места машина... И тут же исчезла за поворотом. Ян посмотрел на покосившиеся деревянные заборы по обе стороны грязной улочки и пошел туда, куда велели. Он чувствовал, что за ним наблюдают, но никого не замечал. В заборах шли калитки, и одна из них распахнулась, когда он проходил мимо.

— Иди сюда, — произнес грубый голос.

Ян повернулся и увидел говорящего. Рядом с ним стояли еще двое. Все трое держали его под прицелом пистолетов. Все трое были черны, как уголь.

Глава 8

— Ты и есть тот самый, со звездолета? — спросил стоявший ближе всех. Ян кивнул. — Тогда заходи. Расскажешь нам все по порядку.

Они окружили его и втолкнули в дом. Потом провели по сырому коридору в комнату. Он услышал, как сзади загремели засовы. Окна в доме оказались наглухо заколочены, воздух

затхлый; кроме круглого деревянного стола, окруженного несколькими стульями, мебели не было. Один из провожатых дернул Яна за руку, усадил на стул и сунул ему под нос длинный, видавший виды пистолет.

— Ты шпик, — сказал он со злостью, цедя слова сквозь стиснутые зубы. — Ты же шпик, как пить дать...

— Ну-ка отвали, не надо, — перебил тот, что постарше, и мягко потянул сердитого за плечо.

Сердитый неохотно отодвинулся, а старший сел рядом с Яном.

— Беда в том, что тебя сюда легавые привезли. Ему это не нравится. А кому нравится?.. Я Уилли. А тебя Яном звать, я твою фотографию по телевизору видал.

Ян кивнул, напряженно вслушиваясь. Человек говорил на таком неразборчивом диалекте, что легче было бы объясниться с кем-нибудь из Глазго.

— Ящик сказал, что ты со звезд. Если это правда, то расскажи, что там стряслось.

И Ян еще раз рассказал об успехах восстания. Его собеседник подался вперед и напряженно слушал, заставляя повторять некоторые фразы. Очевидно, его выговор был так же труден для них, как и местный диалект для него. Его стала одолевать усталость, в горле пересохло. Он попросил воды — Уилли сделал знак одному из своих.

— Небось и есть хочешь?

Ян кивнул. Уилли что-то крикнул в открытую дверь.

Еда была незнакомая, но сытная. Непонятная вареная зелень, белая фасоль в черную крапинку и кусок эрзац-мяса, густо приправленный какими-то специями. Пока он ел, присутствующие оживленно переговаривались друг с другом.

— Они чего хотят знать, — сказал Уилли, — нет ли там, на звездах, братьев?

— Не понял...

— Черных. Черных людей, как мы. Или там больше белые дерутся и друг дружку режут?

Это был важный вопрос, и в комнате воцарилась тишина.

— Спасибо. Ужасно есть хотелось. — Он на минуту задумался. — Здесь... как это место называется... Нью-Уотс? Здесь что, все только черные?

— Можешь быть уверен.

— На планетах не так. Я хочу сказать, что никогда раньше

не видел, чтобы людей разделяли по цвету кожи. Здесь, на Земле — да, здесь у местного населения Африки и Азии разные цвета кожи. То есть расовые различия обусловлены чисто географически. Но когда люди переселились на планеты, там такое разделение исчезло. Цвет кожи не имеет никакого значения. Там достаточно других проблем...

— Ты слишком быстро говоришь, — перебил его Уилли. — Так я верно понял, что все цвета там выгорают? И перемешиваются все цвета кожи?

— Да, конечно. Цвет кожи никакого значения не имеет.

— Здесь еще как имеет! — сказал Уилли, хлопнув себя по колену.

Все вокруг громко рассмеялись. Ян тоже улыбнулся, хотя не понял смысла этой шутки.

— Мы только надеемся, что ты говоришь правду... — начал Уилли. Один из присутствующих громко крикнул: «Аминь!» — ...но чего-то не верится. Наверное, лучше тебе с Проповедником поговорить. Он по-вашему умеет, так что лучше тебя поймет. А после расскажет нам, что и как.

Яна опять куда-то повели; провожатые по-прежнему не убирали пистолетов. Оружие было старое, изношенное, — музейные экспонаты, да и только. Сначала прошли в другую комнату в том же доме; в спальню, где на постели на залатанных стеганых одеялах сидели несколько черных ребятишек. Ребятишки и седая старуха безмолвно проводили их взглядом. Здесь был выход: неровная дыра, пробитая в стене. За стеной оказался крытый проход к следующему дому. Когда они прошли таким образом четыре дома, Ян понял, что все строения соединялись, образуя единое жилище. Наконец подошли к какой-то закрытой двери; Уилли легонько постучал.

— Войдите, — отозвался голос изнутри.

Яна втолкнули в громадную комнату, сплошь заставленную книгами, разительно отличавшуюся от помещений, которые он здесь видел. Она напоминала кабинет его старого руководителя в университете. Стол был завален бумагами и раскрытыми книгами, на стенах висели рисунки в рамках, тут был даже глобус... Мягкие кресла, и в одном из них, за столом удобно расположился сам учитель. Тоже чернокожий, как и все остальные.

— Спасибо, Уилли, — сказал он. — Я тут с Яном сам потолкую.

— У вас все в порядке?

— Конечно. Только оставь человека за дверью, чтобы можно было позвать, если что.

Когда дверь закрылась, человек поднялся и протянул Яну руку. Он был средних лет; густая борода и длинные волосы тронуты сединой. Темная старомодная одежда гармонировала с церковным стоячим воротником.

— Я — преподобный Монтур, мистер Кулозик. Очень рад, что могу оказать вам гостеприимство, для меня огромное удовольствие видеть вас здесь.

Ян пожал протянутую руку и кивнул. В речи преподобного отца не было ни следа местного диалекта; говорил он спокойно и непринужденно.

— Садитесь, прошу вас. Можно предложить вам бокал хереса? Это местное вино, надеюсь, оно вам понравится.

Ян пригубил вино — отличное! — и огляделся вокруг.

— Извините, что так глазею, — сказал он, — но я уже много лет не видел ничего подобного. У вас потрясающая библиотека.

— Спасибо... Большинству этих книг уже сотни лет, редчайшие экземпляры. Тут каждая страница пропитана консервантом.

— Это книги Вредителей? На самом деле? Можно?.. Спасибо.

Ян поставил бокал на стол и подошел к полкам. Переплеты были потертые, ветхие — но отреставрированные, хотя многие названия попросту стерлись. Протянув руку, он снял с полки книгу, которая выглядела самой сохранившейся, и аккуратно раскрыл ее. Книга называлась «Средние века. 395 — 1500 гг.». Ян осторожно перевернул страницу и прочитал на обратной стороне: «Издание 1942 года». С трудом сдерживая почтительное волнение, он сказал:

— Эта книга... Ей же больше пятисот лет! Я и представить себе не мог, что еще существует нечто подобное.

— Существует, уверяю вас. Много чего существует. Но я понимаю ваши чувства. Вы британец, не так ли?

Ян кивнул.

— Так я и думал. Произношение ваше и этот термин — «Вредители». Насколько я знаю, в вашей стране все их так называют. А книги попали ко мне, потому что в период, который у историков называется Регрессией, откатом, разные страны шли разными путями. В то время каждая страна, каж-

дый регион... испытывали определенные трудности — судьба у всех была схожая, — но приспосабливались к ним по-разному. Как правило, опираясь на уже существовавший строй. В Великобритании общество традиционно ориентировано на классовое разделение. Там классовая структура, сложившаяся исторически, была использована для консолидации той общественной системы — жесткой системы, — которая существует и по сей день. Правящая элита никогда не стремилась давать образование массам — и только вздохнула с облегчением, когда новые условия ликвидировали такую необходимость. Но стоит появиться ограничениям в образовании и в информации, как им уже не кончиться, верно? Насколько я знаю, большинство британских граждан не имеет ни малейшего понятия об истинной истории и даже о том мире, в котором живут. Я прав?

— К сожалению, да. Сам я обнаружил это случайно. Оттуда и потянулась цепочка событий, которая... ну... привела меня к вам.

— Понимаю. В такой системе, как ваша, ортодоксы должны жесточайшим образом подавлять интеллектуальную свободу. Но путей к тирании много, и наша история развивалась совершенно иным путем. Америка, не имевшая классовой структуры, вместо нее выработала систему вертикальной мобильности, основанную прежде всего на деньгах. Здесь всегда бытовала банальная истина, что ваше положение определяется не родословной, а банковским счетом... Но — за исключением физически различимых меньшинств, разумеется. Ирландцы, поляки, евреи — традиционные отверженные — через несколько поколений ассимилировались, потому что их расовый тип позволял смешаться с общей массой населения. Иначе обстояло дело с темнокожими расами, которые, попав однажды на самое дно общества, насильно удерживались там постоянными лишениями в материальном и образовательном плане. Такова была ситуация, когда началась эпоха Регрессии. А когда она закончилась — наша страна стала такой, какой вы ее видите сейчас.

Он протянул руку к графину.

— Ваш бокал пуст. Боюсь, я плохой хозяин.

— Спасибо. Только чуть-чуть. И продолжайте, пожалуйста. Я много лет прожил на планете, которая в смысле культуры — задворки Вселенной, иначе не скажешь. Слова ваши, беседа

эта... Вы просто представить себе не можете, что я сейчас чувствую.

— Наверное, все-таки могу. Вероятно, я чувствовал то же, когда открыл свою первую книгу. Жажда знания, которая привела меня сюда, в эту комнату, и дала мне мое нынешнее положение. Я просто хотел знать, почему мир таков, каков он есть. У меня были веские причины его ненавидеть, — но я хотел его понять. Как я уже говорил, Регрессия только усилила уже существовавшее расслоение. Ваше полицейское государство в Британии появилось от избытка доброты, от попытки позаботиться о том, чтобы у каждого был хотя бы минимум, необходимый для физического существования; хотя бы еда, чтобы с голоду не умереть, если ничего больше. Но если государство управляет всем, то у людей, управляющих государством, появляется неограниченная власть. И они от этой власти не так легко отказываются... В чем вы имели возможность убедиться, я полагаю. Здесь все происходило совершенно иначе. У американцев традиционно считалось, что бедняк — это попросту бездельник; что безработный — безработный только потому, что работать не хочет, что он от рождения лодырь, и так далее. Регрессия привела к полной победе «невмешательства», которое на деле — попросту воплощение эгоизма, возведенного в абсолют. Просто поразительно, в какую нелепицу способны верить люди, когда это им выгодно!.. Ведь в то время на самом деле существовали искренние приверженцы интеллектуально нищей теории под названием «монетаризм», которая богатых делала еще богаче, а бедных еще беднее... Вместо того чтобы подумать, применяли теорию. Абсолютно несостоятельную.

Монтур задумчиво вздохнул и отпил глоток хереса.

— Ну и случилось то, что и должно было случиться. Когда пища и энергия стали дефицитом, богатые сначала захватили большую их часть, а потом и все остальное, полностью. А что тут странного? Ведь в годы, предшествовавшие кризису, это была национальная политика! Америка потребляла львиную долю мировой нефти, совершенно не заботясь о нуждах других стран. Так кто же может обвинять отдельных граждан в том, что и они вели себя точно так же? Если страна допускает, чтобы ее граждане умирали от отсутствия медицинской помощи только потому, что им эта помощь не по карману, — такая страна морально деградирует. Начинается разложение, начинаются беспорядки. Были восстания, расстрелы, снова восстания... Оружие было повсюду, оно и сейчас повсюду. А нация в конце концов разделилась. Черные и коричневые живут, как вы видите, в гетто, за колючей проволокой... Выращивают тут кое-что съестное на своих огородах, либо выходят наружу — зарабатывают кое-что физическим трудом, без всякой механизации... Умирают очень рано, многие в детстве... От преимуществ технологического общества им не достается ни капли; эти капли так глубоко не просачиваются. Но в отличие от вашей страны здесь никто не пытается скрыть от них историю. Угнетатели хотят, чтобы угнетенные знали, как дошли до жизни такой. Чтобы помнили обо всех неудачных восстаниях и не пытались начать снова. Так что вас больше не удивляет наш интерес к восстанию на планетах, верно? Мы надеемся, что оно перекинется и на Землю.

Ян кивнул:

— Извините мою бестактность... Я не понимаю, почему власти дали вам возможность получить такое образование.

Монтур улыбнулся:

— Власти мне ничего не давали. Мой народ попал в эту страну в качестве рабов. Без всякого образования, в отрыве от своих корней, от своей культуры... Все, чего мы достигли с тех пор, — достигнуто вопреки тому положению, в которое нас ставили хозяева. Когда начался крах, нам совсем не хотелось отдавать то, чего мы добились с таким трудом. И чем больше нас угнетали — тем крепче мы становились. Народ мужал. Раз у нас отобрали все, кроме разума, — что ж, — нам оставалось уповать только на свой разум, ни на что больше. Тут мы смогли воспользоваться опытом другого угнетенного меньшинства. Евреи. Они тысячелетиями сохраняли свою культуру, свои традиции, опираясь на религию и уважение к знанию. Человек благочестивый, человек ученый всегда был у них уважаемым человеком. Религия была и у нас; свои профессора, свои просветители тоже были... А под давлением обстоятельств религия срослась с наукой. Самые талантливые мальчишки, когда подрастают, становятся священниками — и это великая честь... Я ведь тоже вырос на этих улицах. Я говорю на языке гетто, возникшем за то время, что мы были сдвинуты на обочину жизни и отделены от остального народа... Но я научился и языку угнетателей — это входило в программу образования. Если при жизни нашего поколения ничего не изменится — я

передам свои знания тем, кто будет после меня. Но я знаю — я верю в это, — когда-нибудь спасение придет.

Ян допил херес и поставил бокал, жестом отказавшись от предложения налить еще. Слишком много событий произошло в последнее время, и он не успел еще прийти в себя: мозг устал почти так же, как тело, мысли топтались на одном и том же месте. Какую уродливую жизнь вынуждены влачить люди! Пролы в Британии по крайней мере сыты и защищены, как скот домашний, — за то, что согласны играть свою роль. А здесь, в черных гетто Америки, люди хоть и не имеют этого — зато знают, кто они и откуда... Но их знание ведет к тому, что они живут в состоянии постоянного бунта!..

— Право, не знаю, в какой системе жить хуже, — сказал Ян, — в моей или в вашей.

— Нельзя мириться ни с какой системой угнетения. А ведь в мире существуют и худшие, гораздо... Великий социалистический эксперимент в Советском Союзе, с его отвратительным безумием внутренних паспортов и трудовых лагерей, тормозился наследием царизма. Отмерло бы у них когда-нибудь государство, как предсказывал Маркс, или нет — мы никогда не узнаем. К началу Регресса они не успели индустриализировать свою крестьянскую экономику — и легко сползли обратно, почти к феодальному строю. Много людей погибло... Впрочем, в России всегда погибало очень много. Комиссары и партийные вожди верхнего эшелона заняли место прежней аристократии... Титулы сегодня не такие, как прежде, но если перенести из прошлого любого русского царя — он бы там себя чувствовал как дома.

— Восстание должно прийти на Землю, — сказал Ян.

— Совершенно с вами согласен. Мы должны работать во имя того дня...

Внезапно дверь распахнулась. На пороге стоял Уилли и тяжело дышал. В каждой руке он держал по пистолету.

— Беда! — выдохнул он. — Просто жуть! В жизни такого не видал.

Глава 9

— Чего там? — спросил Монтур, тотчас перейдя на просторечье.

— Они повсюду! Я столько легавых никогда не видал. Весь Нью-Уотс окружили — и палят во все, что шевелится... У них пушки огненные, чтобы дорогу прожигать.

Его слова были прерваны дальним ревом плазменного орудия, на который наложился треск автоматных очередей. Автоматы били где-то совсем близко. Под ложечкой у Яна возник густой, тяжелый ком страха. Он поднял голову — Монтур и Уилли смотрели на него.

— Это они меня ищут, — сказал он.

Преподобный отец кивнул:

— Вполне возможно. На моей памяти таких сил сюда не посылали.

— Хватит мне бегать. Своими пушками они здесь все выжгут до голой земли. Я иду сдаваться.

Монтур покачал головой:

— У нас есть где вас спрятать. А огонь они скоро прекратят. Это они дорогу себе прожигают, чтобы пробраться сюда.

— Простите, но прятаться я больше не хочу. Слишком много смертей я насмотрелся в последнее время и не хочу быть в ответе за новые. Я пойду к ним. И по дороге не передумаю, не сомневайтесь.

Монтур помолчал немного, потом кивнул:

— Вы мужественный человек. Жаль, что мы не смогли ничего для вас сделать. — Он повернулся к Уилли: — Оставь здесь свои пушки и покажи человеку, где легавые.

Пистолеты с глухим стуком упали на пол. Ян пожал ученому руку.

— Я вас не забуду.

— Я вас тоже. — Монтур достал из нагрудного кармана белоснежный носовой платок. — Возьмите-ка. А то они сначала стреляют, а потом смотрят.

Сердито бормоча про себя, Уилли шел впереди по крытым переходам и соединенным строениям. В одном месте пришлось посторониться: навстречу бежали два стрелка, волоча за собой третьего. Одежда на нем была пропитана кровью. Опять, подумал Ян. И нет этому конца.

— Эти чертовы легавые — вон они прямо там.

Уилли показал на дверь, повернулся и поспешил назад.

Ян расправил платок и, приоткрыв дверь, высунул руку с платком. Тотчас же раздались выстрелы, и рой ракетных пуль с визгом зарикошетил по коридору.

— Прекратите огонь! — крикнул он, размахивая платком. — Я выхожу!

Раздался резкий пронзительный свисток, и стрельба начала затихать. Потом зазвучал голос из мегафона:

— Дверь открывать медленно. Выходить по одному. Руки на голову. Если руки не на месте, если будет больше одного — открываю огонь. Давайте. Выходите.

Сплетя пальцы, Ян положил руки на затылок, толкнул дверь ногой и медленно двинулся навстречу шеренге полицейских. В масках и со щитами, они выглядели одинаково, будто роботы. Все их оружие было направлено на него.

— Я один, — сказал он.

— Так это он! — крикнул кто-то.

— Тихо! — скомандовал сержант. Потом убрал пистолет в кобуру и поманил к себе Яна. — Давай-ка полегоньку, вот сюда. Эверсон, подгони машину.

Заученным движением он схватил Яна за правую руку, заломил ее назад и захлопнул один наручник; потом то же самое проделал с другой рукой... И, вцепившись в плечо пленника, потащил его к изгороди.

Почерневшая земля еще дымилась под ногами, они прошли через дыру в проволочном заборе к поджидавшей патрульной машине. Пригнув Яну голову, сержант затолкнул его в заднюю часть машины и залез следом. Взвизгнули покрышки — шофер рванул с места как из пушки.

Ехали молча. Ян был подавлен, разговаривать ему не хотелось; он прекрасно знал, что его ждет. Раз он родом с Земли, Безопасность будет уверена, что он один из руководителей восстания. Его память разберут на части в поисках сведений. Он видел людей после такой обработки — уж лучше смерть.

Машина подрулила к какому-то официальному зданию, дверца открылась; сержант выволок Яна наружу. Какой-то офицер в форме крепко держал Яна за руки, пока его гнали через вестибюль к лифту. Ян был слишком измучен, чтобы заметить, куда его ведут, или хотя бы подумать об этом. Слишком много было убийств, слишком долго он бежал, — но все кончилось наконец. Его затащили в какую-то комнату, бросили в кресло... Дверь напротив медленно отворилась — он посмотрел туда мертвым, невидящим взглядом...

Вошел Тергуд-Смит.

Всю его усталость, отчаяние — все смыло огненной волной ненависти.

— Устроил же ты нам охоту, дорогой мой шурин, — сказал Тергуд-Смит. — Если пообещаешь вести себя прилично, я прикажу снять с тебя наручники. Нам с тобой надо серьезно поговорить.

Не поднимая головы, Ян смотрел в пол и дрожал от ярости. Горло ему перехватило — он только кивнул.

— Отлично, — сказал Тергуд-Смит. Он решил, что Яна трясет от страха. — Я тебе ничего плохого не сделаю, можешь мне поверить.

Щелкнули наручники — Ян стал растирать запястья, прислушиваясь, как удаляются тяжелые шаги. И не выдержал. Хрипло заревев, он бросился на своего мучителя. Сбил его с ног, навалился и потянулся к горлу. Тергуд-Смит схватил его за руки. Ян навалился на него всем телом и достал-таки ненавистное лицо ногтями, загнав большие пальцы в глазницы. Тергуд-Смит хрипло закричал — и в этот момент чьи-то руки рванули Яна назад, тяжелый сапог ударил в шею и отбросил в сторону, а другие сапоги принялись обхаживать его со всех сторон.

— Хватит, — сказал Тергуд-Смит. — Киньте его в кресло и уходите.

Он пошарил рукой за спиной, нащупал кресло и сел. Теперь он держал пистолет, направленный прямо на Яна. Несколько долгих секунд единственным звуком в комнате было их тяжелое дыхание.

— Давай договоримся, что ты на меня больше не кидаешься, — сказал Тергуд-Смит. — Я хочу рассказать много важного, важного для всех нас. Но я тебя пристрелю тотчас, не задумавшись, если ты еще раз двинешься в мою сторону. Ты понял?

— Я понял, что ты убил моих друзей, убил Сару у меня на глазах....

— Что было, то было. И сколько бы ты ни хныкал, как бы ни жалел себя — ты ничего не изменишь.

— Слушай, убей меня и кончай с этим. В кошки-мышки играть я с тобой не буду. Когда мы виделись в последний раз, ты сказал — или я буду работать, или меня уничтожат. Так вот, я бросил работу, теперь моя работа состоит в том, чтобы свергнуть тебя и подобных тебе. Так что кончай.

— Экий ты свирепый стал! Это на тебя совсем не похоже, а?

Тергуд-Смит слегка улыбнулся, из уголка рта показалась струйка крови. Лицо его было в синяках и ссадинах, из глазниц сочилась кровь. Он не обращал внимания на боль, пистолет смотрел на Яна, не шелохнувшись.

— Я изменился, — сказал Ян. — Ты это видел.

— Да, изменился. И я очень надеюсь, что повзрослел. Во всяком случае, настолько, чтобы посидеть спокойно и выслушать меня. После нашей последней встречи я прошел боль-

шой путь. Теперь я сижу в Совете объединенных наций и координирую работу земной Безопасности и космической Обороны. Сама ООН — беззубая говорильня. На самом деле разделенной власти не бывает, что бы там ни сочиняла газетная пропаганда. Каждая страна — сама себе закон. Однако есть комитеты, которые управляют международной торговлей и космической программой. Космоцентр в Калифорнии на самом деле международное предприятие, а до недавнего времени даже межпланетным был; мы с тобой оба знаем, что нынче космос слегка сузился... Но у Космоцентра почти нет обратной связи с разными странами, которые пользуются его услугами. Поэтому положение у меня сильное и надежное. В высшей степени ответственное положение, как без конца напоминает мне твоя сестрица. Кстати, она пребывает в добром здравии; думаю, тебе это небезынтересно. Так вот, положение мое настолько ответственное, что я ни перед кем не отчитываюсь, никто не знает, что я делаю. А значит, я могу делать, что хочу. Все, что хочу, в том числе и с тобой. Абсолютно все.

— Ты что, надеешься, что я стану просить пощады?

— Ты неправильно меня понял, Ян. Дослушай, пожалуйста. За последние несколько месяцев все изменилось. Как ты знаешь, наши силы разбиты и изгнаны со всех планет, заселенных когда-то землянами. Крутые времена требуют крутых мер. Поэтому все обвинения с тебя сняты. Ты свободен, Ян. И имеешь все права свободного гражданина.

Ян расхохотался:

— Неужто ты думаешь, я тебе поверю? Наверняка сейчас потребуешь, чтобы я что-нибудь для тебя сделал!

— Ты стал просто ясновидцем, Ян. Мне на самом деле пришла в голову такая мысль. Есть дело, которое прекрасно подходит к твоей биографии и твоему опыту... — Он помолчал пару секунд, наслаждаясь драматизмом происходящего. — Очень важное дело, для тебя тоже важное, и было бы хорошо, если б ты за него взялся. Я хочу, чтобы ты вошел в контакт с Сопротивлением здесь, на Земле. Мне нужен связной.

Ян медленно покачал головой:

— Так ты на самом деле полагаешь, что я могу их предать? До чего ж ты паскудная тварь!..

— Дорогой мой Ян! Я вполне понимаю твое отношение ко мне; при сложившихся обстоятельствах оно более чем естественно. Но все-таки выслушай меня, пожалуйста. Я собираюсь

рассказать тебе такое, что тебе и в голову не пришло бы. Речь пойдет обо мне. Вспомни, ведь мы когда-то были друзьями. Быть может, нашу дружбу удастся вернуть, если послушаешь, что я скажу. В молодости я — как и ты — захотел узнать, что представляет собой наш мир и каким образом он управляется. У меня не было ничего, кроме честолюбия, и поэтому я знал, что могу рассчитывать только на свои силы. Как и ты, я ужаснулся, узнав, на что похожа наша жизнь. Но в отличие от тебя я не пытался бороться с машиной угнетения, а присоединился к ней. Можно сказать, зарылся в нее, чтобы изнутри...

— Ну нет, мразь! Я же видел, как ты работаешь, видел, как тебе это нравится... А теперь отмыться хочешь, сукин сын?

— А что, я ведь здорово работал, верно? Но все это было маскировкой. Безопасность была реальной силой, управляющей миром, — и я решил стать во главе Безопасности. Чтобы добиться этого, мне надо было превзойти всех своих соперников, стать наилучшим в своем деле. Это оказалось нелегко, но овчинка стоила выделки. И я одновременно достиг двух целей. Будучи самым ярым реакционером, я поднялся на вершину власти. Никто и никогда не усомнился во мне. И никому в голову не приходило, что, наращивая угнетение, я тем самым наращивал и силы Сопротивления. И я горжусь, что моя политика создала такой климат, который способствовал нынешнему восстанию. Раз планеты свободны — я не зря старался.

Ян потряс головой:

— Нет, не может быть. Не верю.

— Но это правда, какой бы невероятной она ни казалась. Впрочем, правда или неправда — сейчас неважно: в наших отношениях это ничего не меняет. Отныне ты свободный человек, со всеми привилегиями, которые вытекают из данного статуса. Карточка преступника изъята из архива, а в компьютерный банк возвращено твое прежнее досье. Отсутствие на Земле все эти годы объяснено интересами Безопасности: ты выполнял задание. А все, у кого есть допуск первой категории, увидят там, что ты всегда был старшим офицером Безопасности, а вся твоя последующая работа — всего лишь прикрытие. Ты теперь очень богат, твой банковский счет полон... Вот тебе удостоверение личности. С возвращением, Ян! Добро пожаловать! У меня тут есть бар, и я предусмотрительно запасся шампанским.

Ян не сомневался, что все это — какой-то садистский трюк.

Болело избитое сапогами тело, болела шея, но ему некогда было обращать внимание на боль: он старался подавить ее, чтобы не утратить способности думать. Надо избавиться от эмоций и рассуждать — однако он вовсе не жалел о том приступе ярости, который заставил его броситься на зятя. Каким наслаждением было дать волю рукам — и добраться до того, кого он ненавидел больше всего на свете!.. Но что он снова затеял? Наверняка тут что-то нечисто, какая-то подлая игра. Тергуд-Смит вообще не способен на честную игру. Впрочем, сейчас, так или иначе, все равно не поймешь, что он планирует. Быть может, подыграть ему? Притвориться, будто поверил? А что, собственно, остается? Ведь выбора нет! Если удостоверение настоящее, то появляется возможность вырваться из сетей Безопасности. Ради того, чтобы выйти отсюда живым, можно сделать все, что угодно. Солгать зятю — тут никаких угрызений совести быть не может; это, можно сказать, святое дело... Так что совершенно неважно, что придется пообещать. Важно только, что он станет делать. Пообещать можно что угодно, лишь бы выбраться отсюда. Это гораздо лучше, чем верная смерть, которая ждет его в случае отказа...

Ян недоверчиво смотрел, как Тергуд-Смит аккуратно откупорил бутылку и наполнил бокалы. Замечательно получилось: ни капли не пролил. Тергуд-Смит с улыбкой пересек комнату и подал бокал Яну. А тот подавил желание врезать по этой улыбке: очень хотелось, тем более что пистолет остался на столе.

— Так гораздо лучше, — сказал Тергуд-Смит. — Стоит лишь преодолеть тягу к насилию, и ты останешься жив. Ты же не самоубийца, в конце концов!

— Хорошо! Я буду с тобой работать. Сделаю, что скажешь. Но я никого не предам, и никакой информации ты от меня не получишь.

— Прекрасно, никакая информация мне и не нужна. Так что мы можем выпить за будущее человечества. С надеждой, что оно будет прекрасно.

Он поднял бокал, салютуя. Они выпили.

— Что я должен делать? — спросил Ян.

— Поехать в Израиль от моего имени. По этому предложению можешь судить, насколько я тебе доверяю. Ведь если ты усомнишься во мне, то сможешь там остаться. Попросту отступиться и остаться — нет ничего проще.

— Я тебе не верю. Ты сам сказал мне, что у вас с правительством Израиля заключено соглашение, чтобы отслеживать их агентов.

— Такое соглашение есть. Но я никак не могу влиять на то, что происходит в суверенном государстве. Ты увидишь, что люди там крепкие. А сейчас я доверю тебе тайну, которая убедит тебя в моей искренности. Потому что я тем самым отдаю свою жизнь в твои руки. Мой псевдоним — Кассий. И под этим именем я долгие годы снабжал израильтян секретной информацией. Они мне очень благодарны, потому что за услуги Кассий никогда ничего не просил, ему было достаточно сознания, что он работает для блага человечества. В Израиле очень высокого мнения о Кассии, так что если ты назовешься Кассием — тебе поверят безоговорочно. Я дам тебе пароль и копии всей той информации, что поставил им за последние несколько лет. А что будет дальше — зависит от тебя. Ты можешь рассказать об этом где надо здесь — и обнаружишь, что в Безопасности достаточно много людей, которые рады меня утопить и занять мое место. Уничтожить меня. Или ты можешь поехать в Израиль и выполнить поручение, важнее которого у тебя в жизни не было и не будет. Выбирай, Ян.

Выбор? Яну не верилось, что у него есть какой-то выбор. Он не сомневался, что при любой попытке рассказать об этом кому бы то ни было в Безопасности его немедленно уничтожат. Тергуд-Смит не из тех, кто способен допустить оплошность. Нет, надо включаться в игру. Надо добраться до Израиля — и пусть они соображают, что затеял его зятек. Мир перевернулся вверх ногами. И какая-то часть этой истории может оказаться правдой: Тергуд-Смит вполне способен бежать с тонущего корабля ради собственной выгоды. Ян допускал, что зять потерял почву под ногами, — но не был уверен ни в чем.

— Хорошо, — согласился он. — Говори, что делать.

— Умница. Ты не пожалеешь.

Тергуд-Смит подошел к письменному столу, взял толстый пластиковый конверт и протянул его Яну.

— Сейчас я тебя посажу на самолет в Нью-Йорк. Здесь тебе оставаться небезопасно: в Калифорнии и Аризоне тебя все ищут. Но я не позволил этой кутерьме распространиться по всей Америке. В «Уолдорф-Астории» для тебя заказан номер. Отдохнешь, приоденешься, отъешься... Потом, когда почувствуешь, что готов, — открой этот пакет и выучи наизусть основное. Не обязательно дословно — надо только, чтобы ты

был в курсе всего, что написано там. Это информация, которую я передавал израильтянам. Для меня эти документы в высшей степени опасны, так что не бросай их где попало. С того момента, когда откроешь этот пакет, у тебя останется примерно восемь часов, потом бумага рассыплется. Думаю, успеешь прочитать. Потом позвонишь мне, я сделаю следующий ход. Номер на пакете снаружи. Есть вопросы?

— Вопросов столько, что не знаю, с чего начать. Слишком много всего сразу, надо освоиться.

— Понимаю. Ну что ж, приветствую тебя на борту, Ян. Замечательно иметь человека, который может помочь, на которого можно положиться после стольких лет работы в одиночку.

Он протянул руку. Ян посмотрел на нее, подумал и покачал головой:

— Нет, так легко прощать я не умею. На этой руке слишком много крови, чтобы я смог к ней прикоснуться.

— Тебе это не кажется несколько театральным?

— Пусть так. Работать с тобой я буду, потому что у меня выхода нет. Но это вовсе не значит, что я в восторге от такой работы — или от тебя. Понимаешь?

Глаза Тергуд-Смита слегка сузились; но он беззлобно ответил:

— Как скажешь, Ян. В конце концов, дело важнее наших эмоций или взаимной симпатии. Тебе пора.

Глава 10

Ночью Яна разбудили глухие раскаты взрывов где-то вдалеке. Они были отчетливо слышны на тридцатом этаже, несмотря на звукоизоляцию и двойные стекла в оконных рамах. Ян открыл дверь и вышел на балкон. За городом что-то ярко горело. Внизу по улицам, завывая сиренами, проносились полицейские и пожарные машины. Горело долго. Стояла удушливая жара. Ян не стал больше смотреть и вернулся в спальню с кондиционером. Он еще не успел отдохнуть и, добравшись до постели, сразу уснул.

Утром, едва он тронул кнопку, раздвигающую шторы, комнату залил яркий солнечный свет. На стене висела картина Рембрандта — явно оригинал, — но, когда Ян включил телевизор, оказалось, что это экран. Ян просмотрел заголовки новостей, включил «Местные новости», а потом «Взрывы и пожары». Заголовки на экране исчезли, вместо них появилось изображение парка. В центре скамья, за ней газон и деревья, а перед ней что-то клевали на дорожке голуби. На противоположных концах скамьи сидели мужчина и женщина. Оба сияли здоровьем и благополучием, оба красивые, загорелые... Одежды на них не было. Они дружно расцвели яркой белозубой улыбкой.

— С добрым утром, — сказал мужчина. — Я Кэвин О'Доннел.

— А я Пэтти Пирс. От кого вы предпочитаете узнать новости сегодня — от Кэвина или от меня?

Они замерли. И голуби замерли, и даже листья перестали трепетать от ветра — компьютер ждал, пока Ян сделает выбор.

— Конечно, Пэтти, — сказал Ян.

Камера медленно поехала на девушку, та встала и улыбнулась. Живая она была или только программа в компьютере — это было не важно. Она была красива и желанна, и новости хотелось узнать от нее. Хотя он не мог понять, какая связь между новостями и голыми обозревателями.

— В городе этой ночью была ужасная заваруха, — сказала Пэтти, показав рукой через плечо.

Парк на экране исчез, появилось изображение здания. В черном небе рвались языки пламени. Перед зданием по улице были раскатаны пожарные рукава, и люди с брандспойтами в руках боролись с огнем. Пэтти, обольстительно покачивая бедрами, подошла к спецмашине с лестницей и забралась на место водителя.

— Этот склад загорелся вскоре после полуночи — и полыхал, как сарай, сэр! Сюда были вызваны четыре пожарные команды, и только к рассвету им удалось подавить огонь и не дать ему распространиться дальше. В здании был склад красок и химикатов, так что нашим героям в шлемах пришлось очень жарко, да, сэр! Пока неизвестно, каким образом возник пожар, но поджог категорически исключается.

Один из героев в шлемах подбежал к Пэтти и отцепил от соседней машины что-то из снаряжения. Пэтти он не заметил. Компьютерное моделирование было безукоризненно: казалось, Пэтти на самом деле была на пожаре, тогда как ее изображение накладывалось на запись в студии.

Кто-то постучал в дверь. Ян выключил телевизор и, почувствовав себя смущенным, улыбнулся: ведь все здесь смотрят эти новости с голыми репортерами.

— Войдите!

Дверь открылась — вошел официант, неся на подносе завтрак. Молодой парнишка, белый, едва пробиваются усики...

— С добрым утром, сэр! Прекрасное утро!

Он поклонился и поставил поднос на столик возле кровати. Говорил он как-то гнусаво — аденоиды не в порядке, что ли?

— Серьезный пожар был ночью, верно? — сказал Ян.

— Это черномазые натворили, — ответил официант, с трудом дыша ртом. — Сегодня ни один на работу не вышел, на кухню. Понятно, что это они.

— Ты думаешь, они подожгли? В новостях сказали, что причина неизвестна...

— Они всегда так говорят. А кроме духов, некому. На сей раз надо бы спалить Гарлем дотла.

Такая звериная ненависть покоробила Яна; продолжать разговор не хотелось. Ян налил себе кофе. Официант снова поклонился и вышел. Никогда раньше Ян не представлял себе, насколько Америка разодрана расовыми противоречиями. Они, наверно, всегда существовали, только не проявлялись так очевидно; а теперь военная лихорадка вызвала их на поверхность. Но тут он ничего не мог поделать, абсолютно ничего. Он снова включил новости и, поглощая яичницу с беконом, стал смотреть, как Пэтти прыгает по сюжетам.

Выбравшись из постели, Ян увидел запечатанный конверт на серванте, куда бросил его накануне. Ян еще не был готов вскрыть его — он не был даже уверен, стоит ли это делать. Ведь если сделает — придется играть с Тергуд-Смитом в его безумную игру... Ян вдруг понял, что в голове у него кавардак и ему трудно осознавать происходящее. Это было совсем не удивительно: слишком резко все менялось в последнее время. После долгих лет отупляющей работы на Халвмерке все пошло кувырком. Сначала отлет на космическом корабле, потом плен... И вдруг эти откровения зятя и его заверения, что все в порядке. Ян всегда с недоверием относился к неожиданным счастливым концовкам.

Он вошел в мраморно-золотую роскошь ванной комнаты и посмотрел на себя в зеркало. Черные тени вокруг покрасневших глаз, седая щетина на подбородке... Что бы ни пришлось делать дальше — торопиться он не будет. Все не спеша, только так. А какое-то время он вообще ни во что влезать не станет.

Низкая круглая ванна была такой большой, что в ней вполне можно было плавать. Ян установил температуру воды — «теплая» — и нажал кнопку «наполнение». С тихим, но напряженным журчанием ванна мгновенно наполнилась. По-видимому, где-то рядом был резервуар с заранее нагретой водой. Ян шагнул в бассейн, сознавая, как он сейчас далек и от Нью-Уотса, и от Гарлема, о котором говорил официант. И как он в то же время близок к ним. Этот мир, в котором горстка людей живет в роскоши, а большинство прозябает на грани отчаяния, — опасное место. Волны революции докатились со звезд до Земли. Здесь тоже начнется восстание?

— Надеюсь, ванна вам понравится, — сказала девушка, выходя на середину комнаты.

Она медленно сняла короткий махровый халат — и оказалась восхитительно нагой. Когда она бросила халат на пол и он исчез, Ян понял, что это голограмма.

— Администрация «Уолдорф-Астории» стремится сделать ваше пребывание у нас как можно приятнее. К вашим услугам — все. Если хотите, я помассирую вам спину, пока вы отдыхаете в ванне, намылю вас, потру... Обсушу и сделаю другой массаж, в постели... Не угодно ли, сэр?

Ян помотал головой — потом сообразил, что замершее голографическое изображение ждет словесного приказа.

— Нет! Изыди, сатана!

Девушка исчезла. Жена была далеко, за много световых лет, но Ян ощущал ее присутствие. Он намылился и вымылся сам, а когда закончил и вышел из ванны — вода мгновенно схлынула, словно исчезла в гигантской глотке.

Вчера, когда он явился в отель, никто и бровью не повел; никто не удивился его никудышной одежде и отсутствию багажа. И что такой постоялец въезжает в наилучшие апартаменты — тоже никого не удивило. Однако новая одежда все же нужна, это дело первоочередное. Он быстро оделся и всунул ноги в сандалии. В стену гостиной был встроен сейф — Ян засунул туда конверт Тергуд-Смита и набрал новую комбинацию знаков, чтобы никто другой открыть не мог. Деньги ему были не нужны, потому что удостоверение личности через компьютерную сеть давало возможность распоряжаться банковским счетом. Ян проверил, в кармане ли карточка, и двинулся в город.

В вестибюле гостиницы было множество элегантно одетых людей; по преимуществу женщин, направлявшихся к залу де-

монстрации мод. Проталкиваясь через толпу, Ян остро ощущал свою непрезентабельность.

Улица обдала влажной жарой. Накануне вечером, по дороге в отель, Ян заметил на Лексингтон-авеню несколько магазинов и теперь направился туда. Там продавалась одежда, обувь, дорожные сумки — все, что может понадобиться.

Машин вокруг было немного, а пешеходов и того меньше. Но что он вообще единственный, Ян сообразил, когда из каких-то дверей навстречу вдруг шагнул полицейский и остановил его, уперевшись дубинкой в грудь.

— Ну что, кретин! Неприятностей хочешь — будут тебе неприятности.

Ян вскипел. Слишком много полиции видел он за последние сутки.

— Боюсь, что неприятности будут у тебя. А чтобы не было — глянь-ка и проси прощения за свои скотские манеры! — Ян вытащил из кармана удостоверение.

Полисмен сначала медленно опустил дубинку. Речь и поведение этого чудака совсем не соответствовали его внешнему облику. А когда полицейский увидел эмблему Безопасности и трехзначный номер, свидетельствовавший о ранге Яна, — то и вовсе затрясся. Вытянулся, взял под козырек — и Яну стало стыдно, что он запугивает бедолагу своим только что приобретенным положением. Ведь он, по сути, ведет себя точно так же, как полиция Нью-Уотса!..

— Извините, сэр, я же не знал... Вы так одеты...

— Понимаю. — Ян спрятал карточку в карман. — Так нужно. Я как раз иду переодеваться в магазин.

— Я покажу вам, сэр, идите за мной. Я подожду и провожу вас обратно. Вам сегодня не надо бы бродить по улицам-то.

— А что такое? Особое положение?

— Да нет. Но беспокойно, все знают. Слухи ходят. Мы застрелили двух чудаков, которые арсенал подожгли. Белые оба — вот что дико! Какого черта они туда полезли?.. Сюда, пожалуйста. Самое лучшее место на всей Лексингтон! Я на улице обожду. — Он громко постучал дубинкой в закрытую дверь; та моментально открылась. — Позаботьтесь хорошенько об этом джентльмене! — И он быстро крутанул дубинку на темляке перед носом у изумленного клерка.

Это был магазин мужской одежды, фешенебельный и очень дорогой. Ян с превеликим удовольствием потратил по-

рядочную сумму своих новых денег. Рубашки, брюки, белье, костюмы — все легкое, не знающее износу, в элегантной упаковке. Если в Нью-Йорке такая жара, то в Израиле вообще пекло. Он ничего не имел против жары, но предпочитал быть одетым соответственно. Напоследок он купил туфли и пару сандалий — получше, чем те, в которых он пришел сюда. Его отражение в зеркале стало гораздо импозантнее.

— Остальное отошлите в «Уолдорф», — распорядился он, подавая карточку. И показал на снятую одежду: — А это выбросьте куда-нибудь.

— Хорошо, сэр. Вы так много приобрели, что имеете право на скидку...

Ян отмахнулся, он тратил не свои деньги. Клерк сунул удостоверение Яна в щель кассового аппарата, набрал сумму и вернул карточку Яну. Деньги перешли с его счета на счет магазина.

Полисмен, ожидавший на улице, одобрительно кивнул, увидев Яна в новом обличье: его мир снова был упорядочен. Он проводил Яна к галантерейному отделу, где продавались сумки, потом нашел ему и оптический магазин, где можно было приобрести солнцезащитные очки. За долгие годы в сумеречном мире Ян отвык от яркого солнечного света. Повинуясь внезапному порыву, он купил вторые очки — и, выйдя на улицу, отдал полисмену. Тот остолбенел сначала, потом медленно надел очки и, взглянув на свое отражение в витрине, подтянул живот.

— Это я никогда не забуду, сэр. Вы парень что надо. Я раньше никогда не встречал англичан, но вы, похоже, парни что надо.

Пешеходов вокруг стало побольше, и полисмен внимательно присматривался к каждому. Когда в поле зрения появился негр в потрепанной одежде, дубинка его завертелась быстрее. Тот, проходя мимо и не поднимая глаз, ткнул пальцем в какой-то пластмассовый значок у себя на рубашке; что-то вроде удостоверения, наверно. Яна вдруг затошнило от улицы, от города — он был счастлив снова оказаться в прохладном уединении отеля. Слуга проводил его в лифт, а потом открыл и дверь номера.

Его покупки были уже доставлены и аккуратным штабелем коробок ждали в номере. Стоя возле них, Ян посмотрел на дверцу сейфа, украшенную орнаментом. Больше откладывать нельзя, пора глянуть, во что он ввязался. Он потянул за шну-

рок на конверте — воздух с шипением ворвался внутрь. Там оказалась тонкая пачка бумаг. Он сел и начал читать.

Это была хроника злодеяний за последние два года. Каждое из коротких, четких сообщений было датировано. Аресты, убийства... Разоблачения иностранных агентов и результаты слежки за ними, разведданные британских агентов и посольств... Попадалась весьма пикантная информация, которая явно никогда не фигурировала в сводках новостей. К примеру, лорд-мэр Лондона, видный оптовый торговец, оказался замешанным в делах продовольственного черного рынка. Безопасность знала об этом, но ничего не предпринимала — пока не выяснила, что германские агенты тоже вышли на этот след и начали шантажировать лорд-мэра. Эту проблему решило убийство, точнее — фатальный несчастный случай. И такого было довольно много.

Ян быстро просмотрел листки, потом стал читать сначала, стараясь запомнить имена и даты самых важных событий. Эта работа была утомительна, но необходима. Через несколько часов он почувствовал, что проголодался, и, позвонив вниз, заказал обед в номер. В обширном меню оказалась масса интересных блюд, которых ему не приходилось есть все последние годы. Он заказал омара и охлажденную бутылку белого мартини — и стал читать дальше.

Наконец, когда он переворачивал очередную страницу, уголок отломался и остался у него в руке. Он еще раз быстро пролистал всю пачку, чтобы убедиться, что запомнил все необходимое. На ладонях остались обрывки бумаги и следы чернил. Он пошел в ванную помыться. А когда вернулся в гостиную — листки превратились в кучу серой пыли.

Ян взял конверт и прочитал на нем номер телефона. Номер Тергуд-Смита. Что же делать? Есть ли у него выбор?

Ответ был прежний: *нет*. Вся эта затея — скорее всего, коварный замысел зятя. Даже не «скорее всего», а наверняка. Но ничего не поделаешь. Если он откажется сотрудничать с Тергуд-Смитом — нет сомнений, что его новый статус у него отберут еще быстрее, чем дали. Значит, нужно держаться принятого курса: выбраться из этой страны — а там видно будет.

Он набрал номер и сел. Через несколько секунд на экране появилась мрачная физиономия Тергуд-Смита.

Увидев, кто его вызывает, он слегка улыбнулся.

— Ну, Ян, надеюсь, тебе в Нью-Йорке неплохо?

— Я прочел бумаги.

— Очень хорошо. И что ты решил?

— Я намерен действовать по твоему плану, во всяком случае пока. Ты с самого начала это знал.

— Разумеется. Ну что ж, приветствую на борту. Если закажешь такси примерно через час, то как раз успеешь на спецрейс в Каир. Там полный самолет инженеров и техников, летят на вновь открытые нефтяные месторождения. За то время, что тебя не было, термоэкстракция позволила снова взяться за залежи, отработанные четыреста лет назад. Нефть пошла. Ты полетишь с ними в качестве специалиста по микросхемам; ты же на самом деле специалист. Билет, новое удостоверение, паспорт — все это ждет тебя внизу, у портье. Нынешнее удостоверение тоже возьми с собой, на всякий случай. А у нового есть и дополнительная функция. Регистрационный номер на нем — опознавательный код Кассия. Если это число разделить на дату, любую, то все цифры слева от запятой будут кодом в тот день.

— Значит, лечу в Каир. Что дальше?

— Там с тобой свяжутся. Счастливого пути. А номер телефона запиши, может пригодиться. По нему ты меня застанешь в любой момент, где бы я ни был. Всех благ.

У Яна было достаточно времени, чтобы уложиться без спешки и позвонить вниз. Собирая дорожные сумки, он гадал, чем все это может кончиться. Ступая на эту тропу и понятия не имея, куда она ведет, он испытывал изрядную тревогу, — но совсем не жалел, что покидает Соединенные Штаты.

Глава 11

На целых шесть дней Ян с головой ушел в работу. Нефтяные скважины в Синайской пустыне были первыми, где начали применять сложнейшую технологию термальной экстракции. Казалось, что ученые работают на древнем кладбище, потому что их лагерь располагался в центре давным-давно отработанного месторождения. В сухом климате пустыни старинное оборудование сохранилось, и вокруг — куда ни глянь — торчали темные остовы насосов и буровых вышек, неподвижные и безмолвные. А новые сверкали как только что отчеканенная монета — разительный контраст с картиной окружающего опустошения. Сборные домики заводского изго-

товления сияли, как и все внутри их. И технология тоже была нова и оригинальна, но в ней очень легко возникали сбои.

Караман, геолог, сидел в лаборатории, взбалтывая в стеклянной колбе темную вязкую жидкость.

— Хорошая нефть, отличная. Но опять не качает, уже третий раз за три дня. Почему?

— Управление процессом недостаточно, обратной связи не хватает. Ты же гораздо дольше меня работаешь с этим проектом и должен знать все проблемы. Мы там внизу устраиваем маленькую преисподнюю. Сначала закачивается азот и специальной горелкой превращается в плазму. Потом плазма начинает раскалять породу вокруг, песок и камень испаряются и создают давление, выжимающее нефть наверх. В теории все просто. Но на практике в процесс могут вмешаться сотни неучтенных мелочей: все учесть просто невозможно...

— Знаю. И в результате вся установка взрывается или горит, а однажды даже реактор расплавился, был такой случай в Калифорнии. Но право же, Ян, мы давно миновали эту фазу.

— Эту фазу мы миновали за счет того, что научились подавлять избыточный выход плазмы. Но теперь процесс получается цикличный: зажгли — раскалили добела — огонька убавили — начало гаснуть — погасло. И начинай сначала!.. Система контроля не в состоянии обеспечить устойчивую работу в нужном режиме. Но есть же новая самообучающаяся программа, которая уже начинает прогнозировать эти циклы и приостанавливать их в зародыше. Надо дать ей еще поработать — она научится.

Караман мрачно потряс свою колбу. Раздался телефонный звонок. Геолог отставил колбу и поднял трубку.

— Это директор. Хочет, чтобы ты к нему зашел, срочно.

— Ладно.

Не успел Ян зайти в кабинет, как директор протянул ему телеграмму:

— В Центральной конторе случилось что-то серьезное. Вы им нужны, говорят, еще вчера, даже раньше. Понятия не имею, в чем там дело. Одно только знаю, что худшего времени забрать вас эти ублюдки и специально бы не нашли. У нас только-только начало что-то получаться, добыча почти выровнялась — и на́ тебе!.. Скажите им, что вы здесь нужны. Хорошо? А то, похоже, меня они уже слушать не хотят. Осчастливьте их

там — и первым же самолетом обратно. С вами работать одно удовольствие, Кулозик. А машина вас уже ждет.

— Мне надо собраться...

— Не беспокойтесь, я позволил себе послать к вам дневального из холостяцкой гостиницы, и он уложил ваши вещи. Поезжайте. Раньше уедете — ра́ньше вернетесь.

Ян сильно подозревал, что направляется вовсе не в Суэц и не в Каир. Араб-таксист уложил багаж через заднюю дверь и почтительно склонился перед передней: «Саля-ам!» После наружной жары в машине было прохладно: работал кондиционер. Когда отъехали от лагеря, шофер взял с соседнего сиденья металлическую коробочку и передал ее Яну:

— Сдвиньте крышку, сэр, там кнопочный замок, цифровой. Только не пробуйте в машине, если комбинацию не знаете, очень вас прошу. Иначе она взорвется.

— Спасибо. — Ян взвесил коробку на ладони. — А что еще?

— Встреча. Я вас везу в назначенное место. Извините, но с вас восемьдесят фунтов за поездку.

Ян был уверен, что за поездку все давно уплачено, а добавочная плата — просто маленький образчик свободного предпринимательства. Но деньги все-таки отдал. Банковский баланс у него все равно оставался невероятным. Полчаса они ехали по гладкой автостраде; потом резко свернули на грунтовую дорогу, уходившую в пустыню. И вскоре очутились на каком-то древнем, забытом поле боя, загроможденном корпусами сгоревших танков и искалеченными орудиями.

— Здесь, пожалуйста, — сказал водитель, открывая дверцу.

В машину яростной волной ворвалась жара. Ян вышел и огляделся. Вокруг лежала пустыня — и больше ничего, кроме обгоревшего металла. Обернувшись назад, он увидел, что его сумки уже на песке, а шофер забирается в машину.

— Постой! — крикнул Ян. — Что дальше-то?

Шофер не ответил. Вместо этого он с ревом завел мотор, круто развернулся и умчался в сторону шоссе. Яна окутало облако песка и пыли — и он долго ругался, вытирая носовым платком запачканное вспотевшее лицо.

Шум машины замер вдали, и вместе с тишиной навалилось давящее одиночество. Здесь было очень спокойно — но все-таки страшновато. И жарко, невыносимо жарко. Если надо будет возвращаться на шоссе, то сумки придется бросить. По такой жаре тащить их немыслимо. Ян положил металличе-

скую коробку в тень от сумок. Оставалось только надеяться, что взрывчатка в коробке не чувствительна к нагреванию.

— Вы Кассий? — раздался голос за спиной.

Ян обернулся, пораженный: он не слышал никаких шагов, песок заглушил их. Возле сгоревшего танка стояла девушка — и стрела воспоминаний ударила его так, что он чуть не выкрикнул ее имя. Но нет, Сара мертва, убита много лет назад. Однако, взглянув на эту загорелую блондинку с волосами до плеч, в коротких шортах цвета хаки, он был просто потрясен. Настолько разительным оказалось сходство. Или память начала обманывать его? Ведь это было так давно... Она израильтянка, как и Сара, — вот и все... Потом до него дошло, что он только смотрит на нее и до сих пор не ответил.

— Я от Кассия. Мое имя Ян.

— Двора. — Она шагнула вперед и взяла его за руку; пожатие было сильным, но теплым. — Мы давно подозревали, что Кассий — это несколько человек. Но об этом можно поговорить попозже, в тени. Помочь вам с поклажей?

— Спасибо, я сам управлюсь. Здесь есть какой-нибудь транспорт?

— Да. Тут, за танком, с дороги не видно.

Машина оказалась того же типа, какой они использовали на нефтяных промыслах: спереди колеса, сзади гусеницы. Ян закинул сумки в небольшой кузов и забрался на высокое переднее сиденье рядом с Дворой. Кабины не было, только толстая металлическая крыша отгораживала их от солнца. Двора щелкнула включателем на рулевой колонке, и машина бесшумно двинулась вперед; только легкое гудение доносилось от колес.

— Электрическая? — спросил Ян.

Она кивнула и показала на пол.

— Там, под полом, мощные аккумуляторы, чуть ли не полтонны. В пустыне такие машины почти автономны. На крыше солнечные батареи новой конструкции. Если не очень гонять машину днем, то она обходится без стационарной подзарядки.

Она повернулась к нему — и слегка нахмурилась, увидев, что он по-прежнему неотрывно смотрит на нее.

— Извините, пожалуйста, я знаю, что веду себя не самым учтивым образом, вот так разглядывая вас... Но вы напомнили мне человека, которого я знал много лет назад. Она тоже была израильтянка.

— Так вы уже бывали в нашей стране?

— Нет. Сейчас впервые. Но мы встретились неподалеку отсюда, а потом я ее увидел в Англии.

— Вам повезло. А у нас почти никому не удается путешествовать.

— Она была — как бы это сказать — очень одаренной. Ее звали Сара.

— Очень распространенное имя. Как и все библейские.

— Да, конечно. А фамилию я услышал только однажды, случайно. Гилади. Сара Гилади.

Двора наклонилась и выключила моторы. Лязгнули гусеницы, вездеход резко остановился. Она повернулась к Яну: лицо бесстрастно, только огромные темные глаза смотрели прямо ему в лицо.

— Таких случайностей не бывает, Ян. Теперь я понимаю, почему они послали меня, а не кого-нибудь из наших мускулистых мальчиков. Моя фамилия тоже Гилади. Сара была моей сестрой.

Конечно. Иначе и быть не могло. В овале лица, в голосе — во всем облике было столько от Сары!.. Даже каждым движением она напоминала ему девушку, которую он когда-то любил.

— Сара погибла. Вы знали об этом?

Улыбка Дворы была вымученная, невеселая.

— Ее убили на моих глазах. Мы были вместе; пытались выбраться из Англии. И в этом не было никакого смысла, глупо... Ей совсем не надо было умирать... Ужасная, ужасная потеря! И напрасная.

Нахлынуло воспоминание. Оружие, стрельба, смерть... Тергуд-Смит. Ведь все это было сделано под его руководством. Ян стиснул зубы. Двора увидела, как он сдавил пальцами поручень.

— Мне ничего не рассказывали, никаких подробностей, — сказала она, — только то, что погибла при исполнении... Вы... Вы любили ее?

— Это так заметно?

— Мне заметно. Я тоже ее любила. Вы мне можете рассказать, что тогда произошло?

— Конечно. Все очень просто. Мы пытались выбраться из страны. У нас не было никаких шансов, нас предали с самого начала, — но она об этом не знала. И вместо того чтобы сдаться, стала стрелять, вынудила их стрелять в ответ — и погибла,

чтобы никого не выдать. Как раз это самое страшное. Потому что они и так все знали.

— Я ничего об этом не слышала. Ужасно! А для вас еще ужаснее: ведь вы остались жить с памятью об этом.

— Да, верно. Но тут ничего не попишешь, нам ее не вернуть.

Больше он ничего не сказал, не хотелось откровенничать. Да, физически ее убил Тергуд-Смит и британская Безопасность; но предали ее свои, ее собственная организация, здесь, в Израиле... По крайней мере, так сказал тогда Тергуд-Смит. Где правда? Надо постараться выяснить правду, прежде чем иметь дело с этими людьми.

Вездеход двинулся дальше. Дорога была трудной; они почти не разговаривали, погруженные в свои мысли. Песок сменился каменистой поверхностью, потом снова пошли пески, потом начались пологие низкие холмы... Появились дорожные указатели на еврейском языке, и он понял, что они въехали с Синая в Израиль.

— Далеко еще?

— С полчаса, не больше. Мы едем в Беэр-Шеву, он ждет вас там.

— Кто «он»?

Двора не ответила.

Теперь они двигались по мощеной дороге, мимо пыльных деревушек, среди поливных полей. Пустыня внезапно кончилась, сменившись пышной зеленью. Впереди, по ту сторону долины, показался небольшой городок; но, немного не доехав до него, они свернули. По узкой извилистой дороге наверх, к одинокой вилле, окруженной густым садом.

— Сумки свои оставьте. — Двора спрыгнула с сиденья и потянулась. — О них позаботятся. А коробку возьмите с собой. Он ее ждет.

Откуда-то появились двое молодых людей и помахали Дворе... Ян прошел за ней следом через прохладный дом на террасу, выходившую на долину и городок за нею. Навстречу им поднялся старик лет за восемьдесят, худющий, как рельс.

— Шалом, Ян Кулозик, — сказал он сильным и звучным голосом, неожиданным для такого глубокого старика. — Я — Амри Бен-Хаим. Садитесь, пожалуйста.

— Значит, Двору послали меня встречать не по случайному совпадению?

— Нет, конечно.

— Тогда вы должны мне кое-что объяснить, — сказал Ян, по-прежнему стоя.

— Разумеется. И я полагаю, что начать наш разговор вы хотели бы именно с этого.

— Я хочу, чтобы Двора все слышала.

— Само собой, как раз потому она и здесь. Но теперь, быть может, присядем?

Ян решил не упорствовать и опустился на один из плетеных стульев. На столе стоял кувшин с холодным лимонадом, и он с благодарностью принял большой стакан. Быстро осушил — его наполнили снова... Но сидел он напряженно. Металлическая коробка, защищенная взрывным устройством, лежала у него на коленях; надо было отдать ее, — но ему хотелось сначала услышать, что скажет Бен-Хаим.

— Вы знаете, кто такой Тергуд-Смит? — спросил он.

Амри Бен-Хаим кивнул:

— Прежний шеф британской Безопасности. За последние несколько лет он поднялся еще выше и сейчас, вероятно, стал главой Безопасности всего мира. Быть может, его положение еще значительнее: мы знаем, что он непосредственно связан с военными в Объединенных Нациях.

— Вы знали, что он мой зять? Что это он выследил нас с Сарой — и что ее убили в его присутствии?

— Да, все это мне известно.

Так. Ну, теперь начинается самое главное. Ян аккуратно поставил на стол стакан и постарался говорить помягче, однако его слова все равно оказались достаточно резкими:

— Очевидно, Тергуд-Смит знал о лондонской группе Сопротивления с самого начала. У него там были свои люди, он следил за каждым шагом организации и мог арестовать любого, когда ему было удобно. Он знал, что Сара израильтянка. Она умерла, чтобы сберечь эту тайну. Была уверена, что, если откроется ее национальность, — ваша страна пострадает. Но ее жертва оказалась совершенно напрасной, потому что он не только знал все, но и утверждал, что работает в контакте с вашим правительством. Он сказал мне, что вы выдаете каждого израильтянина, который пытается что-то делать самостоятельно за пределами вашей страны. Это правда?

— И да и нет, — ответил Бен-Хаим.

— Не слишком понятный ответ.

— Я попробую объяснить. У нашей страны очень сложные отношения с блоком сильных государств, которые действуют под именем Объединенных Наций. Во время Регрессии они напрочь забыли о Ближнем Востоке. Как только нефтяные скважины иссякли, они с радостью отвернулись от нашего беспокойного региона. Освободившись от внешнего вмешательства, Израиль в конце концов смог установить здесь мир. Ну конечно, как только великие державы ушли, сразу началась война. Арабские правительства тотчас нашли применение импортному оружию, но, естественно, выдохлись без дополнительных поставок. Мы потеряли многие тысячи людей, но все-таки выжили. Потерпев поражение здесь, они вспомнили свои старые традиции — переругались и передрались друг с другом, как это всегда бывало прежде. Джихад, священная война, разгоревшись в Иране, докатилась и до наших границ. Ее мы тоже пережили. В конце концов их религиозный фанатизм оказался задавлен голодом: люди начали умирать от истощения и болезней. И тут мы пришли им на помощь. В отличие от великих держав, мы никогда не пытались насадить в этой части мира интенсивно-машинное потребительское общество западной ориентации. Оно не подходит к местным условиям. Мы сделали совсем другое — развили и улучшили древние сельскохозяйственные технологии, при одновременном внедрении новых, применимых в нашем регионе, таких, как опреснение морской воды.

— А вы не уходите от моего вопроса?

— Не торопитесь, пожалуйста, Ян Кулозик, потерпите. Все, что я говорю, имеет отношение к делу. Так вот, мы, можно сказать, возделывали свой сад. Развивали пищевую и легкую промышленность, подходящую для наших условий, лечили людей, строили больницы, обучали врачей... Но не забывали и про оборону. Прежде всего мы установили мир со всеми соседями. Потому что мир — самая надежная гарантия безопасности. Не думаю, что вы в состоянии понять, что это значит. Ведь все древнейшие письменные источники, включая Ветхий Завет, — история беспрерывных войн. Беспрерывных, бесконечных войн. Теперь та пора миновала. Так что, когда вновь появилась какая-то стабильность и другие государства опять вспомнили о Ближнем Востоке, — Ближний Восток уже жил в мире и был готов круглый год поставлять им сельскохозяйственную продукцию. Я не могу, конечно, сказать, что они были так уж счастливы упасть в наши объятия. Было несколько попыток нас подчинить... Но тогда мы напомнили им о своих ядерных ракетах, большинство из которых расположено за пределами Израиля. Мы никогда не начнем атомную войну первыми, хотя бы потому, что Израиль настолько мал, что несколько водородных бомб могут стереть его с лица земли. Но остальные знают, что, даже будучи уничтоженными, даже после смерти, мы можем нанести ответный удар. При этом условии цена атомного нападения становилась настолько высокой, что ни одна страна мира не хотела ее платить. И так выработалось соглашение, негласное, которое соблюдается уже несколько сот лет. Мы остаемся у себя — они нас не трогают. Вот так евреи, бывшие когда-то самым космополитичным народом мира, стали самым замкнутым народом. Разумеется, чтобы поддержать эти тщательно сбалансированные отношения, у нас имеются межправительственные связи на достаточно высоком уровне. И мы в значительной степени полагаемся на своих агентов разведки.

— Шпионов?

— Но это же синоним! Они есть у всех. Нам это известно доподлинно, потому что мы их то и дело ловим. Но, к сожалению, наших тоже ловят. Однако давайте вернемся к нашему вопросу. Когда мы узнали, что Саре грозит опасность, что она разоблачена, — мы уже ничем не могли ей помочь. Было слишком поздно...

— Извините, что снова перебиваю вас, мистер Бен-Хаим, но, по-моему, это просто болтовня. Человеку вашего возраста и положения это может показаться оскорбительным, — но так оно и есть!

— Терпение, молодой человек. — Бен-Хаим поднял руку ладонью к Яну. — Я почти подошел к сути дела. Тергуд-Смит сообщил нам, что собирается арестовать Сару и обменять ее на трех своих агентов, которые сидели у нас в тюрьме. Я, разумеется, согласился. Так что мы на самом деле знали, что Сара в опасности, и я на самом деле поддерживал контакт с Тергуд-Смитом, да.

— Он мне сказал, что о Саре его информировали вы. И обо всех остальных молодых агентах в Британии, которые работали на свой страх и риск, — тоже.

— Он лгал. Такого соглашения у нас никогда не было. И ни

один из наших агентов никогда не работал на свой страх и риск, что бы вам ни говорили Тергуд-Смит и сами агенты.

Ян откинулся на спинку стула, раздраженный.

— Один из вас лжет.

— Совершенно верно. Теперь вы понимаете, для чего я заставил вас выслушать длинный и утомительный рассказ о проблемах нашей страны? Как раз для того, чтобы вам легче было разобраться, кто из нас больший лжец — я или Тергуд-Смит.

— Возможно, оба. Он — из эгоистических побуждений, вы — из самых благородных... Но единственное, что я знаю наверняка, — Сара мертва.

— Да, мертва, — вздохнул Бен-Хаим. — Я не знал, что так получится. И сделал бы все, чтобы предотвратить трагедию. А все остальное ложь. Грязная ложь.

— И Тергуд-Смит — омерзительнейший лжец в целом мире. Мы все увязли в его паутине, а я особенно. Я приехал сюда как Кассий, как человек, снабжавший вас последние два года самой секретной информацией...

— Спасибо, Кассий. Мы вам чрезвычайно благодарны.

— Если хотите, я могу пересказать вам эту информацию, в доказательство своей идентичности. Но я ее выучил наизусть всего неделю назад. Хотите знать, кто такой Кассий на самом деле?

Бен-Хаим кивнул:

— Это было бы весьма полезно. С самого начала мы были совершенно уверены, что это сам Тергуд-Смит. И нас очень удивило ваше появление.

— Он же играет с нами! — вдруг догадался Ян. — Играет со всеми!

— Да, — согласился Бен-Хаим. — Отчасти вы правы, я уверен. Но, может быть, не полностью. Тут может иметь место не только игра. Роль Кассия он мог — по нескольким причинам — приготовить для себя. Но когда вы так внезапно вернулись на Землю — можно сказать, свалились с неба прямо ему в руки, — он ухватился за вас. Как за новую возможность, которой не стоит пренебрегать. Теперь нам остается только уяснить, что он затеял. По-видимому, у вас какое-то послание от него?

Ян положил коробку на стол.

— Здесь замок с цифровой комбинацией. И взрывной заряд, который сдетонирует, если набрать шифр неправильно. По крайней мере так мне сказал тот скользкий тип, таксист.

— Я уверен, что он вас не обманул. У меня есть семизначный номер, который Кассий передал мне при знакомстве. Может быть, это и есть нужный шифр?

— Не знаю. — Ян напряженно смотрел на гладкую коробку. — Понятия не имею, что там за комбинация.

— Тогда придется попробовать мою.

Бен-Хаим потянулся к коробке, но Двора схватила ее.

— Мне кажется, не слишком разумно всем нам сидеть вокруг, когда будут проверять замок, нам нужен доброволец — им стану я. Будьте добры, Амри Бен-Хаим, дайте мне ваш семизначный номер.

— Не надо! — вскочил Ян. — Я это сделаю...

— Доброволец у нас уже есть, — перебил его Бен-Хаим, протягивая девушке листок бумаги.

Она взяла листок и коробку — и пошла по лестнице в сад. Пройдя вдоль ограды в самый дальний угол, она повернулась, помахала им рукой и склонилась над запертой коробкой.

Глава 12

Двора выпрямилась и подняла коробку над головой.

Ян сидел, словно на мине. Наконец и он почувствовал, как напряжение уходит.

— Опасность была невелика, — улыбнулся Бен-Хаим. — Иначе я бы не послал, а вы бы не отпустили.

Двора с улыбкой взбежала по лестнице, запыхавшись, и положила открытую коробку на стол. Бен-Хаим протянул руку и достал плоский квадрат черной пластмассы.

— Твердый диск памяти, марка четырнадцать, — сказал Ян. — Где у вас терминал?

— В доме. Пойдемте.

Бен-Хаим пошел вперед, показывая дорогу. Двора посторонилась, чтобы пропустить Яна, но он неожиданно для себя самого схватил ее за руки.

— Слушай, это такая глупость была!..

— Нет. И ты сам это знаешь. А кроме того — как она украсит мой послужной список, подумай!

Конечно, она шутила — и Ян тоже рассмеялся. И только тут заметил, что до сих пор держит ее за руки. Попытался убрать руки, но Двора не отпустила. Ее охватил тот же порыв; она потянулась к нему и поцеловала. Глаза ее были открыты —

темные, глубокие, — теплые мягкие губы... Он ответил на поцелуй, и она отпустила руки. Потом шагнула назад, посмотрела на него долгим призывным взглядом... Повернулась и пошла в дом.

Бен-Хаим стоял перед терминалом компьютера, трогая клавиши.

— Ничего не понимаю, — сказал он. — Без конца одно и то же: требует какой-то шифр, иначе не запускается. Понятия не имею, что это может значить.

Ян наклонился к экрану и прочитал:

— «ВВЕДИТЕ ШИФР ДОСТУПА К ИНФОРМАЦИИ ПРИ ВВОДЕ НЕПРАВИЛЬНОГО ШИФРА ПАМЯТЬ СОТРЕТСЯ».

— И вы не знаете, что это за шифр? — Ян обращался не столько к Бен-Хаиму, сколько к себе. — Раз у вас его нет, он должен быть у меня. А у меня есть только вот это. — Он достал свое новое удостоверение и посмотрел на номер. — Тергуд-Смит сказал, что этот номер — пароль, опознавательный код Кассия, если разделить его на дату. Но ведь вы не спрашивали у меня никакого пароля, верно?

— Не было никаких оснований спрашивать. И инструкций таких никто не давал.

— Значит, это он и есть.

Ян ввел номер удостоверения в калькулятор, разделил его на двадцать семь и прочел двенадцать цифр слева от запятой. Потом ввел эти цифры в терминал и нажал клавишу «Воспроизведение». Экран ожил: Тергуд-Смит улыбнулся и кивнул.

— Рад видеть, что ты добрался благополучно, Ян, и находишься у моего старого знакомого, Амри Бен-Хаима. Как вы понимаете, настоящая запись слишком важна, чтобы можно было рисковать. Нельзя было допустить возможности ее случайного воспроизведения. Поэтому у Бен-Хаима была одна половина ключа, а у тебя, Ян, вторая. Как вы только что выяснили. Теперь, пожалуйста, устройтесь поудобнее, а я расскажу вам, что у меня на уме.

Ян нажал клавишу «Стоп» — изображение Тергуд-Смита застыло на экране.

— Вы не думаете, что это стоит записать? Насколько мне известно, диски саморазрушаются, так что копия не помешала бы.

— Конечно, — согласился Бен-Хаим. — Будьте так добры, сделайте.

Ян вставил чистый диск на параллельную запись и снова включил воспроизведение.

— ...Я хочу, чтобы нынешняя революционная война закончилась как можно скорее. Бен-Хаим, Ян расскажет вам о моих личных мотивах, стоящих за таким решением. Вероятно, вы поверите мне не больше, чем он. А жаль: тут я совершенно искренен. Но это к делу не относится. Меры, которые я предлагаю для прекращения войны, должны вас заинтересовать из сугубо прагматических соображений. Я рассчитываю на вашу помощь не потому, что жду сочувствия к моему делу, в чем бы оно ни состояло, а потому, что такая помощь — в ваших же интересах.

Прежде всего я изложу свой план в самых общих чертах. Вы его себе представите — и поймете, что обстоятельства вынуждают вас к нему присоединиться. Я уверен, что у нас с вами общая цель. Нам одинаково нужно, чтобы грядущее столкновение закончилось победой человечества.

Теперь подробности. По моим сведениям, к Земле движется сильный космический флот. Он собран наспех и включает в себя все космолеты, хоть сколько-нибудь пригодные к эксплуатации. Планеты поставили свое будущее — само свое существование — на эту единственную карту. Конечно, другого выхода у них просто нет. Политика Земли всегда состояла в том, что все промышленное производство, связанное с космической навигацией, было сосредоточено только здесь, на Земле. Без помощи Земли при отказе важнейшего оборудования его заменить просто нечем. Это относится и к электронике, и к двигателям Фосколо. К слову, горючего тоже нигде не делают, только здесь. Теперь, когда все наши силы стянуты к Земле, повстанцам остается только одно. Атаковать. Рано или поздно они должны решиться — и чем раньше, тем лучше для них; поскольку время изнашивает все, что у них еще есть. Подробности плана повстанцев мне неизвестны. Но я знаю, что они обязаны сделать, если хотят победить. Они должны захватить Мохавский космоцентр. Любое другое решение будет самоубийством. Все поставки, необходимые для жизнеобеспечения космических сил, идут через этот центр. Если он будет захвачен или разрушен — Земля окажется беззащитной.

Теперь — как это можно сделать. Прежде всего необходимо атаковать в космосе, чтобы разделить силы Земного флота. Затем нужно захватить Мохавский комплекс. Это необходимо сделать с Земли, потому что ракетная противокосмическая оборона слишком сильна; снаружи через нее не пробиться.

После захвата базы победу закрепит высадка с космолетов. А затем последует капитуляция всех земных сил и окончательная победа.

Еще подробности. Ян, я организую для тебя контакт с повстанческим флотом, чтобы скоординировать операцию. Когда это будет сделано, израильские силы нападут на космоцентр и захватят его. И будут удерживать, пока их не сменят. Прежде чем принимать решение — согласиться или отказаться, — пусть вспомнят налет на Энтеббу и восстание в Варшавском гетто. Пришло время снова выйти из гетто...

Ян остановил воспроизведение и повернулся к Бен-Хаиму:

— Он что, с ума сошел? О чем он?

— Нет, с ума он не сошел. Он не просто — он преступно в здравом уме! Соблазняет нас спасением, прекрасно зная, что дело может кончиться катастрофой. А чтобы помочь нам решиться — ссылается на нашу историю. У него мышление изощренное, как у талмудиста.

— Варшавское восстание было во время Второй мировой войны, — объяснила Двора. — Тогда нацисты уничтожали евреев поголовно, а кроме того, те гибли от голода и болезней. И вот они восстали — и дрались голыми руками против пушек, пока их не перебили всех, до последнего. Они знали, что погибнут, но не сдавались.

— И еще важно, — добавил Бен-Хаим, — что они дрались, чтобы вырваться из гетто. А сегодня нам снова приходится жить в гетто, которым может быть и целая страна: как бы ни было у нас хорошо, мы заперты. И Тергуд-Смит знает, что мы мечтаем вырваться.

— А Энтебба? — спросил Ян. — Это что такое?

— Рейд коммандос. Они летели через полмира, не имея ни малейшего шанса на успех. И победили. Тергуд-Смит такой искуситель, что рядом с ним самому сатане делать нечего.

— Я не совсем понимаю, чем он вас искушает. Ведь вам никто не угрожает, вы ни с кем не воюете. Вы можете спокойно переждать всю эту заваруху и просто посмотреть, чем она кончится.

— В принципе, верно. Но если по-настоящему, наша свобода — только иллюзия свободы. Мы свободны, оставаясь в тюрьме, хотя она и размером в целую страну. И кроме того — нами движет чувство справедливости... Мы в своей маленькой свободной тюрьме окружены целым миром экономически и физически порабощенных *гоев*. Разве мы не должны им

помочь? Ведь мы сами тысячелетиями носили оковы и знаем, что это такое... Разве не должны мы поспособствовать другим добиться того же, о чем молились для себя? Я же говорил, что это проблема для талмудистов. Я уже стар, быть может, потому так много сомневаюсь. Мне нужен покой... Но послушаем голос молодого Израиля. Двора, что думаешь ты?

— Я не думаю, я знаю! Драться! Другого пути просто нет.

— Я отвечу так же просто, — сказал Ян. — Если есть хоть какой-то шанс на успех — я обязан принять участие. Тергуд-Смит говорит, что введет меня в контакт с атакующим флотом. Это хорошо. Потому что я скажу им не только о его планах, но и о наших сомнениях — и о том, что за скользкий угорь этот Тергуд-Смит. И тогда ответственность за окончательное решение ляжет не только на меня. Так что мой ответ предельно ясен: я стану делать то, что он скажет.

— Да, на вашем месте я бы вел себя точно так же, — согласился Бен-Хаим. — Терять вам нечего, а приобрести вы можете весь мир. Но все это слишком красиво звучит. У меня такое чувство, что этот человек ведет нечестную игру.

— Не имеет значения, — возразила Двора. — Его личная судьба нас занимать не должна. Если все это — ловушка, то повстанцев надо предупредить, чтобы они смогли принять меры. Если не ловушка — Израиль должен принять участие в решающей битве. В этой войне, которая покончит со всеми войнами.

Бен-Хаим глубоко вздохнул и качнулся вперед-назад в кресле.

— Уже сколько раз произносились эти слова!.. «Война, которая покончит с войнами». Когда-нибудь исполнились они?

— Нет. Но на сей раз могут исполниться. Ян, включи, пожалуйста, дальше. Давай послушаем, что он еще скажет.

Да. Во всем, что он сказал до сих пор, было много смысла — или бессмыслицы. Ян чувствовал себя в такой же западне, как и израильтяне. С Тергуд-Смитом его связывало только одно: желание убить его. И вместо этого он должен теперь работать на него?.. Он с изумлением помотал головой — потом потянулся к терминалу и нажал клавишу.

— ...Время снова выйти из гетто. Обдумайте все, что я сказал. Обдумайте тщательно. Взвесьте свое решение. Доверьтесь кнессету, пусть решают они. Мое предложение нельзя принять частично. Вы должны согласиться со мной целиком — или целиком отвергнуть. Все или ничего. Я обращаюсь к вам в первый и последний раз, больше вы от меня ничего не

услышите. Время у вас еще есть, но не слишком много. Атакующий флот будет здесь дней через десять. Космоцентр вы должны захватить перед рассветом, дату вам сообщат. На размышление остается четыре дня. В ближайшую пятницу, вечером, ваша радиостанция будет транслировать обычное еженедельное богослужение, посвященное памяти усопших. Если решитесь — просто назовите Яна Кулозика в числе именитых покойников. Он не суеверен, так что возражать не станет, я не сомневаюсь. А если решите не принимать участие в спасении человечества — не делайте ничего. Больше я вас не потревожу.

Экран потемнел.

— Смотрите, какой грех он взваливает на нас! — сказал Бен-Хаим. — Вы уверены, что он никогда не занимался богословием?

— Ни в чем, что касается моего зятя, я не уверен. Хотя нет. Сейчас я уверен, что всю свою прежнюю биографию он выдумал. Быть может, он на самом деле Сатана, как вы сказали. Что вы намерены делать?

— То, что он и сказал. Передам его предложение в кнессет. Пусть хоть немного ответственности и вины ляжет и на их плечи.

Бен-Хаим повернулся к телефону. Ян с Дворой вышли из комнаты. Слушая Тергуд-Смита, они не заметили, как стемнело. Они вышли на террасу молча, погруженные каждый в свои мысли. Ян прислонился к колонне и посмотрел на огни городка, взбегавшие по склону холма на той стороне долины. Ночь была безлунной, пронзительно-яркие звезды заполнили все небо, от горизонта до горизонта. Какая тишина, как мирно здесь!.. А Тергуд-Смит хочет, чтобы они все это бросили и шли воевать за идеалы. Да, трудное решение, им не позавидуешь. Яну решать было проще... Обернувшись, он увидел, что Двора сидит на диване, сложа руки на коленях.

— Ты, наверное, голодный, — сказала она. — Давай я что-нибудь соображу.

— Подожди. Как ты думаешь, что будет делать кнессет?

— Болтать. Это у них здорово получается. Это же просто компания стариканов, которые предпочитают болтовню любому настоящему делу. Тергуд-Смит должен был дать им не четыре дня, а четыре месяца, чтобы собраться с мыслями.

— Так ты думаешь, они ничего не решат?

— Решат, еще как решат! Против. Игра без риска. Они всегда хотят играть без риска.

— Быть может, потому они и дожили до старости?

— Ты смеешься надо мной? Дай-ка я на тебя посмотрю...

Она потянула его вниз и усадила рядом с собой. Увидела, что он на самом деле улыбается, — и тоже улыбнулась, не смогла удержаться.

— Ну ладно. Я на самом деле начинаю злиться раньше времени. Ведь еще ничего не произошло. Но произойдет, вот увидишь, точь-в-точь как я сказала. Вот тогда я разозлюсь по-настоящему. Но если они скажут «нет» — что ты станешь делать?

— Я еще не думал о таком варианте. Наверное, вернусь и буду искать Тергуд-Смита. Я просто не могу сидеть, спрятавшись здесь, когда решается судьба всего человечества. Быть может, все-таки смогу войти в контакт с флотом повстанцев и рассказать все, что знаю... Но нет смысла гадать, пока ничего не известно.

Говоря, Ян заметил, что она до сих пор держит его за руки. Ни один из них не торопился отодвинуться.

«О чем это я думаю?» — ужаснулся Ян. И понял, что не думает вовсе. Просто чувствует, отвечает физическим рефлексом. И он знал, что Двора чувствует то же самое. Хотел спросить, но испугался. Он повернулся к ней — она смотрела ему в лицо. И без всякого сознательного усилия оказалась в его объятиях.

Она долго-долго не отнимала губ, потом чуть отодвинулась, по-прежнему не отпуская его, и тихо прошептала:

— Пойдем ко мне. Здесь слишком часто ходят.

Он встал вслед за нею, но попытался высказать сомнение, шевелившееся где-то в глубине души.

— Я женат, Двора... Моя жена за много световых лет...

Она прижала палец к его губам:

— Тс-с. Я за тебя замуж не собираюсь. Просто иди за мной.

Так он и сделал.

Глава 13

— Мы так ничего и не ели, — пожаловался Ян.

— До чего же ты прожорлив, — рассмеялась Двора. — Мало кому не хватило бы того, что было.

Она скинула ногой простыню и потянулась. В лучах утреннего солнца, струившихся через окно, стройное обнаженное тело светилось темной бронзой. Ян провел кончиками пальцев по ее боку, по твердой выпуклости живота... Она вздрогнула от прикосновения и улыбнулась.

— До чего же хорошо жить! Быть мертвым, наверное, очень серо и скучно. Так гораздо веселее.

Ян тоже улыбнулся и потянулся к ней, но она отодвинулась и встала. Словно великолепная живая скульптура — прогнула спину, зарывшись пальцами в густые волосы на затылке... Потом потянулась за халатом.

— Это ты заговорил о еде, а не я. Но теперь, раз уж тему затронули, я и сама с голоду помираю. Пошли, я что-нибудь соображу на завтрак.

— Мне бы не мешало сначала зайти в свою комнату, а?

Она расхохоталась, даже причесываться перестала.

— Это еще зачем? Здесь все взрослые, детей нет. И все ходят, где хотят, и делают, что хотят. Откуда ты взялся, что у тебя за мир такой?

— Не такой, как у вас. По крайней мере сейчас. Хотя в Лондоне — господи, как давно это было! — в Лондоне я был, наверно, сам себе хозяин, во всяком случае, почти. А потом долго жил в каком-то социальном кошмаре. Какая уродливая жизнь на Халвмерке — этого я тебе рассказывать не хочу, даже и пытаться не стану. Давай-ка лучше позавтракаем на самом деле.

Водопровод здесь был сугубо функциональным, ничего похожего на сверхроскошь «Уолдорф-Астории». Ян вдруг сообразил, что ему нравится, что трубы загудели, закашляли — и в конце концов дали горячую воду. Система хоть плохо, но работала, — и он был уверен, что в этой стране у каждого есть такой же кран: не лучше, но и не хуже. Такая концепция демократии до сих пор не приходила ему в голову: равенство не только возможностей, но и физического комфорта. Однако голодное бурчание в животе отогнало все его философские мысли. Он быстро умылся и оделся — а потом пошел на запах и обнаружил просторную кухню, где у длинного стола, стоявшего на козлах, расположилась молодая пара. Они кивнули ему, когда он вошел, а Двора подала дымящуюся чашку кофе.

— Сначала поешь, знакомиться будем потом. Тебе как яйца подать?

— На тарелке.

— Умница, правильно думаешь. Тут немножко *мацой брей*, попробуй. Это тебя познакомит с хорошей еврейской кухней, если до сих пор не имел такого удовольствия.

Юноша с девушкой помахали на прощание и выскользнули из кухни, не дожидаясь, когда их представят. Ян догадался,

что здесь, в самом сердце секретной службы, лишний обмен именами ни к чему. Двора поставила еду на стол и села напротив Яна. Ела она с таким же аппетитом, что и он. Они болтали о вещах совершенно несущественных, легко и весело. Они уже заканчивали завтрак, когда в кухню вбежала все та же девушка; только улыбка у нее исчезла.

— Бен-Хаим зовет вас обоих, немедленно. Беда! Ужасная беда.

Беда висела в воздухе. Бен-Хаим, устало ссутулившись, сидел в том же кресле, где они его оставили накануне; быть может, так и не вставал с тех пор. Он сосал давным-давно остывшую трубку и, казалось, даже не замечал этого.

— Похоже, что Тергуд-Смит начал давить. Мне надо было сразу догадаться, что он не ограничится только просьбой о содействии. Слишком это на него не похоже.

— Что случилось? — спросила Двора.

— Аресты. По всему миру, во всех странах. Сообщения еще поступают. Они говорят, что это просто превентивные аресты. В связи с чрезвычайным положением. Все наши люди. Деловые представители, торговые миссии... Даже тайные агенты, о которых мы и понятия не имели, что они раскрыты. Две тысячи человек, может быть, даже больше.

— Давит, — сказал Ян. — Гайки закручивает. Вы представляете, что он еще может сделать?

— Ну что он еще может сделать? Он пересажал несколько тысяч наших граждан — это все, кто легально или нелегально находился за пределами Израиля и дружественных стран. Больше ему хватать некого.

— А я уверен, что он затевает что-то еще. Я достаточно изучил его повадки. Это только начало.

К сожалению, Ян оказался прав. Не прошло и часа, как все телевизионные программы на всех ста двенадцати каналах были прерваны объявлением экстренного выпуска новостей. По всем каналам будет передаваться обращение президента ООН, доктора Бал-Рам-Маханта. Очень почетный пост — но и только. Вся деятельность президента обычно сводится к открытию и закрытию сессий ООН. Однако иногда он выступал и с обращениями особой важности, такими, как на сей раз. Военный духовой оркестр играл патриотические марши — а мир смотрел и ждал. Потом оркестр на экранах растаял, и появился доктор Махант. Он кивнул невидимой аудитории и заговорил, как всегда, пискляво:

— Граждане мира! Мы ведем войну, навязанную нам анархиствующими элементами, которым удалось временно подчинить себе массу лояльных граждан на планетах великого Земного Содружества. Но я здесь сейчас не для того, чтобы говорить об этом. О той великой битве, которую ведут наши граждане-солдаты, борясь и побеждая во имя свободы человечества. Я здесь для того, чтобы сообщить вам о еще более страшной угрозе нашей безопасности. Некоторые личности в конклаве Объединенных Наций под названием Израиль постоянно укрывают продовольственные запасы, жизненно необходимые планете, чтобы извлечь из этого выгоду для себя. Грязные спекулянты наживаются на войне. На том, что остальные голодают. Так дальше продолжаться не может, мы этого не допустим. Раз они сами не понимают, что так себя вести нельзя, — мы их заставим понять. Должно свершиться правосудие, чтобы никому не захотелось последовать их примеру.

Доктор Махант тяжело вздохнул: на его плечах лежал груз ответственности за весь мир. Но он смирился с этой ношей и продолжил:

— Сейчас, когда я говорю с вами, наши войска продвигаются в Египет, Иорданию, Сирию и другие страны этого региона, важные в продовольственном отношении. Ни один из вас голодать не будет, я вам обещаю. Поставки продовольствия будут продолжаться, несмотря на ухищрения эгоистичного меньшинства. Мятеж будет подавлен, и мы вместе с вами пойдем к победе.

Президент растаял под аккомпанемент ликующей, заранее записанной овации. Вместо него на экране заплескалось под ветром бело-голубое знамя Земли. Снова грянула медь духового оркестра. Бен-Хаим выключил телевизор.

— Я ничего не понял, — сказал Ян.

— Зато я понял, — ответил Бен-Хаим. — Очень хорошо понял. Вы забываете, что остальной мир вообще не знает о существовании нашего народа. Они будут только счастливы, если все эти страны будут оккупированы, — лишь бы их желудки по-прежнему были полны. Здесь, вокруг нас, подавляющее большинство населения — фермеры. Они свою продукцию реализуют через кооперативы. Это мы их научили удобрять и орошать пустыню и выращивать урожай. И мы же научили их торговать... Но весь экспорт шел через нас, мы его обеспечивали торговым флотом. До сих пор. Теперь вы видите, что он с

нами делает? Нас выталкивают отовсюду, загоняют обратно в собственные границы. И то ли еще будет!.. Это все работа Тергуд-Смита. Никого другого не интересует судьба этого крошечного уголка Земли, во всяком случае, сейчас. И вы только полюбуйтесь, до чего же хорошо он историю изучил!.. Как старательно он воскрешает глумливые штампы двадцатого века, антисемитские ярлыки, наверняка позаимствованные еще у средневековой Европы... Спекулянты, наживаются на войне, на голоде!.. Нет, тут все яснее ясного: он нас торопит.

— Да, принуждает к согласию, — кивнул Ян. — Если вы ему не подчинитесь, страна пострадает.

— Мы так или иначе пострадаем. Мы можем только проиграть — или проиграть. Пока крупные мировые державы не обращали на нас внимания, мы еще могли существовать. В том равновесии страха — с нашими несколькими бомбами против их многотысячных арсеналов — мы были такой малостью, что нас и замечать не стоило. Пока мы поддерживали мир на Ближнем Востоке, сидели тихонько в своем регионе и заботились, чтобы у них даже зимой было вдоволь апельсинов и авокадо, — о нас и не вспоминали. А теперь Тергуд-Смит закручивает тиски, и война дает ему прекрасный предлог. Их войска постепенно дойдут до наших границ. Остановить их мы не можем. Они оккупируют все вокруг и захватят наши внешние ракетные установки. А потом смогут спокойно кинуть парочку бомб — или танки пошлют, никакой разницы. Мы в любом случае проиграли.

— И Тергуд-Смит это сделает, — зло сказал Ян. — И даже не из мести за то, что вы отказались ему помочь. Это было бы проявлением хоть каких-то эмоций, а с человеком, способным на эмоции, можно разговаривать, может быть, даже убедить... Но Тергуд-Смит будет продолжать начатое дело методично и хладнокровно, хотя бы рушились все его планы. Если уж он за что-то взялся, то обязательно доведет до конца. И ему нужно, чтобы вы в этом не сомневались.

— Да, хорошо вы его изучили. — Бен-Хаим пристально посмотрел на Яна. — Попали мы в переплет... Знаете, я теперь понимаю, почему он послал сюда именно вас. Ведь не было никакой необходимости, чтобы именно вы привезли коробку. Но он хотел, чтобы мы были абсолютно уверены в его решимости, чтобы мы точно знали, что он за человек. Так что хотите вы или нет — но вы адвокат дьявола, Ян. Да поможет вам

Бог!.. А мы снова во власти Сатаны. Только лучше не доводить эту теорию до сведения раввинов, не то они заставят всех нас уверовать в нее.

— Так что же нам делать? — Голос Дворы был пуст и потерян.

— Надо убедить кнессет, что у нас нет другого выхода, что мы должны принять требования Тергуд-Смита. Это сейчас единственный шанс уцелеть. А я сообщу ему, что мы согласны. Независимо от того, что решит или не решит кнессет к тому времени. В конечном итоге они все равно к этому придут, у них нет выбора. И тогда придется создавать новую диаспору.

— Почему? Что вы имеете в виду?

— Диаспора появилась, когда евреев изгнали из земли Израиля, тысячи лет назад. А на сей раз мы уйдем сами. Если захват Мохавской базы сорвется — возмездие будет моментальным. И атомным. Вся наша страна превратится в радиоактивную воронку. Так что нам надо позаботиться о снижении потерь, насколько возможно. Нужно будет собрать добровольцев, которые останутся здесь, чтобы поддерживать системы жизнеобеспечения. И чтобы замаскировать наш исход. А все остальные уйдут, тихо и незаметно. Просочатся в соседние страны, где у нас есть добрые друзья — арабы. Если, паче чаяния, налет наш окажется успешным — они смогут снова вернуться домой. Если нет — что ж!.. Нам и прежде доводилось уносить с собой свою религию и культуру в чужие страны. Переживем и это.

Двора кивнула. И Ян, глядя в ее суровое лицо, впервые понял, что позволило этому народу пройти сквозь тысячелетия жесточайших преследований. Он не сомневался, что и в будущем они останутся такими же, какими были всегда.

Бен-Хаим зябко поежился, словно замерз на сквозняке. Вынул изо рта холодную трубку и посмотрел на нее удивленно, будто только что заметил. Потом аккуратно положил ее на стол, поднялся и медленно, очень медленно вышел из комнаты. Впервые стал заметен его возраст: никогда прежде такой старческой походки никто не видел. Двора проводила его взглядом, потом повернулась к Яну и крепко обняла, спрятав лицо у него на груди. Словно искала защиты, словно хотела укрыться от мрачного будущего, надвигавшегося на них.

— Интересно, чем все это кончится, — сказала она так тихо, что Ян едва расслышал.

— Миром для всего человечества. Ты сама сказала: война, которая покончит со всеми войнами. Я угодил в эту заваруху с самого начала. Теперь — нравится нам или нет, — но похоже, что твой народ тоже попал в переделку. Мне только хотелось бы знать, что у Тергуд-Смита на уме. То ли это провокация, чтобы нас уничтожить, — то ли на самом деле он с нами... Очень хотелось бы знать.

Ближе к вечеру, уже в сумерках, появился вертолет, свалившись с неба в реве моторов и шуме винтов. Ян был в саду с Дворой. За ним пришли.

— Гляньте-ка. — Бен-Хаим показал на запертый чемодан на полу. — Специально для вас из представительства ООН в Тель-Авиве. Принесли прямо к нам. По соседству с ними сидят наши люди и прослушивают всю их связь, — вот к ним и принесли. А мы надеялись, что они засекречены. По тому, как посылка передана, — сразу ясно, кто отправитель. Для меня это предупреждение, что о нас знают гораздо больше, чем мы думали. А для вас... Вам придется посмотреть.

— Чемодан не открывали?

— Заперто. Цифровой замок. По-моему, можно считать, что мы уже знаем нужный шифр. И незачем посылать Двору в сад открывать чемодан. У нашего друга есть более серьезные дела, чем взрывать старика. Позвольте?

Не дожидаясь ответа, Бен-Хаим наклонился и быстро пробежал пальцами по кнопкам. Замок щелкнул. Ян поднял чемодан, положил на стол и раскрыл.

Внутри были черная форма, черные сапоги и такая же пилотка с эмблемой в виде лучистой звезды. Сверху на обмундировании лежал прозрачный пластиковый пакет. В пакете оказалось удостоверение личности на имя Джона Холлидея и толстая служебная инструкция с компьютерным диском в специальном конверте. В инструкцию была вложена короткая записка, адресованная Яну. Он вытащил ее и прочитал вслух:

— «Джон Холлидей — техник, работающий в центре связи ООН в Каире. Кроме того, он резервист космических сил, где тоже служит техником-связистом. Ты его работу освоишь очень быстро. Чтобы легче было сориентироваться, посылаю учебник. В твоем распоряжении двое суток, чтобы разобраться с работой и добраться до Каира. Твои друзья в Израиле смогут тебя доставить так, чтобы по дороге никто не заметил. В городе ты должен появиться в форме. Сразу же доберись до аэро-

порта. Инструкции будут ждать там в отделе Безопасности. Желаю удачи. Наша судьба в твоих руках». — Ян поднял голову. — Вот и все. Подписи нет.

Подпись была совершенно излишней. Они и так знали, что Тергуд-Смит сделал следующий ход.

Глава 14

— Поздновато ты явился, солдат!..

Сотрудник Безопасности строго оглядел Яна с головы до ног, будто проверял, не расстегнута ли на его форме пуговица. Расстегнутых пуговиц не оказалось.

— Я как только узнал — так сразу...

— То, что вы тут жизнью наслаждаетесь, вовсе не значит, что можно службу забывать.

Продолжая ритуальные нравоучения, сотрудник сунул карточку в щель терминала и кивком головы показал Яну на пластинку идентификации. Ян прижал к пластинке пальцы правой руки. Это почти так же надежно, как снимок глазного дна, и гораздо удобнее при обычном опознании. Карточка выскочила обратно — машина признала Яна. Очевидно, Тергуд-Смит имел доступ и к картотекам идентификации. Где-то на самом высоком уровне. И никто его не проверял.

— Знаете, сэр, похоже, что транспорт вам предоставлен по первому разряду. — Перемена в поведении безопасника была разительна. Ян понял, что его нынешний статус гораздо выше, чем тот ожидал. — За вами летит военный самолет. Если хотите, подождите в баре, а я кого-нибудь пришлю за вами, когда он прибудет. Это вас устроит? А за вашей сумкой я пригляжу.

Ян кивнул и направился в бар. Новый высокий ранг радовал его гораздо меньше, чем сотрудника Безопасности. Он был совершенно одинок. Одно дело рассуждать об этом — совсем другое оказаться в таком одиночестве. А то, что над ним постоянно висела тень Тергуд-Смита, только усугубляло его состояние. Тоскливо быть пешкой на шахматной доске, где все фигуры передвигает Тергуд-Смит... Уже в который раз Ян стал гадать, что же затеял этот человек.

Пиво оказалось холодным, но безвкусным, и Ян ограничился одной бутылкой. Впрочем, так оно лучше: не такой сегодня день, чтобы ходить со смурной головой. Кроме него, в баре никого не было. Только бармен-египтянин в торжественном молчании протирал стакан за стаканом. Похоже, что не так уж много пассажиров летает через каирский аэропорт. И никакого намека на оккупационные войска, о которых шла речь в обращении президента Маханте. Просто пугал, что ли?.. Узнать было не у кого. Зато свое собственное положение Ян понимал вполне отчетливо, и предстоящие дела не вызывали у него ни малейшего энтузиазма.

События проносились мимо, обгоняли его — и становилось все труднее и труднее не отставать от этих перемен. По сравнению с последними днями монотонные годы, проведенные на Халвмерке, казались почти привлекательными. Когда он вернется — если вернется, — жизнь будет спокойной, мирной... У него будет семья... Жена и тот ребенок, который скоро родится... И еще дети — будущее планеты, о которых надо позаботиться... надо... Эльжбета. В последнее время он почти не вспоминал о ней. Некогда. Теперь он увидел ее внутренним взором: она улыбалась и протягивала к нему руки. Но удержать ее образ оказалось очень трудно: он рассыпался, на него накладывался другой — гораздо ярче — Двора. Обнаженная, близкая, и пряный запах ее тела в ноздрях...

Черт возьми! Он залпом выпил стакан и заказал еще. Сложная штука жизнь. Несмотря на опасности, с тех пор как он вернулся на Землю, жизнь была... А какой? Радостной? Нет, не то слово. Интересной, это уж точно. И чертовски волнующей; с тех пор как он узнал, что ему предстоит прожить немного дольше. Сейчас нет смысла задумываться о будущем, по крайней мере до тех пор, пока не станет известно, есть ли у него это будущее. Поживем — увидим, больше ничего не остается.

— Техник Холлидей, — раздалось из системы внутреннего вещания. — Техник Холлидей, пройдите к третьему выходу.

Только со второго раза до Яна дошло, что вызывают его. Ведь это его новое имя. Он поставил стакан и направился к третьему выходу. Его ждал все тот же сотрудник Безопасности.

— Пойдемте со мной, сэр. Самолет заправлен и ждет вас. Ваша поклажа уже на борту.

Ян кивнул и пошел за ним следом. На улице пылала жара, раскаленный белый бетон сверкал под солнцем. Они подошли к двухместному сверхзвуковому истребителю с белой звездой ВВС Соединенных Штатов; путешествие на самом деле шикарное. Механики держали лесенку, пока Ян заби-

рался в самолет, потом один из них поднялся следом и запер фонарь. Пилот обернулся и приветливо помахал через плечо.

Внизу взревели и задрожали моторы — и машина взлетела, едва успев вырулить на полосу.

— Куда мы? — спросил Ян, как только они оказались в воздухе. — В Мохаву?

— Да нет, черт возьми! Хорошо бы туда. Я здесь столько просидел, в этой пустыне, что уже горб начал расти, как у верблюда. О-о, я бы сейчас полетел в Мохаву — там у меня подруга, у нее такие горбики!.. Не-а, мы на Байконур порулим, вот только вылезем наверх, повыше коммерческих трасс. Эти русские не любят никого, даже себя. Запрут тебя в крошечной комнатушке, повсюду стража с пушками... Чтобы заправиться там — восемь тысяч разных бумажек подписать надо... А блохи у них!.. Клянусь, я знаю одного малого, который ночевал там и подловил. Говорит, они прыгают аж лучше техасских, а те по четырнадцать футов скачут. Это ж надо!..

Отвлечься от воспоминаний пилота оказалось нетрудно. Очевидно, его язык работал совершенно независимо от мозга, потому что самолет парень вел безукоризненно, беспрерывно следил за приборами и делал все, что надо. И не умолкал ни на секунду.

Байконур. Это где-то на юге России, ничего больше Ян вспомнить не мог. Не самая серьезная база: слишком мала для чего-либо, кроме орбитальных ракет и челноков. Быть может, главное ее назначение — доказать всему миру, что Советы тоже входят в клуб великих держав. Оттуда его наверняка забросят в космос. Но конечный пункт назначения оставался загадкой.

Война обострила традиционную российскую паранойю, и, едва они оказались над Черным морем, диспетчерская Байконура повела их, не прерывая связи с пилотом ни на секунду.

— Эйрфорс четыре-три-девять, примите предупреждение. Ради вашей собственной безопасности точно следуйте заданным курсом. Любое отклонение автоматически повлечет удар ПВО. Вы меня поняли?

— Понял?.. Да бог с тобой, Байконур, я уж пятнадцать раз тебе сказал, что понял, черт тебя побери!.. У меня автопилот на вашей частоте, я все время высоту держу, что вы задали, — двадцать тысяч!.. Я же всего-навсего пассажир в своем самолете, ведь ты сам его ведешь. Ну и веди! А захочешь еще покомандовать — разговаривай со своей машиной!..

Низкий голос гудел по-прежнему невозмутимо:

— Никакие отклонения не допускаются. Вы меня поняли, Эйрфорс четыре-три-девять?

— Понял, понял, — сдался пилот. Славянская невозмутимость его доконала.

Была уже ночь, когда они пролетели над советским берегом и стали приближаться к космическому комплексу. Под ними проплывали огни городов и сел, но сам Байконур, в связи с военным положением, был полностью затемнен. Очень неприятно было смотреть, как самолет опускается все ниже и ниже, все ближе к земле, полностью оставаясь под контролем аэродромных служб. Одно дело теоретически знать, что радарам и электронной связи свет не нужен, что они могут работать и в абсолютной темноте. Но когда только слышишь, как гидропровод выдвигает закрылки, как выпускаются шасси, а вокруг хоть глаз выколи — тут вся теория из головы вылетает. Все операции производились по команде компьютера с земли, а земля до сих пор была совершенно невидима. Сплошная чернота впереди: посадочные фары самолета не были включены, как и огни на полосе. Ян поймал себя на том, что задержал дыхание, когда упали обороты двигателей и самолет провалился вниз.

Провалился — и совершил идеально чистую посадку на невидимую полосу. Только когда он остановился в конце рулежной дорожки, управление вернулось к пилоту.

— Сидишь тут, словно пассажир сраный, черт побери... — ворчал он себе под нос, надевая инфракрасные очки.

Наконец появилась машина «СЛЕДУЙ ЗА МНОЙ», и они порулили за ней в темный ангар. Лампы включились лишь после того, как закрыли ворота. Отстегивая ремни, Ян моргал и щурился от неожиданно яркого света. У подножия лесенки его ждал офицер в такой же черной униформе, как у Яна.

— Техник Холлидей?

— Да, сэр.

— Забирайте вещи и идем. Через двадцать минут стартует снабженческий челнок с пассажирским отсеком. Если поторопимся — успеем.

Теперь Ян стал рядовым пассажиром, одним из многих. Ракета на химическом топливе поднялась на низкую орбиту, сразу за пределами атмосферы. Здесь с ней состыковался челнок дальнего космоса, с плазменными двигателями, и пасса-

жиры — все военные — перешли в него. Они все чувствовали себя в невесомости как дома; и Ян порадовался, что успел поработать в космосе, иначе неопытность выдала бы его сразу. Пассажиры расселись по креслам, но пришлось еще ждать, пока закончат перегрузку. За это время они получили сомнительное удовольствие отведать русского космического пайка. Из тюбиков выдавливалось что-то похожее на мыло, но имевшее легкий привкус рыбы. Потом, прежде чем воспользоваться туалетом, Ян долго и внимательно изучал инструкцию, как это делается в невесомости. На сей счет ходило столько же кошмарных историй, как и по поводу аналогичных устройств на подводных лодках.

Напряжение очень скоро сменилось скукой. Делать было совершенно нечего, разве что смотреть видеофильмы или спать. Космическая колония «Лагранж-5» как раз сейчас находилась на максимальном удалении от Земли, почти двести тысяч миль, так что полет оказался довольно долгим. Ян притворился спящим — и без зазрения совести начал подслушивать разговоры попутчиков. Как он выяснил, колония использовалась в качестве базы Космических сил, и там же располагался Главный штаб Флота земной обороны. Большинство разговоров состояло из слухов и сплетен — самое интересное он постарался запомнить: может пригодиться для легенды.

Разговорившись со спутниками, Ян очень скоро узнал, что большинство из них составляли резервисты, никогда раньше не служившие в кадрах Космических сил. Это его порадовало: не так заметно будет на общем фоне, если он допустит какой-нибудь промах. Но оказалось, что никакие промахи ему не грозили: Тергуд-Смит спланировал все действия очень точно. Когда они добрались наконец до «Лагранж-5» и выгрузились — у Яна не оказалось времени даже оглядеться. Ему не удалось попасть внутрь этой промышленной колонии: на выходе из шлюза уже ждал посыльный.

— Техник Холлидей! — кричал он, глядя на проплывавших мимо людей. — Кто из вас техник Холлидей?

Ян оттолкнулся и поплыл в его сторону, почти не колеблясь. Вряд ли его разоблачили; скорее это просто следующий ход в игре Тергуд-Смита. Так оно и оказалось.

— Надевайте скафандр, а вещи оставьте здесь, Холлидей. Они подождут, пока вы вернетесь. У нас на вылетающем разведчике не хватает техника по связи. Вам повезло, выбор пал

на вас. — Он посмотрел на распечатку. — Командир корабля — капитан Ластрэп. Номер — Ида-Питер-два-пять-шесть. Пошли.

Они полетели на джакстере. Что-то вроде космической шлюпки: открытая рама, шесть металлических сидений, четыре дюзы и колонка управления. Аппарат для связи между кораблями. Пилот был хорошо знаком с этой машиной: он оттолкнулся ногой от шлюза так точно, что оказался на нужной траектории, даже не закончив разворота.

Космический флот Земли являл собой внушительное зрелище. Сама колония имела в длину два километра, а вокруг нее теснились десятки космолетов самых разных размеров. От гигантских грузовозов до таких же джакстеров, на котором сейчас летели они, — при величайшем разнообразии формы, величины и назначения.

Их траектория прошла по дуге мимо флота и привела к сверкающей игле корабля-разведчика. Пилотский отсек в его носовой части выглядел совсем крошечным по сравнению с двигателями и дополнительными баками горючего. Корабль щетинился антеннами и всевозможными приборами детекции. В космосе, за пределами сети станций раннего оповещения, именно такие корабли были глазами и ушами флота. Джакстер подлетел к разведчику, затормозил и остановился короткой вспышкой дюзы. Над открытой дверью шлюза разведчика был написан опознавательный номер: «ИП-256». Ян отстегнул страховочный пояс, всплыл над сиденьем и оттолкнулся в сторону корабля. Он мягко влетел в шлюз, ухватился за поручень и, нажав круглую кнопку, помахал на прощанье пилоту джакстера. Наружный люк медленно закрылся.

Давление в шлюзе уравнялось с давлением в корабле, автоматически открылся внутренний люк — Ян отстегнул шлем и поплыл внутрь. Круглое помещение — очевидно, жилая каюта — имело не больше трех метров в поперечнике и примерно столько же в высоту. Около девяти кубических метров на двоих, прикинул Ян. Замечательно. Наших парней в космосе не слишком балуют комфортом, лишних денег на это не тратят.

В круглом отверстии переборки с носовой стороны показалась голова. Лицо красное, глаза слегка навыкате.

— Ты не слишком много успеешь сделать, тех, если будешь летать вокруг и глазеть по сторонам. — Это, без сомнения, был капитан Ластрэп. При каждом слове сердитого капитана

в Яна летели брызги слюны. — Вылезай из скафандра и бегом ко мне!

— Есть, сэр.

Не прошло и двух часов — они едва отдали швартовы и двинулись в путь, — а Ян уже невзлюбил капитана. К тому времени, когда ему было позволено отдохнуть — прошло уже более двадцати часов его пребывания на разведчике, — он капитана возненавидел. А еще через три часа тот разбудил его. Очень было трудно просыпаться и возвращаться в рубку, почти ничего не соображая от усталости.

— Я хочу маленько прикрыть глаза, тех Холлидей. Это значит, что ты на вахте. Ничего не делай, ничего не трогай. Потому что ты совершенно ничего не умеешь, резервист-любитель. А машины умеют все. Если загорится красная лампочка или услышишь предупредительный сигнал — сразу будишь меня. Ясно?

— Да, сэр. Но я могу следить за оборудованием, я ведь...

— Я тебя спрашивал? Я тебе приказал говорить? Да мне плевать на все, что ты можешь! Ясно? Если скажешь что-нибудь, кроме «да, сэр», это будет нарушением дисциплины, и оно тебе даром не пройдет! Ясно? Ну? Что теперь скажешь?

Ян устал и теперь с каждой минутой становился все злее. Молчал — и с удовольствием смотрел, как все сильнее наливается кровью гнусная рожа капитана.

— Я тебе приказываю говорить!

Ян медленно сосчитал до пяти и ответил:

— Да, сэр.

Конечно, это слишком ничтожная месть за все то, что пришлось ему выслушать, — но пока хватит. Ян проглотил тонизирующую таблетку и старался не тереть воспаленные глаза. Рубка едва освещалась слабым красным светом. В смотровом окне впереди сияли звезды, по бокам мерцали экраны дисплеев — это локаторы прощупывали пространство во всех направлениях. Сейчас они проходили сквозь внешнюю сеть системы оповещения; очень скоро их доклады станут единственным средством раннего предупреждения в этой части космического пространства. Хотя Ян не получил от Тергуд-Смита никаких инструкций на этот счет — он прекрасно знал, что ему делать в такой ситуации.

Они удалялись от Земли, с предельным ускорением уходя в космос навстречу флоту повстанцев. Орбитальные радиотелескопы обнаружили — на пределе своей «дальнобойности» — какие-то объекты в той части космоса, где ничего не должно было быть. Теперь «ИП-256» летел туда — а там мог быть только атакующий космический флот. Яну предстояло держать себя в руках и не делать ничего такого, что может разозлить капитана Ластрэпа. Он сожалел, что потерял контроль над собой и заговорил не вовремя, а потом еще и сгустил оскорбление своим неуместным молчанием. Как только капитан проснется, надо будет извиниться перед ним. И надо будет из кожи вон вылезть — но стать хорошим космонавтом. И работать изо всех сил, и делать, что сказано... Он соберет всю силу воли, чтобы вести себя именно так, только так. И он будет вести себя именно так до тех пор, пока они не обнаружат повстанческий флот и не будут в этом абсолютно уверены.

А вот тогда!.. Ян уже заготовил метровый кусок толстого провода — и предвкушал, с каким наслаждением придушит этого гада, солдафона, сукина сына.

Глава 15

— Вот они! Глянь-ка, каков флот... Он идет в память, тех? Если нет, то я сейчас...

— Все записывается, сэр. На дискету пишется и на молекулярную пластинку дублируется. Я и одно и другое поставил, там все в порядке.

— Это хорошо, это хорошо... — зловеще бормотал капитан Ластрэп. — Сейчас ложимся на обратный курс. Как только главная тарелка нацелится на Землю — ты сразу врубай передачу, все ватты, сколько у тебя есть. Ясно?

— Да, сэр. Я этого давно ждал.

В голосе Яна звучала неподдельная радость. Говоря это, он старательно наматывал на руки концы своего провода. Потом натянул его и посмотрел, что получилось. Сантиметров семьдесят свободных — как раз то, что надо. Не выпуская провода из рук, он отстегнулся от кресла, оттолкнулся ногой и полетел в сторону пилота, поворачиваясь таким образом, чтобы приблизиться к нему головой, с вытянутыми вперед руками.

Ластрэп краем глаза заметил его приближение. Он обернулся — но успел только глянуть удивленно; и тотчас провод оказался у него на горле, а Ян скрестил руки и затянул концы.

Ян очень долго готовился к этому моменту и успел доско-

нально продумать каждое движение. Вот так, тихонечко, резких рывков не надо — незачем ему шею ломать, пусть живет... Ян вовсе не собирался убивать капитана, его надо только отключить. Борьба шла в молчании, тишину нарушало лишь трудное дыхание Яна. А капитан уже не дышал. Он еще немного подергался — но ничего не смог сделать. Очень скоро глаза его закрылись и тело обмякло. Ян ослабил провод; но был готов затянуть снова, если окажется, что Ластрэп притворился. Нет, он на самом деле без сознания. Дышит тяжело, но ровно, и видно, как на шее сильно бьется пульс... Отлично. Он связал капитану руки за спиной — тем же проводом, — потом взял еще такой же кусок и замотал лодыжки. На запястьях у капитана осталось еще достаточно провода, чтобы привязать его к задней переборке. Там он помешать не сможет.

Ну, лиха беда начало. У Яна и в мыслях не было пытаться управлять кораблем. Он достаточно внимательно изучил управление за время своих одиночных вахт и понял, что, вытаскивая из компьютерной памяти учебные инструкции, космическим пилотом стать невозможно. Эти инструкции предполагали слишком много специальных знаний. И он решил положиться на простой, древний закон Ньютона: любой движущийся объект стремится двигаться по прямой и с неизменной скоростью. Теперь таким объектом был «ИП-256», а прямая была направлена довольно точно на приближающийся повстанческий флот. Как раз решение Ластрэпа изменить этот курс и заставило Яна поскорей придушить его. Изменение курса было уже рассчитано компьютером, и оставалось только включить команду, — но Ян и не думал этого делать. Обезвредив капитана, Ян попросту забыл о нем и обратился к экранам своих приборов.

Надеяться, что их курсы совпадут так точно, чтобы разведчик лоб в лоб столкнулся с повстанцами, не приходилось. Такого не бывает. Но если удастся установить контакт с ними, то это и не нужно. Ян включил питание и повернул самую большую параболическую антенну в сторону повстанцев. Точно прицеливаться не было смысла: когда сигнал, даже самый компактный, дойдет туда — он успеет рассеяться и будет гораздо шире всего флота. Ян вывернул мощность на максимум, включил запись и передатчик и поднес к губам микрофон:

— Вызывает Ян Кулозик. С земного разведчика «ИП-256», идущего на сближение с вами. Сигнал строго направленный,

нацелен на вас. Не пытайтесь — повторяю — не пытайтесь мне отвечать. Запишите мое сообщение. Вот оно.

Я был жителем планеты Халвмерк и покинул планету с продовольственным транспортом, которым командовал Дебху. На орбите на нас напали земные силы и взяли в плен. Впоследствии все пленные были убиты, я остался один. Все подробности сообщу вам позднее, а пока хочу, чтобы вы поняли, кто я такой. Прошу не стрелять в этот корабль, когда он окажется на дистанции огня. Это двухместный разведчик, а командира я обезвредил. Пилотировать корабль я не умею и учиться не собираюсь. Корабль не вооружен. Я предлагаю следующее.

Как только вы рассчитаете мой курс и скорость — направьте один из ваших космолетов на близкий параллельный курс с моей скоростью. Я не буду менять параметры движения, но открою шлюз с внешней стороны. Со скафандром обращаться я умею, так что перейду на ваш корабль. Предлагаю направить сюда пилота, который сможет повести разведчик. Он оборудован самой совершенной аппаратурой.

У вас нет никаких оснований доверять мне, но нет и оснований отказаться от разведчика. Кроме того, у меня есть информация чрезвычайной важности о земной обороне и действиях, которые будут предприниматься на Земле.

Я веду передачу на аварийной частоте. Передача записывается и будет повторяться автоматически: сначала на двух частотах обычной связи, потом снова на аварийной — и так далее. Беспрерывно, пока мы не встретимся. Конец связи.

Теперь оставалось только ждать. И волноваться. Приемники были включены, и Ян прочел несколько шифровок командования земного флота, адресованных «ИП-256». Он никак не отреагировал ни на одну. Лучше, если там будут думать, что разведчик попросту исчез. Это повергнет их в уныние, а может быть, и нарушит какие-нибудь планы... Или даже они подумают, что у повстанцев появилось какое-то секретное оружие... Но беспокойство не проходило. План его был хорош, лучше не придумаешь, — но терпения требовал много. Раз повстанческий флот ему ничего не ответил — это могло означать, что послание его принято и там делают все, как он просил. Или — что ничего не вышло, и они быстро улетают мимо него в межзвездное пространство. Или — еще того хуже — что он неправильно опознал приближающийся флот и послал свое сообщение не повстанцам, а защитникам Земли. Понем-

ногу начиная тревожиться, он находил все новые и новые причины.

Капитан Ластрэп тоже добавлял беспокойства. Едва придя в себя, он разразился бесконечными и красноречивыми описаниями того, что ожидает Яна, когда восторжествует справедливость. Слюна висела у него на подбородке, но он этого не замечал — настолько был увлечен своей темой. Хриплый голос его дребезжал все сильнее. Ян попытался остановить это словоизвержение, пригрозив, что снова затянет петлю, — капитана это не впечатлило. Тогда Ян предупредил, что заткнет ему рот кляпом; а поскольку и это действия не возымело — выполнил свое обещание. Но зрелище выпученных глаз и лица, превращавшегося из красного в бордовое, когда Ластрэп извивался, дергался и колотился в переборку, — это уже слишком. Ян не выдержал. Он вытащил кляп — и врубил радио на всю катушку, чтобы заглушить проклятия капитана ревом музыки.

Так прошло двое суток. Иногда капитан засыпал в своих оковах, и наступали минуты благословенной тишины, — но он почти тут же просыпался и продолжал свои тирады. От еды он отказывался — выплевывал все, что Ян пытался засунуть ему в рот, — но воды немного выпил. Наверняка только ради того, чтобы сохранить голос. Когда Ян позволил ему воспользоваться санузлом, он попытался вырваться: и в конце концов его пришлось привязать к писсуару. Это оказалось очень неудобно для обоих, и потому на третий день Ян испытал громадное облегчение, обнаружив слабый всплеск на самом краешке экрана того радара, с которого он вел радиопередачу. Объект приближался, и было очень похоже, что он идет сходящимся курсом. Ян оборвал трансляцию записи, снизил мощность передатчика до минимума — и скрестил пальцы на счастье.

— Здесь Кулозик, «ИП-256». У меня сигнал на радаре. Как поняли?

На радиочастоте слышался только звездный шорох. Ян повторил то же самое, потом добавил усиление на приемнике — и поймал. Тихо-тихо, но слышно:

— «ИП-256», не меняйте курс. Ни в коем случае не пытайтесь включить двигатели. Не включайте передатчик. В противном случае откроем огонь. Откройте наружный люк, но не пытайтесь выходить из корабля, иначе стреляем. Конец связи.

— Да, чувствуется, что идет война, — пробормотал Ян.

Наверное, он и сам вел бы себя точно так же на их месте. Он выключил радар и передатчик, но приемник оставил, поскольку тот был хорошо экранирован и не выдавал заметного излучения. Теперь оставалось только убрать все лишнее из шлюзовой камеры и открыть наружный люк. И ждать.

— Мои друзья на подходе, — сообщил Ян капитану.

Он постарался, чтобы в голосе было побольше уверенности, чем он испытывал на самом деле. Но капитана это сообщение не смутило, и он уже в тысячный раз описал Яну, какие мучения его ждут. Слушать это было неприятно. Ян предвкушал удовольствие больше не слышать капитана. Это одна из самых больших радостей, какие ожидали его по завершении полета... В шлюзе что-то застучало...

Секунду спустя засветилась мигалка, и послышался шум воздушного насоса. Ян повернулся и поплыл к шлюзу, с нетерпением ожидая, когда загорится зеленый. Вот он загорелся, внутренняя дверь открылась...

— Руки вверх! Не двигаться!

Ян немедленно подчинился. Из шлюзовой камеры в каюту влетели два вооруженных человека. Один, словно не замечая Яна, проплыл мимо него к капитану, который теперь обратил свой гнев на гостей. Другой, с лицом невидимым под забралом шлема, махнул пистолетом в сторону шлюза.

— Залезайте в скафандр.

Пока Ян одевался, первый вернулся из рубки.

— Их только двое.

— Но бомба все-таки может быть. Не исключено, что это ловушка.

— Но ты же сам сюда вызвался.

— Я помню, не сомневайся. Останешься со связанным, не отпускай его. А я этого перекину.

Ян с радостью подчинился. Выбравшись из шлюза, он увидел паукообразный космолет средних размеров, почти сразу за кормой разведчика. Его конвоир, с реактивным ранцем на скафандре, схватил Яна за руку и отбуксировал к открытому люку ожидавшего корабля. Когда Ян вышел из шлюза и стал снимать скафандр — там оказались еще двое вооруженных охранников, не спускавших с него глаз. И крупный мужчина в черной форме, с проседью в русых волосах, с тяжелым квадратным подбородком, внимательно изучавший его.

— Я адмирал Скугаард, — сказал он. — Ну, рассказывайте, что там у вас.

Но Ян не мог рассказывать; от отчаяния он потерял дар речи.

Потому что адмирал был одет в такую же черную форму Земных сил, как и он сам.

Глава 16

Ян отшатнулся, как от удара. Стволы пистолетов двинулись за ним следом, адмирал нахмурился — и понимающе кивнул.

— Форма удивила, да? — Ян смог только молча кивнуть в ответ. На стальном лице адмирала появилась угрюмая улыбка. — Быть может, я ее ношу так же, как и вы, а?.. Если вы тот, за кого себя выдаете. Не все люди на Земле предатели человечества. Некоторые из нас помогали, иначе никакого восстания на планетах не получилось бы. Вот что, Кулозик. Вас сейчас обыщут, а потом вы мне все расскажете. Во всех подробностях, какие сможете вспомнить.

Адмирал был не дурак; он заставлял Яна пересказывать разные подробности по многу раз, проверяя имена, даты и много чего еще, что, казалось, отлично знал. Их прервали только один раз, когда пришло донесение, что «ИП-256» обыскали на предмет взрывных и прочих устройств и ничего не обнаружили. Теперь кто-то из пилотов должен был принять разведчик и отогнать его к флоту. В конце концов адмирал поднял руку, прерывая Яна.

— Нильс, — приказал он, — принеси нам кофе. — Потом снова повернулся к Яну. — Хорошо, я принимаю ваш рассказ. Пока. Все, что вы рассказывали о продовольственной экспедиции, — верно. Причем вы привели такие подробности, которые вряд ли известны Земным силам. Сам я все это знаю, потому что именно я собирал корабли и руководил операцией.

— Из них хоть кто-нибудь прорвался?

— Больше половины. Не так много, как мы надеялись, но достаточно, чтобы предотвратить голод на какое-то время. А теперь давайте перейдем к другой части вашего рассказа. Тема очень интересная — но, честно говоря, тут я никак не смогу вас проверить. Вы хорошо знаете Тергуд-Смита?

— Слишком хорошо. Он же мой зять, я сказал уже. Это чудовище, воплощение коварства.

— И предательства. В этом можно не сомневаться. Либо он

изменяет своему долгу и помогает восстанию — либо раскидывает хитроумную сеть, чтобы завлечь нас и уничтожить. Хоть так, хоть эдак — все равно предательство.

Ян прихлебнул крепкий черный кофе и кивнул:

— Знаю. Но что мы можем сделать? По крайней мере одно несомненно: участие израильтян.

— Да. Но оно может оказаться как раз самой коварной приманкой. Чтобы завлечь нас — и уничтожить. А израильтяне, возможно, просто беспомощные пешки, которыми он собирается пожертвовать ради своих целей.

— Вполне возможно, на него это очень похоже. Я почему-то не думал о таком варианте. Но что вы скажете о плане захвата Мохавы? Звучит очень разумно. Это на самом деле могло бы повлиять на исход войны.

Адмирал рассмеялся и подул на кофе.

— Не повлиять — а решить исход войны! Это единственная возможность победить. Мы это знаем — и они знают. Мы можем захватить лунные базы, сателлиты, даже все колонии Лагранжа — Земля все это переживет. Ее флот слабее не станет. А мы будем становиться все слабее и слабее с каждой минутой. Мохава — ключ... Остальные базы — только взлетно-посадочные полосы для челноков. У кого в руках Мохава, тот господствует в космосе и выигрывает войну.

— Значит, это на самом деле так важно?

— Да.

— И что вы собираетесь делать?

— Проанализировать все, что вы рассказали, — и отложить это до утра. Тут так сразу ничего решать нельзя. Так или иначе, время у нас еще есть. Пока не подойдем поближе к земной орбите — все равно ничего предпринять невозможно. А вам придется посидеть взаперти. Извините.

— Извиняться не стоит. После общества Ластрэпа я с превеликим удовольствием побуду в одиночестве. Кстати, как он?

— Спит под наркозом. Он слегка сдвинулся. Придется полечить.

— Я очень сожалею...

— Еще чего! Это война, сударь. На вашем месте он бы вас попросту прикончил, не сомневайтесь.

Подошел адъютант и передал адмиралу какую-то распечатку. Тот медленно прочитал — и поднял глаза на Яна. И, улыбаясь, протянул ему руку:

— Приветствую на борту, Ян Кулозик! Вот подтверждение, я его ждал. Один из наших кораблей на орбите около Халвмерка. Поврежден в бою, в космос выйти не может. Но аппаратура связи в порядке и постоянно подключена к сети Фосколо. Они проверили ваш рассказ на месте. Все, что вы нам сообщили, — правда. Но тут есть и еще кое-что: все личные подробности вашего рассказа подтвердила жена, привет вам от нее.

Ян схватил адмирала за руку:

— Я счастлив служить с вами, сэр. До сих пор я не принимал никакого участия в восстании...

— Вы сделали гораздо больше многих. Вы позаботились о том, чтобы зерно дождалось появления кораблей; без вас оно сгорело бы. Вы представляете, сколько людей вы спасли?

— Представляю. И понимаю, что это тоже важно. Но то было пассивное действие, было и прошло. А первопричина моего ареста и высылки состояла в том, что я работал в Сопротивлении. Теперь, когда планеты свободны и вот-вот начнется последняя, решающая битва — вы должны понять, — я хочу принять в ней участие.

— И примете. Куда вы денетесь? Хотя бы тем, что наши разведчики смогут с вами посоветоваться в любой момент. Будьте готовы, они с вас с живого не слезут... А потом вы нам можете понадобиться для связи с израильтянами, когда начнутся бои. Довольны?

— Конечно! Сделаю все, что скажете. По образованию я инженер-электронщик, специализировался на микросхемах. А в последние годы работал механиком на техническом обслуживании.

— Замечательно. Может быть, вы как раз тот, кто нам нужен. Надо вам познакомиться еще с одним технарем, Витторио Куртони. Он у нас заведует вооружением и сконструировал большую часть нашей обороны, включая и то, что называют секретным оружием. Но, похоже, у нас там что-то не ладится. Может, сумеете помочь?

— Это было бы идеально.

— Отлично. Я организую транспорт на «Леонардо».

Адмирал поднял руку — к нему подскочил адъютант. Пока Ян снова влезал в скафандр, к флагманскому кораблю подлетел разведчик. Ян перешел на него и остался в открытом шлюзе, чтобы не тратить время на компрессию и декомпрессию. Через открытый вход была видна громадная дуга космолетов, простиравшаяся далеко в обе стороны. Разведчик направился к одному из кораблей — тот становился все больше и больше — и затормозил всего в нескольких метрах. Ян оттолкнулся и перелетел в открытый шлюз «Леонардо».

Внутри его уже ждал худой человек с черными волосами и густыми усами, похожими на щетку.

— Вы Кулозик? Тот самый, что должен мне помочь? — В голосе слышалось больше подозрительности, чем энтузиазма.

— Если вы Витторио Куртони, то я тот самый. Да, надеюсь, что помочь смогу. А если вы найдете применение опытному электронщику — то даже уверен, что смогу.

Настороженность Витторио тут же исчезла.

— Применение найти?.. Как вы думаете, может голодный найти применение жареному поросенку?.. Извините! Давайте, я вам покажу, чем мы тут занимаемся.

Он повел Яна внутрь корабля, разговаривая без умолку, почти не прерываясь, чтобы вздохнуть:

— Все самодельное. Придумывали, мастерили, испытывали — все в один день. Иногда. Адмирал Скугаард, конечно, здорово помог. Мы бы не месяцы, а годы потратили, если бы он не отдал нам все чертежи и расчеты Космических сил. Он их собирал с давних пор. Все подряд: и проверенное, надежное оружие, и голые идеи, с которыми никто никогда не работал. Что вы знаете о военных действиях в космосе?

Он повернулся к Яну и насмешливо поднял бровь.

— Я участвовал в космическом бою, но это, собственно, была драка. Рукопашная. А что по-настоящему — только то, что в кино видел когда-то.

— Именно! А фильмы были, наверное, вот такие!

Они вошли в мастерскую, и Куртони провел Яна мимо станков и верстаков к обычному телевизору, перед которым стоял ряд стульев. Куртони набрал код и включил телевизор.

— Садитесь и любуйтесь. Это древний фильм, снятый на заре истории. Я его в старинных файлах откопал; фильм про звездную войну. Вот она — глядите.

Из динамиков громыхнула музыка, и по экрану помчался мощный космолет. Чего только на нем не было! И иллюминаторы, и башни, и орудийные площадки, и энергетические пушки... Следом за ним несся преследователь, еще больше первого. Оба корабля испускали какие-то лучи, полыхали

вспышки света, — и все это сопровождалось оглушительным треском, грохотом и ревом двигателей. Потом крупным планом появился человек, разворачивающий башню, чтобы дать залп из лучевых орудий... По счастью, меньший корабль сумел вовремя вильнуть в сторону, а потом спрятался за Луной, которая оказалась поблизости. Экран опустел, музыка затихла.

— Ну, что вы думаете об этом? — спросил Куртони.

— Ничего. Смотреть занятно...

— Дерьмо! Занятно для детишек, которые играют в войну!.. Но технически — просто чудовищно. Тут нет ничего, что могло бы выдержать научную критику. Абсолютно ни-че-го! В космосе звука быть не может. Корабль резко развернуть или остановить нельзя. Человеческие рефлексы в управлении маневрами космолета или в боевых действиях ничего не стоят. Лучевые орудия работать не могут...

— Не берусь судить, вам виднее. Я, пожалуй, никогда раньше об этом не задумывался. Но насчет лучей — вы зря. Я работал с плазменными пушками; они камень в лаву превращают, в момент.

— Конечно! — Куртони развел руки примерно на метр. — Когда камень вот на таком расстоянии, да? Ну а как насчет сотни метров? Вы хоть бумажку сможете поджечь? А если тысячи километров, как в космосе и бывает практически? Да на таком расстоянии вам эта пушка искоркой покажется, если вы вообще ее разглядите!.. Ведь плотность света, плотность любой энергии...

— Обратно пропорциональна квадрату расстояния, конечно. Я об этом не подумал.

— Именно! Никто не задумывается, пока не столкнется с такой проблемой. И потому я первым делом всем показываю свой учебный фильм. Это помогает. А кроме того, — космическая война настолько маловероятна, что ее можно считать практически невозможной.

— Но мы же ведем космическую войну, разве не так?

Куртони включил какой-то прибор на длинном столе и отрицательно покачал головой.

— Это совсем не то. Мы воюем в космосе, но наша война — земная. Техника у нас одинаковая. А настоящие звездные войны, с кораблями из разных цивилизаций... Это такая же чушь, как та, которую мы только что смотрели. Даже Космические силы Земли никогда не предназначались для такой

войны. Когда начались военные действия, оружие было только на нескольких кораблях. Оружие установленное, но ни разу не применявшееся. Потому что Содружество полностью контролировало космос, все корабли принадлежали только ему. На случай, если когда-нибудь кто-нибудь захватит какой-нибудь корабль — только для этого — вооружили несколько космолетов. Одинаковым, простым оружием. Как думаете, каким?

— Наверно, ракетами? Как-нибудь приспособили те, что были разработаны для атмосферы?

— Совершенно верно. А как вы думаете, сколько времени нам нужно, чтобы сконструировать, создать и опробовать наши собственные ракеты?

— Годы. Даже если вы захватите несколько готовых и скопируете их — все равно годы. Изготовление всей электроники, систем управления... Производство двигателей... Не один год, много.

— Совершенно верно! Приятно разговаривать с умным человеком. Особенно с таким, который во всем со мной согласен. Таким образом, мы отказались от идеи ракет. Хотя, конечно, несколько ракет у нас есть, на тех кораблях Космических сил, которые нам удалось захватить. Важнее было прежде всего разработать какие-то системы защиты. Это мы сделали, просто скопировав и слегка видоизменив земные системы обнаружения целей. Мы видим корабли на подходе — и генерируем электромагнитные поля, чтобы расстроить их системы наведения. А для поражения мы выбрали совершенно другой подход. Вот такой.

Он взял с верстака небольшой металлический конус с оперением и подкинул на ладони.

— Это пуля от ракетного пистолета, — сказал Ян.

— Совершенно верно. Но в космосе эта штука действует гораздо лучше, чем на Земле. Здесь нет гравитации, чтобы искривлять траекторию, нет воздуха, чтобы ее тормозить...

— Или направлять. Оперение в космосе излишне.

— Вы снова правы, Ян. Ее надо чуть-чуть переделать, сместить вперед центр тяжести. Очень просто. А еще проще — поставить несколько стволов под такие пули на турель — и прицепить эту штуковину к навигационному компьютеру. Пусть целится. Подбросить стайку таких бескрылых пташек в пространство перед космолетом — и пожалуйста, крушение

неизбежно. Скорость эквивалентна массе, так что несколько граммов металла создают удар во много тонн... И — прощай неприятель!

Ян задумчиво покрутил микроракету в пальцах.

— По-моему, тут две проблемы: расстояние и скорость. То есть они обе — одно и то же. Такой крохотульке нельзя придать сколько-нибудь серьезный кинетический момент.

— Конечно. Это в основном для защиты. А для атаки у нас есть вот что.

Он повернулся к верстаку и взял небольшой металлический шар, потом нажал кнопку на пульте управления. Ян услышал слабое гудение, а когда Куртони поднес шар к вертикальному кольцу, закрепленному на верстаке, шар выскочил у него из руки и повис в центре кольца. Вдоль всего верстака стоял ряд таких же колец. Куртони нажал еще одну кнопку — что-то свистнуло, что-то мелькнуло — и шар исчез. У дальней стены помещения раздался громкий стук — шар ударился в толстый лист пластика, завис на мгновение и упал на пол.

— Линейный ускоритель, — сказал Ян. — Такой же, как на Луне.

— В точности такой же. Только там они громадные, берут контейнеры с рудой и вышвыривают за пределы лунного тяготения, на Лагранж-колонии, на переработку. Как вы понимаете, магнитное поле создается в первом электромагнитном кольце. Оно держит железный шар на весу. А потом, когда включается серия электромагнитов, они действуют как мотор-ускоритель и гонят шар все быстрей и быстрей, пока он не вылетит с другого конца.

Он повернулся и взял другой шар, побольше, уютно уместившийся у него на ладони.

— Методом проб и ошибок мы установили, что самый подходящий размер — вот этот. Он весит чуть меньше трех килограммов, почти точно шесть фунтов, по одной древней системе мер. Когда я проводил исследования по этому проекту, мне здорово помогли старые тексты по баллистике: начальная скорость снаряда и все такое. Я был просто в восторге, когда обнаружил, что в древних морских сражениях стреляли цельными ядрами как раз такого веса. У истории можно многому поучиться.

— И как далеко вы продвинулись с этим проектом?

— Четыре космолета мы переделали в пушечные корабли.

Это один из них. Назвали его в честь одного из древнейших теоретиков науки, который разработал в эскизах совершенно фантастическое по тем временам оружие, Леонардо да Винчи его звали. Мы загрузили корабли сотнями тысяч таких ядер. А ядра отлили в космосе из метеоритного железа. Тоже совсем просто. Порция расплавленного железа выбрасывается в невесомость — и поверхностное натяжение придает ей идеальную сферическую форму. Это секретное оружие разгоняется по всей длине корабля и может вылетать в любую сторону. А для наведения пушки поворачивается весь корабль, и стрельбой управляет навигационный компьютер. Все работает отлично — кроме одной мелочи.

— А что за мелочь?

— Что-то не так в электронике ускорителя. Для эффективной стрельбы ядра должны вылетать плотной очередью, с интервалом в микросекунды. Но у нас так пока не получается.

Ян бросил пушечное ядро на верстак и улыбнулся:

— Дайте-ка мне глянуть на схемы и чертежи. Я постараюсь поправить вашу электронику.

— Сейчас! Вы же нам тогда войну выиграете!

Глава 17

— Фрукты созрели, убирать пора, — сказал старик. — Чем дольше провисят, тем больше потеряем.

— Есть много более важных вещей, которые ты можешь потерять, — ответила его дочь. — Голову, например... Пошли, папа, нас все ждут.

Старик вздохнул и покорно пошел за ней следом к грузовику кибуца. Остальные потеснились на скамьях в кузове, чтобы дать ему место: он был последним. Газогенератор зарядили сосновыми чурками уже час назад, колонка полна — можно ехать. Как только сверху крикнули, что все на месте, шофер открыл клапан — и машина двинулась. Мимо домов, в которых уютно горели лампы, мимо садов по извилистой дороге — на шоссе. Ехали без фар, но в слабом свете звезд гладкую поверхность дороги было видно и так.

После полуночи пересекли сирийскую границу. Передатчик грузовика ответил своим опознавательным кодом на запрос пограничного детектора, и компьютер в Тель-Авиве отметил, что эта машина уже в Сирии. Перед самой Эль-Ку-

нейтрой грузовик свернул в глубокое извилистое ущелье, уходящее в сторону от дороги. Здесь, меж высоких стен, стало совсем темно; водитель ехал почти на ощупь и, едва впереди мелькнул огонек, сразу остановился. Там ждали верблюды. Пассажиры выбирались из кузова, звучали гортанные приветствия...

Шофер, не выходя из кабины, ждал, пока все пройдут мимо. Некоторые хлопали его по руке на прощанье, некоторые говорили что-то... Когда все исчезли в темноте, он развернулся и погнал грузовик назад, к опустевшим домам кибуца, и добрался туда перед самой зарей. Он был добровольцем, он оставался.

— Это же словно город мертвых! — сказал маляр. — Я сейчас сюда шел — ужасное зрелище, если хоть чуточку воображения иметь. На улицах — никого. Пара пешеходов да несколько машин. И ни одного ребенка, понимаешь? Ни одного! Начало темнеть, в домах стали загораться лампы — я обрадовался было и заглянул в окно, — а там никого, пусто. Свет компьютеры включают. Это еще хуже, мне совсем тошно стало. Прижми свой угол поплотнее, Хаймъянкель, если тебе не трудно. — Он еще раз прошелся распылителем по трафарету точным профессиональным движением. — Ты когда уходишь?

— Сегодня вечером. Семья уже там.

— Поцелуй за меня свою жену. Скажи ей, пусть вспоминает одинокого старого холостяка. В этих аэродромных ангарах слишком уж мрачно. Когда идешь навстречу судьбе, приятно знать, что о тебе кто-то думает.

— Ты же сам вызвался.

— Конечно, вызвался... Но это вовсе не значит, что должен теперь петь от радости, верно? Готово, снимай.

Маляр отошел на пару шагов и полюбовался своей работой. На обоих пузатых бортах и на крыльях тяжелого транспорта «Анан-13» шестиконечные израильские звезды были закрашены. На их месте застыли черные кресты.

— Не нравится мне эта символика, — сказал маляр. — Если бы ты читал историю... Ты, разумеется, не читал, слишком уж ты зелен... Но если бы ты читал историю, ты бы знал, что это за крест. Узнаешь?

Хаймъянкель молча пожал плечами и стал аккуратно наливать серебрянку в малярный пистолет.

— Это германский крест, вот что это такое. И он уничтожает израильскую звезду Давида... Совсем мне это не нравится. И потом — я удивляюсь, на кой черт это нужно? Наше правительство знает вообще, что делает? Я вот тебя спрашиваю — а ты не знаешь. И сам я тоже не знаю.

Поверх крестов налепили клейкой лентой большие листы бумаги, а потом покрыли их серебряной краской. Теперь от их работы не осталось никаких следов.

Амри Бен-Хаим был очень встревожен. Он сидел ссутулившись на своем любимом кресле и глядел в никуда, а перед ним остывал стакан чаю с лимоном. Его внимание привлек шум вертолета, он выпрямился и стал смотреть на дверь. Отпил немного чаю и поморщился. Поставил стакан... В этот момент вошла Двора с пакетом в руке.

— Еще один. И опять полицейский из Безопасности привез. У меня просто мороз по коже. Передает пакет — а сам улыбается. И ни слова.

— Это просто врожденный садизм, — успокоил ее Бен-Хаим, забирая пакет. — Люди такого сорта наслаждаются, причиняя боль другим. А что в пакете — он знать не может.

Бен-Хаим встряхнул знакомую запертую коробку и набрал шифр. Коробка раскрылась — он достал из нее дискету и вставил в компьютер. На экране появилось лицо Тергуд-Смита, на сей раз без улыбки.

— Это наша последняя связь, Бен-Хаим. Сейчас ваши войска и авиация должны быть готовы начать операцию. Точную дату я вам сообщу в этом месяце и дам график вылета и движения. Полетите в темноте, так что потребуется особое внимание. Ориентироваться будете по звездам и сателлитам. Инструкции по радарной сети у вас есть. Не забывайте, что атака скоординирована. Любое малейшее нарушение графика вызовет катастрофу. — Тергуд-Смит глянул куда-то вниз и чуть заметно улыбнулся. — У меня есть несколько донесений, что вы вроде бы вывозите из страны массу людей. Очень мудро. Всегда есть шанс, что парочка ядерных бомб свалится на голову, даже если все пройдет наилучшим образом. Кто-нибудь злость сорвет, так сказать. Или, быть может, вы мне не доверяете? Впрочем, с какой стати вы должны мне верить? Однако вы все делаете правильно. А победа — она сама себе награда. Я надеюсь быть в Мохавском космоцентре, когда вы там появитесь. Если не возражаете, скажите своим, чтобы они ме-

ня там не подстрелили. До скорого свидания, Амри Бен-Хаим. Молитесь за успех нашего предприятия.

Изображение исчезло. Бен-Хаим отвернулся от экрана, качая головой.

— Не стрелять в него! Да я с него живого шкуру сдеру, если что-нибудь будет не так!

Подниматься по лестнице было тяжко. Пекарь хрипло дышал, приволакивая искалеченную ногу. На плече он нес пушку, а свободной рукой опирался на перила. День был жаркий, душный, пот оставлял дорожки на покрытом пылью лице. Следом за Пекарем молодой паренек с трудом тащил тяжелый ящик гранат.

— Сюда, — сказал Пекарь. Он осторожно приоткрыл дверь и заглянул внутрь. Шторы были закрыты. — Все в порядке, дорогой. Ставь у окошка — и топай. Я тебе дам десять минут, чтобы смыться отсюда. Иди потихоньку, спокойненько и смотри, чтобы никакой патруль тебя не остановил. Если остановит — в лондонский компьютер попадет, что ты был здесь, — и тогда тебе хана.

— Можно мне с тобой, Пекарь? Я ведь помочь могу. Как ты будешь уходить со своей ногой, без помощи?

— Ты за меня не переживай, сынок. Старого Пекаря им не взять. Один раз взяли, было дело. Ногу вон покалечили и по всем лагерям Нагорья прокатили... Но одного раза хватает за глаза, можешь мне поверить. Я никуда уходить не собираюсь. А вот ты уходи, да поживее. Это приказ.

Сипло вздохнув, Пекарь с облегчением присел на ящик и прислушался к шагам, удалявшимся вниз по лестнице. Хорошо, одной заботой меньше. Он пошарил в кармане и вытащил сигарету с начинкой, тонкую, черную. Табака в ней почти не было, один гашиш. После нескольких хороших затяжек ему стало полегче, даже боль в ноге перестал замечать. Курил он медленно и экономно. Только когда чинарик стал обжигать губы — он выплюнул его и раздавил каблуком на дощатом полу.

Потом отодвинул штору и аккуратно открыл окно, подняв фрамугу.

С Мэрилбоун залетел легкий ветерок, принеся с собой шум интенсивного движения. По улице двигалась армейская автоколонна. Пекарь отодвинулся от окна и стал ждать, пока они проедут. Когда шум армейских грузовиков замер вдали, он

поднял крышку ящика. Вытащил гранату, подкинул ее на ладони... Короткая чушка, выточенная из куска трубы, что в металлоломе раздобыли. Трубу обточили, оперение приварили, тщательно зарядили... Когда он испытывал свой гранатомет на пустыре, на двадцать выстрелов пришлась только одна осечка. А с тех пор там еще что-то доделали. Так ему сказали, и он им верил. Опустив приклад на пол, он вставил гранату в ствол, и она соскользнула донизу, до упора. И лязгнула там, солидно так улеглась. Хорошо... Пекарь подался вперед и посмотрел через улицу на серую громаду Управления Безопасности.

На мрачном фасаде не было ни единого окна. Центр британской Безопасности, а теперь, может быть, и всемирной. Цель наиважнейшая. Если ребята все рассчитали правильно, то заряда как раз хватит, чтобы забросить эту штуковину на крышу ближайшего караульного помещения, что перед главным зданием. Ладно, сейчас проверим... Пекарь установил приклад на плечо, тщательно прицелился и нажал спусковой крючок.

Раздался хлопок, приклад сильно ударил в плечо... Пекарь смотрел, как черная точка летит по дуге — вверх и вниз, туда, за парапет. Отлично. Вниз по стволу скользнула следующая граната. Стреляя во второй раз, он увидел, как над крышей караулки поднимается белый дым.

— Ай да я, молодец! — порадовался он.

И стал садить гранату за гранатой, стараясь укладывать их как можно кучнее. Термит может прожечь что угодно, так ученый сказал. Он оказался прав.

Завыли сирены, и на улице внизу начали появляться вооруженные люди. Пекарь отодвинулся от окна, чтобы его не было видно; потом лег на пол и стал стрелять лежа.

Он в очередной раз нажал на курок — в стволе раздалось сердитое шипение — и все. Выстрела не получилось.

— Вот подлая тварь! — выругался он яростно.

Перекатился на бок, перевернул гранатомет стволом книзу и стал вытряхивать гранату. Она с шипением упала на пол, из нее валил дым... Он схватил ее, обжег руки и, ругаясь от боли, с проклятиями вышвырнул в окно. Внизу раздался взрыв, послышались вопли раненых.

Хорошо, что эти ублюдки успели так близко подбежать, подумал он. Подполз к двери, превозмогая боль в руках, и выстрелил вниз по лестнице. Снова раздались крики, и снизу

брызнули пули, пролетая у него над головой. Ладно, это их немножко задержит...

Когда высадили дверь, у него оставалось только две гранаты. Одну он выпустил в нападавших, потянулся за второй — и тут его прошили пули. Он умер сразу. И лежал на спине, глядя мертвыми глазами на облака дыма, проплывавшие за окном.

Глава 18

Адмирал Капустин чувствовал себя спокойно и уверенно, очень уверенно. Негромко насвистывая сквозь зубы, он натянул высокие хромовые сапоги и встал перед зеркалом, поправляя мундир, чтобы над широким кожаным ремнем была чуть заметная слабина. Приведя себя в порядок, он пошел к двери, позвякивая в такт шагам многоярусной экспозицией орденов и медалей.

Часовой снаружи — морской пехотинец — щелкнул каблуками и вытянулся по стойке «смирно». Проходя мимо него, адмирал небрежно коснулся пальцем козырька фуражки. Наконец-то настал его великий день! Сегодня он шагал тверже, чем обычно, шпоры звенели. Если кому-нибудь сапоги со шпорами казались не совсем уместными в космическом корабле, за двести тысяч миль от ближайшей лошади, — комментариев никто себе не позволял. Судьба каждого, кто осмелился хотя бы улыбнуться в сторону адмирала Капустина, была ужасна; настолько ужасна, что о ней и думать не хотелось.

Когда он вошел в боевую рубку, его помощник Онегин был, как всегда, готов. Щелкнув каблуками и слегка поклонившись, он подал серебряный поднос. Адмирал одним движением опрокинул рюмку охлажденной водки и взял папиросу. Онегин поднес деревянную спичку.

— Сегодня великий день, Онегин! — Адмирал выпустил струю ароматного дыма. — Скоро произойдет первое в истории космическое сражение. И я буду первым, кто его выиграет. Место в истории, а?.. В учебники попаду!.. Они курс не меняли?

— Никак нет, товарищ адмирал. Можете сами убедиться.

Онегин отдал короткий приказ оператору — тот включил голографическое поле, в котором был виден неприятельский флот. Адмирал подошел и встал напротив светящегося дисплея, который занимал почти тридцать кубических метров,

всю середину боевой рубки. Разумеется, дисплей был трехмерным; смотреть на него можно было откуда угодно. Теперь на нем возникла группа светящихся точек, от которых вверх, за пределы голограммы, уходила белая пунктирная линия.

— Это их нынешний курс, — сказал Онегин. — А вот проекция в будущее. — От вражеского флота потянулся книзу, до уровня пола, еще один пунктир, на этот раз красный.

— Хорошо, — хмыкнул адмирал. — И куда же это их приведет?

На дисплее появился голубой шар Земли, окруженный спутниками, с Луной на орбите. Линия курса проходила около них.

— Это проекция на данный момент, — подсказал Онегин. — Без учета возможных изменений. Однако изменения курса еще возможны. Например, такие.

Красная линия разошлась веером по нескольким дугам, каждая из которых упиралась в какой-то из объектов в космосе.

Адмирал хмыкнул снова.

— Ну да... Земля, Луна, энергетические спутники, колонии — все! Ну что ж. Для того мы и здесь, Онегин, учтите. Мы защищаем Землю. Чтобы творить свои дела, этим бандитам надо пройти мимо нас, но у них ничего не получится. И ведет их мой старый друг, Скугаард, подумать только! Замечательно. Я собственноручно приведу приговор в исполнение, когда мы его возьмем. Водки!

Он проглотил еще одну рюмку и уселся в командирское кресло, откуда голограмма смотрелась лучше всего и где микрофон, установленный на изголовье, автоматически удерживался около рта с помощью нескольких шарниров, следуя за каждым движением головы.

— До сих пор они вели исключительно грязную войну, нож в спину из-за угла. Бомбы, мины — одно предательство. Они не только изменники, они еще и трусы. Всегда драпали к своим планетам, а потом встречали нас там. Ракетами с планетарных баз. Больше это у них не получится. Мы заняли оборону, и придется им теперь вылезти из логова и встретиться с нами в честном бою. А мы успели зализать раны, организовать перегруппировку — теперь они у нас получат, им не поздоровится. Покажи последние снимки.

Астрономы, работавшие на орбитальной станции с тринадцатиметровым оптическим телескопом, пытались протестовать, когда им приказали фотографировать приближающийся

флот. Говорили, что их громадное металлическое зеркало построено для совершенно иных целей. С помощью этого телескопа, защищенного от солнца и вынесенного за пределы атмосферы, они могли проникать в тайны невероятно удаленных галактик, подробно изучать отдельные звездные системы на расстоянии в тысячи световых лет. Они работали над очень важной темой и не хотели превращать обсерваторию в игрушку для военных, чтобы те следили за противником. Но когда следующим челноком с Земли к ним прибыло человек двадцать сотрудников Безопасности, их поведение резко изменилось. И сразу нашлась возможность повернуть телескоп в сторону повстанцев.

Теперь дисплей заполнили мятежные космолеты. Туманные, серые, но вполне отчетливые, они вытянулись длинной дугой.

— Флагмана покажите, — приказал Капустин. — «Даннеборг».

Корабль в центре атакующего фронта стал увеличиваться, пока не достиг в поперечнике целого метра. Изображение было расплывчатое, достаточно ясно виден только общий контур.

— А получше не можете? — Адмирал был недоволен.

— Мы компьютерное увеличение делаем, — объяснил Онегин.

То, что компьютер увеличивает введенную в него фотографию, Онегин объяснять не стал.

Трехмерное изображение прояснилось, стало более четким. Теперь казалось, что перед ним висит плотный объект.

— Вот так получше, — одобрил адмирал.

Он подошел и ткнул в голограмму пальцем.

— Попался, Скугаард! Вместе со своим драгоценным «Даннеборгом». Теперь ты от меня не уйдешь!.. Ну-ка, дайте дисплей схождения курсов.

Изображение снова поменялось. Теперь с одной стороны голограммы был неприятельский флот, а с другой — Земные силы. Затем появились пунктиры: сначала от повстанцев, потом от землян. Около точки их пересечения возникли два числа: одно зеленое, другое желтое. Последние цифры у чисел мерцали и беспрерывно менялись. Зеленые обозначали расстояние в километрах от их нынешней позиции, а желтые — время до выхода на точку пересечения при нынешней скорости. Адмирал внимательно посмотрел на числа — далеко еще. Слишком далеко.

— Покажите десять и девяносто.

Компьютер моментально сделал необходимые расчеты, и поперек их курса появились две дужки; примерно на четверти расстояния со стороны неприятельского флота. Дужка, расположенная ближе к мятежникам, обозначала позицию, с которой противника должны поразить девяносто процентов выпущенных ракет. Если те не начнут удирать или прятаться за экранами. Дальняя дужка обозначала десятипроцентную вероятность попаданий. Даже до этой никудышной позиции предстояло лететь еще много часов. Война в космосе, как и старинная война на море, состоит из бесконечно долгих переходов и скоротечных столкновений. Адмирал с удовольствием затянулся папиросой. Он приготовился ждать. Он всегда славился безграничным терпением.

На «Даннеборге», флагманском корабле Скугаарда, боевая рубка была оборудована попроще, чем на «Сталине». Скугаард предпочитал не связываться с излишне сложной аппаратурой. Вся необходимая ему информация была на экранах, а если требовалось разглядеть подробности — проектор давал изображение во всю стену. Работало все безотказно, с многократным дублированием, так что неполадки практически исключались. Чтобы вывести из строя эту систему, надо было разрушить весь корабль. Адмирал всегда считал, что голографический дисплей с хитроумными, запутанными схемами — попросту излишняя роскошь. Все, что ему нужно, его аппаратура делала гораздо проще и надежнее, а команды выполняла мгновенно.

Адмирал смотрел, как на экранах сближаются два космических флота, и задумчиво тер подбородок. Потом повернулся к Яну, молча стоявшему рядом.

— Так, значит, моя тяжелая артиллерия в порядке? Можно задействовать в любой момент?.. Отлично! У меня камень с души свалился.

— Проблема оказалась не слишком сложной. По правде сказать, я применил уже готовое решение. На поточных линиях, где надо было ускорить повторяющиеся операции, у меня уже получалось. Тут подход другой: не от электроники, а от механики. В электронике циклы с обратной связью годятся, потому что все операции происходят очень быстро — практически мгновенно. А в механике имеешь дело с физиче-

ским объектом, у которого есть вес и масса; его нельзя вот так сразу сдвинуть или остановить, на это какое-то время нужно. Так что я разделил программу заряжания на отдельные ячейки, и теперь каждое ядро разгоняется под управлением собственной ячейки. Если вдруг с ним что-то происходит не так — не туда попадет или притормозится, — оно попросту выкидывается в сторону, а на его место подскакивает следующее. Чтобы стрельба сама собой прекратилась, как это бывало раньше, — такого теперь случиться не может. А кроме того, интервал между выстрелами стал гораздо меньше, и скорострельность можно точно регулировать.

Адмирал одобрительно кивнул:

— Превосходно. А поскольку время — это дистанция между ядрами на их траектории, мы можем их выпускать, как нам надо. Так какова дистанция между ядрами?

— Около трех метров, лучше не получилось.

— Куда уж лучше! Это же просто фантастика! Это значит, что мы можем дать очередь поперек линии движения кораблей или флота — и они налетят на стену наших ядер.

— Тем лучше. Значит, даже целиться не нужно, только выбрать общее направление.

— Я приготовил несколько сюрпризов своему другу Капустину. — Адмирал отвернулся от экрана. — Я его очень хорошо знаю. И тактику его знаю, и вооружение — и тупость его тоже знаю. А вот он понятия не имеет, чем я его стану бить. Занятный бой должен получиться. Думаю, вам интересно будет посмотреть.

— Вряд ли у меня будет время смотреть. Мне надо быть с пушкарями...

— Нет. Здесь вы мне нужнее. Если вдруг объявится Тергуд-Смит или возникнет какая-нибудь ситуация, связанная с ним, — вы должны быть здесь, чтобы моментально эту ситуацию оценить. Он — единственная неизвестная величина в моих расчетах. Все остальное учтено и просчитано, и программа уже написана.

Словно в подтверждение его слов цифры на штурманском экране начали мигать, раздался звуковой сигнал, и компьютер произнес: «Перемена курса». Под ногами ощутилась вибрация, дошедшая от двигателей.

— Сейчас посмотрим, каково быстродействие капустинского компьютера, — сказал Скугаард. — И как он сам соображает, тоже посмотрим. Машина ведь только информацию дает. А ему придется подумать, что с этой информацией делать.

— Что происходит? — спросил Ян.

— Я разделяю свои силы. Причины две, и обе важные. Наш корабль и еще один — «Швеция» — единственные, у кого есть сложные противоракетные системы. Просто потому, что раньше эти корабли входили в состав земных Космических сил. Старина Лундвалл, который командует «Швецией», мог уйти в отставку еще лет десять назад, но остался. Таких, как он, нет ни в одном флоте. Мы эту операцию вместе с ним разработали. Каждый из нас поведет эскадру, выстроенную колонной позади. Как бы в кильватере. Этому тоже есть причина. Хоть я и знаю, что наши ребята очень постарались с программой электронного предупреждения ракетных ударов, — все-таки для начала предпочитаю уже проверенную технику. Их системы прекрасно будут работать — не сомневаюсь, — но с ними мы еще успеем. Попозже. Но если у меня есть выбор, то хорошо бы иметь перед собой прикрытие из ракет-перехватчиков, чтобы капустинские ракеты не смогли добраться до наших кораблей.

Ян стал смотреть на экран, где видны были все корабли. Космолеты медленно перемещались, их относительное расположение менялось. Флагман выдвигался вперед, а половина кораблей выстраивалась за ним. Другая половина флота точно так же выстраивалась за «Швецией» — и в то же время обе эскадры начали удаляться друг от друга по расходящимся курсам.

— Товарищу Капустину будет о чем подумать, — сказал Скугаард. — Все наши корабли выстраиваются за головными боевыми космолетами в две линии, направленные на его флот. Таким образом, противнику будут видны только головные корабли; остальные исчезнут из поля зрения. Хорошо, что товарищ не читает исторических книг. Вы когда-нибудь слышали об адмирале Нельсоне, Ян?

— Слышал. Если это тот самый парень, что стоит на колонне на Трафальгарской площади.

— Да, тот самый.

— Какой-то древний английский герой из Средних веков или около того. Он с китайцами воевал?

— Не совсем. Хотя, наверное, рад был бы и с ними. Он го-

тов был сражаться с любым флотом мира. А величайшая его победа — хотя она и стоила ему жизни, — Трафальгарская битва. Он прорвал линию французских кораблей; точно так же, как я собираюсь сделать сейчас. У него были другие основания для этого, но результат должен стать таким же. Головной корабль примет на себя почти весь огонь неприятеля, пока линия не будет прорвана...

— Ракеты пошли, — сообщил компьютер.

— Разве мы не слишком далеко? — удивился Ян.

— Далеко, еще очень далеко. Но это противоракетные ракеты. Их двигатели дают только короткий импульс, а потом отключаются. И они летят впереди нас, образуя защитный зонт. Если навстречу нам пойдут ракеты — наши будут их перехватывать. А попутно они служат средством раннего предупреждения.

Вскоре далеко впереди беззвучно расцвел огненный шар, расплываясь в пространстве. Несмотря на громадное расстояние, он был настолько ярок, что визуальные экраны потемнели: это включились фильтры, защищающие телекамеры от перегрузки.

— Интересно!.. — заметил Скугаард. — Капустин с первого залпа применил атомные ракеты. Это, пожалуй, неплохая идея, если такая тактика сработает. А если нет — непозволительная расточительность. Я-то знаю, сколько у него зарядов.

Адмирал Скугаард посмотрел на часы — потом на экран, который показывал теперь две эскадры, выстроившиеся в прямые линии за головными кораблями.

— Исторический момент, — сказал он. — Начинается первая битва в первой космической войне. Пусть же она закончится нашей победой. Все будущее зависит от ее исхода.

Глава 19

— Что это он там затеял?

В голосе Капустина была заинтересованность, но ни следа тревоги. Он приготовил свою западню — и Скугаарду не остается ничего другого, как в нее влететь. На голографическом дисплее корабли мятежников сходились и один за другим исчезали из виду, пока не осталось всего два. Хотя голография дает трехмерное изображение, теперь осталась только плоская картинка.

— Они уходят на космической тяге! — закричал Капустин. — Драпают от нас!

— Быть того не может, товарищ адмирал. — Наибольшая трудность работы Онегина состояла в том, что информацию адмиралу надо было предоставлять очень аккуратно. Чтобы адмиралу казалось, будто он сам до всего додумался. Прежде чем сказать что-нибудь, Онегину приходилось хорошенько подумать, как сказать. — Ведь вы же сами мне говорили, что вблизи планет космическая тяга Фосколо блокируется гравитационными полями. Я от вас это и узнал. А тут, наверное, все проще: они в два кильватера выстроились...

— Конечно! Это каждому дураку ясно. Так что ты не трать мое время на объяснение очевидных вещей. Но ты заметил, что у них и курсы поменялись? Гляди в оба, Онегин. Авось научишься чему-нибудь.

Трудно было не заметить происходящих перемен, когда на дисплее крутились и перемещались светящиеся стрелки, да к тому же и числа постоянно менялись. Операторы дисплея потрудились и на скорую руку переделали программу, чтобы ввести туда две линии кораблей. Практически это ничего не давало, но могло понравиться адмиралу. А настроение адмирала всегда было главной заботой флота.

— Мне нужен прогноз, куда их выведут эти новые курсы. И выпусти несколько ракет, атомных. Они там в штаны наложат, когда прилетят наши ракеты.

— У нас их не так много... Быть может, попозже, как вы думаете? Может, другие ракеты...

— Ты заткнись и делай что приказано.

Адмирал сказал это совсем спокойно, без всякого выражения, — но Онегин похолодел, поняв, что зашел слишком далеко.

— Да, конечно, тотчас! Отличная идея!..

— Так ты дай мне прогноз, куда эти новые траектории идут.

На дисплее возникли два конуса света, исходившего от двух мятежных эскадр. Сначала эти конусы включили в себя громадные объемы пространства, вместе с Землей и целым рядом спутников. По мере получения новой информации от радаров конусы постепенно сужались; а когда мятежные эскадры закончили изменение траектории — от конусов остались только две линии.

— Хм! Два отдельных удара, — сказал Капустин, переводя

взгляд с одной линии на другую. — Первый по лунным базам. Прекрасно. Там ракетные батареи их на подходе уничтожат. А второй? Это куда?

— Вероятно, на геостационарную орбиту. Там спутников много. Это может быть...

— Это может быть все, что угодно. Но не значит ничего. Раньше, чем они туда доберутся, — мы их в порошок сотрем, они у нас атомным газом испарятся. Мы свой флот тоже разделим. Мне надо, чтобы обе эскадры шли наперехват и вышли точно по курсу тех кораблей. Раньше, чем атаковать Землю, им придется через нас пройти. Посмотрим, что у них получится.

Это сражение вели невидимые силы: электронные в компьютерах, световые и радиоволны в пространстве. Противники друг друга не видели — и не увидят даже тогда, когда начнется бой: они будут в тысячах миль друг от друга. Сближались они быстро; но в космосе, где нет атмосферы, невозможно было рассмотреть крошечные тусклые космолеты среди ярко пылающих звезд. Увидеть можно только взрыв ядерной ракеты. Боевые космические корабли были подлинными потомками древних морских линкоров, чьи орудия вели огонь за горизонт, поражая невидимого противника.

Враждебные колонны сходились все ближе — с астрономической точки зрения они уже слились в один объект, — но так и не видели друг друга. Рассмотреть хоть что-нибудь можно было только с помощью оптических телескопов, оборудованных электронным увеличением. Адмирал Капустин мрачно разглядывал на одном из экранов увеличенный контур «Даннеборга». Потом сказал:

— Второй эскадре все делать, как я. Стрелять одновременно, особой команды не будет. К разбитому «Даннеборгу» другим кораблям не подходить, это мой трофей. Ну, давайте-ка их тряханем. Ракеты — залп!

На «Даннеборге» адмирал Скугаард улыбнулся и хлопнул себя по колену.

— Вы только глядите на этого идиота! — сказал он Яну, показывая на один из дисплеев. — Он же расшвыривает ракеты, как мелочь карманную.

На экранах постоянно менялись цифры: компьютер подсчитывал уничтоженные и сбитые с курса ракеты противника.

— По сути, он просто тупица и о тактике понятия не имеет.

Наверно, думает, что нас можно побить грубой силой. Это могло бы и получиться, если бы он подождал, пока мы подойдем поближе. Тогда нашу защиту можно было бы смять за счет количества ракет. Но мы для него такие сюрпризы припасли, что из этой тактики тоже ничего хорошего не выйдет.

— Главный калибр повел стрельбу, — сообщил компьютер.

Хотя центральная ось строя кораблей была направлена на вражескую эскадру, она располагалась под углом к той невидимой линии в пространстве, по которой двигался противник. Два больших пушечных корабля были нацелены на эту линию и теперь открыли огонь. Железные шары вырвались наружу и помчались к той точке пространства, где вскоре окажется неприятель. Чтобы уравновесить отталкивание ядер и удержать пушечные корабли в общем строю, на них работали кормовые дюзы. На радарных экранах летящие потоки ядер выглядели световыми штрихами; двигались они так быстро, что вскоре исчезли из поля зрения. Остались только точки защитных ракет, которых было так много, что казалось, перед ними летит еще один флот, гораздо больше настоящего. Их радарные отражатели, электромагнитные поля и тепловые источники были рассчитаны на то, чтобы сбивать с курса атакующие ракеты. Капустин на борту «Сталина» был доволен гораздо меньше, чем ему хотелось бы.

— Там технические неполадки, что ли? Такого быть не может!

Он показал на цифры, которые ему не нравились.

— Неполадки всегда бывают, товарищ адмирал, — ответил Онегин. — Но они могли бы что-нибудь изменить только в последнем знаке.

— Но эта дурацкая машина все время твердит, что не было ни одного попадания в неприятельский флот. Я же своими глазами видел взрывы!

— Да, товарищ адмирал. Но это были макеты для отвлечения нашего огня. После каждого контакта ракеты-разведчики прощупывают радарами все вокруг. И по количеству обломков определяют, что взорвалось: корабль или другая ракета. Однако при каждом таком взрыве у них становится одним макетом меньше. А ракет у нас гораздо больше, чем у них, так что победа будет за нами.

Капустин слегка успокоился, но по-прежнему был не в духе.

— А где же его ракеты? Этот трус на ответный огонь не решается, что ли?

— У него же ракет гораздо меньше. Он, наверное, будет их придерживать, чтобы использовать с наибольшим эффектом. Но перед нами летит защитный экран, через него не пробиться.

Очень не вовремя он это сказал. Не успела последняя фраза слететь с губ Онегина, как взвыли сирены. На дисплее появилась огненная надпись: «Объекты на встречном курсе», и громким воплем прозвучали те же слова. И почти сразу же со всех кораблей стали поступать рапорты о повреждениях. Адмирал в ужасе смотрел, как от космолетов отлетали обломки, а один из них взорвался и превратился в сгусток пламени.

— Что это такое? Что происходит? — крикнул он.

— Метеоритное поле... — сказал Онегин, хоть и знал, что это не так.

Казалось, адмирал парализован таким бедствием: он сидел в своем кресле с отвисшей челюстью. Онегин затребовал на дисплей причину повреждений. Хотя весь контакт длился меньше секунды, компьютер записал его и теперь воспроизводил в замедленном темпе. Первым сигналом приближавшейся беды оказалась стена, или полоса, вылетевшая откуда-то сбоку, из пустоты, на их траекторию. Она была не меньше двух километров в длину и очень точно двигалась им навстречу, пока не ударилась в них. Это могло быть только действие противника. Увеличив часть этой полосы на экране, Онегин увидел, что она не сплошная, как показалось сначала, а состоит из отдельных элементов. При взрывах защитных ракет в стене-полосе возникли бреши, но ее эффективность практически не уменьшилась. Удар свой она нанесла.

— Похоже, что это секретное оружие, — сказал Онегин.

— Что за оружие?

Секретное, чуть было не повторил Онегин, но промолчал. Жить ему еще не надоело.

— Какой-то инертный материал выброшен в пространство нам навстречу. Что за материал и как выброшен — пока не известно.

— Будет еще?

— Боюсь, что да. Хотя точно знать нельзя; быть может, они уже выпустили все, что было, за один залп.

— Больше защитных ракет! Немедленно!

— Похоже, что в первый раз от них никакого толку не было, товарищ адмирал. Если мы их сейчас растратим, то после, когда надо будет...

Он упал, сбитый с ног оплеухой Капустина.

— Ты что, приказу не подчиняешься? Ты, что ли, флотом командуешь?

— Что вы! Виноват... я только посоветовать... никогда больше не повторится, товарищ адмирал. — Онегин с трудом поднялся, по его лицу стекала струйка крови. — Выставить зонт защитных ракет?

— Все до единой. Это оружие надо остановить.

Команда еще звучала — ракеты уже пошли. Вытирая рот рукавом, Онегин запачкал китель кровью, но не заметил этого. Что ж придумать? Должен же быть какой-то выход, какое-то средство... Этот кретин адмирал ничего не соображает; а все так его боятся — никто ничего не предложит, лишь бы на глаза ему не попадаться.

— Разрешите обратиться, товарищ адмирал. Ведь, кроме ракет, можно воспользоваться и маневром. Может оказаться, что так даже лучше. Что бы там ни было в оружии мятежников — оно не управляемое. Перед ударом никакого излучения от тех штуковин замечено не было. Значит, их как-то выкинули нам навстречу. Если мы изменим скорость, то они, скорее всего, промахнутся.

— Чего? Тормозить? Ты меня за труса держишь?

— Никак нет, товарищ адмирал, что вы! Наоборот. Если добавить скорости — результат получится тот же. А мы поспешим навстречу врагу.

— Ну что ж. Давай, передай такой приказ. От этого хуже не будет.

— Главному калибру огонь прекратить! — приказал адмирал Скугаард. — Они увеличили скорость, так что последний залп пройдет мимо, позади. Но мы их хорошо потрепали. Гляньте на тот экран: по меньшей мере четверть флота выведена из строя. Еще один раз — и им крышка. Мы еще не вышли на дистанцию стрельбы малым калибром?

— Через тридцать две секунды, сэр, — ответил оператор управления огнем.

— Начинайте сразу. Надо, чтобы они налетели на стену железа.

Ажурные турели все время поворачивались — почти неза-

метно, но очень точно — и были постоянно нацелены в определенную точку пространства. Каждая такая турель представляла собой простую поворотную опору направленной антенны, на которой была закреплена пачка трубок-стволов того же диаметра, что ствол ракетного пистолета. От казенной части каждого ствола внутрь корабля уходили пластмассовые трубки, по которым беспрерывно подавались маленькие стальные ракеты. Все это было сделано наспех, грубовато, но оружие получилось чрезвычайно эффективным.

Когда космолет вышел в рассчитанную точку пространства, включились электронные системы стрельбы. Электронное зажигание выбросило первые ракеты, уже находившиеся в каждом стволе. Едва ушли одни, на их место выдвинулись следующие, потом еще и еще. У стволов не было затворов, которые должны открываться и закрываться; и поэтому темп стрельбы, ограниченный только скоростью механической зарядки магазинов, был поистине невероятным. Каждую секунду из каждого ствола вылетало в среднем 60 пуль, 480 с каждой турели. 197 таких турелей было смонтировано и установлено еще перед вылетом флота в лихорадочной спешке. Все прочие работы по наладке производились уже в пути. И усилия полностью оправдались.

Каждую секунду из этих стволов вылетало 94 560 ракетных пуль: почти две с половиной тонны стали. Когда через минуту стрельбу прекратили — в сторону земного флота унеслось свыше 141 тонны металла. Во время стрельбы постоянно производилась корректировка прицела, включавшая расчет вероятных маневров противника.

Невидимая масса уносилась все дальше и дальше вперед. На экранах радаров она казалась искрящейся дымкой, которая вскоре исчезла из виду. Компьютер, направлявший микроракеты, теперь вел обратный отсчет времени к моменту их встречи с флотом Космических сил. Сначала минуты, потом секунды... Все ближе и ближе к нулю... Есть!

— Бог ты мой!.. — ошеломленно пробормотал Ян.

Оптический экран осветился множеством взрывов: стальное облако привело в действие взрыватели всех защитных ракет почти одновременно. Космос пылал пламенем атомных и химических зарядов; огненные тучи разносились все шире, сливаясь друг с другом, словно пытались скрыть трагедию, происходившую за этой завесой.

Пролетев сквозь все расширявшееся облако, повстанцы увидели вражеский флот. У адмирала Скугаарда пушки были нацелены и ракеты готовы к пуску, — но, едва глянув, он скомандовал отбой. И молча отвернулся от экрана: большинство погибших он знал, со многими дружил когда-то.

Там, где был целый флот космических кораблей, теперь остались только обломки рваного, искореженного металла. А с ними перемешаны останки адмирала Капустина и всех тех, кто служил под его командой. Земной флот прекратил свое существование: обе эскадры были уничтожены одним и тем же способом, с интервалом в несколько секунд.

Скоро два облака обломков и трупов остались позади.

А впереди лежала Земля.

Глава 20

— Мне пора к самолету, — сказала Двора. — Все уже на борту.

Устав сидеть, она выбралась наружу и прислонилась к машине. Ночь была теплой, струи воздуха поднимались от нагретой земли, в них мерцали звезды. Вдоль взлетной полосы затемненного аэропорта стояли черные силуэты транспортных самолетов. На боку у Дворы висела сумка с боеприпасами и каска, на плече автомат. Амри Бен-Хаим стоял рядом с ней, в темноте красной искрой светилась его трубка.

— Спешить некуда, Двора, — сказал он. — До вылета еще не меньше получаса. А солдаты твои — взрослые люди, их не надо за ручку держать.

— Взрослые! — фыркнула Двора. — Фермеры да университетские преподаватели. Как они себя поведут, когда в них полетят настоящие пули?

— Отлично себя поведут, я уверен. Обучены они прекрасно, не хуже тебя. Только у тебя есть кое-какой боевой опыт, а у них пока нет, но ты можешь на них положиться.

В машине пискнуло радио.

— На связь вызывают, — сказал шофер.

— Ответь моим кодом, — попросил Бен-Хаим.

Внутри послышалось короткое бормотание. Шофер высунулся из окна.

— Там только два слова. *Бет доар.*

— Почта? — воскликнул Бен-Хаим. — Значит, удалось. Взя-

ли Хартумскую станцию. Скажи Блонштейну, что ситуация — как он выражается — пошла. И иди в самолет. Нечего тебе тут болтаться.

Двора надела каску, включила микрофон, передала сообщение. Потом заговорила:

— Да... да, генерал. Будет сделано. — Она повернулась к Бен-Хаиму. — Генерал Блонштейн просит, чтобы вы приглядели за Израилем, пока его нет. Он хотел бы найти страну на месте, когда вернется.

— Я тоже. В следующий раз будешь с ним говорить — передай, что это зависит от него, а не от меня. А я буду сидеть на пороге и ждать, что там у вас получится. По крайней мере, пока будет на чем сидеть.

Двора быстро поцеловала его в щеку и побежала к самолетам; скоро шаги ее затихли в темноте.

Бен-Хаим стоял неподвижно и смотрел, как могучие самолеты запускают моторы. Из выхлопных труб вылетало пламя, потом исчезало, когда регулировались дроссели... Первая машина уже тронулась с места и теперь разгонялась все быстрее и быстрее, пока не поднялась в воздух. Остальные двигались следом с интервалом в несколько секунд. Работали обе полосы: беспрерывный поток проносящихся черных теней внезапно иссяк. Грохот моторов стал уменьшаться — и замер; вернулась тишина. Трубка у Бен-Хаима погасла; он постучал ею о каблук, выколачивая пепел. Он не испытывал ни подъема, ни сожаления — только огромную усталость после долгих дней напряженной подготовки. Теперь все. Кости брошены, изменить ничего уже нельзя. Он повернулся к машине:

— Все в порядке. Можем ехать домой.

А в небе — невидимые самолеты кружили над морем, набирая высоту. Воздушное пространство Израиля слишком мало для этого, а над соседними странами летать не стоило: радары там не опасны, но люди могли удивиться, кто там летает у них над головой среди ночи. Снова над Израилем самолеты появились на высоте больше шести миль; на земле звук моторов был уже не слышен. Выстроившись в два клина, они направились на юго-восток, вдоль Красного моря.

Григор выглянул в иллюминатор самолета и прищелкнул языком.

— Двора, — позвал он, — то, что я вижу, не слишком кошерно.

— Стадо свиней?

— Нет, с такой высоты их даже с моим зрением не разглядеть.

Григор был математик, ужасно рассеянный, наверное, самый скверный солдат в ее взводе. Но стрелял он потрясающе: в мишень попадал при любой спешке, всегда, а это качество редкое.

— Я не про свиней; я про то, куда мы летим. Мы должны напасть на космоцентр на западе Соединенных Штатов. Я знаю, не злись!.. Его название, которое стерли на всех картах, даже дети знают... Но как бы там ни было — когда мы поворачивали, Полярную звезду было очень хорошо видно, она осталась у нас позади. Значит, мы летим на юг. Вот я и подумал, что тут не все чисто. Или у наших самолетов такие баки, что до Америки можно через Южный полюс лететь?

— Мы летим не совсем прямо.

— Не очень понятно ты объяснила, Дворушка, — сказал пулеметчик Василь.

Все вокруг наклонились в ее сторону, прислушиваясь к разговору.

— Хватит секретничать, — произнес один из солдат. — Кому мы тут проболтаемся?

— Я могу вам сказать только об этой части полета, — согласилась Двора. — А остальное только после дозаправки. Сейчас мы летим на юг, над морем. Но очень скоро — над Нубийской пустыней — повернем на запад. Там есть — точнее была — радарная станция в Хартуме, но о ней уже позаботились. Она была единственной, которая могла нам помешать, потому что во всей Африке до самого Марокко ни одной больше нету...

Она запнулась и умолкла.

— А потом? — настаивал Григор. — Быть может, это как-то связано с большим черным крестом? Я нашел его на боку нашего самолета, когда помогал бумагу сдирать, нынче вечером. Мы что, под чужим флагом плывем, как пираты?

— Это совершенно секретно...

— Ну Двора, ну пожалуйста!

— Ну ладно, вы правы, конечно. Теперь уже никакого вреда не будет, скажу. У нас есть — как бы это сказать, — у нас есть агенты в руководстве ООН, на очень высоких постах. — Или мы у них есть, подумала она про себя. Но теперь сомне-

ния недопустимы. Даже если это ловушка — им предстоит идти только вперед, к кровавому концу. — Так вот, мы знаем, что германские войска посылаются в Мохаву, на помощь гарнизону космического центра. На наших самолетах их код и опознавательные знаки. Мы хотим явиться вместо них.

— Не так просто это будет, — усомнился Григор. — Наверно, есть еще что-нибудь, чего ты нам не говоришь...

— Конечно. Но добавить могу только одно. Мы летим на час раньше немецких самолетов. Потому и с вылетом тянули. Очень важно двигаться точно по графику. С тех пор как мы поднялись в воздух, никакой связи с землей у нас нет. С того момента все происходит только по расписанию. Так что — отдыхайте, пока есть возможность.

Медленно, ровно под ними проплывала темная карта Африки. В затемненных самолетах почти все спали; только летчики были настороже и следили за приборами, контролируя работу автопилотов. Генерал Блонштейн, сам отличный летчик, сидел в командирском кресле головного самолета. С такой высоты хорошо было видно, как за бледными пустынями Марокко возникает чернота Атлантического океана. Зашуршал приемник:

— Я Рабат. Диспетчерская вызывает Эйрфорс, маршрут четыре-семь-пять. Как меня слышите?

— Эйрфорс четыре-семь-пять, слышу вас, диспетчер.

Радиосвязь была простой формальностью. Наземная станция уже включила автоответчики всех самолетов, и те передали данные, заложенные в память, включая опознавательный код, маршрут и пункт назначения.

— Можете лететь на Азоры, Эйрфорс. — Какое-то время слышно было приглушенное бормотание. — Мы отметили на вашем полетном графике, что у вас опережение пятьдесят девять минут. Пятерка и девятка. На пятьдесят девять минут раньше графика идете. Как поняли?

— Сильный попутный ветер, — спокойно ответил Блонштейн.

— Понял вас, Эйрфорс. Отбой.

Этот разговор на частоте диспетчерской аэродрома слышали и другие уши. В небольшой роще у прибрежной автострады прятался человек в бурнусе. Параллельно автостраде тянулась высоковольтная линия электропередачи. Человек внимательно вслушивался в разговор, хмурясь от напряжения,

когда старался выловить слова из треска помех в небольшом дешевом приемничке. Приемник умолк, но он еще подождал немного, чтобы убедиться, что связь закончена. И ничего больше не услышал. Тогда он кивнул... И наклонился, чтобы нажать кнопку на коробке, стоявшей у его ног.

Ночь осветилась яркой белой вспышкой. Через несколько секунд до него докатился звук взрыва. Одна из опор линии в двадцать тысяч вольт начала клониться, быстрее и быстрее — и рухнула на землю. Взлетел красочный фейерверк громадных искр, и все снова погрузилось во тьму.

И половина Рабата погрузилась во тьму. И то, что радиомаяк оказался в этой погасшей половине, — было отнюдь не случайно.

Весь дежурный персонал аэропорта Крус-дель-Люс на острове Санта-Мария крепко спал. В последнее время очень редкие самолеты останавливались для заправки на Азорах, так что ночная смена быстро привыкла бодрствовать только в дневные часы. Предполагалось, что кто-то заводит будильник, чтобы встретить прибывающий борт, — но это, по сути, было ни к чему. Радио разбудит.

Оно и разбудило. Голос, раздавшийся из настенного динамика, вырвал капитана Сармьенто из глубокого сна. Он вскочил с дивана, споткнулся, больно ударился обо что-то голенью... Наконец нашел выключатель лампы.

— Я Крус-дель-Люс, слушаю вас.

Спросонья голос у него был хриплый. Капитан закашлялся и отхаркнул в корзину для бумаг, шаря тем временем руками по столу в поисках нужной распечатки.

— Я Эйрфорс, маршрут четыре-семь-пять. Прошу разрешения на посадку.

Он еще договорить не успел, как Сармьенто нашел-таки распечатку. Да, та самая.

— Можете садиться на первую полосу. Автоматика на вас уже включена. — Он с удивлением глянул на цифры распечатки, потом на часы. — Вы прибыли на час раньше графика, Эйрфорс...

— Попутный ветер.

Сармьенто устало рухнул в кресло и недовольно посмотрел на свою заспанную, неряшливую команду, входившую в его кабинет. Настроение у него было скверное.

— Вы, сукины дети! Большая заправка, первый раз за пол-

года, самое важное задание за время войны, — а вы валяетесь, как свиньи в хлеву!..

Сармьенто с воодушевлением продолжал в том же духе, а его подчиненные, съежившись, заторопились по местам. Они дорожили своей работой и не хотели ее терять.

На полосе ярко вспыхнули огни, в конец ее промчалась пожарная машина... Из темноты ударили снопы света от посадочных фар самолета — первый из прибывших проревел над головой и шлепнулся на бетон полосы. Они садились один за другим, а автоматика тут же разводила их по заправочным точкам. Компьютеры управляли абсолютно всем, до последней мелочи. В надлежащем месте выключались моторы и включались тормоза. От каждой заправочной колонки поднялась телевизионная камера и пошла вдоль крыльев, отыскивая заправочные горловины. Едва они были найдены, шарнирная механическая рука открывала крышку и вставляла заправочный шланг; начиналась закачка топлива. Датчики в баках следили, чтобы не было перелива и брызг. Роботы усердно трудились, а самолеты оставались темными и безмолвными. И закрытыми. Все — кроме одного.

В нем открылась дверь, из нее выполз трап и опустился на землю. По ступенькам быстро спустился человек в форме и решительно зашагал вдоль заправочной линии. Возле одного из колодцев его что-то заинтересовало, он наклонился и пригляделся. Из диспетчерской вышки было видно лишь его спину — нижняя часть тела в тени, — и никто не заметил, как из его кителя что-то упало в колодец. Он распрямился, одернул мундир и продолжил путь к освещенной вышке.

Сармьенто замигал, глядя на офицера, и ощутил себя замарашкой. Черный мундир отутюжен, сидит как перчатка, пуговицы и галуны сверкают золотом... На шее мальтийский крест, на груди ордена, а один глаз закрыт моноклем. Сармьенто, охваченный смущением, поднялся.

— Шпрехен зи дойч? — спросил его гость.

— Извините, сэр, но я не понял, что вы сказали.

Офицер нахмурился и заговорил по-португальски с сильным акцентом:

— Я пришел подписать квитанцию.

— Да, разумеется, ваше превосходительство. — Сармьенто махнул рукой в сторону компьютера. — Но квитанция будет готова только после окончания заправки.

Офицер коротко кивнул и стал расхаживать по кабинету взад-вперед. Сармьенто сделал вид, что чем-то занят. Оба они обернулись, когда звякнул звонок и из компьютера появились отпечатанные бланки.

— Здесь и здесь, пожалуйста, — показал Сармьенто, даже не глядя на бумагу. — Благодарю вас.

Он оторвал нижний экземпляр и передал его немцу; и с облегчением смотрел, как тот повернулся и зашагал к своему самолету. Только когда он наверняка уже был на борту, Сармьенто взял со стола квитанции, чтобы подшить. Странные имена у этих иностранцев. И почерк угловатый, прочитать трудно. Похоже, Шикльгрубер... Да, Адольф Шикльгрубер.

Торопливые руки втянули офицера в самолет и захлопнули дверь, едва он очутился внутри.

— Сколько времени прошло? — быстро спросил он.

— Почти двадцать восемь минут. Надо взлетать, пока они не начали радиосвязь.

— Может, они опаздывают...

— А может быть, и раньше времени появятся, если наш попутный ветер на самом деле дует. Рисковать нельзя.

Первые самолеты уже взлетели, исчезая во мраке. Головной стартовал последним, уходя за остальными в ночную мглу. Но вместо того чтобы набирать высоту, он сделал круг над океаном и вернулся к летному полю. И низко пролетел вдоль полосы.

— Вон она, пожарная, уже у ангаров, — сказал кто-то.

— А люди все в здании. Нет, вон один в дверях стоит, машет, — увидел Блонштейн. — Давайте, мигнем ему светом на прощанье.

На этот раз они уходили на запад, в океан. Блонштейн прижимал к голове наушники и слушал, моля Бога о времени. Пока все в порядке: никаких вызовов не слышно.

— Ну, хватит, — сказал он наконец.

Сдвинул красную крышку и нажал кнопку под ней.

Сармьенто услышал глухой удар и глянул в окно — в воздухе взвился высокий столб пламени. Ярко горело авиационное топливо. Со всех сторон выли сирены, трещали принтеры... А радио автоматически начало передавать загодя заготовленное аварийное предупреждение.

Германские десантные транспорты были над африканским побережьем, когда приняли это предупреждение.

— Меняем курс, — приказал командир, выводя на экран карту. — У них там какая-то авария, в подробности не вдаются. Так или иначе, мы летим в Мадрид.

Командир был озабочен новым курсом и остатком горючего в баках... Ему и в голову не пришло связаться с аэропортом Крус-дель-Люс, чтобы узнать, что там стряслось; ему больше нечего было там делать. Поэтому замотанный, перепуганный и ужасно расстроенный капитан Сармьенто оказался избавлен еще от одной проблемы, которая могла бы добавиться ко всем прочим, мучившим его теперь. Ему не пришлось ломать голову, гадая, почему нынче ночью в полетном графике под одним и тем же номером и с одним и тем же опознавательным кодом оказались два разных маршрута.

Глава 21

— Ну, половина дела сделана, — удовлетворенно сказал адмирал Скугаард, когда обломки вражеского флота исчезли позади. — Я и не надеялся, что получится так легко. Мы сработали, как Нельсон при Трафальгаре. Даже лучше, если учесть, что я остался жив. А у нас ни единой царапины. Если не считать того человека, которому ваше ядро сломало ногу. Как насчет коррекции курса?

— Рассчитана, сэр, — доложил оператор. — Двигатели включатся через четыре минуты, чуть больше.

— Прекрасно. Как только выйдем на новую траекторию, вся вахта, кроме старших офицеров, может покинуть посты и пообедать. — Он повернулся к Яну. — У высокого ранга свои преимущества, я буду обедать сразу же. Составите мне компанию?

До сих пор Ян совершенно не задумывался о еде. Но едва стало спадать напряжение последних часов, он почувствовал, что очень проголодался.

— Спасибо, адмирал. С удовольствием.

Когда они вошли в адмиральскую каюту, стол уже был накрыт и сам шеф-повар выставлял на стол последние блюда. Адмирал обменялся с шефом несколькими фразами на непостижимом гортанном языке; они вместе рассмеялись какой-то шутке.

— Сморгасборд!.. — Ян вытаращил глаза. — Я такого не видел уж и не помню, с каких пор!..

— Столколдборд, — поправил адмирал Скугаард. — Шведское название гораздо более известно; но это, знаете ли, разные вещи. Мы, датчане, любим свою кухню. Я всегда вылетаю с полной кладовой. Сейчас она почти опустела, — вздохнул он. — Нам надо поскорее выиграть войну! За победу!

Они подняли рюмки и осушили их одним глотком. Повар тут же наполнил их вновь из бутылки, стоявшей в ведерке со льдом. Высокой горой громоздились густо намазанные бутерброды из ржаного хлеба с селедкой самого разнообразного приготовления. Холодная говядина с тертым хреном, икра с яйцами, и так далее и так далее — и все это под холодное датское пиво. На них напала прожорливость победителей, чудом оставшихся в живых. Разбив противника, они продлили свое существование, по крайней мере на какое-то время. Ешь и пей, пока жив, — никто не знает, что принесет завтрашний день.

После кофе, с которым поместилось еще и по кусочку сыра, они вернулись мыслями к заключительной фазе сражения.

— Вы не поверите, у меня было просчитано почти три десятка разных программ будущих действий при разных исходах боя, — сказал Скугаард. — Нам выпал идеальный вариант, наилучший. Номер один. Так что следующая моя проблема — чтобы нынешний план действий остался тайной для противника. Смотрите сюда.

Он разложил на столе ножи, вилки, солонку и горчицу.

— Вот мы. Наша эскадра — нож. Рядом с нами вилка — вторая эскадра. Вот Земля, а вот направление нашего полета. Оставшиеся неприятельские корабли в двух рассредоточенных группах: здесь и здесь. Сейчас они уже должны быть на траектории перехвата, но вмешаться не успеют. Прежде чем они выйдут на эту точку, наши корабли захватят вот эти ложки, энергетические сателлиты. Как вы знаете, там зеркала превращают солнечную энергию в электричество и посылают ее на Землю в виде микроволн. Эта энергия питает сети Европы и Северной Америки. Значит, там станет очень неуютно, когда мы ее отключим. Отключим все сателлиты разом, в одну секунду. Если хоть чуточку повезет, мы им устроим хорошее затемнение. Это, конечно, не всерьез, мы им только неудобства доставим кое-какие. У Земли достаточно других источников энергии, которые они могут подключить, так что в долговременном плане это вообще ничего не значит, — но нам важен данный момент. Я надеюсь, что они попытаются выбить нас с сателлитов. Это придется делать врукопашную: они побоятся

ударить ракетами, чтобы не разрушить собственные сателлиты. А мы можем с чистой совестью бить по их кораблям. Интересный будет бой. Но совершенно несущественный. Диверсия, отвлекающая операция, не более того. Вот сюда, — он постучал по ножу, — сюда им надо смотреть.

Нож двинулся в сторону, обогнув одну тарелку, и стал возвращаться к другой, на которой лежало несколько кремовых пирожных.

— Это Луна. — Скугаард тронул первую тарелку. — Это Земля. — Он показал на вторую, потом взял с нее пирожное. — Будем считать, что наша диверсия отвлекла какую-то часть их сил. Следующая задача — прорваться сквозь те, что остались.

— Следующая задача... — перебил Ян. — Это здесь мы координируем свои действия с нападением на космоцентр в Мохавской пустыне?

Скугаард слизнул с пальца остатки крема.

— Вот именно. Я очень надеюсь, что с потерей основных сил флота, с захватом сателлитов, с вынужденным затемнением и со сбоями в энергоснабжении, с саботажем со стороны Сопротивления — со всем этим они на какое-то время просто забудут о Мохаве. Если ваш друг — будем надеяться, наш общий друг — Тергуд-Смит говорит нам правду, то у него окажется очень много дел: он постарается усилить общую сумятицу. В любом случае — победим мы на сателлитах или нет — суматоха там будет большая. — Он положил второй нож рядом с первым и повел их вокруг тарелки к обратной стороне Луны. — Вот здесь я снова разделю свои силы. Когда мы по ту сторону Луны, земные станции за нами следить не могут. А когда пройдем вот эту точку, здесь, — окажемся за горизонтом для самой дальней станции оповещения. И как раз тут мы запускаем двигатели и меняем курс. Главные силы эскадры отклоняются совсем немного, — он чуть повернул один нож, — только для того, чтобы не выскочить прямо на ракеты защитников, которые к тому времени уже будут ждать на прежнем курсе. А два корабля резко уходят в сторону: наш и десантный транспорт. Мы меняем траекторию и разгоняемся. Вылетаем из-за Луны, как грузик на веревочке, и выходим вот сюда. Выходим далеко от оборонительных ракет и движемся прямо к Земле.

— И эта траектория выходит на Мохаву?

— Вот именно. «Даннеборг» будет обеспечивать прикрытие. Ракетный зонт против всего, что может подняться с Земли. Это будет несложно, потому что их ракетам придется разгоняться против силы тяжести. У нас будет масса времени, чтобы спалить их на взлете. А лунные базы останутся у нас за спиной, — но их можно не бояться: им подкинут несколько бомб и подсыпят наших железных ядер — им станет не до нас.

— У вас все слишком просто выходит, — усомнился Ян.

— Да, знаю. Но просто не получится. На войне просто не бывает. Ты можешь планировать что угодно, но потом вмешивается случайность и человеческий фактор — и конечный результат заранее не известен никогда. — Он налил водки из запотевшей бутылки и опрокинул рюмку прямо в горло. — Еще несколько рюмочек, потом выспаться хорошенько — посмотрим, что нас ждет, когда выскочим из-за Луны. Вам, наверное, тоже не мешает отдохнуть. А если вы человек верующий — молитесь, чтобы ваш странный зять на самом деле был на нашей стороне.

Ян лег, но ему не спалось. С неимоверной скоростью неслись они навстречу неизвестной судьбе. К этому как-то примешивалась Двора; ему не надо было бы думать о ней, но думалось... И Халвмерк, друзья его и все остальные там... И жена... Световые годы отделяли их друг от друга, и в последнее время он почти не вспоминал о ней. Эта война, эти бесконечные убийства — все это скоро кончится; так или иначе, но кончится. А Тергуд-Смит? В этом уравнении со многими неизвестными он был решающей переменной. Сработает его план — или это только хитроумная изощренная ловушка, чтобы их всех уничтожить?.. Живые и мертвые, ракеты, ядра и космолеты — все смешалось у него в голове.

Зажужжал будильник — он проснулся. Значит, спал все-таки. Сквозь туман полудремы он стал вспоминать, с какой стати завел будильник, — и вдруг ощутил под ложечкой тугой, напряженный ком. Сражение вступает в решающую фазу!

Адмирала Скугаарда Ян застал в философском настроении. Адмирал задумчиво слушал бормотание компьютеров и кивал, поглядывая на экраны дисплеев.

— Вы слышали? — спросил он Яна. — Главный калибр снова ведет огонь по невидимым целям, которые будут уничтожены задолго до того, как мы до них долетим. Вы задумывались, какая точность, какое математическое искусство требуется для этого? Мы-то принимаем все как само собой разумеющееся, а

я вот думаю: сколько лет понадобилось бы, чтобы рассчитать все вручную? Гляньте-ка, — он показал на изрытую кратерами поверхность Луны, медленно проплывавшую под ними. — Я дал компьютерам точные фотокарты Луны. И отметил на них три ракетные базы, расположенные со стороны Земли. А потом просто-напросто задал им команду подавить эти точки пушечной стрельбой. Как раз этим они сейчас и занимаются. А для ведения огня нужно наблюдать Луну и нашу траекторию, определять скорость и высоту... И нахождение баз определить по отношению к этой траектории, и рассчитать новую траекторию для ядер, а там должны быть учтены и наша скорость, и скорость вылета ядер, и точный угол, который выведет их траектории на заданные точки нахождения ракетных баз... Изумительно! — Но тут он глянул на часы, и его приподнятое настроение исчезло, уступив место спокойной собранности, которую он уже проявил во время первого боя. — Через три минуты над горизонтом покажется Земля. Сейчас увидим, чем нас там встречают.

По мере того как атмосфера Земли медленно поднималась над лунным горизонтом, шуршание разрядов в радиоприемниках сменялось невнятными голосами, которые стали гораздо отчетливее, едва они выдвинулись на линию видимости станций. Компьютеры сканировали все частоты космической связи, перехватывая вражеские сообщения.

— Активность там высокая, — сказал Скугаард. — Значит, основательно их потревожили. Но у них осталось несколько хороших командиров; каждый гораздо лучше покойного товарища Капустина. Однако если Тергуд-Смит делает свое дело — они будут получать противоречивые приказы. Будем надеяться на это, ведь иногда и мелочь помогает.

Теперь голубой шар Земли был уже весь на виду. Все пространство заполнилось паутиной радарных сигналов, которые тотчас сменялись более точными лазерными, как только радары обнаружили повстанцев. Когда это произошло — атакующий флот нарушил радиомолчание и сам повел радиолокационную разведку. Дисплеи заполнились цифрами и кодовой символикой.

— Могло быть и получше для нас, — сказал Скугаард, — но могло быть и гораздо хуже.

Ян молча смотрел, как адмирал запрашивает расчеты курсов, оценки скоростей схождения, углов — все математические

подробности, существенные в космической войне. Скугаард не спешил, хотя уносились тысячи миль, пока он обдумывал решения. Принятое решение исправить уже невозможно, потому оно должно быть верным.

— Свяжитесь с первой эскадрой открытым текстом. План семь. Потом запросите шифрованный рапорт от второй.

Скугаард подождал, потом кивнул Яну:

— Противник раскинул широкую сеть. Я сделал бы то же самое — не стал бы рисковать, концентрируя все силы на двух-трех направлениях. Они прекрасно понимали, что из-за Луны мы появимся не на тех же орбитах, на каких они нас видели в последний раз. Для нас это и хорошо и плохо. Хорошо для первой эскадры. Они выходят прямо на две важнейшие колонии комплекса «Лагранж», на промышленные сателлиты. Будут они пытаться брать эти колонии или нет — полностью зависит от того, насколько плотно их будут преследовать. Это мы скоро узнаем, когда закончатся корректировки неприятельских курсов. Силы противника очень широко растянуты, организовать преследование они смогут не сразу. Но для нас это может оказаться очень опасно: они могут бросить нам наперехват больше кораблей, чем мне хотелось бы. Ладно, будем надеяться, что они ошибутся в выборе главной цели.

— Что вы имеете в виду?

Скугаард показал на экране изображение десантного транспорта, летящего рядом:

— В данный момент все зависит от этого корабля. Если его выбивают — мы наверняка проигрываем войну. Сейчас его траектория выходит на Центральную Европу. Им придется подумать, что бы это значило. Но во время торможения курс корабля — и нашего тоже — изменится и приведет нас к Мохаве. Точно через час после начала израильской атаки. С нашей помощью база будет захвачена и ракетные установки обезврежены. А потом мы сможем отразить любое нападение из космоса — либо разрушить базу, если нас будут атаковать наземные силы. Но если они собьют этот транспорт — кранты! Мы не возьмем базу, потому что израильтян там контратакуют и уничтожат, — и война закончится нашим разгромом... Минутку! Вторая эскадра что-то передает...

Адмирал начал читать рапорт и расплылся в широкой улыбке.

— Молодцы! Лундвалл захватил все три энергетических са-

теллита!.. — Улыбка его погасла. — Они отбили перехват Космических сил. Мы потеряли два корабля.

Тут нечего было сказать. Захват энергетических спутников и орбитальных колоний был бы чрезвычайно важен для скорейшего окончания войны, но только после взятия космоцентра. А в данный момент обе эти операции предпринимались главным образом для того, чтобы расчленить силы противника и обеспечить проход десантного транспорта. Насколько успешны оказались диверсии — не узнать, пока не определились новые курсы земных кораблей.

— Предварительная оценка, — бесстрастно сообщил компьютер. — Восемьдесят процентов вероятности, что на перехват альфе-один выйдут три корабля.

— Я надеялся, что всего один, в крайнем случае два, — сказал Скугаард. — Такое соотношение сил меня не радует. — Он обратился к компьютеру: — Дай-ка данные этих трех кораблей.

Пришлось подождать. На радарных и лазерных экранах приближавшиеся космолеты виднелись отчетливо, но в пространстве выглядели крошечными точками. Пока невозможно было рассмотреть их форму, опознавательной программе приходилось отыскивать иные, косвенные признаки идентификации. По градиенту ускорения при перемене курса можно было определить, какие двигатели у этих кораблей. Когда они переговаривались друг с другом, можно было выяснить их опознавательные коды. Все это требовало времени — а дистанция между кораблями противников быстро сокращалась.

— Опознаны, — доложил компьютер.

Скугаард резко повернулся к экранам, по которым помчались колонки цифр, гораздо быстрее, чем их можно было прочесть вслух.

— *Тил хелведе!* — сказал он с холодной яростью. — Тут что-то не так. Хуже некуда. Их не должно быть здесь. Это самые мощные штурмовые корабли, вооруженные до зубов всем, что только есть на Земле. Тут нам не пройти. Считай, что мы уже покойники.

Глава 22

Летом в Мохавской пустыне никаких сомнений относительно погоды быть не может. В зимние месяцы, случается, появляются облака или даже дождь выпадет вдруг — тогда

пустыня становится непривычно зеленой и покрывается мелкими цветочками, которые вянут через несколько дней. Красиво. Но летом такое немыслимо.

Перед рассветом температура может упасть до 38 градусов. У американцев, яростно сопротивляющихся введению метрической системы, это до сих пор означает 90 по Фаренгейту. Так вот, перед рассветом может быть 38 градусов — чуть прохладнее, — но и все. А потом появляется солнце.

Едва появившись над горизонтом, оно пылает, как раскрытая топка. К полудню 60 — или 130 — это в порядке вещей.

Небо на востоке уже посветлело, но температура оставалась еще сносной, когда стали приземляться самолеты. Диспетчерская аэропорта в космоцентре была с ними в контакте уже с тех пор, как они начали снижаться над Аризоной. Восходящее солнце тепло мерцало на блестящих фюзеляжах, когда самолеты ныряли вниз, навстречу огням посадочной полосы.

Лейтенант Пэккер, зевая, смотрел, как первые машины подруливают к стоянкам. Большие черные кресты на бортах. Фрицы. Лейтенант не любил фрицев, потому что в параноидальных исторических книжках, на которых он вырос, они относились к числу врагов демократии. Кроме них, там были еще коммунисты, русские, шпионы и негры — и много кто еще, ужасно много. Так много было нехороших парней, что иногда просто трудно было понять, где же их нет, и приходилось как-то мириться с ними. Но лейтенант все-таки ухитрялся испытывать к фрицам легкую неприязнь, хотя прежде ни одного не встречал. Почему бы эту стратегическую базу не защищать нормальным американским ребятам?.. Конечно, они здесь тоже были — хотя бы его собственная рота, — и, конечно, космоцентр международный, сюда могли назначить части любого государства ООН. Но фрицы!..

Затихали моторы, медленно разворачивались разгрузочные трапы. Из первого самолета появилась группа офицеров и двинулась в сторону Пэккера. Следом за ними горохом посыпались солдаты и стали выстраиваться в колонну. Пэккер не слишком внимательно читал «Формы армий мира», но генеральские звезды мог узнать и так, без помощи брошюры. Он вытянулся по стойке «смирно» и откозырял.

— Лейтенант Пэккер, третья бригада мотопехоты.

Офицеры ответили на его приветствие.

— Генерал фон Блонштейн, — сказал старший. — *Хеересляйтунг.* Где есть наш транспорт?

Говорил он точь-в-точь как фриц из одного старого фильма.

— С минуты на минуту будет, генерал. Из автопарка уже выехали. Мы ждали вас только...

— Попутный ветер, — перебил генерал. Потом отвернулся и что-то скомандовал на своем языке.

Лейтенант Пэккер с тревогой увидел, что построившаяся колонна двинулась в сторону ангаров. Лейтенант обошел генерала и встал перед ним, но тот не обратил на него никакого внимания. Пришлось собраться с духом и заговорить:

— Извините, сэр, но приказ... Транспорт уже подается, вон уже первые машины появились, ваших людей доставят в казармы...

— Карашо, — ответил генерал и снова отвернулся.

Пэккер опять встал прямо перед ним.

— Вам нельзя двигаться к ангарам, там запретная зона...

— Слишком жаркий. Они надо тень.

— Но нельзя же! На самом деле нельзя! Я обязан доложить об этом...

Он потянулся к рации, но один из офицеров сильно ударил его по руке рукоятью пистолета. А потом той же рукоятью ткнул в ребра, так что дух перехватило. Говорить Пэккер не мог; только пытался вдохнуть, держась здоровой рукой за разбитые пальцы.

— На этом пистолете глушитель, — сказал генерал. Никаких следов акцента у него вдруг не осталось. — Делай, что я скажу, *или тебя пристрелят на месте. Сейчас поворачивайся и* иди вон к тому самолету, вместе с этими людьми. Одно слово, одно лишнее движение — и ты мертвец. Иди. — И добавил по-еврейски: — Сделайте ему укол и оставьте там.

Когда заглох последний мотор, компьютер диспетчерской вышки отключил программу приземления и разводки самолетов и сам выключился, подав сигнал, что операция закончена. Один из операторов взялся проверить результаты визуально, с помощью полевого бинокля. Все самолеты на местах; вокруг масса грузовиков и автобусов — он не станет чистить рампы, пока они не уберутся... Встречавший офицер идет к самолету вместе с двумя вновь прибывшими... Не иначе, как у них там бутылка припасена. Вояки везде одинаковы, и немцы ничуть не лучше американцев. Такие же скандалисты, пьяницы и драчуны. Хорошо, что их почти все время взаперти держат, за проволокой.

— В кузов давай, не сюда, — сказал капрал-американец немецкому солдату, который открыл дверь кабины и полез внутрь.

— Йа-йа, гут, — ответил тот, не обращая на него ни малейшего внимания.

— Бог ты мой, я ж тебе сказал! Не понимаешь? Лезь давай, в дер кузов, падла...

Он с изумлением вытаращил глаза, увидев, что немец тянется к его ноге. Хлопнул его по бедру ладонью, что-то укололо... Капрал хотел запротестовать, открыл рот, — но сник и повис на руле. Израильтянин щелкнул предохранителем и сунул плоский шприц в карман, потом оттащил капрала от руля; тем временем открылась дверца со стороны водителя, и в кабину скользнул еще один. Снял каску, положил на сиденье рядом и надел полевую фуражку капрала. Генерал Блонштейн посмотрел на часы.

— Сколько еще времени нужно?

— Три-четыре минуты, не больше, — ответил адъютант. — Загружаются последние машины.

— Хорошо. Никаких проблем не было?

— Ничего серьезного. Кое-кто вопросы задавал — их усыпили. Но мы пока не подходили к охраняемым зданиям и воротам.

— И не надо подходить, пока все не займут свои места. Сколько еще до начала?

— Шестьдесят секунд.

— Пошли. Последние пусть догоняют. График нарушать нельзя ни при каких обстоятельствах.

Взвод разместился в кузове, Василь сидел за рулем тяжелого грузовика, а Двора рядом с ним, в кабине. Длинные волосы она собрала в узел и упрятала под каской, на лице — ни следа косметики.

— Сколько еще? — спросил Василь.

Он тронул ногой акселератор, мотор взревел в ответ... Она глянула на часы.

— Если все по графику, то вот-вот. В любую секунду.

— Большое место, — сказал Василь, оглядывая вспомогательные вышки, порталы подъемных кранов и складские здания, уходившие вдаль за проволочным забором. — Захватить его — может, и захватим. Но удержать — ни за что не удержим.

— Ты же слышал последний инструктаж. Нам на помощь подойдут подкрепления.

— Но ты не сказала, откуда они возьмутся.

— Конечно. Так что, если тебя схватят, сказать ничего не сможешь.

Василь холодно улыбнулся и похлопал по гирлянде гранат, висевших у него на шее:

— Меня схватят только мертвым. Так что говори, не бойся.

Двора улыбнулась тоже и показала пальцем вверх:

— Помощь придет оттуда.

— Ты заговорила словно раввин, — хмыкнул Василь и отвернулся.

В этот момент ее рация пронзительно запищала.

— Пошел! — приказала Двора, но он уже успел нажать на акселератор. — Стрелки́ на месте?

— На месте, — ответила рация прямо ей в голову.

Она подтянула ремешок каски, чтобы закрепить на месте шлемофон. Громадный грузовик завернул за угол складского здания и остановился возле будки военной полиции. Ворота, преграждавшие путь, были заперты. В окне появился хмурый жандарм.

— Ты в рапорт попадешь, приятель. Потому что ты дурак и заблудился. У вас пропуска нету, и вам тут делать нечего. Мотай...

Время безобидных уколов прошло. Через прорезь в тенте грузовика просунулся ствол пулемета и затрясся длинной очередью. Глушитель на стволе сделал выстрелы не громче кашля; звон разбитого стекла и стук пуль по металлу были гораздо слышнее. Второй пулемет с другой стороны покончил со вторым жандармом.

— Тарань! — скомандовала Двора.

Тяжелый грузовик рванулся вперед. Заскрежетало рвущееся железо, ворота рухнули — машина покатилась прямо по ним. Где-то вдали завыли сирены, потом послышались приглушенные взрывы.

Двора знала маршрут наизусть, но не хотела рисковать и потому держала на коленях развернутую карту.

— Следующий угол — налево. — Она вела пальцем по красной линии, прочерченной на плане. — Если не встретим сопротивления, то мы уже почти у цели. Там прямо — и приехали.

Они двигались по бетонной вспомогательной дороге среди

административных зданий и складов. Кроме них, ни одной машины здесь не было. Василь придавил педаль до упора, и грузовик разогнался. Коробка передач с воем переключилась на высшую ступень, солдаты в кузове хватались за что попало, когда машину мотало на рытвинах.

— Нам нужно вон то большое здание...

Не договорив, она охнула. Поверхность дороги перед ними зашевелилась, вздыбилась и раскололась от обочины до обочины. Василь включил тормоза, колеса заблокировались и пошли юзом, визжала и горела резина, — но скорость гасла слишком медленно. Они ухватились кто за что — и с ужасом смотрели, не в силах ничего предпринять, как бетон отваливается целыми плитами, а из-под него — поперек дороги — вырастает стальная стена метровой высоты. Они так и въехали, скользя на резине, в эту стену; грузовик с лязгом ткнулся в покрытый ржавчиной барьер.

Двору бросило вперед, она сильно ударилась каской о какую-то железяку. Василь схватил ее за плечи и выпрямил:

— Цела?

Она только кивнула, оглушенная ударом:

— Этот барьер... его в инструкции не было...

Металл грузовика начали прошивать пули, с хрустом посыпалось выбитое стекло.

— Все из машины! — крикнула Двора в микрофон.

Одновременно она подняла автомат и выпустила длинную очередь в дверь ближайшего здания, где, как ей показалось, кто-то двигался. Василь уже выскочил, и она нырнула вслед за ним. Взвод рассыпался и залег в поисках какого-нибудь укрытия. А потом повел ответный огонь.

— Без прицела не стрелять! — крикнула Двора. — Все живы?

Оказалось, что на весь взвод приходится лишь несколько порезов и ссадин. При первой стычке с неприятелем все остались целы и все нашли себе какое-то укрытие: если не под грузовиком, то под стеной ближайшего здания. Откуда-то снова началась стрельба; пули с визгом отскакивали от дороги, поднимая фонтанчики пыли и крошки с тротуаров... Но почти тотчас раздался один-единственный выстрел из-под грузовика, и стрельба прекратилась. В наступившей тишине очень громко стукнул по бетону упавший сверху автомат, а из окна, через карниз свесилась безжизненная мужская рука.

— Там был только один, — сказал Григор, ставя автомат на предохранитель.

— Пошли пешком, — скомандовала Двора, глянув на карту. — Только не по главной улице, а то уже тревога повсюду. Вон переулочек за дорогой. Разведчики вперед, рассредоточиться... Пошли!

Разведчики — двое — один за другим метнулись через пустынную дорогу в безопасный переулок. Остальные шли следом. Они двигались ускоренным маршем, сознавая, как быстро проносятся минуты. Василь ворчал: его пулемет 50-го калибра с подрессоренным стволом весил 30 килограммов, так что трудно было поспевать за остальными, да и двум его подносчикам с коробками патронов приходилось несладко.

Они быстрым броском пересекли еще одну главную улицу, не встретив сопротивления. Здесь тоже торчали из-под земли стальные барьеры, а дальше еще и еще, через равные интервалы, насколько хватал глаз.

— Еще одна улица осталась. — Двора сложила карту и сунула в карман. — То здание будут защищать...

Она подняла руку, и все замерли с оружием наготове. Перед ними из больших открытых ворот осторожно выбирался человек спиной к ним. Не военный и вроде не вооружен.

— Не двигаться, иначе плохо будет! — распорядилась Двора.

Человек обернулся и охнул, увидев вооруженных солдат.

— Я ничего не делаю! Я только работал здесь, услышал тревогу... Что происходит?

— Давай назад, — велела Двора, жестом приказав взводу двигаться следом. — Что это за здание?

— Интендантский склад. Я там на подъемниках, аккумуляторы заряжаю.

— Через него пройти можно?

— Да-а, конечно... По лестнице на второй этаж, а там коридор насквозь идет через весь дом. Но послушайте, леди, вы мне не можете сказать, что происходит?

— Заваруха происходит, стрельба. Там мятежникам симпатизируют, но мы их скоро прижмем.

Человек оглядел молчаливый взвод, вооруженный до зубов, но без единого знака отличия. Он чуть было не задал какой-то вопрос, но передумал.

— Идите за мной. Я вам дорогу покажу.

Они поднялись на один лестничный пролет и двинулись по широкому коридору.

— Ты сказал, второй этаж?

Двору охватило подозрение, она подняла оружие.

— Ну да, второй... вот он...

Она знаком приказала ему идти дальше. Мелочь: она забыла, что у американцев это так называется. А вот кто забыл такую мелочь, как барьеры на дорогах? Ей очень хотелось узнать, как дела у остальных, но она понимала, что без нужды рацию включать не надо.

— Вон дверь на улицу, прямо впереди, — сказал проводник.

Двора кивнула и жестом подозвала Григора. Тот шагнул вперед и шлепнул проводника ладонью по шее, тут же приглушив изумленный вскрик другой крупной ладонью. Потом аккуратно опустил на пол потерявшего сознание человека.

Двора чуть приоткрыла дверь — снаружи доносились далекие взрывы и выстрелы, — выглянула и быстро закрыла ее снова. Потом включила рацию на командирскую частоту.

— «Черный кот»-5 «Коту» первому. Как слышно?

— «Черный» пятый, слышу.

— На исходной.

— «Черный» второй застрял. Задержали. Управляйтесь сами. Нужна дверь. Отбой.

Взвод ждал приказаний, оружие наготове. Двора оглядела их. Хорошие ребята, но почти ничего не знают о войне. Теперь скоро узнают. Кто останется в живых — тот уже будет опытен.

— Группа, атакующая с фронта, задержалась, — сказала она. — Надо полагать, на сильное сопротивление наткнулись. Так что теперь все зависит от нас, будем управляться сами. Здание напротив так хорошо охраняться не должно. По крайней мере, можно на это надеяться. Нам надо туда войти и пройти насквозь. Цель наша — за стеной. Мы пройдем через ту стену...

На улице раздался вой сирены, с каждой секундой он приближался. Двора умолкла и жестом послала Василя вперед. Он подбежал к двери, упал ничком и слегка открыл ее.

— Машина подъезжает, — доложил он. — Наверное, напротив остановится, там кто-то стоит машет, встречает вроде.

— Прекрасно. — Двора приняла решение немедленно. — Базука, к бою! Машину бьешь сразу, как только остановится.

А следующий снаряд — в дверь напротив, сразу же. И мы за ним следом.

Теперь все было делом выучки. Василь откатился в сторону, на его место упал стрелок с базукой. Заряжающий был рядом; тотчас задвинул ракетный снаряд в заднюю часть трубы и хлопнул стрелка по плечу: все готово. Все раздвинулись в стороны, чтобы не попасть при выстреле под реактивную струю пламени. Сирена на улице смолкла; машина остановилась.

Из базуки вылетел сноп огня, снаружи громыхнул взрыв... Еще сыпалось стекло вылетевшего окна, а заряжающий уже уложил в ствол вторую ракету.

— Дым, цели не видно, — пробормотал стрелок, выжидая.

Потом снова полыхнул хвост пламени. На этот раз взрыв прозвучал глухо, потому что снаряд залетел внутрь здания. Двора распахнула дверь и кинулась на улицу.

Пылает автомобиль, в задымленном салоне с треском горят человеческие тела... Вверх по ступеням и через разрушенный подъезд, прыжками через груду трупов; здесь их еще больше, чем снаружи... Один из них еще жив — залит кровью, но оружие поднимает... Быстро прогремели два выстрела, и он рухнул на остальных. Взвод застрял у входа в узкий коридор, давка, — а навстречу с криком бегут вооруженные солдаты...

— Ложись! — крикнул Василь.

Все бросились на пол, а он широко расставил ноги и повел пулеметом, как брандспойтом, рассеивая смерть вместо воды. Из-под руки у него летели хлопья пламени, пустые гильзы со звоном отлетали от стены. Громадные пули 50-го калибра рвали подбегавших на части, разворачивали, швыряли наземь — в живых не осталось никого.

Дальше они шли без помех. Внезапность их атаки застала защитников врасплох, и те необдуманно бросились под пулемет. Но время было на исходе, взвод опаздывал. Теперь они двигались быстрее. Двора задавала направление, сверяясь с подробным планом этажа. Разумеется, план прислал Тергуд-Смит вместе со всей информацией, необходимой для подготовки нападения на базу. Но в холодном бешенстве боя она совершенно забыла об этом человеке и о своих сомнениях. Сейчас было совершенно не до того.

— Здесь, — сказала она, когда они вбежали в просторное помещение, где у дальней стены громоздились упаковочные коробки. — Вон та стена, где объявления наклеены, шесть метров от левого края.

Они захватили с собой даже рулетки. Их выдали три штуки, чтобы хоть одну удалось донести до места. Пока мужчины раскидывали коробки, Двора успела отдышаться.

— Укройтесь! — приказала она. — В коридоре, за теми ящиками. Как только взрыв — бросаемся туда. Мы должны попасть в широкий коридор, ведущий к открытому входу. Он-то нам и нужен.

Детонаторы Двора проверила сама, так надежнее. Потом побежала назад, в коридор, разматывая провод с катушки. И, свернув за угол, сразу нажала кнопку взрывной машинки.

Вот в этот момент, в момент взрыва, она вспомнила о Тергуд-Смите и подумала, на самом ли деле их ждет за стеной именно то, что он обещал.

А потом думать было уже некогда. Кашляя в облаке дыма и пыли, вверх по обломкам, сквозь рваную дырищу в стене, бегом... Изумление защитников, захваченных врасплох, с тыла... Они оборачивались, падали с криком, не успев закрыть рот...

Это была бойня. Тяжелый железобетонный бункер с этой стороны оказался совершенно беззащитным. Гранаты и автоматный огонь не пощадили никого.

— Давай... «Черный кот», дверь открыта... — выдохнула Двора в микрофон.

Из густого дыма появились солдаты. Генерал Блонштейн шел первым.

— Главная наша цель — пульт управления ракетами, — сказал он. — Пошли за мной.

Они остановились перед входом в комплекс, не успев отдышаться после броска на четвертый этаж.

— Когда войдем — оружие не поднимать! — приказал Блонштейн. — Нам диверсии ни к чему. Я буду разговаривать с ними, объяснять, сказки рассказывать — а вы тем временем просочитесь к пультам управления. Помните, нам надо захватить этот пункт, а не уничтожить...

Его слова прервал глухой взрыв, раздавшийся в помещении за холлом, напротив них. Дверная ручка медленно пошевелилась; добрая дюжина стволов повернулась в сторону двери... Потом еще медленнее стала отворяться дверь, и показался человек, привалившийся к косяку, чтобы не упасть; одежда на нем была пропитана кровью.

— Тергуд-Смит! — воскликнула Двора.

— На самом верху измена, — прошептал Тергуд-Смит, медленно оседая на пол.

Глава 23

— Они все знали, — сказал адмирал Скугаард, неотрывно глядя на идентификацию неприятельских кораблей. — Наверняка знали. Иначе появление их сил здесь и сейчас объяснить невозможно.

— Тергуд-Смит? — спросил Ян.

— Это вы мне сказали. — В голосе Скугаарда не было ничего человеческого. — Это вы привезли мне его план.

— И сказал, что не уверен, можно ли ему доверять.

— Сказали, верно. Теперь мы все заплатим жизнью за свою ошибку. По крайней мере, теперь понятно, что происходит. Мне больше обидно за солдат, которыми набит наш транспорт.

— Но мы же еще можем драться, разве нет? Мы же не сдаемся?

Холодная ярость на лице адмирала сменилась ледяной усмешкой.

— Нет, конечно, мы не сдаемся. Но я боюсь, что шансов у нас нет. Никаких. У них как минимум втрое больше ракет. Они просто выбьют всю нашу защиту и доберутся до нас. Все, что мы можем, — отойти от транспорта и принять весь удар на себя, и держаться, сколько продержимся, и надеяться, что им удастся уйти.

— Это получится?

— Нет. Но мы все равно так сделаем. Небесная механика — слишком точная наука, тут никаких вариантов быть не может. Они нас встретят... Мы будем драться, быть может, сумеем нанести им какой-то урон, а может, и нет... Но они нас уничтожат. А потом догонят транспорт и расстреляют в упор.

— А курс изменить мы не можем?

— Они тоже могут. Уйти нам не удастся, только оттянем конец. Если хотите попрощаться с кем-нибудь — пойдите в радиорубку и дайте РД на вторую эскадру, они перешлют.

— До чего несправедливо! Уже почти все было сделано, планеты освобождены, сражение выиграно!..

— А когда справедливость помогала выигрывать битвы? Армии и флоты уходили в походы со своими священниками — с обеих сторон, — и каждая сторона убеждала своих бойцов, что Бог непременно с ними. Один генерал говаривал, что Бог на стороне тех, у кого больше батальонов. Это близко к истине.

Да, добавить было нечего. Три боевых корабля против одного — сомневаться в исходе схватки не приходилось. По команде адмирала курсы кораблей слегка изменились, космолеты начали расходиться. В траектории неприятеля никаких изменений не произошло. Скугаард показал на один из экранов.

— Они ничем не рискуют — и ни в чем не полагаются на волю случая. Если мы влетим в атмосферу на такой скорости, то просто сгорим. Они знают, что мы должны тормозить, и знают, что мы будем тормозить. И встретят нас там, где мы всего уязвимее, при минимальной скорости, у самой границы атмосферы.

Медленно тянулись часы, и ярость уступила место апатии. Оцепенение приговоренного в камере, ожидающего палачей. Ян вспомнил о том пути, который привел его сюда. Умирать не хотелось — он не видел, когда и где мог бы поступить как-то иначе, принять другие решения. Нет, жизнь он прожил правильно и сожалел только о том, что сейчас она заканчивается несколько раньше, чем хотелось бы.

— Ну вот, начинается последний акт, — сказал Скугаард с мрачным скандинавским фатализмом, когда впереди возникли первые вспышки взрывов. — Они швыряют ракеты, хотя знают, что еще слишком далеко, что не могут нас достать. Но знают и другое: у нас нет выбора, мы должны тратить защитные ракеты. И скоро их у нас не останется.

Ракетный обстрел продолжался долго — и вдруг прекратился.

— У нас осталась только пятая часть ракет, — сказал Скугаард. — Они что, в кошки-мышки играют?

— Вызывают на связь, — доложил оператор. — Частота наша, но вызывают земные корабли. Хотят говорить с вами, адмирал.

Скугаард задумался на секунду, потом пожал плечами:

— Давай их сюда.

На экране телесвязи появилось изображение бородатого человека в полной форме Космических сил.

— Я так и думал, что это ты, Райзерд, — сказал адмирал. — Зачем звал?

— Хочу предложить тебе условия, Скугаард.

— Сдаться? Вряд ли я соглашусь. В конце концов вы все равно нас убьете.

— Конечно. Но ты сможешь прожить еще несколько недель. Трибунал, казнь по воинскому уставу...

— Звучит очень мило, но не привлекает. А что ты предлагаешь моим кораблям?

— Кораблю. Только одному. Ты и твой «Даннеборг» станете памятником разгромленному мятежу. Другой корабль, что рядом с тобой, — десантный транспорт, верно? Его мы взорвем. Это будет еще один памятник мятежу.

— Можешь идти ко всем чертям, Райзерд. Мы же в одном классе учились — уважь старого друга. Ты знал о наших планах?

Райзерд медленно зарылся пальцами в бороду, потом ответил:

— Теперь сказать можно, вреда не будет. Все, что ты собирался делать, мы знали заранее. У тебя никаких шансов не было. Информацию мы получали с самого верха...

Скугаард ударил ладонью по клавише, вырубая связь.

— Тергуд-Смит! Галактика была бы гораздо чище, если бы его придушили во младенчестве!..

Требовательно загудел зуммер, один из экранов замигал красным светом — Скугаард резко обернулся.

— Ракеты земного базирования, смотри-ка ты!.. Изо всех сил стараются, чтобы мы никуда не делись. У этих — разделяющиеся боеголовки, атомные, нам их задержать нечем. Их там двенадцать штук должно быть. Идут по встречной траектории, будут здесь через несколько секунд... Что?! Быть не может!..

— В чем дело? — спросил Ян. — Вы о чем?

Адмирал, потерявший дар речи, только показал на экран. Ян глянул — и увидел новый курс ракетной атаки: неприятельские корабли.

В пространстве впереди вспыхнули яркие шары атомных взрывов — ракеты дошли до целей. Но не до повстанцев, вовсе нет.

Уничтожены были все три штурмовых корабля. Это казалось невероятным — но произошло. В единый миг неминуемое поражение обернулось победой. И в потрясающей тишине раздался дрожащий от волнения, но зычный голос адмирала:

— Сигнальте. Начинаем торможение. И готовимся к посадке. Враг уничтожен, мы идем в прорыв!

Глава 24

С безоблачного синего неба падали два громадных космолета. Связи с космоцентром у них не было, никто снизу не управлял приземлением, потому они двигались не к посадочным шахтам, а к широкой бетонированной площади летного

поля. Поодаль от самолетов они обрушились на аэродром, опираясь на ревущие, грохочущие столбы пламени, при давящей пятикратной перегрузке. Команды кораблей и солдаты, пристегнутые к скамьям, терпели, стараясь хоть как-то вздохнуть: каждый нормальный человек весом в 80 килограммов вдруг потянул на все 400. Едва корабли встали на опоры, двигатели прекратили работу. Посадка. Железобетон растрескался и просел под чудовищной тяжестью, но компьютеры моментально сбалансировали гидравлику посадочных опор, и корабли не шелохнулись.

Едва заглохли двигатели, все щитки наружных телекамер «Даннеборга» откинулись, и на каждом экране внутри корабля появилось свое изображение, давая круговой обзор. Десантный транспорт, до сих пор окутанный дымом, вдруг изменился: одновременно распахнулись все двери и люки, откинулись разгрузочные пандусы и оперлись на бетон, трещали, разворачиваясь, складные лестницы — началась высадка. Легкие танки скатывались по пандусам и исчезали в клубах дыма, а по лестницам, один за другим, как муравьи, быстро спускались пехотинцы. Никаких признаков сопротивления не было; атакующие быстро рассредоточивались и устремлялись к зданиям за летным полем.

Адмирал Скугаард слушал радиосвязь командиров десанта. Потом удовлетворенно кивнул и выключил приемник.

— Все выгрузились, все в порядке. Вошли в контакт с израильтянами и теперь объединенными силами давят остатки сопротивления. Мы свое дело сделали, теперь их черед.

Ян смотрел, как войска растекаются среди зданий космоцентра, исчезают из виду, — а в мыслях беспрерывно крутились одни и те же вопросы. Неужели свершилось? Неужели война закончилась? Или земные силы будут продолжать борьбу? Если да — остановить их будет нечем. Повстанцев — защитников базы — одолеют превосходящие силы землян и выбьют их отсюда. Тогда придется здесь все взорвать. Достаточно будет такой угрозы, чтобы предотвратить катастрофу?

— Держи, — сказал Скугаард, подавая ему высокий стакан. — Выпьем за нынешний успех — и за скорую победу.

В стакане была не вода, а водка, но адмирал осушил его, не поморщившись, и смачно облизнул губы. Ян выпил один большой глоток — для него и это оказалось более чем достаточно.

— Подают наземный транспорт, — сообщил радист.

Адмирал кивнул:

— Отлично. Выйдем через люк энергоблока.

В тот момент, когда они вышли из космолета, возле него резко затормозила штабная автомашина. На дверце ее сохранилась бело-голубая эмблема Земных сил, хотя ее украшала зловещая россыпь пулевых пробоин. Дверь распахнул водитель-израильтянин.

— Вас обоих ждут в штабе.

Едва они сели, машина рванула вперед и, визжа резиной на крутом развороте, помчалась к выезду. Вприпрыжку через обломки взорванной изгороди — и дальше, на внешнюю дорогу. В местах самых жестоких схваток еще дымились развалины и лежали бездыханные, скрюченные тела. Потери были, особенно тяжелые возле здания управления, главного объекта атаки. Временный штаб разместился на первом этаже. Они вошли туда прямо сквозь брешь, проделанную взрывом в наружной стене. Увидев их, генерал Блонштейн, говоривший с кем-то по радио, бросил трубку и заторопился навстречу.

— Здесь мы закончили, — сказал он. — Только что последние сдались. Но сюда движутся две танковые колонны и дивизия парашютистов. Мы надеемся их остановить, чтобы вообще не ввязывались в бой. Сейчас идут переговоры — и похоже, что все проблемы вот-вот решатся.

Он показал рукой в сторону ближнего стола, на человека, говорящего по телефону. Даже со спины легко было узнать Тергуд-Смита. Тот закончил разговор и обернулся.

— С возвращением, Ян. Приветствую вас, адмирал. Как видите, все идет по плану.

На лице его были кровавые пятна, а одежда вся залита кровью.

— Ты ранен? — спросил Ян.

Уголки рта Тергуд-Смита чуть приподнялись в подобии улыбки.

— Зря ты на это надеешься, Ян. Кровь не моя. Она принадлежит одному коллеге, который пытался помешать моим планам. Огюст Бланк, директор этого центра... Точнее, теперь уже бывший директор. Он отменял мои приказы земному флоту.

— Это те корабли, что нас встречали? — спросил адмирал.

— Совершенно верно. Хотя я не имею права его обвинять, потому что все приказы рассылал от его имени. Если бы возникли какие-нибудь затруднения — ответил бы он, а не я. Он обнаружил, что происходит, и решил схитрить, вместо того чтобы конфликтовать со мной. И отменял мои приказы в самый последний момент. Это могло бы сильно помешать.

— Тебе помешать... — Голос Яна зазвенел от ярости. — А мы все погибнуть могли!

— Но вы же не погибли, верно? В конечном итоге задержка оказалась совсем короткой. Бедный Огюст был настолько глуп, что сам мне все рассказал, похвастался, что натворил. Конечно, только после того, как забрал мой пистолет. Похоже, что нынче никто без оружия не ходит... Я постарался от него уйти, но надо было сделать это медленно, чтобы его не всполошить... — Тергуд-Смит посмотрел вниз и провел ладонью по залитой кровью одежде. — Он был очень удивлен, когда пистолет взорвался. Это его кровь. Меня слегка контузило, а ему пришлось гораздо хуже. Я был уверен, что он попытается меня арестовать сам, потому и подготовил свое оружие. Ужасный он был дурак, абсолютный.

— Мистер Тергуд-Смит помог нам захватить ракетный пульт без повреждений, в полной сохранности, — сказал Блонштейн. — И он же выпустил ракеты по космолетам, атаковавшим вас. А сейчас он ведет переговоры о капитуляции Земных сил. Его вклад в наше дело неоценим.

Краем глаза Ян увидел ручной пулемет, прислоненный к стене. Он отвернулся и медленно — так что никто не обратил внимания — пошел в ту сторону. Только когда он схватил пулемет и резко обернулся, все заметили, что он сделал.

— Разойдись! — крикнул Ян. — Чтобы быть уверенным, что он мертв, я готов расстрелять любого, кто окажется рядом!

Ствол пулемета качнулся из стороны в сторону, описав короткую дугу. В помещении стало очень тихо. Все вокруг были вооружены, но никто не шелохнулся. Никто не ждал такого поворота событий и не был к нему готов.

— Бросьте оружие, Ян! — скомандовал адмирал. — Этот человек за нас. Неужели вы не понимаете, что он для нас сделал?

— Я все понимаю. Не только то, что он сделал сейчас, но и все остальное. Он убийца и предатель, верить ему нельзя. Почему он сделал то, что сделал, — мы не узнаем никогда, но это и неважно. Пока он жив, мы все в опасности.

Кто-то пошевелился, шагнул вперед — Ян направил автомат в ту сторону. Это оказалась Двора.

— Ян, ну пожалуйста! Ведь он же с нами. Он нам нужен...

— Нет. Нам он не нужен. Он намерен снова вылезти наверх, не сомневайся. Герой революции, сама подумай!.. Если он что-то делает — так только ради себя, ради собственной выгоды. Ему наплевать и на нас, и на революцию — на все, кроме своих интересов. И есть только один способ его остановить.

— Ты и меня застрелишь?

Она стояла прямо перед ним.

— Если придется, — медленно ответил он. — Отойди.

Она не шелохнулась — его палец лежал на спусковом крючке.

— Не будь дураком, — сказал Скугаард, — если убьешь его, ты и сам труп. Неужели стоит?

— Да, стоит. Я знаю, что он творил. И не хочу, чтобы такое повторилось.

Тергуд-Смит прошел вперед, отодвинул Двору в сторону и встал перед Яном, прямо напротив пулемета.

— Ладно, Ян. Теперь на твоей улице праздник. Убей меня и кончай с этим. Никого из мертвых не воскресишь, зато успокоишься наконец. Давай стреляй. Ведь если я буду жив — я могу стать политической силой в вашем прекрасном новом мире, могу даже выставить свою кандидатуру на ваших первых демократических выборах. Забавно было бы, правда? Тергуд-Смит, враг народа — спаситель народа, — приходит к власти в результате свободного выбора народа. Стреляй. Не настолько ты веришь в свою новую свободу, чтобы позволить кому-нибудь вроде меня жить при ней. Верно? А ты — кто так восставал против всякого убийства — станешь первым убийцей в новой республике. Можешь стать даже первым, кого будут судить и приговорят по новым законам.

В голосе его звучала ирония, но он не улыбался. Если бы улыбнулся — Ян наверняка нажал бы спуск. А так — не нажал. Стоило чуть коснуться, чуть потянуть — и проблема Тергуд-Смита решилась бы окончательно и бесповоротно... Но с Тергуд-Смитом никогда ничего не бывало просто.

— Скажи мне правду, — произнес Ян так тихо, что никто другой расслышать не мог. — Хоть раз в жизни. Ты все это планировал или просто воспользовался возможностью переметнуться и выжать из этого все, что можно? Что это было?

Тергуд-Смит смотрел ему прямо в глаза.

— Драгоценный мой шурин, сейчас с тобой говорить — зря

время тратить. Ты все равно не поверишь, что бы я ни сказал. Так что давай разбирайся сам, я тебе помогать не стану.

Он отвернулся, медленно подошел к столу и сел. Ян заставлял себя стрелять — и не мог. Что бы ни творил Тергуд-Смит прежде, каковы бы ни были его побуждения сейчас, — но, в конце концов, он их спас... Без его помощи освобождение Земли не состоялось бы... Внезапно Ян понял, что победу можно было одержать и по-другому, без помощи Тергуд-Смита; но раз уж он оказался вовлечен — главная заслуга в победе принадлежит теперь ему. Выбора больше не оставалось — и Ян даже улыбнулся, ставя пулемет на предохранитель и опуская ствол.

— Ну ладно, Смитти, этот раунд за тобой. Я тебя отпускаю. Пока. Выставляй свою кандидатуру — что хочешь делай. Но помни, я с тебя глаз не спущу. Если примешься за старое...

— Знаю. Ты найдешь меня и убьешь, ни секунды не сомневаюсь. Но это мы отложим на будущее, ладно?

Яну вдруг захотелось выйти на свежий воздух. Избавиться от этого человека, забыть, не видеть его, забыть о нем и о прошлом — и смотреть только вперед, в будущее. Он повернулся и вышел; никто не пытался его задержать. И вот он стоял и дышал — глубоко-глубоко — и пытался разобраться в раздиравших его чувствах. Кто-то появился рядом — он обернулся и увидел Двору. Он обнял ее, не задумываясь, и крепко прижал к себе.

— Я о нем забуду, — горячо прошептал Ян. — Я выкину его из головы и улечу на Халвмерк, к жене, к своим. Там очень много работы...

— Здесь тоже, — перебила она. — И я тоже вернусь к мужу...

— Ты мне ничего не говорила, — удивился Ян, отодвинувшись, но не отпуская ее.

— А ты ничего и не спрашивал... — Она улыбнулась и смахнула волосы с глаз, еще больше запачкав прекрасное, но сейчас покрытое грязью лицо. — Помнишь, я сказала, что замуж за тебя не собираюсь? Он раввин, очень набожный, очень серьезный, — но и отличный пилот к тому же. Вел сюда один из наших самолетов, я очень волновалась за него. Жизнь была такая — обстоятельства очень долго разлучали нас. А теперь, похоже, соединят.

Ян вдруг неожиданно для себя расхохотался. Безо всякой видимой причины, просто так, он смеялся взахлеб, пока сле-

зы не покатились из глаз. Он еще раз прижал к себе Двору — и отпустил. Навсегда.

— Ты права. Все кончено, и придется нам в это поверить. И работать придется, чтобы хорошо было всем. — Он глянул на небо, затянутое клубами дыма, и вдруг у него возникла новая мысль. — Знаешь что? Я вернусь на Землю. Наверно, Эльжбете сначала здесь не понравится, но рано или поздно она привыкнет. Ведь Земля останется центром всех миров, как и была. Здесь я смогу гораздо больше сделать для Халвмерка и его народа...

— Здесь ты для всех сделаешь гораздо больше. Ты знаешь и Землю, и планеты; и что нужно людям — тоже знаешь.

— Свобода им нужна, вот что. Сейчас она есть. Но удержать ее может оказаться сложнее, чем завоевать.

— Так всегда было. Почитай учебники. Почти все революции потерпели поражение уже после победы.

— Давай постараемся, чтобы наша революция осталась победной. — Он снова посмотрел на небо. — Жалко, что сейчас день. Хочется звезды увидеть.

— Они там, никуда не делись. Однажды человечество уже вышло к ним, но получилось не слишком удачно. Сейчас у нас есть еще один шанс. Постараемся, чтобы на этот раз получилось получше.

— Надо бы, — сказал Ян, думая о мощи, которой они обладали, об оружии и бесчисленных способах массового уничтожения и разрушения. — Мы просто обязаны постараться. Если на этот раз не получится — вряд ли у нас будет третий шанс.

Чума из космоса

ЧУМА ИЗ КОСМОСА

Глава 1

Сурово нахмурившись, так, что его черные брови сошлись в одну линию, доктор Сэм Бертолли склонился над шахматной доской и медленно двинул вперед королевскую пешку. Экран засветился зеленым. Стало быть, и Фишер в той берлинской партии, которую он сыграл еще в далеком 1973 году, пошел в этой позиции точно так же.

Доска издала тихий звук, и слон противника, пробежав по диагонали, замер как вкопанный. Тем самым машина воспроизвела ответный ход Ботвинника, настолько остроумный и точный, что он вынудил Сэма опять основательно задуматься.

Напротив, с другой стороны металлического стола, листал журнальные страницы Келлер. А где-то там, за пределами комнаты экстренной помощи, вне стен госпиталя, грохотал и гудел город — готовый в любую минуту ворваться сюда в образе одного, а то и сразу нескольких шоково-бледных или цианозно-синих своих обитателей. За столом, скинув с себя окровавленную одежду, безмятежно устроились два человека, и все это помещение было наполнено стонами и криками несчастных. Громадный Нью-Йорк, с населением в двенадцать миллионов, скучать не давал...

Нащупывая контригру наступающему ферзю, Сэм пошел конем, но, увы, не по-фишеровски: загорелся красный свет. Раздавшаяся вслед за тем резкая трель звонка отношения к игре уже не имела...

Келлер выскочил за дверь быстрее, чем брошенный им журнал шлепнулся на пол. Сэм же, зная по опыту, что карточка вызова будет готова лишь через несколько секунд, еще успел спрятать доску в выдвижной ящик. Подоспев к мигающей панели как раз в тот момент, когда из прорези выполз листок,

он схватил его и, ткнув на ходу кнопку «Принято», выбежал вон.

Форсированный турбодвигатель уже вовсю работал, и дверца была распахнута. Усевшись, Сэм тут же пристегнул пояс безопасности, помня о лихой манере Келлера срываться с места, будто он только что ограбил банк... Так было и на этот раз. Келлер от души нажал на педаль газа, дверца захлопнулась, и они, стремительно скатившись с холма, вылетели на шоссе.

— Куда нам, док?

Сэм бросил взгляд на закодированный текст.

— Угол Пятнадцатой и Седьмой авеню. Семь — одиннадцать... э-э... несчастный случай... одна жертва... Достану-ка я, пожалуй, хирургический комплект, если, конечно, этот драндулет проедет, не сворачивая, хотя бы футов сто.

— До поворота три квартала, — отозвался Келлер. — Это по крайней мере целых шесть секунд. Вы ведь успеете за что-то ухватиться?

— Вполне.

Сэм, покачиваясь, прошел в заднюю часть салона, привычным движением снял с держателя небольшой, но увесистый стальной чемоданчик и быстро вернулся назад.

Мимо с бешеной скоростью проносились здания и прижавшиеся к тротуарам автомобили. В таких случаях транспортное управление при помощи специального светового сигнала перекрывало движение в радиусе четырех кварталов. Вой сирены предназначался только для пешеходов, которые, испуганно отпрянув, глядели вслед и строили догадки.

Доктор Сэм Бертолли был совершенно спокоен. Всякого рода гаданиями по поводу того, что ожидает их на месте происшествия, Сэм не занимался никогда, считая таковые пустой тратой времени. Все прояснится, когда прояснится...

Бертолли был крупного телосложения брюнет с руками, густо покрытыми порослью черных волос, буйно вившихся даже на суставах пальцев. Независимо от того, как часто он брился, щеки Бертолли всегда отливали синевой, что в сочетании с глубокой складкой между бровями делало его похожим на полицейского или боксера-профессионала. Тем не менее он был врачом, и хорошим — одним из лучших среди выпускников прошлого года. Через несколько недель, в конце июня, истекал срок его интернатуры, и начиналась самостоятельная жизнь, уже продуманная до деталей.

Келлер Домингес представлял собой совершенно другой тип. На вид заморыш с несуразно большой головой, он обладал недюжинной физической выносливостью и крутым нравом. Это придавало ему сходство с петушком-бентамцем, попавшим в орлиный заповедник.

Жилистые руки Келлера цепко держали руль, а челюсти безостановочно месили жевательную резинку. Он сидел на такой высокой подушке, что еле дотягивался до педалей своими коротенькими ножками. Будучи одним из опытнейших шоферов госпиталя, в прошлом — таксист с шестнадцатилетним стажем, он чувствовал себя на дороге как рыба в воде. Мчаться по городу, пришпоривая ревущую многотонную машину, было для него — ньюйоркца в восьмом поколении — приятнейшим занятием. Лучшего он не мог ни пожелать, ни представить...

С визгом притормозив, они свернули на Седьмую авеню и остановились перед внушительной толпой зевак, от которой тотчас же отделился человек в синей форме полицейского и жестом предложил им въехать на тротуар.

— Несчастный случай, доктор, — доложил он Сэму, нагнувшемуся за своим чемоданчиком. — С этими допотопными наружными лифтами одни неприятности... Ему почти оторвало ногу, прежде чем эта развалюха наконец остановилась. Я как раз находился неподалеку и услышал крик.

Дожидаясь, пока расступится толпа, Сэм бросил беглый взгляд на полицейского. Тот был очень взволнован, но старался держаться.

Они подошли к лифту, и, прежде чем достать необходимые инструменты, Сэм осмотрел место происшествия.

На полу кабины, опустившейся чуть ниже уровня первого этажа, в луже крови, подвернув под себя ногу, лежал седой мужчина лет шестидесяти. Другая его нога была зажата металлическим листом этажной перегородки.

— Кто из вас умеет управлять этой штукой? — обратился Сэм к толпе.

Протолкнувшись из задних рядов, к нему подскочил щуплый подросток.

— А чего тут уметь, док? Нажал красную кнопку — поехало вниз, нажал черную — вверх...

— Тебе приходилось управлять им, или же ты просто зна-

ешь, как он действует? — спросил Сэм, прилаживая датчик к запястью пострадавшего.

— Да я занимался этим всю жизнь! — оскорбленно воскликнул мальчик. — Возил эти чертовы коробки для...

— Спасибо, достаточно... Теперь слушай. Как ты понимаешь, необходимо освободить ногу. По моей команде ты поднимешь кабину до уровня площадки. Но только по моей команде, понял?

Регистрирующее устройство показало пониженную температуру и очень вялый пульс. При шоке и большой потере крови этого следовало ожидать.

Сэм осторожно приподнял лоскут порванной брючины. Нога, чуть выше колена, была едва ли не напрочь оторвана, и бедренную часть ее туго обхватывал черный кожаный ремень.

— Ваша работа? — спросил он, глядя в тревожные глаза полицейского.

— Моя. Я ж говорю, что был поблизости, когда все это стряслось. Вообще-то мы не должны прикасаться к пострадавшим без крайней необходимости, но тут я решил: это тот самый случай, когда... Кровь так хлестала, что он не дождался бы вашего приезда! Я вытащил его ремень, и, как видите, он решил подождать еще...

— Вы действовали правильно, и этот человек должен считать вас своим спасителем. А теперь уберите-ка отсюда всех этих людей, чтобы мой шофер мог подойти сюда с каталкой.

Руки Сэма уже занимались делом. Тонкая металлическая полоска, просунутая под поврежденную ногу, приобрела — едва заработал миниатюрный электродвигатель — удивительную гибкость. После того как она была обернута вокруг ноги и скользящие внутри шарики замерли над всеми крупными сосудами — двигатель выключился, и жгут сжался ровно настолько, чтобы перестала сочиться кровь.

— По чуть-чуть... — скомандовал Сэм, кабина поднялась, и перегородка отъехала вверх.

После введения инъекции эпинефрина мужчина тихонько застонал и шевельнул головой. Его изувеченная нога представляла собой ужасное зрелище. Голень поддерживалась лишь портняжной мышцей и кожей.

Сэм отсек скальпелем остатки связующей плоти и завернул ампутированную конечность в плотную стерильную ткань.

Оставалось оттащить несчастного от края площадки и вернуть кабину в нормальное положение.

С помощью полицейского они осторожно уложили пострадавшего на каталку, и Келлер вкатил ее в машину.

— Летим, док? — спросил он, плюхнувшись на подушку.

— Да, — ответил Сэм, надежно фиксируя каталку. — Только прошу: без резких поворотов! Я ввожу плазму.

Игла погрузилась в вену.

— Ну, как он там у нас? — плавно увеличив скорость, поинтересовался Келлер.

— Да так, сносно... — Сэм тревожно посмотрел на показания регистратора. — Свяжись с операционной и узнай, все ли готово...

Пока Домингес связывался с госпиталем, Сэм, направив на грудь пациента ультрафиолетовый луч, пробежал глазами специальную татуировку, состоящую, как обычно, из данных о типе крови, аллергенах, а также точной дате рождения, и все это аккуратно переписал на бланк.

Над головой зашипел динамик:

— Перкинс, экстренная хирургия... Ждем, Сэм, ждем... Что ты везешь нам на этот раз?

— Пришлось ампутировать ногу, Эдди, — ответил Сэм в маленькую пуговицу микрофона, прикрепленного к лацкану. — Дюймов на пять выше колена. Пострадавшему 63 года, группа крови 0 (I)...

— Подожди, с ногой-то что? Ты захватил ее, или мне подогревать что-то из наших запасов?

— Захватил, конечно. И думаю, что после небольшой обработки ее вполне можно будет пришить.

— Ага, понятно... Ну а теперь выкладывай о нем все, что знаешь...

Стоявшие наготове санитары быстро распахнули задние дверцы и, освободив каталку от зажимов, вытолкнули ее на платформу.

— И это тоже... — Сэм протянул сверток.

Оставалось отметить время прибытия и прицепить листок в изголовье...

Лишь после того как санитары удалились, он обратил внимание на странную суматоху вокруг.

— Не иначе как что-то серьезное, док, — сказал подошедший Келлер. Ноздри его возбужденно подрагивали. — Пойду

расспрошу... — И он направился к группе людей, выгружавших на платформу множество опечатанных ящиков.

Вокруг определенно творилось неладное. Сэм видел, как спешно заполнялся коробками огромный фургон и как сломя голову бежали к машине два интерна.

— Доктор Бертолли? — неожиданно послышался женский голос.

— Да, слушаю вас, — повернувшись, ответил Сэм. Перед ним стояла рыжеволосая длинноногая девушка. Ее серо-зеленые глаза смотрели очень пристально, а роскошную фигуру не в силах был скрыть даже на редкость мешковатый халат. Сэм видел ее не впервые — они уже сталкивались как-то в кафетерии для сотрудников, но до разговора дело не доходило...

— Я Нита Мендель из патологии, — представилась девушка. — Доктор Гаспард велел мне ехать вместе с вами.

На ней не было ни шапочки, ни значка, какие обычно носят сестры.

— Разумеется, доктор! — воскликнул Сэм. — Вот наша машина! А что, кстати, случилось?

— Не имею ни малейшего представления. Меня срочно вызвали из лаборатории, а потом направили сюда. И зовите меня, пожалуйста, Нитой, просто Нитой...

К ним уже спешил Келлер, возбужденно чавкая резинкой.

— Мы должны ехать, док... О! Доктор Мендель! Должно быть, стряслось что-то действительно из ряда вон, если уж добрались до вашего этажа — шестого, если мне память... — Келлер знал тут, в Белвью, каждого и был в курсе всех сплетен. — Кажется, предстоит работенка не из легких... Ну ладно, хватит гадать. Прошу всех занять свои места! Экспресс «Мясо» отправляется ровно через шесть секунд!

— Куда едем? — спросил Сэм, взглянув на дюжину коробок с надписью «Мед. компл.», занимавших полсалона.

— Аэропорт Кеннеди! — Келлер напрягся, перекрикивая вой двигателя.

Машина, круто и с визгом повернув, нырнула в туннель Двадцать третьей улицы, пересекавший Ист-Ривер.

Оба врача устроились сзади, друг напротив друга, и Сэм занялся разглядыванием в высшей степени соблазнительных загорелых ног коллеги. Эти ножки были гораздо привлекательней той, которую он совсем недавно сжимал под мышкой. Сэм никогда не упускал случая убедиться в том, что про-

фессия не иссушила его чувств и он вполне способен любоваться красотой...

— Аэропорт... — задумчиво повторила она. — Вероятно, какая-то авария. Только бы не с «М-5» — это ведь 700 пассажиров...

— Сейчас выясним... — Сэм повернулся к Келлеру. — Включи-ка приемник и настройся на Вест-Сайд. Должны же они, в конце концов, что-то сообщить!

Как только машина вылетела из туннеля, салон заполнился звуками симфонической музыки. Келлер покрутил ручку и, так как ни одна из станций не передавала новостей, вернулся к Равелю. Так они и мчались по совершенно пустой дороге, обволакиваемые страстными звуками «Болеро»...

— Я никогда бы не подумала, что это так здорово — ехать на обыкновенной санитарной машине!

— Но разве вам, Нита, не пришлось отбывать интернатуру в службе экстренной помощи?

— Нет, после получения диплома я осталась в Колумбии, потому что цитология — та область, в которой... А вам не кажется странным, что дорога совершенно пуста?

— Так и должно быть. Все водители получили радиопредупреждение, и ни одна машина не тронется с места, пока мы не проедем.

— Но где же они все?

Келлер посмотрел в боковое стекло:

— Действительно... Это что-то новенькое. Неужели полиция блокировала даже подъездные дороги?

— Смотрите! — воскликнула Нита, кивком указывая вперед.

Келлер резко свернул на боковую дорогу, и машину затрясло. Мимо них на предельной скорости пронеслась колонна из семи тяжелых армейских грузовиков.

— Не нравится мне это... — Глаза Ниты округлились. — Очень не нравится. И почему нам до сих пор ничего не известно?

Она выглядела такой беззащитной и встревоженной, что Сэм едва не взял ее руку в свою.

— Не следует так волноваться, Нита! Вот увидите, скоро все выяснится! Если это действительно серьезное происшествие, то... — Тут музыка, которая, казалось, будет звучать и звучать, неожиданно оборвалась. Умолк и Сэм.

«Внимание — экстренное сообщение! — послышался голос диктора. — Два часа назад радиотелескопом спутника слежения был обнаружен объект, движущийся в сторону Земли по эллиптической орбите. Как выяснилось, это «Перикл» — корабль, отправленный на планету Юпитер...»

— Но ведь это когда было! — удивленно прошептала Нита.

«...не реагировал на попытки радиоконтакта. Достигнув околоземной орбиты и совершив шесть полных витков, вызванных серьезными неполадками в управлении, «Перикл» пошел на посадку. Несмотря на многочисленные радио- и световые сигналы, корабль уклонился от приземления на космодромах Сахары и Вумеры. Посадка, совершенная им в нью-йоркском аэропорту Кеннеди, повлекла за собой человеческие жертвы и нанесла значительный материальный ущерб. Более подробную информацию о происшествии слушайте в наших последующих выпусках...»

— Насколько скверным это может быть? — спросила Нита.

— Не исключено, что там сейчас настоящий ад, — угрюмо отозвался Сэм. — У них две тысячи посадок и взлетов в день. Совершенно не было времени на эвакуацию. Мы, правда, не знаем, в каком месте плюхнулась эта штука — может быть, за пределами полосы, а может быть...

— На здания?

— Мы этого не знаем, повторяю. Так или иначе, но «Перикл», насколько я помню, — громадина с многоэтажный дом и, кроме того, вещица довольно плотная. Мне жаль тех, кто оказался под ним.

— До чего же все это нелепо! Неужели они не могли найти более подходящего места?

— Но вы же слышали, Нита, что корабль был почти неуправляем. Никто вообще уже не ждал его возвращения, ведь со дня запуска прошло больше двух лет! Не знаю, в каком состоянии находятся сейчас уцелевшие члены экипажа, но то, что корабль удалось посадить, — несомненная удача для них.

— О Господи, что это? — пробормотал Келлер, ткнув пальцем в лобовое стекло.

Их дорога на гигантских опорах поднималась сейчас вверх, туда, где смешивались транспортные потоки Лонг-Айленда, города и аэропорта. Ангары и прочие сооружения последнего хорошо просматривались с верхней точки выгнутого моста. Но в привычной этой картине присутствовала теперь незнакомая, чужеродная деталь — огромное темное нечто, которое было раз в пять выше диспетчерской вышки и чей цилиндрический корпус — с квартал в диаметре — покрывали глубокие трещины. Вокруг клубился дым...

— Вы успели понять, в каком месте это было? — спросила Нита, когда они устремились вниз и все исчезло.

— Могу только сказать, что это было не в зоне аэропорта...

Регулировщики, и военные в том числе, выкидывая вперед, вверх и в стороны свои жезлы, помогли им быстро пробраться сквозь лабиринт подъездных дорог к воротам, ведущим непосредственно на летное поле. Появившийся впереди полицейский опрометью бросился к машине.

— Вы из Белвью? С комплектами?

— С ними, с ними... — Келлер ткнул большим пальцем себе за спину.

— Тогда поехали вон за тот ангар. — Кивнув вперед, полицейский вспрыгнул на подножку и крепко ухватился за открытую дверцу. Лицо его было вымазано чем-то масляным, а форма помялась и запылилась.

— Ну и денечек! — отдуваясь, сказал он. — Эта паяльная лампа поджарила взлетевший «Д-95», еще один самолет взорвала в воздухе, а потом аккуратненько села прямо на цистерну с горючим. Можете представить, что здесь творится. Я никогда не видел столько трупов... Подъедьте ближе к той машине, из ваших...

Когда они остановились, полицейский, спрыгнув, подозвал нескольких стоявших неподалеку механиков, и те принялись выгружать коробки.

Сэм помогал Ните выбраться из машины, когда к ним приблизился капитан полиции, выглядевший совершенно изможденным.

— Вы врачи?

— Да, — ответил Сэм. — Куда идти?

— Знаете что... Как выяснилось, вашего брата тут предостаточно — большая группа должна была лететь на симпозиум. Поэтому мы больше нуждаемся в инструментах, медикаментах и тому подобных вещах. Но только что с вышки сообщили, будто на шоссе, предназначенном для такси, они видели самолет — сразу после приземления этой проклятой штуковины. Я не успел проверить — работы, как видите, невпрово-

рот... Вы не займетесь этим? Тут недалеко, вы можете ехать прямо через поле — всякое движение прекращено...

— Разумеется, мы отправимся туда, капитан. Слышал, Доминг ес?

— Мы уже там, док. Держитесь покрепче! — прокричал Келлер, рванув с места свою тяжелую машину.

Опытный Сэм успел обхватить Ниту за талию — иначе последовало бы неминуемое падение.

— Ах ты, мой монстр! — обращаясь к машине, восхищенно воскликнул Келлер. Сама собою захлопнулась задняя дверца.

Объезжавший «Перикл» автомобиль был похож на жука, ползшего вокруг дерева. Из-под развороченных бетонных плит тянулись струйки дыма.

Корабль своими очертаниями напоминал артиллерийский снаряд. О внушительной толщине его оболочки можно было судить по глубоким, до метра, трещинам и выбоинам.

Они с невольным почтением смотрели на медленно проплывающую за окном автомобиля махину...

— Вот он! — крикнул вдруг Сэм, и Келлер резко затормозил.

С первого взгляда было понятно, что тут уже никому и ничем не поможешь. Небольшой реактивный самолетик был перевернут будто безжалостным щелчком, смят и сожжен.

Когда Сэму удалось пробраться в салон, он увидел там лишь обугленные тела.

— Мы должны вернуться назад. Там еще может понадобиться наша помощь, — решительно сказал он и взял Ниту под руку — как бы из опасения, что она споткнется на этой вздыбленной земле, а на самом деле оттого, что лицо ее внезапно побелело.

— Я... я вряд ли смогу быть полезной... — прошептала Нита. — Ведь у меня нет никакой практики, а в лабора...

— Это и будет вашей практикой. У вас все получится, я уверен... В первый момент всех нас потрясают подобные зрелища, а потом мы вдруг обнаруживаем, что наши руки машинально делают все, что полагается, чему нас учили. Держу пари, что вы хороший врач!

— Спасибо... — На лицо Ниты постепенно возвращались краски. — Спасибо за поддержку. Мне очень не хотелось выглядеть идиоткой...

— Вы вовсе не идиотка, Нита! И не стоит стыдиться того,

что вы не получаете удовольствия при виде смерти, особенно такой ужасной, как эта.

— Смотрите! Вверху!

С той стороны, где находился корабль, раздался пронзительный скрежет, и с двадцатифутовой высоты посыпались металлические обломки. Затем в корпусе обозначился круг диаметром футов в десять, который стал совершать вращательное движение, подобно огромной пробке.

— Это наружная крышка шлюзовой камеры, — сказал Сэм. — Похоже, они собираются выходить.

Глава 2

Над всегда оживленным аэропортом, впервые за долгие годы, нависла давящая тишина, не разрываемая ни гулом реактивных двигателей, ни ревом моторов вспомогательной техники. На взрытой земле суетились, поклевывая появившихся вдруг насекомых, скворцы. Высоко в небе, расправив крылья, парила чайка, залетевшая сюда с океана. Она высматривала, не попалось ли этим скворцам что-то действительно съедобное. Но вот, вспугнутая громким скрежетом, чайка стремительно улетела прочь. Тяжелая крышка люка дрогнула...

— Послушай, Келлер. Выгрузишь оставшиеся комплекты, найдешь кого-нибудь из полиции и расскажешь все об обнаруженном самолете. Только быстро!

Едва машина исчезла вдали, послышалось слабое гудение электромотора — усиливавшееся по мере того, как все шире открывалась крышка. Из люка выпала, разматываясь на лету, складная металлическая лестница, и появившийся вслед за ней человек стал очень медленно, нащупывая ногой каждую ступеньку, спускаться.

— С вами все в порядке? — крикнул Сэм. — Помощь не нужна?

Ответа не последовало. Человек продолжал свой спуск, и видно было, что каждое движение стоит ему больших усилий.

— Наверное, я все же поднимусь, — пробормотал Сэм. — А то...

— Падает! — вскрикнула Нита.

Футах в десяти от земли руки мужчины разжались, и он, перевернувшись в воздухе, грузно упал на бок.

— Спокойно, Нита, спокойно... — сказал Сэм, когда они

подбежали к лежавшему и склонились над ним. — Сейчас я переверну его на спину, а вы тем временем освободите руку. Только осторожней — думаю, что она сломана.

— Его лицо! Что это?!

Нарывы величиною с грецкий орех покрывали бледную кожу лица, шеи и рук — частей тела, не скрытых серым комбинезоном.

— Вероятно, какая-то разновидность фурункулеза... — задумчиво произнес Сэм. — Хотя ничего подобного мне встречать не приходилось. А что, если это...

Он не закончил, но резко участившееся дыхание Ниты свидетельствовало о том, что она поняла недосказанное. Когда Сэм посмотрел ей в глаза, там был страх, там был тоже страх...

— Пахиакрия Тофольма, — почти беззвучно прошептала она.

— Может быть. Хотя утверждать преждевременно. Как бы там ни было, нужно принять все меры предосторожности...

Он хорошо помнил о случившемся с Тофольмом. Бактерии, инфицировавшие этого лейтенанта во время первой экспедиции на Венеру, дали знать о себе лишь по возвращении на Землю. Эпидемии удалось избежать, но немалое количество людей все же умерло, а некоторым пришлось ампутировать ступни и кисти рук. Это говорило о значительной опасности вируса, поэтому во избежание рецидивов карантинный режим для космических кораблей был с того времени ужесточен...

Звук автомобильного двигателя заставил Сэма стремительно вскочить на ноги. За Келлером следовали еще два автомобиля.

— Сто-ой! — крикнул Сэм, выбегая им навстречу и размахивая высоко поднятыми руками.

Взвизгнули тормоза, и полицейские стали торопливо выбираться из своих машин.

— Сюда нельзя! — снова закричал Сэм. — Отъезжайте на пятьдесят ярдов назад! С корабля спустился человек! Он болен! Необходим строжайший карантин! Мы — доктор Мендель и я — останемся с ним!

По команде, хрипло отданной капитаном, полицейские отъехали на безопасное расстояние. Машина же, в которой сидел Келлер, не шелохнулась.

— Могу помочь, док! — Непринужденность, с какой это было сказано, контрастировала с бледностью говорящего.

— Спасибо, Келлер. Мы справимся сами. Кроме того, никто больше не должен приближаться к нему... Я хотел бы, чтобы ты, во-первых, удалился от этого места, потом — позвонил бы в госпиталь и, подробно доложив о случившемся, убедил их в необходимости срочно связаться с Центром здоровья. Я намерен доставить этого человека в карантинное отделение — если, конечно, не будет каких-либо других распоряжений... Да, не забудь о переборке между кабиной и салоном. Обязательно проверь герметичность. Кажется, все... Трогай. И не исчезай надолго.

— Да, профессор! — Келлер улыбнулся одной стороной лица, и автомобиль с ревом укатил.

Нита уже вскрыла два пакета с медикаментами и инструментарием и надела на руку больного регистрирующий браслет.

— Похоже, сломана лучевая кость, — не поднимая головы, сообщила она подошедшему Сэму. — Дыхание поверхностное, температура 38,2. В сознание еще не пришел.

— Вам лучше отойти в сторонку, Нита, — сказал Сэм, опускаясь рядом с ней на колени. — Ни к чему нам обоим подвергаться опасности.

— Глупости. Я рискую не больше, чем обычно. Да и какое это сейчас имеет значение, если я врач.

— Спасибо вам. — Сэм улыбнулся, и лицо его на миг посветлело. — Откровенно говоря, помощь мне не помешает...

Глаза больного открылись, и из глубины гортани донеслось слабое клокотание. Сэм разомкнул его челюсти и стал внимательно осматривать полость рта.

— Сухой ороговевший язык... вероятно, следствие жара... Отек слизистой оболочки гортани... Не пытайтесь разговаривать со мной! С таким горлом у вас все равно ничего не выйдет! — Последние слова предназначались лежавшему, который действительно пытался что-то сказать.

— Взгляните на его руку! Он, кажется, хочет что-то написать! — взволнованно воскликнула Нита.

Сэм протянул больному свой фломастер и подставил блокнот таким образом, чтобы ему было удобно писать.

Рука двигалась очень неловко, дрожа: правша был вынужден писать левой рукой. Усилия, ценой которых ему удалось

кое-как вывести трудноразличимые каракули, в конце концов ослабили его настолько, что он снова потерял сознание.

— «Больной»... «на кора»... наверное, «на корабле», да? Что это значит, Сэм?

— Может быть, он хотел написать: «болезнь на корабле»? И предупредить об инфекции? Или сообщить о том, что там, наверху, есть кто-то еще? Я должен немедленно подняться туда!

Нита собралась было что-то сказать, но передумала и нагнулась к регистрирующему устройству.

— Состояние прежнее. Не лучше и не хуже. По-моему, ему уже давно следовало бы находиться в госпитале.

— Мы не можем везти его туда без санкции Центра здоровья. Пока же единственное, что позволительно сделать, — это уложить больного поудобней. И прошу вас, не вправляйте ему руку — просто наложите шину и все. А я наведаюсь на корабль... Да, не забудьте, Нита, надеть изоляционные перчатки, прежде чем прикоснетесь к нему! Кстати, и мне не мешает сделать то же...

Они оба натянули длинные, доходящие до локтя перчатки из тонкого, но чрезвычайно плотного синтетического материала, а Сэм вдобавок вставил себе в ноздри фильтровальные затычки. Перекинув через плечо сумку с медикаментами, он быстро взобрался по лестнице и исчез внутри шлюза.

Это было тесное, напоминающее металлический ящик помещение. Рядом с широкой, наглухо запертой дверью в дальней стенке чернела небольшая коробка переговорного устройства. Тут же располагался пульт управления, подойдя к которому Сэм нажал кнопку «ОТКР.». Ничего не произошло. Дверь осталась закрытой.

Сэм стал нажимать все кнопки подряд, однако управление по-прежнему бездействовало. Тогда он повернулся к телефону и, пробежав глазами список номеров, набрал 211 — номер рубки управления. В трубке щелкнуло, и экран засветился.

— Эй! Есть кто-нибудь? С вами говорят из шлюза!

На экране был виден акселератор, за ним — пустое кресло, а дальше — уже мутно — стеллажи с приборами. Людей не было.

Набрав номер машинного отделения, Сэм вновь поговорил с пустотой.

Такими же безлюдными оказались и остальные помещения корабля. В ответ на свои настойчивые вызовы Сэм слышал лишь эхо собственного голоса и все более убеждался в том,

что их пациент был единственным человеком, прилетевшим на этом корабле...

Спускаясь по лестнице, Сэм отметил, что количество стоявших поодаль автомобилей увеличилось. И тут же до него донесся многократно усиленный динамиком голос вышедшего вперед полицейского:

— Доктор Бертолли? Вас вызывает госпиталь! Вас вызывает госпиталь! Сейчас вам доставят аппарат!

Сэм помахал рукой, показывая, что все слышал и понял — а потом, ступив на землю и сняв с плеча тяжелую сумку, зашагал к телефону, поблескивающему на полпути между кораблем и полицейским.

— Ну, что наш больной? — вернувшись, спросил он у Ниты.

— Не танцует и, кажется, не рвется... Очень слабый пульс. Температура без изменений. Может, ввести что-то жаропонижающее? Или антибиотики?

— Подождите, Нита: я должен переговорить с госпиталем.

На маленьком экране, разделенном вертикальной полоской на две равные части, появились незнакомый седой мужчина внушительного вида и перепуганный Мак-Кей, глава отдела тропической медицины — тот самый Мак-Кей, под руководством которого была в свое время разработана методика лечения пахиакрии Тофольма.

— Доктор Бертолли, мы уже слышали о человеке с корабля, — с ходу начал Мак-Кей. — А это профессор Чейбл из Всемирного центра здоровья. Будьте добры, покажите нам своего пациента.

— Разумеется, сэр. — Сэм развернул аппарат таким образом, чтобы лежавший без сознания астронавт, а также показания регистрирующего устройства попали в объектив передающей камеры. Спустя некоторое время он продемонстрировал и записку больного.

— Вы убеждены в том, что на корабле никого больше нет? — спросил Чейбл.

— Не совсем — ведь мне не удалось попасть внутрь... Но обзвонив все, что было можно, я не обнаружил там никого — ни живого, ни мертвого.

— Вы не смогли открыть дверь?

— Не смог, сэр. По всей видимости, отключено управление.

— Понятно, — кивнул Чейбл. — Оно ведь работало, когда этот человек выходил? Значит, он сам и отключил его. А по-

том, на всякий случай, предупредил нас об опасности еще и запиской... Полагаю, что у нас предостаточно оснований немедленно подвергнуть корабль карантину, загерметизировав его и обеспечив внешнюю стерилизацию. Никто не приблизится к нему, пока не будет выяснено, что это за болезнь.

— Отвезите больного в госпиталь, — продолжил Мак-Кей. — Все, кто находился в палате строгого карантина, уже переведены в другие места.

— Не дать ли ему сейчас каких-то лекарств, сэр?

— Лекарств? Пожалуй... Даже если эта инфекция — что-то неведомое, способы ее воздействия на организм не бесчисленны... Смело угощайте его аспирином и такими антибиотиками, как...

— Мегациллин?

— Вот-вот.

— Хорошо, сэр. Мы выезжаем через несколько минут...

Экранное изображение еще не успело исчезнуть, а Нита уже приготовила все необходимое для инъекций, которые тут же и были сделаны.

Задним ходом подъехал Келлер, и, пока Сэм возился с каталкой, в небе появились вертолеты. Очевидно, они были подняты в воздух еще до телефонного разговора и теперь, когда поступило соответствующее распоряжение, лишь приблизились.

Два вертолета, медленно покружив, скрылись за корпусом корабля. Спустя мгновение оттуда донесся странный рев и повалили густые клубы черного дыма.

— Что это? — вскрикнула Нита.

— Огнеметы. Чтобы инфекция не распространилась, должен быть обработан каждый дюйм корпуса корабля и окружающего грунта.

...Повернувшись назад, чтобы закрыть дверцу, Сэм увидел скворца, волочившего по земле крыло. Бедолагу, вероятно, чем-то ранило... Неподалеку, с разинутым клювом неподвижно замерев на боку, лежала еще одна птица.

Глава 3

На этот раз Келлер превзошел самого себя. Он знал, что больной крайне плох и что от того, как быстро они доберутся до госпиталя, зависит очень многое. Но не эти — при всей их важности — мотивы были для него решающими...

Едва взвыл турбодвигатель, как полиция полностью перекрыла все движение, обеспечив Келлеру беспрепятственный проезд по шоссе.

Нещадно швырнув стрелку спидометра за отметку «100», он полетел по самой середине бетонной дороги. Слева и справа над ним почтительно стрекотали два бело-зеленых полицейских вертолета, а еще один на предельно малой высоте летел впереди. И этот последний, поблескивающий объективами камер, не давал Келлеру забыть о том, что весь мир, прильнув сейчас к экранам своих телевизоров, смотрит на него!

На Флашинг-Медоуз, сжав покрепче руль, он повернул, не сбавляя скорости, и представил, как эффектно должны выглядеть свежепрочерченные черные дуги на светлой поверхности шоссе. О телевидение!..

В машине умирал человек, жаропонижающее почти нормализовало температуру, но пульс все слабел и слабел.

Сэм направил на грудь пациента ультрафиолетовый луч, надеясь прочитать хоть что-то в его невидимой медицинской карте, но ужасные фурункулы сделали это невозможным.

— Чем еще мы можем помочь ему? — с отчаянием спросила Нита.

— Мы сделали все, что в наших силах... И больше сделать ничего нельзя, пока неизвестен механизм самой болезни... — Сэм смотрел на напряженное лицо и дрожавшие руки молодой женщины, еще не знакомой с холодным дыханием смерти. — Хотя подождите... Кое-что сделать можно... И вы с этим справитесь лучше, чем я... — Он вытащил из-под сиденья небольшую коробку и вскрыл ее. — Ведь вашему отделу непременно потребуются анализы крови, слюны и фурункулезного гноя, не так ли?

— Конечно! — Нита энергично выпрямилась. — И я займусь этим сейчас же! Не нужно будет терять времени по прибытии!

Ее проворные руки занялись делом, и Сэм, понимая, как необходима для нее именно такая работа, именно в такой момент, помогать не спешил. Откинувшись на спинку сиденья и раскачиваясь в такт движению бешено несущейся машины, он вслушивался в хриплое дыхание пациента, перекрывавшее шум воздухоочистителей.

Когда Нита взяла наконец все пробы, над каталкой был установлен кислородный тент с фильтрующим выходным отверстием.

— Это сведет на нет возможность заражения, — пояснил Сэм, — и слегка разгрузит сердце.

Гидропривод бесшумно распахнул задние дверцы перед платформой приемного отделения.

— Моя помощь не нужна? — раздался голос Келлера.

— Спасибо, дружище, мы уж как-нибудь сами... Кстати, не вздумай выходить! Сейчас сюда придут дезинфекторы!

— Слушаюсь и повинуюсь... — смиренно ответил динамик.

Пока Сэм вез больного к лифту, а Нита, бежавшая рядом, тревожно поглядывала на пациента и на показания регистрирующего устройства, к их машине уже подошли люди в глухих пластиковых костюмах с большими резервуарами за спиной и длинными распылительными трубками в руках. Возглавлял группу сам Мак-Кей, шеф отдела тропической медицины.

«Внимание — дистанционное управление», — сообщил металлический голос, как только каталка въехала в кабину лифта. Двери закрылись...

Коридор шестидесятого этажа тоже был пуст, а все двери плотно закрыты, как и надлежало в таких случаях. Скоро вслед за ними сюда поднимутся дезинфекторы...

Бесшумно отъехала первая из массивных дверей карантинной палаты и так же бесшумно вернулась на свое место после того, как они шагнули внутрь. Открылась вторая дверь.

— Так... Сейчас уложим его на кровать, и вы сможете отправить пробы в лабораторию...

Сэм почувствовал облегчение. Конечно, он все еще отвечал за состояние своего пациента, но скоро, с минуты на минуту, часть ответственности ляжет на других врачей. И если бедняге суждено умереть, виноват в этом будет не только Сэм Бертолли... Ему стало стыдно за свои мысли.

Пока Нита укладывала пробы в пневмопочтовые капсулы, Сэм подошел к столику с разложенными на нем регистрирующими приборами и взял в руки небольшую, похожую на картофельную кожуру, черную пластину, в которой были объединены тонометр и термометр. Прикрепив прибор с помощью хирургического клея к запястью больного, Сэм повернулся к монитору. Показания были более чем плохи... Оставалось включить электрокардиограф, энцефалограф, анализатор крови и — ждать, что там, наверху, решат...

Коротко пискнул сигнал, и на экране появилось лицо доктора Гаспарда.

— Точного диагноза пока нет, Бертолли, — сказал он. — Мы имеем дело с совершенно неизвестной болезнью — вот единственное, в чем никто не сомневается. Да, еще... Пациент опознан Космической комиссией как второй пилот «Перикла» Ренд. Сейчас вам покажут его медицинскую карту.

— Хорошо... Будут ли какие-то указания по лечению?

— Нет. Ничего нового, во всяком случае. Продолжайте поддерживать его в прежнем состоянии...

Голос был заглушен резким сигналом тревоги. На экране монитора мигали красные буквы — «ЭКГ».

— Фибрилляция! — крикнул Гаспард, когда Сэм уже выхватил из распахнутого шкафа коронарный стимулятор.

Сердечная мышца Ренда не сокращалась, как ей положено, а конвульсивно дергалась, как раненый зверь.

Два довольно сильных электрических разряда уняли беспорядочные толчки. После короткой паузы сердце заработало, но теперь слишком вяло.

Сэм повернулся к шкафу и увидел, что Нита уже достает кардиостимулятор.

— Это? — спросила она.

Сэм кивнул.

Сделав широкий разрез грудной клетки, он осторожно ввел туда два проводочка и, когда фибрилляция возобновилась, включил мотор.

За спиной Сэма тихо загудело, и энергия, заменившая нервные импульсы, заставила сердце биться вновь — теперь уже в навязанном ему ритме — биться и гнать кровь по артериям лежащего без сознания Ренда.

Однако это было началом конца. Жизнь астронавта угасала, надежда на его спасение уже умерла, и в чудо никто не верил.

Сэм и ассистировавшая ему Нита делали все, что могли, — но тщетно. Антибиотики не действовали на таинственный микроорганизм, и болезнь развивалась с устрашающей быстротой. Едва ли не все органы были в большей или меньшей степени поражены ею. Почечная недостаточность и некроз подталкивали человека к уже совсем близкой роковой черте...

Сэм не смотрел на экран и пропустил этот момент. Усталый голос Гаспарда заставил его вздрогнуть.

— Энцефалограф чертит прямую, доктор... Я благодарю вас и коллегу Мендель, вы сделали все возможное... Ему ничем нельзя было помочь...

Экран потух. Сэм выключил один за другим приборы, теперь уже бесполезные, и тупо уставился на мертвого человека. Несколько секунд понадобилось ему для того, чтобы стряхнуть с себя оцепенение, несколько бесконечно долгих секунд... Пациент мертв — и это непоправимо. Надо жить дальше...

— Здесь мы больше не нужны, — сказал он Ните, беря ее под руку и уводя подальше от кровати.

Она не спускала глаз с лица умершего, пока Сэм не накрыл его простыней.

— А теперь — в дезинфекционную камеру, доктор! — энергично скомандовал он. — Со всем, что на вас, включая обувь и нижнее белье, придется распрощаться. Контейнер для сжигания вы обнаружите там же. Ну и — как следует помыться... На стене висит инструкция, если возникнут какие-то вопросы...

Стаскивая на ходу перчатки, Нита направилась к двери.

— Нет, — сказала она, внезапно остановившись. — Вы контактировали с ним гораздо больше и первым должны...

— Мне надо еще кое-что сделать, — ответил Сэм, жестом подгоняя ее.

...Когда Нита появилась вновь, одетая в стерильный балахон и обутая в хлопчатобумажные тапочки, палата была совершенно другой. На кровати не было даже матраса. Исчез и Ренд.

Сэм, поймав ее вопросительный взгляд, кивнул на квадратную дверь из нержавеющей стали.

— Велели поместить его туда. Что-то вроде морга. Тело замораживается жидким азотом. Это, конечно, усложнит вскрытие, но так решили наверху. Впрочем, что я тут рассказываю — вы ведь работаете в патологии и все прекрасно знаете... Нита, подежурьте тут, пока я помоюсь! Кстати... Мы не выйдем отсюда, пока не получим разрешения.

Нита с наслаждением опустилась в кресло. Только сейчас она поняла, как сильно устала за эти несколько часов.

Вошедший Сэм застал ее все в той же расслабленной позе. Он сразу подошел к шкафу и извлек оттуда два регистрирующих браслета.

— Нам следовало сделать это раньше, Нита. Потому что, если... если мы заразились... то лучше об этом узнать сразу...

Протянув ей один из браслетов, Сэм подошел к полке с лекарствами и взял небольшую, наполненную прозрачной жидкостью бутылку.

— Строго по предписанию врача! — подняв вверх указательный палец, сказал он. — Ну-ка, что у меня в руке?

— C_2H_5OH.

— Правильно! Это действительно этиловый спирт! По-моему, мы оба ходили в одну и ту же школу... Имеется, конечно, множество вариантов использования этого универсального растворителя, но, учитывая потребность в безотлагательном лечении, я выбираю самый простой и эффективный из них!

— Субкраниальную инъекцию?

— Ну зачем же так грубо...

Сэм достал из холодильника банку апельсинового сока и, смешав его со спиртом в пропорции один к одному, разлил полученный продукт в две большие мензурки.

Они улыбнулись друг другу и сделали несколько глотков, стараясь не глядеть на блестящую квадратную дверь, но думая только о ней. А потом уселись у окна. Уже смеркалось, и между темными силуэтами зданий проглядывало догорающее небо.

— Никак не вспомнить... — пробормотал Сэм, глядя перед собой невидящим взором.

— О чем вы? Разве можно было спасти его?

— Да нет, с беднягой Рендом это не связано — непосредственно, во всяком случае. Что-то касающееся корабля... Я видел это перед тем, как мы уехали...

— Подождите. Перед тем, как мы уехали, ничего особенного, насколько я помню, не произошло. Ну, прилетели эти вертолеты...

— Вот-вот, что-то связанное с ними! — Тут он резко вскочил, выплеснув содержимое мензурки на пол. — Нет! Не вертолеты, а птицы! Вы помните этих птиц?

— К сожалению, я не...

— Птиц, находившихся рядом с кораблем! Закрывая дверцу машины, я увидел на земле несколько покалеченных скворцов и решил, что они пострадали в момент посадки «Перикла». Но ведь их не было, когда мы приехали туда! Значит... — Не договорив, он бросился к телефону.

Профессор Чейбл, ради разговора с Сэмом прервавший совещание, слушал молча, и только складка над его переносицей делалась все глубже и глубже.

— Нет, доктор, я впервые слышу об этих птицах. Вы полагаете, здесь существует какая-то связь?

— Мне бы очень хотелось, чтоб ее не было.

— Там у них уже все оцеплено... Я, конечно, немедленно пошлю своих людей взглянуть на птиц, а вы, Бертолли, независимо от результатов их наблюдений, непременно подайте свой рапорт! К тому времени... Одну минуточку! — Чейбл отвернулся, чтобы с кем-то переговорить. Вскоре он уже вертел в руке пачку фотоснимков. — Только что из-под микроскопа, Бертолли! Обнаружен микроорганизм, во многом напоминающий вирус оспы.

— Оспа?! Но ведь симптомы...

— Не те, понятно. Потому что в его строении есть поразительные особенности... А потому, Бертолли, я попросил бы вас, а также доктора Мендель помочь мне разобраться в этой чертовщине...

Нита, уже давно стоявшая за спиной Сэма, ответила за обоих:

— Конечно, профессор. Мы сделаем все, что будет в наших силах.

— Ваш карантин продлится до окончательного выяснения природы этой таинственной болезни, и раз уж у вас под рукой Ренд...

— Мы готовы произвести вскрытие, профессор, — ответил на этот раз Сэм. — Не стоит подвергать риску заражения других людей.

— Вообще-то такими вещами должен заниматься Центр здоровья, но, учитывая особые обстоятельства...

— Да, конечно, мы это сделаем сами... Будет ли вестись запись?

— Разумеется. Мы будем записывать все — от первой до последней минуты...

Даже с помощью ультразвукового скальпеля анатомировать замороженный труп Ренда оказалось делом нелегким. К тому же они переоценили свою профессиональную невозмутимость.

Теперь стало окончательно ясно, что недавние попытки спасти этого человека были совершенной нелепостью. Бесчисленные каверны, кисты и язвы изъели почти все.

Сэм занимался собственно секцией, в то время как Нита подготавливала мазки и тонкие срезы тканей для немедленной отправки в лабораторию.

Их потревожили всего раз. Профессор Чейбл сообщил, что неподалеку от корабля обнаружены мертвые птицы — множество скворцов и одна чайка — и что все они доставлены в лабораторию Всемирного центра здоровья.

Когда все инструменты были тщательнейшим образом простерилизованы, уже начались новые сутки.

Нита, вернувшаяся из дезинфекционной камеры с обвязанной полотенцем головой, застала Сэма за разглядыванием фотоснимков.

— Вот, посмотрите... — сказал он. — Только что прислали из лаборатории. На телах мертвых птиц обнаружены язвы.

— Нет! Этого не может быть!

— А вот как выглядит вирус... — Сэм протянул ей другой снимок. — Он идентичен вирусу Ренда.

Медленно опустившись на кушетку, Нита подобрала под себя ноги. В халате, едва прикрывавшем колени, без обычной косметики на лице, она была теперь просто привлекательной женщиной, а никаким не врачом...

— Вы хотите сказать, что...

— Ничего, — мягко перебил Сэм. — Ничего здесь пока что не ясно. Вопросы, вопросы, вопросы... Почему, например, корабль так долго был на Юпитере? И как так вышло, что вернулся один только Ренд? При каких обстоятельствах он подхватил эту болезнь? А птицы? Как это перекинулось на них? И отчего, если уж вирус настолько свиреп, что птицы умирают, едва соприкоснувшись с ним, отчего мы с вами еще... э-э... не заболели...

Тут же пожалев о сказанном, он умолк. Нита сидела неподвижно, склонив голову набок и закрыв глаза. Представив, что эти глаза наполняются сейчас слезами, Сэм порывисто взял ее руку в свою и сразу же почувствовал ответное пожатие. Нита откинулась назад — снимок, который она до сих пор сжимала, упал на пол, — и он наконец понял, что она спит.

Укрыв ее пледом, выключив свет и приготовив себе новую порцию спиртово-апельсинового коктейля, Сэм устроился на одной из кроватей и принялся размышлять. Что же это за чума такая?.. Круговорот мыслей, так или иначе связанных с этим вопросом, в конце концов убаюкал его...

Проснувшись, Сэм увидел освещенную ярким солнцем пустую кушетку. Он поднес к глазам регистрирующий браслет. Все было по-прежнему в норме.

— Вы намерены спать до конца жизни? — донесся из кухни голос Ниты, и что-то загремело. — Уже полседьмого!

Она вошла с чашкой кофе для него. Волосы были туго перевязаны на затылке, а губы слегка тронуты помадой. В ней было сходство с начинающимся летним денечком...

— Я хотела связаться с Центром, но решила подождать, пока вы проснетесь, — сказала Нита и повернулась к телефону.

— Потом! Потом! — закричал Сэм с шутливым испугом. — До завтрака — никаких центров! Если, конечно, у вас там действительно завтрак...

— Искуснейшего приготовления, сэр! С использованием натуральнейших сосисок и отборных яиц! Ручная работа!

— Где же, где это чудо?!

Словно заранее сговорившись, они оба старались подольше не подпускать к себе окружающий мир с его проблемами. Сейчас не существовало ничего — только они, завтракавшие на головокружительной высоте в лучах утреннего солнца.

Налив еще по чашечке кофе, они пили, смакуя и поглядывая то на безоблачное небо, то на простирающийся перед ними город.

— Вы давно в Нью-Йорке? — спросила Нита.

— Угу... — кивнул Сэм. — Если не считать девяти лет службы в войсках ООН — всю жизнь.

— Девять лет? Ого! Я сразу подумала, что вы немножко... ну... — Она сконфуженно смолкла.

Сэм рассмеялся.

— Немножко староват для интерна, да? Пожалуй, вы правы!

— Я не то хотела сказать...

— Бросьте, Нита! Действительно, было время, когда я чувствовал себя переростком и здорово переживал по этому поводу... Но с тех пор моя шкура основательно задубела. Стыдиться того, что столько лет отдано армии? Но мне это нравилось, и я даже успел дослужиться до капитана, прежде чем решил уволиться!

— Была какая-то особая причина?

— Безусловно. Но подсознательно я был уже готов к этому... Видите ли, там у нас был прекрасный врач, он же мой лучший друг — Том. И однажды я с удивлением обнаружил, что в его работе гораздо больше смысла, чем в моей. Том никогда не агитировал меня — он просто отвечал на все идиотские вопросы и позволял мне присутствовать при операциях... Окончательное же решение я принял после того, как пришлось побывать в одной тибетской деревушке. Наш де-

сант, заброшенный туда, должен был помешать столкновению индийцев с китайцами... Я впервые увидел такую нищету и столько больных людей вместе — и подумал: почему той единственной вещью, которую мы принесли сюда, оказалась винтовка?..

Рассказ Сэма был прерван осиным жужжанием телефона.

На экране появился Мак-Кей. Мешки под его глазами красноречиво свидетельствовали о том, что он, как и весь отдел тропической медицины, работал ночь напролет.

— Как чувствуете себя? — резким тоном спросил Мак-Кей. — Нет ли каких-то симптомов?

Сэм взглянул на свой регистратор, потом — на регистратор Ниты.

— Все в норме, сэр. Ничего подозрительного... Не было ли за это время случаев заболевания?

— Ни одного. В контакте-то с Рендом были только вы двое... — Закрыв глаза, он принялся растирать свой лоб. — Ни единого случая заболевания болезнью Ренда — по крайней мере, у людей...

— А что птицы?

— Да, о птицах... Зафиксирован мор. Центр здоровья уже передал по радио предупреждение о том, чтобы люди не прикасались к больным или мертвым птицам и немедленно сообщали в полицию о фактах обнаружения таковых.

— Заражены ли другие животные? — спросила Нита.

— Нет, пока только птицы — и на том спасибо... И то, что вы в порядке, — тоже обнадеживает. Если вдруг обнаружите что-то необычное, немедленно дайте знать. Всего доброго. — Мак-Кей положил трубку...

— Кофе остыл. Сейчас подогрею, — глотнув из своей чашки, сказала Нита и открыла микроволновую печь. — Странная какая-то болезнь... Неправильная...

— Вас это удивляет? А разве не следовало ожидать, что болезнь, привезенная из космоса, будет чуждой для нас?

— Новой — может быть, но никак не чуждой. Ведь каким бы диковинным ни был этот вирус — воздействовать на организм он может лишь строго ограниченным числом способов! Совершенно чуждое не смогло бы повредить человеку. Скажем, грибок, которого интересует жизнь только кремниевой природы...

— Или бактерия, жизнеспособная только при минус тридцати...

— Совершенно верно! Нам неведом вирус, сразивший Ренда, но вполне понятны болезненные реакции его организма — жар, нефроз, фурункулез и тому подобное... Либо инфекция распространилась по всему организму, либо это нечто такое, что атакует несколько органов одновременно. Нова в данном случае лишь комбинация уже известных факторов.

Сэм налил себе кофе.

— Ну что ж, звучит обнадеживающе... А то я, откровенно говоря, уже вообразил себе этакую космическую чуму, распространившуюся по всей Вселенной... — Он внезапно нахмурился. — А как с птицами? Им тоже найдется место в вашей теории?

— Пока нет... Возможно, у них та же болезнь или почти та же. Если это действительно так, то будет очень кстати обнаружение вируса Ренда у кого-то еще. Вряд ли медикаментозное лечение даст хорошие результаты, но мы сможем создать вакцину... Поскорей бы узнать, что там с лабораторными исследованиями...

— Да, я тоже не прочь узнать результаты... Но давайте-ка, Нита, уж смиримся с необходимостью пребывания здесь, пока таковая существует. Вы можете заняться своими пробами, а вот мне, только и знающему, что разъезжать на тарантасе, делать абсолютно нечего... Позвоню-ка я кое-кому из друзей и разведаю, что творится в мире...

Все утро Нита работала в небольшой, но прекрасно оснащенной лаборатории, какие существуют при любой карантинной палате. До нее долетали неясные обрывки телефонных разговоров Сэма и шипение пневмотранспортера. Около полудня она вышла передохнуть и увидела Сэма, склонившегося над большой, во весь стол, картой.

— Вот, посмотрите, — сказал он. — Это Лонг-Айленд, а здесь — аэропорт Кеннеди. Я запросил все копии сообщений о мертвых птицах и отметил на карте все точки их обнаружения. Как вам нравится мой рисунок?

Нита задумчиво провела пальцем по линии, образованной красными цифрами.

— Все — вдоль южного побережья! — воскликнула она. — С наибольшим числом вдоль Лонг-Бич и Сидерхеста!

— Да, там, на канале Рейнольда, найдено больше двух тысяч мертвых уток... А скажите, Нита, вы не обратили внимания на то, в какую сторону, я имею в виду стороны света, был открыт люк?

— Мне было не до этого, ведь...

— Мне тоже. Поэтому я навел справки... Он открылся именно в сторону Лонг-Бич! А теперь — маленький штришок...

Он взял линейку и провел жирную красную линию, взглянув на которую Нита едва не задохнулась от неожиданности.

— Но ведь это же большинство пораженных точек! Правда, если ветер дул именно в ту сторону...

— Вчера — вспомните! — почти не было ветра. Сильного, во всяком случае.

— Не хотите ли вы сказать, что вирус, инфицировавший этих птиц, распространился, как... луч прожектора?

— Я ничего не хочу сказать, Нита. Я только нанес на карту точки. Может быть, вирус и в самом деле распространился упомянутым вами способом. Не стоит навязывать неизвестному организму наши правила поведения. Он, кажется, и не думает соблюдать их... — Сэм, расхаживая взад-вперед, бил кулаком по ладони. — До тех пор пока вирус Ренда будет поражать только птиц, мы в капкане... Нас могут тут мариновать сто лет, дожидаясь, пока мы заболеем...

Монолог был прерван сигналом телефона. Звонил Чейбл из Центра здоровья. У него был загнанный вид, и голос его был едва слышен.

— К вам везут пациента, Бертолли. Будьте добры, подготовьтесь к приему.

— Вы хотите сказать, что...

— Да. Болезнь Ренда. Полицейский. Один из тех, кто подбирал мертвых птиц.

Глава 4

Пока Нита заправляла постель, Сэм бросал выжидающие взгляды на входную дверь. Индикаторная лампочка своим миганием показывала, что внешняя дверь пока закрыта.

Но вот приглушенно загудел мотор и показалась каталка. Лежавший на ней полицейский, одетый в форму, приподнялся на локтях и посмотрел на Сэма.

— Не знаю, доктор, зачем меня сюда... Слегка поднялась температура — обычная летняя простуда, знаете ли...

Он сказал это совершенно будничным тоном, но с очевидным желанием успокоить самого себя. Лицо его покрывали красные пятна, грозившие превратиться в фурункулы.

Сэм потянулся к медицинской карте.

Итак — Фрэнсис Майлз, 38 лет, офицер полиции... Вся информация была напечатана на машинке, и только в нижней части листа крупными каракулями было приписано: ВИРУС РЕНДА — РЕАКЦИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ.

— Что с вами, Фрэнк, — это мы выясним, — ответил Сэм, с невозмутимым выражением лица прикрепляя карту на место. Он втолкнул каталку в палату, и дверь тотчас закрылась...

Нита — сама жизнерадостность, — энергично взбив подушку, тут же предложила полицейскому меню, заметив, что он выглядит весьма голодным, и даже извлекла из недр холодильника бутылку пива.

Сэм, не мешкая, прикрепил к сухой, горячей коже пациента регистрирующее устройство и вскоре получил первые данные. Температура за пятнадцать минут поднялась на целый градус.

Когда начали формироваться первые фурункулы, Сэм, выйдя в смежную комнату и прикрыв за собой дверь, нажал несколько стертых костяшек наборной клавиатуры.

— Мы следим за вами по монитору, — сказал Мак-Кей.

— Будут какие-то рекомендации?

— Пока нет. Это сейчас обсуждается.

— И вам даже нечего посоветовать? — Сэм раздраженно сжал кулаки.

— Видите ли, у нас тут некоторые расхождения во взглядах... Исходя из того, что лечение Ренда оказалось неэффективным, полагаю, что уместно будет дополнить все прежние средства интерфероном, который уже на пути к вам. Кроме того, кислородная терапия в сочетании с повышенным давлением и...

— Мистер Мак-Кей, — прервал его Сэм. — У нас нет барокамеры, а значит, для этого его необходимо снова куда-то везти. Не забывайте, что приборы не врут! Этот человек тает на глазах! Вы когда-нибудь сталкивались с болезнью, прогрессирующей так быстро?

Мак-Кей устало покачал головой.

— Так разрешите же мне, — продолжил Сэм, приблизившись к аппарату вплотную, — пока не поздно, ввести интерферон с антибиотиками, не дожидаясь чьего бы то ни было решения! Не могу же я сидеть сложа руки!

— Да, конечно, Бертолли... Ведь он, в конце концов, ваш пациент... Я полностью разделяю вашу точку зрения и уведомлю комиссию...

Положив трубку, Сэм обнаружил стоявшую за его спиной Ниту.

— Вы все слышали?

— Да, и, по-моему, вы правы. Не видя пациента вблизи, они не очень отчетливо все представляют... Он тут внезапно пришел в чуть ли не истерическое состояние, и я ввела суринал, шесть кубиков.

— Правильно, Нита... А теперь давайте посмотрим, не приехал ли наш интерферон.

Капсула уже была в приемной нише, и, пока Нита протирала пациенту руку, Сэм быстро наполнил шприц.

Полицейский лежал на спине, закрыв глаза и тяжело дыша ртом. Тело его было покрыто красными вздутиями фурункулов.

Сэм сделал сначала внутривенное вливание — чтобы поток крови разнес лекарство по всему организму, а затем погрузил иглу в один из фурункулов.

— Для контроля, — пояснил он, отмечая это место йодовым кружком. — Локальное применение интерферона всегда более эффективно. В сочетании с антипиретиками можно добиться неплохих результатов...

Изменений в состоянии больного, однако, не последовало, хотя температура упала на два градуса. Мак-Кей со своей группой по-прежнему контролировал все их действия и не скупился на советы, возмущая тем дородного Майлза, который чувствовал себя морской свинкой. Он и был сейчас кем-то вроде подопытного животного: его исцеление прибавило бы шансов остальным...

Остальных же становилось все больше. Их отвозили в нью-йоркский госпиталь, где уже была оборудована специальная палата, гораздо больше этой, и где их ожидал набранный из добровольцев персонал. Число поступивших туда людей выяснить было сложно, так как даже служебные отчеты были полны умолчаний, а теле- и радиобюллетени демонстрировали бодрячество. Сэм, если бы он не был целиком поглощен своим делом, кипел бы сейчас от бессилия, от невозможности вырваться из этой клетки в момент, когда по городу, быть может, уже разгуливает чума...

— Для чего вам это? — спросил он, видя, как Нита достает из ниши проволочную корзину с голубями.

Она откинула со лба рыжевато-каштановую прядь и кивнула на стол.

— Весь день я следила за сообщениями из лабораторий и узнала таким образом, что задуман один любопытный эксперимент. Здесь, в условиях карантина и при наличии зараженного вирусом Ренда человека, провести его будет гораздо безопасней и проще...

— О каком эксперименте речь?

Она порылась в кипе бумаг и извлекла одну из них.

— Вот. Это первый отчет из отдела патологии. Оказывается, препарированная человеческая ткань напрямую не инфицируется клетками Ренда. Они выяснили это прошлой ночью, когда он был еще жив... Обнаружено также, что вирус не передается ни обезьянам, ни морским свинкам, ни кроликам.

— Но в таком случае мы с вами можем спокойно покинуть карантин! Хотя... Как ухитрился заразиться полицейский?

— Слушайте дальше. Вирус Ренда способен поражать птиц, причем всех видов. А птицы передают его человеку. Фрэнку, например.

— Эти опыты ставились на добровольцах?

— Ну что вы... Исключительно на препарированных тканях и клетках.

Сэм взволнованно расхаживал по комнате.

— Это напоминает шистоматозный цикл: человек — улитка — опять человек... Все на чистой случайности, и никакой передачи по наследству... В нашем же случае человек заражает птицу, а птица заражает человека. Внутривидовые неприятности исключаются... Хотя подождите. Птицы заражаются друг от друга?

— Да, это уже доказано.

— Ага... Так вот вам для чего понадобились эти голуби! Вы хотите выяснить, заразятся ли птицы и на этот раз. Если да, значит у Фрэнка та же болезнь, что была у Ренда. И для того чтобы покончить с нею, нужно прервать цепочку...

Держа наготове шприц, Нита ловко ухватила голубя. Тот, не в силах шевельнуться, только таращил глаза — пока игла находилась в его тельце. По завершении инъекции птица была заперта в отдельную клетку.

— Упущена одна деталь, — сказал Сэм. — Способен ли, условно говоря, вирус Фрэнка заразить человека — ведь не исключено, что, побывав в организме птицы, он сильно изменился?

— Повторное заражение исключено. Я отсылала гнойниковые пробы на шестой этаж и получила подтверждение этому.

Зайдя к больному, Сэм застал его безмятежно спящим. Изменений в состоянии не наблюдалось, болезнь не прогрессировала — явно по крайней мере, — но температура оставалась по-прежнему высокой. Вернувшись в лабораторию, Сэм сел у стола, напротив Ниты, что-то писавшей в блокноте.

— В лаборатории, — сказала она, — их уже называют Ренд-альфой и Ренд-бетой. Скорее всего это окончательные названия...

— И чем они отличаются друг от друга?

— Тем, что Ренд-альфа — это смертоносный вирус, обнаруженный в организме Ренда. Он не передается никому, кроме птиц. А Ренд-бета убивает птиц и передается ими человеку.

— А также другим птицам...

— Да, и потому распространяется с необыкновенной скоростью.

— Значит, теперь нужно выяснить, превращается ли, оказавшись в организме человека, бета в альфу? И если это так, то все проблемы исчезают. Придется, конечно, перебить уйму птиц, но опасность заражения людей будет устранена.

— Надеюсь, — отозвалась Нита, посмотрев на шкалу прикрепленного к птичьей клетке регистратора. Если голубь заболеет, это будет означать, что у него бета-вирус, в отличие от альфы Фрэнка. И что существует лишь две формы болезни Ренда, заразиться которой человек может только от птицы. Уничтожив источник инфекции, мы покончим и с самой болезнью.

Они увидели, как голубь, расправив одно крыло, повалился на бок.

— Температура повысилась на четыре градуса, — прошептала Нита.

Оформился первый нарыв, и болезнь стала принимать знакомый облик.

— Сейчас возьму пробу крови для лаборатории. Пускай проверят под электронным микроскопом. Но вряд ли есть какие-то основания сомневаться...

— Ни малейших! — подтвердил Сэм, доставая из автоклава шприц. — Но в доказательстве отсутствует весьма существенный момент... — Развернувшись, он направился в палату.

— Нет! — вскрикнула Нита. — Не вздумайте!

Догнав Сэма, она так резко дернула его за руку, что шприц упал на пол и разбился. Их взгляды встретились.

— Вы не должны этого делать, Сэм. Центр принял решение повременить с опытами на добровольцах. Сейчас это слишком опасно, да и нет такой уж необходимости...

— Необходимость есть, Нита. До тех пор, пока не доказано, что Ренд-альфа не может передаваться человеку от человека, нужно считаться с возможностью возникновения эпидемии. Рано или поздно кому-то придется вводить вакцину против этой болезни. А так как я уже подвергся воздействию Ренд-альфы, контактируя с самим Рендом, мне и быть этим кем-то. У вас есть возражения?

— Я хотела бы...

— Не-ет уж, дорогая Нита! Это именно тот исключительный случай, когда женщины и дети идут позади!

Помолчав некоторое время, Нита развернулась и пошла к автоклаву.

— *Я не стану спорить, — тихо сказала она.* — Может быть, вы и правы, не знаю. Так или иначе, но остановить вас — не в моих силах. Но я цитолог и не могу допустить, чтобы всякие недотепы интерны заражали себя гепатитом, тифом или чем-то подобным. — Она взяла в руку шприц. — Поэтому вся подготовительная часть будет выполнена мной. Ясно?

— Предельно, — ответил Сэм и вновь повернулся к больному.

Он знал, что Ните не придет в голову подсунуть ему дистиллированную воду или же нейтральную плазму. Потому что дело было слишком важным... Да, конечно, она была женщиной, и даже очень женщиной, со всеми женскими чувствами и эмоциями, но она к тому же была и врачом...

— Готово.

Сэм, кивнув, тщательно протер свою руку и, заметив, что Нита колеблется, взял у нее шприц, брызнул несколькими каплями в воздух и — ввел иглу под кожу.

Глава 5

— Вирус Ренд-альфа не размножается в препарате человеческой ткани! — бодро сказала Нита и стиснула руки так, что кончики пальцев стали белыми. — Практически никакой угрозы заражения...

Себя она успокаивала не меньше, чем его, и Сэм это понимал. Такой внезапный переход — в течение одного дня — от привычной и безмятежной работы в лаборатории к почти осязаемой встрече с чужой, но все-таки смертью — был слишком безжалостным испытанием для нее...

— Да, — согласился он. — Почти никаких шансов... Нита, не сообщите ли вы о нашей проделке Мак-Кею? А я бы тем временем взглянул на пациента...

Полицейский все еще спал — но не стало ли его дыхание чуть более хриплым?.. Сэм бегло просмотрел регистрационные диаграммы. Все свидетельствовало о неумолимом и стремительном ухудшении состояния больного. Интерферон, введенный три часа назад, приостановил этот процесс. Наметилось даже чуть заметное улучшение. Но затем температура подскочила вновь, давление упало, и больной заскользил к пропасти... Сэм ввел еще одну дозу интерферона. Теперь это не дало никакого эффекта...

— *Мак-Кей был ужасно зол, — сказала подошедшая* Нита. — Но только поначалу. А затем он велел тщательно контролировать все, что будет происходить дальше, и, обозвав вас — цитирую — «ненормальным дураком», неожиданно выразил свою глубокую признательность... Не было... чего-нибудь? — Она взяла Сэма за запястье и тревожно посмотрела на регистрирующий браслет.

— Нет, никакой реакции... Вы ведь сами сказали, что Ренд-альфа не передается человеку...

Итак, еще один пациент, его пациент, умирал на глазах — и ничего нельзя было поделать. Если первая инъекция интерферона помогла, и бешеная атака вируса, захлебнувшись, не возобновлялась в течение нескольких часов, то теперь этого не произошло. Температура поднималась все выше и выше, жаропонижающие средства не оказывали никакого действия. Уже были включены сердечно-легочный аппарат и искусственная почка. Оставалось испробовать только полное переливание крови. Попытка была заранее обречена на неудачу, но Сэм отгонял эту мысль до последнего мгновения. Он должен был выиграть сражение во что бы то ни стало...

Лишь когда Нита, расплакавшись, ухватила его за руку, Сэм отвел от больного свой застывший взгляд.

— Сэм, я прошу вас... Он мертв, Сэм! Вы больше ничем ему не поможете!

Он вдруг почувствовал страшную усталость. Сколько времени прошло? Часов двенадцать? Больше? Взглянув на часы, он увидел на руке регистратор. Забыл! Однако, если бы вирус все-таки размножился, это уже чувствовалось бы... То есть все в порядке! Хоть какая-то радость...

— Присядьте, Сэм. Вот ваш кофе...

Осторожно сделав первый глоток, он жадно выпил почти всю чашку.

— Третий час ночи, значит... Ну, какие новости, Нита?

— Нас выпускают отсюда. Это решение Мак-Кея. Он сказал, что если до полуночи не будет никаких симптомов, то карантин снимается... — Сэм попытался вскочить, но она его удержала. — Пожалуйста, допейте кофе и выслушайте все до конца.

Поколебавшись, он грузно плюхнулся в кресло и улыбнулся.

— Кофе восхитителен, и я не откажусь еще от чашечки... Извините, Нита, если я действовал, как идиот, но все это стало настолько личным с той минуты, когда Ренд буквально свалился на нас...

Нита наполнила чашку Сэма, а себе подлила сливок.

— Судя по сообщениям — неважные дела в городе, Сэм... Птицы, инфицированные вирусом Ренд-бета, умирают почти сразу, но к этому времени даже кончики перьев поражены. Достаточно легкого прикосновения, чтобы заразиться. Все, кто заболел, или держали птиц в руках, или прикасались к поверхности, на которой до того находилась больная птица... Покинув носителя, вирус погибает, но пока неизвестно, какой период времени для этого требуется.

— Сколько случаев?

— В последний раз говорилось о трех тысячах.

— Ух, как быстро... Ну и что же предпринимается?

— Пока лишь паллиативные меры, но в данный момент как раз идет совещание всех медицинских светил, с участием мэра и полицейских шишек. Это здесь, в Белвью, аудитория номер два. Председательствует профессор Чейбл. Он, кстати, приглашает вас спуститься туда... Я не выложила это сразу, так как по вашему изможденному виду поняла: вот кому действительно не помешает чашка крепкого кофе.

— Вы поступили мудро! — улыбнулся Сэм, встав и осторожно потянувшись.

Нита тоже поднялась и стояла теперь совсем близко. Руки Сэма, совершенно помимо его воли, обняли ее за плечи. Он

сразу принялся оживленно говорить о чем-то постороннем, но чувствовал только тепло ее тела. А потом он обнял ее покрепче, и их губы соприкоснулись...

— М-да... — смог наконец удивленно выдохнуть Сэм. — Я, кажется, слегка забылся... Очень сожалею, Нита...

— Сожалеете? — Она улыбнулась. — Я — нет... По-моему, это было очень приятно... И было бы еще приятней, если б вы побрились...

Сэм провел рукой по своей щеке, и та зашуршала, как наждачная бумага.

— О, простите... Должно быть, я выгляжу, как самый настоящий дикобраз — во всяком случае, чувствую себя именно таковым... Нет, в таком виде я просто не могу отправляться на совещание!

...Яркий свет в ванной, отразившийся от кафельных плиток и металлической арматуры, заставил Сэма сощуриться, чтобы рассмотреть в зеркале свое отражение. Сверкающая головка ультразвуковой бритвы плавно двигалась по коже, срезая щетину, и не раздражала, пока Сэм не прижал ее посильней. Не то чтобы это было мучительно, но все же появившиеся звуки и еле уловимая вибрация черепа удовольствия не доставили. Казалось, что в ухо залетели крохотные насекомые... Из зеркала на Сэма глядел человек с воспаленными веками и болезненными тенями под глазами. Значит, так... Аспирин уймет головную боль, а пятимиллиграммовая доза бензедрина не даст уснуть во время совещания. Но все это потом. А сейчас необходимо раздобыть хоть что-то, напоминающее обувь. Белый костюм выглядит вполне прилично, но эти умопомрачительные тапочки...

— У вас там будет возможность позвонить? — спросила Нита, когда он направился к выходу. — Мне бы хотелось быть в курсе...

— Да, конечно. Как только смогу.

Он нажал кнопку, и дверь плавно открылась. Все мысли Сэма были уже там, за этими стенами. Он подготавливал себя к ожидающим его переменам...

Когда бесконечный стерилизационный цикл был наконец завершен, милостиво открылась внешняя дверь, и Сэм вышел. Первым, кого он увидел, был Келлер Домингес, спавший на самом краю большой скамьи. Дверной механизм за-

шумел вновь, и Келлер, открыв сначала один глаз, резко вскочил на ноги.

— Добро пожаловать в цивилизацию, сэр! Я уж думал — не потерялся ли ключ от этой двери... Но тут пронесся слух, что вы покидаете карантин, — и я немедленно явился сюда. Мои поздравления!

— Спасибо, Келлер. А не пронесся ли слух о том, что я должен спешить на совещание?

— Пронесся! А Чарли Стейн из гинекологии поведал мне, что они сожгли всю вашу одежду. «И туфли?» — спросил я его. «А ты думал!» — ответил он. Таким образом я узнал, что вам не помешает пара башмаков — ведь так?

Он нырнул под скамью и вытащил оттуда белые туфли на резиновой подошве.

— Келлер! Ты настоящий друг! — воскликнул Сэм, переобуваясь. — Ну а теперь расскажи-ка, что там в городе... Ведь ты работал, пока я тут томился?

С лица Келлера тотчас исчезло столь присущее ему выражение невозмутимости, какое бывает только у людей, донельзя искушенных в этой жизни. Он нахмурился.

— Паршиво, док... И обещает стать еще паршивей. Пока что люди сидят по домам, наглухо заперев двери. Но скоро станет туго с продовольствием, и им очень захочется навестить своих деревенских родственников. Тут-то и начнется потеха... Пресса и телевидение делают вид, будто ничего не происходит, а я собственными глазами видел, как бушевала толпа в Ист-Сайде...

Они подошли к лифту.

— Думаю, что скоро все нормализуется, — стараясь придать своим словам как можно больше уверенности, сказал Сэм. — Мы управимся с птицами, и болезнь Ренда будет побеждена.

— Этих птиц — тьма, док... — лениво покусывая зубочистку, заметил Келлер, уже бесстрастный.

...Грозный полицейский, стоявший у входа в аудиторию, преградил Сэму дорогу и, пока тот объяснялся, держал руку на кобуре. Уразумев, что пришли действительно не просто так, он связался с кем-то по рации, и вскоре Эдди Перкинс, госпитальный хирург, открыл дверь.

Подождав, пока удалится Келлер, Эдди увлек Сэма в гардероб.

— Я должен тебя кое о чем предупредить, — начал он. — Тут у нас самая настоящая битва.

— И за кого же сражаешься ты?

— Вопросик, однако... — Эдди криво улыбнулся и, вытащив из кармана пачку сигарет, закурил. — За Мак-Кея. Он возглавил группу по борьбе с болезнью Ренда. Вспомни, как лихо старик справился с пахиакрией Тофольма... Люди из министерства смотрят ему в рот. Военные и полиция вроде бы тоже прислушиваются к его мнению. А вот политики — те, как всегда, переполнены мудростью... Мак-Кей пытается убедить губернатора в необходимости объявления военного положения и ввода войск ООН. Рано или поздно это все равно придется сделать, так уж лучше сразу... С их помощью мы могли бы истребить всех птиц в радиусе ста миль.

— Но ведь это же сотни парков и заповедников! Я могу себе представить, что скажут представители Общества охраны природы.

— Уже сказали... Причем — губернатору, который, как ты понимаешь, не хочет, чтобы его прокатили на осенних выборах...

— Ну и при чем же тут я?

— А при том, что, по мнению Мак-Кея, твое появление может решить исход голосования! Ты заставишь всех умолкнуть и выслушать, что им скажет герой дня — парень, первым увидевший Ренда и отправившийся вместе с ним в карантин! Человек, который ввел себе порцию этой гадости и доказал, что вирус Ренд-альфа безопасен для людей! Как только они осознают это, прекратится паника, стихнут разговоры об эвакуации населения и прочей ерунде! Ну а потом ты ясно и четко заявишь: распространение Ренд-беты можно пресечь единственным способом — уничтожив несколько миллионов птиц. Согласен?

— Да, конечно... Способ жесток, что и говорить, но другого выхода нет. Мы не знаем, как лечить эту болезнь. А уничтожив птиц, мы покончим с ней навсегда.

— Вот он — бойцовский дух! — патетически воскликнул Перкинс. — Остается только убедить эту почтенную публику, и можно приниматься за работу... Да, постой тут пару минут — я предупрежу Мак-Кея. Когда зайдешь — прямиком к кафедре. Ждем.

...Минуты ползли. Сэм одернул перед зеркалом свою белую, изрядно помятую куртку. В горле першило, как перед

прыжком с парашютом... Ох уж эти политики! Он должен им сейчас что-то втолковывать, когда нельзя медлить, когда инфекция охватывает все большее пространство!..

Решительно толкнув дверь, Сэм двинулся через полупустой зал к кителям и пиджакам, скопившимся за длинным столом. Несколько голов повернулось в его сторону, а Мак-Кей, прервав речь, разразился приветствием.

— Джентльмены! Настало время ознакомиться с фактами, неоспоримыми фактами и сведениями, благодаря которым мы сможем наконец принять разумное решение! Перед вами доктор Бертолли! Имя, полагаю, известное всем!

Под гул голосов, стараясь не обращать внимания на любопытные взгляды, Сэм взбежал по ступенькам на кафедру. Мак-Кей указал ему на пустующее кресло рядом с собой.

— В настоящий момент доктор Бертолли является крупнейшим в мире специалистом по болезни Ренда. Именно он встретил Ренда, спустившегося с борта корабля, и именно он наблюдал в карантине за этим больным, а также за вторым инфицированным — офицером полиции Майлзом. Кроме того, он провел серию экспериментов, результаты которых доказывают: заразиться болезнью Ренда мы можем исключительно от птиц, но никак не друг от друга... Доктор Бертолли, не могли бы вы рассказать нам, в чем суть ваших экспериментов?

Выслушав все это, Сэм понял, что Мак-Кей не только прекрасный врач, но и тонкий дипломат. Он умышленно не объяснил присутствующим смысла самых элементарных вещей — и добился того, что все теперь ждали от Сэма героико-драматического монолога... Вообще-то ему не нравились такие хитрости, но на этот раз годилось все. Публику следовало убедить, и как можно скорее...

— Как показали лабораторные анализы, — важно произнес Сэм, — существуют две формы вируса Ренда, названные Ренд-альфой и Ренд-бетой. Второй офицер корабля «Перикл» умер от болезни, вызванной вирусом Ренд-альфа, но он не мог инфицировать никого, кроме представителей класса авэс, то есть птиц, все виды которых уязвимы для данного вируса. В организме птицы, однако, Ренд-альфа претерпевает известные изменения и становится Ренд-бетой — вирусом, опасным как для других птиц, так и для человека. Попадая в организм последнего, он снова становится Ренд-альфой и

убивает своего носителя — вот отчего умер Майлз, — но не передается другим людям.

— Вы уверены в этом? — спросил Мак-Кей.

— Абсолютно. Потому что я сделал себе инъекцию Ренд-альфы Майлза.

Сидевшие поблизости непроизвольно отшатнулись.

— Для тревоги нет никаких оснований, джентльмены! — сказал Мак-Кей, холодно улыбаясь и кладя свою руку на руку Сэма. — Если бы доктор Бертолли заразился, симптомы не заставили бы себя долго ждать. Болезнь развивается чрезвычайно стремительно... — Он поднял глаза на Сэма, продолжавшего стоять. — Есть ли у вас какие-то предложения по лечению болезни Ренда, доктор?

— Никаких, — ответил Сэм, чувствуя, как тишина вокруг становится предельной. — Пока болезнь неизлечима. Всякий заболевший ею неминуемо умрет. Единственный выход для нас — уничтожение источника инфекции. Для этого следует истребить всех птиц в радиусе десяти, ста или даже тысячи миль — по обстоятельствам... Ни одна птица не должна спастись. Я понимаю, что это ужасно, но — или птицы, или мы...

Из зала послышались грозные выкрики. Мак-Кей, старательно не глядя в сторону топавшего ногами багроволицего толстяка — губернатора штата, невозмутимо произнес:

— Джентльмены! Здесь присутствует человек, чье квалифицированное заключение поможет нам выработать план конкретных действий. Это профессор Берджер, куратор Нью-Йоркского зоопарка. Прошу вас.

Берджер оказался щуплым человечком с розовым черепом, слегка покрытым тщательно уложенными седыми волосами. Он говорил, низко опустив голову, и, пока зал не затаил дыхания, ничего невозможно было разобрать.

— ...маршруты, а также традиционные места гнездований и сроки прилета различных видов. Я определил зону возможного заражения, условно допустив, так сказать, что инфицирован наиболее свободно перемещающийся вид. Исходя из этого допущения... — Он умолк и стал рыться в своих бумагах, вызывая тем ропот аудитории. — Прошу вашего снисхождения, джентльмены... — Когда Берджер поднял голову, стало видно, что глаза его полны слез. — Я только что был в зоопарке... Нам пришлось убить всех наших птиц, всех... Ага, вот они, эти цифры. Радиус, если считать от Манхэттена, — сто

миль. По Лонг-Айленду — чуть больше, до Монток-Пойнта. Конечно, эта зона может расшириться при определенных обстоятельствах...

— Это нереально! — послышался чей-то возглас. — Ваша зона займет почти десять тысяч квадратных миль! Понадобится целая армия!

— Да, понадобится... — кивнул Берджер. — Без помощи войск ООН нам не обойтись. С оружием, отравляющими газами, ядами, взрывчаткой и прочим...

Удары молотка профессора Чейбла были намного тише поднявшегося гама. Но профессор продолжал настойчиво взывать к тишине.

— Это, в конце концов, уже забота Всемирного центра здоровья, джентльмены, — смог наконец произнести он. — И давайте лучше перейдем к голосованию.

Большинством голосов было решено ввести войска и на рассвете начать избиение пернатых.

Глава 6

— Тут по ящику показали побережье Кони-Айленда... Сплошь мертвые чайки... Ночью прибило... Все пляжи закрыты. А то, если кому-то взбредет в голову искупнуться — запросто можно свернуть шею, так и не добравшись до воды...

Келлер бубнил все это, не переставая жевать изуродованную зубочистку и положив руки на баранку машины экстренной помощи, мчавшейся по пустынному городу.

— Сбавь скорость, — велел Сэм. — И пойми наконец: мы делаем просто объезд. Никто ни с какими прободениями аппендикса нас не ждет...

Он сидел на переднем сиденье, пристально вглядываясь в подворотни и дверные проемы. Пока не было ничего подозрительного... А вот тесно было, поскольку сидели они втроем. Третьим был солдат войск ООН по имени Финн — долговязый датчанин при полном боевом снаряжении и огнемете за спиной.

— Там... внизу... — внезапно прервал он молчание и указал пальцем на грузовик. — По-моему, там что-то было...

Они с Сэмом ухватились друг за друга, чтобы не удариться при торможении, и машина, взвизгнув, остановилась.

Первым наружу выбрался Сэм. Он тащил туго набитую

сумку, содержимое которой было определено на вчерашнем совещании.

Финну не померещилось. Неясная тень у заднего колеса оказалась молодым человеком, который, заметив их, попытался отползти в сторону. Опустившись на колени, Сэм сразу все понял. Характерное покраснение кожи и пока еще мелкие бугорки фурункулов говорили сами за себя... Он достал из сумки пару длинных резиновых перчаток и надел их.

— Давайте-ка я помогу вам встать, — сказал он больному, протягивая руку, но тот, с расширенными от ужаса глазами, пополз под машину.

Сэм ухватил его за ногу и, отразив слабый пинок, стал медленно пятиться назад. Мужчина отчаянно отбивался, но вскоре зрачки его глаз ушли под верхнее веко, и он потерял сознание. Обращаться с ним стало теперь значительно проще...

Это был даже не противогаз, а элементарная респираторная маска, предоставленная пожарным ведомством, правда, слегка модифицированная: внутреннюю часть ее покрывал слой биоцидального крема. Надев маску на лицо больного, Сэм тщательно опрыскал антисептическим аэрозолем все его тело, а также одежду. Теперь можно было снять перчатки и приступить к лечению.

Он приготовил ампулу для введения интерферона — пока единственного средства, дававшего хоть какой-то эффект.

Подошедший Финн возвышался над ним, хмурясь и теребя приклад своего огнемета.

— Поблизости нет ни одной птицы, сэр. Я осмотрел все. Вы не спросили, где он подцепил это?

— Вы же видите — человек без сознания.

Келлер подъехал к ним задним ходом и, распахнув дверцы, вытолкнул каталку. После этого он, вглядываясь в лицо лежащего, стал наклонять голову то к одному, то к другому плечу.

— Не кажется ли вам, что он смахивает на итальянца, док?

— Возможно... И что же?

— Может быть, и ничего, но в этом районе, знаете ли, масса голубятников, и многие из них итальянцы. Они держат своих любимцев на крышах...

Оба, Сэм и Келлер, непроизвольно подняли глаза вверх, и как раз вовремя — на самом краю карниза мелькнуло что-то белое.

— Нет! Только не моих птиц! Не делайте ничего с моими птицами! — закричал больной, пытаясь встать.

Сэм выхватил из кармана одноразовый шприц с мощным снотворным, всегда имевшимся у него наготове, и, надорвав полиэтиленовый пакетик, погрузил иглу в судорожно сжатую мышцу. Спустя мгновение мужчина мягко повалился на спину.

— Келлер! На каталку его и в машину! А мы с Финном обследуем крышу.

— Но док! Не лучше ли мне отправиться с вами?

— Будет лучше, если ты присмотришь за пациентом...

Поднявшись лифтом до верхнего этажа, они направились к лестнице. Дружное хлопанье дверей говорило о том, что за ними наблюдают.

На последней двери, в которую они уперлись, висел большой замок.

— Посягательство на частную собственность преследуется законом, — мрачно изрек Финн, пытаясь устранить препятствие. — Однако параграф 14-й Положения о чрезвычайных ситуациях гласит... — Тут он умолк, так как под ударами отделанного металлом ботинка сорок пятого размера дверь слетела с петель.

Их взорам открылась просторная свежевыкрашенная голубятня, над которой кружили два голубя. С дюжину птиц лежало на деревянном настиле. Некоторые из них еще слабо били крыльями.

— Из чего она? — спросил Финн, постучав каблуком по крыше.

— Должно быть, из асбоцемента, — посмотрев под ноги, ответил Сэм.

— Это огнестойкий материал? — опять полюбопытствовал солдат, откручивая баллонный вентиль.

— Разумеется.

— Замечательно.

Финн поднял огнемет лишь тогда, когда села наконец налетавшаяся пара, беспокойно поглядывая на пришельцев.

Ревущий язык пламени мгновенно превратил голубятню в пылающую черную клетку. Одна из птиц отчаянно рванулась вверх, но, настигнутая огнем, тут же упала на крышу.

— Убийцы! — пронзительно закричала появившаяся в дверях молодая женщина. Она бросилась к Финну, но Сэм крепко ухватил ее за плечи и не отпускал, пока она, разрыдавшись,

не сползла на порог. Он прикоснулся регистратором к ее запястью и облегченно вздохнул: здорова, просто она была одним из несчастных свидетелей происходящего... А вот человек внизу — возможно, ее муж...

Послышалось шипенье и бульканье. Это Финн гасил обугленные остатки голубятни струей огнетушителя. Убедившись, что пламя полностью потушено, и переговорив с кем-то по рации, он подошел к Сэму.

— Я обо всем доложил. Скоро сюда прибудут дезинфекторы. — Говоря это, Финн старался не смотреть на всхлипывавшую женщину...

Когда они вышли из здания, машина, тихо урча, уже поджидала у подъезда.

— Беспорядки у туннеля Квинз-Модтаун! — крикнул Келлер. — Это не наш район, но им требуется помощь! Диспетчер велел ехать!

Как всегда, Келлер выжимал из санитарной машины все, что можно выжать из гоночной, и вскоре, прогрохотав по Парк-авеню, они вылетели на Двенадцатую улицу. Согласно приказу, все стекла были подняты, и в кабине было невыносимо душно.

Проезжая мимо Грэмерси-парка, они видели, как группа людей в пластиковых костюмах сгребала тела мертвых птиц, а потом послышался ружейный выстрел — и на землю, прокувыркавшись в воздухе, шлепнулся комок черных перьев.

— Повсюду разбрасывают отравленное зерно, — сообщил Келлер, сворачивая на Третью авеню. — Большинство из них клюет. Остальных приходится стрелять. Такие вот забавы... О! Посмотрите-ка!

Впереди все было заполнено неподвижно стоявшими и по преимуществу пустыми машинами. Две — столкнувшиеся — горели. Полицейский на мотоцикле, обернувшись к санитарной машине, показал рукой в сторону тротуара и вскоре подъехал.

— На рыночной площади, не доезжая Тридцать шестой, немного пошумели... Есть пострадавшие... Вы знаете, где это?

Келлер презрительно засопел.

— Сейчас там вроде бы спокойно, — продолжал полицейский, — но осторожность не помешает. Кроме этой штуковины, у вас есть какое-нибудь оружие? — Вопрос предназначался Финну.

— Да, сэр, — ответил тот, взяв в руки карабин.

— На меня его направлять не стоит, но под рукой держите. Все может начаться снова... А теперь въезжайте-ка на тротуар, здесь попросторней...

Келлер обожал ездить по тротуарам. Машина перевалилась через бордюр и двинулась к рыночной площади. Вскоре откуда-то донеслись крики, рев мотора и звон разбитого стекла. Из-за угла навстречу им выбежал мужчина с бутылками в руках.

— Вор-рюга... — скривился Келлер.

— Не наше дело, — отрезал Сэм, но, когда мужчина был совсем уже близко, неожиданно сказал: — Задержи его!

Келлер распахнул дверь именно в тот момент, когда воришка пытался прошмыгнуть мимо. Послышался грохот разбившихся бутылок, и машина остановилась.

Они находились так близко от стены, что Сэму пришлось перелезть через капот, чтобы оказаться рядом с ползающим в луже виски мужчиной. Наклонившись, он тут же отпрянул.

— Оставайтесь в кабине.

Надев перчатки, Сэм раскрыл свою сумку. Он доставал шприц, когда рука, сжимавшая разбитую бутылку, метнулась к его лицу, а Келлер испуганно вскрикнул. Упредить удар оказалось делом несложным — мужчина был слишком слаб. Было непонятно, как он вообще до сих пор не свалился, весь изъеденный болезнью... Ухватив его за руку, Сэм ввел успокоительное.

Инъекции интерферона и антисептиков были сделаны уже в машине.

Теперь им приходилось ехать совсем медленно, и впереди, расчищая дорогу, шел Финн.

Не доехав даже до Второй авеню, они остановились. Все было запружено транспортом.

Сэм, захватив две пары почти невесомых магниевых носилок, а также свою сумку, поспешил вслед за Финном в сторону площади...

Здесь действительно все уже кончилось. Остались лишь убитые и раненые, человек двадцать. Группа военных медиков, прибывшая сюда на вертолете, уже оказывала помощь.

Окровавленный полицейский лежал на земле рядом со своей патрульной машиной. Из бутылки, прикрепленной к зеркалу заднего обзора, к его руке по тонкой прозрачной трубке текла плазма.

Солдаты помогали полиции окружать участников беспорядков — тех, кто не успел скрыться...

Увидев белую куртку Сэма, лейтенант полиции, стоявший рядом с грузовиком, подозвал врача.

— Можно ли тут чем-то помочь, док? — Полицейский кивнул в сторону человека, скорчившегося на сиденье. Рука с запекшейся на пальцах кровью неловко торчала из окошка.

Положив свою ношу на землю, Сэм приблизился к кабине. Через минуту регистратор показал температуру 27, пульса не было.

— Он мертв, лейтенант... Скажите, что здесь произошло?

— Что произошло? Сначала просто собралась толпа... Видите ли, мы хотели упорядочить движение на этом направлении, ведь в Айленде, как известно, больше всего случаев заболевания этой чумой... Ну, проверяли, действительно ли ехавшие туда живут там или, скажем, работают... Смотрели, чтоб никто не провозил птиц... Как всегда, находились недовольные, но, в общем, все шло организованно... Пока кто-то не увидел вот на этом грузовике надпись «Магазин домашних животных» и не захотел посмотреть, что же он везет. А грузовик был доверху набит живыми птицами! В водителя выстрелили, потом подожгли машину, а потом еще обнаружили двоих зачумленных парней, которые крутились тут, и — началось... До самого появления войск уже ничего нельзя было разобрать...

— Доктор! Сюда! — послышался крик.

Обернувшись, Сэм увидел машущего рукой Финна, у ног которого на небольшом газоне лежали двое.

Оставив полицейского, Сэм бросился туда. Это была снова болезнь Ренда...

В машине поместилось бы восемь человек, но никто из раненых не соглашался ехать вместе с четверкой зараженных. Спорить не имело смысла, поэтому, взяв только полицейского, того, что лежал без сознания под капельницей, они уехали с тремя пустующими местами.

Келлер осторожно протиснулся на дорогу, и они с воющей сиреной помчались к себе в Белвью.

По рации было получено предупреждение о том, что все палаты и операционные уже набиты битком — поэтому машина остановилась у главного входа, откуда больных отвозили в только что освобожденные палаты родильного отделения. Госпиталь заполнялся с ужасающей быстротой...

Сэм наполнял медикаментами свою опустевшую сумку, когда в кабинет вошел Томо Милетич, тоже интерн.

— Подпишись здесь и вот здесь, — сказал он, подсовывая бумагу. — Я принимаю твой фургон, а ты позвони в регистратуру, там для тебя какая-то записка... Кто за рулем? Келлер?

— Да, он... — Сэм нацарапал свои инициалы. — А что за записка?

— Понятия не имею... Велели передать — я передал... Ну хорошо, увидимся — если, конечно, я переживу езду твоего приятеля... — Подхватив сумку, он исчез.

Сэм подошел к телефону.

— Минуточку, доктор, — отозвались на том конце. — Ага, вот... У вас в комнате гость. Когда освободитесь — зайдите к профессору Чейблу. Он с доктором Мак-Кеем будет в 3911-й.

— Могу ли я узнать, о каком госте идет речь?

— Здесь ничего не написано, доктор.

— Вот как... Ну что ж, благодарю вас.

Он повесил трубку и задумчиво почесал щеку... Что бы сие могло означать? Какая такая важная шишка может потребовать его в столь напряженный момент? И при чем тут Чейбл?

Смыв с себя копоть, он отправился наверх.

Офицер войск ООН, весьма внушительного телосложения, сцепив за спиной руки и ссутулившись, неподвижно стоял у окна. Козырек полевой фуражки, лежавшей на столе, украшал золотистый шнурок, каким бывают отмечены головные уборы старших офицеров... Взгляд Сэма скользнул на кобуру — явно ручной работы и почему-то очень знакомую, — из которой торчала хромированная рукоять пистолета.

Офицер обернулся, и Сэм, невольно вытянувшись, едва не отдал ему честь.

— Десять лет прошло, да, Сэм? — спросил генерал Бэк, протянув ему загорелую ручищу.

Сэм вовремя вспомнил, что рукопожатие в данном случае должно быть железным, иначе ему переломают пальцы.

— Да, сэр, около того... — пробормотал он, так как на ум ничего больше не приходило.

Бэк выглядел как прежде, разве что у глаз появилось чуть побольше морщинок и наметился второй подбородок. Каким же ветром его занесло сюда?

— Послушай, Сэм, я не стану называть тебя доктором, если не услышу «сэр» или «генерал». — Прежде чем выпустить руку Сэма, он напоследок безжалостно стиснул ее. — Друзья зовут меня Кливером...

— Как зовет мясник свой самый большой нож, — улыбнувшись, продолжил Сэм. — Я помню, отчего вас так прозвали...

Это произошло во время операции на Формозе. Партизаны нагрянули именно в тот момент, когда все офицеры обедали. У генерала Бэка — редчайший случай! — не оказалось оружия. Однако, мгновенно сориентировавшись в обстановке, он выхватил у повара устрашающих размеров нож и, испустив леденящий душу вопль — слухи о том, что в его роду были апачи, получили убедительное подтверждение, — вспорол брезент палатки и напал на партизан с тыла. Этот случай крепко врезался в память Сэма, тогда еще зеленого лейтенантика...

— О Господи! Совсем забыл! Ты тоже был с нами! Такой упитанный бритоголовый ягненочек... Но потом-то из тебя получился парень хоть куда!

Сэм, решив, что сейчас его хлопнут по спине и раздробят лопатку, напрягся, но — обошлось...

Бэк, с его большим ртом и тугими мышцами, являл собою нечто вроде дружеского шаржа на идеального техасца. Но это был между прочим один из самых умных офицеров войск ООН. И еще одна черта отличала генерала: он всегда достигал цели...

— Зачем вы пришли сюда, Кливер? Не для того ведь, чтобы возобновить старое знакомство?

— Как всегда, в лоб, Сэм, без подходцев! Налей-ка чего-нибудь, и я выложу все как на духу.

В стенном шкафу нашлась початая бутылка ирландского виски, и Сэм налил Кливеру ровно полстакана, как тот любил. Затем, поколебавшись и вспомнив, что сейчас он не на работе, налил и себе.

— Ну, за ирландцев, за их болота и виски! — провозгласил тост генерал Бэк и, залпом осушив стакан, хмуро посмотрел на донышко.

— Да, Сэм... Эта космическая чума — не подарочек... Ничего более поганого выдумать, кажется, невозможно... И ведь она еще только начинается!.. Мне нужна твоя помощь, Сэм...

— Моя помощь? Вам? Но ведь я уже давно сугубо штатский человек! И работаю врачом!

— Знаю, знаю... Я отпущу тебя, как только мы все закончим... Понимаешь, мне нужна информация. Ты ведь был там, когда спустился Ренд, разговаривал с ним, и при тебе он писал свою записку... Кстати, что ты думаешь по поводу ее со-

держания? И для чего, по-твоему, ему понадобилось закрывать за собой внутреннюю дверь?

— Я не думаю — особенно после вскрытия, — что следует придавать такое большое значение этой его записке...

— Но почему?

— Понимаете, его мозгу — если отбросить специальную терминологию — очень здорово досталось.

Высокая температура, перенасыщенная токсинами кровь и тому подобное. Записку писал человек, находившийся в почти бессознательном состоянии. Может быть, это и важные сведения, но может быть — и просто бред.

Генерал Бэк вышагивал по комнате, бряцая анахроничными шпорами. Внезапно остановившись, он вперил в Сэма пронзительный взгляд.

— Но ты не уверен ни в том ни в другом, да? А скажи-ка, Сэм, когда ты взобрался туда и стал обзванивать весь «Перикл», не видел ли ты там каких-нибудь трупов, следов насилия...

— Нет, Кливер, ничего такого... Я, конечно, знаю устройство космических кораблей только по фильмам, но интерьер «Перикла» был, по-моему, вполне обычным. И ни в одном из отсеков — ни души... Да ведь это очень легко проверить! Пусть кто-нибудь поднимется в шлюз, наберет поочередно все номера и снимет все камерой!

— Идея, конечно, заманчива, но все-таки довольно сложно снимать фильм, когда между объективом и объектом полдюйма стали.

— Что вы имеете в виду?

— То, что этот Чейбл из Центра здоровья боится заражения, как старая дева... э-э-э... Он водрузил перед шлюзом здоровенную плиту и убрать ее не позволяет никому.

— Вы не должны осуждать его, Кливер. Вспомните, к чему уже привела наша беспечность... Опять же, записка Ренда... Пока мы не изучили механизм этой болезни, лучше всего оставить корабль в покое.

Возбужденный генерал провел рукой по шевелюре, и с нее едва не посыпались искры.

— А что если на корабле есть записи о том, каким образом экипаж подхватил эту заразу и как ее можно одолеть?.. Нет, там определенно что-то осталось! А ведь для нас сейчас важна каждая мелочь!

— А если на корабле еще более опасный вирус? И именно

по этой причине Ренд блокировал вход? Кстати, представляющие какую-то ценность записи он мог вполне рассовать по карманам еще до приземления. Ведь он должен был неплохо соображать, чтобы не только долететь до Земли, но и сесть, не разбившись... Вы можете оспаривать мое мнение, Кливер, но не будет ли лучше признать, что обе версии, моя и ваша, отнюдь не бессмысленны. Я соглашусь с вами, когда положение станет совсем плохим, из рук вон. Вот тогда мы заберемся туда, потому что уже нечего будет терять. Но пока ситуация под контролем. Как вы знаете, заразиться болезнью Ренда можно только от птиц. Птиц же мы вот-вот уничтожим, всех до одной. А с последней птицей умрет и болезнь.

— Да, об этих чертовых пернатых мне все известно. Собственно, из-за них я здесь и оказался. Хотя штаб мой в Форт-Джее, вся дивизия, оснащенная охотничьими ружьями, сачками и отравой, воюет с лонг-айлендскими птичками. Думаю, мои парни одолеют врага — во всяком случае, я позабочусь об этом, но... Так войны не выигрываются, Сэм! Нам нужна информация! Источник которой находится в закупоренном «Перикле»! Помоги нам, Сэм! Ведь с твоим мнением сейчас очень считаются! И если ты скажешь: «А давайте заглянем внутрь!», то на развалину Чейбла так нажмут, что он просто будет вынужден сдаться! Ну, что скажешь, мой мальчик?

Сэм, глядя в стакан, увлеченно играл остатками золотистой жидкости.

— Не сердитесь на меня, Кливер. Рад бы помочь вам, но не могу. Не тот случай. Я, видите ли, согласен с Чейблом...

— Это твое последнее слово? — Бэк уже стоял, сжимая в руке фуражку.

— Да, Кливер.

— Ты не прав, Сэм. Не прав и упрямишься зря... Но я уважаю людей, отстаивающих свою позицию... Передумаешь — дай знать. — Он сплющил руку Сэма и шагнул к выходу.

— Я еще подумаю над этим, Кливер, но вряд ли изменю свою точку зрения... Если, конечно, не появятся веские основания.

Дверь хлопнула, и Сэм, грустно усмехнувшись, принялся осторожно разъединять слипшиеся пальцы. Да, годы не состарили Кливера...

Допив виски, он вытащил из шкафа свежую куртку и брюки. Приглашение Чейбла уже не казалось таким загадочным...

Прежде чем пустить Сэма в кабинет, секретарша немного потомила его в приемной, а потом дверь распахнулась, и он вошел.

Здесь было удивительно тихо. Мак-Кей восседал за своим необъятным столом, а профессор, устроившись в углу, безмолвно попыхивал трубкой. Сэм прекрасно понимал: они только что говорили о нем, и очень скоро выяснится почему...

— Мистер Мак-Кей, вы хотели меня видеть?

— Да, Сэм... Мы хотели бы побеседовать с вами. Присаживайтесь. Чувствуйте себя как дома.

Мак-Кей нервно рылся в бумагах и выглядел совершенно несчастным человеком.

Устроившись в кресле, Сэм сдержанно усмехнулся, и Мак-Кей, как и положено хорошему диагносту, тут же определил причину веселости.

— Ну хорошо, Сэм... Перейдем к сути. Мы организовали эту встречу с единственной целью — узнать, что там у них на уме. Генерал, конечно же, просил вас о помощи?

— Да, просил...

Наступила гнетущая тишина. Профессор Чейбл подался вперед и застыл в выжидательной позе.

— Что вы ему ответили, Сэм?

— Я ответил, что не могу помочь ему, и объяснил, по какой причине. В сложившейся ситуации, сказал я, решение профессора Чейбла о закрытии корабля является, на мой взгляд, правильным. Мы вряд ли улучшим наше положение, проникнув внутрь «Перикла», — а вот ухудшить очень даже можем...

— Мне очень приятно это слышать, доктор Бертолли! — воскликнул Чейбл, снова откинувшись на спинку кресла и энергично уминая табак в своей потухшей трубке. — У нас предостаточно забот с болезнью Ренда. Но все стало бы неизмеримо сложней, начнись война с генералом Бэком. Незаурядное упорство этого человека позволяет ему творить на поле брани настоящие чудеса, но этого ему мало! Политика его влечет! До тех пор пока он представляет малочисленную группу экстремистов, умирающих от желания попасть на «Перикл», никто его всерьез не принимает. Все агентства новостей имеют дело только с нами. Генерал достаточно умен, чтобы понять: без серьезной поддержки прессы и телевидения ему никогда не добиться успеха... А теперь представьте себе, что было бы — перемани он на свою сторону такую популярную фигуру, как доктор Бертолли. Как изменилось бы соотношение сил! А ведь нам сейчас не до грызни с кем бы то ни было, и всякого рода публичные дебаты — их нам навязали бы непременно — слишком большая роскошь в нынешней, почти безнадежной, ситуации...

— Безнадежной? — удивленно переспросил Сэм. — Мне казалось, что мы владеем ею.

— Пока. И то лишь в городе... Недостаточно эффективен контроль над перемещениями людей. С истреблением птиц тоже далеко не все в порядке. Разве можно за кого-то поручиться, что он будет убивать только птиц и больше никого? Или — что он будет стрелять без промаха? Во всяком случае, мы были вынуждены увеличить радиус наших действий, так как был зафиксирован инфекционный прорыв... Человеческая природа весьма сложна, Бертолли. Нам пришлось столкнуться с серьезным вооруженным сопротивлением фермеров, не пожелавших лишиться своих кур и индеек. Эти люди никак не могли уловить связь между их лопающейся от здоровья птицей и человеческой болезнью, бушующей где-то там, в восьмидесяти милях от фермы... А страх? Многим уже приходилось видеть, что собой представляет эта болезнь Ренда и насколько она безжалостна. Все знают: излечиться от нее нельзя. И люди пытаются покинуть зараженную зону, бежав тайком или прорвавшись сквозь кордоны. Мы вынуждены отвечать насилием на такие попытки — у нас просто нет выбора. Очаг заражения должен быть локализован — ведь еще не найден способ лечения!..

— Не выявилось ли чего-то при исследовании тканей, мистер Мак-Кей? — поинтересовался Сэм, выдержав вежливую паузу.

Мак-Кей помотал головой. Пальцы его рук были крепко сцеплены, и для того, похоже, чтобы скрыть дрожь. На этого человека была возложена колоссальная ответственность...

— Этим занято сейчас множество групп. Все они работают без перерыва — но результаты пока что мизерные... Мы, конечно, чуть лучше представляем себе развитие болезни и знаем, например, что первые симптомы обнаруживаются в течение тридцати минут с момента заражения. Мы разработали комплекс достаточно действенных паллиативных мер. Но нам не удалось спасти ни одного больного! А ведь их число рас-

тет... Я хотел бы кое о чем попросить вас, Сэм, — перебил сам себя Мак-Кей.

— Да, конечно.

— Мне хотелось бы включить вас в состав моей группы. Кто знает, может быть, с вашей помощью удастся понять механизм этой болезни...

Сэму понадобилось некоторое время, чтобы подыскать нужные слова.

— Видите ли... Как я понимаю, в вашей команде собраны лучшие специалисты: патологи, вирусологи, терапевты, эпидемиологи, цитологи и прочие — все, разумеется, асы. Мне просто не место в такой блестящей компании. Да, в силу случая именно я оказался у корабля именно в тот момент, когда появился Ренд. И вирус Ренд-альфа испытал на себе тоже я... Но это все! Перед вами самый обыкновенный интерн, который надеется когда-нибудь стать неплохим хирургом. А пока его место в машине экстренной помощи... Я, конечно, благодарен вам за такое лестное предложение, но не хотел бы чувствовать свою совершенную бесполезность...

Трубка Чейбла выпустила очередную порцию дыма. Мак-Кей кисло улыбнулся.

— Ну что ж, Сэм... Спасибо, что побеседовали со стариком... Я действительно хотел, чтобы вы поработали с нами, и вовсе не из политических соображений, хотя это, безусловно, отняло бы у нашего бравого генерала всякую надежду заполучить вас... Ну да ладно... Принуждать не буду.

Загудел внутренний телефон, и Мак-Кей поднял трубку.

— Да, конечно... Отправьте ее сюда...

Они уже прощались, когда в дверях появилась и тут же замерла в нерешительности, держа перед собой ворох бумаг, Нита Мендель.

— Мне зайти попозже, мистер Мак-Кей?

— Нет, нет! Давайте-ка сюда вашу ношу! Мы с профессором Чейблом должны немедленно все это просмотреть!

...Они вышли в коридор, и Сэм сказал:

— Кофе бы сейчас... А еще лучше — чего-нибудь посущественней... Я уже забыл, когда в последний раз ел...

— Должна предупредить вас, Сэм: кофе будет не тот, что вы пили в карантинных апартаментах!

Они оба улыбнулись своим воспоминаниям, но достаточно

сдержанно: сейчас, когда все вокруг перевернулось с ног на голову, было не до сантиментов...

Лифт отвез их в кафетерий.

— Не так уж плохо! — попробовав суп, сказала Нита.

— И главное, дешево, что весьма существенно для голодающих интернов... Скажите, Нита, в отчетах, которые вы принесли Мак-Кею, было что-нибудь новенькое? Или это секретные сведения...

— Не то чтобы секретные, но и не для широкой огласки. По последним данным, в одном только Манхэттене уже восемь тысяч случаев. А в пригородной зоне их число перевалило за двадцать пять тысяч. Множество отелей используется в качестве больниц. Катастрофически не хватает специалистов. Неразбериха с доставкой медикаментов... Хорошо еще, что помогают добровольцы.

Сэм решительно отодвинул свой недоеденный суп и встал.

— Я должен бежать. Мне даже в голову не приходило, что все настолько скверно...

Они услышали, как из динамика, непрерывно передающего разного рода сообщения, донеслось:

— ...ктор Бертолли! Вас просят срочно связаться с доктором Мак-Кеем! Доктор Бертолли! Вас про...

Вбежав в кабинет, Сэм увидел Мак-Кея и Чейбла что-то разглядывающими.

— Думаю, Сэм, что на этот раз вы не откажетесь... — Мак-Кей, улыбаясь, протянул ему узкую бумажную ленту. — Сообщение из Ориндж-Каунти, от одного из тамошних эскулапов... Если верить ему — найден эффективный метод лечения болезни Ренда.

Глава 7

Бело-зеленый вертолет уже опустился на площадку двадцать пятого этажа, и кабина его была открыта, когда Сэм вышел из лифта. Сержант полиции, негр, лицо и руки которого были ничуть не светлее его формы, помог погрузить снаряжение и, забравшись вместе с Сэмом внутрь, захлопнул дверь.

Двигатели засвистели, винты пришли в движение, пол под ногами мелко завибрировал — и машина, поднявшись в воздух и описав крутую дугу, двинулась на север.

Как только они взлетели, сержант стал внимательно разглядывать город. Вытянутые вверх сверкающие небоскребы

Сити вскоре сменились жилыми районами вперемежку с островками зелени, а потом — синевой озера в окруженном трущобами Гарлем-парке. Северную часть последнего пересекали тоненькие серебряные нити Ист- и Вест-Сайдской монорельсовых дорог...

Когда под вертолетом заголубел Гудзон, сержант, оторвавшись от окна, взглянул на Сэма.

— Вы, значит, доктор Бертолли, которого мне приказано доставить живым и невредимым в Ориндж-Каунти, а потом привезти назад... Никто, правда, не сказал мне, зачем... Или ваша миссия секретна?

— Нет, отнюдь. Просто ваше начальство хотело избежать лишних разговоров до выяснения всех обстоятельств... Видите ли, один человек сообщил нам, что он излечивает болезнь Ренда.

— Космическую чуму? — воскликнул пилот, наполовину повернув к ним голову. — Если уж ее подхватил, считай, что ты покойник, вот что я вам скажу...

Сэм удивленно посмотрел на сержанта, и тот улыбнулся.

— Пилота из нашего Форсона, конечно, не получилось, но такие большие уши и такой длинный язык надо еще поискать... Однако он родом из тех мест и может нам пригодиться.

— Для горожанина вы не такой уж тупица, сержант, — заметил пилот, набирая высоту перед мостом Джорджа Вашингтона. — Именно деревенское любопытство заставило меня прислушаться к вашей беседе... Ничего, в один прекрасный день я тоже стану сержантом и смогу порассуждать о подчиненных... А что, док, действительно кого-то вылечили?

— Посмотрим... — Бросив испытующий взгляд на одного, затем на другого полицейского и решив, что с этими ребятами можно быть более откровенным, Сэм продолжил: — Пока у нас действительно нет никаких средств от болезни Ренда, и всякий, кто ею заразился, умирает... Вот почему нам непременно нужно отыскать это место и вывезти врача вместе с его пациентом.

— Да я могу здесь летать хоть с завязанными глазами! — успокоил его пилот, надевая темные очки. — Слышали что-нибудь о Стоуни-Пойнте? Моя родина! Историческое место, между прочим... Ух, мы там врезали англичанам! Так вот... Все эти леса я в свое время облазил вдоль и поперек. Так что будьте спокойны — сброшу вас в самом центре Стоунбриджа.

— Сядешь как полагается! Сбросит он... — строго сказал сержант.

— Я ж в переносном смысле! Вы будете бережно опущены на травку! Рядышком с нужным вам домом!

Не долетая до Хэйверстроу, они уклонились от реки в сторону холмов. Внизу проплывали озера, в которых никто теперь не купался...

— Приближаемся к цели, — сказал Форсон. — Под нами шоссе 17А. Оно ведет к Стоунбриджу. Возможно, этот дом стоит у дороги...

Вертолет шел на малой высоте вдоль узкой дороги по направлению к скучившимся впереди домикам.

На дорогах городка не было видно автомобилей, и тротуары были тоже пусты.

Миновав центр и вновь приблизившись к окраинам, они заметили наконец тонкую струйку дыма, которая тянулась из-под рощи.

— Может быть, там? — спросил пилот и пробежал глазами текст телеграфного сообщения, лежавшего на приборной панели. — «Ферма вблизи Стоунбриджа... будет разожжен огонь... найдете по дыму...»

Когда березовая роща осталась позади, они увидели дымящиеся остатки фермерского дома и амбара, а также разбегающихся в разные стороны коров и кур. Людей не было.

— Не нравится мне эта картинка... — пробормотал сержант. — Тлеющие головешки и никого вокруг... Интересно, не тот ли это дом, который мы ищем?

— А черт его знает, — отозвался Форсон, разворачивая вертолет то в одну сторону, то в другую. — Сядем или сначала покружим над городом?

Внизу было по-прежнему безлюдно.

— Давай-ка еще полетаем, — скомандовал сержант. — Здесь как будто ничего уже не произойдет... И потом всегда можно вернуться... Вы согласны, доктор?

— Да, конечно. Вряд ли здесь найдется занятие для нас. И кроме того, никто не сказал, что нас звали именно сюда...

— Смотрите — опять! — крикнул пилот, как только они пролетели над западным предместьем.

Из трубы белеющего впереди дома, к которому вела изъезженная дорога, подымался дым. Стоявший во дворе человек, задрав голову, энергично размахивал руками.

— Но это же другой разговор! — радостно воскликнул сержант. Зажмурившись от яркого солнца, он достал пистолет и снял его с предохранителя. — Здесь хватит места для нас?

— Здесь уместилось бы пять таких стрекоз, сержант. Ну что, садимся?

Как только вертолет стал снижаться — человек побежал к дому. Они мягко опустились, и, дождавшись, когда остановятся винты, Сэм вскочил на ноги.

— Я думаю, доктор, что первым лучше выйти мне... — На плечо его легла рука сержанта. — Подозрительно тихо вокруг... Опять же — сгоревший дом... Странно все это... А ты, Форсон, остаешься присматривать за своей стрекозой!

Пилот кивнул.

— Здесь, между прочим, всегда тихо, сержант. Деревня, как-никак. Отчего, думаете, я подался в город...

Сержант спрыгнул на траву и медленно двинулся к седоволосому мужчине в белой рубашке и старомодных подтяжках. Мужчина стоял в дверях и приветливо помахивал рукой.

— Заходите! Я доктор Стиссинг, вызвавший вас сюда. Пациент в доме!

Сержант, подойдя к Стиссингу, подозрительно прищурился, едва заметно кивнул, а затем вошел внутрь. Через несколько мгновений он показался опять и, сложив руки рупором, прокричал в сторону вертолета:

— Все в порядке! Там у него больной!

Сэм, взвалив на плечо сумку, осторожно спустился.

Стиссинг смущенно переминался и почесывал щетину. «Семьдесят с гаком», — подумал Сэм. Они обменялись рукопожатиями.

— Я доктор Бертолли, госпиталь Белвью... Хотелось бы поскорей увидеть вашего пациента.

— Да-да, доктор, конечно... Прошу сюда. Очень рад видеть вас, крайне рад. Я уже двое суток на ногах, и, кажется, силы на исходе... Хедли позвонил мне отсюда, очень напуганный, да оно и понятно... Я определил болезнь Ренда еще с порога! Он и сам уже знал... С того самого момента и вожусь тут с ним. Кажется, дело идет на поправку.

— Вы не будете возражать, если я подниму штору? — спросил Сэм, так как в комнате был полумрак и силуэт больного едва угадывался.

— Конечно! Это просто для того, чтобы глаза его отдыхали!

Сержант кинулся к шторам, и вскоре Сэм, который стоял у самой кровати, увидел человека средних лет с красными нарывами на лице.

— Как самочувствие, мистер Хедли? — спросил он, укрепив на запястье больного регистрирующее устройство.

— Хедли — это вообще-то мое имя... А чувствую я себя намного лучше, скажу я вам! Совсем не так, как до прихода доктора!

Сэм расстегнул пижамную куртку больного. На груди виднелась пара нарывов. Подмышечные лимфатические узлы были набухшими.

— Больно! — испуганно сказал Хедли, когда Сэм осторожно коснулся одного из таких бугорков.

— Не беспокойтесь, я осторожно.

— Значит, он в порядке? — гордо спросил Стиссинг и затараторил: — Я знал, я говорил ему, что эти новейшие антибиотики творят чудеса! Чума — я имею в виду болезнь Ренда...

— Хедли — счастливчик... — устало перебил его Сэм. — У него не болезнь Ренда, а всего лишь фурункулез, слегка осложненный лимфаденитом. Вашим антибиотикам это было вполне по силам.

— Но присутствовали все симптомы болезни Ренда! Я достаточно давно практикую, чтобы...

— Хедли! Когда вы заболели?

— Пару дней назад. Температура поднялась сразу после того, как приземлилась эта ракета, я так и сказал доктору. Чувствовал себя так, будто умираю.

— С температурой разобрались... А как давно у вас эти нарывы?

— С того самого момента. Хотя, конечно, стали появляться они несколькими днями раньше... Но когда подскочила температура, я понял — все, чума...

— Да нет, Хедли, нет... — Стиссинг, тяжело вздохнув, опустился на табуретку. — Просто тяжелая форма фурункулеза. Фурункулы и высокая температура, понял? Извините меня, доктор, что вызвал вас сюда... Я...

Где-то совсем близко прогремело несколько выстрелов, и застрекотал ручной пулемет. Сержант выбежал из комнаты. Сэм почти сразу последовал за ним, строго наказав доктору оставаться на месте.

Он уже был в гостиной, когда сержант открыл входную

дверь. Градом пуль косяк был тут же разнесен в мелкие щепки. В Сэме сразу же проснулись старые навыки: он упал на пол и стремительно откатился в ту часть помещения, которая не простреливалась. Скорчившийся сержант лежал в дверях, силясь дотянуться до выроненного при падении пистолета. Когда Сэм стал оттаскивать его, ухватив за ноги, в дверь впилось еще несколько пуль.

Плечо сержантской куртки было мокрым — и Сэм, распахнув ее, увидел заполненную кровью маленькую дырочку. А если это пуля со смещенным центром?.. Сэм перевернул сержанта на бок, чтобы взглянуть на выходное отверстие, и облегченно вздохнул: оно было тех же размеров и только слегка кровоточило.

Сержант между тем открыл глаза и даже попытался сесть, но Сэм ему этого не позволил.

— Осторожней, вы ранены...

— Какого черта! — Сержант оттолкнул руку Сэма и все-таки сел. — Что там происходит?

Сэм быстро выглянул в окно, вернее в узкую щелку между занавеской и рамой, и успел отдернуть голову, прежде чем пуля вошла в противоположную стену. А еще он успел заметить людей, бежавших к вертолету, из кабины которого наполовину свесился пилот.

— Не предпринимайте никаких действий! — послышался голос снаружи. — Не стреляйте, и мы тоже будем вести себя хорошо!

Сэм вновь подкрался к окну. Сержант, с усилием поднявшись на ноги, встал позади него...

Люди стащили пилота на землю и стали забираться в кабину. Только что говоривший тоже пятился к вертолету, прикрываясь молоденькой девушкой. Ей было на вид не больше двадцати. По тому как тряпично болталась ее голова и каким образом была разорвана на ней одежда, можно было понять, что произошло...

— Только шевельнись — и я пристрелю девчонку! — снова донеслось до них. — И это произойдет по вашей вине! Лучше дайте-ка нам спокойно смыться — подальше от этой поганой чумы! Энди умеет обращаться с вашим вентилятором! Так что будьте умницами, потерпите, пока мы уберемся!

Заработал двигатель, и неохотно, но все быстрей и быстрей завертелись лопасти. Ткнувшись спиной в корпус вертолета,

мужчина резко оттолкнул девушку от себя и вскарабкался наверх. Дверь за ним закрылась, и тут же возобновилась стрельба по дому. Сэм с сержантом едва успели отскочить от окна. Косяк был раздроблен через какие-то мгновения. Стреляли из крупнокалиберного бортового пулемета...

Подчеркнуто медленно, не обращая никакого внимания на пули, кромсавшие деревянную обшивку дома, сержант вышел на крыльцо и, присев, поднял левой рукой свой пистолет. Стрельба прекратилась — вертолет находился прямо над домом...

Сержант подождал, пока вертолет отлетит чуть в сторону и уже не будет над девушкой, лежавшей лицом вниз, — а потом тщательно прицелился и нажал на курок.

Трижды из ствола вылетал короткий язычок пламени, и трижды полудюймовые пули со стальным сердечником вырывали из тела вертолета по куску алюминия.

Свист двигателей смолк, вращение винтов замедлилось — и вертолет рухнул в рощу за домом. Из-под горевших обломков не выбрался никто.

— Они пытались улизнуть из зоны, — не глядя на Сэма, тихо сказал сержант. — Я обязан был уничтожить вертолет... А Форсон был хорошим полицейским. — Опустошенно улыбнувшись, он погладил эмаль своего значка с надписью «Лучший в стрельбе любой рукой», и колени его подогнулись. Сэм подхватил сержанта и усадил, прислонив к стене.

— Сидите тут и молчите! А я слегка обработаю вашу пробоину.

Когда он опрыскал раны сульфамидным аэрозолем и прикрыл пластырем, из дверей осторожно выглянул Стиссинг.

— Доктор, перевяжите его, пожалуйста! — попросил Сэм. — Я взгляну на тех двоих...

Череп пилота был наполовину снесен... Сэм вздрогнул от негромкого звука разорвавшихся в роще баков. Там уж в его помощи не нуждаются наверняка...

Подойдя к девушке, лежавшей по-прежнему лицом вниз, он услышал всхлипы и осторожно прикоснулся к ее плечу. Девушка вздрогнула и заплакала еще безутешней. Вряд ли без помощи Стиссинга удастся увести ее отсюда...

— Доктор! — негромко окликнул Сэм. — Вы знаете эту девушку?

Стиссинг, близоруко щурясь, спустился с крыльца и, подойдя к ним, наклонился.

— Похоже, это невеста нашего Лесли... Кэти, девочка, давай-ка встанем и пойдем в дом... Не нужно тут лежать...

Мягко понуждаемая доктором, она встала и, придерживая на себе разорванное платье, медленно побрела. Они прошли мимо сержанта, хмуро вглядывавшегося туда, где дымились обломки вертолета, и вошли в гостиную.

Кэти легла на кушетку, и, пока Сэм занимался поисками одеял, Стиссинг осмотрел ее.

— Ничего страшного — в физическом плане, по крайней мере... — сказал он Сэму, когда они вышли в другую комнату. — Ссадины, ушибы — все, что сопутствует изнасилованиям... Меня беспокоит другое. Девочка видела, как убили ее отца. Они жили вдвоем в том конце города... Эти подонки — они вроде бы из Джерси — ворвались в дом и стали к ней приставать. Отец заступился, так они убили его прямо у девочки на глазах. Потом подожгли дом... Такого в нашей округе еще не случалось...

— По дороге сюда мы видели это место... От дома уже ничего не осталось... Да, но что-то нужно делать с этими вашими пациентами!

— Телефон молчит, — сообщил подошедший к ним сержант. — Оборваны провода, я смотрел. Придется ножками.

— Вам нечего и думать об этом, сержант.

— Так я и остался из-за какой-то царапины в этих лесах!

— Берите мою машину, — предложил Стиссинг. — Она в амбаре. А я побуду с Хедли и девушкой, пока не приедут из госпиталя.

— Увы, доктор! — Сержант цокнул языком. — Эти скоты добрались и до вашей колымаги. Вытащены свечи... Так что — не покатаемся.

— Ладно, — сказал Сэм. — Пожалуй, вы правы, сержант. Вряд ли мы нарвемся на бандитов еще раз... Доктор, думаю, что здесь теперь достаточно безопасно, но на всякий случай заприте все окна и двери. Как только мы свяжемся с местной полицией — они пришлют сюда людей... Я только захвачу свою сумку, сержант, и можем отправляться...

— Маленькая просьба, док. Вы не передвинете мою кобуру на левый бок, чтоб я мог дотянуться? Очень буду вам признателен.

Выйдя на середину дороги, они зашагали в сторону города. Первый дом встретил их зашторенными окнами и наглухо закрытой дверью. На громкий стук никто не ответил.

Зато из краснокирпичного дома следующей фермы — он был повернут тыльной стороной к дороге — ответили, не дожидаясь стука: в приоткрытое окно веранды высунулось ружейное дуло.

— Не двигаться! — прорезал тишину мужской голос.

— Я офицер полиции! — зло отозвался сержант. — Уберите оружие, или у вас будут крупные неприятности!

— Откуда мне знать, кто ты такой! Я тебя впервые вижу! Форма-то, конечно, полицейская — но может, ты украл ее, а? Двигайте отсюда оба — а то действительно будут неприятности!

— Нам нужен только телефон — больше ничего! — взмолился Сэм.

— Телефон не работает — неполадки на станции...

— Нет ли у вас автомобиля?

— Почему же нет... Тут он, у меня под боком... Ну все — пошли отсюда! Может, у вас чума — а я тут беседы веду! Проваливайте! — Дуло угрожающе заходило вверх-вниз.

— Стратегическое отступление, — тихо скомандовал Сэм, беря сержанта под руку и оттаскивая подальше от дома. — В бой не ввязываться.

— Дер-ревня... — проворчал сержант...

Весь Стоунбридж был как один большой запертый дом. Сэм с сержантом пересекли этот мертвый город и уже прошагали с милю по шоссе — когда один, но особого рода звук заставил их остановиться, а сержанта — даже потянуться к кобуре.

— Я достаточно поохотился на уток, док, чтобы безошибочно определить: это — охотничье ружье.

— Даже два... Похоже на перестрелку.

— Если не возражаете — поскольку у меня пистолет, я пойду первым...

Они шли обочиной, почти у самых деревьев. Впереди виднелась ферма — вернее, та часть ее, которая не была скрыта дубовыми стволами, — и бегающие фигуры. Послышался женский крик и сразу за ним — выстрел. Сержант вытащил пистолет и угрожающе улыбнулся.

— Похоже, что на этот раз мы подоспели вовремя: все только начинается.

Грузовик, стоявший в стороне от дороги, показался Сэму

удивительно знакомым. Выбежав вперед, он заставил сержанта опустить пистолет...

— Эй, док! Вы что! Там же бандиты!

— Не думаю. Это армейский вездеход.

Приблизившись, они увидели на оливково-коричневом борту машины эмблему ООН и настороженно заглянули во двор — откуда доносились теперь уже не крики, а судорожные всхлипывания.

Дородный капрал с явно смущенным видом держал за вздрагивающие плечи женщину. Она стояла, уткнувшись лицом в скомканный фартук. Лейтенант наблюдал за тем, как двое солдат кормят отравленным зерном бегающих у дома кур. Чуть поодаль, за сетчатой металлической оградой, на земле лежало несколько индеек. Остальные же птицы тесно расположились на одной из ветвей дуба, рядом с веревочными качелями и чуть ли не перед самым дулом ружья, выстрелы которого сбивали их одну за другой. Когда умолкало эхо — вновь слышался плач...

Лейтенант, услышав шаги, повернулся. Нашивка на его рукаве изображала герб Новой Зеландии. Внимательный взгляд, задержавшись было на сержанте, скользнул к черной сумке и белой куртке Сэма.

— Если вы врач — ваше появление как нельзя кстати. Тут эта фермерша... — Он кивнул на все еще вздрагивающую женщину.

— Что с ней?

— Истерика... или шок — не знаю, как там у вас... Мы постоянно сталкиваемся с подобной реакцией. Эти люди не очень-то понимают, с чего это мы вдруг взялись изводить их ни в чем не повинную птицу... Она выпустила и разогнала всех индеек, а потом стала кидаться на нас, как пантера. Хорошо еще, что у ее мужа хватило благоразумия и он с детьми пошел в дом — а то ведь некоторые хватаются за ружье...

Сэм подошел к женщине, которую по-прежнему удерживал капрал, протер ваткой плечо и сделал инъекцию денилина, мощного успокоительного. Потом — обмякшую, он отвел ее в дом, чтобы с помощью угрюмого хозяина уложить в постель.

— Она проспит не меньше двенадцати часов. Если опять будет плохо, дадите ей вот это... — Он положил на стол маленькую пачку психотропных таблеток. — Одной штуки хватает на сутки.

— Они перебили всех наших кур и индеек, доктор. Без всякого на то права.

— Но их действия продиктованы необходимостью! Ведь птицы могли заразить вашу семью неизлечимой болезнью!.. Кстати, вы получите документ, по которому — как только обстановка нормализуется — весь ущерб будет компенсирован.

— Как же... — буркнул хозяин.

Сэм собрался сказать что-то еще, но передумал и вышел из дому...

Сержант с лейтенантом стояли у разложенной на земле карты.

— Мне рассказали о ваших проблемах, доктор, — обернувшись, сказал лейтенант. — С удовольствием дал бы вам машину, но, к сожалению, она нужна нам самим. Предлагаю компромиссное решение. Фермы здесь расположены довольно близко одна от другой, и я со своими людьми обойду несколько из них, а водитель тем временем подбросит вас вот сюда. — Он ткнул пальцем в карту. — Это Саутфилдс. Рядом автострада. По ней идет на юг множество колонн. Думаю, вы сможете остановить один из грузовиков.

— Да, конечно. Спасибо вам! И вот еще что, лейтенант... Мы с сержантом должны срочно передать кое-какие сведения нашему начальству, а телефонная связь прервана. Есть ли рация в вашей машине?

— Есть, но она работает только на фиксированных частотах. Правда, я могу попросить, чтобы ваша информация была передана дальше...

— Идет! — сказал сержант, вытаскивая блокнот. Вырвав лист, он протянул его Сэму и левой рукой принялся выводить крупные каракули.

Сэм же задумался над тем, как избежать в своем сообщении излишней терминологической перегруженности, сделав его относительно понятным для множества людей, через которых оно пройдет. В конце концов он написал:

«Д-ру Мак-Кею, госпиталь Белвью, Нью-Йорк. Убедился в обратном, обыкновенный фурункулез. Бертолли».

...Уже смеркалось, когда они добрались до автострады. Капрал посигналил фонариком машине конвоя, сопровождавшего колонну грузовиков, и та остановилась с направленными на них разнокалиберными стволами. Как выяснилось, эту ко-

лонну, везшую продовольствие, уже несколько раз пытались ограбить...

Лишь в начале десятого Сэм добрался до госпиталя.

— Вам письмо, доктор, — сказали в регистратуре.

На маленьком листочке толстым маркировочным карандашом было написано:

«Позвоните мне немедленно. 78298. Нита».

Почерк был весьма странным — как будто эти буквы спешно писала рука чем-то крайне взволнованного человека.

Сэм бросился к одной из расположенных тут же в холле кабин и набрал номер.

— Добрый вечер, — дождавшись, когда появится изображение, выдохнул он. — Я прочитал вашу записку...

— Сэм, вы один? — спросила Нита, и он увидел, что глаза ее открыты шире, чем обычно, и услышал в ее голосе неприятную резкость.

— Да... А в чем дело?

— Вы можете подняться ко мне? Это лаборатория 1242.

— Я уже в пути — но что стряслось?!

— Дело в том, что... Это слишком страшно, Сэм!

Она положила трубку, и лицо ее исчезло.

Глава 8

Когда Сэм вышел из лифта, Нита уже стояла в дверях лаборатории. Не говоря ни слова, она впустила его и сразу же щелкнула замком.

— К чему такая конспирация? Что происходит — вы объясните мне наконец?

— Сейчас я покажу полученные мною результаты... Выводы делайте сами...

— Подождите. В телефонном разговоре вы употребили выражение «слишком страшно». Что имелось в виду?

— Я прошу вас, Сэм... — Губы Ниты сжались и побелели. — Никаких вопросов пока. Посмотрите и составьте собственное мнение... — Она кивнула на столик, заполненный пробирками и образцами тканей. — Я занималась исследованием сопротивляемости различных культур вирусу Ренда. Данные о результатах таких эмпирических опытов обычно вводятся в компьютер, с тем чтобы впоследствии использовать их в более сложной работе... Справившись с этим делом довольно

быстро, я решила провести самостоятельные опыты по обычному и повторному инфицированию тканевых культур.

— Но ведь этим занимаются другие!

— Да, конечно. И я вовсе не собиралась дублировать чью-то работу. Просто надеялась, что этот вирус после многократных переходов с одной ткани на другую все же слабеет... Надежды не оправдались — он оставался бодр и смертоносен... Выяснилось и кое-что еще.

— Что?

— Проверьте-ка сначала результаты... — Она протянула ему журнал и терпеливо ждала, пока он листал страницу за страницей.

— Ну что ж... Все как полагается... минуточку!.. Очень интересная последовательность... Вы тут чередуете птичьи ткани с человеческими?

— Да, я использовала голубей и тканевую культуру «Детройт-6». В общей сложности семь переносов. Последний Ренд-бета, полученный от птицы, обладает всеми прежними качествами плюс еще одно. Этот новый фактор я обнаружила совершенно случайно. Он...

Не договорив, она кивнула на зачехленную клетку, и Сэм, приподняв край плотной ткани, заглянул внутрь.

В клетке, тяжело дыша, с высунутым языком, лежала собака. Редкая шерсть на ее брюхе не могла скрыть многочисленных красноватых вздутий.

Смертельно побледнев, Сэм опустил чехол и взглянул на Ниту.

— Вы... на ней?..

Нита кивнула.

— Значит, у этой собаки болезнь Ренда?

— Да, Сэм. Вирус Ренд-гамма — вероятно, так нам придется его называть — это нечто качественно новое. Ни одна из прежних разновидностей — ни альфа, ни бета, ни те, что были получены мной в шести первых случаях, — не инфицируют собак. Но с седьмым переносом происходит какой-то невероятный сдвиг! Ни о чем подобном мне слышать еще не приходилось!

— Мне тоже... — прошептал Сэм. — Нита, вы не испытывали Ренд-гамму еще на каких-либо организмах? И знает ли Мак-Кей о вашем открытии?

— Нет, — ответила она сразу на оба вопроса. — Я была

слишком напугана, и единственное, что смогла и успела сделать, — это написать записку... Конечно, если б вы не вернулись сразу же после этого — я сообщила бы доктору Мак-Кею... Что же нам теперь делать, Сэм?

— Прежде всего необходимо срочно найти Мак-Кея и все рассказать. Да, не обрадуется он... Вы представляете, что означает эта новость для всех нас?

— Представляю...

— Пытаясь остановить распространение вируса, мы взялись уничтожать птиц. А что, если в организме некоторых из них уже размножается Ренд-гамма? Будем охотиться на собак? А потом? Эти мутации непредсказуемы и не укладываются ни в одну известную нам схему! Они не следуют никаким правилам! Земным, во всяком случае... Потому что чему-то они да подчиняются, нужно только докопаться до этого чего-то...

— Нет, Сэм, мы имеем дело не с чужеродной, а с вполне земной болезнью — своей, если угодно...

— Сейчас — да. Но ведь корабль привез нам ее с Юпитера? То есть...

— Ничего подобного. И это уже доказано. — Она порылась в кипе бумаг и вскоре извлекла оттуда несколько листов. — Пожалуйста! Можете сами убедиться! Это пока не полная информация, но и в таком виде она вполне убеждает. Понимаете, они не могут добиться того, чтобы вирус жил в условиях, напоминающих юпитерианские! Едва температура начинает падать, а давление повышаться — он гибнет! Причем задолго до того, как показатели достигнут тамошней нормы.

— Это невозможно!

— Все, что касается вируса Ренда, кажется невозможным. Но он-то есть! Этого вы не станете оспаривать? Хотя в любом случае, Сэм, ситуация, конечно, безрадостна. Я не знаю, что тут можно сделать...

— Ну, от нас с вами польза, конечно, невелика — а вот люди Мак-Кея могут и раскусить логику этих странных изменений...

Он взял Ниту за руки, холодные, как лед, и помог подняться с кресла. Лицо ее выглядело бледным даже под макияжем, а глаза воспалились от напряженной работы.

— Так вот... Мы передадим ему все ваши записи, и тогда вы сможете немного отдохнуть. Когда, кстати, вы спали в последний раз?

— Я тут вздремнула на кушетке — этого мне вполне... — Глянув в зеркальце, она закусила губу, а затем, рассмеявшись, достала из сумочки расческу. — Вы правы — этого мне недостаточно. Натуральный персонаж фильма ужасов. Подождите минуточку, Сэм, — сейчас я восстановлю разрушенное, и мы отправимся к Мак-Кею.

— Я узнаю пока, у себя ли он.

Дозвониться до Мак-Кея оказалось делом не из простых. Сэм дважды набирал номер и дважды слышал в трубке короткие гудки. Наконец он дозвонился до секретарши.

— Очень сожалею, но доктора Мак-Кея сейчас нельзя беспокоить, — сказала она печально и положила трубку.

— Что же у них там произошло? — задумчиво пробормотал Сэм, глядя на темный экран. — Похоже, она не в лучшем настроении...

— Выясним на месте, — отозвалась Нита, беря свой журнал.

— Я не удивлюсь, узнав, что она немного рехнулась. Напряжение вокруг и внутри нас — просто невыносимое, и главное — неизвестно, когда оно спадет...

Лифт стремительно вознес их на тридцать девятый этаж, и, когда двери открылись, до Сэма с Нитой донеслось какое-то приглушенное многоголосье.

В кабину служебного лифта, расположенного в дальнем конце холла, въехала каталка.

У открытой двери кабинета стояла небольшая толпа, из которой глаз Сэма выхватил знакомую по совместным дежурствам сестру.

— Что случилось, Энн? — спросил он, коснувшись ее плеча.

— Доктор Мак-Кей... — Она выглядела очень встревоженной и усталой, как, впрочем, выглядели теперь все в этом госпитале. — Переутомление... Это случилось так внезапно!.. Полагают — коронарный тромбоз... Только что у него был коллапс...

Пробившись сквозь толпу, Сэм с Нитой вошли внутрь. Здесь людей было поменьше. Секретарша уже ушла. Дверь кабинета Мак-Кея была приоткрыта, и Сэм, увидев там Эдди Перкинса, разговаривавшего по телефону, тихо постучал. Эдди обернулся и жестом пригласил войти.

— Да, разумеется... — сказал он в трубку. — Работа будет продолжена, и я буду регулярно информировать вас о состоя-

нии здоровья доктора Мак-Кея... Договорились... Всего доброго...

Взяв со стола пачку сигарет, он вытащил одну и закурил.

— Ну и кутерьма, Сэм... Все ведут себя так, будто недомогание шефа означает конец света... Они думают, что он в одиночку борется с болезнью Ренда, а вся команда — нечто вроде греческого хора, призванного его подбадривать...

Заверещал телефон, и Эдди, с недовольной гримасой вынув сигарету изо рта, в течение нескольких минут рассыпался в твердых заверениях перед губернатором штата, а потом сослался на крайнюю занятость и положил трубку.

— Вот вам иллюстрация... — вздохнул он.

— Их можно понять, — сказал Сэм. — В конце концов, ведь именно Мак-Кей справился с пахиакрией Тофольма. И всем хочется, чтобы фокусник вытащил из своего цилиндра еще одного зайца... Эдди, а кто теперь будет за главного?

— Понятия не имею... Но пока все на мне — как на его ассистенте. Сейчас вот явится Чейбл с руководителями отделов — и начнем совещание...

— Значит, главный сейчас ты, Эдди? Я правильно понял?

— Да, — глубокомысленно посмотрев на струйку сигаретного дыма, ответил Перкинс. — Получается, что я... У вас какие-то проблемы? Нужна моя помощь?

Нита, протянув записи, кратко изложила суть дела. Перкинс, кивая, листал журнал и только раз вскинул глаза — когда она упомянула о зараженной собаке.

— До чего ж мрачно вы все подаете, Нита! — Журнал, захлопнувшись, скользнул по столу. — Ладно... Утром я пришлю кого-нибудь из патологов. Посмотрим — что там у вас в действительности... Ну а пока — благодарю за внеурочную работу! Возможно, этим данным найдется какое-то применение...

— Эдди... — Сэм улыбнулся, чтоб приглушить свое раздражение. — Ты, похоже, не совсем проникся важностью информации. Если вирус Ренда передается собакам — нас ожидают большие хлопоты! Птицы, конечно, тоже не дают скучать, но...

— Я же сказал, Сэм: все будет проверено. И прошу тебя — расслабься! — угрожающе-ласково ответил Перкинс.

— Да вот не с чего! Пойми: болезнь может быть подхвачена собаками! Нужно немедленно принимать меры!

— То есть перебить их всех, да? А ты хоть знаешь, сколько у нас уже неприятностей из-за птичек?

— К черту неприятности! Если понадобится истребить собак — мы сделаем это! И лучше сейчас, не дожидаясь, когда они все будут заражены!

— Доктор Бертолли, давайте не будем забывать одну вещь. — Голос Перкинса потерял всякую выразительность, но лицо его исказилось до неузнаваемости. — Вы у нас не более чем интерн, а решения здесь принимают совсем другие люди. И не следует...

— Брось, Эдди! Когда мы были студентами...

— Хватит!!! — крикнул Перкинс, тяжело ударяя по столу.

Сэм сделал глубокий вдох, затем медленный выдох — и встал.

— Пойдемте, Нита...

— Минуточку! — остановил их Перкинс, вскочив и оперевшись на стол кулаками. — Вы, как видно, недостаточно информированы! И не учитываете двух важных факторов! Во-первых, мы добились значительных успехов, применяя вакцину! На ранних стадиях болезнь Ренда уже излечивается! Во-вторых, мы никогда не допустим семи переходов вируса! Ваши лабораторные экзерсисы и окружающая реальность — не одно и то же, коллега Мендель! Распространение болезни — под контролем! Носители инфекции — уничтожаются! Очаг очень скоро будет ликвидирован! Я не советую вам раскачивать лодку!

— Все, доктор? — спокойно спросил Сэм.

— Все! И давайте-ка будем заниматься каждый своим делом!

Снова зазвонил телефон, и Перкинс, рухнув в кресло, схватил трубку.

Они вышли...

Дожидаясь лифта, Сэм угрюмо поигрывал желваками.

— Не переживайте вы так! — Нита осторожно коснулась его руки. — Не Перкинс — так другие поймут, что...

— Другие не поймут ничего! Он просто не покажет им ваши записи! Это ж политикан, поймите вы.

«Не раскачивать лодку...» Какое перспективное направление в практической медицине!

— Отчасти он, возможно, и прав. Пока все развивается относительно спокойно, и мы контролируем...

— Спокойствием и не пахнет! Того, что я видел, вполне

достаточно, чтобы понять это! И если мы ничего не предпримем — чума расползется по всему миру!

Двери лифта открылись, и почти сразу же из динамика вырвалось: «Докторов Рассела, Кристенсена, Бертолли и Инвара просят явиться в отдел экстренной помощи! Докторов Рассела, Кристенсена...»

— Что бы это значило? — Глаза Ниты тревожно расширились.

— Новые неприятности. Лодка раскачивается, несмотря на все увещевания мудрого Перкинса... Вот что, Нита. Не будем ждать, пока он на что-то решится. Отправьте копию ваших материалов в Центр профессору Чейблу.

— Как же я могу действовать через голову Перкинса?

— Не до щепетильности, Нита, — что делать... — Он шагнул в кабину и, прежде чем двери закрылись, настойчиво повторил: — Отправьте копию Чейблу!..

— Не знаю, что мне с тобой делать... — пробормотала Нита, снова нажимая кнопку вызова. Этот Сэм, подумала она, временами просто не вписывается в схему их совершенного мира...

На светлых стенах кабины и на полу были свежие пятна крови. Нита вздрогнула от неожиданности. Мир перестал казаться ей таким уж совершенным...

— Очередной бунт — вот все, что мне известно, — сказал Рассел. — Убери свои грязные ножищи, Крис! Это моя последняя пара чистого!

Кристенсен, развалившийся на слишком миниатюрных для него носилках, ответил могучим храпом. Трое интернов, покачиваясь, бросали на него завистливые взгляды. Никто уже не помнил, когда началось это бесконечное дежурство... Машина экстренной помощи неслась по пустынным улицам.

— Ну, что тут у вас, в городе? — спросил Сэм. — А то ведь меня услали на денек в лесные дебри... Предполагалось, что там уже излечивают болезнь Ренда.

— Ничего подобного? — улыбнулся Инвар.

— Ошибка в диагнозе. Там оказался вполне невинный фурункулез. Врача, близорукого старичка, следовало бы спровадить на пенсию лет тридцать назад... Энтузиаст...

— Что в городе? Город разваливается на куски... — мрачно сказал Рассел. — Люди думают, будто мы хитрим, говоря, что этой болезнью можно заразиться только от птиц и никак ина-

че. Большинство сидит в своих норах и не высовывает носа. Остальные — буйствуют, насилуют, предсказывают конец света, напиваются как свиньи... Смотреть — одно удовольствие... У кого-нибудь есть кофеин? Похоже, что ночка будет веселой...

— Это страх... — продолжил Инвар. — Люди боятся выходить из своих домов. Утрачен нормальный ритм жизни города. Да, армия охраняет важные объекты: с электричеством, связью и доставкой продовольствия — тоже пока все в порядке... Но ведь так не может продолжаться вечно! В таком гигантском городе! Число больных все увеличивается — и у тех, кто еще здоров, начинают сдавать нервы... А тут вам — запрет на перемещения... Конечно, с точки зрения эпидемиологии — это разумный шаг, но кто-то теперь думает, что в этой клетке ему придется торчать до конца своих дней!

— Возможно, он прав, — сказал Сэм, возвращаясь в своих мыслях к эксперименту Ниты.

— Что за пораженческие настроения, доктор! — воскликнул Рассел, удивленно взметнув брови. — Мы будем отважно, невзирая на...

— Эта песенка для бойскаутов, но не для врачей. «Ни дождь, ни град, ни тьма ночная...»

— А эта — для почтальонов, — пробормотал Кристенсен, поворачиваясь на другой бок. — Заткнулись бы, а? Как бабы, честное слово... Не дадут вздремнуть человеку.

Завывая сиренами, их обогнали две машины — полицейская и пожарная. Все явственней слышался какой-то непонятный грозный гул.

— Что за чертовщина? — удивился Сэм.

— Толпа, сэр, толпа... — объяснил Рассел. — Граждане нашей прекрасной страны выражают недовольство конституционно избранными властями.

— Можно подумать, что ревут звери...

— Они и есть звери, — простонал Кристенсен, открыв глаза. — Как, впрочем, все мы. Внутри каждого сидит зверюга с налитыми кровью глазами... Так что — в бой, врачеватели! Или как там у Шекспира... «Сквозь брешь — вперед, друзья мои!»

Машина остановилась, и, когда Сэм открыл дверь, внутрь ворвались крики толпы, заставив четырех молодых людей сразу посерьезнеть....

Это была Двадцать третья улица. Залитый светом Вагне-

ровский мост, три пустых яруса которого тянулись через Гудзон к Нью-Джерси, осаждался темной бурлящей толпой. Что-то яростно выкрикивали люди с голубыми от ртутных ламп или бледно-розовыми — от факелов — лицами. Вдали горели пакгаузы. Забаррикадированные грузовиками и брошенными поперек дороги металлическими трубами, защитники моста, полицейские и ооновцы, стреляли поверх толпы, ослепляя ее мощными прожекторами. Все это вместе воспринималось Сэмом как ирреальные, непрерывно меняющиеся декорации, как задний план ярко освещенной площадки, на которой корчились или неподвижно лежали человеческие тела.

— Доктор! Доктор! Помогите мне!

Сэм ясно расслышал эти слова сквозь шум и, выхватив взглядом машущего рукой молоденького санитара, поспешил на зов, осторожно переступая через лежавших.

— Смотрите, доктор, как ее... Я не знаю, что делать...

Санитару было не больше девятнадцати, и он наверняка видел прежде лишь аккуратные пулевые и колотые раны. Вся правая сторона тела женщины — от ноги до плеча — обгорела и представляла собой спекшиеся комки кожи и одежды. Аэрозольного баллона, из которого этот парень все еще пытался что-то выжать, не хватило даже для полной обработки ноги...

— Я займусь ею, — глядя на застывшее лицо женщины, решительным тоном сказал Сэм. — А вы... Видите того полицейского? Пулевое ранение. Обработать и перевязать.

Санитар ушел, а Сэм, нагнувшись, приложил регистратор к руке женщины, хотя и понимал, что это уже бессмысленно. Ожог четвертой степени в сочетании с сильным шоком не мог не повлечь за собой почти мгновенной смерти... Он накрыл тело одеялом и огляделся.

Рваные и пулевые раны, всевозможные переломы и вывихи... Пострадавшие в большинстве своем были солдатами или полицейскими. Из штатских — лишь несколько человек, раздавленных или растоптанных в одном из штурмов. В своих истерических попытках вырваться из города мятежники использовали в качестве оружия все, что попадалось им под руку...

Перевязав полицейского и отослав его к санитарной машине, Сэм обратил внимание на прислонившегося к столбу человека, который обеими руками закрывал лицо. На голове его был тюрбан, а на одежде — нашивки солдата пакистанской бригады, прилетевшей утром. Бедняга изо всех сил прижимал

к лицу руки, но кровь сочилась сквозь пальцы и капала на землю.

— Вот сюда... — Сэм подвел солдата к пустым носилкам и помог ему лечь. — Если вы уберете руки — мне будет проще заняться вашей раной.

Солдат приоткрыл один глаз и тихо простонал:

— Я боюсь, доктор... Если я сделаю это — мое лицо отвалится...

— Уж как-нибудь обойдется, я думаю. — Сэм мягко отвел его руки в сторону.

Из рваной круговой раны брызнула кровь. Щека была разрезана до кости, и ноздря еле держалась, свисая на губу. Все было в осколках стекла.

— Бутылка? — спросил Сэм, делая инъекцию морфина.

— Да, доктор... Он подскочил ко мне и ткнул, прежде чем я успел шевельнуться. Потом... Боюсь, что это не по уставу, доктор, но я врезал ему прикладом по животу, и он упал.

— Любой на вашем месте поступил бы точно так же.

Сэм вытащил пинцетом последний из видимых осколков, оставив совсем крошечные госпитальным врачам, и установил глубину стежка портативного сшивателя. Стянув края раны левой рукой, он приложил к ней свою машинку... Это действие повторялось несколько раз — пока всю рану не закрыл аккуратный шов. Кровотечение почти прекратилось — крупные сосуды, к счастью, не были повреждены. Обработанная таким образом рана уже могла ждать, когда ею займется хирург.

Как только пакистанец был помещен в уже переполненную машину, к Сэму приблизились двое.

— Доктор! — отдав честь, обратился к нему сержант. — Нужна ваша помощь — у нас раненые.

— Сколько, и что за ранения?

— Пока — два человека. Ранены металлическими прутьями. Скоро будет больше... Мы сооружаем еще одно заграждение — чуть глубже, потому что уже не хватает людей сдерживать этот натиск с нескольких сторон... Вам хватит работы...

— Хорошо, пошли. Только захватите эти коробки с медикаментами...

Двухвинтовой военный вертолет ждал их, мягко посвистывая двигателями, — и, как только они забрались внутрь, взмыл

к верхнему уровню моста, а потом осторожно опустился за барьер из опрокинутых грузовиков и легковых автомобилей.

Солдаты с нервозной суетливостью отходили сюда, покидая прежнюю позицию. Толпы пока не было видно, но грозный гул усиливался с каждым мгновением.

Сэм проследил за тем, чтобы выгрузили его коробки, и подошел к раненым. Один из них лежал с вытекшим глазом и, вероятно, сотрясением мозга. У второго была рваная рана, наскоро перевязанная бинтом из индивидуального пакета.

Крики между тем приближались, и солдаты, подсоединив к расположенным по обе стороны моста водоподъемникам пожарные рукава, раскатали их к барьеру.

Послышался топот множества ног, и несколько человек из числа защитников моста, стоявших до сих пор по ту сторону заграждения, спешно через него перелезли.

— Внимание! — зычно крикнул капитан. — Первый заслон смят! Минометы — к бою!

Сэм встал на крыло машины за капитаном — чтобы видеть происходящее на подступах к мосту... Пока еще там было пусто, и только несколько маленьких фигурок бежали к ним от грозного вала. Он нарастал и нарастал. Его рев становился все более похожим на разъяренное рычание исполинского зверя.

И вот — хлынуло. Пугающе черная однородная масса разом растеклась по скатам и лестницам — и устремилась вперед. У толпы не было ни лидеров, ни плана действий — ее гнали страх и желание выжить...

Уже можно было разглядеть отдельных людей, размахивающих металлическими прутьями и просто палками. Их рты были широко раскрыты в крике.

Позади Сэма послышался пронзительный свист, и тут же зачмокали минометы. Они методично и аккуратно усаживали поперек дороги начиненные газом снаряды.

Толпа замедлила бег, а потом и вовсе остановилась, не решаясь приблизиться к стелющемуся впереди туману. Воинственные крики сменились нерешительным гулом.

— Может быть, это их остановит? — спросил Сэм у капитана.

— До сих пор не останавливало... — устало ответил тот.

Снаряды падали и падали, но легкий ветерок, дувший с реки, быстро рассеивал газовые облачка. Смельчаки, один за другим, прикрывая ладонью глаза, стали перебегать опасную

зону. За ними робко потянулись небольшие группки. И вот уже подалась вся бурлящая масса.

— Воду! — рыкнул хриплый голос, и тугие струи ударили по бегущим, сбивая их с ног. Толпа, глухо воя, попятилась.

— Берегись! — закричал Сэм, но голос его в этом шуме не мог быть услышан даже с пяти футов.

Снизу по одной из опор к ним вскарабкался и теперь перебирался через перила человек. В зубах он на пиратский манер сжимал большой кухонный нож и, как видно, порезался: с уголка рта по подбородку тонкой струйкой текла кровь.

Солдат обернулся в тот момент, когда человек, перехватив нож рукой, подкрался к нему совсем близко. Сцепившись, оба упали, но почти сразу нападавший поднялся вновь. Клинок был темным от крови.

Ничего больше, однако, этот человек сделать не успел, так как был сбит с ног подбежавшим здоровяком-дзюдоистом и, ухватившись обеими руками за шею, корчился теперь от боли.

Когда Сэм подошел, раненый солдат уже встал на ноги и, пошатываясь, удивленно посмотрел на свой мокрый рукав.

Ножевая рана оказалась довольно безобидной, и Сэм, наложив антисептическую повязку, тем и ограничился...

В реве толпы, в его тоне, появилась странная приподнятость, что-то даже близкое к ликованию. Или Сэму, одуревшему от невыносимого шума, только показалось? Вот появился новый звук, низкий и невнятный, который быстро усиливался... Сэм увидел, как, стоя на крыле своей машины и яростно размахивая рукой, капитан что-то кричит своим подчиненным, и те суматошно отступают — и как сам он, спрыгнув вниз, присоединяется к ним...

Громадный трейлер на скорости не менее шестидесяти миль в час, рыча от натуги, врезался в заграждение и разметал его. Камера одного из передних колес лопнула, и машину, отчаянно визжащую тормозами, развернуло на девяносто градусов и потащило к перилам. Послышался удар, и кабина зависла над рекой.

Это было все, что успел разглядеть Сэм, прежде чем толпа, уже ничем не сдерживаемая, хлынула в брешь. Не обращая внимания ни на что — два солдата были тут же растоптаны, — она понеслась по мосту, гонимая страхом, навстречу свободе...

— Им все равно не прорваться, — зло прохрипел капитан. — С той стороны мост перекрыт полицией Нью-Джер-

си... Но эти мерзавцы убили моих людей — и я очень хочу, чтобы они прорвались!

— Почему?!

— Потому что только нам было запрещено стрелять, даже в целях самозащиты! А полиция Нью-Джерси такого приказа не получила! Там граница зоны! Все перегорожено колючей проволокой! — Капитан посмотрел на своих мертвых солдат и вздохнул. — Они будут стрелять в любого, кто попытается пересечь пограничную линию...

Толпа — те, кто еще не прошел сквозь разрушенную баррикаду, — вела себя тихо. До другого конца моста им нужно было пробежать около мили, и люди берегли силы. Слышался лишь топот множества ног.

Мерный стрекот, доносившийся сверху, заставил Сэма поднять глаза. Со стороны реки к ним приближались огни. Пилот разглядел, должно быть, их военные машины, и вертолет, после того как поредел людской поток, стал снижаться. В свете мостовых фонарей Сэм разглядел надпись «Военный транспорт штата Коннектикут».

Остатки толпы все еще текли мимо. Капитан, не выдержав, стал пробираться сквозь них в противоположном направлении. За ним следовал Сэм — по ту сторону заграждения могли быть раненые.

Когда они подошли к вертолету, пилот, открыв окошко, крикнул:

— Послушайте, я из Уотербери и совершенно не знаю город — не могли бы вы помочь мне?

— Я из Карачи, приятель, и знаю меньше тебя, — бросил на ходу капитан.

— Куда вам нужно? — спросил Сэм, взглядом выискивая пострадавших.

— В госпиталь Белвью. Не знаете, где это?

— Знаю. Я работаю там. А зачем вам в госпиталь? — Спросив, Сэм похолодел от недоброго предчувствия.

— Посылка. Дохлая собака в упаковке. Вы не покажете мне дорогу?

Побледнев, Сэм отбросил брезент, покрывавший собаку, и направил на тело луч фонарика.

Даже сквозь множество слоев полиэтилена невозможно было не увидеть безобразных нарывов.

Глава 9

В лаборатории было темно, и голубовато-зеленый свет от экрана монитора едва выхватывал из мрака лицо Сэма, подчеркивая морщины и мешки под глазами.

Он с отвращением смотрел на экран. В дикой пляске палочковидных вирусов Ренда — картинке, транслируемой из главной вирусологической лаборатории, — было что-то опереточно-демоническое.

Сэм зевнул и отвел взгляд в сторону. Конечно, ему следовало бы поспать, но при всей усталости сон не шел. В окно попрежнему барабанил дождь, и уже пробивалась утренняя серость... Обязательно нужно поспать...

Нита, в самый разгар их беседы уронившая вдруг голову на руки, безмятежно посапывала, разметав по столу свои красивые волосы.

Пискнул сигнал, которым обычно предварялись важные сообщения, — картинка дернулась, но чем-то новым не сменилась. Все те же вирусы все так же энергично толклись.

«Идентификация положительна, — пробурчал равнодушный голос. — Ткани фурункулов коннектикутской собаки содержат вирус Ренда — он на ваших экранах. До завершения всех исследований по приспособляемости данного штамма к различным средам и организмам он именуется вирусом Рендгамма...»

Нита уже выпрямилась в своем кресле и, отбросив волосы назад, сонно щурилась.

— До чего ж быстро! — воскликнул Сэм, гневно сжав кулаки. — Такой сдвиг — и меньше чем за неделю! Как он успел в такой короткий срок перебывать в семи различных организмах?!

— Успел. И от этого никуда не денешься.

— Как и от многого другого... — Сэм, кипя от злости, мерил шагами комнату. — Разваливается все! Мы катимся к первобытной дикости! Кубарем! Мне никогда не приходило в голову, что слой цивилизованности настолько тонок! Его можно смахнуть в несколько дней!

— Вы слишком суровы, Сэм. Люди просто-напросто боятся...

— Да, конечно! Я сам боюсь! И, кстати, у меня гораздо больше оснований для страха — ведь мне известна степень нашей беспомощности перед болезнью Ренда! Но я также знаю — а они почему-то забыли, — что у нас есть чудесный дар — шеве-

лить мозгами, думать, прежде чем что-то предпринимать! А эти безумцы действуют — только действуют! И мало того, что обрекают себя на верную гибель, так еще пытаются увлечь за собой весь мир! Буйствуют! Лезут под пули! Вопреки здравому смыслу прячут где только можно своих несчастных кур и длиннохвостых попугаев! Подождите, вот мы еще примемся за собак... «Только не моего Рекса! Только не моего верного друга Рекса!» И попробуйте втемяшить идиоту хозяину, что его друг Рекс превратился в смертельного врага... Все охвачены паникой! Я видел толпу, в которой уже не было людей! Они насилуют и убивают — мимоходом! Каждый пытается любой ценой выбраться отсюда — и кому-то ведь это удастся! Или чья-то собака убежит за пределы зоны! Люди...

— Людей винить не следует, Сэм. — Голос Ниты был тих и спокоен. — Им присущи эмоции, обычные человеческие эмоции...

— Но я — точно такой же человек! — воскликнул он, остановившись. — И тоже не без эмоций! Я прекрасно понимаю, что они чувствуют сейчас! Те же кошки скребут и у меня на сердце! Но для чего же нам дан интеллект, если мы не можем контролировать свои эмоции!

— Кое-кто из контролирующих мечется сейчас из угла в угол...

Сэм уже открыл рот, чтобы ответить, — но внезапно передумал и улыбнулся.

— Да, вы правы. Вся моя ярость — ни к чему... Просто бывают моменты, когда все, что чувствуешь, обнажается, выходит наружу... А потому — слушайте! Вы так хороши сейчас в этом голубом луче и с этими спутанными волосами!

— О ужас... — прошептала она, поправляя прическу.

— Оставьте, прошу вас! — Сэм потянулся к ее руке, и что-то произошло! В глазах Ниты отражались его, Сэма, чувства!..

Что есть поцелуй? Поцелуй есть контакт, соединение, обмен. Одним народам и племенам он вообще неизвестен — другие считают его чем-то омерзительным. И те и другие — обделены... Поцелуй может быть и холодной формулой, и знаком родства, и прелюдией к акту любви. А еще — откровением в безмолвном, таинственном языке чувств, не передаваемых словами...

Прижавшись ухом к его груди, она улыбалась — он это знал, потому что водил пальцем по ее лицу.

— По-моему, все наши чувства поднялись сейчас на поверхность... Мы говорим то, что говорят они, и действуем так, как им угодно. Я, наверное, выгляжу очень смешным...

— Перестань, Сэм!

— Я, должно быть, действительно выгляжу довольно нелепо, но... Если б ты знала, какое отвращение у меня вызывают все эти телекрасотки с их деловитым барахтаньем в постели и дозированным закатыванием масленых глазок! Настойчивое принижение высокого... Я хочу сказать, что люблю тебя и что это... не шутка...

— И я тебя люблю, Сэм... Звучит, конечно, ужасно, но я благодарна болезни Ренда и всему, что произошло... Женщины эгоистичны, дорогой! Мне кажется, что ты так и остался бы одним из тех ушедших в работу мужчин, которым просто некогда подумать о таком незначительном предмете, как мы...

— «Незначительном». — Сэм обнял ее и тут же услышал сигнал вызова. — Черт побери!

— Я понимаю ваши чувства, сэр! — Нита, рассмеявшись, выскользнула из его объятий. — Но мне звонят!

Сэм милостиво улыбнулся, и она поспешила к телефону.

Дождь почти прекратился. Редкие порывы ветра бросали капли на оконное стекло. Сэм смотрел вниз, на влажную серость безмолвного города. Отсюда, с двенадцатого этажа, хорошо просматривалась Первая авеню с ехавшей по ней бело-зеленой полицейской машиной. Вот машина исчезла, куда-то свернув...

Неясное бормотание за спиной тоже смолкло, и, когда он обернулся, Нита уже положила трубку. Она так грациозно потягивалась, что Сэм тут же почувствовал необыкновенный прилив сил.

— Так. Умыться, переодеться и приготовить что-то похожее на завтрак, — энергично перечислила она. — Через час — совещание. Дирижирует Чейбл, если я правильно ее поняла...

— Кого — ее?

— Секретаршу Мак-Кея... Перкинса, вернее.

— Обо мне она ничего не сказала? Ведь этому локатору наверняка известно мое местонахождение!

— Нет, о тебе — ни слова. Может быть, твое присутствие там кажется ей уже само собой разумеющимся?

— Думаешь? Не более чем интерну — так, кажется, величает меня Эдди Перкинс? — дозволят присутствовать на этом политиканском таинстве?

— Но ты же должен быть там, Сэм!

Он грустно улыбнулся:

— Я буду, и обязательно.

...Это был один из самых больших залов госпиталя, и собравшиеся, человек тридцать, чувствовали себя в нем довольно неуютно. Сэм увидел здесь много знакомых лиц — руководителей отделов, людей из команды Мак-Кея, двух офицеров службы здоровья. Уже войдя в дверь, он подумал, что явиться сюда было не лучшей его мыслью. Нита, что-то почувствовав, крепко сжала его руку, когда он усаживал ее в кресло. Сразу полегчало... А потом отступать было уже поздно, да и незачем. Знакомые кивали ему или приветственно махали рукой — а прочие не обращали на него внимания...

«Доктор Бертолли?» — прогремело сзади, и Сэм вскочил. Насупленный бородач с перебитым носом был очень хорошо знаком ему по фотографиям.

— Да, доктор Хатьяр. Чем могу...

— Как вы себя чувствуете? — Хатьяр, подавшись вперед, почти уткнулся носом в лицо Сэма. Если б это проделал кто-то другой, Сэм обязательно вышел бы из себя, но Хатьяр был не другой... Сэму не раз приходилось слышать истории об этом гениальном венгерском иммунологе, создателе радиоактивного дифференциатора, касающиеся в основном его близорукости и болезненного самолюбия. Хатьяр, например, наотрез отказывался признать, что его зрение не идеально, и потому никогда не пользовался корректирующими линзами. В лаборатории, возможно, это не создавало особых неудобств, но в общении с людьми...

— Как вы чувствуете себя? — повторил он с чудовищным акцентом прямо Сэму в ухо.

— Спасибо. Не мешало бы, правда, поспать, а так — все в порядке... Во всяком случае, никаких симптомов болезни Ренда.

— Вот как? А ведь небольшое повышение температуры было бы очень кстати! Вы, значит, уверены, что жара у вас не было?

— Совершенно.

— А вот я не уверен... Мне нужно немного вашей сыворотки. То, что я имею, взято у людей, впоследствии умерших. Быть может, нам удастся наконец выделить антигены...

— Сэм? Вы не на дежурстве? — послышался голос Эдди Перкинса.

— Я отдежурил, — вежливо ответил Сэм, обернувшись. — Последняя поездка заняла около двадцати часов. Ситуация в городе весьма напряженная.

— Знаю. А что, вас кто-то пригласил сюда?

Они смотрели друг другу в глаза: взгляд вопрошавшего был ледяным.

— Нет, — ответил Сэм, и Перкинс победно ухмыльнулся.

— В таком случае... Я, конечно, очень сожалею, Сэм, но вам придется...

— Какого дьявола?! Кто вы такой, собственно? — зарычал Хатьяр, пытаясь разглядеть лицо неизвестно откуда взявшегося нахала.

— Я Перкинс, мистер Хатьяр! Ассистент доктора Мак-Кея! В настоящий момент исполняю его обязанности!

— В таком случае, идите, пожалуйста, и исполняйте их дальше! Мы заняты!

Хатьяр сгреб Сэма и утащил подальше от пунцовеющего Перкинса. Сэм не знал, то ли радоваться этому торжеству справедливости, то ли огорчаться по поводу неизбежных теперь неприятностей...

Профессор Чейбл постучал молотком — группки стоявших распались, все заняли места за длинным столом.

Сел и Чейбл. Он долго разглядывал множество бумаг, лежавших перед ним, и аккуратно их складывал — а когда заговорил, в голосе его была бесконечная усталость.

— Прежде всего я должен сказать, что совещание организовано Всемирным центром здоровья. По моей просьбе доктор Перкинс, временно заменяющий Мак-Кея, пригласил вас сюда для обсуждения некоторых весьма важных вопросов. Я получил ваши отчеты и хочу выразить признательность за столь исчерпывающую информацию... Далее. В настоящий момент Центр осуществляет контроль за носителями вируса. Определена карантинная зона. Принимаются самые решительные меры в борьбе с болезнью. Однако нам необходимо принять некоторые основополагающие решения, касающиеся наших дальнейших действий. И прежде чем они будут приняты, мы должны окончательно выяснить: что сделано, что делается и что предстоит сделать для укрощения этой болезни.

Чейбл умолк, и наступила тишина... Наконец Эдди Перкинс, откашлявшись и обведя аудиторию испытующим взглядом, сказал:

— Позволю себе подытожить наши достижения... Болезнь Ренда — неизлечима. Смерть наступает в течение десяти-двенадцати часов с момента заражения. Вероятность — стопроцентна, во всяком случае, до сих пор было так. Симптоматическое лечение, однако, позволяет продлить период болезни почти до сорока восьми часов. Это вселяет определенные...

— Ничего это не вселяет! — сердито перебил его Хатьяр. — Небольшая оттяжка — и все. При чем тут лечение?

— Возможно, вы правы, доктор Хатьяр, — еле сдерживаясь, ответил Перкинс. — И я не совсем точно выразился... Кстати, самое время, по-моему, выслушать информацию о том, сколь велики успехи вашей иммунологической команды.

— Их нет.

— Нельзя ли поподробней, доктор Хатьяр?

— И подробней нет тоже... Пока не выделено антитело — мы работаем впустую! Все здесь, вроде бы, элементарно. Альфа, бета и гамма — очень даже просты в своих реакциях. Организм либо заражен, либо нет. Если заражен — он гибнет... И никаких вам мягких форм! Ни один из пораженных организмов не способен бороться с антигенами!

— Скажите, доктор, — подал голос Чейбл, — какова вероятность получения этих ваших антител?

— Вероятность — нулевая. Без какого-то совершенно нового фактора тут не обойтись...

Тишину, вновь наступившую после этих слов, довольно долго никто не прерывал. Призывы к активности не оказали никакого действия. Перкинс в конце концов стал выкликать по именам руководителей групп. Далеко не каждый был или позволял себе быть таким искренним, как Хатьяр, но это не меняло сути.

— Если не возражаете — я обобщу... — Голос Чейбла дрожал, и это уже было вызвано не только усталостью. — Положение не из лучших. Мы знаем, откуда пришла болезнь Ренда и каким образом она распространяется. Нам известны ее первые симптомы и исход, который мы можем чуть-чуть оттянуть. Мы убедились также и в том, что зараженный организм не вырабатывает антитела для борьбы с болезнью и что антибиотики ей нипочем. Применение интерферона дает ничтожный и кратковременный эффект. Каких-либо химических препаратов, способных пресечь развитие болезни, не убив при этом больного, у нас нет... Что еще? Еще мы знаем о странной привычке болезни Ренда поражать определенных животных — которые в свою очередь передают ее представителям своего вида или же человеку... Такой вот жуткий перечень, в котором единственно отрадный пункт — то, что мы не можем заразиться друг от друга.

— Не можем — пока, — очень ясно произнесла Нита и тут же испуганно прикрыла рот рукой.

Каждый счел своим долгом повернуться и посмотреть на нее — кресла дружно заскрипели...

— Может быть, вы поясните свои слова, доктор Мендель? — сурово сказал Чейбл.

— Извините меня... Я не хотела прерывать вас... И это пока не доказано... Не исключено, что мое предположение вздорно, но... Понимаете, я пропустила Ренд-бету через семь тканей — и она стала Ренд-гаммой, способной поражать собак!

— Простите... — буркнул Чейбл, вороша свои бумаги. — Но я не вижу отчета об этом!

— Дело в том, профессор, что мой эксперимент не входил ни в одну из официальных программ. Я занялась этим исключительно по собственной инициативе. Что же касается моих записей — я должна привести их в порядок...

— Записи записями, но вам следовало немедленно поставить меня в известность!

— Я хотела, но... — Она вскинула глаза на побледневшего Эдди Перкинса. — Видите ли, это случилось прошлой ночью, и когда я отправилась к доктору Мак-Кею — его уже увезли, и все пребывали в замешательстве... Ну а потом, когда в Коннектикуте обнаружили зараженную собаку и об этой опасности стало известно всем...

— В любом случае вы должны были сообщить мне!.. Уж простите, что так накидываюсь на вас, но — и это относится ко всем! — информация, имеющая хоть какое-то отношение к болезни Ренда, должна немедленно доводиться до моего сведения! Даже если она кажется вам совершенно пустячной!.. Продолжайте, доктор Мендель. Значит, вы полагаете, что болезнь Ренда будет, рано или поздно, передаваться человеку от человека?

— Боюсь, профессор, что не смогу пока подкрепить свою мысль доказательствами... Эта болезнь подчиняется неведомым законам и меняет свой нрав всякий раз, как только вирус попадает в новую среду, переходя от человека к птице, а от

птицы — к человеку. До поры до времени. Вдруг добавляются собаки! А что если после серии подобных переброс между собакой и человеком произойдет новый сдвиг? Кстати, у нас нет уверенности в том, что подобное — с какими-то другими, еще не выявленными носителями — уже не произошло... Возможно, существует некий ряд, ведущий к такой мутации, после которой мы сможем заражать друг друга без посредников.

— Возможно... — задумчиво кивнул Чейбл. — И не хотелось бы в этом убедиться. Да, нельзя недооценивать степень опасности... Доктор Перкинс! Ваши соображения относительно программы дальнейших действий!..

Когда наступил момент распределения заданий между группами и все, одновременно оживившись, принялись демонстрировать свои ораторские способности, Сэм наклонился к Ните.

— Сжалилась над Перкинсом, да?

— Да, Сэм. Ему ведь несладко теперь, когда приходится работать еще и за Мак-Кея... А тут мы со своими обвинениями...

— Иными словами, ты не захотела раскачивать лодку... Жаль. Ее следовало перевернуть. Он совершил непростительную ошибку, скрыв твои записи от Чейбла! Ты должна была сказать об этом! Его уволили бы — и поделом... Слишком дорого обходятся нам такие ошибки...

— А не мстишь ли ты?

— Мщу? Нет. Конечно, было бы приятно посмотреть, как он с треском вылетает отсюда, но мною движет другое... Перкинс сейчас не на своем месте, и он блестяще это доказал! Пока этот парень сидит в кресле Мак-Кея, ничего хорошего не жди...

Его прервал настойчивый стук молотка.

— Всем спасибо! — натужно выкрикнул Чейбл и подождал, пока все утихнут. — А сейчас я хотел бы поделиться с вами следующей информацией... Чрезвычайный Совет ООН, президент и представители Генерального штаба пришли наконец к единому решению. Операция «Избавление» — таким замечательным названием могли разрешиться только военные — начнется через несколько часов. Она включит в себя самые серьезные меры по пресечению дальнейшего распространения болезни. Красная зона — территория, на которой зафиксированы случаи заболевания, — полностью эвакуируется. Мы уже начали переселять людей в карантинные лагеря, и как только будут выявлены и отсеяны инфицированные —

всех удалят за пределы зоны. Кроме Красной имеется еще и Синяя зона. Это полоса мертвой земли, окаймляющая Красную зону. Вся она идеально — при помощи бульдозеров, взрывчатки и огнеметов — выровнена и посыпана отравленной приманкой. Ширина Синей зоны составляет двести ярдов, а по завершении работ она достигнет полумили. К моменту, когда это произойдет, эвакуация населения Красной зоны уже закончится, и ее подвергнут обработке радиоактивным веществом с периодом полураспада в два месяца...

Все силились представить себе масштабы этих мероприятий. Свыше восьми тысяч квадратных миль должны обезлюдеть? Нью-Йорк, Ньюарк, Филадельфия, покинутые своими жителями, превратятся в города-призраки? В них умрет даже последняя инфузория?..

Чейбл продолжал:

— Это нужно сделать незамедлительно, потому что мир напуган... Как только очаг инфекции будет локализован и в качестве ее носителей мы будем иметь дело лишь с животными — операция «Избавление» продолжится. — Голос Чейбла звучал теперь предельно тихо. — Я хочу, чтобы вы поняли: мы вынуждены пойти на это... Мир, как я уже сказал, напуган — и до того напуган, что всерьез подумывает о водородной бомбардировке Красной зоны...

Он умолк, не в силах больше говорить и видеть, в какой ужас приводят слушателей его слова.

— Доктор Чейбл! — решительно сказал Сэм, слегка удивившись своей решительности. — Операция «Избавление» — вполне, на мой взгляд, логичное решение проблемы, поставившей медицину в тупик. Некоторым, правда, кажется более разумным сбросить на нас водородную бомбу, что мне, потенциальному угольку, не слишком по душе, как, кстати, и угрозы сбросить ее вот-вот. Но не о том речь... По-моему, мы еще не окончательно убедились в бессилии медицины! Еще не выполнена одна часть исследований — возможно, наиболее важная!

Он остановился, чтобы перевести дыхание, и только сейчас заметил, что его слушают более чем внимательно, но с каким-то мучительным напряжением. Вопрос перестал быть чисто медицинским. Он перерос в проблему выживания.

— О каких исследованиях идет речь? — спросил Хатьяр.

— Проникнув внутрь «Перикла», мы могли бы обнаружить

там сведения об этой болезни — записи, например. Ведь неспроста же Ренд пытался объяснить нам что-то о корабле... Кроме того, если уж вопрос о бомбардировке почти решен — кого может волновать тот факт, что мы откроем эту бутылку...

Громко застучал молоток.

— Доктор Бертолли! Никаких проникновений! На конечном этапе операции «Избавление» — после эвакуации и радиоактивной обработки территории — «Перикл» будет уничтожен тактическими ракетами! Мы должны быть уверены, что ни болезнь Ренда, ни какая-то другая космическая хворь землянам больше не грозит! Так что — извините... Решение принято и обжалованию не подлежит. Никто даже слушать вас не станет! Если бы, конечно, был найден способ лечения болезни Ренда... Но в этом случае и вся операция была бы отменена!..

Раздалось несколько негодующих возгласов, а темпераментный Хатьяр даже разразился тирадой — но все это было впустую, для очистки совести, для протокола. Все понимали, что решение принято на самом высоком уровне.

Чейбл внимательно слушал, кивал, отвечал на вопросы и при первой же возможности закрыл совещание...

Нита с Сэмом отправились в лабораторию. Когда они проходили мимо стеклянных дверей одной из переполненных палат, Нита опустила глаза.

— Я боюсь, Сэм... Все кажется каким-то безысходным... Эти разговоры — о бомбах, о радиоактивности... Значит, с исследованиями покончено? И эти больные, а также все, кто заразится позже, — обречены на смерть?

— Они уже мертвы. Мы же отныне — не врачи, а кладбищенские сторожа... Однако поставим себя на место большей части человечества. Она, эта часть, собирается принести нас в жертву и спастись. Уничтожить небольшое количество себе подобных — ради благородной цели... Возможно, это отличная идея, от которой я не в восторге только по эгоистическим мотивам... Но! Я против нелепого запрета на посещение «Перикла»! Запрета, исходящего от насмерть перепуганных людей, потерявших способность логически мыслить! Внутри корабля может находиться ответ на наши вопросы — спасительный для многих!

— Дорогой, но что мы можем сделать? Чейбл все популярно объяснил. Корабль закрыт — как для всех, так и для нас. Все ответы предписано искать в любом другом месте.

Убедившись, что их никто не видит, Нита мягко пожала руку Сэма — и не заметила, как расширились вдруг его глаза.

— Тебе на дежурство? — спросила она, открывая дверь.

— Через час, — ответил Сэм и прошел в комнату, где хранились инструменты.

— Все. Хватит терзаться — займемся делом... Что это?! — Она увидела в его руке регистрирующее устройство.

— Скорее всего, моя очередная глупость... Наверное, я замерз, оттого что не выспался, но твоя рука показалась мне слишком теплой. — Он коснулся прибором ее запястья, и стрелка метнулась к отметке 38,8.

— Ты могла просто подхватить грипп, — было сказано не слишком бодрым тоном...

Люди еще не научились излечивать болезнь Ренда, но диагностика ее была уже на неплохом уровне.

Через пять минут стало ясно, что у космической чумы есть новая жертва.

Глава 10

Заболевший врач — просто еще один пациент. И нет у него никаких привилегий. Единственное, что Сэм смог сделать, — это проследить за тем, чтобы Ниту поместили в двухместную палату с только что освободившейся койкой. Спрашивать, что случилось с тем, кто занимал это место раньше, было излишне.

Сэм ввел ей все необходимые лекарства, в том числе и сильнодействующее снотворное. Когда он уходил, Нита уже спала.

Дверь за спиной бесшумно закрылась... Он думал о том, что ставший ему таким близким человек — обречен, мертв, как если бы его сразила пуля... Болезнь Ренда неизлечима! Что тут можно сделать! Впрочем...

Он подбежал к телефону и, связавшись с регистратурой, попросил соединить его с профессором Чейблом, если тот еще не уехал.

Экран был темным, и только из центра его, как по воде, шли круги. Сэм задумчиво смотрел из-за плеча дежурной сестры на другие экраны. Больные спали в своих палатах — и видны были отсюда, благодаря инфракрасным хитростям, даже в темноте...

Ответа на вызов все не было. Дотянувшись рукой до экрана крупного плана, Сэм набрал номер палаты Ниты и увидел обрамленное множеством цифр ее усталое лицо...

«Доктор Бертолли? Соединяю с профессором Чейблом!»

Сэм круто повернулся к телефону.

— Профессор, мне нужно срочно с вами встретиться...

— Я уезжаю.

— Это не займет много времени, уверяю вас! Минуту — не более.

Чейбл вглядывался в Сэма с крошечного экрана, словно пытаясь проникнуть в его мысли.

— Ну хорошо, если вы уж так настаиваете... Жду в 3911-й. И поторопитесь, пожалуйста...

Спускаясь вниз, Сэм вспомнил, что 3911-я — это кабинет Мак-Кея, а значит, там будет и Эдди Перкинс... Придется потерпеть, дело стоит того...

Секретарша пропустила его немедленно, и Сэм увидел Чейбла, занятого наполнением своего портфеля бумагами. У окна, глубоко затягиваясь сигаретой, стоял Перкинс.

— Что вы хотите? — спросил Чейбл сухо и без всяких вступлений.

— Подняться на борт «Перикла». Корабль необходимо осмотреть.

— Исключено. И вы знаете это. Имеется решение...

— К черту решение! В конце концов это — наша проблема, и мы не обязаны подчиняться решениям, принятым где-то в Стокгольме! Я войду туда один. Ведь однажды мне уже приходилось подниматься в шлюз, и ничего не произошло! Итак. Я забираюсь внутрь шлюза и ничего не трогаю до тех пор, пока плита, которую вы там установили, вновь герметично не закроет вход. С внешним миром у меня будет только телефонная связь! Вы понимаете? Абсолютно никакого риска! Сообщив обо всем увиденном, я останусь внутри и буду сидеть там столько, сколько понадобится!

— Вознамерились в одиночку решить все мировые проблемы? — язвительно поинтересовался Перкинс.

— Все это — пустые разговоры... — досадливо морщась, сказал Чейбл. — Решение принято, уразумейте же вы!

— Мы не обязаны считаться с ним!

— Только без истерики, — ласково улыбнулся Перкинс. —

Вот видите, профессор, я ж говорю: на этого человека нельзя положиться...

— Ах вот как? — зло выдохнул Сэм. — Нельзя положиться, значит? И что самое смешное — это говорит мне Эдди? Тот самый Эдди, который, умирая от важности, силился предстать перед нами достойным заместителем Мак-Кея? Рекомендую, кстати, срочно сложить с себя эти полномочия... А рассказал ли ты, Эдди, профессору Чейблу о том, что Нита Мендель уже представляла тебе свой отчет, но ты решил придержать его? Или...

— Довольно, доктор! — оборвал его Чейбл.

— Я боялся, что это произойдет, — сокрушенно вздохнул Перкинс, — и не зря предупреждал вас, профессор. Он уже предъявлял мне это чудовищное обвинение — не при свидетелях, конечно... И вот теперь... Нет, что-то необходимо предпринять.

— В отношении тебя, Эдди... — Сэм все с большим трудом сдерживал ярость. — Ты изрядно напортачил, а теперь изворачиваешься. Хирург ты, может быть, и неплохой, но администратор — никуда...

Сэма между тем уже не слушали. Чейбл, повернувшись к селектору, нажал клавишу и решительно произнес:

— Пригласите, пожалуйста, офицера!

Прежде чем Сэм успел что-то сообразить, в дверях уже стоял лейтенант полиции.

— Мне не хотелось этого делать, — сконфуженно произнес Чейбл, — но приходится. У меня просто не осталось выбора. Поверьте, мне очень жаль, Сэм... Лейтенант не арестовывает вас, нет... Это всего лишь превентивное задержание. Вы сами вынудили нас прибегнуть к такой мере. Вокруг полно безответственных людей, которые, наслушавшись ваших пламенных речей, чего доброго побегут штурмовать корабль...

Сэм не слушал. Опустив голову, он повернулся и медленно пошел к выходу. «Неужели они все учли? — Лейтенант крепко взял его за руку — деликатно, но крепко... — Все, да не все...»

В приемной, кроме секретарши, не было никого. Лысеющий лейтенант спокойно осуществлял арест врача, взгляды которого отличались от общепринятых. В условиях военного положения — нешуточно...

— Спасибо тебе, Эдди... — бросил Сэм, обернувшись...

Они не учли, что он почти десять лет был воякой, и не из последних!!!

Лейтенант явно не ожидал каких-либо осложнений. Он был крайне беспечен и неуклюж, что позволило Сэму посредством грамотно выполненного болевого приема послать его прямо в ноги побледневшему Эдди Перкинсу.

Перед тем как хлопнуть дверью и быстро пройти мимо окаменевшей секретарши, Сэм еще коротко насладился дружным падением этих миляг...

Сколько времени в его распоряжении?.. Холл, по которому бежал Сэм, лихорадочно соображая, что же делать дальше, был пуст. Метаться в разные стороны или бездумно галопировать — не имеет смысла. Еще несколько секунд — и они выбегут за ним вслед. Ждать лифта — тоже не стоит...

Сэм выбежал на площадку пожарной лестницы и бросился вниз, прыгая через пять ступенек. «Никаких переломов! Нет времени!»

Он толкнул дверь — уже двумя этажами ниже и не спеша — здесь были люди — зашагал по коридору к вертушке, ведущей в старый корпус.

Что же теперь? Полицейский наверняка уже не только выскочил в холл, но и заскочил назад, не обнаружив Сэма...

Перкинс с Чейблом вряд ли осмелились что-то предпринять в отсутствие лейтенанта. А сейчас они звонят охране, чтобы та поджидала Сэма у главного и прочих выходов... Чуть позже по всему госпиталю будет объявлена тревога... В его комнате устроят засаду, это уж непременно, и значит, негде будет переодеться... Если даже удастся выбраться наружу — как далеко он сможет уйти, беленький, как зайчик?..

Двери лифта разъехались, и он шагнул в кабину.

— Сэм?! Ты чего такой взмокший? — закричал подоспевший Кон Рассел.

— Уж тебе-то следует знать, Кон... Вместе, как-никак, ездили...

— Я потерял тебя, как только мы добрались до этого моста! Ну и ночка была!.. С тобой все в порядке? Ничего не случилось?

Двери сомкнулись, и Рассел, нажав клавишу «23», — он жил как раз над комнатой Сэма — приготовился слушать.

— Много чего случилось. Одно из событий — болезнь Ренда у Ниты... Ниты Мендель.

— Черт побери! Да что ты! Эта рыженькая, которая была с тобой у «Перикла»?

— Да, она самая... Все гибнет, и конца этому не видно... Послушай, Кон, у тебя есть суритал? Хочу поспать хотя бы несколько часов.

— Конечно есть! Только в комнате. Подожди — у тебя ж сумка!

— Пустая. А в аптеку тащиться не хочется...

Пока Рассел рылся в своей сумке, Сэм, закрыв дверь и прислонившись к ней, отдыхал.

— А ты уверен, что нельзя обойтись ноктеком или чем-то вроде? — спросил Кон, подойдя к нему.

— Уверен, — сказал Сэм, беря шприц. — Только суритал. Несколько кубиков чудесного снадобья — и ты спишь как младенец...

— Здесь больше шести. Хватит на сутки, — предупредил Рассел, вновь направляясь к шкафу.

Игла, проткнув рубашку, вонзилась в его руку. Сэм выдавил все, что было в шприце.

— Извини, Кон, — пробормотал он, с трудом удерживая все более вяло вырывающегося приятеля. — Я не хочу, чтоб тебя считали моим сообщником. Да и выспишься заодно...

Подтащив обмякшего Рассела к кровати и уложив его, Сэм запер дверь на ключ.

Хорошо, что они примерно одного роста и комплекции — одежда должна подойти...

Он разделся и быстро облачился в синий костюм.

Дождь за окном все лил, и Сэм бросил в сумку аккуратно свернутый плащ.

Оставалось незаметно выбраться наружу... Только вот как?..

Полицейский был опрокинут минут двадцать назад — и охрана главного входа наверняка уже в состоянии повышенной боевой готовности. Ну а множество служебных входов — кухонный, например? Как с ними? Обычно никто их не охранял и не запирал — но вдруг об этом уже позаботились? Или все же осталась какая-то незамеченная лазейка? А что, если...

Теперь Сэм знал, куда идти, и знал, что выйдет отсюда, если только не наткнется на кого-то из уже оповещенных коллег... Страхуясь от такой возможности, он пробежал через новое, еще не открывшееся рентгеновское отделение и, спустившись по лестнице, оказался в одном из старых корпусов.

Холл второго этажа был пуст. Надев плащ, Сэм открыл окно — то самое, через которое несколько недель назад к ним забрались мальчишки...

Никто не заметил, как с ветвистого дерева, стоявшего у самой стены, на землю спрыгнул человек.

...Итак, улизнул... Что дальше?.. Все мысли, вертевшиеся в голове Сэма до сих пор, были так или иначе связаны с бегством. Настало время задуматься о другом... Ради чего он бежал? Ради того, чтобы проникнуть на «Перикл», — как бы ни старались ему в этом помешать... Кое-кто, правда, может и помочь. Генерал Бэк, например...

Неизвестно, что было сильней, — дождь или ветер. Сэм был благодарен: на улицах ни души.

Он бежал по Тридцать четвертой улице с таким видом, будто гонит его исключительно непогода...

Бар — стеклянная дверь стремительно распахнулась — был из тех недавно появившихся баров-автоматов, что работали круглосуточно, даже в отсутствие — как сейчас — посетителей.

Сэм сразу направился в глубь зала, к телефонной будке.

— Доброе утро, сэр! Сыровато сегодня, не так ли? — приветливо прогудел робот, с виду — розовощекий и лысый бармен. Как показали опросы, клиенты, особенно изрядно захмелевшие, предпочитали безликим машинам хотя бы имитацию человека.

— Двойное виски, шотландское, — задержавшись у стойки, сказал Сэм. Сейчас, когда опасность отступила, — навалилась страшная усталость. Алкоголь должен встряхнуть его...

— Вот ваше виски, сэр.

Бокал был наполнен от души, но не слишком — роботы никогда не переливали.

— Сдачу — телефонными жетонами... — Сэм протянул банкноту.

— Вот сдача жетонами, сэр. Клиент всегда прав.

Допив виски, Сэм отправился звонить. Где, сказал Бэк, располагается этот его штаб? В Форт-Джее? Это Бронкс? Да нет же! Гавернорс! Разумеется, Гавернорс! Совсем голова не работает...

Он позвонил в справочную и, узнав номер, набрал его.

Вместо кого-то из военных на экране появился местный связист.

— Простите, но этот номер принадлежит военному ведомству, сэр. У вас есть разрешение?

— Нет, но... Скажите, а нельзя ли обойтись без него?

— Я соединю вас с полицейским управлением, и вы объясните им свои проблемы.

— Нет-нет, благодарю вас, не стоит...

Повесив трубку, Сэм ощутил на лбу капельки пота. Либо в Форт-Джей и раньше нельзя было позвонить просто так, либо кто-то предвидел этот его ход... Так или иначе — связаться с генералом будет непросто. А время бежит, и жизнь Ниты утекает... Если вызов засекли — полиция уже мчится сюда!

Сэм опрометью бросился под ливень. Он пробежал той же улицей совсем немного, когда на пути стали попадаться люди — в количестве, достаточном для того, чтобы в случае чего смешаться с ними.

Как же выйти на Бэка? Ногами? Теперь до самого Гавернорс-Айленда? Кажется, только так... Туннель наверняка охраняется, но беспокоиться по этому поводу пока рановато — нужно еще добраться до него. Это довольно близко, около трех миль, но одинокого пешехода может заметить полиция... Такси не видно, поезда метро ходят с интервалами в час... Угнать чью-нибудь машину? Он не знает, как к этому подойти...

Добравшись до Легсингтон-авеню, Сэм остановился под монорельсовой дорогой и почти сразу же заметил характерное поблескивание вдали. Это был поезд!

Вверх — по ползущим ступенькам эскалатора и — прощай, погоня!..

Когда он взлетел наверх — поезд уже стоял с открытыми дверьми. Оставалось бросить монетку, пройти через турникет и...

Но двери начали медленно закрываться! Полностью автоматизированный поезд, в котором не было ни машиниста, ни кондуктора, отправлялся, как только на блок управления поступал сигнал об отсутствии на платформе людей!

— Подождите! — отчаянно, но бессмысленно закричал Сэм, выбегая на платформу. В другой момент он уже смирился бы с судьбой...

Худенькая девушка — единственный пассажир этого вагона услышала его крик и, выбросив вперед руку, заставила дверные створки, уже почти сомкнувшиеся, разъехаться снова.

Сэм впрыгнул.

— Спасибо... — едва мог выдохнуть он, бессильно упав на сиденье.

— Не за что. Когда-нибудь и вы меня выручите.

На этом диалог прервался. Девушка прошла в другой конец вагона и села спиной к Сэму. В эти дни все старались держаться друг от друга подальше...

За окном проносились здания и по-прежнему шел дождь. Сэм опустил воротник плаща и, порывшись в своей сумке, ничего из нее не достал, решив приберечь стимулятор на крайний случай.

Серебристая змейка монорельсового поезда приближалась к нижней части города...

Провожаемый взглядом девушки, Сэм сошел на Уолл-стрит. Внизу виднелись удручающе пустые улицы остановившегося сердца делового Нью-Йорка.

Выйдя из-под навеса, Сэм торопливо зашагал на юг. Все подступы к туннелю охранялись усиленными патрулями. Полицейские стояли и на пристани, с которой на остров время от времени отбывали маленькие, дистанционно управляемые катера.

Пристроившись в подъезде одного из домов, поближе к туннелю, Сэм стал наблюдать.

Интересно, давно ли здесь полицейские? Может быть, это все в его честь? Если да, то лучше отсюда убираться...

Вот из туннеля вылетел грузовик, и полицейский не только не остановил его, но даже подогнал нетерпеливым движением жезла. А к машине, следовавшей в противоположном направлении, сразу подбежали два офицера — остальные же, повернув головы, наблюдали. Шлагбаум поднялся лишь после того, как были проверены документы...

Сэм уже хотел отвернуться, когда из туннеля вдруг показалось не совсем обычное для города средство передвижения. Он сразу узнал «изящный» силуэт. В таких джипах ему приходилось трястись не однажды. Эта модель, мощнейшая и почти невесомая — сплошные магний, дюраль да губчатая резина, — использовалась только в десантных частях войск ООН.

Покинув свое убежище и отойдя от глазастых полицейских на безопасное расстояние, Сэм бросился бежать.

Куда направляется джип? Вероятно, на север, в верхнюю часть города. Но куда именно? В Ист- или Вест-Сайд? Или куда-то еще? В любом случае необходимо перехватить его у первого же перекрестка...

Сэм бежал все тяжелее, и дыхание его становилось все более беспорядочным.

Свернув за угол, он увидел джип, остановившийся на красный свет, и подумал, что педантизм — не такая уж неприятная вещь. Вокруг никого — а они соблюдают правила!

— Подождите! — испуганно закричал Сэм, так как зажегся желтый свет и машина подалась вперед. — Подождите! Эй!

Услышав крик, водитель затормозил, а сидевший рядом офицер повернулся, направив на Сэма пистолет.

— Я врач! — снова крикнул Сэм и для пущей убедительности помахал своей сумкой.

Офицер что-то сказал, и джип, развернувшись, подкатил к Сэму. Дуло пистолета по-прежнему смотрело на него.

— Что вам нужно? — спросил лейтенант насколько мог жестко.

Сэм посмотрел на погоны, на такого знакомого голубя с оливковой ветвью в клюве — и не смог не улыбнуться.

— Вы ведь из Пятой воздушно-десантной? И наверняка знакомы с Кливером Бэком?

— С генералом Бэком, вы хотели сказать? И, пожалуйста, не тяните, у нас мало времени. — Лейтенант раздраженно взмахнул пистолетом.

Сэм вовсе не собирался тянуть: в любой момент здесь могла появиться патрульная машина с самым любознательным экипажем...

Наклонившись к лейтенанту вплотную, он доверительно сообщил:

— Так вот, лейтенант. Ваш генерал Бэк для друзей — просто Кливер. Но только для самых близких друзей. Вы меня поняли?.. Я хотел бы передать ему записку.

Сэм открыл свою сумку и, порывшись в ней, достал блокнот, не обращая внимания на синхронно с ним двигающийся пистолет.

— Почему я должен передавать ваши записки?

— Потому что я прошу вас об этом, лейтенант. Потому что и в ваших интересах, чтобы Кливер получил это послание...

Уже не отвлекаясь на разговоры с лейтенантом, Сэм быстро написал:

«Кливер, я изменил решение. Мы войдем в него. Появились затруднения. Жду бот на Ист-Ривер, 15-й пирс. Кап. Грин».

— Я возвращаюсь туда только через час, сэр, — сказал лейтенант, и Сэм понял, что выиграл этот поединок. Тон лейте-

нанта, правда, был по-прежнему неумолим, но слово «сэр» говорило о многом.

— Вот и замечательно. — Сэм протянул ему сложенную записку. — Но ради самого себя, лейтенант, не читайте это и не показывайте никому, кроме генерала Бэка. Так будет лучше для всех.

Лейтенант, не говоря ни слова, сунул бумажку в нагрудный карман, и джип укатил прочь.

Если этот мальчик, подумал Сэм, или кто-то еще прочтет записку, беда будет невелика... Текст может быть понят лишь Кливером. Подпись, конечно, выдумал идиотскую — но звание сохранил прежнее... Да и лейтенант опишет внешность... Если записка дойдет до адресата — они скоро прибудут за ним...

Было около десяти — а значит, гостей следовало ждать не раньше одиннадцати.

Сэм медленно, опасаясь всего движущегося, побрел в северном направлении. Мимо проехали две патрульные машины, но в обоих случаях он успел укрыться. Сумка была брошена в мусорный бак — ничто не должно выдавать в нем врача.

...На Мейден-лейн, куда долетал плеск речных волн, заведение еще одного робота-бармена, по всему было видно, процветало. Вероятно, чума представляла собой недостаточную опасность для того, чтоб моряки отказались от своих привычек. В помещении было довольно многолюдно.

Сэм заказал сандвич с ростбифом и бутылку пива. Робот с черной пиратской повязкой на глазу и цветастым шейным платком был великолепен...

В одиннадцать Сэм уже прохаживался по берегу в поисках безопасного укрытия и одновременно — наблюдательного пункта.

Рядом со складом пятнадцатого пирса, там, где уже начиналась Флетчер-стрит, громоздилось множество контейнеров. Он протиснулся между двумя из них и сел на корточки. Теперь с берега его никто не мог видеть... Было сыро и неудобно, но хорошо просматривалась почти вся узкая полоса пирса, конец которого тонул в тумане и измороси.

Когда мимо время от времени проходило судно — слышался шум, но разглядеть что-либо было невозможно.

Грохот двигателей полицейского катера, подошедшего совсем близко к пирсу, заставил Сэма спрятаться поглубже. Грохотом и ограничилось...

К полудню он вымок до нитки и ожесточился донельзя, а к часу дня стал размышлять о восьмидесяти разнообразных муках, которым он подвергнет тупицу лейтенанта при первой же встрече...

Ровно в 13.13 к берегу приблизилась тень небольшого судна, и только тогда Сэм услышал тихое бурление воды. На носу разведывательного бота стоял долгожданный лейтенант. Сэм поднялся на ноги, изрядно затекшие, и бот развернулся в его сторону.

— Знали б вы, как я вас тут честил, лейтенант...

— Могу себе представить, сэр... — ответил тот, помогая Сэму подняться на борт. — Я подъехал к туннелю через час, даже раньше, но там творилось что-то невообразимое... Полицейский на полицейском, и все запружено машинами. Мне чудом удалось прорваться, и ваша записка была передана генералу лишь полчаса назад. Я никогда не видел его таким! — Лейтенант попытался улыбнуться. — Это было как взрыв атомной бомбы! Не прошло и десяти минут — откуда-то взявшийся бот уже покачивался на воде со мною, рулевым и всем необходимым на борту.

— Отправляемся... — предупредил рулевой, и бот, описав небольшую полуокружность, стал удаляться от берега.

Едва Сэм с лейтенантом укрылись за низким ветровым стеклом, как из-за другой стороны пирса показался полицейский катер. Он шел прямо на них!

— Ложись! — тихо приказал лейтенант уже лежавшему у низкого борта Сэму. — Под брезент, под брезент...

Рулевой ударил ногой по темному рулону, и тот, прокатившись до ящиков с боеприпасами, остановился. Сэм подтащил его к себе и, стараясь не подниматься над бортом, принялся разворачивать. Было слышно, как стремительно приближается катер, и поэтому разворачивал он эту негнущуюся ткань, отчаянно лягаясь...

Лейтенант, повернувшись лицом к катеру, держал наготове автомат.

— А ну, стопори машину! — рявкнул мегафонный голос. — Что вы здесь забыли, ребятки?

— Держи на минимальных оборотах, — бросил лейтенант рулевому, а полицейским крикнул: — Служба!

Сэму, уже взмокшему под своим покрывалом, оставалось только дожидаться развязки.

— Служба?! — подозрительно прищурился полицейский. Их катер был уже совсем близко, и можно было обойтись без мегафона. — Ну-ка, держите конец, посмотрим, что у вас там...

От сильного удара по брезенту Сэм испуганно вздрогнул.

Лейтенант, поддев канат ногой, сбросил его в воду.

— Сожалею, сэр! Но мы несем боевое дежурство! И после выгрузки на берег кой-какого снаряжения обязаны немедленно возвратиться в часть!

Все полицейские, находившиеся на палубе, были вооружены. Кроме того, на катере имелся крупнокалиберный счетверенный пулемет...

Бот между тем медленно оставлял все это позади.

— Стоять! — крикнул сержант. — Это приказ! Иначе...

— Вы в военной зоне, любезный, и никаких приказов отдавать здесь не можете! — Лейтенант поднял автомат и, прицелившись, тихо, но так, чтобы слышал рулевой, сказал: — После моего «до свидания» — улепетываем... Если вы попытаетесь нас задержать, я открою огонь! Вряд ли вам это понравится! Так что давайте-ка скажем друг другу «до свидания» и...

Вода под килем вскипела, и бот резко рванулся вперед. Лейтенант, ухватившись за поручень, по-прежнему держал катер на прицеле.

«Стоять! Стоять!» — захлебывался мегафон.

Пока катер разворачивался, готовясь обстрелять беглецов, бот уже исчез из виду и мчался теперь вниз по течению.

Когда они стали скакать с волны на волну, лейтенант присел.

— Мы сможем уйти от них? — спросил Сэм, выбираясь из-под брезента.

— Шутя, — сказал лейтенант и вытащил пачку сигарет. Он улыбался, но лоб его был мокрым не только от дождя. — Эта лодочка берет не броней и не пушками — резвостью...

Сэм тоже взял сигарету и задумчиво посмотрел за корму. Пристань уже скрылась в легком тумане, и катер не появлялся.

— Спасибо вам, лейтенант... э-э...

— Хэбер. Дэнис Хэбер. Можно просто Дэн.

— Спасибо, Дэн. Я ведь понимаю, что проделать все это было не так-то легко...

— Легче легкого, уверяю вас! Генерал приказал мне вер-

нуться с вами или же переправить вас — и если бы я предстал перед ним один... Да вы ведь знаете нашего генерала! Лучше уж ежедневные перестрелки с полицией...

— Наверное, вы правы...

Они вцепились в поручни, так как бот, обходя бакен, сильно накренился. Впереди был Гавернорс-Айленд с уже различимыми очертаниями форта. Рулевой сбавил скорость, направляя судно к причалу...

Мотор поджидающего их джипа ожил, и выскочивший из него Кливер Бэк лично помог Сэму сойти на берег, протянув свою лапу.

— Рад, что ты передумал, Сэм. Пора уже заняться этим «Периклом». Теперь-то общественное мнение будет на нашей стороне. Я не сомневаюсь: если только мы умно все подадим — никто не будет против вскрытия этой банки...

Хэбер сел рядом с шофером, а Сэм с генералом устроились сзади.

— Поздно подавать, Кливер... Очень многое изменилось, и я... Ладно, потом, наедине...

— Наедине? — Генерал насупил брови. — Ты не знаешь, где находишься? Это моя часть! Понимаешь? Моя! И водитель — тоже мой! Дэн — один из моих офицеров! Ты меня понял, мальчик? Что это за комедия с переодеваниями?

— Меня разыскивает полиция...

— И всего?! Но здесь же тебя не достать! Кстати, а почему ты их так интересуешь, если не секрет?

— Они хотели помешать моей встрече с вами.

— И, кажется, не очень-то преуспели в этом... — Бэк посмотрел на Сэма одним глазом. — Послушай, а что им наша встреча?

— Но, Кливер... Это же очевидно! Они не хотят лишних неприятностей и совершенно не заинтересованы в том, чтобы кто-то рушил замечательный план операции «Избавление»!

— Не исключено, что я сегодня туповат, Сэм, но каким образом мы можем повлиять на эту чертову операцию?!

— Вы — подняв шум по поводу решения Чрезвычайного Совета о сбросе на «Перикл» водородной бомбы...

— Ну разве не мило? — угрожающе прорычал Кливер. — Разве не забавно, что я слышу об этом впервые?..

Джип, подпрыгнув, замер перед зданием штаба.

— Поднимемся ко мне... — сказал Кливер Сэму, а затем по-

вернулся к подчиненным. — Передайте всем, что сегодня на остров не прибыло ни одного штатского и что никто здесь отродясь не слышал ни о каком докторе Бертолли.

— Слушаюсь, сэр! — Хэбер лихо козырнул. — Вам нужно побыть одному?

— Какая светлая голова!.. Подежурьте-ка у телефона, мне наверняка будут звонить... А капрал отправится на причал и передаст мое распоряжение.

...Только оказавшись внутри, за плотно закрытой дверью, Кливер дал волю гневу.

— Сукины политики! — ревел он, бегая по кабинету. — Недоноски! Сидят там на своих жирных задах, сидят, а потом как примут со страху решеньице вроде этого!.. Я не подозревал, что привычка размахивать бомбой при возникновении глобальных проблем еще жива в темных глубинах политиканского сознания... Вот кретины! Они решили повоевать! До них не доходит, что одну войну мы уже имеем — и ее вполне достаточно! Что нам действительно необходимо, так это информация! Откупорив тот проклятый корабль, мы получим ее! А эти деятели только и знают, что трястись от страха...

— Похоже, Кливер, они и вас боятся. Невзирая даже на то, что вы подчиняетесь ООН. Иначе они проинформировали бы вас...

Генерал рывком открыл бюро и вытащил оттуда громадную, более чем в два литра, бутыль кукурузного виски.

— Стаканы в ящике стола, — сказал он Сэму и через минуту уже наполнил их до краев. — Паршивцы действительно боятся, как бы я не залез внутрь «Перикла»?

— Похоже на то.

— Ну, а если все-таки... Кстати, тебя-то чего туда несет? Что, по-твоему, мы можем там обнаружить?

Сэм, поднеся стакан к губам, внезапно замер и медленно опустил его на стол, так и не пригубив.

Теперь он знал, что они найдут. Это было не логическое заключение, но прорыв в неизвестность, ставший вдруг возможным, когда подсознание сложило вместе все, что копилось с момента приземления космического корабля... Ответ объяснял происходящее — и был при этом невероятным. Настолько невероятным, что Сэм не решался поделиться своим знанием с Кливером, даже ради того, чтобы попасть на «Перикл». Поэтому ему пришлось прибегнуть к аргументам самого генерала...

— Пока этого никто не знает, Кливер. Может быть, что-то вроде магнитной записи... Мы не вправе упускать возможность ознакомиться с наверняка ценным для нас материалом! Есть там, по-моему, и кое-что еще...

— Что?

— Не знаю... Это пока лишь догадки, смутные предположения, причем настолько смутные, что я даже не хочу говорить о них... Но мы должны попасть туда! Должны!

— Не слишком убедительно, Сэм... Чуть пораньше, возможно, этого хватило бы, чтоб поднять шум и склонить общественное мнение в нужную сторону, но теперь... — Он сосредоточенно поболтал свой стакан и залпом осушил его. — Вряд ли кто-то услышит нас. Единственный способ проникнуть на корабль — это...

— Я договорю, Кливер... Штурм корабля — вот что нам остается.

Генерал помолчал. А когда заговорил, голос его был непривычно безжизнен.

— А ты знаешь, мальчик, что это называется изменой? Если я, офицер, решусь на такое, меня ведь могут и расстрелять...

— А если не решитесь, у людей не останется никакой надежды. Они будут умирать — тысячами и десятками тысяч, — потому что в разгадке болезни Ренда мы не продвинулись ни на шаг... Я давал ту же присягу, что и вы, Кливер, но я нарушу ее без колебаний! Меня вынуждают сделать это!

— Все правильно, Сэм... Я согласен, что корабль следовало бы осмотреть, прежде чем... Но руководствоваться только предчувствиями и догадками...

В дверь постучали, и Бэк распахнул ее, едва не сорвав с петель.

— Какого черта?! — накинулся он на лейтенанта Хэбера.

— Простите, сэр... Я отбивался от всех, но это — правительственный вызов.

Генерал Бэк колебался всего мгновение.

— Замечательно, Хэбер! Я буду говорить отсюда. Переключите.

Закрыв дверь, он уселся за большой стол, на котором стояло три телефона, и, кивнув на ярко-красный, сказал:

— Прямая линия повышенной секретности. Смотри, чтоб тебя не было видно...

Это была очень короткая беседа — вернее, монолог, потому что Бэк говорил только «да» и «нет»... Положив трубку, он некоторое время пребывал в неподвижности.

— Ну вот, Сэм... Это уже началось. Число заболеваний резко увеличилось. Люди падают прямо на улицах. Лаборатории твоего госпиталя подтвердили изменение...

— Вы хотите сказать...

— Да, да... Люди заражаются друг от друга, непосредственно, им уже не нужны ни собаки, ни птицы... Я прямо вижу, Сэм, как эти умники из Чрезвычайного Совета, услышав такую новость, тянутся к своим бомбочкам... Теперь-то они непременно захотят стереть с лица земли этот зачумленный уголок с несколькими миллионами людей, которых дернуло тут обосноваться...

Он встал и поправил ремень.

— Ну что ж, мой мальчик... Придется взломать шкатулочку! Надежд на что-то другое в этом аду не осталось...

Глава 11

Генерал Бэк перечислял.

— Во-первых, — сказал он, выбрасывая вверх большой палец, — это будет боевая операция, которую нужно продумать. Если ты не против, я возьму это на себя... Небольшой мобильный отрядик со мною во главе — самое лучшее, что можно...

— *Можно обойтись и без вашего непосредственного участия...*

— Вздор! В любом случае ответственность за эту прогулку ляжет на меня! Откуда я командовал — никого не будет интересовать! Да и вообще, Сэм, надоело мне тут киснуть... Развеюсь немного... Во-вторых, — он разогнул указательный палец, — мы отправляемся за информацией особого характера, и нам нужен медик. Этим медиком будешь ты... В-третьих, не обойтись без человека, который что-то смыслит в устройстве космических кораблей вроде «Перикла» — смыслит и может провести нас по всему кораблю. Единственный кандидат на это место...

— Стэнли Ясумура?

— Точно. Он прилетел из Калифорнии сразу после приземления «Перикла» и рвется осмотреть корабль — затеребил всех своими требованиями, даже меня. Ну да, как один из ведущих конструкторов «Перикла» он чувствует некоторую вину за случившееся... Думаю, этот человек не откажется пойти с нами. Я, конечно, прежде чем раскрывать карты, прощупаю его...

— Только не пользуйтесь телефоном — вас могут засечь...

— Наши скромные возможности безграничны, мой мальчик! Хэбер отнесет Ясумуре рацию, причем не какую-то рухлядь, а очень даже неплохую. Настолько неплохую, что заглушить нас или подслушать не смогут... Да, пока не забыл. Что из инструментов или препаратов может тебе понадобиться?

— Да вроде бы ничего...

— Тогда приказываю поспать. Выступаем ночью...

— Мы не можем ждать так долго! — Перед глазами Сэма возникло измученное лицо Ниты. События последних часов слегка приглушили мысли о ней — и вот теперь тревога вновь охватила его... «Быстрей! Быстрей! Нельзя терять ни минуты!»...

— Придется, Сэм, ничего не поделаешь. И вовсе не потому, что ты похож на человека, пребывающего в десятидневном запое... Просто некоторые вещи принято делать в темноте... Или, по-твоему, мы можем взять и забраться туда в любой момент? Когда вся округа кишит полицией? Ей ведь приказано стрелять в любого, кто пересечет проволочное ограждение! Не забудь также про плиту, закрывающую вход, и про шлюз, в котором мы тоже задержимся! Есть ли хоть один шанс справиться со всем этим в дневное время? А детали, по-твоему, тоже не следует обдумывать?.. Так что ступай-ка ты в соседнюю комнату и ложись, а то с тебя не будет никакого толку...

Сэм, уже не в силах что-то возражать, подчинился... «Отдохну чуть-чуть... Спать не буду...» — успел подумать он... Кто-то укрыл его одеялом... Из соседней комнаты доносилось бормотанье...

Проснувшись, Сэм осмотрелся вокруг. В комнате было темно, а за окном шел дождь...

Он открыл дверь, и стоявшие у окна офицеры подняли глаза. Генерал Бэк отложил в сторону карту и развернулся в кресле.

— Очень вовремя, Сэм, — как раз собирался будить тебя. Нам осталось тут кое-что уточнить, и через час можем трогаться... Ты знаком с доктором Ясумурой?

Офицеры расступились, и к Сэму выкатился маленький

японец, одетый в слишком просторную для него армейскую форму.

— Привет! Наслышан о вас! — Он с энтузиазмом пожал руку Сэму. — Давно хотел увидеться! Мне все время говорили, что вы отсутствуете!

— Я ничего об этом не знал, докт...

— Стэнли. Меня зовут Стэнли. А доктор — это вы, Сэм... Да, знаете ли, генерал поведал мне о возмутительной затее держать нас всех порознь. Он прислал в отель своих вооруженных до зубов парней с совершенно умопомрачительной рацией, объяснил суть дела и предложил сотрудничать. Я тут же дал согласие. У этих ребят была припасена для меня одежда — как видите, великовата — и удостоверение сотрудника разведывательной службы. Так что добраться сюда мне было проще простого... А теперь расскажите-ка мне вот что. Когда вы находились в воздушном шлюзе...

— Ясумура, потерпите немножко! — прервал его Бэк. — Никому не помешает еще раз пройти всю последовательность, а Сэм будет введен в курс дела.

— Но я только хотел узнать...

— Узнаете потом... Давай, Сэм, усаживайся поудобней и взгляни на карту... Сейчас мы сидим вот тут, прямо над бухтой. И для того чтобы добраться до аэропорта Кеннеди, нужно пересечь вот этот здоровенный кусок Лонг-Айленда, напичканный, естественно, не только нормальными людьми, но и полицейскими...

Сэм кивнул.

— Но есть куда более привлекательный способ попасть туда... — продолжил Бэк и медленно повел указательным пальцем по карте. — Отсюда — на восток... мимо Кони-Айленда... к Ямайской бухте... и упремся прямо во взлетно-посадочную полосу...

— Да не очень-то упремся, — возразил Сэм, постучав ногтем по карте. — В этих болотах мы пробарахтаемся до утра.

— Разве я не сказал, что мы отправимся туда на аэроджипе? Этот монстр, правда, не слишком мощный, но четырех человек поднимет, а больше нам и не нужно: такие орлы, как мы с тобой, да Хэбер уж как-нибудь разберутся со всеми затруднениями... Хорошо. Прибыли в аэропорт... Да, сегодня Хэбер полетал там под благовидным предлогом. Поснимал немножко... На ус кой-чего намотал... Давайте, Хэбер, выкладывайте!

Лейтенант ткнул пальцем в карту, туда, где соприкасались мелководье бухты и аэропорт.

— Здесь вообще нет охраны, но на снимках можно разглядеть ультрафиолетовые и инфракрасные индикаторы. Впрочем, они не доставят нам особых хлопот... Настоящие неприятности начнутся вот здесь, поближе к «Периклу». Сплошные детекторы, колючая проволока, часовые. Проскользнуть мимо этих полицейских почти невозможно. Если нас обнаружат, думаю, что не стоит наносить этим парням увечья без крайней необходимости... — Он бросил на генерала вопросительный взгляд.

— Вот мы и коснулись этой щекотливой темы... — после томительной паузы, не поднимая глаз от карты, тихо произнес генерал Бэк. — Нам всем, за исключением разве что доктора Ясумуры, доводилось сражаться в самых отдаленных уголках шарика. Наша Пятая авиадесантная — это ведь американская дивизия, и поэтому, в соответствии с политикой ООН, мы не воюем на территориях стран Северной Америки... Нам приходилось убивать, когда другие средства для достижения мира оказывались безрезультатными... Но сейчас мы находимся в собственной стране, и наш противник — горстка обыкновенных полицейских, которым просто приказано охранять объект... Я только теперь понимаю всю мудрость ООН, запретившей воевать там, где ты завербовался... Ну ладно. Постарайтесь избежать применения оружия. Обходитесь дубинками. Если же дело примет нежелательный оборот, помните: вы должны уцелеть, любой ценой. Слишком многое поставлено на карту. Понятно?

— Думаю, ничего страшного не произойдет, — сказал Сэм. — Я возьму с собой денилин. Это снотворное мгновенного действия — человек падает как подкошенный.

— Возьми, Сэм, конечно. Я очень хотел бы, чтоб они падали только от этого... Итак, мы миновали охрану, прошли сквозь проволочное ограждение и вышли к кораблю. А что потом? Как попасть внутрь, доктор Ясумура?

— Через шлюз — другого пути нет. Корпус корабля рассчитан на то, чтобы выдерживать гравитацию и атмосферу Юпитера, — не всякая бомба пробьет... — Ясумура поднес к глазам фотоснимки «Перикла», сделанные Хэбером. — Когда они приварили плиту — был срезан трап. Кто-нибудь знает, каким образом мы поднимемся на высоту двадцати футов?..

Из штабных офицеров здесь находилось человек шесть. Все они увлеченно обсуждали варианты противозаконного проникновения на корабль. Сэм знал, что никто из этих безгранично преданных генералу людей ни на минуту не усомнился в его правоте и что они без колебаний последовали бы за ним даже на отвесную скалу...

— Из чего сделан корпус? — спросил седой инженер-капитан.

— Специальный титановый сплав. Он не содержит железа.

— Магниты, значит, исключаются... А в самой длинной складной лестнице, которая у нас есть, всего пятнадцать футов...

— Так удлините ее! — нетерпеливо перебил Бэк. — Продолжим наш путь... Сейчас мы взобрались по нашей лестнице и стоим перед плитой. Как нам попасть внутрь?

— Очень просто, генерал, — ответил инженер. — У вас будет один из тех портативных лазеров, которые мы используем для резки тяжелых металлов в полевых условиях. Плита, насколько я понимаю, стальная, и лазер разрежет ее, как кусок масла.

— Хорошо, разрезал. И мы уже в шлюзе. За работу, доктор Ясумура!

— Мне понадобится мультитестер, рентгеноскоп и кое-что еще... Я уже договорился с вашими инженерами, и они снабдят меня всем необходимым... Понимаете, Ренд мог вывести из строя управление внутренней дверью только двумя способами, и как только я загляну в коробку, станет ясно, какой способ он предпочел... После чего открыть дверь будет уже делом нехитрым... Потом мы пройдем по всему кораблю и найдем то, о чем он хотел нас предупредить. Кроме того, нужно будет выяснить, как вел себя корабль перед приземлением...

— Уймите свой пыл, Ясумура! Мы еще не на корабле! Получите-ка лучше все необходимое оборудование... Лейтенант Хэбер отправится с вами, принесет сюда противодетекторный аппарат и займется погрузкой, а сержант Беннет... приготовит нам кофе и сандвичи. Все. Выполняйте.

Осложнения возникли уже через четверть часа.

— Простите, сэр, но мы не сможем взять все снаряжение, — доложил Хэбер.

— Лейтенант, вы идиот, да? Втисните его, втисните!

— Слушаюсь, сэр. Я хотел сказать, что с четырьмя пассажирами и таким количеством оборудования джип просто не оторвется от земли. Не хватит мощности.

— Значит, берем еще один! И человека, который поможет нести все эти игрушки!

— Меня, сэр? — Сержант Беннет просительно вытянул шею.

— Не возражаю... Переоденьтесь, Беннет, и принесите нам баночку черного крема...

Мощные прожектора прорезали дождливую темноту и осветили людей, суетившихся у неуклюжих с виду аэроджипов. Последние, мягко посвистывая, висели в ярде от земли.

— Опускайте! — крикнул генерал Бэк. Как и остальные участники операции, он был в черных ботинках и комбинезоне. Голову его покрывал черный берет, а все видимые участки кожи — густой слой черного крема.

— Двигатели разогреты, баки наполнены, рация и радар — проверены, сэр, — выбравшись наружу, доложил водитель первого джипа. — С вашим грузом он разовьет максимальную скорость.

— В таком случае поехали... Я поведу первый джип, со мной сядут Сэм и Ясумура. Вы, Хэбер, полезайте во вторую машину вместе со своим оруженосцем Беннетом. Постарайтесь не отставать от меня, держитесь вплотную... И не забудьте: как только покажутся бруклинские доки — сворачиваем на юго-запад... Стартовое направление — строго на восток... У меня будет радар, а вот у вас, кроме компаса да еще моего стремительно улетающего зада, — ничего... Так что постарайтесь не заблудиться... Не исключено, что полиция тоже при радарах, поэтому устроим небольшое представление. Пять вертолетов сопровождения полетят на минимальной высоте, а мы поднимемся, и точки на их экранах сольются. Потом, в полосе радарной тени, сядем и притаимся, пока вертолеты для видимости полетают вокруг... Ясно? Ну все, пора.

Свист винтов был заглушен шумом низко опустившихся вертолетов. По сигналу Бэка было выключено все освещение, и аэроджипы скользнули к воде. Огоньки вертолетов едва проглядывали сквозь пелену дождя.

— Прямо по курсу берег. Расстояние двести ярдов, — сообщил Сэм, глядя на экран.

— Что-то не вижу, — проворчал генерал. — Хотя нет, действительно, вот он... Хэбер! Включите глушители! Будьте готовы к повороту!

Они замедлили движение, и стрекот вертолетов быстро утих где-то впереди.

Когда два аэроджипа повернули в сторону океана, их перемещение было отмечено только легкой рябью на воде и неуловимым свистом винтов. Мощные струи воздуха неудержимо гнали их вперед, под огни моста Нероуз, к Нижней бухте и, наконец, в воды Атлантики. Здесь, вдали от берега, глушители были выключены, и джипы бросились в темноту со скоростью гоночных автомобилей.

Сквозь клочья легкого тумана слева замелькали огни.

— Что это? — спросил генерал.

— Кони-Айленд. Улицы и набережная, — ответил Сэм.

— Проклятие! Именно в тот момент, когда нам больше всего нужна непогода, дождь прекращается!.. Что у нас там впереди?

— Залив Рокэвей, потом — Ямайская бухта... Проходим канал, впереди мост — не меняйте курса...

Наверху не было видно и слышно движения, и им, покачивающимся у самой воды, мост казался полурастворившимся в тумане.

Тут начиналась дикая местность — с илистыми отмелями, болотами, заводями. Это было сердце Ямайской бухты...

И они полетели над лабиринтом каналов, над тростником, над зелеными кочками...

Вскоре бухта осталась позади. Замерцали огни взлетно-посадочной полосы аэропорта Кеннеди.

— Датчики расположены прямо у светильников, сэр! — послышался шепот Хэбера.

— Тогда хватит кататься, — ответил генерал. — Дальше ножками...

Два аэроджипа бесшумными тенями опустились на землю. Началась выгрузка снаряжения.

— Сержант! — окликнул Бэк. — Вы, кажется, самый опытный из нас в вопросах сигнализации? Мы побудем здесь, а вы прогуляйтесь, может, что-то интересное попадется...

Сержант Беннет молча перекинул через плечо тяжелый ранец и пополз в самую грязь, держа перед собой щуп. Он вскоре исчез из виду, и Сэм, пытаясь отвлечься от невеселых раздумий, мысленно последовал за ним... Да, десять лет назад он легко справился бы с такой работой, но теперь-то уже многое изменилось... Что делает сейчас Беннет? Скорее всего, водит щупом влево-вправо, чертя в воздухе аккуратные дуги и по-

глядывая на светящуюся шкалу... Вывести из строя инфракрасный детектор было делом плевым. Нужно было только стукнуть по нему изолирующим колпаком, опускаемым при помощи длинного рычага... С ультрафиолетовыми приходилось повозиться. Особенно в той стадии, когда нужно было, затаив дыхание, пододвинуть к датчику крошечный генератор, делая это так ювелирно, что уровень сигнала оставался неизменным... Нита, Нита... Минуты ползли невыносимо медленно. На небе появились звезды. Хорошо что не луна...

Безмолвная фигура выросла перед ними совершенно неожиданно, и Сэм схватился за пистолет, но это был Беннет.

— Порядок, сэр. Все было так примитивно, что я чуть не уснул... Теперь идите за мной, след в след...

Нагруженные тюками и лестницей, они шли медленно, стараясь ступать как можно легче. Зачехленные инфракрасные датчики и ультрафиолетовая ловушка с обманутым фотоэлементом уже не могли помешать им...

— Кажется, последний, — сказал Хэбер. — Теперь между нами и охраной никакой преграды...

— И никакого укрытия, — добавил генерал. — Одна травка. Дождь еще, как назло, кончился...

Обрамленная огнями взлетно-посадочная полоса уходила от них вдаль и упиралась в темный корпус «Перикла». Заграждение вокруг корабля было тоже освещено, но не сплошь — и генерал повел людей к одному из темных участков.

Последние сто ярдов они преодолели ползком и уткнулись в грязь, когда совсем недалеко, в ближайшем освещенном круге, появился, с автоматом в руках, медленно бредущий полицейский. Он прохлюпал мимо, вновь возник в следующем круге и исчез...

— Беннет! — шепнул генерал. — К детекторам! Как только разберетесь с ними, займемся проволокой... Сэм и Хэбер! Ползите в сторону ближайшего прожектора! Если за это время сюда сунется еще один часовой — успокойте его... Ясумуре лежать и не дышать. Пошли.

Для Стэнли Ясумуры это были томительнейшие минуты... Похожий на скалу, над ним нависал «Перикл» — но нужно было торчать здесь до особых распоряжений... Генерал с сержантом возились с сигнализацией, Бертолли с лейтенантом исчезли в темноте, а он, Ясумура, лежал в этой грязи, промокший до нитки, и слушал стук своего сердца...

Послышались шаги. Повернув голову, Ясумура увидел иду-

щего прямо на него полицейского! Неужели полицейский не замечает его? И не слышит шума, доносящегося со стороны заграждения?.. А где же Бертолли с лейтенантом?

Как бы в ответ на последний вопрос за спиной полицейского неожиданно выросли две фигуры. Хэбер приставил к его шее оружие, и то, что обещало стать криком, — стало сдавленным сипом. Тем временем, поймав наконец вырывающуюся руку, Сэм ткнул в нее иглой наполненного снотворным шприца.

Борьба длилась еще несколько секунд. Полицейский так и не смог нажать на курок. Обмякшего, его опустили на землю.

— Замечательно, — оценил работу Бэк. — Пусть отдохнет. Автомат возьмите, может пригодиться... Двигаем дальше. Не забудьте лестницу и все остальное...

— Вторая снизу — под напряжением... — предупредил Беннет. — Я подтянул ее к столбу, насколько было можно... Не заденьте...

Защелкали кусачки, и несколько кусков проволоки упало на землю.

— Хватит, — сказал Бэк, когда самая нижняя из уцелевших проволок оказалась на трехфутовой высоте. — Пройдем...

Они проползли под ней и протащили свои тюки. Огромная черная тень корабля приблизилась почти вплотную. Слабый свет далеких ангаров выхватывал из темноты откинутую крышку люка...

— Лестницу! — прошипел генерал, и Хэбер, уперев конструкцию в покореженный грунт, нажал кнопку. Тихо зажужжали два небольших мотора, и лестница стала вытягиваться. Вскоре ее верхняя часть коснулась плиты.

Сэм вскинул на плечи батареи и конвертер, необходимые для лазера Ясумуры, и, пока другие придерживали лестницу, взобрался вслед за инженером наверх.

— Вставьте штепсель, — шепнул Ясумура, протянув Сэму конец кабеля.

Лазер представлял собой цилиндр величиной с молочную бутылку. Его раструб служил как для автоматической регулировки линз, так и для защиты глаз от нестерпимого света.

Ясумура приложил аппарат к стальной плите — послышалось гудение, и из-под медленно смещаемого раструба показалась черная полоска.

Едко пахло плавившимся металлом. Лазер резал ровно и глубоко, рисуя на плите правильный круг диаметром примерно в ярд. Не дожидаясь, пока линия сомкнется, Ясумура произвел небольшую корректировку, и оставшаяся нижняя часть была прорезана не насквозь.

Когда, выключив лазер, инженер навалился плечом на плиту, лестница качнулась, и Сэм крепко обхватил его ноги. После второго удара диск подался внутрь. Взобравшись повыше, Ясумура обрушил на него весь свой вес — и перешагнул через горячий порог.

— Наверх! — скомандовал Бэк, и Хэбер, навьюченный снаряжением, стал осторожно подниматься.

— Сэр! — сказал Беннет. — Думаю, что гораздо больше проку от меня будет здесь, внизу. Если приблизится кто-то из полиции, я легко его утихомирю вот этой иголочкой, которую дал мне доктор... И вам никто не помешает...

— Вы правы, сержант, — согласился Бэк. — Тыл должен быть защищен... Только не рискуйте попусту...

— Слушаюсь, сэр! — Отдав честь, Беннет двинулся к проходу в заграждении.

Для того чтобы пробраться сквозь отверстие, генералу пришлось отвести в сторону светомаскировочное полотно, края которого были тут же тщательно закреплены.

Все зажмурились от яркого света фонаря, и Ясумура, радостно потирая руки, бросился к панели.

Управление внутренней дверью по-прежнему бездействовало, и он вскрыл коробку.

— Каким телефоном ты пользовался? — спросил генерал.

— Здесь один. — Сэм принялся опять обзванивать все помещения — и опять безрезультатно.

— Ни души! — Бэк почесал свою черную щеку. — И вроде бы все на месте... А ну-ка, кабину управления, еще разок... Никого. Да-а, Сэм, головоломочка...

Послышался глухой стук, и они увидели, как Ясумура с Хэбером опустили на пол массивную металлическую крышку, прикрывавшую распределительную коробку.

После недолгих манипуляций с тестером и безуспешной попытки устроить короткое замыкание Ясумура задумчиво поднял брови.

— Странно... Коробка обесточена... Может быть, Ренд установил внутри какую-то синхроприставку, прервавшую цепь с открытием люка?

— Вы хотите сказать, что не способны открыть дверь? — язвительно осведомился Бэк.

— Способен, но сделать это будет довольно...

— А как насчет лазерных батарей? Их энергии не хватит?

— Я идиот! Идиот в восьмой степени! Ну конечно же! Энергии даже больше чем надо! Мне придется слегка убавить...

Его голос перешел в бормотание, прервавшееся лишь после того, как от батарей к распределительной коробке протянулись два тонких проводка.

— Сейчас! — бодро воскликнул он, затягивая последний болтик.

Но ничего не произошло...

— Так вы можете открыть дверь или не можете? — Голос генерала был пугающе ласков.

— Она должна была открыться! Что-то отключено с той стороны!

— Ну ладно... Забудем о существовании электричества... Нельзя ли пробраться туда другим способом?

— Исключено, генерал. Эта переборка так же, как и весь корпус, рассчитана на юпитерианское давление. Дверь банковской толщины и гораздо более прочная...

— Не хотите ли вы сказать, что наши приключения закончены у этой проклятой дверцы?

Снаружи послышалась пулеметная очередь, и о корпус застучали пули. Луч света, направленный на корабль, был столь мощным, что пробился к ним даже сквозь толстую ткань.

Глава 12

Это продолжалось всего несколько мгновений. Тут же раздался одиночный выстрел — и свет погас.

— Да-а... — протянул Бэк. — Это не входило в наши планы... Теперь мы обнаружены и медлить уже не можем. Беннет долго не продержится... Соображайте, Ясумура!

Их вновь осветили, и несколько бронебойных пуль, продырявив полотно, ударилось в стенку. И вновь последовал выстрел Беннета.

Теперь помещение шлюза погрузилось в полную темноту — фонарь был вдребезги разбит... Послышался сдержанный стон.

Слабый луч, вырвавшийся из авторучки Ясумуры, осветил на полу Хэбера, раненного в ногу.

Сэм быстро вспорол мокрую от крови ткань комбинезона и забинтовал рану.

— Больше никого не задело? — спросил он.

— Лично я — в порядке, — буркнул генерал. — А вы, Ясумура?

— Тоже... Послушайте, а если закрыть люк — это что-то даст?

— Что-то — безусловно, — ответил Бэк. — Нас в этом случае не перестреляют так быстро.

— Люк — не проблема... — Зажав в зубах ручку, Ясумура уже колдовал над множеством проводочков. — И мотор, и контакты расположены по эту сторону — так что все должно...

Сверкнуло реле, и громко заработал мотор. Почти одновременно с этим возобновилась стрельба. Ослепительный луч воткнулся в люк и уже не исчезал...

Лежа на полу, они смотрели, как медленно закрывается массивная крышка. Теперь стрельба велась уже по ней.

Но вот крышка коснулась стальной плиты, сплющила ее, и мотор, отчаянно взвыв, умолк.

— Предохранитель, — сказал Ясумура. — Он не рассчитан на такую нагрузку.

В люке осталась щель в несколько дюймов.

— Ладно, все в порядке, — поднявшись на ноги, успокоил Ясумуру Бэк. — Теперь все мысли — о двери... Может быть, лазером?

— Здесь сложное запорное устройство с электроприводом, зубчатой передачей и множеством ригелей трехдюймовой толщины. С каждым из них нужно будет изрядно повозиться...

— Значит, загвоздка только в моторе? — спросил Сэм.

— Да.

— Ну а если подобраться к мотору и подключить его к нашим батареям? Дверь откроется?

— Сэм! — воскликнул Ясумура. — Не бросить ли вам медицину? Ведь именно этим я и собираюсь заняться!

Он взял смазочный карандаш и принялся рисовать прямо на двери.

— Вот ригеля... шестерни... а где-то здесь должен располагаться мотор... Если мы будем резать в этом месте, то можем, конечно, и промахнуться, но выйдем таким образом в центральную полость и уже без особого труда доберемся до цели...

Он отшвырнул карандаш и, нагнувшись к энергопакету, отсоединил некоторые провода и тут же подсоединил заново.

Снаружи прогремело несколько выстрелов, но ни одна пуля не попала в узкую щель.

Ясумура прижал раструб лазера к двери...

Работа подвигалась очень медленно. Металл был плотным, необычайно прочным. Вычертив раскаленный круг, Ясумура принялся углублять его.

Генерал подполз к люку, осторожно выглянул, прикрыв ладонью глаза, и, пристроив к плечу приклад автомата, выпустил очередь. Все помещение загудело как колокол от ударивших в крышку ответных пуль.

— Они уже подогнали пожарную машину! Пришлось погрозить пальчиком... Если кто-то додумается использовать брандспойт — нам каюк... Ну, как там дела?

— Да я бы уже давно... — навалившись на лазер, отозвался Ясумура. — Этот металл...

Горячий цилиндр, коротко звякнув, ушел внутрь.

— Ну же! Открывайте ее! — прорычал Бэк в перерыве между двумя очередями.

Это было не так легко — извлечь из двери утонувшую раскаленную пробку, но вскоре она уже валялась на полу.

Ясумура, не обращая никакого внимания на свой тлеющий рукав, уже приник к отверстию, что-то высвечивая внутри.

— Есть! — ликующе крикнул он. — Отлично... Подайте-ка мне длинную отвертку и вот это...

Горячий металл обжигал тело Ясумуры, и по лицу его катились капли пота. Закусив губу, одной рукой, на ощупь, он подсоединял к мотору провода энергопакета.

— Готово... — Ясумура протянул Сэму отвертку. — Можно включать...

Послышалось низкое жужжание, которое через минуту стало пронзительным.

Ясумура выключил мотор и, сощурившись, заглянул в отверстие.

— Ригеля отведены назад! Ну-ка, толкнем ее!

Они встали напротив двери и, уперевшись ногами в пол, напряглись так, что затрещали кости. Безрезультатно...

— Еще раз... — спокойно выдохнул Бэк. — Только теперь — от души.

И они навалились. Со вздутыми жилами и перекошенными лицами.

Хэбер подполз, морщась от боли, и встал на здоровую ногу, добавив свой вес к их общему.

Дверь поддалась!

— Не дайте ей остановиться, — просипел генерал, и щель, сначала еле заметная, расширилась, облив их светом, и уже перестала быть щелью. — Хватит, хватит...

Бэк, с автоматом наперевес, осторожно двинулся вперед. Автомат, впрочем, он тут же опустил, расхохотавшись.

— Вряд ли стоит стрелять по микробам!.. Давайте сюда! Со снаряжением!

Они передали Бэку все тюки, а потом, пропустив вперед Хэбера, протиснулись туда сами.

— Смотрите! — воскликнул Ясумура, указывая на отверстие в потолке, рваное и с копотью вокруг. — Здесь была коробка дверного управления! Ренду, конечно, нетрудно было снабдить ее взрывным устройством, но для чего?!

— Именно это нам и предстоит выяснить, — решительным тоном произнес генерал. — Хэбер! Вы не слишком мобильны, поэтому оставайтесь-ка здесь и следите за тем, чтобы нас никто не беспокоил.

— Слушаюсь, сэр!

— Доктор Ясумура! Полагаю, что прежде всего мы должны осмотреть рубку управления. Вы знаете, где это?

— В конце коридора есть лифт, который доставит нас прямо туда.

Шаги Ясумуры отдавались гулким эхом. Сэм и генерал следовали за ним, подозрительно вглядываясь в каждую дверь. Чем была вызвана такая настороженность — они не смогли бы объяснить...

— Стойте! — сказал Ясумура, и они замерли с оружием на изготовку.

Инженер кивнул на толстый кабель, пересекавший пол коридора.

— Этого не было, когда корабль покидал Землю!

Сэм присел на корточки.

— Выглядит вполне обычно. Из припасов, как я понимаю... «Перикл» ведь пробыл на Юпитере почти два года. Возможно, понадобилось что-то усовершенствовать...

— Не нравится мне это, — пробормотал Ясумура, вглядываясь в пол. — На корабле вполне приличная кабельная система... Какая нужда могла заставить их... В любом случае трогать его пока не стоит.

Похоже было на то, что взорванная коробка была единственным ущербом, нанесенным кораблю. Атомный реактор

все еще действовал, с электричеством и регенерацией воздуха — полный порядок. Когда они вызвали лифт, его дверь тотчас же открылась.

— Кабина управления на самом верху, — сказал Ясумура, нажимая кнопку.

По мере того как кабина с еле ощутимым гулом поднималась наверх, нарастало и напряжение. Как только двери открылись, Бэк и Сэм, не сговариваясь, вскинули оружие. Но рубка управления была лишена всяких признаков жизни, равно как и смерти...

— Что за черт?! — возмутился Ясумура, указывая на металлическую коробку, приваренную к полу у самой стены. — Еще одно усовершенствование? Чего, интересно?

Это был неряшливо сработанный куб, шершавые грани которого схватывал широкий неровный шов. Тонкие проводочки выходили из отверстий боковых граней, а сквозь верхнюю тянулся и уходил в неровную дыру в стене толстый, с кулак, кабель.

Вскоре они обнаружили, что тонкие проводочки тянутся к панели управления и к коммуникационному оборудованию.

Сэм прислонился к креслу.

— Интересно... Когда я смотрел сюда по видеофону, вся эта чертовщина была вне поля зрения... Может быть, это, конечно, и случайность, но...

— А что еще любопытней, — перебил его Ясумура, — так это включенные передатчики — все до единого...

Генерал Бэк, покрутив головой, остановил взгляд на кабеле, уходившем в стену.

— Полагаю, стоит поинтересоваться, куда это он ведет...

— А как же борт-журнал? — спросил Сэм. — Ведь там могут быть важные сведения!

— Журнал подождет. — Генерал решительно направился к двери. — Сначала разберемся с этим... Пошли...

Соседний отсек был напичкан разного рода навигационными приборами, и кабель, пересекавший пол, был похож на огромную мертвую змею. Он нырял в трещину пластиковой панели.

Сэм, Бэк и Ясумура заглянули еще в два отсека, прежде чем увидели, что кабель, спустившись по винтовой лестнице, исчезал — вместе с другим, свисавшим с самого верха, — в узкой шахте.

— Там аварийная лестница, — сказал Ясумура. — Она проходит через весь корабль.

Лишь крошечные трубки дневного света освещали ступеньки, по которым они спускались все ниже и ниже. Из дверных проемов и дыр в стенках — отовсюду тянулись кабели. Они вились по лестнице и лежали под ногами. Сбившись у одного из поворотов все вместе, они исчезли за дверью.

— Что там? — спросил генерал.

Ясумура посмотрел на номер, красневший на стенке, нахмурился, затем пересчитал что-то на пальцах и воскликнул:

— Да ничего! Это топливный отсек! Пустые цистерны — вот что там! Все топливо израсходовано на полет!

Осторожно переступив через сплетение кабелей, они вошли в проем и уткнулись в белую стенку.

— Этого не должно быть! — воскликнул инженер. Было прохладно, и Сэм, чиркнув по стене стволом автомата, увидел, что она в инее.

Массивные балки тянулись от стены к корпусу корабля. Чуть повыше того места, где исчезали кабели, к стене был прикреплен телефон. На него теперь и уставился Ясумура.

— Никаких телефонов здесь быть не может! Линия заканчивается выше!

Сэм приблизился к аппарату и попытался включить его. Экран остался темным.

— Ты будешь со мной разговаривать! Будешь, хочется тебе этого или нет, — сказал он со злостью, жестом отгоняя Бэка и Ясумуру.

И прежде чем те успели что-то понять, он направил свой автомат на кабельное месиво и нажал спуск. Два кабеля подпрыгнули и разорвались.

Экран ожил.

На них смотрел юпитерианин.

...«Перикл» снижался над Юпитером. Двигатели боролись с силой притяжения гиганта. Прочнейший корпус, казалось, трещал под напором бушующей атмосферы.

Когда под действием вихревых потоков корабль все же отклонялся от курса, чувствительные приборы посылали сигнал на компьютер, и все немедленно возвращалось в норму.

Это было что-то вроде бульона — атмосфера Юпитера, сжатая гравитацией, превышающей земную втрое. Бульон кипел. То и дело сверкали молнии, и в обшивку корабля немилосердно барабанил аммиачно-метановый дождь.

В кабину управления не проникали даже отголоски этой бури. Тишина здесь могла нарушаться только тихим гулом вентилятора, или негромкой фразой, брошенной кем-то из трех сидящих в креслах людей, или случайным шорохом.

Толстые звукоизолирующие переборки отражали все внешние шумы, и облака, беззвучно крутящиеся на одном из экранов, никого не интересовали. Сейчас существовали только курс, высота, скорость, показания радара.

Корабль продолжал снижение...

— Курс — без существенных отклонений, — сказал Ренд, второй офицер. — Мы сядем прямо в центр айсберга.

Это был блондин с мягкими чертами лица, выглядевший довольно молодо для своего звания, присвоенного, кстати, за чисто кабинетные достижения в области компьютерного управления.

Посадка осуществлялась по программе, составленной им, и Ренд, откинувшись на спинку, с интересом наблюдал за воплощением своих идей.

— Не стоит называть Риф айсбергом, — предельно внятно произнес Уик, первый офицер. — Тут мы имеем дело не со льдом в нашем традиционном понимании, а с чем-то неизмеримо более прочным. Об этом свидетельствуют радиопробы... Он достаточно надежен для того, чтобы мы без опасений использовали его в качестве посадочной площадки.

— Скорость ветра — сто миль в час... Какова температура воздуха? — спросил капитан Бремли.

— Минус сто два, — ответил Ренд. — Всего на несколько градусов ниже температуры поверхности Рифа. Подъезжаем...

В напряженной тишине они следили за показаниями приборов, готовые к любой неожиданности — и взгляд их, скользя по бесчисленному количеству стрелок, индикаторов и шкал, всякий раз задерживался на дисплее, где красный кружочек катился вдоль белой линии к растущей глыбе — Рифу.

Риф... Так его назвали с самого начала. В море замерзших и превратившихся в жидкость газов отыскалась бы, вероятно, не одна такая громадина. Но количество радиопроб было ограниченным... Вначале предполагалось, что Риф свободно плавает в этом океане, но, понаблюдав, астронавты убедились в обратном: он неизменно вползал в поле их зрения через каждые десять часов. Местоположение Рифа было учтено в программе посадки...

И вот они садились. Энергия, вырывавшаяся из сопел корабля, почти остановила его движение и нещадно вжала людей в кресла. Радар тем временем исследовал поверхность Рифа.

Вот включились вспомогательные двигатели — и огромный «Перикл» медленно, по дюйму в секунду, растапливая лед, опустился окончательно.

Как только были выключены двигатели, вибрация исчезла. Корабль сжало гравитацией Юпитера.

— Такое ощущение, будто мы все еще сбавляем скорость, — сказал Ренд, с усилием приподнимаясь в кресле.

Капитан Бремли ответил лишь после того, как связался со всеми рабочими отсеками. Это заняло пару минут, так как из сорока одного человека экипажа в посадке участвовала лишь треть.

— Сели, — облегченно вздохнул капитан. — Целыми и невредимыми... Но что-то не нравится мне эта тройная гравитация!

— Недельку протянем... — успел ответить Ренд, прежде чем с приборами стало твориться что-то невероятное.

Это противоречило всем имевшимся у них сведениям! И в компьютерном банке информации не содержалось ничего на этот счет...

Но приборы неистовствовали!

Тогда за дело принялись люди. Они проверяли и перепроверяли все, что было можно, спеша обнаружить неисправность, пока та еще, быть может, устранима.

Вскоре выяснилось, что корпус корабля не поврежден и ни одна частица юпитерианской атмосферы не проникла внутрь. От этого известия стало легче, и работа продолжалась уже не так суматошно.

Обнаружение любых неполадок делалось почти невозможным из-за того, что все приборы по-прежнему чудили. В конце концов их отключили — за бесполезностью.

— Магнитное поле, — сказал вдруг Уик. — Сильнейшее. Свыше десяти тысяч килогауссов... Оно под кораблем, у самого грунта, у льда, вернее. И возникло внезапно, только что, как некий феномен...

В том, что это действительно феномен, они убедились двумя часами позже, когда, исследовав поврежденные приборы, определили силу воздействия на них.

— Замечательно, — сказал Бремли, пробежав глазами вытащенный из компьютера листок. — Это невообразимо мощное поле. А в хвосте у нас, как вы знаете, достаточное количество стали. Притяжение почти эквивалентно максимальной тяге наших двигателей!

— Вы хотите сказать...

— Да-да, именно это. Поле держит нас, и если мы попытаемся сейчас взлететь — корабль взорвется. Мы в ловушке...

— Но этого не может быть! — возмутился Уик. — Даже если предположить, что Юпитер — естественная криогенная лаборатория по созданию магнитных полей такой чудовищной силы...

— Поле может быть и искусственным, — очень тихо пробормотал Бремли, кивая на индикаторные лампочки. Судя по ним, под кораблем что-то движется...

Снаружи корпус был оснащен прожекторами, которые обычно находились в специальных закрытых нишах. Капитан пробежал пальцами по кнопкам и, убедившись, что половина прожекторов выдержала посадку, включил их.

Снаружи была кромешная тьма. Солнечный свет никогда не пробивался сюда сквозь скопления облаков и необыкновенно плотную двухсотсильную кожуру атмосферы, озаряемой лишь вспышками молний.

Но теперь здесь был свет. Яркий, ослепительный, выхватывавший из мрака мельчайшие детали ледяного пейзажа и... юпитериан.

— Да, симпатягами их не назовешь, — покачав головой, заметил Уик.

То, что они сейчас видели, являлось, несомненно, результатом длительного развития. С органами зрения наверху, органами передвижения внизу и органами манипуляции на гибких конечностях, юпитериане были в чем-то похожи на людей, но — карикатурно. Толстые коротышки с кожей, как у слонов, бревноподобными руками-ногами и морщинистой головой.

— Кажется, свет не причиняет им беспокойства, сэр, — сказал Ренд.

— Может быть, эти глубокие складки защищают их глаза? Мы пока ничего не знаем об этих тварях кроме того, что у них хватило ума создать удерживающее нас здесь магнитное поле... Мы должны установить с ними контакт...

— По-моему, они тоже не прочь пообщаться! — воскликнул Уик, указывая на группу юпитериан, стоявших у самого корабля. — Что-то эти ребятки там делают... Камера не позволяет увидеть, что именно. По-моему, оттуда поступил сигнал о движении.

— Машинное отделение, — пробормотал капитан, торопливо набирая телефонный номер.

— Разверните камеру! — крикнул он в трубку. — Что там у вас гремит?

Они увидели дрожащую и выгибающуюся стенку, которую вдруг проткнул красновато-зеленый прут в палец толщиной. Прут этот проник внутрь отсека на фут или чуть больше и задымился. Потом он изменил свой цвет и стал отчаянно извиваться.

— Всем покинуть отсек! — приказал капитан, одновременно нажав красную кнопку.

По всему кораблю пронзительно завыла сирена, и стали герметично закрываться двери.

Это была, вне сомнений, живая плоть! Ее прочность превосходила сталь, но она была живая, а также наделенная сознанием и, возможно, чувствами! Она горела, дымясь и корчась, но упорно двигалась вперед, причем так, будто что-то искала...

Внезапно задняя ее часть, скользнув внутрь отсека, оставила позади себя дыру, и вместе с криком капитана в помещение ворвалась ледяная атмосфера Юпитера.

Два человека так и не выбрались из отсека, дверь которого была теперь намертво придавлена резко возросшим давлением...

Это была случайность, спасшая корабль. Если бы что-то подобное произошло в другом отсеке, тонкие переборки сразу бы рухнули, и ядовитые пары, распространившись по шахтам, умертвили бы всех. Но машинное отделение, которое соседствовало с камерами сгорания, было снабжено необыкновенно толстыми стенками и массивными дверьми. Металл напрягся и заскрежетал, но выдержал...

Девять последующих дней юпитериане вели себя тихо. Один из них прошел как-то мимо, не обратив на корабль ни малейшего внимания.

С помощью дистанционно управляемого аппарата удалось закрыть злополучное отверстие в машинном отделении. Позже — когда давление уменьшилось, — спустившись в скафандрах, добровольцы поставили более надежную заплату.

Воздух постепенно очищался от ядовитых паров — и машинное отделение было снова готово к работе. Однако работы не было: магнитное поле держало корабль по-прежнему цепко.

Они не забыли о своем стремлении установить контакт с юпитерианами. С величайшим трудом был собран приемопередатчик с фиксированной частотой. Этот аппарат не имел ни одной подвижной детали, а экран с ортиконом были выполнены с использованием безвакуумного метода Партини. Все

это помещалось в большом пластиковом кубе, и о перепадах давления можно было не думать.

Передатчик установили таким образом, чтобы его мог видеть любой из находившихся поблизости юпитериан. Из него гремел голос Бремли, но никто не реагировал на это. В конце концов один коротышка, случайно наткнувшись на аппарат, разбил его.

— Такое впечатление, что они не рвутся поболтать с нами, — сказал Ренд, но никто не улыбнулся.

...На десятый день юпитериане вновь собрались у корабля, и капитан на всякий случай приказал всем перебраться на более высокие уровни, герметично закрыв все проходы.

В машинном отделении была установлена аппаратура, обеспечивавшая идеально четкое изображение.

— Они пробиваются в том же месте! — взволнованно крикнул кто-то.

Это было действительно почти то же место, чуть сбоку. А отверстие было намного меньше, и пробивший его мгновенно исчез. Ударившая гелиево-водородная струя прервалась, как только в отверстие просунулся тонкий коричневый усик. Он вытянулся на целый ярд, а потом, потеряв вдруг упругость, обвис и, коснувшись пола, прекратил свой рост.

Но теперь конец его стал стремительно разбухать, как воздушный шар.

Вскоре это был уже приличных размеров бочонок. Верхняя часть его все еще двигалась, но вот она приняла вид замысловатых узелков и замерла.

— Ну и что же это такое? — спросил Ренд, не надеясь услышать ответ.

Капитан сосредоточенно смотрел на экран.

— Нечто чужеродное. И это нечто может быть чем угодно, но я думаю, что в данном случае мы имеем дело с коммуникационным устройством. — Капитан поднес ко рту микрофон. — Алло! Алло! Вы слышите меня?

Один из узелков бочонка развязался, и из образовавшейся щели вылетел пронзительный звук.

— Ар-р-р-о-о! — закричал бочонок, омерзительно имитируя человеческий голос. — А-а-р-р-р-о-о-о?

...Капитан и офицеры корабля работали с бочонком в течение нескольких недель и кое-чего добились. Пока экипаж был поглощен мыслями о невыносимой гравитации, они по очереди обучали биокоммуникатор английскому.

По-видимому, он не обладал тем, что называют разумом,

но он был, несомненно, живым, там, под жесткой пленкой, укрывавшей его от кислорода.

Сначала люди говорили с ним по динамику, но не обнаружив в нем никакой агрессивности, стали приходить в отсек.

Бочонок отказывался отвечать на любые вопросы, кроме тех, что были связаны с языковыми уроками. Но и уроки эти были очень важны для астронавтов: появлялась надежда в конце концов убедить юпитериан убрать магнитное поле.

...На семнадцатый день, в середине занятия, бочонок вдруг перестал говорить и закрыл свой единственный глаз, выращенный им в учебных целях.

Ренд, выполнявший роль учителя, испуганно выбежал вон и вместе со всеми прильнул к экрану.

Через несколько минут глаз открылся снова. Он был уже другого цвета и смотрел со смышленостью, прежде отсутствовавшей.

— Что вы такое? — спросил бочонок. Началась беседа различных форм жизни... Слова и элементарная техника общения довольно легко усваивались юпитерианами. Их память была эйдетична, и однажды объясненное слово они уже не забывали. Юпитериане быстро поняли, что такое «стул», «стакан», «нож», «идти» и «бежать». Но когда доходило до абстракций, они становились безнадежно тупыми.

«Вы пришли откуда?» — спрашивали юпитериане, и, когда им отвечали: «С Земли, третьей от Солнца планеты», они интересовались: «Что такое Земля? Что такое планета? Что такое Солнце?»

Погребенные здесь, на дне почти жидкой, забитой облаками атмосферы, они не только никогда не видели звезд, но и не имели понятия о том, что существуют миры, отличные от их собственного. Когда же им объяснили это, казалось, что они все поняли, только тема их не увлекает... Тут проглядывала некая схема, которой следовали юпитериане: выбор предмета — вопрос — утрата интереса... Им (или ему — люди не знали, беседуют они с одним юпитерианином или с множеством) явно недоставало элементарных сведений по механике, но ни один вопрос не мучил их так, как — «что вы такое?».

Первым, кто что-то понял об этих существах, был капитан.

— Биология, — сказал он. — Биологические науки. Химия, когда она биохимия... Нейрофизика и все в этом духе... Электричество... Конечно! Биоэлектричество.

— То есть... — Ренд смотрел на него с недоумением.

— Это юпитериане! Представьте себе на минуточку тот мир, в котором они живут. У них нет ни машин, ни механизмов, но есть разум, и они смогли создать прибор для связи с нами, хотя и не опознали наш коммуникатор. Эти существа работают лишь с живой материей и работают виртуозно... Посмотрите, как быстро сконструировали они этот бочонок. И как ловко впихнули его сюда!

— Все это верно, сэр, и многое объясняет, но вот как быть с магнитным полем? Ведь без мощных генераторов тут не обойтись!

— Не обойтись? С биоэлектричеством мы сталкиваемся и на Земле — взять хотя бы электрического ската... Кстати, можно спросить их и все выяснить! Полагаю, мы уже на той стадии знакомства, когда такой вопрос не покажется им бесцеремонным...

— Под кораблем находится источник магнитного поля, — войдя в машинное отделение, сказал капитан. — Вы это знаете?

— Силовое поле электрической природы, да... — согласился бочонок, повернув свой глаз в сторону капитана.

— Наш корабль не может взлететь, пока оно существует, — вы это тоже знаете?

— Да.

— Вы уберете поле, чтобы мы могли взлететь?

— Силовое поле исчезнет... после разговора.

Это был довольно внятный ответ. Одно лишь оставалось неясным: что понимается под «разговором»? Было очевидно, во всяком случае, что понимается нечто большее, чем просто беседа. А насколько большее?..

Потом, задав несколько уточняющих вопросов, Бремли понял наконец, что его собеседников интересует биология человека, устройство живой клетки его организма. Так значит, под словом «разговор» они подразумевают «получение знаний о...»?

Он приказал доставить ему шприц и взял из руки кровь.

— Сюда, — равнодушно сказал бочонок, открывая под глазом щель.

Капитан приблизился и, почувствовав едкий запах аммиака, впрыснул в темное отверстие все содержимое шприца.

— Нужен разговор о вас... — вновь подал голос бочонок, когда капитан уже отошел в сторону.

— Я покажу рентгеновские снимки человеческих существ. Есть также пособия по...

— Нужен разговор, сделанный глазом... — Глаз бочонка задрожал на своем коротком стебельке, едва капитан шагнул вперед.

— Не подходите слишком близко, сэр! — крикнул Ренд. — Ведь мы еще не знаем, что они понимают под словом «разговор»!

— В данный момент это слово обрело значение «взглянуть»...

Капитан остановился и посмотрел на бочонок.

— Ну а потом вы наконец отпустите корабль?

— Силовое поле исчезнет после разговора...

— Мне это не нравится, капитан! — послышался тревожный крик Ренда.

— Мне тоже... Но это звучит достаточно определенно. Вернее, достаточно определенно для их манеры излагать свои мысли... Кто-то, Ренд, должен показаться этим ребятам, иначе мы не выберемся отсюда... Я не хотел бы рисковать другими...

Он сделал еще один шаг, и глаз на вытянувшемся стебле тоже подался вперед.

Покачавшись с секунду перед лицом капитана, он ткнулся ему в грудь, а потом — рассек тело надвое...

Глава 13

С экрана на трех землян смотрел юпитерианин, неподвижный и бесстрастный.

Ясумура приоткрыл рот и попятился назад.

— Во имя дьявола — что это?! — изумленно воскликнул генерал.

— А вы посмотрите вокруг... — сказал Сэм, кивнув на заиндевевшую стену. — Тяжелые опорные балки, толстые стены, герметический контейнер в пол-отсека...

— Юпитерианин! — закричал Ясумура. — Они привезли этого уродца оттуда! Я не знал, что и на Юпитере существует жизнь...

— Существует, несомненно, — кивнул Сэм. — Но, по-моему, вы неправильно оцениваете ситуацию, рассуждая о том, кто кого привез... Все кабели ведут сюда! И это единственное живое существо на корабле! Остальные — мертвы!

— Оно способно разговаривать? — спросил генерал.

«Устраните неполадки в кабелях! — послышался голос, пронзительный и равнодушный. — Разговор затруднителен».

— Да ты просто прекрасно говоришь! — вскричал Бэк. — А теперь вот что... Поведай-ка нам, что ты здесь делаешь и

как... — Он вдруг умолк и резко повернулся к Сэму. — Ты думаешь, что этот красавец имеет какое-то отношение к чуме?

— Я думаю, что он ответствен за болезнь Ренда. Когда я уговаривал вас забраться сюда, в голове у меня уже вертелась эта мысль. Но разве вы поверили бы мне?

— Никогда! Я решил бы, что ты чокнулся!

— Оттого-то я и не стал вам ничего объяснять... Но иначе и быть не могло! Все, связанное с болезнью Ренда, выглядело уж очень организованным. Четкая периодичность мутаций, варьирование вирусоносителей, неизлечимость... Если взглянуть на болезнь с этой точки зрения, то из чужеродной она превращается в...

— Искусственно вызванную!

— Правильно. И, я полагаю, вызванную вот этим существом... Что мы сейчас и выясним...

— Устраните неполадки! Разговор затруднителен...

— Устраню, но ответь на несколько вопросов! — Сэм вдруг понял, что он кричит, и понизил голос. — Это ты ответствен за болезнь Ренда — здесь, в городе?

— Бессмысленно.

— Вот она — проблема общения, — вмешался Ясумура. — Юпитерианин владеет английским благодаря людям из экипажа «Перикла». Но это владение весьма условно... Ему приходится соотносить слова с окружающими его предметами, что иногда приводит к казусам... Когда вы задаете ему вопрос, Сэм, постарайтесь облечь его в наиболее простую форму.

Сэм кивнул и сказал:

— Я живое существо, и ты живое существо. Понимаешь?

— Я живое...

— Когда маленькие живые существа живут внутри большого существа и повреждают его — это называется болезнью... Понимаешь?

— Что такое «повреждают»?

— «Повреждают» — это... ладно, потом. Болезнь — это когда маленькое существо разрушает большое существо. Останавливает его. Вот моя рука, ты ее видишь. Если маленькое существо принесет мне болезнь руки — рука отвалится. Если моя рука отвалится — я поврежден. У маленьких существ есть и другие способы повредить мое тело... Это ты привез болезнь, которая вредит сейчас многим людям?

— Теперь я знаю. Болезнь — это когда... Устраните повреждение. Разговор затруднителен.

— Юлит, — сказал генерал Бэк. — Не хочет признаваться.

Сэм помотал головой:

— Мы не знаем этого наверняка... По-моему, он просто предлагает сделку: вы мне кабель — я вам информацию... Что ж, можно попробовать... Доктор Ясумура! Будьте любезны!

— Одну секунду... — Концы оборванных кабелей соприкоснулись и тут же были скручены вместе.

— Это ты привез болезнь, которая вредит сейчас людям? — снова спросил Сэм.

Юпитерианин вытолкнул глаз на тонком стебле, посмотрел им куда-то вбок, затем втянул обратно и бесстрастно ответил:

— Да.

— Но зачем?! — вскричал Ясумура. — Зачем ты сделал это грязное дело?

— Разговор продолжится. Что такое «грязное дело»?

— Успокойтесь, Стэнли, прошу вас. — Сэм оттащил Ясумуру от экрана. — Ведь ему неведомы эмоции...

Он вновь повернулся к юпитерианину.

— Если ты начал эту болезнь — ты должен знать, как ее прекратить. Скажи нам это.

— Разговор не закончен.

— Я не знаю, что ты имеешь в виду под словом «разговор»... И знать не хочу! — Сдерживаемая ярость наконец прорвалась, и Сэм сжал свой автомат. — Ты знаешь, на что способна эта штука! Так же легко, как твои кабели, она может изорвать в куски и тебя!

— Оставь, Сэм! — сердито крикнул генерал. — Ты все равно не испугаешь его! Сам же говорил об эмоциях! Подходить тут нужно по-другому...

— И я знаю, как... Ему не нравятся разорванные проводочки? Ну что ж...

Генерал метнулся к нему, но Сэм нажал спусковой крючок еще быстрее — и автоматная очередь полоснула по скоплению кабелей, заискривших голубыми дугами.

— Ты взбодрил эту скотину! — кивнул на экран Ясумура.

Качаясь взад-вперед, юпитерианин крутил свои глазные стебли и приговаривал:

— Разговор не полный... Многочисленные повреждения...

— Он и не будет полным, разговор твой! Если ты, конечно, не поможешь нам остановить эту болезнь.

— Разговор не полный...

— Сэм, позвольте мне привести кабели в порядок! Вы ведь убиваете его!

— Ничего подобного, Стэнли! Он в совершенном порядке! Все это хозяйство, как мы убедились, тянется к радио- и телеаппаратуре. И под разговором он понимает какую-то информацию, идущую по кабелям! Разговор же этот не будет полным, пока он нам не поможет! — Сэм снова посмотрел на экран. — Понял? Дай мне то, что я прошу, и мы позаботимся о твоих кабелях!

Юпитерианин перестал шевелиться и втянул глазные стебли в сморщенную голову.

— Нужно устранить неполадки...

— После того...

— Нужно устранить неполадки...

— После!

Крик Сэма отозвался гулким эхом, и наступила тишина.

Они пристально смотрели друг на друга — человек и чужак. Они молчали, потому что все было сказано и нужно было решаться на поступок.

— Сэм! — Ясумура подался было вперед, но Бэк удержал его.

— Не мешай, — пробормотал генерал. — Мальчик знает, что делает.

— После!!! — еще раз крикнул Сэм, направляя автомат в сторону изуродованных кабелей.

Юпитерианин сместился куда-то в сторону и исчез с экрана.

— Что бы это значило? — спросил Ясумура, смахивая со лба капельки пота.

— Не знаю, — угрюмо отозвался Сэм. — Но я его сейчас расшевелю.

И он прострелил еще два кабеля.

Через мгновение раздался грохот, и стена над экраном задрожала.

— Назад! — крикнул Бэк, отшвыривая Ясумуру подальше.

С леденящим душу скрежетом какой-то предмет прошел сквозь толстую металлическую стенку и упал на пол. Из дыры вырвалась струя холодного газа — и тут же иссякла. Облачко, покрутившись, рассеялось.

Они смотрели на расколовшийся серый цилиндр длиною в фут и на другой цилиндр, пурпурный в крапинку, находившийся внутри первого. Пурпурный, впрочем, тоже не позволил себя долго разглядывать. Он развалился, источая едкий аммиачный запах. Обнаружившийся затем лимонно-желтый цилиндр постигла та же участь...

Весь этот процесс длился минуты три, и никто не заметил, что с экрана на них вновь смотрит юпитерианин.

Когда лужица на полу отбурлила и испарилась, там остался только бледно-желтый полупрозрачный цилиндрик длиной в шесть дюймов.

Стволом автомата Сэм выкатил его из грязи и присел на корточки.

Цилиндр был полым, тонкостенным и внутри него переливалась жидкость.

— Разговор должен быть полным. Устраните неполадки...

Глава 14

— Это... лекарство от чумы? — спросил генерал, зачарованно глядя на капсулу. — А если подвох?

— Устраните неполадки... — равнодушно пищал динамик.

— Я займусь этим... — сказал Ясумура, доставая нож. — Какая же тут мешанина! Хорошо, что маркировка есть...

Сэм снял берет и ухватил им цилиндр.

— Надеюсь, что это действительно лекарство... — Он удивленно поднял брови. — Он совсем не холодный! А ведь там, в резервуаре, очень низкая температура! Такая странная водичка может оказаться лекарством, Кливер!

— Тогда нужно побыстрей вынести его отсюда! В связи с чем у меня два вопроса: откуда можно связаться с Хэбером и где тут лифт?

— И то и другое внизу, генерал, — не поднимая от проводов головы, ответил Ясумура. — Следуйте вдоль стены и выходите в первую же дверь. И, пожалуйста, пришлите потом за мной кого-нибудь... Тут, правда, еще работать и работать на нашего приятеля. И хотелось бы с ним поболтать потом...

Генерал Бэк набрал номер, и через полминуты экран наконец засветился.

— Рапорт! — рявкнул Бэк.

— Сейчас спокойно, сэр, — ответил лейтенант. — Стрельба прекратилась. Они неплохо пристрелялись, надо сказать. Я тут хотел выглянуть — так чуть голову не снесло... Попыток проникновения пока не предпринималось.

— Ладно, держитесь, Хэбер. И не лезьте под пули. Скоро я вступлю с этими стрелками в переговоры — мы выходим отсюда. Кажется, найдено лекарство от чумы, и его нужно срочно доставить в госпиталь для проверки. — Он повесил трубку, прежде чем ошеломленный Хэбер смог что-то ответить. —

Я поднимусь в рубку управления, Сэм. Скажешь Ясумуре, чтобы он, как только закончит свою работу, сразу отправлялся к Хэберу. Потом поднимешься ко мне.

...Когда Сэм, выполнив поручение, поднялся наверх, Бэк, что-то возбужденно кричавший в микрофон, подозвал его.

— Тут Чейбл! Поговори с ним! Этот деятель не верит ни одному моему слову!

С экрана смотрело бледное лицо.

— Как я могу поверить вашим словам или словам доктора Бертолли после всего случившегося? Сейчас заседает Чрезвычайный Совет, и вы знаете, что они обсуждают? Я не решаюсь сказать об этом!

— Я решусь, — спокойно ответил Сэм. — Речь идет о водородных бомбах, которые планируется сбросить на Красную зону — то есть на Нью-Йорк и территорию вокруг него в радиусе ста миль... Но делать этого не следует! Потому что появилась возможность покончить с болезнью несколько другим способом! — Он показал Чейблу капсулу. — Здесь, я думаю, находится лекарство от болезни Ренда. Эту капсулу нужно срочно доставить в Белвью.

— Нет! — испуганно вскрикнул Чейбл. — Пока вы внутри корабля, остается надежда на то, что Чрезвычайный Совет не примет крайних мер! Вы останетесь на месте!

— Я хотел бы поговорить с доктором Мак-Кеем. Он поймет, о чем идет речь...

— Это невозможно. Мак-Кей, как вы знаете, болен, и я не допущу, чтоб его волновали.

Сэм, попрощавшись, прервал связь — и сразу же набрав номер оператора, попросил соединить его с Мак-Кеем.

— Баба! — кипятился генерал. — Истерики он тут будет закатывать!.. Обвинить меня во лжи!

После продолжительных гудков на экране появился совсем не Мак-Кей, а Эдди Перкинс.

— Ты?! — Он засопел и прищурился. — Все никак не угомонишься? Мне доложили о твоих подвигах в аэропорту. По-моему, с твоими мозгами творится что-то...

— Помолчи, Эдди, — прервал его Сэм. — Я не намерен грызться с тобой. Но тебе представляется единственная возможность искупить свою вину. Помоги мне сейчас — и я никогда не припомню тебе твоих ошибок... Я должен поговорить с Мак-Кеем! А почему я должен, это тебе объяснит находящийся здесь генерал Бэк. Ты его знаешь и, надеюсь, не сомневаешься в его честности...

— Все очень просто, доктор Перкинс! — бодро сказал Бэк. — Мы тут на «Перикле» обнаружили причину болезни Ренда. У доктора Бертолли есть теперь сыворотка. Нам нужно срочно покинуть корабль и отправиться в Белвью, да вот не дают. И единственным человеком, который мог бы помочь нам в данной ситуации, является не кто иной, как доктор Мак-Кей. Соединив нас с ним, вы...

Напористая речь Бэка делала сопротивление почти бесполезным. Сэм смотрел на Эдди Перкинса, кусавшего губу, и думал о том, что этот парень, в сущности, вполне безобиден, он только слабоват для определенного рода испытаний...

— Соедини нас, Эдди...

— Но Мак-Кей болен.

— Ведь он умрет вместе со всеми нами, если болезнь Ренда не будет остановлена! Соедини, Эдди...

Перкинс сделал конвульсивное движение в сторону переключателя и исчез с экрана...

Не глядя друг на друга, они напряженно ждали, и, когда перед ними наконец появилось лицо Мак-Кея, Сэм облегченно вздохнул.

— Что случилось, Сэм? — тревожно спросил Мак-Кей, сидя на больничной койке.

Пока Сэм рассказывал ему обо всем, он молча слушал, изредка кивая.

— Я верю этому, Сэм... Верю просто потому, что никогда не верил в болезнь Ренда. С самого начала все в ней было невероятно. Но теперь, когда выяснилось, что это изобретенная и сконструированная болезнь, теперь все становится понятным. Неясно только... ну ладно, об этом потом... Так чем могу быть полезен?

— Мы хотим немедленно доставить эту жидкость в Белвью, но нас не выпускают! Распоряжение профессора Чейбла!

— Что за ерунда! Хорошо, Сэм, я тут кое с кем поговорю и все улажу. В конце концов именно мне поручено найти лекарство от болезни Ренда! И я могу потребовать, чтобы капсулу немедленно доставили в госпиталь! — Он положил трубку.

— Орел! — улыбнулся генерал. — Надеюсь, что его сердечко не откажет в тот момент, когда он станет втемяшивать в головы политиканов некоторые полезные вещи... А нам, Сэм,

остается сидеть в шлюзе и ждать, когда эти болваны нас выпустят...

Лейтенант Хэбер и Стэнли Ясумура отдыхали у коридорной стены.

— Сидите, — сказал генерал, когда Хэбер попытался подняться.

— Какие новости?

— Никаких, сэр. Все по-прежнему.

— Нам нужно будет снова открыть крышку люка — скоро, возможно, выходим.

— Стэнли! — сказал Сэм. — Давайте-ка я займусь этим. Вы только проинструктируйте меня...

— Это было бы неплохо, но... Видите ли, Сэм, вы провозитесь с этим гораздо дольше. Лучше подайте-ка мне вон тот провод и пожелайте удачи...

Ясумура лег на пол и медленно выполз из коридора в шлюз. Ничего не произошло, пока он добирался до открытой распределительной коробки, и работу свою он сделал, не замеченный снаружи. Но на обратном пути его увидели, и по корпусу корабля забарабанили пули, некоторые попадали внутрь и звонко рикошетировали...

Ясумура вполз в коридор и устало закрыл глаза.

— Чистая работа! — похвалил его генерал. — А теперь давай-ка откроем крышку и посмотрим, что будет делать наша бравая полиция.

Ясумура закрепил провода в клеммах энергопакета, и крышка стала медленно открываться.

Стрельба сразу же усилилась, но она уже никого не беспокоила.

— Маз-зилы! — презрительно усмехнулся генерал. — Интересно, чего они хотят добиться этой своей дурацкой пальбой?

И тут внезапно наступила тишина.

А через несколько томительных минут снаружи закричали:

— Генерал Бэк! Вы слышите меня?

— Слышу! — рявкнул в ответ Бэк. — Но не вижу! Если я войду в шлюз, эти нервные полицейские опять начнут стрелять?

— Нет, сэр! Приказано не стрелять!

Если генерал даже и был несколько обеспокоен — по нему этого никто не сказал бы... Поправив берет, смахнув с рукава какую-то пылинку, он шагнул вперед — и в глаза ему ударил яркий свет прожекторов.

— А это еще что такое? Может быть, уберете свои фонари, пока я не ослеп?

Послышались приглушенные крики, и два прожектора погасли.

— Вам разрешено покинуть корабль! — Говоривший, седой капитан полиции, вышел вперед.

— Мне нужен транспорт. Вертолет.

— Вертолет есть.

— Разогрейте двигатели... Что с моим сержантом?

— Если вы имеете в виду того, кто стрелял в нас, — он мертв.

Не говоря больше ни слова, генерал развернулся и тяжело протопал внутрь.

— Пошли, ребята. А то ведь они могут и передумать...

На лице его было то выражение, какое бывает у солдат, видевших смерть слишком многих своих друзей.

— Я ведь больше не нужен вам, — подал голос Ясумура. — И вполне могу остаться — поболтать с юпитерианином, ознакомиться с записями в бортжурнале...

— Да, конечно, — сказал генерал. — Спасибо за помощь.

— Это вам спасибо — за то, что взяли меня с собой!

...Большая грузоподъемная машина подкатила к «Периклу», и платформа поднялась до уровня шлюза.

Сэм с генералом, поддерживая с двух сторон лейтенанта, ступили на нее и плавно опустились на землю.

Даже не взглянув на угрюмых вооруженных полицейских, они прошли к вертолету, уложили на заднем ряду сидений Хэбера и уселись сами.

— Госпиталь Белвью, как можно скорей, — опустившись рядом с пилотом и сжав капсулу в руке, сказал Сэм.

Пилот швырнул машину вверх...

Впереди вырисовывались усеянные огоньками очертания Манхэттена, а Сэм видел лишь искаженное лицо Ниты... С того момента, как он расстался с ней, прошли уже часы, и теперь она должна быть в куда более худшем состоянии, если уже не... Нет, он не верит в это! Она не могла умереть — особенно сейчас, когда спасение так близко! А близко ли?.. Он посмотрел вниз. На коленях лежал цилиндр. Действительно ли в капсуле лекарство? Хотя — что за выгода юпитерианину подсовывать не то? А почему, собственно, он должен был дать им «то»?.. Оба вопроса были бессмысленны...

Вертолет, на мгновение замерев над госпитальным корпусом, опустился на площадку. К нему уже спешили люди.

— Позаботьтесь о раненом! — крикнул Сэм и, оттолкнув в сторону замешкавшегося санитара, бросился к входу, а потом к лифту, ожидая который он стал бешено колотить рукой по стене.

Генерал Бэк вскочил вслед за ним в уже смыкающиеся двери.

— Спокойно, мой мальчик! Мы уже там!

...В палате было темно, и Сэм включил верхнее освещение. Незнакомая женщина прикрыла ладонью глаза и застонала. Он повернулся к другой койке... Нита... Боже, как она плохо выглядит, как она плоха...

— Что вы здесь делаете? Кто вы такой? Немедленно выйдите вон!

Сэма схватил за руку незнакомый врач, и он понял, как странно выглядит здесь в этом грязном комбинезоне и с черным лицом.

— Извините меня, доктор... Я Бертолли... Есть ли у вас... — Не договорив, он бросился к автоклаву.

Все было горячим и обжигало пальцы, но он не замечал этого, как и всего остального. Например, исчезновения врача, который стоял теперь в дверях рядом с энергично жестикулирующим Бэком...

Капсула. Сэм протер торец спиртом и ввел иглу — она прошла удивительно легко. Что там, внутри? Лекарство от болезни Ренда? А может быть, яд?.. Перевернув капсулу, он оттянул поршень шприца до упора. Стеклянный цилиндр наполнился жидкостью соломенного цвета.

Вручив капсулу Бэку и строго наказав: «этим концом вверх!» — он осторожно вытащил из-под одеяла руку Ниты и протер ее на сгибе локтя. Кожа была сухая, обжигающе горячая. Ее покрывали красные нарывы... «Нита!»... Он заставлял свой мозг воспринимать ее как обыкновенного пациента... Помассировав вену, он ввел иглу, решив для начала ограничиться дозой в пять кубиков.

Регистрирующее устройство показывало температуру 41 и 1, что в сочетании с другими факторами означало приближение смерти.

Но вот тяжелое дыхание прервалось, и Нита, выгнувшись под одеялом, издала протяжный стон.

Неужели он убил ее?

Бросив испуганный взгляд на регистратор, Сэм увидел, что температура чуть — на полградуса — снизилась, а потом...

А потом произошло чудо. В считанные минуты болезнь была побеждена. Нормализовалась температура, нарывы усохли, дыхание стало ровным.

Нита открыла глаза, взглянула на него и улыбнулась.

— Сэм, милый... Что ты делаешь здесь с таким чумазым лицом?

Глава 15

— Меня прислал доктор Мак-Кей, — сказал Эдди Перкинс, когда Сэм обернулся и, к удивлению своему, увидел множество людей.

— Вот, Эдди... Возьми этот шприц и капсулу, которую держит генерал... Смотри, она должна быть именно в таком положении... Скажи, что это лекарство от болезни Ренда... Будь осторожен — больше его нет... Я сейчас позвоню Мак-Кею и расскажу, что тут у нас произошло...

— Он принял снотворное — придется подождать до завтра... Мы были очень напуганы тем, с какой энергией он организовывал ваше вызволение... — Перкинс направился к выходу, бережно неся в сложенных лодочкой ладонях шприц и капсулу. Задержавшись в дверях, он тихо произнес: — Послушай, Сэм... Спасибо тебе.

...Нита крепко спала, а Сэм смывал с рук и лица черный крем, когда вновь появился генерал.

— У тебя целых пять минут, — сказал он. — Ясумура просит нас немедленно прибыть туда. Полицией я уже сыт по горло, поэтому подождем мой транспорт. Он уже в пути... Ну что, Сэм, как там дела со снадобьем? Выручит оно нас?

— Не знаю, — ответил Сэм, вытираясь. — Юпитерианин дал очень хорошее средство — вы сами видели, как оно подействовало на Ниту... Хорошее, но этой капсулы не хватит и на полсотни человек. А случаев уже в тысячу раз больше. Но я надеюсь, что в лаборатории разгадают секрет лекарства.

— Какова вероятность?

— Может быть, нулевая, а может — стопроцентная. Увидим... Стэнли не сказал, что ему нужно от нас?

— Я не разговаривал с ним. Передали.

Когда они вышли на вертолетную площадку, Сэм удивил-

ся, что уже светло, на западе тают последние звезды, а небо — как свежевымытое.

Гул моторов, возникший где-то в южной части города, превратился скоро в рев, и они увидели в небе звено самолетов вертикального взлета, один из которых стал снижаться над площадкой.

— Когда вы сказали о транспорте, я решил, что это будет вертолет! — крикнул Сэм. — Кто ж мог такое предположить!

Самолет с громким ревом коснулся площадки и довольно быстро утих. Высунувшийся пилот протянул Бэку ремень и кобуру с хромированным пистолетом.

— Дело, понимаешь ли, в том, Сэм, что меня уж очень достали эти полицейские. И подумал я: игривое помахивание здоровенной дубиной может, хотя бы ненадолго, образумить этих ребят...

Перед тем как забраться в самолет, он с удовлетворением хлопнул по кобуре, привычно висевшей на боку.

Сэм последовал за ним и оказался в очень тесной для троих кабине.

Когда они поднялись в воздух, остальные самолеты симметрично их окружили, и весь этот узор помчался в сторону аэропорта Кеннеди, где вскоре мягко опустился неподалеку от «Перикла».

...На этот раз в пристальных взглядах полицейских начисто отсутствовал даже намек на угрозу.

— Кто-то поднимался туда? — спросил генерал.

— Нет, сэр! Получен приказ...

— Отлично. Выполняйте его. Беспрекословно.

Так и не узнав подробностей приказа, он стал пружинисто подниматься наверх по удобной металлической лестнице, оглушая своей чеканной поступью идущего за ним Сэма.

Стэнли Ясумура, утонувший в капитанском кресле, приветствовал их взмахом руки.

— Все записано на пленку... Записи велись до самого конца... Такое не каждому под силу...

— Что вы имеете в виду? — спросил Сэм.

— «Перикл» угодил там в ловушку сразу же после посадки. В созданное юпитерианами мощнейшее магнитное поле... Я быстро прокрутил начало, но вы можете все прослушать... А затем местные, так сказать, жители вступили в контакт с

экипажем, изучили английский и убили капитана, точнее, разрезали на две равные части и назвали это разговором...

— Это именно то слово, которое употреблял и наш юпитерианин! Какой же смысл они в него вкладывают?

Я хотел разузнать об этом у нашего гостя, но он что-то не хочет общаться... По-моему, для юпитериан это означает некое всеобъемлющее понимание, постижение основных жизненных процессов... У них, очевидно, никогда не было технокультуры, но вот что у них есть — так это биокультура, и еще какая. С живыми клетками они могут творить все... Когда туда прилетел наш «Перикл» и привез иную форму жизни, юпитерианам захотелось сделать то, что делают дети со своими новыми игрушками: вскрыть и посмотреть, что там внутри...

— Ад холоден, как говаривал Данте, — пробурчал Бэк, нервно барабаня пальцами по кобуре. — Это же сущие дьяволы — ни души, ни чувств! Ничего, скоро этот корабль полетит туда во второй раз... Набитый водородными бомбами!

— Вы неправы, Кливер, — сказал Сэм. — Они — это другая форма жизни, с другими мыслями и другими чувствами — если с чувствами! Да, они не спрашивали людей, хотят ли те быть разъятыми на куски, но ведь и мы не спрашиваем об этом лабораторных крыс!

— Что за чушь! Мы не могли бы спросить об этом крыс, даже если б захотели!

— Возможно, и юпитериане не могут задать людям такой вопрос. Или не хотят. Кто знает — не рассекают ли они и друг друга без всякого разрешения...

— Так думали и некоторые на «Перикле», — кивнул Ясумура. — Уик, первый офицер, всегда рассуждал как бесстрастный датчанин, но у него было неукротимое воображение, какое и должно быть у физика-теоретика... В этих записях есть изложенная им теория, по которой юпитерианские особи являются не индивидами в строгом смысле слова, а частичками единого разума... Если это действительно так, то их ни в малейшей степени не должен тревожить факт гибели одной такой частички, и саму эту частичку подобная перспектива не беспокоит ничуть! Допустим, что это единственно известный им способ существования. Разве усомнятся они в том, что и мы такие же? И расчленяй нас на здоровье!

— Это лишь теория, — сказал Бэк.

— Но она многое объясняет! Либо каждый юпитерианин

гениален, либо существует единый разум, достаточно мощный, чтобы управлять всем. Они — или он — осваивали английский так быстро, как им только успевали его преподавать. Они — или он — никогда не сталкивались с техническими проблемами, но смогли схватить все это на лету, в несколько дней, и устроили себе на корабле уютное гнездышко, а также научились этим кораблем управлять...

— Неужели люди не оказали им никакого сопротивления?

— О каком сопротивлении вы говорите... — Ясумура включил запись и стал искать нужное ему место. — До того как юпитериане обосновались на корабле, что-то, наверное, еще можно было сделать, хотя трудно сказать, что именно. Вспомните, ведь они не могли даже взлететь, не взорвав себя!.. Вот она, последняя запись, сделанная Рендом...

«...Двадцать четвертое мая, согласно бортовым часам, хотя мы уже не следим за временем... Мне не следовало говорить «мы» — совсем недавно захвачен Андерсон, а он был последним — не считая меня, конечно... Эти усики проходят сквозь любой металл, они повсюду, и никуда от них не скрыться. Одно касание — и ты парализован, а потом... Я видел, что они сделали с Андерсоном. Сейчас он внизу, на уровне С, в одном из резервуаров, и кроме него там еще двое... Всех их сначала сделали больными, потом вылечили, хотя после этого они уже не выглядели так, как прежде... Ну, а потом они умерли... Я никогда не видел ничего подобного. Должно быть, эти болезни конструируются из обнаруженных в наших организмах микробов или еще как-то...» — Что-то зашумело, затем послышался звон разбитого стекла, и когда Ренд начал говорить снова, в голосе его прибавилось хрипотцы...

«... Если мой голос звучит так, как голос напившегося человека, то... так ему и положено звучать.... Потому что трудновато выдерживать, знаете ли, и с каждым разом все... Но я разбил бутылку, потому что не должен быть пьяным!.. Чтобы сделать то, что я должен... Послушайте, кем бы вы ни были, я надеюсь, что вы никогда этого не услышите... Наверное, я смогу пробраться в машинное отделение и сделать то, что задумал... А задумал я следующее... Вывести из строя аварийную систему и поиграть с реактором... Это будет уже обыкновенным самоубийством — так как остальные мертвы или почти мертвы... Эти твари такие пронырливые... Они изучат нас, нашу технику, и... да мало ли какие у них планы... Но я хочу

остановить их. Я — Ренд, второй офицер «Перикла», заканчиваю запись двадцать четвертого мая...» — Дальше был только фоновый шум...

— Он оказался прав... — вздохнул Бэк. — Они привезли свою адскую болезнь и попытались всех нас истребить.

— Нет, — сказал Сэм. — Все это более походит на лабораторный эксперимент, чем на попытку уничтожить нас... То, что они смогли создать болезнь, соответствующую земным условиям, поражающую животных, которых им никогда не приходилось видеть, непрерывно мутирующую, свидетельствует о постижении ими всех биохимических тайн... Не думаю, что кто-то из нас сможет объяснить, каким образом вирус из корабля был пущен через Лонг-Айленд по прямой линии... Если бы они захотели этого, чума уже давно распространилась бы по всему миру и уничтожила бы нас в один день. Но они этого не захотели.

— Тогда чего ж они пытались добиться, когда... — начал было генерал, но его перебил Ясумура:

— Вы только посмотрите, как пляшут стрелки блока питания!

Загудел телефон, и по экрану расплылся человек в форме.

— Что вы там передаете? — спросил он. — На наших частотах помехи!

— Это не мы, а сосед снизу. На что похожи сигналы?

— Минуточку, сейчас услышите... И посмотрите, пожалуйста, у себя, нельзя ли прекратить это безобразие! Передача идет в широком диапазоне и перекрывает все что можно!

Голос умолк, и через минуту они услышали пронзительный полувизг-полустон, который раздражал слух не меньше, чем царапанье вилки о тарелку.

Ясумура поспешил убавить громкость.

— Что за чертовщина?! — передернув плечами, возмутился Бэк.

— Юпитерианская, — вежливо объяснил Сэм. — Стэнли, этот сигнал может дойти до Юпитера?

— Почему бы и нет? Если они располагают хорошими приемниками, то сигнал, прошедший слой Хевисайда, вполне благополучно будет уловлен... Но вы, кажется, имеете в виду...

— Ничего, абсолютно ничего. Просто интересуюсь... Смотрите, все стрелки опять на нуле! Что это значит?

Ясумура быстро проверил приборы.

— Энергия не поступает вообще! Интересно, что там задумал наш друг?

— Спускаемся, — коротко бросил Сэм и стремительно вышел.

Первым, на что они обратили внимание, едва открылись двери лифта, был едкий запах аммиака. Это заставило их перейти на бег.

На полу, рядом со стенкой резервуара, была лужа. И стенка сама тоже была влажной.

— Резервуар нагревается... — пробормотал Ясумура.

— И атмосфера из него уже вышла, насколько я понимаю. — Сэм смотрел на потемневший экран.

— Значит, эта штука мертва? — растерянно спросил Бэк. — Она покончила самоубийством? Но почему?!

— Вряд ли это можно назвать самоубийством... Ведь у юпитерианина, вероятно, никогда не было ни намерения, ни желания вернуться домой. Он прибыл сюда, чтобы выполнить работу — провести эксперимент. Наш мир был его лабораторией, а мы — подопытными животными. Эксперимент завершился, он доложил...

— Радиосигналы!

— А доложив — умер или отсоединился — называйте, как хотите... Функция выполнена! Он бесчувствен, как клетка эпителия, которая защищает нас, а потом умирает и отпадает.

— Одно утешительно. — Генерал Бэк с удовольствием пнул скопление кабелей. — Ему пришлось доложить о провале своей миссии.

— Вы так думаете? Но может быть, мы имели дело и с социальным экспериментом? Ведь они заранее знали, каким образом болезнь будет воздействовать на наши тела, и поэтому могли заинтересоваться, скажем, нашими социальными структурами или нашей наукой... Тем, как станем бороться с болезнью и что сделаем, обнаружив ее источник... В конце концов они не предприняли ни малейшей попытки скрыть тот факт, что болезнь принесена ими, и заранее приготовили капсулу. Как только юпитерианин понял, что вся его коммуникационная система рушится, он тут же эту капсулу передал нам.

Послышался звук шагов, и в дверях возник Эдди Перкинс.

— Я пытался вызвать вас по телефону, но не смог пробиться, — задыхаясь выпалил он.

— В чем дело, Эдди?

— Болезнь Ренда... лекарство... Мы можем воспроизвести содержимое капсулы... Все! Мы победили!

Глава 16

Ветер бросил в оконное стекло горсть снежных хлопьев, которые, быстро растаяв, превратились в тонкие струйки воды.

Келлер Домингес прикурил, удобно устроившись на стуле, и выпустил в сторону окна тонкую струйку дыма.

— О, какая гадость на улице! Увы, у меня уже есть артрит — а то непременно заработал бы сегодня!.. Жаль, что вы уходите, док.

— Ухожу, Келлер! Ухожу без сожалений! — Сэм выгреб из ящика несколько пар белых носков и бросил в лежащий на кровати чемодан. — Это замечательная комната для интерна! В ней хорошо жилось и славно работалось! Но слишком уж она... спартанская!

— И тесновата для семейного человека — да, док?

— Тоже верно, — улыбнулся Сэм. — Не хотел бы я привести сюда Ниту... Знаешь, чего единственно мне будет не хватать? Твоей манеры водить машину!

— Ерунда, док... Только легче на сердце будет без этого фургона... Лаборатория есть лаборатория! С вашей головой и познаниями в юпитерианских делах только туда и идти! Кстати, поговаривают, что идея создания этой лаборатории исходит от них...

— В известном смысле. — Сэм задвинул ящик и подошел к стенному шкафу. — Начало всему было положено лекарством от болезни Ренда, которое мы получили от юпитерианина. Это новое слово в медицине... 1-молекула, так ее назвали, оказалась живой, как вирус или микроорганизм, и легко размножающейся. Вот почему за несколько дней нам удалось произвести такое количество лекарства. Ты просто кладешь ее в чашку Петри — и она начинает плодиться!

— Колоссально. А не разорятся ли аптеки?

— Может быть... Мы еще только начинаем выяснять, на что способна 1-молекула. Если окажется, что она в десять раз менее эффективна, чем нам кажется, — все равно, это повлечет за собой фундаментальные изменения в медицине! Видишь ли, 1-молекула не только самовоспроизводится, но и при определенных обстоятельствах может быть обучена бороться с различными болезнями, например...

— Достаточно, док, достаточно... Все в меру... Я их привожу — вы их чините... А что это за секретная информация о

подготовке очередной экспедиции на Юпитер? Мало было забот с первым полетом?

— Есть ли что-то, о чем бы ты не слышал, Келлер?

— У меня связи, вы ж знаете...

Сэм закрыл чемодан на замок.

— Пока мы — всего лишь маленькая группа, которая пытается убедить ООН в том, что юпитериане отнюдь не кровожадны... Пока, правда, усилия наши почти бесплодны. У людей еще не прошел испуг. Но он пройдет, и мы снова вступим в контакт с юпитерианами — в дружественный, надеюсь. Полетят, разумеется, добровольцы, и все меры предосторожности, исключающие повторение чего-то вроде болезни Ренда, будут своевременно приняты...

Он еще не закончил говорить, когда в дверях за его спиной появилась Нита.

— Почему-то мне кажется, что среди этих добровольцев будешь и ты, — сказала она, стряхивая с пальто мокрые снежинки.

Их поцелуй затянулся так надолго, что Келлер, какое-то время смотревший на них с явным одобрением, решительно притушил сигарету и, пробурчав что-то о долге, который обязывает, исчез.

— И все-таки ты не ответил мне... — наконец сказала она.

Сэм мгновенно посерьезнел.

— Но ты ведь не станешь меня отговаривать, верно?

— Нет, хотя мне очень хотелось бы попытаться, но я понимаю, что это бесполезно. Только, пожалуйста, не так скоро.

— Ну, этот день наступит еще не скоро. Кстати, команда подбирается очень неплохая. Стэн Ясумура, например... Хэбер. Не всю же жизнь ему скакать на костылях... Кливер Бэк! Даже не представляю, как он умудрился пройти Космическую комиссию, но он ведь теперь посещает специальные курсы, только чтобы попасть в эту экспедицию...

— Несчастный! В его-то годы! Все эти бесконечные ускорения и берр-барокамеры! Мне его искренне жаль!

— А мне — нисколько... — произнес Сэм, нежно взял ее под руку, подхватил чемодан и направился к двери. — Гораздо больше мне жаль юпитериан...

ПОДВИНЬТЕСЬ! ПОДВИНЬТЕСЬ!

Тодду и Мойре

Я надеюсь, дети, что это
окажется всего лишь вымыслом.

Пролог

В декабре 1959 года президент Соединенных Штатов Дуайт Эйзенхауэр сказал: «У нашего правительства, пока я нахожусь на этом посту, никогда не будет позитивной политической доктрины в программе, имеющей отношение к проблеме контроля за рождаемостью. Это не наше дело». С тех пор это и не было делом американского правительства.

В 1950 году жители Соединенных Штатов, составляя лишь 9 процентов населения земного шара, потребляли 50 процентов всего сырья. Эта доля продолжает увеличиваться, и через пятнадцать лет при теперешней скорости роста Соединенные Штаты будут использовать свыше 83 процента ежегодно добываемых полезных ископаемых. К концу столетия, если наше население будет увеличиваться с такой же скоростью, этой стране будет нужно более 100 процентов естественных ресурсов планеты, чтобы сохранить сегодняшний уровень жизни. Это математически невозможно, не говоря уже о том, что тогда на Земле будут жить около семи миллиардов людей, и, вероятно, им тоже захочется иметь какое-нибудь сырье.

В таком случае на что будет похож этот мир?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Понедельник, 9 августа 1999 года

Нью-Йорк. Украденный у доверчивых индейцев коварными голландцами, отнятый у законопослушных голландцев воинственными англичанами и затем отбитый у мирных англичан колонистами. Деревья здесь исчезли много десятилетий тому назад, холмы срыты, пруды засыпаны, а чистые родники, будучи не в силах пробиться на поверхность, несут свои прозрачные воды прямо в сточные трубы. Город раскинул свои щупальца далеко за пределы острова, он превратился в мегаполис, четыре из пяти районов которого заняли целиком один остров и добрую половину второго и тянутся вдоль Гудзона в глубь Северной Америки. Пятый, самый старый район, — это Манхэттен: кусок гранита, скала, окруженная водой, паук из камня и стали, сидящий в паутине мостов, туннелей, труб и кабелей. Не имея возможности расшириться, Манхэттен рванулся вверх, поедая собственную плоть и ставя новые дома на месте старых, поднимаясь все выше и выше — и все равно недостаточно высоко, поскольку людям опять не хватало места. Люди создавали семьи, а их дети и дети их детей тоже создавали семьи, пока этот город не стал самым населенным в истории человечества.

В этот жаркий августовский день 1999 года в Нью-Йорке проживало — плюс-минус несколько тысяч — тридцать пять миллионов человек.

Глава 1

Августовское солнце било в открытое окно и обжигало голые ноги Эндрю Раша до тех пор, пока тот не вынырнул из глубин беспокойного сна. Он медленно осознавал окружающую жару, влажность и грязную простыню под собой. Он

протер заспанные глаза и уставился в потрескавшийся грязный потолок, проснувшись лишь наполовину и с чувством некоего смущения, как бывает в первые мгновения после пробуждения, когда не знаешь, где находишься. Раш зевнул, и странное чувство улетучилось. Потянувшись за часами, которые он всегда клал на кресло рядом с кроватью, Раш еще раз зевнул и, щурясь, взглянул на стрелки под поцарапанным стеклом. Семь... семь часов утра, а в квадратном окошечке — маленькая цифра 9. Понедельник, 9 августа 1999 года — жарко, как в печке, хотя город еще валяется в постели под этой горячей волной, что печет и душит Нью-Йорк последние десять дней. Энди вытер пот со лба, убрал ноги из-под солнечных лучей и подсунул подушку под голову. Из-за перегородки, разделявшей комнату пополам, раздалось жужжание, время от времени переходившее в пронзительный вой.

— Доброе утро!.. — закричал он и тут же закашлялся.

Не переставая кашлять, он встал и прошел в другой конец комнаты к бачку на стене. Вода текла тонкой коричневой струйкой. Энди сделал глоток и постучал по шкале костяшками пальцев. Стрелка подскочила и опустилась недалеко от отметки «Пусто». Бак нужно было наполнить. Лучше бы сделать это еще до того, как идти отмечаться в четыре часа в участке. День начался.

К неуклюжему шкафу было прикреплено большое, в рост человека, зеркало с трещиной от верха до низа, и Энди уткнулся в него, почесывая колючую скулу. Перед уходом надо бы побриться.

Не следует смотреть на себя голого и неприбранного поутру, подумал он с отвращением, хмуро разглядывая мертвенно-бледную кожу и кривые ноги, обычно скрытые штанами. И как только удается иметь выпирающие ребра, будто у умирающей с голоду клячи, и в то же время довольно солидный животик? Он помял живот и подумал, что причиной этому крахмалистый рацион и то, что большую часть времени приходится просиживать задницу. Хорошо, хоть лицо не располнело. Лоб с каждым годом становиться чуть выше, но это не так заметно благодаря короткой стрижке.

Тебе только перевалило за тридцать, подумал он, а вокруг глаз уже морщины. И нос у тебя чересчур большой... Кажется, дядя Байен всегда говорил, что это из-за примеси валлийской крови. И клыки довольно длинные, поэтому улыбка напоми-

нает оскал гиены. Ты чертовски симпатичен, Энди Раш, а когда у тебя последний раз было свидание? Он хмуро глянул на себя и пошел искать платок, чтобы прочистить свой выдающийся валлийский нос.

В ящике лежали только одни чистые трусы, и Энди их надел. Не забыть бы сегодня еще и постирать. Жужжание за перегородкой продолжалось. Энди распахнул дверь.

— Ты так инфаркт схлопочешь, Сол, — сказал он седобородому мужчине, крутившему педали велосипеда-тренажера так энергично, что по груди ручьями тек пот, впитываемый банным полотенцем, повязанным на поясе.

— Никаких инфарктов, — выдохнул Соломон Кан, тяжело дыша. — Я занимаюсь этим так давно, что моя тикалка не выдержит, если я брошу. А регулярное употребление алкоголя выгоняет из крови весь холестерин. А рак легких мне не грозит, поскольку позволить себе курить я не могу, даже если б очень захотел. И в семьдесят пять никакого простатита, потому что...

— Сол, пожалуйста... избавь меня от этих ужасных подробностей на пустой желудок. У тебя найдется кубик льда?

— Возьми пару — сегодня жарко. Только не держи дверь открытой слишком долго.

Энди открыл маленький холодильник, притулившийся у стены, быстро вынул пластиковый пакет с маргарином, выдавил два кубика льда из поддона в стакан и захлопнул дверцу. Потом набрал в стакан воды из бачка и поставил его на стол рядом с маргарином.

— Ты еще не ел? — спросил он.

— Сейчас... Эта штука, похоже, уже зарядилась.

Сол прекратил крутить педали, вой сменился стоном и затих. Он отсоединил от электрогенератора провода, аккуратно смотал и положил рядом с четырьмя черными автомобильными аккумуляторами, стоявшими в ряд на холодильнике. Затем, вытерев ладони о влажное полотенце, вытащил кресло, сделанное из сиденья допотопного «Форда» образца 1975 года, и уселся за стол напротив Энди.

— Я слушал новости в шесть утра, — сказал он. — Старики организуют сегодня еще один марш протеста у управления социальной помощи. Вот где насмотришься на инфаркты!

— Слава Богу, не насмотрюсь. Работа у меня с четырех, а Юнион-сквер не относится к нашему участку. — Он открыл

хлебницу, вынул небольшой крекер и подвинул ее Солу. Потом тонким слоем намазал маргарин на крекер, откусил и, морща нос, стал жевать. — По-моему, маргарин уже того...

— С чего ты взял? — проворчал Сол, откусывая крекер. — Все, что делается из машинного масла пополам с ворванью, изначально того...

— Ты говоришь, как какой-нибудь диетолог, — сказал Энди, макая крекер в холодную воду. — У жиров из нефтепродуктов почти нет вкуса, и ты сам знаешь, что китов уже давно нет, поэтому и ворвани нет, а добавляют старое доброе хлорелловое масло.

— Киты, планктон, рыбий жир — один черт. Все воняет рыбой. Я, пожалуй, поем всухомятку, чтобы плавники не выросли. — Внезапно раздался стук в дверь. — Еще и восьми нет, а за тобой уже пришли, — простонал Сол.

— Это может быть кто угодно, — сказал Энди, подходя к двери.

— Может, да не может, это стук посыльного, и тебе это известно не хуже моего. Я даже знаю, кто это. Видишь? — Он кивнул с мрачным удовлетворением, когда Энди отпер дверь и они увидели худощавого босого курьера.

— Что тебе надо, Вуди? — спросил Энди.

— Мне нисего не нузно, — прошепелявил Вуди беззубым ртом. Хотя ему было немногим за двадцать, во рту у него не осталось ни единого зуба. — Лейтенант велел принести, я и принес. — Он передал Энди записку с его именем, написанным на обороте.

Энди повернулся к свету, читая корявые каракули, потом нацарапал внизу свои инициалы и вернул бумажку посыльному. Заперев за ним дверь, он вернулся к столу, задумчивый и хмурый.

— Не смотри на меня так, — сказал Сол. — Не я его послал. Осмелюсь предположить, что новости не из самых приятных.

— Да, эти старики уже всю площадь заполонили, и тот участок просит подкрепления.

— Но ты тут при чем? Им же костоломы нужны.

— Костоломы! Где ты нахватался этого средневекового сленга? Конечно, чтобы сдерживать толпу, им нужны патрульные, но нужны и детективы, чтобы выявлять агитаторов, карманников и прочих. Сегодня в парке будет смертоубийст-

во. Мне нужно быть к девяти, поэтому я хоть за водой успею сбегать.

Энди медленно натянул штаны и просторную футболку, затем поставил кастрюльку с водой на подоконник, чтобы согрелась на солнце. Прихватив две двадцатилитровые пластмассовые канистры, он вышел.

Сол оторвался от телевизора и глянул ему вслед поверх старомодных очков.

— Когда принесешь воды, я поставлю тебе стаканчик — или, по-твоему, еще слишком рано?

— Сегодня самое то.

В коридоре было темным-темно, и Энди осторожно, по стеночке, добрался до лестницы. Споткнувшись о кучу мусора, которую кто-то вывалил за дверь, он выругался. Двумя этажами ниже в стене было окно, через которое проникало достаточно света, чтобы не кувыркнуться с последних двух пролетов, остающихся до выхода. После прохладного коридора Двадцать пятая улица обрушила на него душную волну горячего воздуха и запахи гнили, грязи и немытых людей. Прокладывая путь в толпе женщин, приходилось следить, чтобы не наступить на детей, игравших под ногами. По тротуару, еще покрытому утренней тенью, сновало столько прохожих, что Энди пошел по мостовой. Жара уже растопила асфальт, и он прилипал к подошвам башмаков.

У красной водоразборной колонки, как обычно, уже выстроилась длинная очередь. Когда Энди подошел поближе, она заволновалась, послышались негодующие крики, угрожающе замахали кулаки. Недовольно ворча, толпа рассосалась, и Энди увидел, что полицейский запер металлическую дверцу.

— В чем дело? — спросил Энди. — Я думал, что пункт работает до полудня.

Полицейский обернулся, автоматически положив руку на кобуру пистолета, но тут же узнал детектива со своего же участка. Он сдвинул фуражку на затылок и утер ладонью пот со лба.

— Только что сержант приказал закрыть все пункты на двадцать четыре часа. Из-за засухи уровень воды в водохранилище упал, приходится экономить.

— Ничего себе новости, — сказал Энди, поглядывая на

ключ, торчавший в замке. — Мне сейчас на дежурство, и, стало быть, два дня придется жить без воды.

Осторожно оглянувшись, полицейский открыл дверцу и взял у Энди канистру.

— Одной тебе хватит. — Он поставил ее под кран и, понизив голос, сказал: — Между нами, ходят слухи, что на севере снова взорвали акведук.

— Опять фермеры?

— Наверняка. До перевода на этот участок я работал там, в охране. Неуютно было — того и гляди, взлетишь в воздух вместе с акведуком. Они заявляют, что город ворует у них воду.

— Но у них достаточно воды, — сказал Энди, забирая полную канистру. — Больше чем нужно. А в городе тридцать пять миллионов мучаются от жажды.

— Кто спорит, — согласился полицейский, захлопывая и запирая дверцу.

Энди потащился обратно, проталкиваясь сквозь толпу, но по лестнице подниматься не стал, а зашел во двор. Все туалеты были заняты, и ему пришлось ждать. Когда он наконец втиснулся в одну из кабинок, то взял с собой и канистры: любой из мальчишек, игравших в куче отбросов у забора, запросто упер бы их, оставь он воду снаружи.

Преодолев темные марши и открыв дверь, он услышал позвякивание льда о стекло стакана.

— Ты прямо Пятую Бетховена играешь, — сказал он, ставя канистры на пол и падая в кресло.

— Любимая тема, — сказал Сол, доставая из холодильника два охлажденных стакана, и с торжественностью религиозного ритуала опустил в каждый по крохотной перламутровой луковичке.

Один стакан он передал Энди, и тот осторожно отхлебнул холодную жидкость.

— Когда я пробую такое, Сол, я почти начинаю верить, что ты, в конце концов, не совсем рехнулся. Почему эта смесь называется «Гибсон»?

— Тайна, покрытая мраком. Почему «Стингер» называется «Стингером», а «Розовая дама» — «Розовой дамой»?

— Не знаю... почему? Я их ни разу и не пробовал.

— И я не знаю, но называется именно так. Как то зеленое пойло, которое продают в забегаловках, называется «Панама». Ничего не значит, просто название.

— Благодарю, — сказал Энди, осушив стакан. — Мир сразу кажется иным.

Он отправился в свою комнату, вытащил из шкафа кобуру с пистолетом и пристегнул оружие к ремню брюк. Его бляха висела на брелоке с ключами, как всегда. Энди сунул в карман блокнот и на секунду задумался. День предстоит долгий и трудный, да и всякое может случиться. Он достал из-под стопки рубашек наручники и газовый баллончик. В толпе стариков это тоже пригодится, да к тому же оно и безопаснее. Кроме того, новые суровые правила применения боевых средств заставляли выискивать повод для их использования. Он наскоро вымылся водой, уже нагревшейся на солнце, затем потер лицо серым грязным обмылком, чтобы хоть как-то размягчить щетину. Бритва уже основательно затупилась, и он попытался заточить ее о край стакана. Он подумал, что пора бы приобрести новую. Может, осенью.

Когда Энди вышел из комнаты, Сол поливал свою грядку на подоконнике, где росли всякие травы и лук.

— Только смотри, чтобы тебя на мякине не провели, — сказал он, не отрываясь от работы.

У Сола был большой запас слов — что такое эта самая мякина?

Солнце поднялось уже высоко, и бетонно-асфальтовое ущелье улицы превращалось в пекло. Полоска тени стала еще у́же, а людей у входа в дом — еще больше, и Энди едва смог выйти из двери. Он осторожно перешагнул через крошечную сопливую девчушку в протертой до дыр ночной рубашке и спустился на одну ступеньку. Изможденная женщина неохотно подвинулась, даже не взглянув на него, а мужчины уставились с ненавистью, что делало их похожими на членов одной суровой семьи. Энди пробрался сквозь толпу и у самого тротуара перешагнул через протянутые ноги лежащего старика. Тот казался мертвым. Ноги у него были босые и грязные, а щиколотку обхватывала веревка, другой конец которой был привязан к ребенку, сидевшему на тротуаре и отрешенно жующему сломанную пластиковую тарелку. Ребенок был так же грязен, как и старик, его живот сильно раздут. Неужели старик мертв? Впрочем, с обязанностью быть якорем для ребенка мог справиться и мертвый.

«Черт, поганое сегодня утром настроение, — подумал Энди. — Наверняка из-за жары; я не выспался, всю ночь снились какие-то кошмары. Это бесконечное лето и все эти неприятности; похоже, одна цепляется за другую. Сначала жара, потом засуха, ограбление складов, а теперь вот еще старики. Они с ума сошли — выходить из дома в такую погоду. Или, может, они сошли с ума от погоды?»

Думать было слишком жарко. Когда он завернул за угол, Седьмая авеню словно вспыхнула перед ним, и он руками и лицом ощутил солнечный жар. Рубашка уже прилипла к спине, а на часах только без четверти девять.

На Двадцать третьей улице, в длинной тени эстакады городской экспресс-линии, закрывавшей почти все небо, было прохладно, и он медленно шел в полумраке, поглядывая на велотакси и гужевики. Вокруг каждого столба эстакады стояли маленькие группки людей, облепившие их словно устрицы, и колеса почти касались их ног. Сверху раздался грохот — по экспресс-линии проехал тяжелый грузовик, и Энди увидел, что впереди, перед зданием участка, остановился фургон. Полицейские в форме не спеша забирались в кузов, а лейтенант Грассиоли стоял рядом с грифельной доской в руках и разговаривал с сержантом. Подняв голову, он хмуро взглянул на Энди, нервный тик заставил его левое веко сердито подмигнуть.

— Пришел почти вовремя, Раш, — сказал он, делая пометку на дощечке.

— Сегодня у меня выходной, сэр, меня вызвали.

С Грасси надо быть настороже, он изведет кого угодно: у него язва, диабет и больная печень в придачу.

— Полицейский находится на службе двадцать четыре часа в сутки, так что залезай в машину. Я хочу, чтобы ты с Кулозиком взяли пару-другую карманников. Эти, с Центральной улицы, мне уже все уши прожужжали.

— Слушаюсь, сэр, — сказал Энди спине лейтенанта, когда тот повернулся и направился обратно в участок.

Энди забрался по откидной лесенке в кузов и сел на скамейку рядом со Стивом Кулозиком, который, как только лейтенант ушел, сразу прикрыл глаза и начал дремать. Это был мужчина с телом, где соперничали жир и мышцы. Одет он был, как и Энди, в мятые хлопчатобумажные штаны и рубаху с короткими рукавами. Рубашка висела мешком, скрывая пистолет в кобуре. Когда Энди плюхнулся рядом, он приоткрыл один глаз и что-то буркнул.

Стартер раздражающе взвыл и выл до тех пор, пока скверное топливо не вспыхнуло и дизельный двигатель не ожил. Грузовик, содрогаясь и дребезжа, отъехал от участка и тронулся на восток. Полицейские жались к краям скамеек, чтобы ловить дуновение ветерка и заодно наблюдать за улицами, забитыми людьми. Этим летом полицейские были не очень-то популярны. Не очень приятно, когда в тебя неожиданно бросают камни или бутылки.

Неожиданно фургон задрожал — водитель сбросил скорость и нажал на сигнал, прокладывая путь сквозь толпу людей и множество безмоторных экипажей.

На Бродвее скорость стала совсем черепашьей: люди запрудили всю проезжую часть в окрестностях Мэдисон-сквера, где располагались блошиный рынок и палаточный городок. Здесь, в центре, обстановка была не лучше. Старики уже вышли на улицы и направлялись на юг, едва волоча ноги. Полицейские, проезжая мимо, равнодушно на них поглядывали — медленно колышущаяся масса седых и лысых голов, большинство людей с палочками, старик с окладистой седой бородой ковылял на костылях. Было полным-полно инвалидных колясок. Когда полицейские появились на Юнион-сквер, солнце, вырвавшись из-за зданий, безжалостно обрушилось на них.

— Чистая смерть, — зевнув, сказал Стив Кулозик и вылез из фургона. — Жара убьет половину этих старикашек. На солнце, наверное, градусов сорок. В восемь часов было тридцать три.

— А врачи на что? — Энди кивнул в сторону небольшой группы людей в белых халатах, разворачивавших носилки рядом с машиной «Скорой помощи».

Детективы подошли к толпе, уже заполнившей парк, и пробрались к трибуне. Послышался скрежет и щелчок — проверяли звуковую систему.

— Рекорд, — сказал Стив, глазами ощупывая толпу. — Я слышал, что в водохранилищах низкий уровень потому, что некоторые из труб на выходе не заизолированы. Это да еще деревенщина, постоянно взрывающая акведук...

Визг из громкоговорителей заглушили громовые раскаты голоса, усиленного микрофоном:

— Товарищи, дамы и господа, члены всех обществ Старейшин Америки, прошу вашего внимания. Сегодня утром я заказал облака, но, похоже, заказ не дошел...

Одобрительный гул прокатился по парку, раздалось несколько хлопков.

— Кто это? — спросил Стив.

— Ривз. Его называют Малыш Ривз, потому что ему всего лишь шестьдесят пять. Он исполнительный директор Стариков, но если так и дальше пойдет, на следующий год станет президентом...

Его последние слова потонули в сотрясающем горячий воздух голосе Ривза:

— Но наша жизнь далеко не безоблачна, и мы можем прожить и без облаков на небе. — На этот раз в ответном гудении толпы послышались нотки гнева. — Власти следят за тем, чтобы мы не могли работать, несмотря на состояние нашего здоровья и способности. Власти установили оскорбляющее нас нищенское содержание, на которое мы должны жить, и в то же время они следят, чтобы на эти деньги можно было купить все меньше и меньше с каждым годом, с каждым месяцем, с каждым днем...

— Первый готов, — сказал Энди.

Какой-то человек в задних рядах упал на колени и схватился за грудь. Энди рванулся было к нему, но Стив Кулозик удержал его.

— Это их дело, — сказал он, указывая на двух врачей, уже бежавших к пострадавшему. — Что-то с сердцем или тепловой удар. Думаю, далеко не последний. Давай-ка прочешем толпу.

— ...Снова пришла пора объединиться... силы, которые ввергают нас в нищету, голод и полное забвение... растущие цены свели на нет...

Казалось, между крохотной фигуркой на трибуне и громовым голосом нет никакой связи. Детективы разделились, и Энди стал медленно продираться сквозь толпу.

— ...Мы не примем ничего второсортного, или третье-, или четверосортного, как теперь, мы не примем грязного угла, где мы должны дремать, дожидаясь голодной смерти. Мы — жизненно важная составляющая... Нет, я скажу, мы самая важная составляющая общества — хранилище опыта, знаний и рассудительности. Пусть муниципалитет, Олбани и Вашингтон действуют — или берегитесь, потому что когда подсчитают голоса, то обнаружат...

Слова грохотали в ушах, но Энди не обращал на них внимания, пробираясь сквозь толпу взбудораженных стариков; глаза его шарили в море беззубых десен, седых небритых щек и слезящихся глаз. Здесь не было карманников, лейтенант оказался не прав: в подобной толпе им делать было нечего. Эти люди совершенно нищие. А если у них и есть какая-нибудь мелочь, то она надежно спрятана в старомодные кошельки или зашита в трусы.

Толпа колыхнулась — двое мальчишек со смехом пробежали сквозь нее, пиная и стараясь свалить друг друга.

— Довольно, — сказал Энди, вставая на их пути. — Успокойтесь и уходите из парка, ребята, вам тут делать нечего.

— Это кто сказал? Что хотим, то и делаем...

— Закон! — рявкнул Энди, вытащил из кармана бляху и угрожающе сунул им в лицо. — Пошевеливайтесь!

Они молча повернулись и стали выбираться из толпы, а он пошел следом, чтобы удостовериться, что они в самом деле уйдут.

Совсем дети, подумал он, убирая бляху, вероятно, лет десять-одиннадцать, но за ними нужен глаз да глаз, а то они такого натворят... Да и поосторожней с ними надо, а то, если их много, стоит отвернуться, навалятся всей гурьбой и изрежут осколками стекла, как беднягу Тейлора.

На стариков, похоже, что-то нашло. Они начали раскачиваться взад-вперед, а когда усиленный динамиками голос на мгновение умолк, позади трибуны послышались крики. Видимо, начиналась заварушка. Энди бросился туда. Ривз больше не говорил, а крики становились все сильнее; раздался звук бьющегося стекла.

Из громкоговорителей прогремел другой голос:

— Говорит полиция. Прошу всех разойтись, митинг закончен, уходите с площади на север...

Яростный вой заглушил говорившего. Старики подались вперед в едином порыве. Когда их вопли стихли, вновь стали слышны слова оратора Ривза:

— ...Люди... успокойтесь... Я лишь хочу вам сказать... я не осуждаю ваше негодование, но сейчас не время... Капитан объяснил мне положение вещей, и я вижу отсюда, что это не имеет ничего общего с нашим митингом. Какие-то беспорядки на Четырнадцатой улице... Нет!.. Не ходите туда, от этого будет только хуже, там полиция, она не даст вам пройти. Я вижу, что сюда двигаются отряды специального назначения, и полиция намерена применить летающую проволоку...

Толпа вздрогнула, движение обратилось вспять, и люди стали уходить с Юнион-сквер, подальше от Четырнадцатой улицы. Старики отлично знали, что такое летающая проволока.

Энди пробрался за трибуну, где людей было меньше, и, увидев, что Четырнадцатая улица забита бурлящей толпой, не мешкая направился туда. Край площади был оцеплен полицейскими, расчистившими место у парка. Ближайший из них поднял дубинку и заорал:

— Держись подальше, парень, а то нарвешься на неприятности!

Энди показал ему бляху. Он кивнул и отвернулся.

— В чем дело? — спросил Энди.

— Крутая буча заваривается, а то и еще чего хуже... Вали отсюда! — Он ударил дубинкой по поребрику, и лысый мужчина на алюминиевых костылях остановился и, поколебавшись, свернул в парк. — Клейн как обычно, устроил рекламную распродажу. Они вывесили в витринах плакаты, как и раньше делали без всяких неприятностей. Но на этот раз он получил партию соево-чечевичных бифштексов... — Он повысил голос, чтобы перекричать шум двух приближавшихся бело-зеленых вертолетов. — Одна дурища затарилась и прямо за ближайшим углом нарвалась на телерепортеров, которым все и выболтала. Теперь люди валом валят со всех сторон, а половина улиц, по-моему, не перекрыта. С этой стороны мы хоть проволоку натянули.

Энди нацепил бляху на карман рубашки и принялся вместе с полицейскими отгонять толпу. Толпа не сопротивлялась. Люди поднимали головы и от резких хлопков вертолетных винтов шарахались прочь. Вертолеты снизились, и из их утроб посыпались мотки проволоки. Ржавые мотки колючей проволоки ударялись о землю, скрепляющие скобы разрывались.

Это была не просто колючая проволока. Ее закаленная сердцевина обладала памятью: металл, независимо от того, как его скрутить и согнуть, возвращал себе первоначальную форму, как только исчезали внешние напряжения. Если обычная проволока легла бы спутанной кучей, эта стремилась обрести исходную форму, шевелясь, словно слепой зверь, разворачиваясь и растягиваясь вдоль улицы. Полицейские в толстых рукавицах ухватились за ее концы и положили ее в нужном

направлении, чтобы посреди улицы образовался барьер. Две раскручивающиеся спирали столкнулись и вступили в бессмысленную схватку, взмывая в воздух, падая и сплетаясь в извивающийся клубок. Когда последний участок проволоки замер, поперек улицы высилась стена колючей проволоки высотой и толщиной в метр.

Но беспорядки на этом не кончились. Люди по-прежнему прорывались с юга по улицам, еще не перекрытым проволокой. Поднялся крик, началась свалка. Проволока могла остановить нашествие, но, чтобы ее уложить, надо было расчистить для этого место. Полицейские метались перед толпой взад-вперед, а над головами людей, словно рассерженные пчелы, жужжали вертолеты.

Раздался оглушительный треск, за ним послышался визг. Толпа высадила одну из витрин в магазине Клейна, и люди упали прямо на торчащие осколки стекла. Потекла кровь, кто-то застонал. Энди пробился к витрине. На него налетела какая-то женщина с выпученными глазами; из ее рассеченного лба хлестала кровь. Энди прижали к самому окну, и сквозь крики он услышал трель полицейского свистка. Люди лезли в разбитую витрину, топча истекавших кровью раненых, и хватали коробки. Это был склад продовольственного отдела. Энди закричал, но в реве толпы едва услышал собственный голос. Он схватил мужчину, который с охапкой пакетов пытался выбраться из окна, но не смог его удержать. Зато другие смогли, и мужчина рухнул под напором жадных рук, теряя коробки.

— Стоять! — заорал Энди. — Стоять!

Это было бесполезное занятие, словно в каком-то кошмаре. Из окна вылез худенький парнишка-китаец в шортах и залатанной рубашке, прижимавший к груди коробку с соево-чечевичными бифштексами. Энди беспомощно протянул руки. Мальчик посмотрел на него невидящими глазами, отвернулся, согнулся пополам, прикрывая добычу, и начал вдоль стены ужом выбираться из толпы. Мелькнули ноги с напряженными мышцами, ступни наполовину вылезали из сандалий с подошвой, сделанной из автопокрышки. Он исчез, и Энди сразу забыл о нем, как только пробился к разбитому окну и встал плечом к плечу с полицейским в разорванной рубашке, который чуть раньше добрался до витрины. Полицейский молотил дубинкой по тянувшимся рукам.

Энди присоединился к нему и ловко ударил мародера, пытавшегося пролезть между ними, затем запихнул бесчувственное тело и коробки обратно в магазин. Завыли сирены, над толпой взметнулись белые струи: появились специальные машины для подавления беспорядков, прокладывающие себе путь в толпе потоками воды.

Глава 2

Билли Чун засунул пластиковую коробку с соевыми бифштексами под рубашку, а когда он еще и согнулся в три погибели, ее не так-то легко было заметить. Сначала он еще кое-как продвигался, но вскоре давка стала невыносимой, и его прижало к стене. Он пытался противостоять силе, вжимающей его лицо в горячий пыльный кирпич. Тут ему так ударили коленом по голове, что он почти потерял сознание и очнулся от струи холодной воды. Прибыли машины для подавления беспорядков, и их водяные пушки разредили толпу. Одна из струй впечатала его в стену и прошла дальше.

Напор толпы ослаб, и Билли, пошатываясь, встал, глядя, не заметил ли кто-нибудь его ноши, но на него никто не обращал внимания. Остатки толпы, мокрые насквозь, в крови и синяках просачивались мимо неуклюже продвигавшихся полицейских машин. Билли пристроился к бегущим, повернул в сторону Ирвинг-Плейс, где было меньше людей, отчаянно высматривая какое-нибудь укрытие — место, которое найти в этом городе было крайне трудно. Беспорядки закончились, и очень скоро кто-нибудь его заметит и полюбопытствует, что это у него под рубашкой. Тогда пиши пропало. Это был не его район, здесь не жили китайцы, его заметят и схватят... Он побежал, но тут же запыхался и перешел на быстрый шаг.

Вот. Рядом с одним из зданий вырыли яму до самого фундамента, там виднелись трубы, а на дне — грязная вода. Он сел на край развороченного тротуара, прислонился к ограждавшему яму заборчику, потом нагнулся и осмотрелся. На него никто не обращал внимания, но людей вокруг было полно: они выходили из домов и садились на ступеньки, наблюдая за бегущими. Послышались чьи-то шаги, посреди улицы показался мужчина с большим пакетом под мышкой. Он отчаянно озирался, сжав кулаки. Кто-то сбил его с ног, и он со стоном рухнул, а люди набросились на него, хватая рассыпавшиеся

по земле крекеры. Билли улыбнулся — теперь на него никто не смотрел — и соскользнул в яму, по колено погрузившись в грязную воду. Под ржавой трубой был небольшой просвет, туда он и забился. Не сказать, что идеально, но сойдет — сверху видны только его ноги. Он лег на холодную землю и разорвал коробку.

Вы только посмотрите... только посмотрите, вновь и вновь говорил он сам себе, смеясь и глотая слюни. Целая коробка соевых бифштексов, каждый величиной с ладонь, а какие поджаристые. Он надкусил один, поперхнулся, проглотил, заталкивая крошки в рот грязными пальцами. Он набил рот так, что с трудом мог глотать, и долго пережевывал восхитительную мякоть. Давно уже не приходилось есть ничего подобного.

Билли съел за один присест три соево-чечевичных бифштекса, делая паузы лишь для того, чтобы высунуть голову и посмотреть наверх. Но все было тихо, его никто не заметил. Он достал из коробки еще пару бифштексов, но теперь ел помедленнее и остановился только тогда, когда набитый живот с непривычки заурчал. Слизывая крошки с пальцев, он обдумывал план дальнейших действий, уже сожалея о том, что съел столько бифштексов. Нужны были деньги, а бифштексы — это и были деньги, а брюхо можно было набить и крекерами из отрубей. Проклятие! Белую пластиковую коробку нельзя было нести открыто, но и спрятать под рубашку невозможно. Придется бифштексы во что-нибудь завернуть. Может, в носовой платок. Он вынул его из кармана — грязную рваную тряпку, отрезанную от старой простыни, и завернул десять оставшихся бифштексов, завязав для верности концы узелком. Потом запихнул сверток за пояс. Выпирал он не очень сильно, хотя здорово давил на полный желудок. В общем, сойдет.

— Что ты делал в этой яме, мальчик? — спросила его одна из краснорожих женщин, сидевших на ступеньках соседнего дома, когда он вылез наружу.

— Облегчался! — прокричал он, сворачивая за угол, под негодующие крики женщин.

Мальчик! Ему уже восемнадцать, и, хоть ростом не вышел, он уже не мальчик.

Он спешил скорее добраться до Парк-авеню. Он боялся встретиться с какой-нибудь местной шайкой. Сбавив шаг, он направился к блошиному рынку, что на Мэдисон-сквер.

Забитое людьми раскаленное место ударило в уши ревом голосов, а в нос — запахом старых грязных и потных тел. Людской водоворот медленно двигался. Некоторые останавливались у лотков и прилавков, чтобы пощупать старомодные костюмы, платья, битую посуду, никому не нужные кружева, поторговаться за мелкую дохлую рыбешку с раскрытым ртом и выпученными от испуга глазами. Торговцы расхваливали свой гниющий товар, а люди текли мимо, осторожно обходя двух полицейских, которые стальными взглядами осматривали все вокруг и по диагонали пересекали площадь, направляясь к старым армейским палаткам палаточного городка. Площадь была запружена людьми, повозками, тележками, лавками и навесами. Это был рынок, где все можно было купить и все — продать.

Билли перешагнул через слепого попрошайку, разлегшегося в узком проходе между железобетонной скамейкой и шатким прилавком с разложенной на нем морской капустой, и попал на рынок. Он смотрел на людей, а не на то, что они продавали, и наконец остановился перед тележкой, нагруженной множеством допотопных пластиковых коробок, кружек, тарелок и чашек, яркая расцветка которых посерела и стерлась от времени.

— Руки! — По бортику тележки ударила палка, и Билли отдернул пальцы.

— Я не трогаю ваш хлам, — сказал он.

— Если не покупаешь, проходи дальше, — сказал человек восточного типа с морщинистыми щеками и редкими седыми волосами.

— Я не покупаю, а продаю. — Билли наклонился к мужчине и тихо прошептал: — Не желаете несколько соево-чечевичных бифштексов?

Старик прищурил и без того узкие глаза.

— Ворованные, полагаю? — устало произнес он.

— Ну так нужны или нет?

Промелькнувшая на лице старика улыбка была невеселой.

— Конечно, нужны. Сколько их у тебя?

— Десять.

— Полтора доллара за штуку. Пятнадцать долларов.

— Черт побери! Лучше я их сам съем. Тридцать за все.

— Жадность тебя погубит, сынок. Мы оба отлично знаем, сколько они стоят. Двадцать долларов за все. — Он вытащил

две мятые десятидолларовые бумажки и зажал их в кулаке. — Давай посмотрим на товар.

Билли протянул узелок, а старик нагнулся и заглянул внутрь.

— Годится, — сказал он и, не разгибаясь, переложил их в бумажный пакет, а тряпку вернул Билли. — Этого мне не надо.

— Теперь бабки.

Старик неторопливо протянул деньги Билли, облегченно улыбаясь при мысли, что сделка завершена.

— Ты был когда-нибудь в клубе на Мотт-стрит?

— Шутите? — Билли схватил деньги.

— Наверняка был. Ты же китаец, и ты предложил эти бифштексы мне, потому что я тоже китаец, и ты знаешь, что можешь мне доверять. Ты соображаешь...

— Заткнись, дедуля. — Билли ткнул себе большим пальцем в грудь. — Я — тайванец, а мой папа был генералом. И я знаю одно — у меня нет ничего общего с вами, красными китайцами из центра.

— Глупый щенок... — Старик поднял палку и замахнулся, но Билли уже исчез.

Вот это да! Он уже не замечал жары, автоматически продираясь сквозь толпу, сжимая деньги в кармане и предвкушая грядущие наслаждения. Двадцати долларов у него никогда в жизни не было. Самое большое — три восемьдесят, которые он украл из квартиры напротив, когда соседи оставили окно открытым. Трудно заполучить настоящие деньги, но это единственное, что идет в расчет. Дома у него их никогда не видели. Все приобреталось на карточки социальной помощи; все, что позволяло не подохнуть и жить дальше, ненавидя такую жизнь. Чтобы приподняться, нужны деньги, и теперь они у него были. Он долго мечтал об этом.

Он зашел в отделение «Вестерн-Юниона» на Девятой авеню. Бледная девушка за высокой конторкой подняла голову, и ее взгляд, скользнув по нему, уперся в большое окно, за которым бурлила залитая солнцем улица. Она промокнула носовым платком капли пота на губе, потом вытерла подбородок. Операторы, склонившиеся над своей работой, вообще не подняли головы. Здесь было очень тихо, через открытую дверь проникал лишь приглушенный шум города. Внезапно очень громко застучал телетайп. На скамье в дальнем конце помещения сидели шестеро парней, подозрительно поглядывавших на него. Подходя к диспетчеру, он слышал, как их ноги

шаркают по полу и скрипит скамейка. Он заставил себя не оборачиваться и остановился у стойки, терпеливо ожидая, когда человек обратит на него внимание.

— Что тебе нужно, парень? — процедил диспетчер, наконец поднимая голову.

Человеку было за пятьдесят, он устал и умирал от жары, сердясь на весь мир, обещавший ему что-то большее.

— Вам нужен посыльный, мистер?

— Нет. У нас и так слишком много всяких мальчишек.

— Я умею работать, мистер. Буду работать в любое время, когда скажете. У меня есть вступительный взнос. — Он вытащил одну десятидолларовую купюру и положил ее на конторку.

Мужчина мельком взглянул на деньги и отвел глаза в сторону.

— У нас слишком много мальчишек.

Скамья позади скрипнула, и Билли услышал звук шагов. Это был один из тех парней. Голос его был напряжен от злости.

— Этот китаец к вам пристает, мистер Бургер?

Билли сунул деньги обратно в карман.

— Сядь, Роулз, — сказал мужчина. — Ты знаешь, как я отношусь к разборкам и дракам.

Он взглянул на обоих, и Билли догадался: ему здесь не работать, если быстренько что-нибудь не предпринять.

— Благодарю, что позволили поговорить с вами, мистер Бургер, — сказал он вежливо и, повернувшись, что есть силы наступил парню на ногу. — Не смею вас больше беспокоить...

Парень заорал и ударил Билли кулаком в ухо. Билли промямлил что-то, но не сделал попытки защититься.

— Отлично, Роулз, — с отвращением сказал Бургер. — Убирайся отсюда, ты уволен.

— Но... мистер Бургер... — жалобно заскулил парень. — Вы же не знаете, что этот китаец...

— Выметайся! — Бургер привстал и рассерженно ткнул пальцем в мальчишку. — Быстро!

На минуту о Билли забыли, и он отошел в сторону, боясь улыбнуться.

До парня наконец дошло, что делать ему здесь больше нечего, и он ушел, злобно взглянув напоследок на Билли. Бургер вытер одну из дощечек для посыльных.

— Отлично, парень, похоже, ты получишь работу. Как тебя зовут?

— Билли Чун.

— Мы платим по пятьдесят центов за каждую доставленную телеграмму. — Он встал и подошел к Билли, держа в руке дощечку. — Ты оставляешь в залог десять долларов и берешь телеграмму. Приносишь дощечку — получаешь десять пятьдесят. Ясно?

Он положил дощечку на стойку. Билли взглянул на нее и прочитал написанные мелом слова: «Минус пятнадцать центов».

— У меня все будет в полном порядке, мистер Бургер.

— Отлично. — Диспетчер ладонью стер надпись. — Садись на скамейку и заткнись. Никаких драк, никаких разборок, никакого шума, а иначе получится, как с Роулзом.

— Да, мистер Бургер.

Билли сел. Мальчишки посмотрели на него с подозрением, но ничего не сказали. Через несколько минут маленький смуглый парнишка наклонился к нему и пробормотал:

— Сколько он с тебя снимает?

— Что ты имеешь в виду?

— Не будь идиотом. Или ты отдаешь ему часть бабок, или больше здесь не работаешь.

— Пятнадцать.

— Говорил я тебе, что он так и сделает, — громко прошептал другой парень. — Говорил я тебе, что он не остановится на десяти... — Он резко осекся: диспетчер посмотрел в их сторону.

День покатил по своей горячей наезженной колее, и Билли был доволен, что сидит вот тут и ничего не делает. Некоторые парни уходили с телеграммами, но его ни разу не вызвали. Соево-чечевичные бифштексы оказались тяжелой для желудка пищей, и ему дважды пришлось выйти в темный убогий туалет во дворе здания. Тени на улице удлинились, но в воздухе по-прежнему висела все та же удушающая жара, что держалась последние десять дней. В шесть часов пришли еще трое мальчишек и с трудом уместились на скамье. Бургер сердито посмотрел на них: похоже, только так он и мог смотреть.

— Некоторые могут быть свободны.

На первый день вполне достаточно, подумал Билли и ушел. От долгого сидения у него затекли ноги, а бифштексы, кажется, рассосались. Можно было подумать и об ужине. Черт! Он состроил кислую гримасу. Он знал, что у них будет на ужин. То же, что и каждый вечер уже много лет подряд.

В порту с реки дул легкий ветерок, и Билли медленно шагал по Двенадцатой авеню, с удовольствием ощущая прохладу. За сараями, убедившись, что поблизости никого нет, он размотал проволоку, которой была привязана к сандалиям подошва из покрышки, и сунул две купюры в образовавшуюся щель. Они принадлежали ему и только ему. Он закрепил проволоку и по трапу поднялся на «Уэйверли Браун», который стоял у шестьдесят второго причала.

Реки не было видно. Соединенные друг с другом измочаленными канатами и ржавыми цепями, ряды допотопных «Викторий» и «Свобод» создавали фантастический пейзаж из причудливых надстроек, болтающегося, как белье на веревке, такелажа, мачт, антенн и дымовых труб. За всем этим возвышался один-единственный пролет так и не достроенного Вагнеровского моста. Эта панорама не казалась Билли странной; он здесь родился, после того как его семья вместе с другими беженцами с Тайваня обосновалась в этих времянках, на скорую руку построенных на судах, гниющих и ржавеющих за ненадобностью у Каменного мыса со времен Второй мировой войны. Больше негде было разместить многочисленных приезжих, и суда показались в то время блестящей находкой. Они должны были стать временным убежищем, пока не найдется что-нибудь получше. Но жилье найти было трудно — и к этим судам добавились другие, и мало-помалу ржавый, покрытый ракушками флот стал частью города, которая, казалось, существовала здесь вечно.

Суда соединяли трапы и мостики, под ними плескалась вонючая вода, на поверхности которой плавали отбросы. Билли добрался до «Колумбии Виктории» — своего дома и по мостику дошел до квартиры № 107.

— Как раз вовремя, — сказала сестра Анна. — Все уже поели, но тебе повезло: мне удалось оставить кое-что для тебя.

Она достала с полки тарелку и поставила на стол. Ей было тридцать семь, но волосы ее поседели, плечи опустились, спина сгорбилась. Ее давно покинула надежда уйти из семьи и Корабельного городка. Она единственная из детей Чунов родилась на Тайване. Когда они уезжали, Анна была маленькой, и ее воспоминания об острове были смутными, словно давний приятный сон.

Билли взглянул на размоченные овсяные лепешки и бурые

крекеры, и в горле у него встал ком: в памяти еще сохранились воспоминания о бифштексах.

— Я не голоден, — сказал он, отодвигая тарелку.

Мать заметила это движение и повернулась от телевизора — наконец она удосужилась заметить сына.

— Чем тебе не нравится еда? Почему ты не ешь? Еда великолепная.

Голос у нее был тонкий и пронзительный, с хриплыми завываниями, выдававшими кантонское происхождение. Она сумела выучить не больше десятка английских слов, и в семье по-английски не говорили.

— Я не голоден. — Он лгал, чтобы ее успокоить. — Слишком жарко. Съешь сама.

— Я никогда не выну еду изо рта у своих детей. Если не хочешь есть, близнецы съедят. — Говоря с ним, она по-прежнему смотрела на экран телевизора, и голоса, раздававшиеся оттуда, почти заглушали ее слова и сопровождались пронзительным визгом семилетних мальчиков, дравшихся из-за какой-то игрушки в углу. — Дай мне. Я откушу кусочек. Я и так отдаю почти всю еду детям.

Она положила в рот крекер и стала его быстро, по-мышиному жевать. Было маловероятно, что близнецам что-нибудь останется, поскольку мать являлась большим специалистом по поеданию крошек, объедков и остатков. Это доказывала округлость ее фигуры. Не отрываясь от экрана, она взяла с тарелки второй крекер.

У Билли к горлу подступила тошнота. Он словно в первый раз увидел тесную железную комнатушку, услышал завывания своих братьев, грохот старого телевизора, звон тарелок. Он вышел в другую комнату — больше у них не было — и захлопнул за собой тяжелую металлическую дверь. Когда-то это была своего рода холодильная камера площадью около квадратного метра, которую сейчас почти целиком занимала кровать, где спали мать и сестра. В переборке было сделано квадратное оконце, все еще сохранявшее следы автогена. Зимой его закрывали какой-нибудь железкой, но сейчас можно было облокотиться на край и увидеть за скоплением судов далекие огни на берегу Нью-Джерси. Уже стемнело, но воздух был так же горяч, как и днем.

Когда острые края металла начали врезаться в руки, Билли отошел от окна и умылся в тазике с темной водой у двери. Воды было немного, но он тщательно потер лицо и руки, пригладил как мог волосы перед крохотным зеркалом, прикрепленным к стене, а затем быстро отвернулся и нахмурился. Лицо у него было круглое и юное, а когда он расслаблялся, губы слегка изгибались, и казалось, что он улыбается. Его лицо создавало о нем совершенно неправильное впечатление. Оставшейся водой он протер босые ноги. Ну вот, хоть немного освежился. Он лег на кровать и посмотрел на фотографию отца на стене — единственное украшение комнаты.

Капитан гоминьдановской армии Чун Бейфу. Профессиональный военный, посвятивший всю свою жизнь войне, но не участвовавший ни в одном бою. Он родился в 1940 году, вырос на Тайване и был одним из солдат второго поколения потрепанной временем, стареющей армии Чан Кайши. Когда генералиссимус внезапно умер в возрасте восьмидесяти четырех лет, капитан Чун не принимал участия в дворцовых переворотах, которые привели к власти генерала Куна. А когда началось вторжение войск с континента, он находился в госпитале с тяжелой формой малярии и оставался там в течение всей семидневной войны. Он был одним из первых, кого по воздуху вывезли с покоренного острова — даже раньше его семьи.

На фотографии он выглядел суровым и воинственным, и Билли он всегда таким казался. Он покончил жизнь самоубийством в тот день, когда родились близнецы.

Словно исчезающие воспоминания, фотография тускнела в темноте, потом появилась опять, едва видимая, когда зажглась маленькая электрическая лампочка, мигавшая от скачков напряжения. Билли наблюдал, как свет совсем было потух, потом спираль опять вспыхнула ярко-красным светом и погасла. Сегодня рано отключили электричество, а может, опять что-нибудь случилось. Билли лежал в душной темноте и чувствовал, как постель под ним становилась горячей и влажной, а железная коробка так давила со всех сторон, что он уже не в силах стал это переносить. Его потные ладони нащупали дверную ручку, но, когда он вошел в другую комнату, лучше не стало. Мерцающий зеленоватый свет телевизора играл на блестящих лицах матери, сестры и братьев, превращая их в каких-то утопленников. Из телевизора раздавались топот копыт и бесконечная стрельба из шестизарядных револьверов. Мать механически нажимала на старый генератор от карманного фонарика, к которому был подключен телевизор, и тот работал даже тогда, когда отключали электричество. Билли

попытался проскользнуть мимо, но она заметила его и протянула ему генератор:

— Поработай, а то у меня рука устала.

— Мне надо выйти. Пусть этим займется Анна.

— Делай, что говорят! — взвизгнула она. — Слушайся меня! Ребенок должен слушаться матери.

Она так разозлилась, что забыла про генератор, и экран погас. И тут же хором заорали близнецы, а Анна начала их успокаивать, чем еще больше усилила всеобщую суматоху. Он не вышел, а выбежал и скатился на палубу, тяжело дыша и обливаясь потом.

Делать было нечего, пойти некуда. Со всех сторон на него давил город, наполненный людьми, детьми, шумом и жарой.

Машинально, плохо соображая, что делает, Билли добрался до берега и направился в сторону Двадцать третьей улицы. Ночью ходить по городу было далеко не безопасно. Может, заглянуть в «Вестерн-Юнион» или лучше не беспокоить их своим появлением? Он повернул на Девятую авеню, посмотрел на желто-голубую вывеску и закусил губу: оттуда вышел мальчишка и побежал с дощечкой посыльного под мышкой — значит, освободилось место на скамье. Имело смысл зайти.

Когда он вошел, его сердце подпрыгнуло от радости: скамья пустовала. Бургер поднял голову от стола — лицо его оказалось таким же рассерженным, как и днем.

— Хорошо, что ты подумал и вернулся сегодня, а то позже можно было бы уже не возвращаться. Сегодня вечером куча работы. Даже не знаю, почему. Отнеси вот это. — Он надписал адрес на конверте, заклеил его и поставил печать. — Деньги на стол! — Он хлопнул дощечкой по конторке.

Проволока никак не разматывалась, и Билли сломал ноготь, прежде чем достал деньги. Он развернул одну бумажку и положил на поцарапанный стол, крепко зажал в кулаке другую купюру, схватил дощечку и выскочил на улицу. Отойдя подальше от офиса, он остановился и прислонился к стене здания. При свете вывесок прочитал адрес:

Майкл О'Брайен
Север. Челси-парк
Запад. 28 ул.

Он знал, где это, но, хотя много раз проходил мимо этих зданий с роскошными квартирами, никогда не был внутри. Они были построены в 1976 году, после того как в результате

серии подкупов и взяток городские власти разрешили производить в районе Челси-парка частную застройку. Здания окружали каменные заборы, балконы и башенки в новофеодальном стиле: внешний вид превосходно соответствовал их функции держать основную массу людей как можно дальше от домов. Сзади находился служебный вход, тускло освещенный лампочкой в проволочном колпаке, расположенной в каменной нише над дверью. Билли нажал на кнопку.

«Этот вход закрыт до пяти ноль-ноль», — прогнусавил записанный на пленку голос прямо над головой. Билли судорожно прижал дощечку к груди. Теперь ему придется пройти к главному подъезду со всеми его фонарями, швейцарами и прочим. Он посмотрел на свои босые ноги и попытался оттереть засохшую грязь. Обычно он не обращал внимания на подобную ерунду, потому что все, с кем он встречался, выглядели примерно так же. Но здесь все обстоит по-другому. Ему не хотелось встречаться с людьми, живущими в этом здании, он уже жалел, что связался с этой работой, но все же обогнул угол и направился к залитому ярким светом главному входу.

Через небольшой ров, который совершенно высох и походил на обычную заваленную мусором сточную канаву, был переброшен мостик, похожий на те, что видел Билли на кораблях, но с заржавевшими цепями, а вел он к опускной решетке из металлических, заостренных на концах прутьев, за которой виднелось толстое стекло. Идти по этому ярко освещенному мостику все равно что направляться прямой дорогой в ад. Впереди за решеткой маячила внушительная фигура швейцара, заложившего руки за спину и не сдвинувшегося с места даже тогда, когда Билли остановился с другой стороны зарешеченного стекла. Он холодно уставился на Билли, лицо его было непроницаемым. Дверь не открывалась. Билли поднял дощечку так, чтобы стало видно написанное на ней имя. Швейцар пробежал глазами по дощечке и лениво нажал на один из декоративных завитков. Часть решетки вместе со стеклом с приглушенным вздохом отъехала в сторону.

— Вам телеграмма... — Билли чувствовал неуверенность и страх, звучащие в его голосе.

— Ньютон, на выход, — произнес швейцар и пальцем показал Билли внутрь здания.

В дальнем конце вестибюля открылась дверь и послышался хохот, смолкнувший, как только человек, вышедший оттуда,

затворил за собой дверь. Он был одет в такую же униформу, что и швейцар, — иссиня-черную с золотыми пуговицами и с красным шнурком на плечах, тогда как у первого были роскошные аксельбанты.

— В чем дело, Чарли? — спросил он.

— Мальчишка с телеграммой. Никогда не видел его раньше. — Чарли повернулся к ним спиной.

— Дощечка как дощечка, — сказал Ньютон, выхватив ее из рук Билли, прежде чем тот понял, что произошло, и пощупал тисненую эмблему «Вестерн-Юнион».

Он отдал дощечку Билли, а когда тот взял ее, быстро прощупал рубашку и шорты Билли и даже засунул руку ему между ног.

— Совершенно чистый, — сказал он, рассмеявшись, — только теперь мне надо идти мыть руки.

— Значит, так, парень, — сказал, не оборачиваясь, швейцар. — Отнеси ее наверх и быстро назад.

Охранник тоже повернулся к нему спиной и ушел, оставив Билли одного посреди вестибюля на огромном цветастом ковре, понятия не имевшего, что делать и куда идти дальше. Он бы спросил, но не мог. Презрение и превосходство этих людей совершенно его обезоружили, доведя до состояния, когда хочется единственного — куда-нибудь спрятаться. Его внимание привлекло шипение в дальнем конце помещения, и он увидел, что в основании того сооружения, которое он поначалу принял за огромный церковный орган, раздвинулись двери лифта. Лифтер посмотрел на него, и Билли пошел вперед, держа дощечку перед собой как щит.

— У меня телеграмма для мистера О'Брайена. — Его голос задрожал и исказился до неузнаваемости.

Лифтер, парень не старше Билли, выдавил из себя слабый смешок. Он был молод, но уже научился манерам, которыми должен обладать обслуживающий персонал.

— О'Брайен, 41-Е. Это на пятом этаже, если ты понятия не имеешь, как устроены многоквартирные дома. — Он стоял, преграждая вход в лифт, и Билли не знал, что делать дальше.

— Я должен... в смысле, на лифте...

— Ты же провоняешь весь пассажирский лифт. Лестница вон там.

Билли чувствовал его сердитый взгляд, пока шел по коридору, и его охватила злость. Почему они так себя ведут? То, что они работают в подобном месте, вовсе не значит, что они

здесь живут. Это было бы смешно — если б они здесь жили. Даже этот жирный швейцар. Пять этажей... Он запыхался, поднявшись до второго, а когда добрался до пятого, с него градом катил пот. Коридор тянулся в обе стороны от лестницы. Сначала он пошел не в том направлении, и пришлось возвращаться назад, когда он обнаружил, что номера убывают до нуля. Квартира 41-Е была, как и остальные, без звонка, лишь маленькая табличка на двери гласила: «О'Брайен». Когда Билли дотронулся до двери, та отворилась, и он, сначала заглянув, вошел в маленькую темную прихожую, в которой была еще одна дверь: нечто вроде средневекового переходного шлюза. Его охватила паника, когда дверь за ним захлопнулась, а прямо над головой раздался голос:

— Что вам угодно?

— Телеграмма, «Вестерн-Юнион», — сказал он и огляделся, ища в пустой комнате источник голоса.

— Покажите свою дощечку.

Тут он понял, что голос исходил из-за решетки над внутренней дверью, а рядом с ней уставился в него глазок телекамеры. Он поднял дощечку и поднес к глазку. Видимо, она удовлетворила невидимого хозяина: послышался щелчок, и дверь перед ним отворилась, выпустив на него волну прохладного воздуха.

— Дай сюда, — сказал Майкл О'Брайен.

Билли вручил ему конверт и отошел в сторону. Мужчина сломал печать и достал послание.

Ему было под шестьдесят, и он был совершенно сед, имел заметное брюшко и два ряда бриллиантов во рту. Однако у него сохранились характерные черты, говорившие о юности, проведенной в доках Вест-Сайда: шрамы на пальцах и на шее и сломанный нос, который так и не удалось выправить.

В 1966 году он был двадцатидвухлетним подонком, как он любил говорить о себе, и на уме у него не было ничего, кроме выпивки и баб. Он пару дней в неделю работал грузчиком, чтобы заработать на уик-энд. Но то, что он случайно попал в потасовку в гриль-баре «Шемрок», изменило всю его жизнь. Отлеживаясь в больнице святого Винцента (нос зажил достаточно быстро, но он в придачу сломал и челюсть, упав на пол), он долго обдумывал свою жизнь и решил что-то предпринять. О том, что он предпринял, он никогда не рассказывал, но всем было известно, что он занялся крупной политикой портовых

складов, распределением ворованных товаров и множеством других дел, о которых при нем лучше было не вспоминать. В любом случае его новые занятия приносили ему денег больше, чем работа грузчиком, и он никогда не жалел о том моменте, изменившем его жизнь.

Ростом он был под метр девяносто. На его огромное тело был накинут просторный цветастый халат, как на циркового слона. Можно было бы подумать, что он выглядит смешно, но никому не пришло бы в голову смеяться над ним. Он слишком много видел, слишком много сделал и был слишком уверен в своей силе — несмотря на то, что шевелил губами при чтении и хмурился, складывая в слова буквы телеграммы.

— Подожди, мне нужно сделать копию, — сказал он, дочитав до конца. Билли кивнул, готовый ждать сколько угодно в этой прохладной, богато обставленной комнате. — Ширли, где, черт подери, блокнот?! — закричал О'Брайен.

Из-за двери слева послышалось приглушенное бормотание, О'Брайен открыл ее и вошел в комнату. Взгляд Билли машинально последовал за ним и наткнулся на кровать с белыми простынями и лежавшую на ней женщину.

Она лежала спиной к двери, совершенно голая, рыжие волосы разметались по подушке. Кожа у нее была бледно-розовая с коричневатыми веснушками на плечах. Билли Чун стоял, не двигаясь, дыхание у него перехватило: женщина находилась в каких-то трех метрах от него. Она положила ногу на ногу, подчеркнув округлость пышных ягодиц. О'Брайен о чем-то с ней говорил, но слова доносились, словно лишенные смысла звуки. Тут она перевернулась на другой бок и увидела в дверях Билли.

Он ничего не мог сделать: ни сдвинуться с места, ни отвести взгляд. Она увидела, что он смотрит на нее.

Женщина в постели улыбнулась ему, затем подняла красивую руку, обнажив приподнявшиеся груди с розовыми сосками — и дверь захлопнулась. Видение исчезло.

Когда спустя минуту О'Брайен открыл дверь и вышел, на кровати уже никого не было.

— Ответ? — спросил Билли, забирая дощечку.

Неужели этому человеку его голос казался таким же странным, как и ему самому?

— Нет, никаких ответов, — сказал О'Брайен, открывая дверь в коридор.

Время теперь текло для Билли удивительно медленно: он отчетливо видел открывшуюся дверь, блестящий язычок замка, металлическую пластинку на двери. Почему все это важно?

— Мистер, а вы не дадите мне на чай? — спросил он, чтобы как-то потянуть время.

— Проваливай, парень, пока я не дал тебе под зад.

Билли очутился в коридоре, и после прохладной квартиры жара показалась в два раза сильнее. Точно такое же ощущение он испытал, впервые оказавшись рядом с девушкой. Билли прислонился лбом к стене.

Даже на картинках он никогда не видел такой женщины. Все те, с кем ему приходилось спать, производили совсем другое впечатление: тощие руки и ноги, такие же грязные, как у него, рваное нижнее белье...

Конечно. Единственный замок во внутренней двери связан с системой сигнализации. Но сигнализация отключена — он видел болтающиеся провода. Он узнал обо всем этом и многом другом, когда Сам-Сам был предводителем «тигров». Они пару раз вламывались в магазины, а потом Сам-Сама пристрелили легавые. Простейшая отмычка откроет эту дверь в одну секунду. Но что у него может быть общего с незнакомой красавицей? Она улыбнулась, ведь так? Может, она ждет там, когда старый хрыч отправится на работу?

Все это полная чушь, и Билли знал об этом. У них не может быть ничего общего. Но она же улыбнулась? Можно быстренько обделать дельце, пока не починили сигнализацию, ведь он разобрался в расположении квартир, если только как-то проскочить мимо этих идиотов на входе. Он тихонько спустился по лестнице, осторожно оглянулся, перед тем как выйти из-за угла, и бросился в подвал.

Нужно хватать удачу за хвост. В подвале никого не оказалось. Билли обнаружил окно, сигнализация на нем тоже была отключена. Может, весь дом такой? Может, меняют всю систему или она сломалась и ее не могут починить, но это неважно. Стекло было покрыто пылью, Билли протянул руку и нарисовал на нем сердечко, чтобы можно было узнать его снаружи.

— Долго тебя не было, парень, — сказал швейцар, когда Билли появился в вестибюле.

— Пришлось подождать, пока он сделает копию и напишет

ответ. Ничего не поделаешь, — с совершенно искренним видом соврал Билли — это было нетрудно.

Швейцар не стал смотреть на дощечку. Решетка с шипением отъехала в сторону, и Билли вышел по мостику на многолюдную, грязную и душную улицу.

Глава 3

Чуть тише гудения кондиционера раздавался постоянный звук, который ухо воспринимало, но уже не слышало, — пульсирующее грохотание города, скорее ощущаемое, чем слышимое. Ширли это нравилось, ей нравились его отдаленность и чувство безопасности, которое давали ей ночь и толстые стены. Было поздно. Светящиеся цифры на часах показывали 3.24, потом они бесшумно сменились на 3.25.

Рядом с ней на широкой кровати ворочался и бормотал что-то во сне Майк, а она лежала совершенно неподвижно, боясь его разбудить. Через минуту он успокоился, натянул простыню на плечи, дыхание его стало медленным и равномерным. Она расслабилась. Пот у нее на коже испарялся от движения воздуха, и от этого она ощущала странное удовлетворение. До прихода Майка она пару часов поспала, и этого оказалось достаточно.

Она медленно встала и пошла по комнате в потоке воздуха, омывающего ее тело. Она провела руками по телу и, коснувшись груди, поморщилась. Он чересчур груб. Завтра у нее на теле будет сплошной синяк, и придется накладывать толстый слой грима, чтобы скрыть это безобразие. Майк очень сердится, когда видит у нее синяки или еще какие-то изъяны, хотя, похоже, никогда об этом не думает, причиняя ей боль. Над кондиционером шторы чуть раздвинулись, и в комнату заглянули тьма города, редкие огни, напоминавшие глаза зверей. Она быстро задернула шторы и удостоверилась, что они больше не расходятся.

Майк издал гортанный булькающий звук, которого можно было испугаться, если к нему не привык. Но Ширли слышала его достаточно часто. Когда он вот так храпит, это означает, что он очень крепко спит. Можно принять душ, а он об этом и не узнает! Ее босые ноги бесшумно прошли по ковру, и она медленно, без щелчка закрыла за собой дверь ванной комнаты.

Наконец-то! Она включила флюоресцентное освещение и

улыбнулась, оглядывая пластмассово-мраморное убранство этого помещения и золотистые приборы, блестящие и отражающие свет. Стены были звуконепроницаемы, но если он спит не очень крепко, то может услышать, как шумит вода в трубах. Внезапно испугавшись, она встала на цыпочки, чтобы посмотреть на отметку водомера. Да, облегченно вздохнула она, Майк его не включил. При теперешних ценах на воду — неважно, сколько он наворовал, — Майк отключал воду, запирал водомер на весь день и запрещал ей принимать душ. Но сам всегда принимал душ. А ей приходилось это делать украдкой, и по счетчику он ни разу об этом не догадался.

Вода была восхитительно холодной, и Ширли стояла под душем дольше, чем собиралась. Она виновато посмотрела на счетчик. Вытершись, полотенцем стерла все до единой капли в ванне и на стенах, а потом засунула его на самое дно корзины для грязного белья, куда уж он точно не сунется. После душа она почувствовала себя чудесно. Пудрясь, она улыбалась себе в зеркало.

Тебе двадцать три, Ширли, и размер одежды у тебя не менялся с девятнадцати лет. Разве что грудь — теперь она носила лифчики побольше. Но тут все нормально, потому что мужчинам именно это и нравится. Она достала из шкафа халат и надела его. Когда она вошла в спальню, Майк по-прежнему сопел. За последние три дня он здорово измотался — вероятно, устал таскать по жаре свой вес. За год, что она жила здесь, он набрал, должно быть, килограммов восемь; судя по всему, они пошли в живот. Но, похоже, это его не беспокоило, и она пыталась этого не замечать.

Она включила телевизор и пошла на кухню что-нибудь выпить. Дорогие вина, пиво и единственная бутылка виски предназначались исключительно для Майка, но она не возражала. Ей было все равно что пить, лишь бы было вкусно. Тут была бутылка водки, и Майк делал из нее всевозможные напитки. Особенно вкусной она получалась с апельсиновым концентратом. Если добавить немного сахара...

Голова мужчины заполняла полутораметровый экран, беззвучно шевеля губами и глядя прямо на нее. Ширли запахнула халат и застегнулась. Делая это, она улыбнулась, потому что, хоть и знала, что никто на нее не смотрит, все равно было неудобно. Панель дистанционного управления была встроена в подлокотник дивана, и она, нагнувшись вместе с бокалом,

нажала на кнопку. По другому каналу показывали автомобильные гонки, по следующему — старую киноленту с Джоном Барримором, которая вся дергалась, казалась допотопной и совершенно ей не понравилась.

Она перебрала большинство каналов, пока не остановилась, как обычно, на девятнадцатом — «женском», где показывали только многосерийные фильмы, каждый из которых шел непрерывно, иногда двадцать четыре часа в сутки. Этот она раньше не видела, а когда включила наушники, поняла, почему: сериал был британский. Люди говорили со странным акцентом, а некоторые их жесты и поступки трудно было понять. Однако фильм оказался довольно интересным. Какая-то женщина только что родила, она лежала вся в поту и без всякого макияжа, а муж этой женщины сидел в тюрьме, но пришло известие, что он недавно убежал, а мужчина, являвшийся отцом ребенка — мертвенького, как обнаружили, — оказался братом ее мужа. Ширли отхлебнула из бокала и уселась поудобнее.

В шесть утра она выключила телевизор, вымыла и вытерла бокал и пошла одеваться.

Тэб начинал работать в семь, и ей хотелось сделать все покупки как можно раньше, пока не началась жара. Тихонечко, чтобы не разбудить Майка, она нашла свою одежду и пошла с ней в гостиную. Трусики, кружевной лифчик и серое платье без рукавов — оно достаточно старое и уже порядком выцвело, в нем она ходила за покупками. Никаких драгоценностей и, конечно же, никакой косметики — нет резона искать неприятности на свою голову. Она никогда не завтракала — так удобнее следить за количеством калорий, но перед уходом выпила чашку черного кофе. Пробило семь. Она проверила, на месте ли ключи и деньги, затем взяла большую хозяйственную сумку из ящика и вышла.

— Доброе утро, мисс, — поздоровался лифтер, церемонно распахивая перед ней дверь с улыбкой, обнажившей ряд не слишком хороших зубов. — Похоже, сегодня опять будет жаркий денек.

— В новостях сказали, что уже двадцать семь.

— Да раза в два занизили. — Дверь закрылась, и они понеслись вниз. — Температуру измеряют на крыше здания, могу поспорить, что на улице она намного выше.

— Вероятно, вы правы.

В вестибюле швейцар Чарли, увидев, что она выходит из лифта, проговорил что-то в скрытый микрофон.

— Снова начинается пекло, — сказал он, когда она подошла к нему.

— Доброе утро, мисс Ширли, — поприветствовал ее Тэб, выходя из комнаты охраны.

Она улыбнулась, как всегда обрадовавшись встрече с ним. Самый милый телохранитель, какого она когда-либо знала, и единственный, который никогда за ней не ухлестывал. Но он нравился ей не поэтому, а потому, что был человеком, который никогда о подобном и не подумает. Он счастливо жил с женой и тремя детьми. Она знала про Эми и сыновей; он считался прекрасным семьянином.

Он был и отличным телохранителем. Не нужно вглядываться в стальные костяшки его пальцев, чтобы понять: он сможет постоять за себя. Хотя он не был очень высок, ширина плеч и тренированные бицепсы говорили о многом.

Он взял у нее кошелек, положил в глубокий боковой карман, потом забрал хозяйственную сумку. Когда дверь отворилась, он вышел первым — хорошие манеры телохранителя. Было жарко, даже жарче, чем Ширли ожидала.

— А почему ты не говоришь о погоде, Тэб? — спросила она, прищурившись от жары на заполненной людьми улице.

— Думаю, вы о ней сегодня уже наслушались, мисс Ширли. По дороге сюда я переговорил об этом без малого с дюжиной людей.

Идя рядом с Ширли по улице, Тэб не смотрел на нее: его глаза автоматически, профессионально прочесывали улицу. Он обычно двигался медленно и говорил медленно, и это было преднамеренно, поскольку люди думают, что именно так и должен вести себя негр. Когда начинались какие-нибудь неприятности, они заканчивались очень скоро, так как он твердо верил, что в расчет идет только первый удар и, если нанести его правильно, нужды в следующих уже не будет.

— Сегодня какие-то особые покупки? — спросил он.

— Только продукты на обед, и еще мне нужно зайти к Шмидту.

— Давайте возьмем такси и сбережем ваши силы для решающей битвы.

— Да... думаю, сегодня утром я так и поступлю.

Такси было достаточно дешево, и пешком она ходила лишь

потому, что это ей нравилось, но не в такую жару. На стоянке уже стоял целый ряд велотакси, а водители сидели на корточках в тени задних сидений. Тэб подошел ко второму в очереди велотакси и придержал кузов, чтобы Ширли могла туда забраться.

— А я чем плох? — сердито спросил первый водитель.

— У тебя шина спустила, вот этим ты и плох, — спокойно ответил Тэб.

— Она не спустила, только чуть ослабла, вы не можете...

— Отвали! — прошипел Тэб и слегка приподнял сжатый кулак. Сверкнули металлические шипы. Водитель быстро вскочил в седло и, неистово крутя педали, укатил. Остальные отвернулись и ничего не сказали.

— Рынок Грамерси, — сказал Тэб второму водителю.

Таксист начал медленно крутить педали, так что Тэб успевал за ними, не переходя на бег, однако водитель все равно обливался потом. Его плечи поднимались и опускались перед носом у Ширли, и она видела ручейки пота, бегущие по шее, и даже перхоть у него в волосах. Ее всегда беспокоил такой близкий контакт с людьми. Она отвернулась и стала смотреть по сторонам.

По тротуару сновали пешеходы, по мостовой катили другие такси, обгоняя медленно едущие гужевики с тщательно закрытыми грузами. На дверях бара на углу Парк-авеню висела табличка: «Сегодня пиво в 2 часа дня», а несколько людей уже заняли очередь. Кружку пива придется ждать долго, не говоря уж о ценах этим летом. Они никогда и не были божескими, всегда говорили о подорожании зерна и еще чего-нибудь, но, когда лето случалось жарким, цены поднимались до фантастических отметок.

Таксист свернул на Лексингтон и остановился на углу Двадцать первой улицы. Ширли вылезла из велотакси и остановилась в тени здания, ожидая, пока Тэб расплатится с водителем. Уже слышались грубые голоса из-за прилавков рынка, который совершенно задушил Грамерси-парк. Она глубоко вздохнула, взяла под руку подошедшего Тэба, и они пошли через улицу.

У входа расположились прилавки с крекерами. Высоко над головой висело разноцветное печенье: коричневое, красное, голубое и зеленое.

— Три фунта зеленых, — обратилась она к человеку за прилавком, у которого всегда их покупала, затем взглянула на ценник. — Подорожали еще на десять центов!

— Сам покупаю за такую цену, мадам, для меня никакой выгоды.

Он поставил гирьки на одну чашку весов, а на другую насыпал крекеры.

— Но почему цены постоянно растут?

Она взяла с чашки ломаный крекер и положила в рот. Цвет печенья получался от водорослей, из которых его делали, и зеленое всегда казалось ей вкуснее и меньше пахло йодом, чем остальное.

— Спрос — предложение, спрос — предложение. — Он ссыпал крекеры в сумку, раскрытую перед ним Тэбом. — Чем больше людей, тем меньше всего остального. И я слышал, что траву начинают выращивать на более далеких участках. Чем дальше дорога, тем выше цена.

Он произнес эти слова о причине и следствии заученно и монотонно, словно граммофонная пластинка.

— Не знаю, как люди выкручиваются, — вздохнула Ширли, когда они отошли от прилавка, и почувствовала себя слегка виноватой, потому что с банковским счетом Майка ей не о чем было беспокоиться. Она подумала, как бы она протянула на зарплату Тэба: она знала, как мало тот получает. — Хочешь крекер? — спросила она.

— Спасибо, может, чуть попозже. — Он наблюдал за толпой и ловко отодвинул плечом мужчину с большим мешком за спиной, чуть не столкнувшимся с Ширли.

Сквозь рыночный гвалт пробивалась песня: трое мужчин бренчали на самодельных гитарах, а тоненький голосок девушки почти терялся в окружающем шуме. Когда они подошли ближе, Ширли удалось разобрать несколько слов — это был шлягер прошлого года, тот, что пели «Эль-Трубадуры»: «... на земле над ней... Ангельски чистая мысль... узнать ее, чтоб полюбить».

Слова совершенно не подходили этой девушке с впалой грудью и тощими руками. Отчего-то Ширли почувствовала себя неловко.

— Дай им несколько центов, — шепнула она Тэбу и быстро направилась к молочному ряду.

Когда Тэб подошел, она опустила в сумку пакет олеомарга-

рина и бутылочку соевого молока — Майк любил пить с ним кофе.

— Тэб, напомни мне, пожалуйста, что надо вернуть бутылки — эта уже четвертая! А с залогом в два доллара за штуку я скоро по миру пойду, если буду про это забывать.

— Если вы пойдете завтра за покупками, я вам напомню.

— Вероятно, пойду. Майк пригласил кого-то на обед, а я еще не знаю, сколько будет народу и что он хочет подать на стол.

— Рыбу, она всегда хороша, — сказал Тэб, указывая на большой бетонный бассейн с водой. — Бассейн полон.

Ширли приподнялась на цыпочки и увидела тилапий, беспокойно снующих в мутной воде.

— Лапии со Свежего Острова, — сказала продавщица. — Только сегодня ночью привезли с озера Ронконкома.

Она сунула руку в воду и вытащила извивающуюся рыбешку длиной сантиметров пятнадцать.

— А завтра они у вас будут? — спросила Ширли. — Мне нужна свежая рыба.

— Как угодно, милочка, завтра привезут еще.

Становилось жарче, а на рынке не оказалось ничего, что она еще хотела купить. Поэтому решено было перейти к следующему пункту программы.

— По-моему, сейчас нам лучше отправиться к Шмидту, — сказала Ширли, и что-то в ее голосе заставило Тэба внимательно взглянуть на нее, после чего он снова перешел к наблюдению за толпой.

— Конечно, мисс Ширли, там будет попрохладнее.

Заведение Шмидта располагалось в подвале сгоревшего целиком дома на Второй авеню. Проулок вел на задний двор, три ступеньки вниз — и вы перед толстой зеленой дверью с глазком. В тени, притулившись к стене, на корточках сидел телохранитель: к Шмидту приходили только постоянные клиенты. Приветствуя Тэба, охранник махнул рукой. Послышалось скрежетание замка, дверь открылась, и показался престарелый мужчина с длинными патлами седых волос.

— Доброе утро, судья, — сказала Ширли. Судья Сантини и О'Брайен хорошо знали друг друга, и она встречалась с ним прежде.

— А, доброе утро, Ширли. — Он отдал телохранителю маленький белый пакетик, который тот сунул в карман. — Как бы хотелось, чтобы утро было добрым, но для меня чересчур

жарко. Боюсь, сказываются года. Передай от меня привет Майку.

— Передам, судья, до свидания.

Тэб отдал Ширли кошелек, и она спустилась по ступенькам и постучала в дверь. В глазке промелькнула тень, послышался лязг металла, и дверь отворилась. Внутри было темно и прохладно. Ширли вошла.

— Ого, да это же мисс Ширли! Привет, малышка, — сказал привратник, захлопывая дверь и задвигая тяжелый засов.

Он опять влез на высокую табуретку у стены и занялся своим оружием. Ширли ничего не ответила: она всегда так поступала. Шмидт поднял голову и широко улыбнулся.

— Привет, Ширли! Зашла купить чего-нибудь вкусненького для мистера О'Брайена?

Он положил большие красные руки на прилавок; его толстое тело, облаченное в забрызганный кровью белый халат, возвышалось над ним как гора. Она кивнула, но не успела ничего сказать, как подал голос охранник:

— Покажите ей леденцы, мистер Шмидт. Могу поспорить, она пришла именно за ними.

— Не думаю, Арни, они не для Ширли.

Оба громко расхохотались, а она попыталась улыбнуться, теребя клочок бумаги, лежавший на прилавке.

— Мне нужен кусок говядины или вырезка, если, конечно, у вас есть, — сказала она, и мужчины снова расхохотались.

Они знали, что многое могут себе позволить, но никогда не переступали границ дозволенного. Им было известно о ее взаимоотношениях с Майком, но они никогда не делали и не говорили чего-то такого, что могло вызвать гнев Майка. Однажды Ширли попробовала рассказать ему об этом, но он посмеялся над одной из их шуток и сказал, что они просто дурачатся и ей не следует ожидать светских манер от мясников.

— Посмотрите-ка на это, Ширли. — Шмидт щелчком открыл дверь холодильника, стоящего у стены, и вытащил небольшую кость. — Великолепная собачья ножка, мясистая, да и жирная.

На вид она была недурна, но Ширли знала, что наверняка есть еще на что взглянуть.

— Очень миленькая, но вы же знаете, что мистер О'Брайен любит говядину.

— С каждым днем все труднее, Ширли. — Хозяин полез

глубже в холодильник. — Разборки с поставщиками, скачки цен, сама знаешь, каково. Но мистер О'Брайен является моим покупателем уже десять лет, и, пока могу, я стараюсь, чтобы ему кое-что перепадало. Ну как?

Он вылез из холодильника, ногой закрыл дверь и показал небольшой кусок мяса с тонкой полоской жира с краю.

— На вид очень недурен.

— Чуть больше половины фунта, хватит?

— В самый раз.

Он снял мясо с весов и начал заворачивать его.

— Этот кусочек разорит вас всего на двадцать семь девяносто.

— Неужели?.. Это намного дороже, чем в прошлый раз.

Майк вечно ругался, что она тратит очень много на еду, словно она отвечала за цены, однако требовал, чтобы на столе всегда было мясо.

— Ничего не поделаешь, Ширли. Но если ты меня поцелуешь, я сброшу девяносто центов. Может, даже подарю тебе еще кусочек мяса.

И они с охранником дико захохотали. Но, как сказал Майк, это была просто шутка, и она молча достала деньги из кошелька.

— Вот, мистер Шмидт, двадцать... двадцать пять... двадцать восемь.

Она достала из кошелька крохотную пластинку, написала на ней цену и положила рядом с деньгами. Шмидт взглянул на пластинку и нацарапал голубым мелком, которым всегда пользовался, снизу букву «Ш». Если Майк будет ругаться, она покажет ему это — правда, такое почти никогда не помогало.

— Десять центов сдачи, — улыбнулся Шмидт и покатил монету к ней по прилавку. — Увидимся, Ширли! — крикнул он, когда она забрала пакет и направилась к дверям.

— Да, очень скоро, — сказал охранник, открывая дверь ровно настолько, чтобы она могла проскользнуть.

Когда она проходила мимо, он быстро провел рукой по ее спине и ягодицам, обтянутым узким платьем. Дверь захлопнулась, хохот оборвался.

— Теперь домой? — спросил Тэб, забирая пакет.

— Да... думаю, тоже на такси.

Он посмотрел на нее, хотел что-то сказать, но передумал.

— Вон такси, — сказал он и повел ее по улице.

Сев в велотакси, она облегченно вздохнула; они, конечно, жлобы и вели себя сегодня, как обычно, зато ей не нужно ходить туда до следующей недели. И, как сказал Майк, не следует ожидать светских манер от мясников. Черт с ними, и с их грязными шуточками, и с анекдотами на уровне начальной школы! Здесь у них бывает хорошее мясо, не то что у других. Она приготовит Майку бифштекс, пожарит в жиру овсяные лепешки, и все будет хорошо. Тэб помог ей вылезти из велотакси и взял сумку.

— Поднять наверх?

— Пожалуй... и заберешь пустые бутылки из-под молока. В комнате охраны есть какое-нибудь местечко, где их можно оставить до завтра?

— Нет проблем. У Чарли есть шкафчик, мы оба им пользуемся. Я могу оставить их там.

В вестибюле было намного прохладнее, чем на улица. На лифте они поднимались молча. Ширли рылась в кошельке, ища ключ. Тэб пошел по коридору впереди и открыл наружную дверь, но внезапно остановился, и она едва не налетела на него.

— Подождите, пожалуйста, секунду, мисс Ширли, — сказал он, понизив голос, и бесшумно поставил хозяйственную сумку у стены.

— А что?.. — начала она, но он приложил палец к ее губам и указал на внутреннюю дверь.

Она была приоткрыта, а в дереве было выдолблено отверстие. Ширли не поняла, в чем дело, но что-то произошло. Тэб пригнулся, выставив вперед кулак с кастетом, открыл дверь и вошел.

Отсутствовал он недолго, но когда вернулся, то шел очень прямо, а лицо его ничего не выражало.

— Мисс Ширли, — сказал он, — мне бы не хотелось, чтобы вы туда заходили, но думаю, будет лучше, если вы все-таки заглянете в спальню.

Она испугалась, поняв, что произошло что-то ужасное, но послушно последовала за ним через гостиную в спальню...

Ей показалось очень странным, что вот она стоит тут, ничего не делает и слышит крик, пока не поняла, что это ее собственный голос, что это она и кричит.

Глава 4

Пока было темно. Билли Чун совершенно извелся от безделья. Он забился в угол, прислонившись к холодной стене подвала, и несколько раз почти засыпал. Но, когда в окне забрезжил рассвет, его вдруг охватил страх. А если его здесь найдут? Ночью все казалось легким и отлично спланированным. Как те делишки, которые обделывали «тигры». Накануне он купил старую стальную ось и за десять центов заточил конец.

Залезть в ров, окружавший здание, было проще простого, лишь бы никто не заметил. И Билли был уверен, что за ним никто не наблюдает, когда ломиком открыл окно в подвал. Нет, если бы его увидели, то уже давно бы схватили. А вдруг при дневном свете заметят следы от ломика на оконной раме? При этой мысли он вздрогнул и внезапно ощутил, как громко стучит сердце. Он заставил себя покинуть темный угол и медленно пробрался вдоль стены до окна. Он попытался что-нибудь увидеть сквозь покрытое пылью стекло. Перед тем как закрыть за собой окно, он затер грязью царапины, оставленные фомкой, — но достаточно ли этого? Единственным прозрачным местом на стекле было нарисованное сердечко, и Билли посмотрел в него. Царапины были едва видны, и он успокоился. Потом снова забрался в свой угол, но через несколько минут страх вернулся, еще более сильный, чем прежде.

В окно бил солнечный свет — когда же его обнаружат? Если кто-нибудь войдет, то сразу увидит его. Небольшая груда старых, покрытых паутиной дощечек, за которой он прятался, не скрывала его полностью. Дрожа от страха, Билли прижался к бетонной стене, да так сильно, что неровная, шероховатая поверхность впилась ему в кожу сквозь рубаху.

Интересно, который теперь час? Каждое мгновение казалось Билли бесконечным, и в то же время он чувствовал себя так, будто провел в этом подвале всю жизнь. Один раз за дверью послышались шаги, но прошли мимо. В течение нескольких секунд Билли дрожал и обливался потом. Он ненавидел себя за свою слабость, однако ничего не мог поделать. Его нервные пальцы расчесывали старую болячку на бедре до тех пор, пока он ее не содрал и не потекла кровь. Билли прижал к ране рваный носовой платок.

Покинуть подвал оказалось труднее, чем оставаться в нем. Нужно было выждать, пока жильцы уйдут на работу. Еще один приступ страха. Ждать пришлось долго. Наконец он решил,

что безопаснее будет выйти. Засунув ломик за пояс шорт, он как мог отряхнулся от пыли и взялся за ручку двери.

Из дальней части подвала послышались голоса и стук молотка, но по пути к лестнице Билли никого не встретил. Поднявшись до третьего этажа, он вдруг услышал быстрые шаги — кто-то спускался. Он бросился вниз по лестнице и спрятался в коридоре. Это было последнее препятствие на пути к пятому этажу — и через минуту Билли стоял перед дверью с золотыми буквами «О'Брайен».

— Интересно, она все еще дома? — прошептал он и улыбнулся. — Сплошные неприятности, ты ведь потребуешь денег, — добавил он хриплым голосом. Он вдруг отчетливо вспомнил округлые груди, приподнявшиеся, когда она обернулась.

Когда наружная дверь открылась, в квартире раздался какой-то сигнал, как и в прошлый раз. Отлично, нужно убедиться, что внутри никого нет, прежде чем попытаться туда проникнуть. Прежде чем нервы у него сдали окончательно, он быстро вошел, затворил за собой дверь и прислонился к ней спиной.

В квартире кто-то мог быть. Он почувствовал, как при этой мысли на лбу выступил пот, и посмотрел на объектив телекамеры. Если она меня спросит, я скажу что-нибудь насчет «Вестерн-Юниона», насчет телеграммы. Стены крохотной пустой прихожей давили на него, и он переминался с ноги на ногу, ожидая треска в репродукторе.

Но все по-прежнему было тихо. Он попытался определить, когда пройдет минута, сосчитал до шестидесяти, решил, что считал слишком быстро, и сосчитал еще раз.

— Здравствуйте, — сказал он и на случай, если камера не работает, постучал в дверь, сначала очень робко, а потом громче, по мере того как росла его уверенность в себе. — Никого нет дома? — спросил он, доставая ломик и засовывая заточенный конец между косяком и дверью на уровне ручки. Крепко взявшись за ломик обеими руками, он нажал. Послышался легкий треск, и дверь распахнулась. Билли на цыпочках вошел в квартиру, в любой момент готовый повернуться и убежать.

В квартире было прохладно, темно и тихо. Впереди, в конце длинного коридора, он увидел комнату с телевизором. Справа находилась закрытая дверь спальни, а за ней кровать, на которой она тогда лежала. Может, она и сейчас там спит, он войдет и не будет ее сразу будить, но... он вздрогнул. Переложив ломик в левую руку, он медленно отворил дверь.

Смятые простыни, пустая кровать... Билли прошел мимо кровати, не глядя на нее. На что он надеялся? Что она его ждет? Он выругался и выдвинул ящик большого шкафа. В нем было полно тонкого нижнего белья, бело-розового и мягкого на ощупь. Он вывалил все содержимое на пол.

Один за другим он обследовал все ящики, выкинул из них все, отложив в сторону только то, что можно было толкнуть на блошином рынке. Внезапно раздался какой-то стук. Билли застыл на месте, охваченный страхом. И тут понял, что это гудит в водопроводных трубах за стеной. Он облегченно вздохнул, к нему вернулось самообладание, и тут он заметил на столике шкатулку с драгоценностями.

Билли открыл ее и долго рассматривал булавки и браслеты, гадая, не поддельные ли они и сколько за них можно получить. Внезапно дверь ванной комнаты открылась, и в спальню вошел Майкл О'Брайен.

В первое мгновение он не заметил Билли и остановился как вкопанный, глядя на разломанный шкаф и разбросанное белье. На нем был халат, а голова обмотана полотенцем. Затем он увидел Билли, замершего от ужаса, и сбросил полотенце с мокрой головы.

— Подонок! — заревел Майкл. — Что, черт подери, ты тут делаешь?

Он надвигался на Билли как гора, его огромное лицо, распаренное после душа, теперь еще больше покраснело от гнева. Он был головы на две выше Билли и необычайно силен, и он мог просто сломать мальчишку пополам как спичку.

Майкл вытянул вперед обе руки, и Билли ощутил спиной стену. Ломик был у него в правой руке, и в панике он начал им неистово размахивать. И не сразу понял, что произошло, когда Майкл упал у его ног, не издав ни звука. Раздался лишь стук падения тяжелого тела на пол.

Глаза Майкла О'Брайена были широко открыты, почти выпучены, но они ничего не видели. Ломик попал ему прямо в висок, острый конец проломил тонкую кость и достиг мозга. Смерть была мгновенной. Крови было очень мало: ломик остался в ране.

Билли удалось покинуть здание незамеченным. Он бежал в панике, ничего не видя перед собой. На лестнице он никого не встретил и в мгновение ока оказался у служебного входа.

В этот день въезжали новые жильцы, и по крайней мере дюжина мужчин, одетых в такую же рвань, как и он, таскала мебель. Привратник наблюдал за входящими, но не обратил внимания, как Билли вышел на улицу следом за двумя грузчиками.

Билли почти достиг порта, когда вспомнил, что, убегая, оставил все вещи в квартире. Он прислонился к стене, затем медленно сполз на землю, тяжело дыша и утирая пот, застилавший глаза. Его как будто никто не преследовал — значит, он убежал. Но он убил человека — ни за что. И, несмотря на жару, Билли задрожал, хватая ртом воздух. Ни за что... ни про что.

Глава 5

— Вот как? Вы хотите, чтобы мы все бросили и помчались к вам, да? — Гневный вопрос лейтенанта Грассиоли потерял некоторую долю своего воздействия, поскольку под конец он громко рыгнул. Он достал из верхнего ящика стола баночку с белыми таблетками, вытряхнул две штуки на ладонь и посмотрел на них с отвращением. — Что там случилось? — Он кинул таблетки в рот и стал их пережевывать.

— Не знаю, мне не сказали. — Человек в черной форме стоял подчеркнуто по стойке «смирно», но в его словах сквозила легкая неучтивость. — Я просто посыльный, сэр, мне велели пойти в ближайший полицейский участок и передать следующее: «Произошли неприятности. Сейчас же вышлите детектива».

— Вы там, в Челси-парке, думаете, что можете приказывать управлению полиции? — Посыльный не ответил, поскольку они оба знали ответ на этот вопрос — «да», и лучше было промолчать. В этих домах жило множество важных особ. Лейтенант поморщился от острой боли в желудке. — Пришлите сюда Раша! — крикнул он.

Энди появился через несколько секунд.

— Слушаю, сэр.

— Чем ты занимаешься?

— У меня есть подозрение, что фальшивые чеки пустил в ход тот обойщик из Бруклина. Я собираюсь...

— Брось его к чертям собачьим. Вот сообщение, и я хочу, чтобы ты им занялся.

— Не знаю, смогу ли...

— Если я сказал, значит, сможешь. Это мой участок, а не

твой, Раш. Отправляйся с этим человеком и, когда вернешься, доложишь лично мне. — На этот раз лейтенант рыгнул потише, словно поставил точку.

— У вашего лейтенанта крутой нрав, — сказал посыльный, когда они вышли на улицу.

— Заткнись! — рявкнул Энди, не глядя на человека.

Энди сегодня опять плохо спал, да и усталость давала себя знать. А жара продолжалась. Когда они вышли из тени экспресс-линии и направились на запад, солнце пекло невыносимо. Энди сощурился от яркого света и почувствовал, как головная боль впивается в виски. Посреди тротуара был навален какой-то мусор, и Энди сердито отпихнул его ногой. Они завернули за угол и вновь оказались в тени. Стены многоквартирного дома с амбразурами и башенками поднимались над ними словно утес.

Проходя по мостику через ров, Энди забыл о головной боли: он лишь раз был внутри этого здания, да и то только в вестибюле. Дверь отворилась еще до того, как они подошли к ней, и швейцар отступил в сторону, пропуская пришедших.

— Полиция, — сказал Энди, показывая бляху швейцару. — Что случилось?

Толстяк не ответил. Дождавшись, когда посыльный уйдет, он облизнул губы и прошептал:

— Кошмарное происшествие. — Он пытался казаться удрученным, но глаза у него сверкали от возбуждения. — Убийство... кого-то убили.

На Энди это не произвело особого впечатления: в Нью-Йорке ежедневно происходило в среднем семь убийств, а в выходные и все десять.

— Давайте посмотрим, — сказал он и пошел за швейцаром к лифту.

— Вот здесь, — сказал швейцар, открывая наружную дверь квартиры 41-Е. Прямо в лицо Энди хлынула освежающая волна прохладного воздуха.

— Все, — сказал он разочарованному швейцару, — теперь я всем буду заниматься один.

Он вошел внутрь и сразу же заметил следы от фомки на внутренней двери, заглянул за нее и увидел в конце длинного коридора двух человек, сидевших в креслах у стены. У ближайшего кресла стояла полная хозяйственная сумка.

Выражения лиц с неподвижными округлившимися глаза-

ми у обоих были очень похожи. Девушка была весьма привлекательная, с великолепными длинными рыжими волосами и нежной розоватой кожей. Мужчина быстро поднялся, и Энди увидел, что это огромный негр-телохранитель.

— Я — детектив Раш с двенадцатого участка.

— Меня зовут Тэб Филдинг, а это мисс Грин — она здесь живет. Мы недавно вернулись с рынка, и я увидел следы от фомки на двери. Я вошел один. — Он ткнул большим пальцем в соседнюю закрытую дверь. — И там нашел его. Мистера О'Брайена. Мисс Грин вошла через минуту и тоже увидела его. Я осмотрел всю квартиру, но никого не обнаружил. Мисс Ширли... мисс Грин оставалась здесь, в коридоре, пока я ходил вызывать полицию. С тех пор мы все время находимся здесь. Внутри мы ничего не трогали.

Энди взглянул на негра и решил, что тот говорит правду. Это легко проверить, допросив швейцара и лифтера. И все же нет смысла рисковать.

— Войдите туда, пожалуйста, вместе со мной.

— Я не хочу, — быстро сказала девушка, и ее пальцы вцепились в подлокотники. — Я не хочу больше видеть его таким.

— Извините. Но боюсь, я не смогу оставить вас здесь одну.

Она не стала спорить, медленно поднялась и расправила складки на сером платье. Очень миловидная девушка, подумал Энди. Телохранитель открыл дверь, и Энди вслед за ними вошел в спальню. Отвернувшись к стене, девушка быстро прошла в ванную и закрыла за собой дверь.

— С ней все будет в порядке, — сказал Тэб, заметив, что детектив обеспокоенно взглянул ей вслед. — Она достаточно крепкая девчонка, но вы не можете винить ее за то, что она не хочет смотреть на мистера О'Брайена.

Энди взглянул на тело. Он видел и кое-что похуже. Майкл О'Брайен производил в смерти такое же сильное впечатление, как и в жизни: лежащий на спине с раскинутыми руками и ногами, рот широко раскрыт, глаза выпучены. Из виска торчал железный прут, и тонкая струйка крови стекала по шее на пол. Энди наклонился и дотронулся до обнаженной руки: она была очень холодная. Он встал и посмотрел на дверь ванной.

— Она слышит? — спросил он.

— Нет, сэр. Стены звуконепроницаемы, как и во всей квартире.

— Вы сказали, что она здесь живет. Что это значит?

— Она... подруга мистера О'Брайена. Она к этому совершенно непричастна, для этого у нее не было никакой причины. Он был для нее крекером с маргарином... — Плечи негра опустились. — Для меня тоже. Теперь нам придется искать другую работенку. — И он ушел в себя, безрадостно размышляя о внезапно омрачившемся будущем.

Энди посмотрел на разбросанную одежду и разоренный шкаф.

— Может, они подрались до того, как она вышла сегодня утром? Она могла сделать это тогда.

— Только не мисс Ширли! — Тэб сжал кулаки. — Она не такой человек. Когда я сказал, что она крепкая, я имел в виду, что ее не так просто раздавить. Понимаете, она уживается в этом мире. Она не могла это сделать. Я ждал в вестибюле, и она спустилась такая же, как всегда. Приветливая и счастливая, она не могла бы вести себя так, если б появилась сразу после вот этого. — Он раздраженно указал на труп, лежавший между ними.

Энди подумал и согласился с телохранителем. Миловидной пташке вроде этой не нужно кого-либо убивать. То, что она делает, она делает не за так, и, если мужик доставляет ей слишком много неприятностей, она просто уходит и находит себе кого-нибудь другого с деньгами. Без всяких убийств.

— А как в отношении тебя, Тэб? Не ты ли вырубил старика?

— Я? — Негр удивился, но не рассердился. — Я сегодня даже не поднимался сюда утром, вот вернулся вместе с мисс Ширли и нашел его. — Он гордо выпрямился. — Я — телохранитель. По контракту я его должен защищать. Я не нарушаю контрактов. А когда я кого-нибудь убиваю, то не вот так... так вообще не убивают.

С каждой минутой в этой комнате с кондиционером Энди чувствовал себя все лучше. Тело овевала приятная прохлада, и головная боль почти прошла. Он улыбнулся.

— Не для протокола — по правде говоря, я с тобой согласен. Но не цитируй меня, пока я не составлю рапорт. Все выглядит как кража со взломом. О'Брайен наткнулся на того, кто сюда залез, и получил этой железякой по голове. — Он опять посмотрел на труп. — Кто он такой?.. Чем занимался? О'Брайен — совершенно заурядная фамилия.

— Он занимался бизнесом, — решительно сказал Тэб.

— Вы говорите мне не все, Филдинг. Не валяйте дурака.

Тэб взглянул на закрытую дверь ванной и пожал плечами.

— Я не знаю точно, что он делал. И у меня достаточно мозгов, чтобы не беспокоиться об этом. Он имел какое-то отношение к рэкету, к политике тоже. Я знаю, что сюда к нему приходило множество шишек из муниципалитета...

Энди щелкнул пальцами.

— О'Брайен... а это не Большой Майк О'Брайен?

— Его так называли.

— Большой Майк... тогда потеря небольшая. В сущности, мы могли бы потерять еще несколько человек вроде него и не горевали бы особо.

— Ничего об этом не знаю. — Тэб смотрел прямо перед собой, на лице никакого выражения.

— Расслабься. Ты больше на него не работаешь. Твой контракт расторгнут.

— Мне заплатили до конца месяца. Я закончу свою работу.

— Она закончилась в тот самый момент, когда этот мужик оказался на ковре. Думаю, тебе лучше позаботиться о девушке.

— Я и собираюсь этим заняться. — Он посмотрел на детектива. — Ей придется нелегко.

— Она переживет, — спокойно ответил Энди. Он достал блокнот и ручку. — Теперь я побеседую с ней, мой рапорт должен быть исчерпывающим. Не выходи из квартиры, пока я не поговорю с ней и с обслуживающим персоналом. Если их рассказы совпадут с твоим, не будет никакой причины тебя задерживать.

Подойдя к телу, Энди достал полиэтиленовый мешочек и надел его на ломик, затем осторожно вытащил оружие из черепа. Оно вышло достаточно легко, и из раны вытекла тоненькая струйка крови. Он запечатал мешочек, взял с кровати наволочку и завернул в нее вещественное доказательство. Теперь ему не придется шататься по улицам с окровавленным ломиком... и, если удастся, он оставит эту наволочку себе. Он накрыл тело простыней, затем постучал в дверь ванной.

Ширли чуть приоткрыла дверь и выглянула.

— Мне нужно с вами поговорить, — сказал он и вспомнил о теле у себя за спиной. — У вас еще есть комната?

— Гостиная. Сейчас я вам покажу.

Она открыла дверь и вышла из ванной, опять пройдя вдоль стены и не глядя на пол. Тэб сидел в коридоре и молча взглянул на них, когда они проходили в гостиную.

— Устраивайтесь поудобнее, — сказала Ширли. — Я через минуту вернусь. — И она вышла на кухню.

Энди сел на необыкновенно мягкий диван и положил на колено блокнот. В окне гудел еще один кондиционер, а благодаря шторам от потолка до пола было очень уютно. В комнате стоял огромный телевизор. На стенах висели картины, похожие на подлинники, на полках стояли книги. В комнате также находился обеденный стол и стулья из красного дерева. Все выглядело очень мило.

— Хотите выпить? — крикнула из кухни Ширли, показав высокий стакан. — Это водка.

— Спасибо, я на службе. Немного холодной воды, если можно.

Она принесла на подносе два стакана, но его стакан не подала ему, а поставила на подлокотник дивана. Когда она опустила стакан, тот не упал, опровергая закон притяжения. Энди потянул его к себе и оторвал от подлокотника с некоторым усилием. В стекло были вделаны металлические кольца, а под обивкой дивана наверняка спрятаны магниты. Очень удобно. Почему-то это вызвало у него раздражение, и, сделав глоток, он поставил стакан на пол у ног.

— Я хотел бы задать вам несколько вопросов, — сказал он, ставя галочку в блокноте. — Во сколько вы сегодня утром вышли из квартиры?

— Ровно в семь часов, когда Тэб заступил на службу. Я хотела сделать некоторые покупки до того, как станет слишком жарко.

— Вы заперли за собой дверь?

— Она защелкивается автоматически. Ее нельзя оставить открытой, если только не вставить что-нибудь.

— О'Брайен был жив, когда вы уходили?

Она сердито посмотрела на него.

— Конечно! Он спал, храпел. Вы думаете, что его убила я?

Ярость на ее лице сменилась болью, когда она вспомнила, кто лежит на полу в соседней комнате. Ширли сделала большой глоток из стакана.

В дверях послышался голос Тэба:

— Когда я дотронулся до тела мистера О'Брайена, оно было еще теплым. Тот, кто его убил, должно быть, сделал это незадолго до нашего прихода...

— Сядьте и больше не входите, — резко сказал Энди, не поворачивая головы.

Он отхлебнул ледяной воды и удивился, чего это он так возбужден. Какая разница, кто убрал Большого Майка? Он же на службе. Все говорит о том, что это сделала девушка. Мотив? Он пристально посмотрел на нее, она поймала его взгляд и опустила глаза, поправляя на коленях платье.

— То, что думаю я, роли не играет, — сказал он, но эти слова его не удовлетворили. — Послушайте, мисс Грин. Я лишь полицейский, выполняющий свои обязанности. Расскажите мне все, что знаете, чтобы я мог составить протокол. Лично я не думаю, что вы как-то причастны к убийству. Но я все равно должен задать несколько вопросов.

Он вдруг увидел улыбку на лице Ширли, и она ему понравилась. Нос у нее сморщился, и на лице появилась широкая дружеская усмешка. Она смышленая девчонка, и она будет жить, о да, будет жить с кем угодно, у кого есть деньги. Он посмотрел в блокнот и провел жирную линию под словами «Большой Майк».

Когда Энди ушел, Тэб закрыл за ним дверь и некоторое время постоял около нее, прислушиваясь. Войдя в гостиную, он встал так, чтобы видеть коридор и входную дверь.

— Мисс Ширли, вы должны кое-что знать.

Она пила уже третий стакан, но алкоголь, похоже, совершенно на нее не действовал.

— Что? — устало спросила она.

— Я не пытаюсь влезать в личные дела, и я ничего не знаю о завещании мистера О'Брайена...

— Можешь быть спокоен. Я его видела — все переходит к его сестре. Я в нем не упомянута... как и ты.

— Я думал не о себе, — сказал он холодно, и его лицо внезапно напряглось.

Она тут же пожалела о своих словах.

— Ну, пожалуйста, не сердись. Я не это хотела сказать. Я поступила... не знаю... как сволочь. Все произошло так внезапно. Не сердись на меня, Тэб... пожалуйста...

— Я так и понял, что вы поступили немного как сволочь. — Он улыбнулся и полез в карман. — Я предполагал, что так и будет. Я не обвиняю мистера О'Брайена — он же мой хозяин. Но он обращался с деньгами осторожно. Не разбрасывал их налево и направо — я это имею в виду. Перед тем как пришел

детектив, я заглянул в бумажник мистера О'Брайена. Он лежал у него в пиджаке. Я оставил там несколько долларов, а остальное забрал. Вот. — Он протянул ей пачку денег. — Они ваши, ваши по праву.

— Я не смогла бы...

— Вы должны. Наступают суровые времена, Ширли. Вам они понадобятся больше, чем его семье. Они никуда не записаны. Они по праву ваши.

Он положил деньги на край стола, и она посмотрела на них.

— Думаю, да. У этой самой его сестры и так достаточно всего. Но нам лучше их разделить...

— Нет, — спокойно сказал он как раз в тот момент, когда сигнал возвестил о том, что кто-то открыл наружную дверь.

— Управление здравоохранения, — произнес чей-то голос, и Тэб увидел на экране двух человек в белой форме. Они держали носилки. Он пошел открывать дверь.

Глава 6

— Ты надолго, Чарли?

— Это мое дело... Ты будешь здесь до тех пор, пока я не вернусь, — пробурчал швейцар и с головы до ног окинул охранника в форме взглядом, как ему хотелось думать, профессионального военного. — В мое время золотые пуговицы выглядели получше.

— Бог с тобой, Чарли, ты же знаешь, что это всего лишь пластмасса. Вся позолота слезет, если их потереть.

В довольно свободной иерархии персонала Челси-парка Чарли являлся бесспорным лидером. Суть была не в размере жалованья — это, вероятно, была самая маленькая часть его дохода, — а в месте работы и ее характере. Он видел жильцов чаще всех, и это преимущество использовал как мог. Его связи вне этих зданий были огромны, и он мог достать все, в чем нуждались жильцы — за определенную плату. Все жильцы его любили и ласково называли Чарли. Весь персонал его ненавидел, и он никогда не слышал, как его называли.

Квартира в подвале досталась Чарли вместе с работой. Жилуправление было бы слегка удивлено, узнав о усовершенствованиях, сделанных там. Допотопные кондиционеры визжали, стучали, но понижали температуру по крайней мере градусов на десять. Там же находилась выкинутая два десятилетия тому назад на свалку и отреставрированная мебель, покрашенная во всевозможные цвета, а вдоль стен стояло множество запертых шкафчиков. В них хранилось значительное количество продуктов в пакетиках и напитков в бутылочках, до которых сам Чарли не дотрагивался, а перепродавал жильцам. К улучшениям относилось и отсутствие водомера и электрического счетчика. Жилуправление, не подозревая ни о чем, финансировало эти основные расходы Чарли.

Для того чтобы открыть дверь, нужны были два ключа, и они оба висели у Чарли на цепочке у пояса. Он вошел и аккуратно повесил форменную куртку в шкаф, затем надел чистую, но латаную-перелатаную спортивную рубашку. На двуспальной кровати спал новый мальчишка-лифтер, и швейцар стукнул по ножке кровати ботинком сорок пятого размера.

— Вставай. Тебе через час работать.

Неохотно, еще полусонный, парень вылез из-под простыни, голый и тощий, почесывая ребра. Чарли улыбнулся приятным воспоминаниям о минувшей ночи и слегка шлепнул мальчишку по плоской ягодице.

— У тебя все будет в порядке, малыш, — сказал он. — Только заботься о старом Чарли, а Чарли позаботится о тебе.

— Конечно, мистер Чарли, конечно, — сказал мальчишка, стараясь, чтобы его голос звучал искренне.

Все это было для него в новинку и не очень ему нравилось, но это давало работу. Он робко улыбнулся.

— Ладно, — сказал Чарли и вновь шлепнул мальчишку, на этот раз достаточно сильно: на белой коже остался красный след. — Только, уходя, всегда проверяй, закрыта ли дверь, и на работе держи язык за зубами.

И Чарли вышел.

На улице было намного жарче, чем он думал, и он, свистнув, остановил велотакси. Утреннего заработка хватило бы на дюжину такси. Два пустых велотакси подъехали к нему одновременно, и он отпустил одного из них, потому что тот был слишком низкорослый и худощавый. Чарли торопился, а весил он целый центнер.

— Эмпайр Стейт Билдинг, вход с Тридцать четвертой улицы! И поторопись!

— В такую-то погоду? — проворчал водитель, нажимая на

педали и приводя скрипящий экипаж в движение. — Вы хотите моей смерти, генерал?

— Умирай, если хочешь. Это меня не волнует. Я заплачу тебе доллар.

— Может, вы хотите, чтобы я умер голодной смертью? За доллар можно доехать не дальше Пятой авеню.

Большую часть дороги они торговались о цене, петляя по запруженным людьми улицам и пытаясь перекричать непрестанный шум города — звуки, к которым оба настолько привыкли, что даже их не замечали.

Из-за нехватки электроэнергии и запчастей в Эмпайр Стейт Билдинге работал только один лифт, да и тот поднимался только до двадцать пятого этажа. Дальше пришлось идти пешком. Чарли прошел два марша и кивнул телохранителю, сидевшему рядом с лестницей. Он бывал здесь раньше, и этот человек его знал, как и три других охранника, этажом выше. Один из них отпер перед ним дверь.

С седыми волосами до плеч судья Сантини сильно напоминал ветхозаветного пророка. Но, когда он открывал рот, сходство пропадало.

— Чушь собачья, вот что это такое, чушь! Я отдаю целое состояние за муку, чтобы получилась нормальная кастрюля макарон, и во что ты это, черт подери, превращаешь?

Он с отвращением оттолкнул от себя тарелку со спагетти и большой салфеткой, заткнутой за воротничок рубашки, вытер губы.

— Извини, лучше не смогла! — заорала в ответ жена. Она была маленькая, смуглая, к тому же лет на двадцать моложе его. — Если тебе нужен человек, чтобы вручную делать для тебя спагетти, тебе нужно было жениться на какой-нибудь «контадине» из Италии с кривыми ногами и усами. Я же родилась здесь, в этом городе, на Малбери-стрит, как и ты, и про спагетти знаю только то, что ты покупаешь их в бакалейной лавке...

Резкий звонок телефона вклинился в ее слова и заставил замолчать. Оба разом посмотрели на аппарат на столе, потом женщина повернулась и поспешно вышла из комнаты, плотно закрыв за собой дверь. В эти дни телефонных звонков было немного, но, когда звонили, это всегда было очень важно и касалось дел, о которых она и слышать не желала. Роза Сантини получала наслаждение от всей той роскоши, которую

предоставляла ей жизнь, а то, что она ничего не знала о работе мужа, ее абсолютно не тревожило.

Судья Сантини встал, еще раз вытер рот и положил салфетку на стол. Он не торопился: не то чтобы ему не позволял возраст, а просто он не любил суетиться. Он сел за письменный стол, вынул блокнот и ручку и только тогда взял трубку. Это был старинный аппарат с треснувшей трубкой, обвязанной изолентой, его провод протерся и разлохматился.

— Сантини слушает. — Пока он слушал, глаза у него расширялись все больше и больше. — Майк... Большой Майк... Боже!

После этого он сказал немного: какие-то «да» и «нет», а когда повесил трубку, руки у него тряслись.

— Большой Майк, — сказал лейтенант Грассиоли, улыбаясь; даже очередное обострение язвы не угнетало его, как обычно. — Кто-то хорошо поработал. — На столе перед ним лежала запачканная кровью фомка, и он с восхищением смотрел на нее, как на произведение искусства. — Кто это сделал?

— Похоже, что это была кража со взломом, которая плохо закончилась, — ответил Энди.

Он читал записи в блокноте, быстро суммируя все относящиеся к делу подробности. Когда он закончил, Грассиоли хмыкнул и указал на покрытые специальным порошком отпечатки пальцев на конце ломика.

— Как насчет этого? Отпечатки хорошие?

— Очень отчетливые, лейтенант. Большой и еще три пальца правой руки.

— Есть шансы, что телохранитель или девушка убрали старого ублюдка?

— Я бы сказал: один из тысячи, сэр. Вообще никаких мотивов — он их обоих кормил. И они, похоже, действительно удручены — не его смертью, а тем, что потеряли продуктовые карточки.

Грассиоли положил фомку обратно в мешок и передал через стол Энди.

— Хорошо. На следующей неделе мы отправляем посыльного в бюро криминалистики, так что пошлем туда и эти отпечатки, а с ними коротенький рапорт. Умести отчет на обороте перфокарты — еще только десятое число, а у нас уже почти кончился весь запас бумаги на месяц. Надо бы взять отпечат-

ки у этой пташки и у телохранителя... да черт с ними, нет времени. Заведи дело и забудь о нем, возвращайся к своей работе.

Когда Энди делал отметки у себя в блокноте, зазвонил телефон. Трубку взял лейтенант. Энди не прислушивался к разговору и уже пошел к двери, когда Грассиоли прикрыл трубку ладонью и рявкнул:

— Раш, назад!

Затем он опять переключился на разговор по телефону:

— Да, сэр, все в порядке. Нет никаких сомнений, что это кража со взломом. Убийца пользовался фомкой. Заостренный металлический пруток. — Он напряженно слушал, и его лицо медленно покрывалось краской. — Нет, сэр, мы не могли. Что еще мы могли сделать? Да, все выполнено в соответствии с инструкциями. Нет, сэр. Прямо сейчас, сэр. У меня есть кому этим заняться, сэр.

— Сукин сын, — сказал лейтенант, положив трубку. — Ты паршиво сделал это дело, Раш. Возвращайся к нему и посмотри, можно ли это как-нибудь исправить. Выясни, как убийца выбрался из здания, — если это действительно кража со взломом. Возьми отпечатки пальцев у двоих подозреваемых. Отправь посыльного с отпечатками в бюро криминалистики, пусть проверят. Мне нужно досье на убийцу, если он у них зарегистрирован. Шевелись.

— Я и не знал, что у Большого Майка были друзья.

— Друзья или враги — один черт. Но кое-кто давит на нас, требуя результатов. Поэтому обернись как можно скорее.

— В одиночку, лейтенант?

Грассиоли жевал кончик ручки.

— Нет, рапорт мне нужен как можно быстрее. Возьми Кулозика.

Он рыгнул, болезненно поморщился и полез в стол за таблетками.

Пальцы у детектива Кулозика были короткие и толстые, с виду неловкие, но на самом деле очень проворные. Он схватил большой палец правой руки Ширли и крепко прижал его к глянцевой белой пластинке, оставив отчетливый, несмазанный отпечаток в квадратике с пометкой «П 1». Затем один за другим он прижимал ее пальцы к пропитанной чернилами подушечке, а потом к пластинке, пока все квадратики не заполнились.

— Могу ли я узнать ваше имя, мисс?

— Ширли Грин. — Она тупо уставилась на испачканные чернилами кончики пальцев. — Теперь я преступница, на меня заведут досье?

— Ничего подобного, мисс Грин. — Кулозик аккуратно печатными буквами написал ее имя толстым жировым карандашом в нижней части пластинки. — Эти отпечатки будут использованы лишь для сопоставления. Могу ли я узнать дату вашего рождения?

— 12 октября 1977 года.

— Думаю, это все, что нам сейчас нужно. — Он положил пластинку в пластмассовую коробочку вместе с подушечкой.

Ширли пошла мыть руки, а Стив складывал свои принадлежности, когда раздался сигнал у входной двери.

— Взял у нее отпечатки? — спросил, входя, Энди.

— Все уже сделано.

— Замечательно. Тогда осталось заполучить отпечатки пальцев телохранителя. Он ждет внизу, в вестибюле. А я нашел окно в подвале, которое, по-видимому, взломали. Его тоже надо проверить на предмет отпечатков. Лифтер тебе покажет, где оно находится.

— Уже иду, — сказал Стив, закидывая сумку на плечо.

Когда Стив удалился, в комнату вошла Ширли.

— У нас есть зацепка, мисс Грин, — сказал ей Энди. — Я нашел окно в подвале, которое было взломано. Если найдутся отпечатки пальцев на стекле или раме и они совпадут с отпечатками на фомке, то станет ясно, как убийца попал в здание. И мы сравним отпечатки на фомке с отпечатками на двери. Вы не будете возражать, если я сяду?

— Что вы, — сказала она. — Конечно, садитесь.

Кресло было мягкое, а бормотание кондиционера делало комнату островком уюта в потоке жары. Он откинулся на спинку, и часть напряжения и усталости улетучилась. Раздался сигнал у входной двери.

— Извините, — сказала Ширли и пошла открывать.

В коридоре послышались приглушенные голоса, но он не обращал на них внимания, листая странички своего блокнота. Пластиковое покрытие на одной из них покоробилось, и буквы потускнели, он еще раз обвел их ручкой, нажимая как можно сильнее.

— Выметайся отсюда, грязная шлюха!

Слова были выкрикнуты хриплым, визгливым голосом, словно ногтем провели по стеклу. Энди встал с кресла и засунул блокнот в карман.

— Что там происходит? — спросил он.

В комнату вошли Ширли, раскрасневшаяся и злая, а за ней худая седая женщина. Увидев Энди, женщина остановилась и указала на него трясущимся пальцем.

— Мой брат умер и еще не похоронен, а эта тварь уже связалась с другим мужиком...

— Я офицер полиции, — сказал Энди, показывая свою бляху. — А вы кто такая?

Она выпрямилась, но это не прибавило ей роста: у нее были покатые плечи и впалая грудь. Костлявые руки торчали из рукавов заношенного, какого-то грязного цвета платья. Ее лицо, блестящее от пота, было серым — кожа типичного горожанина-фотофоба; единственный оттенок ему, похоже, придавала уличная пыль. Когда она говорила, губы ее превращались в узкую щель, выкидывавшую слова, словно детали из-под пресса, а затем плотно закрывались, чтобы, не дай Бог, не выдать на одну деталь больше, чем нужно. Водянистые голубые глаза светились злобой.

— Я Мэри Хеггерти, сестра бедного Майка и единственная его родственница. Я пришла, чтобы заняться вещами Майка. Как сказал мне адвокат, по завещанию Майк все оставил мне, и я должна заняться наследством. Этой шлюхе нужно убраться отсюда, она и так с него достаточно поимела...

— Минутку, — прервал Энди поток ее слов, и рот у нее захлопнулся. Она тяжело и быстро дышала расширившимися ноздрями. — Ни до чего в этой квартире нельзя дотрагиваться и ничего нельзя брать без разрешения полиции, так что вам не стоит волноваться о вашем имуществе.

— Вы только при ней это не говорите! — взвизгнула она и повернулась к Ширли. — Она украдет и продаст все, что не приколочено. Мой добрый брат...

— Ваш добрый брат! — заорала Ширли. — Вы всеми своими кишками его ненавидели, и он ненавидел вас, и вы никогда и близко не подходили к этому дому, пока он был жив.

— Заткнитесь! — Энди встал между двумя женщинами и повернулся к Мэри Хеггерти. — Вы можете идти. Полиция даст вам знать, когда можно будет забрать вещи из этой квартиры.

Она была поражена.

— Но... вы не имеете права. Нельзя оставлять здесь эту шлюху одну.

Терпению Энди пришел конец.

— Следите за своим языком, миссис Хеггерти. Вы уже достаточно воспользовались этим словом. Не забывайте, чем ваш брат зарабатывал себе на жизнь.

Лицо у нее побелело, и она отступила на шаг назад.

— Мой брат занимался бизнесом, он бизнесмен, — тихо сказала она.

— Ваш брат занимался рэкетом и нелегальной индустрией развлечений. А это, кроме всего прочего, подразумевает и девочек.

Когда злоба оставила ее, она вновь сгорбилась, стала тощей и костлявой. Единственной округлой частью тела у нее был живот, раздувшийся от многолетнего плохого питания и вынашивания многочисленных детей.

— Уходите, — сказал Энди. — Мы свяжемся с вами.

Женщина повернулась и ушла, не сказав больше ни единого слова. Он пожалел о том, что сорвался и сказал больше чем нужно, но сказанного не вернешь.

— Вы что имели в виду, когда говорили про Майка? — спросила Ширли после того, как дверь захлопнулась.

В простом белом платье, с волосами, заколотыми сзади, она казалась очень юной, невинной, несмотря на ярлык, который прилепила к ней Мэри Хеггерти.

— Как давно вы знаете О'Брайена? — спросил Энди.

— Около года, но он никогда не говорил о своих делах. А я никогда не спрашивала и всегда думала, что они имеют какое-то отношение к политике. К нам вечно приходили судьи и политики.

Энди достал блокнот.

— Мне бы хотелось узнать имена гостей, людей, с которыми он встречался в течение последней недели.

— Вы задаете вопросы... но вы не ответили на мой. — Ширли улыбнулась, но он знал, что она вполне серьезна. Она села в кресло и положила руки на колени — ну прямо школьница.

— Я не могу ответить на него подробно, — сказал он. — Я многого не знаю о Большом Майке. В целом я могу сказать вам совершенно определенно, что он являлся своего рода посредником между синдикатом и политиками. Вы бы назвали

это административным уровнем. И по крайней мере тридцать лет прошло с тех пор, как он в последний раз предстал перед судом или находился за решеткой.

— Вы имеете в виду... он сидел в тюрьме?

— Да, я проверял, на него имеется уголовное досье и пара обвинений. Но в последнее время — ничего. Ловят и сажают только всякую мелочь. Если вы вращаетесь в кругу Майка, полиция вас не трогает. По сути, они вам помогают... вот как с этим расследованием.

— Не понимаю...

— Послушайте. В Нью-Йорке ежедневно происходит пять, может, десять убийств, пара сотен преступных нападений, двадцать-тридцать изнасилований, по крайней мере сто краж со взломом. Полиции не хватает людей, она чересчур загружена. У нас нет времени заниматься каждым нераскрытым делом. Если кого-то убивают и есть свидетели — о'кей. Мы выезжаем и хватаем убийцу — дело закрыто. Но в подобном деле, честно говоря, мисс Грин, мы даже не пытаемся что-либо предпринять. Если у нас нет отпечатков пальцев и досье на убийцу... А скорее всего их у нас нет. В этом городе миллионы подонков живут на пособие и хотят, чтобы у них была какая-никакая еда, телевизор и выпивка. Поэтому они делают попытку что-нибудь украсть, авось получится. Мы ловим некоторых из них и отправляем в рабочие бригады вырубать леса под пахотные земли. Но большая часть смывается. Порой происходит несчастный случай, когда кто-нибудь появляется там, где они обделывают свое дельце, обчищают квартиру или магазин. Если взломщик вооружен, возможно убийство. Понимаете, совершенно случайное; девяносто девять шансов из ста, что нечто подобное произошло с Майком О'Брайеном. Я снял свидетельские показания, написал рапорт — и дело должно было заглохнуть. Так бы и случилось, если бы не было еще кое-кого. Но, как я сказал, Большой Майк имел множество контактов в политической сфере, и кто-то из этих кругов оказывает давление на нас, чтобы было проведено более полное расследование. Вот почему я здесь. В общем я рассказал вам больше чем нужно, и вы окажете мне большую любезность, если обо всем этом забудете.

— Нет, я никому не расскажу. А что будет дальше?

— Я задам вам еще несколько вопросов, уйду отсюда, напишу рапорт — и на этом все кончится. На меня навалена куча всякой работы, и управление уже и так уделило этому расследованию больше времени, чем могло себе позволить.

— Вы не собираетесь ловить человека, который это сделал? — изумилась Ширли.

— Если отпечатки пальцев есть в досье, мы могли бы это сделать. Если нет — у нас нет ни малейшего шанса. Мы не будем даже пытаться. Оставим в стороне вопрос нехватки времени. Кто бы ни пришил Майка, он сослужил добрую службу обществу.

— Это ужасно!

— Да? Возможно.

Он раскрыл блокнот и дальше продолжал вполне официально. С вопросами было покончено, когда вернулся Кулозик с отпечатками пальцев с подвального окна, и они вместе покинули здание. После прохладного помещения улица окатила их жаром, словно открытая топка печи.

Глава 7

Уже перевалило за полночь. Темное небо за широким окном не могло сравниться по насыщенности цвета с полированным деревом длинного трапезного стола. Стол этот когда-то, много веков тому назад, находился в монастыре, уже давно разрушенном, и был очень ценным, как и все остальное убранство комнаты: буфет, картины, люстра с хрустальными подвесками. У одного конца стола сидели шестеро мужчин. Их финансовые дела обстояли отлично. Двое из них курили сигары, а самая дешевая сигара, которую можно было купить, стоила по крайней мере десять долларов.

— Пожалуйста, покороче, судья, — сказал мужчина, сидевший во главе стола. — Время поджимает, и нам нужны только результаты.

Если кто-то и знал его настоящее имя, то старался его не упоминать. Сейчас его звали мистером Бригзом, и он являлся тут самым главным.

— Конечно, мистер Бригз, это будет достаточно просто сделать, — сказал судья Сантини и нервно откашлялся в кулак.

Ему всегда не нравились эти совещания в Эмпайр Стейт Билдинге. Будучи судьей, он не должен был слишком часто видеться с этими людьми. Кроме того, приходилось подниматься чересчур высоко, а ему следовало думать о своем «мо-

торе». Особенно в такую погоду. Он отхлебнул воды из стакана и сдвинул очки на нос, чтобы удобнее было читать.

— Вот основные моменты. Большой Майк был убит мгновенно ударом в висок, произведенным заточенным металлическим прутом, который также использовался при взламывании двери. Отпечатки на взломанном подвальном окне совпадают с отпечатками на двери, и те и другие соответствуют отпечаткам на фомке. Пока они считаются отпечатками неизвестного человека и не совпадают ни с одними отпечатками из досье бюро криминалистики, а также с отпечатками подруги О'Брайена и его телохранителя, которые обнаружили тело.

— Кто, по мнению детектива, это сделал? — раздался голос из облачка сигарного дыма.

— Официальная точка зрения, э... скажем, смерть вследствие несчастного случая. Они думают, что кто-то влез в квартиру с целью грабежа, случайно наткнулся на Майка, и в результате тот был убит.

Два человека начали было задавать вопросы, но мгновенно умолкли, когда заговорил Бригз. У него были тоскливые, серьезные глаза гончей, а сходство увеличивали припухшие нижние веки и отвислые щеки. Когда он говорил, массивный подбородок двигался из стороны в сторону.

— Что вынесли из квартиры?

Сантини пожал плечами.

— Насколько они могут определить, ничего. Девушка заявляет, что ничего не пропало, а она-то уж наверняка знает. Комната перевернута вверх дном, но, очевидно, взломщика вспугнули до того, как он закончил свое дело, и он в панике бежал. Такое бывает.

Бригз обдумал эту информацию, но больше вопросов задавать не стал. Другие о чем-то спросили, и Сантини рассказал им то, что было известно. Бригз поразмышлял немного и, подняв палец, заставил всех замолчать.

— Похоже, что это случайное убийство, для нас оно не имеет никакого значения. Нам нужен кто-то, способный принять на себя всю работу Майка... Что такое, судья? — спросил он, недовольный тем, что его перебили.

Сантини обливался потом. Ему хотелось, чтобы все быстрее кончилось и он смог пойти домой. Был уже час ночи, и он устал. В такое время он обычно уже спал. Но был один факт, о котором он должен был упомянуть. Факт мог быть важным, и,

если он выплывет позднее, получится, что он знал о нем и ничего не сказал... Лучше расправиться с этим сейчас.

— Мне следует рассказать вам еще об одной вещи. Возможно, это что-нибудь значит, возможно, нет. Но я чувствую, что у нас должна быть вся информация, прежде чем мы...

— Давайте, судья, — холодно сказал Бригз.

— Да, конечно. Это знак, обнаруженный на окне. Надо сказать, что все окна в подвале покрыты изнутри толстым слоем пыли и до других окон никто не дотрагивался. Но на взломанном окне, через которое предполагаемый убийца попал в здание, нарисован рисунок. Сердце.

— Что это, черт возьми, должно означать? — проворчал один из присутствующих.

— Для вас, Шлактер, ничего, поскольку вы американец немецкого происхождения. Я не могу дать гарантии, что это что-нибудь означает; не исключено, что это просто совпадение, полная бессмыслица. Но следует отметить, что по-итальянски «сердце» — «слоге».

Атмосфера в комнате мгновенно изменилась. Мужчины отлепились от спинок кресел и подались вперед. Бригз не пошевелился, но глаза у него сузились.

— Куоре, — медленно произнес он. — Не думал, что у него хватит духу появиться в городе.

— У него и так в Ньюарке все есть. Он раз попробовал сунуться сюда и здорово погорел, больше он этого не сделает.

— Может быть. Но я слышал, он совершенно выжил из ума. Сидит на ЛСД. Он мог сделать все что угодно...

Бригз кашлянул, и все притихли.

— Нам придется это выяснить, — сказал он. — Либо Куоре пытается внедриться на нашу территорию, либо кто-то пытается устроить заварушку, чтобы подозрение пало на него, — в любом случае нам нужно в этом разобраться. Судья, проследите, чтобы полиция продолжала расследование.

Сантини улыбнулся и крепко сцепил пальцы под столом.

— Я не говорю «нет», что вы, не говорю, что этого нельзя сделать. Я сказал, что это будет крайне трудно. У полиции чересчур короткие руки, у них нет людей для проведения полномасштабного расследования. Если я попытаюсь нажать на них, они захотят узнать, почему. У меня должно быть несколько подходящих ответов. Я могу сделать так, чтобы этим занимались несколько человек, могу сделать несколько звон-

ков, но не думаю, что нашего давления будет достаточно, чтобы их раскачать.

— Вашего влияния недостаточно, судья, — сказал Бригз очень тихо. Руки у Сантини начали трястись. — Но я никогда никого не прошу совершать невозможное. Я позабочусь обо всем сам. Есть пара людей, которых я могу лично попросить о помощи. Я хочу знать, что происходит.

Глава 8

В открытое окно врывались жара и вонь, звуки города, многоголосый рев, поднимавшийся и спадавший с упорством морских волн, накатывающихся на берег, бесконечное грохотание. Внезапно на этом шумовом фоне раздались звуки бьющегося стекла и скрежет металла. Голоса возвысились до крика, и в тот же момент послышался пронзительный вопль.

— Что? Что?.. — пробормотал Соломон Кан, ворочаясь в постели и протирая глаза.

Подонки, они никогда не заткнутся, никогда не дадут хоть немножко вздремнуть. Он встал и зашагал к окну, но ничего не увидел. Крики продолжались. Что случилось? Рухнула еще одна пожарная лестница? Такое происходит достаточно часто, даже по телевизору показывают, особенно если это сопровождается какой-нибудь ужасной сценой. Нет, вероятно, нет, просто мальчишки бьют стекла или еще что-нибудь в этом роде. Солнце скрылось за домами, но воздух по-прежнему был жарким и вонючим.

— Паршивая погода, — проворчал он и пошел к раковине.

Даже доски пола обжигали босые ступни. Он плеснул в лицо пригоршню воды, затем включил телевизор на канале станции «Мьюзик тайм». Комната наполнилась ритмами джаза, внизу экрана светились маленькие цифры 18.47. Почти семь, Энди сегодня работает целый день, а это означает, что он должен вернуться около шести, хотя они никогда не уходят со службы вовремя. Во всяком случае, пора чего-нибудь перекусить.

— Армия дала мне прекрасную специальность авиационного механика всего за пятнадцать штук, — сказал он, похлопывая рукой по плите. — Самое прекрасное вложение капитала, которое они когда-либо делали.

Плита ожила вместе с газовой горелкой, которую он перестроил на газ из баллонов, когда закрыли газовые магистрали, а потом установил электронагревательный элемент, когда все баллоны закончились. К этому времени подача электричества стала крайне неустойчивой и к тому же электричество стоило очень дорого, чтобы готовить пищу, и он установил бак со съемными форсунками, куда заливалась любая горючая жидкость. Бак работал вполне удовлетворительно уже много лет на керосине, метаноле, ацетоне и множестве других горючих, артачась лишь при заправке его авиационным бензином — он выкидывал струю пламени в метр длиной и опалил всю стену, пока Соломон его не приручил. Его последнее усовершенствование было самым простым. Он вырезал отверстие в задней стенке плиты и вывел на улицу дымовую трубу через еще одно отверстие, пробитое в кирпичной стене. Когда в плите загоралось твердое горючее, отверстие в изоляции над ним выпускало тепло наружу.

— Даже зола воняет рыбой, — посетовал он, выгребая пепел, оставшийся с прошлого дня. Он выкинул его за окно и был удовлетворен, когда этажом ниже выразили недовольство.

— Не нравится? — закричал он в ответ. — Тогда велите своим паршивым детям не включать телевизор на полную мощь по ночам, может, тогда я прекращу высыпать пепел вам на голову.

Это его развеселило, и он стал насвистывать сюиту из балета «Щелкунчик», зазвучавшую по телевизору вслед за безымянной джазовой композицией. Но внезапно раздался треск, и звук пропал. Соломон, ругаясь себе под нос, подбежал к телевизору и ударил по нему кулаком. Это не произвело никакого воздействия. Треск продолжался, и он с неохотой выключил телевизор. Наклонившись, чтобы разжечь плиту, он все еще матерился.

Положив на решетку три маслянистых серых брикета морского угля, он взял с полки зажигалку «Зиппо» на батарейках. Хорошая зажигалка, когда же она куплена? Должно быть, лет пятьдесят назад. Конечно, большую часть деталей с тех пор пришлось заменить: таких зажигалок уже не выпускали. Зажигалок больше вообще не выпускали. Морской уголь загорелся слабым голубоватым пламенем. Он вонял рыбой, как и его руки. Соломон вымыл их. Эту штуку, видимо, делали из отходов целлюлозы спиртового завода, высушивали и вымачивали в планктоновом масле, чтобы горела. Ходил слух, что

ее на самом деле производят из сушеных и спрессованных рыбьих кишок на рыбокомбинате, и он предпочитал такое толкование официальной версии, неважно, верно оно было или нет.

Его миниатюрный огород в ящике на подоконнике находился в отличном состоянии. Он надергал шалфея и полыни и разложил на столе для сушки. Затем приподнял полиэтилен, чтобы посмотреть, как растет лук. Он рос превосходно, и скоро его уже можно будет есть. Он насмешливо посмотрел в зеркало на свою бороду.

— Нужно подровнять, Сол, — сказал он своему отражению. — Но уже темно, так что придется подождать до утра. Все же никому не повредит, если расчесать ее перед тем, как одеться к ужину.

Он несколько раз провел расческой по бороде, затем отложил расческу и пошел искать в шкафу шорты. Они начали свою жизнь много лет тому назад в качестве армейских штанов, но с тех пор неоднократно подрезались и подшивались, пока у них не осталось никакого сходства с изначальной моделью. Едва Сол их натянул, как в дверь постучали.

— Да? — крикнул он. — Кто там?

— «Альковер Электроника», — прозвучал приглушенный ответ.

— Я уж думал, что вы там все подохли или ваше заведение сгорело, — сказал Сол, распахивая дверь. — Не прошло и двух недель, как вы обещали, что быстренько сделаете мой телевизор, и я заплатил заранее.

— Быстро только электроны двигаются, — спокойно ответил высокий мастер, кидая сумку с инструментами размером с чемодан на стол. — В вашем древнем ящике одна лампа давно развакуумировалась. Так что я могу поделать? Таких ламп больше не делают, а если б и делали, я все равно не мог бы ее купить — существует очередь. — Пока он говорил, руки его уже занялись делом: он перетащил телевизор на стол и начал отвинчивать заднюю крышку. — Как мне починить этот ящик? Мне приходится ходить к спекулянтам на Гринвич-стрит и проводить там пару часов, выискивая то, что нужно. Мне не удалось раздобыть лампу, и я купил пару транзисторов, которые выполнят ту же функцию. Могу сказать вам, это было нелегко сделать.

— Сердце кровью обливается, — сказал Сол, с подозрением наблюдая, как мастер снимает заднюю крышку и вынимает лампу.

— Развакуумировалась, — сказал мастер, пристально посмотрев на лампу, перед тем как бросить ее в сумку. Он достал прямоугольную пластиковую полоску, к которой были прикреплены какие-то маленькие детальки, и начал припаивать ее. — Это паллиатив, — сказал он. — Приходится потрошить старые ящики, чтобы работали еще более старые. Даже припой приходится изготовлять самому. Хорошо еще, что в округе, наверное, пара миллиардов ящиков, а у большинства последних моделей твердые контуры. — Он включил телевизор, и комнату наполнили звуки музыки. — За работу четыре доллара.

— Мошенник! — воскликнул Сол. — Я уже заплатил вам тридцать пять долларов...

— Это за детали, работа — отдельно. Если вы хотите иметь в жизни некоторые маленькие удобства, будьте готовы за них платить.

— Я заказывал только ремонт, — сказал Сол, протягивая деньги, — без всякой философии. Вы жулик.

— Я предпочитаю именовать себя электронщиком-грабителем, — ответил мастер, пряча купюры в карман. — Если вы хотите взглянуть на жуликов, приходите посмотреть, сколько я плачу радиоспекулянтам. — Он повесил сумку на плечо и ушел.

Было почти восемь часов. Через несколько минут после того, как ушел мастер, в замке повернулся ключ, и вошел Энди, усталый и разгоряченный.

— Ты еле тащишь свою задницу, — сказал Сол.

— Ты был бы еще хуже, если б у тебя выдался такой денек, как у меня. Что, свет не можешь включить? Ни черта не видно. — Он добрел до кресла у окна и рухнул в него.

Сол включил маленькую электролампочку, висевшую в центре комнаты, и пошел к холодильнику.

— Сегодня вечером никаких «Гибсонов». Вермут выдается в ограниченных количествах, пока я не наделаю еще. У меня есть кориандр, фиалковый корень и все остальное, но нужно еще высушить полынь. Без нее получается совсем не то. — Он достал из холодильника покрытый изморозью графин и закрыл дверцу. — Но я поставил охлаждаться воду и приправил ее спиртом, чтобы не чувствовалось вкуса воды. Это также помогает от нервов.

— Довели! — Энди отхлебнул воды и состроил недовольную физиономию. — Извини, что на тебя наезжаю, но у меня был чертовски тяжелый день, а завтра будет еще круче. — Он принюхался. — Что это у тебя на плите?

— Опыты по экономичному ведению домашнего хозяйства — вне зависимости от карточек и пособий. Ты, может, не замечаешь, но наш бюджет трещит по швам со времени последнего подорожания. — Сол открыл канистру и показал Энди коричневые гранулы. — Это новый чудесный ингредиент, поставляемый нашим благодетельным правительством и называемый «энер-Г» — откуда такое ужасно остроумное название? Он содержит витамины, минеральные соли, белки, углеводы...

— Все, кроме нормального вкуса?

— Примерно так. Я добавляю его в овсяные лепешки. Сомневаюсь, что будет хуже, поскольку уже сейчас я их начинаю ненавидеть. Этот «энер-Г» — новое чудо науки — производится из китового планктона.

— Из чего?

— Я знаю, что ты никогда не держал в руках ни одной книги, но ты же смотришь телевизор. Об этом была часовая программа. Конверсия атомных подводных лодок, плавающих повсюду, как киты, и собирающих планктон — таких микроскопических морских тварей, которыми, к твоему превеликому удивлению, питаются огромные киты. Те трое, что еще живы. Самая маленькая форма жизни поддерживает самую большую — в этом есть своя мораль. Так или иначе, планктон всасывается, просеивается, вода выплевывается наружу, а планктон спрессовывается в маленькие брикеты и складывается в подлодке, пока она не загружается под завязку. Тогда она возвращается в порт и разгружается. Потом из этих брикетов получают «энер-Г».

— О Боже! Могу поспорить, у него вкус рыбы.

— Пари не принимается, — вздохнул Сол и начал раскладывать овсяные лепешки по тарелкам.

Ели молча. Овсяные лепешки с «энер-Г» были не так плохи, как они подозревали, но все равно ничего хорошего. Покончив с ними, Сол прополоскал рот смесью воды со спиртом.

— Что ты там говорил о работе? — спросил он. — Тебя заставляют работать в две смены?

Энди подошел к окну. Теперь, когда солнце село, во влажном горячем воздухе появилось какое-то движение.

— У меня особое задание. Помнишь то убийство, о котором я тебе рассказывал?

— Большой Майк, этот воришка? Тот, кто прикончил его, оказал большую услугу роду человеческому.

— Я думаю то же самое. Но у него есть друзья в политических сферах, которые интересуются этим делом больше, чем мы. У них есть связи, они потянули за ниточку, и комиссар вызвал лейтенанта и велел ему поставить одного человека на это расследование и найти убийцу. Рапорт был подписан мной, поэтому назначили меня. А Грасси — о, это великолепный подонок — сказал мне об этом перед самым уходом. Он выдал мне задание и многозначительно намекнул, что им нужно заняться сегодня же вечером. То есть сейчас, — сказал Энди, вставая и потягиваясь.

— Здорово, не правда ли? — спросил Сол, поглаживая бороду. — Полная независимость, сам себе начальник, работаешь, когда хочешь, увенчан славой.

— Я ничем не буду увенчан, если не дам ответ очень быстро. Все следят за этим и оказывают давление. Грасси сказал, что мне придется найти убийцу как можно скорее или я пойду в форме патрулировать Корабельный городок.

Энди зашел к себе в комнату и открыл замок на нижнем ящике шкафа. Тут у него лежали две запасные обоймы, кое-какие личные бумаги и вещи, включая карманный фонарик. Он работал от нажима руки и ослепительно загорелся, когда Энди его проверил.

— Куда теперь? — спросил Сол, когда Энди вышел. — Собираешься посетить ночной притон?

— Хорошо, что ты не полицейский, Сол. С твоими знаниями в криминалистике преступность в городе разрослась бы буйным цветом...

— Она и так процветает, без моей помощи.

— ...И нас бы всех поубивали прямо в кроватях. Нет, не в притон. Я собираюсь поговорить с девушкой.

— Дело принимает интересный оборот. Позволительно ли мне спросить, с какой девушкой?

— С девчонкой по имени Ширли. Фигурка что надо. Она была подружкой Большого Майка, жила с ним, но, когда его кокнули, ее в квартире не было.

— Может, тебе нужен помощник? По ночам я работаю очень хорошо.

— Остынь, Сол, ты бы не знал, что делать, когда бы дошло до дела. Она играет не в нашей лиге. Сходи на горшок и ложись спать.

С помощью фонарика Энди благополучно избежал всех мусорных завалов на лестнице, погруженной в темноту. На улице были все те же толпы людей и жара. Они не зависели от времени суток и наполняли улицы и днем, и ночью. Хотелось дождя, который смыл бы все это, но прогноз погоды не оставлял никаких надежд. «Без перемен».

Чарли открыл дверь с вежливым приветствием. Энди пошел было к лифту, но передумал и направился к лестнице. Ему хотелось взглянуть на окно и подвал после наступления темноты, увидеть все таким, каким оно было, когда появился взломщик. Если только он проник в здание здесь. Теперь, когда ему был поручен розыск убийцы, приходилось вдаваться во все подробности дела, пытаться воссоздать последовательность событий. Можно ли пробраться снаружи через окно, чтобы тебя не заметили? Если нет, значит, убил кто-то из местных и нужно будет проверять весь персонал и всех жильцов дома.

Он остановился и вынул пистолет. Впереди, в полуоткрытой двери подвала мелькнул луч карманного фонарика. Это было именно то помещение, где взломали окно. Он медленно пошел вперед, осторожно ступая по грязному бетонному полу, стараясь не произвести ни звука. Войдя, он увидел, что кто-то стоит у дальней стены и водит лучом по окнам. В желтом круге света вырисовалась темная фигура. Луч перешел на другое окно и остановился на сердечке, нарисованном по пыли. Человек нагнулся к окну. Он был настолько увлечен своими исследованиями, что не услышал, как сзади к нему подошел Энди.

— Не двигаться, я вооружен, — сказал Энди, ткнув дулом пистолета человека в спину.

Фонарик у него выпал и разбился. Энди выругался, достал свой фонарик и нажал. Луч света ударил прямо в лицо человеку — рот открыт от страха, лицо белое, под стать длинным седым волосам. Мужчина прислонился к стене, глотая воздух. Энди убрал пистолет в кобуру и подхватил человека под руку, потому что тот стал медленно сползать по стене на пол.

— Шок... так внезапно... — бормотал он. — Вы не должны были... Кто вы такой?

— Я офицер полиции. Как ваша фамилия? И что вы здесь делаете? — Энди быстро его обыскал: человек был не вооружен.

— Я... на гражданской службе... вот мое удостоверение... — Он трясущимися руками достал бумажник.

Энди взял удостоверение и раскрыл.

— Судья Сантини, — сказал он, переводя луч фонарика с удостоверения на лицо человека. — Да, я видел вас в суде. Но не странно ли судье оказаться в подобном месте?

— Пожалуйста, не дерзите, молодой человек. — Первая реакция прошла, и Сантини вновь владел собой. — Я считаю себя человеком, хорошо знающим законы этого независимого государства, и я не могу припомнить ни одного закона, применимого к данной ситуации. Я предполагаю, что вы превышаете свои полномочия...

— Проводится расследование убийства, а вы, возможно, занимались подделыванием вещественных доказательств, судья. Этого достаточно, чтобы вас арестовать.

Сантини быстро заморгал в ярком луче фонарика.

— Вы детектив Раш? — спросил он.

— Да, — с удивлением ответил Энди. Он опустил фонарик, чтобы тот не светил прямо в лицо судье. — Что вы обо всем этом знаете?

— Я расскажу тебе все, мой мальчик, если ты позволишь мне подняться с пола и мы найдем более уютное место для нашей беседы. Почему бы нам не зайти к Ширли? Ты наверняка знаком с мисс Грин. Скоро здесь станет совсем холодно, а раз уж я пришел, я буду счастлив рассказать тебе все, что знаю.

— Почему бы нет, — сказал Энди, помогая старику подняться.

Судья не собирался убегать, кроме того, у него могли быть какие-то официальные связи, имеющие отношение к делу. Иначе откуда бы он знал, что Энди — тот самый детектив, которому поручено заниматься расследованием? Все это выглядело скорее как дело политиков, а не полиции.

Из подвала они поехали вверх на лифте, и хмурый взгляд Энди быстро стер любопытство с лица лифтера. Судье, похоже, стало лучше, но он по-прежнему опирался на руку Энди.

Дверь открыла Ширли.

— Судья... вам плохо? — спросила она, широко раскрыв глаза.

— Ничего, моя милая, просто жара, усталость. Я не становлюсь моложе. — Он выпрямился, отлично скрыв усилия, которые для этого требовались, и, отойдя от Энди, пожал ей руку. — Я повстречал детектива Раша, и он был так любезен, что поднялся со мной. Если мне позволят подойти к кондиционеру, чтоб вдохнуть глоток холодного воздуха, и разрешат секундочку отдохнуть...

Они направились по коридору, Энди последовал за ними.

Девушка выглядела потрясающе: одета, будто в телевизионной постановке. Платье было сшито из ткани, блестевшей так, словно было соткано из серебряных нитей, и в то же время казалось очень мягким. Оно было без рукавов, с большим вырезом спереди и еще более глубоким сзади — почти до талии. Волосы ниспадали на плечи красновато-коричневой волной. Пока она вела судью до дивана, он тоже краем глаза смотрел на нее.

— Мы не потревожили вас, Ширли? — спросил судья. — Вы в вечернем платье. Куда-нибудь собираетесь?

— Нет, — сказала она. — Я сижу одна дома. Если хотите правду... я просто создаю себе моральное состояние. Я никогда прежде не носила это платье. Какая-то новая ткань, думаю, нейлон с металлизированной нитью. — Она взбила подушку и подложила под голову судье. — Сделать вам чего-нибудь холодненького? Вам тоже, мистер Раш?

Казалось, что она только сейчас обратила на него внимание. Он молча кивнул.

— Чудесное предложение, — вздохнул судья и откинулся назад. — Если можно, чего-нибудь покрепче.

— О, да... в баре есть все что угодно. Я это не пью.

Когда она вышла на кухню, Энди подсел поближе к Сантини и заговорил, понизив голос:

— Вы собирались рассказать мне, что делали в подвале и откуда вам известно мое имя.

— Святая простота. — Сантини бросил взгляд на кухню, но Ширли была занята и не слышала их. — Смерть О'Брайена повлекла за собой, скажем так, политические последствия, и меня попросили проконтролировать ход дела. Естественно, я узнал, что вести его поручено вам. — Он расслабился, сложив руки на животе.

— Это ответ только на половину моего вопроса, — сказал Энди. — Так что же вы делали в подвале?

— Там прохладно, почти холодно, после того что творится на улице. Сплошное наслаждение. Вы заметили сердечко, нарисованное по пыли на подвальном окне?

— Конечно. Именно я его и обнаружил.

— Это самое интересное. Вы когда-нибудь слышали об одной личности — должны были слышать, на него есть в полиции досье — по имени Куоре?

— Ник Куоре? Владелец всех подпольных заведений Нью-Йорка?

— Тот самый. Хотя слово «владелец» не совсем подходит, точнее сказать руководитель. Теперь он там самый главный, но это настолько честолюбивый человек, что бросает взгляд и в направлении Нью-Йорка.

— Что все это должно значить?

— «Cuore» — старое доброе итальянское слово. Оно означает «сердце», — сказал Сантини, когда в комнату с подносом вошла Ширли.

Энди взял стакан и машинально поблагодарил. Теперь он понял, почему оказывался весь этот нажим. Никого, похоже, не волновал сам факт убийства О'Брайена. Заинтересованных лиц занимал другой вопрос: почему он был убит? Действительно ли убийство — несчастный случай, как это казалось? Или это предупреждение от Куоре о том, что он вторгается в Нью-Йорк? Или убийство — сильный ход кого-то из местных, пытающегося обвинить Куоре, чтобы прикрыть себя? Раз уж ты вошел в лабиринт рассуждений, вероятные возможности будут увеличиваться до тех пор, пока найденный убийца не покажет единственный выход из него. Заинтересованные лица потянули за ниточки, и в результате ему поручено это дело. Должно быть, множество людей прочитали его рапорт и с нетерпением ждут ответа.

— Извините, — пробормотал Энди, заметив, что девушка обращается к нему. — Я задумался и не расслышал вас.

— Я спросила, нравится ли вам напиток. Я могу сделать что-нибудь еще, если он вам не по душе.

— Нет, все прекрасно, — сказал он, сообразив, что все это время держал в руках стакан, уставившись в него. Он сделал глоток, потом второй. — В самом деле великолепно. Что это?

— Виски. Виски с содовой.

— Я его впервые пробую.

Он попытался вспомнить, сколько стоит бутылка виски. Виски сейчас почти не производили из-за нехватки зерна, и с каждым годом его запасы на складах уменьшались, а цены росли. По крайней мере долларов двести бутылка, а может, больше.

— Очень освежает, Ширли, — сказал Сантини, ставя пустой стакан на подлокотник кресла. — И примите мою самую сердечную благодарность за ваше гостеприимство. Извините, мне надо бежать — меня ждет Роза, но прежде можно ли задать вам один вопрос?

— Конечно, судья... Что вы хотите узнать?

Сантини достал из бокового кармана конверт и, открыв его, вынул пачку фотографий. Энди было видно, что это фотографии разных мужчин. Сантини передал одну из них Ширли.

— Весьма трагично, — сказал он, — трагично то, что произошло с Майком. Все мы хотим помочь полиции, как только можем. Я знаю, что вы, Ширли, тоже этого хотите. Поэтому посмотрите на эти фотокарточки. Не узнаете ли вы кого-нибудь из этих людей?

Ширли взяла первую фотографию и посмотрела на нее, сосредоточившись и нахмурив брови. Энди восхитился способностью судьи говорить очень много, а по сути не сказать ничего — и заручиться содействием девушки.

— Нет, я не могу сказать, что когда-либо раньше его видела, — сказала она.

— Может быть, он был у вас в гостях или встречался с Майком и вами в другом месте?

— Нет. Я уверена, что никогда его не видела. Я думала, что вы спрашиваете, видела ли я его когда-нибудь на улице?

— А как насчет других?

— Я никогда не видела ни одного из них. Извините, я ничем не могу вам помочь.

— Отрицательный результат — тоже результат, моя милая.

Он передал фотографии Энди, который на первой из них узнал Ника Куоре.

— А остальные? — спросил он.

— Его помощники, — сказал Сантини, медленно поднимаясь с кресла.

— Я возьму их на некоторое время, — сказал Энди.

— Конечно. Может, они вам пригодятся.

— Вам, правда, уже нужно уходить? — спросила Ширли.

Сантини улыбнулся и направился к двери.

— Будьте снисходительны к старику, моя милая. Я получил большое наслаждение, находясь в вашем обществе, но в мои годы нужно соблюдать режим. Спокойной ночи, мистер Раш, — и удачи.

— Я и себе чего-нибудь налью, — сказала Ширли, проводив судью. — Вам повторить? Ведь вы не на службе.

— Я на службе, и я находился на ней последние четырнадцать часов, так что, думаю, самое время сделать коктейль из службы и выпивки. Если вы на меня не донесете.

— Я не стукачка! — улыбнулась Ширли.

Они сели напротив друг друга, и он почувствовал себя так хорошо, как ни разу за последние недели. Головная боль прошла, было прохладно, а вкус виски был лучше, чем у любого из напитков, которые он только мог вспомнить.

— Я думала, вы прикрыли расследование, — сказала Ширли. — Ведь вы мне так сказали.

— Тогда я так и думал, но кое-что изменилось. Кое-кто весьма заинтересован в разгадке этого дела. Это волнует даже таких людей, как судья Сантини.

— Все время, что я была с Майком, я не знала, что он такая важная фигура.

— Живым он так важен не был. Важны его смерть и причины — если они есть — этой смерти.

— Вы имеете в виду то, что полиция не разрешает выносить что-либо из квартиры?

— Да, я должен все просмотреть, особенно бумаги. А почему вы об этом спрашиваете?

Ширли не отрывала глаз от стакана, крепко сжав его обеими руками.

— Сегодня заходил адвокат Майка, и все, похоже, так, как сказала его сестра. Моя одежда, мои личные вещи принадлежат мне, но больше ничего. Да я ничего другого и не ожидала. Но за квартиру было уплачено до конца августа... — она посмотрела Энди прямо в лицо, — и если мебель здесь останется, я могу до тех пор здесь жить.

— Вы этого хотите?

— Да, — коротко ответила она.

Ширли — отличная девчонка, подумал Энди. Она ни о чем не просит, не плачет, ничего такого. Просто раскрывает свои карты. А почему бы и нет? Мне это ничего не стоит. Почему бы нет?

— Считайте, что дело сделано. Я очень слаб в подыскивании квартир, а такую большую точно нужно искать до полуночи тридцать первого августа. Если будут какие-нибудь жалобы, отсылайте их к детективу Эндрю Фремонту Рашу с двенадцатого участка. Я скажу жалобщикам, что они свободны.

— Чудесно! — сказала она, от радости вскочив на ноги. — За это нужно выпить. Сказать вам по правде, я не стала бы продавать что-либо из этой квартиры. Это все равно что украсть. Но я не вижу ничего плохого в том, что мы допьем початые бутылки. Лучше, чем оставлять их его сестре.

— Совершенно с вами согласен, — сказал Энди, поудобнее устроившись в кресле и наблюдая, как Ширли изящно покачивает бедрами, идя со стаканами на кухню.

«Вот это жизнь! — подумал он и усмехнулся про себя. — Черт с ним, с расследованием! По крайней мере на этот вечер. Я буду пить виски Большого Майка, сидеть на его диване и на несколько часов абсолютно забуду про работу в полиции».

— Нет, я приехала из Нью-Джерси, из Лейкленда, — сказала она. — Мы переехали в город, когда я была еще ребенком. Командование ВВС строило сверхдлинные взлетно-посадочные полосы для самолетов «Мах-3», и они купили наш дом и все дома в окрестностях и снесли их. Это любимая история моего отца — как загубили его жизнь, и он с тех пор никогда не голосовал за республиканцев и клянется, что скорее умрет.

— Я тоже родился не здесь, — сказал он и отхлебнул виски. — Мы приехали из Калифорнии. У моего отца было ранчо...

— Значит, вы ковбой!

— Собственно, не ранчо — фруктовые деревья в долине Империал. Я был совсем маленьким, когда родители покинули те места, и плохо их помню. Все земледелие в долине основывалось на ирригации — каналы, насосы. На ранчо моего отца воду качали насосами из-под земли. Когда геологи сказали ему, что он выкачивает воду, хранившуюся под землей тысячи лет, он не придал этому значения. Я помню, как он сказал, что старая вода питает деревья так же хорошо, как и новая. Но однажды подземные воды иссякли. Я никогда не забуду, как умирали деревья, а мы ничего не могли поделать. Мой отец бросил ферму, и мы переехали в Нью-Йорк. Он работал простым рабочим на строительстве туннеля Моисея.

— У меня никогда не было альбома, — сказал Энди. — Подобными вещами в основном занимаются девчонки.

Она села на диван рядом с ним, переворачивая страницы. Тут были фотографии детей, корешки билетов, программки, но он не обращал на них внимания. Ее теплая обнаженная рука прижалась к его руке, а когда она склонялась над альбомом, он ощущал запах ее волос. Он ужасно много выпил и смутно это сознавал. Он кивал головой и делал вид, что смотрит альбом. Однако все его внимание было обращено на Ширли.

— Уже третий час, мне пора идти.

— Не хотите ли на дорожку еще кофе? — спросила она.

— Нет, спасибо. — Он допил кофе и аккуратно поставил чашку. — Я приду утром, если вас это устроит, — сказал он и направился к дверям.

— Утром? Прекрасно, — сказала она и протянула ему руку. — И благодарю, что провели со мной вечер.

— Это я должен благодарить вас. Ведь я никогда раньше не пробовал виски.

Он собирался пожать ей руку, пожелать спокойной ночи — и все. Но неожиданно он обнаружил ее в своих объятиях, его лицо уткнулось в душистые волосы, а руки крепко обняли гибкую фигуру. Когда он ее поцеловал, она горячо поцеловала его в ответ, и он понял, что все будет отлично.

Лежа на чистой просторной постели, он ощущал прикосновение теплого тела и легкое дыхание у себя на щеке. Мерное гудение кондиционера действовало умиротворяюще. Он вспомнил, что слишком много выпил, и улыбнулся. Ну и что? Если бы он был трезвее, возможно, не был бы сейчас здесь. Утром он, может быть, пожалеет об этом, но в данный момент он чувствовал, что с ним произошло что-то очень хорошее. Даже когда он попытался найти в себе чувство вины, это ему не удалось. Он коснулся ее плеча, и она пошевелилась во сне. Шторы чуть раздвинулись, и он увидел луну — далекую и дружелюбную. Все отлично, сказал он. Все отлично, повторял он себе снова и снова.

В открытом окне виднелась луна— пронизывающий глаз в ночи, факел в удушающей жаре. Билли Чун забылся тревожным сном, но одному из близнецов что-то приснилось, он закричал во сне и разбудил его.

Если бы только не было этого мужчины в ванной... Билли ворочался с боку на бок, кусал губы и чувствовал, как лицо покрывается потом. Он же не собирался его убивать... Но не об убитом человеке думал сейчас Билли. Он беспокоился о самом себе. Что будет, когда его поймают? А его найдут — на то и существует полиция. Они вынут ломик из головы убитого, отнесут его в лабораторию и узнают, кто ему его продал...

Его голова ворочалась на мокрой от пота подушке, и тихий, почти неслышный стон прорывался сквозь сжатые зубы.

Глава 9

— Ты сегодня неважно побрился, Раш, — сказал Грассиоли своим нормальным, раздраженным тоном.

— Я вообще не брился, лейтенант, — сказал Раш, оторвавшись от рапорта. Лейтенант заметил его, когда проходил через отдел детективов в канцелярию. Энди надеялся отметиться и уйти с участка, не повстречавшись с начальником. Он быстро соображал. — Сегодня я провел много времени неподалеку от Корабельного городка. Не хотелось чересчур выделяться. К тому же там во всей округе, вероятно, ни одной бритвы днем с огнем не сыщешь.

Прозвучало достаточно убедительно. На самом же деле он появился лишь поздно утром прямо из Челси-парка и не успел побриться.

— Ага. Как продвигается дело?

Энди знал, что лучше не напоминать лейтенанту о том, что он занимается им только со вчерашнего вечера.

— Я обнаружил один факт, относящийся к делу. — Он огляделся по сторонам и продолжил, понизив голос: — Я знаю, почему на наше управление оказывают нажим.

— Почему?

Пока Энди объяснял значение сердечка на окне и рассказывал о людях, заинтересованных в убийстве, лейтенант рассматривал фотографии Ника Куоре и его подручных.

— Отлично, — сказал Грассиоли, когда он закончил. — Не пиши об этом в своих рапортах, если не найдешь ниточки, ведущей к Куоре, но я хочу, чтобы ты держал меня в курсе дела. Иди, ты здесь только теряешь время.

Вот уже много дней жара не спадала. Улицы были наполнены горячим вонючим воздухом, совершенно неподвижным и

пахнущим грязью, потом и разложением. Это было невыносимо. Но впервые с тех пор, как установилась жара, Энди ее не замечал. Минувшая ночь была ошеломляющей, невероятной и незабываемой. Он пытался отрешиться от волнующих мыслей, но в памяти то и дело возникала Ширли, и, несмотря на жару, он чувствовал, как заливается румянцем. Не может быть! Он ударил кулаком правой руки по ладони левой и улыбнулся испуганным прохожим. Ему так много нужно сделать, прежде чем они увидятся вновь.

Энди свернул в переулок, который вел между рядами гаражей за Челси-парком к служебному входу в здание. Позади послышалось шуршание колес. Он шагнул в сторону, пропуская тяжелый гужевик — квадратный, как ящик, кузов на старых колесах от автомобиля, который тянули двое людей. Они согнулись почти пополам и, казалось, не чувствовали ничего, кроме усталости. Когда они прошли мимо всего в паре метров, Энди увидел ремни, впивающиеся им в шеи, и незаживающие язвы на плечах.

Энди медленно шел за гужевиком, потом остановился там, где его не было видно из служебного входа, и присел у рва. Бетонное дно покрывали мусор и отбросы. Между гранитными плитами там и сям зияли широкие щели. В темноте довольно легко здесь пробраться, фонарей поблизости нет. Даже днем взломщика можно заметить лишь из ближайших окон. Никто не видел, как Энди перемахнул через высокий край рва и медленно спустился на дно. Здесь было жарко, словно в печи, но Энди не обращал на это внимания. Он шел вдоль внутренней стены, пока не обнаружил окно с сердечком. Его было очень легко заметить, вероятно, ночью тоже. Как раз под рядом подвальных окон находился выступ, на который можно залезть; он был достаточно широк, чтобы на нем стоять. Да, стоя здесь, можно взломать окно. Убийца проник в здание этим путем. Пот капал у Энди с подбородка и оставлял темные пятна на бетонном выступе. Жара наконец до него добралась.

— Что это ты тут делаешь? Хочешь шею себе сломать? — закричал вдруг кто-то. Энди выпрямился и увидел на мостике, переброшенном через ров, швейцара, грозившего ему кулаком. Приглядевшись, он узнал Энди, и его тон резко изменился. — Извините... я не разобрал, что это вы, сэр. Чем могу вам помочь?

— Открывается ли какое-либо из этих окон?

— Открывается то, что у вас над головой. Оно находится в вестибюле.

Швейцар исчез, а через несколько секунд окно отворилось, и в нем появилась его круглая физиономия.

— Вытащите меня отсюда, — попросил Энди. — Я совсем спекся. — Он ухватился за руку швейцара и вскарабкался наверх. В вестибюле было сумрачно и прохладно. Энди вытер лицо носовым платком. — Мы можем где-нибудь поговорить? Где можно сесть?

— В комнате охраны, сэр. Следуйте за мной.

Там находились два человека. Один, в форме местного персонала, вскочил, как только они вошли. Другим был Тэб.

— Встань у двери, Ньютон! — приказал швейцар. — Хочешь пойти с ним, Тэб?

Тэб взглянул на детектива.

— Конечно, Чарли, — ответил он и вышел вслед за охранником.

— У нас тут есть вода, — сказал швейцар. — Хотите стаканчик?

— Грандиозно, — сказал Энди, плюхаясь в кресло. Он взял пластиковый стаканчик, половину выпил залпом, а остальное стал тихонько потягивать. Прямо перед ним находилось окно с серым стеклом, выходившее в вестибюль. Но он не видел в вестибюле на этом месте окна. — Одностороннее стекло? — спросил он.

— Верно. Для охраны жильцов. С той стороны зеркало.

— Вы заметили, в каком месте рва я находился?

— Да, сэр, похоже, вы были как раз у того окна, которое взломали.

— Да. Я прошел по рву с той стороны, от переулка, и вышел к окну. Как, по-вашему, ночью меня можно было бы увидеть?

— В общем...

— Да или нет? Я не собираюсь ловить вас.

— Жилуправление уже делает что-то, чтобы обеспечить безопасность. В основном неприятности с системой сигнализации. Нет, не думаю, что я увидел бы вас ночью, сэр, особенно в темноте.

— Я тоже так думаю. Значит, вы считаете, что кто-то мог проникнуть в здание таким способом?

Маленькие поросячьи глазки Чарли сощурились и забегали.

— Полагаю, — сказал он наконец, — что убийца мог попасть внутрь таким образом.

— Хорошо. Итак, он попал прямо в подвальное помещение. Подошел к окну, сигнализация на раме сломана, все в порядке. Взломщик мог заранее отметить окно сердечком, чтобы легче было найти его снаружи. А это означает, что он не один раз побывал в здании.

— Может быть, — согласился Чарли и улыбнулся. — А может быть, он оставил знак после того, как проник в здание, чтобы одурачить вас. Может быть, он хотел, чтобы вы посчитали, что это сделал кто-то находившийся в здании.

Энди кивнул.

— Вы соображаете, Чарли. Но в любом случае окно могло быть отмечено изнутри, и я отталкиваюсь от этой посылки. Мне нужен список всего обслуживающего персонала на данный момент, всех новичков и всех уволенных за последние два года, список жильцов и бывших жильцов. У кого могут быть подобные сведения?

— У начальника жилуправления, сэр, его кабинет по лестнице направо. Давайте я вас провожу.

— Одну минуту... сперва мне нужен еще один стакан воды.

Энди остановился перед внутренней дверью квартиры О'Брайена, делая вид, что занят просматриванием списков, которые получил у начальника жилуправления. Он знал, что Ширли, возможно, видит его на экране, и пытался казаться занятым и деловым. Когда он ушел сегодня утром, она еще спала, и он не говорил с ней со вчерашнего вечера, да и тогда они не слишком много разговаривали. Не то чтобы он был смущен, просто вокруг царила некая атмосфера нереальности. Она принадлежала к здешнему миру, а он — нет. И если бы она сделала вид, что ничего не произошло, смог бы он поступить так же? Он сомневался в этом.

Ширли что-то долго не открывала дверь — может, ее нет дома? Нет, телохранитель Тэб внизу, а это означает, что она находится в здании. Что-нибудь случилось? Неужели вернулся убийца? Мысль была дурацкая, однако Энди громко забарабанил в дверь.

— Не ломай дверь, — сказала Ширли, впуская его. — Я убирала в комнате и не слышала сигнала.

Волосы у нее были собраны в узел, ноги — босые. На ней

были только шорты и бледно-голубой лифчик. Выглядела она чудесно.

— Извини, я не знал, — серьезно сказал он.

— Ладно, это неважно, — засмеялась она, — не смотри так печально.

Она встала на цыпочки и быстро поцеловала его в губы. Прежде чем он успел ответить, она повернулась и вышла из коридора. У нее были очень короткие, в обтяжку, шорты.

Когда за спиной защелкнулась дверь, Энди почувствовал себя совершенно счастливым. Воздух был восхитительно прохладным.

— Я почти закончила, — сказала Ширли, вслед за ее словами раздался вой пылесоса. — Одна секунда — и я уберу весь этот бардак. — Войдя в гостиную, он увидел, что она пылесосит ковер. — Не хочешь принять душ? — крикнула она. — Счет получит Мэри О'Брайен Хеггерти, так что можешь не волноваться. «Душ!» — взволнованно подумал Энди.

— Поскольку я уже встречался с Мэри Хеггерти, я буду рад послать ей этот счет! — крикнул он, и оба рассмеялись.

В спальне ему вдруг вспомнилось, что в этой комнате убили О'Брайена — за всю ночь он об этом ни разу не подумал. Бедный О'Брайен, он, похоже, был настоящим ублюдком, поскольку, по-видимому, ни один человек не сожалел о нем и не был по-настоящему расстроен его смертью. Включая Ширли. А что она думала о нем? Сейчас это уже неважно. В ванной он бросил одежду на пол и попробовал рукой воду.

В шкафчике лежала бритва с новым лезвием, и Энди, весело напевая, отмыл ее от седых волосков и намылил лицо. То, что он пользовался вещами покойника, ни в малейшей степени его не смущало. Наоборот, это даже доставляло большее наслаждение. Бритва плавно скользила по коже.

Когда он оделся и вышел в гостиную, пылесос уже был убран, а Ширли распустила волосы и, похоже, нанесла свежий макияж. Она еще была в лифчике и шортах, и он обрадовался, увидев ее такой. За всю свою жизнь ему не приходилось видеть более симпатичной... нет, более красивой девушки. Ему хотелось ей об этом сказать, но он подумал, что о таких вещах не так-то просто говорить вслух.

— Хочешь выпить чего-нибудь холодненького? — спросила она.

— Мне нужно работать — или ты пытаешься меня совратить?

— Можешь выпить пива, я поставила его в холодильник. Нужно прикончить почти двадцать бутылок, а я его не люблю. — Она обернулась в дверях и улыбнулась. — Кроме того, ты же работаешь. Ты меня допрашиваешь. Ведь я важная свидетельница?

Первый глоток холодного пива доставил Энди огромное наслаждение. Ширли села напротив и стала пить холодный кофе.

— Как идет дело? Или это служебная тайна?

— Никаких тайн. Оно идет медленно, как и все дела. Работа полиции не имеет ничего общего с тем, что показывают по телевизору. В основном скукота, хождения вокруг да около, составление служебных записок, писание рапортов — и надежда на какую-нибудь «подсадную утку».

— Я знаю, что такое «подсадная утка»! А что, действительно есть «подсадные утки»?

— Если бы их не было, у нас бы не было работы. Большую часть информации мы получаем от осведомителей. Большинство мошенников глупы и слишком много болтают, а когда они начинают говорить, поблизости обычно кто-то слушает. Вот и сейчас кто-то треплется, иначе и быть не может.

— Что ты имеешь в виду?

Он отхлебнул еще пива — чудесный напиток.

— В этом городе живут свыше тридцати пяти миллионов человек, и сделать это мог любой из них. Я обегаю всех, работавших ранее в этом здании, и допрошу их, я попытаюсь разузнать, откуда взялся ломик, но задолго до того, как я закончу, люди на самом верху перестанут беспокоиться о О'Брайене и меня отзовут — вот и все.

— Ты говоришь как будто с сожалением.

— Да, ты права. Я люблю и знаю свое дело, но мне всегда мешают его делать. У нас работы выше головы, и так было всегда, сколько я себя помню на службе. Ничего никогда не завершается, ни одно дело не расследуется до конца, люди ежедневно безнаказанно совершают убийства, и, похоже, это никого не волнует. Если только нет какого-либо политического резона, как в случае с Большим Майком. Да и тогда никто в действительности не интересуется им, а беспокоятся только за свои шкуры.

— А можно взять на работу больше полицейских?

— На какие шиши? В городском бюджете нет денег, почти все уходит на пособия социальной помощи. Поэтому заработки у нас низкие, полицейские берут взятки, и... ты же не хочешь прослушать лекцию о наших проблемах!

Он допил остатки пива. Ширли вскочила.

— Давай я достану тебе еще одну.

— Нет, спасибо, не на пустой желудок.

— Ты еще не ел?

— Проглотил несколько крекеров. Совсем не было времени.

— Я сейчас приготовлю тебе что-нибудь. Как насчет бифштекса?

— Ширли, перестань... у меня из-за тебя будет сердечный припадок.

— Нет, в самом деле. Я купила мясо для Майка... в тот день. Оно так и лежит в морозильнике.

— Я не помню, когда в последний раз ел мясо... да и с тех пор, как я видел соевый бифштекс, тоже много времени прошло. — Он встал и взял ее за руки. — Ты чересчур обо мне заботишься.

— Мне это нравится, — сказала она и несколько раз быстро его поцеловала. Потом повернулась и пошла на кухню.

Забавная девчонка, подумал он и дотронулся языком до следов помады у себя на губах.

Ширли хотела есть в гостиной за большим столом. Но на кухне был столик у окна, и Энди предложил сесть там.

Бифштекс получился отличный, огромный кусок мяса величиной с ладонь; когда Ширли положила его на тарелку, Энди почувствовал, что рот наполнился слюной.

— Пополам, — сказал он, разрезал его и положил половину на другую тарелку.

— Обычно я жарю себе овсяные лепешки...

— Их мы съедим на десерт. Сегодня начало эры равноправия.

Она улыбнулась и молча села.

«Черт, — подумал он, — еще один такой взгляд — и я отдам ей все».

Кроме мяса она подала на стол морской салат, крекеры с соусом и еще одну бутылку холодного пива, из которой позволила налить себе только полстакана. Мясо было неописуемо вкусным. Энди резал его на крошечные кусочки и медленно жевал, смакуя. За всю жизнь ему не приходилось есть так

вкусно. Покончив с едой, он откинулся на спинку стула и удовлетворенно вздохнул. Хорошо, даже чересчур хорошо, и он понимал, что это долго не продлится.

— Надеюсь, ты не сердишься, что прошлым вечером я так надрался?

Это прозвучало грубо, и он пожалел о сказанном в то же мгновение.

— Я не сержусь, милый.

«Милый!» — усмехнулся он про себя.

— Меня по-разному называли, но так — еще никогда. Я думал, ты рассердилась, что я вернулся.

— Я просто была занята. В квартире бардак, и ты голодный. Кажется, я знаю, что тебе нужно.

Она обошла стол, села к нему на колени и обняла за шею. Затем последовал поцелуй. Оказалось, что лифчик у нее застегивается спереди на две пуговицы. Он расстегнул их и прильнул лицом к гладкой ароматной коже.

— *Пойдем в комнату, — прошептала она.*

Она лежала рядом с ним — обессилевшая, совершенно не стыдясь того, что его пальцы рассеянно блуждают по ее телу. Изредка из-за закрытого окна доносились какие-то звуки. Завешенные шторы хранили полумрак и уединение спальни. Он поцеловал ее в уголок рта, и она, закрыв глаза, сонно улыбнулась.

— Ширли... — начал он и замолчал.

Он не мог выразить свои чувства словами. Однако его ласки были красноречивее всяких слов. Ширли придвинулась к нему поближе. Голос ее звучал хрипло.

— В постели ты очень хороший, совсем другой... ты об этом знаешь? С тобой я чувствую себя так, как никогда прежде. — Мышцы у него внезапно напряглись, и она удивленно взглянула на него. — Ты сердишься? Мне нужно тебя убеждать, что ты единственный мужчина, с которым я спала?

— Конечно, нет. Это не мое дело и не волнует меня.

Однако по лицу Энди было видно, что это не так. Ширли повернулась на спину и посмотрела на пылинки в луче света, пробивавшегося в щель между шторами.

— Я не стараюсь найти какие-то извинения, Энди. Я выросла в очень строгой семье. Я нигде не бывала и ничего такого не делала, но отец все время за мной следил. Меня это не

очень злило. Просто ему нечего было делать — вот и все. Папа меня любил; он, вероятно, думал, что делает мне добро. Он ушел в отставку — его заставили — в пятьдесят пять лет. У него была пенсия и кое-какие сбережения, поэтому он просто сидел дома и пил. Когда мне исполнилось двадцать лет, я участвовала в конкурсе красоты и получила первый приз. Я помню, что отдала деньги отцу на сохранение и больше я его не видела. Один судья назначил мне в тот вечер свидание. Я пришла — и осталась у него, стала с ним жить.

«Вот как? — подумал Энди и усмехнулся. — Какие у меня на нее права?»

— Ты надо мной смеешься? — спросила она, проведя пальцем по его губам; в ее голосе звучало отчаяние.

— Боже праведный, конечно, нет! Я смеюсь над собой, потому что, если хочешь знать, я немного ревновал. А на это я не имею права.

— Ты имеешь все права на свете, — сказала она, целуя его. — По крайней мере для меня теперь все выглядит совсем по-другому. Я знала не так уж много мужчин, и все они были вроде Майка. Мне казалось, что я просто...

— Замолчи, — сказал он. — Мне все равно. Мне только не все равно, что происходит с тобой здесь и сейчас — и все.

Глава 10

Энди дошел уже почти до конца списка, и ноги у него отнимались. Девятая авеню пылала под полуденным солнцем, и каждый клочок тени был забит людьми — стариками, няньками, подростками, сидевшими в обнимку. Повсюду, словно трупы после битвы, валялись люди всех возрастов, раскинув грязные руки и ноги. Только маленькие дети играли на солнце, но их движения были замедленными, а крики — приглушенными. Вдруг раздались вопли, люди зашевелились — появились двое бегущих мальчишек. Их руки были в крови. На веревке они тащили за собой трофей: большую серую дохлую крысу. Сегодня вечером они хорошо поужинают. Посередине улицы с черепашьей скоростью двигались гужевики. Энди проскочил между ними, ища контору «Вестерн-Юниона».

Было невозможно проверить всех людей, которые бывали в квартире О'Брайена за последнюю неделю, но нужно было постараться выявить хотя бы самые очевидные связи. Любой

мог обнаружить отключенную систему сигнализации в подвале, но только тот, кто был в квартире, мог знать, что и там сигнализация не работает. За восемь дней до убийства произошло короткое замыкание, и сигнализацию на двери отключили, чтобы отремонтировать всю систему. Энди составил список возможных кандидатур и проверял их одну за другой. Результатов пока не было. Показания счетчиков в квартире не снимали уже давно, а все посыльные, приходившие туда, были известны уже много лет.

«Вестерн-Юнион» проверялся на всякий случай. За ту неделю в здание принесли множество телеграмм, и швейцар был уверен, что некоторые из них предназначались О'Брайену. Он и лифтер вспомнили, что в ночь перед убийством телеграмму принес новый посыльный — мальчик-китаец. Тысяча против одного, что это не имело значения, но нужно было проверить. По крайней мере это уже что-то, о чем можно рассказать лейтенанту, чтобы он на некоторое время отцепился от Энди.

Над входом висела сине-желтая вывеска, и Энди вошел.

Контору разделяла длинная стойка. У дальней стены стояла скамейка, на которой сидели трое подростков. Четвертый разговаривал у стойки с диспетчером. Ни один из них не был китайцем. Мальчик у стойки взял дощечку посыльного и вышел. Энди направился к диспетчеру, но не успел подойти, как тот раздраженно замотал головой.

— Не сюда! — рявкнул он. — Телеграммы в то окно! Не видите, что ли, что я диспетчер?

Энди взглянул на глубокие морщины на лице этого человека и уныло опущенные уголки рта, на валявшиеся вперемешку на столе дощечки, мелки и телетайпные ленты, на потертый значок с надписью: «М-р Бургер». Этот беспорядок на столе словно олицетворял годы беспросветного труда. В глазах клерка горела ненависть. Нужно запастись терпением, чтобы получить от этого человека хоть какую-то помощь. Энди показал бляху.

— Полиция, — сказал он. — Я хочу поговорить именно с вами, мистер Бургер.

— Я ничего не сделал, мне не о чем с вами говорить.

— Вас никто и не обвиняет. Мне нужна некоторая информация для расследования.

— Ничем не могу вам помочь. Для полиции у меня нет никакой информации.

— Позвольте мне решать подобные вопросы. Двадцать восьмая улица относится к вашему району?

Бургер замешкался, потом кивнул — медленно и неохотно, словно его принудили выдать государственную тайну.

— У вас есть посыльные китайцы?

— Нет.

— Но по крайней мере у вас работает хоть один мальчик-китаец?

— Нет.

Он начал царапать что-то на дощечке, не обращая внимания на Энди. По лысой голове струились ручейки пота. Энди не любил оказывать нажим, но делать было ничего.

— В нашем государстве существуют законы, Бургер, — сказал он строго и безапелляционно. — Я могу вытащить вас отсюда, привести в участок и на тридцать дней засадить в камеру за создание препятствий следствию. Вы хотите, чтобы я этим занялся?

— Я же ничего не сделал!

— Да неужели? Вы мне солгали. Вы сказали, что у вас никогда не работал мальчик-китаец.

Бургер заерзал на стуле, терзаемый страхом и желанием остаться в стороне. Страх победил.

— Был тут один мальчик-китаец, но он работал только один день и больше не возвращался.

— В какой день?

— В понедельник на этой неделе, — неохотно пробурчал Бургер.

— Он разносил телеграммы?

— Откуда я знаю?

— Потому что это ваша работа, — сказал Энди, нажимая на слово «ваша». — Какие телеграммы он разносил?

— Он сидел тут целый день, но был мне не нужен. Это был его первый день. Я никогда не посылаю нового мальчишку в первый день. Даю им попривыкнуть к скамейке, чтобы у них не возникало никаких иллюзий. Но у нас было много телеграмм ночью. Пришлось послать его. Только один раз.

— Куда?

— Послушайте, мистер, я не могу помнить все телеграммы, которые проходят через меня. Их очень много, и, кроме того, мы их не регистрируем. Телеграмму принимают, относят и вручают — вот и все.

— Знаю, но эта телеграмма очень важна. Попытайтесь вспомнить адрес. Седьмая авеню? Или Двадцать третья улица? Челси-парк?

— Постойте!.. Да-да... Я помню, что не хотел, чтобы мальчишка шел в Челси-парк: они там не любят новых парней, но больше никого не было, и пришлось послать его.

— Ну вот, до чего-то мы и добрались, — сказал Энди, доставая блокнот. — Как его зовут?

— Какая-то китайская фамилия... я не помню. Он был здесь только один день и больше не приходил.

— Тогда как он выглядит?

— Как все китайские мальчишки. Это не моя работа — помнить, как они выглядел. — Он опять начал злиться.

— Где он живет?

— Откуда я знаю? Мальчишки приходят, отдают деньги в залог — вот все, что меня касается. Не мое дело...

— Похоже, вообще все — не ваше дело, Бургер. Я к вам еще зайду. К тому времени попытайтесь вспомнить, как выглядел этот мальчишка, мне нужно будет задать вам еще несколько вопросов.

Когда Энди вышел из конторы, мальчишки заерзали на скамейке, и Бургер бросил на них грозный взгляд.

Это была небольшая зацепка, но Энди обрадовался. По крайней мере есть о чем поговорить с Грасси.

В кабинете лейтенанта находился и Стив Кулозик. Они кивнули друг другу.

— Как дела? — спросил Стив.

— Будете трепаться в свободное время, — перебил его Грассиоли. Тик у него под глазом разошелся вовсю. — Тебе лучше приходить сюда не с пустыми руками, Раш. Это расследование, а не отпуск. В это дело суют нос все кому не лень.

Энди рассказал об отсоединенной системе сигнализации. Он быстро пробежался по безрезультатным беседам с людьми и перешел к мальчишке из «Вестерн-Юниона». Тут он остановился на всех подробностях.

— Ну и что же в итоге? — спросил лейтенант, прижав руки к животу — там, где была язва.

— Возможно, мальчишка на кого-нибудь работает. Посыльные должны давать десять долларов в залог. Немногие мальчишки могут выложить такие бабки. Мальчишка был послан, возможно, из Китайского городка. Доставляя телеграммы, он заодно осматривал квартиры. Он с первого раза сорвал банк, обнаружив, что на двери Большого Майка отсоединена

сигнализация. Потом тот, кто его нанял, совершил взлом и убийство, после чего оба скрылись.

— Звучит чересчур складно, но это у нас единственная ниточка. Как зовут мальчишку?

— Никто не знает.

— Какого черта! — заорал Грассиоли. — Что толку в твоей выдуманной теории, если мы не сможем найти мальчишку? В этом городе миллионы мальчишек. Как нам найти нужного?

Энди не ответил.

Пока Энди излагал суть дела, Стив Кулозик стоял, прислонившись к стене. Теперь же он спросил:

— Можно кое-что сказать, лейтенант?

— Что ты хочешь?

— Давайте на минуту предположим, что это случилось на нашем участке. Мальчишка может жить в Китайском городке или где-нибудь еще, но давайте об этом забудем. Скажем, он живет в Корабельном городке, прямо у нас под боком. Вы ведь знаете, как эти косоглазые держатся друг за дружку, поэтому, возможно, мальчишку использовал тоже китаец. Просто предположим.

— Что вы хотите сказать, Кулозик? Переходите, черт возьми, к сути.

— Уже перехожу, лейтенант, — невозмутимо произнес Стив. — Скажем, мальчишка или его босс живет в Корабельном городке. Если так, то у нас должны быть их отпечатки пальцев. Это было до меня. Но ведь вы здесь работали в семьдесят втором, не так ли, лейтенант, когда сюда привезли всех этих беженцев с Тайваня, после того как накрылось вторжение генерала Куна на материк?

— Я здесь работал. Я только поступил на службу.

— Ведь тогда брали отпечатки пальцев у всех, даже у детей? На случай, если какой-нибудь коммунистический агент проскочил вместе с ними?

— Это делалось на всякий случай, — сказал лейтенант. — Отпечатки пальцев брали у всех и еще пару лет у всех детей. Эти карточки у нас здесь, в подвале. Так ты об этом подумал, а?

— Так точно, сэр. Надо просмотреть их — не совпадают ли отпечатки пальцев на орудии убийства с одной из наших карточек. Просто на всякий случай, попытка — не пытка.

— Ты слышал, Раш? — спросил Грассиоли, подвигая к себе стопку рапортов. — Возьмите отпечатки пальцев с ломика, спуститесь вниз и посмотрите, не найдется ли чего.

— Слушаюсь, сэр, — ответил Энди, и они со Стивом вы-

шли из кабинета. — Ну удружил, — сказал он Стиву, как только закрылась дверь. — Я скоро уже свалил бы отсюда, а ты тащишь меня в подвал, где я, вероятно, проведу всю ночь.

— Все не так страшно, — спокойно ответил Стив. — Я один раз пользовался этими досье. Все отпечатки закодированы, так что нужные находятся очень быстро. Я бы тебе помог, но я жду к ужину зятя.

— Того, которого ты так ненавидишь?

— Того самого. Но он работает на рыболовецком траулере и собирался принести ворованной рыбы. Свежей. Слюнки не потекли?

— Чтоб ты подавился рыбьей костью!

Отпечатки пальцев находились не в таком идеальном состоянии, как представлял Стив. Каталогом уже не раз пользовались, и одни карточки лежали в строгой последовательности, другие были перепутаны, лежали кое-как. В подвале было прохладнее, чем наверху, но воздух был наполнен пылью и дышалось тяжело. Энди работал до девяти часов, пока в голове не застучало и не зарябило в глазах. Он поднялся наверх, плеснул в лицо воды и отдышался. Некоторое время он раздумывал, закончить работу сегодня или оставить до утра. Но, представив, что скажет Грасси, он опять пошел вниз.

Было около одиннадцати, когда он нашел карточку. Он хотел отложить ее в сторону, потому что на ней были отпечатки грудного ребенка, но, сообразив, что дети растут, он внимательно посмотрел на них через поцарапанную пластмассовую лупу.

Сомнений не оставалось. Это были те же отпечатки, что и на окне, и на ломике.

«Чун, Уильям, — прочитал он. — Родился в 1982 году в больнице Корабельного городка».

Энди встал так быстро, что стул опрокинулся. Лейтенант сейчас скорее всего дома, может, даже в постели, и будет в гнусном настроении, если его разбудят. Наплевать.

Вот оно!

Глава 11

Где-то на реке раздался гудок буксира: два раза, потом еще два раза. Звук эхом отразился от стальных бортов кораблей, и его источник уже нельзя было определить: он стал печальным воем, наполнившим жаркую ночь. Билли Чун ворочался на мокром матраце, уставившись в темноту, сна ни в одном гла-

зу. У дальней стены хрипло дышали спящие близнецы. Снова раздался пронзительный гудок. Почему он просто не схватил вещи и не убежал из квартиры? Он мог бы сделать это очень быстро. Почему этот здоровяк появился именно тогда? Он правильно сделал, что прикончил его, такого болвана. Ведь это самооборона, не так ли? Он первым напал на Билли. Одно и то же воспоминание повторялось снова и снова, как закольцованная пленка в проекторе: взмах ломиком, жирное красное лицо. Потом он опускает железный прут, и из головы появляется тоненькая струйка крови. Билли метался в кровати, мотая головой из стороны в сторону и хватая себя за грудь.

Неужели каждая ночь будет такой же? С жарой, потом и воспоминаниями, бесконечно? Если бы он тогда не пошел в ванную... У Билли вырвался стон и замер. Он сел, закрыл лицо руками и давил пальцами на глаза так сильно, что в темноте поплыли красные круги. Может, попробовать сейчас «грязи»? Он купил ее как раз для такого случая за два доллара — возможно, сейчас самое время. Говорят, что к ней нельзя пристраститься. Врут, наверное.

Он провел рукой в темноте по армированному кабелю на стальной стене и нащупал распределительную коробку. «Грязь» по-прежнему лежала там. Его пальцы сжали кусок полиэтилена, в который она была завернута. Попробовать? Сквозь жару вновь пробился гудок. Билли судорожно сжал кулаки. Шорты валялись у стены, куда он их бросил. Он натянул их и достал маленький пакетик. Он осторожно открыл дверь и босыми ногами бесшумно ступил на теплую металлическую палубу.

Все иллюминаторы были открыты — черные слепые глаза в ржавых стенах. В каждой каюте, в каждом кубрике, во всех отсеках спали люди. Билли поднялся на верхнюю палубу, слепые глаза и там смотрели на него. Последний трап вел в рубку, когда-то закрытую на замок, но давно разгромленную двумя поколениями детей. Дверь исчезла, рамы вместе со стеклами сняли с окон. Днем это было любимое место для игр у детей «Колумбии Виктории», но сейчас здесь было пустынно и тихо. Из углов резко пахло мочой. Билли вошел внутрь.

Сохранилось лишь то, что нельзя было утащить: стальной столик для карт, привинченный к стене, корабельный телефон, штурвал без половины рукояток. Билли осторожно раскрыл пакетик с «грязью» на столике и взял щепотку серой пы-

ли, едва видимой при свете звезд. Как это называется? ЛСД? Все равно гадость, потому ее и называют «грязью». С этой штукой смешивают что-нибудь еще, чтобы лучше брало. Нужно принять это все, чтобы ощущения были достаточно сильными. Он видел, как Сам-Сам и другие «тигры» нюхали ее, но сам никогда этим не занимался. Как они это делают? Он поднес пакетик к носу, зажал одну ноздрю большим пальцем и сильно вдохнул. В носу страшно защекотало, и Билли зажал нос, чтобы не чихнуть. Когда раздражение прошло, он вдохнул остатки порошка через другую ноздрю и выкинул скомканный пакетик.

Никаких ощущений не было, вообще никаких. Мир оставался тем же самым, и Билли понял, что его надули. Два доллара коту под хвост. Он выглянул из окна, и по лицу у него потекли слезы вперемешку с потом. Он плакал и думал: как хорошо, что сейчас темно и никто не видит его плачущим, ведь ему уже целых восемнадцать лет! Грубый металл оконной рамы под пальцами казался ему маленькими горными пиками и долинами. Зазубренный, гладкий, ровный, твердый. Он наклонился и провел по нему пальцами. От прикосновения у него по спине пробежали мурашки наслаждения. Почему он никогда не ощущал этого прежде? Он высунул язык, и сладко-кисло-металлически-грязный привкус показался восхитительным. А когда он коснулся металла зубами, возникло ощущение, что он откусил кусок стали, большой, как мостик.

Весь мир заполнил гудок парохода. Он показался Билли музыкой. Он широко открыл рот, чтобы лучше ощутить ее вкус. Неужели это прогудел пароход? Темные силуэты рангоутов, мачт, проводов, антенн, вант, труб, шлюпок двигались вокруг него, танцуя на фоне черного неба. Они уходят в море, конечно, он всегда знал, что так и должно быть, а сейчас самое время. Он дал сигнал в машинное отделение и ухватился за штурвал — деревянные рукоятки были такими круглыми и гладкими — поворачивая его, он направлял корабль сквозь нагромождение черных остовов.

И весь экипаж был наготове, отличный экипаж. Он шепотом отдавал команды — они слышали его, даже если бы он произносил команды про себя. Он утер нос. Они находились внизу, занимаясь тем, чем занимается отличная команда в то время, когда он ведет судно. Они о чем-то перешептывались; он слышал, как кто-то спросил: «Все на месте?», ему ответи-

ли: «Да, сэр». Это было приятно слышать, и он видел, как его команда двигается по палубе и вверх и вниз по трапам. Штурвал в его руках был большим и сильным, и он медленно поворачивал его, продвигаясь между другими кораблями.

Свет. Голоса. Внизу. Люди. На палубе.

— В комнате его нет, лейтенант.

— Он смылся, услышав наши шаги.

— Возможно, сэр, но я расставил людей у всех люков и трапов. И на мостиках, что ведут на другие корабли. Он должен быть на борту. Его мать сказала, что он лег спать вместе со всеми.

— Мы найдем его. У нас здесь столько людей, что не поймать какого-то мальчишку... Ищите его!

— Так точно, сэр.

Ищите его... Кого? Его, конечно. Он знал, что люди там, внизу, — полиция и им был нужен он. Они нашли его. Но он не хотел идти вместе с ними. Только не сейчас, когда он в таком состоянии. Неужели эта «грязь» привела его в такое состояние? Восхитительная «грязь». Надо будет еще достать «грязи». Он очень многого не знал, но единственное он знал наверняка — у полицейских нет «грязи», и они ее не дадут. Никакой «грязи»!

Поручни заскрипели, тяжелые ботинки поднимались по трапу на мостик. Билли залез на стальной столик, а оттуда выбрался через окно наружу. Это было проще простого. И он по-прежнему чувствовал себя отлично.

— Как воняет! — произнес чей-то голос. — Его здесь нет, лейтенант!

— Обыщите все. Он должен быть где-то здесь.

Ночной воздух был таким плотным, что трудно было двигаться. Он решил перелезть на другой корабль. Добравшись до дымовой трубы, он начал карабкаться по стальным тросам наверх.

— Ты не слышал ничего там, наверху?

Последний трос — и вершина, и черная пасть трубы. Дальше двигаться было некуда, только внутрь, и он пощупал рукой пустоту. Его ноги соскользнули, и он свалился в длинный черный туннель. Падая, он зацепился за какой-то выступ, неровный и ржавый. Он вскарабкался на этот выступ и взглянул на небо. Голоса превратились в невнятное бормотание.

Он никогда не видел таких звезд. Неужели это новые звезды? Они были разноцветными — таких цветов он никогда в жизни не видел.

Вдруг у него судорогой свело ногу. Голоса умолкли. Судорожно вцепившись онемевшими пальцами в металл, он представил себе, как падает вниз, в бесконечный темный туннель. Из последних сил выпрямив ноги, он выполз наружу.

Если ты родился на корабле и живешь на корабле, он становится для тебя таким же нормальным миром, как улицы или что-либо иное. Билли знал, что если забраться на нос корабля, повиснуть на нем и прыгнуть, то можно приземлиться на корме соседнего судна. Существовали и другие способы перехода с корабля на корабль, помимо трапов и мостиков, и он пользовался ими машинально, даже в темноте, выбираясь на берег.

Он почти достиг цели, как вдруг ощутил боль в босой ноге: он наступил на ржавый стальной трос, и в ступню впились концы металлической проволоки. Он сел, прислонился к поручням и попытался вытащить ее на ощупь. Внезапно он почувствовал, как его стала сотрясать дрожь.

Он помнил все и знал, что сделал, но только сейчас до него начал доходить истинный смысл происшедшего. Полиция его обнаружила и выследила. И только по счастливой случайности он оказался в трубе и не попался им.

Они его искали, и они знали, кто он такой! За темными силуэтами города вставало серое небо. Он добрался до берега у самой границы Корабельного городка. На Двадцать третьей улице виднелись фигуры поздних прохожих.

Он спрыгнул на причал и побежал к складам — маленький, перепачканный в саже, босой и испуганный человечек. Тьма поглотила его.

Глава 12

Жара стояла над городом так долго, что о ней уже не говорили — ее просто терпели. Когда Энди ехал в лифте, лифтер — худой, усталый парень — прислонился к стенке, широко открыв рот; его форма была насквозь пропитана потом. В начале восьмого Энди открыл дверь квартиры 41-Е. Когда внешняя дверь за ним закрылась, он постучал во внутреннюю, затем поклонился в направлении телекамеры. Замок щелкнул, и на пороге появилась Ширли — прямо с постели, со спутавшимися волосами, в пеньюаре.

— Сколько дней... — сказала она и бросилась в его объятия,

а он поцеловал ее. Он забыл про пластиковый пакет под мышкой, и тот упал на пол. — Что это? — спросила она.

— Плащ. Я взял его на дежурство, ожидается дождь.

— Ты не останешься?

— Если бы мог, остался! — Он еще раз поцеловал ее и притворно застонал. — Много чего произошло с тех пор, как я видел тебя последний раз.

— Я сварю кофе, это быстро. Заходи на кухню и рассказывай.

Энди сел и посмотрел в окно. Небо заволокли темные облака, которые, казалось, касались верхушек небоскребов.

— Здесь, в квартире, этого не чувствуется, — сказал он, — но на улице даже хуже, чем раньше. Думаю, влажность повысилась, сейчас где-то около девяносто девяти.

— Ты нашел этого мальчишку Чуна?

— Нет. Он может быть сейчас только на дне реки. Прошло уже больше двух недель, как он улизнул от нас с корабля, и с тех пор мы не напали на его след. Нам даже разрешили напечатать его фотографии и отпечатки пальцев вместе с описанием внешности, чтобы разослать по всем участкам. Я отнес копии в Китайский городок и раздал там всем детективам. Сначала мы поставили пост у жилья мальчишки, но потом сняли его, потому что обзавелись двумя живущими на этом же корабле осведомителями — они будут смотреть во все глаза и дадут нам знать, если он появится, иначе им не заплатят. Вот все, что мы сейчас можем сделать.

— Думаешь, вам удастся его поймать?

Энди пожал плечами и подул на кофе.

— Трудно сказать. Если он уйдет на дно или уедет, возможно, мы его больше не увидим. Теперь следует положиться только на случай. Хотелось бы убедить в этом муниципалитет.

— Значит... ты по-прежнему занимаешься этим делом?

— Наполовину. На нас по-прежнему давят, требуя поскорее найти мальчишку, но Грасси удалось убедить их, что я могу заниматься расследованием лишь часть рабочего времени, и они согласились. Поэтому я должен половину рабочего времени заниматься этим делом, а остальное время — дежурить. Что — поскольку ты знаешь Грасси — означает, что я весь рабочий день дежурю, а в остальное время разыскиваю Билли Чуна. Я уже начинаю ненавидеть этого парня. Хорошо, если бы он утонул, а мне удалось бы это доказать.

Ширли села напротив с чашкой кофе.

— Значит, вот так ты провел последние дни.

— Вот так я их и провел. На дежурстве и на Кенсикском водохранилище последние два дня. Не было никакой возможности заскочить сюда или послать весточку. Я и сейчас на дежурстве и должен в восемь отметиться, но я должен был увидеть тебя. Сегодня тридцатое. Что ты собираешься делать, Ширли?

Она молча покачала головой и уставилась в стол. Пока он говорил, на ее лице появилось безрадостное выражение. Он перегнулся через стол и взял ее за руку, но она будто не заметила этого. Однако руку не отняла.

— Мне тоже не хочется об этом говорить, — сказал он. — Эти последние недели были в общем... — Он решил сменить тему разговора. Он не мог выразить все, что чувствовал, особенно сейчас. — Тебе докучала сестра О'Брайена?

— Она приходила, но ее не пустили в здание. Я сказала, что не хочу ее видеть, и она закатила сцену. Тэб сказал мне, что весь обслуживающий персонал получил большущее удовольствие. Она написала записку, что будет здесь завтра, чтобы забрать все вещи, поскольку это последний день месяца. Полагаю, она может это сделать. Среда — это уже первое, так что срок истекает в полночь.

— Какие у тебя планы в отношении того, куда... что ты собираешься делать? — Слова прозвучали грубовато, но лучше сказать он не смог.

Ширли помолчала немного и покачала головой.

— Я вообще об этом не думала, — сказала она. — Когда ты здесь, это для меня праздник, и я все время откладываю заботы на следующий день.

— Это в самом деле был праздник! Надеюсь, мы не оставили этой змее ни пива, ни виски?

— Ни глоточка!

Они рассмеялись.

— Должно быть, мы пропили целое состояние, — сказал Энди. — Но я ни капельки об этом не жалею. А как насчет еды?

— Осталось немного крекеров... и еще куча всего, чтобы приготовить классный ужин. В морозильнике у меня лежит тилапия. Я надеялась, что мы съедим ее вместе: своего рода отвальная, вместо новоселья.

— Я — запросто, если ты не против такого позднего ужина. Уже полночь.

— Я «за». Это будет забавно.

Когда Ширли радовалась, все говорило об этом. Энди оставалось только улыбаться. Казалось, у нее в волосах появился новый блеск; она вся словно лучилась радостью и счастьем. Энди это чувствовал и радовался вместе с ней. Он знал, что если сейчас он не задаст своего вопроса, то уже не сделает этого никогда.

— Послушай, Ширли... — Он взял ее руки в свои и почувствовал ее тепло. — Может, ты пойдешь ко мне? Ты можешь жить у меня. Правда, комната не такая большая, но меня почти не бывает дома, так что я не буду путаться под ногами. Все будет твоим, если пожелаешь. — Она открыла рот, но он приложил палец к ее губам. — Подожди, не отвечай! Соблазнить мне тебя нечем. Все это временно — столько, сколько захочешь. Ничего похожего на Челси-парк — грязный дом без лифта, половина комнаты и...

— Помолчи, пожалуйста! — рассмеялась она. — Я уже несколько часов пытаюсь сказать «да», а ты, похоже, хочешь меня отговорить.

— Что?

— Больше всего на свете я хочу быть счастливой. А эти недели с тобой я была так счастлива, как никогда за всю свою жизнь. И ты не испугаешь меня своей квартирой. Ты бы видел, как живет мой отец, а я ведь тоже там жила до двадцати лет.

Энди удалось обойти вокруг стола, не свалив его, и он прижал ее к себе.

— Мне нужно быть в участке через пятнадцать минут, — с сожалением сказал он. — Жди меня здесь. Я работаю до шести, но вряд ли меня в это время отпустят. Мы устроим отвальную, а потом перевезем твои вещи. У тебя их много?

— Все поместится в три чемодана.

— Великолепно. Мы их просто перенесем или возьмем такси. Мне нужно идти. — Его голос изменился. — Поцелуй меня.

Она подняла к нему сияющее лицо...

Уйти от Ширли стоило Энди больших усилий. Перед уходом он прокрутил в голове все возможные варианты оправданий своего опоздания, хотя знал, что ни один из них не удовлетворит лейтенанта. Спустившись в вестибюль, он услышал какой-то шум с улицы. Швейцар, Тэб и еще четыре охранника толпились у входной двери, выглядывая на улицу. Когда Энди подошел, они расступились.

— Вы только посмотрите, — сказал Чарли, — что творится.

Противоположная сторона улицы была почти не видна, скрытая завесой падающей воды. Дождь лил как из ведра, а канавы превратились в стремительно несущиеся потоки. Взрослые толпились у дверей и в подъездах, но дети, радуясь и визжа, бегали по улице, садились на тротуар и болтали ногами в вонючем потоке.

— Канализации не справиться с таким ливнем, вода поднимется на пару футов. Кое-кто из этих детишек точно утонет, — сказал Чарли.

— Такое происходит каждый раз, — подтвердил охранник Ньютон, кивая со зловещим удовлетворением. — Малышей сбивает волной, и никто даже об этом не знает, пока не заканчивается дождь.

— Можно вас на минуточку? — спросил Тэб, дернув Энди за рукав, и отошел в сторону.

Энди последовал за ним, расправляя слипшиеся складки плаща.

— Завтра — тридцать первое, — сказал Тэб.

Он взял у Энди плащ и помог ему его надеть: рукав склеился, и Энди с трудом протолкнул туда руку.

— Я полагаю, что тебе следует поискать другую работу, — сказал Энди, слушая шум дождя и думая о Ширли.

— Я не это имел в виду, — сказал Тэб, отвернулся от окна и стал смотреть на улицу. — Я о Ширли. Она завтра должна освободить квартиру. Я слыхал, что эта старая крыса, сестра мистера О'Брайена, наняла гужевик. Она в первую очередь вывезет всю мебель. Если б я знал, что собирается делать Ширли?

Сложив руки на груди, он наблюдал за ливнем с невозмутимостью изваяния.

Это не его дело, подумал Энди. Однако Тэб знал ее намного дольше, чем он, Энди.

— Ты женат, Тэб? — спросил он.

Тэб искоса взглянул на него и хмыкнул.

— Женат и очень счастлив, у меня трое детей. И я не брошу семью, даже если мне предложат одну из телезвезд вот с такими грудями. — Он пристально посмотрел на Энди и улыбнулся. — Тут вам не о чем беспокоиться. Просто мне нравится эта девчонка. Она отличная девчонка — вот и все. Меня беспокоит ее судьба.

Тут нет никаких тайн, подумал Энди, понимая, что такие вопросы ему будут задавать часто.

— Она собирается жить у меня, — сказал он. — Я зайду сегодня вечером и помогу ей перебраться.

Он взглянул на Тэба. Тот серьезно кивнул:

— Очень хорошо. Рад слышать. Надеюсь, все будет замечательно.

Он отвернулся и опять стал смотреть на дождь, а Энди взглянул на часы и, увидев, что уже почти восемь, выбежал на улицу. Воздух был прохладным — прохладнее, чем в вестибюле. Когда начался дождь, температура упала, наверно, градусов на десять. Может, теперь прекратится эта ужасная жара? Она и так длилась довольно долго. В ров уже набралась вода, по ее поверхности колотили крупные капли. Энди не успел пройти по мостику, как почувствовал, что башмаки уже промокли. Со штанин текло, мокрые волосы прилипли к голове. Но было прохладно, и все остальное его не волновало, даже мысль о постоянно раздраженном Грассиоли, похоже, не слишком занимала его.

Дождь шел до вечера. В остальном этот день ничем не отличался от других. Грассиоли дважды лично отчитал Энди, а потом устроил ему разнос перед всем отделом. Энди расследовал два ограбления на дорогах и еще одно разбойное нападение, которое в итоге превратилось в убийство, поскольку жертва скончалась от ножевого ранения в грудь. Работы навалилось больше, чем отдел мог разгрести за месяц, а пока подчищали старые дела, все время поступали новые. Как он и ожидал, в шесть уйти не удалось, но в девять лейтенант вылетел куда-то по телефонному звонку, и все дежурившие днем, несмотря на угрозы и предупреждения Грассиоли, через десять минут исчезли.

Дождь по-прежнему продолжался, хотя и не такой сильный, как прежде, а воздух казался даже холодным после нескольких недель непрерывной жары. Идя по Седьмой авеню, Энди вдруг заметил, что улицы почти пусты — в первый раз за лето. В доме на лестнице и у входа сидели и лежали люди, некоторые растянулись на ступеньках и спали. Он с трудом пробрался, перешагивая через лежавших и не обращая внимания на брань. Что тут будет твориться осенью, если владелец дома не наймет охранников, чтобы гнать скуотеров?

— Ты себе все глаза испортишь, если все время будешь пялиться в этот чертов ящик, — сказал он Солу, входя.

Старик полулежал на кровати и смотрел какой-то фильм про войну. Из телевизора гремела канонада.

— У меня зрение испортилось, когда ты еще не родился, мистер Умник, и я по-прежнему вижу лучше, чем девяносто девять процентов чудаков моего возраста. Все ишачишь?

— Найди мне работу лучше, и я брошу эту, — сказал Энди, включая в своей комнате свет и выдвигая нижний ящик шкафа.

Сол зашел и сел на краешек кровати.

— Если ты ищешь фонарик, — сказал он, — то однажды ты его оставил на столе. А я положил его в верхний ящик под рубашки.

— Ты мне как отец родной.

— Ага, только не пытайся занять денег, сынок.

Энди положил фонарик в карман и вздохнул: теперь он должен рассказать Солу все. Он долго оттягивал этот разговор и сейчас недоумевал, почему так волнуется. В конце концов, эта комната принадлежала ему. Они вместе ели, потому что так было легче, — вот и все. Просто джентльменское соглашение.

— У меня некоторое время будет жить один человек, Сол. Не знаю наверняка, как долго.

— Это твоя комната, дружище. Я знаю этого парня?

— Нет. Но это не парень...

— Ха-ха! Все ясно. — Он щелкнул пальцами. — Не та ли цыпочка, девчонка Большого Майка, с которой ты встречался?

— Да, та самая девушка. Ее зовут Ширли.

— Фантастическое имя, фантастическая девушка, — сказал Сол, вставая. — Просто фантастика. Только смотри не обожгись, дружище.

Энди открыл рот, но Сол вышел из комнаты и захлопнул за собой дверь. Чуть сильнее, чем требовалось. Когда Энди уходил, он опять смотрел телевизор и даже не взглянул на соседа.

День получился длинный, ноги у Энди отнимались, шею сводило и болели глаза. Он думал, почему так разозлился Сол. Он никогда не видел Ширли — что он имеет против нее? Бредя по городу под моросящим дождем, он подумал о Ширли и бессознательно начал насвистывать. Он был голоден, устал, и ему очень хотелось ее видеть.

Вскоре за завесой дождя показались башни и шпили Чел-

си-парка, швейцар кивнул и отдал честь, когда Энди проходил по мостику.

Ширли отворила дверь, на ней было серебристое платье, которое он впервые увидел в тот первый вечер, а поверх него — белый фартук. Волосы были заколоты серебряной заколкой, а дополняли гарнитур серебряный браслет на правом запястье и кольца на обеих руках.

— Только не замочи меня, — сказала она, целуя его. — Я надела все самое лучшее, что у меня есть.

— А я похож на бродягу, — сказал он, снимая мокрый плащ.

— Ерунда. Просто похоже, что у тебя был тяжелый день в офисе, или как вы там называете это место, где работаете. Тебе нужно отдохнуть. Повесь плащ в ванную и высуши волосы, а то простудишься. Потом приходи в гостиную. У меня для тебя сюрприз.

— Что такое? — спросил он.

— Если я тебе скажу, это уже не будет сюрпризом, — ответила она с убийственной женской логикой.

Ширли сняла фартук и ждала его в гостиной у большого стола. Две высокие свечки бросали отблески на серебряные приборы, фарфоровые тарелки и хрустальные бокалы. Белая скатерть свисала твердыми складками.

— Это еще не все, — сказала Ширли, указывая на серебряное ведерко, откуда высовывалось горлышко бутылки.

На пробку была намотана какая-то проволока, а ведерко наполнено кубиками льда и водой. Энди достал бутылку и поднес к свету, чтобы прочитать этикетку.

— «Французское шампанское — редкое, отборное, игристое, вино высшего качества». — Он аккуратно поставил бутылку обратно в ведерко. — Мы пили вино в Калифорнии. Я был еще ребенком, но отец дал мне попробовать. Я вообще не помню вкуса. Ты меня балуешь, Ширли. И ты меня обманула — сказала, что мы допили все напитки в этой квартире, — а теперь достаешь вот это.

— Я тебя не обманывала! Я купила его сегодня, специально на ужин. Заходил человек Майка, снабжавший его спиртным, он из Джерси и даже ничего не знает про то, что случилось с Майком.

— Это, должно быть, стоит целое состояние...

— Не так уж много, как ты думаешь. Я отдала ему все пус-

тые бутылки, и он продал мне его со скидкой. Открывай же, ради Бога, давай попробуем.

Энди долго мучился с проволокой на пробке. Он видел по телевизору, как открывают такие бутылки, но на экране это казалось намного проще, чем на самом деле. В конце концов он откупорил ее. Раздался хлопок — и пробка улетела в другой конец комнаты. Ширли стала ловить бокалом пенящееся вино — так, как велел делать виноторговец.

— За нас, — сказала она, и они чокнулись.

— Отлично. Я никогда не пробовал ничего подобного.

— Ты никогда не пробовал и такого ужина, — сказала она и выбежала на кухню. — Сиди, пей вино и смотри телевизор, все будет готово через несколько минут.

На первое был чечевичный суп, но совсем не такого вкуса, как обычно. С остатками мяса, объяснила Ширли. Вареная тилапия была подана с белым соусом и посыпана сухарями из крекеров. В качестве гарнира фигурировал морской салат. Все это запивали вином, и Энди удовлетворенно вздыхал. Когда Ширли принесла кофе и десерт — желе из агар-агара, залитое соевым молоком, — он застонал, но съел и это.

— Ты куришь? — спросила она, убирая со стола.

Он откинулся на спинку кресла, прикрыв глаза и расслабившись.

— Жалованье полицейского не позволяет. Нет, не курю. Ширли, на кухне ты просто гений. Я избалуюсь, если буду есть то, что ты готовишь.

— Мужчин надо баловать, тогда с ними легче жить. Жаль, что ты не куришь, потому что я нашла две сигары в коробке, спрятанной Майком. Он приберегал их для особых гостей.

— Отнеси их на блошиный рынок, получишь хорошие деньги.

— Нет, я не смогла бы этого сделать, по-моему, это нехорошо.

Энди выпрямился.

— Если так, то Сол курит — тот человек, о котором я тебе рассказывал, он живет в соседней комнате. Это его порадует. Он мой очень хороший друг.

— Чудесная идея, — сказала она. Кем бы ни был этот Сол, ей хотелось ему понравиться, если уж придется жить в соседней комнате. — Я положу их в чемодан. — И она понесла поднос с пустой посудой на кухню.

Вымыв посуду, она закончила упаковывать свои вещи в

спальне и попросила Энди достать с верхней полки последний чемодан. Ей нужно было переодеться, и он помог ей расстегнуть «молнию» на платье. Это произвело такой эффект, на который она и надеялась.

После полуночи последний чемодан был собран, Ширли надела свое серое повседневное платье и была готова идти.

— Ты ничего не забыла? — спросил Энди.

— Не думаю, но взгляну в последний раз.

— Ширли, когда ты сюда переехала, ты привезла с собой полотенца, постельное белье или еще что-нибудь такое? — Он показал на смятую постель и почувствовал себя почему-то неловко.

— Нет, ничего. У меня была только сумка с одеждой.

— Я просто подумал, что эти простыни принадлежат тебе. Понимаешь... в общем, у меня только одна простыня, очень старая, а сейчас они стоят целое состояние, даже бывшие в употреблении.

Она засмеялась.

— Ты говоришь так, будто собираешься проводить большую часть времени в постели. Теперь я вспомнила: две простыни мои. — Она открыла чемодан, сложила их и стала засовывать внутрь. — По крайней мере это он мне задолжал.

Энди вынес чемоданы в коридор и вызвал лифт.

Ширли задержалась на секунду, проверяя, захлопнулась ли дверь, потом догнала его.

— Он когда-нибудь спит? — спросил Энди, когда они вышли в вестибюль и увидели Чарли, стоявшего на своем посту у входной двери.

— Не уверена, — ответила Ширли. — Когда что-нибудь происходит, он тут как тут.

— Очень жаль, что вы уезжаете, мисс Ширли, — сказал Чарли. — Я могу забрать у вас ключи от квартиры, если вам будет угодно.

— Напишите-ка расписку, — попросил Энди, когда она отдала ключи.

— Был бы рад, — невозмутимо произнес Чарли, — если бы было на чем писать.

— Вот, напишите в моем блокноте, — сказал Энди.

Он бросил взгляд через плечо швейцара и увидел Тэба, выходившего из комнаты охраны.

— Тэб, а ты тут что делаешь ночью? — воскликнула Ширли.

— Жду вас. Я узнал, что вы уезжаете, и думал, что нужно помочь вам донести вещи.

— Но уже очень поздно.

— Последний рабочий день нужно закончить как следует. И, по-моему, не следует расхаживать в такое время суток по улицам с чемоданами. Вам могут перерезать горло и не за такое. — Он взял два чемодана, Энди подхватил третий.

— Ну надо же, — сказала она. — Высокооплачиваемый телохранитель и детектив так хлопочут, чтобы проводить меня два квартала.

— Мы еще и улицу подметем, — сказал Энди, забрал блокнот и пошел к двери, предупредительно открытой швейцаром.

Когда они вышли, дождь уже кончился, и в просветах между облаками были видны звезды. Было восхитительно прохладно. Ширли взяла обоих мужчин под руки, и они пошли по улице из залитого светом Челси-парка в кромешную тьму.

Глава 13

Энди поднимался в темноте по лестнице, освещая фонариком спящих людей и стараясь не уронить тяжелую ношу. Его друг Сол спал, и они тихо прошли в комнату Энди. Кровать была достаточно просторна для двоих. Ширли настолько устала, что, положив голову ему на плечо, крепко уснула и даже не почувствовала, как Энди встал утром, оделся и ушел.

Она проснулась и увидела, что солнце заливает изножье кровати, и, облокотившись на подоконник, ощутила свежий, чистый воздух. Город похорошел после ливня. Пыль и грязь были смыты, все казалось удивительно чистым. Остроконечные силуэты Беллевью вздымались над хаосом черных крыш и заляпанных кирпичных стен. Жара исчезла, унесенная дождем. Ширли с наслаждением зевнула и оглядела комнату.

Чего еще ожидать от холостяка — на всем слой пыли. Теперь это ее забота, ведь Энди проводит большую часть времени вне дома. Не мешало бы кое-что покрасить. В комнате было большое зеркало, треснувшее, но вполне приличное, и шкаф для одежды. Короче, жаловаться не на что. Нужно немного прибрать — и комната будет просто загляденье. И еще надо бы смести эту паутину с потолка.

Бак с водой стоял у перегородки, и, когда она повернула кран, в тазик, державшийся на кронштейнах, потекла корич-

неватая струйка воды. У нее был резкий запах химии, который Ширли почти забыла, поскольку вода в Челси-парке проходила через специальные фильтры. Мыла нигде не было видно. Она плеснула себе воды на лицо, вымыла руки и вытерлась стареньким полотенцем, висевшим рядом с бачком.

Вдруг за перегородкой раздался лязгающе-визжащий звук. Она испугалась. Что это такое? Звук доносился из соседней комнаты, где жил Сол. Было очень мило с его стороны, что он начал шуметь только тогда, когда услышал, что она встала и отключила воду. Она причесалась, надела вчерашнее платье и слегка подкрасилась. Бросив взгляд в зеркало, она глубоко вздохнула и отворила дверь.

— Доброе утро... — сказала она и осталась в дверях, стараясь не открыть от изумления рот.

Сол сидел на велосипеде-тренажере, едущем в никуда, с сумасшедшей скоростью крутя педали; седые волосы развевались, а седая борода подпрыгивала на груди. Его единственным одеянием были допотопные, латаные-перелатаные шорты. Визг испускал какой-то черный предмет позади велосипеда.

— Доброе утро! — вновь сказала она, на этот раз немного громче. Он взглянул на нее и стал медленнее крутить педали. — Меня зовут Ширли Грин.

— А кем же вы еще можете быть? — холодно произнес Сол, слезая с велосипеда и вытирая пот с лица тыльной стороной ладони.

— Я никогда не видела подобных велосипедов. Он что-то делает? — Она не собиралась вступать в перебранку с соседом.

— Ага. Он делает лед. — Сол надел рубаху.

Она подумала, что это какая-то глубокомысленная шутка, которых она никогда не понимала, но тут увидела, что от черной штуковины провода ведут к большим батареям на холодильнике.

— Понятно, — сказала она, обрадовавшись своему открытию. — С помощью велосипеда у вас работает холодильник. По-моему, это остроумно. — На сей раз он что-то беззлобно пробурчал, и она поняла, что двигается в правильном направлении. — Хотите кофе?

— Не знаю. Я слишком давно его не пробовал.

— У меня есть полбанки. Если вскипятить немного воды, можно сделать.

Не дожидаясь ответа, она вышла в соседнюю комнату и принесла банку. Сол посмотрел на коричневую банку, пожал плечами и пошел набирать воды в кастрюльку.

— Могу поспорить, что на вкус это чистый яд, — сказал он, ставя кастрюлю на плиту. Включив лампочку в центре комнаты и посмотрев, как светится спираль, он с сожалением покачал головой. — Пока свет у нас есть, так что будем надеяться, что нам удастся вскипятить стакан воды. — Он включил электронагревательный элемент печи.

— Я пью этот растворимый кофе уже пару лет, — сказала Ширли, садясь в кресло у окна. — Говорят, по вкусу он совсем не похож на настоящий кофе, но я этого не знаю.

— Могу вам сказать со всей уверенностью — абсолютно не похож.

— Вы когда-нибудь пробовали настоящий кофе? — Она еще не встречала человека, который бы без удовольствия рассказывал о своем жизненном опыте.

— Пробовал? Милочка, я раньше только на нем и сидел. Вы — ребенок, вы понятия не имеете, что было в старые добрые времена. Мы выпивали три-четыре чашки, может, даже целый кофейник, не задумываясь. Один раз я даже отравился кофе — вся кожа стала коричневой, — потому что выпивал по двадцать чашек на дню. Чемпион по питью кофе. Мог бы получить медаль.

Ширли восхищенно покачала головой и подула в чашку. Кофе был чересчур горячий.

— Я совсем забыла, — вдруг сказала она, вскочила с кресла и выбежала в другую комнату. Через секунду она вернулась и подала Солу две сигары. — Энди сказал, что их надо передать вам, потому что вы курите.

Выражение мужского превосходства сошло с лица Сола, и он открыл от изумления рот.

— Сигары? — Это все, что он смог сказать.

— Да. У Майка была их целая коробка, но осталось только две. Я не знаю, хорошие они или нет.

Сол попытался припомнить ритуал курения сигар. Он подозрительно понюхал конец одной из них.

— По крайней мере пахнет табаком. — Он поднес ее к уху и отщипнул кончик, раздался отчетливый хруст. — Ага! Чересчур сухие. Можно было догадаться. О сигарах нужно заботиться, хранить их в соответствующих условиях. Эти напрочь

пересушены. Они должны быть намного влажнее. Так их курить нельзя.

— Вы хотите сказать, что они плохие? Придется их выкинуть? — Мысль показалась ей ужасной.

— Ничего подобного, успокойтесь. Я просто возьму коробку, положу туда мокрую губку, а на нее сигары и выдержу так три-четыре дня. В сигарах что хорошо: их можно возвращать к жизни, как Лазаря; больше того — он наверняка не стал бы пахнуть так славно через четыре дня. Я покажу, как надо с ними обращаться.

Ширли отхлебнула кофе и улыбнулась. Похоже, все налаживается. Солу просто не пришлась по душе идея, что у Энди кто-то будет жить. Но он отличный мужик, у него полно забавных историй, и эта старомодная манера говорить... и она поняла, что они уживутся.

— Это пойло не так плохо на вкус, — сказал Сол. — Если забыть вкус настоящего кофе. Или виргинской ветчины, или ростбифа, или индюшки. Господи, я мог бы рассказать об индюшке! Это было во время войны. Я торчал в какой-то заднице, в Техасе; всю жратву привозили из Сент-Луиса, а мы находились дальше всех. То, что доходило до нас, было настолько дрянным, что сержанты в столовой вздрагивали, когда открывали бачки с солдатской баландой. Но однажды произошло невероятное. Эти техасцы на своих ранчо выращивали индюшек и отправляли на север к Рождеству и Дню благодарения. — Ширли кивнула. — В общем, шла война, и не было возможности переправить всех этих индюшек, поэтому ВВС купили их по дешевке, и мы целый месяц пировали. Кому рассказать, так не поверят! Мы жарили индюшек, тушили, варили из них суп, пекли пирожки с индюшатиной, делали рагу, крекеры...

В коридоре послышались быстрые шаги, и кто-то так сильно дернул за ручку, что дверь затряслась. Сол тихонько сунул руку в ящик стола и вытащил большой нож.

— Сол, ты дома? — крикнул из коридора Энди, дергая за дверную ручку. — Открывай.

Сол кинул нож на стол и поспешил к двери. Энди ворвался весь в поту, тяжело дыша. Он прикрыл за собой дверь и заговорил, понизив голос:

— Послушайте, наполните бачки и все канистры. И наполните все, в чем только можно держать воду. Может, заткнете раковину, тогда в нее тоже можно налить воды. Наполняйте

столько канистр, сколько вам разрешат на колонке. А если заметят, что вы слишком часто возвращаетесь, идите на другую — на Двадцать восьмой улице. Шевелитесь. Сол... Ширли тебе поможет.

— А что произошло?

— Дьявол! Не задавай глупых вопросов. Я не могу этого сказать... Не проболтайся, а то мы все попадем в беду. Мне нужно возвращаться, пока не обнаружили, что меня нет.

Он выскочил из комнаты так же стремительно, как и появился. Хлопнула дверь, звуки шагов затихли.

— А что случилось? — спросила Ширли.

— Узнаем позднее, — сказал Сол, засовывая ноги в сандалии. — Прямо сейчас нужно идти. Энди впервые выкидывает такую штуку, а я старый человек... меня легко испугать. В вашей комнате есть еще одна канистра.

Казалось, что обеспокоены были только они. В очереди у колонки на углу стояли всего две женщины, и одна из них наполнила всего одну бутылку. Сол донес канистры до дома, а по лестнице Ширли захотела тащить их сама.

— Нужно сгонять лишний жир, — сказала она. — Вы пока возвращайтесь в очередь, а я перелью воду и принесу пустые.

Очередь стала чуть длиннее, но в этом ничего необычного не было. Большинство людей всегда собирались в это время у колонки, пока в полдень ее не закрывали.

— У тебя, похоже, жажда, папаша, — сказал полицейский, когда они опять встали в очередь. — Ты же был здесь только что.

— А твоя какая забота?! — рявкнул Сол. — Что-то слишком много стал замечать. Может, я решил раз в году принять ванну, чтобы не провонять, как некоторые, о ком я мог бы сказать, да не буду...

— Успокойся, дедуля.

— К счастью, я тебе не дедуля, внучок, а то бы уже давно повесился. С каких это пор полиция стала считать, сколько людям нужно воды?

Полицейский отступил на шаг и повернулся к ним спиной. Сол набрал канистры, по-прежнему ворча, а Ширли помогла отнести их в сторону и завинтить крышки. Как только они благополучно закончили операцию, на мопеде появился сержант.

— Запирай! — крикнул он. — Закрыто до завтра!

Женщины, стоявшие в очереди, закричали и бросились к колонке, пытаясь набрать воды. Полицейский полез сквозь орущую толпу к крану. Но не успел он добраться до колонки, как вода в кране стала течь тоненькой струйкой и вскоре пропала. Полицейский посмотрел на сержанта.

— Ага, произошла авария, — сказал сержант. — Трубу... прорвало, пришлось перекрыть. Завтра все будет в порядке. А теперь расходитесь.

Сол молча посмотрел на Ширли, они забрали канистры и побрели домой. Они оба заметили заминку сержанта. Произошло нечто более серьезное, чем авария водопровода. Они медленно поднимались по лестнице, стараясь не расплескать ни капли.

Глава 14

Хоть легавые и знали, кто он такой, и охотились на него, удача пока была на его стороне. Порой Билли овладевал страх, но это проходило, и он опять начинал думать об удаче. Разве не удача, что легавые появились тогда, когда он вышел из дому? И он удрал, никем не замеченный, — это тоже удача. Ну и что же, что пришлось все бросить? На нем были шорты, а накануне он зашил в них все свои деньги, поскольку боялся потерять их, нося в сандалии. Так что у него были деньги, а это все, что нужно.

Первым делом он зашел на блошиный рынок на Мэдисон-сквер, разбудил одного из парней, спавших под прилавками, и купил у него сандалии. Затем он направился в центр города, подальше от своего района. Когда открылись водоразборные колонки, он умылся, затем купил поношенную рубаху на одном из лотков и немного крекеров из водорослей. Он съел их на ходу. Когда Билли добрался до Китайского городка, было еще очень рано, но улицы уже были полны народа, а ему нужно было найти свободное место у стены и немного вздремнуть.

...Проснувшись, он понял, что здесь ему оставаться нельзя. Местные как-то странно на него поглядывали, а он знал, что, если его описание уже распространили по городу, они, не задумываясь, продадут его за пару долларов. Когда-то он слышал, что китайцы живут и в Ист-Сайде, и направился туда.

На одном месте нельзя было долго оставаться: его могли заметить. К тому же, пока стоит жара, можно спать где угодно.

Приходилось держаться людных улиц, поскольку там на тебя никто не обращает ни малейшего внимания. Он спал даже днем, а иногда и ночью, если удавалось найти какое-нибудь тихое местечко. Он продолжал двигаться с места на место и не слишком беспокоился о том, что с ним будет дальше. Все в порядке, пока у него еще есть деньги. А потом... Он не любил думать о том, что будет потом, и поэтому не думал об этом.

Ливень застал его врасплох. Пришлось задуматься о поиске какого-нибудь укрытия. Он попал под дождь прямо посреди улицы и промок до нитки. С тысячами других бездомных он нашел убежище под Уильямсбургским мостом, но даже там не было совершенно сухо, поскольку ветер постоянно менял направление и потоки воды задувало под мост. В сырости и холоде он провел всю ночь, не сомкнув глаз, а под утро выбрался на лестницу, ведущую на мост, чтобы погреться на солнце. Вдоль моста тянулась пешеходная дорожка, и Билли пошел по ней навстречу восходящему солнцу. Он никогда не забирался так высоко и с замиранием сердца смотрел сверху на город и реку. Вверх по течению медленно двигалось серое грузовое судно, а его лихо обгоняли парусные и весельные лодки. Глядя вниз, Билли крепче хватался за поручни.

Пройдя половину моста, он сообразил, что вышел из Манхэттена — впервые в жизни, — а если он пойдет дальше, то полиция никогда его не обнаружит. Впереди раскинулся Бруклин — зазубренная стена причудливых очертаний на фоне неба, совершенно новое, незнакомое место. Он о нем ничего не знал, и полиции никогда и в голову не придет искать его так далеко.

Когда он перешел через мост, страх медленно начал проходить — это напоминало Манхэттен, только другие люди и другие улицы. Одежда на нем уже высохла, и Билли чувствовал себя неплохо, но очень устал и хотел спать. Шумные людные улицы вели все дальше и дальше, и он наугад шел по ним, пока не очутился перед высокой стеной, тянувшейся вдоль дороги, и казалось, что не было ей конца. Он пошел вдоль нее, гадая, что находится за ней, пока не добрался до запертых металлических ворот с колючей проволокой, протянутой поверху. На черном потертом щите виднелась надпись: «Бруклинский военно-морской склад. Вход воспрещен». За решетками ворот Билли увидел непонятные постройки, пустые навесы, горы ржавого железа, части кораблей, разбитые железобетон-

ные плиты и мусор. Внутри расхаживал тучный охранник в серой форме с тяжелой дубинкой. Он подозрительно взглянул на Билли, тот поспешно отошел от ворот и двинулся дальше.

Было похоже, что огромное безлюдное пространство за забором заброшено и никому не нужно. Если бы удалось пробраться мимо полицейского, он мог бы прятаться там вечно. Если бы можно было туда пробраться... Он шел вдоль стены, пока каменный забор не сменился покосившейся оградой. Сверху была натянута колючая проволока, но она заржавела, провисла, а в некоторых местах порвалась. На этом участке улицы людей было не слишком много. Здесь перебраться через ограду не составляло труда.

То, что он не единственный, кому пришла в голову такая идея, выяснилось через минуту, пока он изучал ограду. С той стороны забора появился человек немногим старше Билли. Он на секунду остановился и осмотрелся, убеждаясь, что поблизости никого нет. Затем подсунул под проволоку кусок железобетонной плиты, ловко прополз под оградой и вытолкнул кусок плиты, так что проволока упала на прежнее место. Затем он встал и спокойно зашагал по улице.

Билли подождал, пока человек скроется из виду, потом подошел к тому месту, откуда он вылез. В земле было вырыто углубление, не слишком большое, чтобы привлечь чье-то внимание, но достаточное, чтобы проползти под оградой. Он засунул кусок бетона под проволоку, как сделал тот человек, огляделся — никто не обращал на него внимания — и проскользнул под оградой. Проще простого. Он вытолкнул ногой кусок плиты, и проволока упала.

Было что-то пугающее в этом пустынном пространстве. Никогда прежде ему не приходилось быть совершенно одному. Билли замедлил шаг, двигаясь вдоль нагретых солнцем кирпичных строений, потом остановился и осторожно выглянул из-за угла. Впереди был широкий пустырь, заваленный обломками кораблей. Билли вышел из-за угла, как вдруг рядом послышались шаги. Он отбежал к стене и увидел, как мимо медленно прошел охранник в сером. Когда он исчез из виду, Билли бросился в тень ржавых стальных балок плавучего сухого дока.

Он пробирался среди обломков, ища какое-нибудь местечко, куда можно заползти, спрятаться и поспать. Ему встречались и другие охранники, но их было легко заметить. Они ходили по широким проходам и не приближались к зданиям. Если бы ему удалось проникнуть в одну из заброшенных построек, он оказался бы в безопасности. Одна из них привлекла его внимание — длинное низкое здание с рухнувшей крышей и окнами без стекол. Оно было обито асбестовыми плитами, многие из них раскололись, а некоторые вообще были оторваны. Он подошел поближе, заглянул в окно, но, кроме темноты, ничего не увидел. Рухнувшая крыша нависла в паре метров над полом — получалась темная, тихая пещера. Это то, что ему нужно. Он зевнул и залез в проем. И тут в бок ему впился острый край какой-то железяки. Билли закричал от боли.

Пока он выбирался из проема, что-то тяжелое пролетело в воздухе над головой и ударилось в стену, рассыпавшись на мелкие кусочки. Билли поднялся на ноги и заковылял подальше от входа, но никто не пытался его преследовать. Из темного проема не доносилось ни звука, но Билли как можно быстрее пошел прочь, с опаской оглядываясь на здание. Завернув за угол, он остановился, задрал рубашку и увидел большую ссадину чуть пониже ребер, вокруг которой кожа уже посинела. Похоже, обычная ссадина и синяк, но как больно!

Было ясно, что придется с кем-то воевать. Он не собирался возвращаться в здание — ни за что! — но отыскать здесь какое-то оружие просто необходимо. Повсюду валялись куски бетона, и он подобрал один, из которого торчала ржавая арматура.

Должно быть, многим людям пришла идея прятаться здесь. Он мог бы сразу об этом догадаться, когда увидел парня, вылезавшего из-под забора. Бродяги скрывались где-то здесь: это было достаточно просто. Они находили укромное местечко, занимали его и не пускали туда чужих — должно быть, так. Наверняка существовал вход в любое из этих зданий, и в каждом кто-нибудь прятался. Дрожь пробежала по спине при этой мысли, и, прижав руку к болевшему боку, он пошел прочь от здания. Может, лучше выбраться отсюда подобру-поздорову? Но местечко уж слишком хорошее, жаль оставлять его. Если бы ему удалось найти какую-нибудь нору, это было бы идеально.

Билли огляделся. Для драки надо найти что-нибудь получше куска бетона. Он посмотрел под ноги, выискивая что-нибудь подходящее, но, несмотря на обилие всякого мусора и лома, нигде не валялось ничего такого, что можно было бы превратить в оружие. Словно здесь уже прошло множество

людей с той же самой целью. Зажав в руке камень, он заковылял дальше.

Ему уже хотелось выбраться из этих ржавых джунглей, но он заблудился.Солнце ужасно пекло голову и раскалило потрескавшийся асфальт под ногами. Билли брел вдоль огромного сухого дока, ощущая себя насекомым, ползущим по краю мироздания. Вдали несла свои маслянистые воды Ист-Ривер. На том берегу высились небоскребы Манхэттена. При глубоком вздохе бок сильно болел, и одиночество все сильнее наваливалось на плечи.

У самой кромки воды лежал разобранный корабль — обшивку содрали, изнутри торчали шпангоуты — словно скелет какого-то мертвого морского чудовища. Разборка не была доведена до конца: кормовая часть корабля была почти не тронута, рубка и носовая часть тоже были целыми. На уровне земли не было никаких отверстий. Судно, по-видимому, было танкером, поперечная переборка находилась на месте. А иллюминаторы и вход располагались намного выше. Забраться наверх было нетрудно. Билли подумал, не прячется ли и здесь кто-нибудь? Однако надо было отдохнуть, а эта развалина казалась подходящей для этой цели. Стоит рискнуть. Забираться наверх с куском бетона в руке было нелегко, но Билли пока не решался с ним расстаться.

Перед рубкой оставался небольшой участок разломанной палубы, шириной около метра. Билли ухватился за него, подтянулся и просунул голову в проем. Камень он держал наготове.

— Здесь есть кто-нибудь? — тихо произнес он.

В рубке было темно и тихо.

— Эй! — крикнул Билли, но ему никто не ответил.

Он медленно вошел через проем в темное помещение. На этот раз на него никто не напал. Он заморгал глазами, пытаясь что-нибудь рассмотреть в темноте. Впереди виднелось что-то темное, но при ближайшем рассмотрении это оказалось лишь кучей мусора. В дальнем углу лежала такая же куча. Но, присмотревшись, Билли понял, что это человек, который сидел на полу, прислонившись к стене и вытянув ноги. Он пристально смотрел на Билли.

— Брось это, — сказал человек очень тихо, почти шепотом.

Он протянул руку и стукнул загнутым концом металлической трубы по полу. Билли посмотрел на нее, широко открыв

глаза, бок по-прежнему болел. Он бросил в сторону кусок бетона.

— Разумно, — сказал человек, — весьма разумно.

Он быстро встал, выпрямившись, как складной метр, — высокий мужчина с тонкими руками, очень худой, вероятно, от недоедания. Когда он вошел в луч света, Билли увидел, что кожа у него туго обтягивала скулы и почти лысый череп, губы были растянуты, длинные желтоватые зубы выдавались вперед. Водянистые голубые глаза, круглые, как у ребенка, казались почти прозрачными. Они были похожи на окна, в которые заглядываешь, а с той стороны ничего не видно. Он продолжал в упор смотреть на Билли, помахивая обрезком трубы и не говоря ни слова. И было непонятно, улыбался он или злобно скалился.

Билли сделал шаг. Конец трубы описал дугу. Билли остановился.

— Что тебе здесь надо? — спросил мужчина.

— Ничего, я просто...

— Что тебе надо?

— Я искал место, где можно спрятаться. Я устал. Я никому не хочу зла.

— Как тебя зовут? — прошептал человек. Глаза его были неподвижны.

— Билли...

Зачем он так ответил? Он закусил губу. Зачем он сказал свое настоящее имя?

— У тебя есть что-нибудь поесть, Билли?

Он хотел соврать, но передумал. Он сунул руку за пазуху.

— Вот, у меня есть крекеры. Хотите? Они немного поломались.

Труба упала на палубу и откатилась в сторону — мужчина шагнул к Билли, сложив руки горстями.

— «Отпускай хлеб твой по водам, ибо через много дней опять найдешь его». Знаешь, откуда это? — спросил он.

— Нет... не знаю, — смущенно ответил Билли и высыпал крекеры в протянутые ладони.

— Я так и думал, — недовольно проворчал мужчина, сел, прислонившись к стене, и стал есть, автоматически жуя. — Я полагаю, что ты язычник, желтый язычник. Впрочем, это неважно. Ты такой же, как и все Его создания. Хочешь спать — спи. Места здесь достаточно для двоих.

— Я могу уйти, ведь вы пришли сюда первым.

— Ты боишься меня, не правда ли? — Билли поежился под пристальным немигающим взглядом, и человек кивнул. — Не надо, потому что мы ходим рядом со страхом. Знаешь, что это означает? Тебе понятен смысл этого года, а?

Билли молча сел. Он не знал, что ответить. Мужчина доел последние крошки, вытер руки о грязные штаны и тяжело вздохнул.

— Ты не можешь этого знать. Ложись, спи. И не волнуйся — сюда никто не придет. В нашей коммуне строгие правила относительно собственности. Обычно только посторонние вроде тебя нарушают границы, хотя и другие могут сделать это, если посчитают необходимым. Но сюда они не придут, они знают, что у меня нечего взять. Можешь спать совершенно спокойно.

Несмотря на усталость, Билли казалось немыслимым спать под пристальным взглядом незнакомого человека. Он лег у стены в дальнем углу с открытыми глазами, настороженно ожидая, что будет дальше. Мужчина бурчал что-то себе под нос и чесался. Над ухом Билли послышалось жужжание. Комар. Еще один. Билли ожесточенно хлопнул себя по ноге. Похоже, что здесь ужасно много комаров. Что ему делать? Попытаться уйти?..

С внезапным испугом он понял, что заснул. Солнце стояло низко и светило почти в дверной проем. Он сел и огляделся. Никого. Сильно болел бок.

Послышался лязгающий, металлический звук. Он раздавался где-то снаружи. Билли на цыпочках подошел к проему и выглянул. Мужчина поднимался наверх, а конец трубы, которую он тащил с собой, стучал об обшивку судна, производя звук, который его встревожил. Билли юркнул назад. Мужчина швырнул трубу наверх и влез на палубу.

— Водоразборные пункты сегодня закрыты, — сказал он и показал допотопную погнутую банку из-под краски, которую он принес с собой. — Но я нашел одно местечко, где сохранилась вода после вчерашнего дождя. Будешь?

Билли кивнул, внезапно вспомнив, как у него пересохло в горле, и взял протянутую банку. Она была наполнена чистой водой, сквозь которую была видна отшелушившаяся зеленая краска. Вода оказалась очень вкусной.

— Пей еще, — сказал мужчина. — Я напился, когда набирал воду. Как тебя зовут? — спросил он, забирая банку.

Это ловушка? Человек, должно быть, помнит его имя, и Билли не посмел назвать другое.

— Билли, — ответил он.

— Можешь звать меня Питером. Если хочешь, оставайся.

Он с банкой вошел внутрь и, похоже, забыл о своей трубе. Билли с подозрением на нее посмотрел, не уверенный в мотивах, которые двигали этим человеком.

— Ты оставил здесь трубу! — крикнул он.

— Принеси сюда, пожалуйста. Нельзя бросать ее где ни попадя. Положи здесь, — сказал он. — По-моему, у меня где-то есть еще один кусок вроде этого. Можешь брать его с собой, когда будешь покидать эти апартаменты. Некоторые наши соседи могут быть весьма опасны.

— Охрана?

— Нет, эти для нас абсолютно не опасны. Их работа — это синекура, и у них не больше желания беспокоить нас, чем у нас — беспокоить их. Пока они нас не видят, нас здесь нет. Так что просто сторонись их. Ты обнаружишь, что они не очень-то хорошо видят. Они могут сшибать свои деньги, не подвергая себя опасности. Благоразумные люди. Все, что стоило украсть, исчезло много лет тому назад. Охрана осталась, потому что никто еще не решил, что делать с этим местом, а проще всего — забыть про него. Они представляют собой символы государства времен упадка культуры, тогда как эта пустыня — намного более значимый символ. Вот почему я здесь. — Он обхватил руками ноги и положил острый подбородок на колени. — Ты знаешь, сколько имеется входов в это место?

Билли покачал головой, не понимая, о чем говорит Питер.

— Тогда я тебе скажу. Их восемь — и только один не заперт, и им пользуются охранники, остальные закрыты и опечатаны семью печатями. Это тебе что-нибудь говорит? Семь печатей. Нет, вижу, что не говорит ничего. Но существуют и другие знаки — некоторые сокрыты, другие отчетливо видны невооруженным глазом. А еще больше появится — и один за другим откроются нам. Некоторые были написаны на века. Наподобие великой блудницы по имени Вавилон, которая никогда не являлась Римом, как многие ошибочно полагали. Ты знаешь, как называется вот тот город?

— Этот? Нью-Йорк?

— Да, это одно имя, но существует и другое, которым его называют и называли, и никто против него не возражает: Ва-

вилон-на-Гудзоне. И ты видишь, что это и есть великая блудница, и Армагеддон произойдет здесь — вот почему я пришел. Когда-то я был священником. Ты не поверишь.

— Почему же? — ответил Билли и зевнул, осматривая стены и выглядывая в дверной проем.

— Священник должен говорить правду, что я и делал, и за это они меня вышвырнули. Они — те, кто искушал антихриста в своих палатах. Коллегия кардиналов посоветовала папе римскому снять запрет на уничтожение жизни ребенка, и он с этим посчитался, тогда как правда Закона Божьего — вокруг нас. Он сказал: «Плодитесь и размножайтесь!», что мы и делали. И Он дал нам разум, чтобы исцелять больных и укреплять слабых, и вот где лежит истина. Наступает тысячелетие, сейчас, прямо на нас, на перенаселенный мир душ, ждущих Его зова. Вот истинное тысячелетие. Ложные пророки сказали, что это был год однотысячный, но сейчас в этом городе больше людей, чем было в то время во всем мире. Сейчас наступает время, мы видим, как оно грядет, мы можем читать его знаки.

Больше мир уже не может удержаться, он развалится на части под тяжестью человеческой массы, но он не развалится до тех пор, пока семь труб не провозгласят новый год, новое столетие. Тогда наступит расплата.

Он умолк, и тонкий писк комаров стал слышен в неподвижном воздухе. Билли хлопнул ладонью по ноге и убил одного комара. Руку Питера освещало солнце, и Билли видел на ней многочисленные следы комариных укусов.

— Никогда не видел столько комаров, как здесь у тебя, — сказал Билли. — Причем днем. Раньше меня днем никогда не кусали. — Он встал и начал ходить по засыпанной всяким хламом рубке, отмахиваясь от комаров. Ногами он отшвыривал какие-то лохмотья и щепки. В задней стене находилась тяжелая стальная дверь, приоткрытая на несколько сантиметров. — А что там? — спросил он.

Питер не услышал вопроса — или сделал вид, что не слышит. Билли толкнул дверь. Но петли так заржавели, что дверь не сдвинулась с места.

— Ты не знаешь, что там такое? — спросил он громче.

Питер зашевелился и обернулся.

— Нет, — ответил он. — Никогда не смотрел.

— Дверь закрыта давным-давно. Может, там есть что-ни-

будь, что может нам пригодиться. Никогда не знаешь, что найдешь. Давай посмотрим, нельзя ли ее открыть.

Навалившись на дверь вдвоем и используя в качестве рычага кусок металлической трубы, они сумели приоткрыть ее еще на несколько сантиметров. В образовавшуюся щель уже можно было пролезть. Билли пробрался туда первым, и под его ногой что-то загрохотало.

Он наклонился.

— Посмотри. Я же говорил, что мы что-нибудь найдем. Я могу это продать или оставим на всякий случай.

Это был стальной лом длиной больше метра, брошенный здесь много лет назад. Он был покрыт слоем ржавчины, но все еще был очень крепок. Билли засунул острый конец трубы в щель и нажал изо всех сил. Ржавые петли заскрипели, и дверь открылась полностью. Тут находилась маленькая площадка, и металлические ступеньки вели в темноту. Билли начал медленно спускаться, крепко держа в руке лом и держась за поручни. На пятой ступеньке он оказался по щиколотку в воде.

— Здесь не так уж темно... и полно воды, — сказал он.

Питер спустился по лесенке и посмотрел вниз. Потом он показал на два светлых пятна наверху.

— Очевидно, дождевая вода скапливается на верхней палубе и просачивается сюда через эти дыры. Наверняка вода тут накапливалась уже много лет.

— Вот откуда летят твои комары, — сказал Билли. Замкнутое пространство было наполнено их жужжанием. — Нужно закрыть дверь.

— Весьма практично, — согласился Питер. — Теперь можно не ходить за водой к колонке и не лазить через ограду. Здесь ее столько, сколько нам нужно. Пожалуй, даже больше.

Глава 15

— Привет, незнакомец, — сказал Сол.

Ширли отчетливо слышала его голос за перегородкой. Она сидела у окна и делала себе маникюр. Положив кисточку и лак на кровать, она подбежала к двери.

— Энди!.. Это ты? — крикнула она.

Отворив дверь, Ширли увидела его, покачивающегося от усталости. Она подбежала к нему и обняла. Он поцеловал ее и рухнул в кресло у стола.

— Я совершенно выжат, — пробормотал он. — Не спал с... когда это было? С позавчерашней ночи. Раздобыли воду?

— Наполнили оба бачка, — сказал Сол, — и все канистры, прежде чем все прикрыли. Что случилось с водой? Я слыхал всякие байки по телевизору, но это полная чепуха. Они чего-то недоговаривают?

— Ты ранен? — воскликнула Ширли, заметив, что у него разорван рукав, а под ним видна повязка.

— Ничего страшного, просто царапина, — ответил Энди и улыбнулся. — Это во время дежурства... вилами.

— Вероятно, преследовал дочку фермера. Хорошая история, — хмыкнул Сол. — Хочешь выпить?

— Если остался спирт, можешь немного разбавить его водой. Могу выпить и такого. — Он сделал глоток и откинулся на спинку кресла. Напряжение сошло с его лица, но глаза были красные от усталости и опухшие. Сол и Ширли сели за стол напротив него. — Никому не рассказывайте, пока не появятся официальные сообщения, но с водой приключились большие неприятности, а еще большие грядут.

— Ты поэтому нас и предупредил? — спросила Ширли.

— Да, я кое-что услышал на станции во время обеденного перерыва. Неприятности начались на артезианских скважинах и насосах на Лонг-Айленде и на всех насосных станциях Бруклина и Квинза. Знаете, под Лонг-Айлендом существует водоносный слой, и если слишком быстро откачивать воду, то в подземный резервуар начинает проникать морская вода. Она уже давно была солоноватой, это можно почувствовать, если воду не смешивать с водой, поступающей из штата. Они, должно быть, рассчитали, сколько нужно откачивать. Наверняка в расчеты вкралась ошибка или станции качали больше положенного. В любом случае в Бруклин сейчас течет чистая соль. Все станции там закрыли, а расход из Кротона и из штата увеличили.

— Фермеры и так скулили всю дорогу про сухое лето. Могу поспорить, это им очень понравится.

— Не буду спорить. Наверняка это планировалось уже давно, потому что они поставили охрану на акведук — с винтовками и взрывчаткой — той, что украли в прошлом году из арсенала в Олбани. Десять полицейских убиты. Не знаю, сколько ранено. Они взорвали по крайней мере километр труб, прежде чем мы туда прорвались. Наверняка вся деревенщина от мала до велика пыталась нас остановить. Не у всех были

винтовки, но они отлично управлялись вилами и топорами. В конце концов их разогнали слезоточивым газом.

— Значит... в городе вообще нет воды? — спросила Ширли.

— Мы привезем воду, но некоторое время люди помучаются от жажды. Будьте поэкономнее с водой, больше пока не будет. Только для питья и приготовления пищи, больше ни для чего.

— Но нам же нужно умываться, — сказала Ширли.

— Нет, умываться не будем. — Энди протер глаза. — Тарелки можно вытирать тряпкой. Что касается нас... что ж, немножко провоняем.

— Энди!

— Извини, Ширли. Это ужасно, знаю. Но ты должна понять: все очень серьезно. Можно какое-то время прожить, не умываясь, от этого не умирают. А когда опять подключат воду, тогда и соскоблим всю грязь.

— Как по-твоему, сколько это продлится?

— Трудно сказать. Для ремонтных работ потребуется куча бетона и арматуры — и то и другое страшный дефицит. Нужны бетономешалки и прочая техника. Большую часть воды придется привозить в железнодорожных цистернах, в автоцистернах и на баржах. Возникнут чертовски сложные проблемы с распределением и рационированием. Нужно рассчитывать на то, что будет хуже, пока не станет лучше. — Он поднялся на ноги и зевнул. — Я хочу пару часов подремать, Ширли. Разбуди меня в четыре. Перед уходом мне нужно побриться.

— Два часа! Что это за сон! — возмутилась она.

— Я тоже так думаю, но на большее у меня нет времени. Кто-то наверху по-прежнему давит на нас по поводу убийства О'Брайена. У одного осведомителя из Китайского городка есть какая-то информация, и я должен с ним сегодня встретиться, вместо того чтобы выспаться перед вечерним патрулированием. Я постепенно начинаю ненавидеть Билли Чуна, где бы он ни прятался.

Он вышел в другую комнату и рухнул на кровать.

— Можно я останусь здесь, пока он спит, Сол? — спросила Ширли. — Я не хочу его беспокоить... но я не хочу беспокоить и вас...

— Беспокоить! Как такая симпатичная барышня может кого-то побеспокоить? Позвольте сказать вам, что, может, я на вид и старый, но это только из-за моего возраста. Я не говорю, что вы не должны ощущать себя рядом со мной в безопас-

ности. Годы решительных действий прошли. Теперь я получаю удовлетворение, просто размышляя об этом, что в любом случае дешевле, и вы можете не тревожиться. Несите сюда свое вышивание, а я расскажу вам о тех временах, когда я служил в Ларедо и мы с Люком на один из уик-эндов заехали в Мальчишеский городок в Нуэво-Ларедо. Хотя, если подумать, может, лучше вам об этом не рассказывать.

Когда Ширли вошла в комнату, Энди крепко спал, растянувшись на кровати прямо в одежде. Он даже не снял башмаки. Она задернула шторы и убрала с кровати маникюрный набор. В подметке правого башмака Энди зияла приличная дыра, и она уставилась на Ширли, словно пыльный печальный глаз. Если попытаться снять с него башмаки, то можно его разбудить. Поэтому она тихонько вышла и прикрыла за собой дверь.

— Нужно заряжать аккумуляторы, — сказал Сол, глядя на поплавок ареометра. — Энди уже вырубился?

— Да, крепко спит.

— Подождите, вот будет дело, когда начнете его будить. Когда он вот так отключается, можно сбрасывать бомбу, и, если она его не убьет, он ее не услышит. Я сейчас заряжу батареи, а он и не узнает.

— Так несправедливо! — внезапно взорвалась Ширли. — Почему Энди обязан выполнять двойную работу, сражаться за воду для всего города? Что тут все эти люди делают? Почему бы им не уехать куда-нибудь, раз не хватает воды?

— На этот вопрос ответ очень прост — ехать некуда. Вся страна — это одна большая ферма. Людей на юге так же много, как и на севере, поскольку не существует общественных средств передвижения. Любой, кто попытается пешком дойти до теплых краев, подохнет с голоду задолго до того, как туда доберется. Люди остаются на месте, потому что государство организовано так, что заботится о них только там, где они живут. Они плохо питаются, но все-таки что-то едят. Чтобы сдвинуть людей с насиженных мест, необходима крупная катастрофа, вроде исчерпания запасов воды в калифорнийских долинах или пылевого шара, который, как я слышал, принимает международные масштабы и движется к канадской границе.

— Ну тогда в другие страны. Ведь все приехали в Америку из Европы и с других материков. Почему бы некоторым из них не вернуться?

— Если вы думаете, что проблемы существуют только у нас, посмотрите, как обстоят дела за океанами. Вся Англия — просто один большой город, и я видел по телевизору, как застрелили последнего консерватора при попытке защитить последний лес, который собрались вырубить. Или вы хотите отправиться в Россию? Или в Китай? Они уже пятнадцать лет ведут войну из-за спорных приграничных территорий, которая является единственным способом замедлить рост населения. Однако у вас призывной возраст, а там в армию призывают и девушек, так что вам это, наверно, не понравится. Может, в Данию?Там можно жить великолепно — если вы сможете туда попасть. По крайней мере едят они регулярно, но на границе они поставили бетонную стену, а береговая охрана стреляет без предупреждения, потому что слишком много голодающих людей пытаются пробиться в землю обетованную. Нет, может, у нас здесь и не рай, но все-таки место пригодно для жилья. Я должен зарядить батареи.

— Это несправедливо. Я по-прежнему придерживаюсь этого мнения.

— А что справедливо? — улыбнулся Сол. — Успокойтесь. Вы молоды, красивы, вы регулярно едите и пьете. Так на что вы жалуетесь?

— А и в самом деле, не на что. — Она улыбнулась ему в ответ. — Просто я разозлилась, видя, как Энди целыми днями работает, заботясь о людях, а они даже не знают об этом, и их это вообще не заботит.

— Не может быть иной благодарности, кроме зарплаты. Работа есть работа.

Сол вытащил велосипед-тренажер и подсоединил провода от генератора к аккумуляторам на холодильнике. Ширли подвинула кресло к окну и раскрыла маникюрный набор. Скрип и стоны генератора переросли в пронзительный вой.

День был прекрасный, солнечный, но не жаркий, и, судя по всему, осень будет отличной. Возникли перебои с водой, но все придет в норму. Она нахмурилась, глядя на крыши домов и небоскребы. На звуковом фоне бесконечно ревущего города был отчетливо слышен визг детей во дворе.

Если не считать проблем с водой, все было отлично. Но вот что интересно: несмотря на то что она знала, что все отлично, у нее по-прежнему сохранялось некое внутреннее напряжение, подспудное ощущение тревоги, которое не покидало ее.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

— Все говорят, что это самый холодный октябрь. Я никогда не видала такого холода. Да к тому же дождь. И вечно-то его не хватает, чтобы наполнить резервуар, но он всегда достаточно силен, чтобы промокнуть насквозь и продрогнуть до костей. Это нормально?

Ширли машинально кивнула, едва вслушиваясь в слова. Очередь немного продвинулась, и Ширли сделала несколько шагов вслед за говорившей, похожей на бесформенную груду одежды, накрытую сверху разорванным синтетическим плащом. «Наверное, я выгляжу не лучше», — подумала Ширли, натягивая на голову конец одеяла, чтобы хоть как-то спастись от надоедливой мороси. Стоять оставалось недолго, впереди всего десятка два людей, но прошло гораздо больше времени, чем она предполагала, и почти стемнело. Над автоцистерной зажгли лампочку, осветившую ее черные бока и завесу дождя. Очередь вновь продвинулась, и женщина перед Ширли заковыляла, таща за собой маленького ребенка: такой же тряпичный узел, как и его мать; лицо было скрыто повязанным сверху шарфом. Ребенок все время хныкал.

— Прекрати сейчас же! — прикрикнула на него женщина. Она обернулась к Ширли: красное одутловатое лицо, почти беззубый рот. — Он плачет, потому что мы только от врача. Доктор думал, что он заболел серьезно, но оказалось, что это всего-навсего квош. — Она показала опухшую руку мальчика. — Посмотрите, все распухает, на коленях появляются черные пятна. Нужно было две недели сидеть в больнице Беллевью, чтобы доктор рассказал мне то, что я и без него знала. Но

это единственный способ получить от него бумажку. Вот так нам выписали горохового масла. Супружник у меня его любит. Вы живете в нашем квартале, не так ли? По-моему, я вас там видела.

— На Двадцать пятой улице, — ответила Ширли, снимая крышку с канистры и кладя в карман пальто. Она продрогла до костей и была уверена, что простудилась.

— Я узнала вас. Подождите меня, пойдем домой вместе. Уже поздно, а вокруг столько хулиганья, так и норовят вырвать из рук воду. Они всегда могут ее продать. Вот миссис Рамирес из моего дома: она хоть и вздорная, но хорошая баба, знаете, ее семья живет в этом доме со Второй мировой войны. Так ей поставили такой синяк под глазом, что она едва видит, и выбили два зуба. Какой-то подонок ударил ее дубинкой и отобрал воду.

— Да, я вас подожду, это прекрасная мысль, — сказала Ширли, внезапно почувствовав себя страшно одинокой.

— Карточки! — рявкнул полицейский. Она протянула ему три листочка: свою карточку, Энди и Сола. Полицейский поднес их к свету, потом вернул ей. — Шесть литров! — крикнул он человеку, стоявшему у крана.

— Как шесть? — возмутилась Ширли.

— Сегодня норму снизили, дамочка. Поживее, народ ждет.

Она подала канистру, человек у крана засунул в нее конец шланга и открыл воду.

— Следующий! — крикнул он.

Ширли подняла канистру — та была до обидного легкой. К Ширли подошла та женщина, одной рукой таща ребенка, а в другой неся двадцатилитровый бак из-под керосина, который казался почти полным. Наверняка у нее большая семья.

— Пойдемте, — сказала женщина; ребенок засеменил за ней, слабо подвывая.

Когда они свернули с Двенадцатой авеню в переулок, стало еще темнее, словно дождь впитал весь тусклый свет. Тут в основном располагались старые склады и фабрики с серыми крепкими стенами. Тротуар был мокрый и пустынный. Ближайший уличный фонарь находился в квартале отсюда.

— Муж мне голову оторвет за то, что возвращаюсь домой так поздно, — сказала женщина, когда они завернули за угол.

Вдруг дорогу им преградили две темные фигуры.

— Отдавайте воду, — сказал один, и в темноте тускло блеснуло лезвие ножа.

— Нет, не надо! Пожалуйста, не надо, — взмолилась женщина, спрятав бак с водой за спину.

Ширли прижалась к стене. Это были молодые парни, подростки. И у них был нож.

— Воду! — приказал первый, угрожая ножом.

— Получай! — заорала женщина, размахнувшись баком. Прежде чем тот успел увернуться, она ударила его баком по голове и повалила на землю, при этом нож выпал. — Ты тоже хочешь? — закричала она, наступая на второго. Тот был безоружен.

— Нет, я не хочу ничего такого... — запричитал он, пытаясь поднять упавшего.

Женщина шагнула к нему, и он отскочил. Она нагнулась за ножом. Парень схватил своего напарника и потащил за угол. Все произошло так быстро, что Ширли не успела опомниться. Она стояла, прислонившись к стене и дрожа от страха.

— Получили по заслугам! — захохотала женщина, разглядывая старый погнутый нож. — Я им воспользуюсь лучше, чем они. Ведь они просто мальчишки, дети.

Она была возбуждена и обрадована. За все время она ни разу не выпустила руку ребенка; тот захныкал громче.

Больше ничего не произошло, и женщина проводила Ширли до ее двери.

— Большое вам спасибо, — сказала Ширли. — Не знаю, что бы я делала...

— Не стоит, — проворчала женщина. — Нож-то вот он.

И она побрела дальше, таща одной рукой тяжелый бак, а другой — ребенка. Ширли вошла в дом.

— Где ты была? — спросил Энди, когда она открыла дверь. — Я уж начал беспокоиться.

В комнате было тепло и пахло рыбой. Энди и Сол сидели за столом со стаканами в руках.

— Ходила за водой, очередь на целый квартал. Мне дали только шесть литров — норма опять снижена.

Она заметила, что он невесел, и решила не рассказывать про инцидент на обратном пути. А то он будет переживать, а она не хотела испортить ужин.

— Просто чудесно, — саркастически произнес Энди. — Норма и так мизерная, так ее делают еще меньше. Ширли,

вылезай скорей из мокрой одежды, а Сол сделает тебе «Гибсон». Поспел его самопальный вермут, а я принес водки.

— Пей, — сказал Сол, протягивая ей холодный стакан. — Я варю суп с этим «энер-Г», его только так и можно есть. Скоро должен быть готов. Это у нас будет на первое, а потом... — Он кивнул в сторону холодильника.

— Что? — спросил Энди. — Секрет?

— Никаких секретов, — сказала Ширли, открывая холодильник, — просто сюрприз. Я купила их сегодня на рынке, каждому по одному. — Она вынула тарелку с тремя крошечными соево-чечевичными гамбургерами. — Новый продукт, его даже показывали по телевизору. С ароматом копченого мяса.

— Наверняка стоят целое состояние, — сказал Энди. — До конца месяца есть мы не будем.

— Они не так дороги, как может показаться. Я потратила на них мои собственные деньги, а не из бюджета.

— Какая разница, деньги есть деньги. Мы, вероятно, могли бы прожить целую неделю на то, во что обошлись эти штуки.

— Суп готов, — сказал Сол, ставя на стол тарелки.

У Ширли в горле встал ком от обиды. Она села и уставилась в тарелку, стараясь не разреветься.

— Извини, — сказал Энди. — Но ты же знаешь, как растут цены. Нужно быть поэкономнее. Подоходный налог снова увеличился, теперь восемьдесят процентов, из-за возросших отчислений на социальную помощь. Так что зимой придется туго. Не думай, что я не ценю...

— Если ценишь, то почему не заткнешься и не начнешь есть свой суп? — спросил Сол.

— Кончай, Сол, — сказал Энди.

— Я кончу, если ты прекратишь ругаться в моей комнате. А теперь давай, нечего портить такой превосходный ужин.

Энди хотел ответить, но передумал и взял Ширли за руку.

— Ужин замечательный, — сказал он. — Давайте им наслаждаться.

— Не такой уж замечательный, — сказал Сол, принюхиваясь к супу и морща нос. — Подожди, дай сначала я попробую... М-да. Но гамбургеры должны забить этот вкус.

Наступило молчание: они начали есть суп. Через некоторое время Сол завел одну из своих армейских историй про Новый Орлеан и, как всегда, рассмешил их. Напряжение исчезло.

Сол разлил остатки «Гибсона», а Ширли подала на стол гамбургеры.

— Будь я пьян, они по вкусу действительно напоминали бы мясо, — заявил Сол, жуя гамбургер.

— Они неплохи, — заметила Ширли.

Энди кивнул. Ширли быстро съела гамбургер, подобрала с тарелки крошки, затем принялась за коктейль. Инцидент по пути домой казался далеким и нереальным. Что там сказала эта женщина про болезнь ребенка?

— Вы знаете, что такое «квош»? — спросила она.

Энди пожал плечами.

— Какая-то болезнь... А почему ты спрашиваешь?

— Со мной в очереди за водой стояла одна женщина, и я с ней разговорилась. С ней был маленький мальчик. У него вот этот квош. По-моему, ей не следовало бы таскать его под дождем, раз он болен. Интересно, не заразная ли эта болезнь?

— Можешь не волноваться, — сказал Сол. — «Квош» — сокращенно от «квошиоркор». Если вы интересуетесь проблемами здоровья, нужно смотреть медицинские программы, что я постоянно делаю, или открыть какую-нибудь книгу. Тогда бы вы все об этом знали. Его нельзя подхватить, потому что это заболевание наподобие авитаминоза, как бери-бери.

— О такой болезни я тоже никогда не слышала, — сказала Ширли.

— Она встречается не так часто, зато квош — на каждом шагу. Он начинается, когда в пище не хватает белков. Раньше им болели только в Африке, но теперь он разгуливает по всем Соединенным Штатам. Правда, грандиозно? Мяса нет, чечевица и соевые бобы стоят дорого, поэтому мамки пичкают своих детей крекерами и сладостями — тем, что подешевле...

Лампочка замигала и погасла. Сол на ощупь прошел по комнате и нашел выключатель в путанице проводов на холодильнике. Загорелась тусклая лампочка, подсоединенная к батареям.

— Нужно бы зарядить, — сказал он, — но можно подождать и до утра. После еды нельзя заниматься физической нагрузкой — вредно для пищеварения и обмена веществ.

— Я очень рад, что вы живете вместе с нами, доктор, — сказал Энди. — Мне нужен совет врача. У меня проблемы. Понимаете... все, что я ем, не задерживается у меня в желудке...

— Очень смешно, мистер Умник. Ширли, не понимаю, как ты уживаешься с этим остряком?

После ужина они воспряли духом и даже какое-то время болтали, пока Сол не объявил, что выключает свет, чтобы не разрядить батареи полностью. Маленькие брикеты морского угля сгорели, и в комнате стало холодно. Они пожелали друг другу спокойной ночи, и Энди пошел в другую комнату за карманным фонариком. Там было еще холоднее.

— Я ложусь, — сказала Ширли. — Не то чтобы я устала, но это единственный способ согреться.

Энди безрезультатно пощелкал выключателем на стене.

— Электричество все еще отключено, а мне нужно еще кое-что сделать. Что за дела?.. Еще неделю назад у нас был свет вечерами.

— Давай я лягу и буду светить тебе фонариком — годится?

— Придется поступить так.

Он раскрыл на крышке комода блокнот, рядом положил бланк и начал переписывать сведения в рапорт. Левой рукой он сжимал фонарик, и тот испускал ровный неяркий свет.

Ночью в городе было тихо, холод и дождь прогнали с улиц людей. Жужжание крошечного генератора и скрип пера по пластику звучали неестественно громко.

Ширли раздевалась при свете фонарика. Сняв одежду, она сразу озябла и быстро надела теплую пижаму, заштопанные носки, в которых обычно спала, а сверху натянула толстый свитер. Простыни были холодными и влажными, их не меняли с тех пор, как начались перебои с водой. Однако она старалась просушивать их как можно чаще.

— Что ты пишешь? — спросила она.

— Все, что у меня есть по поводу Билли Чуна. На меня все еще наседают, требуя его разыскать, — ничего более глупого я не слышал. — Он отложил ручку и нервно зашагал из угла в угол. Фонарик у него в руке бросал дрожащий свет на потолок. — После того как прикончили О'Брайена, у нас на участке зарегистрировано две дюжины убийств. Мы поймали одного убийцу — его жена умерла от потери крови... Но обо всех остальных забыли, кроме убийства Большого Майка. Что может быть такого важного в этом деле? Похоже, никто не знает. Однако по-прежнему требуют рапорты. Поэтому после двухсменного дежурства я должен продолжать поиски этого мальчишки. Вот и сегодня ночью мне нужно проверить еще одну

дурацкую информацию, но я этого делать не собираюсь. Даже если Грасси распилит меня завтра пополам. Ты знаешь, сколько я спал за последнее время?

— Знаю, — вздохнула Ширли.

— Пару часов за ночь, если удавалось. В общем сегодня ночью я собираюсь наверстать упущенное. Мне нужно быть в участке в семь утра: еще один митинг протеста на Юнион-сквер — так что все равно слишком долго спать мне не придется. — Он остановился и отдал ей потухший фонарик. У Ширли в руках он вновь ярко загорелся. — Я тут ною, но мне некому пожаловаться, кроме тебя, Ширли. Пока ты меня не встретила, тебе жилось гораздо лучше.

— Этой осенью всем плохо. Ничего подобного еще не было. Сначала вода, теперь вот холодно. Я не понимаю...

— Я не это имел в виду, Ширли... свети, пожалуйста, на комод. — Он достал масленку и прочие принадлежности для чистки оружия и разложил все это на тряпке рядом с кроватью. — Я о нас с тобой. Я не могу дать тебе того, к чему ты привыкла.

Она старалась не вспоминать о своей жизни с Майком. Об этом они вообще не говорили.

— Мой отец живет почти в таком же районе, — сказала она. — Все не так уж сильно отличается.

— Я не об этом. — Он сел на корточки и начал разбирать револьвер. — После того как ты ушла из дома, все у тебя пошло намного лучше, я это знаю. Ты симпатичная девушка, даже более того; за тобой, должно быть, ухлестывало множество парней. — Он говорил, запинаясь и не отрывая глаз от револьвера.

— Я живу здесь, потому что так хочу, — твердо сказала она. — Привлекательной девушке жить легче. Я это знаю, но все не так уж просто. Я хочу... Не знаю точно... счастья, по-моему. Ты мне помог, когда я действительно нуждалась в помощи, и мне было хорошо с тобой, как ни с кем. Я не говорила тебе раньше, но я надеялась, что ты позовешь меня сюда. Мы с тобой так подходим друг другу.

— Это единственная причина?

Они ни разу не говорили об этом с той самой ночи, когда он привел ее к себе, и сейчас ему хотелось узнать все о ее чувствах, не раскрывая своих.

— Почему ты привел меня сюда, Энди? Какая у тебя была причина? — Она не ответила на его вопрос.

Не глядя на нее, он вставил барабан в револьвер и крутанул его большим пальцем.

— Ты мне понравилась... очень понравилась. В сущности, если хочешь знать, — он понизил голос, будто говорил что-то постыдное, — я тебя люблю.

Ширли не знала, что ответить, и молчание затянулось. Жужжал фонарик; из-за перегородки раздались скрип пружин и приглушенное ворчание Сола, забирающегося в кровать.

— А ты, Ширли? — тихо, чтобы не услышал Сол, спросил Энди и наконец взглянул ей в лицо.

— Я... я здесь счастлива, Энди, и я хочу здесь жить. Я серьезно не думала об этом.

— Любовь, брак, дети? Об этом ты думала? — В его голосе опять послышалась резкость.

— Любая женщина думает о подобных вещах, но...

— Но не по отношению к неряхе вроде меня, живущему в полуразвалившейся крысиной норе, наподобие этой... Ты это имела в виду?

— Не говори за меня. Я этого не сказала и даже не думала об этом. Я не жалуюсь... разве что тебя ужасно долго не бывает дома.

— У меня работа.

— Знаю... просто я скучаю без тебя. По-моему, мы чаще бывали вместе в те первые недели, когда встретились. Было весело...

— Тратить деньги всегда весело, но нельзя веселиться все время.

— А почему? Я имею в виду не все время, а иногда вечером или в воскресенье. Кажется, что мы не говорили друг с другом много недель. Я не хочу сказать, что роман должен продолжаться вечно...

— У меня работа. Какой, по-твоему, получится роман, если я ее брошу?

Ширли чуть не расплакалась.

— Энди, пожалуйста... я не хочу с тобой ругаться. Неужели ты не понимаешь?..

— Я все прекрасно понимаю. Если бы я был большой шишкой в синдикате, занимался девочками, гашишем и ЛСД, все было бы по-другому. Но я просто паршивый полицейский, пытающийся как-то спасти все от развала, в то время как разные ублюдки делают наоборот.

Он вставил патроны в барабан, не глядя на нее и не видя слез, текущих у нее по лицу. За столом она не заплакала, но сейчас не могла сдержаться. Этот холод, мальчишка с ножом, нехватка воды, все подряд, — а теперь еще это. Она положила фонарик на пол, он помигал и погас. Энди поднял фонарик и включил его, а она отвернулась к стене и с головой накрылась одеялом.

Энди ей нравился, но любила ли она его? Трудно сказать, ведь они так редко видятся. Почему он этого не понимает? Она не пыталась спрятаться от жизни. Но она, ее жизнь, проходила не рядом с ним, а в этой жуткой комнате, где он иногда появлялся, на улицах, рядом с этими людьми, с тем парнем с ножом... Она заплакала еще горше.

Энди молча лег в кровать, молчала и Ширли: они не знали, что сказать друг другу. Вдвоем под одеялом стало теплее. Пахло смазочным маслом: должно быть, он плохо вытер руки. Когда он был рядом, ей было хорошо.

Она коснулась его руки и прошептала: «Энди...», но он не ответил. Он крепко спал.

Глава 2

— Чую, начинается заварушка, — сказал детектив Стив Кулозик, застегивая ремешок на шлеме, и угрюмо посмотрел сквозь защитное стекло.

— Ты чуешь заваруху! — покачал головой Энди. — Какое у тебя чудесное чутье! Пригнали весь участок — и полицейских, и детективов, нечто вроде ударных войск. Выдали шлемы и гранаты со слезоточивым газом в семь утра, заперли здесь без всяких приказов, — а ты чуешь заваруху. Поделись секретом, Стив.

— Природный дар, — спокойно ответил тучный детектив.

— Всем внимание! — заорал капитан. Голоса и шарканье ног стихли, люди в шеренгах замерли, выжидающе поглядывая в дальний конец помещения, где стоял капитан. — Сегодня у нас спецзадание, и детектив Дуайер из штаба все вам объяснит.

В рядах возникло шевеление, стоявшие в задних рядах пытались рассмотреть гостя. Штабное отделение занималось подавлением массовых беспорядков с применением оружия, работали они на Центральной улице и получали приказы непосредственно от инспектора Росса.

— Там, в задних рядах, меня слышно? — крикнул Дуайер и

влез на стул. Это был широкоплечий, коренастый человек, похожий на бульдога, голос у него был хриплый и низкий. — Двери заперты, капитан? — спросил он. — То, что я должен сказать, предназначается исключительно для этих людей.

Все оказалось в полном порядке, и он опять обернулся, осматривая ряды полицейских в форме и детективов в штатском.

— Вероятно, этим вечером в городе будет убито пара сотен или, может, пара тысяч человек, — сказал он. — Ваша задача — сделать эту цифру как можно более низкой. Когда вы выйдете отсюда, вы увидите, что начинаются бунты и беспорядки, и чем быстрее вы будете действовать, тем лучше. Пункты социальной помощи сегодня закрыты, и никакой еды не будут выдавать в течение по крайней мере трех дней.

Послышался ропот.

— Прекратить шум! Вы кто — полицейские или кучка старух? Я вам обо всем говорю прямо, чтобы вы были готовы к худшему, а не хлопали глазами.

Наступила абсолютная тишина.

— Отлично. Беспорядки происходят уже несколько дней, но мы не могли действовать, пока не оценили общее положение вещей. Теперь мы это знаем. Город перестал выдавать продукты по карточкам, поскольку склады почти пусты. Мы собираемся их закрыть, подвезти резервы и открыть через три дня. Но норма будет уменьшена — и это секретная информация, ее не следует разбалтывать каждому встречному-поперечному. До конца зимы норма останется минимальной, не забывайте об этом, что бы вы ни услышали. Непосредственная причина нехватки продуктов — авария на главной магистрали к северу от Олбани. Но это не самая большая неприятность. Зерно вскоре начнет снова поступать, но его будет мало. Один профессор из Колумбийского университета на Центральной улице рассказал нам об этом, чтобы мы могли принять какое-то решение, но я не буду останавливаться на технических деталях — у нас не так много времени. Но если коротко, то дело обстоит примерно так.

Прошлой весной не хватило удобрений, и зерна было собрано мало. Были ураганы и паводки. Пылевой шар продолжает расти. И еще неприятности с соевыми бобами, отравленными инсектицидами. Вы знаете об этом ровно столько, сколько и я, — все это было по телевизору. К этому добавилось еще

множество неприятных мелочей — беда не приходит одна. Советом президента по экстренному планированию были допущены некоторые ошибки, и там вы скоро увидите другие лица. Так что всем жителям нашего города придется потуже затянуть пояса. И нам с вами хватит работы, уж коли мы занимаемся охраной порядка. Мне не нужно говорить вам, что случится, если начнутся бунты, поджоги и тому подобное. Мы не можем рассчитывать на какую-либо помощь извне, потому что у армии куча других дел. Именно вам придется заниматься всем этим. Причем в пешем строю. Не осталось ни одного годного вертолета: у них сломаны детали, узлы или лопасти, а запчастей нет. На вас ложится большая ответственность. На вас рассчитывают тридцать пять миллионов людей, живущих в этом городе. Если вы не хотите, чтобы они умерли с голоду... выполняйте задание. Ну, есть вопросы?

По рядам пронесся шепот, затем один полицейский нерешительно поднял руку. Дуайер кивнул.

— Сэр, а как насчет воды?

— Эта беда скоро будет ликвидирована. Ремонтные работы на акведуке почти завершены, и воду пустят самое большее через неделю. Но по-прежнему сохранится нормирование, поскольку имеет место снижение уровня грунтовых вод на Лонг-Айленде и очень низок уровень в резервуарах. И это приводит к еще одной проблеме. Мы каждый час передаем по телевидению предупреждения, мы поставили в порту столько охраны, сколько только смогли. Но люди по-прежнему пьют речную воду. Не знаю, как они это могут делать, — чертова река превратилась в настоящую канализационную трубу, — но они это делают. И причем не кипятят ее, что равносильно самоубийству. В больницах зафиксировано множество случаев дизентерии и тифа и Бог знает чего еще. А до конца зимы дела будут обстоять еще хуже. На доске объявлений вывешен список симптомов этих заболеваний, и я хочу, чтобы вы их запомнили наизусть, смотрели во все глаза и докладывали в управление здравоохранения обо всех подозрительных случаях. Сделайте прививки — и вам не о чем беспокоиться. В управлении есть все необходимые вакцины. — Дуайер наклонил голову, прислушиваясь к шепоту в ближайших рядах, и нахмурился. — По-моему, кто-то сказал «государственный чиновник». Может быть, мне послышалось. Однако давайте с этим разберемся. Это выражение выдумали коммуняки, и в том

смысле, в котором они его употребляют, оно означает, что тот, кто доводит линию партии до масс, продает им прошлогодний снег, всякую чушь. Но в этой стране мы работаем совсем по-другому. Возможно, я государственный чиновник, но я говорю вам правду, чтобы вы могли выйти на улицу и выполнять свою работу. Есть еще вопросы?

В рядах царило молчание. Вопросов не было, и Энди неохотно поднял руку.

— Да? — сказал Дуайер.

— Сэр, что делать с рынками? — спросил Энди, и все повернулись к нему. — Блошиный рынок на Мэдисон-сквер, там полно продуктов, рынок в Грамерси-парке...

— Хороший вопрос: сегодня это самые горячие точки. Большинство из вас будут сегодня дежурить на этих рынках или недалеко от них. Наверняка возникнут недоразумения у складов, когда их не откроют, и еще будут проблемы на Юнион-сквер с этими стариками — они всегда бузят. — Его слова были встречены одобрительным смехом. — Магазины распродадут все что есть и закроются, об этом мы позаботимся, но рынки нельзя контролировать точно так же. Продукты питания можно будет купить только там, и люди очень быстро это поймут. Смотрите во все глаза и, если что-нибудь начнется, тут же примите решительные меры, чтобы пламя не перекинулось дальше. У вас есть дубинки и газ; используйте их, если возникнет необходимость. У вас есть пистолеты, но их лучше не вынимать из кобуры. Нам не нужна стрельба без разбору, от этого будет только хуже.

Больше вопросов не последовало. Детектив Дуайер ушел до того, как всем выдали персональные задания, и больше его не видели. Когда стражи порядка вышли на улицу, дождь почти прекратился, и город окутал плотный холодный туман. У обочины стояли два грузовика с брезентовыми крышами и старый городской автобус, выкрашенный в грязный оливковый цвет. Половина окон в нем была забита фанерой.

— Оплачивайте проезд! — крикнул Стив, входя вслед за Энди в автобус. — Интересно, откуда достали такой антиквариат.

— Из городского музея, — ответил Энди. — И эти гранаты тоже. Ты их видел?

— Я их пересчитал, к твоему сведению, — сказал Стив, плюхаясь на потрескавшееся пластиковое сиденье рядом с Энди.

У обоих на коленях лежали ранцы с гранатами. Энди открыл свой и вынул зеленую коробку.

— Читай, — сказал он, — если умеешь.

— Я учился в колледже, — пробурчал Стив, — я могу читать по-ирландски так же хорошо, как и по-американски. «Граната, под давлением... слезоточивый газ... МОА-397...»

— Самая заметная надпись внизу.

— «Герметически закрыто в арсенале Сент-Луиса, апрель 1974 года». Ну и что? У этой ерунды нет срока годности, она не портится.

— Не думаю. Из слов нашего государственного чиновника следует, что нам они сегодня могут понадобиться.

— Ничего не будет. Для беспорядков чересчур сыро.

Автобус с дребезжанием остановился на углу Бродвея и Уорт-сквер. Лейтенант Грассиоли ткнул пальцем в Энди и кивнул на дверь.

— Ты интересуешься рынками, Раш. Будешь патрулировать отсюда до Двадцать третьей. Кулозик, ты тоже.

Дверь со скрипом закрылась, и автобус медленно двинулся сквозь толпу. Люди шли по тротуару и по мостовой, наталкиваясь друг на друга и не обращая на это внимания, — постоянно меняющееся, но совершенно однородное море людей. Вокруг двух детективов сразу образовалось пустое пространство. Полиция никогда не пользовалась особой популярностью, а полицейских в шлемах с метровыми дубинками, заполненными свинцом, просто боялись. Свободное пространство двигалось вместе с ними. Они пересекли Пятую авеню и направились к Вечному свету, теперь погасшему из-за нехватки горючего.

— Почти восемь, — сказал Энди. Его глаза непрерывно осматривали окружающих. — Пункты социальной помощи обычно открываются в это время. Думаю, что сообщение по телевидению передали вовремя.

Они медленно зашагали к Двадцать третьей улице по мостовой, поскольку прилавки блошиного рынка заполнили весь тротуар.

— Втулки, втулки, самые лучшие втулки! — нудил какой-то торговец, когда они проходили мимо, — маленький человечек, который почти терялся в складках огромного плаща, его бритая голова высовывалась из воротника, словно голова стервятника из кольца перьев. Он вытер сопливый нос грязной ладонью и показался совсем уж каким-то слабоумным. — Покупайте втулки, господа офицеры, самые лучшие, из них получаются отличные чашки, кастрюли, супницы, ночные горшки — все что угодно...

Они прошли мимо, и крики утихли позади. К девяти часам что-то изменилось, казалось, в воздухе повисло какое-то напряжение. Голос толпы как будто стал громче, и она волновалась словно закипающая вода. Когда детективы шли обратно мимо лотка со втулками, то не увидели большей части товара на прилавке, осталось лишь несколько ржавых изделий, на которые даже вор не позарится. Торговец всем телом прикрывал свое имущество, уже не зазывая покупателей. Он не двигался, только глаза его тревожно бегали.

— Слышишь? — воскликнул Энди, и они оба повернули в сторону рынка. Раздался злобный крик, к нему присоединились другие. — Пошли посмотрим, — сказал Энди, устремляясь к узкому проходу между прилавками.

Толпа плотно забила весь проход между лотками и тележками и зашевелилась лишь тогда, когда детективы начали свистеть в свистки. Пришлось взяться за дубинки — и вскоре Энди со Стивом удалось пробраться к месту происшествия. Посреди толпы находилось три прилавка, где обычно продавали крекеры. Один из них был перевернут, и печенье из водорослей валялось на земле.

— Они подняли цену! — кричала какая-то тощая старуха. — Незаконно подняли цену! За крекеры они требуют вдвое больше!

— Нет никакого закона! Мы можем просить, сколько захотим! — заорал в ответ хозяин прилавка, размахивая перед собой куском кабеля.

Он готов был отдать жизнь, защищая свой товар — ломаные крекеры. Печенье из морских водорослей было самой дешевой и самой невкусной едой, которую когда-либо потреблял человек.

— Ты не имеешь права, подлая твоя душа, такие цены не пойдут! — крикнул какой-то мужчина, и толпа заволновалась и подалась вперед.

Энди что было сил засвистел в свисток.

— Разойдитесь! — заорал он. — Я сейчас все улажу, только разойдитесь! — Стив встал лицом к толпе, размахивая перед собой дубинкой, а Энди повернулся к торговцу и заговорил с

ним, понизив голос: — Не будь идиотом. Снижай цену и быстро распродавай товар...

— Я могу запрашивать цену, какую хочу. Нет такого закона... — возразил он, но сразу осекся, когда Энди ударил дубинкой по прилавку.

— Верно... на рынке свои законы. Ты что, хочешь потерять все и свою дурную башку в придачу? Назначь цену и быстро все распродавай, потому что, если ты этого не сделаешь, я просто уйду, и эти люди сделают с тобой все что захотят.

— Он прав, Эл, — сказал продавец у соседнего прилавка. Он прислушивался к тому, что говорил Энди. — Распродавай все и убирайся отсюда подобру-поздорову. Иначе они нас растопчут. Я уже сбросил цену.

— Ты слизняк... а бабки? — запротестовал Эл.

— Дурак! А дырка в голове, если мы поступим иначе? Я продаю.

Шум по-прежнему не утихал, но, как только крекеры стали дешевле, появилось множество желающих их купить, и единство толпы рухнуло. Послышались крики из другого места — со стороны Пятой авеню.

— Здесь все в порядке, — сказал Стив. — Пошли дальше.

Большинство лавок было заперто, прилавки опустели. Свободные места заняли владельцы тележек и начали бойко торговать. Какая-то женщина в разорванной одежде лежала, всхлипывая, на обломках прилавка, а ее товар — вареные бобы — был полностью растащен.

— Паршивые фараоны! — прорыдала она, когда они проходили мимо. — Почему вы их не остановили? Паршивые фараоны!

Они прошли, не обратив на нее внимания, и оказались на Пятой авеню. Толпа бурлила и гудела, и блюстителям порядка с трудом удалось пробиться сквозь нее.

— Слышишь? — спросил Стив. — Поют будто.

Толпа в едином порыве устремилась от центра города. С каждой секундой пение становилось громче, его перекрывал зычный, резкий голос запевалы, раздававшийся из громкоговорителя:

Раз, два, три — помощи не жди;
Четыре, пять, шесть — нечего нам есть.

— Старики, — сказал Энди. — Они опять идут маршем на Таймс-сквер.

— Выбрали для этого подходящий день, сегодня столько происшествий.

Когда появились первые участники марша, люди, шедшие навстречу, столпились на тротуаре, уступая дорогу. Впереди шагали молодые люди в форме и размахивали дубинками. За ними шли старики, возглавляемые Малышом Ривзом. Слегка хромая, он шел впереди с портативным громкоговорителем на батарейках, серой металлической трубой, в мундштук которой был встроен микрофон. Он поднес ее ко рту, и многократно усиленный голос загремел над толпой:

— Вы все, стоящие на тротуарах, присоединяйтесь к нам! Идите вместе с нами! Участвуйте в нашем марше протеста! Мы боремся не только за самих себя, но и за вас всех. Если вы пожилые граждане, вы в глубине души вместе с нами, поскольку мы проводим этот марш, чтобы помочь вам. Если вы моложе, вы должны понять, что мы хотим помочь вашим матерям и отцам добиться помощи, которая когда-нибудь понадобится и вам...

Огромная толпа людей вышла с Двадцать четвертой улицы и оказалась на пути марширующих. Задние ряды напирали, не видя, что делается впереди. Старики замедлили шаг и наконец остановились перед людской волной. Вдалеке раздавались резкие свистки полицейских, а патрульные, шедшие впереди колонны стариков, тщетно старались приостановить наплыв людей. Вдруг из узкой Двадцать четвертой улицы появилось множество бегущих в панике людей. Они врезались в толпу и смешались с авангардом стариков.

— Стойте! Стойте же! — гремел усиленный микрофоном голос Ривза. — Вы мешаете проведению марша, санкционированной демонстрации...

Появившиеся люди бросились к нему, и какой-то здоровенный мужчина, по лицу которого текла кровь, выхватил у него громкоговоритель.

— Отдай! — приказал он, и его слова усилились мегафоном.

Энди хорошо видел, что происходит, но ничего не мог сделать: толпа отделила его от Стива и отнесла назад, к шатким прилавкам.

— Отдай мне! — вновь раздался голос мужчины, перекрытый воплем Ривза, когда громкоговоритель с силой выдернули у него из рук.

— Они пытаются уморить нас голодом! — прогремел над толпой усиленный мегафоном голос. Побелевшие лица повернулись к нему. — Пункты социальной помощи ломятся от продуктов, но их заперли и не дают нам ничего. Откроем их и возьмем еду. Давайте их откроем!

Толпа одобрительно заревела и, ведомая злобным голосом, опять устремилась на Двадцать четвертую улицу, топча и толкая стариков. Толпа превратилась в стадо. Людей нужно было остановить во что бы то ни стало, иначе массовые беспорядки были неминуемы. Группа стариков окружила раненого Ривза, который что-то кричал, но в общем гаме слов не было слышно. Левой рукой он придерживал предплечье правой, которая висела как плеть — наверное, была сломана. Энди пытался выбраться из этой давки, но понимал, что это ему вряд ли удастся, — стадо уносилось прочь все быстрее.

— ...сохраняя продукты для себя. Кто-нибудь видел тощего полицейского? А политики едят наши продукты, и им наплевать, что мы подыхаем с голоду!

Слушая подстрекательские слова, люди зверели все больше и больше. Энди рывком открыл ранец и вытащил гранату. Они взрывались и выпускали облако газа через три секунды после того, как выдергивалось кольцо. Энди сорвал кольцо, затем выпрямился и бросил гранату в сторону мужчины с громкоговорителем. Зеленая коробка описала высокую дугу, упала в толпу рядом с ним — и не взорвалась.

— Гранаты! — проревел мужчина. — Легавые пытаются нас прикончить, чтобы нам не досталось еды. Им нас не остановить... Вперед... вперед! Гранаты!

Энди выругался и вытащил еще одну гранату, потом отогнал от себя дубинкой людей, вытащил кольцо и, прежде чем бросить, сосчитал до двух.

Граната взорвалась с глухим хлопком почти над головой мужчины с громкоговорителем. Толпа колыхнулась, ослепленные слезоточивым газом люди пытались убежать от ядовитого облака.

Энди вытащил из ранца противогаз и быстро, как на учениях по гражданской обороне, натянул его.

Хотя вся операция по надеванию противогаза заняла не более трех секунд, обстановка вокруг драматическим образом изменилась. Люди бежали во все стороны, пытаясь спастись от облака газа, которое плыло тонкой дымкой над дорогой.

Те, кого оно настигло, лежали на мостовой или сгибались в три погибели в неудержимых приступах рвоты. Газ был сильнодействующий.

Энди подбежал к человеку, выхватившему громкоговоритель. Тот стоял на четвереньках, ослепленный и отплевывающийся, но крепко держал в руке мегафон и ругался в него в промежутках между спазмами. Энди попытался вырвать у него громкоговоритель, но тот стал неистово отбиваться, держа его мертвой хваткой. Наконец Энди огрел его дубинкой по голове.. Человек рухнул на грязную мостовую, и Энди схватил мегафон.

Самое тяжелое позади. Энди поскреб ногтем по поверхности микрофона, раздалось громкое скрежетание — эта штука все еще работала. Энди глубоко вздохнул и сорвал с лица противогаз.

— Говорит полиция! — сказал он, и лица людей повернулись на его голос. — Все закончилось. Спокойно расходитесь по домам, все закончилось. Если вы будете благоразумны, газ больше применяться не будет. — Энди боролся с тошнотой, подкатывающей к горлу. — Обстановку контролирует полиция, беспорядки закончились...

Он закрыл микрофон рукой и согнулся пополам в приступе рвоты.

Глава 3

Нью-Йорк был на краю гибели. Каждый запертый склад окружали толпы людей, которые были голодны, напуганы и искали виновных. Гнев звал людей бунтовать. Хлебные бунты грозили превратиться в водяные. Грабеж мог начаться повсюду. Полиция как могла отбивалась, храня тончайший барьер между гневным протестом и кровавым хаосом.

В первый вечер беспорядки остановили полицейские дубинки, а когда они не помогали, толпы разгонял газ. Напряжение возрастало, поскольку люди собирались вновь в другом месте. Струи воды из машин по борьбе с беспорядками быстро остановили мятежников, когда они попытались захватить пункты социальной помощи, но машин не хватало, да и воды было не так много, чтобы заполнять опустевшие баки. Управление здравоохранения запретило пить речную воду: это было смерти подобно. Тот минимум воды, что имелся в наличии, был крайне необходим для тушения пожаров, вспы-

хивающих в разных частях города. Когда улицы во многих местах были блокированы, пожарные машины не могли пробиться напрямую к местам пожаров, и им приходилось ехать кружным путем. Некоторые пожары охватили целые районы, и к полудню все машины находились на тушениях.

Первый пистолет выстрелил в начале первого ночи. Им воспользовался охранник управления социальной помощи, который убил человека, выбившего окно в продуктовом складе на Томпкинс-сквер и пытавшегося туда забраться. Это был первый, но далеко не последний выстрел, да и первый убитый оказался не последним.

Летающая проволока окружила некоторые из районов беспорядков, но ее было мало. Когда ее запасы кончились, вертолеты беспомощно кружили над бурлящими улицами и служили полиции лишь постами воздушного наблюдения, обнаруживая места, куда необходимо было перебросить подкрепление. Занятие было совершенно бесполезным, поскольку никакого резерва не было — все находились на передовой.

После первого столкновения на Мэдисон-сквер все остальное не производило на Энди сильного впечатления. Остаток дня и большую часть ночи он, как и все городские полицейские, противостоял насилию и сам применял насилие, чтобы восстановить законность и порядок в городе, раздираемом сражениями. Единственная возможность немного отдохнуть появилась у него, когда он пал жертвой им же самим примененного газа и ему удалось добраться до санитарной машины, где ему оказали помощь. Ему промыли глаза и дали таблетку. Он лежал внутри машины на носилках, прижимая к груди шлем, гранаты и дубинку, и медленно приходил в себя. Водитель машины сидел у двери на других носилках с карабином тридцатого калибра, готовый охладить пыл любого, кто заинтересуется машиной или дорогими хирургическими инструментами. Энди мог бы полежать и дольше, но в открытую дверь врывалась холодная морось, и его начало так сильно знобить, что зуб на зуб не попадал. Подняться на ноги, добрести до двери и спрыгнуть на землю оказалось очень трудно, но, начав двигаться, он почувствовал себя немного лучше, кроме того, ему стало теплее.

Нападение на центр социальной помощи сорвалось. Возможно, помогло то, что он сумел отобрать громкоговоритель.

И Энди медленно побрел к ближайшей группе фигур в синей форме, морща нос от мерзкого запаха своей одежды.

Усталость не покидала его; он помнил лишь орущие рты, бегущие ноги, звуки выстрелов, крики, хлопанье газовых гранат, какой-то тяжелый предмет, попавший ему в руку, где моментально появился огромный синяк.

Вечером начался дождь; потоки холодной воды вперемешку со снегом, а не полиция, прогнали людей с улиц. Однако, когда толпы разошлись, полиция обнаружила, что ее работа только начинается. Зияющие окна и выломанные двери нужно было охранять, нужно было искать раненых и оказывать им помощь, тогда как пожарному управлению требовалось содействие в тушении многочисленных пожаров. Это продолжалось всю ночь, а на рассвете Энди обнаружил, что лежит на скамейке в своем участке, и услышал, как его имя называет по списку лейтенант Грассиоли.

— И это все, о чем можно пожалеть, — добавил лейтенант. — Получите пайки перед уходом и сдайте обмундирование и снаряжение. В восемнадцать ноль-ноль всем быть здесь — и никакие извинения мне не нужны. Неприятности у нас еще не закончились.

Ночью дождь прошел. Утреннее солнце бросало длинные золотистые блики на влажный черный асфальт. На углу Седьмой авеню валялось два разломанных велотакси, с которых уже сняли все пригодные детали, а в нескольких метрах от них лежал человек. Казалось, он спал, но, когда Энди подошел ближе, он понял, что человек мертв. Не останавливаясь, Энди пошел дальше; сегодня санитарное управление будет убирать трупы.

Первые «пещерные люди» выходили из метро, щурясь от солнечного света. Летом все смеялись над «пещерными людьми» — теми, кому управление социального обеспечения разрешило жить на станциях не работавшего ныне метрополитена, — но, когда наступили холода, зубоскалам стало не до смеха. Вероятно, там, внизу, мерзко, грязно и темно, но зато всегда включено несколько электронагревательных приборов. Конечно, они не роскошествовали, но по крайней мере не замерзали. Энди свернул в свой квартал.

Поднимаясь по ступенькам, он несколько раз наступил на спавших, но так устал, что не обратил на это внимания. Он

долго не мог попасть ключом в замочную скважину; его сопение услышал Сол и открыл дверь.

— Я только что сварил суп, — сказал Сол. — Ты пришел как раз вовремя.

Энди достал из кармана пальто остатки крекеров и высыпал на стол.

— Наворовал? — спросил Сол, кладя кусочек в рот. — А я думал, что еще дня два не будут выдавать ни крошки.

— Полицейский паек.

— Это по-честному. Нельзя же колошматить своих сограждан на пустой желудок. Я кину парочку-другую в суп, пусть будет понавариcтее. Скорее всего ты вчера не смотрел телевизор и поэтому не знаешь об игрищах в конгрессе. Зрелище в самом деле захватывающее...

— Ширли еще не проснулась? — перебил его Энди, сбрасывая пальто и тяжело опускаясь в кресло.

Сол немного помолчал, потом медленно произнес:

— Ее нет.

Энди зевнул.

— Еще очень рано. Куда она пошла?

— Она ушла не сегодня, Энди, — ответил Сол, стоя спиной к Энди и помешивая суп. — Она ушла вчера, через пару часов после тебя. И до сих пор не возвращалась...

— Ты хочешь сказать, что во время всех этих беспорядков она была на улице... и в прошлую ночь тоже? И что же ты сделал? — Он выпрямился, забыв об усталости.

— А что я мог сделать? Выйти на улицу и попасть под ноги толпы, как эти старые чудаки? Могу поспорить, что с ней все в порядке. Вероятно, она увидела, что творится, и решила остаться у друзей и не возвращаться пока.

— Каких друзей? О чем ты говоришь? Ее нужно найти.

— Сядь! — приказал Сол. — Не суетись! Поешь супа и немного поспи. Это лучшее, что ты можешь сделать. С ней все будет о'кей. Уж я-то знаю, — неохотно добавил Сол.

— Что ты знаешь, Сол? — спросил Энди, хватая его за плечи и поворачивая лицом к себе.

— Не пытайся управлять рыночными отношениями! — заорал Сол, скидывая с плеч его руки. Затем спокойно добавил: — Я знаю, что она вышла отсюда не просто так, у нее была причина. Она надела свое старое пальто, но под ним я заметил шикарное платье. Нейлоновые чулки. На ногах целое

состояние. А когда она прощалась со мной, я увидел, что она накрасилась.

— Сол... что ты хочешь сказать?

— Я не хочу... я говорю. Она была одета так, будто собралась к кому-то в гости, а не за покупками. По-видимому, она ушла, чтобы с кем-то встретиться. Может, со своим папашей... Могла же она пойти к нему в гости.

— Зачем ей нужно с ним встречаться?

— Это я у тебя должен спросить. Ведь ты же с ней поругался, не так ли? Может, она ушла, чтобы прийти в себя.

— Поругался... Да-да. — Энди снова упал в кресло, сжав ладонями голову. Это было прошлой ночью? Нет, позапрошлой. Казалось, сто лет прошло с той глупейшей ссоры. — Она ничего с собой не взяла? — спросил он.

— Только маленькую сумочку, — ответил Сол и поставил на стол тарелку с супом. — Ешь. Я себе тоже сейчас налью. — Немного помолчав, он добавил: — Она вернется.

Энди слишком устал, чтобы спорить, да и что он мог сказать? Он машинально ел суп, почувствовав, что очень голоден. Он ел, положив локоть на стол, другой рукой подпирая голову.

— Ты бы только послушал вчерашние речи в сенате, — сказал Сол. — Самая забавная комедия на свете. Они пытались пропихнуть закон о чрезвычайном положении — чрезвычайном... он уже лет сто готовится. Они обсуждали всякую ерунду, но о главном не сказали ни слова. — Он заговорил с сильным южным акцентом: — «Перед лицом бэдственного положения мы предлагаем обратить взоры к несмэтным богатствам вэличайшего бассейна и дельты самой могучей из рэк, Миссисипи. Плотины и каналы, э, наука, э... и у вас будут богатэйшие пахотные земли в западном мире!» — Сол сердито подул на суп. — Они говорили об этом тысячу лет назад. Но разве кто-нибудь сказал об истинной причине принятия закона о чрезвычайном положении? Нет. За все эти годы они так и не набрались смелости, чтобы прямо сказать правду, поэтому и прикрываются всякими поправками и несущественными вопросами.

— О чем ты говоришь? — спросил Энди, слушая вполуха.

— О контроле над рождаемостью, вот о чем. Все-таки они в конце концов сподобились открыть клиники для всех — замужних и нет — и приняли закон о том, что все матери долж-

ны иметь информацию о контроле над рождаемостью. Боже, какой скулеж поднимется, когда пуритане узнают об этом!

— Только не сейчас об этом, Сол. Я устал. А Ширли сказала, когда вернется?

— Я рассказал тебе все... — Он осекся и прислушался к звуку шагов в коридоре. Кто-то остановился у двери, и послышался легкий стук.

Энди бросился к двери и распахнул ее.

— Ширли! — сказал он. — У тебя все в порядке?

— Да, конечно... у меня все отлично.

Он так крепко прижал ее к себе, что у нее перехватило дыхание.

— С этими беспорядками... я не знал, что и думать, — сказал он. — Я сам пришел лишь несколько минут назад. Где ты была? Что случилось?

— Я просто захотела уйти на некоторое время — вот и все. — Она сморщила нос. — Что это за запах?

Он поспешно отошел от нее.

— Я наглотался рвотного газа и чуть не задохнулся. Я не мог освободиться. Что значит — захотела на некоторое время уйти?

— Дай хоть снять пальто.

Энди пошел за ней в комнату и плотно затворил за собой дверь. Она вынула из сумочки туфли на высоком каблуке и положила их в шкаф.

— Ну? — сказал он.

— Не надо ничего усложнять. Я чувствовала здесь себя пойманной, как в клетке, со всеми этими нехватками, авариями, холодами и прочим да еще без тебя. Мне было очень плохо после нашей ссоры. Показалось, что все идет как-то не так. Поэтому я подумала, что если я наряжусь и схожу в какой-нибудь ресторан, из тех, где я была раньше, то мне, может быть, станет лучше. Просто выпить чашечку кофе. Понимаешь, смена обстановки... — Она посмотрела на его непроницаемое лицо и быстро отвела глаза в сторону.

— А что было потом? — спросил он.

— Я не на допросе, Энди. Зачем этот обвинительный тон?

Он повернулся к ней спиной и стал смотреть в окно.

— Я ни в чем тебя не обвиняю, но... тебя же не было дома всю ночь. Что я, по-твоему, должен думать?

— Ну, ты же знаешь, что вчера творилось. Я побоялась возвращаться. Я была в ресторане «Керли»...

— Мясной кабак?

— Да, но если ничего не есть, то выходит не очень дорого. Кучу денег стоит только еда. Я встретила там знакомых, и мы болтали. Потом они отправились на вечеринку и пригласили меня с собой. И я поехала. Мы узнали по телевизору о беспорядках, и никто не захотел уходить. Поэтому вечеринка затянулась на всю ночь. Очень много людей осталось, и я вместе с ними.

Она сняла платье и повесила на вешалку. Потом надела шерстяные рейтузы и теплый свитер.

— И это все, чем ты занималась всю ночь?

— Энди, ты устал. Почему бы тебе немного не поспать? Мы поговорим об этом в другой раз.

— Я хочу поговорить об этом сейчас.

— Ну, пожалуйста, больше же нечего сказать...

— Нет, есть. В чьей квартире все это происходило?

— Какого-то незнакомого мне человека. Он не был приятелем Майка, я просто иногда встречала его на вечеринках.

— Так хозяин — мужчина? — Воцарилось напряженное молчание, пока его не нарушил вопрос Энди: — Ты провела ночь с ним?

— Ты в самом деле хочешь знать?

— Конечно, я хочу знать. Зачем, по-твоему, я спрашиваю? Ты с ним спала, а?

— Да.

Спокойствие в ее голосе и внезапность ответа ошеломили его, но ведь он и не надеялся получить иной ответ. Он долго молчал, не находя слов, и наконец спросил:

— Зачем?

— Зачем? — Внезапно ее охватил гнев. — Зачем? А какой у меня был выбор? Я поела и выпила, нужно было платить. Чем еще я должна была расплатиться?

— Прекрати, Ширли, ты была...

— Какой? Честной? Я должна была оставаться здесь, хоть и не сплю с тобой?

— Это совсем другое.

— Да? — Ее начало колотить. — Энди, я надеюсь, что так оно и есть, так должно быть... но больше я просто ничего не знаю. Я хочу, чтобы мы были счастливы. Не знаю, почему мы

ссоримся. Я этого совсем не хочу. Все идет как-то не так. Если бы ты почаще бывал здесь, со мной...

— Мы обсудим это как-нибудь вечером. У меня работа... что я могу поделать?

— Ничего, думаю, больше ничего... — Она сцепила пальцы, чтобы они не тряслись. — Иди поспи, тебе нужно отдохнуть.

Она вышла в другую комнату, и он не шелохнулся, пока дверь не захлопнулась. Потом он пошел за ней, но остановился и сел на край кровати. Что он мог ей сказать? Он медленно стянул башмаки и одетым лег в кровать, накрывшись с головой одеялом. Усталый и вымотанный, он долго не мог уснуть.

Глава 4

Люди боялись выходить на улицу, пока не рассвело, и очередь за водой этим утром была очень короткой. Однако, когда Ширли заняла место в очереди, на улице уже было много народа. Когда она получила свою норму воды, солнце поднялось уже высоко.

Ширли каждый день встречалась с миссис Майлс. Приходившая первой занимала очередь, а потом они вместе возвращались домой. Миссис Майлс всегда брала с собой маленького сына, который, похоже, все еще болел этим самым квошем. Очевидно, ее муж нуждался в богатом белками гороховом масле больше, чем ребенок. Норму воды увеличили. Это так обрадовало Ширли, что она не обращала внимания на тяжесть и боль в спине. Теперь воды хватало даже на умывание и мытье посуды. Водоразборные колонки должны были открыться самое позднее в середине ноября, а это уже скоро.

В это утро, как обычно, Ширли вернулась раньше восьми и, войдя в квартиру, увидела, что Энди уже одет и собирается уходить.

— Поговори с ним, Ширли, — сказал Энди. — Убеди его, что он становится идиотом. Должно быть, возраст сказывается.

Он поцеловал ее на прощание и собрался уходить. Со времени той ссоры прошло три недели, и внешне все казалось таким же, как и раньше, но внутри что-то изменилось, некое ощущение уверенности — или, может быть, любви — было разрушено. Об этом они не говорили.

— Что опять не так? — спросила она, стаскивая верхнюю одежду, в которую была укутана.

Энди остановился на пороге.

— Спроси Сола. Я уверен, что он с радостью расскажет все в мельчайших подробностях. Но когда он закончит, вспомни одну вещь. Он не прав.

— У каждого человека свое мнение, — невозмутимо ответил Сол, смазывая гуталином из допотопной банки еще более допотопные армейские ботинки.

— Мнение тут ни при чем, — сказал Энди. — Ты просто напрашиваешься на неприятности, ищешь приключений себе на голову. До вечера, Ширли. Если все будет тихо, как вчера, я долго не задержусь.

Дверь захлопнулась, и Ширли заперла ее на замок.

— О чем он говорил? — спросила она, грея замерзшие руки над брикетом морского угля, тлеющем в плите. Было холодно и промозгло, от сильного ветра дребезжало стекло в оконной раме.

— Он говорит о протесте, — сказал Сол, с удовольствием рассматривая до блеска начищенный черный ботинок. — Точнее, он высказывается против протеста. Ты слышала про закон о чрезвычайном положении? Его всю прошлую неделю обсасывали по телевизору.

— Тот, что они называют законом о детоубийстве?

— Они?! — заорал Сол, сердито полируя ботинок. — Кто они? Сборище бездельников — вот кто они такие. Люди со средневековым соображением, вечно идущие по проторенной дорожке. Другими словами, задницы.

— Но, Сол... нельзя же заставить людей делать то, во что они не верят. Большинство из них все еще думают, что это имеет какое-то отношение к убийству детей.

— Они думают неправильно. Разве я виноват, что мир полон болванов? Ты прекрасно знаешь, что контроль над рождаемостью не имеет ничего общего с убийством детей. В сущности он их спасает. Что лучше: давать детям умирать от болезней и голода или следить за тем, чтобы лишние дети вообще не рождались?

— Если так рассуждать, то вопрос выглядит по-другому. А ты не забываешь о законах природы? Разве контроль над рождаемостью не является их нарушением?

— Милая моя, вся история медицины есть история нару-

шения законов природы. Церковь — как протестантская, так и католическая — пыталась приостановить использование анестезирующих средств, потому что по закону природы женщина должна рожать детей в муках. И то, что люди должны умирать от болезней, — закон природы. И то, что человеческое тело нельзя разрезать и что-то там чинить, — тоже закон природы. Был даже один парень по имени Бруно, которого сожгли на костре, потому что он не верил в абсолютную истину и законы природы вроде этих. Когда-то все было против законов природы, и теперь контроль над рождаемостью присоединяется к этому всему. Потому что большинство наших бед проистекает из того факта, что в мире чересчур много людей.

— Это слишком просто, Сол. В действительности существует не только черное и белое...

— О да, это так, но никто не хочет этого признавать. Послушай, сегодня мы живем в страшно паршивом мире, и все наши беды происходят по одной-единственной причине. Чертовски много народу. Как так вышло, что до сих пор у нас ни разу не возникло проблемы перенаселения?

— Не знаю... никогда об этом не задумывалась.

— И не только ты одна. Причина — оставим в стороне войны, потопы, землетрясения и подобные несущественные вещи — заключалась в том, что смерть косила людей. Умирало множество грудных младенцев, множество детей, а остальные умирали очень молодыми. Кули в Китае жил, питаясь одним рисом, и обычно умирал, когда ему не исполнялось еще и тридцати лет. Я слышал об этом вчера вечером по телевизору, и я этому верю. А один из сенаторов прочитал из азбуки — это такой учебник, по которому учили детей в колониальной Америке, — что-то вроде «будь добр к своим младшим братьям и сестрам, и они не пробудут с тобой слишком долго». Они размножались как мухи и умирали как мухи. Сколько детей умирало... Боже! И не так уж давно, надо сказать. В 1949 году после демобилизации я побывал в Мексике. Дети там умирали от таких болезней, о которых ни ты, ни я даже и не слыхали. Там никогда не крестили детей младше года, потому что большинство из них к тому времени умирали, а крещение стоило кучу денег. Вот почему у них никогда не было проблемы перенаселения. Раньше весь мир был одной большой Мексикой, размножаясь, умирая и сохраняя равновесие.

— Так что же изменилось?

— Я тебе скажу, что изменилось. — Он потряс ботинком у нее перед носом. — Современная медицина. Все стало возможно вылечить. Избавились от малярии, а также и от других болезней, которые убивали людей молодыми и притормаживали прирост населения. Появился контроль над смертностью. Старики стали жить дольше. Стало выживать больше детей, которые раньше бы умерли, теперь они превратились в стариков, которые живут еще дольше. Люди появляются в этом мире с бешеной скоростью, но, увы, не уходят из него так же быстро. На каждых двух умерших приходится трое новорожденных. Население без конца удваивается — и скорость все время возрастает. Человеческая чума заразила наш мир. У нас стало больше людей, и они живут дольше. Нужно, чтобы рождалось меньше людей — вот решение проблемы. У нас есть контроль над смертностью, мы должны сбалансировать с ним и контроль над рождаемостью.

— Я все-таки не понимаю, как это может получиться, если люди по-прежнему думают, что это имеет какое-то отношение к убийству детей.

— Прекрати ты говорить про мертвых детей! — заорал Сол и кинул ботинок в другой конец комнаты. — Никакие дети не имеют к этому ни малейшего отношения — ни живые, ни мертвые. Так думают лишь безмозглые идиоты, которые слышали звон, да не знают, где он. О присутствующих мы не говорим, — добавил он не слишком искренне. — Как можно убить кого-то, кто никогда не существовал? Мы все — победители в овариальных гонках, однако я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь сокрушался по поводу — ты извини меня за биологический термин — сперматозоидов, проигравших в этих соревнованиях.

— Сол... о чем ты говоришь?

— Об овариальных гонках. Всякий раз, когда нужно оплодотворить яйцеклетку, миллионы сперматозоидов стремятся обогнать друг друга и выполнить эту работу. Лишь один из них побеждает в этой гонке, а остальные остаются с носом. Кого-нибудь волнует это? Ответ один — нет. Так что же такое все эти сложные графики, колпачки и пилюли, используемые для контроля над рождаемостью? Не что иное, как способы проследить, как бы эти сперматозоиды не натворили чего. Так при чем здесь дети? Я не вижу никаких детей.

— Когда ты так излагаешь, мне тоже кажется, что они здесь ни при чем. Но, если это так просто, как получилось, что до сих пор ничего не было предпринято?

Сол глубоко вздохнул, мрачно подобрал ботинок и вновь принялся его чистить.

— Ширли, — сказал он, — если бы я мог ответить, завтра бы меня, вероятно, сделали президентом. Ничто никогда не бывает просто, когда нужно отыскать ответ. У всех свои собственные идеи, их проталкивают, посылая к черту остальные. Такова история рода человеческого. Когда-то она вознесла нас на вершину, а сейчас сбросила нас оттуда. Люди будут мириться с любыми неудобствами, и с детской смертностью, и со старением в тридцать лет, пока все будет по-старому. Попробуй заставить их измениться — и они станут с тобой драться, даже умирая, будут твердить, что то, что было хорошо для их дедушек, хорошо и для них. Когда в Мексике опрыскивали дома ДДТ, чтобы уничтожить москитов, которые являются переносчиками малярии, убивающей людей, приходилось использовать войска, чтобы сдерживать людей, пытающихся туда немедленно вернуться. Местным жителям не нравилась эта белая ерунда на мебели, она выглядела некрасиво. Я видел это своими собственными глазами. Контроль над смертностью появился незаметно, и люди о нем даже не узнали. Врачи пользовались все более современными лекарствами, качество питьевой воды улучшалось, работники здравоохранения следили за тем, чтобы болезни не распространялись. Все это появилось словно само собой, этого никто не заметил. И теперь в мире слишком много людей. И что-то в этом отношении нужно делать. Но сделать что-то означает, что люди должны измениться, должны предпринять какое-то усилие, воспользоваться своим рассудком, а это большинству людей не под силу.

— Да, это будет вмешательством в личную жизнь, Сол. Вот так просто сказать людям, что они не могут иметь детей...

— Прекрати! Мы опять начинаем возвращаться к этим мертвым детям! Контроль над рождаемостью не подразумевает никаких детей. Он лишь означает, что у людей есть выбор, как жить. Как управляемые одними инстинктами, бездумно размножающиеся животные или как разумные существа. Будет в семье один, два или три ребенка — какая рождаемость удержит население земного шара на постоянном уровне и создаст благоприятные условия для нормальной жизни всех

людей? Или будет четыре, пять или шесть, о которых не думают и не заботятся, которых растят в холоде, голоде и нищете? Как в этом мире за окном, — добавил он, показывая в окно.

— Если мир таков, как ты говоришь, тогда все бездумны и эгоистичны.

— Нет. Я лучшего мнения о человеческом роде. Им просто об этом никогда не говорили, и они рождались животными и умирали животными, по крайней мере многие из них. Я виню вонючих политиков и так называемых общественных деятелей, которые избегали этого вопроса и скрывали его, потому что он спорен и вообще... Пройдут годы, прежде чем он решится, а мне хочется получить свое сейчас. Через столетие человечество сожрет все запасы полезных ископаемых, которые накапливались в течение миллионов лет, и никто наверху не прислушается к голосам, которые пытаются их предупредить. Они просто будут позволять нам чересчур много производить и чересчур много потреблять, пока не исчерпается нефть, пока не истощится пахотный слой, пока не срубят все деревья, не перебьют всех животных, не отравят землю. И нам придется смотреть на семь миллиардов людей, дерущихся из-за оставшихся крох, ведущих нищенский образ жизни — и по-прежнему бесконтрольно размножающихся. Поэтому я заявляю, что пришло время встать и сказать свое слово.

Сол сунул ноги в ботинки и крепко завязал шнурки. Потом надел теплый свитер, достал из шкафа изъеденный молью мундир. На оливковой ткани виднелись разноцветные нашивки, а под ними — медаль снайпера и значок военного училища

— Похоже, сел, — пробормотал Сол, пыхтя и пытаясь застегнуть пуговицы на животе.

Затем он замотал шею шарфом и надел допотопное потрепанное пальто.

— Куда ты собрался? — огорченно спросила Ширли.

— Сделать заявление. Напроситься на неприятности, как сказал бы наш общий знакомый Энди. Мне семьдесят пять лет, и я достиг этого почтенного возраста, остерегаясь всяческих неприятностей, держа язык за зубами и не вылезая, как меня учили в армии. Возможно, в этом мире слишком много таких, как я, — не знаю. Возможно, я должен был высказать свой протест немного раньше, но я никогда не видел того, против чего мне хотелось бы протестовать, а сейчас я вижу. Сегодня

столкнулись силы тьмы и силы света. Я собираюсь примкнуть к последним.

Он натянул на уши шерстяную шапочку и направился к двери.

— Сол, о чем ты вообще говоришь? Скажи мне, пожалуйста, — попросила Ширли, не зная, радоваться или плакать.

— Проводится демонстрация. Придурки под лозунгом «Спасите наших детей» идут к муниципалитету, протестуя против закона о чрезвычайном положении. Проводится и еще один митинг — теми, кто выступает за этот закон, и чем больше там будет народа, тем лучше. Если много людей встанут и крикнут, их могут услышать. Возможно, тогда закон пройдет через конгресс. Возможно.

— Сол!.. — крикнула Ширли, но дверь захлопнулась.

Поздно ночью Энди с двумя санитарами притащили носилки, на которых лежал Сол. Он был мертвенно-бледен, без сознания и тяжело дышал.

— Произошла уличная потасовка, — сказал Энди. — Там был Сол. Его сбили с ног. У него сломано бедро. — Он устало и без улыбки посмотрел на Ширли. Носилки внесли в комнату. — Для старика это может оказаться очень серьезным, — сказал он.

Глава 5

На воде образовалась тоненькая корочка льда, она хрустнула и сломалась, когда Билли опустил туда канистру. Поднимаясь вверх по лесенке, он увидел, что показалась еще одна ржавая ступенька. Они вычерпали уже огромное количество воды из-за переборки, но, похоже, ее оставалось там еще много.

— Наверху тонкий лед, но не думаю, что вода промерзнет до самого дна, — сказал он Питеру, плотно закрывая за собой дверь. — Там по-прежнему много воды. Очень много.

Он каждый день тщательно замерял уровень воды, а потом плотно закрывал дверь, словно это был банковский подвал, полный денег. А почему бы и нет? Чем не деньги? Пока продолжались перебои с водой, они могли бы получать за нее неплохие деньги, те доллары, которые были нужны, чтобы жить в тепле и хорошо питаться.

— Ну что, Пит? — спросил он, вешая канистру на кронштейн над горящим морским углем. — Ты когда-нибудь перестанешь думать, что эту воду можно есть? Мы могли бы продать ее и купить еды.

Питер неподвижно сидел на корточках, глядя на дверь, и не обращал на него никакого внимания, пока Билли не повысил голос. Питер безрадостно покачал головой.

— Чей Бог живот их, и чья слава в стыде их, — с выражением произнес он. — Я уже объяснял тебе, Билли. Мы подходим к концу материального мира. Если ты будешь жаждать материального, ты пропал...

— Так... а ты пропал? Ведь эту одежду и эту еду мы купили на деньги, вырученные за воду. Так что ты имеешь в виду?

— Я ем только для того, чтобы дожить до Дня, — торжественно ответил Питер, глядя сквозь дверной проем на бледное ноябрьское солнце. — Мы уже очень близки к нему, осталось несколько недель — даже трудно поверить. Скоро настанет час. Мы благословенны — это произойдет при нас.

Питер встал и вышел, и Билли услышал, как он спускается на землю.

— Мир подходит к своему концу... — пробормотал Билли, размешивая гранулы «энер-Г» в воде. — Придурок, явный придурок.

Он уже не первый раз думал об этом, но только про себя. Все, что говорил этот человек, было невероятно, но могло оказаться правдой. Питер любого убедит в этом с помощью Библии и других книг. Сейчас у него не было книг, но он помнил наизусть и мог цитировать очень длинные отрывки. Разве это не может быть правдой? Почему мир стал таким? Так было не всегда; по телевизору показывали старые фильмы. Однако как быстро все переменилось. Должна быть какая-то причина, и, возможно, все будет так, как говорит Питер: мир закончится, а первый день нового года станет Судным днем...

— Дурацкая мысль. — Он вздрогнул и поднес руки к огню.

Все было не так уж плохо. На нем надето два свитера и старый пиджак с заплатами на локтях — теплее он никогда раньше не одевался. И питались они хорошо. Он шумно втянул с ложки варево из «энер-Г». Покупка карточек социальной помощи обошлась в несколько долларов, но дело того стоило, еще как стоило. Теперь они получали продукты и даже воду в пунктах социальной помощи. И могли торговать своей собственной водой. И по крайней мере раз в неделю он нюхал

«грязь». Казалось, мир еще долго не подойдет к своему концу. Черт с ним. Мир великолепен, пока ты смотришь на него.

Снаружи послышалось позвякивание ржавых железяк, повешенных на обнаженные шпангоуты судна. Каждый, кто пытался залезть в рубку, задевал эти звенящие препятствия и таким образом предупреждал о своем появлении. С тех пор, как они обнаружили у себя воду, приходилось остерегаться непрошеных гостей. Билли взял лом и подошел к двери.

— Питер, я приготовил поесть, — сказал он, выглядывая наружу.

На него уставилось чужое небритое лицо.

— Убирайся отсюда! — закричал Билли.

Мужчина промямлил что-то нечленораздельное: в зубах у него был зажат заостренный кусок автомобильной рессоры. Он повис на одной руке, а другой выхватил изо рта свое оружие.

— Беттиджо! — заорал мужчина хриплым голосом.

Билли отскочил как раз вовремя — у его уха просвистел какой-то предмет и ударился в металлическую стену.

Коренастая женщина с огромной копной светлых волос, стоявшая внизу, запустила в Билли куском бетона. Билли успел пригнуться.

— Давай, Дональд! — завопила она. — Забирайся!

Второй мужчина, такой же волосатый и мерзкий, как первый, стал взбираться на другой борт судна. Билли понял, что попался. Он мог раскроить череп любому, кто попытается влезть на кусок палубы перед дверью, — но лишь одному. Он не мог охранять одновременно оба борта. Пока он справится с одним, второй окажется за спиной.

— Питер! — закричал он как можно громче. — Питер!

Еще один кусок бетона рассыпался в пыль позади него. Он подбежал к краю палубы и замахнулся ломом на бандита, тот уклонился, и лом ударил по балке над его головой. Звук навел Билли на хорошую мысль: он начал бить ломом по металлической обшивке рубки, производя страшный грохот.

— Питер! — крикнул он еще раз в отчаянии и кинулся в другую сторону, где второй налетчик уже уцепился за борт. Он быстро подтянулся на руках и перемахнул через борт.

Обернувшись, Билли увидел, что и другой бородач ухватился за борт обеими руками. Закричав скорее от страха, чем от ярости, Билли бросился к нему, размахивая ломом. Лом скользнул по голове человека и ударил его по плечу, выбив

изо рта кусок рессоры. Мужчина неистово взвыл, но не упал. Билли снова замахнулся, но тут его крепко схватил сзади второй нападавший. Билли не мог пошевелиться и едва дышал. В это время человек, которого он ударил, выплевывал изо рта осколки зубов. По бороде у него текла кровь. Он смачно сплюнул, перелез через борт и набросился на Билли с кулаками. Билли взвыл от боли, отбиваясь ногами и пытаясь вырваться. Смеясь, бандиты потащили его к краю палубы, чтобы сбросить вниз.

Билли уцепился за край палубы, мучители принялись топтать ногами его руки, но вдруг замерли: вернулся Питер. Забравшись на палубу сзади, он замахнулся на мужчин куском трубы.

Пока он сражался у рубки, Билли стал медленно спускаться на землю. Уклонившись от удара рессорой, Питер последовал за ним.

Внизу бесновалась белобрысая женщина.

— Убейте их обоих! — кричала она. — Он меня ударил, сбил с ног. Убейте их!

И она вновь принялась швырять куски бетона, но ни один из них не попал в цель. Когда Билли с Питером оказались на земле, она быстро побежала прочь, выкрикивая проклятия. Соломенные волосы развевались на бегу.

Двое мужчин смотрели сверху на Билли и Питера, но ничего не говорили. Они сделали свое дело. Они завладели судном.

— Пошли, — сказал Питер, подставляя Билли плечо. Он опирался на свою трубу, как на посох. — Они одолели нас, и теперь это их корабль — и вода. Они будут охранять его лучше, чем мы. Я знаю эту блудницу Беттиджо: она живет с ними обоими, и они делают все, что она попросит. Да, это знак. Она — вавилонская блудница, прогнавшая нас...

— Мы должны вернуться, — прохрипел Билли.

— ... приказавшая нам идти к великой вавилонской блуднице туда, за реку. Возврата нет.

Билли опустился на землю, тяжело дыша и шевеля разбитыми пальцами. Питер спокойно смотрел на корабль, который был их домом. Три маленькие фигурки прыгали по палубе, их торжествующие крики доносил холодный ветер с залива. Билли задрожал.

— Пошли, — мягко сказал Питер, помогая ему подняться. — Здесь оставаться негде и незачем. Я знаю, где можно найти приют в Манхэттене. Я был там много раз.

— Я не хочу туда идти, — сказал Билли, вспомнив о полиции, и остановился.

— Нужно. Там мы будем в безопасности.

Билли медленно пошел за ним. А почему бы и нет?

Легавые, наверное, давным-давно забыли про него. Если он не пойдет с Питером, он останется один. Страх одиночества был сильнее незабываемого страха перед полицией. Они выживут, если будут держаться вместе.

Они прошли уже половину Манхэттенского моста, когда Билли заметил, что один из его карманов разорван.

— Постой! — крикнул он Питеру. — Подожди! — Он тщательно ощупал одежду, и его охватила паника. — Пропали, — сказал он, прислонясь к перилам. — Карточки. Должно быть, они выпали во время драки. Может, они у тебя?

— Нет. Ты их взял вчера, когда ходил за водой. Но это неважно.

— Неважно! — заплакал Билли.

Над грифельно-серой поверхностью воды неслись свинцовые низкие облака. Ледяной ветер пронизывал насквозь. Стоять было холодно, и Билли пошел дальше, Питер последовал за ним.

— Куда мы идем? — спросил Билли, когда они сошли с моста и повернули на Дивизион-стрит.

Здесь, в толпе, было немного теплее. Билли всегда чувствовал себя лучше, когда вокруг находились люди.

— На стоянки. Их много в районе новостроек, — сказал Питер.

— Ты придурок, стоянки всегда переполнены.

— Не в это время года, — ответил Питер, показывая на грязный лед в канаве. — Жизнь на стоянках никогда не была легкой. А в такое время года она особенно тяжела для стариков и инвалидов.

Лишь на экране телевизора Билли видел улицы города, заполненные машинами. Для него это было историческим, а потому неинтересным фактом, поскольку стоянки существовали, сколько он себя помнил, — этакий постоянный, но постепенно приходящий в упадок элемент городского пейзажа. Когда движение на улицах стало затихать, а автомобили превратились в редкость, не стало необходимости в сотнях автостоянок по всему городу. Они постепенно стали заполняться брошенными машинами: некоторые пригоняла полиция, другие приволакивали, толкая руками. Стоянки превратились в своего рода деревушки, где в машинах жили люди, потому что это было лучше, чем жить на улице. В каждой машине обитало множество жильцов, и все-таки зимой, когда самые слабые умирали, появлялись свободные места.

Билли и Питер направились было на большую стоянку за микрорайоном Сьюард-парк, но их выгнала оттуда шайка подростков, вооруженных обломками кирпичей и самодельными ножами. На Мэдисон-сквер они обнаружили, что вокруг небольшого парка недалеко от микрорайона Ла Гардия сломана ограда и парк заполнен ржавеющими останками автомашин без колес. Здесь не видно было агрессивных подростков, лишь несколько человек угрюмо бродили вокруг. Из одной из труб, которые торчали из крыш большинства автомобилей, поднимался дымок. Питер и Билли стали пробираться между машинами, заглядывая в окна. На них смотрели бледные, призрачные лица.

— На вид очень неплоха, — сказал Билли, указывая на неуклюжий допотопный «Бьюик», тормозные цилиндры которого наполовину погрузились в грязь. Окна с обеих сторон замерзли, и изнутри не послышалось ни звука, когда приятели подергали ручки запертых дверей. — Интересно, как они проникают внутрь? — недоуменно сказал Билли и влез на капот. Над передним сиденьем имелась скользящая солнечная крыша, и она сдвинулась немного, когда он на нее надавил. — Дай трубу! — крикнул он Питеру.

Используя трубу в качестве рычага, они расширили отверстие и заглянули внутрь. В машине сидел человек. Его лицо было неподвижно. В одной руке он зажал дубинку — металлический прут, к которому проводом были привязаны острые осколки стекла. Человек был мертв.

— Должно быть, крепкий мужик был, раз один владел такой большой машиной, — сказал Билли.

Тело было тяжелым, к тому же одеревенело, и пришлось повозиться, прежде чем они вытащили его через отверстие в крыше. Грязные тряпки, в которые он был закутан, им были не нужны, они вынули у него из кармана только карточки социальной помощи. Питер вытащил тело на улицу, где его могли найти работники санитарного управления, а Билли ждал внутри машины, высунув голову в отверстие и оглядываясь по сторонам. Увесистая дубинка была наготове, если бы кто-нибудь посмел посягнуть на их новый дом.

Глава 6

— Вот это да! — восхищенно произнесла миссис Майлс, когда служащий управления социального обеспечения протянул Ширли в окошко небольшой пакет. — У вас в семье кто-то болен?

— А где старый пакет, сударыня? — спросил служащий. — Вы же знаете, что, получая новый, нужно возвращать старый. С вас три доллара.

— Извините, — сказала Ширли, доставая из хозяйственной сумки пластиковый конверт и протягивая его служащему вместе с деньгами.

Тот что-то проворчал и сделал отметку на одной из своих регистрационных дощечек.

— Следующий! — крикнул он.

— Да, — сказала Ширли миссис Майлс, которая уставилась на пакет и медленно читала буквы на нем. — Сол болен, несчастный случай. Он живет с нами в одной квартире; ему за семьдесят. Он сломал ногу и не может вставать с постели. Это для него.

— Мясные хлопья. Прекрасно, — сказала миссис Майлс, провожая глазами пакет, пока тот не исчез в сумке Ширли. — Как вы их готовите?

— С ними можно делать все что угодно, но я готовлю густой суп с крекерами. Так проще кормить больного. Сол не встает.

— Таких людей нужно класть в больницу, особенно таких старых.

— Он был в больнице, но там сейчас нет мест. Как только они узнали, что он живет в одной квартире с Энди, они тут же заставили его забрать Сола домой. Всех, у кого есть хоть какое-то жилье, выгоняют. Беллевью переполнена, они заняли несколько корпусов в университетских общежитиях и поставили туда койки, но все равно мест не хватает. — Ширли заметила, что миссис Майлс выглядит как-то странно: сегодня она впервые пришла без своего маленького сына. — Как здоровье Томми? Ему что, хуже?

— Не хуже, но и не лучше. Квош остается квошем. А это хорошо, потому что я получаю паек. — Она показала на пластиковую баночку у себя в сумке, в которой лежал небольшой кусок горохового масла. — Томми остался дома, на улице так холодно. На всех детей не хватает одежды, ведь Винни каждый день ходит в школу. Она умница. Заканчивает третий класс. Что-то давно я не видела вас у колонки.

— За водой теперь ходит Энди. Я должна быть с Солом.

— Большое счастье, что у вас дома кто-то болеет и вы можете получать дополнительный паек. Наверняка зимой весь город будет питаться крекерами с водой.

«Счастье?» — подумала Ширли, завязывая косынку и осматривая темное помещение отдела специальных пайков. Прилавок делил его пополам: с одной стороны находились служащие и ряды полупустых полок, а с другой — длинные людские очереди. Здесь были перекошенные параличом лица и трясущиеся руки — те, кому требовалась специальная диета. Диабетики, инвалиды, люди с болезнями, вызванными недостатком витаминов, белков, и огромное количество беременных женщин. Все они счастливчики?

— Что вы собираетесь приготовить на ужин? — спросила миссис Майлс, глядя в грязное окно на небо.

— Не знаю. Думаю, то же, что и всегда. А что?

— Возможно, пойдет снег. Возможно, у нас будет белый День благодарения, к какому мы привыкли в детстве. Мы собираемся приготовить рыбу, я ее приберегла специально для этого праздника. Завтра же четверг, двадцать пятое ноября. Разве вы не помните?

Ширли покачала головой.

— Нет. Все пошло наперекосяк с тех пор, как случилась эта беда с Солом.

Они шли, низко наклонив головы, чтобы спрятать лица от резких порывов ветра. Когда они сворачивали с Девятой авеню на Девятнадцатую улицу, Ширли столкнулась с какой-то женщиной, шедшей навстречу.

— Извините, — сказала Ширли. — Я вас не заметила...

— Вы же не слепая! — рявкнула женщина. — Ходите тут, людей с ног сбиваете. — Она посмотрела на Ширли и выпучила глаза. — Это ты?

— Я же извинилась, миссис Хеггерти. Я не нарочно. — Ширли хотела идти дальше, но женщина преградила ей дорогу.

— Я знала, что найду тебя, — победно произнесла миссис Хеггерти. — Я собираюсь подать на тебя в суд. Ты украла все деньги моего брата, а мне не оставила ничего, вообще ничего. Лишь счета, которые мне пришлось оплачивать, за воду и за все остальное. Они были такие большие, что мне пришлось продать всю мебель, чтобы их оплатить. Но я все еще остаюсь должна, и меня преследуют. Ты все оплатишь!

Ширли вспомнила, как Энди принимал душ, и, наверное, у

нее на лице появилась улыбка, потому что Мэри Хеггерти завопила:

— Не насмехайся надо мной, я честная женщина! Твари вроде тебя не смеют улыбаться мне прямо в лицо. Весь мир знает, кто ты такая, ты...

Она замолчала, словно ее выключили, — миссис Майлс влепила ей здоровую пощечину.

— Придержи свой мерзкий язык, девочка, — сказала миссис Майлс. — Никто не смеет говорить с моей подругой в таком тоне.

— Как вы смеете! — завопила сестра Майка.

— Я уже посмела... и ты схлопочешь еще, если будешь путаться у меня под ногами.

Увлекшись перепалкой, женщины на какое-то время совершенно забыли о Ширли. Они были примерно одного возраста и воспитания, хотя Мэри Хеггерти после замужества немного поднялась в общественной иерархии. Но выросла она на этих улицах и знала их законы. Нужно драться или отступать.

— Не лезь не в свое дело, — сказала она.

— Сейчас это станет моим делом, — сказала миссис Майлс, сжимая кулаки.

— Это не твое дело, — повторила сестра Майка и на всякий случай отступила на несколько шагов назад.

— Дуй отсюда! — крикнула миссис Майлс.

— Вы обо мне еще услышите! — пообещала Мэри Хеггерти, повернулась и с чувством собственного достоинства пошла прочь.

— Я очень сожалею, что вы ввязались в этот скандал, — сказала Ширли.

— Я сделала это с большим удовольствием, — ответила миссис Майлс. — Мне хотелось, чтобы она затеяла ссору, и уж тогда бы я с ней разделалась. Знаю я подобных дамочек.

— На самом деле я не должна ей никаких денег...

— Это не имеет значения. Было бы лучше, если бы были должны. Я получила бы удовольствие, приструнив ее как следует.

Миссис Майлс распрощалась с Ширли у ее дома и степенно пошла дальше. Внезапно почувствовав сильную усталость, Ширли с трудом дошла до квартиры и толкнула незапертую дверь.

— Ты скверно выглядишь, — сказал Сол. Он лежал, накрытый несколькими одеялами до самого подбородка. На голову была надета шерстяная шапочка. — И выключи, пожалуйста, ящик. Скоро я либо ослепну, либо оглохну.

Ширли положила сумку и выключила орущий телевизор.

— Становится холоднее, — сказала она. — Даже дома холодно. Я зажгу огонь и подогрею суп.

— Больше не могу есть эти дерьмовые мясные хлопья, — пожаловался Сол и состроил гримасу.

— Не говори так, — спокойно сказала Ширли. — Это настоящее мясо — именно то, что тебе нужно.

— То, что мне нужно, ты уже не можешь достать. Ты знаешь, что такое эти мясные хлопья? Я все про них узнал сегодня по телевизору. Я не очень интересуюсь этим вопросом, но я же не могу вырубить этот чертов ящик! Длинная программа о животных во Флориде. Должно быть, они там, в Майами-Бич, что-то слышали про животных. Они перестали осушать болота, а вместо этого занимаются черт-те чем. Улиткофермы — как тебе это нравится? Выращивают гигантских западноафриканских улиток — триста граммов мяса в каждой раковине. Вытаскивают, разрезают, обезвоживают, запаковывают и отправляют голодающим крестьянам сюда, на холодный север. Мясные хлопья. Что ты на это скажешь?

— Очень интересно, — сказала Ширли, размешивая бурые, похожие на щепки, кусочки мяса в кастрюльке. — Я один раз видела по телевизору кино, где ели этих улиток. По-моему, это было во Франции. Должно быть, они какие-то особенные.

— Для французов, возможно, но не для меня...

Тут у Сола начался жестокий приступ кашля, после которого он совсем ослаб и лежал на подушках, тяжело дыша.

— Может, хочешь попить воды? — спросила Ширли.

— Нет... все в порядке. — Его раздражение, похоже, исчезло вместе с кашлем. — Извини, что набросился на тебя, малышка, ты за мной ухаживаешь и все такое. Просто я не привык лежать пластом. Я всю жизнь сохранял отличную форму, регулярно занимался спортом, сам себя обслуживал, никогда никого ни о чем не просил. Но есть одна штука, которую не предотвратить. — Он мрачно посмотрел на свои одеяла. — Время идет походным маршем. Кости становятся хрупкими. Поскользнулся, упал — и вот уже в гипсе до самого подбородка.

— Суп готов...

— Не сейчас, я еще не проголодался. Может, включишь телевизор... Нет, оставь. Он мне надоел. В новостях сказали, что закон о чрезвычайном положении пройдет всего лишь через два месяца обсасывания его в конгрессе. Я этому не верю. Слишком много людей ничего об этом не знают или не беспо-

коятся, а потому на конгресс не оказывают настоящего нажима в этом отношении. У нас по-прежнему есть женщины с десятью детьми, умирающими от голода, которые считают грехом иметь детей меньше. Полагаю, в этом мы можем винить главным образом католиков: они все еще не верят, что контроль над рождаемостью — праведное дело.

— Сол, пожалуйста, не нападай на католиков. У моей матери в семье...

— Я не против кого бы то ни было, и я очень люблю семью твоей матери. И я не против пуритан, когда говорю, что эти задницы поджаривали на кострах старушек за то, что те якобы были ведьмами. Это история. Твоя церковь поставила рекорд в борьбе против контроля за рождаемостью со стороны общественности. Это тоже история. Результаты, свидетельствующие, что они не правы, — за окном. Они навязали остальным свои убеждения, и теперь мы все гнием в одной канаве.

— На самом деле плохо совсем не это. На самом деле церковь не выступает против идеи контроля над рождаемостью. Она против способов, которыми он осуществляется. Она всегда одобряла метод ритмов...

— Он недостаточно хорош. Как и пилюли, он не для всех. А когда они собираются дать «добро» спирали? Это единственное, что действительно работает. А знаешь, когда она появилась — самое простое средство для любой дуры, безопасное и безвредное? В 1964 году, когда светлые головы в университете Джона Хопкинса все исследовали, включая побочные эффекты, вот когда. Уже тридцать пять лет у них есть этот маленький кусочек пластмассы, который стоит от силы пару центов. Он вводится внутрь и остается там годами, он не препятствует процессам жизнедеятельности, не выпадает, в сущности женщина даже не чувствует его, но, пока он есть, она не может забеременеть. Вынь его — и она вновь сможет иметь детей, ничего не меняется. И самое забавное, что никто до сих пор не знает, как она действует. Это чудо. Возможно, нужно писать с заглавной буквы: Чудо. И церковь могла бы ее признать и сказать, что воля Божья на то, будет она действовать или нет.

— Сол, ты богохульствуешь.

— Я? Ничего подобного! У меня, как у каждого, есть право высказывать догадки относительно того, что думает Бог. В любом случае это не имеет к нему никакого отношения. Я просто пытаюсь найти извинение для католической церкви, которая не желает принять эту штуку и дать страдающему человечеству небольшой отдых.

— Сейчас этот вопрос рассматривается.

— Грандиозно. Они запоздали всего на каких-то тридцать пять лет. Может, все же закон и пройдет, хотя сомневаюсь. Это старая история: то чересчур рано, то чересчур поздно. Мир скатился к черту в ад, и это мы столкнули его туда.

Ширли помешивала суп и с улыбкой смотрела на Сола.

— А ты не преувеличиваешь? Нельзя во всех наших бедах винить перенаселенность.

— Можно, черт подери, — извини за выражение. Уголь, которого должно было хватить на столетия, весь выкопали, потому что слишком много людей хотят жить в тепле. И нефть тоже. Ее осталось так мало, что мы не можем позволить себе ее сжигать. Она идет только на производство химикатов, пластмасс и прочей ерунды. А реки — кто их отравил? Вода — кто ее выпил? Пахотный слой почвы — кто его истощил? Все сожрано, изношено, исчерпано. Что у нас осталось? Какой у нас единственный природный ресурс? Старые автостоянки — вот что осталось. Все уже использовано, и нам приходится любоваться миллиардами старых ржавых машин. Когда-то у нас был целый мир, но мы его съели, сожрали, и он исчез. Когда-то прерии были черны от бизонов — об этом я в детстве читал в учебнике, — но я их никогда не видел, потому что их всех превратили в бифштексы и изъеденные молью ковры. Ты думаешь, это произвело какое-то впечатление на человечество? Или киты, странствующие голуби, журавли или другие животные, которых мы истребили? Черта с два! В пятидесятые и шестидесятые годы было много разговоров о строительстве станций для опреснения морской воды: в пустынях зацветут сады и все такое. Но это были только разговоры. Если некоторые люди умеют читать древние письмена, то это совсем не значит, что они могут заставить прочесть их всех остальных. Требуется по меньшей мере пять лет, чтобы построить всего одну атомную станцию. Те станции, в которых мы нуждаемся *сейчас, должны были быть построены тогда.* Этого не произошло. Все достаточно просто.

— Это у тебя все получается просто, Сол, но не поздно ли беспокоиться о том, что люди должны были сделать сто лет тому назад?

— Сорок... но это неважно.

— Что мы можем сделать сегодня? Разве не об этом мы должны сейчас думать?

— Думай, сладкая моя, мне от этого становится тошно. Мчаться вперед на полной скорости, оставаясь на месте, — вот что мы можем сегодня сделать. Возможно, я живу прошлым, и если это так, то у меня на то свои причины. Тогда все было намного лучше, а беда всегда приходит завтра, так что черт со всем этим. Существовала Франция, великая страна, цитадель культуры, готовая повести за собой весь мир по пути прогресса. Только они приняли закон, провозгласивший контроль над рождаемостью нелегальным, и для врачей стало преступлением даже говорить о противозачаточных средствах. Прогресс! Факты достаточно явные, любой может удосужиться убедиться в них. Консерваторы постоянно говорили нам, что следует изменить курс, а то все природные богатства исчезнут. И вот они исчезли. Уже тогда было почти поздно, но что-то еще можно было сделать. Женщины во всех странах мира умоляли дать им информацию о методах контроля над рождаемостью, чтобы они могли ограничивать размеры семей какими-то разумными рамками. В результате было очень много болтовни и чертовски мало дела. Если бы существовало пять тысяч клиник, занимающихся планированием семьи, этого было бы все-таки недостаточно. Дети, любовь и секс — вероятно, самые эмоционально важные и самые таинственные вещи, известные человечеству, поэтому открытая дискуссия была невозможна. Нужно было провести свободную дискуссию, отпустить тонны денег на научные исследования проблем оплодотворения, планирования семьи во всемирных масштабах, на программы обучения, на пропаганду контроля над численностью населения, а самое главное — допустить свободное высказывание свободных взглядов. Но этого не произошло, а теперь 1999 год и конец столетия. Так себе столетие! В общем, через пару недель наступит новый век, и, возможно, он действительно станет новым для нокаутированного человечества. Сомневаюсь — и не беспокоюсь об этом. Я этого не увижу.

— Сол, ты не должен так говорить.

— Почему? У меня неизлечимое заболевание. Старость.

Он вновь закашлялся, на этот раз надолго, а когда приступ прекратился, он лежал молча на кровати, совершенно измученный. Ширли подошла поправить одеяла, и ее ладонь коснулась его руки. Глаза у нее расширились, она изумленно открыла рот.

— Ты такой горячий. У тебя жар?

— Жар? — Он начал кашлять и от этого еще больше ослабел. Когда он заговорил вновь, голос его звучал очень тихо. — Послушай, милая моя, я старый боец. Я лежу на спине в постели совершенно разбитый и не могу пошевелиться. А в комнате так холодно, что можно заморозить кого угодно. У меня могли бы появиться пролежни, но скорее всего у меня воспаление легких.

— Нет.

— Да. Не надо бояться правды. Если оно у меня есть, значит, есть. Ну, будь хорошей девочкой и поешь супу. Я не голоден и лучше немного вздремну. — Он закрыл глаза и опустил голову на подушку.

Энди вернулся домой в начале восьмого. Ширли узнала знакомые шаги в коридоре и встретила его в дверях, прижав к губам палец. Затем она тихо провела его в другую комнату, показав на Сола, который все еще спал, тяжело дыша.

— Как он себя чувствует? — спросил Энди, расстегивая мокрое пальто. — Ну и вечерок сегодня. Дождь со снегом и слякоть.

— У него жар, — сказала Ширли. — Он сказал, что у него воспаление легких. Это может быть? Что делать?

Энди замер, вытащив руку только из одного рукава.

— У него температура? Он кашляет? — спросил он. Ширли кивнула. Энди приоткрыл дверь и прислушался к дыханию Сола, затем молча закрыл ее и стал надевать пальто. — Меня предупреждали об этом в больнице, — сказал он. — Для стариков, не встающих с постели, всегда существует такая опасность. Мне там дали какие-то антибиотики. Мы дадим ему их, а я схожу в Беллевью — может, удастся достать еще, — и спрошу, не возьмут ли его обратно. Ему нужно находиться в кислородной камере.

Сол, не до конца проснувшись, принял таблетки. Ширли положила ладонь ему на лоб — он горел. Через час вернулся Энди. Лицо его ничего не выражало. Ширли всегда думала, что это профессиональное выражение лица. Сейчас оно могло означать только одно.

— Антибиотиков больше нет, — в отчаянии прошептал он. — Из-за эпидемии гриппа. То же самое с койками и кислородными камерами. Все переполнено. Я даже не видел никого из врачей, говорил с девушкой в приемном покое.

— Они не могут так поступить. Он очень болен. Это все равно что убийство.

— Если бы ты видела Беллевью. Похоже, что болеет половина города. Люди повсюду: в коридорах, на лестницах, даже на улице. Лекарств не хватает. По-моему, их дают только детям, остальные должны рассчитывать только на везение.

— Везение! — воскликнула Ширли и уткнулась лицом в его мокрое пальто, беспомощно всхлипывая. — Но какое тут может быть везение? Это убийство. Такой старый человек нуждается в помощи, его нельзя бросить просто так. Он умрет.

Он прижал ее к себе.

— Мы здесь и можем за ним ухаживать. Еще осталось четыре таблетки. Теперь иди и ляг. Ты тоже заболеешь, если не будешь заботиться о себе.

Глава 7

— Нет, Раш, это невозможно. Так не пойдет... и ты знаешь это лучше меня. — Лейтенант Грассиоли прижал палец к уголку глаза, но это не помогло — тик не прекратился.

— Извините, лейтенант, — сказал Энди. — Я прошу не за себя. Это семейные проблемы. Я уже отдежурил девять часов, и до конца недели у меня двойные смены...

— Полицейский находится на дежурстве двадцать четыре часа в сутки.

Энди едва сдержался.

— Я знаю, сэр. Я не отлыниваю от работы.

— Отлыниваешь. Разговору конец.

— Тогда разрешите мне уйти хоть на полчаса. Я хочу заскочить домой, а потом вернусь и буду в вашем полном распоряжении. Я буду работать до прихода дневной смены. В любом случае у вас после полуночи будет не хватать людей, а если я останусь, то смогу закончить те рапорты, которые вот уже неделю требуют с Центральной улицы.

Придется работать двое суток без отдыха, но только так можно было добиться от Грасси хоть чего-то. Лейтенант не мог приказать ему работать столько часов подряд, если не было экстренной необходимости, но он мог воспользоваться предложением Энди. Большинство детективов вновь перевели на патрулирование, так что их непосредственная работа очень пострадала. Штаб на Центральной улице не считал такой аргумент достаточно веским.

— Я никогда никого не прошу работать сверхурочно, — сказал Грассиоли, заглатывая наживку. — Но я играю честно,

по правилам. Ты можешь взять сейчас полчаса, но не больше, как ты понимаешь, а когда вернешься, все доделаешь. Если хочешь остаться здесь вечером — твое право.

— Слушаюсь, сэр, — сказал Энди.

Хорошенькое право. Он пробудет здесь до восхода солнца.

Дождь, шедший последние три дня, сменился снегом. Огромные снежинки бесшумно падали в конусах света под фонарями на Двадцать третьей улице. Пешеходов было немного, но по-прежнему темные фигуры жались к колоннам, поддерживающим экспресс-линию. Большинство ночующих на улицах нашли себе убежище от непогоды, но их невидимое присутствие, как и остальных жителей города, было почти ощутимым. В каждом доме жили сотни людей, их темные силуэты мелькали в подъездах и окнах. Энди наклонил голову, чтобы снег не летел в лицо, и побежал. Но быстро запыхался и пошел медленнее.

Ширли не хотела, чтобы он уходил этим утром, но он не мог остаться. Солу лучше не становилось; не становилось ему и хуже. Так было последние три дня. Энди хотелось остаться с ним, помочь Ширли, но выбора у него не было. Он должен был идти на дежурство. Она этого не понимала, и они чуть не поссорились — шепотом, чтобы не услышал Сол. Энди надеялся вернуться пораньше, но обстоятельства распорядились иначе. Он мог лишь забежать на несколько минут, поговорить с ними обоими, узнать, не нужна ли какая-нибудь помощь. Он знал, что Ширли нелегко быть одной с больным старым человеком, — но что было делать?

В коридоре из-за дверей раздавались музыка и звуки телевизионных передач, а в его квартире царила тишина. У него вдруг возникло дурное предчувствие. Он отпер дверь и тихо ее отворил. В комнате было темно.

— Ширли? — прошептал он. — Сол?

Ответа не последовало, и тишина вдруг страшно поразила его. Где учащенное, хриплое дыхание, наполнявшее раньше комнату? Зажужжал его фонарик, луч света пересек комнату и уткнулся в кровать, в неподвижное, бледное лицо Сола. Казалось, он тихо спит, но Энди знал — еще до того, как коснулся кончиками пальцев, — что Сол мертв.

«О Боже! — подумал он. — Она была с ним одна, в темноте, когда он умирал».

И тут он услышал тихие душераздирающие рыдания, раздававшиеся из-за перегородки.

Глава 8

— Я не хочу больше об этом слышать! — заорал Билли, но Питер продолжал говорить, словно Билли тут вообще не было:

— «...И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля исчезли, и моря уже нет». Так написано в Книге откровений; если мы ищем истину, она там. Откровение нам, мимолетный взгляд в завтра...

— Заткнись!!!

Никакого воздействия это не оказало, и монотонный голос упорно продолжал звучать на фоне ветра, завывающего вокруг старой машины и проникающего во все щели и трещины. Билли натянул на голову пыльное одеяло, но это не помогло, к тому же стало трудно дышать. Билли опустил одеяло до подбородка и уставился в серый сумрак внутри машины, пытаясь не обращать внимания на бормотание человека рядом. Передние кресла и заднее сиденье были сняты, и седан превратился в одну, не слишком просторную комнату. Они спали бок о бок на полу, покрытом обрывками теплоизоляции, ватина и поролона. Неожиданно Билли почувствовал сильный запах йода и дыма, когда ветер задул по дымовой трубе и перемешал пепел в желобе, который они использовали в качестве печки. Последний кусок морского угля сожгли неделю назад.

Билли уснул и спал до тех пор, пока нудный голос Питера не разбудил его вновь. Теперь Билли был уверен, что его компаньон лишился рассудка, поскольку разговаривал сам с собой. Билли чувствовал, что задыхается в этих тесных стенах, в этой пыли, в этих бессмысленных словах, которые наполняли всю машину и давили на него. Встав на колени, он повернул ручку и немного опустил заднее стекло. Он прильнул к щели, жадно дыша холодным свежим воздухом. Что-то холодное коснулось его губ. Он наклонил голову, чтобы выглянуть в щель, и увидел белые парящие снежинки.

— Я выйду, — сказал он, закрыв окно, но Питер сделал вид, что не слышит. — Я выйду. Здесь воняет.

Он взял пончо, сделанное из синтетического покрытия, срезанного с переднего сиденья «Бьюика», просунул голову в отверстие и закутался. Когда он открыл заднюю дверь, в машину влетел снежный вихрь.

— Здесь воняет, и ты воняешь... и, по-моему, ты придурок.

Билли вылез из машины и с силой хлопнул дверью. Падая

на землю, снег таял, а на крышах автомобилей лежал толстым слоем. Билли собрал горсть снега с капота машины и положил в рот. В темноте не было заметно никакого движения, с тихим шелестом падали снежинки, ночь была безмолвна. Пробравшись мимо покрытых белыми саванами машин, Билли вышел на Канал-стрит и повернул на запад к Гудзону. Улица была на удивление пустынна — должно быть, было уже очень поздно. И шорох колес какого-то запоздалого велотакси, проехавшего мимо Билли и скрывшегося во мраке, еще долго звучал в ночи.

Билли остановился у складов и понаблюдал, как из ворот выезжали пятеро гужевиков. С обеих сторон шли охранники, а люди-лошади едва передвигали ноги, таща тяжелый груз. Что-то ценное, подумал Билли, вероятно, продукты. При воспоминании о еде в пустом желудке болезненно заурчало, и он прижал к нему ладони. Он не ел уже два дня.

Здесь было больше снега, он лежал на железной изгороди, и Билли, проходя мимо, собрал его, скатал в маленький шарик и положил в рот. Дойдя до Элизабет-стрит, он взглянул на большие механические часы, установленные на фасаде здания с вывеской «Центр китайской коммуны». Стрелки показывали начало четвертого. Это означало, что до рассвета еще часа три-четыре. Масса времени, чтобы дойти до окраины и вернуться.

От ходьбы он согрелся, но одежда промокла почти насквозь. Путь до Двадцать третьей улицы был неблизкий, и Билли очень устал. Несколько последних недель он недоедал. Дважды он останавливался передохнуть, но тогда сразу становилось холодно. И он вновь с трудом поднимался на ноги и пускался в путь. Чем дальше на север он уходил, тем сильнее его охватывал страх.

«Отчего бы мне туда не сходить? — спрашивал он себя, тревожно озираясь в темноте. — Легавые сейчас про меня совсем забыли». Все случилось так давно, это — он посчитал по пальцам — было четыре месяца тому назад, в декабре пошел пятый. Полиция никогда не расследует дело дольше двух недель, если только не застрелили мэра или не украли миллион долларов.

Пока его никто не видел, он чувствовал себя в безопасности. Дважды он уже отправлялся на север, но, как только оказывался неподалеку от своего старого дома, он останавливался. Либо дождь был не слишком сильным, либо вокруг было

слишком много людей. Но сегодня ночью все совсем по-другому. Похоже, что снегопад усилился — его никто не заметит. Он доберется до «Колумбии Виктории», спустится к себе и всех разбудит. Это была его семья, они будут рады его увидеть, несмотря ни на что. Он объяснит, что невиновен. А еда! Он сплюнул в темноту. У них были карточки на четверых, а его мать всегда делала запасы на черный день. Он наестся до отвала. Овсяные лепешки, огромные, может, даже только что приготовленные и горячие. Одежда тоже. У матери осталась вся его одежда. Он наденет теплые вещи и возьмет пару отцовских башмаков. Никакого риска, никто не узнает, что он там был. Зайти всего на несколько минут, самое большее — на полчаса, а затем назад. Игра стоила свеч.

Он прошел под эстакадой на Двадцатой улице и направился к шестьдесят первому причалу. Похожая на амбар пристройка у причала была забита людьми, и он не осмелился пройти мимо. Снаружи вдоль здания узкие мостки, положенные на сваи; Билли хорошо их знал, хотя впервые шел по ним ночью. Мостки были скользкими от растаявшего снега. Он двинулся по мосткам боком, прижимаясь спиной к стене и слыша внизу плеск волн о сваи. Не дай Бог свалиться — влезть обратно он уже не сможет, это будет верная смерть. Задрожав, он переставил ногу и чуть не запнулся о толстый швартовочный канат. Над ним, почти невидимый в темноте, возвышался ржавый борт самого крайнего судна Корабельного городка. Это был самый длинный путь до «Колумбии Виктории», а значит, и самый безопасный. Никого вокруг не было видно, и он по сходням забрался на палубу.

Когда Билли пересек плавучий город, у него вдруг пропала тревога. Погода была на его стороне: снег все так же валил, окутывая все вокруг. И корабли были за него: на палубах никого не было, и никто не видел, как он проходил. Он все рассчитал, он готовился к этой ночи очень долго. Если он спустится вниз и попытается разбудить кого-нибудь из своих, его могут услышать. Но он не настолько глуп.

Добравшись до палубы, Билли остановился и достал длинный шнур, сплетенный несколько недель назад из проводов системы зажигания нескольких старых машин. К концу шнура был прикреплен тяжелый болт. Он осторожно взмахнул им — и болт слабо стукнул в фанерное окно каюты, где спали мать и сестра. Стук наверняка будет слышен в каюте и кто-нибудь обязательно проснется.

Через некоторое время Билли услышал, как внизу отодвинулась фанера и исчезла внутри каюты. Из отверстия высунулась чья-то голова.

— Что такое? Кто там? — Это был голос его сестры.

— Старший брат, — прошептал он по-кантонски. — Открой дверь и впусти меня.

Глава 9

— Мне так жалко Сола, — сказала Ширли. — Как это жестоко!

— Не надо, — ответил Энди, прижимая ее к себе и крепко целуя. — Не думаю, что он чувствовал себя таким уж несчастным. Он старый человек и за всю свою жизнь много чего перевидал и сделал. Для него все было в прошлом, и я не думаю, что он был очень счастлив в этом мире. Посмотри, неужели солнце? По-моему, снег кончился, и небо проясняется.

— Но его смерть так нелепа. Если бы он не пошел на ту демонстрацию...

— Полно, Ширли, прекрати. Сола не вернешь. Почему бы тебе не подумать о сегодняшнем дне? Ты можешь себе представить, что Грасси дает мне выходной — просто из чувства симпатии?

— Нет. Он ужасный человек. Я уверена, что он готовит тебе пакость, о чем ты и узнаешь, придя завтра на работу.

— Да ну тебя, ты говоришь прямо как я, — засмеялся он. — Давай позавтракаем и подумаем, что мы хотим сделать сегодня.

Энди вошел в комнату и зажег огонь, пока Ширли одевалась. Затем он еще раз проверил, все ли вещи Сола спрятаны подальше от глаз. Вещи были в шкафу, он протер начисто все полки и засунул поверх одежды книги. С кроватью ничего не поделаешь, а одеяло и подушку он свернул и тоже положил в шкаф. Теперь кровать больше походила на диван. Вполне прилично. Нужно будет постепенно избавиться от всех вещей Сола. Можно продать их на блошином рынке. За книги дадут хорошие деньги. Некоторое время можно будет лучше питаться, однако Ширли не следует говорить, откуда взялись деньги.

Он будет тосковать по Солу, он это знал. Семь лет назад Сол стал снимать эту комнату. Позднее повышение цен на продукты вынудило его разделить комнату и сдавать половину. Но он не хотел делить ее с кем попало. Он пошел в участок

и сказал, что сдает жилье. Энди, живший тогда в полицейских бараках, сразу же переехал к Солу. Так что Сол получил сразу и дополнительный доход, и вооруженную охрану. Поначалу между ними не было дружбы, но потом они сблизились, несмотря на разницу в возрасте. «Ты молод, если молод душой», — всегда говорил Сол и жил по своим собственным законам. Надо же, как много из того, что сказал Сол, Энди запомнил. Он будет постоянно вспоминать его слова. Он не хотел быть сентиментальным — Сол стал первым бы смеяться над этим, — но воспоминания не давали ему покоя.

Солнце светило прямо в окно, ночной холод рассеялся, и в комнате стало очень уютно. Энди включил телевизор и нашел на одной из программ музыку. Не ту, что любил он, а которая нравилась Ширли. Это была вещь под названием «Римские фонтаны». На экране били жемчужные струи. В комнату вошла Ширли, причесываясь на ходу. Энди показал на экран.

— Эта вода не вызывает у тебя жажды?

— Вызывает желание принять душ. Могу поспорить, что от меня исходит ужасный запах.

— Аромат как от духов, — сказал он, с удовольствием наблюдая за тем, как она причесывает волосы, сидя на подоконнике. В них играли золотистые солнечные блики. — Как тебе нравится мысль прокатиться на речном трамвайчике и устроить пикник? — внезапно спросил он.

— Прекрати! Я не понимаю шуток до завтрака.

— Я серьезно. Подвинься-ка. — Он облокотился на подоконник рядом с ней и, прищурившись, посмотрел на допотопный термометр, который Сол прибил к внешней стороне рамы. Большинство цифр отвалилось, но Сол на их месте нацарапал новые, причем по принятой лишь в последние годы в Соединенных Штатах шкале Цельсия. — Уже десять градусов в тени. Могу поспорить, что сегодня дойдет до пятнадцати. Когда ты видела в Нью-Йорке в декабре такую погоду? Нужно ловить момент. Завтра может выпасть полтора метра снега. Из остатков соевой пасты сделаем сандвичи. Речной трамвайчик отходит в одиннадцать, и мы можем прокатиться на машине охраны.

— Значит, ты серьезно?

— Конечно, я не шучу с такими вещами. Настоящая поездка за город. Я же рассказывал тебе о путешествии, которое совершил, когда на прошлой неделе находился в охране. Трамвайчик поднимается по Гудзону до Кретона-на-Гудзоне, где

наполняют цистерны. Это занимает два-три часа. Я сам не видел, но говорят, что в парке на мысе Кретон — он вдается в реку — еще сохранилось несколько настоящих деревьев. Если будет достаточно тепло, мы сможем устроить там пикник, а затем возвратимся на трамвайчик. Что скажешь?

— Я скажу, что это невозможно и невероятно, просто чудо. Я ни разу не уезжала так далеко от города. Наверняка до парка несколько десятков километров. Когда мы выйдем?

— Сразу же, как только позавтракаем. Я положил на сковородку овсяные лепешки, можешь их перевернуть, пока они не подгорели.

— На огне от морского угля ничего не может подгореть.

Она подошла к плите и занялась сковородой. Энди не помнил, когда в последний раз видел ее такой улыбающейся и счастливой. Такой, как летом.

— Не будь свиньей и съешь все лепешки, — сказала она. — Я могу взять кукурузное масло — я не зря приберегала его — и испечь овсяные кексы для пикника.

— Сделай их большими и солеными, мы там сможем выпить столько воды, сколько нам захочется.

Энди подвинул Ширли кресло так, чтобы она села спиной к велотренажеру Сола. Не нужно, чтобы сейчас она видела что-нибудь, что напоминало бы о случившемся. Она смеялась, строила планы, и ему не хотелось все это испортить. Это должно быть что-то особенное, они оба были в этом уверены.

Когда они заворачивали сандвичи, в дверь постучали, и Ширли вздрогнула.

— Посыльный... я так и знала! Тебе придется идти на работу...

— Не волнуйся, — улыбнулся Энди. — Грасси не нарушит слова. И, кроме того, так посыльные не стучат. Если я и разбираюсь в каких-то звуках, так это в их «бах-бах-бах».

Ширли вымученно улыбнулась и пошла отпирать дверь, а Энди продолжал заворачивать сандвичи.

— Тэб! — радостно воскликнула она. — Уж тебя-то мы никак не ждали... Входи, мы рады видеть тебя. Это Тэб Филдинг! — крикнула она Энди.

— Доброе утро, мисс Ширли, — флегматично произнес Тэб, оставаясь в коридоре. — Извините, но я не в гости. Сейчас я на работе.

— Что такое? — спросил Энди, выходя в коридор.

— Понимаете, я взялся за ту работу, которую мне предложили, — сказал Тэб. Он был мрачен. — С сентября я служил в

объединенном резерве телохранителей. Случайные работы, задания выдаются нерегулярно, выбирать не приходится. Человек, отказывающийся от задания, сразу же отодвигается в конец списка. А мне нужно семью кормить...

— Что ты хочешь сказать? — спросил Энди.

Он понял, что за спиной Тэба в темноте стоит еще кто-то, и по звуку шагов догадался, что пришедших несколько.

— Не городи чушь, — раздался за спиной Тэба неприятный гнусавый голос. Человек по-прежнему стоял позади Тэба, и его не было видно. — Закон на моей стороне. Я тебе заплатил. Покажи им ордер!

— Теперь, по-моему, я все понимаю, — сказал Энди. — Отойди от двери, Ширли. Входи, Тэб, поговорим.

Тэб шагнул вперед, и человек в коридоре попытался последовать за ним.

— Ты не войдешь туда без меня! — заверещал он.

Но Энди захлопнул дверь у него перед носом.

— Лучше бы вы этого не делали, — покачал головой Тэб. На сжатом кулаке у него был металлический кастет с шипами.

— Успокойся, — сказал Энди. — Я хочу сначала поговорить с тобой с глазу на глаз, узнать, что происходит. У него действительно ордер на вселение, а?

Тэб кивнул, угрюмо поглядывая на дверь.

— О чем вы говорите? — спросила Ширли, с беспокойством глядя на их лица.

Энди ничего не ответил, а Тэб повернулся к ней и сказал:

— Суд выписывает ордер любому, кто может доказать, что ему в самом деле необходимо место для жилья. Обычно их выдают людям с большими семьями, которые вынуждены искать жилье попросторнее. С ордером на вселение можно найти свободную квартиру или комнату, эта бумажка дает правомочие поискам. Могут возникнуть неприятности, — люди не хотят, чтобы к ним въезжали чужие, — поэтому вместе с ордером на вселение им предоставляют и телохранителя. Вот я и пришел с человеком по фамилии Беличер, нанявшим меня. С ним вся семья, они стоят в коридоре.

— Но что ты здесь делаешь? — спросила Ширли, все еще не понимая.

— Этот Беличер — вампир, — с горечью сказал Энди. — Он шатается по моргам, выискивая одиноких людей.

— Можно сказать и так, — ответил Тэб, стараясь говорить

невозмутимо. — К тому же у него большая семья, и ему негде жить. Можно посмотреть на это и так.

Внезапно в дверь заколотили, и снаружи послышался возмущенный голос Беличера. Ширли наконец поняла смысл присутствия Тэба.

— Ты здесь потому, что им помогаешь, — сказала она. — Они узнали, что Сол умер, и хотят занять его комнату.

Тэб молча кивнул.

— Все же выход есть, — сказал Энди. — Если бы здесь жил кто-нибудь из моего участка, эти люди сюда не попали бы.

Стук стал громче, и Тэб отступил на шаг к двери.

— Если бы здесь кто-нибудь жил, все было бы о'кей, но Беличер может обратиться в суд и отсудить эту комнату, потому что у него семья. Я сделаю все, чтобы помочь вам, но Беличер — мой хозяин.

— Не открывай дверь! — приказал Энди. — До тех пор, пока мы не разберемся в этом.

— Я должен... Что я могу поделать? — Тэб выпрямился и сжал кулаки. — Не пытайтесь остановить меня, Энди. Вы полицейский, и вы знаете закон.

— Тэб, как ты можешь? — прошептала Ширли.

Он повернулся к ней, глаза его были грустными.

— Когда-то мы были с вами хорошими друзьями, Ширли. Я это помню. Но мне нужно выполнять свою работу. Я должен их сюда впустить.

— Давай... открывай эту чертову дверь, — с горечью сказал Энди, отвернулся и подошел к окну.

Семья Беличеров ворвалась в комнату. Мистер Беличер был тощий, с головой странной формы, почти без подбородка и достаточно образованный: он сумел написать свою фамилию на бланке заявления в управление социальной помощи. Главой семьи была миссис Беличер. Из-за ее мощной фигуры повыскакивали дети — семеро. Восьмой был на подходе, судя по ее животу. Их было бы одиннадцать, но три маленьких Беличера погибли в результате недосмотра и несчастных случаев. Самая старшая девочка, лет двенадцати, несла на руках покрытого болячками грудного младенца, который отвратительно вонял и непрерывно вопил. Вырвавшись из темного коридора, дети орали как сумасшедшие.

— О, смотри, какой милый холодильничек! — восхищенно сказала миссис Беличер, не успев войти. Она тут же подошла и открыла дверцу.

— Не трогайте... — сказал Энди, а Беличер дернул его за руку.

— Мне нравится эта комната, не очень большая, но миленькая. А что там? — Он направился к открытой двери в перегородке.

— Там моя комната, — сказал Энди, захлопывая дверь у него перед носом. — Не смейте туда входить.

— Не стоит так поступать, — сказал Беличер, быстро отходя бочком в сторону, как пес, которого слишком часто бьют. — У меня есть права. Закон гласит, что с ордером на вселение я могу смотреть все, что захочу. — Энди шагнул к нему, и он опасливо отошел еще дальше. — Я вам верю. Эта комната очень милая, хороший стол, стулья, кровать...

— Эти вещи принадлежат мне. Комната без мебели, к тому же маленькая. Она недостаточно велика для вас и вашей семьи.

— Она большая, все нормально. Мы жили и в комнатах поменьше...

— Энди!.. Останови их! Посмотри!.. — закричала Ширли.

Энди обернулся: двое мальчишек нашли пакеты с травами, которые так заботливо выращивал Сол в своем огородике на окне, и рвали их, думая, что там какая-нибудь еда.

— Положите на место! — заорал он, но они уже попробовали трав и стали отплевываться.

— Язык жжет! — завопил старший и высыпал содержимое пакета на пол.

Глядя на брата, другой стал делать то же самое с остальными пакетами. Энди принялся ловить их, но они уворачивались, и, прежде чем он их остановил, пакеты опустели.

Энди повернулся и увидел, что младший мальчик забрался на стол, оставив на нем грязные следы, и включил телевизор. К крикам детей и бесполезной ругани их матери добавилась музыка. Тэб оттащил назад Беличера, когда тот открывал шкаф, чтобы взглянуть на его содержимое.

— Уберите отсюда детей, — сказал Энди, побелев от ярости.

— У меня есть ордер! У меня права! — заорал Беличер, отбегая назад и показывая квадратную пластинку.

— Мне наплевать на ваши права, — сказал ему Энди и распахнул дверь в коридор. — Мы поговорим о них, когда ваше отродье будет за дверью.

Тэб разрешил проблему, схватив за шиворот ближайшего к нему мальчишку и выбросив его за дверь.

— Мистер Раш прав, — сказал он. — Дети могут подождать в коридоре, пока мы уладим все вопросы.

Миссис Беличер тяжело опустилась на кровать и прикрыла глаза, словно все происходившее не имело к ней никакого отношения. Мистер Беличер отошел к стене, бормоча что-то под нос. Когда последний гаденыш был изгнан из комнаты, в коридоре послышались визг и плач.

Энди огляделся — Ширли ушла в другую комнату. Он услышал, как повернулся ключ в замке.

— Полагаю, все? — спросил он, пристально глядя на Тэба.

Телохранитель беспомощно пожал плечами.

— Извините, Энди, я честен перед Богом. Что я мог поделать? Таков закон, и, если они хотят здесь остаться, вы не можете их выгнать.

— Таков закон, таков закон, — эхом отозвался Беличер.

Энди заставил себя разжать кулаки.

— Помоги мне, пожалуйста, Тэб, перенести эти вещи в другую комнату.

— Конечно, — сказал Тэб и взялся за конец стола. — Попробуйте объяснить Ширли мою роль во всем этом, ладно? Думаю, она поймет, что это работа, которую мне приходится выполнять.

Под ногами захрустели высушенные травы, усеявшие пол, и Энди ничего не ответил.

Глава 10

— Энди, ты должен что-то сделать — эти люди сведут меня с ума! — воскликнула Ширли.

— Успокойся, Ширли, — сказал Энди. Он стоял на стуле, переливая воду из канистры в бачок на стене, и, когда он повернулся, чтобы ответить, вода выплеснулась на пол. — Дай мне закончить, а потом начнем ругаться, хорошо?

— Я не ругаюсь... Я просто говорю то, что чувствую. Послушай.

Все, что происходило за перегородкой, было отчетливо слышно. Плакал грудной ребенок — это, похоже, продолжалось день и ночь. Приходилось затыкать уши ватой, чтобы уснуть. Дети дрались, полностью игнорируя гнусавые жалобы отца. В придачу ко всему кто-то начал стучать чем-то тяжелым по полу. Скоро придут жильцы из нижней квартиры. А это не сулило ничего хорошего. Ширли села на край кровати, крепко сцепив пальцы.

— Ты слышишь? — спросила она. — Это никогда не прекращается. Не знаю, как они могут вот так жить. Тебя не бывает дома, и ты не слышишь самое худшее. Неужели мы не можем их отсюда выгнать? Наверняка же можно что-то сделать.

Энди заполнил бачок и осторожно слез на пол. Они продали кровать Сола и его шкаф, но все остальное стояло здесь, и не было даже метра свободного пространства. Он тяжело опустился в кресло.

— Я пытался, ты же знаешь. Двое полицейских, живущих сейчас в бараках, готовы переехать сюда, если мы сможем выселить Беличеров. Это самое трудное. Закон на их стороне.

— А есть такой закон, что мы должны мириться с подобными людьми? — Она беспомощно ломала себе пальцы, уставившись на перегородку.

— Послушай, Ширли, мы не можем поговорить об этом в другое время? Мне скоро уходить...

— Я хочу поговорить сейчас. Ты откладываешь этот разговор с тех самых пор, как они появились, а скоро уже две недели, и я больше не могу.

— Полно, все не так плохо. Просто шум.

В комнате было очень холодно. Ширли поджала ноги и завернулась в старое одеяло. Под ней заскрипели пружины кровати. В соседней комнате наступила тишина и вдруг взорвалась резким смехом.

— Ты слышишь? — спросила Ширли. — Что у них за мозги? Каждый раз, когда они слышат, как здесь скрипит кровать, они разражаются смехом. У нас нет никакой личной жизни. Эта перегородка тонкая как картонка, они прислушиваются ко всему, что мы делаем, и слышат каждое наше слово. Если они не уйдут... Может, мы уедем?

— Куда? Будь благоразумна, нам еще повезло, что у нас такая огромная комната. Ты же знаешь, сколько людей спят на улице и сколько тел собирают каждое утро.

— Мне все равно. Я беспокоюсь о своей жизни.

— Пожалуйста, не сейчас. — Он поднял голову — лампочка замигала, потускнела, но потом вновь ожила. В окно внезапно застучал град. — Мы сможем поговорить об этом, когда я вернусь. Я ненадолго.

— Нет, я хочу решить все сейчас, ты каждый раз откладываешь этот разговор. Ты не должен сейчас уходить.

Он положил пиджак, пытаясь сохранять самообладание.

— Это может подождать до моего возвращения. Я говорил

тебе, что у нас наконец появилась информация о Билли Чуне: один осведомитель видел, как он покидал Корабельный городок — похоже, навещал свою семью. Информация довольнотаки старая. Это произошло пятнадцать дней назад, но осведомитель подумал, что она неважна, и сообщил нам об этом только сейчас. Полагаю, он надеялся, что мальчишка вернется, но этого не случилось. Мне придется поговорить с его семьей и узнать, что им известно.

— Ты не должен сейчас уходить... Ты же сам сказал, что это произошло давно...

— Какая разница! Лейтенант завтра потребует рапорт. И что я ему скажу? Что ты не захотела, чтобы я уходил?

— Мне все равно, что ты ему скажешь...

— Я это знаю, но мне не все равно. Это моя работа, и я должен ею заниматься.

Они молча смотрели друг на друга, тяжело дыша. Из-за перегородки послышались детский плач и всхлипывания.

— Ширли, я не хочу с тобой ругаться, — сказал Энди. — Я должен уйти — вот и все. Мы можем поговорить об этом позднее, когда я вернусь.

— Если я еще буду здесь, когда ты вернешься. — Она крепко сжала пальцы, лицо у нее побледнело.

— Что ты имеешь в виду?

— Не знаю. Я только знаю, что надо что-то менять. Пожалуйста, давай решим все сейчас...

— Неужели ты не понимаешь, что это невозможно? Мы поговорим, когда я вернусь. — Он отпер дверь и стоял, держась за ручку и стараясь овладеть собой. — Давай не будем ругаться. Я вернусь через несколько часов, и мы обо всем поговорим, ладно?

Она не ответила, и, подождав секунду, он вышел, хлопнув дверью. И сразу ему в нос ударил мерзкий, отвратительный запах чужой комнаты.

— Беличер, — сказал он, — ты выметешься из этой квартиры. Здесь начало вонять.

— Я ничего не могу поделать с дымом, пока не смастерю что-то вроде трубы.

Беличер наморщил нос, держа руки над тлеющим куском морского угля. Он лежал в ступке, наполненной песком, откуда поднимался едкий, маслянистый дым, заполнявший всю комнату. Отверстие в стене для дымовой трубы из плиты, ко-

торое когда-то проделал Сол, было тщательно закрыто куском полиэтилена, раздуваемого ветром.

— Запах дыма здесь приятнее всего, — сказал Энди. — Ваши дети опять использовали комнату в качестве туалета?

— Вы же не прикажете детям спускаться вниз по лестнице посреди ночи, а? — съязвил Беличер.

Энди молча взглянул на кучу тряпья в углу, где согревались миссис Беличер и младшие дети. Двое сыновей занимались чем-то в углу, но они сидели спиной к Энди, и он не видел, чем именно. Маленькая лампочка бросала свет на плинтус, покрытый пылью и грязью, на стены, на которых появились пятна.

— Вам лучше очистить это место, — сказал Энди и захлопнул дверь, прежде чем Беличер успел ответить.

Ширли была права, эти люди были совершенно невозможны, и ему нужно что-то с ними сделать. Но когда? Нужно действовать как можно скорее, она их долго не вынесет. Он был зол на вторгшихся жильцов — и зол на нее. Понятно, все очень плохо, но приходится принимать все таким, какое оно есть. Он по-прежнему работал по двенадцать-четырнадцать часов в день, что намного лучше, чем просто сидеть здесь и слушать, как орут дети.

На улице было темно, ветрено и слякотно. У стен домов и на тротуарах уже намело сугробы. Энди опустил голову и шагал вперед, ненавидя Беличеров и пытаясь не злиться на Ширли.

Сходни и мостки Корабельного городка были покрыты льдом, и Энди осторожно пробирался по ним, пытаясь не поскользнуться и не свалиться в холодную воду. В темноте все корабли были похожи, и он освещал фонариком борта, чтобы разобрать названия. Он озяб и промок, прежде чем добрался до «Колумбии Виктории» и отворил тяжелую стальную дверь, ведущую на нижнюю палубу. Спускаясь вниз по металлической лесенке, он увидел впереди полоску света. Одну из дверей открыл маленький мальчик с кривыми ножками. Похоже, это квартира Чунов.

— Секундочку, — сказал Энди.

Мальчик смотрел на него, ничего не говоря и широко открыв глаза и рот.

— Это квартира Чунов, не так ли? — спросил он, входя.

За дверью он увидел женщину. Это была сестра Билли. Мать сидела в кресле у стены с тем же выражением тупого испуга на лице, что и у дочери. Она прижимала к себе близнецов. Никто не произнес ни звука.

Эти люди действительно «любят» полицию, подумал Энди. Тут он заметил, что они как-то испуганно поглядывают на дверь в конце комнаты. Что их так беспокоит?

Он закрыл дверь в коридор. Возможно ли это?

Однако ночь, когда Билли Чуна видели здесь, была такой же снежной, как и эта, — отличное прикрытие для беглеца. Будет ли у меня наконец выходной?! — подумал Энди. Ту ли ночь он выбрал, чтобы прийти сюда?

Пока он размышлял, дверь в спальню отворилась, и оттуда вышел Билли Чун. Не заметив детектива, он хотел что-то сказать, но его мать и сестра разразились воплями. Он поднял голову и застыл, увидев Энди.

— Ты арестован, — сказал Энди и стал снимать с ремня наручники.

— Нет! — прохрипел Билли и выхватил из-за пояса нож.

Началось светопреставление. Старуха пронзительно визжала, даже не останавливаясь, чтобы перевести дух, а дочь бросилась на Энди, пытаясь выцарапать ему глаза. Она успела исполосовать ему щеку, прежде чем он оттолкнул ее. Сражаясь с этой фурией, он краем глаза следил, как Билли подбирался к нему с длинным сверкающим лезвием в руке.

— Брось нож! — крикнул Энди и прислонился спиной к двери. — Тебе отсюда не выйти. Не создавай себе неприятностей...

Женщина вцепилась в руку Энди. Он оттолкнул ее так, что она упала, и полез за револьвером.

— Стоять! — заорал он и направил дуло в потолок.

Он хотел сделать предупредительный выстрел, но сообразил, что помещение сделано из стали и пуля срикошетирует, а тут две женщины и двое маленьких детей.

— Стоять, Билли, тебе отсюда не уйти! — заорал он, направляя револьвер на мальчишку, подбиравшегося к нему с ножом.

— Выпусти меня, — всхлипнул Билли. — Я тебя убью! Почему вы не оставите меня в покое?

Он не собирается останавливаться, понял Энди. Нож был острый, и Билли умел им пользоваться. Если он хочет неприятностей, он их получит.

Энди прицелился в ногу Билли и нажал курок, как вдруг Билли споткнулся и упал.

Грохот выстрела из револьвера 38-го калибра наполнил комнату, а Билли повалился вперед с пулей в голове. Нож выва-

лился и упал к ногам Энди. После выстрела воцарилась полная тишина, воздух наполнился резким запахом пороха. Никто не шевелился. Энди встал на колено и взял юношу за запястье.

Раздался стук в дверь. Энди толкнул ее рукой, не оборачиваясь.

— Я офицер полиции, — сказал он. — Я хочу, чтобы кто-то немедленно отправился в двенадцатый участок на Двадцать третьей улице и доложил о случившемся. Скажите, что здесь Билли Чун. Он убит.

Пуля в висок, неожиданно подумал Энди. Поражен в ту же самую точку, что и Большой Майк.

Светопреставление продолжалось. Билли был мертв и спокоен. Но вот его мать и сестра... Они подняли страшный крик, а близнецы прижались друг к дружке и всхлипывали. В конце концов Энди выгнал всю семью к соседям напротив и оставался с телом, пока не прибыли с участка Стив Кулозик с каким-то полицейским. Он больше не видел этих двух женщин, да и не хотел этого. Произошел несчастный случай. Если бы мальчишка не упал, он получил бы пулю в ногу, на том бы все и кончилось. Полиции в общем-то наплевать на стрельбу, теперь дело будет закрыто без каких бы то ни было канцелярских проволочек — просто существовали эти две женщины. В общем, пусть они ненавидят его, это его не сильно волновало, к тому же он их больше никогда не увидит. Получилось так, что сын оказался не убийцей, а жертвой, а они думали именно так. Прекрасно. В любом случае дело закрыто.

Энди добрался до дома уже после полуночи. Доставка тела и составление рапорта заняли много времени. Как обычно, Беличеры не заперли дверь в коридор — им наплевать, у них нет ничего ценного, что можно украсть.

В комнате у них было темно, и Энди с фонариком в руке пробирался, переступая через тела и видя открытые глаза. Они не спали, но хоть притихли, даже грудной ребенок. Когда он вставил ключ в замок своей двери, то услышал позади в темноте приглушенное хихиканье. Над чем они могли смеяться?

Отворив дверь в комнату, Энди вспомнил ссору с Ширли и внезапно ощутил страх. Он поднял фонарик, но не стал нажимать на него. Позади снова послышался смех, на этот раз громче.

Луч света скользил по стульям и пустой кровати. Ширли не

было. Это ничего не значило. Она, вероятно, спустилась вниз, в туалет ,— вот и все.

Но, открыв шкаф, Энди увидел, что ее вещи исчезли вместе с ее чемоданами.

Ширли ушла.

Глава 11

— Что вы хотите? — сурово спросил мужчина, стоя в дверях спальни. — Вы же знаете, что мистер Бригз — очень занятой человек. И я занятой человек. И никому из нас не нравится, когда вы звоните и вызываете. Если у вас есть что сказать мистеру Бригзу, приходите и расскажите.

— Я прошу прощения, что побеспокоил вас, — сказал судья Сантини, задыхаясь. Он полулежал на подушках в большой двухспальной кровати, накрытый мягкими одеялами. — Мне бы очень хотелось, но боюсь, что я уже отбегался. По крайней мере так говорит мой доктор, а я плачу ему достаточно, чтобы обращать внимание на его мнение. Когда у человека моего возраста бывает инфаркт, ему приходится следить за собой. Отдых, только отдых. Больше никаких восхождений по лестницам Эмпайр Стейт Билдинга. Я говорю вам вполне откровенно, Шлахтер, что я по ним на самом деле сильно скучать не буду...

— Что вы хотите, Сантини?

— Сообщить некоторую информацию для мистера Бригза. Этот мальчишка Чун найден. Билли Чун, который убил Большого Майка.

— Ну и что?

— А то, что я надеялся, вы вспомните нашу встречу, на которой мы обсуждали этот вопрос. Высказывалось подозрение, что убийца может быть связан с Ником Куоре, что этот мальчишка нанят им. Я в этом сомневаюсь, по-моему, он действовал самостоятельно. И мы никогда не узнаем этого наверняка, потому что он мертв.

— Это все?

— Этого недостаточно? Вы могли бы вспомнить, что мистер Бригз интересовался вероятностью появления Куоре в этом городе.

— Это вообще маловероятно. Куоре в течение недели занимался исключительно захватом Патерсона. Там уже дюжина убитых. Он никогда не интересовался Нью-Йорком.

— Рад слышать. Но я думаю, что в любом случае вам лучше рассказать все мистеру Бригзу. Он интересовался этим, было оказано давление на управление полиции, и с августа этим делом занимался особый человек.

— Круто. Если выдастся возможность, я ему расскажу. Но его это больше не волнует.

Гость ушел. Судья Сантини устало откинулся на подушки. Сегодня вечером он был совершенно измотан, сильнее, чем когда бы то ни было.

Всего две недели до нового года. До нового столетия. Будет забавно писать «две тысячи» вместо «тысяча девятьсот с чем-то», как он делал всю жизнь.

1 января 2000 года. Эта дата казалась какой-то странной. Он позвонил, чтобы пришла Роза и накапала лекарство. Сколько в новом столетии ему суждено прожить? Мысль была невеселой.

В тихой комнате тиканье старомодных часов казалось громким.

Глава 12

— Тебя хочет видеть лейтенант! — крикнул Стив в комнату, где сидели детективы.

Энди в ответ махнул рукой, встал и с удовольствием распрямился, охотно оставляя кипу рапортов, над которыми корпел. Он плохо спал ночью и теперь здорово устал. Сначала этот выстрел в мальчишку, потом уход Ширли — для одной ночи вполне достаточно. Где ее искать? Однако он не мог просить ее вернуться, поскольку Беличеры по-прежнему жили у него. Уже не в первый раз его мысли путешествовали по замкнутому кругу. Что же дальше?

Он постучал в дверь кабинета лейтенанта и вошел.

— Вы хотели меня видеть, сэр?

Лейтенант Грассиоли кивнул, затем проглотил таблетку и поперхнулся водой, которой запивал лекарство. У него начался приступ кашля, и он в изнеможении опустился в потертое вращающееся кресло. Сегодня он выглядел особенно скверно.

— Язва собирается убить меня в ближайшие дни. Слышал, чтоб кто-нибудь умирал от язвы?

На подобные вопросы ответа не было. Энди гадал, почему лейтенант затеял этот разговор. Это было на него непохоже. Обычно он не удосуживался беседовать по душам.

— Наверху не очень-то обрадовались, что ты застрелил этого Чуна, — сказал Грассиоли, роясь в рапортах и папках, которыми был завален его стол.

— Что вы имеете в виду?

— Черт, только то, что у меня недостаточно хлопот с отделом, так я еще должен впутываться в политику. Центральная улица думает, что ты угробил на это дело слишком много времени; у нас на участке с тех пор, как ты начал это дело, две дюжины нераскрытых убийств.

— Но... — Энди был ошарашен, — вы сами мне говорили, что комиссар приказал бросить меня на это дело. Вы говорили, что я должен...

— Неважно, что я говорил, — проворчал Грассиоли. — Комиссара не достать по телефону, по крайней мере мне. Ему глубоко наплевать на убийцу О'Брайена, и никто не интересуется этим мошенником из Джерси Куоре. Более того, помощник комиссара без конца наезжает на меня из-за того, что застрелили Билли Чуна. Все валят на меня.

— Больше похоже на то, что все валят на меня.

— Не перечь мне, Раш. — Лейтенант встал, отпихнул ногой кресло и повернулся спиной к Энди, глядя в окно и барабаня пальцами по раме. — Помощник комиссара — Джордж Чжу, и он думает, что ты хотел отомстить за что-то косоглазым, выследив этого мальчишку и прихлопнув его вместо того, чтобы арестовать.

— Вы сказали ему, что я действовал по приказу, лейтенант? — тихо спросил Энди. — Вы сказали ему, что он был застрелен случайно, ведь это написано в моем рапорте?

— Я ничего ему не говорил. — Грассиоли повернулся к Энди. — Люди, заставившие меня заниматься этим делом, не разговаривают. Мне нечего сказать Чжу. В любом случае он зациклился на расовой проблеме. Если бы я попытался рассказать ему, что произошло на самом деле, я бы только создал лишние неприятности себе и участку — всем. — Он опустился в кресло и потер дергающийся глаз. — Я разговариваю с тобой напрямую, Энди. Я собираюсь свалить ответственность на тебя, пусть будешь виноват ты. Я собираюсь на шесть месяцев снова одеть тебя в форму, пока все не уляжется. В зарплате ты ничего не потеряешь.

— Я не ожидал никакой награды за раскрытие этого дела, — сердито сказал Энди, — или за арест убийцы, но такого я не ожидал. Я могу обратиться в управление?

— Можешь, ты можешь это сделать. — Лейтенант довольно долго молчал — очевидно, ему было не по себе. — Но я прошу тебя этого не делать. Если не ради меня, то ради участка. Я знаю, что это нечестная сделка, но в итоге все будет в полном порядке. Как только смогу, я верну тебя в отдел. И в любом случае ты не будешь заниматься чем-то совершенно незнакомым. Нас всех следовало бы отправить на патрулирование улиц за ту следственную работу, которую мы проводим. — Он со злостью ударил ногой по ножке стола. — Что скажешь?

— Все это воняет дерьмом.

— Знаю, что воняет! — заорал лейтенант. — Но что еще, черт подери, я могу сделать? Думаешь, меньше будет вони, если ты подашь жалобу в управление? У тебя не будет никакого шанса. Тебя выгонят с работы и вообще из полиции, да, вероятно, и меня вместе с тобой. Ты хороший полицейский, Энди, а таких осталось немного. Управлению ты нужен больше, чем оно тебе. Плюнь ты на это. Что скажешь?

Воцарилось долгое молчание, и лейтенант повернулся к окну.

— Ладно, — наконец сказал Энди. — Я сделаю так, как вы хотите, лейтенант.

Он вышел из кабинета без разрешения: ему не хотелось, чтобы лейтенант его благодарил.

Глава 13

— Еще полчаса, и мы окажемся в новом веке, — сказал Стив Кулозик, топая ногами по заледеневшей мостовой. — Я слышал вчера по телевизору какого-то шутника, пытавшегося объяснить, почему новое столетие начнется в следующем году. Но он, должно быть, идиот. Полночь, двухтысячный год, новый век. В этом что-то есть. Посмотри-ка.

Он показал на большой экран, установленный на старом Таймс Билдинге. По экрану бежали строки, написанные трехметровыми буквами:

ДЕСЯТКИ ПОГИБШИХ ИЗ-ЗА РЕЗКОГО ПОХОЛОДАНИЯ НА СРЕДНЕМ ЗАПАДЕ.

— Десятки, — проворчал Стив. — Могу поспорить, что они и не считают. Они знать не хотят, сколько людей умерло.

«СООБЩЕНИЯ О ГОЛОДЕ В РОССИИ НЕ СООТВЕТСТВУЮТ

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ», — заявил Галыгин в президентском обращении к народу утром нового столетия.

СВЕРХЗВУКОВОЙ САМОЛЕТ ВМФ США ПОТЕРПЕЛ АВАРИЮ В САН-ФРАНЦИССКОМ ЗАЛИВЕ.

Энди взглянул на экран, а потом на бурлящую толпу на Таймс-сквер. Он уже привык носить синюю форму, хотя по-прежнему ему было не по себе, когда рядом находился кто-то из отдела.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он Стива.

— То же, что и ты, — нахожусь в распоряжении вашего участка. Они по-прежнему требуют подкрепления, думают, что будут беспорядки.

— Они не правы. Чересчур холодно, да и людей не так уж много.

— Тревожатся не из-за этого, а из-за сумасбродных верующих. Они говорят, что наступает Судный день или черт знает что еще. Они группами собираются по всему городу. Они будут чертовски недовольны, если мир не подойдет в полночь к своему концу, так как, по их мнению, это должно произойти.

— А мы будем еще больше недовольны, если это случится.

Над головами бежали гигантские слова:

КОЛИН ОБЕЩАЕТ БЫСТРО ПОКОНЧИТЬ С ЗАДЕРЖКОЙ ПРИНЯТИЯ ДЕТСКОГО ЗАКОНА.

Толпа медленно колыхалась, люди вытягивали шеи, глядя на экран. Затрубили какие-то трубы, и в гомон толпы вплелись звон колокольчиков и жужжание трещоток. Все оживились, когда на экране появилось время:

23.38 — ВСЕГО 22 МИНУТЫ ДО НОВОГО ГОДА.

— Конец года и конец моей службы, — сказал Стив.

— Ты о чем? — спросил Энди.

— Я ухожу. Я обещал Грасси остаться до первого января и не болтать об этом до самого ухода. Я поступаю в войска штата. Буду охранником в одном из трудовых лагерей. Вновь Кулозик наестся... едва могу дождаться.

— Стив, ты меня разыгрываешь. Ты лет двенадцать служил в полиции. Ты дослужился до детектива второго класса...

— По-твоему, я похож на детектива? — Он легонько постучал дубинкой по бело-синему шлему. — Смотри в лицо фактам. С этим городом все ясно. Здесь нужны дрессировщики, а не полицейские. У меня будет отличная работа, мы с женой станем хорошо питаться, и я уберусь из этого города навсегда. Я здесь родился и вырос, но скажу тебе, что не буду по нему

скучать. В штате нужны опытные полицейские. Они бы взяли тебя моментально. Почему бы тебе не пойти со мной?

— Нет, — ответил Энди.

— Почему ты так быстро отвечаешь? Подумай. Что тебе еще даст этот город, кроме неприятностей? Ты раскрываешь крутое дело, достаешь убийцу, а в награду идешь патрулировать улицу.

— Замолчи, Стив, — без всякой злобы сказал Энди. — Я не знаю, почему я остаюсь, — но я остаюсь. Не думаю, что в штате будет так уж здорово. Я занимаюсь этим, зная, что это такое. Мне просто не хочется пока это бросать.

— Имеешь право, — пожал плечами Стив — это движение почти потерялось в глубинах его толстого пальто и многочисленных шарфах. — Увидимся.

Энди в знак прощания поднял свою дубинку, и его друг стал пробираться сквозь толпу и вскоре исчез из виду.

23. 59 — ОДНА МИНУТА ДО ПОЛУНОЧИ.

Когда слова пробежали по экрану, на их месте появился огромный циферблат, и толпа оживилась и заорала. Громче зазвучали трубы. Энди пробирался сквозь массы людей, заполнявших площадь и давивших на заколоченные окна и витрины. Экран озарял пустые лица и открытые рты мерцающим зеленым свечением, и люди были похожи на утопленников.

Секундная стрелка отсчитывала последние секунды последней минуты года. Конца века.

— Конец света! — завопил какой-то мужчина, перекрывая шум толпы. Изо рта у него брызнула слюна, чуть не попав в лицо Энди. — Конец света!

Энди вытянул руку и ткнул его концом дубинки; мужчина открыл рот и схватился за живот. Удар получился достаточно сильным, чтобы переключиться с конца света на собственные кишки. Те, кто видел, что произошло, стали показывать на мужчину пальцами и смеяться. Их смех тонул в окружающем реве. Затем эти люди вместе с тем мужчиной исчезли из виду, когда толпа колыхнулась вперед.

Торжественный звон церковных колоколов вырвался из репродукторов, установленных на зданиях, окружавших Таймс-сквер.

— С НОВЫМ ГОДОМ! С НОВЫМ ГОДОМ! — закричали тысячи людей. — С НОВЫМ ВЕКОМ!

Трубы, колокольчики и трещотки присоединились к крикам, создавая невнятный гвалт.

Секундная стрелка сделала полный круг, новому веку уже была одна минута, и часы пропали, а на их месте появилась огромная голова президента. Он произносил речь, но из-за непрекращающегося крика и шума толпы ни одного слова из репродукторов слышно не было. Губы президента шевелились, что-то говоря, поднимался в знак предостережения указательный палец.

Энди едва расслышал полицейский свисток на Сорок второй улице. Он стал пробираться на этот звук, распихивая людей плечами и дубинкой. Кого-то толкали в тесном кругу людей. Еще один полицейский, зажав свисток зубами, пробирался с другой стороны, размахивая во все стороны дубинкой. Энди взмахнул своей дубинкой, и толпа перед ним расступилась. На мостовой лежал высокий мужчина, закрыв голову руками.

Лицо президента исчезло с экрана, и снова появилась бегущая строка.

Мужчина на земле был страшно худ и одет в какое-то тряпье. Энди помог ему подняться, и сквозь него взглянули полупрозрачные голубые глаза.

— «И отрет Бог всякую слезу с очей их, — сказал Питер. — И смерти не будет уже, ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет; ибо прежнее прошло. И сказал сидящий на престоле: се, творю все новое».

— Не сейчас, — сказал Энди, поддерживая его под руку. — Идите домой.

— Домой? — заморгал ошарашенный Питер, когда до него дошел смысл слов. — Нет уже дома, и нет света, ибо прошло тысячелетие, и нас всех будут судить. Закончилась тысяча лет, и Христос возвращается во славе на землю.

— Должно быть, вы ошиблись веком, — сказал Энди, поддерживая мужчину под локоть и ведя его сквозь толпу. — Полночь уже прошла, новое столетие началось, и ничего не изменилось.

— Ничего не изменилось?! — заорал Питер. — Это Армагеддон! Он должен начаться!

Он в испуге вырвался из рук Энди и побежал прочь, но, повернувшись, закричал искаженным голосом:

— Все должно кончиться! Может ли мир существовать вот так еще тысячу лет? ВОТ ТАК?!

Их разделили идущие люди, и он исчез из виду.

«Вот так?» — подумал Энди, устало бредя среди расходя-

щейся толпы. Он помотал головой, чтобы избавиться от этой мысли и выпрямился: он на работе.

Теперь, когда всеобщий энтузиазм пропал, люди почувствовали холод, и толпа быстро рассыпалась. Они расходились, пряча лица от ледяного ветра с моря. За углом на Сорок четвертой улице у гостиницы «Астор» охранники освобождали место на мостовой, чтобы ко входу смогли подъехать велотакси с Восьмой авеню. Яркие огни над входом освещали это место, и Энди остановился на углу, когда появились первые гости. Меховые шубы и вечерние платья, смокинги под темными пальто с каракулевыми воротниками. Должно быть, здесь проходил грандиозный праздник. Появились еще гости вместе с охранниками, они стояли в ожидании на тротуаре. Слышались женские голоса, смех и возгласы, поздравления с новым годом.

Энди повернулся, чтобы преградить путь людям, идущим с площади на Сорок четвертую улицу, и увидел Ширли, стоявшую в ожидании велотакси и с кем-то беседовавшую.

Он не заметил, кто с ней был и что на ней было надето, — он видел лишь ее лицо и легкие волосы. Она смеялась, оживленно разговаривая с окружающими. Затем она села в такси, накрылась накидкой и исчезла.

Падал прекрасный белый снег, ветер нес его по тротуарам и по потрескавшейся мостовой Таймс-сквер. На улице остались одинокие прохожие, да и они шли по домам. Оставаться здесь Энди было больше незачем, дежурство закончилось, и он пошел домой. Покачивая дубинкой, висящей на ремешке, он направился в сторону Седьмой авеню. Мерцающий экран отбрасывал свет на его пальто, на искрящийся снег, таявший на рукавах, пока Энди не прошел мимо здания гостиницы и не растворился в темноте.

Экран швырял бегущие буквы на пустую площадь.

СТАТИСТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ СООБЩАЕТ, ЧТО В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ ПОСЛЕДНИЙ ГОД ВЕКА СТАЛ ВЕЛИЧАЙШИМ.

В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ ЖИВУТ 344 МИЛЛИОНА ЧЕЛОВЕК.

С НОВЫМ ВЕКОМ! С НОВЫМ ГОДОМ! С НОВЫМ СЧАСТЬЕМ!

Содержание

ЗВЕЗДЫ — ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

ДОМА. Роман
Перевод с английского Г. Швейника 7

НА КОЛЕСАХ. Роман
Перевод с английского Г. Швейника 155

ВОЗВРАЩЕНИЕ. Роман
Перевод с английского Г. Швейника 303

ЧУМА ИЗ КОСМОСА. Роман
Перевод с английского В. Рыбакова 461

ПОДВИНЬТЕСЬ! ПОДВИНЬТЕСЬ! Роман
Перевод с английского П. Жукова и С. Хренова 605

Гарри

ГАРРИСОН

H. Harrison

ISBN 978-5-699-11850-2

ЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФА